РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 7 (июль) 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: *Издательство "ЮРКОМПАНИ"*

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3830 от 13 декабря 2021 г.)

*Научно-правовой журнал «Российский научный вестник» включён в **Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.*

*Журнал включён в **Science Index**, индексируется в **Google Scholar**, каждой статье присваивается **DOI (Digital Object Identifier)**.*

Выходит один раз в месяц.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Владимир Усанов

Первый заместитель главного редактора:

Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Рыжов

Корректор: **Вера Козлова**

Компьютерная верстка: **Марина Горячева**

Дизайн: **Роман Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис А 802.2. Этаж 8.

Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Для писем: *121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, кв. 57.*

Home page: *www.r.law-books.ru* **E-mail:** *mail@law-books.ru*

WhatsApp: *+7-903-672-55-88* **Многоканальный:** *+8-800-700-45-88*

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Российский научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: ***Усанов Владимир Евгеньевич***,
академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: ***Шайхуллин Марат Селирович***,
доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: ***Рыжов Валерий Борисович***,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алферова Елена Васильевна - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН.

Грудцына Людмила Юрьевна - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Исраелян Валентин Борисович - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова.

Булаков Олег Николаевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России.

Садовникова Галина Дмитриевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Усанов Владимир Евгеньевич - академик РАО, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки

Андреева Любовь Васильевна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Белов Валерий Евгеньевич - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Иванова Светлана Анатольевна - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Стригунова Дина Павловна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Usanov Vladimir Evgenievich**,
Academician of RAO, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State-Legal and Criminal-Legal Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selirovich**,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State-Legal Studies of the Eurasian Research Institute of Legal Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and municipal administration of the Institute of Social and Humanitarian Education of Moscow Pedagogical State University

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences

Alferova Elena Vasilievna - Candidate of Law, Leading Researcher, Head of the Department of Law, INION RAS.

Grudtsina Ludmila Yurievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

Dorskaya Alexandra Andreevna - Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

Israelyan Valentin Borisovich - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkova.

Bulakov Oleg Nikolaevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University of the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia.

Sadovnikova Galina Dmitrievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «O.E. Kutafin Moscow State Law University» (MGUA).

Specialty: 5.1.3 - Private legal (civilistic) sciences

Andreeva Lyubov Vasilievna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Belov Valery Evgenievich - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of the Market Economy of the Higher School of Law Department of the Institute of Public Administration and Management of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Ivanova Svetlana Anatolyevna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation.»

Strigunova Dina Pavlovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, FSBEI HE «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо

Безерра Феликс Валуа Гуара – JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсалоглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Миндагулов Алькен Хайдарович - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. МиколасаРомериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena RosyoKarnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins

VeliyevIsakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof.Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Mindagulov Alken Haydarovich - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University MykolasRomeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.2 - Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Специальность: 5.1.3 - Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.2 - Public-legal (state-legal) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- HUMAN RIGHTS
- NATIONAL SECURITY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTION THEORY
- CONSTITUTIONAL TRIAL

Specialty: 5.1.3 - Private-legal (civilistic) sciences (legal sciences)

- LAW OF OBLIGATION
- CORPORATE LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- ADMINISTRATIVE LAW
- EDUCATION MANAGEMENT

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник»

1. Рецензируемое научное издание – научно-правовой журнал «Российский научный вестник» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.

2. Редакция научно-правового журнала «Российский научный вестник» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию научно-правового журнала «Российский научный вестник» соответствующего запроса.

3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

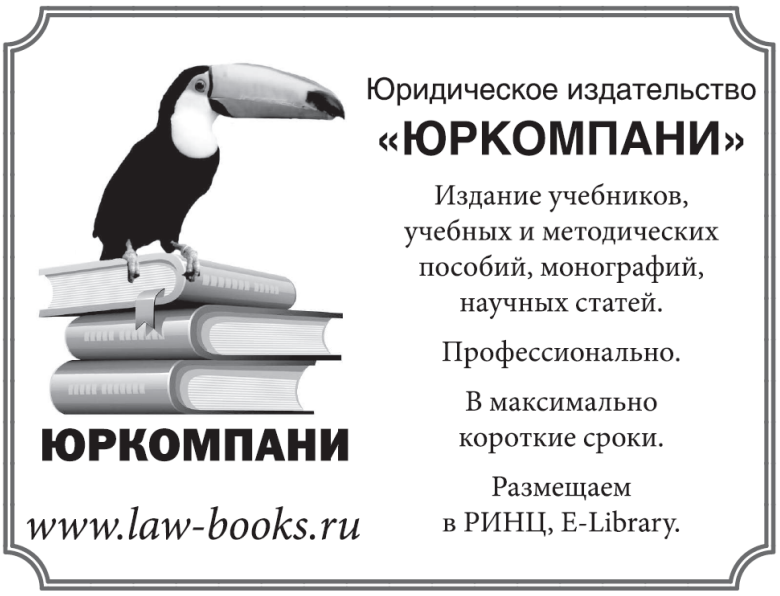
б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки

рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Российский научный вестник» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов). Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней. В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: *mail@law-books.ru* или через форму на Главной странице сайта *«Опубликовать статью РИНЦ»*.

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом). В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC *(Library of Congress)*. Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры). Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

– фамилия и инициалы автора (авторов) – в транслитерации по системе LC (http://translit.ru/?direction=ru&account=lc);

– заглавие статьи / монографии – в транслитерации;

– заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

– название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

– название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

– выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») – в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

– указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], – обязательно!

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата и доктора наук:

– в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание),

– необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков недобросовестного заимствования и недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (компенсационный взнос в этом случае не возвращается).

СОДЕРЖАНИЕ:

РЕЦЕНЗИЯ

Комарова В.В. * Рецензия на монографию «Малофеев К.В. Монархия в XXI веке. М.: Издательство АСТ, 2026. — 367 с. ISBN 978-5-17-183583-5» 21

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Бажанов С.А. * Транснациональные преступные организации 25

Зарубина К.А., Шишкарева Т.Н., Гайджаржи В.А., Каверин К.Р., Выходцева А.В. * Соотношение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации в условиях глобализации 30

Чижиков А.Д., Белобородов М.В. * Контрсанкционные ограничения в закупках и сделках 33

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Иванова С.А. * Правовые перспективы влияния цифровизации на современное общество 41

Рогацевич А.А. * Эффективность судебной защиты прав онлайн-потребителей: проблемы и перспективы 45

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Кожемякин Д.С., Лунёв В.В. * Прокурорский надзор за соблюдением антикоррупционного законодательства 49

Дмитриев Г.Г. * Комплексная активная антинаркотическая профилактика и реабилитация 53

Васильев Р.В. * Экологическая безопасность от пожаров: оценки угроз и методы минимизации последствий 58

Рак И.П., Стрельникова А.А. * Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в России: современное состояние и перспективы развития 63

Зарубина К.А., Шишкарева Т.Н., Гайджаржи В.А., Каверин К.Р., Гусеян Г.О. * Национальные интересы личности, общества и государства в контексте стратегии национальной безопасности Российской Федерации: социолого-правовой анализ 70

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Троян В.И. * Пекинская Конвенция как инструмент унификации частного права: соотношение с Брюссельской Конвенцией 1967 года 84

Зарипов Ш.Р., Камалетдинов Э.С., Таймасов Т.Р., Сайфутдинов В.В., Алгушаев Ф.Н., Роженцев А.А., Роженцев М.А. * Финансово-правовая ответственность в исламских странах 88

Блинов А.Е. * Сравнительно-правовой анализ правового регулирования объединений юридических лиц с участием банков в России и США 94

Игнатов А.А. * Значение недобросовестности для эстоппеля в английском праве 97

Бажанов С.А. * Выдворение осужденного иностранного гражданина: наказание, мера безопасности или административно-правовое последствие? 101

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Булаков О.Н. * Понятие и основные черты гражданства в Конституции России 110

Барикаева А.Ф. * К вопросу о понятии и содержании правового механизма формирования экономических основ местного самоуправления в Российской Федерации 119

Патюлин Г.С. * Принцип доверия и государственный суверенитет в современном государствоведении: теория и конституционная практика 127

Полякова Я.Н. * Прошлое и настоящее вопроса патриотизма в России 134

Тарасов А.П. * Уведомительный порядок проведения мирных собраний 138

Грудцына Л.Ю. * Принципы гражданства в Конституции России: теоретико-правовой аспект 143

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Гусейнова Л.В., Абдулгалимов К.М. * Искусственное дробление закупки для государственных или муниципальных нужд в обход конкурентных процедур 152

Федотов А.С. * Трансформация института права собственности в экономике совместного потребления 155

Красноперова Е.А. * Перспективы модернизации аграрного сектора и его влияние на сельские регионы 159

Грехова К.Я., Баранов А.Д. * К вопросу о совершенствовании антикоррупционного законодательства Российской Федерации 164

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дегтярев Д.Д. * Цифровое правосудие в зарубежных странах: концептуальные трансформации и практические реализации 169

Зарубина М.Н. * Системный анализ правил передачи дела по подсудности в цивилистическом процессе 175

Чижиков А.Д., Белобородов М.В. * Статья 248.1 АПК: споры с подсанкционными лицами 181

Ермаков А.П. * Экономические и организационные проблемы доступа к правосудию в арбитражном процессе 189

Воронцова И.В., Сапрыкина А.А. * Проблемы взаимодействия национальных арбитражных судов и международного коммерческого арбитража 197

Адабашев Т.К. * Проблемы избрания надлежащего способа восстановления нарушенного права при рассмотрении арбитражными судами дел в порядке главы 24 АПК РФ 202

Буданова Л.Ю. * Особенности рассмотрения судом гражданских дел с участием осужденных 209

Нурбалаева А.М., Хурдаев К.Н. * Доступность апелляционного правосудия в цивилистическом процессе в условиях изменения налогового законодательства 212

Нурбалаева А.М., Курамагомедова З.М. * Ответственность арбитражного управляющего: когда и как реально взыскать убытки 215

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Стребков М.И. * Условное депонирование цифрового рубля: проблемы и перспективы 221

Салех В.Х. * Совершенствование российского законодательства в связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий 225

Прысь Е.В., Нечаева Т.Г., Богданов М.Н. * Организационно-правовые основы противодействия незаконной мобильной связи и использованию беспилотных летательных аппаратов в учреждениях уголовно-исполнительной системы 237

Свищев И.Д. * Добросовестность должника в процедуре банкротства граждан: критерии оценки и проблемы правоприменительной практики 245

Вольнов А.С., Провоторов М.В., Далинин А.В. * Институциональные коллизии антимонопольного регулирования в эпоху цифровой трансформации 251

Гусейнова Л.В., Абдулгалимов К.М. * Заключение договора для государственных или муниципальных нужд в обход конкурентных процедур 257

Максимов Д.С. * Антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой аспект 262

Шомахов А.Р. * Субъекты прав на видеоигру как сложный объект интеллектуальных прав 269

Шерашенкова Е.А., Федоскин Н.Н. * Системные недостатки института ответственности за экологические правонарушения и проблемы правоприменительной практики 275

Нассер Н.Х. * Служебные изобретения как синтезная конструкция трудового и гражданского права: специфика договорного регулирования 281

Примак В.Г., Бегичева Е.В. * К вопросу о правовом регулировании внесудебных ограничений в интернет-пространстве 287

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Полякова Я.Н. * Модели толерантности 294

Кашкина Е.В., Рудаев С.А. * Методы и организация самовоспитания несовершеннолетних осужденных 299

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Коблов Ф.Ч., Хахук А.А., Яковенко В.С. * О некотором опыте использования деловой игры в процессе обучения сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД РФ 306

Фиалковская Е.В. * Проблема управления общением несовершеннолетних осужденных 311

Кулешов Д.А. * Угроза «harvest now, decrypt later» и правовые механизмы защиты персональных данных в условиях развития квантовых вычислений 317

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Братухина Е.В. * Правовая неопределенность института принятия наследства: доктринальные и правоприменительные аспекты 326

Закиматов М.А. * Интеллектуальная собственность в Гражданском кодексе Российской Федерации: институт без определения 332

Афанасьев А.С. * Критерии разграничения трудового договора и гражданско-правового договора с самозанятым: частноправовой аспект и зарубежный опыт 338

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Соболев Н.Г. * Детерминанты рецидивной преступности у осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима: комплексный анализ проблемы 345

Радченко Е.П., Бажанов С.А. * К вопросу об оценке риска рецидива при условно-досрочном освобождении: вызовы и перспективы 348

Майстренко Г.А. * Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, как преступление против общественной нравственности 353

Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * Осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима 357

Царькова Е.Г. * Правовые аспекты применения искусственного интеллекта в служебной деятельности сотрудников ФСИН России 363

Акапьев В.Л., Ковалева Е.Г., Борисенко А.В., Матросова Л.Д. * Проблема правового регулирования и профилактика мошенничества с использованием методов социальной инженерии и дипфейк-технологий 369

Бейсембаева Н.А. * Полномочия прокурора при расследовании преступлений в форме дознания органов внутренних дел в Российской Федерации: вопросы теории и практики 379

Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Воспитание несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях: к вопросу о международных стандартах 389

Дмитриев Г.Г. * Основные теоретические подходы к исследованию проблем формирования деструктивного поведения 396

Кашкина Е.В. * Уровень личностной толерантности как улучшение социально-психологического климата в коллективе сотрудников ИУ 403

Лукашенко Д.В., Вилкова А.В. * Эмоциональные состояния сотрудников УИС, заступающих на службу с оружием 410

Исаева Е.Д. * Трансформация следственной деятельности под воздействием цифровизации и технологий искусственного интеллекта: возможности, риски и правовые перспективы 416

Соболев Н.Г. * Формирование криминальной идентичности у несовершеннолетних под влиянием первого пенитенциарного опыта: социально-психологический анализ 421

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Опарин Д.Е. * Особенности обеспечения безопасности при дорожно-транспортных происшествиях с участием электромобилей 424

Васильева Н.В. * Эффективность административной ответственности и смежных мер принуждения при неуплате алиментов (ст. 5.35.1 КоАП РФ): теория и практика 431

Новосёлов А.Н. * Проблемы привлечения к административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами 436

Гендеев Э.Н. * О некоторых вопросах ответственности сотрудников полиции при реализации ими полномочий по делам об административных правонарушениях 443

Ларчев Д.В. * Административная ответственность за нарушение требований в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд 447

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Зарипов Ш.Р., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р., Буранбаев Р.А., Прокофьева Д.Д., Сайфутдинов В.В. * Страховое право в исламских странах 453

Макаров Д.Р. * Смарт-контроллинг в финансово-бюджетной сфере: зарубежный опыт 461

Шарапова Н.В., Расулов Б.Б., Шарапова В.М., Рахманов А.Д., Бухарова Д.Х. * Нормативное регулирование и принципы формирования бухгалтерского баланса в России и Республике Узбекистан 466

Чуб А.О., Яценко В.В. * Статус женщин как правовая ценность в международном и национальном регулировании 474

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Летута Т.В., Кузнецова Д.Е. * Правовое просвещение в современной России: правовые основы и формы просветительской деятельности 480

Букина Н.Н., Иващенко А.С. * К вопросу об основах нравственного воспитания студентов вузов в контексте традиционных российских ценностей: теоретико-правовой и педагогический аспекты 486

Никуличева И.В., Киричек Е.Ю. * Социально-гуманитарные науки как фактор формирования ценностных ориентиров сотрудников Госавтоинспекции 491

ИННОВАЦИИ В МИРЕ

Юганова Д.В. * Сравнительный анализ удовлетворенности потребителей онлайн-курсов ДПО в возрасте 18–24 лет на основе значимости атрибутов 495

Вагабов И.М., Агаев А.У., Дибраев А.Д. * Правовые меры борьбы с распространением социально значимых заболеваний 501

Олейников О.В., Дрогин Е.В., Паршин Д.С. * Актуальные проблемы правового регулирования киберпространства в условиях глобальной неопределенности 504

Искра О.С. * Роль социокультурных проектов в формировании идентичности территории 509

Провоторов М.В., Вольнов А.С., Далинин А.В. * Цифровая трансформация саморегулируемых организаций в сфере строительства 515

Крючкова Д.С. * Противоречение между риском тугоухости и неспецифическими эффектами шума у машиниста тепловоза 521

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ

Швырев Б.А., Тищенко Ю.Ю. * Изучение кибератак и формирование иммерсионной образовательной среды 526

Зарубина Е.В., Горбунова О.С., Кошеленко Л.В., Петрова И.И., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. * Педагогическая система К.Д. Ушинского 531

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Абдуллаев Р.А. оглы * Договор как механизм частноправовой организации торгового оборота в Османской Империи 538

CONTENTS:

REVIEW

Komarova V.V. * Review of the monograph “K.V. Malofeev. Monarchy in the 21st Century. Moscow: AST Publishing House, 2026. — 367 pages. ISBN 978-5-17-183583-5” 21

POLICY AND LAW

Bazhanov S.A. * Transnational criminal organizations 25

Zarubina K.A., Shishkareva T.N., Gaidarzhi V.A., Kaverin K.R., Vykhodtseva A.V. * Correlation of national interests and strategic national priorities of the Russian Federation in the context of globalization 30

Chizhikov A.D., Beloborodov M.V. * Counter-sanction restrictions in procurement and transactions 33

HUMAN RIGHTS

Ivanova S.A. * Legal perspectives of the impact of digitalization on modern society 41

Rogatsevich A.A. * Effectiveness of judicial protection of online consumers’ rights: problems and prospects 45

NATIONAL SECURITY

Kozhemyakin D.S., Lunev V.V. * Prosecutorial supervision over compliance with anti- corruption legislation 49

Dmitriev G.G. * Comprehensive active anti-drug prevention and rehabilitation 53

Vasiliev R.V. * Environmental safety from fires: threat assessments and mitigation methods 58

Rak I.P., Strelnikova A.A. * Legal regulation of the use of artificial intelligence in Russia: current state and development prospects 63

Zarubina K.A., Shishkareva T.N., Gaidarzhi V.A., Kaverin K.R., Guseyan G.O. * National interests of the individual, society and the state in the context of the national security strategy of the Russian Federation: sociological and legal analysis 70

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

Troyan V.I. * The Beijing Convention as an instrument for the unification of the private law: relationship with the Brussels Convention of 1967 84

Zaripov Sh.R., Kamaletdinov E.S., Taymasov T.R., Sayfutdinov V.V., Algushaev F.N., Rozhentsev A.A., Rozhentsev M.A. * Financial and legal responsibility in islamic countriesм 88

Blinov A.E. * Comparative legal analysis of the legal regulation of associations of legal entities involving banks in Russia and The United States 94

Ignatov A.A. * The role of unconscionability in estoppel under english law 97

Bazhanov S.A. * Expulsion of a convicted foreign citizen: punishment, security measure or administrative-legal consequence? 101

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW

Bulakov O.N. * The concept and main features of citizenship in the Constitution of Russia 110

Barikaeva A.F. * On the concept and content of the legal mechanism for forming the economic foundations of local self-government in the Russian Federation 119

Patyulin G.S. * The principle of trust and state sovereignty in modern state studies: theory and constitutional practice 127

Polyakova Ya.N. * Past and present issues of patriotism in Russia 134

Tarasov A.P. * Notification procedure for peaceful assemblies 138

Grudtsyna L.Yu. * Principles of citizenship in the constitution of Russia: legal aspect 143

LAW AND ECONOMICS

Guseynova L.V., Abdulgalimov K.M. * Artificial fragmentation of procurement for state or municipal needs, bypassing competitive procedures 152

Fedotov A.S. * The transformation of the institution of property rights in the sharing economy 155

Krasnoperova E.A. * Prospects for modernization of the agricultural sector and its impact on rural regions 159

Grekhova K.Ja., Baranov A.D. * On improving anti-corruption legislation in the Russian Federation 164

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Degtyarev D.D. * Digital justice in foreign countries: conceptual transformations and practical implementations 169

Zarubina M.N. * Systemic analysis of the rules for transferring cases to jurisdiction in the civilian process . . 175

Chizhikov A.D., Beloborodov M.V. * Counter-sanction restrictions in procurement and transactions 181

Ermakov A.P. * Economic and organizational problems of access to justice in arbitrazh proceedings 189

Vorontsova I.V., Saprikina A.A. * Problems of interaction between national arbitration courts and international commercial arbitration 197

Adabashev T.K. * Problems of choosing an appropriate method of restoring a violated right when arbitration courts consider cases in the order of chapter 24 of the APK Russian Federation 202

Budanova L.Yu. * Peculiarities of consideration by the court of civil cases involving convicts 209

Nurbalayeva A.M., Khurdaev K.N. * Access to appellate justice in civil proceedings in the context of changes in tax legislation 212

Nurbalaeva A.M., Kuramagomedova Z.M. * Liability of the arbitration manager: when and how to recover damages 215

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Strebkov M.I. * Escrowship of the digital ruble: problems and prospects 221

Salekh V.Kh. * Improvement of russian legislation in connection with the development of assisted reproductive technologies 225

Prys E.V., Nechaeva T.G., Bogdanov M.N. * Organizational and legal foundations for countering illegal mobile communication and the use of unmanned aerial vehicles in institutions of the penal system 237

Svishchev I. * Debtor's good faith in personal bankruptcy proceedings: assessment criteria and problems of law enforcement practice 245

Volnov A.S., Provotorov M.V., Dalinin A.V. * Institutional conflicts of anti-trust regulation in the era of digital transformation 251

Guseynova L.V., Abdulgalimov K.M. * Conclusion of a contract for state or municipal needs bypassing competitive procedures 257

Maksimov D.S. * Antimonopoly intellectual property immunities: comparative legal aspect 262

Shomakhov A.R. * Subjects of video game rights as a complex object of intellectual rights 269

Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. * Systemic shortcomings of the institute of responsibility for environmental offenses and problems of law enforcement practice 275

Nasser N.H. * Employee inventions as a synthetic construction of labor and civil law: features of contractual regulation 281

Primak V.G., Begicheva E.V. * On the issue of the legal regulation of extrajudicial restrictions in the internet space 287

PROBLEMS OF LEGAL THEORY

Polyakova Ya.N. * Tolerance models 294

Kashkina E.V., Rudaev S.A. * Methods and organization of self-education of juvenile convicts 299

CONTROL THEORY

Koblov F.Ch., Hahuk A.A., Yakovenko V.S. * On some experience of using a business game in the training process for employees who have been first hired by the Russian interior ministry 306

Fialkovskaya E.V. * Problem of managing communication between juvenile convicts 311

Kuleshov D.A. * The «harvest now, decrypt later» threat and legal mechanisms for personal data protection in the era of quantum computing 317

CIVIL AND BUSINESS LAW

Bratukhina E.V. * Legal uncertainty of the institution of inheritance acceptance: doctrinal and law enforcement aspects 326

Zakimatov M.A. * Intellectual property in the civil code of the Russian Federation: an institution without definition 332

Afanasiev A.S. * Criteria for distinguishing between an employment contract and a civil-law contract with a self-employed person: private-law aspects and foreign experience 338

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Sobolev N.G. * Determinants of recidivism among convicts serving sentences in penal institutions of strict regime: a comprehensive analysis of the problem 345

Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * On the issue of assessing the risk of recidivism in partial exemption: challenges and prospects 348

Maistrenko G.A. * Illegal manufacturing and trafficking pornographic materials or objects as a crime against public morality 353

Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * Convicts serving sentences in maximum security correctional facilities . . . 357

Tsarkova E.G. * Legal aspects of the use of artificial intelligence in the official duties of employees of the federal penitentiary service of Russia 363

Akapyev V.L., Kovaleva E.G., Borisenko A.V., Matrosova L.D. * The problem of legal regulation and fraud prevention using social engineering methods and deepfake technologies 369

Beisembaeva N.A. * Powers of the prosecutor in the investigation of crimes in the form of inquiry of internal affairs bodies in the Russian Federation: questions of theory and practice 379

Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Education of juvenile convicts in penitentiary institutions: on the issue of international standards 383

Dmitriev G.G. * Basic theoretical approaches to the study of problems of the formation of destructive behavior 396

Kashkina E.V. * The level of personal tolerance as an improvement of the socio-psychological climate in the staff of UL employees 403

Lukashenko D.V., Vilkova A.V. * Emotional states of WIS employees entering service with weapons 410

Isaeva E.D. * Transformation of investigation activities under the impact of digitalization and artificial intelligence technologies: opportunities, risks, and legal prospects 416

Sobolev N.G. * Formation of criminal identity in juvenile offenders under the influence of first penitentiary experience: a socio-psychological analysis 421

ADMINISTRATIVE LAW

Oparin D.E. * Safety features in road accidents involving electric vehicles 424

Vasilieva N.V. * The effectiveness of administrative liability for failure to pay child support or support for disabled parents (article 5.35.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation): theoretical and applied aspects 431

Novosyolov A.N. * Problems of bringing to administrative responsibility in the management of apartment buildings 436

Gendeev E.N. * De quibusdam quaestionibus officiorum officiorum vigilum in exercitio potestatum suarum in delictis administrativis 443

Larchev D.V. * Administrative liability for violation of requirements in the field of procurement of goods, works, services for state needs 447

INTERNATIONAL LAW

Zaripov Sh.R., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R., Buranbaev R.A., Prokofieva D.D., Sayfutdinov V.V. * Insurance law in islamic countries 453

Makarov D.R. * Smart controlling in the financial and budgetary sphere: foreign experience 461

Sharapova N.V., Rasulov B.B., Sharapova V.M., Rakhmanov A.D., Bukharova D.Kh. * Regulatory framework and principles of accounting statement formation in Russia and the Republic of Uzbekistan 466

Chub A.O., Yatsenko V.V. * The status of women as a legal value in international and national regulation . . . 474

EDUCATION MANAGEMENT

Letuta T.V., Kuznetsova D.E. * Legal enlightement in modern Russia: legal bases and forms of enlightement activity 480

Bukina N.N., Ivashchenko A.S. * On the question of the fundamentals of moral education of university students in the context of traditional russian values: theoretical-legal and pedagogical aspects 486

Nikulicheva I.V., Kirichek E.Yu. * Social and humanitarian sciences as a factor in the formation of values of state automobile inspector employees 491

INNOVATION IN THE WORLD

Yuganova D.V. * A comparative analysis of consumer satisfaction of online courses for continuing education aged 18–24 based on the importance of attributes 495

Vagabov I.M., Agaev A.U., Dibraev A.D. * Legal measures to combat the spread of socially significant diseases 501

Oleynikov O.V., Drogin E.V., Parshin D.S. * Current problems of legal regulation of cyberspace in the conditions of global uncertainty 504

Iskra O.S. * The role of sociocultural projects in shaping territorial identity 509

Provotorov M.V., Volnov A.S., Dalinin A.V. * Digital transformation of self-regulatory organizations in the construction sector 515

Kryuchkova D.S. * Contradiction between the risk of hearing loss and non-specific noise effects in diesel trail drivers 521

EDUCATION IN RUSSIA AND THE WORLD

Shvyrev B.A., Tishchenko Yu.Yu. * Studying cyberattacks and creating an immersive educational environment 526

Zarubina E.V., Gorbunova O.S., Koshelenko L.V., Petrova I.I., Simachkova N.N., Chupina I.P. * K.D. Ushinsky's pedagogical system 531

LEGAL ARCHIVE

Abdullaev R.A. oglu * Contract as a mechanism of private-law organization of trade in the Ottoman Empire 538

- РЕЦЕНЗИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-21-24

КОМАРОВА Валентина Викторовна,
профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и муниципального
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
e-mail: mail@law-books.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «МАЛОФЕЕВ К.В. МОНАРХИЯ В XXI ВЕКЕ. М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ, 2026. — 367 С. ISBN 978-5-17-183583-5»

Аннотация. *Монархические институты прошли длительный процесс политико-правовой эволюции и под воздействием развития общества подверглись серьезной модернизации, что позволило появиться современным их модификациям. Обозначенные в рецензируемой монографии основные особенности современных монархий, в значительной степени отличающиеся от их исторических прототипов, предложенные авторские перспективы их дальнейшей модернизации и убеждение автора в том, что монархическая система власти не изжила себя, наоборот, адаптировалась к изменившимся условиям, модернизировалась и приобрела в процессе эволюции новые, особенные черты, обеспечивающие устойчивость политической системы в условиях глобальной правовой трансформации, встраиваемость институциональных парадоксов в монархическую парадигму управления, по убеждению рецензента, представляет задел для будущих исследований.*

Ключевые слова: *монархия, форма правления, типология монархии, статус монарха, парламентская форма правления.*

KOMAROVA Valentina Viktorovna,
Professor, Doctor of Law,
Professor, Department of Constitutional and Municipal Law,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

REVIEW OF THE MONOGRAPH "K.V. MALOFEEV. MONARCHY IN THE 21ST CENTURY. MOSCOW: AST PUBLISHING HOUSE, 2026. — 367 PAGES. ISBN 978-5-17-183583-5"

Annotation. *Monarchical institutions went through a long process of political and legal evolution and, under the influence of the development of society, underwent serious modernization, which allowed their modern modifications to appear. The main features of modern monarchies identified in the peer-reviewed monograph, largely different from their historical prototypes, proposed author's prospects for their further modernization and the author's conviction that that the monarchical system of power has not outlived its usefulness, on the contrary, has adapted to the changed conditions, modernized and acquired in the process of evolution new, special features that ensure the stability of the political system in the context of global legal transformation, the embeddability of institutional paradoxes in the monarchical management paradigm, according to the reviewer, represents a groundwork for future research.*

Key words: *monarchy, form of government, typology of monarchy, status of monarch, parliamentary form of government.*

Сравнительно-правовой анализ институциональных видов и моделей монархий, их механизмов в условиях глобальной трансформации современных государств и общественного развития, технологических возможностей властвования, представляется актуальным и оправданным. Заслугой автора монографии, по мнению рецензента, является постановка более масштабного вопроса: не только традиционного для конституционного права зарубежных стран о форме правления, генезис и типология монархии как формы правления и ее текущее конституционно-правовое регулирование, но и относительно нового аспекта: соотношение феномена монархии с таким элементом формы государства, как государственный (политический) режим, что позволило автору исследовать диалектику взаимопроникновения республики и монархии друг в друга, сформулировать авторское виден е тенденции и перспективы развития монархической формы правления.

Автор рецензируемой монографии скрупулёзно исследовал имеющиеся на сегодняшний день в мире монархии (Глава 2. Монархические государства современности), в единообразном ключе: он проводит анализ по определенным им критериям:

1. Источник власти монарха.
2. Текст присяги монарха.
3. Статус монарха и его отношение к религиозным институтам.
4. Порядок престолонаследия.
5. Объем прав и полномочий монарха по отношению к законодательной власти.
6. Объем прав и полномочий монарха по отношению к исполнительной власти.
7. Особенности и интересные факты.
8. Типология монархии.

В совокупности это, безусловно, повлияло на полноту исследования и аргументированность авторских выводов.

Отметим стиль изложения как научный, совмещающий в себе как социологическо-политологический, так и юридический, и логику раскрытия избранной для монографии темы на основе действующих нормативных правовых актах современных монархий и фактах общественной и государственной жизни.

В первой главе «Генезис монархической формы правления» исследуются исторические предпосылки появления монархии, особое внимание уделяется сословной, абсолютной, дуалистической и парламентской монархиям.

Вторая глава «Монархические государства современности» посвящена анализу современного состояния нормативного регулирования абсолютных монархий (Государство Бруней-Даруссалам, Государство Город Ватикан, Государство Катар, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Султанат Оман, Королевство Саудовская Аравия) (§ 1. Стр. 63-116); дуалистических монархий (Королевство Бахрейн, Иорданское Хашимитское Королевство, Княжество Монако, Королевство Эсватини, Государство Кувейт, Княжество Лихтенштейн, Королевство Марокко, Королевство Тонга) (§ 2. Стр. 116-185); парламентских монархий (Княжество Андорра, Королевство Бельгия, Королевство Бутан, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Королевство Дания, Королевство Испания, Королевство Камбоджа, Королевство Лесото, Великое Герцогство Люксембург, Федерация Малайзии, Королевство Нидерландов, Королевство Норвегия, Королевство Таиланд, Королевство Швеция, Япония) (§ 3. Стр.185-294)

Тенденции развития монархической формы правления В XXI веке посвящена третья глава монографии, где автор анализирует системный кризис парламентаризма (§ 1. Стр. 291-309) и укрепление автократизма в современном мире (§ 2. Стр. 309-323).

В качестве «Приложение» автор предлагает таблицу «Типология монархий»: абсолютной, дуалистической и парламентской монархиям, где предлагаются выдержки по двум критериям «Объем прав и полномочий монарха по отношению к законодательной власти» и «Объем прав и полномочий монарха по отношению к исполнительной власти».

Как и принято, в рецензируемой монографии выделены предисловие и заключение, а также список правовых актов и литературы.

Очевидной заслугой автора является инкорпорирование в Российскую науку конституционного права переводных зарубежных источников, часть из которых отсутствуют в опубликованном виде на русском языке.

Между тем, учитывая значимость избранной тематики, правомерно ожидать от автора опубликования на русском языке использованных для раскрытия темы рецензируемой монографии зарубежных источников в рамках избранной темы. Ещё одним пожеланием автору, или, если хотите критикой, может быть следующее. По мнению рецензента, на таком богатом фактическом напрашивается более глубокий доктринальный анализ, ожидаются существенные теоретические выводы, чем это представлено в первой главе рецензируемой монографии (Глава 1. Генезис монархической формы правления, стр.10-63) и в последующих, посвященных отдельным группам по избранной автором классификации.

Автор определил объект изучения рецензируемой научной работы, исключив 14 так называ-

емых королевства Британского Содружества наций (за исключением Великобритании), поскольку они, по мнению автора монографии, являются монархиями исключительно номинально; Канаду, официально являющейся по форме правления конституционной монархией с королем Великобритании во главе. По мнению автора монографии «фактически же Канада — демократическое государство, независимое от Соединенного Королевства» (стр. 315). Вероятно, автору надо было бы озвучить критерии, которые он использовал для выбора объекта исследования, с помощью каких критериев были определены заявленные им на указанной странице «номинальное» и «фактическое» состояние государств.

Очевидно, что это может быть для автора программой на будущее для исследования избранной тематики.

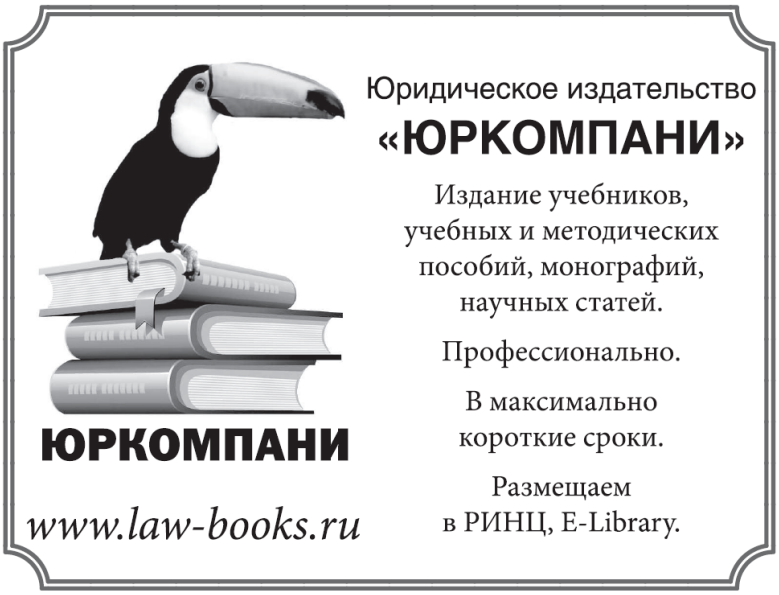
В финальной части монографии, в третьей главе «Тенденции развития монархической формы правления В XXI веке» (с. 290-323. § 1. Системный кризис парламентаризма; § 2. Укрепление автократизма в современном мире), посвященной росту автократизма, автор указывает на «…закат и структурный кризис представительной демократии и укрепление автократизма» (стр. 324), на кризис представительной демократии «глобальной тенденцией государственного развития в XXI веке следует считать структурный кризис и закат представительной демократии как в республиках, так и в парламентских монархиях» (стр. 309); на то, что парламент очень активно уступает свою власть и значимость в публично-правовой сфере правительству и судам, как более оперативным и более профессиональным, одновременно менее популистским институтом власти: «тенденция уменьшения роли парламента в государственном механизме при возрастающем значении либо правительства (в парламентских формах правления), либо главы государства (в монархиях, а также президентских и смешанных республиках)» (стр. 309 и др.).

В третьей главе автор между строк формулирует позицию о том, что в общем-то непосредственной демократией вполне можно заменить парламент, как ненужный сегодня «прослоечный» институт: «…когда речь идет о наиболее значимых вопросах, главы государств могут прибегнуть к всенародному голосованию, преодолевая мнение парламента.» (стр. 308). В современных условиях технологического обеспечения государственной жизни и властвования, по мнению автора, гораздо проще обратиться к прямой легитимации принимаемых государственных решений, то есть спросить непосредственно у народа. То, что именно институты прямой демократии обеспечивают максимальную легитимность принятых решений, очевидно и бесспорно. Однако, именно благодаря цифровизации, помимо усиления положительных черт, аналогично усиливаются и риски, связанные с изъянами прямой демократии: ее стихийности, не профессионализму, и самое главное - подверженности манипуляциям.

Как любой увлечённый исследователь, глубоко погружённый в тему, автор рецензируемой монографии, по нашему мнению, преувеличивает исследуемый институт. Аргументируется авторская позиция о том, что «в XXI веке монархия стала наиболее стабильной формой правления» (стр. 323); «Монарх, олицетворяя общенациональные идеалы и ценности и действуя в интересах всего общества независимо от политических разногласий, призван учитывать потребности и мнение всех своих подданных» (стр. 319); современные монархии выглядят непоколебимым символом политической стабильности и рациональности, более устойчивы к современным негативным вызовам и др. Автор формулирует тенденции по автократизации демократий, которые, по его мнению, непосредственно проистекают из несоответствия республиканской формы правления как таковой вызовам сегодняшнего дня (стр. 322). Авторская позиция о перспективах монархий, предложенные сценарии, каждый из которых может быть реализован при стечении тех или иных обстоятельств (стр. 326-327) вполне реальна. Однако, подразумеваемая автором идеальная модель: «правитель в единстве с народом», в общем-то, с одной стороны, выглядит привлекательно, но с другой стороны, в силу очевидных рисков, эта модель может оказаться в определённых обстоятельствах весьма опасной. Доступность электронной демократии, которая в нашей стране доведена практически до высшей степени совершенства, тем не менее в странах «старой демократии» не обладает такими масштабами - вероятно, политические силы в этом не заинтересованы.

В связи с этим предлагаемое автором рецензируемые монографии модель — идеальная модель, как возможная программа развития исследуемого института на будущее, весьма возможно, не на ближайшее будущее, учитывая соотношение количества монархий к существующему сегодня количеству государств в мире, даже если учитывать достаточно иллюзорную возможность обозначенной автором трансформации республик. Тем не менее, рецензент согласен с автором рецензируемого научного труда: монархия и демократия вполне способны мирно сосуществовать в рамках одного государства.

Монархические институты прошли длительный процесс политико-правовой эволюции и под воздействием развития общества подверглись серьезной модернизации, что позволило появиться современным их модификациям. Обозначенные в рецензируемой монографии основные особенности современных монархий, в значительной степени отличающиеся от их исторических прототипов, предложенные авторские перспективы их дальнейшей модернизации и убеждение автора в том, что монархическая система власти не изжила себя, наоборот, адаптировалась к изменившимся условиям, модернизировалась и приобрела в процессе эволюции новые, особенные черты, обеспечивающие устойчивость политической системы в условиях глобальной правовой трансформации, встраиваемость институциональных парадоксов в монархическую парадигму управления, по глубокому убеждению рецензента, представляет впечатляющий задел для будущих исследований теме, в современной науке конституционного права не заслужено обделенной вниманием.

- ПОЛИТИКА И ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-25-29

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID ID 0000-0002-4623-5476,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье речь идет о миграции, которая несмотря на то, что большинство эмигрантов относится к категории законопослушных граждан, в значительной мере способствует формированию структур сети распространения запрещенных законом товаров. Районы с этнически однородным населением становятся источником пополнения рядов транснациональных преступных организаций. Ликвидировать или уничтожить транснациональные преступные организации чрезвычайно трудно. Знания об основных транснациональных организациях поможет в работе сотрудников уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова: *транснациональная организация, миграция, международное право, наказание, преступление, криминалистика, уголовно-исполнительная система.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Candidate of Law, Leading Researcher, NITs-1 PKU,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

TRANSNATIONAL CRIMINAL ORGANIZATIONS

Annotation. *The article deals with migration, which, despite the fact that most emigrants belong to the category of law-abiding citizens, significantly contributes to the formation of structures of the distribution network of goods prohibited by law. Areas with ethnically homogeneous populations are becoming a source of recruitment for transnational criminal organizations. Dismantling or destroying transnational criminal organizations is extremely difficult. Knowledge about the main transnational organizations will help in the work of employees of the penitentiary system.*

Key words: *transnational organization, migration, international law, punishment, crime, forensics, penal system.*

В условиях, когда мир действительно становится тесным, усиливается миграция, укрепляется сеть этнических диаспор, с большой выгодой для своих операций используют преступные организации. Хотя большинство эмигрантов, несомненно, относится к категории законопослушных граждан, миграция в значительной мере способствовала формированию структур сети распространения запрещенных законом товаров. Районы с этнически однородным населением становятся источником пополнения рядов транснациональных преступных организаций, базирующихся в той или иной стране, которые могут использовать в своих интересах национально-патриотические чувства этнических групп, особенно в тех случаях, когда полной интеграции групп иммигрантов в принявшей их стране не произошло. Даже случайное участие в преступной деятельности или отдаленная причастность к ней могут принести значительно большие результаты, нежели законные экономические операции. Кроме того, проникновение в этническую среду чрезвычайно затруднено. Языковые и культурные барьеры представляют собой своего рода механизмы самозащиты, которые подкрепляются родственными связями и существовавшей всегда подозрительностью к органам власти.

Эксперты ООН выделяют следующие основные транснациональные преступные организации.

Итальянская мафия

Применительно к Италии под словом «мафия» обычно понимается сицилийская мафия или «Коза ностра», неаполитанская «каморра», состоящая преимущественно из местных преступных организаций, калабрийская «ндрангета», которая состоит из семейных кланов и занимается контрабандой табака, наркотиков и похищением людей, а также «Сакра корона унита» из Апулии, созданная «Коза нострой» для использования морского побережья этого региона в целях незаконного оборота наркотиков. Однако наиболее заметной из них, безусловно, является «Коза ностра». В основе ее деятельности, как и других итальянских преступных организаций, лежат закон молчания и тесные связи, которые имеют отчасти функциональный характер, отчасти семейно-личный, основанный на страхе.

Сохраняя многие из своих традиций, сицилийская мафия вместе с тем динамична и хорошо приспосабливается к новым условия. Распространив свою власть на простых граждан в тот период, когда государство было достаточно слабым, сицилийская мафия успешно переместилась из сельских районов в сферу промышленного производства и бизнеса и вышла с местного и национального уровня деятельности на транснациональный. Хотя ее деятельность по-прежнему носит преимущественно региональный характер, а ее оплотом по-прежнему является Южная Италия, где она стремится свести к нулю конкуренцию в сфере законного предпринимательства с помощью противозаконных действий. «Коза ностра» приобретает вес более отчетливые формы транснациональной корпорации. Этому способствовало расширение миграционных потоков. Миграция сицилийцев в США способствовала образованию сицилийской сферы влияния на американском рынке сбыта героина. То же самое происходит и в Германии [1].

Сицилийской мафии не удалось установить свою монополию на рынке наркобизнеса, хотя она пыталась получить исключительное право на ввоз наркотиков в Италию и по возможности, в Европу в целом. Покушения на представителей судебных и полицейских органов Италии, организованные мафией в 1983-1993 гг., в конечном итоге, привели к обратным результатам.

Хотя в последние годы ей был нанесен определенный урон благодаря самоотверженности и эффективной деятельности нового поколения судей и прокуроров, всплеску национального самосознания и соответствующих изменений в политической обстановке в Италии, сицилийская мафия по-прежнему остается одной из серьезных организаций преступного мира. Хотя она и не является «мировым спрутом», как ее иногда называют, сицилийская мафия, устанавливающая все более широкие связи с другими преступными организациями, по-прежнему серьезно угрожает системе правопорядка. Дело в том, что сицилийская мафия - наиболее гибкая и быстро изменяющаяся преступная организация из всех известных. Когда в конце 80-х годов была разрушена трансатлантическая героиновая сеть «Коза ностры», она просто направила свои усилия в другую сферу - на вымогательство, коррупцию и отмывание «грязных» денег.

Китайские «триады»

Хотя некоторые китайские «триады» осуществляют свои операции на материковой части Китая, они базируются преимущественно на территории Гонконга, а также китайской провинции Тайвань. Согласно некоторым оценкам, в Гонконге насчитывается около 160 тыс. членов «триад», относящихся к 50 различным организациям. «Триады» занимаются многими видами преступной деятельности, включая вымогательство, незаконный оборот наркотиков, проституцию и азартные игры. Они располагают также широкой зарубежной сетью, что позволяет им без труда заниматься транснациональной преступной деятельностью. На практике некоторые исследователи приходят к выводу, что сообщества «триад» поддерживают очень тесные связи как с «тонгами» (тайными сообществами), так и с молодежными бандформированиями, которые существуют во многих китайских общинах в Северной Америке. Поэтому неудивительно, что «триады» являются крупными поставщиками героина из Юго-Восточной Азии в США. «Триады» проявляют также высокую активность в Западной Европе.

Японская «якудза»

Японская «якудза», или, как ее еще называют, «бориокудан», часто прибегает к насильственным преступлениям, и ее деятельность более заметна, чем деятельность большинства других преступных организаций. Для «якудзы» характерна широкомасштабная междоусобная борьба между ее различными группами, однако это не мешает ей внедряться в сферу законного предпринимательства и заниматься коррупцией в рамках политической системы.

Хотя японская «якудза», возможно, и не преследует далеко идущих целей в сфере транснациональной преступности, тем не менее она осуществляет достаточно широкую преступную деятельность за пределами национальных границ, в том числе занимается контрабандным ввозом метамфетамина на Гавайские острова и в Калифорнию, а также контрабандным вывозом оружия из США в Японию. Кроме того, присутствие «якудзы» достаточно заметно практически

во всех странах Юго-Восточной Азии, где японским преступникам принадлежит основная роль в организации секс-бизнеса [2].

Колумбийские картели

Уникальными во многих отношениях являются колумбийские картели (медельинский и калийский). В отличие от большинства других транснациональных преступных организаций, осуществляющих, как правило, самую разнообразную преступную деятельность, картели занимаются исключительно наркобизнесом. На практике картели создали более высоко организованную корпоративную и преступную среду, чем любая другая организация. Организованный ими бизнес основывается на таких эффективных принципах управления, как специализация и разделение труда. В конце 90-х годов колумбийской полиции совместно с правоохранительными органами других стран удалось практически разгромить медельинский и калийский наркокартели. Это привело к значительному сокращению объема наркокапитала в колумбийской экономике. В исследовании, проведенном в 90-х годах Бюро ООН по контролю за наркотиками и предупреждению преступности, указано, что доходы от незаконного оборота наркотиков сократились вдвое: с 4 млрд долл. США в 1984 г. до 2 млрд в 1996 г. Вместе с тем пространство, занимаемое в 80-х годах крупными наркокартелями, к концу 90-х годов заполнилось множеством более мелких и менее заметных преступных организаций. Как отмечают эксперты ООН бороться с этими мелкими группами гораздо сложнее, чем с их мощными предшественниками. Эти группы более склонны к коррупции и хорошо продуманным махинациям по отмыванию наркодолларов, нежели к стрельбе и взрывам.

Нигерийские преступные организации

Рост организованной преступности в Нигерии произошел относительно недавно, и его часто связывают с падением цен на нефть в начале 80-х годов и вызванной этим дезорганизацией нигерийской экономики. Нигерийские преступные организации занялись широкомасштабным оборотом наркотиков, и, согласно имеющейся информации, по объему ввоза героина в США они уступают лишь китайцам. Преступная деятельность нигерийцев не ограничивается незаконным оборотом наркотиков. Нигерийские организации занимаются также широкомасштабным мошенничеством и вымогательством, в том числе подделкой кредитных карточек и махинациями, связанными с деятельностью коммерческих банков и программами помощи по линии правительства. Они преуспели в изготовлении фиктивных удостоверений личности, которые позволяют им осуществлять такие операции, как использование подложных чеков для получения неинкассированных сумм, получение субсидий на образование, мошенничество с целью получения социальных льгот, получение обманным путем страховых выплат и средств с помощью электронного перевода. Они не ввязываются в крупномасштабные операции и отдают предпочтение более мелким операциям, проводя множество таких операций и стремясь, как правило, оставаться в тени.

Российские преступные организации

Российская транснациональная организованная преступность не имеет специфического названия, как в США, Италии, Японии. Она является относительно молодой, но уже хорошо известна в мире. Российская транснациональная преступность зарождалась в недрах той же теневой экономики СССР и в кругах партгосхозноменклатуры, которая имела возможность выхода за рубеж. Классическое становление транснациональной организованной преступности в России приходится на конец 80-х и начало 90-х годов. Способствовали расцвету российской организованной преступности либерализация внешнеэкономической деятельности, разрушение единого экономического пространства СССР, отсутствие эффективно охраняемых границ, ослабление государства и его институтов, а также сепаратистские тенденции в России, политическая нестабильность, обострение межнациональных конфликтов, коррупция [3].

Во время перестройки и стихийного перехода к рынку преступные организации использовали открывающиеся транснациональные возможности для контрабандного вывоза нефтепродуктов, золота, металлов, сырья, вооружения, валюты, антиквариата и произведений искусства в другие страны, контрабандного и беспошлинного ввоза товаров в Россию. Номенклатурные транснациональные преступные организации оказались вне конкуренции и за рубежом, и в своей стране. За рубежом потому, что они фактически создавались еще при бывшем СССР и располагали огромными, ни с чем не сопоставимыми ресурсами, которые они распродавали по бросовым ценам. А в своей стране потому, что в ней не было нормальных рыночных отношений и с ними никто не мог конкурировать, так как за ними непосредственно стояли партийные, государственные, хозяйственные структуры, а нередко КГБ и МВД.

Россия открыла уникальные возможности для транснациональной организованной преступности. В. В. Лунеев называет основные факторы, способствующие развитию российской транснациональной преступности. Они укладываются в несколько «нет» и несколько «есть».

В России до последнего времени не было необходимых законов о борьбе с организованной преступностью вообще, а с транснациональной в особенности; законов, преследующих за отмывание «грязных» денег; надежно работающей правоохранительной системы; жесткого валютного, финансового, банковского, налогового и иного экономического контроля, хорошо обустроенных границ и четко налаженной таможенной и миграционных служб; государственного осознания опасности «своей» и «чужой» транснациональной организованной преступности; политической воли для борьбы с ней.

В России есть: огромные природные и иные ресурсы; не поделенная государственная собственность; высокие технологии вооружений и средств массового уничтожения, включая химические и ядерные материалы; незаполненный рынок для незаконных товаров и услуг [4].

Другие преступные организации.

К ним относятся:

Восточноевропейские группы (по данным МВД России 4000 активных групп установлены в 1993 году, из которых 200 действовали в западноевропейских странах).

Чеченские группы. У них иерархическое построение. Различные группы независимо друг от друга делят сферы действия и организации наблюдают, чтобы не было конфликтов между группами. Готовы к использованию насилия при совершении преступлений. Основная масса их доходов - деньги, вымогаемые у бизнесменов и членов общества, а также в форме защиты от рэкета.

Грузинские группы, действующие в Берлине, Вене, Праге.

Турецкие и курдские организации действуют в Германии, Голландии и других странах Европы. Многие из этих групп возникли как семейный бизнес в организационном, техническом и финансовом отношении. Они активны в добывании и сбыте наркотиков и других незаконных товаров. Турецкие организации поставляют героин в Западную Европу из Юго-Западной Азии по широко известному «балканскому маршруту» и ответвлениям от него, которые возникли вследствие разгоревшегося конфликта в бывшей Югославии.

Ямайские организации «Поссес».

Коренная американская мафия.

Доминиканские преступные организации и множество других преступных группировок.

Жизнестойкость транснациональных преступных организаций

Транснациональные преступные организации весьма разнообразны по своей структуре, форме и составу членов, однако все они осуществляют свои операции через государственные границы с большой легкостью и создают огромные трудности для правоохранительных органов как на национальном, так и на международном уровнях. Одна из причин этого заключается в том, что они в основном опираются не на чрезмерно формализованные и структурированные иерархии, а на нежесткие сетевые структуры. В этом отношении они определили транснациональные корпорации: незаконный характер деятельности вынудил их действовать скрытно с помощью «текучих» сетей и функционального сотрудничества, а не через фиксированные структуры. В действительности транснациональные преступные организации разработали несколько механизмов, которые помогают им защищаться от мер правоохранительных органов.

Первая и наиважнейшая особенность – это гибкость входящих в определенную сеть организаций. Вследствие того, что такие организации чрезвычайно подвижны и не имеют жесткой структуры, они способны быстро реагировать на меры, принимаемые правоохранительными органами. Еще одной важной чертой является их пирамидальная организационная структура. Пирамидальную структуру имеет большинство транснациональных преступных организаций, поскольку она изолирует их главарей, связь которых с конкретными преступными видами деятельности нелегко установить и непосредственное участие которых в преступных деяниях едва ли возможно выявить. Кроме того, для сохранения эффективной структуры чрезвычайно важна способность обеспечить замену высшего руководства и строгие правила набора новых членов организации. Важную роль играет также способность перемещаться. Успешным действиям по борьбе с транснациональных преступных организаций они могут относительно легко противостоять, если перенесут свои операции в те страны, где системы уголовного правосудия и правоохранительных органов намного слабее [5].

Другими важными механизмами, которые используются преступными организациями, являются проникновение в легальную предпринимательскую деятельность, что зачастую придает преступным организациям видимость респектабельности, а также дает возможность использовать покровительство при проведении контрразведывательных действий, что затрудняет проведение внезапных операций против них. Последним по счету, но не по значению, с учетом опасности, которое оно представляет для общества, является использование коррупции в целях

создания благоприятных условий, в которых такие группы могут осуществлять свою деятельность, не особенно опасаясь вмешательства со стороны правоохранительных органов.

В качестве вывода следует отметить, что ликвидировать или уничтожить транснациональные преступные организации чрезвычайно трудно.

Список литературы:

[1] Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В. С. Овчинского. – М., 1996. – С. 82.

[2] Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции М., 2005. – С. 607,608.

[3] Гирько С. И., Сухарева А. Я. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник. – М., 2007. – С. 80.

[4] Лунеев В. В. VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями / В. В. Лунеев // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 57.

[5] Карпец И. И. Международная преступность. – М., 1988. – С. 24.

References:

[1] Fundamentals of the fight against organized crime/Ed. V. S. Ovchinsky. - M., 1996. - S. 82.

[2] Luneev V.V. Crime of the XX century: world, regional and Russian trends M., 2005. - S. 607,608.

[3] Girko S.I., Sukhareva A. Ya. State and Trends of Crime in the Russian Federation: Criminological and Criminal Law Reference. - M., 2007. - S. 80.

[4] Luneev V.V. VIII UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders/V.V. Luneev//Soviet State and Law. – 1991. – № 2. - S. 57.

[5] Karpets I.I. International crime. - M., 1988. - S. 24.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-30-32

ЗАРУБИНА Кристина Александровна,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права,
e-mail: kris1996z@mail.ru

ШИШКАРЕВА Татьяна Николаевна,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права,
e-mail: grohotova@inbox.ru

ГАЙДАРЖИ Владислав Артёмович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gaidarzhivladislaw@yandex.ru

КАВЕРИН Кирилл Романович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: kaverinkirill22@gmail.com

ВЫХОДЦЕВА Анастасия Владимировна,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: vyhodcevaanastasia8@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье анализируется соотношение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации как ключевых категорий системы национальной безопасности. Рассматриваются особенности обеспечения национальных интересов личности, общества и государства в условиях глобализационных процессов, оказывающих влияние на экономический суверенитет, политическую стабильность и социальное развитие. На основе положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации раскрывается роль стратегических приоритетов как практических механизмов реализации национальных интересов. Обосновывается положение о первичности национальных интересов по отношению к приоритетам, которые выступают гибким инструментом адаптации государственной политики к внутренним и внешним вызовам. Делается вывод о динамичном характере взаимосвязи национальных интересов и стратегических приоритетов, а также о необходимости их согласования в целях обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности Российской Федерации.*

Ключевые слова*: национальные интересы, стратегические национальные приоритеты, национальная безопасность, глобализация, интересы личности, интересы общества, интересы государства.*

Финансирование*: НИР подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет–2030».*

ZARUBINA Kristina Alexandrovna,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law

SHISHKAREVA Tatiana Nikolaevna,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law

GAIDARZHI Vladislav Artyomovich,
student at Southwestern State University

KAVERIN Kirill Romanovich,
student at Southwestern State University

VYKHODTSEVA Anastasia Vladimirovna,
student at Southwestern State University

CORRELATION OF NATIONAL INTERESTS AND STRATEGIC NATIONAL PRIORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Annotation*. The article analyzes the correlation of national interests and strategic national priorities of the Russian Federation as key categories of the national security system. The features of ensuring the national interests of the individual, society and the state in the context of globalization processes that affect economic sovereignty, political stability and social development are considered. Based on the provisions of the National Security Strategy of the Russian Federation, the role of strategic priorities as practical mechanisms for the implementation of national interests is disclosed. The provision on the primacy of national interests in relation to priorities that act as a flexible tool for adapting state policy to internal and external challenges is substantiated. It is concluded about the dynamic nature of the relationship between national interests and strategic priorities, as well as the need for their coordination in order to ensure sustainable development and national security of the Russian Federation.*

Key words*: national interests, strategic national priorities, national security, globalization, interests of the individual, interests of society, interests of the state.*

Funding*: Research was prepared as part of the Priority-2030 strategic academic leadership program.*

Обеспечение национальных интересов Российской Федерации – важнейшая задача государства на всех этапах его развития, однако особенно актуальной она стала в условиях глобализационной трансформации –процесса усиления взаимосвязанности национальных экономик, взаимовлияния и взаимопереплетения различных сфер и процессов в мировом хозяйстве. Данный противоречивый процесс, с одной стороны, предоставляет государствам новые возможности для развития, с другой — ослабляет экономический суверенитет, заставляет идти на уступки ради участия в глобальных процессах. В таких условиях важно не поступаться национальными интересами, так как их обеспечение становится главным условием «выживания» суверенного государства [1, с. 100].

Согласно Указу Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», национальные интересы Российской Федерации – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства. Рассматривая подробно каждый аспект национальных интересов, можно отметить, что интересы личности реализуются посредством обеспечения конституционных прав и свобод, личной безопасности, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина, а также повышении качества и уровня жизни. Интересы общества состоят в укреплении и сохранении демократии, в создании правового, социального государства, в достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России. В свою очередь, национальные интересы государства обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции, в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации общественными организациями [2, с. 183].

Для эффективного обеспечения национальных интересов в динамичной глобальной среде государство должно определять иерархизированные стратегии действий, которые адаптируют долгосрочные цели к текущим вызовам. Стратегические национальные приоритеты Российской Федерации – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации — практические механизмы реализации интересов, позволяющие балансировать между суверенитетом и участием в мировых процессах.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее по тексту –

стратегия), они включают стратегические приоритеты, такие как обеспечение военной безопасности, укрепление экономики, развитие человеческого капитала и сохранение культурной идентичности. Перечисленные приоритеты не статичны: они корректируются в зависимости от внутренних и внешних факторов, таких как геополитические кризисы или экономические санкции. В контексте интересов личности приоритеты проявляются в программах по повышению качества жизни, включая здравоохранение, образование и социальную защиту. В качестве одного из примеров реализации выше упомянутых программ можно привести национальный проект «Здравоохранение», реализованный в период с 2019 по 2024 год. Цель данного проекта заключалась в повышении доступности и качества медицинской помощи для всех граждан Российской Федерации. Задачами проекта выступали: модернизация первичного звена здравоохранения (создание новых объектов, капитальный ремонт на старых объектах); профилактика и лечение сердечно-сосудистых заболеваний; борьба с онкологическими заболеваниями (совершенствование диагностики, лечения и профилактики злокачественных новообразований и т.д. [3, с. 397]. Для интересов общества ключевыми приоритетами становятся укрепление демократических институтов и общественного согласия, что реализуется через антикоррупционные меры и развитие гражданского общества.

В условиях глобализирующегося мира понимание соотношения между национальными интересами и национальными приоритетами становится ключевым для анализа внешней и внутренней политики государств. Национальные интересы представляют собой фундаментальные цели, определяющие выживание и развитие нации, такие как безопасность, экономическое процветание и культурная идентичность. Национальные приоритеты, в свою очередь, — это стратегии реализации этих интересов в конкретном контексте, адаптированные к текущим вызовам и ресурсам. Тема соотношения между ними как никогда актуальна.

Рассматривая соотношение национальных приоритетов и интересов Российской Федерации, можно определить, что национальные интересы – это своеобразный компас для национальных приоритетов. Национальные интересы выступают в качестве ориентира национальных приоритетов.

Также стоит отметить, что национальные интересы предшествуют приоритетам: они задают направление, а приоритеты — механизм реализации. Например, одним из национальных интересов, обозначенных в стратегии, является поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений. Приоритетом же выступает политика в обеспечения данных задач и реализация различных программ в данной сфере, например государственная программа «Обеспечение обороноспособности страны на 2024-2026 гг.».

Таким образом, соотношение между национальными интересами и приоритетами динамично: интересы задают фундамент, а приоритеты выступают гибким инструментом реализации и адаптации.

Список литературы:

[1] Семьянинов В. П. К вопросу об условиях обеспечения национально-государственных интересов России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 5(109). – С. 99-102.

[2] Коженко Я. В., Лихолетова Н.В., Жорницкая Е.А. Роль и значение национальных интересов в архитектуре национальной безопасности: теоретико-правовой аспект // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2023. – № 1. – С. 181-190.

[3] Санина Н. П., Кравцова М.В., Аспекты программы модернизации первичного звена здравоохранения: проблемы и решения // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27, № 6(188). – С. 396-409. – DOI 10.35854/1998-1627-2021-6-396-409.

References:

[1] Semyaninov V.P. On the question of the conditions for ensuring the national and state interests of Russia//Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. – 2012. – № 5(109). - S. 99-102.

[2] Kozhenko Y. V., Likholetova N.V., Zhornitskaya E.A. Role and importance of national interests in the architecture of national security: theoretical and legal aspect//Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute. – 2023. – № 1. - S. 181-190.

[3] Sanina N.P., Kravtsova M.V., Aspects of the primary health care modernization program: problems and solutions//Economics and management. – 2021. - T. 27, NO. 6 (188). - S. 396-409. – DOI 10.35854/1998-1627-2021-6-396-409.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-33-40

ЧИЖИКОВ Артур Дмитриевич,
студент 4 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОБОРОДОВ Максим Владимирович,
к.э.н., доцент Базовой кафедры конкурентного и
предпринимательского права Юридической Школы ДВФУ,
член научно-методического совета ФАС России,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНТРСАНКЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ЗАКУПКАХ И СДЕЛКАХ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового регулирования контрсанкционных ограничений в сфере закупок и сделок, введенных в Российской Федерации в ответ на беспрецедентное санкционное давление со стороны иностранных государств. Авторами проанализированы нормативные правовые акты, принятые в период с марта 2022 года по настоящее время, включая Постановление Правительства Российской Федерации № 301, Федеральный закон № 104-ФЗ, а также подзаконные акты, регламентирующие порядок закрытия информации о закупках, особенности проведения закрытых конкурентных процедур и расширение оснований для включения поставщиков в реестр недобросовестных поставщиков. В работе выявлены системные проблемы правоприменения: отсутствие единого официального перечня подсанкционных заказчиков, неопределенность в вопросе применения постановления к дочерним и зависимым обществам, процессуальные ограничения контрольных органов в условиях закрытия информации, недостаточная эффективность механизмов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Авторы предлагают выработать единые подходы к определению круга лиц, попадающих под контрсанкционные ограничения, и вносят конкретные предложения по изменению законодательства. Цель — найти баланс между публичными и частными интересами, сохранить конкуренцию и повысить эффективность контроля в сфере закупок. Особое внимание в работе уделено анализу правовых последствий применения так называемого «правила 50 процентов» при определении санкционного статуса дочерних компаний. Это позволило выявить расхождения между позицией Минфина России и подходами иностранных государств. Авторы также предлагают критерии для разграничения закрытых закупок — в зависимости от их предмета и участников. Это, по их мнению, позволит снизить нагрузку на заказчиков, но при этом сохранить необходимый контроль со стороны регулятора. Сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы при подготовке поправок в законодательство о закупках, а также в практике антимонопольных органов и судов.*

Ключевые слова: *контрсанкционные ограничения, закупки, сделки, Постановление Правительства № 301, единая информационная система, реестр недобросовестных поставщиков, конкуренция, субъекты малого и среднего предпринимательства, закрытые закупки, антимонопольный контроль.*

CHIZHIKOV Artur Dmitrievich,
4th-year student at the Law School
of the Far Eastern Federal University

BELOBORODOV Maxim Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Basic
Department of Competition and Business Law,
Law School of the Far Eastern Federal University;
Member of the Scientific and Methodological Council
of the Federal Antimonopoly Service of Russia

COUNTER-SANCTION RESTRICTIONS IN PROCUREMENT AND TRANSACTIONS

Annotation. *The article examines the legal regulation of counter-sanction restrictions introduced in the Russian Federation in the sphere of procurement and transactions in response to unprecedented sanctions pressure from foreign states. The authors analyze normative legal acts adopted from March 2022 to the present, including Government Resolution No. 301, Federal Law No. 104-FZ, as well as bylaws regulating the procedure for closing information on procurements, the specifics of conducting closed competitive procedures, and the expansion of grounds for including suppliers in the register of unscrupulous suppliers. The paper identifies systemic law enforcement problems: the absence of a unified official list of sanctioned customers, uncertainty regarding the application of the resolution to subsidiaries and dependent companies, procedural limitations of control bodies in conditions of information closure, and insufficient effectiveness of support mechanisms for small and medium-sized enterprises. The authors substantiate the need to develop unified approaches to determining the circle of persons subject to counter-sanction restrictions and propose specific legislative amendments aimed at ensuring a balance of public and private interests, preserving the competitive environment, and increasing the effectiveness of control measures in the procurement sphere. Particular attention in the study is paid to the analysis of the legal consequences of applying the "50 percent rule" in determining the sanctioned status of subsidiaries, which made it possible to identify contradictions between the position of the Ministry of Finance of Russia and the approaches of foreign states. The authors propose criteria for differentiating closed procurements depending on their subject matter and participants, which, in their opinion, will reduce the administrative burden on customers while simultaneously maintaining the necessary level of control by the regulator. The conclusions and recommendations formulated in the article can be used in preparing amendments to procurement legislation, as well as in the law enforcement activities of antimonopoly authorities and courts.*

Key words: *counter-sanction restrictions, procurement, transactions, Government Resolution No. 301, unified information system, register of unscrupulous suppliers, competition, small and medium-sized enterprises, closed procurements, antitrust control.*

Весной 2022 года российское законодательство о закупках вступило в фазу стремительных изменений, не имевших аналогов за всю историю его существования. Принятие практически еженедельно новых нормативных правовых актов, корректирующих порядок проведения закупок отдельными видами юридических лиц, было обусловлено объективной необходимостью адаптации правового регулирования к беспрецедентному санкционному давлению со стороны иностранных государств. В этих условиях законодателю пришлось решать одновременно несколько задач: обеспечить возможность продолжения закупочной деятельности для организаций, попавших под санкции; сохранить контроль за расходованием бюджетных средств и имущества государственных компаний; не допустить существенного ограничения конкуренции и одновременно поддержать российских поставщиков, в первую очередь субъектов малого и среднего предпринимательства.

Вопросы правового регулирования закупок в условиях санкционных ограничений находят все большее отражение в научной литературе. Значительный вклад в исследование данной проблематики внес В.Р. Байрашев, который в своей работе, посвященной обзору изменений законодательства о закупках отдельными видами юридических лиц в 2022 году, детально проанализировал основные направления антисанкционных поправок, включая механизмы закрытия информации о закупках и особенности применения Постановления Правительства Российской Федерации № 301 [1, с. 108].

Проблемы процессуального характера, возникающие при осуществлении контроля в сфере закупок в условиях трансформации законодательства, получили освещение в исследовании А.А. Кирилловой, которая акцентировала внимание на существующем разграничении законодательств о контрактной системе и о защите конкуренции. По справедливому замечанию автора, это разграничение не позволяет антимонопольному органу в рамках рассмотрения жалобы, поданной в соответствии с Законом о контрактной системе, использовать весь арсенал своих полномочий, что в условиях закрытия информации о закупках приобретает особую актуальность [3, с. 43].

Н.В. Тайборина, исследуя виды и механизмы осуществления контроля в государственных закупках, подчеркнула необходимость совершен-

ствования контрольных процедур в условиях трансформации законодательства и обратила внимание на недостаточную эффективность существующих механизмов в условиях повышенной неопределенности [4, с. 281]. Автор справедливо указывает на то, что контрольные органы сталкиваются с новыми вызовами, связанными с закрытием информации о закупках, сокращением сроков проведения процедур и необходимостью оперативного реагирования на многочисленные изменения законодательства.

Вместе с тем, несмотря на наличие отдельных научных публикаций, посвященных различным аспектам антисанкционного регулирования закупок, комплексного исследования контрсанкционных ограничений в закупках и сделках, учитывающего как материально-правовые нормы, так и процессуальные аспекты их применения, в настоящее время не проведено. Большинство работ носят либо узкоспециализированный характер, либо ограничиваются описанием отдельных изменений без их системного анализа и оценки последствий для правоприменительной практики. Настоящее исследование призвано восполнить указанный пробел.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе правового регулирования контрсанкционных ограничений в закупках и сделках, выявлении проблем правоприменения и разработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи: анализ нормативно-правовой базы, регулирующей контрсанкционные ограничения в сфере закупок; выявление правовых проблем, возникающих при применении указанных норм; оценка эффективности действующих механизмов правового регулирования с точки зрения баланса публичных и частных интересов; разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, продолжающееся санкционное давление требует постоянной адаптации правового регулирования, что делает необходимым системный анализ уже принятых мер для выработки оптимальных подходов в будущем. Во-вторых, правовая неопределенность, порождаемая отсутствием единообразных подходов к применению антисанкционных норм, создает риски для участников закупок и требует выработки четких рекомендаций для правоприменителей. В-третьих, необходимость сохранения конкурентной среды при одновременном ограничении доступа к информации о закупках создает противоречие, требующее поиска баланса между различными публичными интересами.

Материалы и методы

Методологический аппарат работы сформирован на основе общенаучных и специально-юридических подходов. Диалектический метод позволил проследить эволюцию правового регулирования контрсанкционных мер в закупках в контексте изменения экономической конъюнктуры и трансформации смежных отраслевых институтов.

Системно-структурный анализ применен для изучения закупочного и антимонопольного законодательства в их нормативном единстве и функциональном взаимодействии. В ходе применения данного метода выявлены отдельные рассогласованности между правовыми институтами, регулирующими сходные отношения.

Результаты

Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2022 г. № 301 стало центральным элементом системы контрсанкционных ограничений в сфере закупок по Закону № 223-ФЗ [4]. Анализ содержания Постановления № 301 позволяет выделить ряд существенных характеристик данного правового механизма. Во-первых, в постановлении отсутствует какой-либо перечень иностранных государств, меры которых признаются основанием для неразмещения информации. Хотя распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р определен перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, Министерство финансов в своих разъяснениях указало, что данный перечень нельзя считать исчерпывающим для целей применения Постановления № 301, поскольку в нем упоминаются не все возможные меры ограничительного характера. Фактически это означает, что заказчик должен самостоятельно определять, какие именно иностранные государства ввели в отношении него санкции или ограничительные меры, и подпадают ли такие меры под действие Постановления № 301.

Во-вторых, постановление не содержит указания на то, какие именно виды санкций или ограничительных мер являются основанием для неразмещения информации. В международной практике различаются персональные санкции (включающие конкретных лиц), секторальные санкции (затрагивающие целые отрасли экономики), товарные ограничения (запреты на поставку определенных товаров) и иные виды ограничительных мер. Очевидно, что не все они в равной степени могут служить основанием для закрытия информации о закупках. Однако законодатель не дал четкого ответа на данный вопрос, что создает правовую неопределенность и риски для заказчиков [2, с. 13].

В-третьих, в постановлении не урегулирован вопрос о том, каким образом заказчик должен подтверждать факт введения в отношении него санкций или ограничительных мер. Обращение к санкционным спискам иностранных государств требует специальных знаний и навыков, а также постоянного мониторинга изменений в санкционных режимах. При этом даже при обнаружении своего наименования в санкционных списках у заказчика может возникнуть вопрос о том, какие именно правовые последствия это влечет в рамках российского законодательства.

Особого внимания заслуживает проблема определения круга заказчиков, на которых распространяется действие Постановления № 301. Как уже отмечалось, полный перечень таких заказчиков органами власти не ведется. Заказчики, как указано в письме Минфина России от 18 апреля 2022 г. № 24-01-09/34211, самостоятельно определяют необходимость применения постановления. При этом возникает вопрос: кто несет ответственность в случае неправильной оценки заказчиком наличия или отсутствия оснований для применения постановления? В настоящее время ответственность за неразмещение информации в ЕИС установлена ч. 5 ст. 7.32.3 КоАП РФ, однако в случае, если заказчик добросовестно заблуждался относительно наличия санкций, привлечение его к ответственности может быть признано необоснованным.

Особую актуальность приобретает вопрос о применимости Постановления № 301 к дочерним и зависимым обществам юридических лиц, в отношении которых были введены санкции или меры ограничительного характера. Как уже отмечалось, Минфин России в письме от 18 апреля 2022 г. № 24-01-09/34211 занял позицию, согласно которой постановление не применяется при осуществлении закупок дочерней организацией, в уставном капитале которой доли принадлежат заказчику (не являющемуся кредитной организацией), в отношении которого введены санкции.

Данная позиция вызывает серьезные сомнения по нескольким причинам. Во-первых, она не учитывает подходы, применяемые самими иностранными государствами при определении круга подсанкционных лиц. В частности, в США и ЕС действует так называемое «правило 50 процентов», в соответствии с которым компания, в которой подсанкционные лица в совокупности владеют 50 и более процентами долей (акций), рассматривается как подсанкционная. Аналогичный подход применяется и при определении того, какие дочерние компании подпадают под санкции, при этом доли подсанкционных лиц суммируются. Таким образом, если совокупная доля участия подсанкционных лиц в дочерней компании превышает 50 процентов, иностранные государства будут рассматривать такую компанию как подсанкционную, что может повлечь за собой применение вторичных санкций к контрагентам такой компании.

Во-вторых, позиция Минфина России не учитывает экономической сущности отношений между материнской и дочерней компаниями. В большинстве случаев дочерние компании осуществляют те же виды деятельности, что и материнские, и являются частью единого производственного или финансового цикла [6, с. 77]. Введение санкций в отношении материнской компании фактически означает невозможность для дочерней компании вести обычную хозяйственную деятельность, поскольку она лишается доступа к финансированию, технологиям и рынкам сбыта. В этих условиях закрытие информации о закупках дочерней компании является не просто правомерным, а необходимым для обеспечения ее выживания.

В-третьих, позиция Минфина России не учитывает возможности применения «правила 50 процентов» к тем случаям, когда санкции введены в отношении самого заказчика, но не в отношении его дочерней организации. В такой ситуации дочерняя организация формально не является подсанкционной, однако, учитывая, что значительная часть ее деятельности связана с закупками для материнской компании или с использованием ее имущества, раскрытие информации о таких закупках может нанести ущерб самой дочерней организации [7, с. 255].

Следует отметить, что вопрос о применимости Постановления № 301 к дочерним и зависимым обществам не получил окончательного разрешения ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике. Отсутствие единых подходов создает риски как для заказчиков, так и для контролирующих органов. Необходимо либо законодательное урегулирование данного вопроса, либо выработка единой правовой позиции на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Проведенный анализ нормативных положений позволяет утверждать, что Постановление № 301, освобождая заказчика от публикации извещения и иных сведений о закупке в ЕИС, вместе с тем не отменяет его обязанности по направлению приглашений потенциальным поставщикам для участия в закрытых конкурентных процедурах. Согласно части 1 статьи 3.5 Закона № 223-ФЗ, закрытые конкурентные закупки организуются в случаях, прямо оговоренных положением о закупке, и предполагают направление приглашений тем лицам, информация о которых отвечает требованиям, установленным самим заказчиком.

Проведенный анализ показывает, что заказчики, применяющие положения Постановления № 301, не освобождаются от необходимости представлять в ЕИС отчетные сведения по завер-

шении закупочных процедур. В силу пункта 45.1 Порядка размещения отчетности о заключенных договорах, введенного в действие Постановлением Правительства от 10 сентября 2012 г. № 908, сведения о закупках, проводимых в закрытом режиме, подлежат отражению в ежемесячных отчетах самостоятельной строкой. Кроме того, при формировании годового отчета о закупках у субъектов малого и среднего предпринимательства такие сведения учитываются при определении годового стоимостного объема договоров на основании подпункта «ж» пункта 7 Положения об особенностях участия субъектов МСП в закупках, утвержденного Постановлением Правительства от 11 декабря 2014 г. № 1352.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что организация закрытых конкурентных закупок в электронной форме допускается исключительно на электронных площадках. В частности единственным оператором, соответствовавшим указанному критерию, выступало ООО «АСТ ГОЗ». Данное обстоятельство существенно ограничивает возможность вовлечения субъектов МСП в закрытые закупочные процедуры, поскольку соответствующие закупки традиционно проводятся на иных электронных площадках. Более того, поскольку в силу подпункта «ж» пункта 7 названного Положения закрытые закупки исключаются из расчета годового стоимостного объема договоров, проведение закрытых неконкурентных процедур с участием исключительно субъектов МСП утрачивает практическую целесообразность.

Что касается закрытых неконкурентных закупок, проводимых в электронной форме и предусмотренных положением о закупке, то заказчик вправе осуществлять их на любой электронной площадке, поскольку статья 3.5 Закона № 223-ФЗ не распространяется на указанные процедуры. Такое регулирование представляется оправданным, поскольку неконкурентные закупки по своей сути не предполагают той степени открытости и равного доступа участников, которая обеспечивается требованиями к электронным площадкам при проведении конкурентных процедур.

С 1 апреля 2023 г. на заказчиков вновь возложена обязанность размещать в ЕИС сведения о закрытых закупках, не относящихся к государственной тайне и не связанных с выполнением государственного оборонного заказа. С практической точки зрения вряд ли можно признать указанные новеллы эффективными. Заказчики по-прежнему несут значительные финансовые и кадровые издержки, обусловленные необходимостью публикации сведений в закрытом сегменте ЕИС, однако сама информация оказывается маловостребованной в силу ограниченного круга лиц, имеющих к ней доступ. Кроме того, заказчики сохраняют риски привлечения к административной ответственности как за непредставление сведений в ЕИС, так и за нарушение регламентированных сроков их размещения.

Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что информация, которая должна была стать недоступной для неограниченного круга лиц в целях защиты интересов организаций, попавших под санкционное давление, по-прежнему подлежит размещению, однако в закрытой части системы, доступ к которой имеют лишь контролирующие инстанции.

С позиций экономической целесообразности такой подход представляется необоснованным. Расходы бюджета на модернизацию функционала ЕИС, равно как и затраты заказчиков на размещение информации, могли быть существенно сокращены путем корректировки порядка представления отчетности о закупках, не требующей от заказчиков размещения сведений по каждой закупке в ЕИС. Контрольные и мониторинговые функции могли бы реализовываться посредством специализированных механизмов отчетности, не предполагающих публичного доступа к информации.

Вместе с тем двухступенчатая структура нормативного регулирования сроков оплаты заслуживает критической оценки. На основании части 5.3 статьи 3 Закона № 223-ФЗ Правительством Российской Федерации принято Постановление от 19 апреля 2022 г. № 687, которым определены особенности исчисления сроков оплаты товаров, работ и услуг в зависимости от их видов, однако какие-либо исключения из общего правила не предусмотрены. Это означает, что положения части 5.3 статьи 3 Закона № 223-ФЗ распространяются исключительно на заказчиков, не подпадающих под санкционные ограничения; для санкционных же заказчиков применяется общий порядок, установленный их внутренним положением о закупке.

Обсуждение

Проведенный анализ правового регулирования контрсанкционных ограничений в закупках и сделках позволяет выявить ряд системных проблем, требующих обсуждения и выработки путей их решения.

Ключевой проблемой применения контрсанкционных ограничений в закупках является отсутствие правовой определенности в части определения круга заказчиков, на которых распространяются соответствующие ограничения. Отсутствие единого официального перечня подсанкционных заказчиков создает ситуацию, в которой заказчики вынуждены самостоятельно обращаться к санкционным спискам иностран-

ных государств, что требует специальных знаний в области международного санкционного права. При этом даже в случае обнаружения заказчиком своего наименования в санкционных списках иностранных государств не всегда очевидно, какие именно меры считать основанием для применения Постановления № 301, учитывая, что многие санкции носят секторальный, а не персональный характер.

Данная проблема усугубляется отсутствием единых подходов к толкованию применимости Постановления № 301 к дочерним и зависимым обществам. Позиция Минфина России, согласно которой постановление не применяется к закупкам дочерней организации, в уставном капитале которой доли принадлежат заказчику, в отношении которого введены санкции, не учитывает «правило 50 %», применяемое самими иностранными государствами для определения круга подсанкционных лиц. Расхождение в подходах может привести к ситуации, когда заказчик, руководствуясь разъяснениями Минфина России, размещает информацию о закупке в ЕИС, однако иностранные государства расценивают это как нарушение санкционного режима.

Представляется, что решение данной проблемы требует выработки единого подхода, который учитывал бы как позицию российских государственных органов, так и особенности восприятия санкционных ограничений иностранными государствами. Возможным решением могло бы стать создание межведомственного органа или наделение существующего органа полномочиями по ведению официального перечня заказчиков, подпадающих под действие Постановления № 301. Такой перечень мог бы формироваться на основе информации, предоставляемой самими заказчиками, и периодически актуализироваться с учетом изменений в санкционных режимах.

Как справедливо отмечает А.А. Кириллова в своем исследовании, при рассмотрении жалобы, поданной в порядке, установленном Законом о контрактной системе, комиссия антимонопольного органа ограничена рамками проверки закупочной процедуры на предмет ее соответствия требованиям данного закона и не наделена полномочиями по установлению фактов заключения заказчиком соглашений, ограничивающих конкуренцию [2, с. 43]. Указанная проблема носит системный характер и в равной степени проявляется при рассмотрении жалоб в рамках Закона № 223-ФЗ, причем в условиях закрытия информации о закупках она приобретает особую остроту, поскольку ограниченный доступ к сведениям о проведенных процедурах существенно сужает возможности контрольного органа по выявлению признаков антиконкурентных соглашений.

Действительно, анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что комиссия антимонопольного органа при рассмотрении жалоб в рамках Закона о контрактной системе не вправе выходить за пределы проверки соблюдения заказчиком требований данного закона, что лишает ее возможности оценивать действия участников закупки на предмет нарушения антимонопольного законодательства.

Аналогичная ситуация складывается и при рассмотрении жалоб, подаваемых в связи с нарушением Закона № 223-ФЗ, причем в условиях закрытия информации о закупках данная проблема проявляется еще более отчетливо. Отсутствие доступа к сведениям о проведенных закупках лишает антимонопольный орган возможности оперативно выявлять признаки ограничения конкуренции, что создает дополнительные риски для формирования конкурентной среды в сфере закупок отдельных видов юридических лиц.

Из изложенного следует, что процессуальные ограничения, характерные для рассмотрения жалоб в рамках как Закона о контрактной системе, так и Закона № 223-ФЗ, не позволяют антимонопольному органу в необходимой степени осуществлять контрольные функции в части выявления и пресечения антиконкурентных соглашений. В условиях действия контрсанкционных механизмов, предполагающих ограничение доступа к сведениям о закупках, данный недостаток правового регулирования приобретает повышенную значимость.

В контексте контрсанкционных ограничений указанная проблема проявляется наиболее отчетливо. Сокрытие информации о закупочных процедурах потенциально формирует дополнительные условия для ограничения конкуренции, поскольку контрольные инстанции оказываются лишенными возможности своевременно выявлять нарушения на этапе организации и проведения закупок. Помимо этого, расширение перечня оснований для внесения сведений о поставщиках в реестр недобросовестных создает предпосылки для злоупотреблений со стороны заказчиков, которые могут использовать данный инструмент для необоснованного отстранения контрагентов от участия в закупочных процедурах.

Устранение обозначенной проблемы требует внесения изменений в законодательство, которые наделили бы антимонопольный орган при рассмотрении жалоб по Закону № 223-ФЗ полномочием проверять действия подконтрольных субъектов на предмет соблюдения антимонопольных требований. Одновременно с этим представляется необходимым предусмотреть возможность применения обеспечительных мер при рассмотрении заявлений о нарушениях в сфере закупок, направленных на предотвращение заключения контрактов до завершения контрольных мероприятий.

Контрсанкционные ограничения в закупочной деятельности затрагивают интересы широкого круга участников — заказчиков, поставщиков, контрольных органов и государства в целом. В связи с этим требуется соблюдение баланса между различными публичными интересами: с одной стороны, необходимостью защиты подсанкционных заказчиков от негативных последствий санкционного давления, с другой — сохранением конкурентной среды и прозрачности закупочных процедур.

Действующее законодательство, как представляется, делает акцент на защите интересов подсанкционных заказчиков, предоставляя им возможность закрывать информацию о закупках и применять расширенные механизмы воздействия на поставщиков. Однако такой подход может негативно сказаться на состоянии конкуренции и лишить поставщиков возможности участвовать в закупках на равных условиях.

Для обеспечения баланса интересов, по нашему мнению, необходимо предусмотреть дополнительные гарантии для поставщиков, участвующих в закрытых закупках. В частности, целесообразно законодательно закрепить обязанность заказчиков направлять приглашения всем поставщикам, сведения о которых соответствуют установленным требованиям, а также обеспечить возможность обжалования действий заказчиков в антимонопольный орган даже в случаях закрытых закупок. Кроме того, требуется установление четких критериев существенности нарушений для целей включения в реестр недобросовестных поставщиков с целью исключения злоупотреблений со стороны заказчиков.

В условиях закрытости информации о закупках особую значимость приобретает вопрос координации между различными контрольными органами. Необходимо создание механизма оперативного обмена информацией между контрольными инстанциями в части закрытых закупок, а также обеспечение координации их деятельности в целях недопущения дублирования контрольных мероприятий и снижения административной нагрузки на заказчиков. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о формировании единого реестра закрытых закупок, доступ к которому имели бы все контрольные органы в пределах их компетенции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов и предложений по совершенствованию правового регулирования контрсанкционных ограничений в закупках и сделках.

Постановление Правительства Российской Федерации № 301, являющееся основным правовым механизмом закрытия информации о закупках, нуждается в существенной доработке в части определения круга заказчиков, на которых оно распространяется, и порядка подтверждения наличия оснований для его применения. Отсутствие единого официального перечня подсанкционных заказчиков создает правовую неопределенность и риски для правоприменителей. Предлагается создать межведомственный орган или наделить существующий орган полномочиями по ведению официального перечня заказчиков, подпадающих под действие Постановления № 301, с его периодической актуализацией.

Вопрос о применимости Постановления № 301 к дочерним и зависимым обществам требует скорейшего законодательного разрешения с учетом «правила 50 %», применяемого иностранными государствами. Предлагается распространить действие постановления на дочерние и зависимые общества, в которых совокупная доля участия подсанкционных лиц превышает 50 процентов, либо установить иной критерий, учитывающий экономическую сущность отношений между материнской и дочерней компаниями.

Процессуальные проблемы осуществления контроля за соблюдением законодательства о закупках в условиях закрытия информации требуют внесения изменений в законодательство. Система поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях санкционных ограничений нуждается в дальнейшем совершенствовании. В частности, предлагается распространить установленные ч. 5.3 ст. 3 Закона № 223-ФЗ сроки оплаты на всех заказчиков, включая подсанкционных, а также установить ответственность за нарушение сроков приемки товаров, работ, услуг, что позволит предотвратить злоупотребления со стороны заказчиков и обеспечить своевременную оплату поставленных товаров.

Расширение оснований для включения в реестр недобросовестных поставщиков требует установления четких критериев существенности нарушения договора для целей применения указанных оснований. Предлагается разработать и утвердить перечень существенных нарушений договора, аналогичный перечню, установленному для Закона № 44-ФЗ, что позволит исключить возможность злоупотреблений со стороны заказчиков и обеспечит единообразную правоприменительную практику.

В целях обеспечения баланса публичных и частных интересов в сфере закрытых закупок предлагается предусмотреть дополнительные гарантии для поставщиков: обязанность заказчиков направлять приглашения всем потенциальным поставщикам, сведения о которых соответствуют установленным требованиям; возмож-

ность обжалования действий заказчиков в антимонопольный орган; установление прозрачных критериев оценки заявок и выбора победителя закрытых закупок.

В целях повышения эффективности контроля за соблюдением законодательства о закупках в условиях закрытия информации предлагается создать механизм оперативного обмена информацией между различными контрольными органами в части закрытых закупок, а также обеспечить координацию их деятельности в целях недопущения дублирования контрольных мероприятий и снижения административной нагрузки на заказчиков.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность правового регулирования контрсанкционных ограничений в закупках и сделках, обеспечить баланс публичных и частных интересов, а также создать условия для сохранения конкурентной среды и поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях продолжающегося санкционного давления.

Список литературы:

[1] Байрашев В.Р. Обзор изменений законодательства о закупках отдельными видами юридических лиц в 2022 г.: антисанкционные поправки. Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. - № 6 (299). – С. 108-117.

[2] Данилушкин А.А. Специфические особенности процесса закупочной деятельности в коммерческих и некоммерческих организациях в условиях неопределенности рынка. Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 7. – № 8 (161). – С. 12-18.

[3] Кириллова А.А. Процессуальные проблемы при осуществлении контроля в сфере закупок, допускающие ограничение конкуренции. В сборнике: Государство и право. Материалы 59-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск. – 2021. – С. 43-44.

[4] Тайборина Н.В. Контроль в государственных закупках: виды и механизмы осуществления. В сборнике: Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Барнаул. – 2023. – С. 281-282.

[5] Постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 г. N 301 «Об основаниях неразмещения на официальном сайте единой информационной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры» (с изменениями и дополнениями)

[6] Самаева Е. В., Пашнанов Э. Л., Казакова Г. Я. Повышение качества контрольной деятельности в сфере закупок //Экономическая политика и финансовые ресурсы. – 2026. – Т. 4. – №. 4. – С. 77-84.

[7] Яхьяев Ш. С. Совершенствование правового регулирования закупочной деятельности отдельных видов юридических лиц на основе Федерального закона № 223-ФЗ //Молодой ученый. Учредители: ООО» Издательство Молодой ученый». – №. 11. – С. 255-257.1

References:

[1] V.R. Bayrashev. Review of changes in procurement legislation by certain types of legal entities in 2022: anti-sanction amendments. Law in the Armed Forces - Military legal review. – 2022. - № 6 (299). - S. 108-117.

[2] Danilushkin A.A. Specific features of the procurement process in commercial and non-commercial organizations in conditions of market uncertainty. Economics and management: problems, solutions. – 2025. - VOL. 7. – № 8 (161). - S. 12-18.

[3] Kirillova A.A. Procedural problems in the implementation of control in the field of procurement, allowing to limit competition. In the collection: State and law. Materials of the 59th International Scientific Student Conference. Novosibirsk. – 2021. - S. 43-44.

[4] N.V. Taiborina. Control in public procurement: types and mechanisms of implementation. In the collection: Russia in the XXI century: global challenges, priorities and development prospects. Materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists. Barnaul. – 2023. - S. 281-282.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of March 6, 2022 N 301 “On the grounds for non-placement on the official website of a unified information system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs in the information and telecommunication network “Internet” information on the procurement of goods, works, services, information about suppliers (contractors, contractors) with whom contracts are concluded” (as amended and supplemented)

[6] Samaeva E.V., Pashnanov E.L., Kazakova G. Ya. Improving the quality of control activities in the field of procurement//Economic policy and financial resources. – 2026. - VOL. 4. – №. 4. - S. 77-84.

[7] Sh. S. Yakhyaev. Improving the legal regulation of procurement activities of certain types of legal entities on the basis of Federal Law No. 223-FZ// Young Scientist. Founders: Young Scientist Publishing House LLC. – №. 11. - S. 255-257.1

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-41-44

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой частного права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Аннотация. *В статье рассматривается цифровизация как многослойный процесс трансформации современного общества. На основе анализа российских и зарубежных нормативных актов выявляются ключевые направления воздействия цифровизации: возникновение новых рисков для прав человека, частной жизни. Особое внимание уделяется развитию риск-ориентированного регулирования искусственного интеллекта, защиты персональных данных.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровое общество; искусственный интеллект; персональные данные; цифровое право.*

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2026-0004 «Цифровизация и ее влияние на современное общество и культуру: когнитивные, правовые, экономические вызовы и перспективы»)

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Private Law, Faculty of Law, FSBEI HE "State Academic University of Humanities"

LEGAL PERSPECTIVES OF THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON MODERN SOCIETY

Annotation. *The article examines digitalization as a multilayer process of transformation of modern society. Based on the analysis of Russian and foreign regulations, the key areas of impact of digitalization are identified: the emergence of new risks for human rights and privacy. Special attention is paid to the development of risk-oriented regulation of artificial intelligence and the protection of personal data.*

Key words: *digitalization; digital society; artificial intelligence; personal data; digital law.*

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2026-0004 "Digitalization and its impact on modern society and culture: cognitive, legal, economic challenges and prospects")

Цифровизация в XXI в. перестала быть периферийной темой, относящейся только к сфере информационных технологий. Она превратилась в универсальный способ организации власти, экономики, культуры. В научном и политико-правовом дискурсе цифровизация все чаще понимается не просто как внедрение программного обеспечения или перевод документов в электронную форму, а как смена инфраструктуры общественной жизни, при которой данные, вычисления становятся основным механизмом принятия решений и распределения ресурсов [4,с.64-75].

Именно поэтому цифровизация должна анализироваться не только как технологический, но и как цивилизационный процесс.

В российском правопорядке стратегическое значение цифровизации зафиксировано на уровне государственных приоритетов. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы закрепила курс на формирование общества знаний и цифровой экономики. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, утвержденная в 2019 г. и уточненная в 2024 г., придала цифровой трансформации дополнительный вектор, связанный с активным внедрением систем искусственного интеллекта в управление, экономику, здравоохранение, образование и иные сферы. Вместе с тем нарастающее усложнение цифровой среды делает недостаточным только технологическое понимание цифровизации [3, с.61].

Правовая проблематика цифровизации носит многоаспектный характер. Она охватывает как традиционные институты - частную жизнь, интеллектуальную собственность, конкуренцию, так и новые режимы регулирования, связанные с данными, платформами, ИИ и цифровой инфраструктурой. В целом правовые вызовы цифровизации можно свести к трем ключевым аспектам: 1) защита данных и частной жизни; 2) ограничение «платформенной власти» (идея в том, чтобы не дать цифровым платформам использовать своё положение для действий, которые вредят конкуренции, ограничивают выбор людей или создают риски для других участников рынка); 3) обеспечение эффективных правовых процедур обжалования автоматизированных решений.

Первый аспект связан с персональными данными и правом на частную жизнь. Федеральный закон «О персональных данных» прямо связывает обработку персональных данных с защитой прав и свобод человека и гражданина. Однако в условиях платформенной экономики персональные данные перестали быть лишь сопутствующим элементом коммуникации и превратились в экономический ресурс.

Второй связан с регулированием искусственного интеллекта. Глобальный цифровой договор ООН исходит из необходимости соблюдения международного права и прав человека в цифровой среде [5].

Третий касается экспериментального правового регулирования. Принимая Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», законодатель стремился обеспечить баланс между инновационным развитием и управляемостью правовых рисков. Однако с научной точки зрения такой режим допустим лишь при наличии ясных пределов эксперимента, обратной связи, внешнего аудита и недопустимости снижения базовых гарантий прав личности. Иначе эксперимент может стать способом обхода общих принципов права под предлогом технологической потребности.

От ответа на эти вызовы зависит, станет ли цифровая трансформация инструментом усиления прав человека либо механизмом технологического неравенства.

Действительно, цифровые технологии позволяют автоматизировать операции, ускорять логистику, повышать точность аналитики, масштабировать сервисы без пропорционального роста материальной инфраструктуры, развивать электронную коммерцию, цифровые финансы и гибридные формы занятости. Именно поэтому цифровая трансформация рассматривается как ресурс конкурентоспособности и экономического суверенитета.

Вместе с тем возникает новая форма экономического неравенства, основанная не только на собственности на материальные активы, но и на контроле над данными и облачной инфраструктурой. В этой конфигурации выигрывает не всегда тот, кто производит контент или товар, а тот, кто управляет маршрутом доступа к пользователю.

В этом смысле подлинная эффективность цифровизации должна оцениваться не только через капитализацию технологических компаний, но и через доступность цифровых благ, устойчивость цепочек поставок и способность экономики распределять выгоды цифровой трансформации более равномерно.

Для российской правовой и социально-экономической политики проблема цифровизации имеет особую специфику. В современных условиях целесообразно выделить несколько приоритетов.

Во-первых, необходима более четкая доктринальная фиксация цифровых прав и законных интересов личности. Российское право уже располагает институтами защиты персональных данных, тайны частной жизни, права на информацию, однако в цифровую эпоху этого недостаточно.

Технологическая скорость не может подменять нормативное качество, а эффективность — вытеснять справедливость. Чем раньше эти принципы будут встроены в цифровое регулирование, тем выше вероятность того, что цифровая трансформация будет служить общественному развитию, а не воспроизводству новых форм зависимости и неравенства.

Правовой эффект цифровизации прежде всего проявляется в том, что данные превращаются в один из ключевых объектов правовой охраны. Российский правопорядок уже содержит базовые элементы такого регулирования в Феде-

ральных законах № 152-ФЗ «О персональных данных» и № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Особенно показательно, что статья 16 Закона « О персональных данных» прямо запрещает принятие решений, порождающих юридические последствия для лица либо иным образом затрагивающих его права и законные интересы, исключительно на основе автоматизированной обработки персональных данных, если нет письменного согласия субъекта или прямого указания федерального закона.

Отсюда вытекает первая правовая перспектива: движение от классической модели юридической ответственности post factum к модели превентивного регулирования. Недостаточно установить ответственность за вред, причиненный цифровой системой - право все чаще должно требовать предварительной оценки рисков, человеческого контроля, процедур обжалования и распределения ответственности между разработчиком, оператором, владельцем инфраструктуры и публичным органом, использующим систему.

В этом направлении движутся международные стандарты: документы ЮНЕСКО [6] прямо подчеркивают необходимость прозрачности, надзора, подотчетности и оценки воздействия цифровых технологий на права человека.

В ближайшие годы, в качестве второй перспективы, право будет все чаще отвечать не только на вопрос, «какие данные можно собирать», но и на вопрос: какие выводы можно делать из данных и какие юридические последствия допустимо связывать с этими выводами. Именно здесь наиболее остро встают проблемы проверяемости и оспоримости решений, принимаемых при помощи ИИ и иных аналитических систем.

Ранее юридическая процедура была связана с участием должностного лица, документом на бумаге, устным объяснением мотивов решения и возможностью формального обжалования. В цифровой среде процедура становится распределенной: часть решения принимает человек, часть — информационная система. Такой подход логически вытекает из уже существующего запрета на исключительно автоматизированные решения в российском праве.

Третья правовая перспектива связана с расширением цифровой идентификации и биометрии. Федеральный закон от 29.12.2022 N 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц..» закрепил специальный режим идентификации и аутентификации с использованием биометрических персональных данных. Закон прямо предусматривает случаи, когда действия по идентификации и аутентификации через единую биометрическую систему и единую систему идентификации и аутентификации приравниваются к предъявлению документа, удостоверяющего личность, если иное не требует предъявления оригинала документа. Это юридически очень значимый шаг: биометрия из технического инструмента превращается в институт публично-правового признания личности. Однако, чем шире использование таких механизмов, тем выше требования к безопасности хранения, независимому надзору и наличию альтернативного, не биометрического канала доступа к услугам. Иначе цифровое удобство может обернуться способом исключения из правового пространства лиц, не желающих или не способных пользоваться биометрической идентификацией [2, с.159].

Четвертая перспектива затрагивает влияние цифровизации на правосудие и доступ к правовой защите. Для российской правовой политики это особенно важно: перспективным является не тотальная цифровизация правосудия, а модель, в которой цифровой формат является приоритетным, но не единственно допустимым.

Пятая перспектива связана с развитием экспериментального правового регулирования. Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» отражает понимание того, что существующий законодательный цикл не всегда успевает за темпом технологических изменений. Сама идея регуляторных «песочниц» рациональна: она позволяет тестировать новые модели оборота данных, цифровых финансовых инструментов. Однако, именно здесь особенно велик риск нормализации «временных исключений» из общих гарантий. Поэтому долгосрочно оправдан лишь такой экспериментальный режим, который заранее ограничен по сроку, прозрачными критериями эффективности, механизмом возмещения вреда и обязательной оценкой его воздействия на права человека [1,с.75].

Системно оценивая правовые перспективы цифровизации, можно сделать вывод, что современное право движется к новой модели регулирования, основанной на, как минимум, двух опорах: прозрачность процедуры и подотчетность цифровых субъектов. Именно такая логика просматривается одновременно в развитии российского законодательства о данных и цифровых режимах.

Следовательно, правовая задача ближайших лет состоит уже не в том, чтобы разрешить или запретить цифровизацию, а в том, чтобы встроить ее в правовой порядок таким образом,

чтобы технологическая эффективность не разрушала автономию личности, равенство и гарантии справедливой процедуры.

В прикладном плане для российской правовой политики это означает необходимость как минимум следующих шагов: нормативного закрепления права лица на уведомление об использовании алгоритмического решения и на его пересмотр человеком; принятия специальных правил для использования ИИ и автоматизированной аналитики в публичном управлении, образовании, медицине и правоохранительной деятельности; ужесточения требований к биометрической идентификации и хранениям данных. В перспективе именно эти элементы могут составить ядро нового цифрового правопорядка, в котором право не догоняет технологию, а задает ей допустимые ориентиры развития.

Подводя итог, следует заметить, что цифровизация является одним из наиболее масштабных процессов современной эпохи, определяющих характер общественного развития. Ее воздействие не ограничивается технической модернизацией. Она перераспределяет экономические выгоды, меняет представления о частной жизни, авторстве, ответственности. В этом смысле цифровизация выступает новой средой существования права и экономики.

Вместе с тем пока отсутствует универсальная и полностью сбалансированная модель регулирования. Главный вопрос цифровой эпохи состоит не в том, насколько глубоко технологии проникнут в общество - этот процесс уже необратим, - а в том, кто и на каких правовых и экономических основаниях будет определять правила цифровой среды.

Список литературы:

[1] Вашурина С.С.«Влияние цифровизации на конституционные права граждан»// Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024.№1. С.75

[2] Лескина Э. И. «Влияние цифровизации на конституционные права граждан»// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025.№ 4.С.159

[3] Петренко И.А., Курзаков М., Магомедова Е. А. «Влияние цифровизации на правосознание населения в современной России: сущность и проблемные аспекты».//CIFRA. Право.2025 №3. С.61.

[4] Попова А. В. «К вопросу о регламентации и содержании системы правовых принципов взаимодействия человека с искусственным интеллектом, роботами и объектами робототехники»//: Правовое государство: теория и практика. 2020.№4. С.64–75

[5] Global Digital Compact. United Nations, 2024.

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO, 2021.

References:

[1] Vashurina S.S. “The impact of digitalization on the constitutional rights of citizens “//Theoretical and applied jurisprudence. 2024.№1. S.75

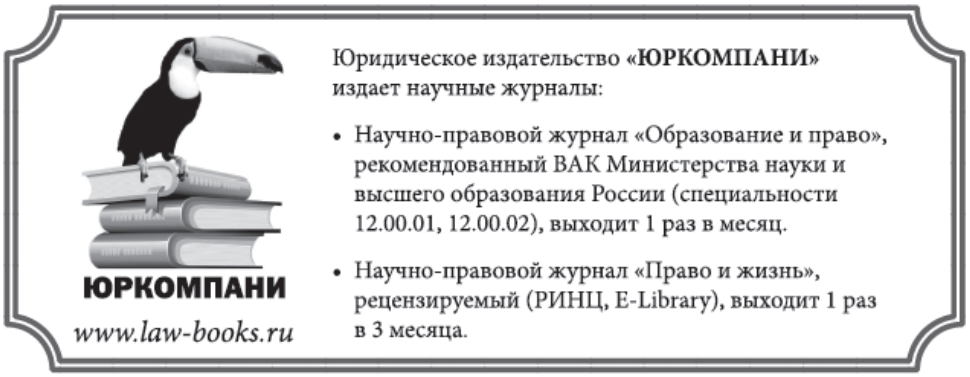
[2] Leskina E. I. “The impact of digitalization on the constitutional rights of citizens “//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2025. No. 4.S.159

[3] Petrenko I.A., Kurzakov M., Magomedova E.A. “The impact of digitalization on the legal consciousness of the population in modern Russia: essence and problematic aspects. “//CIFRA. Law .2025 No. 3. S.61.

[4] Popova A. V. “On the question of the regulation and content of the system of legal principles of human interaction with artificial intelligence, robots and robotics objects “//: The rule of law: theory and practice. 2020.№4. S.64-75

[5] Global Digital Compact. United Nations, 2024.

[6] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO, 2021.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-45-48

РОГАЦЕВИЧ Александр Александрович,
Аспирант кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
г. Челябинск, Россия,
e-mail: yandex.ry@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОНЛАЙН-ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу проблем эффективности судебной защиты прав потребителей в условиях цифровизации гражданского оборота и развития платформенной экономики. Автор обосновывает, что специфика правового статуса потребителя в цифровой среде отягощается новой формой неравенства — технологической и инфраструктурной уязвимостью. В работе исследуются ключевые барьеры, снижающие эффективность судебной защиты: проблема квалификации «технических сбоев» при онлайн-покупках, доказательственная асимметрия вследствие контроля платформ над цифровыми следами, сложность определения надлежащего ответчика в многосубъектных цепочках маркетплейсов, а также нивелирование превентивной функции потребительских санкций. Предложен функциональный подход к распределению ответственности профессиональных участников рынка. Обосновывается необходимость перераспределения процессуального бремени доказывания для преодоления инфраструктурного доминирования цифрового бизнеса.*

Ключевые слова: *онлайн-потребитель, маркетплейс, судебная защита, технологическая уязвимость, электронные доказательства, цифровой след, технический сбой, электронная коммерция, потребительский штраф.*

ROGATSEVICH Alexander Alexandrovich,
Graduate student of the Department of Civil Law,
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

EFFECTIVENESS OF JUDICIAL PROTECTION OF ONLINE CONSUMERS' RIGHTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of the effectiveness of judicial protection of consumer rights in the context of the digitalization of civil turnover and platform economy. The author proves that the specific legal status of a consumer in the digital environment is aggravated by a new form of inequality — technological and infrastructural vulnerability. The paper explores key barriers reducing the effectiveness of judicial protection: the problem of qualifying "technical glitches" in online purchases, evidentiary asymmetry due to platform control over digital footprints, the difficulty of determining the proper defendant in multi-subject marketplace chains, and the leveling of the preventive function of consumer sanctions. A functional approach to the distribution of responsibility of professional market participants is proposed. The necessity of redistributing the procedural burden of proof to overcome the infrastructural dominance of digital business is substantiated.*

Key words: *online consumer, marketplace, judicial protection, technological vulnerability, electronic evidence, digital footprint, technical glitch, e-commerce, consumer fine.*

Введение. Стремительный переход гражданского оборота в цифровую (онлайн) среду и формирование масштабируемой платформенной экономики объективно обусловили трансформацию классических потребительских правоотношений. Цифры наглядно демонстрируют этот тектонический сдвиг: по данным профильных ассоциаций, только в 2024 году объем рынка интернет-торговли в России вырос более чем на 40% и приблизился к отметке в 9,7 трлн рублей. Однако параллельно с ростом экономических показателей кратно увеличилось и количество судебных споров, связанных с систематическим нарушением прав онлайн-потребителей.

Правоприменительная практика последних лет отчетливо показывает, что традиционные процессуальные и материально-правовые институты, заложенные в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) и Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — ЗоЗПП), зачастую дают сбой. Они формировались для условий офлайн-рынка и не способны в полной мере обеспечить эффективную защиту экономически слабой стороны в условиях тотальной алгоритмизации сделок, обезличенности контрагентов и манипулятивного дизайна интерфейсов. Цель настоящего исследования — выявление ключевых барьеров, снижающих эффективность судебной защиты прав онлайн-потребителей, и разработка перспективных доктринальных механизмов адаптации гражданско-правового инструментария к современным условиям цифровой среды.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили всеобщий диалектический метод познания, позволивший рассмотреть эволюцию потребительского статуса в исторической динамике, а также комплекс частно-научных методов: формально-юридический, системный, функциональный, сравнительно-правовой и метод эмпирического анализа. Эмпирическую базу исследования сформировали материалы актуальной судебной практики Верховного Суда РФ, а также судов общей юрисдикции за период 2023–2024 годов по спорам, вытекающим из дистанционного способа продажи товаров, оказания цифровых услуг и функционирования информационных агрегаторов.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Технологическая уязвимость онлайн-потребителя как новый вызов для правосудия. Классическая цивилистическая доктрина (в трудах М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, Е.А. Суханова и др.) традиционно исходит из презумпции экономической и информационной слабости потребителя, что и обуславливает необходимость его повышенной охраны государством. Однако применительно к сфере электронной коммерции данная концепция требует качественного переосмысления и существенного расширения.

В настоящем исследовании обосновывается, что статус онлайн-потребителя отягощается специфической технологической (инфраструктурной) уязвимостью. Данный феномен выражается в том, что пользователь абсолютно лишен возможности влиять на программную архитектуру цифровой платформы, формирование пользовательских путей (Customer Journey) и алгоритмы персонализированного ценообразования. Волеизъявление потребителя сводится к механическому проставлению галочек (Click-wrap соглашения), при этом платформы активно используют «темные паттерны» (Dark Patterns) — манипулятивный дизайн интерфейса. К ним относятся скрытые предустановленные согласия на платные подписки, искусственное создание чувства дефицита (таймеры обратного отсчета), затрудненный процесс отказа от услуг и скрытие реальных характеристик товара за многоуровневыми ссылками.

Следствием такой уязвимости становится полная девальвация классической свободы договора. Эффективность судебной защиты в таких условиях напрямую зависит от готовности судов отступать от принципа формального равенства сторон (ст. 421 ГК РФ) и применять механизмы жесткого контроля справедливости интерфейсных условий, признавая навязанные алгоритмами условия ничтожными на основании ст. 16 ЗоЗПП.

2. Проблема квалификации «технического сбоя» и недопустимость одностороннего отказа от сделки. Одной из наиболее острых проблем судебной практики последних лет, ставшей настоящим маркером эффективности судебной защиты, явились массовые отказы крупных маркетплейсов и интернет-магазинов от исполнения договоров купли-продажи по причине так называемых «внутренних технических сбоев». В результате таких алгоритмических ошибок товары отображались на сайте по аномально низким ценам (в 10, 100 и более раз ниже рыночных).

Изначально суды первой и апелляционной инстанций зачастую вставали на сторону продавцов. Правовая аргументация строилась на признании таких сделок недействительными на основании ст. 178 ГК РФ (совершение сделки под влиянием существенного заблуждения) либо на применении ст. 10 ГК РФ (злоупотребление правом со стороны потребителя, который якобы должен был осознавать ошибочность цены). Однако такой подход в корне подрывает базовые гарантии потребительского права.

Перелом в правоприменительной практике был задан серией определений Верховного Суда РФ в 2023 году (в частности, известное дело ОАО «Торговый дом ЦУМ» № 16-КГ23-6-К4, а также дело маркетплейса Ozon № 82-КГ23-5-К7). Верховный Суд указал, что предложение товара на сайте является публичной офертой, а ее акцепт потребителем путем оформления заказа порождает безусловную обязанность продавца передать товар по заявленной цене. В контексте разрабатываемой нами концепции риск программной ошибки алгоритма должен квалифициро-

ваться исключительно как предпринимательский риск профессионального участника рынка (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Односторонний отказ от исполнения оплаченного онлайн-заказа под видом «сбоя» является недопустимым. Таким образом, основным судебным средством защиты онлайн-потребителя в данной ситуации выступает иск о понуждении к исполнению обязательства в натуре, а не реституция.

3. Преодоление доказательственной асимметрии в цифровых спорах. Эффективность судебной защиты процессуально неразрывно связана с процессом доказывания (ст. 56 ГПК РФ). В цифровых спорах рядовой потребитель сталкивается с непреодолимой доказательственной асимметрией: весь массив первичной юридически значимой информации (электронные логи авторизации, истории изменения карточек товаров, журналы транзакций, фиксация IP-адресов) физически находится на серверах ответчика — самой цифровой платформы. Платформа имеет неограниченную техническую возможность в одностороннем порядке модифицировать, скрыть или удалить этот цифровой след.

В связи с этим для повышения эффективности правосудия необходимо законодательное закрепление или разъяснение на уровне Пленума Верховного Суда РФ механизма процессуального перераспределения бремени доказывания. Суть подхода заключается в следующем: если онлайн-потребитель предоставляет суду объективно доступный ему «внешний» цифровой след (скриншоты экрана, электронные чеки ОФД, почтовые уведомления, выписки по банковскому счету), бремя опровержения факта заключения договора или его надлежащего исполнения должно автоматически переходить на профессионального участника. При этом процессуальное уклонение агрегатора от предоставления суду «внутреннего» цифрового следа (логов сервера) должно применяться судом как эстоппель и толковаться исключительно в пользу слабой стороны.

4. Функциональный подход к определению надлежащего ответчика в платформенной цепочке. Существенным препятствием для фактического восстановления нарушенных прав потребителя является сложная многосубъектная структура современной электронной коммерции. Крупные маркетплейсы формально позиционируют себя исключительно в качестве «информационных посредников» (владельцев агрегаторов информации о товарах). Ссылаясь на положения п. 2.1 ст. 12 ЗоЗПП, платформы в суде перекладывают всю материальную ответственность за некачественный товар или срыв сроков доставки на конечного продавца (часто — фирму-однодневку или ИП без активов).

Для решения этой проблемы мы предлагаем внедрить в правоприменительную практику функциональный критерий определения надлежащего ответчика. Суд при рассмотрении спора должен оценивать не формальный статус лица, прописанный в многостраничном пользовательском соглашении, а степень его фактического участия и экономического контроля над транзакцией. Если платформа не просто предоставляет «витрину» (как классические доски объявлений), но самостоятельно осуществляет прием и удержание безналичных платежей, диктует продавцам императивные правила возврата товара, осуществляет логистическую маршрутизацию, упаковку под своим брендом и управляет претензионным порядком через собственную службу поддержки — она выходит за рамки статуса информационного агрегатора. В таких случаях платформа должна признаваться полноценным участником цепочки продаж и нести перед онлайн-потребителем прямую либо солидарную ответственность.

5. Превентивно-регулятивная функция потребительских санкций. Наконец, важнейшим аспектом эффективности судебной защиты является реализация санкционного механизма. В условиях стандартизированного и автоматизированного обслуживания миллионов клиентов для маркетплейсов выгоднее нарушить права небольшой доли пользователей (например, неправомерно списать средства за подписку или удержать комиссию за возврат брака), так как в суд обратятся единицы. В этой связи потребительская неустойка (1% или 3% в день) и штраф за отказ в добровольном удовлетворении требований (50% от присужденной суммы) приобретают не просто компенсаторную, а важнейшую превентивно-регулятивную функцию. Систематическое применение судами статьи 333 ГК РФ и снижение штрафных санкций до символических величин по инициативе цифровых гигантов полностью разрушает механизм судебной защиты. Судам следует исходить из того, что для профессиональных онлайн-платформ применение ст. 333 ГК РФ должно носить исключительный характер и допускаться только при доказанности непреодолимой силы, так как снижение штрафов стимулирует сохранение бизнес-моделей, построенных на микро-нарушениях прав неограниченного круга потребителей.

Заключение. Проведенный анализ позволяет констатировать, что эффективность судебной защиты прав онлайн-потребителей в современной России требует серьезной парадигмальной корректировки. Существующие механизмы гражданского процессуального и материального права должны быть адаптированы к объективному состоянию технологической и инфраструктурной уязвимости потребителя. Перспективы развития судебной практики и совершенствования законодательства видятся во внедрении презумпции контроля профессионального участника над цифровой средой, что должно влечь за собой перераспределение доказательственных рисков и возложение рисков алгоритмических сбоев непосредственно на владельцев платформ. Переход судов к функциональному определению надлежащего ответчика и отказ от необоснованного снижения потребительских штрафов позволят выровнять баланс интересов и сделать государственную судебную защиту реально работающим барьером против инфраструктурного доминирования цифрового бизнеса.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. № 156.

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.2023 № 82-КГ23-5-К7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.

[7] Василевская Л. Ю. Электронная торговля в России: проблемы правового регулирования и правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 68–79.

[8] Габов А. В. Цифровая платформа как новый субъект права и участник гражданского оборота // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 34–52.

[9] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. 576 с.

[10] Егоров А. В. Правовой статус маркетплейсов в парадигме защиты прав потребителей // Закон. 2023. № 5. С. 112–126.

[11] Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2020. 640 с.

[12] Ярков В. В. Электронные доказательства в цивилистическом процессе: проблемы оценки // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 15–22.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[2] Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 “On Protection of Consumer Rights “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 140.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2012 No. 17 “On the consideration by the courts of civil cases on consumer protection disputes “//Rossiyskaya Gazeta. 2012. № 156.

[4] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.06.2023 No. 16-KG23-6-K4// Access from the ConsultantPlus legal system.

[5] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.07.2023 No. 82-KG23-5-K7// Access from the ConsultantPlus legal system.

[6] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book One: General Provisions. M.: Statute, 2011. 847 pp.

[7] Vasilevskaya L. Yu. E-commerce in Russia: problems of legal regulation and law enforcement// Actual problems of Russian law. 2021. № 3. S. 68-79.

[8] Gabov A. V. Digital platform as a new legal entity and participant in civil trafficking//Bulletin of the civil process. 2022. № 1. S. 34-52.

[9] Civil law: textbook: in 4 volumes/rev. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Revised and add. M.: Statute, 2019. VOL. 1. 576 p.

[10] Egorov A. V. The legal status of marketplaces in the paradigm of consumer protection//Law. 2023. № 5. S. 112-126.

[11] Savelyev A. I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed. M.: Statute, 2020. 640 p.

[12] V.V. Yarkov. Electronic evidence in the civil process: evaluation problems//Arbitration and civil process. 2023. № 8. S. 15-22.

- НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-49-52

КОЖЕМЯКИН Даниил Сергеевич,
студент 3 курса, Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», e-mail: kozhemiakin1@yandex.ru

ЛУНЁВ Валерий Владимирович,
студент 3 курса, Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», e-mail: info.lunev@mail.ru
Научный руководитель:

ПШАВА Вероника Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», e-mail: pshavavv.upp@mail.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается эволюция прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции, ее переход от карательной к превентивной. Показывается содержание и механизм реализации инструментария превентивного антикоррупционного надзора. Авторы рассматривают и анализируют проблемы, возможные пути их решения на данном этапе развития, а также направления оптимизации прокурорского надзора. Авторами используется комплексный метод, консолидация догматического анализа норм Федерального Закона «О прокуратуре», Федерального Закона «О противодействии коррупции», регламентов Федеральной налоговой службы, Генпрокуратуры, а также социология права и анализ данных (изучение статистических данных из открытых источников Генпрокуратуры, анализ докладов)*

Ключевые слова: *прокурор, надзорная деятельность, превентивный надзор, кадры, государство, мониторинг госконтрактов, коррупция, антикоррупционный надзор.*

KOZHEMYAKIN Daniil Sergeevich,
3rd year student, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

LUNEV Valeriy Vladimirovich,
3rd year student, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Scientific adviser:
PSHAVA Veronika Viktorovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH ANTI- CORRUPTION LEGISLATION

Annotation. *The article examines the evolution of prosecutorial supervision in the field of anti-corruption, its transition from a punitive to a preventive model. It describes the content and mechanism of the preventive anti-corruption supervision toolkit. The authors consider and analyse problems, possible ways of their solution at the present stage of development, as well as directions of optimisation of prosecutorial supervision. A comprehensive method is used, combining dogmatic analysis of the norms of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", the Federal Law "On Combating Corruption", regulations of the Federal Tax Service of Russia and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, as well as methods of sociology of law and data analysis (study of statistical data from open sources of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, analysis of reports).*

Key words: *prosecutor, supervisory activity, preventive supervision, personnel, state, monitoring of state contracts, corruption, anti-corruption supervision.*

«Коррупция — хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и всех народов».[1, с.2] Коррупция есть болезнь, которую необходимо постоянно контролировать и пресекать. Возможно, сегодня это кажется тяжело и даже невозможно, но это необходимо. Есть множество инструментов пресечения и уничтожения коррупционных действий как одного лица, так и целых групп лиц. Данным инструментарием обладает Прокуратура РФ.

Развитие и становление прокурорского надзора в Российской Федерации показывает эволюцию, по большей части, от карательной модели исполнения к превентивной, что отражает изменение подхода прокуратуры к противодействию коррупции. До 2000-х годов надзорная деятельность во многом сохраняла систему советской «школы», которая в свою очередь была ориентирована на карательную деятельность.

Наиболее явные преобразования в сфере антикоррупционной деятельности и функции начались после принятия Федерального закона от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции», который смог закрепить понятие коррупции, обязанности государственных органов по её предупреждению и ликвидации. Такое расширение полномочий прокуратуры смогло выразиться, по крайней мере, в таких элементах антикоррупционной деятельности, как: антикоррупционная экспертиза НПА, координации деятельности правоохранительных органов и выявлении самих коррупционных факторов.

Антикоррупционная экспертиза (после её введения как института) стала кульминацией в трансформации прокурорского надзора. Превентивные механизмы первого этапа становления этого института больше носили формальный характер и не сопровождались каким-либо методическим обеспечением.

Этап с 2018 по 2020 года стал решающим, явное смещение акцента с карательной парадигмы на предупредительную в противодействии коррупции было очевидно. Ключевыми стали такие направления как: развитие антикоррупционного мониторинга, усиление и становление межведомственной координации, а также просветительская деятельность в сфере антикоррупционных мероприятий.

В этом видится решающая роль регулярных просветительских антикоррупционных мероприятий (число которых выросло с 421 тыс. в 2018 г. до 437 тыс. в 2020 г.), в том числе реализуемых во исполнение ведомственных планов противодействия коррупции. В сравнении с 2018 г. также повысилась результативность проверочных мероприятий, проводимых антикоррупционными подразделениями государственных органов и организаций: если в 2018 г. установлением фактов совершения коррупционных правонарушений завершилось 53% проведенных проверок деклараций (46,6 тыс. из 87,7 тыс.), то в 2020 г. уже 62% проверок (44,4 тыс. из 71,8 тыс.)[2, с.6].

Превентивный прокурорский надзор в сфере противодействия коррупции формируется на основе сочетания общих полномочий прокуратуры по надзору за исполнением законов и специальных требований антикоррупционного законодательства. Его содержание охватывает соблюдение установленных запретов, ограничений и обязанностей, направленных на предупреждение коррупционных правонарушений, включая представление сведений о доходах, расходах и имуществе, а также предотвращение и урегулирование конфликта интересов.

Нормативная основа данного вида надзора закреплена в Федеральном законе РФ от 17.01.1992 № 2202-1 (далее по тексту – Закон о Прокуратуре). Положения статей 1, 21 и 22 определяют назначение прокуратуры, предмет надзора за исполнением законов и полномочия прокурора. При этом превентивная направленность прокурорской деятельности наиболее ярко про-

является в статье 25.1 указанного Закона, предусматривающей объявление предостережения о недопустимости нарушения закона как меры предупреждения противоправного поведения.

Направления антикоррупционного надзора определяются Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ. В частности, статья 6 закрепляет меры профилактики коррупции, статья 8 — обязанность представления сведений о доходах, расходах и имуществе, а статьи 10 и 11 регулируют вопросы конфликта интересов и его урегулирования.

Системный анализ позволяет выделить основные группы инструментов превентивного прокурорского надзора: кадрово-контрольные, экспертно-нормотворческие, мониторингово-аналитические, а также акты прокурорского реагирования профилактического характера.

К числу кадрово-контрольных инструментов относятся проверки достоверности и полноты сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Их правовая основа закреплена в статье 8 Федерального закона № 273-ФЗ, а также конкретизирована Указом Президента РФ от 21.09.2009 № 1065, устанавливающим порядок проверки соответствующих сведений. Существенным элементом такого контроля является анализ сведений о расходах (ст. 8.1 Федерального закона № 273-ФЗ), что позволяет выявлять несоответствие уровня жизни сопоставляя их с официальными доходами.

К экспертно-нормотворческим инструментам относится антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. В силу статьи 1 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ она направлена на выявление коррупциогенных факторов и их устранение, что переносит антикоррупционную профилактику на стадию нормотворчества. Вместе с тем правовая природа данной экспертизы имеет определенные особенности. Результаты антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры, не обладают обязательной юридической силой в части устранения выявленных нарушений и не влекут автоматического внесения изменений в нормативный акт.

Мониторингово-аналитические инструменты наиболее ярко проявляются в сфере публичных закупок. В соответствии со статьей 99 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ контроль в сфере закупок направлен на обеспечение законности процедур заключения и исполнения контрактов. В контексте прокурорского надзора данный контроль приобретает превентивное значение, поскольку позволяет выявлять признаки ограничения конкуренции, искусственного дробления закупок и иных коррупциогенных фактов на ранних стадиях.

Особую группу составляют акты прокурорского реагирования, обладающие профилактической направленностью. Среди них ключевое значение имеет предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1 Закона о прокуратуре), применяемое при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях. В отличие от иных мер реагирования, предостережение ориентировано не на устранение последствий, а на предупреждение правонарушения.

Таким образом, инструментарий превентивного прокурорского надзора представляет собой комплекс взаимосвязанных механизмов, направленных на раннее выявление и предупреждение коррупционных рисков. Однако наличие развернутой системы инструментов само по себе не гарантирует их высокой эффективности, что обусловливает необходимость анализа результатов их практического применения.

Эффективностью превентивного прокурорского надзора следует понимать способность надзорных механизмов своевременно выявлять, ограничивать и предупреждать коррупционные риски до стадии завершенного правонарушения.

Количественные показатели — отражают лишь интенсивность надзорной деятельности. Между тем логика статьи 25.1 Закона о прокуратуре ориентирует прокурорское вмешательство на предотвращение правонарушений, что требует оценки именно профилактического эффекта.

Анализ практики позволяет выделить несколько групп проблем, снижающих эффективность превентивного надзора.

К нормативным проблемам относится отсутствие четко закрепленных критериев оценки эффективности, что приводит к преобладанию формального подхода. Организационные проблемы выражаются в недостаточной координации межведомственного взаимодействия и разобщенности информационных ресурсов. Правоприменительные проблемы проявляются в формализации отдельных процедур, прежде всего кадровых проверок, которые не всегда позволяют выявить скрытые формы личной заинтересованности и аффилированности. Информационно-аналитические проблемы связаны с ограниченным использованием цифровых инструментов анализа, особенно в сфере закупок.

Специфика публичных закупок требует не только проверки документации, но и анализа рисков, связанных с выявлением коррупциогенных факторов, которые могут выражаться в ограничении конкуренции и аффилированности участников.

Для повышения эффективности превентивного прокурорского надзора считаем целесообразным внедрить риск-ориентированный под-

ход, направленный на усиление внимания органов прокуратуры к наиболее уязвимым направлениям – нормотворчеству, закупкам, конфликтам интересов и кадровым вопросам. Указанный подход согласуется со статьей 6 Федерального закона № 273-ФЗ и статьей 25.1 Закона о прокуратуре.

В целях развития антикоррупционного законодательства считаем необходимым рассмотреть вопрос о законодательном закреплении риск-ориентированной модели превентивного прокурорского надзора. Такая модель должна быть направлена не только на принятие мер прокурорского реагирования на уже совершенные нарушения антикоррупционного законодательства, но также на профилактику возможных рисков таких нарушений в кадровой деятельности, нормотворчестве и сфере публичных закупок.

Наиболее важным является развитие антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. На сегодняшний день ее результаты не являются обязательными для внесения изменений в нормативные акты и их проекты, однако в силу наличия института антикоррупционной экспертизы она позволяет выявлять системные ошибки субъектов нормотворчества и применять соответствующие меры прокурорского реагирования. В этой связи считаем целесообразным внести изменения в Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ, дополнив его положениями, согласно которым требования прокурора при выявлении нарушений в рамках проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, будут носить обязательный характер. Реализация данного подхода позволила бы повысить эффективность прокурорского надзора, сменив акцент с формального учета проведенных мероприятий на реальное предупреждение и профилактику коррупционных нарушений. Антикоррупционная экспертиза выступает одним из эффективных инструментов выявления коррупции.

На основании изложенного общая тенденция повышения эффективности превентивного прокурорского надзора связана с анализом реального профилактического воздействия, в отличие от формально-количественного подхода. В целом это предполагает совершенствование нормативной базы, развитие аналитических инструментов и усиление превентивного антикоррупционного надзора.

Список литературы:

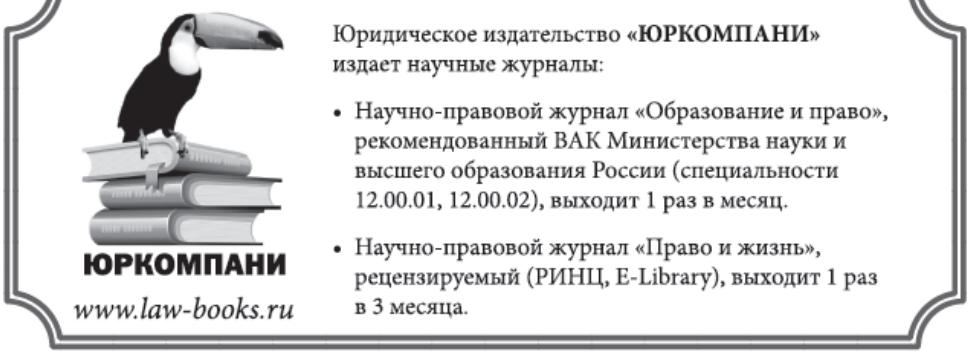
[1] Кирпичников А.И. Российская коррупция / А.И. Кирпичников; Ассоц. Юрид. центр. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 437 с. — ISBN 5-94201-344-6.

[2] Аникин А.А. Отдельные вопросы формирования и реализации государственной антикоррупционной политики // Профилактика коррупционных правонарушений: сборник докладов / Генеральная прокуратура Российской Федерации. — М., 2021. — С. 6.

References:

[1] A.I. Kirpichnikov. Russian corruption/A.I. Kirpichnikov; Assoc. Jurid. center. - 3rd ed., Rev. and add. - St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2004. - 437 p. - ISBN 5-94201-344-6.

[2] A.A. Anikin. Separate issues of formation and implementation of the state anti-corruption policy//Prevention of corruption offenses: collection of reports/General Prosecutor's Office of the Russian Federation. - M., 2021. - S. 6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-53-57

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

КОМПЛЕКСНАЯ АКТИВНАЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА И РЕАБИЛИТАЦИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается комплексная активная антинаркотическая профилактика и реабилитация, программы, направленные на пропаганду здорового образа жизни и ориентированные на применение социально-психологического тренинга.*

Ключевые слова: *профилактика, динамика, реабилитация, система, деятельность, наркотика, антинаркотическая профилактика.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher NITs-2 PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

COMPREHENSIVE ACTIVE ANTI-DRUG PREVENTION AND REHABILITATION

Annotation. *The article discusses comprehensive active anti-drug prevention and rehabilitation, programs aimed at promoting a healthy lifestyle and focused on the use of social and psychological training.*

Key words: *prevention, dynamics, rehabilitation, system, activity, drug, anti-drug prevention.*

Антинаркотическая профилактика – это целостная, организуемая в рамках единой государственной программы система мер, которая имеет свое содержание, свою этапность и динамику развития, свой определенный конечный результат и реализуется государственными и общественными структурами.

Такое понимание профилактики как системы деятельности позволяет в общегосударственной системе профилактики употребления и оборота наркотических средств выделить подсистему профилактической деятельности в образовательной среде, которая имеет специфические цели, задачи, средства и находится в компетенции, прежде всего Министерства образования Российской Федерации, Министерства здравоохранения Российской Федерации, органов управления образованием и органов управления здравоохранением субъектов Российской Федерации.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что в плане профилактики наиболее предпочтительными являются программы, направленные на пропаганду здорового образа жизни и ориентированные на применение социально-психологического тренинга. Базовой основой всех профилактических мероприятий признается информационно-когнитивное (образовательное) направление.

Профилактическая деятельность в образовательной среде включает следующие основные принципы:

1. Комплексность

Согласованное взаимодействие:

– на межведомственном уровне – органов и учреждений, отвечающих за различные аспекты государственной системы профилактики наркомании в рамках своей компетенции (органы и учреждения образования, здравоохранения, социальной защиты населения, правоохранительные органы и др.);
– на профессиональном уровне – специалистов различных профессий, в функциональные обязанности которых входят различные аспекты профилактики (воспитатели, педагоги, дошкольные, школьные и медицинские психологи, врачи, наркологи, социальные педагоги и социальные работники детства, работники комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, инспекторы подразделений по делам несовершеннолетних);

– в системе образования – органов управления образованием на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, а также образовательных учреждений, отвечающих за взаимодействие и координацию различных профилактических мероприятий в русле единой целостной программы комплексной профилактики.

2. Дифференцированность

Дифференциация целей, задач, средств и планируемых результатов профилактики с учетом:

– во-первых, возраста. По возрасту наиболее значимо выделение группы детей старшего дошкольного возраста (5-6 лет), младшего школьного возраста (7-10 лет), среднего школьного возраста (11-14 лет), старшего подросткового возраста (15-16 лет), юношеского возраста (17-18 лет) молодежи (от 18 лет);
– во-вторых, степени вовлечения в наркогенную ситуацию. При этом значимо выделение детско-подростковых и молодежных групп, не вовлеченных в наркогенную ситуацию, но относящихся к «группе риска наркотизации», например, лишенных родительского попечения и находящихся в условиях безнадзорности; имеющих различные проблемы в развитии и поведении («трудные и проблемные» дети и подростки); начавших употреблять наркотики (потребители наркотиков); заболевших наркоманией. В этом контексте приобретает свою специфику профилактическая работа со студентами средних и высших профессиональных учебных учреждений.

3. Аксиологичность (ценностная ориентация)

Этот принцип включает формирование у детей и молодежи мировоззренческих представлений об общечеловеческих ценностях, здоровом образе жизни, законопослушности, уважении к человеку, государству, окружающей среде и др., которые являются ориентирами и регуляторами их поведения. Принятие общечеловеческих ценностей и норм поведения является одним из основных морально-этических барьеров потребления ПАВ, а в случае заболевания служит основанием для социальной реадаптации и реабилитации.

4. Многоаспектность

Сочетание различных направлений целевой профилактической деятельности. Ведущими аспектами профилактической деятельности в образовательной среде являются:

– социальный аспект, ориентированный на формирование позитивных моральных и нравственных ценностей, определяющих выбор здорового образа жизни, отрицательного отношения к пробе и приему психоактивных веществ, в том числе наркотиков, меняющих психическое состояние;
– психологический аспект, направленный на формирование стрессо-устойчивых личностных установок, позитивно-когнитивных оценок, а также навыков «быть успешным», быть способным сделать позитивный альтернативный выбор в трудной жизненной ситуации, включая ситуацию предложения наркотиков;
– образовательный аспект, формирующий систему представлений и знаний о социально-психологических, медицинских, правовых и морально-этических последствиях злоупотребления ПАВ.

Многоаспектность комплексной профилактики включает также направленность ее воздействия на различные уровни в поле субъект-объектных взаимодействий при осуществлении профилактических мероприятий:

– социально-средовое воздействие, направленное на разрушение групп наркотизирующихся детей и подростков и на создание социально-поддерживающей инфраструктуры;
– воздействие на «саморазрушающее» поведение детей и подростков, вовлченных в наркотизацию, а также на другие отклоняющиеся («девиантные») формы поведения детей группы риска;
– воздействие, связанное с индивидуальными или групповыми формами оказания профилактической помощи.

5. Последовательность (этапность)

Принцип последовательности или этапности предусматривает, что ее цели и задачи должны быть:

– разделены на общие стратегические и частные (этапные), т.е. не могут быть реализованы одномоментно или аврально, по типу разовой кампании;
– на каждом этапе возможность реализации поставленных целей и задач должна быть поддержана соответствующим целевым финансированием;
– для обеспечения последовательности или «алгоритма» шагов в реализации системной профилактики в нее должен обязательно входить социально-психологический мониторинг, ориентированный не только на оценку субъективных и объективных факторов распространенности наркотиков, но и на формирование структур и элементов системы сдерживания распространения, системы социально-психологической поддержки.

6. Легитимность

Легитимность предусматривает необходимую правовую базу антинаркотической профилактической деятельности. К правовой базе указанной деятельности, безусловно, относятся все нормативные акты о правах и обязанностях лиц, которые в пределах своей компетенции и статуса обязаны заниматься профилактикой. К правовой базе относятся также права и обязанности детей и молодежи, которые затрагиваются в различной степени, когда по отношению к ним осуществляются активные профилактические мероприятия. Таким образом, правовые границы антинаркотической профилактики предусматривают:

– действия, не нарушающие установленную в законе компетенцию органа или лиц, осуществляющих профилактические меры;
– действия, не нарушающие права несовершеннолетнего как гражданина и члена общества, к которому относятся эти профилактические мероприятия.

При этом может возникать правовая ситуация, когда те или иные действия в границах осуществления первичной и вторичной профилактической помощи не запрещены, однако не регламентированы нормативными актами. Например: доврачебная и врачебная диагностика наркотического опьянения в образовательном учреждении; диагностика употребления наркотиков методом тестирования; социальное вмешательство специалиста в семью при риске наркотизации для ребенка.

Следовательно, компетенция органов и лиц, осуществляющих профилактическую работу, и степень взаимодействия различных ведомств и специалистов должны быть закреплены в соответствующих нормативных актах. Это ставит перед участниками системы профилактики специфические задачи: максимальный учет отраслевых законов, их согласование в рамках концепции активной, системной первичной профилактики; использование мирового и российского опыта в правовом обеспечении диагностики употребления наркотиков, организации раннего выявления потребителей и их оздоровления, социально-психологической реабилитации, с одной стороны; защиты их прав и законных интересов – с другой. для этого необходима соответствующая специальная, в том числе правовая, подготовка специалистов, участвующих в оказании профилактической помощи. Особое внимание должно быть обращено на правовые гарантии прав несовершеннолетнего во всех случаях применения к нему активных профилактических мер, влекущих принуждение и ограничение его прав. Нельзя предоставлять органам и лицам, осуществляющим профилактику, право проводить диагностику наркотического опьянения, употребления ПАВ, не сформировав в том же нормативном акте механизм защиты прав и достоинства ребенка, по отношению к которому осуществляются эти действия.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[2] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения /Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[3] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[4] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[5] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[7] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[8] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[9] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[11] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[14] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[15] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[16] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[17] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[2] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev//Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[3] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[4] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[5] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[6] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[7] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[8] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[9] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[11] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[12] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[14] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[15] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[16] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[17] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-58-62

ВАСИЛЬЕВ Роман Викторович,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: roman_vasilev_1972@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОТ ПОЖАРОВ: ОЦЕНКИ УГРОЗ И МЕТОДЫ МИНИМИЗАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема экологической безопасности при возникновении пожаров, а также основные угрозы, связанные с их воздействием на окружающую среду. Раскрываются подходы к оценке пожарных рисков, включая анализ природных, климатических, техногенных и антропогенных факторов. Рассмотрены методы минимизации последствий пожаров, среди которых профилактические мероприятия, мониторинг пожароопасных территорий, раннее обнаружение очагов возгорания, безопасные способы тушения и восстановление поврежденных природных комплексов. Подчеркивается необходимость комплексного взаимодействия государственных структур, предприятий, специалистов и населения для снижения экологического ущерба и повышения уровня пожарной безопасности.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность, пожары, пожарные риски, загрязнение окружающей среды, минимизация последствий, восстановление экосистем.*

VASILIEV Roman Viktorovich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

ENVIRONMENTAL SAFETY FROM FIRES: THREAT ASSESSMENTS AND MITIGATION METHODS

Annotation. *The article discusses the problem of environmental safety in the event of fires, as well as the main threats associated with their impact on the environment. Approaches to fire risk assessment are disclosed, including the analysis of natural, climatic, man-made and anthropogenic factors. Methods of minimizing the consequences of fires are considered, including preventive measures, monitoring of fire-prone areas, early detection of fires, safe extinguishing methods and restoration of damaged natural complexes. The need for comprehensive cooperation between government agencies, enterprises, specialists and the public is emphasized in order to reduce environmental damage and increase fire safety.*

Key words: *environmental safety, fires, fire risks, environmental pollution, mitigation of consequences, restoration of ecosystems.*

Пожары относятся к числу наиболее опасных факторов воздействия на окружающую среду, затрагивающие не только отдельные природные территории или населенные пункты, но и целые экологические системы [1,2]. Огонь способен за короткое время уничтожать лесные массивы, сельскохозяйственные угодья, жилую и промышленную инфраструктуру, нарушать естественные процессы восстановления природы и ухудшать качество жизни населения. Особенно опасность представляют крупные природные пожары, пожары на промышленных объектах, торфяниках, свалках, складах химических веществ и нефтепродуктов [3].

Экологическая безопасность от пожаров представляет собой систему мер, направленных на предупреждение возгораний, снижение масштабов их распространения, уменьшение вредного воздействия на природную среду и восстановление нарушенных территорий [4]. Данная тема становится все более актуальной из-за роста антропогенной нагрузки, изменения климатических условий, увеличения числа экстремальных погодных явлений, а также расширения хозяйственной деятельности человека вблизи лесных и природных зон.

Важно отметить, что пожары оказывают комплексное воздействие на окружающую среду.

В атмосферу поступают продукты горения: угарный газ, оксиды азота, мелкодисперсные частицы, сажа, летучие органические соединения и другие загрязнители. Они ухудшают качество воздуха, влияют на здоровье людей и животных, а также могут переноситься на значительные расстояния. При горении промышленных материалов, пластика, нефтепродуктов и химических веществ образуются особенно токсичные соединения, способные длительное время сохраняться в окружающей среде. Так, А.А. Карапузиков, Н.П. Мураев подчеркивают, что пожары являются значимым источником атмосферных выбросов. При горении растительности и древесины в атмосферу поступают токсичные продукты сгорания, оказывающие негативное воздействие на здоровье человека и состояние окружающей среды. Кроме того, пожары повышают концентрацию парниковых газов, усиливая процессы глобального потепления и климатических изменений [5,6].

Не менее значительным является воздействие пожаров на почвы и водные объекты. Высокие температуры разрушают плодородный слой, изменяют химический состав почвы, снижают её способность удерживать влагу и поддерживать растительность. После пожаров возрастает риск эрозии, оползней и смыва загрязняющих веществ в реки, озера и подземные воды. Это может привести к гибели водных организмов, ухудшению качества питьевой воды и нарушению природного баланса.

В исследовании В.М. Мелькумова, С.А. Колодяжного, Ю.З. Иншакова отмечается, что воздействие пожаров на окружающую среду проявляется не только в загрязнении атмосферного воздуха продуктами горения, но и в последующем поступлении значительной части загрязняющих веществ в гидросферу. По мнению авторов оценка экологической опасности пожаров должна учитывать не только первичные продукты горения, но и пути их последующей миграции в окружающей среде [7].

С.В. Куликов указывает, что способность атмосферы к самоочищению и ее устойчивость к загрязнению определяются метеорологическими и климатическими условиями, рельефом местности, растительным покровом и другими факторами. Следовательно, интенсивность загрязнения напрямую зависит от географического положения источника горения [8].

Таким образом, обеспечение экологической безопасности от пожаров требует не только оперативного тушения возгораний, но и комплексной оценки угроз, профилактики, мониторинга, грамотного планирования территорий и последующего восстановления экосистем. Важно учитывать природные, технические, социальные и организационные факторы, поскольку пожарная безопасность и экологическая безопасность тесно связаны между собой.

Исходя из этого можно выделить следующие группы экологических угроз:

– Первая связана с загрязнением атмосферного воздуха. При горении растительности, бытовых отходов, топлива или промышленных материалов выделяются вещества, опасные для здоровья человека и состояния экосистем. Дым снижает видимость, ухудшает санитарные условия и может вызывать заболевания органов дыхания.
– Вторая угроза заключается в деградации почв. После сильного пожара почва теряет часть органического вещества, ухудшается ее структура, уменьшается количество микроорганизмов, необходимых для естественного восстановления плодородия. На выгоревших участках растительный покров восстанавливается медленно, а открытая почва становится уязвимой к ветровой и водной эрозии.
– Третья угроза связана с потерей биоразнообразия. Пожары уничтожают места обитания животных, гнездования птиц, редкие виды растений и грибов. Некоторые виды способны восстановиться после огня, но при частых и интенсивных пожарах экосистема может измениться необратимо.
– Четвертая угроза — загрязнение водных ресурсов. Зола, сажа, продукты горения, остатки химических веществ и нефтепродуктов могут попадать в водоемы с поверхностным стоком. Это ухудшает качество воды и может вызывать гибель водных организмов.

Особую опасность представляют пожары на объектах промышленности и хранения отходов. В таких случаях экологический ущерб может быть значительно выше, чем при обычных природных пожарах, поскольку в окружающую среду попадают токсичные и трудноразлагаемые вещества.

В этой связи, большое значение приобретает оценка угроз, которая необходима для определения вероятности возникновения пожара, возможных масштабов его распространения и предполагаемые экологические последствия. Она включает анализ природных условий, состояния территории, характера хозяйственной деятельности и готовности служб реагирования.

К природным факторам относятся температура воздуха, влажность, сила ветра, количество осадков, тип растительности и состояние почвы. В засушливые периоды риск возникновения пожаров значительно возрастает, особенно в лесах, степях и на торфяниках.

Антропогенные факторы включают неосторожное обращение с огнем, нарушение правил эксплуатации оборудования, сжигание мусора и сухой травы, аварии на производстве, транспортные происшествия и недостаточный контроль за пожароопасными объектами.

А.М. Газизов, Ю.Э.Иванчина выделяют три уровня оценки риска: качественный, полуколичественный и количественный. Качественный анализ требует минимальной детализации и данных, а количественный — максимальной детализации и наибольшего объема информации [9].

А.В. Игнатьева, Р.В. Кнауб, Е.А. Чупина предлагают систему прогнозирования пожароопасной ситуации, основанную на выделении приоритетных зон лесов, требующих первоочередной защиты. Такой подход повышает эффективность своевременного обнаружения и прогнозирования лесных пожаров [10].

Для оценки угроз применяются карты пожарной опасности, атлас опасностей и риска, данные дистанционного зондирования, спутниковый мониторинг, метеорологические прогнозы и результаты экологического обследования территорий. Такие методы позволяют заранее выявлять зоны повышенного риска и принимать профилактические меры.

Важным элементом оценки является прогнозирование последствий. Оно помогает определить, какие территории могут пострадать, какие загрязняющие вещества могут попасть в окружающую среду, как пожар повлияет на население, животных, растения, почвы и водоемы.

Таким образом, анализ и прогнозирование пожароопасной обстановки позволяют не только выявить территории с повышенным риском возникновения пожаров, но и определить направления профилактической работы. После выделения наиболее уязвимых зон особое значение приобретает организация мероприятий, направленных на предупреждение возгораний и снижение возможного ущерба.

Минимизация последствий пожаров начинается с профилактики. Наиболее эффективными являются меры, которые предотвращают возникновение возгораний или ограничивают их распространение на ранней стадии. К ним относятся создание противопожарных разрывов, очистка территорий от сухой растительности и мусора, контроль за состоянием лесных дорог, организация наблюдения и своевременное информирование населения.

Для природных территорий важны системы мониторинга. Использование спутниковых снимков, беспилотных летательных аппаратов, камер наблюдения и метеоданных позволяет обнаруживать очаги возгорания на раннем этапе. Чем быстрее выявлен пожар, тем меньше его экологический ущерб.

После ликвидации пожара необходимы восстановительные мероприятия, включающе очистку территории от опасных остатков, анализ состояния воздуха, почвы и воды, предотвращение эрозии, высадку растений, восстановление лесных культур и наблюдение за состоянием животных и растительности.

В случае загрязнения водных объектов требуется локализация загрязненных стоков, очистка береговой зоны, лабораторный контроль качества воды и предотвращение дальнейшего распространения вредных веществ.

Экологическая безопасность от пожаров невозможна без участия населения, предприятий и органов управления. Люди должны соблюдать правила пожарной безопасности, не оставлять открытый огонь без контроля, не сжигать мусор в неустановленных местах, осторожно обращаться с горючими материалами и своевременно сообщать о признаках возгорания.

Организации обязаны обеспечивать техническую исправность оборудования, обучать сотрудников действиям при пожаре, проводить инструктажи, контролировать хранение опасных веществ и иметь средства пожаротушения. Для предприятий с повышенной экологической опасностью особенно важно регулярно проводить оценку рисков и учения по ликвидации аварий.

Подведя итоги отметим, что эффективная защита окружающей среды от пожаров должна основываться на комплексном подходе. Он включает оценку рисков, профилактику, мониторинг, быстрое реагирование, экологически безопасное тушение и восстановление пострадавших территорий. Особое значение имеют современные технологии наблюдения, грамотное управление природными ресурсами и ответственное поведение населения. Кроме того, чем раньше выявляются угрозы и принимаются меры по их снижению, тем выше вероятность сохранить природные экосистемы, здоровье людей и устойчивость окружающей среды.

Список литературы:

[1] Карапузиков, А. А. Стратегии повышения экологической безопасности от пожаров / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев, М. В. Дьяков // Природноресурсный потенциал, экология и устойчивое развитие регионов России : Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20–21 января 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 84-87. – EDN NOKWLE.

[2] Дьяков, В. Ф. Пожары и экологические последствия от них / В. Ф. Дьяков // Города России: проблемы строительства, инженерного обеспечения, благоустройства и экологии : Сборник

статей XXVI Международной научно-практической конференции, Пенза, 28–29 марта 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 115-118. – EDN AQNRVV.

[3] Васильев, Р. В. Влияние токсичных продуктов горения на дыхательную систему и средства защиты от них / Р. В. Васильев, С. А. Коноплева // Российский научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 568-573. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-11-568-573. – EDN BDSETO.

[4] Природные пожары и экологические последствия от них / В. Ф. Дьяков, А. А. Карапузиков, М. В. Дьяков, А. Н. Иванов // Управление экономикой, системами, процессами : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 октября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 152-156. – EDN NXMKSG.

[5] Карапузиков, А. А. Влияние пожаров на экологию / А. А. Карапузиков, Н. П. Мураев // Россия и мировое сообщество: проблемы демографии, экологии и здоровья населения : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 10–11 июля 2023 года / Под научной редакцией С.Д. Морозова, В.Б. Жиромской. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 112-114. – EDN SWJOCI.

[6] Суслов, В. О. Анализ экологических последствий техносферных пожаров в зданиях / В. О. Суслов, И. О. Кирильчук, А. В. Гнездилова // Прогрессивные технологии и процессы : Сборник научных статей 4-й Международной молодежной научно-практической конференции, Курск, 21–22 сентября 2017 года / Ответственный редактор А.А. Горохов. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 182-185. – EDN ZJQITR.

[7] Мелькумов, В. Н. Экологическое воздействие пожаров на окружающую среду / В. Н. Мелькумов, С. А. Колодяжный, Ю. З. Иншаков // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Строительство и архитектура. – 2008. – № 4(12). – С. 198-208. – EDN JWUIJV.

[8] Куликов, С. В. Влияние пожаров на экологию окружающей среды / С. В. Куликов // Мониторинг, моделирование и прогнозирование опасных природных явлений и чрезвычайных ситуаций : Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции, Железногорск, 16 октября 2020 года. – Железногорск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирская пожарно-спасательная академия» Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий», 2020. – С. 254-256. – EDN EUFFCV.

[9] Газизов, А. М. Оценка воздействия пожара на окружающую среду / А. М. Газизов, Ю. Э. Иванчина // Материалы II международной научно-практической конференции, посвящённой Всемирному дню гражданской обороны, Москва, 01 марта 2018 года. Том Часть I. – Москва: Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 2018. – С. 103-108. – EDN XZLVDN.

[10] Игнатьева, А. В. Оценка влияния лесных пожаров на экологическую обстановку и меры по мониторингу за чрезвычайными ситуациями в лесах Томской области / А. В. Игнатьева, Р. В. Кнауб, Е. А. Чупина // Успехи современного естествознания. – 2020. – № 4. – С. 85-92. – DOI 10.17513/use.37367. – EDN PGSNLD.

References:

[1] Karapuzikov, A. A. Strategies for improving environmental safety from fires/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev, M. V. Dyakov//Natural resource potential, ecology and sustainable development of Russian regions: Collection of articles of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Penza, January 20-21, 2025. - Penza: Penza State Agrarian University, 2025. - S. 84-87. – EDN NOKWLE.

[2] Dyakov, V.F. Fires and environmental consequences from them/V.F. Dyakov//Cities of Russia: problems of construction, engineering, improvement and ecology: Collection of articles of the XXVI International Scientific and Practical Conference, Penza, March 28-29, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 115-118. – EDN AQNRVV.

[3] Vasiliev, R.V. The effect of toxic combustion products on the respiratory system and means of protection against them/R.V. Vasiliev, S.A. Konopleva//Russian Scientific Bulletin. – 2025. – № 11. - S. 568-573. – DOI 10.24412/2782-3830-2025-11-568-573. – EDN BDSETO.

[4] Natural fires and environmental consequences from them/V.F. Dyakov, A.A. Karapuzikov, M.V. Dyakov, A.N. Ivanov//Management of economics, systems, processes: Collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Penza, October 14-15, 2024. - Penza: Penza State Agrarian University, 2024. - S. 152-156. – EDN NXMKSG.

[5] Karapuzikov, A. A. The impact of fires on the environment/A. A. Karapuzikov, N. P. Muraev//Russia and the world community: problems of demography, ecology and public health: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Penza, July 10-11, 2023/Edited by S.D. Morozov, V.B. Zh Irom. - Penza: Penza State Agrarian University, 2023. - S. 112-114. – EDN SWJOCI.

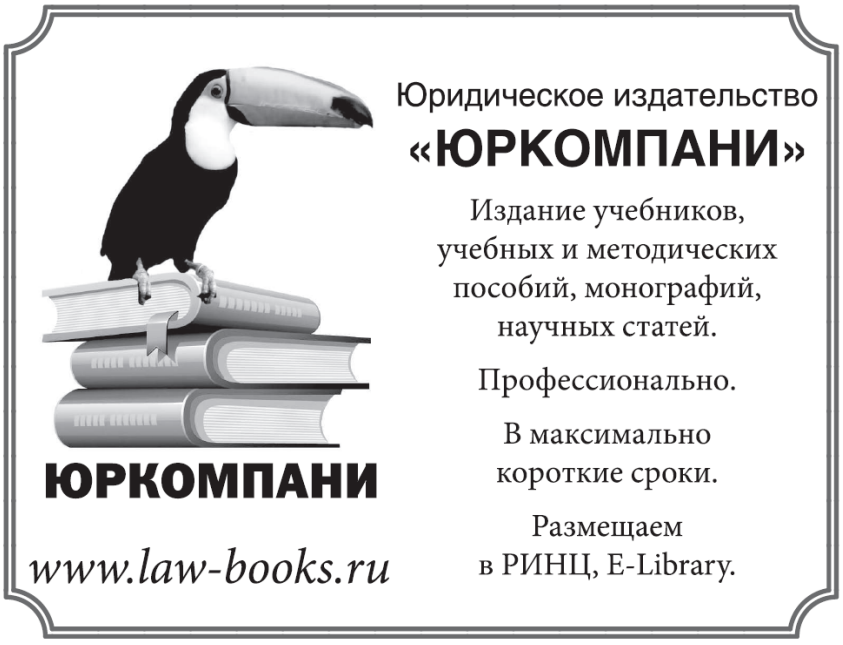
[6] Suslov, V.O. Analysis of the environmental consequences of technosphere fires in buildings/V.O. Suslov, I.O. Kirilchuk, A.V. Gnezdilova//Progressive technologies and processes: Collection of scientific articles of the 4th International Youth Scientific and Practical Conference, Kursk, September 21-22, 2017/Executive Editor A.A. Gorokhov. - Kursk: University Book Closed Joint Stock Company, 2017. - S. 182-185. – EDN ZJQITR.

[7] Melkumov, V. N. Environmental Impact of Fires/V. N. Melkumov, S. A. Kolodyazhny, Yu. Z. Inshakov//Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Construction and architecture. – 2008. – № 4(12). - S. 198-208. – EDN JWUIJV.

[8] Kulikov, S.V. Impact of fires on the environment/S.V. Kulikov//Monitoring, modeling and forecasting of natural hazards and emergencies: Collection of materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference, Zheleznogorsk, October 16, 2020. - Zheleznogorsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian Fire and Rescue Academy" of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Natural Disasters," 2020. - S. 254-256. – EDN EUFFCV.

[9] Gazizov, A.M. Environmental Impact Assessment of Fire/A.M. Gazizov, Yu. E. Ivanchina//Materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to World Civil Defense Day, Moscow, March 01, 2018. Volume Part I. - Moscow: Academy of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia, 2018. - S. 103-108. – EDN XZLVDN.

[10] Ignatiev, A. V. Assessment of the Impact of Forest Fires on the Environmental Situation and Measures for Monitoring Emergency Situations in the Forests of the Tomsk Region/A. V. Ignatiev, R. V. Knaub, E. A. Chupina//Successes of Modern Natural Science. – 2020. – № 4. - S. 85-92. – DOI 10.17513/use.37367. – EDN PGSNLD.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-63-69

РАК Игорь Петрович,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»
Тамбовский государственный технический университет,
ORCID: 0009-0003-8935-3020,
e-mail: rip341@mail.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анастасия Александровна,
студент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»
Тамбовский государственный технический университет,
ORCID: 0009-0000-1323-2466,
e-mail: n.strelnikova06@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Рассматриваются существующие нормативные правовые акты, стратегические документы и концепции, определяющие развитие данной сферы. Особое внимание уделяется проблемам фрагментарности регулирования, отсутствию единого законодательного акта об искусственном интеллекте, сложностям распределения юридической ответственности. В работе разбираются существующие подходы к определению правового статуса различных систем искусственного интеллекта (ИИ), а также механизмы, обеспечивающие защиту прав граждан. Определены ключевые векторы развития правового регулирования: разработка нормативного правового акта об искусственном интеллекте, формирование системы технических стандартов и внедрение риск-ориентированного подхода. Актуальность исследования определяется развитием технологий искусственного интеллекта и необходимостью их безопасного применения в экономике и социальной сфере.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, правовое регулирование, цифровая экономика, юридическая ответственность, Национальная стратегия, технологический суверенитет, этические принципы.*

RAK Igor Petrovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department «Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence» Tambov State Technical University

STRELNIKOVA Anastasia Aleksandrovna,
Student of the Department «Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence» Tambov State Technical University

LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RUSSIA: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *The article examines the legal regulation of artificial intelligence technologies in the Russian Federation. It analyzes existing normative legal acts, strategic documents, and concepts that shape the development of this field. Special attention is paid to the fragmented nature of the current regulatory framework, the absence of a unified legislative act on artificial intelligence, and the challenges associated with the allocation of legal liability. The paper reviews the existing approaches*

to defining the legal status of various artificial intelligence (AI) systems, as well as the mechanisms designed to protect the rights of citizens. Key directions for the further development of legal regulation are identified, including the adoption of a dedicated legal act on artificial intelligence, the creation of a comprehensive system of technical standards, and the implementation of a risk-based approach. The relevance of the study is driven by the rapid advancement of artificial intelligence technologies and the need for their safe application in the economy and social sphere.

Key words*: artificial intelligence, legal regulation, digital economy, legal liability, National Strategy, technological sovereignty, ethical principles.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) требует формирования адекватной правовой базы, способной обеспечить баланс между инновационным развитием и защитой прав граждан. В России за последние пять лет произошли значительные изменения в подходах к регулированию данной сферы. Согласно данным Минцифры России, рынок ИИ-решений вырос более чем втрое – свыше 180 млрд рублей в 2024 году [1]. Технологии внедряются во все ключевые отрасли. Однако правовое обеспечение остаётся фрагментарным и зачастую декларативным, что создаёт правовые риски для разработчиков и пользователей технологий.

Настоящее исследование направлено на системный анализ существующей нормативной базы, выявление проблемных зон регулирования и определение векторов дальнейшего развития российского законодательства в сфере искусственного интеллекта.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (при анализе норм законопроекта), сравнительно-правовой метод (при сопоставлении подходов РФ, ЕС и КНР), а также метод системного анализа.

Нормативно-правовое обеспечение использования искусственного интеллекта в РФ опирается на систему стратегических документов, разрабатываемых с 2019 года. Точкой отсчёта здесь можно считать Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [2]. В Стратегии ИИ трактуется как набор технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и при выполнении конкретных задач достигать результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Стратегия закрепила основные цели государственной политики в данной области: обеспечение роста благосостояния и качества жизни населения, обеспечение национальной безопасности и правопорядка, достижение конкурентоспособности на глобальном уровне. Примечательно, что уже на этапе формирования базовых подходов законодатель обозначил необходимость формирования целостной нормативно-правовой системы, учитывающей особенности технологий ИИ и обеспечивающей защиту прав человека.

В развитие положений Стратегии Правительством РФ распоряжением от 19 августа 2020 года № 2129-р была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года [3]. Концепция определила приоритетные задачи: устранение правовых барьеров, формирование системы стандартизации, разработку механизмов страхования ответственности за вред, совершенствование системы защиты персональных данных и регулирования оборота данных.

Впрочем, реализация заявленных в Концепции мероприятий столкнулась с объективными трудностями. Многие запланированные нормативные акты либо не были приняты в установленные сроки, либо оказались недостаточно проработанными с точки зрения практического применения. Анализ правоприменительной практики показывает, что существующие инструменты правового регулирования не в полной мере отвечают потребностям динамично развивающегося рынка технологий ИИ [4].

Важным шагом в формировании нормативной базы стало принятие Федерального закона от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве». Позднее в этот закон были внесены значительные изменения Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 233-ФЗ, расширившим предмет регулирования, включив особенности обработки персональных данных при формировании региональных составов данных [5, 6].

Экспериментальный правовой режим позволил апробировать новые подходы к регулированию в условиях реальной практики – определить случаи обязательного страхования ответственности за вред, причиненный применением ИИ, отработать механизмы взаимодействия разработчиков с регуляторами, сформировать первичную базу прецедентов.

Параллельно с законодательными инициативами в России активно развивается система технических стандартов в области искусственного интеллекта. Согласно приказу Росстандарта от 28 октября 2024 года № 1548-ст, с 1 января 2025 года действует ГОСТ Р 71752-2024 «Искусственный интеллект. Техническое задание. Требования к содержанию» [7]. Он закрепляет требования к структуре и составу технических заданий для работ, услуг и поставок в области ИИ, определяет состав требований к результатам и процессу их выполнения.

Однако фрагментарность нормативной базы остается основной проблемой российского регулирования. Отсутствие единого федерального закона об искусственном интеллекте приводит к рассредоточению норм по различным отраслям законодательства, создает коллизии и пробелы в правовом регулировании. Разработчики технологий и операторы систем ИИ сталкиваются с неопределенностью в вопросах применимости конкретных правовых норм к их деятельности.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов правового регулирования остается вопрос юридической ответственности за действия систем искусственного интеллекта. Современное российское законодательство не признает ИИ субъектом права, рассматривая его исключительно как объект правоотношений – инструмент, используемый физическими или юридическими лицами для достижения определенных целей [8].

Такой подход вполне логичен применительно к системам так называемого «слабого» ИИ, которые функционируют в строго заданных рамках и не обладают автономностью в принятии решений. Разработчик, оператор или пользователь системы несут ответственность за результаты ее применения в зависимости от конкретных обстоятельств и степени контроля над системой. В гражданско-правовых отношениях применяются общие правила о возмещении вреда, закрепленные в главе 59 Гражданского кодекса РФ [9].

Ситуация усложняется при рассмотрении высокоавтономных систем, способных к самообучению и принятию решений, не предусмотренных первоначальным алгоритмом. В таких случаях установление причинно-следственной связи между действиями конкретного субъекта и наступившими последствиями становится крайне затруднительным. Судебная практика в России пока не наработала устойчивых подходов к разрешению подобных споров.

Некоторые исследователи предлагают применять к системам ИИ нормы статьи 1079 ГК РФ об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности [9]. Такой подход позволил бы установить строгую ответственность владельца системы независимо от наличия вины, что повысило бы уровень защиты потерпевших. Однако для этого требуется либо расширительное толкование существующих норм высшими судебными инстанциями, либо внесение соответствующих изменений в законодательство.

Альтернативным механизмом могло бы стать обязательное страхование ответственности за вред, причиненный системами ИИ. Такой подход апробируется в рамках экспериментального правового режима в Москве и показывает определенную эффективность. Страховые компании при оценке рисков выступают дополнительным контролером качества и безопасности внедряемых технологий, что косвенно стимулирует разработчиков к повышению надежности систем.

В уголовно-правовой сфере принцип индивидуальной ответственности остается незыблемым – субъектом преступления может быть только вменяемое физическое лицо. Системы ИИ рассматриваются как орудие или средство совершения преступления. Если программист умышленно создал алгоритм для совершения противоправных действий или оператор системы осознанно использовал ее в преступных целях – ответственность несет соответствующее физическое лицо.

Сложности возникают в ситуациях, когда система ИИ в результате самообучения на некорректных данных или вследствие технического сбоя совершает действия, приводящие к криминальным последствиям, при отсутствии умысла или неосторожности со стороны разработчика или оператора. Действующее уголовное законодательство не содержит специальных норм для таких случаев, что создает правовую неопределенность.

Вопрос о потенциальной правосубъектности систем ИИ периодически поднимается в научных дискуссиях. Речь идет не о немедленном признании правового статуса, а о необходимости теоретической проработки данной проблемы на перспективу [10]. По мере усложнения технологий и повышения степени автономности систем может возникнуть потребность в новых правовых конструкциях, обеспечивающих справедливое распределение ответственности и защиту прав всех участников правоотношений.

Отдельного внимания заслуживает проблема прозрачности и объяснимости решений, принимаемых системами ИИ. Алгоритмы глубокого обучения часто функционируют как «черный ящик», когда даже разработчики не могут полностью объяснить логику принятия конкретного решения. Это создает серьезные риски в сферах, затрагивающих права и законные интересы граж-

дан – при принятии решений о предоставлении кредита, при медицинской диагностике, в правоохранительной деятельности.

Принцип прозрачности искусственного интеллекта должен стать одним из основополагающих начал российского законодательства в данной сфере [11]. Граждане имеют право знать, что решение, затрагивающее их права, принято с использованием системы ИИ, и иметь возможность оспорить такое решение. Это обусловлено не только технологической необходимостью, но и конституционными гарантиями.

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ разработало проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [12]. Документ предусматривает механизмы досудебного обжалования решений государственных органов и государственных компаний, принятых с применением технологий ИИ, что в перспективе должно повысить уровень защиты граждан. На данный момент законопроект проходит стадию обсуждения, его вступление в силу запланировано на 1 сентября 2027 года. В целом проект призван создать комплексную правовую основу для использования технологий ИИ во всех сферах общественных отношений, устранив существующую фрагментарность регулирования.

Одним из центральных элементов законопроекта выступает риск-ориентированная модель регулирования. Требования к системам искусственного интеллекта варьируются в зависимости от степени их влияния на жизнь человека и общество. Для систем высокого риска — тех, что задействованы в значимых сферах: здравоохранении, правосудии, охране правопорядка, управлении критической инфраструктурой, — устанавливаются более жёсткие требования и предусмотрена обязательная процедура оценки соответствия. Для систем низкого риска, выполняющих вспомогательные функции, предусмотрен упрощённый порядок регулирования.

Похожая логика используется и за рубежом. Так, в 2024 году в Европейском союзе был принят Регламент об искусственном интеллекте (или AI Act), который тоже строится на градации рисков. Часть систем ИИ относится к недопустимым и запрещается без исключений — в частности, это касается социального рейтингования граждан и биометрической категоризации для возможного предсказания склонности к совершению преступлений [13].

Стоит подчеркнуть, что российский же законопроект вводит четкую терминологическую сетку, закрепляя понятия «суверенной», «национальной» и «доверенной» моделей ИИ. При этом к первым двум будут относиться системы, создаваемые и обучаемые в России, что обеспечивает технологический суверенитет и контроль над стратегическими алгоритмами.

Что касается распределения ролей, то законопроект детально разграничивает обязанности субъектов ИИ-отношений. Разработчик документирует архитектуру, оператор тестирует систему и обязан ее отключить при угрозах, а владелец платформы пресекает нарушения. Ответственность за нанесённый вред распределяется между всеми участниками пропорционально их вкладу в причинение ущерба и степени вины.

Отдельного внимания заслуживает регулирование синтетического контента. Законодатель предполагает обязательную маркировку всех аудио- и визуальных материалов, которые сгенерированы нейросетями. Контроль за соблюдением этого требования возлагается на владельцев интернет-площадок: при отсутствии метки они обязаны либо самостоятельно пометить материал, либо удалить его. По сути, именно этот механизм формирует реальный правовой барьер против массового распространения дипфейков.

Очевидно, что поиск баланса здесь неизбежен. Необходимо выработать такой регуляторный контур, при котором инновации не будут находиться под избыточным контролем, а потенциальные риски не игнорировались. Россия формирует свои правила, оглядываясь на мировой опыт, где подходы заметно различаются.

Так, например, в США выбрали стратегию т.н. «мягкой силы» вместо единого нормативного акта, согласно которой разработчики полагаются на отраслевые рекомендации и инициативу самого бизнеса – государственные ведомства только частично подсказывают, как безопаснее внедрять ИИ в разных отраслях, например, медицина или транспорт [14]. Такая децентрализация позволяет быстрее адаптироваться к технологическим изменениям, однако создает риски неравномерной защиты прав граждан.

Китайская Народная Республика активно развивает регулирование ИИ на различных уровнях. Принят ряд специальных нормативных актов, регулирующие алгоритмические рекомендации, генерацию синтетического контента, управление данными. Особенностью китайского подхода является сочетание технологического стимулирования с жестким государственным контролем за содержанием и тем, как технологии применяются в общественно-политической жизни [15].

При выработке собственной модели регулирования Россия, конечно, ориентируется на зарубежный опыт, однако вместе с тем приспосабливает его под национальные условия и задачи. Применяемый риск-ориентированный подход во

многом схож с европейской моделью, но с меньшей степенью детализации требований. Акцент на технологический суверенитет и развитие отечественных моделей ИИ отражает задачи обеспечения национальной безопасности в условиях геополитической нестабильности.

Перспективы гармонизации международного регулирования в сфере ИИ представляются ограниченными в среднесрочной перспективе. Слишком различны подходы основных игроков, слишком тесно регулирование технологий связано с вопросами национальной безопасности и конкурентоспособности. Вместе с тем формируется определенный консенсус относительно базовых принципов – фокусировки на потребности пользователя, прозрачности, недискриминации, ответственности.

Россия участвует в международных инициативах по выработке общих стандартов в области ИИ через механизмы технической стандартизации. Росстандарт ведет работу по адаптации международных стандартов серии ISO/IEC, касающихся искусственного интеллекта, и одновременно занимается разработкой собственных национальных стандартов, отражающих особенности российской правовой и технологической базы.

Если обобщить текущее состояние законодательства в сфере искусственного интеллекта, можно выделить приоритетные направления его дальнейшего совершенствования.

Первоочередной задачей остается принятие базового федерального закона об искусственном интеллекте, который создаст единую правовую рамку для всех участников правоотношений и устранит существующую фрагментарность регулирования.

Следует детально описать в новом законодательном акте:

- понятийный аппарат и классификацию систем искусственного интеллекта по уровням риска;
- принципы разработки, внедрения и использования технологий ИИ;
- требования к прозрачности и объяснимости решений, принятых системами ИИ;
- порядок распределения ответственности между разработчиками, операторами и пользователями систем ИИ;
- механизмы обеспечения прав граждан при принятии решений с использованием ИИ;
- порядок надзора и контроля за соблюдением требований законодательства.

Параллельно необходимо развитие отраслевого регулирования, учитывающего специфику применения технологий ИИ в конкретных сферах. Здравоохранение, транспорт, финансы, образование – каждая отрасль имеет собственные риски и требования к безопасности, которые должны найти отражение в специальных нормативных актах.

Важным направлением является совершенствование системы технических стандартов. К 2027 году в России планируется разработка национальных стандартов в области искусственного интеллекта, охватывающих различные аспекты – от требований к данным для обучения моделей до методов оценки качества и безопасности систем.

С этикой пока сложнее: действующий с 2021 года кодекс этики в сфере ИИ – рекомендательный, и добровольного участия рынка недостаточно [16]. Чтобы принципы реально работали, нужны профильные комиссии в компаниях, экспертные советы при госорганах, а также элементы общественного контроля. Параллельно должна формироваться судебная практика: Верховному суду предстоит разъяснить, как распределять ответственность, устанавливать причинно-следственную связь при ущербе от автономных систем и применять нормы о персональных данных в контексте машинного обучения.

Отдельный перспективный инструмент – экспериментальные правовые режимы: опыт Москвы уже показал, что специальные условия для апробации технологий помогают находить правовые пробелы на ранней стадии и отработать реальные регуляторные решения.

Распространение практики экспериментальных режимов на другие регионы и отрасли экономики могло бы ускорить процесс формирования адекватной нормативной базы.

Необходимо также уделить внимание развитию правового регулирования трансграничного использования технологий ИИ. Глобальный характер рынка облачных сервисов, распределенное хранение и обработка данных создают сложности в применении национального законодательства. Требуется выработка механизмов международного сотрудничества в области надзора за соблюдением требований безопасности и защиты прав граждан.

Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта в России находится на стадии активного формирования. За период с 2019 по 2025 год создана базовая нормативная основа, включающая стратегические документы, концепции развития, экспериментальные правовые режимы, технические стандарты. Однако существующая система регулирования характеризуется фрагментарностью и недостаточной проработкой механизмов практической реализации.

Основные проблемы связаны с отсутствием единого федерального закона об искусственном

интеллекте, неопределенностью в распределении юридической ответственности за действия автономных систем, недостаточной защитой прав граждан при автоматизированном принятии решений. Разработка законопроекта об основах государственного регулирования в сфере ИИ, запланированного к принятию к 2027 году, призвана устранить указанные пробелы и создать комплексную правовую рамку.

Россия идёт своим путём: в регулировании ИИ смешались европейский риск-ориентированный подход, ставка на технологический суверенитет и элементы саморегулирования отрасли. Такая гибридная модель – попытка поддержать инновации, но не упустить из поля зрения права людей и национальные интересы.

Успех будет зависеть не столько от текстов законов, сколько от гибкости законодателя: технологии меняются быстрее, чем успевают проходить чтения в Госдуме. Исследователям же стоит продолжать оценивать, как нормы работают на практике, предлагать точечные улучшения, разбираться с правовым статусом высокоавтономных систем, этикой ИИ в социальной сфере и тем, кому принадлежат права на контент, созданный нейросетями.

Список литературы:

[1] Архиереев, Н. В. Тенденции правового регулирования создания и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации / Н. В. Архиереев // Российская юстиция. 2025. № 1. С. 32–40.

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 (ред. от 15.02.2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[3] Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 года № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 34. Ст. 5460.

[4] Семичастный, И. Л. Задачи регулирования искусственного интеллекта на государственном уровне в Российской Федерации / И. Л. Семичастный // Новое в экономической кибернетике. 2025. № 2. С. 141–158.

[5] О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2712.

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве»: Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 32. Ст. 5224.

[7] ГОСТ Р 71752-2024. Искусственный интеллект. Техническое задание. Требования к содержанию. Москва: Стандартинформ, 2024. 12 с.

[8] Поздеева, В. С. Правовое регулирование и область применения искусственного интеллекта / В. С. Поздеева // Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. С. 249–260.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[10] Сухарев, А. Н. О перспективах правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации / А. Н. Сухарев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 13–21.

[11] Нечкин, Д. А. Этика искусственного интеллекта: современные зарубежные и российские подходы к регулированию / Д. А. Нечкин // RU Science. 2025. Т. 13, № 4 (60). С. 17–22.

[12] Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: проект федерального закона // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 15.06.2026)

[13] Васякина, Е. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в России и зарубежных странах: от этики к новой парадигме / Е. В. Васякина // Юридический мир. 2023. № 11. С. 49–53.

[14] Грипич, С. А. Эволюция нормативного регулирования использования искусственного интеллекта в Соединенных Штатах Америки на примере федеральных административных учреждений / С. А. Грипич // Евразийская адвокатура. 2025. № 1 (72). С. 162–167.

[15] Иванова, Е. С. К вопросу о правовом регулировании искусственного интеллекта в Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) / Е. С. Иванова // Государство и право. 2022. № 11. С. 202–206.

[16] Елтовский, В. Искусственный интеллект: тенденции регулирования / В. Елтовский // Страховое право. 2024. № 2 (103). С. 52–58.

References:

[1] Arkhireev, N. V. Trends in the Legal Regulation of the Creation and Application of Artificial Intelligence in the Russian Federation / N. V. Arkhireev // Russian Justice. 2025. No. 1. Pp. 32–40.

[2] On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 (as amended on February 15 2024) // Collection of Laws of the Russian Federation. 2019. No. 41. Article 5700.

[3] On Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024: Order of the Government of the Russian Federation No. 2129-r dated August 19, 2020 // Collection of Laws of the Russian Federation. 2020. No. 34. Art. 5460.

[4] Semichastny, I. L. Tasks of Artificial Intelligence Regulation at the State Level in the Russian Federation / I. L. Semichastny // New in Economic Cybernetics. 2025. No. 2. Pp. 141–158.

[5] On conducting an experiment to establish special regulations in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the federal city of Moscow: Federal Law No. 123-FZ dated April 24 2020 // Collection of Laws of the Russian Federation. 2020. No. 17. Art. 2712.

[6] On Amendments to the Federal Law "On Personal Data" and the Federal Law "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulations in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Federal City of Moscow": Federal Law No. 233-FZ of August 8 2024 // Collection of Laws of the Russian Federation. 2024. No. 32. Article 5224.

[7] GOST R 71752-2024. Artificial intelligence. Technical specification. Content requirements. Moscow: Standartinform, 2024. 12 p.

[8] Pozdeeva, V. S. Legal Regulation and Application of Artificial Intelligence / V. S. Pozdeeva // Issues of Russian Justice. 2022. No. 22. Pp. 249–260.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on June 24, 2025) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1996. No. 5. Article 410.

[10] Sukharev, A. N. On the Prospects of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Russian Federation / A. N. Sukharev // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2021. No. 3 (67). Pp. 13–21.

[11] Nechkin, D. A. Ethics of Artificial Intelligence: Modern Foreign and Russian Approaches to Regulation / D. A. Nechkin // RU Science. 2025. Vol. 13, No. 4 (60). Pp. 17–22.

[12] On the Fundamentals of State Regulation of the Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation: Draft Federal Law // Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (accessed: 15.06.2026)

[13] Vasyakina, E. V. Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russia and Foreign Countries: From Ethics to a New Paradigm / E. V. Vasyakina // Legal World. 2023. No. 11. Pp. 49–53.

[14] Gripich, S. A. Evolution of Regulatory Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the United States of America: The Case of Federal Administrative Institutions / S. A. Gripich // Eurasian Bar Association. 2025. No. 1 (72). Pp. 162–167.

[15] Ivanova, E. S. On the Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Russian Federation (Comparative Legal Analysis) / E. S. Ivanova // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 202–206.

[16] Yeltovsky, V. Artificial Intelligence: Regulatory Trends / V. Yeltovsky // Insurance Law. 2024. No. 2 (103). Pp. 52–58.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-70-83

ЗАРУБИНА Кристина Александровна,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права,
e-mail: kris1996z@mail.ru

ШИШКАРЕВА Татьяна Николаевна,
к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права,
e-mail: grohotova@inbox.ru

ГАЙДАРЖИ Владислав Артёмович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gaidarzhivladislaw@yandex.ru

КАВЕРИН Кирилл Романович,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: kaverinkirill22@gmail.com

ГУСЕЯН Гуля Овиковна,
студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: gulya.guseyan22@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье рассматривается категория национальных интересов как системообразующий элемент национальной безопасности Российской Федерации. Особое внимание уделяется соотношению интересов личности, общества и государства, а также проблеме определения объективно значимых потребностей личности в условиях трансформации общественных отношений. На основе анализа доктринальных подходов к понятию интереса, положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, и результатов социологического исследования раскрывается восприятие ключевых национальных интересов гражданами Российской Федерации. В работе показано, что национальные интересы носят динамичный характер и требуют постоянного соотнесения с изменяющимися социальными запросами и угрозами. Делается вывод о необходимости обеспечения баланса интересов личности, общества и государства как условия устойчивости и легитимности системы национальной безопасности. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и корректировке стратегических документов в сфере государственной и национальной безопасности.*

Ключевые слова*: национальные интересы, безопасность, личность, общество, государство, Стратегия национальной безопасности, правовое регулирование.*

Финансирование*: НИР подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет–2030».*

ZARUBINA Kristina Alexandrovna,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law

SHISHKAREVA Tatiana Nikolaevna,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law

GAIDARZHI Vladislav Artyomovich,
student at Southwestern State University

KAVERIN Kirill Romanovich,
student at Southwestern State University

GUSEYAN Gulya Ovikovna,
student at Southwestern State University

NATIONAL INTERESTS OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOCIOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article considers the category of national interests as a backbone element of the national security of the Russian Federation. Particular attention is paid to the correlation of the interests of the individual, society and the state, as well as the problem of determining objectively significant needs of the individual in the context of the transformation of social relations. Based on the analysis of doctrinal approaches to the concept of interest, the provisions of the National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400, and the results of sociological research, the perception of key national interests by citizens of the Russian Federation is revealed. The paper shows that national interests are dynamic and require constant correlation with changing social demands and threats. It is concluded that it is necessary to ensure a balance between the interests of the individual, society and the state as a condition for the stability and legitimacy of the national security system. The results of the study can be used in the development and adjustment of strategic documents in the field of state and national security.*

Key words: *national interests, security, personality, society, state, national security strategy, legal regulation.*

Funding: *Research was prepared as part of the Priority-2030 strategic academic leadership program.*

В соответствии с легальным определением национальной безопасности которое определяется как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны, в ее содержании можно выделить два основных элемента – национальные интересы и их защищенность от внутренних и внешних угроз [1, с. 15].

Если говорить о характере таких угроз, то они определяют потребность в защищенности не только отдельной личности, но и различных социальных групп, общества в целом и государства. Угрозы детерминируют не только содержание национальной безопасности, но и ее обеспечение. Таким образом, обеспечение национальной безопасности представляет собой систему мер, направленных на противодействие угрозам национальным интересам.

Для раскрытия понятия «национальный интерес» следует остановиться на интерпретации категории интереса как социального явления.

В Большой советской энциклопедии интерес определяется как причина «социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями — мотивами, помыслами, идеями и т. д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [2, с. 945].

Помимо общесоциального характера понятия интереса, обусловленного междисциплинарным подходом к определению его сущности, понятие интереса получило осмысление в рамках отдельных наук. В Большом экономическом словаре интерес определяется как «предмет заинтересованности, желания и побудительных мотивов действий экономических субъектов. Выделяют материальные, духовные, денежные, имуще-

ственные интересы, а также интересы человека, социальной группы, фирмы, отрасли, региона, коллективов, национальные» [3, с. 312]. В социологии интерес определяется как «причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т. д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, сообществ» [4, с. 166]. В Большом психологическом словаре интерес интерпретируется как «потребностное отношение или мотивационное состояние, побуждающее к познавательной деятельности, развертывающейся преимущественно во внутреннем плане» [5, с. 162]. В философской справочной литературе интерес трактуется как «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т.д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [6, с. 213].

Рассмотрению интереса как правовой категории не уделялось существенное внимание в отечественной правовой доктрине. Соотношение права и интереса в отечественной правовой мысли как предмет исследования впервые появляется в трудах философов права - Е.П. Трубецкого, П.И. Новгородцева, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина. Так, В.С. Соловьев раскрывал природу права как компромисс, баланс интересов, определяемый необходимостью равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [7, с. 455].

Непосредственно интерес в праве рассматривается лишь в ряде правовых исследований современных ученых и интерпретируется как стремление субъекта сохранить или получить материальные и нематериальные блага, пользу, выгоду [8] или удовлетворить осознанные потребности [9, с. 20].

Таким образом, детерминированность, направленность интереса определяется побуждениями, мотивами, потребностями как отдельных индивидов, так и разных социальных групп.

В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. №400 национальные интересы Российской Федерации обозначаются как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

В структуре значимых для национальной безопасности потребностей особую сложность для категоризации, на первый взгляд, представляют «объективно значимые потребности личности», поскольку они всегда носят субъективный, многоаспектный и динамичный характер. На самом деле индивидуальные, субъективные потребности формируют коллективные ожидания и запросы. Когда эти ожидания массово не оправдываются, возникают объективные социальные проблемы. Государство, отвечая на эти проблемы, создает условия, которые, в свою очередь, влияют на субъективное благополучие каждой личности. Понятие «объективно значимые интересы» подразумевает, что они не зависят от сиюминутных желаний индивида, а являются универсальными и защищаемыми правом.

В практической плоскости интересы личности могут вступать в конфликт с интересами государства. Например, потребность в личной свободе является конституционным правом, она может вступать в противоречие с интересами государственной безопасности в сфере противодействия терроризму. Таким образом, перед государством стоит задача в установлении баланса интересов личности, общества и государства. В правовом государстве приоритет отдается защите интересов личности, однако они не могут рассматриваться в отрыве от интересов общества и государства, национальные интересы всегда взаимообусловлены.

Кроме того, интересы личности не статичны, могут меняться в условиях трансформации общественных отношений. Так, с развитием цифровой экономики объективно значимые интересы личности должны включать право на безопасное цифровое пространство и защиту персональных данных. При этом представления государства об объективно значимых интересах личности также могут меняться в зависимости от национальных целей развития, объективизации внутренних и внешних угроз и других факторов. В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 впервые уделено значительное внимание защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это расширяет понятие интересов личности за пределы только материального благополучия и физической безопасности, включая защиту культурной и духовной идентичности. Эта новая область защиты требует новых механизмов определения и реализации.

Таким образом, национальные интересы можно рассматривать как целостную систему. Содержание национальных интересов в этой связи включает в себя интересы личности, общества, государства и их системные связи.

Существуют различные подходы к классификации национальных интересов. Однако, обратимся к наиболее распространенной. Некоторые авторы предлагают систематизацию, основанную на ключевых критериях, включая объекты, субъекты и направленность интересов [10, с. 98].

Итак, по объектам можно выделить:

1) мировые интересы, затрагивающие глобальные вызовы;
2) континентальные интересы, связанные с географическим положением, территорией и ресурсами континента;
3) региональные интересы, ориентированные на специфические географические зоны, включая соседние страны и зоны конфликтов;
4) державные интересы, сосредоточенные на интересах отдельной страны.

Другой аспект – разделение интересов по носителям, которые их формируют и продвигают, т.е. по субъектам:

1) личные интересы, относящиеся к индивидуальным потребностям граждан (например, образование, здравоохранение;
2) социальные интересы, связанные с группами или сообществами, включая этнические меньшинства или профессиональные объединения;
3) государственные интересы, определяемые на уровне институтов власти (например, оборона, экономическая безопасность).

И наконец, типология по ориентации интересов в политическом пространстве, т.е. по направленности:

1) внутриполитические интересы, направленные на укрепление внутренней стабильности государства;
2) внешнеполитические интересы, ориентированные на развитие международных отношений.

Ранее мы пришли к выводу о том, что государство при формировании стратегических документов об обеспечении национальной безопасности должно учитывать динамичность национальных интересов, необходимость установления баланса интересов личности, общества и государства. Кроме того, к наиболее сложным и дискуссионным вопросам относится вопрос об определении государством объективно значимых потребностей личности в силу их субъективного характера. Попытаемся определить насколько решены эти вопросы в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. №400 в восприятии граждан РФ. Проведенное нами социологическое исследование не претендует на универсальность, однако в силу репрезентативности служит эмпирическим материалом, который позволяет дать адекватную интерпретацию полученных результатов.

Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала как национальный интерес включает меры по улучшению демографической ситуации, здравоохранения и образования. Развитие человеческого потенциала предполагает инвестиции в образование, науку и культуру, что способствует повышению качества жизни. Также это включает борьбу с бедностью, обеспечение доступного жилья, медицинской помощи и социальных гарантий. В условиях глобальных вызовов, таких как пандемии и экономические кризисы, данный национальный интерес становится фундаментом для устойчивого развития общества.

Респонденты проведенного опроса в целом положительно оценивают доступность базовых социальных услуг: 75,3% считают, что государство реально обеспечивает доступное здравоохранение и образование. При этом меры по поддержке семей и улучшению демографической ситуации получили одобрение 65,6% опрошенных, что свидетельствует о признании их актуальности. В то же время, наиболее важными для развития человеческого потенциала респонденты назвали модернизацию образования и улучшение здравоохранения (*см. диаграмму № 1*), что подчёркивает фокус на фундаментальных социальных сферах.

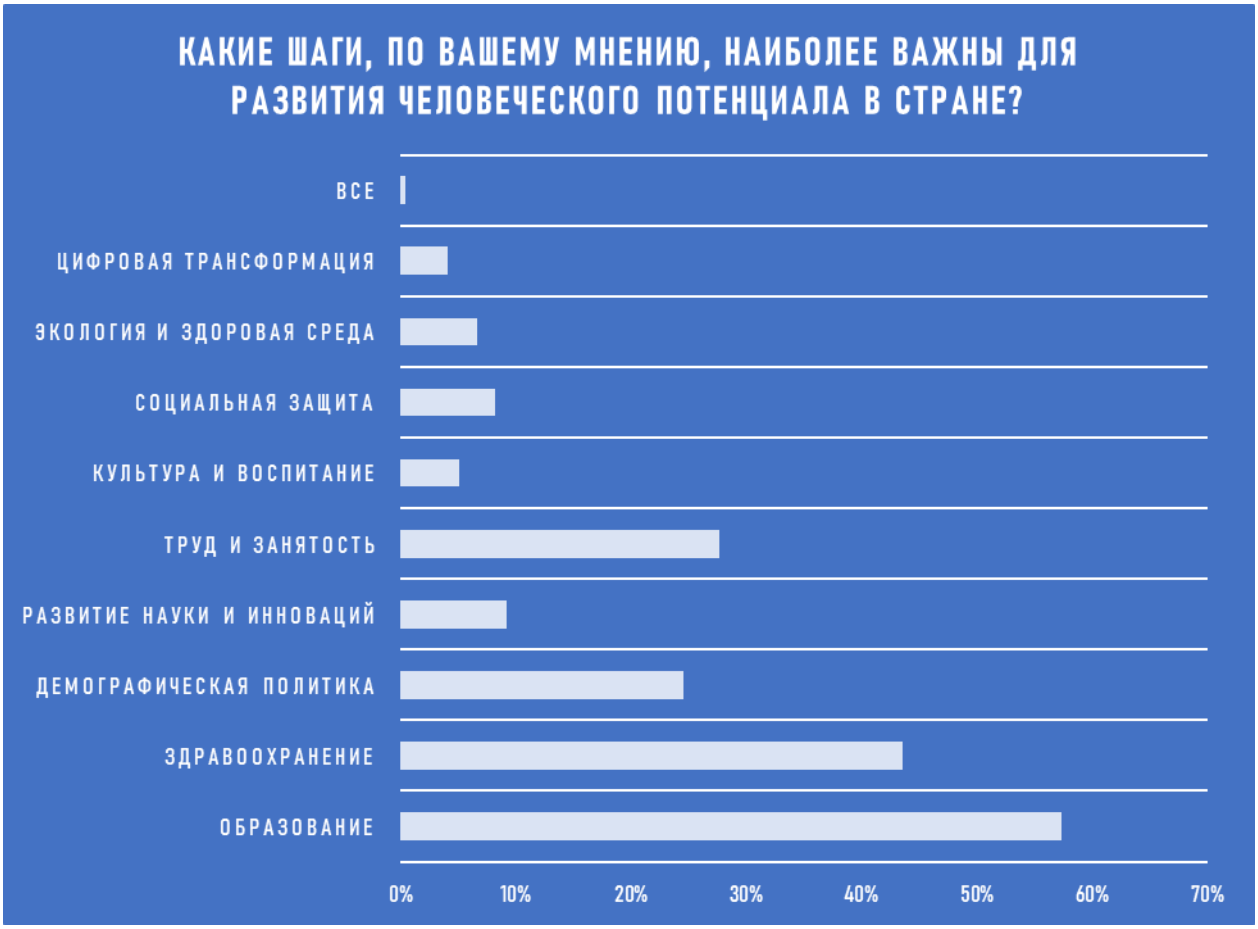

Диаграмма № 1

Еще одним национальным интересом в Стратегии выступает защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, а также укрепление обороны страны. Этот пункт акцентирует внимание на защите государственности. Конституционный строй гарантирует стабильность политической системы, а суверенитет и независимость обеспечивают свободу от внешнего вмешательства. Территориальная целостность включает предотвращение сепаратистских угроз и укрепление границ. Укрепление обороны подразумевает модернизацию вооруженных сил, развитие оборонных технологий и подготовку к потенциальным конфликтам.

Уровень защищённости России от внешних военных угроз 64,1% участников опроса оценивают позитивно, что говорит о высокой степени доверия к обороноспособности государства. Эта уверенность находит отражение в поддержке увеличения расходов на армию, при этом общество готово вкладываться в развитие сферы обороны государства (*см. диаграмму № 2*). Это указывает на единую позицию общества и государства по вопросу обеспечения обороны территории нашего государства.

Диаграмма № 2

Стратегия также закрепляет в качестве национального интереса необходимость поддержания гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защиту граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, а также развитие механизмов взаимодействия между государством и гражданским обществом, способствуя гармоничному функционированию общества. Здесь подчёркивается внутреннее единство нации. Гражданский мир и согласие предполагает профилактику конфликтов на этнической, религиозной или социальной почве. Укрепление законности включает совершенствование правовой системы и судебной практики. Искоренение коррупции – ключевой элемент, требующий прозрачности государственных институтов. Защита собственности и развитие взаимодействия с гражданским обществом способствует формированию партнерства между властью и населением, что укрепляет демократические основы.

Большинство респондентов ощущают собственную безопасность в обычной жизни, понимают, что государство стремится её обеспечить. Актуальными угрозами внутренней безопасности респонденты называют терроризм (45,6%), коррупцию (36,4%) и преступность (31,8%) (*см. диаграмму № 3*). При этом 72,9% считают оправданным усиление мер контроля ради безопасности — это прежде всего показатель текущей действительности. Опасность и давление, которым Россия подвергается во внешнеполитических отношениях, создают угрозу нарушения общественной безопасности внутри нашего государства. По итогу исследования в данном блоке вопросов отметим, что многие граждане, несмотря на общее удовлетворение уровнем безопасности, считают необходимым введение новых мер, таких как видеоконтроль и периодические проверки, в целях обеспечения более высокого уровня защищённости государства и общества.

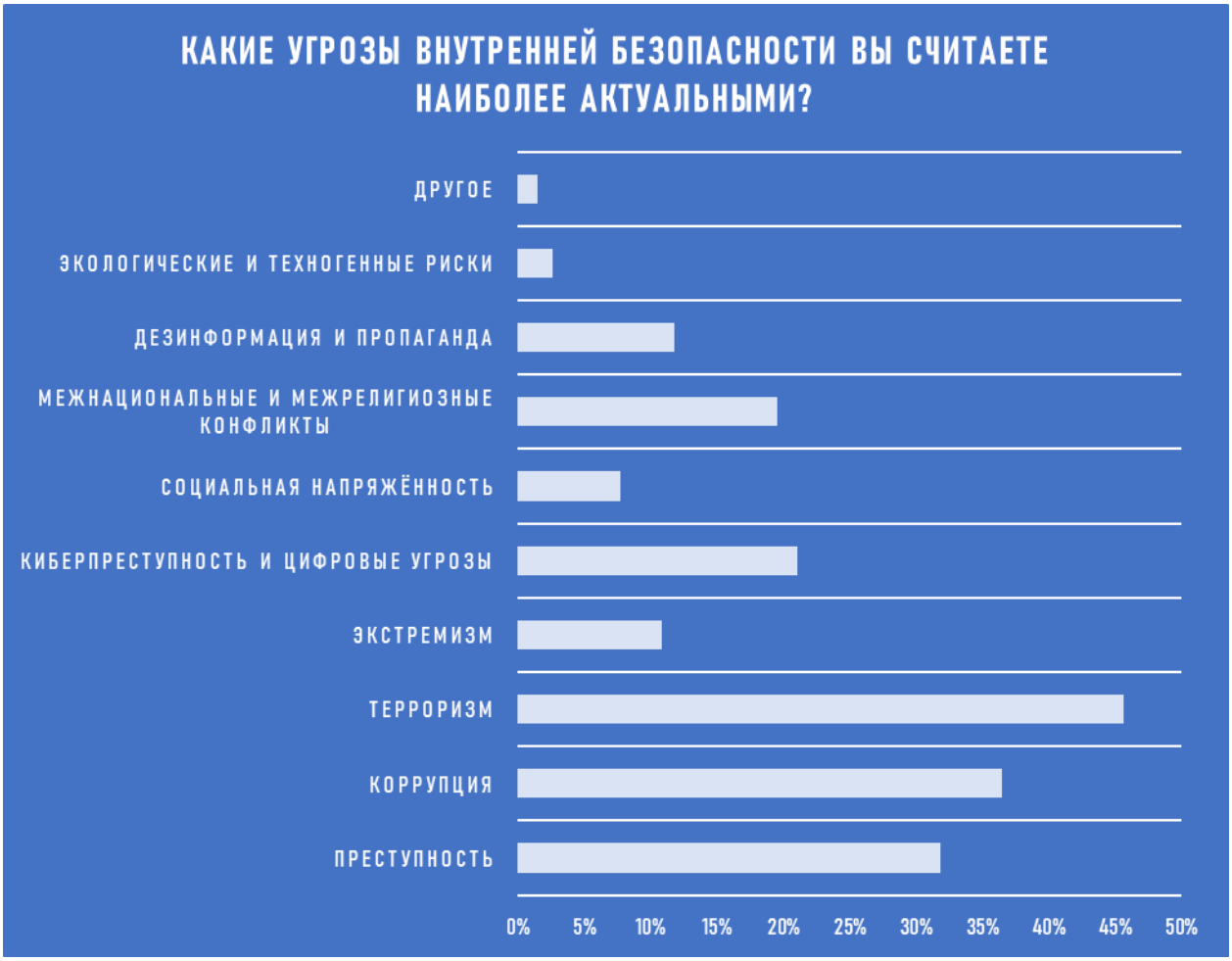

Диаграмма № 3

В цифровую эпоху информационная безопасность становится приоритетом. Стратегия выделяет развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. Развитие безопасного информационного пространства включает защиту от киберугроз, фейковых новостей, дипфейков и пропаганды. Это предполагает создание национальных систем контроля за информацией, поддержку отечественных СМИ и образование граждан в области цифровой грамотности. Защита от деструктивного воздействия извне помогает сохранить культурную и психологическую устойчивость общества.

Большинство респондентов (61%) обеспокоены распространением ложной и деструктивной информации в интернете и СМИ, что отражает осознание масштаба информационных угроз. При этом 51,8% поддерживают ограничение доступа к ресурсам ради защиты интересов государства, что говорит о готовности к регулированию цифрового пространства в целях обеспечения собственной безопасности граждан (*см. диаграмму № 4*). Подавляющее число опрошенных также показало высокий уровень доверия российским СМИ. В общем, можно сказать, что респонденты одобряют работу российских средств массовой информации и те меры, которые направлены на их совершенствование, как в сфере безопасности, так и в направлении улучшения качества их работы.

Диаграмма № 4

Еще одним национальным интересом, указанным в Стратегии, является устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе. Следует упомянуть, что экономическая устойчивость является основой для реализации других интересов. Устойчивое развитие экономики включает переход к инновационной экономике, основанной на цифровизации, биотехнологиях и возобновляемых источниках энергии. Это направление отвечает на вызовы глобализации, а также санкций, способствуя диверсификации экономики и повышению конкурентоспособности.

Оценка респондентами устойчивости российской экономики к внешним вызовам преимущественно положительна, хотя присутствует некая доля тревоги, но как правило она выражена не в отрицательной оценке, а в затруднении дать её (*см. диаграмму № 5*). В то же время, политика импортозамещения и развития собственного производства встречает широкую поддержку — 75,9% респондентов её одобряют. Ключевыми мерами экономической политики, по мнению опрошенных, являются контроль инфляции и доступная ипотека, что говорит о приоритете защиты реального уровня жизни граждан. По итогу можно сказать, что граждане понимают в каких сферах, российская экономика может быть уязвима, но они готовы принимать меры на обеспечение защиты этих уязвимых секторов, причём особенно охотно они встречают развитие отечественного производства в таких областях.

Диаграмма № 5

Новая технологическая основа экономики детерминируется развитием науки и технологий. Подавляющее большинство респондентов (84,7%) считает развитие науки и технологий важным приоритетом, а 64,1% готовы поддержать увеличение расходов на науку даже за счёт других сфер. Наиболее приоритетными направлениями названы медицинские технологии (63,6%) и цифровые технологии (37,4%) (*см. диаграмму № 6*). В целом по данному вопросу можно отметить позитивные явления в нашем обществе – люди готовы вкладываться в прогресс науки в нашей стране, особенно в те сферы, которые занимают важные места в бытовой жизни человека.

Диаграмма № 6

Еще одним важным национальным интересом является укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. Культурно-идентификационный аспект национальных интересов Российской Федерации подчеркивает значимость сохранения национальной идентичности в условиях глобализации и культурного разнообразия. Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей способствует формированию устойчивого общественного сознания и социальной сплоченности.

Ключевыми ценностями респонденты назвали права и свободы человека (45,6%) и жизнь (44,6%) (*см. диаграмму № 7*), что ставит гуманистические принципы выше идеологических. При этом 85,2% поддерживают активную роль государства в поддержке культуры и образования, а 84,1% одобряют меры по сохранению исторической памяти. Это говорит о том, что общество видит в культуре и истории не только символическую, но и практическую ценность - как основу для формирования идентичности и социальной стабильности.

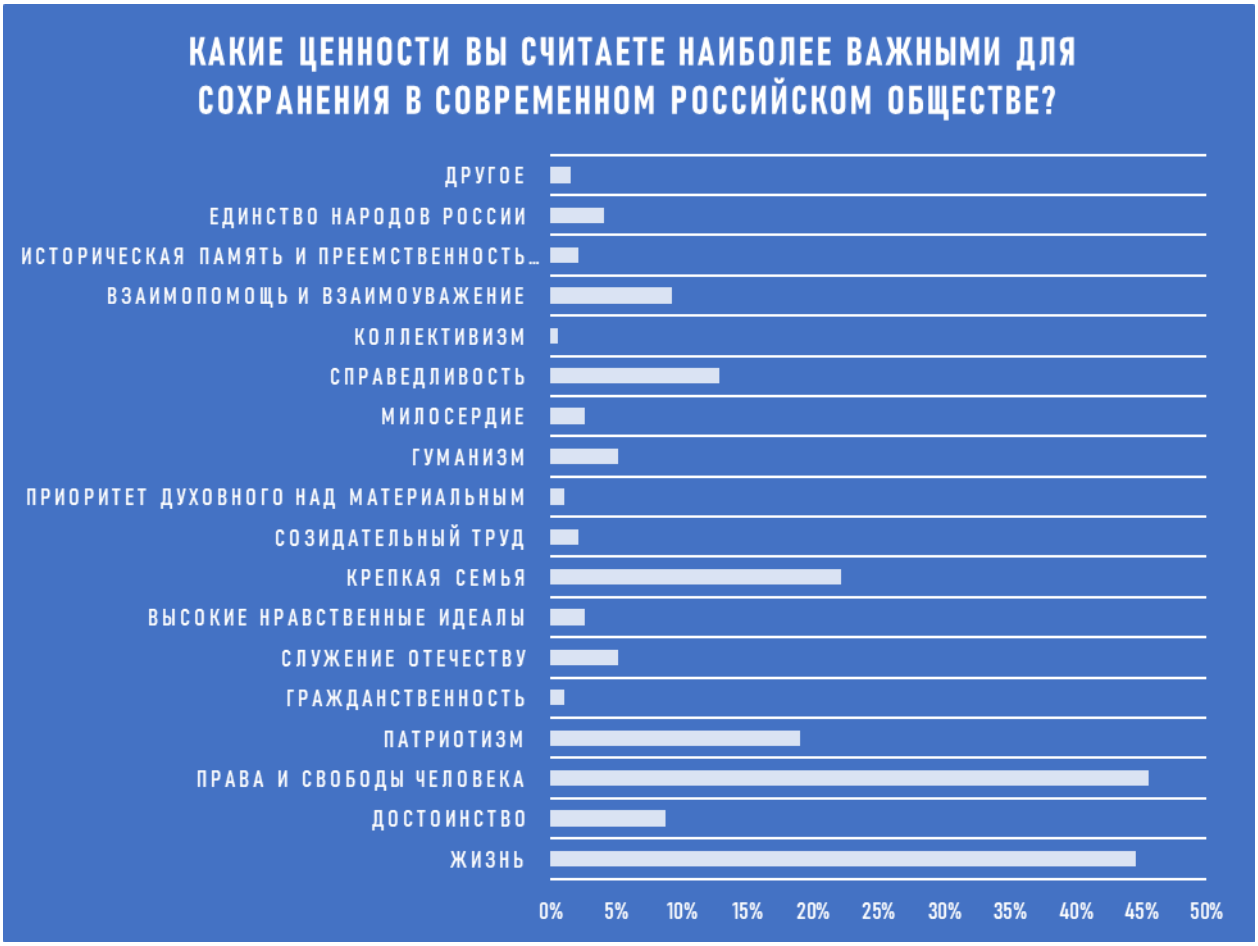

Диаграмма № 7

И наконец, Стратегия рассматривает в качестве национального интереса России поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, а также правовых основ международных отношений Российской Федерации. Данный аспект направлен на обеспечение стабильности в условиях геополитической напряженности. В контексте устойчивого развития данный национальный интерес России способствует снижению угроз для населения и ресурсов, а также укрепляет позиции России как ответственного актора на мировой арене, способствуя долгосрочному процветанию нации.

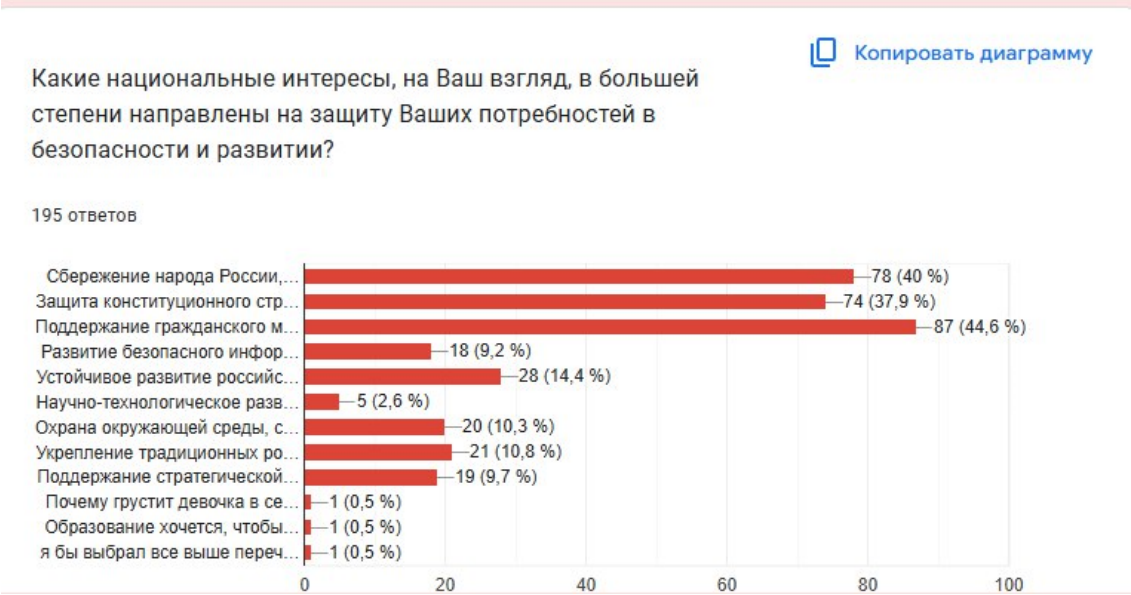
Роль России в поддержании международной стабильности оценивается положительно 68,7% респондентов (*см. диаграмму № 8*), что говорит о наличии у населения уверенности в действиях органов власти своего государства. Поддержка участия в международных договорах по контролю вооружений также высока —

73,8%. Более того, 64,6% считают, что сотрудничество с другими странами должно усиливаться, несмотря на политические разногласия. Это свидетельствует о зрелом, прагматичном подходе: общество понимает, что изоляция опасна, и предпочитает диалог конфронтации, во имя обеспечения международного порядка и безопасности.

Диаграмма № 8

На наш взгляд, объективная значимость национальных интересов личности, несмотря на субъективный характер потребностей отдельных индивидов может быть определена путем агрегации социологических данных. Данные нашего социологического опроса позволяют установить, что наиболее значимыми для респондентов сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан (78%), защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны (74 %), поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества (87 %).

Эти национальные интересы в соответствии с данными опроса имеют высокую степень удовлетворенности (*см. выше*) и транслируются респондентами как наиболее важные интересы для общества в целом и государства, что на наш взгляд, отражает сбалансированность национальных интересов.

Проведенное социологическое исследование подтверждает теоретическую связь между потребностями личности и национальными интересами, предоставляет эмпирические доказательства этой связи в контексте современной России. Полученные данные демонстрируют, что граждане страны видят себя частью этих интересов, одновременно высоко оценивая как свою личную безопасность и благосостояние, так и суверенитет государства и гражданское согласие. Эта сбалансированность в общественном сознании является важным элементом легитимности и устойчивости системы национальной безопасности.

Список литературы:

[1] Беляев В. П., Чапчиков С. Ю. Национальная безопасность и механизм ее обеспечения: общетеоретический ракурс. — М. : Юстицинформ, 2018. — 258 с.

[2] Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. — Т. 10. — 1972. — 591 с..

[3] Большой экономический словарь : 25 000 терминов / авт.-сост. А. Н. Азрилиян ; под ред. А. Н. Азрилияна. — 6-е изд., доп. — М. : Институт новой экономики, 2004. — 1376 с.

[4] Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. — Минск : Книжный Дом, 2003. — 1312 с.

[5] Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — 4-е изд., расшир. — М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. — 811 с.

[6] Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 839 с.

[7] Соловьёв В. С. Сочинения : в 2 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. 1. — 822 с.

[8] Вавилин, Е. В. Интерес в праве / Е. В. Вавилин // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». – 2022. – № 7. – DOI 10.54972/00000017_2022_7_17. – EDN KASQYZ.

[9] Болгова В. В. Основы публичного права. — Самара : Самарское отделение Литфонда, 2009. — 351 с.

[10] Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы. — М. : Прогресс ; Культура, 1994. — 123 с.

References:

[1] Belyaev V.P., Chapchikov S. Yu. National security and its support mechanism: general theoretical perspective. - M.: Justicinform, 2018. - 258 s.

[2] Great Soviet Encyclopedia: in 30 tons/ch. ed. A. M. Prokhorov. - 3rd ed. - M.: Soviet Encyclopedia, 1969-1978. - T. 10. — 1972. - 591 s..

[3] Large economic dictionary: 25,000 terms/ aut.-com. A.N. Azriliyan; ed. A.N. Azriliyan. - 6th ed., Add. - M.: Institute of New Economics, 2004. - 1376 p.

[4] Sociology: Encyclopedia/comp. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evelkin and others - Minsk: Book House, 2003. - 1312 s.

[5] Large psychological dictionary/ed. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. - 4th ed., †. - M.: AST; St. Petersburg: Prime-Euroznak, 2009. - 811 s.

[6] Philosophical Encyclopedic Dictionary/Ch. ed. L. F. Ilyichev. - M.: Soviet Encyclopedia, 1983. - 839 p.

[7] Soloviev V. S. Works: in 2 volumes - M.: Thought, 1988. - VOL. 1. - 822 s.

[8] Vavilin, E.V. Interest in law/E.V. Vavilin// Nationwide interactive encyclopedic portal “Knowledge.” – 2022. – № 7. – DOI 10.54972/00000017_2022_7_17. – EDN KASQYZ.

[9] Bolgova V.V. Fundamentals of public law. - Samara: Samara branch of the Literary Fund, 2009. - 351 s.

[10] Pozdnyakov E. A. Nation. Nationalism. National interests. - M.: Progress; Culture, 1994. - 123 s.

- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-84-87

ТРОЯН Василий Иванович,
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), студент,
e-mail: vacatroyn@mail.ru

ПЕКИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УНИФИКАЦИИ ЧАСТНОГО ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ С БРЮССЕЛЬСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ 1967 ГОДА

Аннотация. *В статье рассматривается Конвенция Организации Объединенных Наций о международных последствиях продажи судов на основании судебного решения (далее - Пекинская конвенция). Анализируется причины ее составления, преимущества и недостатки соотношение с Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся морских ипотек и морского закладного права. В статье также рассматриваются возможные трудности имплементации Пекинской конвенции в действующее законодательство РФ.*

Ключевые слова: *Конвенция Организации Объединенных Наций о международных последствиях продажи судов на основании судебного решения, Пекинская конвенция, морское право, морской залог, морская ипотека, сертификат о продаже на основании судебного решения.*

TROYAN Vasily Ivanovich,
student O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA); student

THE BEIJING CONVENTION AS AN INSTRUMENT FOR THE UNIFICATION OF THE PRIVATE LAW: RELATIONSHIP WITH THE BRUSSELS CONVENTION OF 1967

Annotation. *The article discusses the United Nations Convention on the International Effects of Judicial Sale of Vessels (hereinafter referred to as the Beijing Convention). It analyzes the reasons for its drafting, as well as the advantages and disadvantages in relation to the International Convention on the Unification of Certain Rules Relating to Maritime Mortgages and Maritime Liens. The article also examines the potential challenges of implementing the Beijing Convention into the current legislation of the Russian Federation.*

Key words: *United Nations Convention on the International Effects of Judicial Sale of Vessels, Beijing Convention, maritime law, maritime liens, maritime mortgage, certificate of sale based on a judicial decision.*

Унификация норм морского права имеет большое значение для развития торгового мореплавания. Гражданский оборот предполагает определенность и бесспорность принадлежности имущества тому или иному лицу. Данные о собственнике судна подлежат обязательному включению в один из государственных реестров судов вместе с регистрацией судна (ст. 33 КТМ РФ), что является простым и обоснованным требованием.

Однако экономическая логика усложняет установленный порядок, стоимость современного торгового танкера VLCC [6] может превышать 100 миллионов долларов США, а поэтому финансирование такого дорогостоящего проекта в одиночку практически невозможно. Одним из выходов в данной ситуации является применения специальных договорных конструкций, например, морской ипотеки. В таком случае право собственности на судно будет иметь обременения (ограничения). Указанные обременения (ограничения), как и иные вещные права также подлежат регистрации в Государственном судовом реестре (п. 2 ст. 33 КТМ РФ). При неисполнении или ненад-

лежащем исполнении должником обеспеченного ипотекой обязательства обремененное ипотекой судно может быть продано на основании решения суда по месту нахождения арестованного судна. На практике возникает необходимость выработать определенные механизмы защиты покупателя судна, причем определить данные механизмы в законодательстве одного государства недостаточно, новый покупатель судна должен быть уверен в том, что его новый титул будет признан в других юрисдикциях.

Проблема не является новой, и Комиссией Организации Объединённых Наций по торговому праву (UNCITRAL) неоднократно предпринимались попытки систематизировать и унифицировать наиболее успешные практики государств в этой области. Так были приняты следующие Конвенции: «Международная конвенция об унификации некоторых правил, касающихся морских ипотек и морского закладного права» [3] (заключена в г. Брюсселе 27.05.1967) (далее – Брюссельская конвенция); «Международная конвенция о морских залогах и ипотеках» [4] (заключена в Женеве 06.05.1993) (далее – Женевская конвенция); «Конвенция Организации Объединенных Наций о международных последствиях продажи судов на основании судебного решения» [5] (Пекин, 07.12.2022 год) (далее – Пекинская конвенция).

Брюссельская конвенция ставила целью создать единообразное понимание и применение правил морского залога и морской ипотеки. Так, впервые были разработаны и закреплены критерии действительности морского залога и ипотеки, согласно ст. 1 Брюссельской конвенции информация о них в обязательном порядке должна содержаться в государственном реестре и реестр должен быть открыт для ознакомления всем желающим. Были конкретизированы требования, которые обеспечиваются морским залогом (морскими привилегиями), а именно:

1. заработная плата и другие суммы, причитающиеся капитану и другим членам команды судна;
2. портовые сборы, сборы за пользование каналами;
3. требование против судовладельца по поводу потери жизни или личного вреда, происшедших на суше или на воде в непосредственной связи с эксплуатацией судна;
4. требования против судовладельца, которые основаны на деликте.

Помимо указанного в документе также установлены общие правила передачи права собственности на судно и обязанность уведомления всех лиц, обладающих морским залогом и ипотекой на судно. Многие из вышеуказанных правил нашли свое закрепление в КТМ РФ, в частности в Главе XXII.

Женевская конвенция, в свою очередь, логично дополняет и развивает положения предыдущего международного договора, в частности, конкретизирует положения о требованиях, обеспеченных морским залогом: появляются нормы относительно уступки и суброгации (ст. 10), нормы относительно очередности удовлетворения морских залогов (ст. 5).

Однако главной особенностью является попытка унификации процедурных моментов признания принудительной продажи судна в других государствах. Так, закрепляется следующие: «если судно, зарегистрированное в Государстве-участнике, стало объектом принудительной продажи в каком-либо Государстве-участнике, то компетентный орган по просьбе покупателя выдает документ, удостоверяющий, что судно продано без каких-либо зарегистрированных ипотек или обременений» (п. 5 ст. 12).

Абстрактное указание на «документ» создавало известные проблемы в практике, так не было закреплена обязанность остальных государств признавать этот документ, ввиду отсутствия нормы процедуры признания. Исходя из этого можно сделать вывод, что у государств-участников сформировалась определенность относительно материально-правовой сущности морского залога и ипотеки, однако процессуальный аспект признания принудительной продажи судна другими государствами оставался нерешенным.

Указанные проблемы были затронуты на пятидесятой сессии Комиссии UNCITRAL [2] (Вена, 3–21 июля 2017 года) и одним из предложенных вариантов решения был вариант разработки новой конвенции наподобие Конвенции о при знании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958 год). Работа над проектом новой конвенции затягивалась, авторами было принято решение собрать больше материала по данной теме и определить актуальность рассматриваемой проблемы. Среди прочего, был приведен следующий случай из судебной практики [7], произошедший в 2016 году.

Судно MV Bright Star было продано по решению ямайского суда. Судно было обременено морской ипотекой, поэтому суд в процессе продажи зарезервировал 3 000 000 долларов США для удовлетворения требований ипотечного кредитора, которым выступал резидент Мальты.

Решение суда не устроило последнего и, в обход всех процессуальных норм Ямайки, он, дождавшись, когда судно территориально будет располагаться в мальтийском порту, подал иск в мальтийский суд. Суд постановил, что корабль не был продан свободным от обременений в Ямайке и что интересы ипотечного кредитора не были должным образом защищены. Это решение

позволило произвести ипотечному кредитору продажу судна ещё раз, но уже по мальтийском законодательству.

Проблемы с определением правил подсудности по подобным делам возникали также и в отечественной судебной практике [8]. ООО «Морской стандарт» обратилось в арбитражный суд. Решением Морской арбитражной комиссии другой страны от 2014 года с компании владельца судна (резидент республики Белиз) в пользу общества взыскано 91 850,97 долларов США. Причем долговые обязательства возникли на определенное судно. Позднее владельцем судна стала другая компания (резидент Британских Виргинских Островов), которая сдала во фрахт указанное судно компании ООО «М-СЕРВИС» (резидент РФ).

ООО «Морской стандарт» в заявлении указывало, что согласно Конвенции о морских залогах и ипотеках 1993 года (далее - Конвенция 1993 года) морской залог продолжает обременять судно независимо от перехода права собственности на судно, изменения его регистрации и смены флага судна. Поэтому настаивало на аресте судна. Однако Арбитражный суд Краснодарского края с доводами не согласился, указав, что подсудность по таким делам определяется местом нахождения должника, то есть необходимо обращаться в суд другой страны.

Указанные проблемы и призвана решить Пекинская конвенция. Так, согласно ст. 5 Пекинской конвенции вводится единый, обязательный для всех стран-участниц Конвенции документ – «сертификат о продаже на основании судебного решения». В статье также указываются все необходимые реквизиты и данные сертификата, а в приложении устанавливается его форма. Сертификат также может быть выдан в электронной форме, для этого государству необходимо создать специальный электронный реестр.

Страны-участницы обязаны принимать такой сертификат без дополнительных бюрократических процедур признания. Конвенцией также устанавливается общий для всех государств порядок внесения изменений в государственный реестр судов в случаи продажи судна на основании судебного решения. Ст. 9 Пекинской конвенции устанавливает, что суды государства продажи на основании судебного решения обладают исключительной юрисдикцией для рассмотрения любых требований или ходатайств о расторжении договора купли-продажи судна на основании судебного решения, они также обладают исключительной юрисдикцией в вопросах выданного сертификата.

Хотя сама процедура продажи на основании судебного решения проводится согласно законодательству государства, в котором осуществляется продажа, однако для защиты интересов всех кредиторов и залогодержателей Пекинская конвенция обязывает проинформировать самый широкий круг лиц о предстоящей продажи судна. Так, ст. 4 предписывает уведомить регистр судов, в котором зарегистрировано судно, всем держателям любой ипотеки, залога и любого зарегистрированного обременения, владельцу судна, если судну предоставлена регистрация бербоут-чартера, то лицу, зарегистрированному в качестве фрахтователя судна по бербоут-чартеру и в регистр бербоут-чартеров. Уведомление о продаже на основании судебного решения также публикуется в СМИ в государстве продажи на основании судебного решения и передается Международной морской организации (ИМО). Планируется, что ИМО будет размещать указанную информацию в Глобальной интегрированной системе информации о судоходстве (Global Integrated Shipping Information System (GISIS)) [1]. При этом в государстве-участнике Конвенции могут быть установлены дополнительные способы размещения информации о продаже судна.

Вызывает интерес и сфера применения настоящий конвенции. Согласно ст. 3 конвенция будет применяться если соблюдены следующие два условия: a) продажа на основании судебного решения проводится в государстве участнике; и b) судно физически находится в пределах территории государства продажи на основании судебного решения в момент такой продажи. При этом согласно определению понятий, которое приводится в начале конвенции под судном понимается любое судно или другое транспортное средство, которое зарегистрировано в регистре, открытом для публичного ознакомления, и может стать предметом ареста или другой аналогичной меры, которая может привести к продаже на основании судебного решения. В отличии от других конвенций по морскому праву, в настоящей Конвенции не проводится различия между «морскими судами» и «судами внутреннего плавания». В совокупности эти положения означают, что применять положения Пекинской конвенции возможно и к некоторым судам внутреннего плавания.

Несмотря на рассмотренные преимущества Пекинской конвенции, случи ее имплементации в действующее законодательство РФ могут возникнуть трудности. Как уже было отмечено ранее, Конвенция устанавливает, что суды государства продажи на основании судебного решения обладают исключительной юрисдикцией по любым требованиям об оспаривании сертификата или самой продаже. Однако такое закрепление противоречит действующим нормам о банкротстве.

Так, согласно ст. 9.1 ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» Правительство РФ при определённых обстоятельствах может ввести мораторий на возбуждение дел на банкротство. В период действия указанного моратория в том числе не допускается обращение взыскания на заложенное имущество, в том числе во внесудебном порядке и приостанавливается исполнительное производство.

Помимо норм о банкротстве некоторые положения Конвенции противоречили бы положениям АПК. Так ст. 245.1 АПК РФ предусматривает возможность заинтересованного лица в течение одного месяца после того, как ему стало известно о решении иностранного суда или об иностранном арбитражном решении, может заявить возражения относительно признания этого решения в арбитражный суд РФ, что противоречит положениям Конвенции требующим признавать сертификат в другой стране без дополнительных бюрократических процедур.

Также необходимо учитывать положения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ, которые устанавливают исключительную компетенцию арбитражных судов в Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера. Данные нормы особенно актуальны в настоящий момент, когда почти все российские компании, которые занимаются морской торговлей включены в санкционные списки США и ЕС.

Таким образом, можно говорить, что Пекинская конвенция о продаже судов на основании судебного решения является прогрессивным механизмом регулирования сложных вопросов международного морского права, унифицируя и систематизируя нормы относительно процедуры признания решения иностранных судов о продаже судна. Однако в случае присоединения к настоящей Конвенции Российской Федерации, может возникнуть определённая коллизия между положениями Конвенции и действующим законодательством Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Shao Y, Piñeiro LC, Mejia MQ. A NEWCOMER TO MARITIME LAW: THE BEIJING CONVENTION ON THE INTERNATIONAL EFFECTS OF JUDICIAL SALES OF SHIPS. International and Comparative Law Quarterly. 2024;73(3):793-810.

[2] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят вторая сессия, Дополнение № 17 (A/72/17), пункты 456–465.

[3] Электронный ресурс Консультант плюс: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15615&ysclid=mm7v7exqda456001786#KNAxcCVaEFuwuiEw (Дата обращения 26.04.2026 год)

[4] Электронный ресурс Официальный сайт ООН, депозитарий документов https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/maritime_liens.pdf (Дата обращения 26.04.2026 год)

[5] Электронный ресурс Официальный сайт ООН, депозитарий документов https://uncitral.un.org/ru/judicialsaleofships (Дата обращения 26.04.2026 год)

[6] Электронный ресурс МедиаПалуба СМИ: https://paluba.media/news/51779 (Дата обращения 26.04.2026 год)

[7] (Ann Fenech Nominee v Jebmed Srl (The Bright Star) [2023] App Civ 846/18/2)

[8] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.11.2015 N Ф08-7079/2015 по делу N А32-2858/2015

References:

[1] Shao Y, Piñeiro LC, Mejia MQ. A NEWCOMER TO MARITIME LAW: THE BEIJING CONVENTION ON THE INTERNATIONAL EFFECTS OF JUDICIAL SALES OF SHIPS. International and Comparative Law Quarterly. 2024;73(3):793-810.

[2] Official Records of the General Assembly, Seventy-second Session, Supplement No. 17 (A/72/17), paras. 456-465.

[3] E-resource Consultant plus: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=INT&n=15615&ysclid=mm7v7ex-qda456001786#KNAxcCVaEFuwuiEw (Accessed 26.04.2026 year)

[4] Electronic resource Official website of the United Nations, depository of https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/maritime_liens.pdf documents (Date of circulation 26.04.2026 year)

[5] Electronic resource Official website of the United Nations, depository of https://uncitral.un.org/ru/judicialsaleofships documents (Date of circulation 26.04.2026 year)

[6] Electronic resource MediaMedia deck: https://paluba.media/news/51779 (Accessed 26.04.2026 year)

[7] (Ann Fenech Nominee v Jebmed Srl (The Bright Star) [2023] App Civ 846/18/2)

[8] Decision of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 18.11.2015 N F08-7079/2015 in case N A32-2858/2015

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-88-93
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,
Ассистент кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, e-mail: zaripovlawyer@mail.ru

КАМАЛЕТДИНОВ Эдуард Салаватович,
Кандидат философских наук, доцент кафедры экологического и трудового права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, e-mail: ecopravo@uust.ru

ТАЙМАСОВ Тимур Радикович,
Ассистент кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, e-mail: taimassovt@gmail.com

САЙФУТДИНОВ Вахит Варисович,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

АЛГУШАЕВ Фаиль Нурович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия, e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

РОЖЕНЦЕВ Алексей Алексеевич,
Доцент, и.о. заведующего кафедрой физической культуры, оздоровления и спорта ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», Уфа, Россия, e-mail: Ufa.darts@yandex.ru

РОЖЕНЦЕВ Михаил Алексеевич,
Доцент кафедры физической культуры, оздоровления и спорта ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет», Уфа, Россия, e-mail: Ufa.darts@yandex.ru

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. *В статье исследуется сущность, основания и виды финансово-правовой ответственности в исламских странах, которая представляет собой специфический вид публично-правовой ответственности, возникающей вследствие нарушения норм финансового права, установленных как шариатом, так и национальным законодательством. Авторы раскрыва-*

ют двойственную природу этой ответственности: юридическую (перед государством, реализуемую через государственные органы в виде штрафов, пени, принудительного взыскания) и религиозно-этическую (перед Аллахом, состоящую в грехе, искупаемом покаянием и возмещением ущерба). Анализируется уникальный феномен государственного принуждения в исламе, основанный на кораническом принципе «побуждения к одобряемому и удержания от порицаемого», где принуждение выступает не правом, а религиозным долгом правителя и общины. Рассмотрены основания возникновения ответственности (нарушение финансово-правовой нормы, наличие вины, реальный ущерб публичным финансам), субъекты (физические и юридические лица, должностные лица, халиф). Детально характеризуются виды финансово-правовой ответственности в зависимости от правонарушения: за неуплату закята и налогов (штрафные санкции, тазир), за нецелевое использование фондов закята и вакфа (возмещение ущерба, увольнение управляющего), за нарушение запретов рибы, гарара и майсира (признание сделки недействительной, изъятие незаконного дохода), за должностные финансовые злоупотребления (худудные наказания, тазир, возмещение ущерба). Сформулированы принципы финансово-правовой ответственности в исламе: законность в рамках шариата, индивидуальная ответственность, справедливость и соразмерность, презумпция невиновности, неотвратимость, покаяние и искупление. Определены органы, применяющие ответственность (шариатские суды, общие суды, Советы по закяту, Комитеты по вакфам, центральные банки). Выявлены отличия исламской модели от светской: основание (шариат и закон), двойная природа санкций, цель (справедливость, очищение и спасение души), обязательное изъятие незаконного дохода на благотворительность, роль покаяния как смягчающего обстоятельства. Делается вывод, что двойная природа санкций создаёт мощный сдерживающий механизм, делающий исламскую модель финансовой ответственности эффективной в предупреждении правонарушений, однако её применение требует высокого уровня правосознания и соблюдения процессуальных гарантий.

Ключевые слова*: финансово-правовая ответственность, шариат, закят, вакф, байт альмал, государственное принуждение, тауб.*

ZARIPOV Shamil Rishatovich,
Assistant Professor, Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

KAMALETDINOV Eduard Salavatovich,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Environmental and Labor Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

TAYMASOV Timur Radikovich,
Assistant Professor, Department of Financial and Administrative Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

SAYFUTDINOV Vakhit Varisovich,
Associate Professor of the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ALGUSHAEV Fail Nurovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education at the Institute of Nature and Man, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ROZHENTSEV Alexey Alekseevich,
Associate Professor, Acting Head of the Department of Physical Culture, Health Improvement and Sports, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

ROZHENTSEV Mikhail Alekseevich,
Associate Professor of the Department of Physical Culture,
Health Improvement and Sports,
Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

FINANCIAL AND LEGAL RESPONSIBILITY IN ISLAMIC COUNTRIES

Annotation. *The article examines the essence, grounds and types of financial and legal liability in Islamic countries, which represents a specific type of public liability arising from violation of financial law norms established by both Sharia and national legislation. The authors reveal the dual nature of this liability: legal (before the state, implemented through state bodies in the form of fines, penalties, compulsory collection) and religious-ethical (before Allah, consisting of sin that can be atoned for through repentance and compensation for damage). The unique phenomenon of state coercion in Islam is analyzed, based on the Quranic principle of "enjoining good and forbidding evil", where coercion acts not as a right but as a religious duty of the ruler and the community. The grounds for liability (violation of financial law, guilt, actual damage to public finances), subjects (individuals, legal entities, officials, caliph) are considered. The types of financial and legal liability depending on the offense are characterized in detail: for non-payment of zakat and taxes (sanctions, ta'zir), for misuse of zakat and waqf funds (compensation, dismissal of the manager), for violation of prohibitions on riba, gharar and maysir (voidance of the transaction, confiscation of illegal income), for official financial abuses (hudud punishments, ta'zir, compensation). The principles of financial and legal liability in Islam are formulated: legality within Sharia, individual liability, justice and proportionality, presumption of innocence, inevitability, repentance and atonement. The bodies applying liability are identified (Sharia courts, general courts, Zakat Councils, Waqf Committees, central banks). Differences between the Islamic model and the secular model are revealed: basis (Sharia and law), dual nature of sanctions, purpose (justice, purification and salvation of the soul), mandatory confiscation of illegal income for charity, the role of repentance as a mitigating circumstance. It is concluded that the dual nature of sanctions creates a powerful deterrent mechanism, making the Islamic model of financial liability effective in preventing offenses, but its application requires a high level of legal awareness and compliance with procedural guarantees.*

Key words: *financial and legal liability, Sharia, zakat, waqf, bayt al-mal, state coercion, tawba.*

Сущность финансово-правовой ответственности в исламских странах заключается в специфическом виде публично-правовой ответственности, возникающей вследствие нарушения норм финансового права, установленных как шариатом, так и национальным законодательством, и определяется двойственной природой исламской правовой системы, где юридическая ответственность неразрывно связана с религиозно-этической ответственностью перед Аллахом [3, с. 119]. Финансово-правовая ответственность представляет собой обязанность лица (физического, юридического или должностного) претерпевать неблагоприятные последствия, предусмотренные шариатом и законом, за совершение финансового правонарушения, выражающегося в неисполнении или ненадлежащем исполнении финансовых обязательств перед государством, общиной (уммой) или иными субъектами финансовых отношений. Ключевая особенность финансово-правовой ответственности в исламских странах является двойная санкционированность, юридическая ответственность наступает перед государством и реализуется через государственные органы в виде штрафов, пени, принудительного взыскания, лишения права и т.п., тогда как религиозно-этическая ответственность наступает перед Аллахом и состоит в грехе, который может быть искуплен только через покаяние, возмещение ущерба и, в некоторых случаях, дополнительные благотворительные выплаты [6, с. 159]. Таким образом, нарушитель финансовых предписаний рискует не только государственными санкциями, но и наказанием в загробной жизни, что создаёт мощный внутренний стимул к правопослушному поведению.

Государственное принуждение в исламских странах представляет собой уникальный правовой феномен, коренным образом отличающийся от светских моделей, поскольку его природа двойственна и многомерна, оно неразрывно связано с религиозной природой власти, опирается на божественные предписания и нацелено на достижение не только мирского порядка, но и спасения души [5, с. 290]. В отличие от либераль-

ных теорий, где принуждение легитимируется общественным договором, в исламе оно санкционируется свыше как обязанность правителя, реализуемая в рамках управления в соответствии с шариатом. Теологическая основа государственного принуждения проистекает из коранического принципа «побуждения к одобряемому и удержания от порицаемого», согласно которому верующим не просто дозволено, а вменяется в обязанность следить за соблюдением общественных норм. Принуждение здесь не столько право, сколько религиозный долг. В экономической и финансовой сферах государственное принуждение приобретает специфические формы для защиты интересов общины (уммы), государство выступает как доверенное лицо (амин), обязанное принуждать к уплате закята, изымать незаконно полученные доходы от рибы, гарара и майсира, пресекать нецелевое использование вакфных средств и наказывать коррупционеров. При этом важнейшей особенностью является то, что принудительные меры в финансовой сфере, как правило, сочетаются с возможностью добровольного покаяния (тауба) и возмещения ущерба; если нарушитель раскаивается и возвращает незаконно приобретённое, суд может смягчить или вовсе отменить наказание в виде тазир, а религиозная ответственность снимается через покаяние. Таким образом, государственное принуждение в исламских странах состоит в неразрывном единстве сакрального и светского, где принудительная власть государства освящена религией, ограничена божественным законом и нацелена не только на поддержание порядка, но и на очищение общества и спасение душ, двойная природа санкций юридическая и религиозно-этическая создаёт мощный сдерживающий механизм, который делает исламскую модель государственного принуждения одновременно строгой и милосердной, ориентированной на исправление, а не её карательная функция.

Основаниями возникновения финансово-правовой ответственности служат нарушение финансово-правовой нормы, установленной шариатом или национальным законом, не противоречащим шариату; совершение финансового правонарушения (действия или бездействия), причинившего вред публичным финансам или интересам общины; наличие вины в форме умысла или неосторожности; а также наличие реального ущерба государственной казне (байт аль-мал), фондам закята, вакфа или иным публичным фондам [5, с. 287]. Субъектами ответственности могут быть физические лица, юридические лица (банки, компании, учреждения), должностные лица, ответственные за сбор налогов, распределение закята, управление вакфами, а также халиф или правитель, несущий повышенную ответственность за нецелевое использование казны и несправедливое налогообложение.

Виды финансово-правовой ответственности различаются в зависимости от характера правонарушения и применяемых санкций [1, с. 149]. За неуплату обязательных платежей (закят, налоги) применяются штрафные санкции, включая принудительное взыскание неуплаченной суммы и пени (не в виде процентов, а в виде фиксированного штрафа, например дополнительно 25% от суммы закята при просрочке), тазир (наказание по усмотрению суда, вплоть до тюремного заключения) и религиозная санкция в виде греха, искупаемого уплатой закята и покаянием [4, с. 214]. За нецелевое использование фондов закята и вакфа наступает возмещение ущерба в полном объёме, увольнение управляющего вакфом и передача дела в шариатский суд для применения тазира (вплоть до лишения свободы за растрату) [2, с. 28]. За нарушение запретов (риба, гарар, майсир) сделка признаётся недействительной, незаконно полученный доход изымается в байт аль-мал или на благотворительные цели, возмещаются убытки потерпевшей стороне, и для профессиональных ростовщиков или организаторов азартных игр применяется тазир. За должностные финансовые злоупотребления (коррупция, казнокрадство) могут применяться худудные наказания (например, отсечение руки за хищение имущества из казны при соблюдении строгих условий), тазир для менее тяжких нарушений (штрафы, увольнение, публичное порицание, тюремное заключение) и возмещение ущерба из личного имущества чиновника. За нарушение финансового контроля и непредставление отчётности применяются штрафы и, для исламских банков, приостановление лицензии.

Принципы финансово-правовой ответственности в исламских странах включают принцип законности в рамках шариата (ответственность наступает только за деяния, прямо запрещённые Кораном, Сунной или выведенным на их основе законом), принцип индивидуальной ответственности (каждый отвечает за свои деяния; никто не может быть наказан за чужой грех), принцип справедливости и соразмерности (наказание соответствует тяжести правонарушения; бедные освобождаются от уплаты закята и иных налогов), принцип презумпции невиновности, принцип неотвратимости ответственности (ни должностное лицо, ни правитель не могут быть освобождены от ответственности произвольно) и принцип покаяния и искупления (если нарушитель раскаялся и возместил ущерб, суд может смягчить наказание, а религиозная ответственность снимается через покаяние) [8, с. 65].

Органами, применяющими финансово-правовую ответственность, выступают шариатские суды (в Саудовской Аравии, Судане, некоторых штатах Нигерии) для наиболее серьёзных финансовых преступлений [10, с. 47], общие суды в большинстве исламских стран (Малайзия, ОАЭ, Турция), рассматривающие финансовые споры с учётом принципов шариата, специализированные органы, такие как Советы по закяту, Комитеты по вакфам, Счётные палаты, которые могут налагать административные взыскания, а также центральные банки, применяющие санкции к исламским банкам за нарушение пруденциальных норм и требований шариатских советов [9, с. 38]. Особенности исполнения санкций заключаются в том, что имущественные взыскания направляются в байт аль-мал или фонды закята, незаконно полученные доходы подлежат изъятию и передаче на благотворительные цели, телесные наказания применяются крайне редко, а зачёт покаяния означает, что если должник по закяту раскаялся и уплатил долг, дополнительное наказание не применяется [7, с. 115].

Отличие исламской модели финансово-правовой ответственности от светской состоит в том, что основанием является шариат и закон (в светской модели только закон), природа санкций включает как юридическую, так и религиозную составляющую, целью выступает справедливость, очищение и спасение души, а не только порядок, превенция и возмещение, изъятие незаконного дохода обязательно с передачей на благотворительность, роль покаяния смягчает наказание и высший контроль осуществляют шариатские суды и советы улемов.

Таким образом, финансово-правовой ответственности в исламских странах – вид государственного и божественного принуждения за совершенное финансовое правонарушение с последствием для правонарушителя понести финансово-правовую санкцию и очистить душу нарушителя, возвращая его на путь, угодный Аллаху. Двойная природа санкций, страх перед государственным наказанием и страх перед Божественным возмездием создаёт мощный сдерживающий механизм, что делает исламскую модель финансовой ответственности одной из наиболее эффективных в плане предупреждения правонарушений, однако её применение требует высокого уровня правосознания и доверия к судебной системе, а также тщательного соблюдения процессуальных гарантий.

Список литературы:

[1] Беккин Р.И. Особенности шариатского надзора в исламских финансовых институтах: Современный опыт мусульманских и немусульманских стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2014. № 3. С. 148-164.

[2] Беккин Р.И. Институт вакфа в современной России // Россия и мусульманский мир. 2011. № 12. С. 24-31.

[3] Зарипов Ш.Р., Аслаев С.Т., Аслаев Т.С., Зарипов Р.У., Карташев Н.И. Правовые основы партнерского финансирования в рамках исламской экономики // Образование и право. 2024. № 12. С. 117-122.

[4] Зарипов Ш.Р., Кудашев Р.К., Петров А.Н., Салимов И.А., Еремеев В.Ю. Правовые основы налогообложения в исламской экономике // Образование и право. 2024. № 12. С. 210-215.

[5] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Бюджетное право в исламским странах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 286-291.

[6] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Финансово-правовое регулирование противодействия (легализации) отмыванию доходов, полученных преступным путем в исламских странах в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 11. С. 158-162.

[7] Иванов Э.А., Ахтаханов М.Р. Инновационные финансовые продукты в исламской финансовой системе в сфере кредитных отношений // Экономика образования. 2013. № 3(76). С. 115.

[8] Пашков Р.В. Сукук как финансирование по принципам шариата // Инновации и инвестиции. N 10. 2017. С. 61-69.

[9] Сюкияйнен, Л.Р. Особенности современного исламского права // Право между Востоком и Западом. 2025. № 2. С. 28-41.

[10] Сюкияйнен Л.Р. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 45-62.

References:

[1] Bekkin R.I. Features of Sharia supervision in Islamic financial institutions: Modern experience of Muslim and non-Muslim countries//Bulletin of St. Petersburg University. Economics. 2014. № 3. S. 148-164.

[2] Bekkin R.I. Waqf Institute in Modern Russia//Russia and the Muslim World. 2011. № 12. S. 24-31.

[3] Zaripov S.R., Aslaev S.T., Aslaev T.S., Zaripov R.U., Kartashev N.I. Legal foundations of partner financing in the framework of the Islamic economy// Education and law. 2024. № 12. S. 117-122.

[4] Zaripov Sh. R., Kudashev R.K., Petrov A.N., Salimov I.A., Eremeev V.Yu. Legal basis of taxation in the Islamic economy//Education and law. 2024. № 12. S. 210-215.

[5] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Budgetary law in Islamic countries//Law and state: theory and practice. 2025. № 12. S. 286-291.

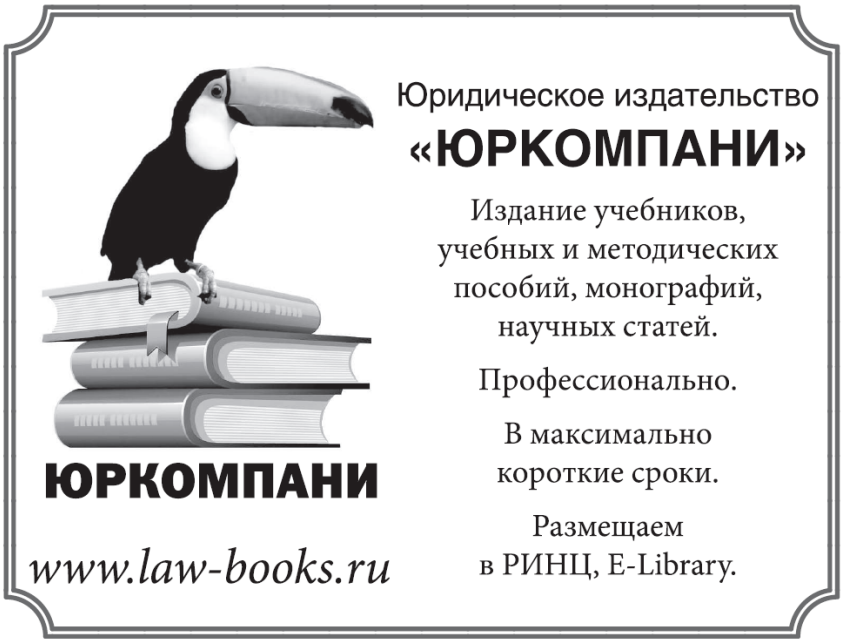
[6] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Financial and legal regulation of countering (legalizing) money laundering in Islamic countries in the digital age//Law and state: theory and practice. 2025. № 11. S. 158-162.

[7] Ivanov E.A., Akhtakhanov M.R. Innovative financial products in the Islamic financial system in the field of credit relations//Economics of education. 2013. № 3(76). S. 115.

[8] Pashkov R.V. Sukuk as financing according to the principles of Sharia//Innovation and investment. N 10. 2017. S. 61-69.

[9] Syukiyainen, L.R. Features of modern Islamic law//Law between East and West. 2025. № 2. S. 28-41.

[10] Syukiyainen L.R. Sharia courts: modern practice and prospects in Russia//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2014. № 4. S. 45-62.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-94-96

БЛИНОВ Антон Евгеньевич,
студент 2-го курса магистратуры
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: anblinov@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ С УЧАСТИЕМ БАНКОВ В РОССИИ И США

Аннотация. *Цель исследования. Исследование заключается в проведении сравнительного анализа правового регулирования банковских групп и банковских холдингов в России и США, выявлении особенностей их функционирования. В исследование также уделено внимание анализу подходов финансовых регуляторов в осуществление ими надворных функций в отношении банковских холдингов и банковских групп. Вывод. Сравнительный анализ выявил существенные различия в подходах к регулированию сложноструктурированных объединений юридических лиц с участием банков в России и США.*

Ключевые слова: *банковская группа, банковский холдинг, Центральный банк Российской Федерации (Банк России), Федеральная резервная система США.*

BLINOV Anton Evgenyevich,
2st year Master's student of the Faculty of Law
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF ASSOCIATIONS OF LEGAL ENTITIES INVOLVING BANKS IN RUSSIA AND THE UNITED STATES

Annotation. *The study aims to conduct a comparative analysis of the legal regulation of banking groups and banking holdings in Russia and the United States, and to identify the specific features of their functioning. The study also focuses on analyzing the approaches of financial regulators in their supervisory functions regarding banking holdings and banking groups. Conclusion. A comparative analysis revealed significant differences in the approaches to regulating complex associations of legal entities involving banks in Russia and the United States.*

Key words: *banking group, bank holding company, Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), The US Federal Reserve System.*

Введение

Консолидация банковского сектора и образование финансовых организаций со сложной корпоративной структурой, включающей множество иных юридических лиц, приводят к снижению эффективности правового регулирования банковской деятельности, в основе которого лежит идея о диверсификации банковской деятельности от других видов деятельности как наиболее рискованной. Выявленная тенденция не могла остаться без внимания законодателя, вследствие чего в отечественном правопорядке появились институты «банковской группы» и «банковского холдинга». Однако российская правовая система не первая среди правовых систем, в которых были предусмотрены подходы к регулированию деятельности сложноструктурированных корпоративных образований в финансовой сфере. Первопроходцем в вопросе регулирования подобных образований в свое время стали США. В этой связи, в том числе для целей развития отечественного правопорядка, представляется целесообразным провести сравнительный анализ правового регулирования банковских групп и банковских холдингов в России и аналогичных образований в США.

Основная часть

В Российской Федерации нормативное регулирование банковских холдингов и групп осуществляется на федеральном уровне [1] и основано на Законе о банках и банковской деятельности [3]. Указанным законом детерминируются понятия «банковский холдинг» и «банковская группа», устанавливается круг лиц, которые могут быть участниками объединений, определяются права и обязанности поднадзорных Центральному банку Российской Федерации (далее также - Банк России) субъектов в рамках функционирования объединений.

В США разграничения между холдингом и группой вовсе не существует. В контексте американской банковской системы можно говорить только о банковских холдингах. Впервые вопрос о необходимости регулирования банковских холдингов на федеральном уровне начал обсуждаться после начала Великой депрессии. Можно сказать, что именно американский правопорядок впервые основательно озадачился проблемой регулирования финансовых объединений. Закон Гласса-Стиголла от 1933 года заложил основы правового регулирования банковских холдингов, выделив их в качестве новых субъектов права. Действующим по сегодняшний день основным нормативным актом в сфере регулирования банковских холдингов США является Закон о банковских холдинговых компаниях 1956 года (далее – Закон 1956 года). Следует отметить, что американские банки (а вместе с ними и банковские холдинги) на протяжении длительного времени были ограничены в осуществлении некоторых финансовых операций, например, с ценными бумагами (ограничение по видам деятельности) и не могли вести свою деятельность сразу в нескольких штатах (территориальное ограничение). С течением времени ограничения ослабевали во многом благодаря улучшению финансовой стабильности самих банков, укрупнению их капиталов и повышению эффективности пруденциального регулирования и надзора со стороны контролирующих органов, поскольку большая часть американских банков состоит в банковских холдингах, которые в соответствие с Законом 1956 года управляются банковскими холдинговыми компаниями, правовой статус последних требует особого внимания. Так, согласно Закону 1956 года любая организация признается банковской холдинговой компанией, которая обладаем контролем над банком или другой банковской холдинговой компанией. Под «контролем» подразумевается следующее:

1. Прямое или косвенное владение организаций, доля участия с правом голоса в размере 25 процентов;
2. Возможность избирать большинство директоров или управляющих;
3. Возможность воздействовать на органы управления или принимаемые ими решения.

При этом если компания обладает менее чем 5 процентов голосующих ценных бумаг, она не признается обладающей контролем и, как следствие, банковской холдинговой компанией. Следует обратить внимание на изложение правовой нормы в законе. При буквальном толковании для признания организации банковской холдинговой компанией необходимо соответствие всем трем перечисленным критериям.

Главным органом в сфере регулирования банковской деятельности, на который возложены в том числе правоприменительные функции в соответствии с Законом 1956 года, является Федеральная резервная система США (далее - ФРС). Именно ФРС одобряет сделки по приобретению банков и присваивает статус банковской холдинговой компании.

Банковская холдинговая компания ограничена в сферах деятельности требованиями ФРС, она должна быть тесно связана с банковской деятельностью. Для банка и банковской холдинговой компании определены виды профильной и непрофильной деятельности. Осуществление непрофильной деятельности, как правило, не допускается.

К банковским холдинговым компаниям также предъявляются требования к финансовой устойчивости и качеству управления. Согласно Закону 1956 года банковскую холдинговую компанию можно считать «хорошо капитализированной», если она соблюдает на консолидированной основе нормативы достаточности собственных средств при условии, что это не происходит в силу требований контролирующих органов или соглашения. Статус «хорошо управляемой» может быть присвоен холдинговой компании после успешного прохождения административной проверки. В случае отсутствия указанных рейтингов их присвоение осуществляется ФРС.

Американские банковские холдинги по ряду причин невозможно отождествить с российскими банковскими холдингами или банковскими группами. Во-первых, российское законодательство разделяет понятия банковских холдингов и банковских групп, в отличие от американского, где банковского холдинга в понимании российского права попросту не существует. В России банковские холдинги и банковские группы рассматриваются как предпринимательское объединение юридических лиц, а не как единый субъект права. В США акцент смещен в сторону понимания банковского холдинга через его ключевого участника – банка. Во-вторых, в отличии от банковских

холдинговых компаний российские банковские холдинги и группы не ограничены в видах деятельности. В-третьих, ФРС и Банк России обладают разным объемом полномочий в отношении банковских холдинговых компаний (со стороны ФРС) и банковских холдингов и банковских групп (со стороны Банка России).

Заключение

Проведенное сравнительное исследование правового регулирования банковских групп и банковских холдингов в России и США позволило сделать следующие выводы. Рассматриваемые правопорядки выработали различающиеся подходы к правовому регулированию сложноструктурированных образований с участием банков. Российская правовая система предусматривает разделение между банковскими группами и банковскими холдингами, тогда как американская система предусматривает существование только банковского холдинга. Вместе с тем, банковский холдинг по своей правовой природе больше походит на банковскую группы в Российской Федерации, нежели одноименный институт.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями и дополнениями)

[2] Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»

[3] Федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности»

[4] Закон Гласса-Стиголла от 1933 года

[5] Закон о банковских холдинговых компаниях 1956 года.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended)

[2] Federal Law No. 86-FZ dated 10 July 2002 “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) “

[3] Federal Law No. 395-1 of 2 December 1990 “On Banks and Banking Activities”

[4] Glass-Steagall Act of 1933

[5] Bank Holding Companies Act 1956.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-97-100

ИГНАТОВ Алексей Александрович,
аспирант ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», кафедра гражданского и предпринимательского права,
e-mail: aleksey1998ignatov@gmail.com

Научный руководитель:
АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
e-mail: af.73@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ ДЛЯ ЭСТОППЕЛЯ В АНГЛИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию значения категории недобросовестности (unconscionability) в доктрине эстоппеля в английском праве. Рассматриваются понятие и сущность эстоппеля как правового механизма, направленного на защиту доверия и пресечение непоследовательного недобросовестного поведения участников гражданского оборота. Особое внимание уделяется роли недобросовестности как ключевого элемента эстоппелей, основанных на доверии (reliance-based estoppels). Исследуются подходы английских судов и представителей доктрины к определению недобросовестности, а также проблемы, связанные с оценочным характером данной категории. На основе анализа судебной практики обосновывается, что недобросовестность выступает центральным критерием применения эстоппеля и позволяет судам учитывать конкретные обстоятельства дела, избегая чрезмерного формализма. Делается вывод, что эстоппель в английском праве представляет собой механизм обеспечения последовательности поведения и защиты оправданных ожиданий сторон, а категория недобросовестности (unconscionability) является его фундаментальным элементом, придающим доктрине гибкость и справедливый характер.*

Ключевые слова: *эстоппель; эстоппели, основанные на доверии; недобросовестность; непоследовательное поведение.*

IGNATOV Aleksey Aleksandrovich,
Postgraduate Researcher,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Department of Civil and Business Law

Scientific Supervisor:
AFANASYEV Sergey Fedorovich,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Commercial Litigation,
Advocacy, and Notarial Practice at the Saratov State Law Academy

THE ROLE OF UNCONSCIONABILITY IN ESTOPPEL UNDER ENGLISH LAW

Annotation. *The article examines the significance of unconscionability within the doctrine of estoppel under English law. It analyzes the concept and nature of estoppel as a legal mechanism aimed at protecting reliance and preventing inconsistent and unconscionable conduct in civil and commercial relations. Particular attention is paid to the role of unconscionability as a key element of reliance-based estoppels. The article explores the approaches adopted by English courts and legal*

scholars to the definition of unconscionability, as well as the difficulties arising from the evaluative nature of this concept. Based on an analysis of judicial practice, it is argued that unconscionability serves as the central criterion for the application of estoppel and enables courts to take into account the specific circumstances of each case while avoiding excessive formalism. The article concludes that estoppel under English law functions as a mechanism for ensuring consistency of conduct and protecting the legitimate expectations of the parties, while unconscionability constitutes its fundamental element, providing the doctrine with flexibility and fairness.

Key words: *estoppel; reliance-based estoppels; unconscionability; inconsistent behavior.*

Понятие и сущность эстоппеля

Эстоппель (от англ. estoppel) — один из фундаментальных институтов англо-американского права, возникший на стыке доказательственного, договорного и процессуального права, а впоследствии получивший развитие и в сфере материальных правоотношений. В самом общем виде эстоппель представляет собой правовой инструмент для пресечения непоследовательного недобросовестного поведения.

В современной доктрине отсутствует универсальное, исчерпывающее определение термина «эстоппель», поскольку эстоппель не является единым правовым институтом, а охватывает совокупность самостоятельных правовых конструкций, объединенных общей функциональной направленностью. Шесть основных видов эстоппеля, применяемых в английской юрисдикции в настоящее время:

1) estoppel by representation (эстоппель на основании заверения);
2) promissory estoppel (эстоппель на основании обещания);
3) proprietary estoppel (имущественный эстоппель);
4) estoppel by convention (эстоппель на основании предполагаемого соглашения);
5) estoppel by deed (эстоппель на основании документа особой формы);
6) estoppel by record (эстоппель на основании судебной записи).

Английский правовед М. Барнс в своей фундаментальной работе «Право эстоппеля» («The Law of Estoppel», 2020) пишет, что, вероятно, невозможно сформулировать единую концепцию или положение, которое охватывало бы все аспекты эстоппеля; кроме того, это может быть одной из причин, по которой возникают сомнения в том, можно ли некоторые формы эстоппеля вообще называть эстоппелями [1, Para 1.5]. Например, спорный статус имеет доктрина estoppel by record (эстоппель на основании судебной записи).

Известный английский судья Альфред Деннинг (Lord Denning) в решении по делу Moorgate Mercantile Co Ltd v. Twitchings (1976) указывает следующее: «Эстоппель… представляет собой принцип справедливости и равенства. Его сущность заключается в следующем ——— если лицо своими словами или поведением побудило другое лицо поверить в существование определенного положения дел, оно не вправе впоследствии отказаться от созданного им представления, если в таком случае это покажется несправедливым» [6; 2, P. 63].

М. Барнс отмечает, что сущность эстоппеля заключается в том, что при наличии определенных обстоятельств лицо, сделавшее заявление с намерением, чтобы на него полагались, может быть впоследствии лишено возможности в судебном разбирательстве отрицать истинность либо юридическое значение сделанного им заявления. Лицо, сделавшее такое заявление, считается лишенным права ссылаться в собственных интересах на то, что сообщенное им ранее не соответствует действительности либо не должно порождать правовых последствий [1, Para 1.2].

Нельзя не отметить влияние морали на развитие доктрины эстоппель. В литературе отмечается следующее: «… когда А делает заявление в адрес В, зная, что В будет или может действовать на основе этого заявления, и В действительно действует в ущерб себе, общая мораль предполагает, что А не должен отказываться от своего заявления. Люди с одобрением говорят о человеке, который выполняет свои обещания, чье слово — закон. Из этой моральной категории возник эстоппель как правовое явление» [1, Para 1.1].

Следовательно, сущность эстоппеля заключается в том, что лицо может быть лишено возможности отрицать ранее сделанное им заявление либо отказываться от созданного им представления, если другая сторона действовала, полагаясь на такое заявление, понесла или понесет ущерб в результате этого, и последующий отказ от заявления оказался бы несправедливым или недобросовестным.

Таким образом, эстоппель выступает механизмом, который связывает лицо его собственными заявлениями или поведением и предотвращает возможность их последующего отрицания в ущерб другой стороне. В этом смысле эстоппель выступает юридическим механизмом защиты доверия и обеспечения последовательности поведения участников гражданского оборота.

Заметим, что все эти рассуждения о сущности эстоппеля применимы не ко всем эстоппелям,

о которых мы писали ранее. Они не применимы к estoppel by record (эстоппель на основании судебной записи). Эта доктрина имеет свою специфику. Estoppel by record является институтом процессуального права, а не материального; он не может рассматриваться как эстоппель в современном материально-правовом понимании данного термина. Его связь с доктриной эстоппеля носит преимущественно историко-терминологический характер.

Эстоппель и недобросовестность

Эстоппель тесно связан с концепцией недобросовестности (unconscionability). Отмечается, что недобросовестность представляет собой категорию, которая нередко рассматривается в качестве основания эстоппеля [1, Para 1.44].

Судья Уолкер (Walker LJ) в решении по делу Gillett v. Holt (2001) указывает, что идея о необходимости предотвращения недобросовестного поведения пронизывает всю доктрину эстоппеля [4].

Судья Рикс (Rix LJ) в решении по делу ING Bank NV v. Ros Roca SA (2012) назвал эстоппель концепцией, которая, по его утверждению, в английском общем праве отражает понятие обязанности действовать добросовестно (good faith) в коммерческих делах [5, Para 92].

Под недобросовестностью понимается поведение, в той или иной степени морально предосудительное [7; 1, Para 1.44] либо шокирующее совесть суда [3, Para 92]. Недобросовестность выступает синонимом несправедливости, в контексте эстоппеля данные понятия тождественны [1, Para 1.44]. Как указывает М. Барнс, тяжело дать точное определение недобросовестности; недобросовестность имеет моральный подтекст; речь идет о чем-то большем, нежели просто неразумное или нежелательное поведение, однако такое поведение «не дотягивает» до прямого мошенничества [1, Para 1.44].

Невозможно дать точное определение недобросовестности. Пожалуй, это и не нужно. В праве должны быть такие «каучуковые» нормы, которые помогают суду на их основе справедливо решать возникшие споры с учетом всех фактических обстоятельств дела. Однако неоднозначность может вызывать проблемы на практике. В связи с этим справедливо замечание судьи Нойбергера (Neuberger LJ) в решении по делу Steria Ltd v. Hutchison (2006): «Вопрос недобросовестности во многих случаях является таким вопросом, по которому разумные люди могут весьма легко прийти к различным выводам» [8].

Даже в рамках одного дела судьи могут прийти к разным выводам относительно недобросовестности лица [1, Para 1.44]. Примером такого дела является Cobbe v. Yeoman's Row Management Ltd (2008) [3], рассмотренное Палатой лордов. В этом деле мнения судей разделились. Судья Скотт (Lord Scott) посчитал, что поведение являлось недобросовестным (параграф № 36 решения). Однако судья Уолкер (Lord Walker) признал, что поведение «не вызывало симпатии», но не было недобросовестным (параграф № 92 решения).

Критерий недобросовестности предельно важен для эстоппеля. После того, как лицо сделало какое-либо заявление (statement), необходимо задать единственный вопрос ——— будет ли в данном конкретном деле с учетом всех его обстоятельств последующий отказ лица от своего заявления недобросовестным [1, Para 1.45]. Даже если будут доказаны все остальные необходимые элементы эстоппеля ——— заявление (statement), доверие (reliance), ущерб (detriment), но поведение не будет признано недобросовестным, то эстоппель не должен применяться. В каком-то смысле недобросовестность является «последней инстанцией» для эстоппеля.

Кроме того, в доктрине выделяются следующие причины, почему недобросовестность важна в контексте эстоппеля [1, Para 1.46–1.47]:

1) Недобросовестность является самостоятельным и обязательным элементом эстоппелей, основанных на доверии (reliance-based estoppels):

– estoppel by representation (эстоппель на основании заверения);

– promissory estoppel (эстоппель на основании обещания);

– proprietary estoppel (имущественный эстоппель);

– estoppel by convention (эстоппель на основании предполагаемого соглашения).

2) Недобросовестность играет существенную роль при определении надлежащего способа судебной защиты (remedy) ——— по крайней мере, в отношении эстоппелей по праву справедливости (equitable estoppels):

– promissory estoppel (эстоппель на основании обещания);

– proprietary estoppel (имущественный эстоппель).

3) Недобросовестность выполняет функцию инструмента, позволяющего избегать чрезмерной жесткости правил или формализованных конструкций при разрешении отдельных вопросов.

Заключение

Категория недобросовестности (unconscionability) играет ключевую роль в функционировании эстоппеля, особенно в рамках эстоппелей, основанных на доверии (reliance-based estoppels). Под

недобросовестностью понимается поведение, в той или иной степени «морально предосудительное» либо «шокирующее совесть суда». Центральная идея эстоппеля ——— пресекаться должно не просто непоследовательное поведение само по себе, а именно недобросовестное непоследовательное поведение.

Список литературы:

[1] Barnes M. The Law of Estoppel. Oxford: Hart Publishing, 2020.

[2] Cooke E. The Modern Law of Estoppel. Oxford: Oxford University Press, 2000.

[3] Cobbe v. Yeoman's Row Management Ltd [2008] UKHL 55. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2008/55.html (дата обращения: 17.05.2026).

[4] Gillett v. Holt [2001] Ch 210, 225. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2000/66.html (дата обращения: 17.05.2026).

[5] ING Bank NV v. Ros Roca SA [2012] 1 WLR 472. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2011/353.html (дата обращения: 17.05.2026).

[6] Moorgate Mercantile Co Ltd v. Twitchings [1976] QB 225.

[7] Multiservice Bookbinding v. Marden [1979] Ch 84, 110.

[8] Steria Ltd v. Hutchison [2006] EWCA Civ 1551. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2006/1551.html (дата обращения: 17.05.2026).

References:

[1] Barnes M. The Law of Estoppel. Oxford: Hart Publishing, 2020.

[2] Cooke E. The Modern Law of Estoppel. Oxford: Oxford University Press, 2000.

[3] Cobbe v. Yeoman's Row Management Ltd [2008] UKHL 55. URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2008/55.html (data obrashhenija: 17.05.2026).

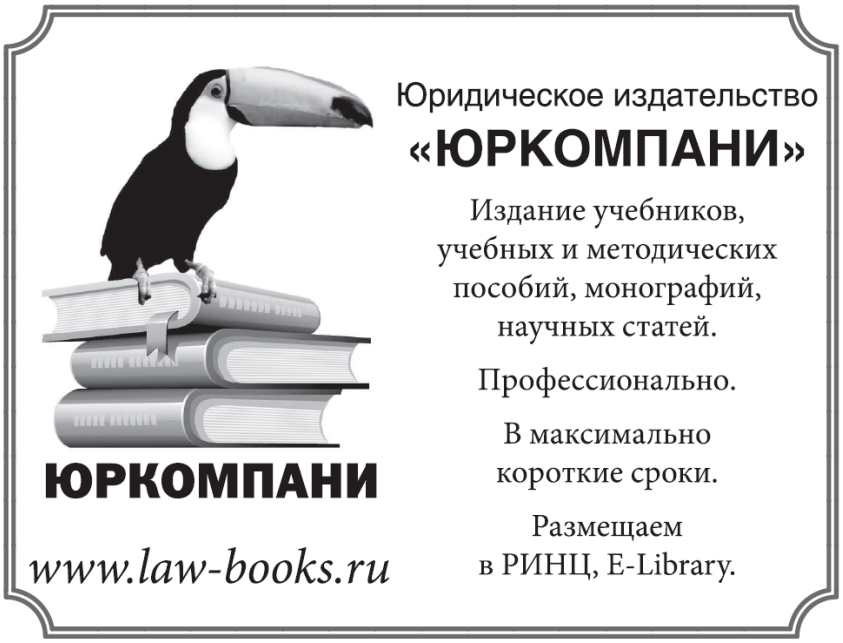
[4] Gillett v. Holt [2001] Ch 210, 225. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2000/66.html (data obrashhenija: 17.05.2026).

[5] ING Bank NV v. Ros Roca SA [2012] 1 WLR 472. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2011/353.html (data obrashhenija: 17.05.2026).

[6] Moorgate Mercantile Co Ltd v. Twitchings [1976] QB 225.

[7] Multiservice Bookbinding v. Marden [1979] Ch 84, 110.

[8] Steria Ltd v. Hutchison [2006] EWCA Civ 1551. URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2006/1551.html (data obrashhenija: 17.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-101-109

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ВЫДВОРЕНИЕ ОСУЖДЁННОГО ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА: НАКАЗАНИЕ, МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ?

Аннотация. *В статье исследуется юридическая природа выдворения осужденного иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы государства. На основе сравнительно-правового анализа законодательства Российской Федерации и отдельных государств — участников СНГ обосновывается вывод о множественности правовых моделей выдворения: в одних правопорядках оно закрепляется как основной или дополнительный вид уголовного наказания, в других — как мера безопасности, в третьих — как административно-правовое или миграционно-правовое последствие осуждения и утраты права на пребывание. Рассматривается вопрос о допустимости включения выдворения в систему уголовно-правового воздействия с учетом принципов личной ответственности, индивидуализации наказания, запрета двойного наказания и принципа non-refoulement. Показано, что российское законодательство не содержит выдворения осужденного иностранца как самостоятельного уголовного наказания, однако фактически использует административно-миграционные последствия осуждения, выражающиеся в аннулировании разрешительных документов, ограничении права на пребывание и последующем удалении лица из страны. Обосновывается, что выбор правовой модели выдворения имеет не только терминологическое, но и практическое значение, поскольку определяет субъект принятия решения, процессуальные гарантии, момент исполнения, связь с основным наказанием, возможность учета прав потерпевшего и пределы применения международно-правовых запретов. Формулируется вывод о целесообразности сохранения в российском праве межотраслевой модели выдворения при одновременном усилении судебного контроля и нормативном разграничении депортации, административного выдворения и уголовно-правовых последствий осуждения иностранного гражданина.*

Ключевые слова: *иностранный гражданин, лицо без гражданства, выдворение, депортация, наказание, мера безопасности, осужденный, административно-правовое последствие, миграционное право, уголовное право, non-refoulement, СНГ, сравнительное правоведение.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for Research on Problems of Security in Institutions of the Criminal Executive System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», Phd in Low

EXPULSION OF A CONVICTED FOREIGN CITIZEN: PUNISHMENT, SECURITY MEASURE OR ADMINISTRATIVE-LEGAL CONSEQUENCE?

Annotation. *The article examines the legal nature of the expulsion of a convicted foreign citizen or stateless person from the territory of a state. Based on a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and selected CIS member states, the author substantiates the conclusion that there are multiple legal models of expulsion: in some legal systems it is established*

as a principal or additional criminal punishment, in others as a security measure, and in others as an administrative or migration-law consequence of conviction and loss of the right to stay. The article analyzes the admissibility of including expulsion in the system of criminal-law measures, taking into account the principles of personal liability, individualization of punishment, prohibition of double punishment and the principle of non-refoulement. It is shown that Russian legislation does not provide for expulsion of a convicted foreigner as an independent criminal punishment, but actually applies administrative and migration consequences of conviction, expressed in the annulment of permits, restriction of the right to stay and subsequent removal from the state. The author argues that the choice of the legal model of expulsion has not only terminological but also practical significance, since it determines the competent decision-making authority, procedural guarantees, the moment of execution, the connection with the principal punishment, the possibility of taking into account the victim's rights and the limits imposed by international legal prohibitions. The article concludes that it is appropriate to preserve an intersectoral model of expulsion in Russian law while strengthening judicial control and legally distinguishing deportation, administrative expulsion and criminal-law consequences of conviction of a foreign citizen.

Key words: *foreign citizen, stateless person, expulsion, deportation, punishment, security measure, administrative-legal consequence, migration law, criminal law, non-refoulement, CIS, comparative law.*

Проблема выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных за совершение преступлений, находится на пересечении уголовного, административного, миграционного, уголовно-исполнительного и международного права. Ее актуальность обусловлена тем, что государство, с одной стороны, стремится обеспечить неотвратимость уголовно-правового реагирования и защиту общественной безопасности, а с другой — заинтересовано в прекращении пребывания на своей территории лиц, утративших правовые основания для нахождения в стране или представляющих повышенный риск для охраняемых общественных отношений. Однако само по себе перемещение осужденного иностранного гражданина за пределы государства может иметь различную юридическую природу. Оно может быть частью уголовного наказания, самостоятельной мерой безопасности, административным взысканием, миграционно-правовой депортацией либо правовым последствием осуждения, реализуемым вне системы уголовных наказаний. От выбора этой модели зависят процессуальные гарантии, момент исполнения, круг компетентных органов, возможность учета личности осужденного, прав потерпевшего и международных ограничений, прежде всего принципа non-refoulement.

В российском праве выдворение осужденного иностранного гражданина не закреплено в качестве уголовного наказания. Система наказаний, установленная Уголовным кодексом Российской Федерации, не содержит такой меры, как высылка, депортация или принудительное выдворение за пределы Российской Федерации. В то же время правовое положение иностранного гражданина, осужденного за преступление, существенно меняется в силу норм миграционного законодательства. Осуждение может повлечь отказ в выдаче или аннулирование разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу, а в дальнейшем — принятие решений о нежелательности пребывания, депортации или административном выдворении при наличии соответствующих оснований. Следовательно, российская модель строится не на включении выдворения в систему уголовных наказаний, а на последующем административно-миграционном реагировании на факт осуждения и утрату иностранцем правовых оснований для пребывания.

Такой подход имеет как преимущества, так и недостатки. Его преимущество состоит в том, что уголовное наказание сохраняет традиционную связь с личной виновной ответственностью за совершенное преступление, а вопросы миграционного статуса решаются в рамках публичного администрирования пребывания иностранцев. Это позволяет избежать прямого смешения уголовной репрессии и миграционного контроля. Однако недостаток состоит в возможном разрыве между уголовно-правовой и миграционно-правовой логикой. Суд, назначая наказание иностранному гражданину, не всегда прямо решает вопрос о дальнейшем пребывании лица в Российской Федерации; последующие миграционные решения принимаются иными органами и по иным процедурам. В результате может возникать несогласованность: осужденному ограничивается выезд до исполнения наказания, но одновременно аннулируются документы, позволяющие ему легально пребывать и трудиться, что затрудняет исполнение имущественных обязанностей и увеличивает срок фактического нахождения лица в стране.

Сравнительно-правовой материал показывает, что государства — участники СНГ используют различные подходы к юридической природе

выдворения. В Азербайджанской Республике принудительное выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства закреплено в уголовном законодательстве как дополнительный вид наказания. Оно применяется после отбытия основного наказания и сопровождается ограничением права въезда на территорию государства. Существенной особенностью азербайджанской модели является детальная регламентация исключений, при которых принудительное выдворение не назначается. В частности, учитываются наличие устойчивых социальных связей, семейное положение, статус беженца или политического убежища, а также риск пыток или преследования в государстве, принимающем лицо после выдворения. Тем самым выдворение, будучи включенным в уголовно-правовую систему, сохраняет зависимость от индивидуальной оценки личности осужденного и международно-правовых гарантий.

Армянская модель также рассматривает выдворение иностранного гражданина как уголовно-правовую меру, связанную с высылкой за пределы Республики Армения и запретом нахождения на ее территории в течение установленного срока. Выдворение осуществляется после отбытия основного наказания, а в случаях условного неприменения наказания или условно-досрочного освобождения — после окончания испытательного срока. Важным элементом является учет государства гражданства или постоянного проживания осужденного, а также ограничений, вытекающих из запрета выдачи или высылки лица туда, где существует реальная угроза смертной казни, пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Данная модель демонстрирует попытку встроить выдворение в уголовное право без полного отказа от гуманитарных пределов государственного принуждения.

В Республике Казахстан выдворение за пределы государства имеет сложную юридическую природу. Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает выдворение иностранца или лица без гражданства как вид уголовного наказания: за совершение уголовного проступка оно может назначаться как основное или дополнительное наказание, а за совершение преступления — как дополнительное наказание. При этом выдворение исполняется принудительно и сопровождается запретом на въезд в Республику Казахстан сроком на пять лет. Одновременно административное законодательство Казахстана знает административное выдворение как меру административного взыскания, применяемую судом по основаниям, предусмотренным Особенной частью Кодекса об административных правонарушениях. Кроме того, отдельные процедуры выдворения могут рассматриваться в рамках гражданского судопроизводства по заявлениям органов внутренних дел. Казахстанская модель особенно показательна, поскольку в ней выдворение одновременно существует в уголовно-правовой, административно-деликтной и процессуально-миграционной плоскостях.

Такое многоуровневое регулирование позволяет гибко реагировать на различные ситуации, но одновременно создает риск терминологического и процессуального смешения. Если выдворение назначается как уголовное наказание, оно должно соответствовать принципам уголовного права: законности, виновности, справедливости, индивидуализации и соразмерности. Если оно применяется как административное взыскание, основания и процедура должны соответствовать административно-деликтной природе нарушения. Если же выдворение реализуется как последствие утраты права на пребывание, его цель смещается от наказания к восстановлению миграционного правопорядка. На практике все три модели могут приводить к одному фактическому результату — удалению иностранца из государства, однако юридическое содержание такого удаления различается. Именно это различие определяет, можно ли рассматривать выдворение как дополнительную карательную меру, превентивную меру общественной безопасности или техническое последствие прекращения законного пребывания.

Кыргызская Республика закрепляет выдворение в уголовном законодательстве как меру, назначаемую иностранным гражданам и лицам без гражданства после отбытия основного наказания в случаях, предусмотренных санкциями статей Особенной части уголовного закона. Исполнение выдворения урегулировано уголовно-исполнительным законодательством и предполагает контролируемый выезд осужденного за пределы государства. Особенностью кыргызской модели является лаконичность правовой регламентации, а также прямое определение источников покрытия расходов по выдворению: их несет сам осужденный либо физическое или юридическое лицо, пригласившее его в Кыргызскую Республику, а при отсутствии или недостаточности средств — бюджет. Для рассматриваемой темы это важно потому, что уголовно-правовая квалификация выдворения как наказания или меры, исполняемой после основного наказания, сопровождается решением финансово-миграционного вопроса, то есть законодатель связывает уголовно-исполнительную процедуру с распределением публичных расходов.

В Республике Молдова высылка из страны имеет иную юридическую природу: она рассма-

тривается не как наказание, а как мера безопасности. Уголовный кодекс Молдовы относит высылку к мерам безопасности, целью которых является устранение опасности и предупреждение совершения новых деяний, предусмотренных уголовным законом. Такая конструкция концептуально отличается от модели наказания. Наказание выражает отрицательную оценку уже совершенного преступления и реализует карательно-восстановительную и превентивную функции. Мера безопасности, напротив, ориентирована прежде всего на устранение опасного состояния или риска. Она связана не только с фактом совершенного деяния, но и с прогнозом дальнейшего поведения лица, его статусом, возможностью причинения нового вреда охраняемым отношениям. Поэтому молдавская модель позволяет более ясно отделить высылку от карательной реакции, хотя фактические последствия для лица могут быть не менее существенными, чем при наказании.

Модель меры безопасности обладает определенными теоретическими преимуществами. Она позволяет объяснить, почему выдворение может быть применено не для усиления наказания, а для предотвращения дальнейшей угрозы, исходящей от пребывания иностранного гражданина на территории государства. В таком случае акцент переносится с воздаяния на охрану общества. Однако эта модель также требует строгих гарантий, поскольку меры безопасности могут быть менее жестко связаны с тяжестью конкретного преступления и больше зависеть от оценки опасности лица. Если такая оценка не будет индивидуализированной и судебно контролируемой, мера безопасности может превратиться в неопределенную форму дополнительной репрессии. Поэтому квалификация выдворения как меры безопасности оправдана лишь при наличии ясных критериев опасности, процессуальных гарантий и запрета автоматического применения.

Белорусская модель, как и российская, в большей степени относится к подходу, при котором высылка или депортация не являются самостоятельными уголовными наказаниями в системе уголовного закона, но выступают правовыми последствиями осуждения и регулируются специальным законодательством о правовом положении иностранцев. В таком случае уголовный закон фиксирует лишь отдельные связи с высылкой или депортацией, например прекращение превентивного надзора в случае удаления иностранца из страны, тогда как основания и порядок самого удаления закрепляются в миграционных и административных актах. Эта модель подчеркивает административно-правовой характер решения о дальнейшем пребывании иностранца, но одновременно вызывает вопрос о достаточности судебного контроля, если фактическим основанием удаления является именно уголовное осуждение.

Сопоставление указанных подходов позволяет выделить три основные правовые конструкции. Первая — выдворение как уголовное наказание. Она характерна для Азербайджана, Армении, Казахстана и Кыргызстана с различиями в деталях. В этой модели выдворение назначается судом в приговоре, связано с совершенным преступлением и исполняется, как правило, после основного наказания. Ее достоинство состоит в ясной уголовно-правовой природе и судебном характере решения. Недостаток — риск чрезмерной карательности, особенно если выдворение назначается автоматически, без оценки семейных, социальных, гуманитарных и международно-правовых обстоятельств. Вторая конструкция — выдворение или высылка как мера безопасности. Она выражена в молдавском подходе и ориентирована на устранение опасности дальнейшего пребывания лица. Ее достоинство — превентивная направленность, недостаток — возможная неопределенность критериев опасности. Третья конструкция — выдворение, депортация или высылка как административно-правовое либо миграционно-правовое последствие осуждения. Она характерна для России и ряда иных правопорядков. Ее достоинство — отделение уголовного наказания от миграционного статуса; недостаток — возможное расщепление процедур, когда уголовный суд и миграционные органы принимают взаимосвязанные решения без единого процессуального механизма согласования.

При оценке выдворения как уголовного наказания необходимо учитывать его двойственную природу. С одной стороны, оно имеет очевидный карательный эффект: лицо принудительно удаляется из государства, лишается возможности проживать, трудиться, поддерживать социальные связи и возвращаться в течение установленного срока. Для иностранного гражданина, имеющего семью, имущество, длительное проживание или иные устойчивые связи в государстве осуждения, такое последствие может быть весьма существенным. С другой стороны, выдворение отличается от классических наказаний тем, что его применение возможно только к специальному субъекту — иностранному гражданину или лицу без гражданства. Гражданин собственного государства, совершивший аналогичное преступление, не может быть изгнан за пределы страны. В связи с этим возникает вопрос о равенстве и соразмерности: различие в правовом положении гражданина и иностранца объективно существует, однако уголовно-право-

вая реакция не должна превращать сам иностранный статус в самостоятельное отягчающее обстоятельство.

Именно поэтому выдворение как наказание требует строгой индивидуализации. Оно может быть оправдано, если дальнейшее пребывание осужденного иностранца действительно противоречит интересам общественной безопасности, если оно предусмотрено законом за конкретное деяние, назначается судом с учетом личности виновного и не нарушает международные запреты. Недопустимо рассматривать выдворение как автоматическое приложение к любому преступлению иностранца. Преступление может быть различным по характеру и степени общественной опасности; иностранный гражданин может иметь разный уровень интеграции в принимающее общество; последствия удаления могут затрагивать семью, несовершеннолетних детей, потерпевших, исполнение имущественных обязанностей. Поэтому уголовно-правовая модель выдворения должна быть не механической, а судебно-дискреционной.

Квалификация выдворения как меры безопасности также не устраняет всех проблем. Она позволяет избежать прямого отнесения выдворения к наказаниям, но не исключает необходимости учитывать тяжесть совершенного деяния и личность осужденного. Более того, меры безопасности в уголовном праве обычно применяются к лицам или ситуациям, создающим особую опасность, и должны иметь специальное основание. Если высылка иностранца объявляется мерой безопасности только потому, что он совершил преступление, различие между наказанием и мерой безопасности становится формальным. Поэтому для такой модели необходимо доказать наличие самостоятельной превентивной цели: устранение опасности дальнейшего пребывания конкретного лица, а не дополнительное наказание за уже совершенное деяние. Иначе мера безопасности может скрыто выполнять карательную функцию без присущих наказанию гарантий.

Административно-правовая модель, используемая в российском праве, также нуждается в уточнении. Административное выдворение в российском праве является видом административного наказания, применяемого за административные правонарушения. Депортация, в свою очередь, представляет собой принудительное удаление иностранного гражданина в связи с утратой или прекращением законных оснований для пребывания, а не административное наказание в собственном смысле. Решение о нежелательности пребывания, аннулирование разрешительных документов и последующая депортация могут быть связаны с осуждением, но не являются частью уголовного приговора. Поэтому применительно к осужденному иностранцу необходимо различать три ситуации: административное выдворение за административное правонарушение; депортация вследствие прекращения законных оснований пребывания; уголовно-правовая реакция на преступление, которая в России не включает выдворение как наказание. Смешение этих категорий приводит к неопределенности правового статуса и затрудняет правоприменение.

Наиболее существенный практический вопрос состоит в том, должен ли российский законодатель включать выдворение осужденного иностранного гражданина в систему уголовных наказаний. Аргументы в пользу такого решения очевидны. Во-первых, оно позволило бы суду сразу при постановлении приговора решить вопрос о дальнейшем пребывании иностранца в Российской Федерации. Во-вторых, выдворение как дополнительное наказание могло бы сократить срок неопределенного нахождения осужденного иностранца после исполнения основного наказания. В-третьих, уголовно-правовая модель обеспечила бы более прямой судебный контроль и повысила бы предсказуемость последствий осуждения. В-четвертых, она могла бы позволить учитывать возможность передачи исполнения наказания в государство гражданства и последующего запрета въезда уже на стадии назначения наказания.

Однако существуют и серьезные возражения. Включение выдворения в систему уголовных наказаний может привести к усилению карательного компонента в отношении иностранцев и создать риск формального назначения такой меры по широкому кругу составов. Кроме того, выдворение как уголовное наказание не решает автоматически проблему возмещения вреда потерпевшему. Напротив, преждевременное удаление осужденного иностранца может затруднить исполнение гражданского иска, взыскание штрафа или иных имущественных обязанностей. Не менее важным является вопрос о принципе non-refoulement: уголовный суд должен будет оценивать риск пыток, преследования, смертной казни или бесчеловечного обращения в государстве назначения. Это потребует специальных процедур, доказательственных стандартов и взаимодействия с миграционными органами. В противном случае уголовно-правовая модель окажется формально простой, но практически сложной.

Сохранение административно-миграционной модели также возможно, но при условии ее более тесного согласования с уголовным процессом и исполнением наказания. Российскому праву необходимо не столько механически заимствовать зарубежную конструкцию выдворения

как уголовного наказания, сколько устранить разрыв между приговором и последующим миграционным решением. Если иностранный гражданин осуждается за преступление, суд должен иметь возможность учитывать миграционно-правовые последствия при выборе вида наказания. Это особенно важно для наказаний, не связанных с лишением свободы, поскольку их исполнение может требовать нахождения лица в Российской Федерации, контроля за поведением, возможности трудиться или возмещать вред. Одновременное ограничение выезда и аннулирование права на труд может привести к ситуации, в которой лицо остается в стране, но не способно исполнить имущественные обязанности.

При любой модели выдворения должен быть обеспечен баланс трех интересов: общественной безопасности, прав осужденного и прав потерпевшего. Общественная безопасность требует, чтобы иностранный гражданин, совершивший опасное преступление и утративший связь с принимающим правопорядком, не сохранял необоснованно право на дальнейшее пребывание. Права осужденного требуют, чтобы выдворение не применялось автоматически, без учета индивидуальных обстоятельств, семейной жизни, длительности проживания, риска преследования и возможности исполнения наказания. Права потерпевшего требуют, чтобы удаление осужденного из страны не превращало компенсацию вреда в фикцию. Если осужденный иностранный гражданин выдворяется до возмещения вреда и без реального механизма трансграничного взыскания, потерпевший может оказаться в худшем положении, чем при осуждении гражданина Российской Федерации.

Особое значение имеет момент исполнения выдворения. В большинстве уголовно-правовых моделей оно исполняется после отбытия основного наказания. Это логично, если основное наказание связано с лишением свободы: сначала государство реализует карательное воздействие, затем удаляет лицо. Однако если наказание не связано с лишением свободы, последовательность становится менее очевидной. Условное осуждение, ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы или штраф предполагают различные формы контроля и исполнения. Если выдворение исполняется после завершения такого наказания, срок пребывания иностранца сохраняется. Если выдворение исполняется сразу, возникает вопрос о контроле за исполнением наказания за рубежом. Поэтому в отношении наказаний, не связанных с лишением свободы, выдворение должно рассматриваться во взаимосвязи с институтом передачи исполнения наказания в государство гражданства осужденного. Без такого механизма выдворение может либо нарушить исполнимость приговора, либо не выполнить задачу сокращения пребывания иностранца.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что оптимальная модель должна быть межотраслевой. Выдворение осужденного иностранного гражданина не может быть полностью поглощено уголовным правом, поскольку оно затрагивает миграционный статус, международные гарантии, расходы на удаление, документирование и взаимодействие с иностранным государством. Оно не может быть полностью сведено и к административному праву, поскольку его основанием нередко является преступление и приговор суда. Оно также не должно рассматриваться исключительно как техническое последствие утраты права на пребывание, поскольку фактические последствия для личности сопоставимы с серьезной санкцией. Следовательно, выдворение осужденного иностранца представляет собой комплексную межотраслевую меру, правовая природа которой зависит от законодательной модели, но в любом случае требует судебного контроля и индивидуальной оценки.

Для российского права наиболее обоснованным представляется не прямое включение выдворения в перечень уголовных наказаний, а развитие специального уголовно-процессуального и миграционно-правового механизма, позволяющего суду учитывать последствия осуждения для дальнейшего пребывания иностранного гражданина. Такой механизм мог бы предусматривать обязанность суда при назначении наказания иностранцу оценивать возможность его передачи для исполнения наказания в государство гражданства, наличие имущественных обязательств перед потерпевшим, перспективы возмещения вреда, риски применения принципа non-refoulement, а также наличие оснований для последующего прекращения миграционного статуса. При этом само решение о депортации или выдворении может оставаться в сфере миграционного права, но не должно приниматься без учета выводов уголовного суда и обстоятельств, установленных приговором.

Возможен и более радикальный вариант — введение в российское уголовное законодательство выдворения как иной меры уголовно-правового характера, а не как наказания. Такая модель позволила бы избежать полного отождествления выдворения с карательной санкцией и подчеркнуть его превентивно-миграционную направленность. Однако она также потребовала бы четкого определения оснований, пределов, срока запрета въезда, исключений, процессуального порядка назначения и исполнения. Без этого новая мера могла бы создать больше неопределенности, чем действующая административно-миграционная

конструкция. Кроме того, российское право уже располагает механизмами депортации, административного выдворения и нежелательности пребывания, поэтому введение нового уголовно-правового института должно быть оправдано не только политико-правовой целесообразностью, но и реальной способностью устранить существующие коллизии.

Выдворение как административно-правовое последствие осуждения также должно отвечать требованиям правовой определенности. Иностранный гражданин должен понимать, какое именно последствие влечет осуждение: аннулирование разрешения, запрет на въезд, депортацию, административное выдворение или ограничение пребывания. Органы власти должны различать основания этих мер и не подменять одну другой. Судебный контроль должен охватывать не только формальную законность решения, но и его соразмерность, исполнимость, влияние на права потерпевшего и соответствие международным обязательствам. Особенно важно исключить ситуацию, когда лицо подлежит удалению, но фактически длительное время содержится в специальных учреждениях из-за отсутствия документов, невозможности установления гражданства, отказа принимающего государства или риска нарушения принципа non-refoulement.

Принцип non-refoulement является универсальным пределом любой модели выдворения. Независимо от того, признается ли выдворение наказанием, мерой безопасности или административным последствием, государство не вправе направлять лицо туда, где существуют серьезные основания полагать, что ему угрожают пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, преследование по политическим, религиозным, национальным или иным защищаемым признакам. В уголовно-правовых моделях этот принцип должен учитываться судом при назначении выдворения. В административно-миграционных моделях — органом, принимающим решение о депортации или выдворении, и судом при проверке его законности. Наличие судимости или совершение преступления может влиять на оценку общественной опасности лица, но не отменяет абсолютных запретов, связанных с пытками и бесчеловечным обращением.

Вопрос о правовой природе выдворения не должен решаться абстрактно. Разные модели могут быть оправданы в разных правопорядках, если они обеспечивают достаточные гарантии. Уголовно-правовая модель предпочтительна там, где законодатель стремится сделать выдворение частью приговора и обеспечить прямой судебный контроль. Модель меры безопасности оправдана там, где акцент делается на устранении опасности дальнейшего пребывания иностранца. Административно-миграционная модель эффективна там, где требуется гибкое управление правовым статусом иностранцев после осуждения. Однако любая из этих моделей становится проблемной, если применяется автоматически, без индивидуальной оценки и без учета исполнения основного наказания, возмещения вреда потерпевшему и международных гарантий.

В заключение следует отметить, что выдворение осужденного иностранного гражданина имеет сложную межотраслевую природу и не может быть однозначно сведено только к наказанию, только к мере безопасности или только к административно-правовому последствию. Сравнительно-правовой анализ показывает множественность допустимых законодательных моделей. Азербайджан, Армения, Казахстан и Кыргызстан демонстрируют различные варианты включения выдворения в систему уголовно-правового воздействия. Молдова квалифицирует высылку как меру безопасности, подчеркивая ее превентивную направленность. Россия использует преимущественно административно-миграционную модель, при которой уголовное осуждение влияет на правовой статус иностранца, но само выдворение не является уголовным наказанием.

Наиболее значимый вывод состоит в том, что фактическая одинаковость результата — удаление лица за пределы государства — не означает тождества правовой природы. Если выдворение является наказанием, оно должно назначаться судом с соблюдением принципов уголовного права и индивидуализации. Если оно является мерой безопасности, необходимо доказать наличие опасности, устранение которой составляет цель меры. Если оно выступает административно-правовым последствием, требуется ясная связь с утратой оснований пребывания, соблюдение процедурных гарантий и судебный контроль. Для российского права в текущих условиях более предпочтительно развитие межотраслевой модели, а не механическое включение выдворения в перечень уголовных наказаний. Такая модель должна обеспечить согласование приговора, миграционного статуса, исполнения наказания, защиты потерпевшего и международных запретов.

Перспективным направлением совершенствования российского законодательства является нормативное разграничение депортации, административного выдворения и последствий уголовного осуждения иностранного гражданина. Необходимо закрепить механизм, позволяющий суду при постановлении приговора учитывать возможные миграционно-правовые последствия, особенно при назначении наказаний, не связанных с лишением свободы. Следует также предусмотреть оценку возможности передачи испол-

нения наказания в государство гражданства, влияния удаления лица на возмещение вреда потерпевшему и риска нарушения принципа non-refoulement. Только при таком подходе выдворение осужденного иностранца будет выполнять не только функцию удаления нежелательного лица, но и функцию правового согласования уголовной, миграционной и восстановительной политики государства.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. I. Ст. 1.

[3] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

[4] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

[5] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13-I, 13-II. Ст. 83.

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17 // Эркин-Тоо. 2017. № 11.

[7] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV // Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2002. № 128–129. Ст. 1012.

[8] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 4. Ст. 251.

[9] Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. № ЗР-199 // Официальные ведомости Республики Армения. 2021.

[10] Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ : монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, В. Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. И. С. Власов, Н. А. Голованова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2012. 496 с.

[11] Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2019. 424 с.

[12] Олейник В. И. Совершенствование законодательства при выдворении иностранцев и лиц без гражданства за пределы Республики Казахстан // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». 2022. № 3 (107). С. 16–29. DOI: 10.31489/2022L3/16-29.

[13] Семыкина О. И. Принцип гуманизма как средство обеспечения запрета пыток // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5. С. 52–65. DOI: 10.12737/jflcl.2021.053.

[14] Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование : научно-практическое пособие / А. С. Автономов, В. Ю. Артемов, И. С. Власов [и др.] ; отв. ред. С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма «Контракт», 2016. 304 с.

[15] Правовая защита потерпевших в зарубежных странах : монография / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова [и др.] ; отв. ред. С. П. Кубанцев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2017. 304 с.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1, part I. Art. 1.

[3] On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032.

[4] On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation: Federal Law of August 15, 1996 No. 114-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029.

[5] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V SAM//Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 2014. № 13-I, 13-II. Art. 83.

[6] Criminal Executive Code of the Kyrgyz Republic of January 31, 2017 No. 17//Erkin-Too. 2017. № 11.

[7] Criminal Code of the Republic of Moldova dated April 18, 2002 No. 985-XV//Monitorul Oficial al Republici Moldova. 2002. № 128–129. Art. 1012.

[8] Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 No. 787-IQ//Collection of Legislation of the Republic of Azerbaijan. 2000. № 4. Art. 251.

[9] Criminal Code of the Republic of Armenia dated May 5, 2021 No. ZR-199//Official Gazette of the Republic of Armenia. 2021.

[10] Migration and crime: comparative legal analysis: monograph/I. S. Vlasov, N. A. Golovanova, V. Yu. Artemov [and others]; resp. ed. I. S. Vlasov, N. A. Golovanova. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Contract Law Firm, 2012. 496 pp.

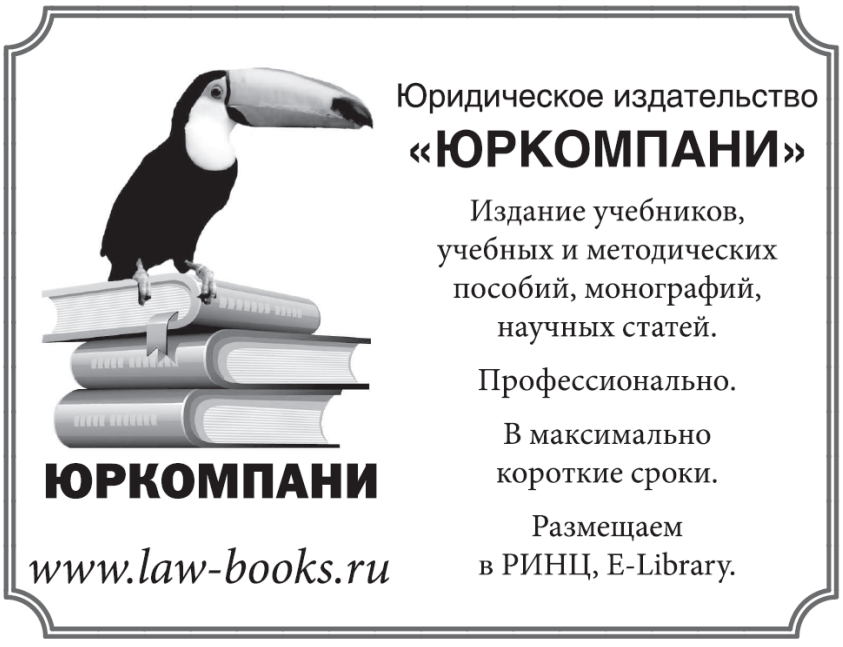
[11] New directions for the development of criminal legislation in foreign countries: comparative legal research: monograph/V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanova [and others]; resp. ed. N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law firm "Contract," 2019. 424 p.

[12] Oleinik V.I. Improvement of legislation when expelling foreigners and stateless persons from the Republic of Kazakhstan//Bulletin of Karaganda University. "Right" series. 2022. № 3 (107). S. 16-29. DOI: 10.31489/2022L3/16-29.

[13] Semykina O. I. The principle of humanism as a means of ensuring the prohibition of torture// Journal of foreign legislation and comparative law. 2021. VOL. 17. № 5. S. 52-65. DOI: 10.12737/jflcl.2021.053.

[14] Compensation for material harm to victims. Comparative legal research: scientific and practical manual/A. S. Avtonomov, V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov [and others]; resp. ed. S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law firm "Contract," 2016. 304 pp.

[15] Legal protection of victims in foreign countries: monograph/V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, N. A. Golovanova [and others]; resp. ed. S.P. Kubantsev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 2017. 304 pp.

- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-110-118

БУЛАКОВ Олег Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры публичной власти
и правового положения личности,
Институт Правоведения Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
Москва, Россия,
e-mail: bulakov62@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГРАЖДАНСТВА В КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Аннотация. *Гражданство принадлежит к числу базовых институтов конституционного права, поскольку через него определяется устойчивая персональная связь человека с государством, объем политико-правовой принадлежности к конституционному сообществу и пределы публичной ответственности государства перед лицом. Автор статьи делает вывод о том, что современной проблемой является баланс между устойчивостью гражданства и возможностью его прекращения при выявлении дефектов приобретения или угроз национальной безопасности. Такой баланс должен обеспечиваться только через закон, строгую процедуру, доказанность обстоятельств и судебный контроль. В условиях цифровизации и трансграничной мобильности конституционная ценность гражданства возрастает: государство должно гарантировать не только учет граждан, но и надежную защиту их статуса от технических ошибок, ретроспективной неопределенности и административного произвола.*

Ключевые слова: *гражданство, миграционный режим, основы конституционного строя, права человека, приобретение гражданства, прекращение гражданства.*

BULAKOV Oleg Nikolaevich,
Doctor of Law, Professor,
Professor, Department of Public Power and Legal Personality,
Institute of Law, Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia

THE CONCEPT AND MAIN FEATURES OF CITIZENSHIP IN THE CONSTITUTION OF RUSSIA

Annotation. *Citizenship belongs to the number of basic institutions of constitutional law, since it determines the stable personal connection of a person with the state, the volume of political and legal affiliation to the constitutional community and the limits of the state's public responsibility to the face. The author of the article concludes that the current problem is the balance between the sustainability of citizenship and the possibility of its termination when acquisition defects or threats to national security are detected. Such a balance should be ensured only through law, strict procedure, proof of circumstances and judicial control. In the context of digitalization and cross-border mobility, the constitutional value of citizenship is increasing: the state must guarantee not only the registration of citizens, but also the reliable protection of their status from technical errors, retrospective uncertainty and administrative arbitrariness.*

Key words: *citizenship, migration regime, foundations of the constitutional system, human rights, acquisition of citizenship, termination of citizenship.*

В отличие от пребывания, проживания или административной регистрации гражданство не сводится к фактической связи лица с территорией; оно выражает юридически признанное качество личности, имеющее значение для реализации народного суверенитета, участия в управлении делами государства, осуществления политических прав, несения конституционных обязанностей и пользования дипломатической защитой за пределами страны.

В Конституции Российской Федерации гражданство закреплено не как технический элемент миграционного режима, а как самостоятельная конституционная категория. Уже само размещение статьи 6 в главе 1 «Основы конституционного строя» показывает, что гражданство относится к фундаментальным началам российской государственности. Конституция РФ устанавливает три исходных положения: гражданство приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом; оно является единым и равным независимо от оснований приобретения; гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Эти формулы образуют конституционное ядро всего законодательства о гражданстве и одновременно служат критерием оценки его последующего развития. [1, ст. 6] Гражданство следует рассматривать не только как юридический факт, порождающий права и обязанности, но и как конституционное состояние лица, устойчивость которого предполагает повышенный уровень правовой определенности и судебной защиты.

В современной российской доктрине гражданство традиционно определяется как политико-правовая принадлежность лица к государству, имеющая устойчивый, публично-правовой и взаимный характер. Эта принадлежность не равна гражданской правосубъектности и не поглощается общей категорией прав человека. Правами человека обладает каждый в силу достоинства личности; правами гражданина - лицо, включенное в политико-правовую связь с конкретным государством. Именно поэтому Конституция РФ последовательно использует двойную формулу «человек и гражданин», позволяющую разграничивать универсальные права личности и права, обусловленные гражданством. [2; 3]

Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» воспроизводит доктринально значимое определение: гражданство Российской Федерации — это устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. В этой дефиниции принципиальны три элемента. Во-первых, связь признается устойчивой, т.е. не прекращается автоматически из-за изменения места жительства, длительного проживания за рубежом, утраты бытовых или имущественных контактов с Россией. Во-вторых, связь является правовой: она существует не как чувство принадлежности или культурная самоидентификация, а как состояние, подтверждаемое законом, документами, компетенцией органов публичной власти и процедурами защиты. В-третьих, связь является взаимной: гражданин не только обладает правами, но и несет обязанности; государство не только предъявляет публичные требования, но и обязано признавать, охранять и защищать своего гражданина. [4, ст. 4 ч. 1 п. 3]

Конституционная специфика гражданства состоит в том, что оно одновременно выступает элементом правового статуса личности и признаком суверенной государственности. С одной стороны, гражданство индивидуализирует принадлежность лица к Российской Федерации и определяет его участие в политико-правовой жизни общества. С другой стороны, через институт гражданства государство очерчивает круг лиц, составляющих корпус граждан, от имени которого осуществляется народовластие. Поэтому гражданство имеет не только индивидуальное, но и институциональное измерение: оно связывает личность с народом как носителем суверенитета и источником власти.

В теории конституционного права гражданство нередко характеризуется как устойчивая правовая связь, которая не зависит от временного фактического местонахождения лица и не исчерпывается регистрационными действиями государства. Такая трактовка имеет практическое значение: ошибки документирования, несогласованность архивных сведений, смена паспортов, проживание за рубежом или наличие иностранного гражданства сами по себе не должны механически разрушать устойчивую связь, если государство в течение длительного времени признавало лицо своим гражданином. Именно эта логика получила развитие в правовой позиции Конституционного Суда РФ 2025 г. по делу о признании лица российским гражданином. [5] Тем самым гражданство в российской Конституции - это не разрешение государства «пользоваться» правами, а конституционно защищенное состояние личности. Оно возникает, изменяется и прекращается по федеральному закону, однако сам федеральный закон не свободен от конституционных пределов. Законодатель вправе устанавливать процедуры, условия и юридические последствия приобретения или прекращения гражданства, но не вправе разрушать его единство, равенство, устойчивость, запрет произвольного лишения и право лица изменить гражданство.

Первая конституционная черта гражданства Российской Федерации состоит в его федерально-правовой природе. Конституция прямо указывает, что гражданство приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом. Это означает, что субъекты Российской Федерации не вправе учреждать собственное гражданство, устанавливать особые категории региональной принадлежности, изменять основания приобретения российского гражданства либо вводить дополнительные условия его прекращения. Вопросы гражданства отнесены к ведению Российской Федерации, что вытекает из системного толкования ст. 6 и п. «в» ст. 71 Конституции РФ. [1, ст. 6; ст. 71 п. «в»]

Федеральный характер гражданства связан с федеративным устройством России. Федерация предполагает сложную территориальную организацию государства, но не допускает множественности гражданств субъектов Федерации. Российское гражданство является общегосударственным, а не региональным институтом. Иначе единое правовое пространство было бы разрушено: права гражданина зависели бы от субъекта проживания, а политико-правовая связь лица с государством превращалась бы в совокупность локальных статусов. Конституционный принцип единого гражданства выступает поэтому гарантией равного статуса гражданина на всей территории России.

Практическое значение федерального регулирования проявляется в том, что едиными являются основания приобретения гражданства, порядок приема в гражданство, признание гражданином, выбор гражданства при изменении Государственной границы, основания прекращения гражданства, компетенция органов, рассматривающих соответствующие заявления, и порядок обжалования решений. Федеральный закон № 138-ФЗ закрепляет целостную систему отношений гражданства: от основных понятий и принципов до производства по делам о гражданстве и переходных положений. [4, гл. 1–7.]

При этом федеральный характер не означает исключительно законодательной регламентации. Конституционная формула «в соответствии с федеральным законом» допускает подзаконную детализацию процедур, если она основана на законе и не изменяет его материальное содержание. В настоящее время важнейшее процедурное значение имеет Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации», которым утверждены положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства и о порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации. Однако подзаконный акт не может вводить самостоятельные основания приобретения или прекращения гражданства: такие основания должны иметь федерально-законный характер. [6]

Следовательно, федеральность гражданства имеет двойное значение. Во-первых, она исключает региональную фрагментацию статуса гражданина. Во-вторых, она устанавливает иерархию источников: Конституция определяет принципы, федеральный закон — основания и условия, подзаконные акты — процедуру реализации закона. Нарушение этой иерархии способно привести к подмене конституционного статуса административным усмотрением, что недопустимо для правового государства.

Вторая базовая черта гражданства - его единство. Конституция РФ закрепляет, что гражданство Российской Федерации является единым. Единство гражданства означает, что все граждане имеют один и тот же конституционный статус независимо от того, в каком субъекте Федерации они проживают, где приобрели гражданство, каким способом оно возникло и какой документ удостоверяет его наличие. Гражданин Российской Федерации является гражданином всей Федерации, а не отдельного субъекта, территории, национально-культурной общности или административной единицы.

Принцип равенства гражданства тесно связан с его единством. Конституция специально подчеркивает, что гражданство является равным независимо от оснований приобретения. Федеральный закон № 138-ФЗ воспроизводит это положение как основной принцип гражданства. Равенство гражданства означает отсутствие иерархии между гражданами «по рождению», гражданами, принятыми в гражданство, лицами, признанными гражданами Российской Федерации, лицами, приобретшими гражданство в порядке оптации, а также лицами, приобретшими гражданство на основании международного договора. После возникновения гражданства различия в способе его приобретения не могут служить основанием для понижения статуса гражданина. [4, ст. 5 ч. 1.]

Данный принцип имеет антидискриминационное содержание. Законодательство о гражданстве не может содержать положений, ограничивающих права лиц по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Тем самым конституционная модель гражданства отвергает этническое, конфессиональное, сословное или языковое понимание принадлежности к государству. Российское гражданство является юридической связью, а не производной от происхождения, национальности или культурной идентичности. [4, ст. 5 ч. 5]

Равенство гражданства не исключает специальных процедур приобретения гражданства для отдельных категорий лиц. Законодатель вправе устанавливать общий, упрощенный или исключительный порядок приема, учитывать семейные связи, гуманитарные обстоятельства, профессиональные качества, историческую связь с Россией, статус соотечественника, наличие заслуг либо иные юридически значимые обстоятельства. Однако после приобретения гражданства все указанные лица становятся равными гражданами Российской Федерации. Иначе специальный порядок приема превратился бы в источник специального, «условного» гражданства, несовместимого со ст. 6 Конституции РФ.

Важно различать равенство гражданства и равенство фактических возможностей граждан. Равенство гражданства - это формально-юридическое качество статуса. Оно не устраняет различий в возрасте, дееспособности, профессиональном положении, воинской обязанности, наличии допуска к государственной тайне или ограничений, связанных с иностранным гражданством. Например, наличие иностранного гражданства или вида на жительство может влечь специальные ограничения для занятия определенных публичных должностей, но эти ограничения не отменяют российского гражданства и не превращают гражданина в лицо «второго сорта». Здесь действует принцип соразмерности: допустимые ограничения должны быть прямо установлены федеральным законом, иметь легитимную цель и не разрушать ядро статуса гражданина.

Третья черта гражданства - устойчивость. В позитивном законодательстве она прямо выражена в определении гражданства как устойчивой правовой связи и в принципе, согласно которому проживание гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации не прекращает его гражданства. Устойчивость означает, что гражданство не является временной административной льготой и не прекращается автоматически вследствие изменения жизненных обстоятельств. Оно обладает бессрочным характером, пока не наступят предусмотренные законом основания прекращения.

Конституционный запрет лишения гражданства имеет особое значение. Часть 3 ст. 6 Конституции РФ устанавливает, что гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Эта формула включает два самостоятельных запрета: запрет произвольного принудительного лишения гражданства и запрет удержания лица в гражданстве вопреки его праву изменить гражданско-правовую принадлежность при соблюдении установленных законом условий. В первом случае Конституция защищает от изгнания из политико-правового сообщества; во втором - от недопустимого ограничения личной автономии.

При этом современное законодательство знает институт прекращения гражданства по основаниям, не сводимым к добровольному выходу. Федеральный закон № 138-ФЗ предусматривает, в частности, прекращение гражданства вследствие сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, установления факта представления поддельных, подложных или недействительных документов либо заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство или признании гражданином, а также иные основания, предусмотренные международным договором. Это требует аккуратного конституционного толкования: прекращение гражданства допустимо не как наказательное лишение «за нелояльность», а как юридическая реакция на дефект приобретения или на прямо предусмотренные законом обстоятельства, не нарушающие конституционную сущность гражданства.

Наиболее чувствительная проблема состоит в разграничении запрета лишения гражданства и прекращения гражданства вследствие юридически значимых обстоятельств. Если гражданство приобретено по рождению и не связано с предоставлением ложных сведений при приеме, пространство для принудительного прекращения крайне ограничено. Если же гражданство приобреталось по заявлению и обнаружен существенный дефект волеизъявления или документов, законодатель допускает пересмотр статуса. Но и в этом случае решение должно соответствовать требованиям правовой определенности, индивидуализации, доказанности, процессуальной справедливости и судебного контроля.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 29 апреля 2025 г. № 18-П специально подчеркнул значение устойчивости гражданства: эта устойчивость означает бессрочное правовое состояние лица, не зависящее от его отношений с государством и иными субъектами, а также от обязательного нахождения на территории государства. Для учебного курса данная позиция важна по двум причинам. Во-первых, она показывает, что гражданство не может рассматриваться как «документальный статус», зависящий исключительно от текущего вывода административного органа. Во-вторых, она ограничивает ретроспективное оспаривание гражданства, когда государство длительное время само признавало лицо своим гражданином. [5]

Устойчивость гражданства не исключает обязанности гражданина соблюдать Конституту-

цию и законы, защищать Отечество, платить законно установленные налоги и сборы, бережно относиться к природе и культурному наследию. Но нарушение обязанностей должно влечь предусмотренную законом ответственность, а не произвольное исключение лица из гражданского корпуса. В этом состоит отличие конституционного гражданства от политической лояльности: государство вправе требовать соблюдения закона, но не вправе превращать гражданство в условное вознаграждение за одобряемое поведение.

Четвертая черта гражданства состоит в его взаимном характере. Конституция РФ закрепляет, что каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации. Эта норма имеет общий характер и не означает, что иностранные граждане и лица без гражданства лишены основных прав. Напротив, многие конституционные права принадлежат каждому. Однако гражданство выступает юридической предпосылкой тех прав и обязанностей, которые связаны с участием в политической организации государства.

К числу прав, наиболее тесно связанных с гражданством, относятся избирательные права, право участвовать в референдуме, право равного доступа к государственной службе, право обращаться в органы публичной власти в статусе гражданина, право на защиту и покровительство России за рубежом, а также иные правомочия, прямо адресованные гражданам. Конституционная формула «каждый гражданин» подчеркивает, что государство не может произвольно выделять внутри гражданского корпуса категории лиц с меньшим объемом основных прав.

Взаимность гражданства выражается также в обязанностях. Гражданин обладает не только притязаниями к государству, но и конституционными обязанностями перед обществом и государством. При этом обязанности не являются платой за права; они образуют самостоятельный элемент публично-правовой связи. Например, обязанность защиты Отечества имеет гражданско-политический смысл и выражает принадлежность гражданина к государству как к политическому сообществу. Вместе с тем наличие обязанностей не может оправдывать произвольное ограничение прав гражданина: взаимность предполагает баланс, а не административное подчинение личности государству.

Особое значение имеет право гражданина Российской Федерации на защиту за пределами страны. Конституция закрепляет, что Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами. Федеральный закон о гражданстве развивает это положение и связывает его с полномочиями дипломатических представительств и консульских учреждений. Данное право подчеркивает экстерриториальный аспект гражданства: гражданин остается в правовой связи с государством независимо от того, находится ли он на территории России или за рубежом. [1, ст. 6.]

Взаимный характер гражданства имеет и процессуальное измерение. Лицо должно иметь возможность доказать наличие гражданства, обжаловать отказ в признании гражданином, оспорить решение о прекращении гражданства, получить мотивированное решение компетентного органа. Федеральный закон № 138-ФЗ предусматривает производство по делам о гражданстве, виды решений и порядок их обжалования. Для правового государства это принципиально: гражданство не может зависеть от неформального усмотрения должностного лица; оно должно подтверждаться юридическими процедурами, допускающими проверку и судебный контроль. [4, ст. 37–40]

Пятая черта гражданства Российской Федерации - сохранение гражданства при проживании за пределами России. Закон прямо устанавливает, что проживание гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации не прекращает его гражданства. Эта норма особенно важна в условиях высокой мобильности, трансграничной занятости, смешанных семей, обучения за рубежом и развития цифровых форм участия в публичной жизни. Гражданство не должно зависеть от физического присутствия лица в государстве.

С указанным положением связан институт двойного и множественного гражданства. Конституция РФ допускает, что гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации, а наличие иностранного гражданства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором. Федеральный закон № 138-ФЗ конкретизирует это правило: гражданин России, имеющий двойное или множественное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных законом или международным договором; приобретение иностранного гражданства не прекращает российского гражданства.

Следовательно, российская модель не исходит из абсолютного запрета множественного гражданства. Она использует иной подход: для

внутреннего правопорядка лицо сохраняет статус гражданина Российской Федерации и не может ссылаться на иностранное гражданство как на основание освобождения от российских обязанностей. Одновременно наличие иностранного гражданства может иметь специальные правовые последствия, например в сфере государственной службы, замещения публичных должностей, доступа к отдельным видам информации или выполнения уведомительных обязанностей. Здесь важно различать двойное гражданство в строгом смысле и множественное гражданство. Двойное гражданство предполагает наличие международного договора между Российской Федерацией и соответствующим государством, определяющего особенности статуса лица. Множественное гражданство означает наличие у гражданина России гражданства государства, с которым такой договор не заключен. В обоих случаях для российского правопорядка сохраняется базовый принцип: гражданин Российской Федерации не перестает быть гражданином России только потому, что приобрел гражданство другого государства.

Наличие иностранного гражданства не может служить основанием для высылки гражданина из Российской Федерации или выдачи иностранному государству. Этот вывод следует как из конституционного запрета высылки и выдачи гражданина, так и из специальной нормы закона о гражданстве. Тем самым гражданство выполняет охранительную функцию: оно защищает лицо от отчуждения государством и от передачи под юрисдикцию иностранного государства вопреки конституционным гарантиям. [1, ст. 10 ч. 3]

Шестая черта гражданства заключается в законодательной определенности оснований его приобретения. Федеральный закон № 138-ФЗ называет пять основных оснований: рождение, прием в гражданство Российской Федерации, признание гражданином Российской Федерации, выбор гражданства при изменении Государственной границы Российской Федерации (оптация), а также приобретение гражданства в соответствии с международным договором Российской Федерации. Эта система демонстрирует сочетание естественных, заявительных, восстановительно-признательных и международно-правовых механизмов. [4, ст. 12.]

Гражданство по рождению имеет особую природу. Оно возникает не как результат административного усмотрения, а в силу юридических фактов, связанных с родителями, местом рождения и предотвращением безгражданства ребенка. В российском праве используются элементы принципа крови и принципа почвы, но они подчинены задаче сохранения правовой связи ребенка с государством и недопущения ситуаций, при которых ребенок оказывается вне гражданской принадлежности. Международный стандарт также исходит из того, что ребенок регистрируется сразу после рождения и имеет право на приобретение гражданства. [7, ст. 7; 8, ст. 15]

Прием в гражданство представляет собой правонаделительный акт государства, осуществляемый по заявлению лица при наличии предусмотренных законом условий. В отличие от гражданства по рождению, здесь более заметно административно-процедурное начало: проверяются основания, документы, законность пребывания, соблюдение условий, отсутствие обстоятельств, препятствующих приему. Однако даже в этой сфере административное усмотрение не является абсолютным. Оно ограничено законом, процедурой, обязанностью мотивировать решение и возможностью обжалования.

Признание гражданином Российской Федерации имеет самостоятельное значение для лиц, чья правовая связь с Россией уже возникла или должна быть юридически подтверждена в силу исторических, переходных или иных обстоятельств. В таких случаях задача государства состоит не столько в предоставлении нового статуса, сколько в установлении наличия уже существующей устойчивой правовой связи. Именно поэтому отказ в признании гражданином может затрагивать не только миграционный интерес, но и саму конституционную идентичность лица.

Оптация используется при изменении Государственной границы и связана с необходимостью уважать личный выбор гражданской принадлежности в условиях территориальных изменений. Ее смысл состоит в том, что изменение суверенитета над территорией не должно автоматически и произвольно лишать человека возможности определить свою гражданскую связь. Оптация является примером того, как гражданство соединяет территориальную организацию государства и автономию личности.

Таким образом, различие оснований приобретения гражданства не разрушает его равенства. Оно имеет значение только на стадии возникновения гражданства и в рамках проверки законности соответствующей процедуры. После возникновения гражданства гражданин включается в единый конституционный статус, а способ приобретения гражданства не может использоваться как постоянная метка юридической неполноценности.

Седьмая черта гражданства - сочетание его устойчивости с возможностью изменения. Конституция запрещает лишение гражданства, но одновременно защищает право гражданина изменить гражданство. Это право означает, что принадлежность к государству не должна пре-

вращаться в нерасторжимую публично-правовую зависимость. В правовом государстве гражданство предполагает устойчивую связь, но не абсолютную невозможность выхода из нее.

Наиболее классическим основанием прекращения гражданства является добровольное волеизъявление гражданина — выход из гражданства Российской Федерации. Добровольность здесь имеет принципиальное значение: лицо само инициирует прекращение связи, а государство проверяет соблюдение установленных законом условий. Такие условия могут быть связаны, например, с исполнением обязательств перед государством, отсутствием препятствующих обстоятельств, защитой прав детей и недееспособных лиц. Но процедура выхода не должна использоваться для произвольного удержания человека в гражданстве.

Иные основания прекращения гражданства, предусмотренные действующим законом, требуют особенно строгой конституционной оценки. Прекращение гражданства вследствие представления подложных документов или заведомо ложных сведений логически связано с дефектом приобретения гражданства: если решение было основано на ложной информации, государство вправе пересмотреть его правовые последствия. Однако даже в такой ситуации должны соблюдаться процессуальные гарантии, индивидуальное рассмотрение обстоятельств, разумные сроки, запрет автоматизма и возможность судебного контроля.

Наиболее дискуссионным является прекращение гражданства вследствие совершения преступления или действий, создающих угрозу национальной безопасности, когда это связывается с ложностью обязательства соблюдать Конституцию и законодательство. Учебно-методически важно показать студентам проблему: конституционный запрет лишения гражданства не позволяет превращать гражданство в санкцию уголовно-правового характера. Поэтому соответствующие нормы должны толковаться ограничительно - как последствия дефекта приобретения гражданства или недобросовестного поведения при его получении, но не как универсальное наказание за последующее противоправное деяние.

Право изменить гражданство связано и с международным стандартом недопущения безгражданства. Хотя каждое государство самостоятельно определяет принадлежность лиц к своему гражданству, произвольное лишение гражданства и создание состояния апатридизма противоречат гуманитарной логике современного правопорядка. Российское законодательство, закрепляя поощрение приобретения гражданства лицами без гражданства, проживающими в Российской Федерации, демонстрирует понимание безгражданства как нежелательного и уязвимого правового состояния.

Основные черты гражданства в Конституции России целесообразно представить как систему взаимосвязанных признаков. Каждый из них имеет самостоятельное значение, но в совокупности они образуют конституционную модель гражданства, ориентированную на устойчивость статуса гражданина, единство правового пространства и баланс публичных и личных интересов.

Таблица 1.

Черта гражданства	Конституционно-правовое содержание	Практическое значение
Федеральность	Основания приобретения и прекращения гражданства устанавливаются федеральным законом; субъекты Федерации не учреждают собственного гражданства.	Обеспечивает единое правовое пространство и исключает региональную фрагментацию статуса гражданина.
Единство	Гражданство Российской Федерации едино для всех граждан независимо от места проживания и субъекта Федерации.	Гражданин обладает статусом гражданина всей Российской Федерации, а не отдельной территории.
Равенство	Гражданство равно независимо от оснований приобретения.	Не допускается разделение граждан на более и менее полноправных по способу приобретения гражданства.
Устойчивость	Гражданство является бессрочной правовой связью и не прекращается из-за проживания за пределами России.	Защищает лицо от произвольного пересмотра статуса и обеспечивает правовую определенность.

Невозможность произвольного лишения	Гражданин не может быть лишен гражданства или права изменить его.	Ограничивает законодательное и административное усмотрение в вопросах прекращения гражданства.
Взаимность	Гражданство выражается в совокупности прав и обязанностей гражданина и Российской Федерации.	Обосновывает политические права гражданина, конституционные обязанности и защиту за рубежом.
Экстерриториальная сохранность	Нахождение за пределами России не прекращает гражданства; государство гарантирует защиту и покровительство гражданам за рубежом.	Обеспечивает связь гражданина с государством в условиях миграции, обучения, работы и проживания за границей.
Допустимость множественного гражданства	Наличие иностранного гражданства не прекращает российского гражданства, если иное не вытекает из закона или договора.	Позволяет сочетать мобильность лица с сохранением российских прав и обязанностей.

Современное развитие института гражданства происходит в условиях цифровизации публичного управления и роста трансграничной мобильности. Это обстоятельство не меняет конституционную природу гражданства, но изменяет способы его подтверждения, учета и защиты. Электронные реестры, межведомственный обмен сведениями, биометрические документы, дистанционные консульские сервисы и цифровое взаимодействие с органами власти усиливают значение процедурной точности. Ошибка в цифровой записи может иметь столь же существенные последствия, как и ошибка в бумажном документе; поэтому цифровизация должна сопровождаться усилением гарантий исправления, обжалования и проверки сведений.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.06.2026).

[2] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма; ИНФРА-М, 2009. 936 с.

[3] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2008. 704 с.

[4] Федеральный закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 25 мая 2026 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 17.06.2026).

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апр. 2025 г. № 18-П по делу о проверке конституционности п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», ч. 2 ст. 64 и ч. 1 ст. 328 КАС РФ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504279/ (дата обращения: 17.06.2026).

[6] Указ Президента РФ от 22 нояб. 2023 г. № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» (ред. от 1 июня 2026 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462531/ (дата обращения: 17.06.2026).

[7] Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 17.06.2026).

[8] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 17.06.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: June 17, 2026).

[2] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: a course of study: in 2 volumes. Moscow: Norma; INFRA-M, 2009. 936 p.

[3] Baglai M. V. Constitutional Law of the Russian Federation: a textbook. Moscow: Norma, 2008. 704 p.

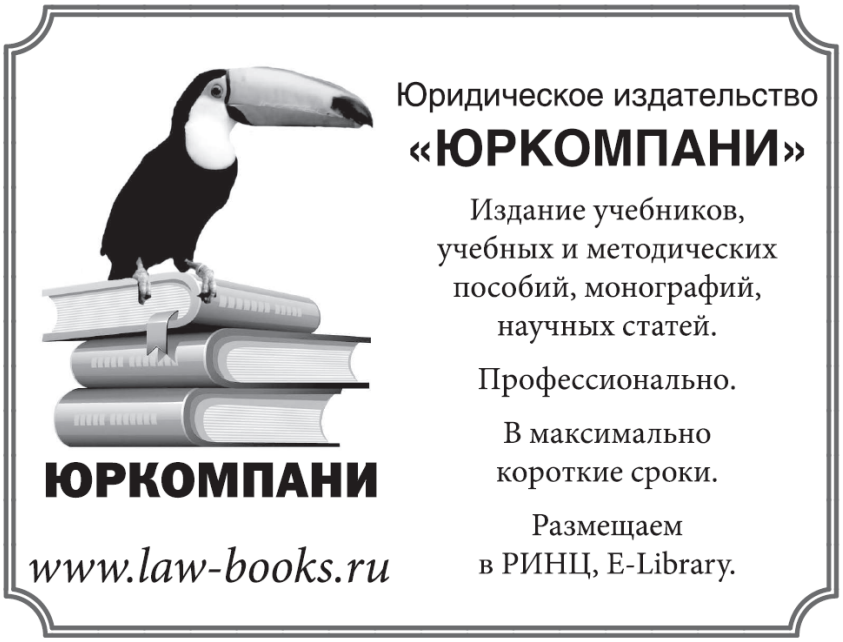
[4] Federal Law of April 28, 2023 No. 138-FZ “On Citizenship of the Russian Federation” (as amended on May 25, 2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (date of access: June 17, 2026).

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 29, 2025 No. 18-P on the case concerning the verification of the constitutionality of paragraph 3 of Part 1 of Article 4 of the Federal Law “On Citizenship of the Russian Federation”, Part 2 of Article 64 and Part 1 of Article 328 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504279/ (accessed: 17.06.2026).

[6] Decree of the President of the Russian Federation of November 22, 2023 No. 889 “Issues of Citizenship of the Russian Federation” (as amended on June 1, 2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462531/ (accessed: 17.06.2026).

[7] Convention on the Rights of the Child: approved by the UN General Assembly on November 20, 1989 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (accessed: 17.06.2026).

[8] Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (accessed: 17.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-119-126
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Международного научно-исследовательского центра
судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуется понятие и содержание правового механизма формирования экономических основ местного самоуправления в современной России. Обосновывается, что экономическая основа местного самоуправления не может быть сведена только к муниципальной собственности и средствам местного бюджета: в правовом смысле она представляет собой воспроизводимую систему имущественных, бюджетных, налоговых, организационно-управленческих и гарантийных связей, обеспечивающих способность муниципального образования самостоятельно решать вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Автор предлагает рассматривать правовой механизм формирования экономических основ местного самоуправления как комплекс нормативных, компетенционных, имущественных, бюджетно-налоговых, процедурных и контрольных средств, посредством которых публичная власть создает, распределяет, закрепляет, защищает и развивает муниципальные ресурсы. Особое внимание уделено новому регулированию местного самоуправления в единой системе публичной власти, проблеме соразмерности полномочий и ресурсов, пределам муниципальной экономической самостоятельности и необходимости перехода от учетно-бюджетного подхода к модели муниципальной экономической капитализации.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальная собственность, местный бюджет, местные налоги, муниципальное имущество, публичная власть, муниципально-частное партнерство.*

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences, Researcher
at the International Research Center
for Forensic Science and Research

ON THE CONCEPT AND CONTENT OF THE LEGAL MECHANISM FOR FORMING THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the concept and content of the legal mechanism for forming the economic foundations of local self-government in modern Russia. The author argues that the economic basis of local self-government should be understood not merely as municipal property and local budget funds, but as a reproducible system of property, budgetary, tax, managerial and guarantee relations ensuring the municipality's capacity to solve local issues. The proposed definition treats the legal mechanism as a set of normative, competence-based, property, budgetary, tax, procedural and control instruments through which public authority creates, allocates, secures, protects and develops municipal resources.*

Key words: *local self-government, municipal property, local budget, local taxes, municipal-private partnership, legal mechanism.*

Проблематика экономических основ местного самоуправления относится к числу ключевых вопросов муниципального права, поскольку именно ресурсная обеспеченность определяет реальную, а не только формально провозглашенную способность муниципального образования решать вопросы местного значения. Конституционная модель исходит из само-

стоятельного управления муниципальной собственностью, формирования, утверждения и исполнения местного бюджета, введения местных налогов и сборов, а также из обязанности государства компенсировать дополнительные расходы, возникающие при выполнении органами местного самоуправления публичных функций во взаимодействии с органами государственной власти. [1]

После включения органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти категория экономической основы местного самоуправления получила новое теоретико-прикладное измерение. С одной стороны, усиление координации публичной власти позволяет синхронизировать муниципальное развитие с региональными и федеральными приоритетами. С другой стороны, чрезмерная управленческая централизация способна превратить муниципальную экономическую самостоятельность в производную от регионального бюджетного усмотрения. Именно поэтому сегодня недостаточно описывать состав экономической основы; требуется раскрыть правовой механизм ее формирования как динамическую систему юридических средств, процедур и гарантий. [2]

Актуальность темы усиливается переходом от прежней конструкции Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ к новой модели регулирования, закрепленной Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ. Несмотря на сохранение базовой формулы, согласно которой экономическую основу местного самоуправления образуют муниципальное имущество, имущественные права и средства местных бюджетов, меняется контекст действия этой формулы: муниципальное образование все чаще рассматривается как нижний уровень единой публично-властной организации, а не как изолированный субъект локального самоуправления. [3]

В юридической литературе экономическая основа местного самоуправления традиционно рассматривается через призму двух базовых блоков: муниципальной собственности и местных финансов. Такой подход имеет нормативное основание, но в современной муниципально-правовой реальности он является неполным. Муниципальная собственность сама по себе не обеспечивает самоуправления, если она не включена в хозяйственный оборот, не поставлена на кадастровый и бухгалтерский учет, не защищена от необоснованного изъятия и не используется в целях развития территории. Средства местного бюджета также не равны экономической самостоятельности, если бюджет формируется преимущественно за счет трансфертов, а собственные доходы не позволяют планировать развитие инфраструктуры. [4]

Экономическая основа местного самоуправления представляет собой совокупность материальных и финансовых ресурсов муниципального образования. В динамическом смысле она является процессом постоянного воспроизводства этих ресурсов: выявления имущества, закрепления прав, формирования доходов, планирования расходов, привлечения инвестиций, исполнения муниципальных программ, контроля за эффективностью управления и защиты муниципальных имущественных интересов. Именно динамическое понимание позволяет перейти от перечневого подхода к категории правового механизма. Федеральный закон № 33-ФЗ закрепляет, что экономическую основу местного самоуправления составляет находящееся в муниципальной собственности имущество, включая имущественные права муниципальных образований, а также средства местных бюджетов. Такая формула важна тем, что сохраняет триаду «имущество - имущественные права - бюджетные средства» и тем самым не сводит экономическую основу к бюджету. Однако она не раскрывает юридические способы возникновения, пополнения, перераспределения и защиты указанных ресурсов. Эти способы находятся в нормах бюджетного, налогового, гражданского, земельного, градостроительного, контрактного, антимонопольного и стратегического законодательства. [2]

Следовательно, экономическая основа местного самоуправления является межотраслевым объектом правового регулирования. Ее невозможно адекватно описать только средствами муниципального права. Муниципально-правовые нормы определяют субъект, компетенцию и общий режим самостоятельности; бюджетное право задает порядок формирования, утверждения и исполнения местных бюджетов; налоговое право очерчивает пределы местного налогового усмотрения; гражданское право регулирует имущественный оборот; публично-хозяйственное законодательство создает инструменты концессий, муниципально-частного партнерства, закупок и управления муниципальными предприятиями. [5] Особенность данного объекта состоит в том, что он находится на пересечении двух начал: автономии местного сообщества и публичной интеграции муниципального уровня в государственную систему управления. Экономическая самостоятельность муниципалитета не означает его финансового суверенитета. Она означает юридически обеспеченную способность иметь собственные ресурсы, распоряжаться ими в пределах закона и требовать компенсации расходов при возложении публичных функций, не обеспеченных достаточным ресурсом.

В теории права правовой механизм обычно характеризуется как система юридических средств, обеспечивающих перевод нормативных предписаний в фактическое состояние общественных отношений. Применительно к местному самоуправлению такая система должна объяснять не только то, какие ресурсы признаются муниципальными, но и то, каким образом они появляются, закрепляются, используются и воспроизводятся. Поэтому понятие «механизм формирования» шире понятия «правовой режим» и шире понятия «экономическая основа».

Правовой режим отвечает на вопрос о допустимом и обязательном поведении в отношении уже существующего объекта. Правовой механизм формирования отвечает на вопрос о создании объекта и его последующем развитии. В отношении экономических основ местного самоуправления это различие принципиально: муниципалитету недостаточно иметь юридический титул на имущество или бюджетную строку; необходимо, чтобы действовало правило, позволяющее превращать территориальные, имущественные, налоговые и инфраструктурные возможности в устойчивый ресурс местного развития. Представляется возможным сформулировать следующее определение: правовой механизм формирования экономических основ местного самоуправления - это комплекс взаимосвязанных норм, компетенций, процедур, юридических фактов, гарантий и способов защиты, посредством которых публичная власть и население муниципального образования обеспечивают создание, закрепление, пополнение, рациональное использование и воспроизводство имущественных и финансовых ресурсов, необходимых для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Данное определение позволяет выделить несколько существенных признаков исследуемого механизма. Во-первых, он имеет межотраслевой характер и включает нормы муниципального, бюджетного, налогового, гражданского, земельного и административного права. Во-вторых, он является процедурным: формирование экономической основы происходит через бюджетный процесс, муниципальное нормотворчество, учет имущества, кадастровую работу, управление муниципальными закупками, приватизацию, концессии, муниципальные программы и контрольные мероприятия. В-третьих, он имеет гарантийную природу, поскольку его конечная цель - не абстрактное накопление имущества, а обеспечение самостоятельности местного самоуправления.

В-четвертых, правовой механизм формирования экономических основ обладает воспроизводственным характером. Он должен создавать условия не только для расходования уже имеющихся средств, но и для возникновения новых источников муниципального развития: увеличения налоговой базы, вовлечения имущества в оборот, развития инфраструктуры, поддержки малого и среднего предпринимательства, использования механизмов инициативного бюджетирования и муниципально-частного партнерства. Без воспроизводственного элемента экономическая основа превращается в учетную категорию, а не в инструмент развития.

Содержание правового механизма формирования экономических основ местного самоуправления может быть раскрыто через систему взаимосвязанных элементов. Каждый из них выполняет самостоятельную функцию, но только их совокупность обеспечивает ресурсную устойчивость муниципального образования.

Таблица 1.

Элемент механизма	Содержание	Юридический результат
Нормативно-целевой	конституционные, федеральные, региональные и муниципальные нормы, определяющие цели и пределы ресурсного обеспечения	юридическая определенность экономической основы
Компетенционный	распределение полномочий между Российской Федерацией, субъектами РФ, муниципальными образованиями и органами местного самоуправления	соразмерность задач и ресурсов
Имущественный	возникновение, учет, управление, распоряжение и защита муниципальной собственности и имущественных прав	материальная база местного самоуправления

Бюджетно-налоговый	местный бюджет, собственные доходы, межбюджетные трансферты, местные налоги и сборы	финансовая обеспеченность муниципальных функций
Процедурно-инструментальный	муниципальные программы, закупки, концессии, муниципально-частное партнерство, инициативные проекты	капитализация и развитие муниципальных ресурсов
Контрольно-гарантийный	муниципальный финансовый контроль, прокуратура, суд, компенсационные механизмы, публичная отчетность	защита экономической самостоятельности

Нормативно-целевой элемент задает исходную конституционно-правовую рамку: признание муниципальной собственности, самостоятельность местного бюджета, право вводить местные налоги и сборы, а также гарантию судебной защиты и компенсации дополнительных расходов. Он отвечает на вопрос о том, какие экономические возможности должны быть у местного самоуправления для сохранения его самостоятельной природы.

Компетенционный элемент определяет, какие органы и на каком уровне публичной власти принимают решения, влияющие на муниципальные ресурсы. Здесь возникает основной конфликт: если объем полномочий органа местного самоуправления расширяется без соразмерного финансового обеспечения, экономическая основа деформируется. В этом случае формальная компетенция существует, но ее реализация зависит от внешнего финансирования, что снижает ценность самостоятельного решения местных вопросов.

Имущественный элемент включает юридические факты возникновения муниципальной собственности, учет имущества, государственную регистрацию прав, распоряжение земельными участками, приватизацию, передачу имущества в аренду, концессии, создание и ликвидацию муниципальных предприятий и учреждений. В гражданско-правовой плоскости муниципальное образование выступает участником имущественного оборота, однако его имущественная деятельность не является частноправовой в чистом виде, поскольку подчинена публичной цели обеспечения жизнедеятельности населения. [6]

Бюджетно-налоговый элемент образует финансовое ядро механизма. Местный бюджет является не только сметой доходов и расходов, но и юридической формой выражения муниципальной политики. Налоговый компонент при этом остается ограниченным: Налоговый кодекс Российской Федерации содержит закрытый перечень местных налогов и сборов, к которым относятся земельный налог, налог на имущество физических лиц, торговый сбор и туристический налог. [7]

Процедурно-инструментальный элемент включает правовые средства, позволяющие не только распределять имеющиеся ресурсы, но и создавать новые. В эту группу входят муниципальные программы, стратегические документы, инициативное бюджетирование, муниципальный заказ, концессионные соглашения, муниципально-частное партнерство, арендные механизмы, комплексное развитие территорий и иные формы вовлечения частного капитала в решение муниципальных задач. [8]

Контрольно-гарантийный элемент обеспечивает сохранность и целевое использование муниципальных ресурсов. Он включает муниципальный финансовый контроль, внешний муниципальный контроль, прокурорский надзор, судебную защиту, публичную отчетность, антикоррупционные ограничения и ответственность должностных лиц. Наиболее значимой гарантией является возможность требовать компенсации расходов, возникших из публичных функций, если такие расходы обусловлены решениями государственной власти или переданными полномочиями.

Формирование экономических основ местного самоуправления следует понимать как последовательный правовой процесс.

Первая стадия - конституционно-нормативная. На ней закрепляются исходные гарантии местного самоуправления, определяется место муниципального уровня в системе публичной власти, устанавливаются виды муниципальных образований, пределы их компетенции и общие принципы владения муниципальным имуществом. Данная стадия имеет учредительное значение: она создает юридическую возможность для последующих имущественных и финансовых действий.

Вторая стадия - имущественная идентификация. Муниципальное образование не может эффективно распоряжаться ресурсом, который не выявлен, не описан, не оценен и не зареги-

стрирован. Поэтому формирование экономической основы начинается с инвентаризации имущества, разграничения собственности, оформления прав на земельные участки и объекты недвижимости, выявления бесхозяйных объектов, установления правового режима объектов инфраструктуры. В этом блоке особую роль играют цифровые реестры муниципального имущества и связка муниципального учета с данными Единого государственного реестра недвижимости.

Третья стадия - бюджетно-налоговая настройка. Она включает прогнозирование доходов, утверждение бюджета, установление местных налоговых элементов в пределах Налогового кодекса, формирование расходных обязательств и муниципальных программ. Проблема состоит в том, что муниципалитеты обладают ограниченной налоговой автономией: они не вправе создавать новые налоги, а могут действовать только в федерально определенных пределах. Это объективно усиливает значение межбюджетных трансфертов, но одновременно создает риск трансфертной зависимости.

Четвертая стадия - инструментальное развитие. На ней экономическая основа перестает быть только совокупностью имущества и бюджета. Муниципалитет использует концессии, муниципально-частное партнерство, аренду, сервитуты, муниципальные закупки, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление и иные формы для превращения имеющихся ресурсов в инфраструктурный результат. В сфере коммунальной, транспортной, социальной и туристической инфраструктуры особенно значимы концессионные соглашения и муниципально-частное партнерство. [9]

Пятая стадия - контроль и коррекция. Она необходима потому, что экономическая основа местного самоуправления формируется в условиях постоянного изменения демографии, налоговой базы, региональной политики, тарифного регулирования и состояния инфраструктуры. Контроль должен быть ориентирован не только на законность расходования средств, но и на оценку результативности: создает ли конкретное решение новую стоимость для территории, снижает ли бюджетную нагрузку, повышает ли качество услуг, расширяет ли налоговую базу.

Главная проблема механизма формирования экономических основ местного самоуправления заключается в обеспечении соразмерности полномочий и ресурсов. Формула «полномочие должно следовать за ресурсом» является не политическим лозунгом, а конституционно-правовым требованием. Если муниципалитет обязан содержать инфраструктуру, обеспечивать благоустройство, участвовать в решении вопросов обращения с отходами, транспортной доступности, землепользования и социальной инфраструктуры, но не располагает достаточными доходами и имуществом, то самостоятельность местного самоуправления утрачивает материальное содержание.

Конституционный Суд РФ в новейшей практике подтвердил значение компенсационного начала применительно к дополнительным расходам муниципалитетов при выполнении публичных функций. Для рассматриваемой темы это принципиально: компенсация не должна рассматриваться как исключительная мера восстановления нарушенного баланса. Она должна быть встроена в сам механизм формирования экономических основ как предварительная и последующая оценка финансовых последствий публичных решений. [10] Соразмерность полномочий и ресурсов имеет три уровня. Первый уровень - нормативный: при принятии федерального или регионального акта, влияющего на муниципальные расходы, должна проводиться обязательная оценка его воздействия на местные бюджеты. Второй уровень - бюджетный: передача полномочий должна сопровождаться устойчивым источником финансирования, а не разовыми субсидиями. Третий уровень - судебно-гарантийный: муниципалитет должен иметь эффективный способ защиты при возникновении некомпенсированных расходов.

В современной модели единой публичной власти особое значение получает различение координации и подмены. Координация означает согласование действий публичных уровней в интересах населения; подмена означает фактическое вытеснение муниципального усмотрения региональными или федеральными решениями без предоставления соответствующих ресурсов. Правовой механизм формирования экономических основ должен препятствовать подмене, поскольку она разрушает связь между местным сообществом, муниципальным бюджетом и ответственностью органов местного самоуправления перед населением.

Муниципальная собственность является материальной основой местного самоуправления, но ее значение зависит от качества правового управления. В ряде муниципальных образований имущество выполняет преимущественно затратную функцию: оно требует содержания, ремонта, охраны, коммунального обслуживания, но не формирует доходов и не запускает развитие. Такая ситуация объясняется не только экономическими факторами, но и правовой недостаточностью механизмов капитализации муниципального имущества. Под капитализацией муниципального имущества следует понимать не его коммерциализацию любой ценой, а юридически

организованное вовлечение имущества в достижение публично значимого экономического результата. Это может выражаться в долгосрочной аренде, концессии, муниципально-частном партнерстве, создании индустриальных и туристических площадок, развитии объектов социальной инфраструктуры, использовании земельных участков для предпринимательских проектов, а также в повышении кадастровой и рыночной определенности имущественных активов.

Муниципальная собственность должна оцениваться по трем критериям: публичная полезность, бюджетная эффективность и стратегическая ценность. Публичная полезность показывает, насколько имущество необходимо для оказания услуг населению. Бюджетная эффективность отражает соотношение расходов на содержание и возможных доходов или экономии. Стратегическая ценность показывает, может ли объект стать ресурсом будущего развития, например через комплексное развитие территории, транспортную связанность, создание рабочих мест или поддержку предпринимательства.

Бюджетный кодекс РФ регулирует доходы местных бюджетов, межбюджетные трансферты, бюджетные полномочия и бюджетный процесс. Его нормы формируют финансовую «технику» муниципальной самостоятельности. Однако сама по себе бюджетная техника не гарантирует развития, если местный бюджет лишен достаточной доходной базы. Следовательно, правовой механизм должен включать не только правила исполнения бюджета, но и правила роста собственной доходной базы. [5]

Налоговый блок в современных условиях требует переосмысления. Закрытый перечень местных налогов обеспечивает единство налоговой системы, но снижает гибкость муниципалитетов. Введение туристического налога расширяет возможности отдельных территорий, однако не решает системную проблему большинства муниципальных образований, где отсутствуют значимые туристические потоки. Поэтому развитие экономических основ должно опираться не только на новые местные платежи, но и на стимулирование роста налоговой базы через предпринимательство, инвестиции, легализацию имущественного учета и повышение качества городской среды. Особую роль должно играть правило стабильности нормативов отчислений от налогов, поступающих в местные бюджеты. Если муниципальное образование не может прогнозировать объем собственных доходов на среднесрочный период, оно не способно планировать инфраструктурные проекты. Следовательно, гарантия бюджетной самостоятельности должна включать не только право утверждать бюджет, но и предсказуемость доходных источников.

Современная экономическая основа местного самоуправления не может формироваться только путем перераспределения бюджетных средств. Она должна быть встроена в систему стратегического планирования и проектного управления. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования, муниципальные программы, планы комплексного развития инфраструктуры и документы территориального планирования должны рассматриваться как юридические инструменты формирования экономической основы, а не как декларативные документы. [11]

Муниципально-частное партнерство имеет значение для тех сфер, где муниципальный бюджет объективно не способен единовременно профинансировать создание или модернизацию инфраструктуры. При этом оно не должно использоваться как способ ухода от публичной ответственности. Правовое значение муниципально-частного партнерства состоит в распределении рисков, закреплении обязательств частного партнера, обеспечении публичного контроля и сохранении целевой направленности объекта. Иными словами, частный капитал должен дополнять экономическую основу местного самоуправления, но не приватизировать публичную функцию. Инициативное бюджетирование и инициативные проекты позволяют связать экономическую основу с населением муниципального образования. Их значение состоит не только в софинансировании отдельных объектов благоустройства, но и в формировании бюджетной культуры местного сообщества. Население начинает воспринимать муниципальный бюджет не как удаленную административную смету, а как инструмент выбора приоритетов. Поэтому инициативные проекты являются одновременно финансовым и демократическим элементом правового механизма.

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления также должна быть связана с формированием экономических основ. Показатели эффективности не должны подменять самостоятельность муниципалитета административным рейтингованием, но могут стимулировать повышение качества управления имуществом, рост собственных доходов, снижение неэффективных расходов и развитие проектных форм финансирования. [12]

Анализ законодательства и практики позволяет выделить несколько устойчивых проблем. Первая проблема - фрагментарность правового регулирования. Экономическая основа местного самоуправления формируется нормами разных отраслей, но между ними отсутствует единая концептуальная связка. Муниципальное право закрепляет состав основы, бюджетное право

регулирует движение денежных средств, гражданское право оформляет имущественные сделки, но вопрос о целостном механизме воспроизводства муниципального ресурса остается недостаточно разработанным.

Вторая проблема - преобладание расходного подхода. Муниципалитет часто рассматривается как исполнитель расходов, а не как субъект развития территории. В результате правовое регулирование концентрируется на целевом использовании средств, отчетности и контроле, но недостаточно стимулирует рост доходов, управление активами и привлечение внебюджетных ресурсов.

Третья проблема - ограниченность местной налоговой автономии. Она обусловлена необходимостью единства налоговой системы, но ее следствием становится слабая связь между экономической активностью территории и финансовой самостоятельностью местного самоуправления. Муниципальные органы могут влиять на деловую среду, земельно-имущественную политику и инфраструктуру, однако значительная часть налогового эффекта возникает за пределами местного бюджета.

Четвертая проблема - недостаточная защищенность муниципалитета от нефинансируемых или недофинансируемых публичных обязанностей. Судебная защита и компенсационные механизмы существуют, но должны работать не постфактум, а на стадии проектирования публичных решений. В противном случае муниципалитет сначала несет расходы и получает претензии населения, а затем вынужден доказывать отсутствие ресурса.

Пятая проблема - слабая интеграция цифрового имущественного учета, бюджетного планирования и стратегических документов. Если реестр муниципального имущества существует отдельно от бюджета, бюджета - отдельно от стратегии, а стратегия - отдельно от территориального планирования, правовой механизм распадается на несогласованные процедуры. В условиях цифровизации публичного управления требуется единый муниципальный контур данных об активах, обязательствах, доходах, расходах и проектах.

В законодательстве о местном самоуправлении целесообразно закрепить понятие правового механизма формирования экономических основ местного самоуправления либо, как минимум, нормативно раскрыть его основные элементы. Это позволило бы перейти от декларативного перечисления ресурсов к функциональному регулированию их создания и воспроизводства. Такая норма могла бы иметь рамочный характер и указывать на имущественный, бюджетно-налоговый, процедурный и гарантийный блоки.

Необходимо нормативно развить принцип муниципальной ресурсной достаточности. Его содержание должно включать требование предварительной оценки финансовых последствий решений, влияющих на местные бюджеты; запрет возложения новых обязанностей без источника финансирования; право муниципального образования на компенсацию дополнительных расходов; обязанность публичных органов учитывать различия между муниципалитетами по налоговой базе, инфраструктурной нагрузке и демографической структуре. Требуется усилить правовую связь между муниципальной собственностью и стратегическим развитием. Для этого следует закрепить обязательность муниципальных программ управления имуществом, содержащих перечень активов, оценку их публичной полезности, доходности, затратности и инвестиционного потенциала. Такая программа должна рассматриваться не как техническое приложение к бюджету, а как один из ключевых документов формирования экономической основы.

Важно, на наш взгляд, создать цифровой стандарт муниципального имущественно-бюджетного учета. Он должен обеспечивать сопоставимость сведений о муниципальной собственности, доходах от ее использования, расходах на содержание, судебных спорах, концессионных и арендных обязательствах, а также их связь с муниципальными программами. Без такой цифровой связки невозможно объективно оценивать эффективность использования муниципальных ресурсов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 20.05.2026).

[2] Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (ред. от 09.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023 (дата обращения: 20.05.2026).

[3] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[4] Шугрина Е.С. Экономическая основа местного самоуправления: правовой анализ //

Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 4. С. 3-7.

[5] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[7] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[8] Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4350.

[9] Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.05.2026 № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 11, 20, 24 и 25 части 1 статьи 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона “Об отходах производства и потребления” в связи с жалобой администрации городского округа “Город Калининград”». // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202605190003 (дата обращения: 20.05.2026).

[11] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

[12] Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 2003.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended by the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (accessed: 20.05.2026).

[2] Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority” (as amended on 09.04.2026) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023 (accessed: 20.05.2026).

[3] Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ “On General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Article 3822.

[4] Shugrina E.S. Economic Basis of Local Self-Government: Legal Analysis // Municipal Property: Economics, Law, Management. 2018. No. 4. pp. 3-7.

[5] Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 No. 145-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Article 3823.

[6] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[7] Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3824.

[8] Federal Law of July 13, 2015 No. 224-FZ “On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4350.

[9] Federal Law of July 21, 2005 No. 115-FZ “On Concession Agreements” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 30 (Part II). Article 3126.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 18, 2026 No. 33-P “On the case of verifying the constitutionality of paragraphs 11, 20, 24, and 25 of Part 1 of Article 16 of the Federal Law “On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation” and paragraphs 1 and 2 of Article 13 of the Federal Law “On Production and Consumption Waste” in connection with the complaint of the administration of the urban district “City of Kaliningrad””. // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202605190003 (date of access: May 20, 2026).

[11] Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ “On Strategic Planning in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378.

[12] Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2008 No. 607 “On Assessing the Performance of Local Government Bodies of Municipalities, Urban Districts, and Municipal Districts” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 18. Art. 2003.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-127-133
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич,
младший научный сотрудник
сектора конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права Российской академии наук,
e-mail: g.patulin@gmail.com

ПРИНЦИП ДОВЕРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ: ТЕОРИЯ И КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. *В статье исследуется место и роль принципа доверия в современном государствоведении как внутреннего механизма обеспечения устойчивости государственного суверенитета. Государственный суверенитет рассматривается не только в традиционном юридическом аспекте (как свойство государственной власти), но и как интегративная характеристика государства, включающая способность к самостоятельному нормативному регулированию, внутренней консолидации общества и воспроизводству общественных отношений.*

На основе анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации раскрывается эволюция конституционно-правового содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Особое внимание уделяется государствоведческому измерению принципа доверия: он выступает не только юридическим инструментом защиты прав, но и фундаментальным условием реальной (а не декларативной) реализации государственного суверенитета, обеспечивая добровольное признание власти и снижая необходимость принуждения.

Ключевые слова: *принцип доверия граждан к закону и действиям государства, государственный суверенитет, государствоведение, Конституционный Суд Российской Федерации, законные ожидания, стабильность правового регулирования, конституционная практика, легитимность государственной власти, правовая определенность, взаимное доверие государства и общества.*

PATIULIN Georgii Sergeevich,
Junior Research Fellow
at the Sector of Constitutional Law and Constitutional
Justice of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

THE PRINCIPLE OF TRUST AND STATE SOVEREIGNTY IN MODERN STATE STUDIES: THEORY AND CONSTITUTIONAL PRACTICE

Annotation. *The article examines the place and role of the principle of trust in modern state studies as an internal mechanism for ensuring the stability of state sovereignty. State sovereignty is considered not only in its traditional legal aspect (as a property of state power), but also as an integrative characteristic of the state, encompassing its capacity for independent normative regulation, internal societal consolidation, and the reproduction of social relations.*

On the basis of an analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article reveals the evolution of the constitutional and legal content of the principle of maintaining citizens' trust in the law and actions of the state. Particular attention is paid to the state-studies dimension of the principle of trust: it functions not merely as a legal instrument for the protection of rights, but as a fundamental condition for the real (rather than declarative) implementation of state sovereignty, securing the voluntary recognition of authority and reducing the need for coercion.

Key words: *principle of citizens' trust in the law and actions of the state, state sovereignty, state studies, Constitutional Court of the Russian Federation, legitimate expectations, stability of legal regulation, constitutional practice, legitimacy of state power, legal certainty, mutual trust between the state and society.*

В рамках современного государствоведения государственный суверенитет рассматривается не только как юридическое свойство государственной власти, но как интегративная характеристика государства, отражающая его способность к самостоятельному нормативному регулированию, внутренней консолидации и воспроизводству общественных отношений. В этом контексте принцип доверия приобретает особое значение как внутренний механизм обеспечения устойчивости суверенной государственной организации. С позиций государствоведения принцип доверия выполняет ряд ключевых функций: обеспечивает легитимацию государственной власти; способствует устойчивости правового порядка; формирует предсказуемость государственного управления; выступает фактором внутренней консолидации общества. В совокупности эти функции обеспечивают реализацию государственного суверенитета не только в юридическом, но и в социальном измерении.

Судебная имплементация принципа поддержания доверия граждан закону и действиям государства наиболее развита в России благодаря усилиям Конституционного Суда Российской Федерации (далее - КС РФ, Суд), выступающим основным интерпретатором данного принципа. Суд устанавливает конституционно-правовой смысл норм, обеспечивая их соответствие сформировавшемуся в обществе доверию. С конца 1990-х гг. КС РФ все чаще обращается к категории «доверие» и непосредственно к самому принципу. Более того, была сформулирована позиция, согласно которой государство не может своими действиями подрывать доверие, т.к. это не совместимо «с основами конституционного строя Российской Федерации как правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства» [10]. Поддержание доверия граждан к закону и действиям государства является важнейшим принципом, который активно применяется в практике КС РФ, и который все чаще ложится в основу выносимых им актов.

Наиболее значимой деятельностью КС РФ, направленной на формирование стабильного правового пространства, которое поддерживает доверие граждан к закону и действиям государства, является формулирование правовых позиций, содержащих конституционные принципы. Основной целью этих принципов является реализация прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Конституция РФ закрепляет обязанность государства защищать основные неотчуждаемые права и свободы, принадлежащие каждому от рождения, определяя смысл, содержание и применение законов. Поэтому государство должно обеспечивать, чтобы законодатель при осуществлении своей деятельности соблюдал принципы справедливости, равенства, соразмерности, стабильности и гарантированности прав. Эти принципы образуют единую систему с принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, что является важным аспектом конституционной законодательной деятельности.

Нормативные акты, создаваемые в процессе законодательной деятельности, часто представляют собой результат согласования противоположных интересов. Для этого процесс согласования требует обращения к конституционным принципам, интерпретируемым КС РФ, что ограничивает деятельность законодателя соответствием правомерным ожиданиям граждан. В решениях Суда, касающихся нарушения государством доверия субъектов права, устанавливается правовое содержание института поддержания доверия. Элементы этого института включают:

1. Обеспечение возможности для всех участников правоотношений предвидеть последствия своего поведения.
2. Сохранение уверенности в постоянстве правового статуса и возможности реализации своих субъективных прав.
3. Запрет на произвольные изменения в действующей системе норм, и в случае необходимости таких изменений – установление переходного периода для адаптации.
4. Блокирование возможности придания обратной силы нормам, ухудшающим правовое положение лиц.

КС РФ также сформулировал принципы, обеспечивающие поддержание доверия, включая запрет наделять обратной силой нормы, ухудшающие правовое положение лиц при изменении норм, на основе которых они начали реализацию своих прав и обязанностей.

Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, сформулированный КС РФ и конкретизированный в его решениях, оказывает влияние на законодательный процесс. Он ограничивает законодателя конституционными предписаниями, обязывающими государство действовать в соответствии с правомерными ожиданиями граждан, основанными на положениях Конституции Российской Федерации [2].

Согласно позиции КС РФ, ключевым условием поддержания этого доверия является стабильность правового регулирования и недопустимость произвольных изменений в действующей системе норм. Конституционный Суд сформулировал ряд требований для обеспечения этого условия. Среди них выделяются:

1. Предоставление гражданам разумного переходного периода для адаптации к изменениям в законодательстве.
2. Исключение придания обратной силы законам, ухудшающим положение граждан, что по сути представляет отмену прав, приобретенных в соответствии с ранее действовавшим законодательством.
3. Поддержание законных ожиданий граждан, что приобретенные ими на основе действующего законодательства права будут уважаться властями и реализованы.
4. Обязательное официальное опубликование временно применяемых международных договоров Российской Федерации, которые затрагивают права, свободы и обязанности граждан, перед их непосредственной реализацией на территории России.

Важно отметить, что со временем понимание принципа поддержания доверия закону и действиям государства со стороны КС РФ претерпело эволюционные изменения.

Эволюция рассматриваемого принципа в актах КС РФ началась в 1990-е годы, когда Суд начал ссылаться на него в контексте перехода к рыночной экономике. Так в 1996 г. принцип был использован для оценки налоговых изменений, подчеркивая запрет на нарушение законных ожиданий налогоплательщиков именно в контексте исключения придания обратной силы законам, ухудшающим положение граждан [12].

В 2000-е годы принцип укрепился в социальной сфере. В 2006 г. КС РФ защитил ожидания от приватизации жилья, указав на необходимость поддержания стабильности правового регулирования для обеспечения и поддержания доверия граждан государству [8]. В 2010 г. КС РФ указал на то, что действия властей, направленные на восполнение потерь от действий публичной власти, на практике реализуют принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства путем восстановления их нарушенных прав [9].

2010-е годы отметились расширением действия принципа на экономику. В 2020-е годы, в результате конституционной реформы 2020 г., принцип поддержания доверия интегрирован в ст. 75.1 и ст.75.5 Конституции РФ (в контексте социальных гарантий). В Постановлении от 26.03.2024 № 12-П КС РФ подчеркнул значимость его учета при принятии административных решений [13].

Прослеженная эволюция содержания принципа поддержания доверия к закону и действиям государства и статистика частоты обращения к нему подтверждают переход от эпизодического применения принципа к его восприятию в качестве системного критерия вынесения решений.

Доверие граждан к различным государственным и общественным институтам также является важным аспектом принципа доверия. Этот аспект можно проиллюстрировать правовыми позициями Конституционного Суда РФ относительно доверия граждан к судам, судьям и кредитно-банковской системе.

КС РФ указывает, что в демократическом обществе участники судебного разбирательства должны испытывать доверие к суду. Это доверие, основанное на конституционных принципах независимости и самостоятельности судебной власти, может быть поставлено под сомнение только на основании достоверных и обоснованных доказательств. Личная беспристрастность судьи должна презюмироваться, пока не доказано обратное. Доверие к судам и государству в целом подрывается неисполнением или ненадлежащим исполнением судебных решений, обязательность которых имеет конституционно-правовое основание. КС РФ обращает внимание на необходимость исполнения своих решений.

Доверие к компетентности, независимости и беспристрастности судей обуславливает регулирование, согласно которому конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод. Общество и государство, предъявляя к судье высокие требования, обязаны обеспечивать ему дополнительные гарантии для надлежащего осуществления правосудия, включая предоставление особого статуса судьи в отставке.

Так, рассмотрев вопрос о конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» [18] и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» [17] в связи с жалобами граждан, КС РФ акцентировал внимание на важности поддержания доверия граждан к кредитно-банковской системе. Суд подчеркнул, что из Конституции, гарантирующей охрану прав граждан, в том числе закрепленных статьей 35 (часть 1), вытекает обязанность государства обеспечивать защиту прав конкретного собственника. Вкладчик, размещая свои денежные средства во вкладах, несет определенный риск, что делает его действия значимыми не только в личном, но и в публичном контексте, поскольку сбережения населения являются устойчивым источником ресурсной базы, необходимой для инвестиций и долгосрочного кредитования.

Для достижения этих целей предназначено создание системы гарантирования вкладов физических лиц. Эта система нацелена на формирование механизмов защиты вкладчиков при разме-

щении их сбережений в кредитных организациях. Она также отвечает потребностям банковской системы, способствуя восстановлению доверия к ней и привлечению дополнительных вкладов населения, что должно обеспечиваться посредством специального правового регулирования [3].

Проведенный анализ практики КС РФ позволяет говорить о следующих сферах реализации принципа поддержания доверия[1].

Чаще всего КС РФ интерпретирует рассматриваемый принцип как стабильность законодательной и правовой политики, используя концепцию защиты законных ожиданий и недопустимости отмены приобретенных прав [19]. Так, в одном из первых дел, в которых этот принцип был прямо сформулирован, он был применен в отношении приобретенных, но не реализованных прав [11]. Принцип чаще используется в делах о социальных выплатах, таких как пенсии и пособия [7].

В практике КС РФ принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства также используется как средство аргументации при оценке дискреционных полномочий органов публичной власти при издании или внесении изменений в нормативные акты, предполагая предсказуемость и стабильность регулирования. Основная практика связана с проверкой конституционности актов, изменяющих права и льготы, но потенциал принципа защиты доверия не полностью раскрыт, с усеченным пониманием, сводимым к качеству нормы закона [1, с. 137].

Практика КС РФ способствует нормативно-интерпретационной конституционализации принципа защиты доверия, и благодаря этому он воспринят Верховным Судом РФ, арбитражными судами и судами общей юрисдикции. В отечественной практике можно выделить два способа осуществления рецепции: использование правовых позиций КС РФ, в которых упоминается принцип, и формулировка принципа судами без ссылок на КС РФ, как в пунктах 17 и 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21, в последнем, в частности, прослеживается восприятие теории благоприятствующих и неблагоприятствующих административных актов, подчеркивающей недопустимость произвольных изменений решений [14]. Так, Четвертый арбитражный суд апелляционной инстанции сослался на статью 75.1 Конституции РФ, придя к выводу о необходимости соблюдения принципов правовой определенности и законности для поддержания доверия хозяйствующих субъектов [15]. Можно выделить категорию споров, в которых суды используют принцип защиты доверия, указывая на наличие или отсутствие правомерных ожиданий у невластных субъектов.

При осуществлении правоприменительной деятельности сложно опираться на принцип без его позитивного закрепления. Судья может ссылаться на него исходя из правосознания или дискреции, но закрепление сделало бы использование принципа обязательным (и не только для судей), обеспечивая единообразную судебную практику как реализацию принципа равенства и равного доступа к правосудию [16, с. 31]. Формальное текстовое закрепление принципа необходимо для обеспечения единообразия, нормативности, обязательности и равного отношения, поэтому ему требуются свои формально закрепленные текст и пояснение [4].

Принцип защиты доверия обеспечивает стабильность и предсказуемость решений органов публичной администрации в отношениях с невластными субъектами.

Как было отмечено, часто КС РФ под принципом доверия к закону и действиям органов государственной власти понимает стабильность законодательной, а в широком смысле – правовой политики. Как правило, КС РФ использует сформулированную им концепцию о защите «законных ожиданий» и недопустимости отмены приобретенных прав [19, с. 76-84].

Так в одном из первых дел, в котором КС РФ применил данный принцип, речь шла о внесении изменений в Федеральный закон от 25.07.1998 № 131-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» (в настоящее время утратил силу) [11].

Таким образом КС РФ в своей практике связывает принцип доверия прежде всего со стабильностью правовой политики и недопустимостью произвольного изменения законодательства. В государствоведческом аспекте данное положение отражает более глубокую закономерность: стабильность правового регулирования является необходимым условием устойчивости государственной системы и, следовательно, реализации государственного суверенитета. Концепция «законных ожиданий», используемая Конституционным Судом, по своей сути направлена на обеспечение предсказуемости поведения государства. В государствоведческом измерении это означает институционализацию доверия как элемента публичной власти, без которого невозможно устойчивое функционирование суверенного государства.

Принцип поддержания доверия к действиям законодателя чаще всего использовался Консти-

[1] Следует особо отметить, что, несмотря на заметное количество обращений к принципу поддержания доверия, он, обнаруживая себя в мотивировочной части решений, практически не фигурирует ни в резолютивной их части, ни в описательной (в которой обратившееся лицо указывает юридическое основание обращения).

туционным Судом в делах, касающихся изменения условий и порядка различных социальных выплат: пенсий, пособий и т.п. [7].

Основная практика, в которой КС РФ применяет указанный принцип, связана с проверкой конституционности нормативных правовых актов, которыми устанавливается, изменяется либо отменяется порядок реализации прав и обязанностей, льгот и мер поддержки, предоставляемых невластным субъектам. Однако в практике конституционного правосудия потенциал принципа защиты доверия в полной мере не раскрыт, на что обращается внимание в науке административного права. Практика КС РФ пока демонстрирует усеченное понимание принципа защиты доверия, сводимого преимущественно к качеству нормы закона, свидетельствует о недостаточном учете его государствоведческого потенциала. Между тем данный принцип имеет более широкое значение, выступая элементом институциональной устойчивости государства и фактором обеспечения его суверенитета.

Однако именно посредством практики КС РФ происходит нормативно-интерпретационная конституционализация принципа защиты доверия в отечественной правовой системе. Во многом благодаря практике органа конституционного правосудия принцип защиты доверия был воспринят Верховным Судом РФ, арбитражными судами и судами общей юрисдикции [5].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что до недавнего времени КС РФ тщательно аргументировал применение и значимость принципа поддержания доверия относительно социальных прав граждан прав, и гораздо реже обращался к нему при рассмотрении вопросов, касающихся политических прав правах (и чаще делал это весьма формально). Однако в решениях, принимаемых со второй половины 2010-х гг. КС РФ, рассматривая вопросы о возможных ограничениях прав и свобод человека и гражданина, и о возможных пределах таких ограничений, все чаще обосновывает свои позиции с помощью данного принципа. Это предопределяет, что деятельность органов государственной власти должна базироваться на оказываемом им гражданами доверии и оправдывать его, доверять им, равно как и гражданам следует руководствоваться тем положением, что действия государства направлены на поддержание доверия общества к нему путем защиты прав и свобод человека и гражданина, а также базовых конституционных ценностей общества. Наблюдаемая в практике КС РФ трансформация принципа доверия в сторону взаимности (доверие граждан к государству и государства к гражданам) отражает развитие современной модели государственности, основанной на взаимодействии власти и общества. В государствоведческом аспекте это свидетельствует о переходе от одностороннего понимания суверенитета к его социально обусловленной модели.

В современном государствоведении государственный суверенитет не может рассматриваться изолированно от социального контекста его реализации. Его устойчивость определяется не только юридическими механизмами, но и уровнем доверия общества к государственной власти. В этом смысле принцип доверия выступает внутренним основанием суверенитета, обеспечивая его реальное, а не декларативное существование. Анализ практики КС РФ позволяет сделать вывод о том, что принцип доверия выходит за рамки частного юридического инструмента и приобретает системное значение. В государствоведческом измерении он выступает механизмом поддержания государственного суверенитета, обеспечивая добровольное признание публичной власти и снижая необходимость применения принуждения. Таким образом, принцип доверия в современном государствоведении следует рассматривать как элемент, обеспечивающий устойчивость государственного суверенитета. Он выполняет не только юридическую, но и социальную функцию, формируя основу легитимности государственной власти. Проанализированная практика КС РФ свидетельствует о постепенной институционализации данного принципа, что позволяет рассматривать его как один из ключевых механизмов взаимодействия государства и общества. В конечном счете устойчивость суверенного государства определяется не только объемом его властных полномочий, но и степенью доверия к нему со стороны граждан, что делает принцип доверия фундаментальной категорией современного государствоведения. Активизация исследований, предметом которых являлись бы указанные отношения, на наш взгляд, была бы весьма полезна для установления конструктивного диалога между государством, в лице его органов власти и должностных лиц, и институтами гражданского общества [6].

Список литературы:

[1] Васильева А.Ф. Неосновательное обогащение как новая конструкция публичного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 9. – С. 127–141.

[2] Виноградова Е.В. Влияние конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства на законодательный процесс // Юридическая техника. – 2020. –№ 14. – С. 117–119.

[3] Кокотов А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Рос-

сийской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 5 (102). – С. 97–108.

[4] Нарутто С.В., Никитина, А.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 13–18.

[5] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06.03.2018 № 308-КГ17-14457 (по делу № А53-18839/2016) // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71793288/ (дата обращения 04.02.2026).

[6] Патюлин Г.С. Гражданское общество и власть в Российской Федерации: начало диалога? // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 6–13.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2009 N 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 14 и пункта 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ) в связи с запросом Курчатовского городского суда Курской области и жалобами граждан А.В. Жестикова и П.У. Мягчило». // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5866.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации” и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобами граждан М.Ш. Орлова, Х.Ф. Орлова и З.Х. Орловой». // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2876.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное имущество” в связи с жалобой гражданина А.А. Дудко». // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 154.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скибы и В.М. Ширяева». // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 N 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой». // СЗ РФ 2001, N 22, ст. 2276.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.1996 N 17-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах»». // СЗ РФ. 1996. N 45. Ст. 5202.

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2024 N 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко». // СЗ РФ. 2024. N 14. Ст. 1957.

[14] Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 21 // Российская газета. 2022. № 149.

[15] Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2021 № 04АП-6397/2021 по делу № А19-1818/2021 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/21e0b30b-b8d6-4611-b386-c09ab4f3a183/2a625d17-efdf-4a80-aa79-91c06448c7a7/A19-1818-2021_20211221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 04.02.2026).

[16] Степкин С.П. Доктрина «доверие» в современном конституционном праве: возникновение, перспективы ее развития и оценки // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 10 (155). – С. 30–44.

[17] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» от 25.02.1999 N 40-ФЗ // СЗ РФ. 2002. N 43. Ст. 4190.

[18] Федеральный закон от 8 июля 1999 г. N 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» // СЗ РФ. 1999. N 28. Ст. 3477.

[19] Ядрихинский С.А. Доктрина законных ожиданий в налоговых отношениях // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 4. – С. 76–84.

References:

[1] Vasilyeva A.F. Unjust enrichment as a new construct of public law // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2020. - No. 9. - Pp. 127-141.

[2] Vinogradova E.V. The influence of the constitutional principle of maintaining citizens' trust in the law and state actions on the legislative process // Legal technique. - 2020. - No. 14. - Pp. 117-119.

[3] Kokotov A.N. The constitutional principle of trust in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Comparative constitutional review. - 2014. - No. 5 (102). - Pp. 97-108.

[4] Naruto S.V., Nikitina, A.V. The constitutional principle of trust in modern Russian society // Constitutional and municipal law. – 2022. – No. 7. – P. 13–18.

[5] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.03.2018 No. 308-KG17-14457 (in case No. A53-18839/2016) // SPS Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71793288/ (date of access 04.02.2026).

[6] Patyulin G.S. Civil Society and Power in the Russian Federation: The Beginning of a Dialogue? // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2012. – No. 2. – P. 6–13.

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.11.2009 N 17-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of part one of Article 14 and paragraph 1 of part one of Article 15 of the Law of the Russian Federation "On the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the disaster at the Chernobyl Nuclear Power Plant" (as amended by Federal Law of August 22, 2004 N 122-FZ) in connection with the request of the Kurchatov City Court of the Kursk Region and the complaints of citizens A.V. Zhestikov and P.U. Myagchilo." // SZ RF. 2009. No. 48. Art. 5866.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.06.2006 No. 6-P "On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of subparagraph 1 of paragraph 2 of Article 2 of the Federal Law "On the Implementation of the Housing Code of the Russian Federation" and part one of Article 4 of the Law of the Russian Federation "On the Privatization of the Housing Stock in the Russian Federation" in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation and the complaints of citizens M.Sh. Orlova, Kh.F. Orlova and Z.Kh. Orlova." // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 26. Art. 2876.

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.12.2010 No. 21-P "On the case of reviewing the constitutionality of Part One of Article 2 of the Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Improving the Procedure for Foreclosure on Mortgaged Property" in Connection with the Complaint of Citizen A.A. Dudko." // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 154.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.04.2003 No. 6-P "On the case of reviewing the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaints of Citizens O.M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R.M. Skiba and V.M. Shiryaev." // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 17. Article 1657.

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.05.2001 No. 8-P "On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of Part One of Article 1 and Article 2 of the Federal Law "On Housing Subsidies for Citizens Leaving the Regions of the Far North and Equivalent Localities" in Connection with the Complaints of Citizens A.S. Stakh and G.I. Khvalova." // Collected Legislation of the Russian Federation 2001, No. 22, Article 2276.

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.10.1996 N 17-P "On the case of reviewing the constitutionality of Part One of Article 2 of the Federal Law of March 7, 1996 "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Excise Taxes"". // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. N 45. Art. 5202.

[13] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.03.2024 N 12-P "On the case of reviewing the constitutionality of Clause 1 of Article 1224 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Statsenko". // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. N 14. Art. 1957.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 N 21 // Rossiyskaya Gazeta. 2022. No. 149.

[15] Resolution of the Fourth Arbitration Court of Appeal dated December 21, 2021 No. 04AP-6397/2021 in case No. A19-1818/2021 // Electronic Justice. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/21e0b30b-b8d6-4611-b386-c09ab-4f3a183/2a625d17-efdf-4a80-aa79-91c06448c7a7/A19-1818-2021_20211221_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed February 4, 2026).

[16] Stepkin S.P. The Doctrine of "Trust" in Modern Constitutional Law: Origin, Prospects for Its Development and Assessment // Actual Problems of Russian Law. - 2023. - Vol. 18, No. 10 (155). - P. 30-44.

[17] Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy) of Credit Institutions" dated February 25, 1999 N 40-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. N 43. Art. 4190.

[18] Federal Law of July 8, 1999 N 144-FZ "On the Restructuring of Credit Institutions" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. N 28. Art. 3477.

[19] Yadrikhinsky S.A. Doctrine of Legitimate Expectations in Tax Relations // Russian Journal of Legal Research. - 2018. - No. 4. - P. 76–84.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-134-137
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
orcid.org/0000-0002-3852-3128,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВОПРОСА ПАТРИОТИЗМА В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос прошлого и настоящего понятия патриотизма. Исходя из выводов отечественных мыслителей, можно констатировать, что патриотическая идея рассматривается как явление культуры, как мировоззренческая парадигма и концепция, отражающая национальное своеобразие познания общественной действительности, онтологической картины мира, сущности и предназначения человека и конкретного индивида.*

Ключевые слова: *патриотизм, национальная идея, мировоззрение, парадигма.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

PAST AND PRESENT ISSUES OF PATRIOTISM IN RUSSIA

Annotation. *The article considers the question of the past and present concept of patriotism. Based on the conclusions of domestic thinkers, it can be stated that the patriotic idea is considered as a phenomenon of culture, as a worldview paradigm and concept reflecting the national originality of knowledge of social reality, the ontological picture of the world, the essence and purpose of a person and a particular individual.*

Key words: *patriotism, national idea, worldview, paradigm.*

Патриотизм как идея и движущая сила общества и государства рассматривались мыслителями в глубокой древности. Разнообразные аспекты данного социокультурного феномена раскрываются в трудах таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Цицерон и др.

Появление «российской национальной идеи» связана с именами Вл. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Ф.М. Достоевского, Н.А Бердяева [1] и многих других русских философов, писателей и общественных деятелей. В трудах данных авторов сосредоточена мировоззренческая позиция как социокультурная модель «Патриотической идеи». Исходя из выводов отечественных мыслителей, можно констатировать, что патриотическая идея рассматривается как явление культуры, как мировоззренческая парадигма и концепция, отражающая национальное своеобразие познания общественной действительности, онтологической картины мира, сущности и предназначения человека и конкретного индивида. Модель патриотического мировосприятия анализируется исходя из языческой и православной мировоззренческих парадигм, а также их исторически сложившейся интеграции ценностей и идеологических доминант духовной жизни Востока и Запада на основе их соединения. Смыслу их творчества присуще рассмотрение патриотизма как неотъемлемой и в то же время важнейшей характеристики бытия гражданина России, любого созидательного коллектива, одной из основ жизни российского общества, имеющей большое значение для его дальнейшей судьбы. Идея патриотизма во все времена занимала особое место не только в духовной жизни общества, но и во всех важнейших сферах его деятельности – в идеологии, политике, культуре, экономике, экологии и т.д.

Патриотизм – составная часть национальной идеи России, неотъемлемый компонент оте-

чественной науки и культуры, выработанный веками. Он всегда расценивался как источник мужества, героизма и силы российского народа, как необходимое условие величия и могущества нашего государства.

Патриотизм - как глубокое и возвышенное чувство любви к Родине, является одной из основополагающих нравственных ценностей, которой должен постоянно придерживаться сотрудник УИС [2].

Идея патриотизма как основа объединения русских земель в борьбе против общего врага отчетливо звучит и в «Повести временных лет» и в проповедях Сергия Радонежского. По мере освобождения страны от чужеземного ига и формирования единого государства патриотические идеи обретали материальную основу и становились одной из форм проявления государственного патриотизма, важнейшим направлением в деятельности государственных и общественных институтов.

Содержание и направленность патриотизма определяются, прежде всего, духовным и нравственным климатом общества, его историческими корнями, питающими общественную жизнь поколений. Роль и значение патриотизма возрастают на крутых поворотах истории, когда объективные тенденции развития общества сопровождаются повышением напряжения сил его граждан (войны, нашествия, социальные конфликты, революционные потрясения, обострение кризисных явлений, борьба за власть, стихийные и иные бедствия и т.д.). Проявления патриотизма в такие периоды отмечены высокими благородными порывами, особой жертвенностью во имя своего народа, своей Родины, что заставляет говорить о патриотизме как о сложном и, безусловно, неординарном явлении.

В середине XIX века в диспутах славянофилов (К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков) [3] и «западников» (Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев) [4] возникла концепция исторического развития России, в которой славянофилы проводили мысль о том, что российский уклад жизни уникален и неповторим, принципиально отличен от уклада западных народов. По их мнению, со времен Петра I, произвольно нарушившего гармоничное развитие России, государство потеряло устойчивую связь с народом, интеллигенция оторвалась от народной жизни, переняв западные модели образа жизни.

Западники же понятие «Отечество» соотносили с двумя субстанциями формирования патриотического сознания человека – государство и личность.

Русскую самобытность они оценивали как отсталость, возвеличивая Петра I за то, что именно при нем были заложены основы государственности, началось освобождение личности от пут родового строя.

Исходя из необходимости рассмотрения генезиса идей патриотизма в России, представляется правомерным проанализировать наиболее характерные моменты этого развития в рамках «патриотической идеи». В понимании ее сущности целесообразно исходить из того, что общенациональный идеал сегодня - это возрождение России, которое начинается с обращения к ее глубинным истокам. Поэтому «патриотическая идея» выступает сегодня в качестве одной из духовных основ возрождения Отечества, нашей исторической памяти, национального самосознания, стремления россиян к лучшей действительности, проявления ими высокой духовности и истинного патриотизма.

В основе российской национальной идеи после принятия Руси при князе Владимире православной религии в 988 году лежала идея славянской солидарности. Ее истоки уходят в глубь веков. Еще в эпоху средневековья возникает идея о том, что «Москва – третий Рим», то есть Россия является закономерной преемницей великой Византии и именно ей отведена особая мессианская роль в развитии человечества. На протяжении веков силы этой государственности были направлены на сохранение населения России, развитие у него национального самосознания и патриотических чувств.

Когда, после петровских преобразований и разгрома Наполеона, Россия включилась в европейский процесс общественного развития на качественно новом уровне, обострились проблемы ее сосуществования с западными цивилизациями и места в мире. В рамках «патриотической идеи» обострилась борьба двух тенденций: западничества и славянофильства.

Выбор пути, по которому предстояло идти стране и русским в XIX-начале XX вв., оказался непростым. К его осмыслению подключились лучшие умы нации – А.С. Пушкин и Н.М. Карамзин, Ф.М. Достоевский и А.И. Герцен, Н.А. Бердяев [5].

А.Н. Радищев в работе «Беседа о том, что есть сын Отечества» исследовал сущность патриотизма. По его мнению, настоящего патриота характеризует бескорыстное стремление служить делу процветания Родины, установления в ней демократического порядка управления, развития и искусства. «Те, кто гонится за славою и похвалою, не только не приобретают для себя оных, но паче лишаются» [6].

Анализ взглядов отечественных мыслителей в дореволюционный период развития России позволяет констатировать, что в них достаточно

полно реализовались формирующие начала русского национального самосознания, в котором значительное место занимал патриотизм. Это проявилось, прежде всего, в трех принципах становления и развития «патриотической идеи» на протяжении рассматриваемого столетия (начало XIX в. – начало XX в.). К этим принципам относятся: религиозный (православие, Киевская Русь), политический (самодержавие, «священное царство», Московская Русь) и социальный (европейская цивилизация, Российская Империя) [7].

Патриотизм рассматривается как внутреннее духовно-нравственное состояние населения, от уровня развития и степени реального проявления которого во многом зависит положение России на международной арене и стабильность внутри страны.

Особое место в разработке проблемы патриотизма занимает советский период отечественной науки. В этот период исследования проблем патриотизма велись по самым различным аспектам.

После революции в 20-е годы XX столетия, сформировавшийся в советских условиях, патриотизм в наибольшей мере показал свою жизненность и силу в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и в период восстановления разрушенного народного хозяйства. Невиданная стойкость и мужество советских воинов, их массовый героизм в борьбе с ненавистным врагом, непоколебимая вера в победу тружеников тыла, их самоотверженность и жертвенность во имя Победы позволили поднять представление о патриотизме нашего народа на недосягаемую высоту. Имена партизанки З. Космодемьянской, летчиков В. Талалихина, А. Маресьева и Н. Гастелло, подпольщиков «Молодой гвардии», генерала Д. Карбышева и миллионов других советских патриотов стали символами преданности своей Родине. В самое трудное время испытаний, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, армия и народ проявили истинный, небывалый по силе патриотизм, который явился основой духовно-нравственного превосходства над непобедимым доселе врагом. Этот исторический факт свидетельствует о том, что форма власти, общественная система опираются на высшие духовные ценности народа в годы суровых национальных испытаний.

Патриотизм как явление национальной духовности и компонент общественного сознания в настоящее время, когда Россия «собирает камни» своей истории, актуален для российской действительности не в меньшей степени, чем много столетий назад. Сила любой страны во многом определяется силой патриотизма ее граждан.

По данным В.В. Серебрянникова в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. до 90-95 % населения были готовы с оружием в руках защищать свою Родину. Настрой на деятельностный патриотизм был очень высок. В настоящее время по этому показателю (60 % населения) наша страна находится на 12 месте в мире после Норвегии, Дании, Румынии, Польши, Швеции, Финляндии, Болгарии, Чехии, США, Исландии и Великобритании. В этих странах от 70 до 85 % населения готовы с оружием в руках отражать агрессора. Только сделав правильные выводы на основе анализа объективных и субъективных причин, приведших к дискредитации идей патриотизма, и понимая необходимость воспитания гражданской позиции в обществе, можно добиться в этой области существенного перелома.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Формирование нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 60-67.

[2] Об утверждении Свода профессионально-этических норм служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы [Текст]: приказ ФСИН России от 25 мая 2010 г. № 240. С. 2

[3] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[4] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[5] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[6] Радищев А.Н. Беседа о том, что есть сын Отечества // Антология педагогической мысли России XV111 века. М., 1985. С. 380.

[7] Поляков Л. Логика «патриотической идеи» // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 72.

[8] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[9] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[10] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[13] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[14] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[15] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

References:

[1] Vilkova A. V. Formation of moral responsibility of juvenile convicts/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 60-67.

[2] On approval of the Code of Professional and Ethical Standards of Official Conduct for Employees of the Penitentiary System [Text]: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia of May 25, 2010 No. 240. S. 2

[3] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[4] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[5] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[6] Radishchev A.N. Conversation that there is a son of the Fatherland//Anthology of pedagogical thought of Russia of the XV111 century. M., 1985. S. 380.

[7] Polyakov L. Logic of the “patriotic idea “// Social sciences and modernity. 1992. № 3. S. 72.

[8] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[9] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[10] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[13] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[14] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[15] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-138-142
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ТАРАСОВ Артем Павлович,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
Аспирант 3 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МАМОНОВ Вадим Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»,
e-mail: tarasov3611@yandex.ru

УВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ МИРНЫХ СОБРАНИЙ

Аннотация. *В данной статье рассматривается уведомительный порядок проведения мирных собраний в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса между реализацией конституционного права граждан на свободу мирных собраний и соблюдением требований общественной безопасности, а также дискуссионностью вопроса о правовой природе уведомительного порядка. Уведомительный порядок организации публичных мероприятий предполагает, что органы публичной власти вправе лишь предложить организатору изменить место, время или условия его проведения. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к пониманию уведомительного порядка, анализе его правовой природы и выявлении отличий от разрешительного порядка. Практическая значимость работы состоит в выявлении проблем правоприменения и разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства о публичных мероприятиях. В процессе написания статьи выявлены основные проблемы реализации уведомительного порядка: неопределенность оснований для отказа в согласовании, избыточность сроков уведомления, отсутствие эффективного механизма обжалования. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования законодательства с целью устранения избыточных административных барьеров.*

Ключевые слова: *свобода мирных собраний, уведомительный порядок, публичные мероприятия, конституционные права, разрешительный порядок, Конституционный Суд РФ, Венецианская комиссия.*

TARASOV Artem Pavlovich,
Russian Federation, Saint Petersburg,
Graduate school, 3 year

Scientific supervisor:
MAMONOV Vadim Vasilievich,
Doctor of Law, Professor,
Pushkin Leningrad State University)

NOTIFICATION PROCEDURE FOR PEACEFUL ASSEMBLIES

Annotation. *This article discusses the notification procedure for peaceful assemblies in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the need to ensure a balance between the implementation of the constitutional right of citizens to freedom of peaceful assembly and compliance with public safety requirements, as well as the controversial nature of the notification procedure. The notification procedure for organizing public events assumes that public authorities have the right only to propose to the organizer to change the place, time or conditions of its holding. The theoretical significance of the research lies in the systematization of approaches to understanding*

the notification procedure, analyzing its legal nature and identifying differences from the permissive procedure. The practical significance of the work consists in identifying problems of law enforcement and developing recommendations for improving legislation on public events. In the process of writing the article, the main problems of implementing the notification procedure were identified: uncertainty of the grounds for refusal of approval, redundancy of notification periods, lack of an effective appeal mechanism. The necessity of further improvement of legislation in order to eliminate excessive administrative barriers is substantiated.

Key words: *freedom of peaceful assembly, notification procedure, public events, constitutional rights, permissive procedure, Constitutional Court of the Russian Federation, Venice Commission.*

Введение

Уведомительный порядок проведения публичных мероприятий, установленный Федеральным законом от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», является предметом постоянных научных дискуссий и правовых споров. Его правовая природа, соотношение с разрешительным порядком и практика реализации вызывают обоснованную критику со стороны правозащитников и международных организаций.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, дискуссионность вопроса о правовой природе уведомительного порядка и его отличиях от разрешительного требует теоретического осмысления. Во-вторых, правоприменительная практика выявляет многочисленные проблемы реализации уведомительного порядка. В-третьих, правовые позиции Конституционного Суда РФ и рекомендации Венецианской комиссии требуют системного анализа и учета при совершенствовании законодательства.

Целью данной работы является анализ уведомительного порядка проведения мирных собраний в Российской Федерации и выявление проблем его реализации.

Для достижения цели решены задачи, направленные на анализ теоретических подходов к пониманию уведомительного порядка, исследование его эволюции в российском законодательстве, изучение правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам реализации права на публичные мероприятия.

В работе использованы десять источников. С.А. Афанасьева и В.П. Егоров (2023) исследуют проблемы реализации права на публичные мероприятия [1]. И.С. Васютин (2023) анализирует место права на мирные собрания в системе конституционных прав и свобод [2]. В.В. Гошуляк и Г.В. Синцов (2022) рассматривают свободу мирных собраний в оценках Венецианской комиссии [3]. А.А. Гридчина (2022) исследует уведомительный порядок организации публичных мероприятий [4]. С.Н. Керамова (2022) анализирует проблемы реализации права на публичные мероприятия в России и зарубежных странах [5]. И.С. Лапшин с соавторами (2026) исследуют эволюцию правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам реализации права на публичные мероприятия [6]. М.К. Махмудов с соавторами (2025) проводят сравнительный анализ права на свободу собраний в России и странах СНГ [7]. И.С. Рыбаков и Д.В. Якунин (2022) исследуют ограничение свободы мирных собраний [8]. А.В. Саленко (2022) анализирует эволюцию права публичных собраний в России [9]. Е.А. Черепненко (2025) проводит сравнительный анализ уведомительного и разрешительного порядка [10].

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили 10 научных публикаций по конституционно-правовой проблематике уведомительного порядка проведения мирных собраний, а также материалы судебной практики.

Методы исследования включают теоретический анализ для изучения понятийного аппарата; формально-юридический метод для анализа правовых норм; сравнительно-правовой метод для сопоставления уведомительного и разрешительного порядка; метод обобщения для формулирования выводов.

Результаты и их обсуждение

Конституционное право граждан на свободу мирных собраний, закрепленное в статье 31 Конституции Российской Федерации, является одним из институтов непосредственной демократии и гражданского общества. Реализация этого права требует правового регулирования, которое не должно создавать избыточных барьеров и обеспечивать общественную безопасность и защиту прав других лиц.

Уведомительный порядок проведения мирных собраний представляет собой правовой механизм, в рамках которого организатор публичного мероприятия обязан заблаговременно проинформировать органы публичной власти о его проведении, предоставив необходимые сведения. При этом согласие органов власти на проведение мероприятия не требуется, однако они вправе предложить изменение места или времени проведения.

Отличие уведомительного порядка от разрешительного заключается в том, что при уведомительном порядке право на проведение мероприятия возникает у организатора автоматически после подачи уведомления, а при разрешительном – только после получения официального разрешения. «Проблема разграничения уведомительного и разрешительного порядка заключается в том, что на практике уведомительный порядок часто трансформируется в разрешительный через механизм «согласования» [1; 10].

Конституционный Суд РФ в ряде своих решений сформулировал правовые позиции, касающиеся уведомительного порядка. Конституционный Суд РФ последовательно придерживается позиции, согласно которой уведомительный порядок направлен лишь на информирование.

В Определении Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2025 года № 2165-О рассматривалась жалоба гражданина А.Ю. Морозова, привлеченного к административной ответственности по части 6.1 статьи 20.2 КоАП РФ за участие в несогласованном публичном мероприятии. Заявитель оспаривал конституционность положений, позволяющих привлекать к ответственности за участие в митинге, проведенном без уведомления в месте, где проведение публичных мероприятий запрещено законом субъекта Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, указал, что статья 31 Конституции РФ гарантирует право на свободу мирных собраний, однако данное право не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности.

Суд подчеркнул, что уведомительный порядок проведения публичных мероприятий преследует цель заблаговременно довести до соответствующих органов публичной власти необходимую информацию о форме, месте, времени начала и окончания публичного мероприятия, предполагаемом количестве его участников. Оспариваемое регулирование не предполагает подачи уведомления о проведении митинга на территориях, где это запрещено, в том числе в случаях, когда проведение публичных мероприятий временно приостановлено с учетом объективной необходимости реагирования на угрозу распространения новой коронавирусной инфекции.

Критерии отличия уведомительного порядка от разрешительного приведены в *таблице 1.*

Таблица 1. Сравнительный анализ уведомительного и разрешительного порядка

Критерий	Уведомительный порядок	Разрешительный порядок
Правовая природа	Информирование органов власти	Получение разрешения
Возможность отказа	Только по основаниям, указанным в законе	Широкая дискреция органов власти
Санкция за неподачу уведомления	Административная ответственность	Отказ в проведении, ответственность
Международные стандарты	Рекомендуется Венецианской комиссией	Не соответствует стандартам
Примеры стран	Россия (формально), Германия, Франция	Ряд стран постсоветского пространства

При анализе проблем реализации права на публичные мероприятия выявлено, что в большинстве европейских стран установлен уведомительный порядок, однако его конкретное наполнение варьируется. Российское законодательство соответствует европейским стандартам, однако практика его применения вызывает нарекания [5; 6].

В.В. Гошуляк и Г.В. Синцов анализируют свободу мирных собраний в оценках Венецианской комиссии и отмечают: «Венецианская комиссия неоднократно указывала на необходи-

мость приведения российского законодательства о публичных мероприятиях в соответствие с международными стандартами» [3, с. 76].

Основные рекомендации Венецианской комиссии включают: сокращение сроков уведомления; закрепление исчерпывающего перечня оснований для отказа; обеспечение эффективного механизма обжалования; недопустимость трансформации уведомительного порядка в разрешительный.

На основе анализа научной литературы и судебной практики можно выделить следующие основные проблемы реализации уведомительного порядка в Российской Федерации (*таблица 2*).

Таблица 2. Проблемы реализации уведомительного порядка и пути их решения

Проблема	Содержание	Пути решения
Трансформация в разрешительный порядок	На практике уведомление часто требует «согласования»	Законодательное закрепление уведомительного характера, исключение термина «согласование»
Избыточность сроков уведомления	Необходимость подачи уведомления за 10-15 дней	Сокращение сроков до 3-5 дней, для одиночного пикетирования – 1 день
Неопределенность оснований для отказа	Закон содержит оценочные понятия	Закрепление исчерпывающего перечня оснований для отказа
Отсутствие эффективного обжалования	Обжалование отказа занимает длительное время	Введение упрощенного порядка рассмотрения таких дел
Широкое определение мест, где проведение запрещено	Региональные законы устанавливают обширные запретные зоны	Сокращение перечня мест, где проведение запрещено, обеспечение альтернативы

Таким образом, трансформация уведомительного порядка в разрешительный возникает из-за того, что на практике уведомление требует фактического «согласования» с органами власти. Избыточность сроков уведомления (10-15 дней) затрудняет проведение оперативных публичных акций в ответ на быстро меняющиеся общественно-политические события. Неопределенность оснований для отказа обусловлена использованием в законе оценочных понятий, что позволяет органам власти произвольно отказывать в проведении мероприятий. Отсутствие эффективного механизма обжалования приводит к тому, что судебное разбирательство занимает длительное время, за которое мероприятие теряет актуальность. Широкое определение запретных мест региональными законами ограничивает возможность проведения публичных мероприятий в пригодных для этого локациях.

Уведомительный порядок проведения мирных собраний является правовым механизмом, в котором организатор публичного мероприятия обязан заблаговременно проинформировать органы публичной власти о его проведении. Право на проведение мероприятия возникает у организатора автоматически после подачи уведомления. Конституционный Суд РФ в Определении № 2165-О от 30 сентября 2025 года подтвердил, что право на свободу мирных собраний может быть ограничено федеральным законом, а уведомительный порядок направлен на информирование органов власти. Суд указал, что закон субъекта Российской Федерации вправе определять места, в которых запрещается проведение публичных мероприятий.

Основными проблемами реализации уведомительного порядка в России являются: трансформация уведомительного порядка в разрешительный на практике; избыточность сроков уведомления; неопределенность оснований для отказа, содержащих оценочные понятия; отсутствие эффективного механизма обжалования; широкое определение региональными законами мест, где проведение публичных мероприятий запрещено. Для совершенствования законодательства предлагается: законодательно закрепить уведомительный характер порядка, исключив термины «согласование»; сократить сроки уведомления до 3-5 дней; закрепить исчерпывающий перечень оснований для отказа; ввести

упрощенный порядок судебного обжалования; сократить перечень мест, где проведение публичных мероприятий запрещено.

Список литературы:

[1] Афанасьева С.А., Егоров В.П. Некоторые проблемы реализации права на публичные мероприятия // Образование и право. 2023. № 1. С. 267-271.

[2] Васютин И.С. Место права на мирные собрания в системе конституционных прав и свобод // Студенческий вестник. 2023. № 47-4 (286). С. 22-24.

[3] Гошуляк В.В., Синцов Г.В. Свобода мирных собраний в оценках и выводах Венецианской комиссии и российское законодательство // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 68-81.

[4] Гридчина А.А. Уведомительный порядок организации публичных мероприятий // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность. Сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции. Томск, 2022. С. 146-148.

[5] Керамова С.Н. Некоторые проблемы реализации права граждан на собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования в Российской Федерации и зарубежных странах // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 41. № 1. С. 49-54.

[6] Лапшин И.С., Шушания Ш.С., Родимушкина О.В., Кубиевич С.В. Эволюция правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам реализации права граждан на публичные мероприятия // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1 (74). С. 223-228.

[7] Махмудов М.К., Печенкина А.Д., Пивоваров К.М. Особенности конституционного права на свободу собраний в Российской Федерации и в странах-участницах СНГ: сравнительный анализ // Наука молодых – наука будущего. Сборник статей XV Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2025. С. 160-172.

[8] Рыбаков И.С., Якунин Д.В. Ограничение свободы мирных собраний: отечественный и европейский подход // Наукосфера. 2022. № 11-1. С. 469-473.

[9] Саленко А.В. Эволюция права публичных собраний в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 106-128.

[10] Черепненко Е.А. Сравнительный анализ законодательных моделей регулирования массовых мероприятий: уведомительный и разрешительный порядок // Евразийский юридический журнал. 2025. № 10 (209). С. 387-389.

References:

[1] Afanasyeva S.A., Egorov V.P. Some probp lems of exercising the right to public events//Education and law. 2023. № 1. PP. 267-271.

[2] Vasyutin I.S. Place of the right to peaceful assembly in the system of constitutional rights and freedoms//Student Bulletin. 2023. № 47-4 (286). S. 22-24.

[3] Goshulyak V.V., Sintsov G.V. Freedom of peaceful assembly in the assessments and conclusions of the Venice Commission and Russian legislation//Lex Russica (Russian law). 2022. T. 75. № 10 (191). S. 68-81.

[4] Gridchina A.A. Notification Procedure for Organizing Public Events//Domestic Violence: Prevention and Responsibility. Collection of articles on the results of the II International Scientific and Practical Conference. Tomsk, 2022. S. 146-148.

[5] Keramova S.N. Some problems of exercising the right of citizens to meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing in the Russian Federation and foreign countries//Legal Bulletin of Dagestan State University. 2022. T. 41. № 1. S. 49-54.

[6] Lapshin I.S., Shushania S.S., Rodimushkina O.V., Kubievich S.V. Evolution of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the implementation of the right of citizens to public events//Business. Education. Right. 2026. № 1 (74). S. 223-228.

[7] Makhmudov M.K., Pechenkina A.D., Pivovarov K.M. Features of the constitutional right to freedom of assembly in the Russian Federation and in the CIS member countries: comparative analysis// Science of the young - science of the future. Collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2025. S. 160-172.

[8] Rybakov I.S., Yakunin D.V. Restriction of freedom of peaceful assembly: domestic and European approach//Scientosphere. 2022. № 11-1. S. 469-473.

[9] Salenko A.V. Evolution of the right of public meetings in Russia//Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2022. VOL. 8. № 2 (30). S. 106-128.

[10] E.A. Cherepnenko. Comparative Analysis of Legislative Models of Regulation of Mass Events: Notification and Authorization Procedure//Eurasian Legal Journal. 2025. № 10 (209). S. 387-389.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-143-151
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН, ORCID 0000-0001-7731-724X,
https://ludmilagru.academia.edu/research,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСТВА В КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В отечественной доктрине гражданство традиционно рассматривается как устойчивая правовая связь лица и государства, выражающаяся в совокупности взаимных прав, обязанностей и ответственности. Такая характеристика важна, но нуждается в конституционном уточнении: связь гражданства не является равноправным частноправовым договором между лицом и государством. Принципы гражданства - это исходные конституционно-правовые начала, определяющие содержание, устойчивость, порядок приобретения и прекращения гражданства, а также пределы усмотрения государства в отношениях с гражданином. В отличие от отдельных процедурных правил, принцип имеет более высокий уровень обобщения: он действует и при непосредственном применении Конституции, и при толковании федерального закона, и при проверке законности решений органов, ведающих делами о гражданстве.*

Ключевые слова: *институт гражданства, прекращение гражданства, принципы гражданства, приобретение российского гражданства, конституция.*

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining
of the Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association "Norma Prava",
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

PRINCIPLES OF CITIZENSHIP IN THE CONSTITUTION OF RUSSIA: LEGAL ASPECT

Annotation. *In domestic doctrine, citizenship is traditionally considered as a stable legal relationship between a person and a state, expressed in the totality of mutual rights, duties and responsibilities. Such a characteristic is important, but needs constitutional clarification: the relationship of citizenship is not an equal private law contract between a person and the state. The principles of citizenship are the initial constitutional and legal principles that determine the content, stability, procedure for acquiring and terminating citizenship, as well as the limits of the state's discretion in relations with a citizen. Unlike individual procedural rules, the principle has a higher level of generalization: it applies both in the direct application of the Constitution, and in the interpretation of federal law, and in checking the legality of decisions of bodies in charge of citizenship cases.*

Key words: *institution of citizenship, termination of citizenship, principles of citizenship, acquisition of Russian citizenship, constitution.*

Гражданство занимает в конституционном праве особое место: через него государство юридически определяет круг лиц, состоящих с ним в устойчивой политико-правовой связи, а гражданин получает не только общий комплекс прав человека, но и специальный статус участника публичной жизни. В Конституции Российской Федерации принципы гражданства сконцентрированы, прежде всего, в статье 6: гражданство приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения; каждый гражданин обладает на территории Российской Федерации всеми правами и

свободами и несет равные обязанности; гражданин не может быть лишен гражданства или права изменить его. [1, ст. 6] Эти положения нельзя сводить к техническим правилам паспортно-регистрационного учета. Они выражают конституционную модель принадлежности лица к Российскому государству, задают пределы законодательного регулирования и выступают критериями оценки административной практики. Поэтому принципы гражданства следует рассматривать не как перечень деклараций, а как нормативную систему, связывающую народный суверенитет, федерализм, равноправие, правовую определенность, защиту личности и государственную безопасность. Действующее специальное законодательство конкретизирует конституционные формулы. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. N 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» закрепляет основные принципы гражданства в самостоятельной статье 5 и дополняет конституционное ядро рядом специальных начал: непрекращение гражданства вследствие проживания за пределами страны, запрет высылки и выдачи гражданина, недопустимость дискриминационных положений в законодательстве о гражданстве, а также поощрение приобретения российского гражданства лицами без гражданства, проживающими в Российской Федерации. [2]

В отечественной доктрине гражданство традиционно рассматривается как устойчивая правовая связь лица и государства, выражающаяся в совокупности взаимных прав, обязанностей и ответственности. Такая характеристика важна, но нуждается в конституционном уточнении: связь гражданства не является равноправным частноправовым договором между лицом и государством. Это публично-правовая принадлежность, в которой государство обладает властными полномочиями, но не свободой произвольного усмотрения. Конституционные принципы гражданства как раз и превращают властное регулирование в правовое регулирование. [3] Гражданство является юридической предпосылкой осуществления ряда политических прав: права избирать и быть избранным, права участвовать в референдуме, права равного доступа к государственной службе, права на участие в управлении делами государства. Вместе с тем гражданство не подменяет собой правосубъектность человека как такового. Конституционный строй России исходит из признания прав и свобод человека высшей ценностью; гражданство лишь институционализирует особую политико-правовую связь лица с Российской Федерацией и создает дополнительные публично-правовые гарантии. [4] Именно поэтому принципы гражданства имеют двойную природу. С одной стороны, они принадлежат институту основ правового положения личности; с другой - они относятся к основам государственного устройства, поскольку определяют персональный состав народа как носителя суверенитета и единственного источника власти. Через гражданство юридически оформляется связь между человеком, народом и государством, а потому любые дефекты в регулировании гражданства неминуемо отражаются на реализации конституционной демократии. [5]

Первым и наиболее очевидным принципом является принцип единого гражданства Российской Федерации. Его конституционная основа состоит в том, что гражданство Российской Федерации является единым и относится к предметам ведения Российской Федерации. Следовательно, правила приобретения, прекращения, установления наличия или отсутствия гражданства не могут различаться по субъектам Федерации и не могут устанавливаться региональным законодательством. [1, ст. 6, ч. 1; ст. 71, п. «в»; ст. 76, ч. 1]

Содержание принципа единого гражданства раскрывается в нескольких аспектах. Во-первых, гражданин Российской Федерации является гражданином всей Федерации, а не отдельной территории. Его правовая связь возникает с государством в целом, а не с республикой, краем, областью, городом федерального значения, автономной областью или автономным округом. Во-вторых, перемещение гражданина внутри страны не влечет изменения гражданства и не может ставить его конституционные права в зависимость от региональной принадлежности. В-третьих, субъекты Федерации не вправе вводить собственные условия признания лица «своим» гражданином в публично-правовом смысле.

Принцип единого гражданства имеет особое значение для федеративного государства. Федерализм предполагает территориальное разграничение публичной власти, но не множественность гражданств внутри одного государства. Если бы субъект Федерации мог устанавливать самостоятельное гражданство, это создало бы предпосылки для правовой фрагментации: различного объема политических прав, различных обязанностей и конкурирующих режимов публичной принадлежности. Конституционная модель России такой фрагментации не допускает. [6] Федеральный закон воспроизводит этот принцип: гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения. [2, ст. 5, ч. 1] При этом единство гражданства не означает унификации всех жизненных ситуаций, связанных с приобретением гражданства. Закон может предусматривать различные процедуры - по рождению, в результате

приема, признания, оптации, переходных механизмов, - но конечный правовой результат не должен создавать «категории» граждан с разным конституционным достоинством статуса.

Принцип равного гражданства запрещает деление граждан на «первичных» и «производных», «полных» и «неполных», «коренных» и «натурализованных» в аспекте объема конституционных прав и обязанностей. Гражданин, приобретший гражданство по рождению, и гражданин, принятый в гражданство в установленном порядке, обладают одним и тем же гражданством Российской Федерации. Основание приобретения может иметь значение для проверки законности процедуры, но не должно становиться основанием для постоянной правовой стигматизации.

Конституционный Суд Российской Федерации еще в Постановлении от 16 мая 1996 г. N 12-П подчеркнул, что лица, состоявшие в российском гражданстве по рождению, не могут считаться утратившими его без собственного свободного волеизъявления. Эта позиция важна не только для переходного периода после распада СССР. Она выявляет общий смысл принципа равного гражданства: государственная регистрация, оформление документов и учетные процедуры не могут иметь более высокую юридическую силу, чем сама конституционная гарантия гражданства. [3]

Равное гражданство тесно связано с общим принципом равноправия. Статья 6 Конституции говорит о равенстве гражданства независимо от оснований приобретения, а статья 19 устанавливает равенство всех перед законом и судом. В совокупности эти нормы исключают конструирование таких правовых режимов, при которых граждане различались бы по объему прав только потому, что один из них стал гражданином по рождению, а другой - в результате приема в гражданство. [1, ст. 6, ч. 2; ст. 19] В то же время равенство гражданства не исключает конституционно допустимых ограничений, связанных с особыми требованиями к отдельным публичным должностям, доступом к сведениям, составляющим государственную тайну, или наличием иного гражданства. [7] Но такие ограничения должны иметь самостоятельное конституционно значимое основание и не могут прикрываться общей ссылкой на «неполноценность» способа приобретения гражданства. Иными словами, различение процедур приобретения допустимо; различение достоинства гражданского статуса - нет.

Специальный закон усиливает эту логику запретом дискриминационных положений в законодательстве о гражданстве по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. [2, ст. 5, ч. 5] В учебном смысле важно видеть: это не повторение общего принципа равноправия, а его институциональная конкретизация применительно к гражданству. Государство вправе регулировать миграцию и натурализацию, но не вправе превращать гражданство в инструмент правовой сегрегации.

Ключевой гарантией гражданина является запрет лишения гражданства или права изменить его. Эта формула имеет два самостоятельных измерения. Первое - отрицательное: государство не вправе произвольно исключить гражданина из состава своего гражданства. Второе - позитивное: гражданин не может быть насильственно «прикреплен» к гражданству вопреки праву изменить его в установленном законом порядке. Тем самым Конституция одновременно защищает устойчивость правовой связи и свободу личного статуса. [1, ст. 5, ч. 2]

Российская конституционная формула корреспондирует международному стандарту, закрепленному во Всеобщей декларации прав человека: каждый человек имеет право на гражданство, и никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство. [8, ст. 15] Однако Конституция России выражает этот стандарт более жестко в отношении собственного гражданина: запрет лишения гражданства является прямой конституционной гарантией, а не только общегуманитарным ориентиром.

В современном праве гражданства особую сложность вызывает разграничение между «лишением гражданства» и «прекращением гражданства» по предусмотренным законом основаниям. Федеральный закон 2023 г. содержит основания прекращения гражданства, в том числе связанные с сообщением заведомо ложных сведений, представлением поддельных документов, совершением преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности. [2, ст. 22, 24-26] Такая конструкция допустима лишь при конституционно сдерживающем толковании: прекращение гражданства не должно превращаться в скрытое лишение гражданства, если гражданин уже длительное время признавался государством гражданином и не совершал действий, которые закон прямо связывает с утратой соответствующего статуса.

Показательно Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2025 г. N 18-П. Суд сформулировал принципиальную позицию: конституционные гарантии устойчивости гражданства имеют прямое действие, но требуют надлежащей законодательной конкретизации; при этом регулирование оснований, условий и порядка приобретения и прекращения гражданства, установления его наличия или отсутствия должно соответствовать требованиям ограничения прав и не может нарушать конститу-

ционный запрет на лишение гражданства. [9] Из этой позиции следует важный учебный вывод: устойчивость гражданства защищает не только от формального указа о лишении гражданства, но и от административного пересмотра гражданского состояния, если такой пересмотр разрушает длительно существующую и государством признаваемую правовую связь. Иначе паспорт, консульский учет, регистрация и иные акты государства превратились бы в юридически ненадежные факты, а гражданин нес бы риск ошибок публичной администрации. [7]

Следовательно, запрет лишения гражданства должен толковаться функционально. Важно не только название меры, но и ее правовой результат. Если лицо фактически исключается из состава граждан без добровольного волеизъявления и без конституционно допустимого основания, речь идет о посягательстве на устойчивость гражданства независимо от того, именуется ли мера лишением, отменой, установлением отсутствия гражданства или прекращением гражданства.

Право изменить гражданство является оборотной стороной устойчивости гражданства. Конституция запрещает государству лишать гражданина права изменить гражданство. Это означает, что принадлежность к Российскому государству не может быть бессрочной обязанностью, не допускающей выхода. Вместе с тем свобода изменения гражданства реализуется не произвольно, а в порядке, определенном федеральным законом, поскольку выход из гражданства затрагивает не только интересы лица, но и публичные интересы: исполнение обязательств перед государством, воинскую обязанность, налоговые и иные публично-правовые отношения. [6]

В учебной литературе этот принцип иногда воспринимается как менее значимый, чем запрет лишения гражданства. Такое восприятие ошибочно. Право изменить гражданство выражает автономию личности в сфере публичной принадлежности. Оно препятствует превращению гражданства в форму принудительной политико-правовой зависимости и сближает институт гражданства с современным пониманием достоинства личности.

При этом свобода выхода из гражданства не равна праву на немедленное прекращение всех публичных обязанностей. Федеральный законодатель вправе устанавливать процедуру выхода, проверку обстоятельств и основания отказа, если такие ограничения соразмерны и не уничтожают само право изменить гражданство. Конституционно недопустима была бы модель, при которой выход из гражданства становится практически невозможным или ставится в зависимость от произвольного усмотрения органа власти.

Статья 6 Конституции указывает, что гражданство приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом. Эта формула закрепляет принцип законности в наиболее строгом варианте: вопросы гражданства не могут регулироваться подзаконным актом как самостоятельным источником оснований приобретения или прекращения гражданства. Указы Президента, административные регламенты, ведомственные формы и инструкции допустимы лишь как средства процедурной реализации закона, но не как замена федерального законодательного регулирования. [10]

Принцип правовой определенности особенно важен в ситуациях смены законодательства. Гражданство - длящийся статус; оно не исчерпывается одномоментным актом приобретения. Поэтому государство должно учитывать, по какому закону возникла правовая связь, какие документы выдавались, как долго лицо признавалось гражданином и не были ли ошибки государства причиной неопределенности. В таких условиях формальная ссылка на отсутствие записи в архиве не может автоматически разрушать статус гражданина. [9, п. 3, 5-6 мотивировочной части]

Федеральный закон 2023 г. предусматривает специальные решения по вопросам гражданства, включая установление факта наличия или отсутствия гражданства, прием в гражданство, признание гражданином, прекращение гражданства и отклонение заявления. [2, ст. 37, 40] Но процедура установления факта отсутствия гражданства должна применяться как инструмент правовой определенности, а не как механизм ретроспективного наказания за административные пробелы. В противном случае формальная проверка способна подменить конституционную гарантию устойчивости гражданства.

Именно здесь проявляется значение судебного контроля. Решения по вопросам гражданства и действия органов, ведающих делами о гражданстве, подлежат обжалованию. Право на судебную защиту в этой сфере не является второстепенной процедурной опцией: оно обеспечивает проверку того, не нарушены ли принципы равенства, устойчивости, законности и недопустимости произвольного лишения гражданства. [1, ст. 45, 46; 2, ст. 38]

Часть 2 статьи 6 Конституции устанавливает, что каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией. В этой норме соеди-

нены два начала: полнота правового статуса гражданина и равенство публичных обязанностей. Гражданство не только открывает доступ к политическим правам, но и помещает лицо в систему конституционных обязанностей: соблюдать Конституцию и законы, платить законно установленные налоги и сборы, сохранять природу и окружающую среду, защищать Отечество и др. Фраза «на ее территории» не означает, что за пределами Российской Федерации гражданин утрачивает гражданство или полностью выводится из-под действия российского права. Она указывает прежде всего на пространственную полноту действия конституционных прав и обязанностей внутри страны. На территории Российской Федерации государство не вправе рассматривать собственного гражданина как иностранца или лицо с уменьшенным объемом прав только потому, что он проживал за границей, имеет иное гражданство или приобрел российское гражданство не по рождению. Непосредственная связь этого принципа с равенством обязанностей имеет практическое значение. Гражданство не является только совокупностью преимуществ. Оно предполагает участие гражданина в поддержании публичного порядка. Однако равенство обязанностей также ограничивает государство: нельзя произвольно усиливать обязанности для отдельных категорий граждан по признаку происхождения, способа приобретения гражданства или социально-демографических характеристик, если такое различие не имеет конституционно значимой цели и соразмерного правового основания.

Специальным выражением устойчивости гражданства является запрет высылки гражданина Российской Федерации за пределы страны и запрет его выдачи иностранному государству. Конституционная основа этого принципа закреплена в статье 61, а специальный закон о гражданстве воспроизводит его в числе основных принципов гражданства. [1, ст. 61, ч. 1; 2, ст. 5, ч. 4] Для гражданина территория государства является не просто местом возможного пребывания, а пространством гарантированной правовой принадлежности. Невысылка гражданина связана с правом свободно возвращаться в Российскую Федерацию. Конституция прямо закрепляет право гражданина Российской Федерации беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию. [1, ст. 27, ч. 2] Смысл этой гарантии очевиден: государство не может разрывать связь с гражданином путем физического удаления его за границу или отказа во въезде. Даже проживание за рубежом не превращает гражданина в лицо, правовая связь которого с Российской Федерацией ослаблена настолько, что государство может отказаться от его принятия.

Запрет выдачи гражданина иностранному государству не означает освобождения от ответственности. Он означает, что уголовное преследование и исполнение наказания должны осуществляться с учетом юрисдикции Российской Федерации и международных обязательств. В отдельных случаях возможна передача осужденного для отбывания наказания в иностранном государстве при наличии международного договора и добровольного согласия, но такая передача не тождественна выдаче и не разрушает конституционный принцип невыдачи. Федеральный закон прямо закрепляет: проживание гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации не прекращает его гражданства. [2, ст. 5, ч. 3] Эта норма является логическим продолжением конституционного запрета лишения гражданства и права гражданина возвращаться в Российскую Федерацию. Для современного мира, где трудовая, семейная, образовательная и профессиональная мобильность стали массовыми, данный принцип имеет не только юридическое, но и социальное значение. Сохранение гражданства при проживании за рубежом препятствует возникновению «диаспоральной уязвимости», когда гражданин, длительно живущий вне страны, оказывается зависим от усмотрения консульских или миграционных органов. Государство может требовать соблюдения процедур документирования, консульского учета, уведомления о наличии иного гражданства или вида на жительство, но такие обязанности не должны превращаться в основание автоматической утраты российского гражданства.

Наиболее сложные споры возникают в отношении лиц, чья связь с Российской Федерацией формировалась в переходный период распада СССР. Конституционный Суд в 2025 г. указал, что при проверке наличия или отсутствия гражданства необходимо учитывать конкретно-историческую обстановку, длительность признания лица российским гражданином и невозможность возложения на него чрезмерного бремени доказывания законности приобретения гражданства, если государство само длительное время документировало его как гражданина. [9]

Конституция допускает наличие у гражданина России гражданства иностранного государства, если это предусмотрено федеральным законом или международным договором. При этом наличие иностранного гражданства не умаляет прав и свобод российского гражданина и не освобождает его от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации. [1, ст. 10]

Действующий закон развивает этот подход: гражданин Российской Федерации, имеющий двойное или множественное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации вне зависимости от места проживания, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором; приобретение гражданином Российской Федерации иностранного гражданства не прекращает российского гражданства. [1, ст. 10] Данная конструкция выражает суверенный подход государства к собственному гражданину. Российская Федерация не отрицает фактического наличия у лица иной правовой связи, но для целей российского публичного права сохраняет приоритет российской гражданской принадлежности. Поэтому множественное гражданство не является основанием для высылки или выдачи гражданина, хотя федеральный закон может вводить специальные ограничения для лиц, имеющих иностранное гражданство или право постоянного проживания за рубежом, например в связи с замещением публичных должностей.

Важно различать двойное гражданство и множественное гражданство как фактическое состояние. Двойное гражданство в строгом смысле предполагает международно-правовую согласованность статуса, тогда как множественное гражданство может существовать без специального договора. Но в обоих случаях конституционный принцип один: наличие иной принадлежности само по себе не прекращает российского гражданства и не отменяет взаимных прав и обязанностей гражданина и Российской Федерации. Гражданство порождает не только обязанности гражданина перед государством, но и обязанности государства перед гражданином. Федеральный закон закрепляет предоставление гражданам Российской Федерации, находящимся за пределами страны, защиты и покровительства Российской Федерации. Органы государственной власти, дипломатические представительства и консульские учреждения обязаны содействовать тому, чтобы граждане могли пользоваться правами и защищать свои законные интересы в соответствии с Конституцией, федеральными законами, международным правом и правом государства пребывания. [2, ст. 6] Защита за рубежом не означает, что Российская Федерация может произвольно игнорировать суверенитет государства пребывания. Ее содержание состоит в дипломатическом и консульском содействии, документировании, помощи при чрезвычайных обстоятельствах, защите нарушенных прав в допустимых международно-правовых формах. Именно поэтому данный принцип имеет балансирующий характер: он соединяет персональную связь гражданина с государством и уважение территориальной юрисдикции иностранного государства.

Практическое значение принципа защиты и покровительства возрастает в условиях международной мобильности, санкционных ограничений, вооруженных конфликтов, массовых чрезвычайных ситуаций и цифровизации консульских процедур. В таких обстоятельствах гражданство выполняет функцию юридического канала связи между лицом и государством даже тогда, когда гражданин физически находится вне территории России. Конституция прямо не формулирует отдельный принцип предупреждения безгражданства, однако он вытекает из общего смысла статей 2, 6, 17, 18 и 55 Конституции, а также конкретизируется федеральным законом. Закон устанавливает, что Российская Федерация поощряет приобретение гражданства лицами без гражданства, проживающими в Российской Федерации. [2] Это положение имеет гуманитарное и интеграционное значение: безгражданство создает повышенные риски правовой невидимости, социальной исключенности и невозможности полноценного участия в публичной жизни. Российское законодательство содержит специальные гарантии гражданства ребенка и недееспособного лица. Так, гражданство ребенка следует гражданству родителей или единственного родителя, а прекращение гражданства ребенка не допускается, если в результате он станет лицом без гражданства. Кроме того, закон регулирует приобретение гражданства по рождению и переходные положения для лиц без гражданства, имевших гражданство СССР. [2, ст. 8, 13, 43]

Принципы гражданства не могут быть эффективными без процедурных гарантий. В сфере гражданства процедура имеет материально-правовое значение: именно через заявление, проверку документов, установление фактов, вынесение мотивированного решения и судебное обжалование реализуется конституционная гарантия статуса. Поэтому формально правильная процедура, игнорирующая конституционный смысл гражданства, является недостаточной; но и материально справедливый результат не должен достигаться вне закона. [11] К числу процессуальных гарантий относятся: федеральный уровень регулирования; письменная форма решений; установленные сроки рассмотрения заявлений; разграничение полномочий органов, ведающих делами о гражданстве; возможность обжалования решений, действий и бездействия; судебная проверка фактических и правовых оснований; запрет возложения на заявителя чрезмерного бремени доказывания при наличии длительного признания его гражданином государством. [1, ст. 38; 9, п. 3, 5-6 мотивировочной части]

Особое значение имеет мотивированность решений. Решение о прекращении гражданства или об установлении отсутствия гражданства не может быть административным шаблоном. Оно должно показывать, какие юридические факты установлены, какие нормы применены, почему доказательства признаны достаточными, как учтены конституционные гарантии устойчивости и равенства гражданства. Иначе судебный контроль становится формальным, а гражданин фактически лишается эффективного средства защиты. [12] Перспективное развитие института гражданства связано с цифровизацией административных процедур. Электронные реестры, межведомственный обмен данными, цифровое документирование и онлайн-сервисы способны повысить правовую определенность, но одновременно создают риск автоматизированного воспроизводства ошибок. Поэтому цифровизация должна обслуживать принцип устойчивости гражданства, а не подменять его: отсутствие записи в базе данных не должно автоматически опровергать гражданство при наличии иных юридически значимых фактов.

Принципы гражданства в Конституции России целесообразно представить как многоуровневую систему. На первом уровне находятся собственно конституционные принципы статьи 6: законность приобретения и прекращения гражданства, единство гражданства, равенство гражданства, полнота прав и равенство обязанностей гражданина, запрет лишения гражданства и права изменить его. На втором уровне располагаются принципы, прямо связанные с иными статьями Конституции: правовая определенность, равноправие, невысылка и невыдача, свобода возвращения, судебная защита, соразмерность ограничений. На третьем уровне находятся специальные законодательные принципы: сохранение гражданства при проживании за рубежом, защита и покровительство за пределами страны, регулирование множественного гражданства, предупреждение безгражданства (*см. Таблицу 1*).

Таблица 1. Конституционно-правовая карта принципов гражданства

Принцип	Конституционная основа	Законодательная конкретизация	Основное значение
Единство гражданства	ст. 6; ст. 71 п. «в»	ст. 5 Закона N 138-ФЗ	единый федеральный статус, недопустимость регионального гражданства
Равенство гражданства	ст. 6; ст. 19	ст. 5 Закона N 138-ФЗ	равный объем гражданского статуса независимо от основания приобретения
Устойчивость гражданства	ст. 6 ч. 3	ст. 5, 22-26 Закона N 138-ФЗ	запрет произвольного исключения лица из состава граждан
Свобода изменения гражданства	ст. 6 ч. 3	гл. 4 Закона N 138-ФЗ	право выхода из гражданства при соблюдении федеральной процедуры
Невысылка и невыдача	ст. 61	ст. 5, 10 Закона N 138-ФЗ	территориальная защищенность гражданина и запрет выдачи иностранному государству
Сохранение связи за рубежом	ст. 27; ст. 61	ст. 5, 6, 10 Закона N 138-ФЗ	непрекращение гражданства при проживании за пределами РФ
Предупреждение безгражданства	ст. 2; ст. 6; ст. 17	ст. 5, 8, 13, 43 Закона N 138-ФЗ	гуманитарная защита правового статуса лица, особенно ребенка

Эта таблица показывает, что принципы гражданства образуют не линейный список, а систему взаимных ограничителей. Единство гражданства предотвращает федеративную фрагментацию; равенство гражданства препятствует иерархии граждан; устойчивость защищает от произвольного исключения; свобода изменения гражданства охраняет автономию личности; судебная защита и правовая определенность обеспечивают практическую реализуемость всех указанных начал. [13] Современное значение принципов гражданства выходит за пределы классической темы «принадлежности к государству». Они становятся инструментом

защиты личности в условиях миграционной мобильности, трансграничных семейных связей, множественного гражданства, цифровой идентификации, международных конфликтов и усиления требований безопасности. Чем сложнее становится социальная реальность, тем более значимой является конституционная устойчивость статуса гражданина. [14]

Вместе с тем, именно в сфере гражданства особенно заметно напряжение между правами личности и публичной безопасностью. Государство объективно заинтересовано в предотвращении фиктивной натурализации, использования подложных документов, угроз национальной безопасности и злоупотреблений миграционными процедурами. Но это не отменяет базовый конституционный предел: меры защиты государства должны быть юридически определенными, соразмерными, индивидуализированными и проверяемыми судом. [12] Наиболее убедительная конституционно-правовая модель состоит в следующем: чем сильнее вмешательство государства в статус гражданина, тем выше должны быть требования к доказанности, мотивированности и судебной проверяемости решения. Прекращение гражданства, установление его отсутствия или отказ в признании гражданства не могут рассматриваться как обычные административные акты. Это решения, затрагивающие ядро правового статуса личности и потому требующие повышенного стандарта конституционной добросовестности. [15]

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 08.06.2026).

[2] Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. N 138-ФЗ (ред. от 25 мая 2026 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 28.04.2023. N 0001202304280013.

[3] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. 864 с.

[4] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 704 с.

[5] Кутафин О.Е. Российское гражданство. М.: Юристъ, 2003. 589 с.

[6] Булаков О.Н. Конституционно-правовые основы институтов гражданского общества в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // Конституционное право. 2026. № 1. С. 14-20.

[7] Грудцына Л.Ю. Исторические школы российского конституционализма: советский этап // Теория государства и права. 2026. № 1. С. 9-19.

[8] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 08.06.2026).

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2025 г. N 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона “О гражданстве Российской Федерации”, части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Карпунина». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504279/ (дата обращения: 08.06.2026).

[10] Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. N 889 (ред. от 1 июня 2026 г.) «Вопросы гражданства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 22.11.2023. N 0001202311220030.

[11] Лобызенкова В.А. Теоретико-методологические основы социологической юриспруденции // Теория государства и права. 2026. № 1. С. 23-28.

[12] Даниленко Е.А. Типология методов и их роль в научном познании // Теория государства и права. 2026. № 1. С. 20-22.

[13] Чиркин В.Е. Конституционное право России: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 304 с.

[14] Каллагов Т.Э. Правовые основы статуса Президента Российской Федерации // Московский научный вестник. 2026. № 1. С. 9-14.

[15] Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы деятельности адвоката в электронном судопроизводстве в странах ЕС (на примере Испании и Италии) // Конституционное право. 2026. № 1. С. 44-51.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (date of access: 06/08/2026).

[2] Federal Law of April 28, 2023 N 138-FZ (as amended on May 25, 2026) “On Citizenship of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. April 28, 2023. N 0001202304280013.

[3] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 Volumes. Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. Vol. 1. 864 p.

[4] Baglai M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. 704 p.

[5] Kutafin O.E. Russian Citizenship. Moscow: Yurist, 2003. 589 p.

[6] Bulakov O.N. Constitutional and Legal Foundations of Civil Society Institutions in Russia and China: A Comparative Legal Analysis // Constitutional Law. 2026. No. 1. pp. 14-20.

[7] Grudtsyna L.Yu. Historical Schools of Russian Constitutionalism: The Soviet Stage // Theory of State and Law. 2026. No. 1. pp. 9-19.

[8] Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (date accessed: 08.06.2026).

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29 April 2025 No. 18-P "On the case of verifying the constitutionality of clause 3 of part 1 of article 4 of the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation", part 2 of article 64 and part 1 of article 328 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.S. Karpunin." // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504279/ (date accessed: 06/08/2026).

[10] Decree of the President of the Russian Federation of November 22, 2023 N 889 (as amended on June 1, 2026) "Issues of Citizenship of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. November 22, 2023. N 0001202311220030.

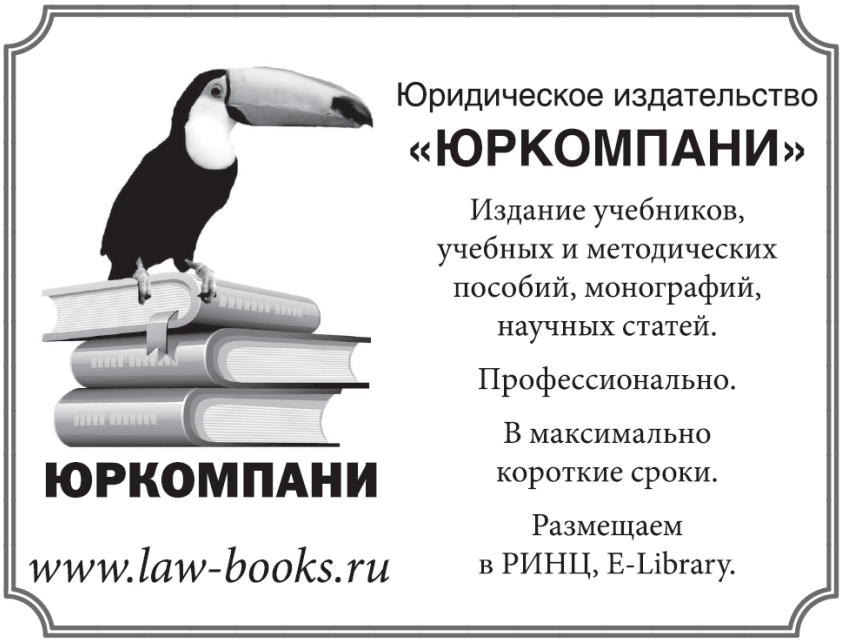
[11] Lobyzenkova V.A. Theoretical and Methodological Foundations of Sociological Jurisprudence // Theory of State and Law. 2026. No. 1. pp. 23-28.

[12] Danilenko E.A. Typology of Methods and Their Role in Scientific Knowledge // Theory of State and Law. 2026. No. 1. Pp. 20-22.

[13] Chirkin V.E. Constitutional Law of Russia: Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M, 2019. 304 p.

[14] Kallagov T.E. Legal Foundations of the Status of the President of the Russian Federation // Moscow Scientific Bulletin. 2026. No. 1. Pp. 9-14.

[15] Grudtsyna L.Yu. Constitutional and Legal Foundations of a Lawyer's Activities in Electronic Legal Proceedings in the EU Countries (using Spain and Italy as an Example) // Constitutional Law. 2026. No. 1. Pp. 44-51.

- ПРАВО И ЭКОНОМИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-152-154

ГУСЕЙНОВА Лариса Вагидовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: Lara.123321@yandex.ru

АБДУЛГАЛИМОВ Курбан Мурадович,
Аспирант второго года обучения
Кафедры гражданского права
Дагестанского государственного университета,
e-mail: k_abdulgalimov98@mail.ru

ИСКУССТВЕННОЕ ДРОБЛЕНИЕ ЗАКУПКИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В ОБХОД КОНКУРЕНТНЫХ ПРОЦЕДУР

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме заключения контрактов для государственных и муниципальных нужд с нарушением требований Федерального закона № 44-ФЗ. В статье рассматривается проблема разграничения противоправного поведения заказчиков от обоснованного при осуществлении закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) на основании п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе.*

Актуальность темы обусловлена высокой социально-экономической и правовой значимостью темы, поскольку данное нарушение прямо ведет к неэффективному и нецелевому расходованию бюджетных средств, снижению качества закупаемых товаров и услуг, а также создает условия для коррупционных злоупотреблений, что требует постоянного совершенствования законодательства, разработки новых контрольных механизмов и аналитических методов для выявления и пресечения таких схем в рамках контрактной системы.

Ключевые слова: *государственные закупки, дробление закупки, конкурентные процедуры, обход закона, Федеральный закон № 44-ФЗ.*

GUSEYNOVA Larisa Vagidovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law of the Law Institute of the Dagestan State University

ABDULGALIMOV Kurban Muradovich,
Second-year postgraduate student
of the Department of Civil Law of Dagestan State University

ARTIFICIAL FRAGMENTATION OF PROCUREMENT FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS, BYPASSING COMPETITIVE PROCEDURES

Annotation. *The article is devoted to the actual problem of concluding contracts for state and municipal needs in violation of the requirements of Federal Law No. 44-FZ. The article discusses the problem of distinguishing between the illegal behavior of customers and the justified behavior when purchasing from a single supplier (contractor, executor) based on Part 4 of Article 93 of the Law on the Contract System.*

The relevance of the topic is due to its high socio-economic and legal significance, as this violation directly leads to inefficient and misdirected use of budget funds, a decrease in the quality of purchased goods and services, and creates conditions for corruption, which requires constant improvement of legislation, development of new control mechanisms, and analytical methods to identify and prevent such schemes within the contract system.

Key words: *public procurement, procurement fragmentation, competitive procedures, circumvention of the law, Federal Law No. 44-FZ.*

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» был введен в действие в 2014 году, однако его правоприменение по-прежнему вызывает ряд вопросов и проблем. Изначально этот закон призван защищать интересы заказчиков государственной и муниципальной сферы, а также участников закупочного процесса, обеспечивая честную конкуренцию на рынке.

Актуальным остается вопрос о разграничении правомерных и неправомерных действий заказчиков при выборе единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) на основании пункта 4 части 1 статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), так как само понятие «дробление закупки» в законодательстве четко не определено[4].

Возможность заключения прямых договоров предусмотрена пунктом 4 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон о контрактной системе).

Однако, как показывает практика, заказчики не всегда честно используют это право, что в профессиональной среде получило название «дробление закупок».

На основе определений таких действий, данных в правоприменительной практике, под дроблением закупки следует понимать намеренное разделение крупного заказа с единым предметом на несколько более мелких с целью избежания обязательных конкурентных процедур, предусмотренных законом.

Проблема дробления закупок не нова для юридической науки. Ранее исследователи уже анализировали случаи заключения нескольких государственных (муниципальных) контрактов с целью уклонения от проведения конкурентных закупок [2].

Данная тема вновь привлекла научное внимание в связи с вступлением в силу с 1 января 2026 года новых положений, которые фактически допускают определенные формы дробления закупок.

Так, статья 93 Закона о контрактной системе дополнена частью 15, которая позволяет заказчику заключать несколько контрактов на поставку однородных или идентичных товаров, работ и (или) услуг в пределах установленных лимитов годового объема закупок и цены контракта, согласно пунктам 4, 5 и 28 части 1, части 12 статьи 93. Это, безусловно, порождает вопросы о законности такого рода дробления.

Заключение договоров в обход конкурентных процедур фактически лишает любого потенциального поставщика (подрядчика, исполнителя) возможности участвовать в закупке. Важно отметить, что право на ведение предпринимательской деятельности является конституционным, и ограничения конкуренции могут рассматриваться как нарушение этого права.

В условиях правовой неопределенности относительно понятия дробления закупки (отсутствие законодательного определения) возрастает роль судебной практики как источника толкования норм права.

Мы полностью разделяем мнение специалистов в области конкурентного права: «правовая позиция высших судебных инстанций имеет важное значение для единообразного применения норм права как нижестоящими судами, так и органами власти и хозяйствующими субъектами. В связи с этим… необходимо обратить внимание на материалы судебной практики, в том числе практику Конституционного Суда РФ» [1].

Как правило, контролирующие органы делают вывод о дроблении закупки, если договоры были заключены в один день или в сжатые сроки, преследовали единую хозяйственную цель, имели одного и того же бенефициара с единым интересом, а предметом выступала поставка идентичного товара, выполнение одинаковых работ или услуг.

Это свидетельствует о том, что договоры, по сути, образуют единую сделку, искусственно разделенную на несколько самостоятельных договоров, общая сумма которых превышает допустимый лимит для закупки у единственного поставщика.

Однако существует и судебная практика, признающая факт дробления закупки при заключении договоров в течение длительного периода. Например, арбитражный суд рассмотрел ситуацию, когда поставщик и заказчик заключали договоры на поставку продуктов питания на протяжении шести месяцев (от 27 мая 2016 г. № 6, от 30 августа 2016 г. № 7, от 28 сентября 2016 г. № 8, от 25 октября 2016 г. № 9, от 25 ноября 2016 г. № 10) [3].

Суд признал, что договоры составляют единую сделку, а поставка товара по ним осуществлена в обход Закона о контрактной системе. Одним из оснований для такого решения послу-

жило следующее: «Из материалов дела следует, что спорные договоры заключены в хронологической последовательности (каждый договор подписывался сторонами непосредственно после осуществления поставки товара по предыдущему договору) на поставку однородных товаров».

Следовательно, последовательное заключение заказчиком договоров поставки с одним предметом и одним и тем же поставщиком на основании пункта 4 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе, когда общая стоимость этих договоров превышает сто тысяч рублей, может быть истолковано как нарушение законодательства о контрактной системе.

Для решения данной проблемы разработка четких критериев добросовестности действий заказчика представляется затруднительной. Тем не менее, в каждом конкретном случае следует анализировать поведение заказчика с точки зрения конечного результата: было ли такое дробление обусловлено необходимостью или стремлением избежать конкурентной процедуры. В первом случае доказательством добросовестности может служить приобретение товаров (работ, услуг), объем которых на момент заключения первого договора был достаточным, но впоследствии возникла потребность в его увеличении (например, более чем на 10% от первоначальной стоимости контракта), что потребовало заключения второго договора. Во втором случае доказательством недобросовестного поведения заказчика может быть заключение более двух контрактов в течение одного календарного года с одним поставщиком или несколькими связанными между собой поставщиками на приобретение идентичных товаров (работ, услуг).

Таким образом, при осуществлении закупочной деятельности заказчики должны в первую очередь отдавать предпочтение конкурентным способам закупок для выявления наиболее выгодного поставщика (подрядчика, исполнителя), и лишь в исключительных случаях разрешается заключать прямые контракты на поставку идентичных товаров (работ, услуг).

Список литературы:

[1] Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018. 632 с.

[2] Рукавишников С. М. О дроблении закупки // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования : сб. науч. тр. междунар. науч. конф. (27 нояб. 2018 г.). Курск, 2018. С. 197–199.

[3] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по делу № А18-546/2017 от 3 апр. 2018 г.

[4] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Competitive law: textbook/under the general. ed. M. A. Egorova, A. Yu. Kineva. M.: Justicinform, 2018. 632 p.

[2] Rukavishnikov S. M. On the split of procurement//State and law: problems and prospects for improvement: Sat. scientific. tr. international scientific conf. (Nov. 27 2018). Kursk, 2018. S. 197-199.

[3] Decision of the Arbitration Court of the North Caucasus District in case No. A18-546/2017 of April 3, 2018

[4] Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (ed. 28.12.2025) “ On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs” (amended and supplemented, entry by virtue of 01.01.2026) //SPS “ConsultantPlus.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-155-158
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ФЕДОТОВ Артём Сергеевич,
студент Института безопасности жизнедеятельности,
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Государственной
противопожарной службы МЧС России» имени Героя
Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: artemfed27@gmail.com

Научный руководитель:
МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
доцент кафедры административного права и процесса, к.ю.н.,
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Государственной
противопожарной службы МЧС России» имени Героя
Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИКЕ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию процесса трансформации классического института права собственности в условиях перехода от общества потребления к модели экономики совместного потребления (sharing economy). В статье анализируется наметившаяся тенденция приоритета временного пользования объектом над его приобретением в собственность, что продиктовано как развитием цифровых технологий, так и необходимостью решения глобальных экологических проблем. На основе анализа источников рассматривается размывание традиционной «триады» полномочий собственника и переход к концепции «пучка правомочий» (bundles of rights), особенно актуальной для нематериальных объектов, таких как данные и цифровые активы. Автор исследует специфику новых договорных моделей, в частности правовую природу договора каршеринга, квалифицируемого как краткосрочная аренда транспортного средства без экипажа, и роль цифровых платформ (маркетплейсов) в качестве посредников и гарантов доверия между участниками. Внимание уделено внедрению в законодательство понятия цифровых прав и перспективам использования технологий распределенных реестров для фиксации принадлежности имущества. В заключении обосновывается необходимость сочетания частноправовых механизмов с публично-правовым регулированием для обеспечения справедливого доступа к ресурсам и защиты интересов личности в цифровой среде.*

Ключевые слова*: экономика совместного потребления, право собственности, цифровизация, каршеринг, цифровое право.*

FEDOTOV Artem Sergeevich,
student, Institute of Life Safety Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency
Situations of Russia” named after Hero
of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev

Scientific supervisor:
MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure,
Candidate of Juridical Sciences Saint Petersburg University of the Ministry
of Emergency Situations of Russia named after Hero
of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev

THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF PROPERTY RIGHTS IN THE SHARING ECONOMY

Annotation. *This article examines the process of transforming the traditional institution of property rights amidst the transition from a consumer society to a sharing economy model. The article analyzes the emerging trend of prioritizing temporary use of an object over its outright ownership—a shift driven both by the advancement of digital technologies and by the imperative to address global environmental challenges. Drawing upon an analysis of relevant sources, the study explores the erosion of the traditional "triad" of ownership powers and the transition toward the "bundle of rights" concept—a framework particularly pertinent to intangible assets, such as data and digital assets. The author investigates the specific characteristics of new contractual models—specifically, the legal nature of car-sharing agreements (classified as short-term, bareboat vehicle leases)—as well as the pivotal role played by digital platforms (marketplaces) in acting as intermediaries and guarantors of trust among participants. Particular attention is devoted to the legislative incorporation of the concept of "digital rights" and to the prospects for utilizing distributed ledger technologies to record and verify property ownership. In conclusion, the article argues for the necessity of integrating private-law mechanisms with public-law regulation to ensure equitable access to resources and to safeguard individual interests within the digital environment.*

Key words. *sharing economy, property rights, digitalization, car sharing, digital law.*

Современный мир меняется на наших глазах, и цифровые технологии окончательно перекроили привычные социальные институты. Мне кажется, мы стали свидетелями глобального культурного сдвига: на смену классическому стремлению «обладать» приходит идея совместного использования ресурсов, известная как sharing economy (экономика совместного потребления). Этот переход продиктован не только технологическим прогрессом, но и осознанием экологических проблем, а также ограниченности ресурсов планеты. В чисто экономическом плане этот процесс подогревается снижением доходов населения, что заставляет людей искать более рациональные способы потребления. Суть этой идеи проста: для современного человека зачастую гораздо удобнее и дешевле получить временный доступ к вещи, чем нести все расходы по её приобретению и содержанию.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что классическая модель права собственности, веками строившаяся на принципах абсолютности и исключительного господства владельца над вещью, в цифровой среде сильно меняется. Мы видим, как владение вещью перестает быть принципиально важным, если доступ к аналогичному благу можно получить мгновенно через приложение. Степень научной разработанности проблемы характеризуется активными дискуссиями о «расщеплении» традиционной триады полномочий собственника и переходе к концепции «пучка правомочий» (bundles of rights), однако единого подхода к регулированию этих отношений в российском праве пока нет.

Целью данной работы является комплексный анализ процесса трансформации института права собственности под влиянием экономики совместного потребления и обоснование необходимости новых правовых подходов к его регулированию. Поставленные задачи: рассмотреть специфику различных моделей шеринга, проанализировать изменения в содержании правомочий собственника и оценить роль цифровых платформ как новых гарантов доверия. В качестве методов исследования использовались догматический анализ гражданско-правовых категорий, сравнительно-правовой обзор и метод юридического прогнозирования. Заключение исследования призвано показать, что в цифровую эпоху собственность становится более «разделяемой» и условной, что требует от законодателя максимальной гибкости.

Понимание собственности как абсолютного господства (erga omnes) предполагает, что собственник единолично контролирует вещь и исключает доступ к ней третьих лиц.[4] Однако в экономике совместного потребления владение перестает быть исключительным: на первый план выходит возможность временного использования объекта, находящегося в общем доступе или принадлежащего другому лицу. Ярким примером здесь служит сфера транспорта. Согласно официальной статистике, Москва сегодня занимает первое место в мире по величине парка каршеринга: на начало 2021 года он насчитывал около 28 тысяч автомобилей, на которых было совершено 34,2 миллиона поездок за год. Число активных пользователей этого сервиса превышает 1 миллион человек и растет на 12–15 % ежегодно. Для этих людей автомобиль перестал быть объектом собственности и стал услугой перемещения, что позволяет им избежать трат на налоги, страховку и техническое обслуживание. [1; 2; 3]

Это означает, что традиционная «триада» правомочий — владение, пользование и распоряжение — «расщепляется». Мы всё чаще сталкиваемся с концепцией «пучка» правомочий (bundles of rights), когда на один и тот же объект могут претендовать разные субъекты с разными интересами. [5] В ситуации с «умными» устройствами собственник физической вещи не всегда обладает полным контролем над данными, которые эта вещь генерирует. Границы права собственности размываются, так как данные обособляются от материального носителя, требуя создания новых механизмов регулирования для обеспечения справедливого доступа и защиты приватности. Важным этапом в адаптации нашего законодательства стало введение в Гражданский кодекс РФ понятия цифровых прав как объектов гражданских прав. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ признал, что права могут существовать и осуществляться в рамках информационных систем, что крайне важно для шеринг-платформ. [1]

Трансформация института собственности особенно заметна в том, как меняется правовая природа договоров. Например, каршеринг исследователи квалифицируют как разновидность договора аренды транспортного средства без экипажа с поминутной тарификацией. Здесь право собственности компании-оператора сохраняется, но пользователь получает максимально широкий, хоть и кратковременный, объем правомочий, который в глазах потребителя почти идентичен владению личным авто. В таких условиях цифровые платформы (маркетплейсы) начинают выступать гарантами исполнения обязательств, принимая на себя функции посредников, которые аккумулируют платежи и распределяют риски. Доверие между незнакомыми людьми обеспечивается не личным знакомством, а технологическими протоколами, рейтингами и механизмами саморегулирования платформ. [1; 2; 3]

Нельзя не отметить и влияние технологий распределенных реестров на понимание собственности. Блокчейн позволяет создавать защищенные записи о транзакциях, которые невозможно изменить, что фактически формирует новую среду доверия без участия государства или банков. Использование смарт-контрактов позволяет автоматизировать исполнение обязательств: например, доступ к арендованной вещи может открываться автоматически после подтверждения оплаты в системе. Это ведет к «виртуализации» субъектов и оборота, когда право на объект подтверждается цифровым кодом, а не физическим обладанием. Однако такая гибкость порождает и новые риски, такие как угроза киберпреступности и отсутствие четкого статуса криптовалют. Пока суды вынуждены применять аналогию права, включая криптовалюту в конкурсную массу при банкротстве, признавая её экономическую ценность. [1; 4]

Результаты исследования показывают, что классическая модель собственности недостаточна для цифровых объектов, и наиболее жизнеспособен комбинированный подход, сочетающий частноправовые конструкции с публично-правовым регулированием. Публично-правовой подход требует от государства обеспечения конкуренции, предотвращения монополизации данных крупными платформами и защиты прав потребителей. Право собственности становится более «разделяемым» и условным, что повышает эффективность использования ресурсов. Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути детального регулирования цифровых активов и платформ, чтобы обеспечить надежность этого нового типа отношений. [5]

Право собственности эволюционирует, становясь более гибким и адаптированным к потребностям цифрового общества. Экономика совместного потребления доказывает, что эффективность использования ресурсов достигается через вовлечение объектов в оборот для широкого круга людей. Это означает необходимость отхода от классических схем и поиск новых договорных моделей, способных сбалансировать интересы собственников, пользователей и общества в целом.

Список литературы:

[1] Аюшеева, И. З. Гражданско-правовое регулирование расчетных отношений в условиях развития экономики совместного потребления (sharing economy) // Lex Russica. — 2019. — № 9 (154). — С. 43–50.

[2] Бычков, А. И. Правовое регулирование экономики совместного потребления : монография / А. И. Бычков. — Москва : Инфотропик Медиа, 2019. — 136 с.

[3] Муратова, С. А. Правовая природа договора каршеринга и перспективы его развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 11 (87). — С. 194–205.

[4] Санникова, Л. В. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова // Государство и право. — 2019. — № 9. — С. 87–96.

[5] Уваров, М. А. Трансформация права собственности в условиях цифровизации: публично-правовой подход // Труды Академии управления МВД России. — 2025. — № 3 (75). — С. 58–68.

[6] Фирсова, Д. Д. Влияние искусственного интеллекта на гражданское право: правосубъектность ии, ответственность за его действия / Д. Д. Фирсова, М. И. Моисеенко // Цифровое право. – 2025. – № 4. – С. 73-76.

References:

[1] Ayusheeva, I.Z. Civil regulation of settlement relations in the context of the development of the sharing economy//Lex Russica. — 2019. — № 9 (154). - S. 43-50.

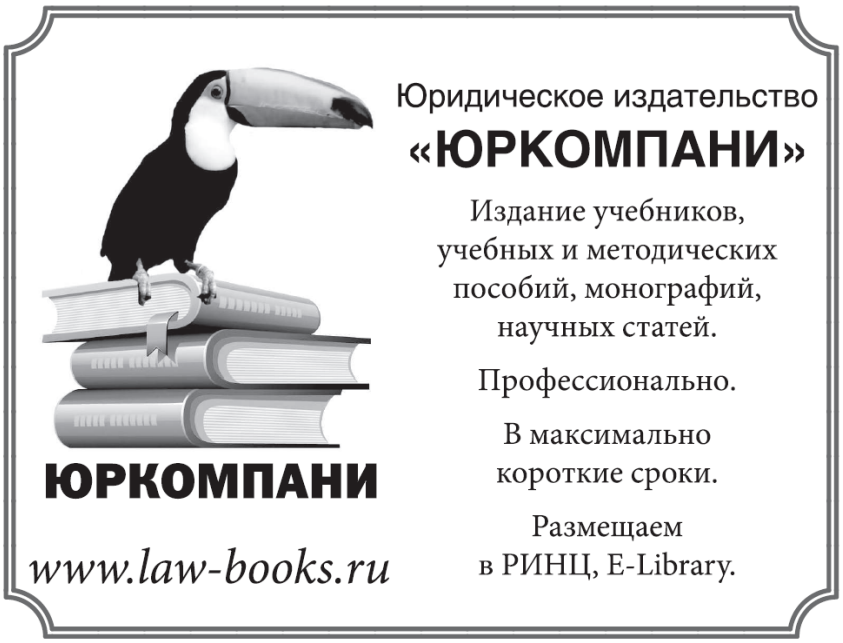
[2] Bychkov, A.I. Legal regulation of the economy of joint consumption: monograph/A.I. Bychkov. - Moscow: Infotropic Media, 2019. - 136 s.

[3] Muratova, S. A. The legal nature of the car-sharing agreement and the prospects for its development//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). — 2021. — № 11 (87). - S. 194-205.

[4] Sannikova, L. V. Transformation of law in the digital age: a look into the future/L. V. Sannikova, Yu. S. Kharitonova//State and law. — 2019. — № 9. - S. 87-96.

[5] Uvarov, M. A. Transformation of property rights in the context of digitalization: a public-legal approach//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — № 3 (75). - S. 58-68.

[6] Firsova, D. D. The influence of artificial intelligence on civil law: legal personality, responsibility for its actions/D. D. Firsova, M. I. Moiseenko//Digital law. – 2025. – № 4. - S. 73-76.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-159-163
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

КРАСНОПЕРОВА Е.А.,
канд. биол.наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный аграрный университет», Троицк, Россия,
e-mail: EA.G@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СЕЛЬСКИЕ РЕГИОНЫ

Аннотация. *В статье предлагаются меры по возвращению и строительству цехов по переработке сельскохозяйственной продукции в районных центрах. Это повышает экономический интерес фермерских и лично-подсобных хозяйств к росту животноводческой продукции, что будет способствовать стабилизации социально-экономической обстановке на селе. Появятся, новые рабочие места и повысятся доходы селян. Внедрение инновационных подходов в агропромышленный комплекс будет способствовать росту престижа профессий в сельском хозяйстве и повышению привлекательности жизни в сельской местности.*

Ключевые слова*: экология, агропромышленный комплекс, природно-ресурсный потенциал, безопасные продукты питания, сельское хозяйство, пищевая промышленность.*

KRASNOPEROVA E.A.,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE "South Ural State Agrarian University,"
Troitsk, Russia

PROSPECTS FOR MODERNIZATION OF THE AGRICULTURAL SECTOR AND ITS IMPACT ON RURAL REGIONS

Annotation*. Under the innovative economy, it is customary to understand an economy based on the constant introduction of scientific and technological progress in its industry. The article suggests measures for the return and construction of workshops for processing agricultural products in district centers. This increases the economic interest of farmers and private farms in the growth of livestock products, which will contribute to the stabilization of the socio-economic situation in rural areas. The introduction of innovative approaches to the agro-industrial complex will contribute to increasing the prestige of agricultural professions and making rural life more attractive.*

Key words*: ecology, agro-industrial complex, natural resource potential, safe food products, agriculture, food industry.*

АПК в настоящее время находится на новом этапе развития. Внедрение цифровых технологий проникает во многие сферы деятельности. Генная инженерия позволяет не только повышать продуктивность скота, но и формировать иные селекционные признаки, получение которых ранее считалось невозможным или труднодостижимым. Например, селекция на повышение белка в молоке. Одним из достижений генной инженерии молочного скотоводства является рост продуктивности стада за последние 25-30 лет в 1,5-2 раза. Разумеется, что такой подъем продуктивности вызван не только наследственными новых технологий доения и ухода за животными.

Прежде без генной инженерии за столь короткий промежуток времени такого роста продуктивности достигнуть не удавалось. Большие изменения происходят в кормлении скота. Широкое распространение получают методы заготовки консервирования и использования кормов. Применение гибридных семян позволяет выращивать кукурузу молочно-восковой и восковой спелости в условиях Южного Урала. Силос из такой кукурузы способствует росту продуктивности молочного стада, хорошо поедается молодняком крупного рогатого скота, свиноматками на подсосе откормочным поголовьем. Современные системы заготовки грубых и сочных кормов предполагают использование химических и бактериологических консервантов и заквасок, позволяющих существенно снизить потери кормов при их хранении. Одновременно это способствует улучше-

нию качеству молока, мяса говядины и свинины. Не маловажен и тот факт, что удалось снизить расход кормов на единицу продукции на 10-15%. Все это способствовало росту конкурентоспособности.

Вместе с тем инвестиционная политика включает в себя не только применение отмеченных выше направления развития АПК. Существенным направлением инновационной экономики является рациональное использование природно-ресурсного потенциала страны в целом и региона в частности.

Челябинская область характеризуется значительными площадями естественных выпасов, особенно это касается степных районов. Между тем поголовье крупного рогатого скота, лошадей, и овец в этих районах сократилось в 2 и более раза. В дореформенный период в области насчитывалось около 1 млн. овец, из которых более 80% приходилось на общественное поголовье. В настоящее время овцы содержатся только в лично-подсобных хозяйствах и незначительного числа фермерских хозяйств. Поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось более, чем в 2 раза. Заметим, что продуктивность естественных выпасов была очень низкой и не могла обеспечивать потребности пастбищных животных в зеленой траве. За прошедшие 25-30 лет пастбища отдохнули и значительно повысили свою продуктивность. Не следует полагать, что они стали высокопродуктивными и не нуждаются в их окультуривание и уходе.

Примерно четверть это населения представлена лицами исповедующих ислам. В их культуре употребление конины – признак среднего и высокого достатка жителей. Регион располагает хорошей племенной базой для разведения крупного рогатого скота мясных пород. На базе племенных заводов ведется целенаправленно селекционно-племенная работа учеными Российского научно-исследовательского института мясного скотоводства. Из всего перечисленного мы делаем следующий вывод: природно-климатические условия Челябинской области для развития отраслей животноводства используются недостаточно. Резкое сокращение поголовья скота всех видов не только снизило производство животноводческой продукции, но и обострило социально-экономическую ситуацию. Безработица получила широкое распространение в сельских поселениях.

Как это не покажется странным, но производители животноводческого сырья, основной проблемой считают реализацию произведенной продукции. Это вполне объяснимо и логично, до коренных социально-экономических реформ практически в каждом районом центре имелись молокоперерабатывающие предприятия. В Челябинской области насчитывалось четыре крупных мясоперерабатывающих предприятия (в г. Челябинске, Магнитогорске, Златоусте. В настоящее время в области осталось четыре мясоперерабатывающих предприятия. Мелкие и даже средние производители молока и скота на мясо испытывают большие трудности с реализацией выращенной продукции. В дореформенное время в каждом районном центре имелись цеха по забою скота и изготовлению мясных изделий.

Это были предприятия принадлежащей потребительской кооперации. В настоящее время потребительская кооперация Челябинской области не занимается закупками излишков молока и скота на мясо, овощей и картофеля они функционируют за счет предприятий общественного питания и торговой деятельности. В принципе предприятия Роспотребсоюза не стали заниматься торгово-закупочной деятельностью излишков молока, мяса, овощей у населения, хотя ради этого они и создавались.

Основная торговля продовольственными товарами осуществляется торговыми сетями в городах промышленных и районных центров. Отличительными особенностями этих предприятий является однородность продукции, поступающих на реализацию в подготовленном виде, широкий ассортимент товаров и большой объем реализации. Торговые сети создавались для работы в мегаполисах, где имеется емкий рынок сбыта, более высокие душевые доходы домашних хозяйств.

Торговля осуществляется в расфасованном виде и определенной таре. Сети хорошо используют современные тенденции в работе с покупателями. В частности, у них имеется широкий ассортимент товаров готовых непосредственно к употреблению, а также продукты не требующих длительной подготовки (наборы для супов, шашлыков и продуктов быстрого приготовления). Естественно, что партнерами торговых сетей могут выступать только крупные торгово-закупочные предприятия, осуществляющие подготовку к реализации (разрубку туш, расфасовку продукции в мелкую тару). Мелкие и средние сельхозпредприятия не могут выполнять подготовительные работы, они не располагают соответствующим оборудованием и кадрами.

Таким образом, мелкие, и средние агропредприятия остаются за бортом торговых сетей. Крупные аграрные предприятия (птицефабрики, свинокомплексы, тепличные комбинаты и др.) располагают собственными товаропроводящими сетями. Например, птицефабрика «Равис» имеет собственную торговую сеть, насчитывающая более 200магазинов. Свинокомплекс ОАО «Ариант» имеет собственную торговую сеть не только в пределах Челябинской области, но и соседней

Свердловской и Ханты-Мансийском округе. Чуриловский тепличный комбинат также имеет торгово-проводящую сеть «Витаминка». Макаронная фабрика АО «Макфа», Увельская крупяная компания ООО «Увелка» и ООО «Ситно» г. Магнитогорск вышли на общероссийский рынок. Продукция этих крупных предприятий известна во многих регионах РФ и за ее пределами (Узбекистан, Киргизия). Эти широко известные холдинги Челябинского АПК ежегодно получают хорошую прибыль.

Анализ показывает, что, сосредоточив в одних руках выращивание кормов их переработку, производство мясо свиней и птицы, куриных яиц и одновременно занимаясь реализацией произведенной продукции через собственные товаропроводящие сети позволяет вырабатывать товары с высокой добавленной стоимостью и получать хорошую прибыль. Это не является изобретение отечественных фирм, а такой опыт широко культивируется в странах Европы, Азии и США. Игнорировать этот опыт не целесообразно, его надо использовать и творчески применять. По существу, это инновационные технологии, имеющие хорошие перспективы для развития АПК. Мы полагаем было бы целесообразно создавать в районах цеха по заготовке и переработке сельскохозяйственной продукции, выращенной в лично-подсобных хозяйствах граждан.

Инновационные технологии в АПК имеют свои отличительные особенности, соблюдения которых являются непременным условием эффективного производства. Современное общество обязано позаботиться о том, в каком состоянии оно оставит нашим потомкам возможность выращивания пищевых ресурсов в необходимом количестве и должного качества. Именно поэтому рациональное использование земли, водного и воздушного бассейнов для нужд сельского хозяйства имеют исключительно важное значение.

Выращиванием сельскохозяйственного сырья будет и впредь сосредоточено в крупных агрохолдингах, средних и малых производителях. Наиболее эффективно и успешно функционируют в настоящее время агрохолдинги. Их успех мы объясняем следующими обстоятельствами. Во-первых, они ведут производство на огромных площадях исчисляемых десятками тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. Таким образом, объективно создается эффект крупномасштабного производства: лучше используют ремонтную базу, современные помещения для содержания скота и птицы, имеют капитальные помещения для ремонта техники, хранения зерна и кормовых ресурсов. Все это малодоступно средним и малым товаропроизводителям.

Во-вторых: чаще всего агрохолдинги совмещают выращивание сырья с его дальнейшей переработкой. Произведенное сырье обычно перерабатывается в подготовленную к реализации продукцию. Например, крупный агрохолдинг ООО «Подовинное молоко» Октябрьского района выкупил Южноуральский молочный завод и поставляет торговым сетям готовую к реализации продукцию. Это означает, что они продают продукт с более высокой добавленной стоимостью, что в значительной мере повышает эффективность их производства.

В-третьих, наиболее крупные агрохолдинги имеют в своем составе собственную торговую сеть. Конечно, через нее реализуется не вся выращенная продукция, но большая ее часть. Это еще более повышает конкурентоспособность этих предпредприятий на рынке. Большинство средних и малых предприятий способно выращивать сельскохозяйственное сырьё. У них не возможности перерабатывать свой товар в конечные продукты потребления. Они реализуют его предприятия посредникам: элеваторы, молочные заводы, мясокомбинаты. Те в свою очередь перерабатывают сырье и поставляют его в торговые сети.

Для Челябинской области еще характерно и то, что лучшая масса товарного зерна поставляется на мировой рынок. Именно этим объясняется снижение потребительских характеристик хлебобулочных изделий в Челябинской области, на которые постоянно жалуются покупатели. Для этих товаропроизводителей основной проблемой является лишение доступа к муниципальным региональным рынкам. Это ниша занята торговыми сетями, которым легче закупать импортный картофель из Египта и Израиля и продавать его по 50 руб./кг и выше, чем иметь дело с отечественными производителями картофеля. Последние не имеют современных хранилищ для картофеля и овощей с регулируемой температурой и влажностью для длительного хранения и машин для сортировки картофеля, помещения для подготовки товара к реализации.

Территория Челябинской области весьма привлекательна для отдыха и туризма. Этот природный потенциал до сих пор используется не в полную меру. Привлекая туристов, в том числе и жителей промышленных центров и городов области, мы будем способствовать достижению взаимосвязанных целей. Усилится конкуренция на продовольственном рынке, и ее отличие состоит в следующем. Если горожане и туристы будут удовлетворены ассортиментом и качеством, предлагаемым им продуктов, они будут стремиться, если не ежедневно, то периодически приобретать ее на вновь открывшихся рынках.

Конечно, цена на деликатесные мясные и молочные продукты (сметана, кумыс и др.) будут иметь более высокую розничную цену. Но покупатель готов заплатить ее в обмен на высокое качество. Несомненно, это составит определенную конкуренцию торговым сетям. Хотя экономически торговые сети в состоянии выдержать конкуренцию.

Среди жителей сельских поселений появится экономический интерес содержания скота и птицы. Особенно это касается разведению домашней птицы (гусей, индеек, кур-несушек). У них появится свой рынок сбыта, и они могут расширять ассортимент предлагаемой продукции, например, предлагая покупателям огурцы, томаты т овощи домашней заготовки, варить на продажу варенье, а том числе из дикорастущих ягод. Это будет способствовать росту доходов населения, стабилизировать его численность. Пропагандируя туризм выходного дня в сельских поселениях, люди получают полноценный отдых на природе и приобретают для своих семей высококачественные продукты питания. Регулярное полноценное питание является важнейшим фактором формирования здоровья и работоспособности.

Первые результаты окажутся успешными, т.е. продукция, произведенная в сельских поселениях, будет востребованной и конкурентоспособной, то следующим шагом к распространению сельского туризма будет создание необходимой инфраструктуры: строительство гостинец и кемпингов, бань, оборудованных мест отдыха, в т.ч. и у воды. Появление устойчивого рынка сбыта фермерских крестьянских хозяйств и лично-подсобных хозяйств граждан, повысить не только экономический интерес к аграрному труду, но и может стать привлекательной сферой для постоянного места жительства и комплексного развития сельских территорий. Сосредоточение на сельских территориях не только производство сырья, но и изготовление полноценных продуктов питания поспособствует укреплению сельской экономики, за счет более высокой добавленной стоимости, где появятся новые рабочие места и село почувствует перспективы своего развития. Последнее является базой для стабилизации сельского населения, сократив его миграцию в города и крупные поселения. Таким мы представляем себе развитие инновационной экономики в аграрном секторе области.

Перспективы развития сельских поселений мы видим в том, чтобы создавать на местах цеха по переработке части сельскохозяйственного сырья и организовать торговлю готовыми продуктами питания, формировать конкурентную среду для стабильного развития сельских территорий.

Список литературы:

[1] Баутин В.М. Вызовы модернизации аграрного образования и проблемы подготовки кадров // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – №5. – С. 12-17.

[2] Иванова В.Н., Серегин С.Н., Новосельцева А.В. Основные направления реализации стратегии национальной безопасности в сфере продовольственной независимости России // Пищевая промышленность. – 2016. – № 4. – С. 40-43.

[3] Галатов А. Н., Литовченко В.Г., Краснoперова Е.А. Иванов В.А., Глянькова Л.М., Лунина М.Ю. Обеспечению продовольственной безопасности – комплексной подход // Кормление сельскохозяйственных животных и кормопроизводство. – 2015. – № 4. – С. 29-35.

[4] Ермоленко. А.А. Субъектная целостность российской экономики: взгляд через призму теории интегрированных субъектов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Экономика. – 2018. Т. 20. – № 2. – С. 5-15.

[5] Краснoперова Е.А. Основные проблемы экологизации АПК // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им Н.Э. Баумана. – 2016. – №4 (228). – С. 67-71.

[6] Краснoперова Е.А. Экология и социальная ответственность бизнеса в сфере АПК // Вестник Новосибирского государственного аграрного университета. – 2017. – №3 (44). – С. 164-169.

[7] Краснoперова Е.А., Юлдашбаев Ю.А. Эколого-экономическая и иные оценки технологий АПК // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. № 64. – С. 104-109.

[8] Краснoперова Е.А., Кармацких Ю.А., Костомахин Н.М. Пути развития и основные проблемы животноводства Челябинской области // Кормление сельскохозяйственных животных и кормопроизводство. – 2024. – № 7 (228). – С. 31-40.

[9] Никифорова А.О., Кармацких Ю.А. Влияние некоторых паратипических факторов на продуктивное долголетие коров // Главный зоотехник. – 2025. – № 9 (266). –С. 16-26.

[10] Уразова А.А., Кармацких Ю.А. Производство пробиотиков для животных в России // В сборнике: Молодежная наука для развития АПК. сборник трудов LX студенческой научно-практической конференции. Тюмень, 2023. С. –151-156.

References:

[1] Bautin V.M. Challenges of modernization of agricultural education and problems of personnel

training//Economy of agricultural and processing enterprises. – 2016. – №5. - S. 12-17.

[2] Ivanova V.N., Seregin S.N., Novoseltseva A.V. The main directions of implementation of the national security strategy in the field of food independence of Russia//Food industry. – 2016. – № 4. - S. 40-43.

[3] Galatov A.N., Litovchenko V.G., Krasnoperova E.A. Ivanov V.A., Gleskova L.M., Lunina M.Yu. Ensuring food security - an integrated approach// Feeding farm animals and feed production. – 2015. – № 4. - S. 29-35.

[4] Ermolenko. A.A. Subject integrity of the Russian economy: a view through the prism of the theory of integrated subjects//Bulletin of Volgograd State University. Economics series. – 2018. T. 20. – № 2. - S. 5-15.

[5] Krasnoperova E.A. Main problems of greening the agro-industrial complex//Scientific notes of the Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman. – 2016. – №4 (228). - S. 67-71.

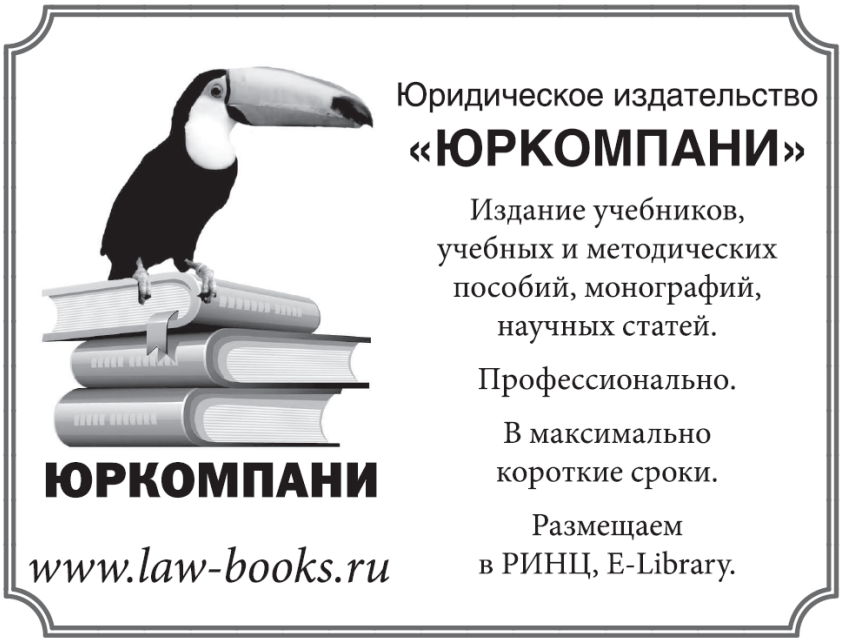
[6] Krasnoperova E.A. Ecology and social responsibility of business in the agricultural sector// Bulletin of the Novosibirsk State Agrarian University. – 2017. – №3 (44). - S. 164-169.

[7] Krasnoperova E.A., Yuldashbaev Yu.A. Ecological and economic and other assessments of agricultural technologies//Proceedings of the Kuban State Agrarian University. – 2017. № 64. - S. 104-109.

[8] Krasnoperova E.A., Karmatskikh Yu.A., Kostomakhin N.M. Ways of development and the main problems of animal husbandry in the Chelyabinsk region//Feeding of farm animals and feed production. – 2024. – № 7 (228). - S. 31-40.

[9] Nikiforova A.O., Karmatskikh Yu.A. The influence of some paratypical factors on the productive longevity of cows//Chief livestock specialist. – 2025. – № 9 (266). -C. 16-26.

[10] Urazova A.A., Karmatskikh Yu.A. Production of probiotics for animals in Russia//In the collection: Youth science for the development of the agro-industrial complex. collection of works of the LX student scientific-practical conference. Tyumen, 2023. S. -151-156.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-164-168

ГРЕХОВА Кристина Ярославовна,
студент, Дальневосточный Федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: grekhova.ky@dvfu.ru

БАРАНОВ Артем Дмитриевич,
студент, Дальневосточный Федеральный университет,
Юридическая школа,
e-mail: baranov.ad@dvfu.ru

Научный руководитель:
ХАБИБУЛИНА Ольга Владимировна,
Кандидат юридических наук, доцент,
Кафедра конституционного и административного права,
e-mail: khabibulina.ov@dvfu.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются новеллы Федерального закона от 25 апреля 2026 г. № 105-ФЗ в части уточнения порядка учета доходов супругов и несовершеннолетних детей, а также определения сделок, не подлежащих контролю за расходами. Анализируется введение правила о включении в общий доход доходов несовершеннолетних детей наряду с доходами служащего и его супруга, а также исключение из-под контроля сделок, совершенных до назначения на должность или до вступления в брак. Раскрыты предпосылки и дана оценка совокупному влиянию этих изменений на эффективность антикоррупционной политики.*

Ключевые слова: *противодействие коррупции, контроль за расходами, публичные служащие, доходы несовершеннолетних детей, обращение в доход государства, сделки до назначения на должность, доходы супруга, антикоррупционный механизм.*

GREKHOVA Kristina Jaroslavovna,
student, Far Eastern Federal University, Law School

BARANOV Artem Dmitrievich,
student, Far Eastern Federal University, Law School

Scientific supervisor:
KHABIBULINA Olga Vladimirovna,
Candidate of Sciences, Associate Professor Department of Constitutional and Administrative Law

ON IMPROVING ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the novelties of Federal Law No. 105-FZ of April 25, 2026, regarding the clarification of the procedure for accounting for the income of spouses and minor children, as well as the definition of transactions not subject to expenditure control. It analyzes the introduction of the rule on including the income of minor children in the total income alongside the incomes of the official and their spouse, as well as the exemption from control of transactions concluded prior to appointment to a position or before marriage. The prerequisites are disclosed, and the combined impact of these changes on the effectiveness of anti-corruption policy is assessed.*

Key words: *anti-corruption, expenditure control, public servants, income of minor children, recovery of assets by the state, pre-appointment transactions, spouse's income, anti-corruption mechanism.*

Институт контроля за соответствием расходов лиц, замещающих различные государственные и муниципальные должности, и иных лиц, определенных п. 1 ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – № 230-ФЗ) [1; 6953], их доходам традиционно рассматривается как один из центральных инструментов противодействия коррупции. Вместе с тем, правовая неопределенность в отношении временны́х границ контроля и круга лиц, чьи доходы формируют базу для сопоставления с расходами, создает риски необоснованного ограничения права собственности и снижает легитимность всей антикоррупционной системы.

Федеральный закон от 25 апреля 2026 г. № 105-ФЗ «О внесении изменений в статью 8-1 Федерального закона «О противодействии коррупции» и Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», вступающий в силу с 1 сентября 2026 г. (далее – № 105-ФЗ) [2; 2301], осуществил корректировку этих границ:

– расширен состав общего дохода, который теперь включает доходы не только служащего и его супруга, но и несовершеннолетних детей;

– пунктами 3-5 № 105-ФЗ установлены временны́е границы: доходы супруга, полученные до брака, не учитываются в общем доходе, а сделки, совершенные до назначения на должность либо до вступления в брак, выводятся из-под антикоррупционного контроля и не могут повлечь обращение имущества в доход РФ.

Сочетание этих мер создает новую систему антикоррупционного контроля, анализ которой составляет цель настоящей статьи. Так, ранее действовавшая редакция № 230-ФЗ при определении общего дохода за три года учитывала доходы служащего и его супруга. Закон № 105-ФЗ дополнил это правило: теперь в общий доход включаются также доходы несовершеннолетних детей служащего. Данное решение законодателя направлено на устранение широко обсуждавшейся в доктрине лазейки, когда активы выводились на детей, формально не обладающих самостоятельным доходом. Как отмечал Е. В. Охотский, в таких схемах «доходы» детей часто были номинальными, например, от сдачи в аренду подаренной недвижимости, но, суммируясь с доходами служащего, позволяли искусственно завысить пороговые значения, при превышении которых возникает обязанность отчитываться о расходах [3; 112-115]. Кроме того, в научной литературе подчеркивается, что данное игнорирование доходов детей оставляло вне контроля значительную часть семейного бюджета. Это создавало прямую угрозу авторитету публичной службы, так как позволяло использовать несовершеннолетних детей как потенциальный инструмент для сокрытия коррупционных доходов [4; 99-106]. Данную позицию неоднократно отстаивал и Конституционный суд РФ [5].

Положения, закрепляющие, что при расчете общего дохода супруга за трехлетний период не учитываются доходы, полученные им до вступления в брак с данным служащим, которые при этом могут указываться при представлении сведений о расходах в качестве источника получения средств, с одной стороны, исключают автоматическое суммирование добрачных накоплений, а с другой – сохраняют возможность ссылаться на них для обоснования законности приобретений, совершенных в браке.

Изменения, вносимые № 230-ФЗ, предполагают также вывод из-под контроля за расходами сделки, совершенные самим служащим, его супругом и несовершеннолетними детьми до назначения служащего на должность, и супругом служащего до вступления в брак. Сведения о расходах по таким сделкам не представляются, а имущество и денежный эквивалент не могут быть обращены или взысканы в доход Российской Федерации [5].

Принятые изменения отражают стремление законодателя решить несколько взаимосвязанных задач.

Во-первых, расширение состава общего дохода за счет доходов несовершеннолетних детей продиктовано необходимостью перекрыть очевидный канал вывода активов. Как справедливо отмечалось в литературе, отсутствие учета доходов несовершеннолетнего провоцировало фиктивное оформление имущества на детей, что подрывало эффективность всей системы контроля и создавало риски для развития коррупционных схем и делало антикоррупционный механизм уязвимым [6]. Теперь органы смогут контролировать имущественное положение семьи, что отвечает запросу на повышение строгости антикоррупционных мер. Вместе с тем необходимо учитывать, что первостепенной обязанностью лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, и публичных служащих выступает неукоснительное соблюдение действующего законодательства, поскольку именно на них возложена реализация публично значимых функций. Высокий уровень позитивной ответственности данных лиц предполагает не только отказ от противоправного поведения, но и готовность к повышенной прозрачности их имущественного положения, что и обусловливает правомерность расширения границ контроля.

Во-вторых, одновременно с этим законодатель смягчает временны́е рамки контроля. Побудительным мотивом здесь стала обширная доктринальная критика. Как указывал М. В. Пресняков, обращение имущества в доход государства по такому основанию затрагивает фундаментальные конституционные принципы правовой определенности и справедливости [7; 25]. Д. И. Ковтков, в свою очередь, обращал внимание на сложность правовой природы этой меры, которая по сути является специфической санкцией за невозможность доказать законность происхождения имущества [8; 105]. Ученые подчеркивали, что обращение в доход государства имущества, приобретенного до возникновения публичного статуса, равносильно объективному вменению и противоречит презумпции добросовестности [9; 8]. Выведение дослужебных сделок из-под контроля восстанавливает причинно-следственную связь между должностью и контролируемым имуществом.

В-третьих, пересмотр порядка учета доходов супруга разрешает давнюю коллизию. Как отмечал М. В. Пресняков, автоматический учет всех доходов супруга, включая добрачные, без возможности их целевого учета приводил к увеличению базы доходов, что могло даже облегчать обход контроля. Искусственно завышенный «общий доход» служащего формально покрывал крупные расходы, в то время как реальные источники средств оставались вне поля зрения контролирующих органов [7; 28]. Новый подход видится более сбалансированным.

Сочетание расширения базы доходов (включение несовершеннолетних детей) и одновременного выведения из-под контроля части сделок формирует новую модель, которую можно охарактеризовать как усиление контроля за текущей и будущей деятельностью при отказе от ретроспективного вмешательства. Такой подход, по нашему мнению, оказывает неоднозначное, но в целом положительное влияние.

Таким образом, включение доходов детей делает контроль более проникающим и препятствует уводу имущества в детский сектор семейной экономики. Безусловно, несовершеннолетние дети самостоятельно могут получать легальный доход задолго до достижения трудоспособного возраста – например, в сфере театра, кино или цирка. В соответствии с главой 42 Трудового кодекса РФ, допускается заключение трудовых договоров даже с малолетними для участия в творческой деятельности [10]. По имеющимся статистическим данным на сегодняшний день в РФ работает около 87 тысяч несовершеннолетних [11], что свидетельствует о реальном, а не номинальном характере их доходов. Однако особую важность контроль приобретает в случаях, когда несовершеннолетние дети номинально получают доходы от предпринимательской или иной деятельности, фактически контролируемой родителем-служащим. Иммунитет дослужебных и добрачных сделок резко повышает правовую определенность: граждане, поступающие на службу и располагающие легально нажитым имуществом, перестают находиться под угрозой его изъятия лишь из-за невозможности восстановить документальную историю. Это снимает необоснованные барьеры для притока на государственную службу квалифицированных кадров из бизнеса и других сфер.

Поскольку Федеральный закон № 105-ФЗ вступает в силу лишь с 1 сентября 2026 г., судебная и административная практика его применения отсутствует. Тем не менее, анализ дел, рассмотренных в рамках прежней редакции № 230-ФЗ, позволяет оценить остроту проблем, которые призваны решить новеллы. Так, в 2025 г. Заельцовский районный суд г. Новосибирска по иску Генеральной прокуратуры РФ наложил арест на 48 объектов недвижимости, принадлежавших экс-чиновнику Андрею Фролову и членам его семьи. Как установлено судом, значительная часть активов была оформлена на несовершеннолетнего сына ответчика, включая квартиры в Таиланде и Турции, здание площадью 900 кв. м в Новосибирске, а также криптовалюту на сумму 7,4 млн рублей. Данный пример наглядно демонстрирует, что отсутствие учета доходов и сделок несовершеннолетних детей позволяло выводить активы на формально не подконтрольных лиц, создавая существенный пробел в антикоррупционном механизме, который и призван устранить № 105-ФЗ. [12].

С учетом изложенного можно утверждать, что № 105-ФЗ представляет собой реакцию законодателя на выявленные правоприменительные коллизии. Новеллы не ослабляют антикоррупционный механизм, а переориентируют его с количественного охвата на качественное доказывание. Такой подход усиливает контроль за актуальной деятельностью публичных служащих, одновременно снимая избыточное бремя с добросовестных правообладателей и приводя законодательство в соответствие с конституционными принципами соразмерности и справедливости, пронизывающими главу 2 Конституции РФ [13] и неоднократно разъяснявшимися в Постановлениях Конституционного Суда [14].

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50.

[2] О внесении изменений в статью 8-1 Федерального закона «О противодействии коррупции» и Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : Федеральный закон от 25 апреля 2026 г. № 105-ФЗ (вступит в силу с 1 сентября 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2026. № 18.

[3] Охотский Е.В. Противодействие коррупции: система мер и механизмы реализации: монография. М.: Инфра-М, 2022. 320 с.

[4] Морозов А.А. Проблемы применения антикоррупционного законодательства в Российской Федерации в современных условиях: административно-правовой аспект // Научный портал МВД России. 2019. № 3. С. 99-106.

[5] Постановление КС РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П по делу о проверке конституционности подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и ст. 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

[6] Филоненко, Т. В. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в реализации антикоррупционной политики: монография / Т. В. Филоненко; Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2023.

[7] Пресняков М.В. Конституционные основы обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлены сведения о законных источниках происхождения // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 1. С. 22–30.

[8] Ковтков Д.И. Обращение в доход государства имущества, в отношении которого не представлены сведения о законных доходах: правовая природа и проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 100-110.

[9] Хабриева Т.Я. Антикоррупционные стандарты: правовые и институциональные механизмы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 3. С. 5-18.

[10] Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. От 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1).

[11] В Госдуме раскрыли цифры трудовой занятости среди подростков в России. URL: https://absatz.media/news/118013-v-gosdume-raskryli-cifry-trudovoj-zanyatosti-sredi-podrostkov-v-rossii (дата обращения: 24.06.2026).

[12] О судебном решении по иску Генпрокуратуры к Андрею Фролову : Заельцовский районный суд г. Новосибирска, 2 сентября 2025 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8008034 (дата обращения: 14.06.2026).

[13] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.06.2026).

[14] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда".

[15] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

References:

[1] Federal Law of December 3, 2012 No. 230-FZ "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 50.

[2] On amendments to Article 8-1 of the Federal Law "On Combating Corruption" and the Federal Law "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income": Federal Law of April 25, 2026 No. 105-FZ (will enter into force on September 1, 2026)// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2026. № 18.

[3] E.V. Okhotsky. Anti-corruption: system of measures and implementation mechanisms: monograph. M.: Infra-M, 2022. 320 s.

[4] Morozov A.A. Problems of applying anti-corruption legislation in the Russian Federation in modern conditions: administrative and legal aspect//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3. S. 99-106.

[5] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 26-P in the case of checking the constitutionality of Sub. 8 p. 2 Art. 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Art. 17 of the Federal Law "On control over the compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income."

[6] Filonenko, T.V. The role of the prosecutor's office of the Russian Federation in the implementation of anti-corruption policy: monograph/T.V. Filonenko; Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. - Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2023.

[7] Presnyakov M.V. The constitutional basis for turning into state revenue property in respect of which information on legal sources of origin is not provided//Journal of Constitutional Justice. 2017. № 1. S. 22-30.

[8] Kovtkov D.I. Appeal to the state income of property in respect of which information on legal income is not provided: legal nature and problems of law enforcement//Journal of Russian Law. 2018. № 5. S. 100-110.

[9] Khabrieva T.Ya. Anti-corruption standards: legal and institutional mechanisms//Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2020. № 3. S. 5-18.

[10] Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on December 29, 2025, as amended on May 15, 2022)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1).

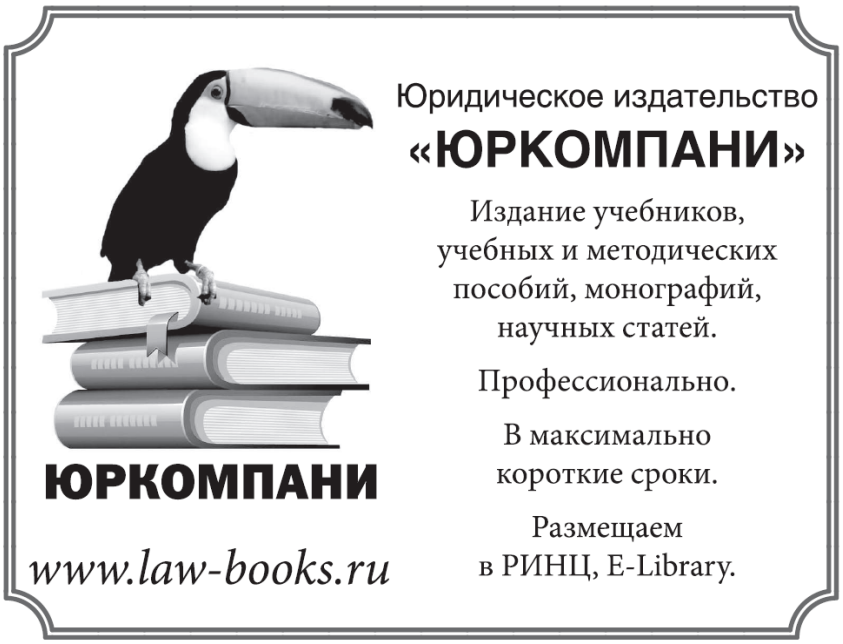
[11] The State Duma disclosed the figures of employment among adolescents in Russia. URL: https://absatz.media/news/118013-v-gosdume-raskryli-cifry-trudovoj-zanyatosti-sredi-podrostkov-v-rossii (дата обращения: 24.06.2026).

[12] On the court decision on the claim of the Prosecutor General's Office against Andrei Frolov: Zaeltsovsky District Court of Novosibirsk, September 2, 2025 URL: https://www.kommersant.ru/doc/8008034 (date of appeal: 14.06.2026).

[13] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 24.06.2026).

[14] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 N 49-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 200, paragraph 2 of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court."

[15] Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Combating Corruption "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 52. Art. 6228.

- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-169-174

ДЕГТЯРЕВ Даниил Дмитриевич,
аспирант 3 курса ОЧУ ВО
«Московский инновационный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются современные тенденции цифровизации судебных систем в зарубежных странах. На основе сравнительного анализа рассматриваются две взаимодополняющие парадигмы: концептуальная трансформация роли судов под влиянием цифровых технологий и практическая реализация моделей интернет-судов (на примере Китая и Индонезии). Вводятся и концептуализируются понятия «традиционного суда», «дематериализации» судебного пространства и «технологических судов». Формулируется авторский подход к правовой природе «технологических судов» как «квази-судебных» органов, функционирующих за пределами публичного правосудия. Делается вывод о необходимости переосмысления традиционных институтов правосудия для сохранения их роли в защите прав человека в условиях доминирования технологических платформ.*

Ключевые слова: *цифровое правосудие, искусственный интеллект, интернет-суд, блокчейн, технологические суды, дематериализация суда, традиционный суд, права человека, доступ к правосудию.*

DEGTYAREV Daniil Dmitrievich,
3rd-year postgraduate student at the Moscow Innovation University
(Private Educational Institution of Higher Education)

DIGITAL JUSTICE IN FOREIGN COUNTRIES: CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATIONS

Annotation. *The article examines current trends in the digitalization of judicial systems in foreign countries. Based on a comparative analysis, two complementary paradigms are considered: the conceptual transformation of the role of courts under the influence of digital technologies and the practical implementation of Internet court models (using the example of China and Indonesia). The concepts of "traditional court", "dematerialization" of judicial space and "technological courts" are introduced and conceptualized. The author's conclusion is formulated about the legal nature of "technological courts" as "quasi-judicial" bodies operating outside of public justice. The author concludes that it is necessary to rethink traditional justice institutions in order to preserve their role in protecting human rights in the context of the dominance of technological platforms.*

Key words: *digital justice, artificial intelligence, Internet court, blockchain, technological courts, court dematerialization, traditional court, human rights, access to justice.*

Цифровая трансформация оказывает глубокое воздействие на все сферы общественной жизни, включая судебную систему. Традиционные суды, исторически сложившиеся как физические институты с опорой на профессиональную юридическую экспертизу, сталкиваются с необходимостью адаптации к новым вызовам динамически меняющегося мира. Данный аспект порождает две взаимосвязанные тенденции: с одной стороны, переосмысление самой сути суда как социального и правового института, а с другой — появление практических моделей полностью цифрового судопроизводства. Актуальность темы обусловлена фундаментальным вызовом, который цифровизация бросает традиционной парадигме правосудия, требуя комплексного

научного осмысления как теоретических, так и практических аспектов этого процесса. Для осмысления цифровой трансформации правосудия необходимо определить базовые характеристики традиционного суда как институциональной модели. Анализ зарубежной правовой доктрины позволяет выделить ключевые подходы к осмыслению традиционной модели суда не как технического этапа, а как глубокого социокультурного феномена.

Д. Мейерсон определяет суд как *«артефакт, намеренно созданный для выполнения определённой функции в общей конституционной системе управления»* [1, с. 122]. Суть этой функции состоит в *«обеспечении соблюдения и поддержании правопорядка»*. Л. Фуллер, разрабатывая теорию судебного разбирательства, определил его как *«механизм, придающий формальное и институциональное выражение влиянию разумной аргументации в человеческих делах»*, несущий на себе *«бремя рациональности, которого не несёт ни одна другая форма социального упорядочения»* [2, с. 366]. Отличительной характеристикой судебного разбирательства, по Фуллеру, является то, что оно предоставляет затронутой стороне *«особую форму участия в принятии решения — представление доказательств и обоснованных аргументов»*. На основе анализа правовой доктрины можно выделить следующие основные признаки традиционного суда: физическое присутствие (материальность), предполагающее, что деятельность суда исторически осуществляется в зданиях, открытых для публики [3]; публичность разбирательства, выраженная в открытом доступе к судебным заседаниям; независимость и беспристрастность судьи [1]; процессуальные гарантии, включающие право быть услышанным и соблюдение процедурной справедливости [2]; мотивированность решений, состоящей в том, что судьи «публично обосновывают свои решения, предоставляя мотивировку, основанную на объективных правовых стандартах» [1]; привязка к государственной юрисдикции: суд функционирует как элемент государственной власти, опирающийся на суверенитет [1].

Р. Сасскинд характеризует традиционные суды как институты, *«по большей части разработанные юристами для юристов»*, которые *«слишком дорогие, слишком медленные и едва понятные для неюристов»* [4]. Именно эта неспособность традиционных судов обеспечить доступное правосудие становится главным катализатором цифровой трансформации. Таким образом, традиционный суд может быть определён как публичный орган государственной власти, материализованный в физическом пространстве, осуществляющий правосудие посредством независимого и беспристрастного рассмотрения споров профессиональным судьёй с обеспечением процессуальных гарантий участия сторон, публичности разбирательства и мотивированности решений, опирающийся на государственный суверенитет и национальную юрисдикцию.

Традиционный суд неразрывно связан с материальным зданием суда, символизирующим власть, закон, публичность и связь с национальной юрисдикцией. Цифровизация коренным образом меняет указанную парадигму. Л. Малкахи ввела понятие «дематериализации» (dematerialization) судебного пространства, описывая *«дематериализацию нашего первичного пространства состязательной практики»* под влиянием видеотехнологий и цифровых средств коммуникации [5]. Под дематериализацией суда следует понимать процесс перехода судебной деятельности из физического пространства в цифровую среду, сопровождающийся утратой или трансформацией материальных, символических и перформативных характеристик традиционного правосудия. Р. Сасскинд формулирует данную проблему через ключевой вопрос: *«Суд — это услуга или место? Действительно ли нам нужно физически собираться вместе, чтобы решить все наши разногласия?»* [4]. Данная дихотомия является центральной для понимания дематериализации: суд как символическое место публичной власти трансформируется в суд «как сервис», что повышает его эффективность и доступность, но при этом может подрывать легитимность в глазах общества. Дематериализация порождает многообразие форм судебной деятельности. На основе систематизации современной литературы можно выделить следующие формы цифровой судебной деятельности: полностью онлайн-суды (все процессуальные действия осуществляются дистанционно, напр. интернет-суды Китая); гибридные суды (сочетание онлайн- и офлайн-этапов); платформенные суды, интегрированные с платформами онлайн-разрешения споров; децентрализованные арбитражи на блокчейне (Kleros, Aragon Court); AI-суды, в которых искусственный интеллект участвует в оценке доказательств и составлении проектов решений. Данное многообразие свидетельствует о том, что дематериализация не является линейным процессом перехода «из офлайн в онлайн», а представляет собой сложную связь различных моделей, каждая из которых по-разному соотносится с традиционными признаками суда.

В традиционной системе авторитет суда олицетворяет фигура судьи, являющегося экспертом в области права. Однако в условиях цифровизации появляются альтернативные механизмы [18, с. 28], где функции арбитров выполняют уже не юристы, а обычные граждане или алгоритмы. Децентрализованная арбитражная

система «Kleros», основанная на блокчейн-технологиях, представляет собой механизм, в котором «стражи» (jurors) без обязательного юридического образования разрешают споры посредством криптоэкономических стимулов [6]. Ф. Аст и Б. Деффен определяют три обязательных признака такого «децентрализованного правосудия»: DAO-структура на блокчейне, механизм криптоэкономических стимулов и восприятие справедливости участниками [7]. Интернет-суд в Ханчжоу (Китай) пошёл ещё дальше: здесь решения по ряду вопросов выносятся с участием искусственного интеллекта. Таким образом, происходит демонтаж монополии профессиональных юристов на отправление правосудия. Экспертиза перераспределяется от профессионального применения права к компетенциям в области технологий, что может кардинально изменить природу судебного авторитета.

В зарубежных правовых системах сложилась и получила развитие концепция «технологических судов». Под ними понимаются институты, создаваемые частными технологическими компаниями для разрешения споров и регулирования поведения пользователей. Первоначально данные суды действовали как самостоятельные цифровые сервисы, применяющие систему ODR в рамках общей системы цифровой платформы, в настоящее время их функционал существенно увеличился [8]. Так, К. Клоник в работе «The New Governors» (2018) первой систематически описала внутренние регуляторные системы платформ как формы управления, аналогичные государственным, с правилами, апелляционными процедурами и квази-судебным рассмотрением дел [9]. Л. Лессиг в классической работе «Code: And Other Laws of Cyberspace» обосновал, что архитектура кода регулирует поведение в киберпространстве столь же эффективно, как закон [10]. Под «технологическим судом» предлагается понимать институт, создаваемый частной технологической компанией или децентрализованной организацией для разрешения споров и (или) контроля за соблюдением правил платформы, обладающий внешними атрибутами судебного разбирательства (апелляционная процедура, мотивированные решения, участие экспертов), но функционирующий за пределами государственной юрисдикции и системы публичного правосудия.

Ярчайшим примером «технологического суда» является Совет по надзору (Oversight Board) компании Meta (деятельность признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации). Совет по надзору представляет собой орган, состоящий из международных экспертов, рассматривающий апелляции на решения платформы о модерации контента, решения которого формально обязательны для Meta. Однако правовая природа Совета по надзору остаётся дискуссионной. Э. Дуэк характеризует Совет как орган в *«сумеречной зоне»*: его *«решения похожи на судебные акты, но технически никого не связывают. Он претендует на толкование и применение созданного государством международного права прав человека, но не имеет государственного мандата на это»* [11]. Основу для развития подобных квази-институтов правосудия положило законодательство Евросоюза. Европейский Закон о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA) [12] фактически легализует подобные органы, создавая многоуровневую систему обжалования решений платформ. Статья 21 DSA вводит институт внесудебного урегулирования споров через сертифицированные органы, при этом данные органы прямо лишены права навязывать сторонам обязательное урегулирование, что отличает их как от арбитража, так и от судебных решений.

Другим примером является судебная система Международного финансового центра в Абу-Даби (ADGM). Суды ADGM, учреждённые на основании Закона Абу-Даби № 4 от 2013 г., включают суд первой инстанции и апелляционный суд; 9 декабря 2018 г. ADGM открыл первый в мире полностью цифровой зал суда [13]. Законодательная база судов ADGM опирается на прямое применение английского общего права. В отличие от платформенных трибуналов Meta или Kleros, суды ADGM учреждены государственным актом и обладают принудительной юрисдикцией, что ставит их на границе между «технологическим судом» и полноценным государственным судом, перенесённым в цифровую среду.

На основании проведённого анализа предлагается следующий вывод относительно правовой природы «технологических судов». «Технологические суды» представляют собой квази-судебные органы, не являющиеся ни полноценными судами, ни классическими механизмами альтернативного разрешения споров (ADR). С одной стороны, «технологические суды» имитируют ключевые атрибуты судебного разбирательства: структурированную процедуру, мотивированные решения, апелляционный механизм. С другой стороны, они лишены конституирующих признаков суда: государственного мандата, подлинной независимости, принудительной исполнимости решений, подотчётности публичному праву. Само существование «технологических судов» не нарушает идею правосудия как публичного института при условии, что общество и государство осознают их квази-судебную, а не судебную природу. Опасность возникает тогда, когда конституционная метафора «Верховного суда» присваивается

корпоративным органам, создавая иллюзию публичного правосудия без его сущностного содержания. Если концептуальная трансформация наиболее заметна в западных странах, то практическая реализация цифровых судов наиболее ярко выражена в Азии, прежде всего в Китае. Китай является новатором в создании специализированных интернет-судов: Ханчжоуский интернет-суд был открыт 18 августа 2017 г., за ним последовали Пекинский (9 сентября 2018 г.) и Гуанчжоуский (28 сентября 2018 г.) интернет-суды [14].

Модель китайских интернет-судов характеризуется наличием полного онлайн-процесса: подача иска, уплата пошлин, представление доказательств, слушания и вынесение решения происходят дистанционно. Согласно ст. 1 Положений Верховного народного суда КНР, *«принятие дела, вручение документов, медиация, обмен доказательствами, досудебная подготовка, судебное заседание, оглашение решения и иные процессуальные действия, как правило, осуществляются онлайн»* [15]. Юрисдикция интернет-судов охватывает 11 категорий дел, включая споры из договоров онлайн-купли-продажи, цифровые авторские права, доменные имена. По данным Белой книги Верховного народного суда, к октябрю 2019 г. три интернет-суда приняли 118 764 дела, из которых 80 819 были рассмотрены полностью онлайн [16]. Особое значение имеет применение блокчейн-технологий для обеспечения неизменности и проверки подлинности электронных доказательств.

Опыт Китая демонстрирует, что государство может не просто адаптироваться к цифровым вызовам, но и активно формировать высокоэффективную, технологически детерминированную судебную систему, обеспечивающую быстрое и доступное правосудие для цифровой экономики. Индонезия, столкнувшись с ростом цифровых нарушений, также предпринимает шаги по цифровизации правосудия. Постановление Верховного суда (PERMA) № 3 от 2018 г. ввело систему электронного администрирования дел (e-Filing, e-Payment, e-Summons); PERMA № 1 от 2019 г. расширило систему, введя электронное разбирательство (e-Litigation); PERMA № 7 от 2022 г. закрепило полное электронное судопроизводство [17]. Однако индонезийская модель сталкивается с серьёзными ограничениями: отсутствием интеграции ИИ и блокчейна в судебные процессы, инфраструктурными проблемами (около 20% регионов не имеют стабильного доступа к интернету), кадровым дефицитом. Без комплексного подхода цифровизация правосудия рискует остаться поверхностной [19, с. 62], не решающей ключевые проблемы доступа к правосудию и усугубляющей цифровое неравенство.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубокой и многогранной трансформации правосудия под влиянием цифровых технологий в зарубежных странах. Происходит фундаментальное переосмысление суда: его материальность, монополия на юридическое принуждение и привязка к государственной юрисдикции частично уступают место виртуальным платформам, алгоритмическим решениям и частным «технологическим судам». Понятие «дематериализации» суда, введённое Л. Малкахи, описывает не просто технический переход к онлайн-формату, а качественное изменение природы правосудия: утрату символической, перформативной и архитектурной составляющих, которые на протяжении столетий обеспечивали легитимность судебной власти. Многообразие форм цифровой судебной деятельности — от полностью онлайн-судов Китая до децентрализованных блокчейн-арбитражей — свидетельствует о том, что единой модели цифрового правосудия не существует; каждая форма по-своему соотносится с традиционными признаками суда.

«Технологические суды», создаваемые частными корпорациями, представляют собой квази-судебные органы, имитирующие форму судебного разбирательства без его сущностного содержания: государственного мандата, подлинной независимости, принудительной исполнимости. Тенденции технологических компаний (масштабируемость, эффективность, удобство) проникают в сферу правосудия, вытесняя традиционные судебные ценности (беспристрастность, надлежащая правовая процедура, судебная независимость). На практике наблюдается разрыв между странами-лидерами цифрового правосудия (Китай), которые создают высокоэффективные и технологически продвинутые системы интернет-судов, и странами, находящимися в начале пути (Индонезия), где цифровизация ограничивается частичной автоматизацией существующих процессов. При этом развитие цифрового правосудия порождает серьёзные риски: угрозу легитимности и прозрачности алгоритмических решений, размывание ответственности частных корпораций за соблюдение прав человека, цифровое неравенство и отчуждение юристов от новых процессов. Вместо наблюдения за тем, как технологические компании переопределяют правосудие, государствам и правовому сообществу необходимо активно участвовать в формировании цифровой судебной системы будущего. Это требует не только технологических инвестиций, но и глубокой концептуальной работы по интеграции новых технологий в правовую систему при безусловном приоритете верховенства права, прав человека и государственного контроля.

Особый научный интерес в будущем может представлять сравнительно-правовое исследование опыта использования машиночитаемого права в зарубежных странах и последующее выявление связей указанной концепции с цифровой трансформацией правосудия, а также общей дефиниции для понятия «машина».

Список литературы:

[1] Meyerson D. What Is a Court of Law? // UNSW Law Journal. — 2019. — Vol. 42, No. 1. — P. 120—163.

[2] Fuller L. L. The Forms and Limits of Adjudication // Harvard Law Review. — 1978. — Vol. 92, No. 2. — P. 353—409.

[3] Resnik J., Curtis D. Representing Justice: Invention, Controversy, and Rights in City-States and Democratic Courtrooms. — New Haven : Yale University Press, 2011. — 720 p.

[4] Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 368 p.

[5] Mulcahy L. Legal Architecture: Justice, Due Process and the Place of Law. — London : Routledge, 2011. — 240 p.

[6] Bergolla L., Seif K., Eken C. Kleros: A Socio-Legal Case Study of Decentralized Justice & Blockchain Arbitration // Ohio State Journal on Dispute Resolution. — 2022. — Vol. 37, No. 1. — P. 57—98.

[7] Ast F., Deffains B. When Online Dispute Resolution Meets Blockchain: The Birth of Decentralized Justice // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. — 2021. — Vol. 4, No. 2.

[8] Чечулина А.А. Основные направления развития цифрового правосудия // Сборник научных трудов: Наука на современном этапе развития общества. – Сочи-Москва: Издательство НОУВО Международный инновационный университет, Московский инновационный университет. – С. 142-132.

[9] Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. — 2018. — Vol. 131. — P. 1598—1670.

[10] Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. — New York : Basic Books, 2006. — 432 p.

[11] Douek E. Content Moderation as Administration // Harvard Law Review. — 2022. — Vol. 136. — P. 526—607.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act). // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 25.06.2026).

[13] ADGM Courts. URL: https://www.adgm.com/adgm-courts (дата обращения: 25.06.2026).

[14] Chinese Courts and Internet Judiciary. White Paper of the Supreme People ‘s Court of China. — Beijing, 2019. // The Supreme People’s Court Of The People’s Republic Of China. URL: https://english.court.gov.cn/ (дата обращения: 25.06.2026).

[15] Положения Верховного народного суда КНР по нескольким вопросам рассмотрения дел Интернет-судами от 6 сентября 2018 г. (法释〔2018〕16号).

[16] Peraturan Mahkamah Agung Republik Indonesia Nomor 3 Tahun 2018, Nomor 1 Tahun 2019, Nomor 7 Tahun 2022 tentang Administrasi Perkara dan Persidangan di Pengadilan Secara Elektronik. // Situs Resmi Kepaniteraan Mahkamah Agung. URL: https://kepaniteraan.mahkamahagung.go.id/images/Perma-7_2022.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

[17] Чечулина А. А., Дегтярев Д. Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука — 2026. — №1 — С. 28-31.

[18] Миннигулова А. Н. Перспективы развития государственности в России / А. Н. Миннигулова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 28-35.

[19] Шевелева С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64.

References:

[1] Meyerson D. What Is a Court of Law? // UNSW Law Journal. — 2019. — Vol. 42, No. 1. — P. 120—163.

[2] Fuller L. L. The Forms and Limits of Adjudication // Harvard Law Review. — 1978. — Vol. 92, No. 2. — P. 353—409.

[3] Resnik J., Curtis D. Representing Justice: Invention, Controversy, and Rights in City-States and Democratic Courtrooms. — New Haven : Yale University Press, 2011. — 720 p.

[4] Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 368 p.

[5] Mulcahy L. Legal Architecture: Justice, Due Process and the Place of Law. — London : Routledge, 2011. — 240 p.

[6] Bergolla L., Seif K., Eken C. Kleros: A Socio-Legal Case Study of Decentralized Justice & Blockchain Arbitration // Ohio State Journal on Dispute Resolution. — 2022. — Vol. 37, No. 1. — P. 57—98.

[7] Ast F., Deffains B. When Online Dispute Resolution Meets Blockchain: The Birth of Decentralized Justice // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. — 2021. — Vol. 4, No. 2.

[8] Чечулина А.А. Основные направления развития цифрового правосудия // Сборник научных трудов: Наука на современном этапе развития общества. – Сочи-Москва: Издательство НОУВО Международный инновационный университет, Московский инновационный университет. – С. 142-132.

[9] Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. — 2018. — Vol. 131. — P. 1598—1670.

[10] Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. — New York : Basic Books, 2006. — 432 p.

[11] Douek E. Content Moderation as Administration // Harvard Law Review. — 2022. — Vol. 136. — P. 526—607.

[12] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act). // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 25.06.2026).

[13] ADGM Courts. URL: https://www.adgm.com/adgm-courts (дата обращения: 25.06.2026).

[14] Chinese Courts and Internet Judiciary. White Paper of the Supreme People ‘s Court of China. — Beijing, 2019. // The Supreme People’s Court Of The People’s Republic Of China. URL: https://english.court.gov.cn/ (дата обращения: 25.06.2026).

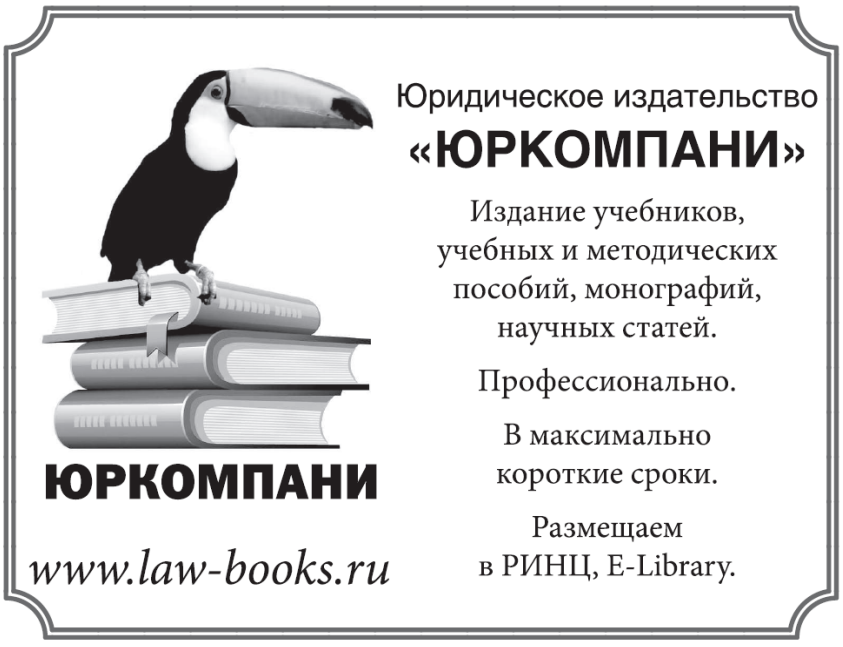
[15] Положения Верховного народного суда КНР по нескольким вопросам рассмотрения дел Интернет-судами от 6 сентября 2018 г. (法释〔2018〕16号).

[16] Peraturan Mahkamah Agung Republik Indonesia Nomor 3 Tahun 2018, Nomor 1 Tahun 2019, Nomor 7 Tahun 2022 tentang Administrasi Perkara dan Persidangan di Pengadilan Secara Elektronik. // Situs Resmi Kepaniteraan Mahkamah Agung. URL: https://kepaniteraan.mahkamahagung.go.id/images/Perma-7_2022.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

[17] Чечулина А. А., Дегтярев Д. Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука — 2026. — №1 — С. 28-31.

[18] Миннигулова А. Н. Перспективы развития государственности в России / А. Н. Миннигулова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 28-35.

[19] Шевелева С. С. Сбалансированная цмфровизацил уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-175-180
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЗАРУБИНА Мария Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: 17mz84@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВИЛ ПЕРЕДАЧИ ДЕЛА ПО ПОДСУДНОСТИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Институт подсудности гражданских и административных дел носит межотраслевой и комплексный характер, так как регламентируется правилами нескольких процессуальных кодексов. В современном цивилистическом процессе особо остро встает вопрос о транзитивных свойствах подсудности, когда необходимо передать дело в другой суд. Автор задается вопросом об эффективности правового регулирования порядка передачи дела по подсудности, анализирует судебную практику и судебную статистику. Делается вывод о целесообразности гармоничного развития процессуального законодательства с указанием не только оснований, но и условий передачи дела в другой суд как судами первой, так и вышестоящими инстанциями. Формальное рассмотрение такого процессуального вопроса не допустимо.* ***Вывод.*** *Возражения по юрисдикции сторонами спора либо самостоятельное принятие судом процессуального решения о передаче дела должны ограничиваться конкретной стадией судопроизводства, совершаться коллегиальным составом суда и не должны препятствовать осуществлению правосудия в установленные сроки.*

Ключевые слова: *возражения по юрисдикции, передача дела, подсудность, цивилистический процесс, правосудие.*

ZARUBINA Maria Nikolaevna,
Candidate of Law Sciences, associate professor of civil process
of the North Western branch of the Federal State Budget-Funded
Educational Institution of Higher Education
«The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

SYSTEMIC ANALYSIS OF THE RULES FOR TRANSFERRING CASES TO JURISDICTION IN THE CIVILIAN PROCESS

Annotation. *The concept of jurisdiction in civil and administrative cases is interdisciplinary and complex, as it is regulated by the rules of several procedural codes. In modern civil law proceedings, the question of the transitive nature of jurisdiction becomes particularly pressing when a case must be transferred to another court. The author examines the effectiveness of legal regulation of the procedure for transferring a case to another court, analyzing judicial practice and judicial statistics. The conclusion is drawn regarding the advisability of a harmonious development of procedural legislation, specifying not only the grounds but also the conditions for transferring a case to another court by both trial and higher courts. A formal consideration of such a procedural issue is inadmissible. Objection to jurisdiction by the parties or the court's independent procedural decision to transfer a case are limited to a specific stage of the proceedings, are made by a panel of judges, and must not impede the administration of justice within the established timeframes.*

Key words: *objection to jurisdiction, transfer of a case, jurisdiction, civil procedure, justice.*

В цивилистическом процессе тема подсудности поднималась неоднократно, и связано это в первую очередь с тем, что три процессуальных кодекса (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), даже при попытке законодателя унифицировать их нормы, не могут полностью исключить влия-

ние отдельных факторов на формирование особенностей регулирования процессуальных правоотношений. Если проанализировать периоды становления подсудности, то совершенствование правил определения компетентного суда не отличалось последовательностью, но в тоже время было подчинено, на наш взгляд, двум важным факторам: формированию самостоятельного судебного ведомства (учреждений), отделенного от других государственных структур, а также появлению формально-процедурных правил рассмотрения дела. Безусловно, это сказывалось и на последствиях нарушения правил подсудности. Как пишет, Т.П. Ерохина, если в 15-17 вв. несоблюдение подсудности никаких последствий не имело, то уже с принятием Устава гражданского судопроизводства в 19 в. к этому стали относиться намного серьезнее, вплоть до привлечения вышестоящего суда для разрешения процессуального спора о юрисдикции [1, с. 10].

Сегодня подсудность обеспечивается сразу целым комплексом процессуальных норм, устанавливающих:

1 – перечень дел, отнесенных к компетенции того или иного суда (по предмету спора и по территории нахождения суда – глава 3 ГПК РФ, глава 2 КАС РФ, глава 4 АПК РФ);

2 – порядок передачи дела в суд по подсудности;

3 – последствия несоблюдения правил подсудности.

Между тем, как разъяснено в п. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» не всякое нарушение правил подсудности приводит к отмене судебного акта на основании п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ (рассмотрение дела судом в незаконном составе). Такое последствие наступит в трех случаях: 1) если на нарушение укажет апеллянт, и он заявлял ходатайство о неподсудности дела этому суду или о передаче его в другой суд, 2) подобное процессуальное обращение не могло быть заявлено ввиду неизвещения или непривлечения апеллянта в качестве лица, участвующего в деле, или по иной уважительной причине, 3) по инициативе суда в случае нарушения правил родовой (ст. ст. 26 и 27 ГПК РФ) и исключительной подсудности [2]. В данном и нижеприведенных актах толкования не выражена позиция Верховного Суда РФ по поводу временных пределов обращения с возражением о юрисдикции.

Для применения аналогичной нормы в арбитражном процессе в апелляционной инстанции (п. 1 ч. 4 ст. 270 АПК РФ) действуют похожие правила с той лишь разницей, что Верховный Суд РФ особое внимание уделяет реализации полномочия вышестоящей инстанции по передаче дела в суд общей юрисдикции, если дело не подлежало рассмотрению в арбитражном суде [3].

В административном судопроизводстве даётся еще более детализированное толкование применения п.1 ч. 1 ст. 310 КАС РФ применительно к виду подсудности. Например, нарушение правил территориальной подсудности «не свидетельствует о рассмотрении административного дела в незаконном составе и не является безусловным основанием для отмены судебного акта» [4]. Одновременно Верховный Суд РФ допускает применение вышеназванной нормы фактически по усмотрению апелляционной инстанции, обозначая лишь приблизительно основания удовлетворения апелляционной жалобы по возражениям о подсудности. Особое значение в этом разъяснении имеет запрет спора о подсудности, если апелляционной инстанцией установлено, что дело рассмотрено судом, которому оно не подсудно, но суды, компетентные его рассматривать, возвратили административное исковое заявление или оставили его без рассмотрения. Очень бы хотелось в разъяснительном акте все-таки увидеть частные случаи оставления административного иска без рассмотрения, поскольку общей нормой (ст. 196 КАС РФ) ошибка в подсудности не является причиной окончить дело без вынесения судебного решения. Более того, в постановлении Верховного Суда РФ не учтены случаи, когда административное дело было ошибочно передано по подсудности в арбитражный суд, в том числе, по инициативе самого суда, возбудившего административное судопроизводство. Соответственно не совсем ясно применяется ли правило запрета «обратного возврата» в этом случае.

Как видим, законодатель и правоприменитель допускают дифференцированный, непоследовательный подход к последствиям несоблюдения правил подсудности, хотя происходит это внутри единой системы цивилистических процессуальных правоотношений, поэтому любого рода противоречия могут привести к нестабильности окончательно принятого судебного решения и его последующей отмене.

Передача дела по подсудности – это серьезное процессуальное решение суда первой инстанции, полностью влияющее на дальнейший ход судебного процесса, на сроки и инстанционность, особенно когда законодатель допустил передачу дела не только в пределах одной системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но и между ними (Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; ч. 4 ст. 39 АПК РФ, ч. 2.1 ст. 27 КАС РФ, ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ). Поэтому так важно не

просто обойтись общими формулировками, а выработать единую, а главное прозрачную стратегию «обновления» судебной юрисдикции для достижения целей правосудия.

В судах общей юрисдикции за период 2024 г. из всех рассмотренных гражданских дел передано в другие суды 284 888 ед. Из них самая большая часть приходится на споры, возникающие из семейных правоотношений, о взыскании платы за ЖКХ, иные споры, вытекающие из жилищного законодательства, споры, связанные с наследованием имущества, о взыскании сумм по договору займа, об установлении фактов, имеющих юридическое значение [5]. Эти показатели довольно условны, поскольку не учитывают ошибки судов и основания передачи дела и т.д. Однако так или иначе цифра указывает на актуальность поставленной проблемы по нескольким направлениям.

1 – *Формирование определенных и достаточных нормативных критериев для отнесения дела к тому или иному суду*. Если придерживаться классического понимания подсудности как свойства дела, то станет очевидным необходимость устранения любой неопределенности в установлении материально-правовой связи спора к конкретному суду. В доктринальной литературе неоднократно подчеркивались проблемы разрешения спорных вопросов о порядке определения подсудности [6, с. 49]. Так, по одному из дел были выявлены грубые нарушения правил исключительной подсудности, хотя требование, которое заявлялось истцом, впоследствии не изменялось и вписывалось в круг категорий споров о защите права собственности на недвижимое имущество. Истец, оспаривая право собственности ответчика на судно путем предъявления иска о признании сделки недействительной, фактически требует переход права собственности на этот объект, следовательно, иск должен рассматриваться по правилам исключительной подсудности (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2026 N 88-7672/2026).

Не менее тривиальные ошибки можно обнаружить и в арбитражных судах по гражданско-правовым спорам, ставшими довольно обыденными и злободневными. В одном из дел Верховным Судом РФ была исправлена ошибка суда округа, который дело о взыскании задолженности оставил без рассмотрения, указав, что требование должно быть рассмотрено в рамках дела о банкротстве ответчика, возбужденного до момента обращения в суд с настоящим иском (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.04.2024 № А40-257870/2022). Вторая кассация напомнила официальные разъяснения, согласно которым в данном случае важна не дата возбуждения дела о банкротстве, а дата введения процедуры наблюдения. Кроме того, в ходе процедур наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления дальнейшее рассмотрение иска осуществляется по выбору истца [7].

Исправление судебных ошибок чаще всего достигается посредством передачи дела на новое рассмотрение, что приводит к затягиванию разбирательства по делу по вине суда. Несмотря на то, что общая тенденция судебной практики сводится к тому, чтобы формально не отменять судебные акты, конституционная гарантия «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судей, к подсудности которых оно отнесено законом» (ст. 47 Конституции РФ) во многих случаях заставляет суды устранять любую судебную ошибку, связанную с подсудностью. Неоднократно Конституционный Суд РФ называл нарушение правил подсудности фундаментальным или существенным (например, определение КС РФ от 3 июля 2007 г. №623-О-П), что наводит на мысль о неустоявшемся подходе правоприменителя к разрешению спора о подсудности гражданских дел в судебной системе.

Видимо поэтому некоторые авторы вполне справедливо поднимают тему изменения подсудности как фактора злоупотребления правом. В частности, М.С. Андреянова приводит пример присоединения к иску о лишении родительских прав дополнительного требования о взыскании алиментов или об изменении их размера, по которому уже был принят судебный акт. Объединение обоих требований позволяет рассматривать дело по месту жительства истца, однако это явно не правомерно, и суд должен вмешаться в ход судебного процесса и передать дело по подсудности по месту жительства ответчика [8, с. 80].

Такую точку зрения разделяют не все, поскольку речь идет о нарушении не родовой, а территориальной подсудности, и если ответчик не заявлял ходатайства о передаче дела по подсудности, то суд всё-таки должен быть в этом случае ограничен диспозитивностью сторон и не инициировать отказ от своей юрисдикции. Здесь нужно согласиться с мнением дореволюционного классика процессуальной науки Е.В. Васьковским, полагавшим, что «на нарушение судом всякой компетенции, кроме пространственной, могут указывать обе стороны, а нарушение судом пространственной компетенции дает одному только ответчику право заявить отвод о неподсудности дела» [9, с. 449].

Следовательно, полномочия судов первой инстанции по применению основания передачи дела в порядке самоконтроля в другой суд (то есть в случае, если дело было принято к произ-

водству с нарушением правил подсудности) следует ограничить лишь неправильным применением правил родовой и исключительной подсудности.

2 – *Установление межсистемных связей между судами общей юрисдикции и арбитражными судами по вопросам передачи дела по подсудности*. Сама по себе идея устранения противоречий судебной юрисдикции до принятия судом окончательного судебного акта является очень привлекательной, так как должна ускорить судебную защиту нарушенного права. Однако не всегда то, ради чего создается та или иная юридическая конструкция, сполна оправдывает себя.

Одно время в научной периодике появилась довольно интересная статья о выделении судебно-арбитражной подведомственности в целях снижения рисков нарушении компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Автор настоящей публикации В.А. Пономаренко, опираясь на богатый научно-практический опыт ученых-процессуалистов, сделал вывод о закреплении права суда передать дело в компетентный суд на любой стадии процесса, в том числе, на стадии возбуждения производства по делу. Кроме того, была поднята проблема организационно-управленческого характера взаимодействия системы судов [10, с. 110]. Законодатель лишь частично откликнулся на озвученный призыв, и уже после принятия изменений федеральным законом от 19.12.2016 № 435-ФЗ другие авторы вновь обратили внимание на комплексную проблему процедуры передачи дела из арбитражных судов в суды общей юрисдикции и наоборот, говоря о существенных недочетах правового регулирования, таких как: непрописанный алгоритм передачи дела из одного суда в другой; сложный юридико-фактический состав, связанный с длительным ожиданием спорящих сторон вступления определения суда о передачи дела в законную силу, а в случае передачи дела – его назначения в новом суде [11, с. 422].

На отсутствие межсистемных связей судебных юрисдикций указывает еще и то, что суды не уполномочены совместно рассмотреть возникший спор о подсудности. Например, по одному из административных дел по иску бюджетного учреждения к комитету финансового контроля о признании незаконным представления производство было возбуждено по правилам КАС РФ, однако потом передано по подсудности в Арбитражный суд субъекта РФ. Апелляционная инстанция определение отменила и направило дело обратно в суд первой инстанции для рассмотрения по существу. В кассации возник следующий вопрос: какова природа спорного правоотношения и по поводу чего был принят оспариваемый ненормативный акт. В пользу арбитражной юрисдикции были указаны следующие доводы: экономический характер деятельности ответчика в сфере осуществления финансово-бюджетного контроля, и субъектный состав лиц, участвующих в деле. Между тем, вышестоящая инстанция выявила другие характеристики возникшего спора – материально-правовое обоснование принятого государственным органом представления, в котором было указано на неправомерное использование средств субсидии на государственное задание, а именно необоснованное начисление и выплата заработной платы за фактически неотработанное время подсобному рабочему (Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2026 по делу № 88а-1450/2026).

Думается, что такого рода противоречия должны быть решены совместно двумя системами судов с тем, чтобы выработать единообразную судебную практику применения института передачи дела по подсудности и устранить какую бы то ни было конкуренцию подсудности. И, безусловно, возвращаясь к уже упомянутому предложению В.А. Пономоренко всё-таки следует задуматься о судебно-арбитражной подведомственности и закрепить полномочия компетентных судов (суда, направляющего дела по подсудности, и суда, принимающего это дело) внести правовую определенность в процессуальный спор.

3 – *Определить временной промежуток заявления сторонами возражений о юрисдикции*.

В некоторых государствах вопрос об ограничении права подавать ходатайства о неподсудности сторонами успешно решен и одобрен на законодательном уровне. Преклюзивные приемы используются в процессуальных нормах с одной лишь целью – пресечь совершения сторонами недобросовестного поведения и создать все условия для своевременной судебной защиты. И.В. Решетникова сравнивает этот прием с успешно используемым в современной судебной практике эстоппелем – запрет противоречивого поведения в судебном процессе. То есть если в первой инстанции у ответчика не было возражений против подсудности, а в апелляционной инстанции оно вдруг возникло, то указанные действия свидетельствуют о признании им компетенции суда в первой инстанции [12, с. 64 – 66]. Согласимся с утверждением С.А. Курочкина, что именно эффективность характеризует любое действие заинтересованного субъекта и, как следствие, оно должно быть рациональным [13, с. 166].

На наш взгляд, «гуляние» дела по подсудности уничтожает справедливость в правосудии, а значит априори не допустимо. Любая конкуренция юрисдикций должна быть разрешена в пер-

вой инстанции, но процессуального механизма, позволяющего открыто и в максимально быстрые сроки найти процессуальный компромисс юрисдикций, в современном российском законодательстве нет.

Все вышеизложенное свидетельствует о неразрешенной проблеме спора о подсудности, которая на самом деле до сих пор существует в правоприменительной практике и выявляется чаще всего только при пересмотре судебных актов в кассационной инстанции. Есть много и других вопросов, так или иначе влияющих на порядок определения подсудности, например, о допустимости и границах соглашения о подсудности, а также установление правила об исключении права вышестоящего суда изымать у нижестоящего суда дело и принимать к своему производству, передавать без согласия сторон дело в другой суд [14, с. 80, 84] и т.д.

В качестве заключения сделаем несколько выводов:

1. Дальнейшее развитие цивилистического процесса невозможно без оптимизации правил взаимодействия судов по вопросам разрешения спора о подсудности. Законодательная установка «споры о подсудности между судами запрещены» очень условна, так как в современных реалиях они фактически возникают между нижестоящими и вышестоящими судами. Восстановление конституционного права на законный суд достигается сегодня только через отмену судебного акта, что нельзя расценивать как эффективное правосудие.

2. Передача дела по подсудности должно быть исключением, а не правилом. Юридическая техника процессуального закона призвана устранять процессуальные неопределенности порядка подачи иска (заявления) в суд и обнаруживать злоупотребления сторон при попытке уйти от юрисдикции. Цель и задачи судопроизводства провозглашены для каждого суда, осуществляющего правосудие на территории Российской Федерации.

3. Отсутствие компетенции рассматривать спор – это совокупность процессуальных норм, с очевидностью устанавливающих право другого конкретного суда рассматривать спор, исходя из 1) его материально-правовых характеристик, 2) соглашения сторон, 3) процессуального решения коллегиального органа судебной власти, определившего иные критерии подсудности.

Список литературы:

[1] Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.15 / Сарат. гос. акад. права. — Саратов, 2004. — 26 с.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // БВС РФ. – 2021. – №7. (п. 56)

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // БВС РФ. – 2020. – №9. (п. 28)

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Рос. газ. – 2020. – №136. (п. 37).

[5] Судебная статистика. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения 17.06.2026).

[6] Ярков В. В. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Яркова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. — 928 с.

[7] Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 23.12.2025) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – №8. (п. 28).

[8] Андреянова М.С. Подсудность гражданских дел, связанных с семейными правами детей // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 6. – С. 78 – 82.

[9] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.

[10] Пономаренко В.А. О процессуальных последствиях нарушений компетенции судов общей юрисдикции и арбитражной юрисдикции // Закон. – 2013. – №3. – С. 101 – 112.

[11] Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Процессуальная революция и нерешенные задачи. – М.: Международные отношения, 2019. – 592 с.

[12] Решетникова И.В. Право на компетентный суд: формирование состава суда, подсудность дела // Закон. – 2021. – № 7. – С. 61 – 69.

[13] Курочкин С.А. Эффективное обращение в суд: вопросы теории // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – №6(137). – С. 163 – 175.

[14] Самсонова М.В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2. – С. 80 – 89.

References:

[1] Erokhina T.P. Some issues of jurisdiction in civil proceedings: abstract of dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.15 / Saratov state academy of law. - Saratov, 2004. - 26 p.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021 No. 16 “On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the court of appeal” // BVS RF. - 2021. - No. 7. (clause 56)

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2020 No. 12 “On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the arbitration court of appeal” // BVS RF. - 2020. - No. 9. (paragraph 28)

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 11, 2020, No. 5 “On the Application by Courts of the Provisions of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation Governing Proceedings in the Court of Appeal” // Ros. Gaz. – 2020. – No. 136. (paragraph 37).

[5] Judicial Statistics. // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/?id=79 (date of access June 17, 2026).

[6] Yarkov, V. V. Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation / edited by V. V. Yarkov. — 5th ed., revised and enlarged. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. — 928 p.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 22, 2012, No. 35 (as amended on December 23, 2025) “On Certain Procedural Issues Related to the Consideration of Bankruptcy Cases” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2012. – No. 8. (clause 28).

[8] Andrejanova, M.S. Jurisdiction of Civil Cases Related to Children’s Family Rights // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2024. – No. 6. – pp. 78–82.

[9] Vaskovsky, E.V. Civil Procedure Course: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. – Moscow: Statut, 2016. – 624 p.

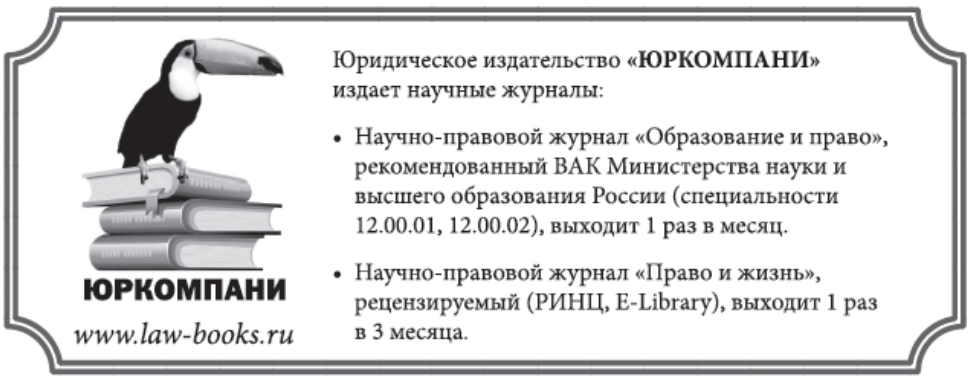
[10] Ponomarenko, V.A. On the procedural consequences of violations of the competence of courts of general jurisdiction and arbitration jurisdiction // Law. - 2013. - No. 3. - pp. 101 - 112.

[11] Prikhodko I. A., Bondarenko A. V., Stolyarenko V. M. Procedural revolution and unsolved problems. - Moscow: International relations, 2019. - 592 p.

[12] Reshetnikova I. V. The right to a competent court: formation of the composition of the court, jurisdiction of the case // Law. - 2021. - No. 7. - pp. 61 - 69.

[13] Kurochkin S. A. Effective appeal to court: theoretical issues // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2020. - No. 6 (137). – P. 163–175.

[14] Samsonova M.V. Problems of improving the institution of jurisdiction of civil cases // Actual problems of Russian law. – 2024. – No. 2. – P. 80–89.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-181-188
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЧИЖИКОВ Артур Дмитриевич,
студент 4 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОБОРОДОВ Максим Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент Базовой кафедры
конкурентного и предпринимательского права
Юридической Школы ДВФУ,
член научно-методического совета ФАС России,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАТЬЯ 248.1 АПК: СПОРЫ С ПОДСАНКЦИОННЫМИ ЛИЦАМИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу статьи 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающей исключительную компетенцию российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера. Актуальность исследования обусловлена беспрецедентным санкционным давлением на Российскую Федерацию и необходимостью обеспечения доступа подсанкционных лиц к правосудию. В работе исследованы правовая природа и условия применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, позволяющей перевести спор под юрисдикцию российского суда, несмотря на наличие арбитражной оговорки о передаче спора в иностранный суд или международный коммерческий арбитраж. На основе анализа доктринальных источников и судебной практики выделены два противоположных подхода к толкованию условия об ограничении доступа подсанкционных лиц к правосудию: расширительный, преобладающий в судебной практике, и ограничительный, предполагающий необходимость доказывания реальных препятствий в доступе к правосудию. Автором критически оценена правовая позиция Верховного Суда РФ, согласно которой сам по себе факт введения санкций является достаточным для применения данной нормы. Обоснована необходимость принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающего опровержимую презумпцию ограничения доступа к правосудию для подсанкционных лиц. Рассмотрено место ст. 248.1 АПК РФ в формирующемся межотраслевом институте контрсанкционного регулирования. Предложены пути совершенствования правоприменительной практики, направленные на обеспечение баланса интересов российских подсанкционных лиц и их иностранных контрагентов. Особое внимание уделено последствиям излишне широкого применения рассматриваемой нормы, включая риски осложнения договорных отношений с иностранными партнерами и снижения инвестиционной привлекательности российской юрисдикции. Сделан вывод о том, что эффективное применение ст. 248.1 АПК РФ возможно лишь при условии выработки судами единообразных критериев оценки наличия реальных препятствий в доступе к правосудию.*

Ключевые слова: *санкции, подсанкционные лица, международный коммерческий арбитраж, арбитражная оговорка, исключительная компетенция, ограничение доступа к правосудию, презумпция, контрсанкции, антисанкционное регулирование, судебный запрет.*

CHIZHIKOV Artur Dmitrievich,
4th-year student at the Law School
of the Far Eastern Federal University

BELOBORODOV Maxim Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
at the Basic Department of Competition and Business Law,
Law School of the Far Eastern Federal University;
Member of the Scientific and Methodological Council
of the Federal Antimonopoly Service of Russia

COUNTER-SANCTION RESTRICTIONS IN PROCUREMENT AND TRANSACTIONS

Annotation. *Russian arbitration courts over disputes involving persons subject to restrictive measures. The relevance of the study is due to the unprecedented sanctions pressure on the Russian Federation and the need to ensure access to justice for sanctioned persons. The paper examines the legal nature and conditions for the application of Part 4 of Article 248.1 of the APC RF, which allows transferring a dispute to the jurisdiction of a Russian court despite the existence of an arbitration clause providing for the dispute to be referred to a foreign court or international commercial arbitration. Based on the analysis of doctrinal sources and judicial practice, two opposing approaches to interpreting the condition on restricting access to justice for sanctioned persons are identified: a broad approach, prevailing in judicial practice, and a restrictive approach, presupposing the need to prove actual obstacles in access to justice. The author critically assesses the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, according to which the mere fact of imposing sanctions is sufficient for the application of this rule. The necessity of adopting a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation establishing a rebuttable presumption of restricted access to justice for sanctioned persons is substantiated. The place of Article 248.1 of the APC RF in the emerging intersectoral institution of counter-sanctions regulation is examined. Ways to improve law enforcement practice aimed at ensuring a balance of interests between Russian sanctioned persons and their foreign counterparties are proposed. Special attention is paid to the consequences of an overly broad application of the provision under consideration, including the risks of complicating contractual relations with foreign partners and reducing the investment attractiveness of the Russian jurisdiction. It is concluded that the effective application of Article 248.1 of the APC RF is possible only subject to the development by courts of uniform criteria for assessing the existence of real obstacles in access to justice.*

Key words: *sanctions, sanctioned persons, international commercial arbitration, arbitration clause, exclusive jurisdiction, restriction of access to justice, presumption, counter-sanctions, anti-sanction regulation, anti-suit injunction.*

Введение

В обстановке беспрецедентного санкционного давления, которое оказывается на Российскую Федерацию, ее граждан и организации со стороны недружественных стран и различных международных структур, вопросы обеспечения доступа к правосудию для субъектов, попавших под ограничительные меры, приобретают исключительную значимость. Как обоснованно указывает О.Ф. Засемкова, введенные против России односторонние ограничения существенно затронули сферу разрешения конфликтов, породив для отечественных участников оборота значительные трудности при попытках реализации ранее заключенных арбитражных соглашений [4, с. 76].

В качестве меры противодействия обозначенным проблемам был принят Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ, которым Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации претерпел изменения, будучи снабжен новыми положениями, закрепленными в статьях 248.1 и 248.2 [6]. Указанные нормативные новеллы закрепили за российскими арбитражными судами исключительные полномочия по разрешению дел с участием субъектов, попавших под ограничительные меры, а также конфликтов, возникновение которых обусловлено санкциями, примененными в отношении российских лиц.

А.В. Габов, давая характеристику складывающейся системе антисанкционного регулирования, акцентирует внимание на необходимости четкого разделения двух категорий антисанкционных мер: ответных действий и мер, направленных на нивелирование негативных последствий от введенных ограничений [2, с. 120]. Статья 248.1 АПК РФ, вне всякого сомнения, относится ко второй группе, выполняя функцию инструмента, обеспечивающего процессуальные гарантии для российских лиц, оказавшихся в заведомо невыгодном положении в иностранных юрисдикциях.

Несмотря на очевидную социальную и экономическую востребованность рассматриваемой нормы, ее практическая реализация сопряжена с серьезными сложностями, порождающими активные дискуссии как в академической среде, так и в судейском сообществе.

Цель настоящего исследования заключается в проведении комплексного анализа правовой сущности и специфики применения части 4 статьи 248.1 АПК РФ, выявлении существующих доктринальных позиций относительно толкования условий ее использования и разработке предложений по оптимизации правоприменительной деятельности.

Материалы и методы

Методологический аппарат настоящего исследования представляет собой совокупность общенаучных и специально-юридических подходов к познанию. В процессе работы применялись диалектический метод, позволяющий исследовать положения ст. 248.1 АПК РФ в процессе их эволюции и практической реализации, системный подход, обеспечивающий изучение анализируемой нормы во взаимосвязи с иными элементами арбитражного процессуального и международного частного права.

Результаты

Положения статьи 248.1 АПК РФ были введены в действие Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ, которым арбитражным судам Российской Федерации предписано осуществлять рассмотрение дел с участием лиц, подвергшихся ограничительным мерам, в исключительном порядке [6]. Из материалов пояснительной записки к законопроекту усматривается, что главный вектор законодательной инициативы был направлен на реализацию права российских подсанкционных субъектов на полноценную судебную защиту, поскольку обращение в иностранные суды или в расположенные за рубежом международные арбитражные центры для таких лиц сопряжено со значительными трудностями, а подчас и вовсе недоступно [4, с. 78].

В.В. Ярков в своем исследовании обоснованно выделяет три системообразующих критерия, при одновременном наличии которых запускается механизм исключительной компетенции: критерий предметный, критерий субъектный и критерий, касающийся отсутствия альтернативного юрисдикционного порядка [10, с. 67]. Предметный критерий отсылает к категориям дел, поименованным в части 1 статьи 248.1 АПК РФ. Субъектный критерий предполагает участие в деле лиц, в отношении которых установлены ограничительные меры. Третий критерий, по сути, является процессуальным фильтром, исключающим параллельное разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже между теми же сторонами, по тому же предмету и основаниям.

Особую значимость для правоприменительной практики имеет часть 4 статьи 248.1 АПК РФ, которая расширяет сферу действия исключительной компетенции на случаи. Иными словами, законодатель в качестве юридического факта, влекущего изменение юрисдикции, рассматривает не сам факт наличия санкций, а именно их негативное воздействие на процессуальные возможности стороны.

О.Ф. Засемкова совершенно справедливо обращает внимание на то, что в доктрине и судебной практике сложилось две противоположные позиции относительно толкования указанного условия — расширительная и ограничительная [4, с. 78]. Расширительный подход, занявший доминирующее положение в судебных актах, исходит из презумпции: сам факт применения к российскому лицу санкций со стороны иностранного государства уже презюмирует наличие препятствий в доступе к правосудию. В.В. Ярков, поддерживая такой подход, полагает, что данное предположение является обоснованным в силу публичного и персонального характера санкций, однако подчеркивает, что данная презумпция носит опровержимый характер, и бремя ее опровержения возлагается на процессуального оппонента подсанкционного лица [10, с. 69].

Вместе с тем, ограничительный подход требует от суда более глубокого погружения в обстоятельства конкретного дела и возлагает на подсанкционное лицо обязанность доказать, что примененные меры действительно ограничивают его доступ к правосудию, а не носят сугубо репутационный или формальный характер. О.Ф. Засемкова резонно указывает, что при решении вопроса о применении данной нормы надлежит исходить из реального наличия или отсутствия у лица возможности реализовать право на судебную защиту в избранном сторонами форуме [3, с. 80].

Обобщение судебной практики позволяет констатировать, что арбитражные суды сформировали ряд устойчивых правовых позиций относительно применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ. Так, в деле № А73-15265/2022 Арбитражный суд Дальневосточного округа прямо указал, что введение санкций со стороны недружественных государств является общеизвестным фактом, не требующим дополнительного подтверждения [8].

По делу № А56-57238/2020 суд округа признал наличие санкций со стороны США и Украины достаточным для передачи спора в российский суд, хотя местом арбитража был избран Стокгольм, что, на наш взгляд, свидетельствует о приоритете материально-правовых последствий санкций над формальным местом рассмотрения спора [7].

Кроме того, судебная практика исходит из того, что для применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ достаточно наличия не только персональных, но и секторальных санкций. Показательным является дело № А40-121362/22, где АО «Локо-Банк» обосновало свою позицию запретом на оказание банковских услуг и привлечение иностранных специалистов, введенным ЕС и Великобританией, и суд признал данные обстоятельства достаточ-

ными для установления исключительной компетенции российского суда, несмотря на отсутствие персональных санкций в отношении самого банка [9]. Весьма симптоматичным представляется также распространение действия ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ на случаи, когда санкции введены в отношении контролирующих лиц, а не самой стороны спора, что существенно расширяет субъектный состав потенциальных заявителей и ставит вопрос о пределах такой экстраполяции.

Таким образом, анализ приведенных норм и судебной практики позволяет прийти к выводу, что сложившийся в правоприменении расширительный подход, хотя и обеспечивает более высокий уровень защиты прав российских подсанкционных лиц, вместе с тем порождает риски необоснованного ограничения юрисдикционной автономии сторон и потенциально может негативно сказаться на инвестиционной привлекательности России как юрисдикции, а также привести к осложнению договорных отношений с иностранными контрагентами, которые могут усомниться в стабильности арбитражных оговорок и предсказуемости разрешения споров. В связи с этим представляется необходимым выработка судами кассационной инстанции и Верховным Судом РФ единообразных критериев, позволяющих дифференцированно подходить к оценке реальной степени ограничения доступа к правосудию в каждом конкретном случае, с тем чтобы обеспечить разумный баланс между защитой интересов подсанкционных лиц и сохранением доверия к российской судебной системе со стороны иностранных участников оборота.

Обсуждение

Следует прежде всего отметить, что сам по себе факт применения санкций далеко не во всех случаях создает непреодолимые преграды для судебной защиты. Как показывает практика, отдельные кредитные организации продолжают осуществлять переводы, регламенты многих арбитражных институтов содержат перечни арбитров из различных государств, включая нейтральные и дружественные России [4, с. 80].

В. В. Ярков занимает иную позицию, обосновывая присутствие в статье 248.1 АПК РФ опровержимого предположения о том, что применение ограничительных мер к российскому лицу автоматически влечет ограничение его доступа к правосудию в иностранном государстве [10, с. 69]. С точки зрения данного автора, подобная презумпция является логически обоснованной, поскольку ограничительные меры обладают двойственной природой: они носят как персональный, будучи обращенными к конкретному субъекту, так и публичный характер, поскольку имеют общеобязательную силу и опираются на авторитет государственной власти.

Вместе с тем В. В. Ярков особо подчеркивает, что сформулированная презумпция не является абсолютной и может быть опровергнута. На противоположную сторону возлагается обязанность представить убедительные доказательства, подтверждающие, что справедливое судебное разбирательство в отношении российского лица может быть обеспечено в полном объеме, включая беспрепятственное исполнение судебного решения и реальное получение присужденных сумм.

Практика опровержения данной презумпции, однако, остается крайне скудной. О. Ф. Засемкова отмечает, что примеров судебных актов, в которых суды последовали бы ограничительному подходу, чрезвычайно мало. Показательным исключением служит дело № А19-10204/2022, где суд Иркутской области отказался от формального применения нормы и детально исследовал вопрос о наличии фактических преград для доступа к правосудию в Арбитраже Торговой палаты г. Стокгольма, придя в итоге к выводу о неприменимости ст. 248.1 АПК РФ [7].

Резюмируя изложенное, следует признать, что дискуссия между сторонниками расширительного и ограничительного подходов отражает более глубокую проблему — поиск разумного баланса между безусловной необходимостью защиты прав российских подсанкционных лиц и сохранением предсказуемости международного коммерческого оборота. Представляется, что наиболее перспективным направлением развития правоприменительной практики является выработка судами критериев, позволяющих дифференцированно оценивать степень реального ограничения доступа к правосудию в каждом конкретном случае, с тем чтобы исключить как необоснованные отказы в защите, так и неоправданное расширение исключительной компетенции российских судов за счет произвольного толкования условий ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ.

Я.С. Бутакова рассматривает контрсанкции как формирующийся межотраслевой институт российского права, находящийся на стыке частного и публичного права [1, с. 76]. Анализируя складывающееся контрсанкционное регулирование РФ, автор приходит к выводу, что «контрсанкции» уже не являются разрозненным набором норм в рамках различных отраслей права, а приобрели качество института права, объединяющего группу правовых норм публичного и частного права и регулирующего деятельность органов власти и частных лиц в сфере действия отношений «с санкционным элементом» (Бутакова, 2023, с. 79).

В данном контексте ст. 248.1 АПК РФ выступает одним из важнейших элементов указанного межотраслевого института, обеспечивая процессуальные гарантии для подсанкционных лиц. При

этом необходимо отметить, что институт контрсанкционного регулирования находится в стадии формирования, что обуславливает недостаточную системность и непоследовательность отдельных его элементов, включая и рассматриваемую норму.

М. А. Мусалов и П. Х. Магомедалиева, исследуя реформирование процессуального права в эпоху санкций, отмечают, что отечественное процессуальное цивилистическое законодательство не знало о таком институте, как судебный запрет на рассмотрение дела зарубежными судами, до принятия Федерального закона от 08.06.2020 № 171-ФЗ [5, с. 148]. Авторы обращают внимание на критику указанного закона, в частности, на неясность понятия «меры ограничительного характера, препятствующие доступу к правосудию», а также на возможные отрицательные последствия для международного сотрудничества в сфере экономики и ущерб инвестиционному климату.

Практические сложности реализации международного арбитража в условиях санкций

В отдельной работе О. Ф. Засемкова подвергает систематизации практические трудности, возникающие при разрешении конфликтов с участием подсанкционных субъектов в международном коммерческом арбитраже. Исследователь выделяет три основные категории таких проблем, связанные соответственно с этапом возбуждения арбитражного производства, с процедурой самого разбирательства и, наконец, с приведением в исполнение вынесенного арбитражного акта [3, с. 137].

На стадии инициирования процесса, как отмечает автор, ключевыми препятствиями выступают: блокировка или существенное усложнение уплаты регистрационного и арбитражных сборов, обусловленная санкционными ограничениями в банковской сфере; объективные сложности в подборе иностранных юридических консультантов, готовых представлять интересы подсанкционного лица в условиях действующих запретов и рисков применения вторичных санкций; а также проблемы в формировании состава арбитража и привлечении экспертов, поскольку многие потенциальные арбитры и эксперты, опасаясь санкционных последствий для себя, отказываются от участия в подобных делах либо требуют получения индивидуальных разрешений.

Что касается самой процедуры арбитражного разбирательства, здесь О. Ф. Засемкова обращает внимание на такие аспекты, как невозможность или существенная затрудненность личного участия представителей и свидетелей подсанкционной стороны в заседаниях, проводимых в недружественных юрисдикциях, вследствие визовых ограничений и запретов на въезд. Кроме того, возникает реальная угроза затягивания процесса из-за необходимости прохождения дополнительных административных процедур, а также высок риск того, что арбитры, будучи гражданами государств, применяющих санкции, будут учитывать в своих решениях требования санкционного законодательства своих стран, что ставит под сомнение беспристрастность и независимость такого арбитража. Третья группа проблем касается исполнимости арбитражных решений: сохраняется значительная неопределенность относительно признания и приведения в исполнение в различных юрисдикциях решений, вынесенных в пользу подсанкционных лиц, что делает судебную защиту в подобных случаях практически иллюзорной.

А.В. Габов, обращаясь к более широкому контексту антисанкционного регулирования, фиксирует наличие терминологической разобщенности в обозначении как самих ограничительных мер, так и ответных действий. Подобное многообразие, по его мнению, отражает отсутствие устоявшихся доктринальных подходов в международном праве и создает дополнительные сложности для правоприменителя. В связи с этим А. В. Габов выдвигает предложение о разработке и принятии единого системообразующего законодательного акта, который закрепил бы основные принципы российской антисанкционной политики, унифицированную терминологию, а также четкий перечень целей и видов применяемых мер [2, с. 112].

О.Ф. Засемкова, в свою очередь, видит решение проблемы в принятии Пленумом Верховного Суда РФ специального постановления, которое разъяснило бы особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ. Она предлагает закрепить в таком постановлении опровержимую презумпцию, согласно которой введение иностранным государством ограничительных мер в отношении российского лица презюмирует наличие препятствий в доступе к правосудию, что дает основания для перевода спора под юрисдикцию российского суда. Такое разъяснение, по мнению автора, позволило бы обеспечить единообразие судебной практики и ограничить применение исключительной компетенции лишь теми ситуациями, где это действительно оправданно и необходимо для защиты прав подсанкционных субъектов. Особую значимость данный подход приобретает, как подчеркивает автор, в случаях, когда санкции введены государством, отличным от места арбитража, а также при наличии секторальных, а не персональных ограничений.

В.В. Ярков, развивая иной ракурс, акцентирует внимание на том, что для доказывания отсутствия реальных препятствий в доступе к правосудию в иностранной юрисдикции надлежит приме-

нять наиболее строгий стандарт доказывания, подкрепленный соответствующей судебной практикой данного иностранного государства. Автор перечисляет широкий круг негативных последствий санкций для российского лица, далеко не исчерпывающийся лишь невозможностью получить исполнение по судебному решению: в их число входят затруднения с получением въездных виз для участия в процессе, поиском иностранных адвокатов, оплатой судебных издержек, отправкой и получением процессуальных документов и многие иные практические сложности, которые в совокупности могут сделать судебную защиту недоступной de facto, даже если формально она не запрещена.

Обобщая изложенные позиции, следует признать, что каждая из них имеет рациональное зерно. Однако, на наш взгляд, наиболее перспективным представляется комплексный подход, предполагающий не просто декларативное установление презумпции, но и формирование четких критериев, позволяющих судам в каждом конкретном случае оценивать, насколько введенные санкции реально препятствуют доступу к правосудию, а не служат лишь формальным основанием для изменения юрисдикции. Такой подход позволил бы избежать как чрезмерного расширения исключительной компетенции российских судов, так и необоснованных отказов в защите прав подсанкционных лиц. Целесообразно также развивать практику использования альтернативных арбитражных институтов, расположенных в нейтральных юрисдикциях, и включать в контракты многоступенчатые оговорки, предусматривающие возможность замены арбитражного учреждения в случае введения санкций. Это позволит сохранить баланс интересов сторон и снизить неопределенность в международных коммерческих отношениях.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Положения статьи 248.1 АПК РФ занимают одно из центральных мест в складывающейся архитектуре отечественного антисанкционного законодательства, выступая процессуальным инструментом, призванным гарантировать российским гражданам и организациям, подвергшимся ограничительным мерам со стороны иностранных государств, реальную возможность судебной защиты своих нарушенных прав и законных интересов. Целеполагание законодателя, заложенное в данной норме, представляется безусловно оправданным и полностью согласуется с конституционно-правовыми предписаниями, в частности со статьей 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту, которая не может быть поставлена в зависимость от политических решений иностранных государств.

Вместе с тем, как показал анализ судебной практики, реализация указанной цели наталкивается на серьезные препятствия, связанные с отсутствием единообразных подходов к определению того, какие именно обстоятельства могут быть признаны достаточными для констатации наличия препятствий в доступе к правосудию. Расширительное толкование, получившее доминирование в судебных актах, хотя и обеспечивает высокий уровень защиты для подсанкционных субъектов, порождает риски необоснованного ограничения свободы договора и принципа pacta sunt servanda, подрывая стабильность международных коммерческих связей. В связи с этим представляется необходимой дальнейшая конкретизация критериев применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ на уровне официальных разъяснений высшей судебной инстанции, что позволит сбалансировать конституционно значимые ценности — право на судебную защиту и стабильность гражданского оборота.

Кроме того, полагаем, что эффективность рассматриваемой нормы может быть повышена за счет развития механизмов международного судебного сотрудничества. Это позволило бы не только обеспечить реальную исполнимость решений российских судов, но и снизить напряженность в международных экономических отношениях, создав предсказуемые условия для иностранных инвесторов, сохранивших деловые связи с Россией.

Вместе с тем, анализ доктринальных источников и судебной практики свидетельствует о наличии существенных проблем в правоприменении ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ, обусловленных несовершенством юридической техники, терминологической неопределенностью и противоречивыми подходами судов к толкованию условий ее применения. Преобладающий в судебной практике расширительный подход, согласно которому сам факт введения санкций является достаточным для перевода спора под юрисдикцию российского суда, создает риски произвольного применения данной нормы и нарушения баланса интересов сторон, включая иностранных контрагентов, рассчитывавших на разрешение спора в избранном ими форуме.

Представляется обоснованной позиция, согласно которой необходимым условием применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ должно выступать установление реальных препятствий в доступе к правосудию, создаваемых примененными ограничительными мерами. В связи с этим заслуживает поддержки предложение о принятии постановления Пленума Верховного Суда РФ, содер-

жащего разъяснения особенностей применения данной нормы, в том числе устанавливающего опровержимую презумпцию ограничения доступа к правосудию для подсанкционных лиц, которая может быть опровергнута представлением доказательств отсутствия реальных препятствий.

При этом следует учитывать, что институт контрсанкционного регулирования находится в стадии становления, что обуславливает необходимость системного подхода к его развитию, включая гармонизацию терминологии, разграничение ответных мер и мер, направленных на устранение негативных последствий санкций, а также обеспечение баланса частных и публичных интересов. Только при соблюдении указанных условий ст. 248.1 АПК РФ сможет в полной мере реализовать свой потенциал как эффективный механизм защиты прав российских подсанкционных лиц, не создавая при этом необоснованных рисков для международного экономического сотрудничества и инвестиционного климата.

Список литературы:

[1] Бутакова Я. С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – №. 4 (55). – С. 72-80.

[2] Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве //Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18. – №. 3. – С. 96-141.

[3] Засемкова О. Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой //Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – №. 8 (153). – С. 135-147.

[4] Засемкова О. Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой //Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2023. – №. 9 (109). – С. 76-85.

[5] Мусалов М. А., Магомедалиева П. Х. Реформирование процессуального права: рассмотрение международных споров в эпоху санкций //Аграрное и земельное право. – 2022. – №. 9 (213). – С. 147-151.

[6] Определение Тринадцатого апелляционного арбитражного суда от 30.12.2021 по делу № А56-57238/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=362931 (дата обращения: 27.06.2026).

[7] Определение Арбитражного суда Иркутской области от 17.01.2023 по делу № А19-10204/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=125100 (дата обращения: 27.06.2026).

[8] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 по делу № А73-15265/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=128336 (дата обращения: 27.06.2026).

[9] Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда от 27.02.2023 по делу № А40-121362/22 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2424749 (дата обращения: 27.06.2026).

[10] Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» от 08.06.2020 N 171-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354472/?ysclid=mqzescadlp792383198 (дата обращения: 27.06.2026).

[11] Ярков В. В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – №. 3. – С. 65-73.

References:

[1] Butakova Ya. S. Counter-sanctions as an intersectoral institution of Russian law // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. - 2023. - No. 4 (55). - P. 72-80.

[2] Gabov A. V. Anti-sanction measures in Russian law // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2023. - Vol. 18. - No. 3. - P. 96-141.

[3] Zasemkova O. F. International arbitration in the context of anti-Russian sanctions: issues raised by practice // Current problems of Russian law. - 2023. - Vol. 18. - No. 8 (153). - P. 135-147.

[4] Zasemkova O. F. Features of the application of Part 4 of Art. 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in disputes involving sanctioned persons: issues raised by practice // Bulletin of the OE Kutafin University. - 2023. - No. 9 (109). - P. 76-85.

[5] Musalov M. A., Magomedalieva P. Kh. Reforming procedural law: consideration of international disputes in the era of sanctions // Agrarian and land law. - 2022. - No. 9 (213). - P. 147-151.

[6] Determination of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 30.12.2021 in case No. A56-57238/2020 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=RAPS013&n=362931 (accessed on June 27, 2026).

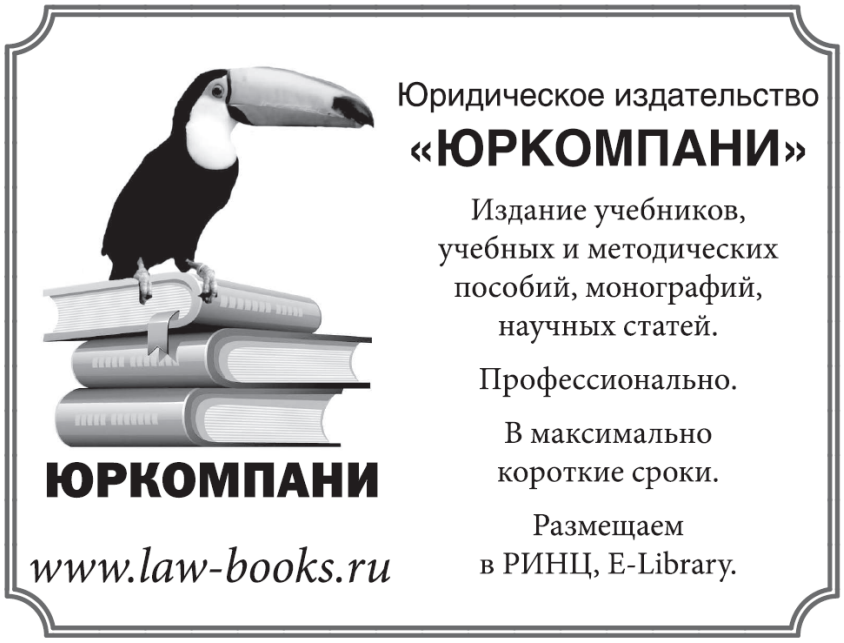
[7] Determination of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated January 17, 2023 in case No. A19-10204/2022 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=AVS&n=125100 (accessed on June 27, 2026).

[8] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated December 26, 2022 in case No. A73-15265/2022 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=ADV&n=128336 (accessed: June 27, 2026).

[9] Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated February 27, 2023, in case No. A40-121362/22 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=MARB&n=2424749 (accessed: June 27, 2026).

[10] Federal Law “On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in Order to Protect the Rights of Individuals and Legal Entities in Connection with Restrictive Measures Introduced by a Foreign State, State Association and (or) Union and (or) State (Interstate) Institution of a Foreign State or State Association and (or) Union” dated 08.06.2020 N 171-FZ (latest revision) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354472/?ysclid=mqzescadlp792383198 (date of access: 27.06.2026).

[11] Yarkov V.V. Does Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation Contain a Presumption of Restriction of the Procedural Rights of Russian Individuals Under Sanctions? //Russian law: education, practice, science. - 2023. - No. 3. - P. 65-73.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-189-196
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЕРМАКОВ Антон Павлович,
выпускник Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва,
e-mail: tagAnthony@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье анализируются барьеры доступа к правосудию, а также отдельно рассматривается проблема доступности правосудия в арбитражном процессе через призму экономических и организационных препятствий.*

Обосновывается, что само по себе право на обращение в суд не гарантирует реальной судебной защиты, если участник оборота не способен понести расходы, связанные с рассмотрением дела, и добиться фактического исполнения судебного акта.

Особое внимание уделяется справедливому порядку определения размера судебных пошлин. Экономический барьер связан не только с величиной соответствующего платежа, но и с механизмом его расчёта, поскольку одинаковая сумма пошлины может создавать различную финансовую нагрузку для субъектов с неодинаковым имущественным положением.

Организационные барьеры раскрываются через разобщённость субъектов мелких и однородных требований. На примере института групповых исков показывается, что эффективная коллективная защита требует не только процессуальной формы, но и специальной инфраструктуры.

Делается вывод о необходимости развития механизмов, обеспечивающих не только формальное право на судебную защиту, но и реальные условия для его осуществления. К таким мерам относятся более гибкий подход к судебным расходам, развитие инфраструктуры коллективной защиты и расширение процессуальных возможностей бизнес-омбудсмена.

Ключевые слова: *доступность правосудия; арбитражный процесс; государственная пошлина; судебные расходы; экономические барьеры; организационные барьеры; групповой иск; бизнес-омбудсмен.*

ERMAKOV Anton Pavlovich,
graduate of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

ECONOMIC AND ORGANIZATIONAL PROBLEMS OF ACCESS TO JUSTICE IN ARBITRAZH PROCEEDINGS

Annotation. *The article analyzes barriers to access to justice and separately examines the problem of access to justice in arbitrazh proceedings through the lens of economic and organizational obstacles.*

It is argued that the mere right to bring a case before a court does not guarantee effective judicial protection if a participant in commercial turnover is unable to bear the costs associated with the proceedings and secure actual enforcement of the judicial act.

Particular attention is paid to a fair method of determining the amount of court duties. The economic barrier is connected not only with the amount of the relevant payment, but also with the mechanism for calculating it, since the same amount of court duty may impose a different financial burden on parties with unequal financial positions.

Organizational barriers are examined through the fragmentation of holders of small and homogeneous claims. Using the institution of group actions as an example, the article shows that effective collective redress requires not only a procedural form, but also special infrastructure.

The article concludes that it is necessary to develop mechanisms that ensure not only the formal right to judicial protection, but also real conditions for its exercise. Such measures include a more flexible approach to litigation costs, the development of collective redress infrastructure, and the expansion of the procedural powers of the business ombudsman.

Key words*: access to justice; arbitrazh proceedings; state duty; litigation costs; economic barriers; organizational barriers; group action; business ombudsman.*

«Ни одному человеку не будет отказано в правосудии, никому правосудие не будет продано» [1]

Идея о необходимости реального обеспечения права на судебную защиту нашла свое отражение в принципе доступности правосудия.

Категория доступность правосудия определяется как такой способ организации правосудия, при котором каждый, независимо от своих возможностей и положения, имеет реальную возможность с помощью права и судебной системы добиться защиты и принудительного исполнения своих прав [2].

Как указал Европейский суд по правам человека, право на доступ к правосудию является неотъемлемой составляющей права на справедливое судебное разбирательство [3].

Иными словами обеспечение доступности правосудия является ключевым условием действительного осуществления права на судебную защиту и верховенства права в целом. При этом речь идёт не о формальном закреплении соответствующих гарантий в законе, а о реальном устранении барьеров, возникающих на практике и препятствующих обращению за судебной защитой.

Анализ научной литературы о доступе к правосудию позволяет выделить следующие виды вышеуказанных барьеров: юридические (процедурная сложность), временные (длительность процессов), психологические (страх перед судом, недоверие к юристам), экономические (высокая стоимость судебных издержек) и организационные (разобщенность субъектов мелких требований, отсутствие механизмов объединения и институционального представительства) [2].

Применительно к юридическим барьерам следует учитывать, что они во многом связаны с самой природой судебной процедуры. Процессуальные требования к иску, доказательствам, претензионному порядку, срокам и подаче документов сами по себе повышают порог входа в суд.

Однако, представляется, что правосудие невозможно без указанных процессуальных сложностей, поскольку только соблюдение процедуры может гарантировать справедливое судебное разбирательство. Иными словами юридические барьеры (т.е. соблюдение процедуры) лежат в основе судебного процесса и являются формой осуществления правосудия.

Временные барьеры выражаются в длительности судебного разбирательства. По общему правилу, дело в арбитражном суде первой инстанции должно быть рассмотрено в течение 6 месяцев, с учетом возможного продления сроков в случаях, предусмотренных АПК РФ [4]. При этом согласно данным статистики Судебного департамента при ВС РФ за 2022-2024 гг., около половины арбитражных дел рассматривается судами в пределах 3 месяцев, и только менее 2% дел выходят за пределы установленного АПК РФ срока [5].

Вместе с тем для участника оборота значение имеет не столько формальное соблюдение данного срока, сколько время, фактически затраченное на восстановление нарушенного права, которое включает в себя не только срок рассмотрения дела в суде, но и ожидание изготовления процессуальных актов, обжалования и последующего исполнения судебного акта. В этой связи временной барьер может сохраняться даже тогда, когда нарушение срока в строгом процессуальном смысле отсутствует.

Психологические барьеры проявляются в недоверии к судебной системе, сомнении в её независимости, ожидании длительного и затратного процесса, а также в убеждении, что обращение в суд не приведёт к практическому восстановлению права. Для экономических споров этот барьер является особенно значимым, поскольку предприниматель оценивает судебную защиту через призму риска, судебных издержек и вероятности реального исполнения судебного акта. Как показывают данные опроса представителей среднего и крупного бизнеса, более половины респондентов отметили снижение доверия к судам за последние пять лет [6].

Не умаляя значения юридических, временных и психологических барьеров, настоящая статья сосредоточена на экономических и организационных препятствиях. Такой выбор обусловлен тем, что юридические барьеры во многом неизбежны, т.к. процесс является формой отправления правосудия и реализуется через процедуру, устранение которой невозможно без ущерба для равенства сторон, состязательности и, в конечном счете, справедливого судебного разбирательства. Временные барьеры связаны не столько с нормами о сроках рассмотрения дела, сколько с фактической организацией судопроизводства и институтом исполнения судебных актов. Недоверие к суду, страх перед процессом и сомнение в эффективности защиты (т.е. психологические барьеры), в свою очередь, связаны с общим уровнем доверия граждан к государству и правовой культурой населения в целом. Их преодоление требует комплексных межотраслевых мер и не может быть сведено к изменениям только лишь в правовом регулировании арбитражного процесса.

Учитывая вышеприведенные обстоятельства, экономические и организационные барьеры представляются наиболее значимыми для оценки доступности правосудия в практическом смысле.

Экономический барьер связан с высокой стоимость судебных издержек, которые несет лицо, участвующее в деле.

Для отечественного арбитражного процесса, после повышения государственных пошлин в 2024 году, проблема приобрела особую актуальность.

Безусловно, у повышения пошлин имеется соответствующее обоснование. Как разъяснило Министерство финансов РФ, повышение обосновано тем, что действующие размеры пошлин не индексировались порядка 15 лет, перестали соответствовать накопленной инфляции и фактическим бюджетным расходам на содержание судебной системы. По оценке ведомства, за счёт уплачиваемых пошлин компенсировалось лишь 5% от затрат на обеспечение деятельности судов [7].

В последующих письмах Министерство финансов РФ также подчеркивало, что повышение размера пошлин призвано сократить количество обращений в суды, т.е. по сути осложнить доступ к правосудию, поскольку «низкий размер государственной пошлины способствовал неуклонному росту количества споров» [8].

Вместе с тем как писал английский юрист И. Бентам в памфлете «A Protest against Law-Taxes» («Протест против судебных пошлин. О великой пагубности фискальных сборов, ограничивающих доступ к правосудию») в ответ на предложение повысить судебные пошлины в Англии и Ирландии в XVIII, «налог на судебные разбирательства – худший из всех налогов»: для тех, кто способен его заплатить, он превращается в «налог на бедственное положение» (tax upon distress), а для тех, кто не способен – в «отказ в правосудии» (denial of justice), причём отказ в правосудии И. Бентам называл «квинтэссенцией вреда», поскольку он обесценивает защиту собственности, свободы, чести и даже жизни [9].

В современной литературе справедливо указывают, что позиция Бентама все же является радикальной. Абсолютизация запрета любых «налогов на правосудие» игнорирует необходимость финансирования судебной системы и сдерживания заведомо необоснованных исков, однако его ключевой вывод остаётся актуальным. Чем более уязвим истец (его право уже нарушено, ресурсы истощены), тем более болезненным и потенциально несправедливым для него становится требование внести дополнительный платёж за доступ к судебной системе.

Однако для исследования больший научный интерес представляет не столько размер взимаемой пошлины в конкретный исторический период, сколько вопрос о справедливом способе определения размера подлежащей к уплате пошлины.

Традиционный для континентального права подход строится на привязке размера судебной пошлины к цене иска и формально является одинаковым для всех субъектов. Указанный подход соответствует идее формального равенства субъектов, но игнорирует реальное экономическое неравенство участников оборота, поскольку очевидно, что крупная корпорация и небольшое предприятие (например, субъект МСП) де-юре являются хозяйствующими субъектами, однако обременение в виде одинаковой суммы госпошлины будет для них несопоставимым.

Представляется, что более справедливой с точки зрения доступа к правосудию является модель, при которой размер пошлины дифференцируется не только по цене иска, но и с учётом имущественного положения стороны (например, через шкалу доходов, наличие (отсутствие) статуса МСП и т.п.). В этом случае равенство достигается не за счёт одинаковой суммы госпошлины, а за счёт соразмерности финансового бремени для каждой из сторон.

Так, например, в Англии и Уэльсе, при сохранении базовой привязки размера взимаемой пошлины к цене иска, действует программа Help with Fees. Она применяется не ко всем участникам оборота, а к лицам, ведущим предпринимательскую деятельность от своего имени (т.н. sole traders, по статусу схожих с индивидуальными предпринимателями в РФ). Размер подлежащего уплате сбора либо сама обязанность его уплаты ставятся в зависимость от дохода, пособий и накоплений заявителя. Таким образом, обязанность по оплате доступа к суду сохраняется, но её объём соотносится с реальной платёжеспособностью лица [10].

В зарубежных правопорядках можно увидеть и иные варианты учёта имущественного положения заявителя. Так, в Австрии, при сохранении традиционного подхода, также действует развитый механизм материальной процессуальной помощи (Verfahrenshilfe), позволяющий полностью или частично освободить сторону от уплаты судебных пошлин с учётом её реального материального положения, вплоть до последующего пересмотра льготы при улучшении имущественного состояния [11]. Схожий механизм действует в Германии (Prozesskostenhilfe), который предоставляет помощь при условии, что лицо не способно оплатить процесс полностью или частично, а заявленное требование имеет достаточные перспективы успеха и не является заведомо необоснованным. Тем самым оценивается не только имущественное положение заявителя, но и процессуальная обоснованность обращения

за защитой и в зависимости от финансового положения лица, помощь может выражаться как в освобождении от судебных расходов, так и в их последующей уплате в рассрочку [12].

Существуют также юрисдикции (в частности, Люксембург), в которых доступ к судам в гражданско-правовых спорах освобождён от прямых судебных пошлин, а бремя финансирования правосудия переносится на общую налоговую систему, что рассматривается как способ минимизации экономических барьеров [13].

В ряде правопорядков Центральной и Восточной Европы (Польша [14], Хорватия [15], Словения [16] и др.) традиционная привязка пошлины к цене иска сохраняется, но она дополняется механизмами полного или частичного освобождения заявителя от уплаты с учётом его имущественного положения, доходов, состава семьи и других значимых обстоятельств [17]. Таким образом, учёт материального положения заявителя не является чем-то экстраординарным, а уже встроен в современные европейские модели обеспечения доступа к правосудию.

Между тем, в отечественном арбитражном процессе, также предусмотрена возможность учитывать материальное положение заявителя через предоставление отсрочки или рассрочки уплаты госпошлины (ст. 102 АПК РФ). Однако ужесточение экономического барьера после изменения размера пошлин в 2024 году оказалось связано не только с повышением ставок, но и с фактическим усложнением правил предоставления отсрочки и рассрочки уплаты госпошлины. Иными словами речь идёт не только о повышении размера судебных пошлин, а о более общем тренде на ужесточение фискальной политики государства, сказывающейся и на условиях доступа к суду.

Так, в частности, обзор судебной практики ВС РФ от 27.11.2024 № 2, 3, фактически расширил перечень предоставляемых документов, необходимых для получения отсрочки (рассрочки) по уплате государственной пошлины. Так, если ранее суды, как правило, исходили из общих сведений о тяжелом финансовом положении (убыточность деятельности, арест счетов, нахождение в процедуре банкротства и т.п.), то после отмены прежних разъяснений, стандарт доказывания материального положения существенно повысился.

В ответе на вопрос 1 в вышеуказанном обзоре, Верховный Суд РФ разъяснил, что заявитель обязан представить исчерпывающие данные обо всех открытых счетах, об остатках и оборотах по ним за несколько месяцев, о размере и структуре задолженности, сведения о мерах принудительного исполнения, бухгалтерскую отчётность, документы о доходах, а также убедительно обосновать одновременно: (1) тяжёлое имущественное положение, (2) временный характер финансовых трудностей, (3) отсутствие злоупотреблений. Непредставление любой части из этого комплекса доказательств либо формальные недостатки нередко влекут отказ в предоставлении отсрочки и возврат жалобы, что фактически усиливает экономический барьер для добросовестных участников оборота, уже несущих значительные расходы на защиту нарушенного права [18].

После реформы изменилась и практика толкования ряда норм о взимании госпошлины, в результате чего отдельные процессуальные действия, ранее рассматриваемые как не облагаемые госпошлиной, стали ей облагаться.

Одним из ярких примеров являются споры, связанные с оспариванием постановлений и действий (бездействия) судебных приставов (ст. 329 АПК РФ). Традиционно считалось, что заявление, поданное в порядке ст. 329 АПК РФ не облагается госпошлиной (как и обжалование решения, принятого по данному заявлению). Однако новые обзоры судебной практики Верховного Суда РФ исходят уже из необходимости уплаты госпошлины за подачу жалоб на судебные акты, принятые по заявлению в порядке ст. 329 АПК РФ. В практическом смысле это означает, что кредитор, уже прошедший необходимые стадии судебного разбирательства, в пользу которого состоялось решение суда, столкнувшийся с невозможностью исполнить имеющееся решение, вынужден платить ещё и за оспаривание ненадлежащих действий органа принудительного исполнения (при подаче апелляционных, кассационных жалоб).

Именно такую ситуацию И. Бентам описывал как наиболее несправедливую, т.е. когда лицо изначально находилось в неблагоприятном положении (его право было нарушено), оно уже понесло значительные судебные издержки (в т.ч. госпошлину), получило решение в свою пользу, но фактически так и не добилось защиты, и при этом вынуждено ещё раз уплачивать госпошлину за попытку добиться реального исполнения решения суда. Указанное обстоятельство создает серьёзную угрозу для реализации права доступа к правосудию.

Таким образом, экономический барьер доступа к правосудию не сводится к только лишь к факту наличия государственной пошлины. Судебная система требует финансирования, а пошлина может выполнять сдерживающую функцию в отношении необоснованных обращений. Однако проблема возникает тогда, когда фискальная цель начинает преобладать над конституционной гарантией судебной защиты.

Ещё одним видом барьеров, которые выделяются исследователями, являются организационные барьеры. Под ними понимаются препятствия, связанные не столько с формальным наличием права на обращение в суд, сколько с фактической невозможностью организовать эффективное предъявление множества схожих требований, т.е. разобщённость лиц, чьи права были нарушены, отсутствие института омбудсмена и инфраструктуры для консолидации участников [2].

В отечественном арбитражном процессе институциональным ответом на подобные организационные барьеры стало принятие в 2009 г. гл. 28.2 АПК РФ, устанавливающей особый порядок рассмотрения дел по спорам с участием группы лиц. Законодатель исходил из необходимости создать процессуальную форму для защиты однородных требований хозяйствующих субъектов в экономических спорах. Минимальным условием формирования группы является наличие не менее пяти участников, включая ведущего истца (ч. 5 ст. 225.10 АПК РФ). На уровне замысла это должно было частично компенсировать разобщённость субъектов требований, снизить индивидуальные издержки обращения в суд, повысить эффективность судебной защиты и доступность правосудия в целом.

Однако на практике наблюдается крайне низкая распространённость таких исков. По данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, до 2023 г. число дел, рассмотренных в порядке гл. 28.2 АПК РФ, измерялось десятками (в 2020–2022 гг. –49–61 дел в год) и только начиная с 2023 г. показатель превысил сотню. В последние годы (2024–2025 гг.), согласно данным аналитического сервиса «ПравоДела», рассматривается порядка 250 коллективных исков в год [19].

Учитывая общее количество арбитражных споров (порядка 1,8 млн в год), доля дел, рассматриваемых в порядке группового производства, является ничтожной.

Групповой иск требует значительных организационных усилий ещё до обращения в суд. Необходимо выявить потенциальных участников, убедить их присоединиться к требованию, определить лицо, ведущее дело, согласовать позицию, распределить расходы и обеспечить коммуникацию внутри группы. Для субъектов мелких требований такие действия зачастую оказываются более сложными, чем ординарная подача иска. В итоге механизм, который должен снижать индивидуальные издержки судебной защиты, сам становится организационно сложным и затратным.

Таким образом, еще одной проблемой, создающей организационный барьер является отсутствие развитых механизмов и площадок для самоорганизации и взаимодействия потенциальных соистцов. В зарубежных правопорядках коллективные требования нередко поддерживаются специализированными субъектами институционального представительства: отраслевыми ассоциациями, профессиональными объединениями, саморегулируемыми организациями, публичными органами или иными квалифицированными организациями, способными выявить группу, консолидировать требования, профинансировать процесс и обеспечить его сопровождение [21]. Иными словами, коллективная защита эффективна тогда, когда она опирается не только на процессуальную норму, но и на инфраструктуру для её применения [2].

В российском же арбитражном процессе, несмотря на формальное наличие механизма гл. 28.2, фактическая инфраструктура для объединения требований практически отсутствует: нет специализированных цифровых платформ, институты саморегулируемых организаций и профессиональных объединений не развиты, а потенциальные участники группового иска (продавцы на маркетплейсах, водители агрегаторов такси, малые поставщики крупных сетей, арендаторы в крупных торговых центрах и др.) в основном остаются в позиции разрозненных индивидуальных истцов.

Особое место среди организационных механизмов усиления доступа к правосудию занимает институт уполномоченного по защите прав предпринимателей (на федеральном и региональном уровнях). Бизнес-омбудсмены наделены правом обращаться в суды и участвовать в делах, затрагивающих права и законные интересы предпринимателей. Институт бизнес-омбудсменов представляется действительно значимой гарантией реализации права на доступ к правосудию, однако процессуальные права бизнес-омбудсменов ограничены.

Так, например, уполномоченный по защите прав предпринимателей, не вправе обжаловать решение суда первой инстанции в апелляционном, кассационном порядке, если он не принимал участие при рассмотрении дела в суде первой инстанции, что фактически исключает его активное вмешательство на более поздних стадиях процесса, вне зависимости от того когда к бизнес-омбудсмену обратился предприниматель.

Следует при этом заметить, что указанного права не лишен прокурор, который также как и уполномоченный по защите прав предпринимателей, действует не в своих интересах, а в интересах материального истца или ответчика. Данное обстоятельство представляется неправильным и затрудняет доступ к правосудию[22].

В заключение следует отметить, что отечественный арбитражный процесс в целом обеспечивает высокий уровень реализации права на судебную защиту. Развитая процессуальная форма позволяет хозяйствующим субъектам защищать нарушенные права в судебном порядке. Вместе с тем доступность правосудия не исчерпывается формальной возможностью подать иск. Для её реального обеспечения необходимо учитывать, может ли лицо фактически понести судебные расходы, организовать защиту, участвовать в процессе и добиться исполнения судебного акта.

Рассмотренные экономические барьеры показывают, что после повышения государственных пошлин вопрос доступа к суду приобрёл особую актуальность. При этом проблема видится не столько в самом размере пошлины, сколько в справедливом способе ее определения. Фискальная цель не должна преобладать над гарантией судебной защиты. В этой связи более справедливой представляется модель, при которой размер государственной пошлины зависит не только от цены иска, но и от имущественного положения стороны, поскольку в этом случае равенство участников процесса достигается не за счёт одинакового размера платежа, а за счёт соразмерности финансового бремени.

Организационные барьеры, в свою очередь, показывают, что одного процессуального закрепления прав недостаточно. Необходима инфраструктура, позволяющая этими правами воспользоваться. Особенно это заметно применительно к субъектам отдельных мелких требований, права которых могли бы защищаться коллективно, однако на практике объединение таких требований является затруднительным. Без механизмов поиска участников, координации группы, распределения расходов и сопровождения процесса групповой иск не способен в полной мере решить проблему разобщённости субъектов отдельных мелких требований, несмотря на явное наличие указанных групп потенциальных участников.

Преодоление организационных барьеров видится в создании инфраструктуры коллективной защиты. Необходимо обеспечить площадки для объединения потенциальных участников группы, их уведомления и присоединения к требованию, координации позиции, распределения судебных расходов и сопровождения процесса. Эту функцию могут выполнять специализированные организации, профессиональные объединения и СРО. Наряду с указанным, следует расширить процессуальные возможности бизнес-омбудсмена, в том числе на стадиях обжалования судебных актов.

Представляется, что дальнейшее развитие арбитражного процесса должно быть связано не с формальным расширением процессуальных прав участников судебного разбирательства, а с созданием условий для их реального осуществления. Такие меры являются закономерным развитием российского арбитражного процесса и необходимым условием обеспечения доступа хозяйствующих субъектов к правосудию.

Список литературы:

[1] Великая хартия вольностей, 1215 г., п. 40. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Magna_Carta_(trans._Davis) (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Wrbka S., Van Uytsel S., Siems M.M. Access to Justice and Collective Actions: “Florence” and Beyond // Collective Actions: Enhancing Access to Justice and Reconciling Multilayer Interests? / ed. S. Wrbka, S. Van Uytsel, M.M. Siems. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. URL: https://beckassets.blob.core.windows.net/product/readingsample/10056986/9781107021549_excerpt_001.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

[3] Голдер (Golder) против Соединенного Королевства: решение Европейского Суда по правам человека от 21.02.1975 г., п. 36 // СПС «Гарант».

[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов. URL: https://cdep.ru/?id=5 (дата обращения: 10.12.2025).

[6] Представители среднего и крупного бизнеса рассказали о доверии к судам // Право.ru. URL: https://pravo.ru/news/261672/ (дата обращения: 10.12.2025).

[7] СФ одобрил индексацию судебных госпошлин с сохранением льгот для граждан // ТАСС. 02.08.2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/21516599 (дата обращения: 10.12.2025).

[8] Министерство финансов Российской Федерации. Письмо от 24.10.2024 № 03-05-06-03/103174 «Об увеличении размера государственной пошлины при обращении в суд и распределении судебных расходов между сторонами» // СПС «Гарант».

[9] Бентам И. Протест против судебных пошлин: о великой пагубности фискальных сборов, ограничивающих доступ к правосудию // Вестник гражданского процесса. 2024. № 5. С. 129–148.

[10] Get help paying court and tribunal fees // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/get-help-with-court-fees (дата обращения: 10.12.2025).

[11] Legal aid. Austria // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid/at_en (дата обращения: 10.12.2025).

[12] Legal aid. Germany // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid/de_en (дата обращения: 10.12.2025).

[13] Legal aid // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid_en (дата обращения: 10.12.2025).

[14] Costs. Poland // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/where-and-how/costs/pl_en (дата обращения: 10.12.2025).

[15] Legal aid. Croatia // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid/hr_en (дата обращения: 10.12.2025).

[16] Costs. Slovenia // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/where-and-how/costs/si_en (дата обращения: 10.12.2025).

[17] Procedure and conditions for obtaining free legal aid // Ministry of Justice, Public Administration and Digital Transformation of the Republic of Croatia. URL: https://mpudt.gov.hr/free-legal-aid/procedure-and-conditions-for-obtaining-free-legal-aid/23227 (дата обращения: 11.12.2025).

[18] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Как добиваться отсрочки или рассрочки уплаты госпошлины: образцы ходатайств в АС и СОЮ // Law.ru. URL: https://www.law.ru/article/28278-kak-dobivatsya-otsrochki-ili-rassrochki-uplaty-gosposhliny-obraztsy-hodataystv-v-as-i-soyu (дата обращения: 10.12.2025).

[20] Домшенко В. Групповые иски: о чем говорит статистика // Право.ru. 24.05.2023. URL: https://pravo.ru/opinion/246615/ (дата обращения: 10.12.2025).

[21] Коллективные иски в России показали снижение эффективности // ПравоТех. 22.12.2025. URL: https://pravo.tech/press/news/kollektivnye-iski-v-rossii-pokazali-snizhenie-effektivnosti (дата обращения: 13.05.2026).

[22] European Law Institute. Collective Redress and Competition Damages Claims. Vienna, 2014.

[23] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Magna Carta, 1215, p. 40. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Magna_Carta_(trans._Davis) (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Wrbka S., Van Uytsel S., Siems M.M. Access to Justice and Collective Actions: “Florence” and Beyond // Collective Actions: Enhancing Access to Justice and Reconciling Multilayer Interests? / ed. S. Wrbka, S. Van Uytsel, M.M. Siems. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. URL: https://beckassets.blob.core.windows.net/product/readingsample/10056986/9781107021549_excerpt_001.pdf (access date: 10.12.2025).

[3] Golder v. United Kingdom: 21.02.1975 judgment of the European Court of Human Rights, clause 36//SPS Garant.

[4] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ//SPS “ConsultantPlus.”

[5] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Summary statistics on the activities of federal arbitration courts. URL: https://cdep.ru/?id=5 (access date: 10.12.2025).

[6] Representatives of medium and large businesses spoke about confidence in the courts// Право.ru. URL: https://pravo.ru/news/261672/ (access date: 10.12.2025).

[7] The Federation Council approved the indexation of court state duties while maintaining benefits for citizens//TASS. 02.08.2024 URL: https://tass.ru/ekonomika/21516599 (accessed on: 10.12.2025).

[8] Ministry of Finance of the Russian Federation. Letter No. 03-05-06-03/103174 dated 24.10.2024 “ On Increasing the Amount of State Duty When Applying to the Court and Distribution of Legal Expenses between the Parties “//SPS” Garant. “

[9] Bentham I. Protest against court fees: on the great perniciousness of fiscal levies restricting access to justice//Bulletin of the Civil Procedure. 2024. № 5. S. 129-148.

[10] Get help paying court and tribunal fees // GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/get-help-with-court-fees (дата обращения: 10.12.2025).

[11] Legal aid. Austria // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid/at_en (дата обращения: 10.12.2025).

[12] Legal aid. Germany // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid/de_en (дата обращения: 10.12.2025).

[13] Legal aid // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid_en (дата обращения: 10.12.2025).

[14] Costs. Poland // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/tak-

ing-legal-action/where-and-how/costs/pl_en (дата обращения: 10.12.2025).

[15] Legal aid. Croatia // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/legal-aid/hr_en (дата обращения: 10.12.2025).

[16] Costs. Slovenia // European e-Justice Portal. URL: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/where-and-how/costs/si_en (дата обращения: 10.12.2025).

[17] Procedure and conditions for obtaining free legal aid // Ministry of Justice, Public Administration and Digital Transformation of the Republic of Croatia. URL: https://mpudt.gov.hr/free-legal-aid/procedure-and-conditions-for-obtaining-free-legal-aid/23227 (дата обращения: 11.12.2025).

[18] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2, 3 (2024), approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 27.11.2024 //SPS "ConsultantPlus."

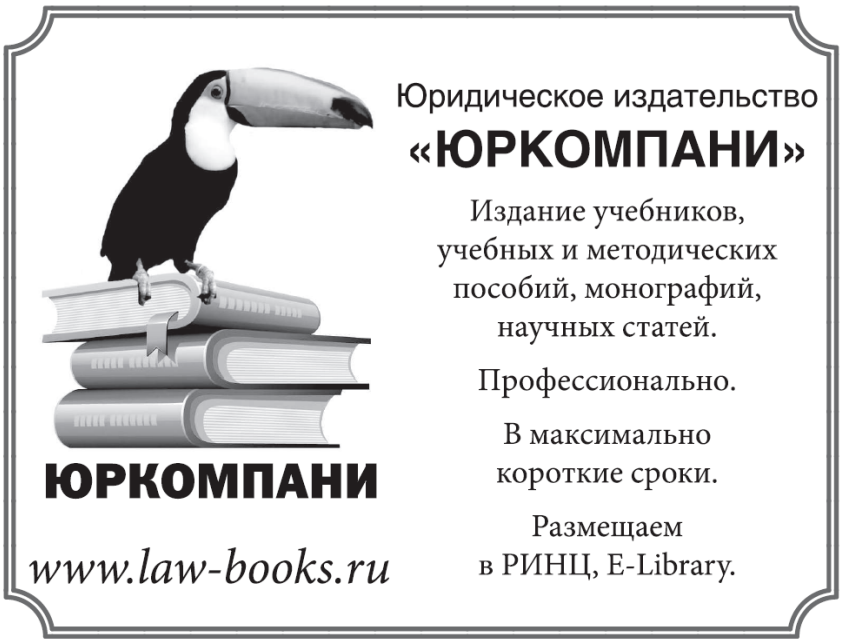
[19] How to seek a deferral or installment payment of state duty: sample applications to the NP and SOY// Law.ru. URL: https://www.law.ru/article/28278-kak-dobivatsya-otsrochki-ili-rassrochki-uplaty-gosposhliny-obraztsy-hodataystv-v-as-i-soyu (дата обращения: 10.12.2025).

[20] Domshenko V. Class actions: what the statistics show// Право.ru. 24.05.2023 URL: https://pravo.ru/opinion/246615/ (accessed on: 10.12.2025).

[21] Class actions in Russia have shown a decrease in efficiency//PravoTech. 22.12.2025. URL: https://pravo.tech/press/news/kollektivnye-iski-v-rossii-pokazali-snizhenie-effektivnosti (дата обращения: 13.05.2026).

[22] European Law Institute. Collective Redress and Competition Damages Claims. Vienna, 2014.

[23] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2020 No. 12 "On the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when Considering Cases in the Arbitration Court of Appeal "//SPS" ConsultantPlus. «

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-197-201
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ВОРОНЦОВА Ирина Викторовна,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства,
e-mail: VorontsovaIV@ro.ru

САПРЫКИНА Анастасия Александровна,
e-mail: saprikinanastya77@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу проблем взаимодействия национальных арбитражных судов и института международного коммерческого арбитража (МКА) в условиях современной российской правовой системы. Авторы обращаются к историческим предпосылкам формирования отечественной модели МКА, отмечая, что государственная монополия на внешнеторговые операции в советский период объективно обусловила востребованность альтернативных юрисдикционных механизмов. Переход к рыночной экономике и ратификация Европейской конвенции 1961 года привели к существенному возрастанию количества арбитражных споров с участием российских хозяйствующих субъектов. В работе анализируются доктринальные подходы к определению МКА, выделяются его организационно-правовые формы (постоянно действующий и изолированный арбитраж), а также особенности российской юрисдикционной модели в сравнении с Типовым законом ЮНСИТРАЛ. Особое внимание уделено расширенной подведомственности Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ, включающей не только внешнеэкономические, но и корпоративные, инвестиционные и спортивные споры. На основе анализа судебной практики авторы выявляют ключевые проблемные аспекты взаимодействия: принятие обеспечительных мер государственными судами, признание и принудительное исполнение арбитражных решений. Показано, что отказы в выдаче исполнительных листов нередко обоснованы ссылкой на публичный порядок (например, неприменение моратория на начисление неустоек). Сделан вывод о невозможности существования МКА в отрыве от национального законодательства: государственные суды выступают необходимым инструментом контроля и содействия, обеспечивая эффективность арбитражного разбирательства. Статья может быть использована исследователями в области международного частного и арбитражного права, практикующими юристами и арбитрами.*

Ключевые слова*: международный коммерческий арбитраж, национальные арбитражные суды, взаимодействие судебных систем, обеспечительные меры, ппубличный порядок, Типовой закон ЮНСИТРАЛ, альтернативное разрешение споров, юрисдикция арбитража, внешнеэкономическая деятельность, судебный контроль.*

VORONTSOVA Irina Viktorovna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Arbitration Proceedings

SAPRIKINA Anastasia Aleksandrovna

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN NATIONAL ARBITRATION COURTS AND INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of interaction between national arbitration courts and the Institute of International Commercial Arbitration (ICA) in the context of the modern Russian legal system. The authors turn to the historical prerequisites for the formation of the Russian model of the ICA, noting that the state monopoly on foreign trade op-*

erations in the Soviet period objectively determined the demand for alternative jurisdictional mechanisms. The transition to a market economy and the ratification of the 1961 European Convention led to a significant increase in the number of arbitration disputes involving Russian business entities. The paper analyzes the doctrinal approaches to the definition of the ICA, highlights its organizational and legal forms (permanent and isolated arbitration), as well as the features of the Russian jurisdictional model in comparison with the UNCITRAL Model Law. Special attention is paid to the expanded jurisdiction of the International Commercial Arbitration Court at the CCI of the Russian Federation, which includes not only foreign economic, but also corporate, investment and sports disputes. Based on the analysis of judicial practice, the authors identify key problematic aspects of interaction: the adoption of interim measures by state courts, recognition and enforcement of arbitral awards. It is shown that refusals to issue writ of execution are often justified by reference to public policy (for example, the non-application of a moratorium on the imposition of penalties). It is concluded that the ICA cannot exist in isolation from national legislation.: State courts act as a necessary instrument of control and assistance, ensuring the effectiveness of arbitration proceedings. The article can be used by researchers in the field of private international and arbitration law, practicing lawyers and arbitrators.

Key words*: international commercial arbitration, national arbitration courts, interaction of judicial systems, interim measures, public order, UNCITRAL Model Law, alternative dispute resolution, arbitration jurisdiction, foreign economic activity, judicial control.*

Исторически сложившиеся условия формирования отечественной государственности предопределили специфический статус института международного коммерческого арбитража в национальной юрисдикционной системе. Введение в Советской России государственной монополии на осуществление внешнеторговых операций с момента становления советского государства обусловило формирование процессуального механизма, при котором разрешение любых споров, возникающих в сфере внешнеэкономических отношений с участием государства независимо от их правовой формы, осуществлялось преимущественно в рамках международного коммерческого арбитража как основной юрисдикционной инстанции.

В условиях функционирования хозяйствующих субъектов в рамках диаметрально противоположных социально-экономических формаций арбитражное разбирательство представляло собой фактически единственный приемлемый механизм урегулирования хозяйственных конфликтов. Обращение к юрисдикции государственных судебных органов было исключено ввиду отсутствия взаимного доверия между контрагентами, что объективно обусловило востребованность альтернативных процедур разрешения коммерческих разногласий [1, с.9].

Реализация целевых установок института международного коммерческого арбитража оказалась невозможной в период с момента ратификации Европейской конвенции 1961 [2] года вплоть до трансформации экономической системы Российской Федерации в рыночную модель. Существенное возрастание количественных показателей арбитражных споров с участием российских хозяйствующих субъектов, подведомственных международному коммерческому арбитражу, произошло исключительно в результате восстановления института конкуренции и возобновления предпринимательской деятельности на территории государства [3, с. 481].

Арбитражный регламент Международной торговой палаты (ICC) определяет арбитражное разбирательство как формализованную юрисдикционную процедуру, завершающуюся вынесением обязательных для сторон актов, подлежащих принудительному исполнению в рамках как внутригосударственного правопорядка, так и международно-правового регулирования [4].

В доктринальных исследованиях правовой науки прослеживается наличие множественных подходов к интерпретации дефиниции международного коммерческого арбитража.

Согласно первой концепции, данный институт рассматривается как процессуальный инструмент альтернативного урегулирования трансграничных споров коммерческого характера.

В рамках второй доктринальной позиции международный коммерческий арбитраж квалифицируется в качестве частноправовой юрисдикционной структуры, осуществляющей функции по разбирательству и разрешению конфликтных ситуаций в сфере предпринимательской деятельности.

Третий научный подход определяет коммерческий арбитраж через субъектный состав – как коллегиальный либо единоличный арбитражный орган, наделённый полномочиями по рассмотрению возникшего экономического спора.

Четвёртой отличительной характеристикой является то, что международный коммерческий арбитраж представляет собой одну из форм альтернативного разрешения споров посредством третейского судопроизводства [5, с. 518].

В доктрине международного коммерческого арбитража принято различать две его основные организационно-правовые формы.

Постоянно действующий арбитраж функционирует на базе торгово-промышленных палат, предпринимательских объединений и иных организационных структур. Процессуальная деятельность данной формы арбитражного разбирательства регламентируется либо внутренними процедурными правилами конкретного арбитражного учреждения, либо положениями национального законодательства соответствующего государства. Указанная институциональная форма получила наибольшее распространение в практике международного коммерческого арбитража.

Изолированный арбитраж формируется применительно к конкретному правовому конфликту. Характерной особенностью данной формы выступает максимальная реализация принципа автономии воли участников арбитражного соглашения. Диспозитивность проявляется в самостоятельном определении сторонами спора порядка формирования состава арбитров, территориальной юрисдикции разбирательства, процессуальных норм и процедурных аспектов рассмотрения дела. Целесообразность применения такой формы арбитража обусловлена спецификой некоторых споров, к примеру, требующих установления фактических обстоятельств, таких как, определение качественных характеристик товара [6, с. 139].

Специфической особенностью действующего российского законодательства в сопоставлении с положениями Типового закона ЮНСИТРАЛ [7] выступает расширенная юрисдикция арбитража. Закон «О международном коммерческом арбитраже» [8], введенный в действие на территории Российской Федерации в 1993 году (далее именуемый Закон о МКА), по своему нормативному содержанию представляет собой текстуальное воспроизведение редакции Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 года. Вместе с тем законодатель установил более широкую подведомственность международного коммерческого арбитража по сравнению с положениями пункта 3 статьи 1 Типового закона ЮНСИТРАЛ, ограничивающими компетенцию арбитража рассмотрением споров с участием домицилированных субъектов в обязательственных правоотношениях. Согласно пункту 2 статьи 1 Закона о МКА, арбитражному разбирательству подлежат также корпоративные конфликты между предприятиями с иностранными инвестициями и международными объединениями и организациями, учрежденными в Российской Федерации, споры, возникающие между участниками указанных образований, а также споры данных субъектов с иными участниками гражданского оборота Российской Федерации.

Принятие данного нормативного правового акта обеспечило стабильное функционирование и поступательное развитие Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации на протяжении значительного временного периода. По мнению ряда исследователей, качество юридико-технической проработки положений Закона находилось на высоком уровне, его содержание соответствовало действующим нормативным требованиям и в полном объёме удовлетворяло общественные потребности в правовом регулировании соответствующих отношений.

Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации является одним из ключевых постоянно действующих арбитражных институтов.

Юрисдикция данного арбитражного органа распространяется исключительно на определенную категорию споров, характеризующихся следующими признаками:

Прежде всего, подведомственности МКАС подлежат споры, вытекающие из гражданских правоотношений в сфере внешнеэкономической деятельности и международных торговых операций. К таковым относятся, в том числе, разногласия с участием физических лиц при наличии следующих обстоятельств: местонахождение коммерческого предприятия одной из сторон находится за границами территории Российской Федерации; основное место исполнения договорных обязательств, принятых на себя участником правоотношения, расположено вне юрисдикции Российской Федерации; объект спорного правоотношения территориально находится за пределами государственной границы России.

Во вторую категорию входят правовые конфликты, возникающие в процессе осуществления инвестиционной деятельности, включая как вывод капитальных вложений за пределы национальной юрисдикции, так и привлечение иностранных инвестиций на территорию Российской Федерации.

К третьей группе относятся иные категории споров, юрисдикция по которым определена положениями международных соглашений, ратифицированных Российской Федерацией в установленном порядке.

В соответствии с положениями актуального законодательства, юрисдикция МКАС распространяется на следующие категории споров:

1. внутренний;
2. корпоративный;
3. спортивный.

Арбитражное решение, вынесенное в рамках деятельности МКА, обладает следующими юридическими характеристиками: имеет обяза-

тельную силу для участников арбитражного разбирательства, исключает возможность повторного рассмотрения дела по существу спора, а также подлежит принудительному исполнению в случае уклонения стороны от его добровольной реализации [9, с. 169].

Функционирование института международного коммерческого арбитража объективно предполагает участие государства, что детерминировано двумя основополагающими факторами:

Правоприменительный акт, выступающий процессуальным результатом арбитражного судопроизводства, подлежит имплементации в национальную правовую систему государства, на территории которого осуществлялось рассмотрение спора по существу, а в превалирующем числе случаев – также инкорпорируется в правопорядок государства, в юрисдикции которого надлежит осуществить принудительное исполнение судебного акта. При этом арбитражный процесс реализуется в пределах суверенной юрисдикции конкретного государства.

Законодательством установлен исчерпывающий перечень оснований для осуществления государственными судебными органами контрольных функций в отношении производства в международном коммерческом арбитраже. Компетенция судов общей юрисдикции по вмешательству в арбитражное разбирательство носит строго ограниченный характер и включает пять нормативно закрепленных случаев:

1) применение судебными органами государства мер по обеспечению иска в рамках спора, находящегося на рассмотрении в международном арбитраже;
2) обжалование в судебном порядке определения международного арбитража относительно установления собственной компетенции, принятого в качестве предварительного процессуального решения;
3) передача спора на арбитражное разбирательство судом государственной юрисдикции, куда поступило исковое заявление по существу правового конфликта между сторонами;
4) обжалование арбитражного решения, принятого международным коммерческим арбитражем в пределах территориальной юрисдикции Российской Федерации, при наличии оснований, установленных положениями Закона;
5) принудительное исполнение постановления международного коммерческого арбитража [10, с. 72].

Наибольшее количество проблем возникает по поводу принятия обеспечительных мер, а также приведения решений в исполнение.

Из-за того, что вопросы принятия обеспечительных мер регламентируются национальным законодательством государства, в нашем случае АПК РФ, решение о их назначении принимается государственным арбитражным судом, в виду чего некоторые считают их неэффективными, так как суды не примут решения о их назначении, однако, судебная практика указывает на иное.

Так, например, апелляционный суд отказал в снятии обеспечительных мер по ограничению выезда с территории Российской Федерации, так как они напрямую связаны с предметом спора и направлены на обеспечение возможного исполнения судебного акта, так как финансовые операции, фигурирующие в деле проводились через кипрскую компанию, ввиду чего существовал риск вывода активов [11]. Аналогичной позиция фигурирует и в решении по делу турецкой компании, которая также оспаривала введение обеспечительных мер, однако, суд также указал на возможность беспрепятственного вывода денег, что в дальнейшем сделает невозможным исполнение решения МКАС, поэтому отказал в удовлетворении жалобы [12].

Конечно, есть и решения, в которых арбитражные суды отказывают в принятии обеспечительных мер, так как заявители не представляют достаточного количества доказательств, подтверждающих невозможность исполнения решения МКАС в дальнейшем [13]. Даже ссылка истца на принадлежность учредителей ответчика по спору в МКАС к недружественному государству не стало основанием для введения в отношении него обеспечительных мер [14].

Не менее проблематичным является вопрос признания решения МКАС и его дальнейшее исполнение на территории России. Суды часто отказывают в удовлетворении заявлений о выдаче исполнительного листа, однако, основания, как правило, различны. Однако, наибольшее количество решений об отказе в исполнении вердиктов МКАС связано со ссылкой на оговорку о публичном порядке. Так, арбитражный суд указал на невозможность исполнения решения, в виду того, что МКАС не учел введение моратория на начисления неустоек, что противоречит российскому законодательству и ухудшило положение должника, поэтому суд отказал в выдаче исполнительного листа [15].

Таким образом, существование международного суда в отрыве от национального законодательства невозможно. Государственные суды являются для МКА неотъемлемыми помощниками, которые занимаются вопросами принятия обеспечительных мер, так как арбитраж такими полномочиями не обладает. Также национальные суды следят за исполнением решений МКАС, выдают исполнительные листы, либо ссылаются на оговорку о публичном порядке, если решение противоречит императивным основам российского законодательства.

Список литературы:

[1] Комаров, А. С. Международный коммерческий арбитраж в России: на пороге реформы законодательства / А. С. Комаров // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2015. – № 1(10). – С. 7-28.

[2] Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21.04. 1961 г.) // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации, 1993 г., N 10.

[3] Доброгорская, В. О. Международный коммерческий арбитраж на современном этапе / В. О. Доброгорская // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 479-484.

[4] Официальный сайт Международной торговой палаты (International Chamber of Commerce). URL.: http://www.iccwbo.ru (дата обращения 23.11.2025).

[5] Кутовский Д.О. Вопрос о компетенции третейского суда в международном коммерческом арбитраже // Вестник науки. 2025. № 6 (87). С. 515-520.

[6] Международный коммерческий арбитраж: учебник / отв. ред. Т. А. Лунаева. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. 965 с.

[7] Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже от 21.06.1985 г. // Официальное издание ООН, Вена, 2008 г.

[8] Закон РФ от 7 июля 1993 г. N 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» // «Российская газета» от 14.08.1993 г.

[9] Филатова, Ю. А. Международный коммерческий арбитраж / Ю. А. Филатова // Трибуна ученого. – 2022. – № 12. – С. 165-171.

[10] Михеева Е. А. Взаимодействие арбитражных судов и международного коммерческого арбитражного суда // Вестник магистратуры. 2016. №8-2 (59). С. 72-73.

[11] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 октября 2025 г. N 10АП-13670/25 по делу N А41-65091/2025 // СПС «Гарант».

[12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2025 г. N Ф05-25785/24 по делу N А40-96696/2024 // СПС «Гарант».

[13] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2024 г. N 09АП-572/24 по делу N А40-272369/2023 // СПС «Гарант».

[14] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2023 г. N 09АП-8581/23 по делу N А40-286784/2022 // СПС «Гарант».

[15] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 декабря 2023 г. N Ф05-30485/23 по делу N А40-153745/2023 // СПС «Гарант».

References:

[1] Komarov, A. S. International Commercial Arbitration in Russia: on the verge of legislative reform/A. S. Komarov//Bulletin of International Commercial Arbitration. – 2015. – № 1(10). - S. 7-28.

[2] European Convention on Foreign Trade Arbitration (Geneva, 21.04. 1961)//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 1993, No. 10.

[3] Dobrogorskaya, V. O. International commercial arbitration at the present stage/V. O. Dobrogorskaya//Issues of Russian justice. – 2019. – № 4. - S. 479-484.

[4] Official website of the International Chamber of Commerce. URL: http://www.iccwbo.ru (date of contact 23.11.2025).

[5] Kutovsky D.O. The question of the competence of the arbitration court in international commercial arbitration//Bulletin of Science. 2025. № 6 (87). S. 515-520.

[6] International commercial arbitration: textbook/rev. ed. T. A. Lunaeva. St. Petersburg: ANO “Editorial office of the journal “Arbitration Court”; M.: Statute, 2018. 965 p.

[7] UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration, 21.06.1985//UN Official Publication, Vienna, 2008.

[8] Law of the Russian Federation of July 7, 1993 N 5338-I “On International Commercial Arbitration “//” Rossiyskaya Gazeta” of 14.08.1993

[9] Filatova, Yu. A. International Commercial Arbitration/Yu. A. Filatova//Tribune of the scientist. – 2022. – № 12. - S. 165-171.

[10] Mikheeva E. A. Interaction of arbitration courts and the international commercial arbitration court//Bulletin of the magistracy. 2016. №8-2 (59). S. 72-73.

[11] Order of the Tenth Arbitration Court of Appeal of October 8, 2025 N 10AP-13670/25 in case N A41-65091/2025//SPS “Garant.”

[12] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of February 21, 2025 N F05-25785/24 in case N A40-96696/2024//SPS “Garant.”

[13] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of February 26, 2024 N 09AP-572/24 in case N A40-272369/2023//SPS “Garant.”

[14] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of March 24, 2023 N 09AP-8581/23 in case N A40-286784/2022//SPS “Garant.”

[15] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated December 11, 2023 N F05-30485/23 in case N A40-153745/2023//SPS “Garant.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-202-208

АДАБАШЕВ Тимур Кемалович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
e-mail: Adabashev.timur@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО СПОСОБА ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННОГО ПРАВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ ГЛАВЫ 24 АПК РФ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы и проблемы избрания судами надлежащего способа восстановления нарушенного права при рассмотрении арбитражными судами дел о признании ненормативных правовых актов недействительными, решений, действий (бездействий) незаконными. Исследуются вопросы о понятии правовосстановительных мер и их основные виды при рассмотрении дел в порядке главы 24 АПК РФ. В статье также акцентируется внимание на том, что принимаемые судом правовосстановительные меры должны быть эффективными, соразмерными, разумными и исполнимыми.*

Ключевые слова: *способы защиты, восстановление нарушенных прав, административное судопроизводство, правовосстановительные меры, решение арбитражного суда, решение, действие, бездействие.*

ADABASHEV Timur Kemalovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil and Arbitration Proceedings of the Crimean Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution
“RGUP named after V.M. Lebedev”

PROBLEMS OF CHOOSING AN APPROPRIATE METHOD OF RESTORING A VIOLATED RIGHT WHEN ARBITRATION COURTS CONSIDER CASES IN THE ORDER OF CHAPTER 24 OF THE APK RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the issues and challenges facing courts in selecting the appropriate method for restoring violated rights when considering cases involving invalidation of non-normative legal acts, decisions, and actions (or inactions) unlawful. It explores the concept of restorative measures and their main types when considering cases under Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. The article also emphasizes that restorative measures taken by the court must be effective, proportionate, reasonable, and enforceable.*

Key words: *methods of protection, restoration of violated rights, administrative proceedings, measures of restoration, decision of the arbitration court, decision, action, inaction.*

В процессе осуществления коммерческой деятельности субъекты предпринимательской деятельности – организации и индивидуальные предприниматели нередко сталкиваются с принятием в отношении них незаконных ненормативных актов или решений, совершением незаконных действий либо бездействием органов государственной власти или местного самоуправления (далее по тексту – публичных органов), их должностных лиц, которые нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. .

Между тем, как следует из взаимосвязанных положений ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 3 Федерального закона № от 21.12.2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, при осуществлении своих полномо-

чий обеспечивают соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов.

Таким образом, в Российской Федерации закреплен и действует общеправовой принцип законности, предписывающий осуществление полномочий органами публичной власти только в пределах, установленных законом.

При этом, законодательство, устанавливая принцип права на судебную защиту, закрепляет также возможность осуществления судебного контроля за законностью ненормативных актов, решений действий и бездействий публичных органов и их должностных лиц.

Так, согласно ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации решения и действия (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. При этом, одним из широко известных способов защиты гражданских прав в соответствии со ст. 12 Гражданского кодекса РФ является признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления.

Следует согласиться с Мухтаровой О.С., указывающей, что «необходимость судебного контроля за органами исполнительной власти обусловлена соблюдением защиты прав граждан, в том числе субъектов предпринимательства, поскольку судебный контроль служит гарантией того, что действия (бездействие) исполнительной власти соответствуют закону и не противоречат Конституции Российской Федерации, а также содействует предотвращению злоупотреблений в деятельности органов публичной власти, коррупции и произвола со стороны этих органов; судебный контроль также способствует формированию правосознания граждан»[1, С. 69-71].

По справедливому мнению Тулиновой Б.А. «рассматриваемая категория дел - одна из наиболее социально значимых, позволяющих суду содействовать повышению законности актов публичной власти, уровня правовой культуры участников дел административного судопроизводства» [2, С. 8-11].

Полномочия арбитражных судов в сфере реализации судебного контроля за законностью юридически значимых действий органов публичной власти и их должностных лиц, совершаемых ими в процессе осуществления их административно-властных функций установлены Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, согласно п. 2 ч. 1 ст. 29 которого арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства возникающие из административных и иных публичных отношений экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе дела об оспаривании затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц.

Указанные полномочия по контролю за законностью актов, решений и действий публичных органов реализуются арбитражными судами путем рассмотрения соответствующих дел в порядке, установленном Главой 24 АПК РФ.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 198 АПК РФ граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагают, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

По смыслу п. 2 ст. 201 АПК РФ арбитражный суд, установив, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действия (бездействие) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, принимает решение о признании ненормативного правового акта недействительным, решений и действий (бездействия) незаконными.

Между тем, отметим, что конечной целью любого судебного дела, в том числе и дела по заявлению о признании незаконными решений публичных органов является не только формальное признание их незаконными и, соответственно, не подлежащими применению путем выведения их из сферы правового регулирования, но и реальное восстановление нарушенных, вследствие принятия оспариваемых актов и решений, прав заявителей.

Указанное в полной мере согласуется с положениями ст. 2 АПК РФ, согласно которой защита нарушенных или оспариваемых прав и

законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, является основной задачей судопроизводства в арбитражных судах.

Относительно изложенного, Кляус Н.В. правильно замечает, что «вся процессуальная деятельность на различных стадиях процесса должна быть направлена на соблюдение и реализацию этих общих цели и задачи, что соответствует принципу доступности судебной защиты, когда в результате осуществления правосудия должны быть устранены препятствия к осуществлению прав, свобод и (или) законных интересов граждан и организаций» [3, С. 362-365].

Соответственно при рассмотрении дел об оспаривании ненормативных актов, решений, действий (бездействий) публичных органов, в случае обоснованности заявленных требований, арбитражные суды должны ставить первоочередной задачей установление конкретных механизмов, за счет которых должна решаться задача реального восстановления нарушенных прав заявителей.

Нормативное закрепление указанной задачи определено пунктом 3 ч. 4, пунктом 3 ч. 5 статьи 201 АПК РФ, согласно которым в резолютивной части решения по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействий) публичных органов, помимо указания на признание объектов оспаривания незаконными должны содержаться указание на обязанность устранить допущенные нарушения прав и законных интересов заявителя (пункт 3 ч. 4 статьи 201 АПК РФ); указание на обязанность публичных органов совершить определенные действия, принять решения или иным образом устранить допущенные нарушения прав и законных интересов заявителя в установленный судом срок либо (пункт 3 ч. 5 статьи 201 АПК РФ).

Таким образом, при вынесении решения по названной категории дел суд обязан указать способ устранения нарушения прав и законных интересов заявителя.

В доктрине все меры государственного принуждения общепринято делить на предупредительные (превентивные), пресекательные, меры защиты (правовосстановительные) и меры ответственности [4, С. 73-81].

Что касается места и роли правовосстановительных мер, ученые рассматривают их либо как разновидность юридической ответственности[5, С. 7], либо как понятие существенным образом не отличающееся от понятия юридической ответственности[6, С. 115]. Между тем, есть и другая, на наш взгляд, более приемлемая точка зрения, согласно которой правовосстановительные меры имеют самостоятельное значение и функции, отличающие их от мер юридической ответственности, поскольку они направлены в сущности своей на восстановление интересов заинтересованного лица, а не наказание виновного.

Отметим, что при рассмотрении конкретных дел у арбитражных судов часто возникают ситуации, при которых прослеживаются затруднении при выборе конкретной правовосстановительной меры как способа восстановления нарушенного права заявителя вследствие отсутствия в законодательстве четких критериев их определения.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15.12.2022 N 55-П [7] отметил, что право на судебную защиту включает в себя гарантированную государством возможность получить реальную судебную защиту (эффективное восстановление в правах, одним из факторов которого является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц). Признав незаконным решение органа, наделенного публичными полномочиями, суд может как указать на необходимость принятия им конкретного решения либо совершения определенного действия, так и самостоятельно восстановить нарушенное право, устранить допущенное нарушение. По мнению суда, при выборе одного из вариантов реагирования на незаконность оспоренного решения суд, с одной стороны, имеет в виду наиболее полную и результативную защиту прав и законных интересов граждан, а с другой - неприемлемость ситуации, когда такой выбор ведет к неопределенно долгому лишению обратившегося за судебной защитой возможности удовлетворения своих законных притязаний. Определение способа устранения допущенных нарушений прав и законных интересов заявителя зависит от установленных судом фактических обстоятельств конкретного дела и составляет предмет его дискреции. Конституционный суд указывает также, что во всяком случае избираемый способ связан требованиями законности, обоснованности и мотивированности принятого судебного акта.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2020 N 307-ЭС19-20834 по делу N А66-5520/2017 судьи Верховного суда РФ пришли к выводу о том, что принимаемые судом меры, направленные на восстановление прав заявителя должны являться эффективными, то есть быть направлены на практическое устранение неблагоприятных последствий, наступивших для заявителя вследствие принятия оспоренного ненормативного правового акта или решения, совершения действий (бездействия) органом, наделенным публичными полномочиями, в противном случае это обесценивало бы право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации, придавая административному судопроизводству, осуществляемому арбитражными судами, лишь декларативный характер [8].

Таким образом, способы восстановления нарушенного права заявителя должны быть эффективными, соразмерным, разумными и исполнимыми.

При этом, в определенной степени вопросы соразмерности и эффективности принимаемых правовосстановительных мер разъясняются в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» [9].

Из анализа указанных разъяснений следует возможность выделения нескольких самостоятельных правовостановительных мер, применяемых судами в зависимости от установленных обстоятельств дела.

Во-первых, признав оспоренное решение, действие (бездействие) незаконным, суд вправе указать публичному органу на необходимость принятия решения о восстановлении права, устранения допущенного нарушения, совершения им определенных действий в интересах заявителя.

В данной ситуации следует указать, что суд реализуя данное полномочие вправе указать на необходимость совершения публичным органом конкретно-определенных действий.

Как разъясняется Верховным судом РФ такая мера может быть применена в случае, если судом при рассмотрении дела с учетом субъектного состава участвующих в нем лиц установлены все обстоятельства, служащие основанием материальных правоотношений (часть 2 статьи 201 АПК РФ).

В частности, в зависимости от обстоятельств, суд вправе возложить на публичный орган обязанность осуществить государственную регистрацию перехода права собственности (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.05.2026 N Ф08-812/2026 по делу N А15-8288/2025) [10].

В ином деле суд кассационной инстанции признал обоснованной и достаточно эффективной в данном случае избранную восстановительную меру в виде присуждения министерства к принятию в четырнадцатидневный срок со дня вступления решения суда в законную силу решения об условиях приватизации нежилого помещения и к подготовке и направлению предпринимателю в последующие десять дней проекта договора купли-продажи нежилого помещения с учетом того, что в рамках настоящего дела установлены все возможные обстоятельства, служащие основанием спорных материальных правоотношений, отсутствия каких-либо иных обстоятельств и законодательного запрета, препятствующих принятию положительного для предпринимателя решения, отклонив доводы публичного органа о том, что суд не уполномочен возлагать на министерство обязанности, вытекающие из его исключительной компетенции (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.05.2026 N Ф08-859/2026 по делу N А15-9958/2024) [11].

Между тем, в судебной практике также применяется правовой подход, согласно которому по смыслу статьи 2 АПК РФ судебные акты арбитражного суда не могут подменять собой решения административных органов по вопросам, отнесенным к их компетенции, тем более в случаях, когда на эти органы законом прямо возложена обязанность принятия соответствующих решений (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2025 N Ф03-652/2025 по делу N А51-13078/2024 [12]; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.03.2024 N Ф06-1310/2024 по делу N А65-14802/2023 [13] и пр.)

Также суды указывают, что это противоречит принципу разделения полномочий исполнительной и судебной ветвей власти, установленному статьей 10 Конституции Российской Федерации (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2024 N 15АП-21015/2023 по делу N А32-33740/2023)

В п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» разъяснено, что суд не вправе признать обоснованным оспариваемое решение со ссылкой на обстоятельства, не являвшиеся предметом рассмотрения соответствующего органа, изменяя таким образом основания принятого решения, совершенного действия, имевшего место бездействия [14].

В указанном случае, считает Рогачева О.С., «руководствуясь принципом законности, судья в резолютивной части судебного решения, признавая решение незаконным, обязывает административный орган повторно рассмотреть заявление» [15, С.3-11].

Таким образом, вторая известная правовосстановительная мера, основанная на вышеуказанных подходах, состоит в том, что суд вправе ограничиться возложением на публичный орган обязанности повторно рассмотреть поставленный гражданином, организацией вопрос, если в соответствии с законом за наделенными публичными полномочиями органом или лицом сохраняется возможность принять то или иное решение по существу вопроса, затрагивающего права, свободы, законные интересы заявителя. При этом, при повторном рассмотрении публичные органы или их должностные лица обязаны учитывать правовую позицию и обстоятельства, установленные судом в результате рассмотрения дела (статья 16 АПК РФ).

Между тем, распространены ситуации, когда после принятия судом решения о понужде-

нии публичного органа повторно рассмотреть заявление и его вступления в законную силу, последним принимается аналогичное решение об отказе в удовлетворении заявления, совершении действия по тем же либо иным дополнительно найденным основаниям при тех же самых обстоятельствах и наборе документов.

Указанное не совсем согласуется с целями арбитражного судопроизводства, достижению цели реальной, а не декларативной судебной защиты, вынуждает заявителей несколько раз обращаться в суды за защитой нарушенных прав по одному и тому же вопросу. В такой ситуации решение арбитражного суда о повторном рассмотрении вопроса исполняется как бы формально и не приводит к реальному восстановлению прав.

В этом состоит одна из самых сложных проблем избрания судом правовосстановительной меры.

На наш взгляд, решение указанной проблемы видится в рассмотрении судом вопроса о соразмерности того или иного способа восстановления прав применительно к избираемому способу защиты с учетом разъяснений, содержащихся в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [9].

Полагаем, что решение суда о повторном рассмотрении заявления в качестве правовосстановительной меры должно применяться в исключительных случаях, когда первичное заявление не было рассмотрено публичным органом по существу и предметом оспаривания в суде является признание незаконным бездействия, либо заявление было рассмотрено, однако по результатам его рассмотрения не приняты те виды актов или решений, которые должны быть приняты после рассмотрения заявления по существу. Например, публичным органом документы возвращены без рассмотрения, либо отказано в принятии заявления, либо отказано в рассмотрении заявления, например в связи с отсутствием полномочий либо правового регулирования и др.

В приведенных примерах заявление публичным органом фактически не рассматривалось по существу, соответственно и у суда отсутствуют правовая возможность давать оценку обстоятельствам дела и возлагать на публичный орган какую-либо конкретную обязанность кроме как возложения обязанности повторно рассмотреть заявление, которое до этого фактически не было рассмотрено. В данном случае судебная защита будет сводиться лишь к обеспечению судом исполнения публичным органом своих обязанностей по рассмотрению заявлений, совершению действий либо принятию решений надлежащим образом.

В ситуации, когда публичным органом рассмотрено заявление по существу и в результате вынесен незаконный правовой акт, решение, совершено действие, которым судом дана оценка как незаконным, возложение обязанности повторно рассмотреть заявление не приведет к восстановлению нарушенного права. В такой ситуации суд должен возлагать обязанность совершить конкретное действие или принять решение.

Таким образом, в зависимости от предмета исследования, судом должен быть избран соразмерный способ восстановления нарушенного права. Так, например, Арбитражный суда Центрального округа в своем постановлении от 26.03.2018 N Ф10-758/2018 по делу N А83-7270/2017 указал, что соразмерным способом защиты нарушенного права, при бездействии органа установленного судом, выразившееся в нерассмотрении заявления, может быть только возложение обязанности на заинтересованное лицо рассмотреть заявление и принять соответствующее решение. В тех же ситуациях, когда заявление было рассмотрено публичным органом, и в отношении него были приняты акты, решения или совершены действия и судом установлены все фактические обстоятельства, которые необходимо установить в таких случаях, судом должно приниматься решение о возложении конкретных обязанностей [16].

К примеру, Постановлении Конституционного Суда РФ от 15.12.2022 N 55-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации и пунктов 7, 42, 47, 51 и 52 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом в связи с жалобой граждан А.Г. Брюханова и Н.В. Брюхановой» Конституционный Суд РФ высказал следующую позицию: «нормы, оспоренные заявителем, в их системной взаимосвязи с процессуальным законодательством не только не исключают отмену судом незаконных и необоснованных актов межведомственной комиссии и последующих актов органов местного самоуправления по вопросу признания жилого помещения пригодным для проживания, но и не препятствуют суду восстановить права граждан путем прямого признания жилого помещения пригодным или непригодным для проживания либо путем возложения на комиссию обязанности принять соответствую-

щее решение» [17]. Справедливо замечает М.З. Шварц, что в Постановлении Конституционного Суда РФ «впервые сформулирована позиция о том, что суд вправе в административном судопроизводстве отойти от модели опосредованной защиты и предоставить непосредственную защиту административному истцу» [18, С. 29]

В целом же полагаем, что в случае принятия судом решения о возложении на публичный орган обязанности принять решение, акт или совершить действие не следует рассматривать как подмену полномочий и актов административных органов, поскольку решение суда в данной ситуации является лишь предпосылкой принятия решения публичным органом, но никак не основанием для возникновения прав и обязанностей, которые могут возникнуть исключительно на основании актов публичных органов. Хотя некоторые послабления в этом вопросе также могут быть в связи с принятием вышеуказанного постановления Кноституционного суда РФ.

Третьей правовосстановительной мерой является признание оспоренного решения незаконным без возложения на публичные органы или их должностных лиц определенных обязанностей в случае, когда путем такого признания достигается защита нарушенного права, свободы, законного интереса (например, при признании незаконным постановления судебного пристава-исполнителя о наложении ареста на имущество административного истца или при состоявшемся добровольном удовлетворении предъявленных требований).

Подытоживая, отметим, что под правовосстановительной мерой следует принимать определяемые судом конкретные меры государственного принуждения, принимаемые по результатам рассмотрения судом заявлений о признании незаконными актов, решений, действий (бездействий) публичных органов, направленные на создание условий для полного и реального устранения допущенных нарушений прав и законных интересов заявителя (пункт 3 ч. 4 статьи 201 АПК РФ); указание на обязанность публичных органов совершить определенные действия, принять решения или иным образом устранить допущенные нарушения прав и законных интересов заявителя в установленный судом срок либо (пункт 3 ч. 5 статьи 201 АПК РФ).

Принимаемые судом правовосстановительные меры должны отвечать требованиям законности, эффективности, разумности и соразмерности.

Список литературы:

[1] Мухтарова О.С. Контроль за решениями и действиями органов исполнительной власти в арбитражном судопроизводстве // Административное право и процесс. 2024. N 6. С. 69 - 71.

[2] Тулинова Б.А. О проверке судом общей юрисдикции ненормативного правового акта (глава 25 ГПК РФ) // Российский судья. 2010. N 7. С. 8 - 11.

[3] Кляус Н.В. О процессуальных гарантиях реализации права на обращение в суд за защитой прав и законных интересов в гражданском и арбитражном процессах // Вестник Омской юридической академии. 2018. N 3. С. 362 - 365.

[4] Ермолаева Е.В. Актуальные проблемы правового регулирования пеней за нарушение сроков уплаты таможенных платежей // Актуальные проблемы российского права. 2022. N 1. С. 73 - 81.

[5] Корнилов А.Р. Правовые процедуры института юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 7.

[6] Пустомолотов И.И. Меры ответственности и способы обеспечения обязательств в гражданском праве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. N 5-2. С. 115.

[7] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15.12.2022 N 55-П

[8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2020 N 307-ЭС19-20834 по делу N А66-5520/2017

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»

[10] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.05.2026 N Ф08-812/2026 по делу N А15-8288/2025

[11] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.05.2026 N Ф08-859/2026 по делу N А15-9958/2024) [11].

[12] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2025 N Ф03-652/2025 по делу N А51-13078/2024

[13] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11.03.2024 N Ф06-1310/2024 по делу N А65-14802/2023

[14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. N 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс

[15] Рогачева О.С. Административный иск - универсальное средство защиты в сфере административных и иных публичных правоотношений: гипотеза или аксиома процессуальной

формы административного судопроизводства? // Административное право и процесс. 2025. N 12. С. 3 - 11.

[16] Постановление Арбитражного суда Центрального округа в своем постановлении от 26.03.2018 N Ф10-758/2018 по делу N А83-7270/2017

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. N 55-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации и пунктов 7, 42, 47, 51 и 52 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом в связи с жалобой граждан А.Г. Брюханова и Н.В. Брюхановой» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[18] Шварц М.З. К вопросу о полномочиях суда в делах, рассматриваемых по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (первые размышления над Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. N 55-П) // Вестник гражданского процесса. 2023. N 6. С. 29.

References:

[1] O.S. Mukhtarova. Control over decisions and actions of executive authorities in arbitration proceedings//Administrative law and process. 2024. N 6. S. 69-71.

[2] B.A. Tulinova. On the inspection by the court of general jurisdiction of a non-normative legal act (Chapter 25 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation)//Russian judge. 2010. N 7. S. 8-11.

[3] Klyaus N.V. On procedural guarantees for the exercise of the right to appeal to the court for the protection of rights and legitimate interests in civil and arbitration proceedings//Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. N 3. S. 362-365.

[4] Ermolaeva E.V. Actual problems of legal regulation of penalties for violation of the terms of payment of customs payments//Actual problems of Russian law. 2022. N 1. S. 73-81.

[5] A.R. Kornilov. Legal Procedures of the Institute of Legal Liability: ref. dis.... cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2000. S. 7.

[6] Pustomolotov I.I. Measures of responsibility and ways to ensure obligations in civil law//Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. N 5-2. S. 115.

[7] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.12.2022 N 55-P

[8] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.02.2020 No. 307-ES19-20834 in case No. A66-5520/2017

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 21 “On Certain Issues of Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation”

[10] Decision of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 05.05.2026 N F08-812/2026 in case N A15-8288/2025

[11] Decision of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 08.05.2026 N F08-859/2026 in case N A15-9958/2024) [11].

[12] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 31.03.2025 N Ф03-652/2025 in case N A51-13078/2024

[13] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 11.03.2024 N Ф06-1310/2024 in case N A65-14802/2023

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2016 No. 36 “On Certain Issues of Application by Courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation “//Access from SPS” ConsultantPlus

[15] O.S. Rogacheva. Administrative lawsuit - a universal remedy in the field of administrative and other public legal relations: hypothesis or axiom of the procedural form of administrative proceedings ?//Administrative law and process. 2025. N 12. S. 3-11.

[16] Ruling of the Arbitration Court of the Central District in its ruling dated 26.03.2018 N Ф10-758/2018 in case N A83-7270/2017

[17] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 15, 2022 N 55-P “In the case of checking the constitutionality of part 4 of Article 15 of the Housing Code of the Russian Federation and paragraphs 7, 42, 47, 51 and 52 of the Regulations on the Recognition of Premises as Residential Premises, residential premises unsuitable for living, apartment building emergency and subject to demolition or reconstruction, garden house with a residential building and a residential building with a garden house in connection with a complaint from citizens A.G. Bryukhanov and N.V. Bryukhanova “// Access from SPS” ConsultantPlus. “

[18] Schwartz M.Z. On the issue of the powers of the court in cases considered under the rules of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (first reflections on the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 15, 2022 No. 55-P)//Bulletin of Civil Procedure. 2023. N 6. S. 29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-209-211

БУДАНОВА Людмила Юрьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Псковского филиала ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский
университет Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДОМ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию отдельных проблемных аспектов судебного разбирательства по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, с участием лиц, отбывающих уголовное наказание. Автором рассматривается проблематика реализации субъективных прав осужденных как участников судопроизводства в условиях изоляции от общества, а также в вопросах возмещения вреда, причиненного имуществу учреждений, исполняющих уголовные наказания. В статье определены перспективные направления совершенствования гражданского процессуального законодательства, а также предлагаются меры стимулирования добровольной компенсации вреда.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, лица, участвующие в деле, полномочия, осужденные, видео-конференц-связь, возмещение материального вреда, пенитенциарные учреждения, доверенность.*

BUDANOVA Lyudmila Yurievna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the Pskov Branch
of the Federal Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service”

PECULIARITIES OF CONSIDERATION BY THE COURT OF CIVIL CASES INVOLVING CONVICTS

Annotation. *This article is devoted to the study of certain problematic aspects of litigation in disputes arising from civil legal relations, with the participation of persons serving a criminal sentence. The author considers the problems of the implementation of the subjective rights of convicts as participants in legal proceedings in conditions of isolation from society, as well as in matters of compensation for damage caused to the property of institutions executing criminal penalties. The article identifies promising areas for improving civil procedure legislation, and also proposes measures to stimulate voluntary compensation for harm.*

Key words: *civil proceedings, persons involved in the case, powers, convicts, video conference calls, compensation for material damage, penitentiary institutions, power of attorney.*

В последнее десятилетие сохраняется устойчивая тенденция расширения сферы применения судами уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества, в противовес применения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Это обусловлено тем, что «система наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и внедрение института пробации стали ключевыми инструментами гуманизации уголовной политики России, что способствует снижению рецидивов и более эффективной социальной адаптации лиц, совершивших уголовные деяния. За последние 2 десятилетия доля альтернативных лишению свободы наказаний выросла с 65 % (в 2005 году) до 70 % (в 2024 году). Реализуемые уголовно-исполнительными инспекциями наказания, меры уголовно-правового характера и пресечения, а исправительными центрами – принудительные работы не только сокращают расходы бюджета, но и способствуют ресоциализации осужденных» [4].

Правовое положение как осужденных к наказаниям, как связанным с лишением свободы, так и без изоляции от общества, обеспечивает им возможность на общих основаниях выступать в правоотношениях в сфере гражданского судопроизводства.

Тем самым возможность реализации своих прав и обязанностей, как лица, участвующего в гражданском деле, не претерпевает существенных изменений, за исключение личного участия осужденного в судебном заседании в рамках гражданского судопроизводства, так как при отбывании наказания в виде лишения свободы такое участие возможно только по средствам видео-конферец-связи.

В практической деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания, возникают случаи причинения осужденными материального вреда имуществу этих учреждений, при этом существуют особенности, связанные с организацией деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы относительно подготовки и направления искового заявления в суд. При этом в законодательстве отсутствуют отдельные меры привлечения осужденных к гражданской ответственности за вред, причиненный имуществу учреждений, исполняющих наказания.

Исходя из сложившейся правоприменительной практики учреждение, исполняющее наказание, проводит следующие мероприятия при причинении среда имуществу осужденным: выявление факта причинения вреда и его фиксация в актах осмотра, установление причин и сбор доказательств, составление досудебной претензии, подача искового заявления, участие в судебном заседании и получение исполнительного листа.

Как справедливо отмечает Е.А. Коробкова, «общий порядок возмещения имущественного вреда определен в гражданском законодательстве, однако лица, содержащиеся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, обладают особым статусом, что ограничивает их в определенных правах и наделяет рядом дополнительных обязанностей. В связи с этим порядок возмещения вреда такими лицами дополнительно урегулирован в уголовно-исполнительном законодательстве» [1].

Исполнение решения суда о возмещении вреда, причиненного имуществу учреждения, исполняющего уголовное наказания, осужденным также сопряжено с трудностями, вызванными с тем, что часть осужденных имеет низкий уровень материальных ресурсов, тем самым не имеет возможности возместить причиненный вред. Таким образом, не достигается главная цель – восстановление имущественного положения потерпевшей стороны.

Также в случае, если вред причинен не осужденным, а подозреваемым, обвиняемым, которому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, уголовное наказание, назначенное судом, не всегда сопряжено с трудовой оплачиваемой деятельностью, тем самым, в случае отсутствия имущество у такого лица, взыскать с него вред не представляется возможным.

Кроме того, сотрудники учреждений, исполняющих уголовных наказания, не всегда располагают достаточным количеством времени для подготовки материалов, участия в судебных заседаниях в сфере гражданского судопроизводства.

Кроме того, авторы отмечают, что относительно осужденных к лишению свободы необходимо «разработать локальный нормативный правовой акт, направленный на совершенствование служебной деятельности и повышение уровня личной ответственности руководящего состава учреждений в части возмещения ущерба спецконтингентом; проводить работу с осужденными, направленную на их информирование по нормативно-правовой базе, регулирующей вопросы возмещения вреда; ежегодно представлять статистические данные о количестве рассмотренных судами и удовлетворенных исках по делам о возмещении вреда, связанного….» [2].

Осужденные к лишению свободы для их участия в гражданском судопроизводстве с учетом необходимости обеспечения конституционного права осужденных на судебную защиту своих законных интересов праве участвовать в судебном заседании с использованием системы видео-конференц-связи, а также посредством составления доверенности на ведение дел в суде общей юрисдикции доверенному лицу [3]. Подобную доверенность вправе удостоверить начальник учреждения, исполняющего уголовное наказание.

Таким образом, можно выделить следующие отдельные проблемные аспекты, связанные с участием осужденных к лишению свободы в гражданском процессе:

- невозможность осужденного, находящегося в исправительном учреждении, в полной мере проконсультироваться со своим представителем, в случае отсутствия у него статуса адвоката;
- недостаточное техническое обеспечение исправительных учреждений средствами телекоммуникации;
- отсутствие возможности обжаловать определение суда об отказе в использовании системы видео-конференц-связи;
- отсутствие знаний относительно правил оформления доверенностей.

Таким образом, представляется целесообразным выделить ряд направлений по совершенствованию и устранению выявленных в ходе исследования проблем:

– разработка соответствующих ведомственных инструкций, проектов документов, облегчающих работу сотрудников учреждений, исполняющих уголовных наказания, по подготовке исковых заявлений и документов к нему;
– создание стимулов для добровольного возмещения вреда осужденным;
– рассмотрение альтернативных форм компенсации ущерба (например, по выполнению общественно-полезных работы).

Список литературы:

[1] Жильцова, Н. Л. Порядок возмещения имущественного вреда, причиненного учреждениям уголовно-исполнительной системы, в результате неправомерных действий содержащихся в них лиц [Текст] / Н. Л. Жильцова // Ведомости – УИС. – 2020. – № 4(215) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-vozmescheniya-imuschestvennogo-vreda-prichinennogo-uchrezhdeniyam-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-v-rezultate-nepravomernyh.

[2] Глебова, Е. В., Китаева, А. В. К вопросу о подготовке и содержании исковых материалов о возмещении вреда, причиненного осужденным при побеге, исправительному учреждению [Текст] / Е. В. Глебова, А. В. Китаева // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1(37) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-podgotovke-i-soderzhanii-iskovyh-materialov-o-vozmeschenii-vreda-prichinennogo-osuzhdennym-pri-pobege-ispravitelnomu.

[3] Китаева, А. В., Закиров, Т. М. Проблемные вопросы участия осужденных в гражданском судопроизводстве [Текст] / А. В. Китаева, Т. М. Закиров // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2(33 [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-uchastiya-osuzhdennyh-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve.

[4] Коробкова, Е. А. Актуальные вопросы в деятельности подразделений исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества [Текст] / Е. А. Коробкова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2025. – № 8. – С. 6–12.

References:

[1] Zhiltsova, N. L. Procedure for compensation for property damage caused to institutions of the penal system as a result of unlawful actions of the persons contained in them [Text]/N. L. Zhiltsova// Vedomosti - UIS. – 2020. - No. 4 (215) [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-vozmescheniya-imuschestvennogo-vreda-prichinennogo-uchrezhdeniyam-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-v-rezultate-nepravomernyh.

[2] Glebova, E.V., Kitaeva, A.V. On the preparation and content of claim materials for compensation for harm caused to convicts during their escape, correctional institution [Text]/E.V. Glebova, A.V. Kitaeva// Bulletin of the Samara Law Institute. – 2020. - No. 1 (37) [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-podgotovke-i-soderzhanii-iskovyh-materialov-o-vozmeschenii-vreda-prichinennogo-osuzhdennym-pri-pobege-ispravitelnomu.

[3] Kitaeva, A. V., Zakirov, T. M. Problematic issues of participation of convicts in civil proceedings [Text]/A. V. Kitaeva, T. M. Zakirov//Bulletin of the Samara Law Institute. – 2019. - No. 2 (33 [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-uchastiya-osuzhdennyh-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve.

[4] Korobkova, E. A. Topical issues in the activities of penal units not related to the isolation of convicts from society [Text]/E. A. Korobkova//Vedomosti of the penal system. – 2025. – № 8. - S. 6-12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-212-214
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

НУРБАЛАЕВА Аминат Магомедовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: aminat.nurbalaieva@mail.ru

ХУРДАЕВ Камиль Наримanович,
Магистрант 2 курса юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: 13.kamil@mail.ru

ДОСТУПНОСТЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию актуальных проблем доступности правосудия в свете недавних изменений налогового законодательства, многократно увеличивших размер государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы. Анализируются социально-правовые последствия данных нововведений для граждан и субъектов предпринимательской деятельности в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.*

Актуальность темы обусловлена тем, что установление высоких финансовых барьеров создает риск ограничения доступа к правосудию для граждан и субъектов малого предпринимательства, превращая конституционное право на судебную защиту в труднореализуемую на практике привилегию.

В работе предложен комплекс мер, направленных на минимизацию возникших экономических препятствий и обеспечение надежных гарантий справедливого пересмотра судебных актов.

Ключевые слова: *цивилистический процесс, апелляционное производство, доступность правосудия, государственная пошлина, финансовый барьер, право на судебную защиту.*

NURBALAYEVA Aminat Magomedovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil Procedure at the Law Institute of Dagestan State University

KHURDAEV Kamil Narimanovich,
Master's student of the Law Institute of Dagestan State University

ACCESS TO APPELLATE JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF CHANGES IN TAX LEGISLATION

Annotation. *The article is devoted to the study of current problems of access to justice in light of recent changes in tax legislation, which have significantly increased the amount of state duty for filing an appeal. The article analyzes the socio-legal consequences of these changes for citizens and business entities in civil and arbitration proceedings.*

The relevance of the topic is because the establishment of high financial barriers creates a risk of limiting access to justice for citizens and small business entities, turning the constitutional right to judicial protection into a privilege that is difficult to implement in practice.

The paper proposes a set of measures aimed at minimizing the existing economic obstacles and ensuring reliable guarantees for a fair review of court decisions.

Key words: *civil process, appellate proceedings, access to justice, state duty, financial barrier, right to judicial protection.*

Возможность пересмотра судебного решения, не вступившего в законную силу, служит ключевой гарантией реализации права на судебную защиту. Апелляционное производство выполняет критически важную функцию контроля за законностью и обоснованностью решений судов первой инстанции, выступая своеобразным фильтром, отсеивающим ошибки нижестоящих судов. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал в своих правовых позициях, что право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Основного закона, предполагает не только формальное признание возможности обратиться в суд, но и наличие реально работающих механизмов пересмотра ошибочных актов. Судебная пошлина, являясь законным фискальным сбором, тем не менее не должна трансформироваться в непреодолимый имущественный ценз.

Ранее, когда сторона по делу была не согласна с вынесенным решением, она могла инициировать процедуру пересмотра практически независимо от своего материального положения. Однако современные тенденции развития процессуального законодательства свидетельствуют о резком смещении вектора в сторону повышения финансовой ответственности участников судебных споров. С 8 сентября 2024 года вступили в силу масштабные изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации, которые кардинально изменили подход к уплате государственной пошлины. В рамках цивилистического процесса (как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах) был установлен серьезный финансовый барьер.

Так, согласно п. 19 ст. 333.19 НК РФ, для физических лиц пошлина возросла до 3 000 рублей, а для юридических лиц — до 15 000 рублей. Аналогичные, но еще более жесткие меры затронули экономические споры: пошлина за апелляционную жалобу в арбитражном процессе для юридических лиц достигла 30 000 рублей. Вводя новые тарифы, законодатель преследовал очевидные прагматичные цели: снижение необоснованной судебной нагрузки, борьба с так называемым «судебным спамом» (когда жалобы подаются исключительно ради затягивания вступления решения в силу) и частичное покрытие растущих расходов государства на содержание аппарата судов. Однако, как справедливо отмечается в юридической доктрине, фискальная функция государственной пошлины ни при каких обстоятельствах не должна превалировать над ее правообеспечительной функцией[1].

На практике установление столь высокого базового тарифа породило так называемый «охлаждающий эффект» правосудия. В гражданском судопроизводстве эта проблема особенно остро стоит для граждан со средним и низким уровнем дохода. Представим типичную бытовую ситуацию: спор о возмещении имущественного ущерба, например, при заливе квартиры на сумму 30 000 рублей. Если суд первой инстанции отказывает в иске или существенно снижает сумму взыскания, истцу для подачи апелляции необходимо заплатить 3 000 рублей — то есть 10% от цены первоначального иска. В условиях правовой неопределенности и риска проиграть дело во второй инстанции, для многих граждан подобная инвестиция становится экономически нецелесообразной. Таким образом, государство косвенно стимулирует граждан отказываться от отстаивания своей правоты[2].

Несмотря на наличие механизмов отсрочки, рассрочки и освобождения от уплаты пошлины (ст. 89 ГПК РФ), их применение носит заявительный характер и оставлено на усмотрение судьи. Сбор справок о тяжелом материальном положении в сжатые сроки процессуального обжалования зачастую становится для гражданина, не обладающего юридическими познаниями, непосильной задачей[3].

Не менее драматично ситуация складывается в арбитражном процессе. Важно подчеркнуть явно регрессивный характер установленных фиксированных пошлин. Фиксированная ставка в 30 000 рублей создает диспропорцию: для крупной корпорации эта сумма является статистической погрешностью, не влияющей на процессуальную стратегию. Однако для индивидуального предпринимателя или микропредприятия, которое пытается оспорить штраф или взыскать задолженность по небольшому договору поставки в размере 100-200 тысяч рублей, апелляционная пошлина превращается в заградительный барьер. В условиях блокировки расчетных счетов оперативный поиск средств на оплату пошлины лишает малый бизнес права на исправление судебной ошибки. Это нарушает базовый принцип процессуального равноправия, поскольку доступ к апелляционному пересмотру теперь напрямую зависит от масштаба бизнеса[4].

Для устранения выявленных финансовых барьеров в цивилистическом процессе необходимо разработать более гибкий и социально ориентированный подход. В целях совершенствования законодательства предлагается реализовать следующий комплекс мер:

Во-первых, целесообразно расширить перечень льготных категорий дел, полностью освободив от уплаты пошлины в апелляционной инстанции жалобы по социально значимым категориям споров, тесно связанным с фундамен-

тальными конституционными правами (например, все категории трудовых споров, защита экологических и жилищных прав).

Во-вторых, в арбитражном и гражданском судопроизводстве необходимо внедрить регрессивную шкалу для имущественных споров, где процентная ставка уплачиваемой пошлины будет рассчитываться не в твердой сумме, а дифференцированно, и уменьшаться пропорционально увеличению цены иска. Это позволит сбалансировать интересы государства, граждан и предприятий.

В-третьих, следует законодательно закрепить механизм безусловного и полного возврата уплаченной государственной пошлины в случае, если апелляционная инстанция полностью или в существенной части удовлетворяет жалобу. Это восстановит имущественное положение добросовестной стороны и станет подтверждением финансовой ответственности государства за ошибочные акты первой инстанции.

В-четвертых, мощным стимулом модернизации должно стать поощрение цифровизации судопроизводства. Предлагается закрепить в Налоговом кодексе РФ льготный коэффициент (например, 0,7) при уплате пошлины за подачу жалобы в электронном виде через системы ГАС Правосудие и Мой Арбитр. Данный шаг снизит финансовую нагрузку на стороны и компенсирует государству недополученные доходы за счет экономии ресурсов на обработке бумажной корреспонденции.

Реализация данных предложений позволит обеспечить необходимый баланс публичных и частных интересов, гарантируя, что право на апелляционный пересмотр останется реальным и эффективным инструментом защиты.

Список литературы:

[1] Борисова, Е. А. Доступность правосудия: теоретический и практический аспекты / Е. А. Борисова // Закон. — 2022. — № 8. - С. 45-54.

[2] Малышкин, А. В. Государственная пошлина и доступность правосудия по гражданским делам в условиях реформирования процессуального законодательства / А. В. Малышкин // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 2. — С. 15-20.

[3] Ярков, В.В. Перспективы развития гражданского процессуального права России / В. В. Ярков // Закон. — 2024. — № 1. - С. 27-33.

[4] Терехова, Л. А. Экономические пределы доступности правосудия в современной России / Л. А. Терехова // Вестник гражданского процесса. — 2023. — Т. 13. — № 4. — С. 12-25.

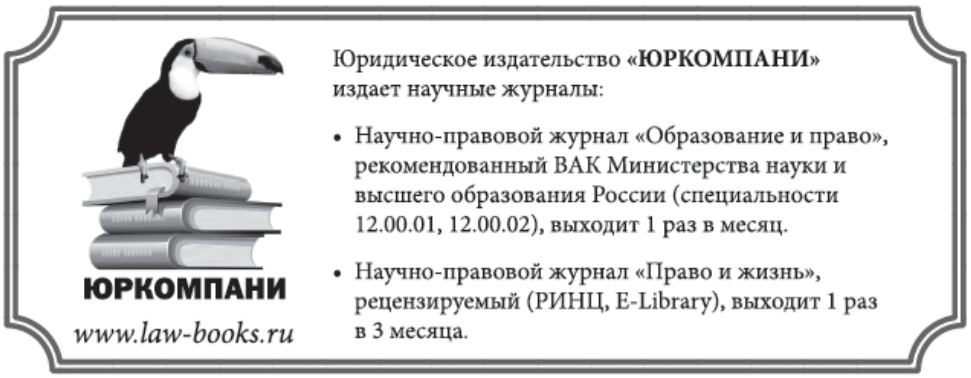
References:

[1] Borisova, E. A. Accessibility of justice: theoretical and practical aspects/E. A. Borisova//Law. — 2022. — № 8. - S. 45-54.

[2] Malyshkin, A. V. State duty and availability of justice in civil cases in the context of reforming procedural legislation/A. V. Malyshkin//Arbitration and civil procedure. — 2024. — № 2. - S. 15-20.

[3] Yarkov, V.V. Prospects for the Development of Civil Procedure Law of Russia/V.V. Yarkov//Law. — 2024. — № 1. - S. 27-33.

[4] Terekhova, L. A. Economic limits of the availability of justice in modern Russia/L. A. Terekhova//Bulletin of the civil process. — 2023. - T. 13. — № 4. - S. 12-25.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-215-220
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

НУРБАЛАЕВА Аминат Магомедовна,
доцент кафедры гражданского процесса юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: aminat.nurbalaeva@mail.ru

КУРАМАГОМЕДОВА Зайнаб Магомедовна,
магистрант юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: kzm_17_03@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО: КОГДА И КАК РЕАЛЬНО ВЗЫСКАТЬ УБЫТКИ

Аннотация. *В статье рассматривается условия наступления ответственности арбитражного управляющего, понятие и содержание убытков в контексте банкротного права, а также требования к доказыванию. На основе обобщения судебной практики и статистических данных за 2021-2025 года раскрываются наиболее распространенные основания привлечения арбитражных управляющих к ответственности. Обсуждаются актуальные примеры судебных дел, иллюстрирующие современные подходы к оценке поведения арбитражного управляющего. В заключение формулируются выводы о тенденциях развития судебной практики и условиях, при которых взыскание убытков признается обоснованным.*

Ключевые слова: *банкротство, арбитражный управляющий, убытки, оспаривание сделок должника, добросовестность, кредитор, исковая давность.*

NURBALAEVA Aminat Magomedovna,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure
at the Law Institute of Dagestan State University

KURAMAGOMEDOVA Zainab Magomedovna,
Master's Student at the Law Institute of Dagestan State University

LIABILITY OF THE ARBITRATION MANAGER: WHEN AND HOW TO RECOVER DAMAGES

Annotation. *The article examines the conditions for the liability of an arbitration manager, the concept and content of losses in the context of bankruptcy law, as well as the requirements for proof. Based on a summary of court practice and statistical data for 2021-2025, the most common grounds for holding arbitration managers accountable are revealed. Current examples of court cases are discussed, illustrating modern approaches to assessing the behavior of an arbitration manager. In conclusion, the article formulates conclusions about the trends in court practice and the conditions under which the recovery of losses is considered justified.*

Key words: *bankruptcy; arbitration manager; losses; contestation of the debtor's transactions; good faith; creditor; limitation period.*

Арбитражный управляющий, как профессиональный субъект, наделен широкими полномочиями по управлению имуществом должника, формированию конкурсной массы и удовлетворению требований кредиторов. Законодатель исходит из того, что управляющий обладает познаниями юриста, бухгалтера и специалиста, обладающий специфическими знаниями для каждой сферы. В российской модели банкротного права проводится курс на расширение полномочий арбитражного управляющего. Подтверждением такого направления служит внесённый в Госдуму законопроект, который расширяет полномочия управляющего в части выявления имущества должника. Согласно проекту, арбитражный управляющий наделяется правом полу-

чать без судебного заседания копии документов о сделках по выводу имущества, совершенных руководителем должника, контролирующими лицами и другими заинтересованными сторонами. [1]

Расширение полномочий управляющего повышает и риски его ответственности. Чем шире круг прав и обязанностей, тем сложнее ему в полной мере соблюдать установленную законом обязанность действовать добросовестно и разумно, обеспечивая справедливый баланс интересов кредиторов и должника. Нарушение этого баланса может повлечь серьезную имущественную ответственность.

В силу пункта 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве [2] арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

Дополнительным механизм защиты участников банкротного обособленного спора также является наличие субсидиарный ответственности по отношению к компенсационному фонду СРО.

Согласно разъяснениям, изложенным в Информационном письме Президиума ВАС РФ, под убытками, причиненными должнику, а также его кредиторам, понимается любое уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы, которые произошли вследствие неправомерных действий (бездействия) конкурсного управляющего, при этом права должника и конкурсных кредиторов считаются нарушенными всякий раз при причинении убытков. [3]

В спорах о взыскании убытков с арбитражного управляющего, заявителю подлежит доказать следующую совокупность обстоятельств: поведения (бездействия) арбитражного управляющего как причинителя вреда; наличие и размер причиненных убытков; причинно-следственная связь между незаконными действиями арбитражного управляющего и возникшими убытками; вина причинителя вреда. Недоказанность хотя бы одного из вышеуказанных условий является достаточным основанием для отказа в удовлетворении требований о возмещении убытков.

Наиболее часто арбитражных управляющих привлекают к ответственности за типичные нарушение: несоблюдение установленного порядка оценки имущества должника, непринятие мер по обеспечению его сохранности, нарушение очередности погашения текущих платежей, бездействие при взыскании дебиторской задолженности.

Анализ судебной статистика за последние пять лет свидетельствует о стабильном характере взысканий. По данным Федресурса на 2024 год количество привлечения управляющих к ответственности составило 420 случаев, в 2025 году показатель признания действий управляющих незаконными снизилось до 282 случая. При этом снижения количества случаев привлечения управляющих к ответственности не является положительным моментом так как суммы взысканных убытков становятся выше. Еще пять лет назад общая сумма взысканных убытков за один год не доходила до миллиарда рублей. В 2023 году сумма взысканий достигла рекордного значения в три миллиарда рублей на 102 опубликованных случаев привлечения к ответственности. В 2024 год сумма взыскания снизилась до 1,7 миллиардов рублей, через год произошло повышение на один миллиард. [4]

Наиболее распространенным основанием по количеству случаев каждый год выступает необоснованное привлечение внешних специалистов, сумма возмещения по данному основанию составила четыреста миллионов рублей за 2025 год. Лидером по суммам взысканий является бездействие управляющего по оспариванию сделок, отказ от оспаривания и пропуск срока исковой давности. В последние годы общая сумма убытков, взысканных с арбитражных управляющих только по этому основанию, превысила три миллиарда рублей. При этом значительные объёмы ответственности приходятся на случаи ненадлежащего взыскания дебиторской задолженности и непринятия мер к контролирующим лицам должника.

Одним из частых оснований в период прошлого года становится нарушение порядка привлечения специалистов. Согласно статье 20.7 закона о банкротстве лимит расходов на оплату услуг привлекаемых лиц определяется балансовой стоимостью активов должника. Чтобы избежать превышения лимита, среди управляющих распространена практика оформления внешнего специалиста по трудовому договору. Такой обход закона неразумен так как оформление специалиста как сотрудника увеличит к налоговой нагрузке должника. Еще одной ошибкой являются ситуации, когда управляющие расходуют средства, а уже после обращаются в суд за одобрением на расходы. Суды нередко отказывают в удовлетворении таких заявлений, после чего кредиторы взыскивают излишне потраченные суммы. При разрешении вопроса о том был ли арбитражным управляющим нарушен порядок привлечения специалиста или он действовал разумно суды также оценивают обладают ли штатные сотрудники должника необходимыми знаниями или, к

примеру, разумно ли привлекать специалиста с другого населенного пункта в случаях, когда такое привлечение увеличивает расходы. Так, кассационная инстанция Поволжского округа пришла к выводу о том, что «целесообразнее было бы изначально заключить договор непосредственно с исполнителем услуг в г. Астрахани с оплатой в соответствии с установленными расценками в данном регионе, а не с ООО «Центральный антикризисный институт» (г. Москва)». С управляющего были взысканы убытки в полном объёме стоимости привлеченных им специалистов. [5]

При взыскании убытков за бездействие по оспариванию сделок Верховный суд сформулировал четкую позицию, согласно которой формальный поход к взысканию убытков за неподачу исков или пропуск срока исковой давности недопустим. Суды обязаны исследовать реальность удовлетворения оспариваемой сделки, возможность поступления средств в конкурсную массу и сравнение положения кредиторов при своевременном оспаривании и без него. [6]

Данный поход Верховный Суд РФ в 2025 году также использовал в споре применительно дебиторской задолженности в деле о банкротстве ООО «Альянс Энерго-Строй». Конкурсный управляющий не принял мер по принудительному взысканию крупной дебиторской задолженности, первая инстанция и окружной суд взыскали убытки на основании экспертизы с учетом рыночной стоимости прав требования. Однако Верховный суд поддержал выводы апелляционной инстанции, указав на то, что судами не учтена маловероятность возврата денежных средств так как дебиторы находились в процедурах банкротства. Верховный Суд подчеркнул, что деятельность конкурсного управляющего исходя из принципа разумности не должна допускать бессмысленных действий. Так, Верховный Суд РФ разъяснил, что формальное бездействие без реальной возможности пополнения конкурсной массы не влечет ответственности арбитражного управляющего. [7]

В 2023 году Верховный суд также постановил, что при оценке деятельности управляющего нужно обращать внимание на результат, а не на количество поданных им заявлений об оспаривании сделок, так как управляющие могут имитировать бурную деятельность, возбуждая производство по заведомо бесперспективным требованиям. Инициируя заведомо безнадежные процессы, управляющий работает не во благо должника и кредиторов, а исключительно для собственного обогащения. [8]

Еще один интересный казус, возник в деле о банкротстве Соловьевой В.С. Должник пытался привлечь финансовых управляющих к ответственности за бездействие по взысканию дебиторской задолженности с ООО «Медина Профи», возникшей из обязательства по возмещению вреда здоровью. Суд первой инстанции частично удовлетворил жалобу, апелляция с этим согласилась, отметив, что требование о взыскании убытков не заявлялось в первой инстанции. Кассационная инстанция отменила судебные акты в этой части и направила дело на новое рассмотрение. Суд указал, что нижестоящие инстанции не дали должной правовой оценки доводам должника. Интерес здесь вызывает фактическая коллизия. Компенсация вреда, причиненного жизни и здоровью, по закону не входит в конкурсную массу должника, поэтому попытка переложить ответственность за ее взыскание на управляющего вызывает вопросы. По всей видимости, должник сознательно выбрал путь взыскания убытков с управляющих, так как взыскать долг с обанкротившегося Общества будет крайне затруднительно. [9]

К числу иных оснований взыскания относятся неосмотрительность в выборе контрагентов, публично-правовые санкции и необоснованные личные расходы управляющего за счет конкурсной массы. К необоснованным расходам можно отнести командировки, бензин, дополнительное страхование, повышение квалификации.

Важное практическое значение имеет вопрос исчисления срока исковой давности. Ранее кредиторы применяли двух этапную схему защиты: сначала подача жалобы на действие (бездействие) арбитражного управляющего для установления факта нарушения, а следом иск о взыскании убытка. Определением Верховного Суда по делу о банкротстве Технопромэкспорта такой подход был изменен. При едином предмете нарушения срок исковой давности исчисляется с момента, когда заявитель узнал или должен был узнать о нарушении и о лице, которое будет ответчиком. Суд прямо указал на недопустимость манипулирования сроком давности, что усиливает процессуальную защиту управляющих от необоснованных требований. [10]

В результате анализа судебной практики выявлено, что суды использовали различные критерии для определения начала течения срока исковой давности:

1. С момента завершения конкурсного производства либо прекращения производства по делу о банкротстве. Если требования о возмещении убытков, не были заявлены и рассмотрены в рамках дела о банкротстве, кредитор вправе предъявить их в общеисковом порядке в пределах оставшегося срока исковой давности. Моментом начала

течения срока признаются дата вынесения определения о завершении конкурсного производства. [11]

2. С момента фактического взыскания расходов с заявителя по делу о банкротстве. Особый подход применяется, когда убытки связаны с расходами, возложенными на заявителя. В таком случае срок исковой давности начинает течь с даты реального взыскания соответствующих расходов с заявителя. Так, Верховный Суд связал начало течения срока с момента взыскания с ФНС расходов. Суд отметил, что в данном случае налоговый орган защищал не общие интересы кредиторов, а свои собственные расходы. [12]
3. С даты нарушения обязанности по предоставлению налоговой отчетности. При взыскании убытков, вызванных непредоставлением арбитражным управляющим налоговой декларации, срок исчисляется с момента, когда управляющий должен был исполнить соответствующую обязанность в соответствии с налоговым законодательством.
4. С момента проведения собрания кредиторов, на котором кредитор узнал о невозможности удовлетворения своих требований за счет конкурсной массы. Так, налоговая обратилась с иском о взыскании убытков с арбитражного управляющего за нарушение очередности погашения текущих платежей. Суд отказал в удовлетворении требований в связи с пропуском срока исковой давности. Суд установил, что срок начинает течь с даты собрания кредиторов (17.05.2019), на котором рассматривался отчёт конкурсного управляющего и было принято решение о завершении конкурсного производства. Представители налогового органа присутствовали на собрании и ознакомились с отчётом, получив полную информацию об отсутствии средств в конкурсной массе и невозможности погашения требований. Суд отклонил довод инспекции о начале срока с даты завершения процедуры банкротства, поскольку определение суда лишь констатировало отсутствие средств. Так как иск был подан 30.06.2022 (за пределами 3-летнего срока), в удовлетворении требований отказано.[13]
5. С момента завершения реализации конкурсной массы. Если размер убытков невозможно определить с разумной достоверностью до окончания реализации имущества должника, начало течения срока давности суды связывают с датой завершения реализации.
6. С момента получения кредитором информации о правонарушении управляющего. от получения информации о правонарушении.

Современное российское банкротное законодательство стремится к расширению полномочий арбитражного управляющего. Пока законодатель наделяет его все большими правами, он одновременно повышает уровень его ответственности.

Суды, с одной стороны, привлекают арбитражных управляющих к ответственности при доказанности реального ущерба конкурсной массе и отсутствия разумности, а с другой стороны, они защищают их от необоснованных требований. Верховный Суд РФ обозначает недопустимость чрезмерно формального подхода. Суды обязаны тщательно исследовать наличие реальной причинно-следственной связи между бездействием управляющего и возникшими убытками, а также оценивать существовала ли реальная возможность пополнить конкурсную массу за счет таких действий.

Таким образом, в российской правовой системе складывается баланс: законодатель постепенно расширяет полномочия арбитражных управляющих, а суды выступают сдерживающим механизмом, защищая управляющих от необоснованных требований кредиторов и должника.

Список литературы:

[1] Проект ФЗ № 941320-8 о внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 62 и 63 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» // Система обеспечения законодательной деятельности / официальный сайт. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/941320-8

[2] Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 N 127-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

[3] Российская Федерация. Высший Арбитражный суд. Президиум. Практика арбитражного судопроизводства: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих N 150 (2012) : утвержден Президиумом Высшего Арбитражного суда РФ 22 мая 2012 г // СПС Крнсультантплюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131571/.

[4] Статистический бюллетень Федресурса по банкротству по итогам 2025 года // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве / Официальный сайт. — URL: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923.

[5] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.02.2020 № Ф06-57863/2020 по делу № А06-454/2016 // Судебные

и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/AJxtCiUI8vYK/?ysclid=mp8saesmoh306371201.

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.03.2025 № 305-ЭС24-15330(3) по делу № А41-86777/2018 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/432e5c13-8c29-428a-a8a0-ea983ac34da4.

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2025 № 305-ЭС24-15718 по делу № А41-82674 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/SkXQoBjibdrb/?ysclid=mp8sszbqpy336779396.

[8] Российская Федерация. Верховный суд. Президиум. Практика арбитражного судопроизводства: Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (2023): утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // СПС КрнсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/?ysclid=mp8swlhfal800935615

[9] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.04.2026 № 298/2026-4867(3) по делу № А43-49936/2018 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/AJxtCiUI8vYK/?ysclid=mp8saesmoh306371201.

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2025 № 305-ЭС18-24484(22) по делу N А40-239581/2015 // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=856230&ysclid=mp8tdaxfzm567406071#f0cmoJVDriCZUDE6

[11] Российская Федерация. Высший арбитражный суд. Пленум. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 22.06.2012 г № 35 (ред. от 17.12.2024). // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/.

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2018 № 310-ЭС17-13555 по делу № А14-3727/2016 // ЮИС Легалакт. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012018-n-310-es17-13555-po-delu-n-a14-37272016/?ysclid=mp9gbupoxn213715787.

[13] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.03.2024 № 231/2024-5437(2) по делу № А17-6230/2022 // Картотека арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/323216f5-e663-49e7-8ac2-3ff350b38e22.

References:

[1] Draft Federal Law No. 941320-8 on Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Articles 62 and 63 of the Federal Law “On State Registration of Real Estate “//Legislative Support System/official website. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/941320-8

[2] Russian Federation. Laws. Insolvency (bankruptcy) dated 26.10.2002 N 127-FZ//SPS ConsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

[3] Russian Federation. Supreme Arbitration Court. Presidium. Practice of arbitration proceedings: Review of the practice of arbitration courts in disputes related to the removal of bankruptcy managers N 150 (2012): approved by the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on May 22, 2012//SPS KrnsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131571/.

[4] Fedresurs Statistical Bulletin on Bankruptcy for 2025//Unified Federal Register of Bankruptcy Information/Official website. — URL: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923.

[5] Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 27.02.2020 No. F06-57863/2020 in case No. A06-454/2016//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/AJxtCiUI8vYK/?ysclid=mp8saesmoh306371201.

[6] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.03.2025 No. 305-EC24-15330 (3) in case No. A41-86777/2018//File of arbitration cases. — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/432e5c13-8c29-428a-a8a0-ea983ac34da4.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.2025 No. 305-ES24-15718 in case No. A41-82674//Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/SkXQoBjibdrb/?ysclid=mp8sszbqpy336779396.

[8] Russian Federation. Supreme Court. Presidium. Arbitration practice: Review of judicial practice on the participation of the arbitration manager in the bankruptcy case (2023): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 11.10.2023 //SPS KrnsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/?ysclid=mp8swlhfal800935615

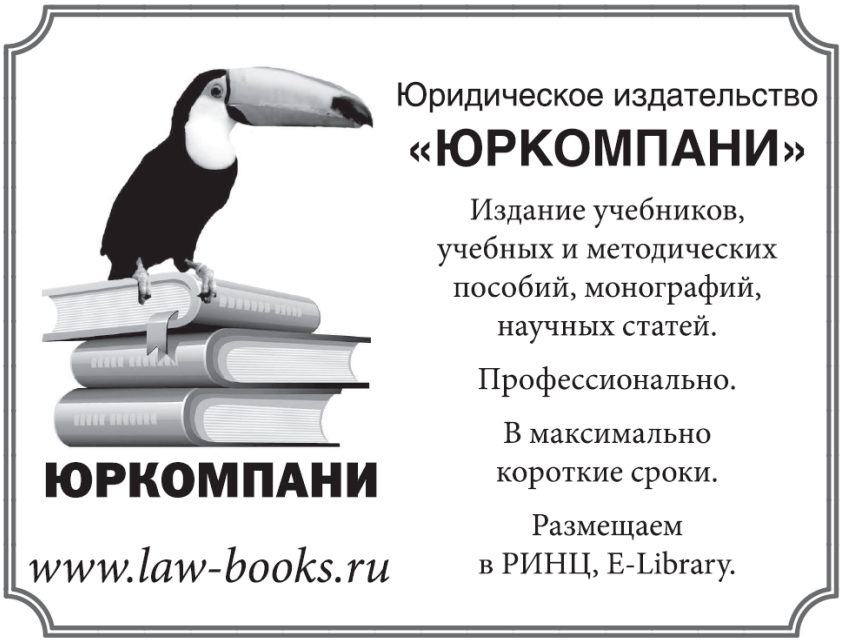
[9] Decision of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 24.04.2026 No. 298/2026-4867 (3) in case No. A43-49936/2018//File of arbitration cases. — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/AJxtCiUI8vYK/?ysclid=mp8saesmoh306371201.

[10] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2025 No. 305-EC18-24484 (22) in case N A40-239581/2015//SPS Consultant Plus. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=856230&ysclid=mp8tdaxfzm567406071#f0cmoJVDriCZUDE6

[11] Russian Federation. Superior Court of Arbitration. Plenum. On certain procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases: decision of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.06.2012 No. 35 (ed. 17.12.2024) .//SPS Consultant Plus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.01.2018 No. 310-ES17-13555 in case No. A14-3727/2016//YUIS Legalakt. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012018-n-310-es17-13555-po-delu-n-a14-37272016/?ysclid=mp9gbupoxn213715787.

[13] Decision of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 28.03.2024 No. 231/2024-5437 (2) in case No. A17-6230/2022//File of arbitration cases. — URL: https://kad.arbitr.ru/Card/323216f5-e663-49e7-8ac2-3ff350b38e22.

- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА-

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-221-224
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

СТРЕБКОВ Максим Игоревич,
студент 2 курса магистратуры
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

УСЛОВНОЕ ДЕПОНИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматривается возможность условного депонирования цифрового рубля, оценивается существующее правовое регулирование цифрового рубля как вида безналичных денежных средств применительно к данной области. Также автором выявляются существующие проблемы и предлагаются меры по совершенствованию законодательства в соответствующей сфере.*

Ключевые слова: *условное депонирование, эскроу, цифровой рубль, условное депонирование цифрового рубля, имущественные иммунитеты, номинальный счет.*

STREBKOV Maxim Igorevich,
second-year Master's student, Faculty of Law,
Financial Universityunder the Government
of the Russian Federation

ESCROWSHIP OF THE DIGITAL RUBLE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *This article examines the feasibility of escrow for the digital ruble and assesses the existing legal regulation of the digital ruble as a form of non-cash money in this area. The author also identifies existing problems and proposes measures to improve legislation in this area.*

Key words: *escrow, escrow, digital ruble, escrow for the digital ruble, property immunities, nominal account.*

Условное депонирование (эскроу) – особая договорная конструкция, получившая закрепление в российском гражданском законодательстве относительно недавно - в 2017 году. Она представляет собой соглашение, согласно которому депонент обязуется передать на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества (бенефициару), а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований.

Данный договор призван повысить доверие сторон друг к другу при исполнении основного обязательства за счет введения между ними третьей независимой стороны, которая передаст депонированное имущество (фактически встречное предоставление) только после исполнения указанного основного обязательства. Это также способствует уменьшению рисков при заключении сделок, особенно тех, которые обладают высокой стоимостью, например, связанных с передачей прав на недвижимость. Это традиционная сфера для применения механизмов условного депонирования, особенно когда речь идет о долевом участии в строительстве, где обязательность применения эскроу-счетов закреплена на уровне федерального закона.

Законом практически не ограничен круг имущества, которое возможно депонировать по данному договору. Это могут быть движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), имущественные права (безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги) или объекты интеллектуальной собственности.

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) к имущественным правам относит также и цифровые. Однако при этом Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» прямо предусмотрен запрет принимать цифровые финансовые активы и цифровую валюту в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги, а также иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровым финансовым активом товаров (работ, услуг), за исключением предоставления таких активов в качестве встречного исполнения по внешнеторговым контрактам. Но такой запрет не распространяется на цифровые рубли, которые ГК РФ относит к разновидности безналичных денежных средств. В связи с этим цель данной работы – рассмотреть существующие возможности для условного депонирования цифровых рублей и оценить перспективы развития правового регулирования в этой области.

Цифровой рубль — это национальная цифровая валюта (НЦВ) России, которая представляет собой инновационный инструмент в области финансовых технологий и регулирования финансового рынка. Поэтому его создание может стать серьезным шагом к снижению зависимости России от доллара и других мировых валют, а также повышению уровня безопасности и конфиденциальности операций на рынке [2]. Банк России отметил, что уже с 1 сентября 2026 года начнется массовое внедрение цифрового рубля, крупнейшие банки обязаны будут предоставить своим клиентам возможность открывать счет цифровых рублей, а также совершать все присущие обычным безналичным денежным средствам операции: переводы между лицами, оплата товаров и услуг и т.д. [3].

Развитие цифрового рубля отмечается как стратегически важное направление, призванное, с одной стороны, способствовать повышению эффективности функционирования платёжной системы за счет их дальнейшей интеграции, с другой - обеспечивать создание новых платежных механизмов, не зависящих от экономических и финансовых санкций [4]. И так как по своему функциональному значению цифровой рубль приравнивается к безналичным деньгам, его также потенциально можно использовать и в условном депонировании в роли передаваемого депонентом эскроу-агенту имущества. В связи с тем, что цифровой рубль существует только на кошельках клиентов в коммерческих банках, то все операции с ним, в том числе условное депонирование, будут осуществляться исключительно через специальные счета. В таких условиях будет возможно заключение как договора счета эскроу цифрового рубля, где эскроу-агентом будет непосредственно банк, так и обычного договора эскроу, где физическое или юридическое лицо будет выполнять функции эскроу-агента и принимать цифровые рубли на собственные открытые счета.

Согласно Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [5], Банк России является оператором платформы цифрового рубля, организует и обеспечивает бесперебойность ее функционирования, а также устанавливает правила платформы цифрового рубля. Он же обеспечивает открытие коммерческими банками клиентам кошельков цифрового рубля, через указанную платформу будут проходить все операции по этому средству платежа. При этом, согласно положению Банка России «О платформе цифрового рубля» [6] (далее – Положение о платформе цифрового рубля), на платформе цифрового рубля на основании договора счета цифрового рубля пользователям платформы открываются следующие виды счетов цифрового рубля:

- счета цифрового рубля операторов по переводу денежных средств, за исключением иностранных банков (далее - счета цифрового рубля участника платформы);
- счета цифрового рубля физических лиц;
- счета цифрового рубля юридических лиц.

Каждому физическому лицу, юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю на платформе цифрового рубля открывается один счет цифрового рубля.

Следовательно, одному лицу невозможно открыть несколько счетов цифрового рубля, при этом не проводится деления на лицевые и номинальные, из приведенных положений следует, что все счета по умолчанию являются лицевыми. То есть в случае заключения договора условного депонирования, эскроу-агенту придется зачислять депонируемые средства на свой личный счет цифрового рубля, где они смешаются с его собственными, что может вызвать затруднение при разграничении данных сумм, при этом в такой ситуации должны также работать имущественные иммунитеты по отношению к депонированным средствам. Кроме того, Федеральным законом «Об исполнительном производстве» [7] предусмотрено, что взыскание на цифровые рубли обращается при отсутствии или недостаточности у должника находящихся на счетах и во вкладах в банках или иных кредитных организациях денежных средств в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлов. То есть за ними обратятся в

последнюю очередь, что обеспечивает дополнительную надежность. Но действующее правовое регулирование и отсутствие практики применения не позволяют однозначно ответить на вопрос, каким образом на лицевом счете цифрового рубля будут учитываться суммы, имеющие различную целевую направленность.

В случае банкротства эскроу-агента, цифровые рубли будут признаваться имуществом и включаться в конкурсную массу. Согласно положениям Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [8], в составе имущества должника, являющегося депонентом по договору условного депонирования (эскроу), также отдельно учитывается имущество, переданное должником на депонирование эскроу-агенту. И в такой ситуации удобнее было бы учитывать их на отдельном счете цифрового рубля, в отношении которого не применялись бы аресты, так как вся находящаяся на нем сумма эскроу-агенту не принадлежит.

Положение о платформе цифрового рубля предусматривает возможность совершения таких видов операций, как:

- перевод цифровых рублей;

- увеличение остатка цифровых рублей путем перевода денежных средств с банковских (корреспондентских) счетов или уменьшения остатка ЭДС, для совершения операций с которым предоставлены персонифицированные или корпоративные ЭСП;

- уменьшение остатка цифровых рублей путем перевода денежных средств на банковские (корреспондентские) счета или увеличения остатка ЭДС, для совершения операций с которым предоставлены персонифицированные или корпоративные ЭСП.

Все они присущи для существующих безналичных денежных средств. Цифровой рубль несмотря на то, что периодически его называют в качестве третьей формы национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами, согласно положениям ГК РФ, является разновидностью безналичных денежных средств, которая по своим функциям ничем не отличается от существующих сегодня форм. Это же положение в своем Письме [9] подтвердил и Банк России. Более того, прогнозируется, что в перспективе будет возможно использовать цифровые рубли без подключения к сети Интернет, что является большим достоинством по сравнению с электронными денежными переводами сегодня, которые полностью зависимы от такого подключения. Все вышеуказанные достоинства цифрового рубля раскрылись бы наиболее полно, если бы существовала возможность открытия гражданами и организациями номинальных счетов цифровых рублей, которые по своим функциональным и правовым характеристикам будут аналогичны существующим номинальным счетам и подпадать под то же правовое регулирование.

Количество открываемых номинальных счетов одним лицом можно ограничить определенным количеством исходя из соображений безопасности и технических возможностей. Также для Банка России как регулятора и оператора платформы цифрового рубля это повлечет необходимость принятия соответствующих стандартов и внутренних правил ведения таких счетов. Таким образом, в существующих условиях условное депонирование цифровых рублей представляется юридически возможным, но фактически сложнореализуемым. Это связано в первую очередь с необходимостью зачислять все поступающие денежные средства на один счет цифрового рубля, без учета их целевой направленности. В связи с чем предлагается законодательно закрепить возможность открытия физическими и юридическими лицами номинальных счетов цифрового рубля. Подобная мера поставит в равное правовое положение цифровые денежные средства с привычными безналичными, что даст стимул для последующего развития правового регулирования в данной области, а также повысит **привлекательность** подобной формы национальной валюты для населения. Согласно действующему регулированию на депонированные цифровые рубли также будут распространяться имущественные иммунитеты, защищающие средства от обращения взыскания, в связи с чем нет необходимости дополнительного закрепления в специальных законах соответствующих положений, так как данные правоотношения подчинены общему регулированию. Но это не исключает необходимости внесения изменений в законодательство в случае последующего развития института эскроу в России.

Список источников:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. - №32. - Ст. 3301.

[2] Кузьмин М.С. Цифровой рубль: новая форма развития российской национальной валюты // Аудиторские ведомости. – 2024. - № 1. – С. 81.

[3] Массовое внедрение цифрового рубля начнется 1 сентября 2026 года // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=25772 (дата обращения: 01.04.2026).

[4] Трегуб И.В., Аксенова Е.О. Цифровой рубль: сущность и перспективы применения в России // Финансовые рынки и банки. – 2023. - №11. – С. 137.

[5] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (редакция по состоянию на 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

[6] О платформе цифрового рубля: Положение Центрального банка Российской Федерации от 3 августа 2023 г. №820-П (зарегистрировано в Минюсте РФ 10.08.2023, №74716) (редакция по состоянию на 01.04.2026) // Вестник Банка России. – 2023. - №58 (2454). – С. 14-28.

[7] Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (редакция по состоянию на 12.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

[8] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (редакция по состоянию на 12.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

[9] О вопросах, связанных с цифровым рублем: Письмо Банка России от 11 сентября 2023 г. № 04-45/8582 // Банк России. URL: https://base.garant.ru/407656182/ (дата обращения: 01.04.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. - No. 32. - Art. 3301.

[2] Kuzmin, M.S. Digital Ruble: A New Form of Development of the Russian National Currency // Audit Reports. – 2024. - No. 1. – P. 81.

[3] Mass Implementation of the Digital Ruble to Begin on September 1, 2026 // Bank of Russia. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=25772 (accessed: 01.04.2026).

[4] Tregub, I.V., Aksenova, E.O. Digital Ruble: Essence and Prospects of Application in Russia // Financial Markets and Banks. – 2023. - No. 11. – P. 137.

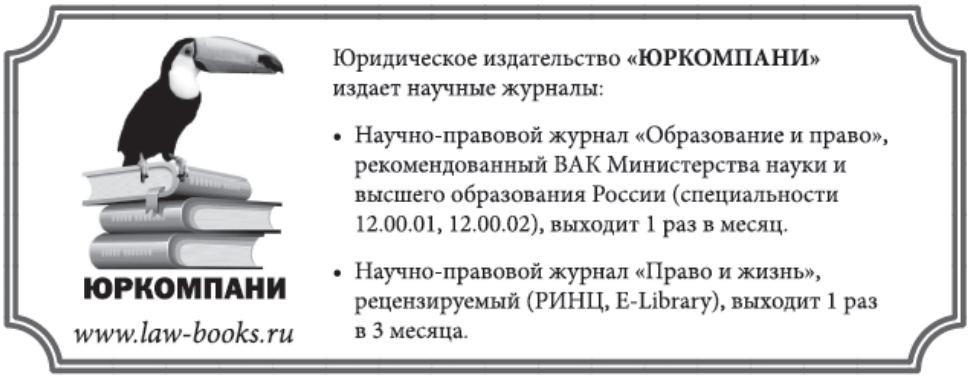
[5] On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law of July 10, 2002 No. 86-FZ (as amended on April 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 28. – Art. 2790.

[6] On the digital ruble platform: Regulation of the Central Bank of the Russian Federation of August 3, 2023 No. 820-P (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 10, 2023, No. 74716) (as amended on April 1, 2026) // Bulletin of the Bank of Russia. – 2023. - No. 58 (2454). – P. 14-28.

[7] On enforcement proceedings: Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ (as amended on February 12, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 41. – Item 4849.

[8] On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on February 12, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Item 4190.

[9] On issues related to the digital ruble: Letter of the Bank of Russia dated September 11, 2023 No. 04-45/8582 // Bank of Russia. URL: https://base.garant.ru/407656182/ (accessed: 01.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-225-236
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

САЛЕХ Владислава Халидовна,
Студент 3 курса Факультет подготовки специалистов для судебной системы очной формы обучения (очный юридический факультет) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», e-mail: vlada.salekh1703@yandex.ru

Научный руководитель:
УЛЬЯНОВА Марина Вячеславовна,
Доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук, доцент Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», e-mail: ulyanovamv@rsuj.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правовых проблем, возникающих в связи с развитием вспомогательных репродуктивных технологий и использованием криоконсервированного биоматериала после смерти одного из потенциальных родителей. Рассматриваются вопросы определения правовой природы эмбриона и иных репродуктивных материалов, особенности реализации прижизненного волеизъявления пациента, а также проблемы установления происхождения ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции. Особое внимание уделяется анализу действующего российского законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, зарубежного опыта правового регулирования и современных биоэтических подходов. Исследуются вопросы хранения, передачи и утилизации криоконсервированного биоматериала, а также правовые последствия рождения детей после смерти одного из родителей. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства, направленные на обеспечение баланса между репродуктивной автономией личности, защитой интересов будущего ребенка и принципом правовой определенности.*

Ключевые слова: *постмортальная репродукция, вспомогательные репродуктивные технологии, ВРТ, криоконсервация, эмбрион, репродуктивные права, семейное право, биоэтика, правовое регулирование.*

SALEKH Vladislava Khalidovna,
Student 3 term Faculty for training specialists for the judicial system (full-time law faculty) Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev»

Scientific supervisor:
ULYANOVA Marina Vyacheslavovna,
Associate Professor of the Department of Civil Law, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev»

IMPROVEMENT OF RUSSIAN LEGISLATION IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Annotation. *The article examines legal issues arising from the development of assisted reproductive technologies and the use of cryopreserved reproductive material after the death of one of the intended parents. The authors analyze the legal nature of embryos and reproductive material, the implementation of lifetime consent, and the legal status of children born through posthumous reproduction. Particular attention is paid to Russian legislation, the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, foreign legal experience, and contemporary bioethical approaches. The study also addresses the regulation of storage, transfer, and disposal of cryopreserved reproductive material, as well as the legal consequences of posthumous parenthood. Based on the findings, proposals are formulated to improve Russian legislation in order to balance reproductive autonomy, the interests of the future child, and the principle of legal certainty.*

Key words*: posthumous reproduction, assisted reproductive technologies, ART, cryopreservation, embryo, reproductive rights, family law, bioethics, legal regulation.*

Основные положения. Стремительное развитие вспомогательных репродуктивных технологий традиционно опережает формирование правовой базы. К 2022 году российское законодательство, в частности статья 51 Семейного кодекса РФ [9] регулирующая запись родителей ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее - ВРТ), и подзаконные акты Министерства здравоохранения столкнулись с ситуацией, которая еще десятилетие назад казалась невозможной: определение правовой судьбы криоконсервированных эмбрионов в случае смерти одного или обоих генетических родителей. Ключевая правовая коллизия заключается в дисбалансе между «моментом дачи согласия» и отсутствием механизмов реализации воли субъекта после его смерти. Действующее регулирование (ч. 4 ст. 51 СК РФ, Приказ Минздрава России № 803н [10]) требует информированного добровольного согласия супругов на применение ВРТ и устанавливает формы учета биоматериала. Однако детальное регулирование ВРТ остается актуальным в вопросе о том, сохраняет ли силу это согласие после смерти лица, его предоставившего. Возникает ситуация, когда договор на хранение биоматериала заключен, но отсутствует четкое распоряжение на его правовую природу и применение в случае летального исхода. Это порождает цепь неразрешимых вопросов: предельные сроки хранения таких эмбрионов, обязанность по оплате услуг криохранилища, процедура утилизации либо условия передачи эмбрионов для постмортальной репродукции. В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что современная демографическая ситуация требует более детальной отраслевой регламентации личных прав граждан, связанных с возможностью деторождения. Как отмечает М. В. Ульянова, правовое регулирование в данной сфере должно быть ориентировано не только на формальное закрепление условий применения репродуктивных технологий, но и на реальное обеспечение семейных прав и обязанностей с учетом сложного характера возникающих отношений и их последствий для всех членов семьи, прежде всего для ребенка. Исследователь подчеркивает, что по мере развития вспомогательных репродуктивных технологий границы допустимого правового вмешательства в семейную сферу объективно расширяются, поскольку именно правовая определенность позволяет обеспечить баланс интересов родителей, будущего ребенка и иных участников соответствующих отношений. В этом смысле проблемы, возникающие при постмортальном использовании биоматериала, следует рассматривать не как частный казус, а как проявление более общей тенденции: технологическое развитие в репродуктивной сфере требует последовательного и детализированного нормативного ответа [1, с. 79-81].

Понятие и правовая природа криоконсервированного биоматериала. В доктрине гражданского и семейного права вопрос о статусе эмбриона остается дискуссионным. Ж.С. Малышева подчеркивает, что отсутствие легального определения момента возникновения права на жизнь создает трудности в квалификации эмбриона как объекта или субъекта права [2]. Зарубежная практика демонстрирует различные подходы: от признания эмбриона «эмбриональной личностью» (Австрия) до квалификации его как объекта договорных отношений (Великобритания) [3, с. 39].

Толкование согласия при жизни: пределы действия волеизъявления. В российской правовой системе событием, демонстрировавшим пробел, стало рассмотрение Конституционным Судом РФ жалобы гражданки М.Ю. Щанниковой. Как следует из Постановления КС РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П [11], заявительница после смерти супруга использовала его криоконсервированный биоматериал для рождения детей, однако столкнулась с отказом в назначении страховой пенсии по потере кормильца, поскольку дети были зачаты после смерти отца . Конституционный Суд указал на необходимость обновления законодательства с учетом реалий постмортальной репродукции, признав, что отсутствие регулирования ставит таких детей в неравное

положение по сравнению с рожденными при жизни родителя. Ситуация осложняется столкновением двух конституционно значимых ценностей: репродуктивных прав лица (права на продолжение рода) и прав будущего ребенка, который может родиться в неполной семье. Защита интересов нерожденного ребенка представляет собой сложную междисциплинарную проблему, требующую поиска баланса между автономией воли родителей и необходимостью обеспечения достойного существования потомства. Этично ли презюмировать согласие на посмертное использование? Должно ли государство финансировать хранение биоматериала умершего? Ответы на эти вопросы отсутствуют как в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [12], так и в Приказе № 803н, который регламентирует лишь технический учет, но не правовые последствия, возникающие в связи со смертью пациента.

Порядок дачи информированного добровольного согласия. Порядок дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство с применением ВРТ регламентируется Приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н [13], которым утверждена типовая форма согласия, включающая положения о криоконсервации, утилизации или донорстве половых клеток и эмбрионов, оставшихся после проведения программ ЭКО. Однако анализ приложения № 13 к указанному приказу [14] показывает, что действующая форма информированного согласия не предусматривает возможности для пациента выразить волю относительно использования биоматериала в случае его смерти - гражданин может выбрать лишь один из трех вариантов: криоконсервацию, утилизацию или донирование, но не может указать, допустимо ли использование его половых клеток или эмбрионов после смерти для рождения ребенка . Это создает ситуацию, когда даже при наличии обоюдного желания супругов иметь детей, смерть одного из них оставляет пережившего супруга в состоянии правовой неопределенности, поскольку согласие, данное при жизни, не может быть однозначно истолковано как разрешение на посмертную репродукцию.

Договор на хранение биоматериала: содержание и стороны. Договор на хранение биоматериала, заключаемый между медицинской организацией и пациентами, также не содержит условий, регулирующих судьбу криоконсервированного материала в случае смерти. Согласно пункту 18 Приказа № 803н, решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов принимают лица, которым они принадлежат, путем заключения гражданско-правовых договоров. Однако практика показывает, что типовые договоры хранения не включают положения о порядке действий при наступлении смерти одного из пациентов, не регулируют вопросы оплаты хранения наследниками и не определяют порядок утилизации при отсутствии распоряжений. Медицинские организации, руководствуясь пунктом 43 Приказа № 803н, осуществляют хранение криоконсервированных биоматериалов за счет личных средств пациентов , и при возникновении задолженности по оплате, которая может достигать 30 000 рублей, клиники вправе инициировать процедуру утилизации, но только после направления письменных уведомлений и истечения льготного периода, обычно составляющего от 60 до 180 дней . При этом пункт 41 Приказа № 803н предусматривает возможность выдачи криоконсервированных половых клеток и эмбрионов на руки пациентам по их письменному заявлению, однако механизм реализации этого права после смерти одного из супругов законодательно не урегулирование.

Соотношение с положениями статьи 51 СК РФ. Наиболее остро проблема пробелов в правовом регулировании проявляется в контексте статьи 51 Семейного кодекса РФ, определяющей порядок записи родителей в книге записей рождений. Указанная норма устанавливает презумпцию отцовства супруга матери, если ребенок родился в период брака или в течение трехсот дней после его расторжения, однако эта презумпция рассчитана на естественное зачатие и не учитывает ситуаций, когда между смертью супруга и рождением ребенка может пройти несколько лет вследствие использования криоконсервированного биоматериала. Отсутствие специального регулирования создает проблемы не только с доступом к процедуре посмертной репродукции, но и с последующей регистрацией рождения ребенка и установлением происхождения от умершего отца, что затрагивает целый комплекс правовых последствий в сфере наследственного права и социального обеспечения.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам посмертной репродукции формировалась постепенно, отражая эволюцию как общественных отношений, так и понимания конституционных прав граждан в сфере ВРТ. Ключевым этапом в этом процессе стало вынесение Постановления Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 года [15], которым были признаны не соответствующими Конституции РФ отдельные положения законодательства о социальном обеспечении. Данное решение было вынесено по жалобе ребенка, родившегося после смерти отца в результате применения процедуры ЭКО с использованием криоконсервированной спермы умершего. Органы социальной защиты отказали матери

ребенка в назначении пенсии по случаю потери кормильца, мотивируя это тем, что на момент смерти отца ребенок еще не был зачат, а действующее пенсионное законодательство связывает возникновение права на пенсию исключительно с фактом рождения ребенка до смерти кормильца либо с наличием иждивения, которое в данном случае отсутствовало. Конституционный Суд, рассмотрев дело, указал на формальный и дискриминационный характер такого подхода. В своем постановлении Суд отметил, что конституционный принцип равенства и право на социальное обеспечение, гарантированное статьей 39 Конституции РФ, не могут ставиться в зависимость от времени зачатия ребенка, если его рождение явилось результатом реализации общего репродуктивного проекта родителей, одним из которых был умерший. Суд отдельно указал, что применение вспомогательных репродуктивных технологий является законным и общественно допустимым способом преодоления бесплодия. Из этого следует важный вывод: дети, появившиеся на свет с помощью таких технологий, не могут иметь меньший объем прав по сравнению с детьми, зачатыми естественным путем, в том числе если их отец умер до рождения ребенка. Конституционный Суд признал, что отсутствие у таких детей гарантированного права на пенсию по случаю потери кормильца не соответствует Конституции РФ, и обязал законодателя внести необходимые изменения. По сути, Суд подтвердил: ребенок, рожденный после смерти отца с помощью ВРТ, имеет такое же право на социальную защиту, как и любой другой ребенок, потерявший кормильца. Более того, это решение имплицитно затрагивает и более широкий круг вопросов: если ребенок признается субъектом пенсионных прав, то логичным становится и признание за ним наследственных прав, а также права на установление происхождения от умершего отца. Тем самым постановление от 11 февраля 2025 года создало юридическую основу для пересмотра не только пенсионного, но и семейного и наследственного законодательства в части, касающейся прав детей, рожденных посмертно. Однако, несмотря на ясные и недвусмысленные указания Конституционного Суда, содержащиеся в постановлении от 11 февраля 2025 года, до настоящего времени специальное комплексное регулирование посмертной репродукции в России отсутствует. Законодатель пока не внес изменения в Семейный кодекс РФ, не урегулировал порядок дачи согласия на посмертное использование биоматериала, не определил правовой статус эмбрионов в случае смерти одного из супругов. Это создает ситуацию правовой неопределенности, когда отдельные решения Конституционного Суда, обладая безусловной обязательностью, не могут восполнить все пробелы системного характера, и граждане вынуждены обращаться за защитой своих прав в суды в каждом конкретном случае, что порождает неравенство и судебные издержки.

Существует необходимость установления на законодательном уровне презумпции согласия или несогласия лица на посмертную репродукцию, отсутствие которой создает риски нарушения конституционных прав граждан и злоупотребления правом. При презумпции согласия посмертное использование половых клеток умершего или эмбрионов, созданных с их участием, считается допустимым, если человек при жизни прямо не возражал против этого. Иначе говоря, отсутствие запрета воспринимается как согласие, а доказывать обратное должны те, кто выступает против такого использования. Такой подход строится на предположении о вероятной воле умершего. Считается, что человек, заботящийся о близких, скорее допустил бы возможность рождения общего ребёнка после своей смерти, чем лишил бы пережившего супруга этого шанса без прямо выраженного отказа. Здесь в центр ставится не формальное молчание само по себе, а идея сохранения семейной связи и уважения к тем жизненным планам, которые существовали у супругов [4, с. 431-442]. Но этот подход нередко вызывает серьезные возражения, его упрекают в том, что он создает опасную почву для последующих злоупотреблений. При желании заинтересованные лица могут попытаться искусственно сформировать нужную доказательственную картину или попросту оставить без внимания обстоятельство, что человек при жизни мог пересмотреть свою позицию. Не исключено и другое: умерший в принципе не связывал свое будущее с рождением детей и не хотел, чтобы после его смерти вопрос о продолжении рода решался без прямо выраженной воли. Наиболее тревожными оказываются случаи, в которых переплетаются насилие в отношениях, самоубийство и давление в сфере репродуктивного выбора. В подобных обстоятельствах особенно велик риск того, что интересы оставшихся в живых начнут преобладать над волей умершего. Проблема в том, что сам он уже не может ни подтвердить свою позицию, ни возразить, ни защитить право на личную автономию [5].

Презумпция несогласия предполагает более строгий подход: посмертное использование биоматериала возможно только при письменном согласии, выраженном при жизни. Если такого документа нет, действует запрет. В центре здесь находится личная воля умершего, а также стремление снизить споры о статусе ребёнка и наследственных последствиях. Но у этой модели есть и слабая сторона. Подобные ситуации часто свя-

заны с внезапной смертью, когда человек просто не успел заранее оформить свою позицию. Поэтому отсутствие согласия на бумаге не всегда означает реальный отказ. Более взвешенным для российского права выглядит вариант, при котором сохраняется требование письменного согласия, но одновременно устанавливаются чёткие сроки для зачатия и рождения ребёнка.

Эволюция законодательства о посмертной репродукции. Зарубежный опыт правового регулирования посмертной репродукции представляет особый интерес для российской правовой системы, находящейся в поиске оптимальной модели законодательного решения этой проблемы, и в этом контексте португальский опыт является одним из наиболее показательных и хорошо документированных примеров кардинального изменения законодательной политики под влиянием конкретного человеческого случая и общественной дискуссии. Эволюция португальского законодательства о посмертной репродукции демонстрирует переход от полного запрета к детальному регулированию, причем ключевую роль в этом процессе сыграло получившее широкий общественный резонанс дело «Ângela e Hugo», которое стало катализатором законодательных изменений и предметом многочисленных научных исследований. История этой пары глубоко тронула всю страну: Анджела Феррейра добивалась права на беременность от своего мужа Уго, который умер от рака в возрасте 29 лет, при этом еще при жизни, проходя лечение от онкологического заболевания, супруг сдал сперму на хранение в университетский госпиталь Сан-Жуан в Порту и выразил желание иметь ребенка с Анджелой. Но она столкнулась с отсутствием законодательного регулирования в этом вопросе, женщина начала гражданскую законодательную инициативу, собрала более двадцати тысяч подписей и потребовала от парламента внесения изменений в закон о медицински ассистированной прокреации, что в итоге привело к принятию Закона № 72/2021 от 12 ноября 2021 года [16], который внес существенные изменения в базовый Закон № 32/2006 от 26 июля.

Условия допустимости посмертного использования. Португальское законодательство довольно понятно определяет, когда возможно посмертное использование репродуктивного материала. Следует отметить, что здесь выбран не крайний, а достаточно гибкий подход: закон старается одновременно учитывать и волю умершего, и реальные обстоятельства семейной жизни. Посмертная инсеминация допускается в двух вариантах. Первый связан с ситуацией, когда мужчина ещё при жизни письменно указал, что согласен на использование своего биоматериала после смерти. Второй вариант применяется тогда, когда у женщины нет такого документа, но она может подтвердить, что у пары существовало устойчивое и заранее согласованное намерение иметь ребёнка. На практике это проявляется в том, что значение придаётся не только формальному письменному согласию, но и фактическим отношениям между людьми, если из них видно, что решение о родительстве было для пары общим и осознанным. Важным элементом регулирования является установление временных рамок: процедура должна быть проведена в период от шести месяцев до трех лет после смерти супруга [17], при этом закон не устанавливает ограничений на количество попыток инсеминации - они могут проводиться до наступления беременности.

Правовые последствия рождения ребенка. Правовые последствия рождения ребенка в результате посмертной репродукции в Португалии урегулированы таким образом, чтобы максимально защитить интересы ребенка и обеспечить его равные права с детьми, рожденными в обычном порядке. Закон однозначно устанавливает, что ребенок считается законным ребенком умершего отца со всеми вытекающими правовыми последствиями, включая полные наследственные права. Более того, португальский законодатель специально урегулировал вопрос о наследовании: ребенок, рожденный в результате посмертной репродукции, обладает общей наследственной способностью, то есть призывается к наследованию после умершего отца на общих основаниях. Закон также предусматривает механизм, позволяющий разрешить ситуацию, если мать во время процесса вступит в новый брак: в этом случае ребенок может быть признан ребенком умершего, если мать не зарегистрирует нового супруга в качестве отца. Важной гарантией является установление уголовной ответственности за нарушение установленных правил: использование репродуктивных техник без надлежащего согласия или с нарушением установленного порядка, совершенное с намерением получить личную выгоду или причинить вред кому-либо, наказывается тюремным заключением на срок до двух лет или штрафом в размере до 240 дней. Португальский опыт особенно ценен для российского законодателя тем, что демонстрирует возможность создания целостной системы регулирования, включающей не только условия доступа к процедуре, но и детальную регламентацию наследственных последствий, что позволяет избежать тех самых пробелов в семейном и наследственном праве, которые сегодня существуют в России применительно к статье 51 СК РФ и смежным институтам.

Сроки хранения и финансовые обязательства. Правовой режим хранения биоматериала в

сфере применения ВРТ в Российской Федерации строится на сочетании специальных медицинских и общегражданских норм. Федеральный закон № 323-ФЗ [18] прямо закрепляет право граждан на криоконсервацию и хранение половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов за счет личных средств и иных средств, предусмотренных законодательством. Тем самым законодатель исходит из допустимости длительного хранения биоматериала как самостоятельного правомерного состояния, связанного с реализацией репродуктивных прав пациента. Порядок такого хранения конкретизирован в приказе Минздрава России № 803н [19]. Из его содержания следует, что криоконсервация и хранение биоматериалов осуществляются только медицинскими организациями, располагающими криохранилищами и имеющими лицензию на выполнение соответствующих работ, а сами биоматериалы должны храниться в специальных маркированных контейнерах, помещенных в жидкий азот или его пары. Данное регулирование указывает на то, что хранение биоматериала представляет собой не факультативное техническое действие, а особую медицинскую услугу, предполагающую соблюдение лицензионных, организационных и технологических требований. При этом действующее федеральное регулирование не устанавливает единого универсального предельного срока хранения половых клеток и эмбрионов. По смыслу статьи 55 Закона № 323-ФЗ и положений приказа № 803н конкретная продолжительность хранения определяется волей правообладателей и условиями заключенного с медицинской организацией договора. В практическом плане это означает, что именно договорное оформление приобретает ключевое значение для определения первоначального срока хранения, порядка его продления, механизма уведомления пациента и последствий прекращения соответствующих правоотношений. Финансовая сторона хранения биоматериала также подчинена договорной модели. Поскольку хранение осуществляется, как правило, на возмездной основе, к соответствующим отношениям применяются правила о платных медицинских услугах. Постановление Правительства РФ от 11 мая 2023 г. № 736 [20] требует, чтобы договор о предоставлении платных медицинских услуг содержал, в частности, стоимость услуг, сроки и порядок их оплаты, а также условия и сроки предоставления таких услуг. Следовательно, именно в договоре должны быть однозначно зафиксированы размер платы за хранение, периодичность внесения платежей, условия продления хранения и правовые последствия образования задолженности. Уместно вспомнить концепцию В.В. Ершова о соотношении правового и индивидуального регулирования, в рамках которой обосновывается, что в силу универсального и абстрактного характера правовое регулирование общественных отношений объективно недостаточно и должно дополняться индивидуальным регулированием, причем данные категории существуют в неразрывной взаимосвязи как парные категории. Как отмечает исследователь, «объективная необходимость индивидуального регулирования правоотношений вызывается не только абстрактным характером основополагающих (общих) и (или) специальных принципов, но и нормами права, а также и их относительной определенностью. Все эти обстоятельства и обусловливают неразрывную взаимосвязь правового и индивидуального регулирования правоотношений, их существование как парных категорий» [6, с. 132-147]. Таким образом, индивидуальный договор хранения биоматериала выступает тем необходимым регулятором, который конкретизирует абстрактные правовые предписания применительно к уникальной ситуации сторон, обеспечивая тем самым эффективность правового регулирования в целом. Значимым практическим элементом является и возможность передачи криоконсервированного материала самим пациентам. Приказ № 803н предусматривает, что по письменному заявлению пациентов биоматериал может быть выдан им для транспортировки, причем после такой передачи ответственность за его сохранность, качество и транспортировку несут уже сами пациенты. Это положение имеет существенное значение в случаях смены медицинской организации, несогласия с тарифной политикой клиники либо необходимости перевода материала в иное криохранилище.

Процедура утилизации: основания и порядок. Правовой механизм утилизации биоматериала в российском праве основан прежде всего на принципе приоритета воли правообладателей. Приказ Минздрава России № 803н прямо закрепляет, что решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов, включая донорство, дальнейшую криоконсервацию и утилизацию, принимают лица, которым принадлежат половые клетки и эмбрионы, путем заключения гражданско-правовых договоров. Из этого следует, что медицинская организация не наделена свободным усмотрением в вопросе уничтожения биоматериала и вправе действовать лишь в рамках заранее выраженной и надлежащим образом оформленной воли пациентов. Следовательно, юридическими основаниями утилизации на практике выступают либо прямое волеизъявление пациента или пациентов, которым принадлежит биоматериал, либо наступление обстоятельств, заранее предусмотренных договором хранения. Именно поэтому

особое значение приобретает согласование в договоре судьбы биоматериала на случай истечения оплаченного срока хранения, прекращения контакта с пациентами, развода супругов, смерти одного из правообладателей либо отказа от дальнейшего использования эмбрионов. Чем более подробно эти вопросы урегулированы при заключении договора, тем ниже риск последующих споров о допустимости утилизации. Фактическое уничтожение биоматериала не может осуществляться произвольно, поскольку после принятия решения об утилизации вступают в действие санитарно-эпидемиологические требования к обращению с соответствующими отходами. СанПиН 2.1.3684-21 [21] устанавливает, что медицинские отходы класса Б подлежат обязательному обезвреживанию, а органы и ткани - кремации (сжиганию) или захоронению в специальных установках. Следовательно, утилизация биоматериала представляет собой не только гражданско-правовое, но и санитарно-правовое действие, требующее соблюдения специального порядка обращения с биологическими объектами.

Судебная практика подтверждает, что одностороннее требование одного из участников программы ВРТ само по себе не всегда образует достаточное основание для утилизации эмбрионов. В одном из споров суд указал [22], что закон не регулирует вопрос утилизации эмбрионов по требованию лишь одного из лиц, а решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов принимают сами правообладатели путем заключения гражданско-правовых договоров. Такой подход демонстрирует стремление правоприменителя исключить произвольное уничтожение биоматериала при отсутствии ясно выраженного и юридически оформленного согласия всех лиц, чьи права затрагиваются.

Право умершего на репродуктивное самоопределение. Этическая проблематика постмортальной репродукции начинается с вопроса о пределах репродуктивной автономии умершего лица. В российском праве применение ВРТ в обычной ситуации строится на модели информированного добровольного согласия: мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, вправе использовать ВРТ при наличии обоюдного информированного добровольного согласия, а одинокая женщина - при наличии собственного согласия. Однако именно в ситуации постмортальной репродукции эта конструкция сталкивается с очевидным нормативным затруднением: после смерти лица актуальное волеизъявление уже невозможно, а специального федерального правила, прямо определяющего судьбу репродуктивного материала умершего для целей зачатия ребенка после его смерти, российский законодатель по состоянию на март 2026 года не сформулировал. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11 февраля 2025 г. № 6-П прямо указал, что российским законодателем до сих пор принципиально не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, хотя прямого запрета на использование данной технологии также не установлено. В этих условиях в этическом отношении наибольшей убедительностью обладает модель, при которой решающим критерием признается заранее выраженная воля умершего. Такой подход соответствует общему биоэтическому принципу уважения автономии личности и одновременно позволяет избежать подмены воли умершего интерпретациями со стороны родственников, медицинской организации либо пережившего партнера. Показательно, что Американское общество репродуктивной медицины считает посмертное использование гамет или эмбрионов этически оправданным прежде всего тогда, когда имеется письменное разрешение умершего на такую процедуру; при этом сама возможность постмортальной репродукции требует учитывать не только интерес к продолжению рода после смерти, но и интерес лица не становиться родителем после смерти [7, p. 45-49]. Тем самым репродуктивное самоопределение умершего включает не только потенциальное «право на продолжение генетической линии», но и не менее значимое право на отказ от такого продолжения. Следовательно, с этической точки зрения презумпция согласия на постмортальное использование биоматериала представляется значительно менее обоснованной, чем презумпция необходимости явно выраженного согласия. Отсутствие прямого письменного распоряжения не устраняет моральной значимости возможной воли умершего, а, напротив, усиливает риск инструментализации его тела и генетического материала в интересах других лиц. Именно поэтому в научной и прикладной биоэтике наиболее устойчивым ориентиром остается требование к ясной фиксации прижизненного волеизъявления на случай смерти.

Продолжение реализации репродуктивных прав. Этическая аргументация в пользу пережившего супруга или партнера строится, как правило, не на идее автономного «права на ребенка», а на идее продолжения и реализации уже существовавшего общего репродуктивного права. Данный критерий представляется принципиально важным, поскольку он позволяет отличить ситуацию, в которой смерть прервала совместно начатый репродуктивный путь, от ситуации, когда после смерти одного из партнеров фактически создается новый родительский проект, не получивший при жизни умершего достаточного под-

тверждения. Европейское общество репродукции человека и эмбриологии в специальном этическом заключении подчеркивало, что моральная оценка постмортальной репродукции зависит от того, ограничена ли она рамками уже существовавшей реализации репродуктивных прав; при этом приемлемость процедуры для пережившего партнера связывается с письменным согласием умершего, обязательным консультированием и минимальным годичным периодом ожидания до начала лечения [8, p. 3050-3053]. Российская правоприменительная практика в последние годы также демонстрирует постепенное признание того, что интерес пережившего супруга не может быть проигнорирован только из-за отсутствия специальной нормы. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 6-П от 11 февраля 2025 г. указал, что в условиях отсутствия прямого законодательного запрета граждане не лишены возможности воспользоваться постмортальной репродукцией; вместе с тем Суд отдельно подчеркнул, что решение о зачатии в подобной ситуации является самостоятельным волеизъявлением вдовы, которой заведомо известно, что дети не будут воспитываться умершим отцом и что после рождения она будет их единственным родителем. Этот вывод важен в этическом отношении, поскольку он одновременно признает субъективную значимость интереса пережившего супруга и фиксирует пределы такого интереса: продолжение репродуктивного проекта не может рассматриваться как безусловное право, освобожденное от обязанности учитывать будущую жизненную ситуацию ребенка. С этой точки зрения этически сильной является лишь та позиция пережившего супруга, которая опирается на три взаимосвязанных обстоятельства: наличие прижизненно выраженного согласия умершего, доказуемость ранее существовавшего общего родительского замысла и готовность пережившего супруга нести всю полноту последующей родительской ответственности. И напротив, чем слабее доказана воля умершего и чем очевиднее, что речь идет не о продолжении совместного проекта, а о его ретроспективном конструировании, тем более спорным становится этическое оправдание постмортальной репродукции. Этим объясняется и подход ASRM, согласно которому при отсутствии письменной воли умершего допустимость рассмотрения вопроса может обсуждаться только по инициативе пережившего супруга или партнера, тогда как сами программы ВРТ не несут этической обязанности участвовать в таких процедурах [7, p. 45-49].

Этично ли обсуждать эту тему? Сам по себе публичный и научный разговор о постмортальной репродукции является не только допустимым, но и необходимым. Этическая проблематизация подобных случаев не означает вторжения в частную жизнь ради сенсации; напротив, она выступает способом выработки таких правовых и моральных ориентиров, которые позволяют защищать достоинство всех вовлеченных субъектов - умершего, пережившего супруга и будущего ребенка. ЮНЕСКО прямо подчеркивает [23], что биоэтика выходит за рамки узкопрофессиональных медицинских кодексов, поскольку требует осмысления социальных изменений, порождаемых научно-технологическим развитием, а также делает особый акцент на значении информирования, просвещения, консультаций и публичной дискуссии. Следовательно, отказ от обсуждения данной темы был бы не проявлением уважения, а скорее уходом от нормативной ответственности в сфере, где технологии уже опережают законодательство. Вместе с тем этичность обсуждения зависит от формы такого обсуждения. Научный и правовой дискурс должен избегать редукции будущего ребенка к объекту реализации чужой воли, умершего - к источнику генетического материала, а пережившего супруга - к носителю безусловного «права на родительство любой ценой». Корректная постановка вопроса предполагает язык уважения человеческого достоинства, внимание к пределам согласия, осторожность в оценке психологических последствий и отказ от категоричных выводов там, где эмпирическая база пока ограничена. Поэтому обсуждать эту тему этично тогда, когда целью является не морализаторство и не стигматизация, а поиск справедливого баланса между автономией, ответственностью и защитой интересов будущего ребенка.

Предложения по совершенствованию правового регулирования в России. Необходимость специального нормативного регулирования постмортальной репродукции в России в настоящее время уже не является исключительно доктринальным тезисом, а прямо подтверждена конституционным правосудием. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11 февраля 2025 г. № 6-П [24] указал, что российским законодателем до сих пор принципиально не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, а действующее регулирование не содержит прямых предписаний на этот случай; одновременно Суд возложил на федерального законодателя обязанность внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование. Следовательно, вопрос о совершенствовании законодательства должен ставиться уже не как гипотетический, а как вытекающий из правовой позиции Конституционного Суда и из фактического существования соответствующих медицинских практик.

Закрепление специальной формы согласия на посмертное использование. Первым и базовым направлением реформы должно стать закрепление специальной формы согласия на посмертное использование половых клеток и эмбрионов. Действующая редакция статьи 55 Федерального закона № 323-ФЗ [25] устанавливает лишь общее правило о применении вспомогательных репродуктивных технологий при наличии информированного добровольного согласия, а статья 20 того же закона определяет общие требования к его форме. Приложение № 13 к приказу Минздрава России № 803н [26] предусматривает выбор в отношении оставшихся после программы половых клеток и эмбрионов (криоконсервация, утилизация или донорство), но не регулирует отдельным образом их использование после смерти одного из правообладателей. Это и образует ключевой нормативный пробел. С учетом этого представляется целесообразным законодательно ввести самостоятельное специальное согласие на постмортальное использование биоматериала, которое не должно растворяться в общем информированном согласии на медицинское вмешательство. Такое согласие целесообразно оформлять как отдельный документ, подписываемый одновременно с согласием на программу ВРТ либо на этапе криоконсервации. В нем должны быть прямо определены: допускает ли лицо использование его биоматериала после смерти; какой именно биоматериал может быть использован; кто вправе инициировать такое использование; в течение какого срока после смерти допускается обращение к процедуре; допускается ли перенос уже созданного при жизни эмбриона и создание эмбриона после смерти из сохраненных половых клеток; подлежит ли такое согласие отзыву при жизни; а также каковы последствия отсутствия такого документа. Подобная модель соответствует конституционной логике уважения автономии личности и одновременно снимает риск последующего спора о том, было ли посмертное родительство действительно волей умершего.

Корректировка Приказа Минздрава № 803н. Наряду с изменением федерального закона требуется и корректировка приказа Минздрава России № 803н как основного подзаконного акта, регулирующего применение ВРТ. В действующей редакции приказа закреплено, что решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов - донорство, криоконсервация или утилизация - принимают лица, которым они принадлежат, путем заключения гражданско-правовых договоров. Одновременно приложение № 13 фиксирует лишь общее согласие на проведение ВРТ и выбор стандартной судьбы оставшегося материала. Следовательно, приказ уже содержит зачатки договорного и диспозитивного регулирования, однако не формирует специального алгоритма на случай смерти пациента.

В этой связи представляется необходимым дополнить приказ № 803н специальным разделом о распоряжении на случай смерти пациента и постмортальном использовании биоматериала и отдельным приложением с формой специального согласия. В приказе целесообразно закрепить порядок проверки факта смерти, перечень документов, подтверждающих существование или отсутствие прижизненного согласия, сроки, в течение которых медицинская организация обязана приостановить любые действия с биоматериалом до установления правового режима, обязательность медико-психологического консультирования пережившего супруга или иного управомоченного лица, а также порядок фиксации итогового решения в медицинской документации. Кроме того, именно на уровне приказа следует прямо запретить использование биоматериала после смерти лица при отсутствии надлежаще оформленного специального волеизъявления.

Выводы. Действующее регулирование ВРТ по-прежнему опирается на общее информированное добровольное согласие, оформляемое по приложению № 13 к приказу № 803н, а также на договорную модель определения судьбы неиспользованных половых клеток и эмбрионов. Однако специальной формы согласия именно на посмертное использование биоматериала, равно как и специального алгоритма действий медицинской организации после смерти пациента, действующие нормы не предусматривают. Поэтому на практике воля умершего, интерес пережившего супруга, правовой статус будущего ребенка, режим хранения, оплата и утилизация биоматериала оказываются выведенными в пространство договорных оговорок и последующего судебного усмотрения. Из этого следует, что дальнейшее развитие российского законодательства должно идти по пути не фрагментарных, а системных изменений. Наиболее обоснованным представляется закрепление специального прижизненного согласия на посмертное использование половых клеток и эмбрионов, внесение специальных положений в регулирование ВРТ на уровне Федерального закона № 323-ФЗ, уточнение статьи 51 СК РФ в части установления происхождения детей, зачатых после смерти родителя, а также детальная регламентация хранения, оплаты, передачи и утилизации биоматериала в приказе Минздрава № 803н. При этом для российского законодателя принципиально важно исходить из приоритета ясно выраженной воли умершего, из недопустимости автоматического распространения обычных семейно-правовых презумпций на постмор-

тальные случаи и из необходимости обеспечить ребенку, рожденному в результате постмортальной репродукции, полноценную правовую защиту с момента признания его происхождения. Такой подход соответствует как логике статьи 51 СК РФ в ее системной связи с законодательством об охране здоровья, так и конституционно-правовым ориентирам, сформулированным в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 6-П.

Таким образом, пробелы статьи 51 СК РФ следует рассматривать не как частный технический дефект, а как проявление более широкой структурной неподготовленности российского права к последствиям постмортальной репродукции. Пока специальное комплексное регулирование не создано, защита интересов пережившего супруга и ребенка будет оставаться зависимой от судебного толкования, а не от заранее определенных правил. Следовательно, перспективы развития законодательства в данной сфере связаны с переходом от реактивного, казусного подхода к целостной модели регулирования, которая одновременно учитывала бы репродуктивную автономию личности, стабильность семейно-правового статуса ребенка и требования правовой определенности.

Список литературы:

[1] Ульянова М. В. Осуществление репродуктивных прав граждан // Актуальные вопросы демографической политики в Российской Федерации. Ч. 1. М.: Издание Государственной Думы, 2024. С. 79-81.

[2] Малышева Ж. С. Проблема определения правового статуса эмбриона // Скиф. 2023. № 5 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-pravovogo-statusa-embriona.

[3] Ethics and Bioethics in Europe // European Journal of Clinical Chemistry and Clinical Biochemistry. 2004. Vol. 15, № 2. P. 39. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6037867/.

[4] Collins R. Posthumous Reproduction and the Presumption Against Consent in Cases of Death Caused by Sudden Trauma // Journal of Medicine and Philosophy. 2005. P. 431-442. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03605310591008612#d1e171.

[5] Corbin B. The slippery slope of presumed consent in post-humous reproductive health cases. URL: https://www.femtechworld.co.uk/insight/the-rights-and-wishes-of-the-deceased-must-have-meaning-the-slippery-slope-of-presumed-consent-in-post-humous-reproductive-health-cases/.

[6] Алферова Е. В. Рецензия на книгу: Ершов В. В. Регулирование правоотношений: монография. М.: РГУП, 2020 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2021. № 2. С. 132-147.

[7] Ethics Committee of the American Society for Reproductive Medicine. Posthumous retrieval and use of gametes or embryos: an Ethics Committee opinion // Fertility and Sterility. 2018. Vol. 110, № 1. P. 45-49. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2018.04.002.

[8] Pennings G., de Wert G., Shenfield F., Cohen J., Devroey P., Tarlatzis B. ESHRE Task Force on Ethics and Law 11: Posthumous assisted reproduction // Human Reproduction. 2006. Vol. 21, № 12. P. 3050-3053. DOI: 10.1093/humrep/del287.

[9] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[10] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

[12] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[13] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[14] Приложение № 13 к приказу Минздрава России от 31.07.2020 № 803н. Форма информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство с применением вспомогательных репродуктивных технологий и искусственной инсеминации // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

[15] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

[16] MGRA. e-legal Newsletter - November 2021 // MGRA - Sociedade de Advogados. 2021. URL: https://mgra.pt/en/e-legal-november-2021/.

[17] Portugal debate aprobar la inseminación post-mortem que permite a una mujer utilizar el semen de su pareja fallecida // laSexta.com. 2021. 26 marzo. URL: https://www.lasexta.com/noticias/internacional/portugal-debate-aprobar-inseminacion-postmortem-que-permite-mujer-ser-inseminada-pareja-fallecida_20210326605dd4cfdbb78d0001d1ff60.html.

[18] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[19] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[20] Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.

[21] Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21...» (зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2021 № 62297) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

[22] Каллиников К. Суд решил вопрос об утилизации криоконсервированных эмбрионов бывших супругов // РАПСИ. 2023. 9 янв. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230109/308606344.html (дата обращения: 15.03.2026).

[23] Universal Declaration on Bioethics and Human Rights // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights.

[24] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

[25] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[26] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

References:

[1] Ulyanova M.V. Implementation of reproductive rights of citizens//Topical issues of demographic policy in the Russian Federation. PART 1. M.: Publication of the State Duma, 2024. S. 79-81.

[2] Malysheva J. S. The problem of determining the legal status of an embryo//Skif. 2023. № 5 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-pravovogo-statusa-embriona.

[3] Ethics and Bioethics in Europe // European Journal of Clinical Chemistry and Clinical Biochemistry. 2004. Vol. 15, № 2. P. 39. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6037867/.

[4] Collins R. Posthumous Reproduction and the Presumption Against Consent in Cases of Death Caused by Sudden Trauma // Journal of Medicine and Philosophy. 2005. P. 431-442. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03605310591008612#d1e171.

[5] Corbin B. The slippery slope of presumed consent in post-humous reproductive health cases. URL: https://www.femtechworld.co.uk/insight/the-rights-and-wishes-of-the-deceased-must-have-meaning-the-slippery-slope-of-presumed-consent-in-post-humous-reproductive-health-cases/.

[6] Alferova E.V. Book review: Ershov V.V. Regulation of legal relations: monograph. M.: RSPU, 2020//Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 4. State and law. 2021. № 2. S. 132-147.

[7] Ethics Committee of the American Society for Reproductive Medicine. Posthumous retrieval and use of gametes or embryos: an Ethics Committee opinion // Fertility and Sterility. 2018. Vol. 110, № 1. P. 45-49. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2018.04.002.

[8] Pennings G., de Wert G., Shenfield F., Cohen J., Devroey P., Tarlatzis B. ESHRE Task Force on Ethics and Law 11: Posthumous assisted reproduction // Human Reproduction. 2006. Vol. 21, № 12. P. 3050-3053. DOI: 10.1093/humrep/del287.

[9] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ//NW RF. 1996. № 1. Art. 16.

[10] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and

3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M. Yu. Shchanikova “//SZ RF. 2025. № 7. Art. 694.

[12] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation “//NW RF. 2011. № 48. Art. 6724.

[13] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[14] Appendix No. 13 to the Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n. Informed voluntary consent form for medical intervention using assisted reproductive technologies and artificial insemination//ConsultantPlus: legal system.

[15] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M. Yu. Shchanikova “//SZ RF. 2025. № 7. Art. 694.

[16] MGRA. e-legal Newsletter - November 2021 // MGRA - Sociedade de Advogados. 2021. URL: https://mgra.pt/en/e-legal-november-2021/.

[17] Portugal debate aprobar la inseminación post-mortem que permite a una mujer utilizar el semen de su pareja fallecida // laSexta.com. 2021. 26 marzo. URL: https://www.lasexta.com/noticias/internacional/portugal-debate-aprobar-inseminacion-postmortem-que-permite-mujer-ser-inseminada-pareja-fallecida_20210326605dd4cfdbb-78d0001d1ff60.html.

[18] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation “//NW RF. 2011. № 48. Art. 6724.

[19] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet portal of legal information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

[20] Decree of the Government of the Russian Federation of 11.05.2023 No. 736 “On Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services by Medical Organizations, Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Invalidating Decree of the Government of the Russian Federation of October 4, 2012 No. 1006 “//NZ RF. 2023. № 20. Art. 3565.

[21] Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 28.01.2021 No. 3 “On approval of sanitary rules and norms of SanPiN 2.1.3684-21...” (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 29.01.2021 No. 62297)//ConsultantPlus: legal system.

[22] Kallinikov K. The court decided on the disposal of cryopreserved embryos of former spouses// RAPSI. 2023. January 9 URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230109/308606344.html (accessed: 15.03.2026).

[23] Universal Declaration on Bioethics and Human Rights // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights.

[24] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2025 No. 6-P “In the case of checking the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law “On Insurance Pensions” in connection with the complaint of citizen M. Yu. Shchanikova “//SZ RF. 2025. № 7. Art. 694.

[25] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ “On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation “//NW RF. 2011. № 48. Art. 6724.

[26] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n “On the Procedure for Using Assisted Reproductive Technologies, Contraindications and Restrictions on Their Use” (registered 19.10.2020 No. 60457)//Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-237-244
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ПРЫСЬ Евгений Владимирович,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Института Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный профессор Академии ФСИН России,
e-mail: Prys55@mail.ru

НЕЧАЕВА Татьяна Геннадьевна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук,
e-mail: nechtata@yandex.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
старший преподаватель кафедры организации режима,
Псковского филиала Университета ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу проблем незаконного проникновения и использования средств мобильной связи осужденными и лицами, содержащимися под стражей, а также доставки запрещенных предметов с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) на территорию исправительных учреждений и следственных изоляторов. Рассматриваются основные каналы поступления сотовых телефонов, включая переброс через ограждения, пособничество сотрудников, сокрытие в посылках и бандеролях, использование транспортных средств, а также новые угрозы, связанные с применением квадрокоптеров. Анализируется эффективность существующих правовых механизмов противодействия (административная ответственность по ст. 19.12 КоАП РФ, ведомственные акты) и выявляются их недостатки: низкий сдерживающий эффект, отсутствие конфискации средств доставки, неполнота правового регулирования. Описываются современные технические средства обнаружения и подавления БПЛА: радиолокационные комплексы, антидроновые ружья, стационарные системы радиоэлектронной борьбы («Солярис-Н», «Таран-ПРО», «Атака-DBS»), а также зарубежный опыт (Великобритания). Делается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и технические меры, а также повышения квалификации персонала.*

Результаты: Описываются современные технические средства обнаружения и подавления БПЛА: радиолокационные комплексы, антидроновые ружья, стационарные системы радиоэлектронной борьбы («Солярис-Н», «Таран-ПРО», «Атака-DBS»), а также зарубежный опыт (Великобритания). Делается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего правовые, организационные и технические меры, а также повышения квалификации персонала. Обосновывается необходимость криминализации неоднократных действий по передаче средств связи с введением отдельного состава преступления.

Ключевые слова*: уголовно-исполнительная система, мобильная связь, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), запрещенные предметы, противодействие, административная ответственность, технические средства подавления, антидроновые комплексы, криминализация.*

PRYS Evgeny Vladimirovich,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia

NECHAEVA Tatyana Gennadievna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
Ryazan Branch of the Moscow University V.Ya. Kikot' Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Senior lecturer at the Department of Regime Organization,
Pskov Branch of the University of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR COUNTERING ILLEGAL MOBILE COMMUNICATION AND THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of illegal entry and use of mobile communications by convicts and persons in custody, as well as the delivery of prohibited items using unmanned aerial vehicles (UAVs) to the territory of correctional institutions and pre-trial detention facilities. The main channels for receiving cell phones are considered, including throwing over fences, complicity of employees, concealment in parcels and parcels, the use of vehicles, as well as new threats associated with the use of quadrocopters. The effectiveness of existing legal counteraction mechanisms (administrative liability under Article 19.12 of the Administrative Code of the Russian Federation, departmental acts) is analyzed and their shortcomings are identified: low deterrent effect, lack of confiscation of means of delivery, incompleteness of legal regulation.. Modern technical means of detecting and suppressing UAVs are described: radar complexes, anti-drone guns, stationary electronic warfare systems (Solaris-N, Taran-PRO, Ataka-DBS), as well as foreign experience (Great Britain). The conclusion is drawn about the need for an integrated approach combining legal, organizational and technical measures, as well as staff professional development.*

Results: Modern technical means of detecting and suppressing UAVs are described: radar complexes, anti-drone guns, stationary electronic warfare systems (Solaris-N, Taran-PRO, Ataka-DBS), as well as foreign experience (Great Britain). The conclusion is drawn about the need for an integrated approach combining legal, organizational and technical measures, as well as staff professional development. The necessity of criminalizing repeated actions on the transfer of communication facilities with the introduction of a separate corpus delicti is substantiated.

Key words: *penal enforcement system, mobile communications, unmanned aerial vehicles (UAVs), prohibited items, counteraction, administrative responsibility, technical means of suppression, anti-drone complexes, criminalization.*

Незаконное проникновение и использование средств мобильной связи осужденными и лицами, содержащимися под стражей, на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов является одной из наиболее острых и устойчивых проблем уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Несмотря на принимаемые меры, ежегодно из учреждений изымаются десятки тысяч сотовых телефонов, сим-карт, зарядных устройств и аксессуаров. По экспертным оценкам, реальное количество незаконно используемых устройств может в 3–5 раз превышать число изъятых, а материальный ущерб от мобильных мошенничеств, совершаемых заключенными, исчисляется сотнями миллионов рублей [1, С. 31–34]. Технический прогресс привнес новую, еще более опасную угрозу – доставку запрещенных предметов с помощью беспилотных летательных аппаратов (дронов, квадрокоптеров). Борьба с этими явле-

ниями требует не только усиления режимных мероприятий, но и глубокого пересмотра правовых, организационных и технических подходов.

Основные каналы доставки средств связи и их эволюция. Анализ практики деятельности исправительных учреждений позволяет выделить несколько устойчивых каналов поступления сотовых телефонов на режимные объекты. Наиболее массовым способом остается переброс через основное ограждение – на него приходится более половины всех изъятий. Такие перебросы нередко заранее согласуются по времени и месту с находящимися на территории осужденными, что позволяет оперативно подбирать посылки [2, С. 286–287]. Почти восьмая часть телефонов попадает в учреждения при прямом или косвенном участии сотрудников: пронос за вознаграждение, использование личных телефонов в режимных зонах под видом «забытых». Столько же устройств проникает через комнаты свиданий, в посылках, передачах и бандеролях. Около четверти телефонов и аксессуаров провозится в транспортных средствах с использованием оборудованных тайников [2, С. 287].

Способы сокрытия становятся все более изощренными и технологичными. Запрещенные предметы прячут в подошве обуви, в шоколадных конфетах, в баллончиках пены для бритья, в книгах, в многослойных упаковках продуктов. Известны случаи, когда в одной посылке обнаруживали до 100 сим-карт, а в книгах – до 6 мобильных телефонов [2, С. 288; 3, С. 114–115]. Это свидетельствует не только о высокой криминальной активности, но и о слабой эффективности существующих досмотровых процедур.

Особую тревогу вызывает активное использование беспилотных летательных аппаратов. Современные квадрокоптеры способны переносить груз до нескольких килограммов, развивать скорость до 40 км/ч, удаляться от оператора на расстояние до 3 км и оставаться в воздухе 30–50 минут [4, С. 96–97]. Они могут быть оснащены камерами для разведки местности и корректировки сброса. С помощью дронов на режимную территорию перебрасывают не только телефоны и сим-карты, но и наркотические средства, зарядные устройства, флеш-накопители, а иногда и более опасные предметы. В 2016 году в ИК-25 (Республика Коми) гражданин с помощью квадрокоптера пытался передать осужденным 4 телефона и зарядное устройство; в ИК-13 (Новосибирская область) сотрудники перехватили дрон с телефоном, тремя аккумуляторами и шестью сим-картами [4, С. 98; 5]. Дрон, запущенный для доставки запрещенных предметов или для атаки уязвимых узлов учреждения, представляет собой прямую угрозу безопасности персонала и спецконтингента.

Правовые основы противодействия и их недостатки.

В настоящее время правовая база противодействия незаконной мобильной связи и использованию БПЛА включает несколько уровней. Перечень вещей и предметов, запрещенных к хранению, использованию и получению, закреплен в ведомственных нормативных актах, в частности в правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений [6]. За передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС, установлена административная ответственность по ст. 19.12 КоАП РФ, которая предусматривает штраф до 5 тыс. рублей с конфискацией запрещенных предметов [2, С. 287].

Однако практика показывает, что эта мера недостаточно эффективна по нескольким причинам. Во-первых, размер штрафа несоизмерим с потенциальной выгодой от доставки телефонов на режимную территорию (стоимость таких услуг на черном рынке может достигать десятков тысяч рублей). Во-вторых, сама конфискация зачастую не распространяется на средства доставки – квадрокоптеры возвращаются владельцам, что создает возможность повторного использования [7]. В-третьих, административное производство не позволяет в полной мере исследовать все обстоятельства, включая организаторов преступных схем внутри учреждений.

В 2020 году был принят ведомственный акт, определяющий порядок пресечения нахождения беспилотных воздушных судов над исправительными учреждениями и прилегающими территориями. Документ допускает подавление или преобразование сигналов дистанционного управления, воздействие на пульты управления, а также повреждение или уничтожение БПЛА. При отсутствии иных эффективных средств разрешается применение специальных средств и огнестрельного оружия [4, С. 98]. Тем не менее, на практике эти полномочия реализуются редко из-за отсутствия четких методик, необходимого оборудования и подготовленного персонала.

Многие исследователи сходятся во мнении, что существующих правовых механизмов недостаточно. Обосновывается необходимость криминализации неоднократных действий по передаче средств связи в учреждения УИС. Предлагается ввести отдельный состав преступления, охватывающий приобретение, изготовление, передачу, продажу, обмен средств связи, запрещенных к обращению, совершенные неоднократно либо группой лиц, а также в целях совершения иного преступления. В качестве наказания рассматриваются ограничение свободы до трех лет, исправительные работы до двух лет или

лишение свободы до одного года. Это позволило бы перевести борьбу с незаконной мобильной связью из административной в уголовно-правовую плоскость, что повысило бы сдерживающий эффект.

Для блокирования несанкционированной мобильной связи на территории исправительных учреждений применяются как пассивные, так и активные методы, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения.

Пассивные методы основаны на экранировании электромагнитного излучения. К ним относятся специальные металлизированные сетки, токопроводящие ткани, светопропускающие пленки, а также строительные материалы (штукатурки, грунтовки, краски) с добавлением ферритов или других компонентов, поглощающих радиоволны. Такие покрытия наносятся на стены, окна и перекрытия камер, коридоров, комнат свиданий, создавая «клетку Фарадея» и препятствуя прохождению сигналов сотовой связи. Однако пассивная защита имеет существенные недостатки: высокая стоимость оборудования и монтажа, необходимость капитального ремонта помещений, невозможность гибкой перенастройки под изменяющиеся частотные диапазоны, а также сохранение возможности связи через окна и открытые пространства. Поэтому в чистом виде пассивные методы используются редко, чаще как дополнение к активным средствам [2, С. 289].

Активные подавители (блокираторы) генерируют шумоподобный сигнал в диапазонах частот, используемых операторами сотовой связи (GSM, 3G, LTE), а также в диапазонах Wi-Fi и Bluetooth. Принцип их работы основан на создании мощных радиопомех, которые перекрывают полезный сигнал базовой станции, делая невозможным установление или поддержание соединения. По конструктивному исполнению активные подавители делятся на:

– стационарные – устанавливаются на крышах, вышках, столбах, создавая зону подавления вокруг всего учреждения;
– автомобильные – монтируются в транспортных средствах для блокировки связи в движении (при конвоировании);
– носимые (переносные) – компактные устройства, которые сотрудники могут использовать при обысках, досмотрах, выводе спецконтингента.

Однако активные подавители имеют серьёзный недостаток: при работе на полную мощность они создают радиопомехи не только на территории учреждения, но и на прилегающих жилых кварталах, дорогах, промышленных объектах, что может нарушать работу гражданских сетей связи и вызывать нарекания со стороны населения и контролирующих органов. Уменьшение выходной мощности позволяет снизить радиус нежелательного воздействия, но одновременно падает эффективность подавления – «умные» телефоны могут переключаться на менее зашумлённые частоты или усиливать свой передатчик. Выходом из этой дилеммы являются интеллектуальные блокираторы, которые не просто «забивают» весь частотный диапазон, а анализируют радиосигналы, выделяют среди них сигналы запрещённых (не зарегистрированных в системе) устройств и избирательно подавляют только их. Такие системы способны отличать легальные телефоны сотрудников (внесённые в «белый список») от нелегальных и воздействовать исключительно на последние, не создавая помех для работы гражданских абонентов на прилегающей территории. Интеллектуальные подавители также могут адаптироваться к изменению частотных планов операторов. Однако их стоимость на порядок выше, чем у обычных блокираторов, а внедрение требует высокой квалификации персонала и регулярного обновления баз данных IMEI и SIM-карт [2, С. 289].

Средства борьбы с беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) развиваются особенно интенсивно в последние годы, что связано с резким ростом числа попыток доставки запрещённых предметов с помощью дронов и квадрокоптеров.

Комплексную защиту от БПЛА можно разделить на три этапа: обнаружение, идентификация и нейтрализация [4, С. 97–98].

– Обнаружение. Наиболее надёжным и всепогодным методом являются радиолокационные станции (РЛС) малой дальности. Современные радиолокационные комплексы охраны периметра, например, использующие режим когерентной обработки сигнала с линейно-частотной модуляцией, способны обнаруживать малые беспилотные летательные аппараты (размером от 0,1–0,2 м²) на дальности до 2,0–2,2 км, а наземные движущиеся объекты (человек, группа людей) – до 5–6 км. РЛС позволяют определять не только наличие дрона, но и его координаты, скорость, курс и даже класс (мультироторный, самолётный).

К недостаткам РЛС можно отнести высокую стоимость, потребность в квалифицированном обслуживании и уязвимость к сложной метеообстановке (сильный дождь, снегопад) [8].

– Альтернативой или дополнением к РЛС служат акустические (пеленгация по звуку двигателей), оптические (тепловизоры)и радиочастотные

– (радиопеленгация каналов управления и телеметрии) системы обнаружения. Их главное преимущество – пассивность (не излучают, не демаскируют себя) и возможность работы в городской застройке. Однако они сильно зависят от погоды, времени суток, наличия акустических и радиопомех.
– Идентификация. После обнаружения необходимо отличить «своего» дрона от «чужого». Для этого используются системы некооперативного распознавания, анализирующие уникальные параметры сигнала управления (частоту, модуляцию, протокол), а также системы «свой-чужой» на основе запроса-ответа (если учреждение имеет собственные легальные БПЛА). Некоторые комплексы, например «Тревога-Щит», не только идентифицируют БПЛА, но и определяют местоположение оператора с точностью до нескольких метров [7, С. 13].

Нейтрализация – наиболее ответственный этап. По способу воздействия методы нейтрализации делятся на:

1. Радиоэлектронное подавление. Это основной и наиболее гуманный способ. Носимые антидроновые ружья (REX 1, «Пищаль-ПРО») представляют собой направленные излучатели, которые генерируют мощные импульсные помехи в диапазонах спутниковой навигации (GPS/ГЛОНАСС – 1,5–1,6 ГГц) и каналов управления (2,4 ГГц, 5,2–5,8 ГГц, а также 433 МГц, 868 МГц, 915 МГц в зависимости от модели).

При облучении дрон теряет связь с оператором и координацию, после чего, в зависимости от заложенного алгоритма, либо зависает на месте, либо переходит в режим возврата в точку старта, либо совершает аварийную посадку. Ружья имеют массу 3,5–4 кг, дальность действия до 2 км, могут работать как от аккумулятора (до 2–3 часов) так и от сети. Они эффективны против подавляющего большинства гражданских дронов, но бессильны против БПЛА, использующих шифрованные или псевдослучайные протоколы управления, а также против автономных аппаратов, летящих по заданному маршруту без радиосвязи [4, С. 99].

Стационарные системы радиоэлектронной борьбы, такие как «Таран-ПРО», создают над объектом «купол» радиусом до 2,7 км, внутри которого непрерывно подавляются навигационные сигналы и каналы управления всех типов. Система работает в автоматическом режиме и способна функционировать при температурах от –40 до +50 °С. Более совершенный комплекс «Солярис-Н» (концерн «Созвездие») представляет собой первый в России автоматический комплекс с элементами искусственного интеллекта. Он обеспечивает защиту площади до 80 км², самообучается, анализирует радиообстановку, выделяет дроны среди других воздушных объектов, и может действовать без участия человека, подавляя только те каналы, которые используются нарушителями. «Атака-DBS» (НПП «Алмаз») доступна для приобретения без специальной лицензии, обнаруживает и подавляет БПЛА в радиусе 1,5 км, работает избирательно, не нарушая работу окружающих систем связи, что особенно важно в городской черте [4, С. 100].

2. Физический перехват. К этой категории относятся специальные сети, которые запускаются с земли (из сетемёта) или с другого дрона-перехватчика. Сеть наматывается на винты нарушителя, вызывая его падение. Также применяются кинетические методы – использование дробовиков, специальных снарядов, но они опасны для людей и имущества и используются редко. В некоторых странах (Нидерланды) тренируют хищных птиц (ястребов, орлов) для перехвата дронов. В России подобные методы не получили распространения из-за сложности обучения и риска травмирования птиц [7, С. 182].
3. Увод (спуфинг) – создание ложных навигационных сигналов, заставляющих дрон поверить, что он находится в другом месте, и сесть в заданной зоне. Этот метод требует сложной аппаратуры и используется в основном для перехвата военных дронов.

Таким образом, оптимальная система защиты от БПЛА должна сочетать радиолокационное обнаружение, радиочастотную идентификацию и селективное радиоэлектронное подавление с возможностью резервного физического перехвата.

Великобритания является одним из лидеров в области защиты пенитенциарных учреждений от дронов. На острове Гернси (тюрьма, расположенная на одноимённом острове) был установлен «виртуальный щит» – комплекс, который не просто подавляет, а перехватывает управление дроном, заставляя его автоматически вернуться к оператору. Это позволяет не только пресечь нарушение, но и выявить местонахождение злоумышленника. В апреле 2017 года британское правительство создало специальное подразделение по борьбе с БПЛА в пенитенциарных учреждениях, оснащённое портативными подавителями и обученными соколами [8, С. 66]. Опыт Великобритании интересен своей системностью: сочетание законодательных запретов на полёты вблизи тюрем, технических средств и оперативного реагирования.

В США Федеральное бюро тюрем (BOP) внедрило программу «Drone Shield», включающую стационарные радары и интеллектуальные подавители. При обнаружении дрона система автоматически перехватывает управление и выводит его за пределы запретной зоны. Во Франции используются комплексы радиоэлектронной борьбы с функцией «ложной» навигации, уводящей дрон в сторону от охраняемого объекта.

Израильская компания Rafael разработала систему Drone Dome, которая объединяет радар, оптические датчики и средства радиоэлектронного подавления. Она способна одновременно отслеживать до сотни целей и избирательно подавлять их. Опыт Израиля ценен высокой эффективностью в условиях плотной городской застройки.

Адаптация зарубежного опыта для России возможна по нескольким направлениям: создание на федеральном уровне специализированных мобильных групп быстрого реагирования на БПЛА, закупка отечественных аналогов «виртуального щита» (например, разработок концерна «Автоматика»), внесение изменений в законодательство, предусматривающих уголовную ответственность за использование дронов для доставки запрещённых предметов в учреждения УИС.

Никакие, даже самые совершенные технические средства не будут эффективны без надлежащей подготовки, мотивации и добросовестности персонала. Как показывает практика, слабым звеном часто становится человеческий фактор. Сотрудники, осуществляющие досмотр посылок, бандеролей, автотранспорта и лиц, входящих на территорию, нередко не имеют достаточных навыков выявления ухищрённых тайников. Они могут не знать современных способов сокрытия (микро-сим-карты в зубной пасте, телефоны в блоках питания, прошивка сим-карт в подкладку одежды). Кроме того, утомляемость при длительном монотонном досмотре ведёт к потере бдительности [2, С. 286].

Оперативные подразделения не всегда располагают своевременной и достоверной информацией о готовящихся перебросах, каналах поступления и организаторах преступных схем внутри учреждений. Коррупционная составляющая остаётся значимой: часть телефонов и сим-карт попадает в учреждения при прямом содействии сотрудников (за взятку, по дружбе или из «жалости»). Более того, сами сотрудники иногда сами используют личные телефоны в режимных зонах, что создаёт прецедент и ослабляет режим.

Поэтому необходимы не только технические, но и кадровые меры:

– Регулярное повышение квалификации – проведение инструктивных занятий не реже одного раза в квартал с демонстрацией реальных примеров сокрытия, отработкой навыков работы с металлодетекторами, рентгенотелевизионными установками, детекторами нелинейных переходов.
– Психологическая подготовка – тренинги на развитие наблюдательности, устойчивости к стрессу, выявление манипуляций со стороны посетителей и осуждённых.
– Усиление контроля – внедрение системы видеонаблюдения за сотрудниками при досмотре, ротация кадров на наиболее «коррупциогенных» должностях, проведение внезапных проверок с полиграфом.
– Материальное стимулирование – премирование сотрудников за обнаружение крупных партий запрещённых предметов, за пресечение каналов доставки, за выявление неслужебных связей.
– Система наставничества – закрепление опытных сотрудников за молодыми специалистами для передачи практических навыков.

Только сочетание современных технических средств с высоким профессионализмом и мотивацией персонала может дать устойчивый результат [2, С. 290].

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы и сформулировать предложения по совершенствованию противодействия незаконной мобильной связи и доставке запрещённых предметов с помощью БПЛА в учреждениях УИС.

1. Существующие административные меры (ст. 19.12 КоАП РФ) недостаточно эффективны. Необходимо усилить ответственность за неоднократные действия по передаче средств связи, вплоть до введения уголовной ответственности (ст. 314.2 УК РФ) с наказанием в виде ограничения свободы до трёх лет, исправительных работ до двух лет или лишения свободы до одного года [2, С. 289]. При этом целесообразно установить обязательную конфискацию не только запрещённых предметов, но и средств их доставки (дронов, транспортных средств, специальных устройств).
2. Требуется законодательное закрепление полного перечня запрещённых предметов на уровне Уголовно-исполнительного кодекса РФ (а не только в ведомственных актах) для исключения правовой неопределённости и упрощения квалификации деяний.

3. Для борьбы с несанкционированной мобильной связью необходимо внедрение интеллектуальных блокираторов с функцией «белых списков» на всех режимных объектах. Это позволит селективно подавлять только нелегальные устройства, не создавая помех для гражданской связи на прилегающих территориях. Финансирование таких закупок следует предусмотреть в федеральных целевых программах.
4. Для защиты от БПЛА рекомендуется создание многоэшелонированной системы «обнаружение – идентификация – нейтрализация», включающей радиолокационные комплексы охраны периметра, стационарные системы радиоэлектронной борьбы типа «Солярис-Н» или «Таран-ПРО», а также носимые антидроновые ружья для мобильных групп. При этом необходимо разработать типовые решения для учреждений разного типа (городские, сельские, с высокой этажностью и т.п.).
5. Целесообразно создать единую межведомственную базу данных IMEI-кодов изъятых телефонов и обеспечить её интеграцию с системами операторов сотовой связи для оперативной блокировки устройств, даже если они не были физически изъяты. Это лишит смысла переброску дорогих телефонов.
6. Организационные меры должны включать: разработку и утверждение типовых алгоритмов действий сотрудников при обнаружении БПЛА (включая взаимодействие с МВД, Росгвардией, прокуратурой); проведение регулярных тактико-специальных учений; усиление пропускного и внутриобъектового режима; внедрение системы внутреннего контроля за добросовестностью сотрудников (полиграф, ротация, видеонаблюдение).
7. Необходимо активизировать международное сотрудничество по обмену опытом в области защиты пенитенциарных учреждений от БПЛА, а также участвовать в совместных учениях.

Реализация указанных мер потребует значительных финансовых затрат и организационных усилий, однако только комплексный подход, сочетающий правовые, технические, организационные и кадровые решения, позволит кардинально переломить ситуацию с незаконной мобильной связью и использованием беспилотных летательных аппаратов в учреждениях УИС. В противном случае криминальная активность будет нарастать, угрожая безопасности персонала, спецконтингента и общества в целом.

Список литературы:

[1] Нуждин А.А. Современное состояние преступности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вопросы современной науки и практики. 2019. № 1. С. 31–34.

[2] Новиков А.В., Карпов А.А. Способы ограничений в использовании осужденными и лицами, находящимися под стражей средств мобильной связи в пенитенциарных учреждениях: правовые основания и альтернативные решения // Современный ученый. 2019. № 2. С. 286–290.

[3] Копылов В.В., Прокофьев О.М., Солдатов А.А. Перспективы применения криминалистической техники для изучения и анализа данных мобильных устройств в учреждениях ФСИН РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 113–116.

[4] Филипьев Р.А. Использование беспилотных летательных аппаратов при доставке запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений и возможные способы борьбы с ними // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 96–101.

[5] Надзиратели перехватили летящий в колонию квадрокоптер [Электронный ресурс]. URL: https://www.nsktv.ru/news/crime/nadzirateli_perekhvatili_letyashchiy_v_koloniyu_bespilotnik_s_mobilnym_telefonom_i_sim_kartami_200620161427/ / (дата обращения: 20.04.2026).

[6] Гришанина Д.С., Кольцов А.С., Дмитриев Е.В. Применение радиолокационных комплексов охраны периметра учреждений УИС // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Воронеж, 20–21 мая 2020 г.): в 2 т. – Воронеж : Научная книга, 2020. – Т. 1. – С. 10–14.

[7] Макаренко С.И., Тимошенко А.В. Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Часть 2. Огневое поражение и физический перехват // Системы управления, связи и безопасности. 2020. № 1. С. 147–197.

[8] Пархоменко А. Великобритания: виртуальный щит против дронов // Преступление и наказание. 2017. № 5. С. 66.

References:

[1] Nuzhdin A.A. The current state of crime of persons held in institutions of the penitentiary system//Issues of modern science and practice. 2019. № 1. S. 31-34.

[2] Novikov A.V., Karpov A.A. Methods of restrictions in the use of mobile communications by convicts and persons in custody in penitentiary institutions: legal grounds and alternative solutions// Modern scientist. 2019. № 2. S. 286-290.

[3] Kopylov V.V., Prokofiev O.M., Soldatov A.A. Prospects for the use of forensic technology for the study and analysis of mobile device data in institutions of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. S. 113-116.

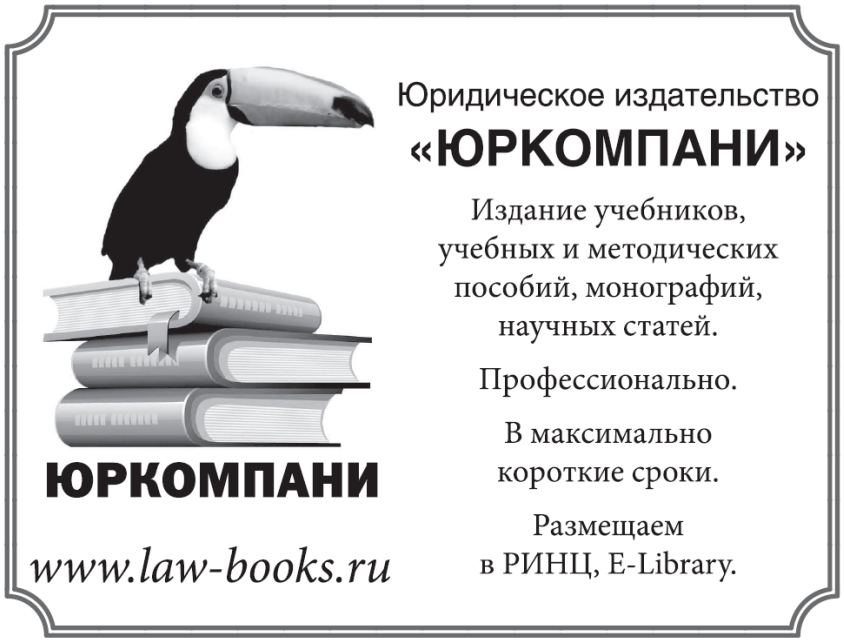
[4] Filipiev R.A. The use of unmanned aerial vehicles in the delivery of prohibited items to the territory of correctional institutions and possible ways to combat them//Criminal justice. 2022. № 19. S. 96-101.

[5] The wardens intercepted the [Electronic Resource] quadcopter flying to the colony. URL: https://www.nsktv.ru/news/crime/nadzirateli_perekhvatili_letyashchiy_v_koloniyu_bespilotnik_s_mobilnym_telefonom_i_sim_kartami_200620161427/ / (дата обращения: 20.04.2026).

[6] Grishanina D.S., Koltsov A.S., Dmitriev E.V. The use of radar systems for protecting the perimeter of penal institutions//Technology and safety of penitentiary facilities: collection of materials from the International Scientific and Practical Conference (Voronezh, May 20-21, 2020): in 2 volumes - Voronezh: Scientific book, 2020. - VOL. 1. - S. 10-14.

[7] Makarenko S.I., Timoshenko A.V. Analysis of means and methods of countering unmanned aerial vehicles. Part 2. Fire damage and physical interception//Control, communication and security systems. 2020. № 1. S. 147-197.

[8] Parkhomenko A. Great Britain: a virtual shield against drones//Crime and punishment. 2017. № 5. S. 66.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-245-250
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

СВИЩЕВ Иван Денисович,
аспирант УВО «Университет управления «ТИСБИ»,
г. Казань, Республика Татарстан,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ДОЛЖНИКА В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье исследуется принцип добросовестности как ключевой критерий освобождения гражданина от исполнения обязательств при завершении процедуры банкротства. Анализируется правоприменительная практика за 2024-2026 годов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40, принятое в связи с поправками в банкротное законодательство (Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ), Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности за 2024 год (утвержденный 25.04.2025), Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утвержденный 18.06.2025). Выявляются ключевые новеллы такие как разграничение добросовестности и неразумности должника, введение частичного освобождения от обязательств, новый подход к субсидиарной ответственности, презумпция добросовестности супругов. Обосновывается, что практика 2024-2026 годов знаменует переход от формального к содержательному стандарту оценки поведения должника.*

Ключевые слова: *банкротство физических лиц; добросовестность должника; освобождение от обязательств; частичное освобождение; неразумность; финансовый управляющий; Пленум ВС РФ № 40; Обзор практики 2025; Федеральный закон № 107-ФЗ.*

SVISHCHEV Ivan,
a postgraduate student Civil and Business Law
Department The University of Management «TISBI»

DEBTOR'S GOOD FAITH IN PERSONAL BANKRUPTCY PROCEEDINGS: ASSESSMENT CRITERIA AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. *The article examines the principle of good faith as the key criterion for discharging a natural person from obligations upon completion of bankruptcy proceedings. The current law enforcement practice of 2024-2026 is analyzed: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 40 of 17.12.2024, the Review of judicial practice in insolvency disputes for 2024 (approved 25.04.2025), and the Review of judicial practice in personal bankruptcy cases (approved 18.06.2025). Key innovations are identified distinction between good faith and unreasonableness, introduction of partial discharge from obligations, new approach to subsidiary liability, presumption of spouses' good faith. It is argued that the 2024-2026 practice marks a transition from formal to substantive standards for assessing debtor conduct.*

Key words: *personal bankruptcy; debtor's good faith; discharge from obligations; partial discharge; unreasonableness; financial trustee; Plenum of the Supreme Court №. 40; Review of practice 2025; Federal Law №. 107.*

Институт несостоятельности граждан, появившийся в российском праве в 2015 году, получил в 2024 году наиболее существенное законодательное обновление за весь период своего функционирования. Принятый Федеральный закон от 29.05.2024 №107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» затронул архитектуру банкротных процедур, минимальные размеры требований для их инициирования, механизм реализации активов должника и ряд иных процессуальных элементов. В продолжение реформы в конце 2024 и первой

половине 2025 года Верховный Суд Российской Федерации выработал ключевые правовые позиции, непосредственно определяющие параметры оценки добросовестности должника-гражданина в рамках дел о несостоятельности.

Закон № 107-ФЗ внес изменения, имеющие непосредственное значение для квалификации поведения должника. Первое из них – существенное повышение минимального размера требований. Теперь для возбуждения дела о несостоятельности юридического лица установлен порог в 2 миллиона рублей. Данный процессуальный барьер несет косвенную антизлоупотребительную нагрузку для лиц, стремящихся использовать банкротство как инструмент давления на контрагентов или уклонения от погашения незначительной задолженности, в настоящий момент утрачивают такую возможность. Второе изменение касается перераспределения полномочий по определению порядка реализации имущества. Данная компетенция передана от суда к собранию либо комитету кредиторов, что расширяет возможности кредиторского контроля и создает дополнительные инструменты выявления недобросовестных действий должника и арбитражных управляющих.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ» (далее – Постановление № 40), включающее 65 разъяснительных пунктов, закрепило принципиально новые правовые подходы. В частности, Пленум подтвердил, что превышение долгом порогового значения порождает презумпцию неплатежеспособности должника, однако в возбуждении дела может быть отказано при условии, что должник обоснует реальную возможность исполнить обязательства в будущем (п.4). Тем самым добросовестное поведение должника-гражданина приобрело процессуальное измерение уже на начальном этапе производства по делу.

Принципиально важной новеллой Постановления № 40 явилось признание злоупотребления правом со стороны должника самостоятельным и по существу исчерпывающим основанием для ограничения освобождения от долгов в случаях, выходящих за рамки прямо предусмотренных пунктом 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве перечней. Верховный Суд РФ тем самым исключил возможность произвольного расширения оснований отказа в освобождении посредством судейского усмотрения, поставив его в четкие императивные рамки.

Президиум Верховного Суда РФ 18.06.2025 утвердил Обзор судебной практики по делам о несостоятельности граждан (далее – Обзор от 18.06.2025), ставший наиболее полным систематизированным руководством по данной теме с момента введения соответствующего института в российское право. Документ содержит свыше 60 правовых позиций, наиболее значимые из которых для целей настоящего исследования рассматриваются ниже.

1. Комплексный стандарт добросовестного должника.

В Обзоре от 18.06.2025 сформулирован многоэлементный стандарт добросовестности право на освобождение от долгов распространяется на «честного должника» – гражданина, оказавшегося в затруднительном финансово-экономическом положении без умысла, открытого к взаимодействию с финансовым управляющим, судом и кредиторами и активно содействующего проверке своей имущественной состоятельности в целях соразмерного удовлетворения требований.

Верховный Суд РФ особо подчеркнул, что банкротство представляет собой «экстраординарный способ освобождения от долгов», применение которого способно существенно ущемить права кредиторов. Институт несостоятельности не приспособлен для безосновательного избавления от имущественных обязательств, в свою очередь, судебный контроль над процедурой призван ограждать кредиторов от случаев фиктивного и преднамеренного банкротства.

2. Разграничение добросовестности и неразумности поведения должника.

Одной из ключевых новелл Обзора от 18.06.2025 стало концептуальное разграничение категорий добросовестности и разумности применительно к поведению должника. Пункт 57 прямо устанавливает, что неразумность действий гражданина, в отличие от его недобросовестности, не образует самостоятельного препятствия для освобождения от долговых обязательств.

Данная правовая позиция согласуется с ранее выработанным подходом, нашедшим отражение в Определении Верховного Суда РФ по делу № 305-ЭС18-26429 от 03.06.2019, в котором суд провел грань между ситуацией, когда должник достоверно раскрывал сведения о своем финансовом положении при заключении каждого кредитного договора, но впоследствии лишился источника дохода, и случаями сознательного введения кредиторов в заблуждение. Действия должника в первой ситуации были квалифицированы как неразумные, но не недобросовестные, что исключило возможность отказа в освобождении на указанном основании.

Разграничение этих категорий имеет существенное практическое значение, так как значительная часть отказов в освобождении от долгов,

выносившихся вплоть до 2024-2025 годов, обосновывалась «нецелесообразностью» или «безответственностью» поведения должника, что фактически смешивало критерии разумности и добросовестности. Позиция Верховного Суда РФ устраняет данную концептуальную неопределенность.

3. Неполнота или недостоверность сведений при получении кредита как основание отказа в освобождении.

До 2025 года в судебной практике нередко встречались отказы в освобождении от долгов, обусловленные тем, что при оформлении кредита заемщик предоставил неполные либо противоречивые сведения о своем финансовом положении. Пункт 59 Обзора от 18.06.2025 пересматривает этот подход. Теперь неполнота или противоречивость информации, переданной кредитору при возникновении обязательства, в отсутствие заведомо противоправного умысла должника, не могут служить основанием для отказа в освобождении от долгов.

Обоснование данной позиции строится на профессиональном статусе кредитора. Кредитная организация как квалифицированный участник финансового рынка обязан самостоятельно верифицировать полученную информацию (в том числе посредством запросов в налоговую службу, органы социального страхования, бюро кредитных историй) и вправе отказать в выдаче займа, либо самостоятельно потребовать обеспечения при наличии обоснованных сомнений. Возложение неблагоприятных последствий ненадлежащей оценки кредитоспособности заемщика самим банком на должника явно противоречило бы реабилитационной цели института несостоятельности.

4. Частичное освобождение от обязательств.

К числу наиболее значимых новелл Обзора от 18.06.2025 относится официальное признание механизма частичного освобождения должника от обязательств. Верховный Суд РФ разъяснил в пункте 63, когда недобросовестность должника установлена исключительно в отношении одного из кредиторов, суд вправе отказать в освобождении лишь применительно к требованиям этого кредитора, сохранив освобождение по всем иным обязательствам.

Данный подход меняет прежнюю логику правоприменения, когда тенденция «тотального» отказа в освобождении от всех долгов при выявлении недобросовестности в отношении одного кредитора заменяется соразмерной реакцией, адресно ограниченной рамками выявленного нарушения. Согласно примеру, приведенному в Обзоре, должник без согласия банка-залогодержателя распорядился заложенным транспортным средством, суд отказал в освобождении исключительно перед данным кредитором, не затронув обязательства перед остальными.

Следует заметить, что отдельные суды допускали возможность частичного освобождения и ранее (№А76-19972/2017, №А73-16557/2016, №А67-1854/2021), однако устойчивого единообразия практики в этом вопросе так и не сложилось. Пункт 63 Обзора устраняет данную неопределенность посредством прямого нормативного закрепления.

5. Добросовестность и субсидиарная ответственность.

Вне рамок собственно банкротства гражданина принципиальное значение имеет позиция, закрепленная в пункте 58 Обзора от 18.06.2025, об освобождении от обязательств по субсидиарной ответственности и возмещению корпоративных убытков. Верховный Суд РФ указал, что освобождение от таких обязательств допустимо при отсутствии умысла либо грубой неосторожности в действиях должника и при условии его добросовестного поведения в ходе самой процедуры несостоятельности.

До принятия Обзора судебная практика придерживалась строгого доктринального подхода, практически исключавшего освобождение от обязательств по субсидиарной ответственности. Сегодня разграничительным критерием выступает субъективная сторона, в то время как умысел и грубая неосторожность препятствуют освобождению, а простая неосторожность при добросовестном поведении в процедуре – нет.

В этой связи Верховный Суд РФ раскрыл содержание соответствующих форм вины применительно к делам о несостоятельности: умысел предполагает осознание лицом вредоносности своих действий и предвидение их последствий; грубая неосторожность – несоблюдение даже минимального стандарта осмотрительности; простая неосторожность означает несоблюдение повышенных требований внимательности при соблюдении минимальных.

6. Добросовестность при выборе процедуры.

Пункт 5 Обзора от 18.06.2025 закрепил ориентир при инициировании производства по делу о несостоятельности, приоритет следует отдавать процедуре, на введении которой настаивает сам должник-заявитель. Предполагается, что добросовестный и разумный гражданин осведомлен о реальном состоянии своих финансов и перспективах восстановления платежеспособности. Доверие к сделанному должником выбору само

по себе представляет проявление действующей в отношении него презумпции добросовестности.

Вместе с тем Верховный Суд РФ обозначил исключение. В ситуации, когда должник располагает стабильным и документально подтвержденным высоким доходом, настаивает на немедленной реализации имущества с единственной целью избежать погашения обязательств за счет будущих поступлений, это показывает его недобросовестность и служит основанием для введения процедуры реструктуризации вопреки его позиции.

Заслуживает отдельного внимания ряд правовых позиций, закрепленных в Обзоре судебной практики за 2024 год, утвержденном 25.04.2025 и дополняющем критерии оценки добросовестности в смежных вопросах.

В части сокрытия источников финансирования расходов. Обзор за 2024 год подтвердил, что систематическое расхождение между реальным образом жизни должника и его задекларированными доходами в период процедуры (расходы на зарубежные поездки, приобретение предметов роскоши при отсутствии документально подтвержденных источников средств) является признаком недобросовестности, влекущим отказ в освобождении от долгов. При этом суд при разрешении вопроса о завершении процедуры обязан исследовать наличие умысла, а не ограничиваться констатацией самого факта несоответствия.

В части принятия обязательств без намерения их исполнять. Подтверждена правовая позиция, согласно которой последовательное наращивание кредитной задолженности в период осознания гражданином собственной неплатежеспособности и использование банкротства как заблаговременно спланированного способа избавления от долгов квалифицируются как недобросовестность. Ключевым признаком выступает момент, когда должнику стало известно о невозможности исполнения обязательств; этот момент подлежит установлению судом, а не предположению. Наиболее распространенной схемой является одновременное оформление нескольких кредитных договоров в один день, что позволяет должнику вводить кредитные организации в заблуждение относительно состояния его кредитной истории.

В части добросовестности при распределении имущества между супругами. Верховный Суд РФ признал недопустимым формальный подход, при котором любое заключение брачного договора накануне банкротства автоматически квалифицируется как недобросовестное. В Обзоре закреплена презумпция добросовестности супругов при изменении режима совместной собственности; для ее опровержения необходимо доказать, что отказ от этого режима причинил очевидный ущерб кредиторам при отсутствии раскрытых разумных мотивов соответствующей сделки.

Наряду с разъяснениями Верховного Суда РФ в правоприменении сохраняется ряд системных проблем.

Запаздывание судов нижестоящих инстанций. Вопреки выработанным правовым позициям Верховного Суда РФ, арбитражные суды первой и апелляционной инстанций по-прежнему нередко обращаются к преодоленным подходам. В частности, после принятия разъяснений продолжают встречаться отказы в освобождении, обоснованные неразумностью поведения должника (которая согласно п. 57 Обзора от 18.06.2025 не является препятствием для освобождения), а также отказы со ссылкой на неполноту сведений при получении кредита (что прямо опровергнуто п. 59 Обзора). Это указывает на системную проблему усвоения нижестоящими судами руководящих позиций высшей судебной инстанции.

Неопределенность доказательственных стандартов. Обзор от 18.06.2025 разграничил умысел, грубую и простую неосторожность в качестве критериев оценки субъективной стороны поведения должника. Между тем процессуальные механизмы доказывания каждой из этих форм вины в рамках банкротного производства по-прежнему нормативно не урегулированы. В судебных актах о привлечении к субсидиарной ответственности оценка субъективного отношения контролирующего лица к последствиям своих действий встречается крайне редко. Это создаёт практические затруднения при рассмотрении вопроса об освобождении от долгов, поскольку суду приходится ретроспективно квалифицировать субъективную сторону нередко в отсутствие соответствующих выводов в первоначальном судебном акте.

Процессуальная неурегулированность частичного освобождения. Закрепив в п.63 Обзора от 18.06.2025 механизм частичного освобождения от обязательств, Верховный Суд РФ оставил без ответа ряд принципиальных вопросов: вправе ли суд применить его по собственной инициативе или исключительно по заявлению кредитора, каков порядок формулировки резолютивной части судебного акта, каким образом частичное освобождение соотносится с перечнем долгов, установленным пунктами 5-6 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

Сохраняющаяся коллизия реабилитационной и карательно-превентивной функций института банкротства. Обзор от 18.06.2025 обнаруживает внутреннее противоречие, декларируя про-должниковый вектор, он одновременно ориентирует суды на отказ в освобождении при под-

твержденной недобросовестности. Подобная двойственность свидетельствует о том, что концептуальный выбор между реабилитационной и карательной моделью на уровне высшей судебной инстанции так и не завершен, что неизбежно воспроизводит непредсказуемость правоприменения.

По итогам анализа правовых позиций Верховного Суда РФ 2024-2026 годов представляется обоснованным выдвинуть следующие предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Первое. Нормативное закрепление разграничения добросовестности и неразумности в тексте статьи 213.28 Закона о банкротстве. Несмотря на четкую правовую позицию Верховного Суда РФ (п. 57 Обзора от 18.06.2025), отсутствие законодательного закрепления этого разграничения создает пространство для его игнорирования нижестоящими судами. Предлагается дополнить пункт 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве указанием на то, что неразумность поведения должника, не сопряженная с умыслом или грубой неосторожностью, не является основанием для отказа в освобождении от обязательств.

Второе. Процессуальная регламентация частичного освобождения от обязательств, поскольку пункт 63 Обзора от 18.06.2025 нуждается в развитии на уровне закона либо самостоятельного постановления Пленума. Требуется определения основания и процессуальный порядок применения механизма, форма резолютивной части судебного акта, а также взаимодействие с нормами о «вечных долгах».

Третье. Введение обязательного установления субъективной стороны в судебных актах о привлечении к субсидиарной ответственности. Поскольку от этого теперь зависит возможность освобождения гражданина от долгов в личном банкротстве. Представляется целесообразным дополнить нормы главы III.2 Закона о банкротстве требованием об обязательной квалификации действий контролирующего лица с точки зрения умысла и формы неосторожности.

Четвертое. Разработка методических рекомендаций для арбитражных управляющих по выявлению признаков добросовестности должника-гражданина с учетом актуальной практики Верховного Суда РФ. Это позволит повысить аналитическое качество заключений финансовых управляющих и снизить нагрузку на суды при оценке поведения должника.

Период 2024–2026 годов ознаменовался качественным сдвигом в правовом регулировании и судебной практике по вопросам добросовестности должника в несостоятельности физических лиц. Сформулированные Верховным Судом РФ принципы нуждаются в законодательном закреплении для обеспечения их единообразного применения судами всех инстанций. В отсутствие системного восприятия новых стандартов реабилитационная функция банкротства физических лиц рискует остаться декларацией, не становясь действенным инструментом финансового оздоровления граждан.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (в ред. от 29.05.2024).

[2] Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника».

[7] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.04.2025.

[8] Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025 (в ред. Тематического обзора № 5/2026 от 29.04.2026).

[9] Тематический обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5/2026 «О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год».

[10] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429.

[11] Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 568 с.

[12] Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование. М.: Проспект, 2013. 432 с.

[13] Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. 560 с.

[14] Фролов И.В. Управление процедурами банкротства гражданина. Новосибирск: Академиздат, 2017. 320 с.

[15] Радченко М.Ю. Проблемы применения института освобождения от долгов при банкротстве гражданина//Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 40-47.

[16] Чиркунова Е.В. Добросовестность в банкротстве физических лиц: критерии и последствия//Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 15-22.

[17] Козина Е.А. Частичное освобождение должника от обязательств: новеллы судебной практики 2025 года//Вестник арбитражной практики. 2025. № 4. С. 12-19.

References:

[1] Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ “On Insolvency (Bankruptcy) “//NW RF. 2002. № 43. Art. 4190 (as amended by 29.05.2024).

[2] Federal Law No. 29.05.2024 dated 107-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy).”

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.10.2015 No. 45 “On Certain Issues Related to the Enactment of Procedures Applied in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Citizens “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 12.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 48 “On certain issues related to the peculiarities of the formation and distribution of the bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 2.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.12.2024 No. 40 “On some issues related to the enactment of Federal Law of May 29, 2024 No. 107-FZ “On Amendments to the Federal Law “Insolvency (Bankruptcy)” and Article 223 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. № 2.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 41 “On the establishment in bankruptcy procedures of the claims of the debtor’s controlling persons and affiliates of the debtor.”

[7] Review of the judicial practice of resolving insolvency (bankruptcy) disputes for 2024, approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.04.2025.

[8] Review of the judicial practice in bankruptcy cases of citizens approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 18.06.2025 (as amended by Thematic Review No. 5/2026 of 29.04.2026).

[9] Thematic review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5/2026 “On the judicial practice of resolving insolvency (bankruptcy) disputes for 2025.”

[10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.06.2019 No. 305-ES18-26429.

[11] Karelina S.A. Mechanism of legal regulation of insolvency relations. M.: Wolters Kluver, 2008. 568 p.

[12] Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal regulation. M.: Prospect, 2013. 432 p.

[13] Telyukina M.V. Fundamentals of competition law. M.: Wolters Kluver, 2004. 560 s.

[14] Frolov I.V. Management of bankruptcy procedures of a citizen. Novosibirsk: Akademizdat, 2017. 320 s.

[15] M.Yu. Radchenko. Problems of Applying the Institution of Debt Relief in Case of Bankruptcy of a Citizen//Arbitration and Civil Procedure. 2022. № 7. S. 40-47.

[16] Chirkunova E.V. Good faith in bankruptcy of individuals: criteria and consequences//Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. № 3. S. 15-22.

[17] Kozina E.A. Partial release of the debtor from obligations: novels of judicial practice in 2025// Bulletin of arbitration practice. 2025. № 4. S. 12-19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-251-256
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ВОЛЬНОВ Алексей Сергеевич,
аспирант кафедры «Уголовного права и процесса»
частного образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки,
e-mail: 2772391@gmail.com

ПРОВОТОРОВ Михаил Валерьевич,
аспирант кафедры «Уголовного права и процесса»
частного образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки,
e-mail: mikhail.provotorov.00@bk.ru

ДАЛИНИН Алексей Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовного права и процесса»
частного образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
e-mail: a.dalinin@spbacu.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются проблемы правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики. Анализируется деформация базовых категорий антимонопольного права применительно к платформенным моделям бизнеса, выявляются специфические формы монополистических практик цифровых экосистем (self-preferencing, алгоритмическая дискриминация, навязывание условий через стандартные договоры), не укладывающиеся в традиционные юридические конструкции. Рассматривается проблема определения релевантного рынка в условиях многосторонних платформ и экосистемной интеграции. На основании анализа российского и зарубежного опыта формулируются направления совершенствования правового регулирования: разработка методологии определения релевантного рынка на цифровых платформах, конкретизация признаков злоупотребления доминирующим положением в цифровой среде, создание специальных норм о регулировании экосистемной деятельности, укрепление международной координации в сфере антимонопольного контроля.*

Ключевые слова: *конкуренция, цифровая экономика, антимонопольное регулирование, цифровые платформы, экосистема, доминирующее положение, релевантный рынок.*

VOLNOV Aleksey Sergeevich,
postgraduate student, Department of Criminal Law and Procedure,
Private Educational Institution of Higher Education,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
5.1.2 Public Law (State-Legal) Sciences

PROVOTOROV Mikhail Valerievich,
postgraduate student of the Department of Criminal Law and Procedure
of the private educational institution of higher education
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
5.1.2 Public Law (State Law) Sciences

DALININ Aleksey Valerievich,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure,
Private Educational Institution of Higher Education,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

INSTITUTIONAL CONFLICTS OF ANTI-TRUST REGULATION IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation*. The article explores the problems of legal regulation of the institution of competition in the context of the digital transformation of the economy. The deformation of the basic categories of antitrust law in relation to platform business models is analyzed, specific forms of monopolistic practices of digital ecosystems (self-preferencing, algorithmic discrimination, imposition of conditions through standard contracts) that do not fit into traditional legal constructions are revealed. The problem of determining the relevant market in the context of multilateral platforms and ecosystem integration is considered. Based on the analysis of Russian and foreign experience, directions for improving legal regulation are formulated: development of a methodology for determining the relevant market on digital platforms, concretization of signs of abuse of a dominant position in the digital environment, creation of special norms for regulating ecosystem activities, strengthening international coordination in the field of antimonopoly control.*

Key words*: competition, digital economy, antitrust regulation, digital platforms, ecosystem, dominant position, relevant market.*

Конкуренция как фундаментальный институт рыночной экономики претерпевает качественную трансформацию в условиях цифровизации хозяйственных процессов. Традиционные теоретические основания антимонопольного регулирования, сформированные в рамках неоклассической парадигмы и ориентированные на анализ структуры рынка, поведения участников и итоговых результатов, сталкиваются с принципиальными ограничениями применительно к цифровым экосистемам. Специфика цифровых рынков обусловлена сетевыми эффектами, нулевой предельной стоимостью воспроизведения цифровых товаров, масштабируемостью бизнес-моделей и доминированием платформенных посредников, что формирует устойчивые тенденции к монополизации без применения классических антиконкурентных практик. В этих условиях конкуренция перестает быть преимущественно межфирменным взаимодействием и приобретает характер внутриплатформенного соперничества, где правила игры устанавливаются оператором экосистемы, а доступ к пользовательским данным становится ключевым фактором конкурентоспособности.

Правовое регулирование конкуренции в цифровой экономике характеризуется выраженным регуляторным лагом: нормативные акты, принятые в период индустриальной модели хозяйствования, не в полной мере адекватны вызовам платформенной экономики. Национальные антимонопольные органы и наднациональные интеграционные объединения вынуждены применять устоявшиеся правовые конструкции – злоупотребление доминирующим положением, картельные соглашения, недобросовестную конкуренцию – к феноменам, обладающим специфической природой. Проблематика усложняется трансграничным характером цифровых операторов, асимметрией информационных ресурсов между регулятором и платформой, а также высокой скоростью технологических изменений, превышающей темпы адаптации правовых институтов. В связи с этим актуальной представляется задача теоретической переосмысленности категориального аппарата конкурентного права и выработки механизмов регулирования, способных обеспечить баланс между стимулированием инноваций и предотвращением системных нарушений конкурентного порядка в цифровой среде.

Фундаментальная проблема адаптации антимонопольного регулирования к условиям цифровой экономики заключается в деформации базовых категориальных оснований конкурентного права. Как справедливо отмечает С.В. Тимофеев, «в условиях цифровой экономики принципиальным образом изменяются основные категории антимонопольного регулирования: сложнее определить, является ли цена монопольной; сдвигаются точки приложения монопольного регулирования, так как все больше операций происходит онлайн и невозможно определить конкретное ответственное лицо; сложнее формировать доказательную базу в антимонопольном деле» [1, с. 109]. Данное положение свидетельствует о том, что классические инструменты

антимонопольного анализа, ориентированные на установление ценовых параметров и идентификацию конкретного нарушителя, теряют свою эвристическую ценность применительно к платформенным моделям бизнеса, где ценообразование зачастую осуществляется по принципу «нулевой цены» на базовые услуги при монетизации данных пользователей.

Трансформация касается не только процедурных аспектов, но и сущностных оснований конкурентного права. А.Ю. Иванов в своем исследовании подчеркивает конфликтность взаимоотношений между институтами цифровой экономики и традиционным антимонопольным регулированием, указывая на необходимость переосмысления базовых теоретических построений [2]. Суть данного конфликта состоит в том, что цифровые платформы генерируют новые рынки, где они стремятся занять монопольное положение, при этом не используя классические антиконкурентные практики в их традиционном понимании. Так, С.В. Тимофеев констатирует: «Участники экономической деятельности не пытаются конкурировать на каком-то товарном рынке, где и так уже много игроков, а генерируют новые рынки, где они стремятся стать абсолютными монополистами» [1, с. 109]. Из этого следует вывод о необходимости перехода от реактивной модели антимонопольного регулирования, направленной на пресечение уже совершенных нарушений, к проактивной модели, предусматривающей регулирование структуры рынка и предотвращение формирования непреодолимых барьеров для входа.

Проблема определения релевантного рынка в цифровой среде приобретает особую остроту. Традиционный анализ замещаемости товаров и географических границ рынка становится неадекватным применительно к платформам, функционирующим в режиме многосторонних рынков. М.М. Новосельцева и А.Р. Ясонова в исследовании развития антимонопольного регулирования в России на примере экосистемы «Яндекс» демонстрируют, как «объединение смежных рынков в единую экосистему придает компании лидирующее положение на рынке, что в свою очередь создает серьезные барьеры для вступления на рынок новых хозяйствующих субъектов не только в IT-сфере, но и ряда других видов экономической деятельности» [3, с. 1629]. Данный тезис указывает на необходимость разработки методологии определения релевантного рынка, учитывающей экосистемный характер цифровых бизнес-моделей, где границы между отдельными товарными рынками размываются в результате интеграции разнородных сервисов в единую платформу.

Деятельность цифровых платформ порождает формы ограничения конкуренции, не укладывающиеся в традиционные юридические конструкции. А.А. Арутюнян и А.Д. Бербенева выделяют такие формы нарушений, как «связывание» (tying), предоставление преимуществ собственным продуктам (self-preferencing), несовместимость цифровых продуктов с целью «замыкания» пользователя в одной экосистеме, ценовой паритет в виде запрета на установление продавцами более низких цен на конкурирующих платформах» [4, с. 82;84]. Указанные практики демонстрируют, что цифровые платформы ограничивают конкуренцию не через прямое диктование цен или сегментацию рынка, а путем контроля над инфраструктурой доступа к пользователям и манипулирования алгоритмами ранжирования.

Проблема self-preferencing наглядно иллюстрируется практикой Европейской комиссии. Как отмечается в научной литературе, «практике Европейской комиссии известно дело о наложении штрафа на Google, который, занимая доминирующее положение на рынке поисковых систем, в перечне результатов поиска сначала размещал сервисы аффилированных компаний, занижая предложения услуг конкурентов. Amazon также оказывал предпочтение своим продуктам по сравнению с продуктами конкурентов» [4, с. 83]. Анализ данной практики позволяет сделать вывод о том, что традиционная конструкция злоупотребления доминирующим положением, предусмотренная статьей 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 29.04.2026) (далее по тексту – Закон о защите конкуренции), нуждается в интерпретационном расширении для охвата алгоритмических форм дискриминации, не связанных с прямым договорным давлением.

Особую сложность представляет правовая квалификация навязывания условий в цифровой среде. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» разъяснил, что «навязанными условиями могут быть признаны те, которые иной участник рынка не принял бы, исходя из своих разумно понимаемых экономических интересов, и которые позволяют доминирующему на рынке субъекту извлекать выгоду посредством ограничения свободы ведения экономической деятельности его контрагентов». Однако применительно к платформенным экосистемам данный критерий требует конкретизации: условия доступа к платформе формулируются в стандартных договорах присоединения, что ставит под вопрос возможность реального согласования их содержания

контрагентом. Отсюда следует необходимость разграничения легитимных стандартов платформы и антиконкурентных ограничений, основанных на монополизации инфраструктурного доступа.

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует формирование двух альтернативных моделей регулирования цифровых платформ. Европейский союз выработал подход, основанный на сочетании антимонопольного и секторального регулирования. Европейский акт о цифровых рынках (Digital Markets Act) устанавливает превентивные обязательства для «сторожевых» платформ (gatekeepers), не дожидаясь доказательства совершения конкретного нарушения. Российское законодательство, напротив, в рамках так называемого «пятого антимонопольного пакета» внесло изменения в Закон о защите конкуренции, дополнив его специальными нормами о регулировании цифровых платформ, однако сохранило реактивный характер правового регулирования, предусматривающий применение мер после установления факта злоупотребления.

С.В. Тимофеев обосновывает необходимость международной координации, указывая: «Поскольку Интернет преодолевает как физические, так и юридические границы, при выстраивании системы регулирования цифровой экономики необходимо учитывать международный опыт и содействовать синхронизации антимонопольных законодательств тех стран, в которых базируются крупнейшие игроки цифровых рынков» [1, с. 109]. Данное положение подчеркивает, что эффективность национального регулирования цифровых рынков существенно ограничена трансграничным характером деятельности платформ. Практика показывает, что антимонопольные органы отдельных государств сталкиваются с проблемой юрисдикционной недостаточности при расследовании деятельности глобальных технологических компаний, чьи серверы и управляющие структуры локализованы за пределами территории регулирующего государства.

Экосистемная модель бизнеса, характерная для крупных цифровых компаний, порождает специфические формы ограничения конкуренции, не подпадающие под действие классических антимонопольных запретов. М.М. Новосельцева и А.Р. Ясонова указывают на то, что «создание экосистем на основе новых бизнес-моделей несет в себе не только полезные для общества функции и создание комфортной инфраструктуры, но и также дополнительные риски, в том числе нарушения в сфере антимонопольного законодательства» [3, с. 1629]. Данный тезис констатирует двойственную природу цифровых экосистем: с одной стороны, они обеспечивают положительные сетевые эффекты и повышение качества пользовательского сервиса, с другой – формируют замкнутые структуры, препятствующие входу новых участников.

Проблема заключается в том, что российское законодательство не содержит специальной регулировки экосистемной деятельности. Существующие нормы о хозяйственных обществах и группах лиц не учитывают специфику цифровых экосистем, где контроль осуществляется не через корпоративные отношения, а через технологическую инфраструктуру и единую базу пользовательских данных. А.А. Арутюнян и А.Д. Бербенева отмечают, что «сетевые эффекты приводят к монополизации цифровых рынков» [4, с. 92], при этом конкуренция среди цифровых посредников приобретает форму борьбы за контроль над экосистемами, а не за долю на конкретном товарном рынке. Из этого следует необходимость разработки специальных критериев оценки экосистемной власти, отличных от традиционных показателей доли рынка.

Анализ проблем правового регулирования конкуренции в цифровой экономике позволяет обозначить направления совершенствования нормативной базы. Прежде всего, требуется разработка специальной методологии определения релевантного рынка на цифровых платформах, учитывающей многосторонность рынков и кросс-эффекты между различными группами пользователей. Во-вторых, необходимо уточнение перечня форм злоупотребления доминирующим положением с включением алгоритмических практик дискриминации и self-preferencing. В-третьих, целесообразна разработка механизмов превентивного регулирования, аналогичных европейской модели «сторожевых» платформ, позволяющих предотвращать формирование непреодолимых барьеров для входа до момента их фактической реализации.

С.В. Тимофеев обосновывает необходимость «разработки новой системы антимонопольного регулирования, которая способна обеспечить защиту конкуренции, но при этом учитывает интересы компаний, действующих на цифровых рынках» [1, с. 109]. Данный подход предполагает отказ от бинарной модели «разрешено – запрещено» в пользу дифференцированного регулирования, учитывающего стадию развития рынка, масштаб сетевых эффектов и инновационный потенциал платформы. При этом сохраняется принципиальная задача предотвращения злоупотребления рыночной властью, полученной в результате законной конкурентной борьбы, что соответствует классической функции антимонопольного права как института поддержания конкурентной среды.

В контексте российского законодательства особое значение приобретает проблема согласования норм Закона о защите конкуренции с положениями гражданского законодательства о договорах присоединения и лицензионных соглашениях в сфере программного обеспечения. Платформенная экономика базируется на стандартных формах договоров, что ставит вопрос о границах свободы договора в условиях информационной асимметрии и неравенства договорных позиций. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 04.03.2021 № 2 разъяснил критерии навязывания условий, однако применительно к цифровым платформам требуется дальнейшая конкретизация понятия «разумно понимаемых экономических интересов» контрагента с учетом зависимости бизнеса от доступа к платформенной инфраструктуре.

Таким образом, правовое регулирование конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем: деформацией категориального аппарата конкурентного права, появлением новых форм монополистической деятельности, трансграничным характером цифровых операторов и экосистемной интеграцией рынков. Решение указанных проблем требует комплексного подхода, сочетающего адаптацию традиционных антимонопольных инструментов с выработкой новых механизмов превентивного регулирования, адекватных специфике цифровых рынков.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровая трансформация экономики породила системный кризис традиционных оснований антимонопольного регулирования, выражающийся в несоответствии устоявшихся правовых категорий новым феноменам платформенной экономики. Проведенный анализ показал, что классические инструменты определения релевантного рынка, квалификации злоупотребления доминирующим положением и доказывания антиконкурентных соглашений утрачивают эффективность применительно к цифровым экосистемам, где конкуренция приобретает внутриплатформенный характер, а рыночная власть концентрируется в форме контроля над инфраструктурой доступа и пользовательскими данными.

Проблема правовой квалификации новых форм монополистических практик – self-preferencing, алгоритмической дискриминации, навязывания условий через стандартные договоры присоединения – требует переосмысления содержания институтов конкурентного права. Европейский опыт регулирования «сторожевых» платформ через Digital Markets Act и российские изменения «пятого антимонопольного пакета» демонстрируют различные модели адаптации: от превентивного секторального регулирования до расширения антимонопольных запретов. Однако ни одна из указанных моделей не дает исчерпывающего решения проблемы трансграничности цифровых операторов и информационной асимметрии между регулятором и платформой.

Экосистемная интеграция рынков, осуществляемая крупными цифровыми компаниями, формирует устойчивые барьеры для входа новых участников, не подпадающие под действие традиционных норм о хозяйственных обществах и группах лиц. Отсутствие в российском законодательстве специальной регулировки цифровых экосистем создает правовые лакуны, которые восполняются либо через расширительное толкование существующих норм, либо через административное усмотрение, что снижает предсказуемость правоприменения. Перспективным представляется выработка критериев экосистемной власти, учитывающих не только долю на отдельных товарных рынках, но и степень контроля над инфраструктурными элементами, обеспечивающими доступ к пользователям.

В сфере международного сотрудничества назрела необходимость гармонизации подходов к регулированию цифровых рынков, поскольку национальные антимонопольные органы ограничены в возможностях воздействия на транснациональные платформы. Синхронизация законодательств ведущих юрисдикций позволит преодолеть проблему юрисдикционной недостаточности и обеспечить единообразное применение конкурентных правил в отношении глобальных технологических компаний.

Таким образом, совершенствование правового регулирования конкуренции в цифровой экономике должно опираться на комплексный подход, сочетающий адаптацию традиционных антимонопольных институтов с выработкой новых механизмов превентивного регулирования. Приоритетными направлениями являются: разработка методологии определения релевантного рынка на многосторонних платформах; конкретизация признаков злоупотребления доминирующим положением в цифровой среде; создание специальных норм о регулировании экосистемной деятельности; укрепление международной координации в сфере антимонопольного контроля. Реализация указанных мер позволит обеспечить баланс между стимулированием инноваций и предотвращением системных нарушений конкурентного порядка, что составляет основную задачу конкурентного права в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы:

[1] Тимофеев, С. В. Цифровые монополии: задачи и перспективы законодательного антимонопольного регулирования / С. В. Тимофеев // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 4. – С. 109-120.

[2] Иванов, А. Ю. Цифровая экономика и антимонопольное право: единство и борьба противоположностей / А. Ю. Иванов // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 486-521.

[3] Новосельцева, М. М. Развитие антимонопольного регулирования в России в условиях цифровизации экономики (на примере экосистемы «Яндекс») / М. М. Новосельцева, А. Р. Ясонова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 1629-1638.

[4] Арутюнян, А. А. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ / А. А. Арутюнян, А. Д. Бербенева // Цифровое право. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 79-96.

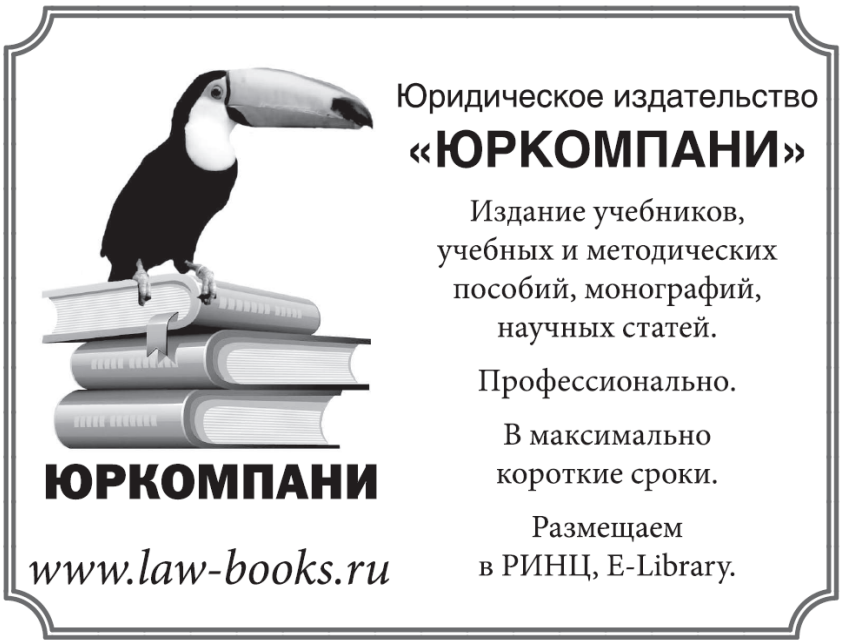
References:

[1] Timofeev, S.V. Digital monopolies: tasks and prospects of legislative antimonopoly regulation/S.V. Timofeev//Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Economics. Management. Right. – 2022. – № 4. - S. 109-120.

[2] Ivanov, A. Yu. Digital economy and antimonopoly law: unity and the struggle of opposites/A. Yu. Ivanov//Jurisprudence. – 2019. - T. 63, NO. 4. - S. 486-521.

[3] Novoseltseva, M. M. Development of antimonopoly regulation in Russia in the context of digitalization of the economy (using the example of the Yandex ecosystem)/M. M. Novoseltseva, A. R. Yasonov//Creative economy. – 2021. - T. 15, NO. 5. - S. 1629-1638.

[4] Harutyunyan, A. A. Evolution of antitrust regulation of digital platforms/A. A. Harutyunyan, A. D. Berbeneva//Digital law. – 2022. - T. 3, NO. 3. - S. 79-96.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-257-261
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ГУСЕЙНОВА Лариса Вагидовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: Lara.123321@yandex.ru

АБДУЛГАЛИМОВ Курбан Мурадович,
Аспирант второго года обучения Кафедры гражданского права
Дагестанского государственного университета,
e-mail: k_abdulgalimov98@mail.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В ОБХОД КОНКУРЕНТНЫХ ПРОЦЕДУР

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме заключения контрактов для государственных и муниципальных нужд с нарушением требований Федерального закона № 44-ФЗ. Рассматриваются наиболее распространенные схемы обхода конкурентных процедур, анализируются причины их возникновения и правовые последствия для участников контрактной системы.*

Актуальность исследования заключения договоров для государственных или муниципальных нужд в обход конкурентных процедур обусловлена необходимостью противодействия прямым нарушениям принципов контрактной системы, таким как конкуренция, прозрачность и эффективность, что приводит к существенным потерям бюджетных средств, ограничивает доступ добросовестных поставщиков и формирует коррупционные риски, требуя системного анализа правовых пробелов, судебной практики и разработки эффективных мер правового и технологического контроля для обеспечения законности и экономической целесообразности государственных закупок.

Ключевые слова: *государственные закупки, дробление закупки, конкурентные процедуры, обход закона, Федеральный закон № 44-ФЗ.*

GUSEYNOVA Larisa Vagidovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law of the Law Institute of the Dagestan State University

ABDULGALIMOV Kurban Muradovich,
Second-year postgraduate student of the Department
of Civil Law of Dagestan State University

CONCLUSION OF A CONTRACT FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS BYPASSING COMPETITIVE PROCEDURES

Annotation. *The article is devoted to the actual problem of concluding contracts for state and municipal needs in violation of the requirements of Federal Law No. 44-FZ. The most common schemes of bypassing competitive procedures are considered, and the reasons for their occurrence and legal consequences for participants in the contract system are analyzed.*

The relevance of the study of concluding contracts for state or municipal needs in circumvention of competitive procedures is due to the need to counteract direct violations of the principles of the contract system, such as competition, transparency, and efficiency, which leads to significant losses of budget funds, restricts the access of bona fide suppliers, and creates corruption risks, requiring a systematic analysis of legal gaps, judicial practice, and the development of effective measures of legal and technological control to ensure the legality and economic feasibility of public procurement.

Key words: *public procurement, contract system, competitive procedures, circumvention of the law, Federal Law No. 44-FZ.*

Система государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации представляет собой один из ключевых механизмов расходования бюджетных средств.

Положениями ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 05.04.2013 № 44–ФЗ "О контрактной системе в сфере, закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее – Закон № 44–ФЗ) установлены такие незыблемые принципы размещения заказов как: эффективное использование бюджетных средств и средств внебюджетных источников финансирования; расширение участия физических и юридических лиц в размещении заказов; развитие добросовестной конкуренции[5].

Тем не менее, Законом № 44-ФЗ предусмотрена такая форма размещения заказа как заключение контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Следует отметить, что заключение контракта без проведения конкурентных процедур в случаях, предусмотренных Законом № 44-ФЗ, не является обязанностью заказчика, в связи с чем в таких ситуациях им могут использоваться и иные формы размещения заказа.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся в правоприменительной практике основания для заключения контракта с единственным поставщиком.

Закупка, проведенная не конкурентным способом, является исключением, а не правилом; применение данной нормы не должно становиться системой и способом обхода требований названного Закона в части необходимости соблюдения конкуренции при осуществлении закупок и установленных запретов.

Нарушение антимонопольного законодательства при заключении договоров для государственных нужд влечет прямые экономические потери. Речь идет не только о завышении цен при отсутствии конкуренции, но и о снижении качества поставляемой продукции, срыве сроков исполнения контрактов и других негативных последствиях.

Практика правоприменения и контрольно-надзорная деятельность выявили множество способов обхода требований Федерального закона № 44-ФЗ. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Искусственное дробление предмета закупки

Одна из самых популярных схем заключается в разделении единого предмета закупки на несколько мелких контрактов, каждый из которых не превышает законодательно установленный порог для проведения конкурентных процедур. Например, вместо одного аукциона на поставку компьютерной техники на 500 тысяч рублей заказчик проводит пять закупок у единственного поставщика по 100 тысяч рублей.

Формально каждая такая закупка соответствует требованиям закона, позволяющим заключать контракты с единственным поставщиком в случаях, когда цена не превышает определенных лимитов. Однако фактически происходит обход конкурентных процедур, что противоречит самой идее контрактной системы — обеспечению эффективности расходования бюджетных средств через конкуренцию.

Как следует из Письма Прокуратуры Архангельской области и Ненецкого автономного округа заключение посредством проведения закупки у единственного поставщика ряда связанных между собой контрактов, фактически образующих единую сделку, искусственно раздробленную для формального соблюдения специальных ограничений, дает возможность для приобретения хозяйствующими субъектами незаконных имущественных выгод. При этом в заключении контракта в обход процедуры торгов виновен не только заказчик, но и поставщик, так как обязанность проверять соответствие положений контракта и правовых оснований для его заключения действующему законодательству возложена на обе стороны договора[1].

Прокуратурой неоднократно выявлялись факты заключения государственными и муниципальными заказчиками договоров с единственным поставщиком без проведения конкурентных процедур, путем их необоснованного дробления на несколько сделок. В связи с этим решениями арбитражного суда по искам прокуратуры они признаны недействительными и применена реституция в виде обязания поставщика возвратить денежные средства, полученные по договорам, заказчику.

Напр., Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.10.2025 N Ф08-6422/2025 по делу № А32-65189/2024.

Прокуратура Краснодарского края обратилась в Арбитражный суд Краснодарского края к Управлению капитального строительства администрации муниципального образования город Горячий Ключ, к ООО «Технополис» о признании недействительными (ничтожными) контрактов и применении последствий их недействительности.

Как следует из материалов дела, заказчик на основании п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона N 44-ФЗ заключил с одним подрядчиком два контракта на оказание услуг строительного контроля на одном объекте. Общая сумма контрактов превысила максимально допустимую цену, предусмотренную п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона N 44-ФЗ.

Вывод и обоснование суда: Требования удовлетворены [2].

Предметы и цели контрактов совпадают. Для оказания услуг не нужно использовать разные подходы, методики и технологии. Контракты заключены с одним исполнителем в один день, фактически образуют единую сделку. Дробление закупки влечет ничтожность контрактов.

Услуги, оказанные без соблюдения положений Закона N 44-ФЗ, не подлежат оплате. Уплаченные по контракту средства являются неосновательным обогащением. Исполнитель как профессиональный участник рынка должен был знать, что сделка искусственно раздроблена.

Установление дискриминационных требований

Еще один распространенный способ обхода конкуренции — включение в документацию о закупке требований, которые фактически может выполнить только один поставщик. Это могут быть: требования к опыту работы, ориентированные на конкретную компанию; указание технических характеристик товара, соответствующих только определенной марке или модели; требования о наличии производственных мощностей в конкретном регионе; необоснованно завышенные требования к обеспечению заявки; условия о наличии специфических лицензий или сертификатов, которые имеются только у одного участника рынка.

Такие требования формально не нарушают закон, но делают участие в закупке других потенциальных поставщиков невозможным или экономически нецелесообразным. Судебная практика показывает, что доказать дискриминационный характер таких требований часто бывает сложно, особенно если заказчик обосновывает их спецификой своих нужд.

Напр., Постановление ФАС России от 13.09.2023 по делу N 28/04/7.30-2136/2023.

Заказчик проводил открытый конкурс в электронной форме на право заключения государственного контракта на выполнение работ по капитальному ремонту автомобильной дороги.

Заказчик в Извещении установил следующее требование к участникам закупки: «Для подтверждения соответствия участника закупки требованиям, установленным в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 31 Закона о контрактной системе, участник закупки должен представить выписку из реестра членов саморегулируемой организации в области строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства».

Вместе с тем Федеральным законом от 30.12.2021 N 447-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в часть 4 статьи 55.17 ГрК РФ, в соответствии с которыми положения об обязанности саморегулируемой организации представлять по запросу заинтересованного лица выписку из реестра членов саморегулируемой организации по состоянию на 01.09.2022 утратили силу.

С учетом изложенного при проведении закупки, в извещении об осуществлении которой установлено требование к участникам закупки о наличии членства в соответствующей саморегулируемой организации, требование к подтверждающему документу в извещении об осуществлении закупки не устанавливается, поскольку в силу требований ГрК правоспособность участника закупки подтверждается информацией из единого реестра сведений о членах саморегулируемой организации и их обязательствах.

Таким образом, действия Заказчика, ненадлежащим образом установившего требования к содержанию и составу заявки на участие в конкурсе, нарушают требования пункта 3 части 2 статьи 42 Закона о контрактной системе.

Проанализировав все материалы дела, Комиссия ФАС России передала их для исследования на предмет наличия состава административного правонарушения должностному лицу ФАС России.

По итогам рассмотрения дела об административном правонарушении должностное лицо ФАС России не усмотрело признаков малозначительности совершенного правонарушения и приняло решение о привлечении должностного лица заказчика к административной ответственности[4].

Согласованные действия участников закупок

Отдельную категорию нарушений составляют картельные сговоры между участниками торгов. В этом случае несколько формально независимых компаний согласуют свои действия таким образом, чтобы победителем стал заранее определенный участник, а остальные создавали видимость конкуренции.

В силу пункта 21 ПП ВС РФ №2 от 04.03.2021 г. с учетом положений пункта 18 статьи 4 Закона о защите конкуренции соглашением хозяйствующих субъектов могут быть признаны любые договоренности между ними в отношении поведения на рынке, в том числе как оформленные письменно (например, договоры, решения объединений хозяйствующих субъектов, протоколы) так и не получившие письменного оформления, но нашедшие отражение в определенном поведении. Факт наличия соглашения не ставится в зависимость от его заключения в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством, включая требования к форме и содержанию сделок.

Оценкой ситуации на рынке со стороны хозяйствующих субъектов.

С учетом публичного характера антимонопольных запретов и презумпции добросовестности участников гражданского оборота обязанность установить, что между хозяйствующими субъектами имеется соглашение, которое нарушает статью 11 Закона, а также определить состав участников соглашения возлагается на антимонопольный орган.

Антимонопольные органы активно борются с такими практиками, но выявление картелей требует серьезной аналитической работы и доказательственной базы. Признаками сговора могут быть подача заявок с одного IP-адреса, идентичность ошибок в документах разных участников, аффилированность компаний и другие косвенные признаки координации действий.

Специалисты отмечают, что одного совершенствования законодательства недостаточно.

Необходимы системные изменения в правоприменительной практике, повышение правовой культуры участников закупок и формирование атмосферы нетерпимости к нарушениям.

Напр., Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.05.2024 N Ф10-1588/2024 по делу N А14-5399/2022.

Акционерное общество «Евродорстрой» обратилось в Арбитражный суд Воронежской области с заявлением к инспекции Федеральной налоговой службы по Коминтерновскому району г. Воронежа о признании недействительным решения от 22.04.2021 N 1779 о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения в части доначисления налога на прибыль организаций.

Судом первой инстанции отказано в удовлетворении исковых требований.

Как установлено Арбитражным судом Центрального округа в ходе выездной налоговой проверки установлено, что во исполнение государственных и муниципальных контрактов АО «Евродорстрой» заключило договоры субподряда с аффилированными и финансово подконтрольными организациями ООО «Строй гарант», ООО «Элит групп», ООО «Элит строй» и ООО «Асфальт», которые зарегистрированы в ЕГРЮЛ незадолго до заключения спорных договоров.

У спорных контрагентов отсутствовало недвижимое имущество и техника, необходимая для выполнения спорных работ по договорам субподряда.

При анализе банковских выписок установлено, что денежные средства, полученные от АО «Евродорстрой», в дальнейшем передавались в адрес юридических и физических лиц, связанных с семьей Хачатрян, что свидетельствует о выводе бюджетных денежных средств, полученных в рамках государственных контрактов из легального денежного оборота в интересах семьи Хачатрян.

В ходе анализа налоговых деклараций по НДС спорных контрагентов, а также контрагентов по цепочке кооперации установлены факты взаимоотношений с фирмами-однодневками.

Исходя из изложенного, все четыре спорных контрагента являются не частью бизнеса, а фиктивными подконтрольными организациями, созданными обществом для технического отнесения на них расходов по приобретению материалов и производству работ.

Вывод и обоснование суда: в удовлетворении исковых требований отказано[3].

Заключение государственных контрактов осуществлялось не в целях достижения законных публично-правовых результатов, а для искусственного создания оснований последующего нецелевого расходования бюджетных средств в личных интересах, что противоречит требованиям законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, бюджетного законодательства.

Цифровые технологии как инструмент борьбы с нарушениями

Современные технологии открывают новые возможности для противодействия недобросовестным практикам в сфере закупок. Внедрение систем искусственного интеллекта позволяет автоматически выявлять признаки дробления закупок, картельных сговоров, дискриминационных требований и других нарушений.

Перспективным направлением является использование технологии блокчейн для фиксации всех этапов закупочной процедуры, что делает невозможным внесение изменений в документацию задним числом и повышает доверие к системе в целом.

Проблема обхода конкурентных процедур при заключении государственных и муниципальных контрактов остается одним из ключевых вызовов для российской контрактной системы. Несмотря на постоянное совершенствование законодательства и развитие системы контроля, масштабы нарушений по-прежнему значительны, что приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств и подрывает доверие к институтам государственного управления.

Анализ существующих практик показывает, что борьба с нарушениями требует комплексного подхода, сочетающего ужесточение контроля и ответственности с внедрением современных технологий, развитием профессионального сообщества и формированием культуры добросовестности. Особую роль играет цифровизация закупочных процессов, позволяющая автоматизировать выявление признаков нарушений и повысить прозрачность системы.

Перспективные направления дальнейшего развития контрактной системы включают расширение применения искусственного интеллекта и больших данных для анализа закупок, внедрение технологии блокчейн для обеспечения неизменяемости информации, развитие института независимого аудита и усиление роли общественного контроля. Только системная работа по всем этим направлениям позволит существенно снизить масштабы нарушений и обеспечить эффективное использование бюджетных средств в интересах общества.

Практическая значимость исследования заключается в систематизации информации о типичных схемах обхода конкурентных процедур и формировании рекомендаций по их предотвращению для контролирующих органов, заказчиков и участников закупок. Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение эффективности отдельных мер противодействия нарушениям и международного опыта организации государственных закупок.

Список литературы:

[1] Письма Прокуратуры Архангельской области и Ненецкого автономного округа от 21 августа 2024 г.

[2] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.10.2025 N Ф08-6422/2025 по делу № А32-65189/2024.

[3] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.05.2024 N Ф10-1588/2024 по делу N А14-5399/2022.

[4] Постановление ФАС России от 13.09.2023 по делу N 28/04/7.30-2136/2023.

[5] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

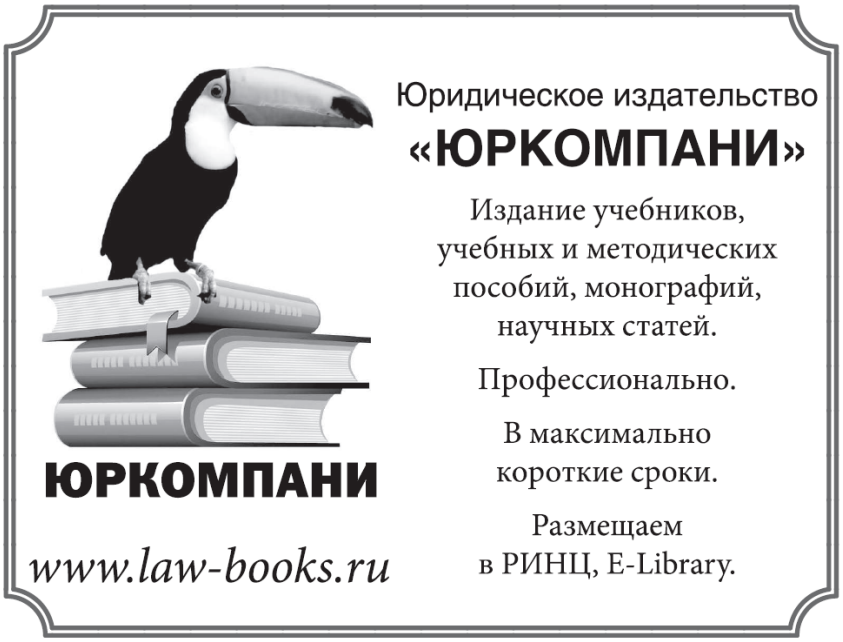
[1] Letters from the Prosecutor's Office of the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug dated August 21, 2024

[2] Decision of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 29.10.2025 N F08-6422/2025 in case No. A32-65189/2024.

[3] Decision of the Arbitration Court of the Central District of 24.05.2024 N Ф10-1588/2024 in case N A14-5399/2022.

[4] Resolution of the FAS of Russia dated 13.09.2023 in case No. 28/04/7.30-2136/2023.

[5] Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (ed. 28.12.2025) " On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs" (amended and supplemented, entry by virtue of 01.01.2026) //SPS "ConsultantPlus."

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-262-268

МАКСИМОВ Даниил Сергеевич,
Преподаватель Базовой кафедры
«Федеральная антимонопольная служба»
Юридического факультета Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: dsmaksimov@fa.ru

АНТИМОНОПОЛЬНЫЕ ИММУНИТЕТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В настоящей статье рассматриваются особенности регулирования антимонопольных иммунитетов интеллектуальной собственности в государствах-членах ЕАЭС, Российской Федерации и США с целью определения надлежащих путей развития антимонопольного законодательства в указанной сфере. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о необходимости модернизации антимонопольных иммунитетов в российском антимонопольном законодательстве с учетом опыта зарубежных стран.*

Ключевые слова: *конкуренция, антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности, злоупотребление доминирующим положением, антиконкурентные соглашения, правообладатель, цифровые рынки, монополия, антимонопольное законодательство, право интеллектуальной собственности.*

MAKSIMOV Daniil Sergeevich,
Lecturer, Department of Basic Studies
“Federal Antimonopoly Service” Faculty of Law
Financial University under the Government
of the Russian Federation

ANTIMONOPOLY INTELLECTUAL PROPERTY IMMUNITIES: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Annotation. *This article examines the specific features of the regulation of antitrust immunities in the field of intellectual property in the EAEU member states, the Russian Federation, and the United States, with the aim of identifying appropriate avenues for the development of antitrust legislation in this area. Based on the analysis, the author concludes that it is necessary to modernize antitrust immunities in Russian antitrust legislation, taking into account the experience of other countries.*

Key words: *competition, antitrust immunities of intellectual property, abuse of a dominant position, anti-competitive agreements, copyright holder, digital markets, monopoly, antitrust legislation, intellectual property rights.*

Рассмотрение проблемы антимонопольных иммунитетов интеллектуальной собственности Российской Федерации в отрыве от практики международного регулирования по поставленному вопросу представляется невозможным. Особенно актуальным международный опыт видится в свете стремительного развития цифровой экономики и деятельности международных транснациональных компаний, защищающих исключительные права на интеллектуальную собственность в различных юрисдикциях.

Особенности применения интеллектуальных иммунитетов в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) и иных странах ближнего зарубежья.

В первую очередь необходимо уделить внимание анализу правового регулирования ЕАЭС, членом которого является Российская Федерация.

Контроль за недопущением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции на трансграничных рынках осуществляет Евразийская экономическая комиссия, чьи правомочия регулируются Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 [7] (далее – «Договор о ЕАЭС»).

Договором о ЕАЭС было создано единое экономико-правовое пространство на территориях Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Армения, Республики Казахстан и Киргизской Республики (далее также – «государства-члены»).

В частности, разделом XVIII Договора о ЕАЭС устанавливаются общие принципы и правила конкуренции, обеспечивающие защиту конкуренции на трансграничных товарных рынках.

Особое внимание заслуживает правовое определение понятия трансграничности товарного рынка. Трансграничным товарным рынком является товарный рынок, географические границы которого охватывают территорию двух и более государств-членов. Указанный критерий трансграничности товарного рынка относится к применению запретов, установленных статьей 76 Договора о ЕАЭС, на:

1) злоупотребление доминирующим положением;
2) недобросовестную конкуренцию;
3) заключение антиконкурентных соглашений.

Стоит отметить, что установленные Договором о ЕАЭС запреты в своем регулировании аналогичны запретам антимонопольного законодательства Российской Федерации. При этом в части иммунитетов интеллектуальной собственности присутствует существенное отличие.

Относительно права интеллектуальной собственности Договор о ЕАЭС предоставляет государствам-членам право на закрепление в национальном законодательстве больший уровень защиты прав на интеллектуальную собственность по сравнению с тем, какой уровень защиты предусмотрен международными правовыми актами, применяемыми к государствам-членам, а также международными договорами и актами, составляющими право ЕАЭС (часть 2 статьи 90 Договора о ЕАЭС).

Изъятия из установленных статьей 76 Договора о ЕАЭС запретов содержатся во втором разделе Приложения № 19 к Договору о ЕАЭС «Протокол об общих принципах и правилах конкуренции» (далее – «Протокол об общих принципах и правилах конкуренции»). В качестве изъятий называются:

1) договор коммерческой концессии (франчайзинга);
2) вертикальное соглашение, доли участников которого на соответствующем товарном рынке составляют менее 20%;
3) соглашение, одним из участников которого установлен прямой или косвенный контроль над другим участником соглашения или, если участники соглашения находятся под прямым или косвенным контролем одного лица;
4) соглашение в рамках инновационной деятельности;
5) соглашение, которое содержит позитивные последствия для потребителей.

Иных исключений Договор о ЕАЭС не содержит, в частности, отсутствуют положения о неприменении запретов, содержащихся в статье 76 Договора о ЕАЭС, при использовании исключительных прав на интеллектуальную собственность. К указанным исключениям относительно интеллектуальной собственности относится только договор коммерческой концессии. Положения, схожие по содержанию с частью 4 статьи 10 и частью 9 статьи 11 Закона о защите конкуренции, в Договоре о ЕАЭС отсутствуют.

При этом необходимо отметить, что пункт 3 статьи 74 Договора о ЕАЭС предусматривает право государств-членов устанавливать в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных статьей 76 Договора о ЕАЭС.

Исходя из буквального толкования указанной выше нормы следует, что государство при формировании национального законодательства вправе установить определенные ограничения на антимонопольные запреты, например, антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности в отношении злоупотребления доминирующим положением и антиконкурентных соглашений.

С подобным толкованием не согласилась Большая колегия Суда Евразийского экономического союза (далее – «Суд ЕАЭС») в одном из своих консультативных заключений. Суд ЕАЭС пришел к выводу о том, что данное право наделяет государства-члены компетенцией устанавливать нормы-запреты, а не нормы-дозволения. В качестве аргумента было указано, что запреты, установленные общими правилами конкуренции, обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами. Установление государствами-членами в национальном антимонопольном законодательстве норм, содержащих дополнительные исключения из установленных Договором ЕАЭС запретов, следует оценить как противоречие нормам международного права. Коллизия между нормами международного и национального права в большинстве своем разрешается в пользу международного, в том числе в соответствии со статьей 15 Конституцией Российской Федерации.

Отсутствие антимонопольных иммунитетов интеллектуальной собственности в тексте Договора о ЕАЭС используется в качестве доказательства необходимости модернизации Закона о защите конкуренции путем исключения из него рассматриваемых положений и приведении его к нормам международного права.

Е. Кузнецова и М. Кот приходят к выводу о том, что содержащиеся в части 4 статьи 10 и части 9 статьи 11 Закона о защите конкуренции интеллектуальные иммунитеты могут распространяться только на хозяйствующие субъекты, зарегистрированных на территории государств, не являющихся членами Договора о ЕАЭС, в том числе, транснациональных компаний, обладающих правом на различные виды результатов интеллектуальной деятельности. По их мнению, ФАС России борется за распространение антимонопольных запретов именно на такого рода хозяйствующих субъектов, руководствуясь целью защиты российского рынка от антиконкурентных действий иностранных правообладателей [1, с. 22].

По нашему мнению, отсутствие в тексте Договора о ЕАЭС положений об интеллектуальных иммунитетах объясняется различными положениями антимонопольного законодательства государств-членов.

Так, например, в статье 7 Закона Кыргызской Республики от 22.07.2011 № 116 «О конкуренции» указано, что запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения не распространяется на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования объекта интеллектуальной собственности участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг.

Схожие по содержанию положения включают статья 20 Закона Республики Беларусь от 12.12.2013 № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» и часть 7 статьи 169 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29.10.2015 № 375-V.

Подобная формулировка является более узкой по сравнению с изъятиями интеллектуальной собственности Закона о защите конкуренции Российской Федерации в части злоупотребления доминирующим положением и заключения антиконкурентных соглашений, так как распространяет действие антимонопольных иммунитетов на результаты интеллектуальной собственности только на запрет заключения антиконкурентных соглашений. Представляется, что подобный выбор применения иммунитетов можно объяснить необходимостью в обеспечении законности лицензионных соглашений, включающих антиконкурентные условия. Тем не менее, данное решение не соответствует общепризнанной более высокой общественной опасности картелей и иных антиконкурентных соглашений, что, по мнению автора, может привести к высокому риску ограничения конкуренции на товарных рынках. В связи с этим считаем, нецелесообразным применение подобной модели антимонопольного регулирования в российском законодательстве.

Иное регулирование предусмотрено частью 4 статьи 1 Закона Республики Таджикистан от 30.05.2017 № 1417 «О защите конкуренции» (далее – «Закона о защите конкуренции Республики Таджикистан»), согласно которой положения закона не применяются к отношениям, возникающим в связи с реализацией прав на объекты интеллектуальной собственности, за исключением случаев, когда хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) умышленно осуществляют такие права с целью ограничения конкуренции и причинения ей вреда.

Аналогичные по содержанию положения содержатся в антимонопольном законодательстве Грузии , Узбекистана и Азербайджана , чей опыт в законодательном обеспечении защиты конкуренции представляется релевантным в связи со схожими экономическими и правовыми особенностями функционирования рынка несмотря на то, что указанные страны не являются членами Договора о ЕАЭС.

Также стоит отметить, что в истории российского антимонопольного законодательства была попытка внести изменения в часть 4 статьи 10 и часть 9 статьи 11 Закона о защите конкуренции схожим по содержанию с положениями Закона о защите конкуренции Республики Таджикистан. Так, в соответствии с предполагаемыми изменениями антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности не действуют, если действия (условия соглашений):

1) выходят за пределы осуществления исключительных прав, допустимых законодательством;
2) совершаются заведомо;
3) совершаются в целях ограничения конкуренции и приводят или могут привести к ограничению конкуренции [2, с. 83].

В связи с общим историческим прошлым приведенные ранее страны имеют определенные схожие особенности правового и политического регулирования, в частности структуру и функционирование смежных отраслей таможенного, налогового и гражданского права.

При этом полагаем, что при имплементации отдельных положений зарубежного законодательства в части антимонопольных иммунитетов необходимо руководствоваться анализом не только правовых аспектов, но и экономических, влияющих на сложившееся правоприменение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема правового регулирования антимонопольных иммунитетов интеллектуальной собственности находится на острие правовой мысли не только в российском юридическом сообществе, но и в странах ближнего зарубежья, в том числе странах-членах ЕАЭС. Договор о ЕАЭС предусматривает исключение только для догово-

ров коммерческой концессии. При этом общего исключения для злоупотребления доминирующим положением и заключения антиконкурентного соглашения при реализации исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности Договор не предусматривает. В ходе анализа законодательства рассмотренных стран было выявлено три модели регулирования:

1) Антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности распространяются на злоупотребление доминирующим положением и заключение антиконкуретных соглашений; (Российская Федерация)
2) Антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности распространяются на заключение антиконкурентных соглашений (Кыргызская Республика, Республика Беларусь, Республика Казахстан);
3) Антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности распространяются на злоупотребление доминирующим положением и заключение антиконкуретных соглашений. При этом интеллектуальные иммунитеты ограничены случаями злоупотребления правообладателя исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности (Республика Таджикистан, Республика Грузия, Республика Узбекистан, Азербайджанская Республика).

По мнению автора, наиболее оптимальным решением в регулировании антимонопольных иммунитетов интеллектуальной собственности выступает третья позиция: Республика Таджикистан, Республика Грузия, Республика Узбекистан, Азербайджанская Республика. Поскольку подобный подход обеспечивает возможность применения антимонопольных запретов к недобросовестным участникам рынка с целью недопустить ограничения конкуренции при использовании исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. При этом стоит сказать, что рассматриваемая модель регулирования имеет место только при разработанной методики расследования форм злоупотреблений.

Вместе с тем автор приходит к выводу о необходимости исследования экономических, политических и правовых особенностей, влияющих на положения законодательства об интеллектуальных иммунитетах в зарубежных странах с целью применения релевантного для Российской Федерации опыта антимонопольного регулирования. Поскольку очевидно, что рассматриваемые страны-члены ЕАЭС имеют отличия в обозначенных сферах, что может оказывать влияние на успешное правоприменение Закона о защите конкуренции и права интеллектуальной собственности.

Практика применения США в сфере интеллектуальных иммунитетов.

Первым шагом к становлению антимонопольного регулирования в США стало принятие в 1890 году Закона Шермана . Указанный нормативный акт был принят в ответ на существенное монополизирование экономики со стороны доминирующих хозяйствующих субъектов, обладающей значительной рыночной властью.

Положения Закона Шермана устанавливали широкий подход к антимонопольным запретам. Согласно статье 1 Закона Шермана «каждое соглашение, объединение в любой форме, или сговор, направленный на ограничение торговли или конкуренции между отдельными штатами или с иностранными государствами, объявляется незаконным». Иных критериев, определяющих незаконность соглашений, Закон Шермана не устанавливает. Статья 2 Закона Шермана объявляет запрещенным монополизацию или попытки монополизации любого аспекта межгосударственной торговли или ограничение конкуренции и квалифицирует это действие как уголовное преступление.

В 1914 году Конгресс принял два дополнительных антимонопольных закона: Закон о Федеральной торговой комиссии, в соответствии с которым была создана Федеральная торговая комиссия, и Закон Клейтона. Указанные акты являются основными федеральными антимонопольными законами, которые действуют на сегодняшний день [8].

В антимонопольном законодательстве США отсутствуют единые критерии недобросовестных действий, связанных с осуществлением прав на интеллектуальную собственность, хозяйствующих субъектов. Вместе с тем в законодательстве отсутствуют антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности. Поскольку Акт Шермана предусматривает только ограниченный перечень антимонопольных запретов. Решения поднятых вопросов даются в практике судебных органов. Таким образом, необходимость применения норм антимонопольного законодательства в отношениях, включающих осуществление исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, определяется судами применительно к каждому конкретному делу в зависимости от его обстоятельств.

При этом существует определенный генезис становления взглядов на регулирование антимонопольных иммунитетов интеллектуальной собственности.

Одним из первых дел, разрешающих противоречие между исключительными правами на интеллектуальную собственность и антимонопольным регулированием стало дело Standard Sanitary Manufacturing Co. v. United States, рассмотренное Верховным Судом США (далее также – «Суд», «Верховный Суд») в 1912 году. Верхов-

ный Суд отметил, что обладание интеллектуальной собственностью (например, патентом) не предоставляет правообладателю исключительный иммунитет от действия запретов антимонопольного законодательства [3, с. 60].

Вместе с тем действующая практика судов в рассматриваемой области разработала систему исключений, которая используется при разрешении споров с обладателем исключительного объекта, в том числе результатами интеллектуальной деятельности [4, с. 26].

Дело Verizon Communications Inc. v. Law Offices of Curtis V. Trinko, LLP было одним из дел, положившим начало формирования данной системы исключений. Несмотря на то, что обстоятельства дела не были связаны с интеллектуальной собственностью, Суд проанализировал практику применения доктрины необходимого объекта [9].

Исходя из обстоятельств дела, позиция истца заключалась в требовании к ответчику предоставить недискриминационный доступ к телефонной сети конкурентам.

Верховый Суд США отметил, что по общему правилу у компании отсутствует обязанность вступать в договорные отношения с конкурентами. Вместе с тем Судом были выделены два исключения.

Первое исключение было введено в деле Aspen Skiing Co. v. Aspen Highlands Skiing Corp [10]. Данное исключение состояло в том, что ответчика по делу можно привлечь к ответственности за отказ в заключении договора с конкурентом, в случае если:

1) отказ повлечет прекращение существующих экономически выгодных отношений между истцом и ответчиком;
2) действия ответчика направлены на ограничение конкуренции.

В деле обращается особое внимание на необходимость существования гражданско-правовых отношений между истцом и ответчиком до даты подачи иска. В противном случае исключение не распространяется на рассматриваемые отношения.

Второе исключение было рассмотрено в деле MCI Communications Corp. v. AT&T и состоит в доктрине необходимого объекта. Она применяется, когда без доступа к определенному объекту конкурент не может осуществлять свою деятельность или такая деятельность перестает быть экономической обоснованной. Для применения доктрины необходимого объекта необходимо удовлетворение в совокупности четырёх условий:

1) ответчик обладает необходимым объектом;
2) конкурент не имеет возможности создать объект с необходимыми характеристиками;
3) наличие отказа ответчика в заключении договора;
4) существование экономической возможности предоставления доступа к объекту.

Как отмечает Чурилов А.Ю., в деле Trinko Верховный Суд США добавил пятое условие – отсутствие возможности контроля за обладателем необходимого объекта со стороны уполномоченных органов.

При этом суды США неоднозначны в применении рассматриваемой доктрины. Так в деле CSU v. Xerox было названо только три необходимых критерия для применения доктрины необходимого объекта:

1) при навязывании правообладателем контрагенту определенных условий договора;
2) спорный объект интеллектуальной собственности был приобретен недобросовестно;
3) правообладатель злоупотребляет правом на судебную защиту.

Следует согласиться с приведенным Чуриловым А.Ю. примером применения подхода, закрепленного в деле Trinko. В частности в деле Pacific Bell Telephone Co. v. linkLine Communications Inc , в котором суд отказался привлекать ответчика к ответственности за повышение цены договора. Суд отметил, что если у компании нет установленной антимонопольным законодательством обязанности заключать договор с конкурентом, то нет и обязанности заключать договор на условиях, которые другая сторона посчитает выгодными для себя.

При анализе подходов антимонопольного регулирования к интеллектуальной собственности, необходимо указать на наличие в правоприменительной практике США положений, свидетельствующих о наличии доктрины злоупотребления исключительным правом, что является отправной точкой при разрешении поставленного в настоящей работе вопроса.

В качестве доказательства данного можно привести доктрины злоупотребления авторским и патентным правом . Суть этих доктрин заключается в том, что использование исключительных прав на указанную интеллектуальную собственность за пределами их сфер действия приводит к нарушению прав третьих лиц и является злоупотреблением.

Другим важным источником, определяющим подходы антимонопольного регулирования, являются Антимонопольные разъяснения о лицензировании интеллектуальной собственности от 1995 г. (Antitrust Guidelines for the Licensing of Intellectual Property) Федеральной торговой комиссии и Департамента юстиции Министерства юстиции США . В данных разъяснениях предлагается несколько подходов к определению

допустимости лицензионных соглашений. Как было отмечено Гавриловым Д.А., признаются допустимыми лицензионные практики, если:

1) содержания указанных соглашений не носят прямой антиконкурентный характер;
2) совокупная доля участников соглашения на товарном рынке, который затрагивает содержащиеся в лицензионном договоре запреты, не превышает 20%.

При этом уточняется, что такие условия допустимости не применяются к соглашениям о передаче исключительных прав, подлежащих антимонопольному контролю за экономической концентрацией [5, с. 55].

Схожие по содержанию положения были установлены в Разъяснениях об использовании интеллектуальной собственности в соответствии с Антимонопольным актом от 2007 г. (Guidelines for the Use of Intellectual Property under Antimonopoly Act) Комиссии по честной торговле Японии.

Таким образом, подход к разграничению антимонопольных запретов и исключительных прав на результаты интеллектуальной собственности в практике судов США также представляется сложным и неоднозначным явлением. Общие антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности в законодательстве США и правоприменительной практике отсутствуют.

Суды США отмечают, что обладание исключительным правом не дает правообладателю осуществлять действия, направленные на ограничение конкуренции. При этом наличие самого факта реализации своего исключительного права, например, в виде отказа в заключении договора с конкурентами на поставку запатентованных компонентов медицинского изделия, не может признаваться однозначно нарушающим антимонопольное законодательство путем злоупотребления доминирующим положением.

Основной вопрос, который ставится перед судами США, заключается в том, какие критерии позволят отграничить реализацию исключительного права интеллектуальной собственностью и злоупотребление указанным правом, выходящим за пределы исключительного права, которое по своей природе является монопольным, но не обладает безграничностью его осуществления без учета публичного интереса, выраженного в данном случае в запретах антимонопольного законодательства.

Стоит отметить, что при анализе отношений необходимо определять направленной действий правообладателя. В случае, если такие действия направлены исключительно на ограничение конкуренции, необходимо принимать меры антимонопольного реагирования.

Немаловажным являются разъяснительные документы в применении антимонопольных иммунитетов интеллектуальной собственности, такие как, антимонопольные разъяснения о лицензировании интеллектуальной собственности Федеральной торговой комиссии США.

Таким образом, стоит сделать вывод о том, что США не содержат в своих законодательных системах положения об антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности аналогичные положениям части 4 статьи 10 и часть 7 статьи 11 Закона о защите конкуренции Российской Федерации. При этом разграничение между антимонопольным законодательством и правом интеллектуальной собственности проводится в практике антимонопольных органов и судов. В результате работы была выявлена тенденция правоприменительной практики, заключающаяся в распространении запретов, направленных на защиту конкуренции, на действия хозяйствующих субъектов (правообладателя), связанных с осуществлением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Автор полагает необходимым рассмотрение данного опыта регулирования в качестве релевантного. В связи с этим автор приходит к выводу, о необходимости отмены или «усечения» действия положений об антимонопольных иммунитетах в отношении интеллектуальной собственности.

Список литературы:

[1] Кузнецова Е.А., Кот М.Ю. Российские «интеллектуальные иммунитеты» в условиях Евразийского экономического союза // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 3. С 22-27.

[2] Лялькова С.П., Наумов В.Б. Интеллектуальная собственность и конкуренция: единство и борьба противоположностей // Государство и право. 2021. № 2. С. 83 – 94.

[3] Николаев К.А. Правовые средства пресечения патентного троллинга и возможности применения законодательства о защите конкуренции // Предпринимательское право. 2019. № 1. С. 60 – 66.

[4] Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. С. 26.

[5] Гаврилов Д.А. Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности: монография. М.: НОРМА. ИНФРА-М. 2014. С. 55.

[6] Максимов Д. С. Антимонопольные иммунитеты интеллектуальной собственности: фор-

мально-юридический аспект / Д. С. Максимов // Образование и право. 2025. № 8. С. 275-280.

[7] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru 16.01.2015.

[8] The Antitrust Laws [Электронный ресурс] // URL: https://www.ftc.gov/advice-guidance/competition-guidance/guide-antitrust-laws/antitrust-laws (дата обращения 30.04.2026)

[9] Verizon Communications Inc. v. Law Offices of Curtis V. Trinko, LLP. 540 U.S. 398 (2004).

[10] Aspen Skiing Co. v. Aspen Highlands Skiing Corp. 472 U.S. 585 (1985).

References:

[1] E.A. Kuznetsova, M.Yu. Kot. Russian “intellectual immunities” in the conditions of the Eurasian Economic Union//Russian competition law and economy. 2019. № 3. FROM 22-27.

[2] Lyalkova S.P., Naumov V.B. Intellectual property and competition: unity and the struggle of opposites//State and law. 2021. № 2. S. 83-94.

[3] Nikolaev K.A. Legal means of suppressing patent trolling and the possibility of applying legislation on the protection of competition//Entrepreneurial law. 2019. № 1. S. 60-66.

[4] Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the XXI century: monograph. M.: Justicinform, 2020. C. 26.

[5] D.A. Gavrilov. Legal protection against unfair competition in the sphere of exclusive rights to means of individualization and other objects of industrial property: monograph. M.: NORMA. INFRA-M. 2014. S. 55.

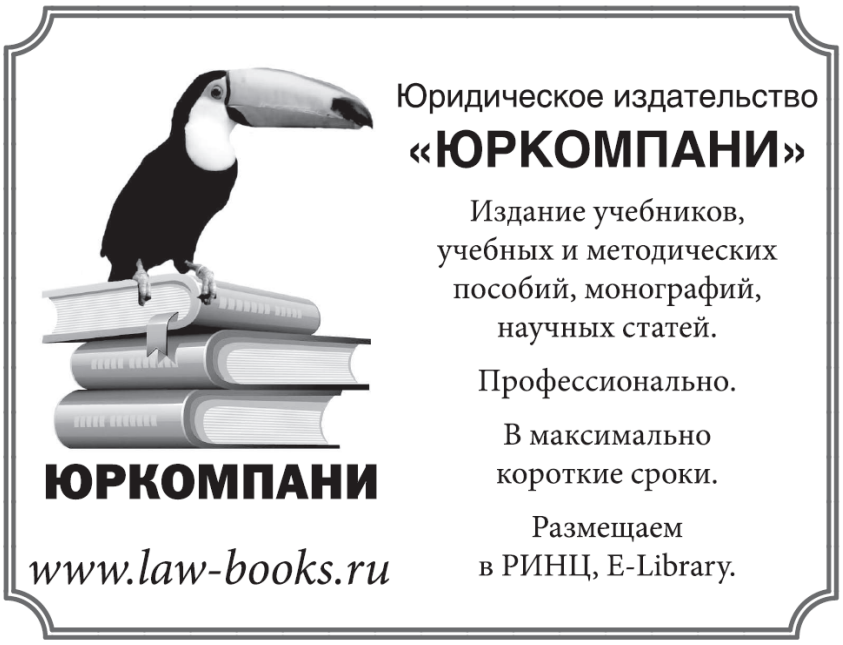
[6] Maximov D. S. Antimonopoly immunities of intellectual property: formal-legal aspect/D. S. Maximov//Education and law. 2025. № 8. S. 275-280.

[7] Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana 29.05.2014) //Published on the official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru 16.01.2015.

[8] The Antitrust Laws [Электронный ресурс] // URL: https://www.ftc.gov/advice-guidance/competition-guidance/guide-antitrust-laws/antitrust-laws (дата обращения 30.04.2026)

[9] Verizon Communications Inc. v. Law Offices of Curtis V. Trinko, LLP. 540 U.S. 398 (2004).

[10] Aspen Skiing Co. v. Aspen Highlands Skiing Corp. 472 U.S. 585 (1985).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-269-274
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ШОМАХОВ Аслан Русланович,
студент 1 курса аспирантуры
Финансового университета при Правительства РФ,
e-mail: Shomahov3107@mail.ru

СУБЪЕКТЫ ПРАВ НА ВИДЕОИГРУ КАК СЛОЖНЫЙ ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация. *В статье проводится комплексный доктринально-правовой анализ субъектного состава интеллектуальных прав на видеоигры (компьютерные игры) в контексте их признания и охраны в качестве сложных объектов интеллектуальных прав и мультимедийных продуктов. Стремительный рост игровой индустрии и ее интеграция в ключевые секторы цифровой экономики, включая развитие технологий искусственного интеллекта, обусловливают неэффективность традиционных подходов, сводящих видеоигру исключительно к программе для ЭВМ. На основе анализа актуального российского законодательства, судебной практики и передовых цивилистических исследований обосновывается квалификация видеоигры как мультимедийного продукта, представляющего собой разновидность сложного объекта. В работе подробно рассматривается сложноструктурная модель интеллектуальных прав, предполагающая разграничение прав первого уровня (на отдельные компоненты) и второго уровня (на объект в целом). В рамках исследования субъектного состава детально анализируется правовой статус авторов отдельных творческих компонентов (программистов, сценаристов, художников, композиторов, актеров озвучивания и захвата движений) и раскрывается концепция «сборного» авторства в отношении видеоигры как единого целого. Отдельное внимание уделяется фигуре организатора создания сложного объекта (разработчика, издателя), приобретающего исключительное право по производному основанию, и критически сопоставляется отечественная модель регулирования с зарубежным опытом США, Великобритании и стран СНГ. Наконец, исследуется специфика правового режима пользовательского контента и модификаций (моддинга), а также барьеры, создаваемые лицензионными соглашениями. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Ключевые слова: *видеоигры, компьютерные игры, сложные объекты, мультимедийный продукт, субъекты интеллектуальных прав, сборное авторство, организатор создания, исключительное право, пользовательский контент, Гражданский кодекс РФ.*

SHOMAKHOV Aslan Ruslanovich,
1st year postgraduate student at the Financial University
under the Government of the Russian Federation

SUBJECTS OF VIDEO GAME RIGHTS AS A COMPLEX OBJECT OF INTELLECTUAL RIGHTS

Annotation. *The article provides a comprehensive doctrinal and legal analysis of the subject matter of intellectual rights to video games (computer games) in the context of their recognition and protection as complex objects of intellectual rights and multimedia products. The rapid growth of the gaming industry and its integration into key sectors of the digital economy, including the development of artificial intelligence technologies, lead to the inefficiency of traditional approaches that reduce video games exclusively to computer software. Based on the analysis of current Russian legislation, judicial practice and advanced civil studies, the qualification of a video game as a multimedia product, which is a kind of complex object, is substantiated. The paper considers in detail the complex-structured model of intellectual property rights, which assumes the differentiation of first-level rights (to individual components) and second-level rights (to the object as a whole). As part of the research of the subject composition, the legal status of the authors of individual creative components (programmers, programmers, artists, composers, voice actors and motion capture actors) is analyzed in detail and the concept of "collective" authorship in relation to a video game as a whole*

is revealed. Special attention is paid to the figure of the organizer of the creation of a complex object (developer, publisher), who acquires the exclusive right on a derivative basis, and the domestic regulatory model is critically compared with the foreign experience of the USA, Great Britain and the CIS countries. Finally, the specifics of the legal regime of user content and modifications (modding), as well as the barriers created by licensing agreements, are investigated. Based on the results of the study, proposals have been formulated to improve the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: *video games, computer games, complex objects, multimedia product, subjects of intellectual rights, collective authorship, organizer of creation, exclusive right, user content, Civil Code of the Russian Federation.*

Определение понятия сложного объекта интеллектуальных прав является значимым вопросом отечественной юридической науки, отражающим необходимость адекватного правового регулирования комплексных результатов творческой деятельности, существенно отличающихся по своей структуре от традиционных объектов авторского права [1, с. 2]. Исторические предпосылки формирования этой категории восходят к советской цивилистике середины двадцатого века, когда правоведы обратили внимание на коллективную природу кинофильмов и театральных постановок, не сводимую к простой сумме составляющих их элементов [1, с. 2]. М. В. Гордон указывал, что кинофильм представляет собой результат сложного взаимодействия значительного коллектива, выходящий за пределы простого соединения отдельных произведений [1, с. 2; 4, с. 24]. Развивая эти идеи, В. А. Дозорцев сформулировал полноценную концепцию сложных объектов, появление которых стало прямым следствием научно-технического прогресса и потребовало участия координатора, аккумулирующего права участников коллективного творчества [1, с. 2; 4, с. 25–26]. Законодательное закрепление этой доктрины в статье 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации в 2008 году стало важным шагом для упорядочения гражданского оборота и коммерциализации таких результатов [4, с. 4, 22]. В современных условиях, характеризующихся формированием креативных индустрий и внедрением сквозных цифровых технологий, значение этой категории существенно возрастает, поскольку она выступает нормативным условием обеспечения технологического лидерства и правовой определенности в сфере креативной экономики [4, с. 3].

Длительное время в российской судебной практике и правовой доктрине господствовал подход, согласно которому видеоигры квалифицировались исключительно в качестве программ для ЭВМ [1, с. 3; 7, с. 46]. Визуальные, графические, текстовые и звуковые элементы в рамках такого подхода признавались лишь аудиовизуальными отображениями, порождаемыми программным кодом, а не самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности [1, с. 3]. Однако в условиях современного этапа развития игровой индустрии, характеризующегося высокой сложностью и оригинальностью всех компонентов видеоигры, подобная интерпретация полностью теряет актуальность [1, с. 3]. Как справедливо отмечает А. Д. Махмудова, сведение видеоигры только к программному коду приводит к игнорированию прав авторов иных произведений, интегрированных в игру, и фактически исключает их из системы правовой охраны [1, с. 3; 3, с. 43]. Более того, современные видеоигры превратились в самостоятельные технологические платформы, имеющие важнейшее значение для развития и тестирования технологий искусственного интеллекта, что подтверждается обучением нейросетей на базе игр StarCraft II и Dota 2 [6, с. 101–103]. В связи с этим в современной цивилистике сформировался устойчивый консенсус относительно того, что, как правило, видеоигру необходимо квалифицировать как сложный объект интеллектуальных прав, а именно его разновидность — мультимедийный продукт [1, с. 3; 6, с. 101; 7, с. 46].

Квалификация видеоигры в качестве мультимедийного продукта, как правило, в полной мере соответствует сущностным признакам сложных объектов, сформулированным в доктрине: множественности результатов интеллектуальной деятельности, их разнородности и целостности формы [1, с. 2; 4, с. 115]. Мультимедийный продукт представляет собой выраженный в электронной (цифровой) форме объект, который объединяет несколько разнородных произведений и функционирует в процессе интерактивного взаимодействия с пользователем [1, с. 3; 3, с. 44]. Именно признак интерактивности является конституирующим для мультимедийных продуктов, отличая их от аудиовизуальных произведений, где последовательность кадров строго предопределена [3, с. 44–45]. Попытки квалифицировать видеоигры в качестве баз данных или простых составных произведений признаются несостоятельными, поскольку база данных охраняется лишь в части творческого составительства и подбора материалов, тогда как видеоигра представляет собой единое художественное целое, разрушающееся при изъятии отдельных компонентов

[1, с. 3; 3, с. 43; 4, с. 144]. Как доказано в исследовании Е. С. Гринь, база данных не отвечает признакам унитарности и многоуровневого творчества, в силу чего ее отнесение к категории сложных объектов в статье 1240 ГК РФ является доктринальной ошибкой, в то время как видеоигры должны занимать центральное место среди мультимедийных продуктов [4, с. 14, 144].

Специфика правовой природы видеоигры как мультимедийного продукта обусловливает применение сложноструктурной модели интеллектуальных прав, концептуально обоснованной в цивилистической науке [4, с. 12, 168]. Сущность данной модели заключается в четком разграничении прав на два уровня, соответствующих многоуровневому характеру творческого труда при создании сложного объекта [4, с. 11, 168]. На первом уровне права возникают у авторов отдельных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, вошедших в содержание сложного объекта (права первого уровня) [4, с. 12, 178]. На втором уровне права возникают на сложный объект в целом как на единый целостный результат творческого синтеза (права второго уровня) [4, с. 12, 178]. Такая модель позволяет сбалансировать интересы создателей индивидуальных компонентов, сохраняющих авторство на свои произведения, и организатора сложного объекта, приобретающего исключительное право на единый продукт по производному основанию для обеспечения его стабильного коммерческого оборота [4, с. 12, 178].

Рассматривая субъектов интеллектуальных прав первого уровня, необходимо проанализировать правовой статус создателей конкретных творческих компонентов видеоигры. К ним относятся программисты, создающие программный код (базис игры), сценаристы, разрабатывающие сюжет и диалоги, художники, создающие концепт-арты, 3D-модели и текстуры, а также композиторы и саунд-дизайнеры, отвечающие за звуковое оформление [1, с. 3; 7, с. 47–48]. Все эти лица совершают творческий созидательный труд, в силу чего признаются авторами соответствующих произведений науки, литературы и искусства и наделяются комплексом имущественных (исключительных) и личных неимущественных прав [7, с. 48]. Важно отметить, что техническая, финансовая или организационная помощь в разработке (например, со стороны тестировщиков, проджект-менеджеров или инвесторов) не носит творческого характера и, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, не порождает соавторства, предоставляя лишь право на оплату труда [7, с. 48].

Особый научно-практический интерес представляет правовой статус актеров озвучивания и актеров, чья мимика и движения записываются с помощью технологии захвата движений (Motion Capture) для создания визуального образа персонажей [3, с. 121–123]. Согласно статье 1313 ГК РФ, исполнителем (автором исполнения) признается гражданин, творческим трудом которого создано исполнение, включая актеров, играющих роль или иным образом участвующих в исполнении произведения [3, с. 123]. Исполнение с использованием технологии Motion Capture требует последующей сложной обработки визуальными эффектами, однако в его основе лежит оригинальный творческий труд актера, передающего персонажу свою индивидуальную пластику и мимику [3, с. 123]. Такое исполнение выражается в объективной форме, допускающей воспроизведение с помощью технических средств видеоигры, что позволяет признать актеров полноценными субъектами смежных прав первого уровня, чьи интересы должны учитываться разработчиками при создании мультимедийного продукта [3, с. 123–124].

Второй уровень сложноструктурной модели охватывает права на видеоигру как единое целое, что актуализирует доктринальный вопрос об определении круга соавторов сложного объекта [4, с. 12, 178]. В отличие от аудиовизуальных произведений, где законодатель закрепил императивный, хотя и опровержимый, «триумвират» авторов (включающий режиссера-постановщика, сценариста, композитора и, с 2022 года, художника-постановщика анимационного фильма по Федеральному закону от 14.07.2022 № 354-ФЗ), для мультимедийных продуктов такой перечень в законе отсутствует [4, с. 58, 62]. В связи с этим на практике авторами игры часто признают только программистов, что существенно ущемляет права других создателей [4, с. 74]. В юридической науке обосновывается концепция «сборного» авторства в отношении мультимедийных продуктов, в соответствии с которой авторами видеоигры в целом по первоначальному основанию должны признаваться лица, осуществившие ключевой творческий синтез на втором уровне творчества: сценарист, художник, программист и композитор, создавший музыку специально для этой игры [3, с. 45; 4, с. 13, 115]. Отношения между ними характеризуются не как классическое раздельное или нераздельное соавторство, а как сотворчество создателей сложного объекта, объединенных единым художественным замыслом [4, с. 11, 79].

Особое место в системе субъектов прав на видеоигру занимает организатор ее создания — игровая студия (разработчик) или издатель [1, с. 3; 3, с. 46]. По российскому законодательству организатор сложного объекта не признается его автором, поскольку его деятельность носит финансово-организационный, а не непосред-

ственно творческий характер [4, с. 80; 5, с. 1]. Исключительное право на видеоигру в целом возникает у организатора по производному основанию путем заключения договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных соглашений с авторами отдельных компонентов первого и второго уровней [4, с. 81, 178; 5, с. 2]. Для обеспечения стабильности оборота закон наделяет организатора широкими полномочиями: условия договоров, ограничивающие использование результатов в составе сложного объекта, признаются ничтожными, а лицензионные договоры по умолчанию считаются заключенными на весь срок и территорию действия исключительного права [4, с. 28, 223]. Кроме того, за организатором закрепляется личное неимущественное право указывать свое имя или наименование при использовании сложного объекта, что подчеркивает его статус как изготовителя [4, с. 81; 5, с. 2].

В сравнительно-правовом аспекте правовое положение организатора существенно варьируется в зависимости от юрисдикции. В странах англо-американской правовой системы (США, Великобритания) доминирует доктрина «произведений, созданных по найму» (work made for hire), в рамках которой работодатель или заказчик по умолчанию признается первоначальным автором и обладателем всех прав на продукт, созданный в рамках трудовых обязанностей [4, с. 71–72; 5, с. 4]. В Великобритании, кроме того, закон об авторском праве (CDPA 1988) прямо признает продюсера соавтором фильма наряду с режиссером, определяя его как лицо, предпринявшее организационные меры для создания работы [4, с. 73; 5, с. 4]. В КНР авторские права на кинематографические и аналогичные произведения принадлежат продюсеру, при этом сценаристы и композиторы сохраняют право на получение вознаграждения и независимое использование своих индивидуальных творений [4, с. 38]. В странах СНГ сложные объекты регулируются через схожий институт «коллективных произведений», где права на объект в целом закрепляются за организатором (издателем), однако личные неимущественные права остаются исключительно за физическими лицами — создателями [5, с. 3].

Стремительное развитие многопользовательских онлайн-игр актуализировало проблему определения правового статуса пользователя (игрока) и результатов его творческой активности в виртуальном пространстве [1, с. 3; 3, с. 38]. В интерактивной среде видеоигры пользователи активно создают собственный контент (user-generated content, UGC) — от уникальных трехмерных объектов и зданий до модификаций (модов) [3, с. 47, 50]. С юридической точки зрения пользовательский контент, обладающий признаками оригинальности, охраняется авторским правом, однако его создатель находится в заведомо невыгодном положении из-за условий пользовательских соглашений [3, с. 47–49]. Крупные правообладатели (например, Blizzard, Epic Games) включают в пользовательские соглашения пункты о том, что все права на созданные игроками объекты автоматически переходят к компании без выплаты вознаграждения, а сам пользователь отказывается от личных неимущественных прав [3, с. 48]. В российском праве условия об отказе от права авторства и права на имя являются ничтожными в силу прямого указания закона (статья 1265 ГК РФ), а безвозмездное автоматическое отчуждение будущих исключительных прав признается недействительным из-за отсутствия существенных условий договора, что требует усиления законодательной защиты игроков как более слабой стороны [3, с. 48–49].

Аналогичные сложности возникают при квалификации игровых модификаций (модов), создаваемых игроками для улучшения или качественного изменения игрового процесса [3, с. 50]. Моддинг представляет собой переработку оригинального произведения (программы для ЭВМ или мультимедийного продукта), в силу чего модификации признаются производными произведениями [3, с. 50–51]. Создание модов без согласия правообладателя оригинальной игры признается нарушением исключительного права [3, с. 51]. В то же время моддинг играет важнейшую роль в поддержании коммерческой привлекательности игр и стимулировании творческой активности пользователей, что обусловливает необходимость обсуждения расширения случаев свободного использования произведений применительно к видеоиграм по аналогии с доктриной добросовестного использования (fair use) в США [3, с. 51–54].

В рамках исследования субъектного состава нельзя обойти вниманием и проблему правовой квалификации внутриигрового имущества, виртуальной валюты и учетных записей (аккаунтов) пользователей [3, с. 17]. В зарубежной и отечественной практике предпринимались попытки признать за виртуальными объектами вещно-правовой режим (теория «виртуальной собственности»), однако российская цивилистическая доктрина исключает возможность возникновения вещных прав на нематериальные объекты [3, с. 18]. Игровое имущество не может признаваться и самостоятельным объектом интеллектуальной собственности, поскольку оно является лишь частью кода программы и не создается творческим трудом игрока [3, с. 18–19]. Оптимальным решением является квалификация внутриигровых объектов в качестве имущественных прав

требования к оператору игры, вытекающих из договора об оказании информационных услуг по организации игрового процесса [3, с. 23]. Внеигровые сделки по продаже аккаунтов или предметов на сторонних биржах представляют собой договоры уступки прав требования (цессии), которые подлежат судебной защите [3, с. 24, 26]. Напротив, сделки, совершаемые аватарами непосредственно внутри игрового процесса, не являются гражданско-правовыми и регулируются только «внутриигровым законом», подпадая под действие статьи 1062 ГК РФ, исключающей судебную защиту требований, связанных с организацией игр и пари [3, с. 24].

Важным аспектом защиты прав на видеоигру как сложный объект является охрана признака ее унитарности (целостности) [4, с. 11, 305]. Поскольку видеоигра создается совместным трудом многих лиц, оспаривание прав на отдельный компонент первого уровня не должно препятствовать использованию всего произведения [4, с. 13, 305]. Е. С. Гринь обосновывает, что в целях защиты целостности сложного продукта положение о переводе прав приобретателя исключительного права в случае существенного нарушения договора (пункт 5 статьи 1234 ГК РФ) не должно применяться к результатам, вошедшим в сложный объект; соразмерной мерой защиты автора должно выступать исключительно возмещение убытков [4, с. 13, 305]. При расчете компенсации за нарушение исключительного права на видеоигру суды должны исходить из стоимости использования всего мультимедийного продукта в целом, а не отдельных его частей, а обеспечительные меры (блокировка) должны накладываться с соблюдением принципа наименьшего вреда, ограничивая доступ только к нарушающим фрагментам, но не парализуя функционирование всей игры на торговых платформах [4, с. 16–17].

Таким образом, стремительное развитие игровой индустрии и цифровая трансформация общества ставят перед гражданским правом новые вызовы, требующие реформирования законодательства [3, с. 54; 6, с. 101]. Конструкция сложного объекта в полной мере способна обеспечить эффективный баланс прав всех участников игровой индустрии, однако требует нормативной детализации [1, с. 3; 4, с. 312]. Для этого необходимо внести изменения в четвертую часть ГК РФ: закрепить легальное определение мультимедийного продукта в статье 1240 ГК РФ, установив его обязательные признаки (унитарность, интерактивность, сложный состав); нормативно определить перечень соавторов видеоигры в целом (сценарист, художник, программист, композитор); и ограничить право игровых корпораций на безвозмездное принудительное отчуждение творческого контента пользователей в рамках пользовательских соглашений. Реализация этих предложений позволит унифицировать судебную практику, защитить права авторов и создать стабильные условия для развития отечественного рынка интерактивных технологий.

Список литературы:

[1] Рожкова М. А. Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть / М. А. Рожкова, Е. В. Алымова, Д. А. Григорьев, М. В. Самарцева, И. А. Паламарчук, О. В. Морозюк, И. Д. Ходаков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 4 (50). — С. 6–30.

[2] Асташова Т. С. Правовая природа видеоигры как объекта интеллектуальных прав / Т. С. Асташова. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2024. — 12 с.

[3] Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы : коллективная монография / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. — Москва : Развитие правовых систем, 2023. — 240 с.

[4] Гринь Е. С. Концепция сложных объектов интеллектуальных прав : дис.... д-ра юрид. наук : 5.1.3 / Гринь Елена Сергеевна ; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — Москва, 2025. — 318 с.

[5] Гринь Е. С. Организатор создания сложного объекта интеллектуальных прав: проблемы теории и практики / Е. С. Гринь, В. А. Алексеева // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 7 (92). — С. 123–128.

[6] Шомахов А. Р. Роль видеоигр как сложных объектов интеллектуальной собственности в развитии искусственного интеллекта / А. Р. Шомахов // Социально-политические науки. — 2024. — Т. 14, № 3. — С. 101–107.

[7] Карпенко А. А. Субъекты интеллектуальных прав на компьютерную игру / А. А. Карпенко, Ю. Е. Курилюк // Legal Bulletin. — 2024. — Т. 9. — С. 45–52.

[8] Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт / Е. С. Котенко. — Москва : Статут, 2016. — 128 с.

[9] Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. — 2014. — № 1. — С. 127–150.

[10] Архипов В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики / В. В. Архипов // Закон. — 2015. — № 11. — С. 61–69.

[11] Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / В. А. Дозорцев ; Исслед. центр частного права. — Москва : Статут, 2003. — 416 с.

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30 января 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52. — Ст. 5496.

References:

[1] Rozhkova M. A. Complex objects of intellectual rights. Special part/M. A. Rozhkova, E. V. Alymova, D. A. Grigoriev, M. V. Samartseva, I. A. Palamarchuk, O. V. Morozyuk, I. D. Khodakov//Journal of the Court for Intellectual Rights. — 2025. — № 4 (50). - S. 6-30.

[2] Astashova T. S. The legal nature of video games as an object of intellectual rights/T. S. Astashova. - Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2024. - 12 s.

[3] Video games, gaming, e-sports: legal issues: collective monograph/under scientific. ed. M. A. Rozhkova, R. L. Lukyanova. - Moscow: Development of legal systems, 2023. - 240 s.

[4] Grin E.S. The concept of complex objects of intellectual rights: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3/ Grin Elena Sergeevna; Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA). - Moscow, 2025. - 318 s.

[5] Grin E. S. Organizer of the creation of a complex object of intellectual rights: problems of theory and practice/E. S. Grin, V. A. Alekseeva// Actual problems of Russian law. — 2018. — № 7 (92). - S. 123-128.

[6] Shomakhov A. R. The role of video games as complex objects of intellectual property in the development of artificial intelligence/A. R. Shomakhov//Socio-political sciences. — 2024. - T. 14, NO. 3. - S. 101-107.

[7] Karpenko A. A. Subjects of Intellectual Rights to a Computer Game/A. A. Karpenko, Yu. E. Kurilyuk//Legal Bulletin. — 2024. - VOL. 9. - S. 45-52.

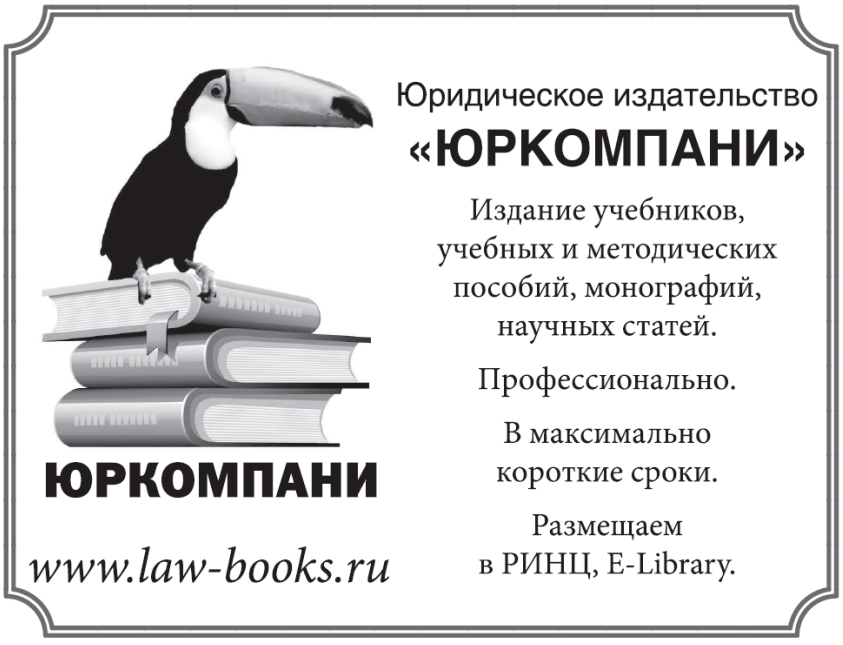
[8] Kotenko E. S. Copyright for multimedia product/E. S. Kotenko. - Moscow: Statute, 2016. - 128 s.

[9] Savelyev A.I. The legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games/A.I. Savelyev//Bulletin of Civil Law. — 2014. — № 1. - S. 127-150.

[10] Arkhipov V.V. Intellectual property in the computer game industry: problems of theory and practice/V.V. Arkhipov//Law. — 2015. — № 11. - S. 61-69.

[11] Dozortsev V. A. Intellectual rights: Concept. System. Codification tasks: collection of articles/V. A. Dozortsev; Tikhanovskaya. private law center. - Moscow: Statute, 2003. - 416 s.

[12] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ dated December 18, 2006 (as amended on January 30, 2026)//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. — № 52. - Art. 5496.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-275-280
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ШЕРАШЕНКОВА Екатерина Алексеевна,
К.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail smol@ranepa.ru

ФЕДОСКИН Николай Николаевич,
К.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: nnfedoskin@yandex.ru

СИСТЕМНЫЕ НЕДОСТАТКИ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье анализируются актуальные вопросы ответственности за экологические правонарушения. Обеспечение экологической безопасности выступает одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации, что получило закрепление на конституционном уровне. В условиях нарастания антропогенной нагрузки на природные экосистемы, сохранения высокого уровня латентности экологических правонарушений, особую значимость приобретает институт юридической ответственности как ключевой инструмент принуждения к соблюдению природоохранных норм и возмещения причиненного вреда. Несмотря на поступательное развитие экологического законодательства, включая поправки к Конституции 2020 года и реализацию федеральных проектов в рамках национального проекта «Экология», правоприменительная практика свидетельствует о наличии системных проблем, препятствующих эффективной реализации мер юридической ответственности. Авторы отмечают необходимость комплексного научного осмысления и выработки предложений по совершенствованию института юридической ответственности и правоприменительной практики в области обеспечения экологической безопасности.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность, правоприменение, судебная практика, юридическая ответственность, национальные проекты.*

SHERASHENKOVA Ekaterina Alekseevna,
PhD., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

FEDOSKIN Nikolay Nikolaevich
PhD., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SYSTEMIC SHORTCOMINGS OF THE INSTITUTE OF RESPONSIBILITY FOR ENVIRONMENTAL OFFENSES AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. *The article analyzes the current issues of responsibility for environmental offenses. Ensuring environmental safety is one of the priorities of the state policy of the Russian Federation, which has been consolidated at the constitutional level. In the context of increasing anthropogenic pressure on natural ecosystems and maintaining a high level of latency in environmental of-*

fenses, the institution of legal responsibility is becoming particularly important as a key tool for enforcing compliance with environmental regulations and compensating for damage caused. Despite the progressive development of environmental legislation, including amendments to the 2020 Constitution and the implementation of federal projects within the framework of the national Ecology initiative, law enforcement practice indicates the presence of systemic problems that hinder the effective implementation of legal liability measures. The authors note the need for a comprehensive scientific understanding and development of proposals to improve the institution of legal responsibility and law enforcement practice in the field of environmental safety.

Key words: *environmental safety, law enforcement, judicial practice, legal responsibility, national projects.*

Юридическая ответственность за экологические правонарушения является основополагающим элементом механизма обеспечения экологической безопасности и защиты. Вместе с тем, системные недостатки, присущие его функционированию в Российской Федерации, способствуют широко распространенному недовольству способностью закона регулировать эту сферу. Анализ законодательства, доктринальных источников и судебной практики выявляет несколько наиболее важных проблем.

Экологические правонарушения представляют собой сложную систему регулирования, в которой ответственность за экологические нарушения регулируется несколькими отраслями права. В связи с этим, существует т.н. «терминологическая неопределенность». По мнению Сухомлиновой М.Д. это проблема не только законодательного, но и прежде всего теоретического уровня или осмысления. Например, отсутствует единая позиция по определению понятия «экологическое правонарушение», Боголюбов С.А. оперирует понятием «экологическое правонарушение», Деревянко Л.А. использует термин «правонарушения в сфере экологии», а Абрамов В.Г. использует термин «административно-экологическое правонарушение».

На практике, подобная терминологическая разобщенность создает сложности при квалификации деяний и применении мер ответственности. Более того, существуют различия между принципами возмещения экологического вреда в различных отраслях права. Институт возмещения экологического вреда фактически представляет собой субинститут, выходящий за рамки гражданского права, что требует должного учета исключительных качеств природных ресурсов как общественного блага.

Учитывая данные обстоятельства, Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что «оценка ущерба, нанесенного окружающей среде, и способы его компенсации должны основываться на реальной ситуации и действительных последствиях, а не на формальных методах, предложенных Минприроды» [1].

Появились новые проблемы, связанные с цифровизацией и внедрением ИИ в экологическую практику при отсутствии механизмов правового регулирования. Вопросы возмещения вреда так же остаются открытыми, например, государство вынуждено выделять существенные суммы из бюджета на устранение последствий экологического вреда, что указывает на недостаточную эффективность существующих гражданско-правовых мер ответственности. Эта ситуация усложняется отсутствием единообразного подхода к компенсации уже накопленного ущерба, несмотря на наличие в экологическом праве отдельного правового института, занимающегося его ликвидацией. Сложности практического характера вызывает и отсутствие единой методики расчета штрафа. Епереши А.В. отмечает, что «несмотря на то, что существует ряд законодательных актов, регулирующих вопросы административной ответственности за экологические правонарушения, нормы, определяющие размеры штрафов, часто оставляются на усмотрение суда» [2, с.286].

Эффективное применение административных мер ответственности осложняется тесной связью между контрольно-надзорными мероприятиями и возможностью возбуждения дела об административном правонарушении. Сложившаяся правоприменительная практика показывает, что нельзя начать производство по делу об экологическом административном правонарушении без предварительного надзорного контроля. В связи с действующим запретом на проверки субъектов предпринимательства, введенного Постановлением Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 и продленного до 2030 года, многие категории предприятий освобождены от плановых проверок [3]. В результате даже при наличии явных признаков нарушений, зафиксированных техническими средствами, административное производство оказывается крайне затрудненным.

Экологическое законодательство страдает от разрозненности и отсутствия целостного подхода к регулированию в сфере охраны природы и использования ресурсов. Хлуденева Н.И. «именно коллизии запутывают правоприменителя, ведут к коррупции в системе государственного и муниципального управления, затрудняют реализацию

целей законодательного регулирования и, как следствие, снижают эффективность экологического законодательства» [4, с.172].

На фоне общей тенденции к ужесточению государственной политики, эффективность механизмов защиты окружающей среды остаётся под вопросом. Институт ответственности за экологические правонарушения, будучи комплексным по своей природе, на практике теряет свою функциональность именно из-за того, что его структурные элементы выстроены без учёта системных правил.

Одним из камней преткновения является сама концепция юридической ответственности в данной сфере. Как справедливо замечает А.А. Демичев: «попытки обособить некую самостоятельную «эколого-правовую ответственность» выглядят теоретически шаткими, поскольку все её черты полностью укладываются в рамки классической административной и гражданско-правовой ответственности за нарушения в области природопользования» [5, с.223]. Доктринальная неопределённость напрямую влияет на качество правоприменения, порождая сложности при квалификации деяний и выборе подлежащих применению норм. Серьёзнейшим вызовом для правоприменения остаётся необходимость доказывания причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившим вредом природе. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 49 попытался облегчить участь истцов, закрепив презумпцию такой связи: если хозяйствующий субъект превысил установленные нормативы, например, по выбросам, то «бремя доказывания обстоятельств, указывающих на возникновение негативных последствий в силу иных факторов и (или) их наступление вне зависимости от допущенного нарушения, возлагается на ответчика» [6]. Однако на практике истец обязан предоставить суду весомые доказательства самого факта превышения нормативов, а это дорогостоящие экспертизы и другие данные. Фиксация экологических правонарушений — отдельный и крайне проблемный аспект. Анализ судебной практики вскрывает противоречивость судебных подходов и острую потребность в законодательном закреплении прозрачного механизма распределения ответственности. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: когда виновник загрязнения не установлен, бремя ликвидации последствий, например, ликвидации несанкционированной свалки, зачастую автоматически перекладывается на муниципальный бюджет, то есть на плечи налогоплательщиков. Это происходит из-за слабой работы по установлению конкретных нарушителей и института «расщеплённой собственности», позволяющего возлагать ответственность на лиц, не являющихся прямыми причинителями вреда. Поиск определения надлежащего субъекта ответственности важнейшая составляющая данного вопроса. Суды ищут баланс между защитой конституционного права граждан на благоприятную среду и справедливым определением лица, обязанного возместить ущерб. Практика высших инстанций демонстрирует тенденцию к ужесточению подходов и исключению лазеек для уклонения от природоохранных обязательств. Однако нижестоящие суды не всегда глубоко исследуют все обстоятельства дела, чтобы установить истинного причинителя вреда, и не дают должной оценки бездействию органов публичной власти, обязанных по закону следить за состоянием окружающей среды. Показательно, что даже освобождение компании от административной ответственности не является препятствием для предъявления к ней гражданского иска о возмещении вреда, что порождает новую проблему — проблему соотношения различных видов ответственности за одно и то же деяние.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2025 года № 309-ЭС24-22782 по делу № А50-15416/2023 [7] ключевая проблема отразилась в отмене ранее принятых судебных актов. Суть спора заключалась в том, что Росприроднадзор, зафиксировав разлив нефти на землях неразграниченной государственной собственности, предъявил иск о возмещении вреда к администрации Чердынского городского округа, поскольку непосредственный нарушитель установлен не был.

Нижестоящие суды в удовлетворении требований отказали, мотивировав свою позицию отсутствием вины муниципалитета, однако Верховный Суд с таким подходом не согласился. Суд высшей инстанции указал, что невозможность установить конкретного причинителя вреда сама по себе не снимает с муниципального образования обязанности по организации надлежащего контроля за состоянием земель и ликвидации последствий загрязнения. Принципиально важным стал вывод о том, что бездействие администрации, выразившееся в необеспечении охраны окружающей среды на подведомственной территории, является формой противоправного поведения, достаточной для возложения на муниципалитет обязанности по возмещению вреда. Отказ же в иске, как подчеркнул суд, нарушает баланс публичных и частных интересов, противоречит конституционным основам охраны природы и подрывает мотивацию уполномоченных органов к оперативному установлению реальных загрязнителей.

Данное дело выявило проблему правоприменительной практики, связанную с отсутствием четких законодательных критериев определения надлежащего субъекта ответственности в условиях неочевидности причинителя вреда. С одной стороны, возложение на муниципалитеты безусловной обязанности оплачивать загрязнение, допущенное неустановленными третьими лицами, фактически превращает местные бюджеты в «страховой фонд», что влечет несправедливое перераспределение бремени на население. Однако подобная правовая позиция высшей инстанции несет в себе латентную угрозу, т.к. она способна спровоцировать снижение процессуальной активности надзорных органов в установлении фактических загрязнителей. Если существует гарантированный ответчик в лице муниципального бюджета, у контролирующих структур возникает соблазн ограничиться формальной фиксацией вреда, не проводя исчерпывающих оперативно-розыскных и административных мероприятий по выявлению реального правонарушителя. Это приводит к порочному кругу: публичный субъект платит за вред, который он не причинял, а действительный нарушитель уходит от имущественной и иной ответственности, сохраняя стимулы к продолжению противоправной деятельности. На практике, существует колоссальный разрыв между суммами предъявленного и реально взысканного ущерба. По статистике в 2025 году территориальные органы Росприроднадзора направили в суды иски о возмещении вреда на общую сумму более 165,6 млрд рублей, что на 44% превышает показатели предыдущего года. Количество рассматриваемых в судах споров выросло на 43% — до 2335 дел против 1634 в 2024 году, а общая сумма заявленных исковых требований достигла 123,2 млрд рублей. В целом за 2025 год суды приняли решения о взыскании ущерба на сумму более 99 млрд рублей. По данным Минприроды, общая сумма платежей за вред природе, поступившая от компаний, составила более 20 млрд рублей. Генеральный прокурор А. Гуцан заявил о выявлении свыше 293 тысяч нарушений экологического законодательства, по итогам проверок направлено 18,4 тыс. исков и возбуждено 1230 уголовных дел [8]. Существенный разрыв между суммами предъявленных требований и фактическими поступлениями в бюджет наглядно свидетельствует о том, что принцип «загрязнитель платит» на практике реализуется лишь частично. Проблема усугубляется сохраняющейся угрозой возложения двойной ответственности за одно и то же деяние, что напрочь отбивает у добросовестных природопользователей желание добровольно возмещать вред путём проведения восстановительных работ.

Законодательство в сфере экологии последних лет позволяет выявить и позитивные тенденции, в том числе и определенное переосмысление подходов к юридической ответственности в экологической сфере. Значительная роль отводится цифровизации государственного управления, в частности утверждённое Правительством РФ стратегическое направление цифровой трансформации экологической отрасли предполагает создание к 2030 году «повышение эффективности реализации мероприятий, связанных с созданием, развитием и эксплуатацией государственных информационных систем» [9]. В 2025 году Росприроднадзор начал активно применять мобильное приложение «Инспектор» для проведения дистанционных оценок соответствия, что знаменует переход к риск-ориентированному надзору и требует решения вопросов о допустимости и статусе цифровых доказательств, а также защиты персональных данных экологического мониторинга [10, с.570]. Кроме того, прорабатывается инициатива по внедрению упрощённых процедур привлечения к ответственности за незаконное перемещение отходов на основе видеофиксации, что, как отмечается в исследованиях, способно существенно повысить оперативность и неотвратимость наказания.

Научным сообществом обосновывается и прорабатывается необходимость перехода от сугубо карательной модели к восстановительной и стимулирующей. Среди перспективных мер предлагается внедрение «оборотных» штрафов, размер которых будет кратен сумме экономической выгоды от нарушения, развитие института административного запрета деятельности на срок до 90 суток и конфискации орудий правонарушения, а также создание программ экологического комплаенса, стимулирующих правомерное поведение предоставлением налоговых льгот и иных преференций.

Наблюдается последовательная политика государства по криминализации деяний, представляющих повышенную общественную опасность. В 2024 году ужесточена ответственность за сокрытие или искажение экологической информации (ст. 8.5 КоАП РФ), включая введение повышенных санкций за повторное совершение данного деяния. С 1 июля 2025 года установлена административная ответственность за «непредставление или несвоевременное представление отчета о выбросах парниковых газов, а также внесение в него заведомо ложных сведений». Среди ключевых направлений реформирования — пересмотр системы наказаний в главе 26 УК РФ и внедрение альтернативных мер, таких как экологическая компенсация или судебный штраф, а также разработка новой концепции уголовной политики в сфере обеспечения экологической безопасности.

Ведется целенаправленная работа по унификации терминологического аппарата и процессуальных механизмов. Параллельно развивается гражданско-правовой институт возмещения экологического вреда.

Таким образом, основными направлениями совершенствования института юридической ответственности за экологические правонарушения выступают его цифровая трансформация, повышение экономической эффективности санкций при одновременном смещении акцента с карательных мер на восстановительные и стимулирующие, углубление дифференциации ответственности, гармонизация отраслевого законодательства, развитие гражданско-правовых механизмов возмещения вреда.

Список литературы:

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2024 N 56-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 76 Земельного кодекса Российской Федерации и пунктов 1 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Карьер Приморский»» // «Вестник Конституционного Суда РФ», 2025, N 1.

[2] Епереши, А. В. Актуальные проблемы реализации института административной ответственности за экологические правонарушения и тенденции развития законодательства / А. В. Епереши. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 49. — с. 286-287.

[3] Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N 336 (ред. от 28.12.2024) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // «Собрание законодательства РФ», 14.03.2022, N 11, ст. 1701.

[4] Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: Монография. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2014. — 172 с

[5] Демичев А. А. Общая характеристика юридической ответственности за экологические правонарушения: проблемные аспекты. //Актуальные проблемы государства и права. - 2023 - № 9 (2), с. 219-225.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // «Российская газета», N 280, 11.12.2017.

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.04.2025 № 309-ЭС24-22782 по делу № А50-15416/2023 // https: legalacts.ru

[8] Статистические данные о состоянии преступности и нарушениях законодательства в области охраны окружающей среды за 2021–2025 гг. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

[9] Распоряжение Правительства РФ от 15.12.2023 № 3664-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 18.12.2023, № 0001202312180022

[10] Миро А.И. Цифровизация как фактор трансформации механизма административной ответственности за экологические правонарушения: новые вызовы и возможности // Молодой ученый. — 2025. — № 51 (602). — С. 569-571.

References:

[1] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.12.2024 N 56-P “In the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 76 of the Land Code of the Russian Federation and paragraphs 1 and 3 of Article 77 of the Federal Law” On Environmental Protection “in connection with the complaint of the Quarry Primorsky limited liability company “//” Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation,” 2025, No. 1.

[2] Epereshi, A. V. Actual problems of the implementation of the institution of administrative responsibility for environmental offenses and trends in the development of legislation/A. V. Epereshi. - Text: direct//Young scientist. — 2023. — № 49. - p. 286-287.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 10.03.2022 No. 336 (as amended by 28.12.2024) “ On the Specifics of the Organization and Implementation of State Control (Supervision), Municipal Control “//” Collection of Legislation of the Russian Federation,” 14.03.2022, No. 11, Art. 1701.

[4] N.I. Khludeneva. Defects in the legal regulation of environmental protection: Monograph. - M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2014. - 172 s

[5] A. A. Demichev. General description of legal liability for environmental offenses: problematic aspects .//Actual problems of the state and law. - 2023 - No. 9 (2), p. 219-225.

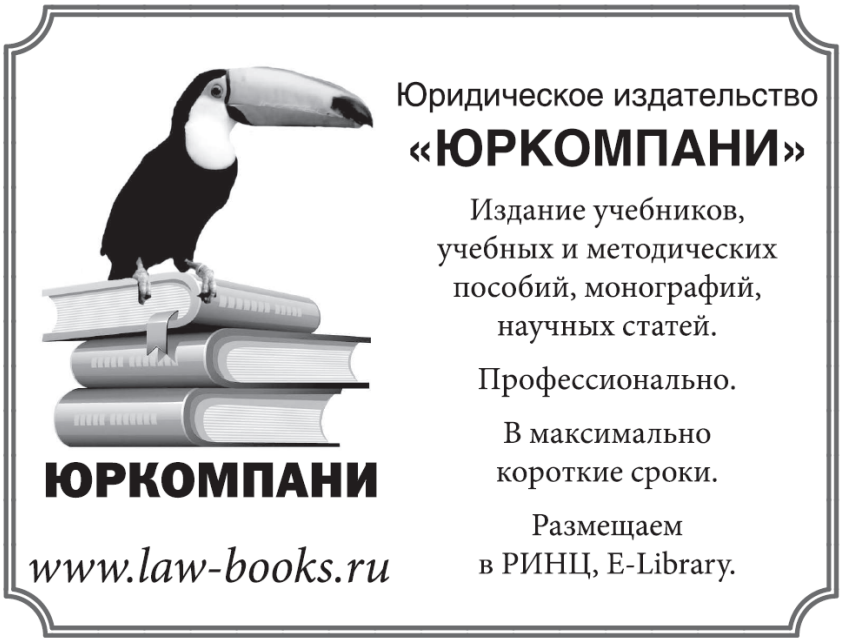
[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 49 “On Certain Issues of Application of Legislation on Compensation for Damage to the Environment “// Rossiyskaya Gazeta, No. 280, 11.12.2017.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.04.2025 No. 309-EC24-22782 in case No. A50-15416/2023// https: legalacts.ru

[8] Statistics on the state of crime and violations of environmental legislation for 2021-2025// Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

[9] Order of the Government of the Russian Federation of 15.12.2023 No. 3664-r "On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the ecology and nature management industry related to the activities of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation "//Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru), 18.12.2023, No. 0001202312180022

[10] Miro A.I. Digitalization as a factor in the transformation of the mechanism of administrative responsibility for environmental offenses: new challenges and opportunities//Young scientist. — 2025. — № 51 (602). - S. 569-571.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-281-286
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

НАССЕР Надежда Хадеровна,
магистрант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, г. Москва,
e-mail: vishenkakek23@mail.ru

СЛУЖЕБНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ КАК СИНТЕЗНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ТРУДОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: СПЕЦИФИКА ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются договорные аспекты правового регулирования служебных изобретений в российском праве. Актуальность работы обусловлена отсутствием единого подхода в доктрине и законодательстве к определению природы служебного изобретения, а также сложностью его договорного регулирования, сочетающего элементы трудового и гражданского права. На основе сравнительного анализа ст. 1370 и ст. 1371 Гражданского кодекса РФ, а также судебной практики выявляется трансграничная, синтезная природа служебного изобретения, сочетающая авторский (гражданско-правовой) и производственный (трудовой) элементы. Обосновывается вывод о необходимости разграничения двух этапов договорного регулирования: трудового договора как обязательной предпосылки возникновения отношений и гражданско-правовых договорных конструкций (лицензионный договор, договор об отчуждении исключительного права) как механизма распоряжения патентными правами. Особое внимание уделяется проблеме выплаты вознаграждения автору служебного изобретения и формирующейся судебной практике, отдающей приоритет гражданско-правовому договорному регулированию данного вопроса. Предлагаются направления совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *служебное изобретение, изобретение, созданное при выполнении работ по договору, трудовой договор, лицензионный договор, договор об отчуждении исключительного права, вознаграждение за служебное изобретение, трансграничность правового регулирования.*

NASSER Nadezhda Khaderovna,
Master's Student,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

EMPLOYEE INVENTIONS AS A SYNTHETIC CONSTRUCTION OF LABOR AND CIVIL LAW: FEATURES OF CONTRACTUAL REGULATION

Annotation. *The article examines the contractual aspects of the legal regulation of employee inventions in Russian law. The relevance of the work is due to the lack of a unified approach in the doctrine and legislation to determining the nature of an employee invention, as well as the complexity of its contractual regulation, combining elements of labor and civil law. Based on a comparative analysis of Articles 1370 and 1371 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as judicial practice, the cross-border, synthetic nature of the employee invention is revealed, combining authorial (civil law) and production (labor) elements. The conclusion is substantiated that it is necessary to distinguish between two stages of contractual regulation: the employment contract as a mandatory prerequisite for the emergence of relations and civil law contractual structures (license agreement, agreement on the alienation of exclusive rights) as a mechanism for disposing of patent rights. Special attention is paid to the problem of paying remuneration to the author of an employee invention and the emerging judicial practice that gives priority to civil law contractual regulation of this issue. Directions for improving legislation are proposed.*

Key words: *employee invention, invention created during the performance of work under a contract, employment contract, license agreement, agreement on alienation of exclusive rights, remuneration for employee invention, cross-border nature of legal regulation.*

Введение

Служебное изобретение представляет собой уникальное, трансграничное явление, договорное регулирование которого специфицировано с учетом сочетания в нем трудового и авторского элемента. Трансграничность служебного изобретения не отрицается, в частности Калачевой Т.Л. [3, с. 84] Мальковой С.В. [5, с. 15-22], Салицкой Е.А. [10, с. 554, но должным образом не исследуется ввиду смещения вектора внимания на более прикладные, но не менее важные правоприменительные аспекты, как, например, правовая охрана служебных изобретений.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, институт служебных изобретений приобретает все большую популярность в условиях инновационной экономики, когда результаты интеллектуальной деятельности работников становятся ключевым активом организаций. Во-вторых, в доктрине и законодательстве отсутствует единый подход к определению природы и специфики договорного регулирования института служебных изобретений, его соотношения с регулированием изобретений, созданных при выполнении работ по договору. Российский законодатель полностью включает данный институт в предмет гражданско-правового регулирования, что тем не менее не умаляет его связи с трудовым правом в контексте договорного регулирования. В-третьих, судебная практика последних лет (Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2023 № 10-П [7]) свидетельствует о необходимости переосмысления подходов к договорному регулированию вознаграждения авторов служебных изобретений.

Сочетание этих факторов обособляет актуальность сравнительного анализа договорной регуляции данных институтов с целью выявления договорной природы служебного изобретения как синтезной конструкции, объединяющей договорные начала трудового и гражданского права.

Материалы и методы

В целях всестороннего анализа договорных аспектов регулирования служебных изобретений в исследовании применялся комплекс общенаучных и специально-юридических методов.

Диалектический метод позволил рассмотреть институт служебных изобретений в динамике его правового регулирования и соотношения со смежными институтами. Формально-юридический метод применен для анализа содержания ст. 1370 и ст. 1371 Гражданского кодекса РФ [2], Постановления Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1848 [8], а также судебных актов.

Метод сравнительно-правового анализа использован для сопоставления правового регулирования служебных изобретений и изобретений, созданных при выполнении работ по договору, что позволило выявить их фундаментальные различия. Историко-правовой метод применен для ретроспективного анализа становления института служебных изобретений в российском праве.

Метод анализа судебной практики лег в основу исследования конкретных судебных актов, включая Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.08.2019 № С01-446/2019 по делу № А40-202764/2018 [9], Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2023 № 10-П [7], Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 07.07.2021 по делу № 33-5004/2021 [1].

Результаты и обсуждения

Российский законодатель раскрывает договорные аспекты служебного изобретения достаточно сложным образом, представляя на уровне гражданского законодательства два отдельных института: служебное изобретение как результат творческого процесса при исполнении трудовых обязанностей работника у работодателя и изобретение, создаваемое при выполнении работ по договору, как непредполагаемый результат научно-исследовательских, опытно-конструкторских или подрядных работ. Основываясь на этом делении, резонно полагать, что, включая оба института в предмет гражданско-правового регулирования, законодатель не отрицает связь служебного изобретения с трудовым правом на контрасте с сугубо гражданско-правовым институтом изобретения, создаваемого при выполнении работ по договору. Отсутствие же упоминания данного института в Трудовом кодексе РФ и иных актах трудового законодательства являет собой причину научной неоднородности подходов к пониманию договорной природы служебного изобретения.

Сравнительный анализ ст. 1370 ГК РФ и ст. 1371 ГК РФ [2] позволяет заметить, что в основе специфики договорного регулирования служебного изобретения и изобретения, создаваемого при выполнении работ по договору, лежит фундаментальная разница природы данных отношений. Сущность служебного изобретения — авторско-производственная, так как оно создается в процессе трудовой обязанности у конкретного

работодателя, с учетом постоянства трудовых отношений и конкретной применимости изобретения к производственному процессу работодателя. Природа же изобретения, создаваемого при выполнении работ, — авторско-предпринимательская, учитывая незапланированный характер такого изобретения и преимущественно коммерческую направленность подряда, НИР, ОКТР.

Следовательно, договорное регулирование служебного изобретения с учетом его не только творческой, но и производственной роли более сложное, двухэтапное: гражданско-правовому договорному регулированию по поводу патентных прав в обязательном порядке предшествует трудовое регулирование в форме заключения трудового договора. Наличие такого договора будет в данном случае являться обязательной предпосылкой, основой для гражданско-правового регулирования личных неимущественных и исключительных прав применимо к служебному изобретению.

Вместе с тем, сам трудовой договор, являясь обязательной договорной предпосылкой отношений по поводу служебного изобретения, в своей регулятивной роли ограничен. Работодатель и работник в обязательном порядке должны согласовать «творческую» трудовую обязанность, в рамках которой будет создаваться изобретение, и перечень возможных изобретений, если таковой можно установить. Например, разработка программ. Однако важно отметить, что таковая «творческая обязанность» может быть зафиксирована не только в трудовом договоре, но и в поручении или задании работодателя.

Фундаментальную роль трудового договора в регулировании служебных изобретений доказывает и судебная практика. Например, Дело № А40-202764/2018 [9], предметом которого был спор по поводу разработки медицинского мобильного приложения как служебного изобретения. Суд установил, что между работодателем и работником был заключен трудовой договор, однако как раз «творческие трудовые обязанности» по созданию программ закреплены в нем не были, отсутствовало и служебное или техническое задание. Посему, суд не признал данное изобретение служебным, вследствие чего все права на него, в том числе исключительные, признавались за работником, а не работодателем, как это происходит в случае грамотного оформления трудового договора как предпосылки отношений по поводу служебного изобретения.

Дальнейшее договорное регулирование служебного изобретения и изобретения, создаваемого при осуществлении работ по договору — так называемый второй этап — преимущественно носит сугубо гражданско-правовой характер, так как речь идет о разграничении патентных прав как объекта регулирования гражданского права, а именно подотрасли права интеллектуальной собственности. К обоим институтам применимы такие договорные конструкции, как договор об отчуждении исключительных прав и лицензионный договор.

Так, гражданское законодательство применимо к служебному изобретению предусматривает, что право авторства сохраняется за работником как автором, исключительное же право и право на регистрацию патента в течение 6 месяцев с момента уведомления работником работодателя о создании изобретения презюмируется за работодателем, если трудовым договором не предусмотрен автоматизм принадлежности таковых работодателю. То есть, трудовой договор как предпосылка отношений по поводу служебного изобретения может охватывать собой и вопрос автоматической принадлежности исключительных прав. Если такого трудового договорного регулирования нет, то в течение этого срока работодатель имеет право подать заявку на патент или передать такое право другому лицу, заявить о сохранении изобретения в тайне. Если по истечении срока ни одно из действий не было произведено работодателем, происходит переход права на получение патента к работнику и активация одного из гражданско-правовых договорных механизмов, а именно — лицензионного договора, представляющего работодателю простую неисключительную лицензию на пользование изобретением при переходе исключительных прав к работнику. Если же работодатель, зарегистрировавший патент, досрочно прекращает его, работник наделяется правом перевода исключительных прав на него посредством договора о безвозмездном отчуждении исключительного права, который, что важно отметить, может быть заключен в обязательном порядке судом по требованию работника в случае уклонения работодателя.

Таким образом, регулирование патентных прав двуедино: стороны могут в трудовом договоре предусмотреть автоматизм перехода исключительных прав к работодателю; если такого нет, то в зависимости от действий работодателя могут применяться лицензионные договоры и договоры об отчуждении исключительного права.

В любых случаях из описанных работник сохраняет за собой право на вознаграждение. Сохраняется данное право и при заключении лицензионных договоров работодателем с третьими лицами.

Законодатель предусматривает регулирование вознаграждения договором между работником и работодателем. В данном случае «дого-

вор» представляет собой категорию неоднозначную: сложно установить, какой именно договор имеет в виду законодатель.

В научной среде существует позиция, что данный вопрос подлежит урегулированию именно на уровне трудового договора и дополнительных соглашений к нему и представляет собой оплату труда, так как служебное изобретение есть не что иное, как результат реализации трудовой обязанности. Подтверждает эту позицию Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1848 «Об утверждении Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы» [8], определяющее размеры вознаграждения в соотношении с заработной платой: 30% от средней заработной платы за создание изобретения; а за пользование выплачивается вознаграждение в размере 3 средних заработных плат работника за последние 12 месяцев такого пользования.

Противоположная и представляющаяся более обоснованной позиция связана с тем, что вопрос о вознаграждении составляет собой предмет сугубо гражданско-правового договорного регулирования: работник и работодатель могут заключить договор об авторском вознаграждении на создание изобретения, и только в случае отсутствия такого будет применимо Постановление Правительства РФ. Данная позиция представляется резонной и справедливой, так как в большей степени защищает право авторства работника, особенно во времени, учитывая бессрочный характер выплаты вознаграждения и временность трудовых договоров. Данная позиция подтверждается судебной практикой (Постановление Конституционного Суда РФ № 10-П от 24.03.2023 г. [7], Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 7 июля 2021 г. по делу № 33-5004/2021 [1]).

Возвращаясь к институту договорного регулирования изобретений, созданных при выполнении работ по договору, важно отметить, что в сравнении с регулированием служебных изобретений данное явление носит сугубо гражданско-правовой характер: весь массив интеллектуальных прав на изобретение переходит к подрядчику (исполнителю) с правом заказчика на получение простой безвозмездной лицензии на срок действия патента. Это отражает его преимущественно предпринимательскую природу: в отличие от работодателя, который приобретает исключительное право на служебное изобретение, заказчик по договору, в результате осуществления которого было создано изобретение, не наделен широким перечнем гарантий, так как его, как в случае с работодателем, не связывают с исполнителем устойчивый характер трудовых отношений и совместная направленность на обеспечение производственного процесса. В данном случае договорное регулирование — сугубо гражданско-правовое в форме лицензионного договора.

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет выявить несколько дискуссионных аспектов, требующих дополнительного осмысления.

Во-первых, проблемным и сложно регулируемым вопросом остается институт вознаграждения работника за служебное изобретение, однако в последнее время наметилась стойкая тенденция на первичное гражданско-правовое договорное регулирование и вторичное трудовое регулирование данного вопроса в случае отсутствия договора об авторском вознаграждении работнику.

Во-вторых, как показывает анализ судебной практики (Дело № А40-202764/2018), отсутствие четкого закрепления «творческой трудовой обязанности» в трудовом договоре является основанием для непризнания изобретения служебным, что кардинально меняет распределение прав на результат интеллектуальной деятельности [5, с. 166-167]. Это подтверждает необходимость совершенствования законодательства в части содержания трудового договора с работниками-изобретателями.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ законодательного регулирования договорных основ служебного изобретения и изобретений, созданных при выполнении работ по договору, позволяет сделать вывод о различии природы данных институтов, как предпосылке сложности и комплексности договорного регулирования служебных изобретений.

Специфика природы служебных изобретений заключается в том, что они сочетают в себе и авторский элемент как сугубо гражданско-правовой, и производственный элемент как охватываемый трудовым правом и интересом работодателя. Оба института позиционируются российским законодателем как предметы регуляции преимущественно гражданского права, тем не менее более глубокий анализ законодательства и судебной практики показывает, что текущий подход законодателя к раскрытию договорного регулирования служебных изобретений несовершенен и лексически запутан.

К служебному изобретению применимы сразу три договорные конструкции:

1. ***Трудовой договор*** как фундаментальная и обязательная предпосылка возникновения

отношений по поводу служебного изобретения, а также способ обязательного закрепления творческой трудовой обязанности работника, потенциального изобретения, факультативного закрепления автоматизма перехода исключительных прав к работодателю.

2. ***Лицензионный договор*** в части наделения работодателя правом пользования изобретением работника в случае перехода исключительного права к нему при просрочке работодателем срока 6 месяцев для регистрации патента, передачи такого права на регистрацию патента другому лицу. Лицензионный договор имеет место быть и в случае его заключения работодателем с третьими лицами при условии выплаты вознаграждения работнику.
3. ***Договор об отчуждении исключительного права*** в случае досрочного прекращения патента работодателем и перевода исключительных прав работником на себя.

Целесообразным представляется внесение в Трудовой кодекс РФ поправок в части особенностей содержания трудового договора, опосредующего изобретательскую деятельность, с обязательным закреплением «творческой трудовой обязанности» работника, а также внесение в Гражданский кодекс РФ уточняющих поправок применимо к общему слову «договор» в ст. 1370 ГК РФ, с тем чтобы четко определить, о каком именно договоре (трудовом или гражданско-правовом) идет речь в каждом конкретном случае с учетом рассмотренных тенденций в судебной практике и запутанного механизма работы ныне латентных, сложно различимых и коррелирующих бланкетных норм.

Список литературы:

[1] Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 7 июля 2021 г. по делу № 33-5004/2021(2-241/2020). // Судебные решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/60697915 (дата обращения: 05.06.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4): федеральный закон от 18 декабря 2006 года N 230-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ст. 3301.

[3] Калачева Т.Л. Служебные результаты интеллектуальной деятельности в сфере патентного права: вопросы совершенствования законодательства // Вестник ВУиТ. 2022. №2 (101). — С. 84–91.

[4] Кряжева Е. Н. Проблема злоупотребления правом субъектами служебных изобретений, полезных моделей, промышленных образцов / Е. Н. Кряжева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 2(36). – С. 83-89.

[5] Малькова С.В., Гражданско-правовые договоры, регулирующие отношения, связанные с созданием служебного изобретения: Диссертация канд. юрид. наук. – М., 2021. – 227 с.

[6] Нагорная Д.В., Соколова О.Г., Правовая охрана служебных изобретений: перспективы развития и баланс интересов работника-автора и работодателя // Скиф. 2021. №5 (57), С. 327–332.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2023 г. N 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 1370 ГК РФ и пункта 3 Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Гидробур-Сервис», // Собрание законодательства РФ, 3 апреля 2023 г. N 14 ст. 2548.

[8] Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1848 “Об утверждении Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы” // Собрание законодательства РФ от 23 ноября 2020 г. N 47 ст. 7548.

[9] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 августа 2019 г. № С01-446/2019 по делу N А40-202764/2018. // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72479020/ (дата обращения: 05.06.2026).

[10] Салицкая Е. А. Выплата вознаграждения авторам служебных произведений: правовые аспекты / Е. А. Салицкая // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2016 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2016. – С. 552-559.

References:

[1] Appellate ruling of the Altai Krai Court dated July 7, 2021 in case No. 33-5004/2021(2-241/2020). // Court decisions of the Russian Federation. URL: https://судебныересения.рф/60697915 (date of access: 06/05/2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part 4): Federal Law of December 18, 2006 N 230-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 52. - Art. 3301.

[3] Kalacheva T.L. Official results of intellectual activity in the field of patent law: issues of improving legislation // Bulletin of VUiT. 2022. No. 2 (101). — P. 84–91.

[4] Kryazheva E. N. The Problem of Abuse of Rights by Subjects of Service Inventions, Utility Models, and Industrial Designs / E. N. Kryazheva // Journal of the Intellectual Property Court. – 2022. – No. 2(36). – P. 83–89.

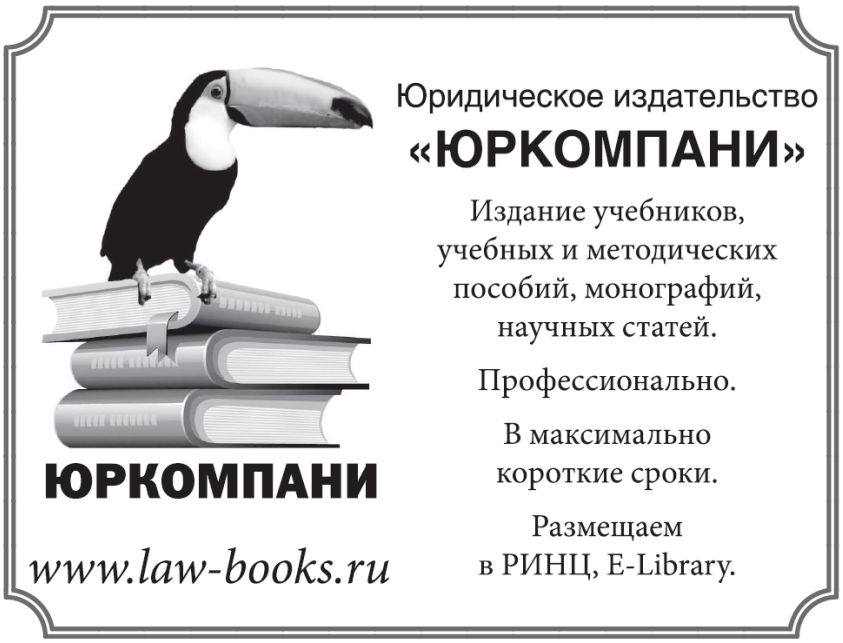
[5] Malkova S. V., Civil Law Contracts Regulating Relations Related to the Creation of a Service Invention: Dissertation of Cand. of Law. – Moscow, 2021. – 227 p.

[6] Nagornaya D. V., Sokolova O. G., Legal Protection of Service Inventions: Development Prospects and Balance of Interests of the Employee-Author and the Employer // Skif. 2021. No. 5 (57), P. 327–332. [7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 24, 2023 No. 10-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 4 of Article 1370 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 3 of the Rules for the Payment of Remuneration for Service Inventions, Service Utility Models, and Service Industrial Designs in connection with the complaint of Gidrobur-Service Limited Liability Company" // Collected Legislation of the Russian Federation, April 3, 2023 No. 14, Article 2548.

[8] Resolution of the Government of the Russian Federation of November 16, 2020 No. 1848 "On Approval of the Rules for the Payment of Remuneration for Service Inventions, Service Utility Models, and Service Industrial Designs" // Collected Legislation of the Russian Federation of November 23, 2020 No. 47, Article 7548.

[9] Resolution of the Intellectual Property Court of August 1, 2019 № С01-446/2019 по карте N А40-202764/2018. // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72479020/ (date of access: 05.06.2026).

[10] Salitskaya E. A. Payment of remuneration to authors of works made for hire: legal aspects / E. A. Salitskaya // The role of intellectual capital in the economic, social and legal culture of society in the 21st century: collection of scientific papers of participants of the International scientific and practical conference, St. Petersburg, November 16-17, 2016. - St. Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2016. - P. 55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-287-293

ПРИМАК Василий Геннадьевич,
судья в отставке, старший преподаватель
Института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: pvg1972.primak@yandex.ru

БЕГИЧЕВА Елена Вячеславовна,
судья в отставке, старший преподаватель
Института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского Технологического Университета «МИРЭА»,
e-mail: sherlen.new@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВНЕСУДЕБНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье рассмотрены актуальные проблемы применения существующих на данный момент правовых механизмов защиты прав пользователей при внесудебных ограничениях в сети Интернет. Автором выявлены права пользователей, затрагиваемые такими действиями; изучены процедуры, дающие им инструменты защиты; выявлены пробелы в законодательстве, которые лишают участников соответствующих правоотношений гарантий полноценного и незамедлительного использования данных инструментов, проанализирована сложившаяся практика и выявлены недостатки и пробелы правового регулирования такой защиты.*

Выдвинуты предположения о возможности и предложены пути совершенствования правового регулирования для достижения баланса интересов личности и государства при применении внесудебных ограничений

Ключевые слова: *свобода слова, свобода выражения мнения, свобода доступа к информации, внесудебные ограничения, публичные интересы, судебный контроль.*

PRIMAK Vasily Gennadievich,
retired judge, senior lecturer
at the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies
Russian Technological University "MIREA"

BEGICHEVA Elena Vyacheslavovna,
retired judge, senior lecturer
at the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies
of the Russian Technological University "MIREA"

ON THE ISSUE OF THE LEGAL REGULATION OF EXTRAJUDICIAL RESTRICTIONS IN THE INTERNET SPACE

Annotation. *The article discusses the current problems of applying the currently existing legal mechanisms for protecting users' rights in case of extrajudicial restrictions on the Internet. The author identifies the rights of users affected by such actions; examines procedures that provide them with protection tools; identifies gaps in legislation that deprive participants in relevant legal relations of guarantees for the full and immediate use of these tools; analyzes established practice and identifies shortcomings and gaps in the legal regulation of such protection. Assumptions are made about the possibility and proposed ways to improve legal regulation in order to achieve a balance of interests of the individual and the state in the application of extrajudicial restrictions.*

Key words: *freedom of speech, freedom of expression, freedom of access to information, extrajudicial restrictions, public interests, judicial control*

Всемирная паутина, на просторах которой по замыслу ее создателей каждый пользователь должен был обладать максимальной степенью свободы получения и распространения информации, давно стала неотъемлемой и привычной частью жизни человечества. В цифровой среде можно получать государственные услуги и совершать сделки, обращаться к многочисленным и разнообразным источникам для получения необходимой информации или развлекательного контента, общаться с тысячами знакомых и незнакомых людей, выражать свое мнение и реализовывать множество иных возможностей. Однако, большая степень свободы и отсутствие контроля неизбежно ведут к злоупотреблениям, мошенничествам, а порой к использованию возможностей, предоставляемых сетью Интернет, для распространения экстремистских материалов, подготовки террористических актов и даже для ведения информационных войн, то есть для причинения вреда как отдельным личностям, так и обществу в целом. Это в свою очередь приводит к необходимости осуществления контроля со стороны государства за действиями пользователей и владельцев интернет-ресурсов в сети и применения к недобросовестным участникам мер государственного принуждения в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства. Современные государства - в лице специальных служб и уполномоченных государственных органов - предпринимают беспрецедентные усилия для того, чтобы и в рамках новых отношений сохранить хотя бы частичный контроль за деятельностью новых акторов (блогеров, интернет-СМИ, интернет-платформ и т.д.) [1, с.114]. При этом степень осуществляемого вмешательства зависит от принятой в том или ином государстве политико-правовой концепции в отношении свободы распространения информации и выражения своего мнения. Если, США и большинство европейских стран идет по пути минимализации государственных ограничений доступа к контенту, то Китай и ряд иных азиатских государств реализует в интернет-пространстве жесткую политику, направленную на полную изоляцию своих граждан от внешних информационных ресурсов.

С 2012 года, российское государство также принимает разнообразные законы, направленные на регулирование размещения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, причем используя инструменты, позволяющие в широких пределах ограничивать реализацию конституционных прав и свобод граждан: от свободы выражения мнения до права на охрану частной жизни.

Это обуславливает насущную необходимость обозначить существующие на данный момент правовые механизмы защиты прав пользователей при внесудебных ограничениях выявить недостатки и пробелы правового регулирования такой защиты и предложить пути совершенствования баланса интересов.

В России отсутствует прямое закрепление права человека на доступ в Интернет как отдельного конституционного права, но ст. 29 Конституции РФ закрепляет за каждым человеком комплексное субъективное право, складывающееся из свободы слова (ч. 1), свободы выражения своего мнения (ч. 3) и свободы доступа к информации и ее распространения законным способом (ч. 4). Данное положение раскрывается в ст.ст. 3 и 8 Федерального закона от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые предусматривают возможность установления ограничений доступа к информации исключительно федеральными законами и закрепляют перечень информации, доступ к которой не может быть ограничен.

Показательно, что в первоначальной редакции закона органам исполнительной власти не предоставлялось право ограничивать доступ к информации. Вместо этого закон закреплял принцип: ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами как экстраординарная мера в определённых целях — для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности государства. То есть право на ограничение закреплялось на уровне закона, а не делегировалось органам исполнительной власти напрямую. Органы исполнительной власти могли реализовывать такие ограничения только после того, как законодатель прямо предусматривал такую возможность и наделял конкретный орган полномочиями. Однако последующая законодательная эволюция превратила ограничение доступа к информации во внесудебном порядке в универсальный инструмент административного воздействия на информационную среду.

В Российской Федерации наблюдается неуклонный рост общего числа органов исполнительной власти, обладающих полномочиями, позволяющими им ограничивать реализацию конституционных прав и свобод граждан в данной сфере. На сегодняшний день кроме главного цифрового регулятора - Роскомнадзора подобными полномочиями обладает также Генеральная прокуратура РФ, МВД РФ, Роспотребнадзор, ФНС РФ, ФССП РФ, Росздравнадзор, Росалкогольрегулирование. С недавнего времени право обращаться к регистраторам доменов с требова-

нием ограничить доступ к определенным сайтам предоставлено ФСБ РФ в лице Национального координационного центра по компьютерным инцидентам.

Ежегодная официальная статистика по вопросу соотношения числа судебных и внесудебных блокировок в свободном доступе отсутствует, однако анализ обзоров судебной статистики на сайте Верховного Суда РФ и отчётов и новостей на портале Роскомнадзора за последние пять лет позволяет прийти к однозначному выводу о многократном превышении числа ограничительных решений принятых органами исполнительной власти (от 4900 решений в 2020 году до 12900 в 2025) над судебными актами (от 1160 в 2020 году до 1600 в 2025). Следовательно, российская практика допускает отступление от конституционного стандарта, при котором внесудебные процедуры являются исключением, а не системным явлением. При таком подходе именно последующий судебный пересмотр призван выполнять функцию предохранения от произвольной цензуры.

Кроме того, изучение практики рассмотрения национальных дел показывает, что значительная часть споров о блокировке ресурса инициируется уже после фактического ограничения доступа: владельцы сайтов обжалуют действия Роскомнадзора, других органов исполнительной власти или решения судов, принятые без их участия. В ряде резонансных дел суды ограничились формальной проверкой соблюдения процедуры органами, принявшими решение об ограничении доступа, не анализируя содержательного аспекта свободы информации [3, с. 350].

При этом нельзя не признать, что рост числа внесудебных ограничений порождает риски для базовых конституционных прав пользователей — свободы информации, права на доступ к ресурсам, права на справедливое разбирательство. Негативные последствия, которые влекут подобные ограничения могут выражаться в нескольких аспектах.

В ряде случаев блокировка ресурсов ограничивает возможность граждан получать необходимые сведения, пользоваться сервисами, участвовать в цифровой жизни. В частности, замедление или полная блокировка целых платформ, обладающих значительным объемом легитимного образовательного, научного и культурного контента, может вести к избыточному ограничению конституционных прав граждан без сопоставимой пользы для безопасности [4, с. 61]. Отличительными чертами подобных ситуаций является одномоментное ограничение прав большого числа пользователей с лишением их разнообразных возможностей, предоставляемых подвергнутым ограничению ресурсом.

В другой ситуации пользователи может быть причинен вред в результате использования правоприменителем чрезмерных (непропорциональных) мер. На сегодняшний день основным способом ограничения прав и свобод человека в сети Интернет является ограничение доступа пользователей к интернет-ресурсам с помощью фильтрации адресов ресурсов с запрещенной информацией, осуществляемое путем возложения соответствующей обязанности на провайдеров (операторов связи). Однако, блокировка IP-адреса методом последовательного перебора не позволяет обеспечить адресное воздействие и влечет неизбежные негативные последствия для другого контента.

На практике повсеместно встречаются ситуации, когда внесудебные ограничения затрагивают добросовестных пользователей и владельцев ресурсов из-за технических особенностей сетевой инфраструктуры. Наиболее показательны случаи, когда блокировка применяется по IP-адресу, на котором одновременно размещено множество сайтов. Поскольку IP-адрес не всегда однозначно идентифицирует конкретный ресурс, ограничение доступа к нему фактически влечёт «побочную блокировку» (переблокировку) сторонних, не нарушающих закон сервисов.

Характерный пример - массовые блокировки IP-адресов в ходе попыток ограничить доступ к мессенджеру Telegram. Регулятор вносил в реестр целые диапазоны, принадлежавшие крупным хостинг-провайдерам (в т.ч. Google, Amazon) [5]. В результате оказались недоступны легальные сервисы, никак не связанные с объектом ограничения: образовательные платформы, корпоративные ресурсы, облачные хранилища, платёжные шлюзы. Схожий эффект наблюдается при блокировке CDN-сервисов (например, Cloudflare): поскольку через них маршрутизируется трафик тысяч клиентов, ограничение по IP-диапазону затрагивает множество добросовестных сайтов.

С правовой точки зрения такие ситуации порождают системные проблемы для защиты прав пользователей:

Во-первых, это нарушение принципа соразмерности, поскольку ограничение доступа к целому пулу IP-адресов не соответствует критерию пропорциональности: мера явно превышает необходимый для достижения цели объём вмешательства. При этом страдают лица, не причастные к нарушению, а вред носит массовый характер.

Во-вторых, отсутствие индивидуальной вины и персонификации решений. Пользователь или владелец ресурса, не совершавший каких-либо противоправных действий, вынужден испытывать негативные последствия. При внесудеб-

ных процедурах решение об ограничении доступа как правило не содержит отдельной мотивировки применительно к каждому затронутому ресурсу, что снижает предсказуемость правового режима.

В-третьих, дефицит оперативных гарантий защиты лиц, подвергнутых подобным ограничениям. Действующие процедуры уведомления и обжалования как правило не рассчитаны на ситуации «побочных блокировок». Владелец добросовестного сайта узнает о применении ограничения постфактум, а сроки восстановления доступа зависят от скорости взаимодействия операторов связи, хостинг-провайдеров и регулятора. В ряде случаев разблокировка требует длительных согласований и технических действий, что фактически лишает пользователя эффективной защиты в разумный срок.

В-четвертых, ограничение конституционных прав участников правоотношений в интернет-пространстве, которое происходит без достаточных процессуальных гарантий. Блокировка по IP-адресу ведёт к ограничению права на доступ к информации и свободы экономической деятельности (если речь идёт о бизнесе). При этом отсутствует обязательный предварительный судебный контроль и индивидуальная оценка соразмерности ограничительных мер применительно к каждому затронутому ресурсу.

В условиях растущего числа ограничений доступа к информационным ресурсам особую актуальность приобретает существование доступных и эффективных механизмов защиты прав пользователей. Рассмотрим ключевые практические инструменты, доступные лицу, чьи права на получение либо распространение информации ограничили, в различных ситуациях.

В соответствии с положениями ст. 10.6 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» пользователь, полагающий, что решение об ограничении его контента было необоснованным, вправе подать владельцу платформы (соцсети, хостинга и т.п.) соответствующую жалобу, которую владелец платформы обязан рассмотреть в разумный срок (как правило, в течение 3 дней) и уведомить пользователя о результатах. Процедуры рассмотрения обычно закреплены во внутренних правилах платформы (пользовательском соглашении, политике модерации). По результатам рассмотрения жалобы может быть принято одно из следующих решений: отмена ограничения (восстановление контента), подтверждение ограничения с обоснованием; частичная корректировка (например, ограничение доступа для несовершеннолетних). В случае несогласия с решением платформ у пользователя имеется возможность обратиться в зависимости от сути спора в Роскомнадзор или иные надзорные органы, а также инициировать судебное разбирательство.

Если пользователь считает, что ограничение доступа к интернет-ресурсу применено ошибочно и затрагивает его права, гарантированные законом, он вправе направить обращение в соответствующий госорган — например, в Роскомнадзор. Данное право закреплено в ст. 15.3 вышеуказанного федерального закона. Подача обращения возможна через форму на сайте eais.rkn.gov.ru/feedbackForm/, по электронной почте: zapret-info@rkn.gov.ru, через портал «Госуслуги», а также письменно — заказным письмом с уведомлением о вручении либо лично в приёмную территориального органа Роскомнадзора. Срок рассмотрения такой жалобы составляет 30 дней и может быть продлен уполномоченным сотрудником еще на 30.

В контексте споров о нарушении авторских прав, если пользователь считает, что его контент был ошибочно удалён или ограничен, то после получения претензии от правообладателя (например, по процедуре, аналогичной DMCA) он вправе направить правообладателю встречное уведомление, содержащее заявление о добросовестности использования (например, цитирование, пародия и т.п.). Данное право закреплено в ст. 15.7 Закона «Об информации». Платформа обязана уведомить правообладателя о получении встречного уведомления, после чего правообладатель может согласиться с доводами пользователя и отозвать претензию либо инициировать судебное разбирательство. Если в течение установленного срока (как правило 10–14 дней в зависимости от политики платформы) правообладатель не подаёт иск, платформа восстанавливает контент.

Важнейшим механизмом защиты от необоснованных ограничений доступа к информации выступает судебный контроль. Суд проверяет законность решений госорганов и платформ, обеспечивая баланс между публичными интересами и правами пользователей.

Подача административного искового заявления в суд общей юрисдикции или искового заявления о защите интеллектуальных прав является единственным способом защиты прав в случае оспаривания решений государственных органов об ограничении доступа (например, включение в реестр запрещённых ресурсов), при наличии спора о нарушении авторских прав, если стороны не достигли соглашения через встречные уведомления; при наличии жалобы на действия платформ, нарушающие права пользователей (например, необоснованная блокировка аккаунта). Кроме того, судебные процедуры при-

менимы во всех ситуациях, когда внесудебные процедуры оказались неэффективными или были проведены с нарушениями.

Рассмотренные механизмы - взаимодействие с платформами, жалобы государственными органами исполнительной власти, встречные уведомления и судебный контроль - образуют многоуровневую систему защиты прав пользователей. Их сочетание призвано оперативно реагировать на необоснованные ограничения и обеспечивать соблюдение баланса интересов в цифровой среде, однако на практике эта функция не всегда реализуется достаточно полно. Эффективность вышеперечисленных инструментов находится в прямой зависимости от чёткости регламентации процедур, прозрачности решений и готовности органов власти и платформ к конструктивному диалогу с пользователями.

С учетом специфики феномена сети Интернет, для обеспечения надлежащей эффективности видится целесообразным принятие системообразующего Федерального закона, регламентирующего правоотношения, возникающие при использовании «всемирной паутины». Первоочередно, данное правовое регулирование должно быть направлено на обеспечение должной защиты субъектов информационных правовых отношений, возникающих при использовании глобальной сети Интернет [6]. При этом нельзя не согласиться с тем, что работа над системообразующим законопроектом о правоотношениях в сети Интернет, должна проводиться наряду с внесением соответствующих изменений и поправок в ныне действующее законодательство [7, с. 724].

Отметим, что в Государственную Думу России 16 апреля 2026 года поступил от группы депутатов КПРФ проект федерального закона № 1208651-8 «О государственных гарантиях цифровых прав граждан». В данном законопроекте сформулированы принципы государственной политики в цифровой сфере и закреплено как неотъемлемое право на доступ к интернету, в силу чего его ограничение допускается только на основании решения суда. Без судебного акта отключение (ограничение доступа) допускается при подтверждённой кибератаке на критическую инфраструктуру и не более чем на 48 часов. Запрещается массовый мониторинг переписки и коммуникаций пользователей. Наблюдение за конкретным человеком допускается только по решению суда и в рамках уголовного дела. Гражданам гарантируется право оставаться анонимными в интернете. Лишение анонимности возможно по заранее перечисленным основаниям, число которых нельзя увеличить без изменения закона. За незаконное ограничение цифровых прав пострадавший может получить компенсацию за счёт бюджета, а виновным грозит дисциплинарное, административное или уголовное наказание.

Данный законопроект 15 мая 2026 года был возвращен субъекту законодательной инициативы профильным комитетом. Исходя из решения Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи, причиной отклонения послужила необходимость получения заключения Правительства РФ, так как принятие данного закона может привести к дополнительным расходам из федерального бюджета. Представляется, что с учетом развития российской государственной информационной политики по китайско-азиатской схеме в первоначальном виде данный законопроект, почти исключающий возможность внесудебного ограничения доступа к интернет-ресурсам, не будет воспринят законодателем.

На наш взгляд в отсутствие единого законодательного акта, регулирующего сферу цифровых прав одной из существенных проблем ограничения доступа к информационным ресурсам является наличие в действующем законодательстве РФ в сфере ограничения доступа к информации (прежде всего, в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») системных проблем, связанных с технико-юридической архаичностью методов ограничения доступа и дефицитом процессуальных гарантий для владельцев информационных ресурсов.

В настоящее время можно констатировать наличие трех наиболее существенных блоков проблем.

1. Проблемы несоразмерности блокировки, обусловленные использованием концепции «сетевого адреса». Основополагающий дефект текущего регулирования заключается в механизме применения ограничений, предусмотренном «Правилами ведения реестра…», утвержденными Постановлением Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101. Согласно п. 13 данных Правил, оператор связи обязан осуществить ограничение доступа к запрещенному ресурсу по его сетевому адресу (IP-адресу). В эпоху повсеместного использования протоколов HTTPS и технологий виртуального хостинга (CDN, облачные сервисы) один IP-адрес может обслуживать сотни тысяч и миллионы добросовестных ресурсов.

Блокировка IP-адреса является классическим примером нарушения принципа соразмерности, вытекающего из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, так как ограничивает права неопределенного круга владельцев легального контента, не имеющих отношения к противоправному деянию. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 25 от 23.06.2015 косвенно указал на недопустимость

ограничения прав лиц, не являющихся участниками спорных правоотношений, однако эта позиция все еще не нашла закрепления в законодательстве об информации.

2. Терминологическая неопределенность и недостаточно четкие, расплывчатые формулировки оснований блокировки. Статья 15.3 Закона № 149-ФЗ содержит оценочные категории: «информация, склоняющая к массовым беспорядкам», «явное неуважение к обществу», «призывы к экстремизму». Правоприменительная практика Генеральной прокуратуры РФ демонстрирует экстенсивное толкование этих понятий. В частности, требования о блокировке выносятся в отношении публикаций, содержащих аналитику или критику, формально не подпадающих под признаки состава преступления или административного правонарушения. Пробел регулирования здесь кроется в отсутствии легальной дефиниции «деструктивного контента» и четких критериев его отграничения от допустимой общественно-политической дискуссии.

Также критики заслуживает конструкция ст. 15.1 Закона № 149-ФЗ, допускающая внесение в реестр доменных имен на основании судебных актов по конкретным страницам. При отсутствии технической возможности заблокировать отдельную страницу (URL) по защищенному протоколу (HTTPS без технологии DPI с подменой сертификатов), блокировке подвергается весь домен целиком, что создает почву для злоупотреблений и ограничения доступа к архивам научной, медицинской и иной социально значимой информации.

3. Внесудебный порядок, предусмотренный ст. 15.3, характеризуется отсутствием надлежащей правовой процедуры. Уведомление владельца сайта, предусмотренное ч. 6 ст. 15.3 Закона № 149-ФЗ, носит факультативный характер и осуществляется только после фактической блокировки ресурса хостинг-провайдером.

Парадокс ситуации заключается в том, что лицо, чье право на распространение информации ограничено, не признается стороной административного производства. Механизм обжалования требования Генерального прокурора в порядке Кодекса административного судопроизводства РФ фактически неработоспособен, так как процедура блокировки занимает часы, тогда как обеспечительные меры суд накладывает в течение нескольких дней. Более того, владелец ресурса зачастую лишен доступа к тексту самого требования прокурора, что нарушает принцип состязательности.

Для устранения дисбаланса между публичными и частными интересами видится необходимым внесение следующих изменений в законодательство:

1. Создание института обязательного предварительного судебного контроля для контента «на грани». Необходимо внедрение дифференцированного подхода: если контент содержит непосредственную угрозу жизни и жизненно важным интересам (терроризм, детская порнография и т.п.), внесудебная блокировка Генеральной прокуратурой оправдана. Однако для категорий «политического контента» и «неуважения к власти» следует установить обязательную процедуру подачи в суд административного искового заявления с сокращенным сроком рассмотрения (не более 3 суток). При таком подходе владелец ресурса будучи привлечен к участию в деле в качестве заинтересованного лица получит возможность отстаивать свою позицию до применения к нему ограничительных мер.

2. Легализация и системное внедрение точной (URL) блокировки. В ст. 15.3 Закона № 149-ФЗ и подзаконные акты Правительства необходимо внести императивное требование к операторам связи использовать технические средства фильтрации трафика (DPI), позволяющие ограничить доступ исключительно к конкретной странице, а не всему IP-адресу. Техническая способность реализовать URL-блокировку для HTTPS-трафика через систему получения операторами копий сертификатов должна быть закреплена нормативно, с одновременными гарантиями сохранения тайны связи (ст. 23 Конституции РФ) для остального трафика.

3. Необходимо введение ответственности государства за убытки, причиненные несоразмерной блокировкой (избыточная блокировка IP-адреса) в порядке ст. 1069 ГК РФ. Создание такого фискального риска станет для контролирующих органов стимулом к точному определению адреса запрещенного ресурса и к более тщательной оценке зловредности сомнительного контента. При этом лицом, которое может обратиться с подобным требованием может быть владелец сайта, поскольку ни провайдер хостинга, ни регистратор доменного имени (если речь идет о договорной мере по ограничению доступа в виде прекращения делегирования домена) не имеют самостоятельного интереса в отношении информации, распространяемой на сайте [8, с.95].

Совершенствование правового регулирования ограничения доступа к информационным ресурсам должно идти по пути повышения прозрачности, конкретизации норм и внедрения технических решений, минимизирующих побочные эффекты. Ключевой ориентир — баланс между необходимостью защиты общества от реального вреда с одной стороны и сохранением фундаментальных прав пользователей с другой. Только переход от грубых сетевых фильтраций к «юве-

лирной» модерации в сочетании с усилением процессуальных гарантий позволят привести внесудебные ограничения в соответствие со стандартами правового государства, не снижая при этом эффективность противодействия реально опасной информации. Реализация предложенных мер позволит создать более справедливую и эффективную систему государственного регулирования, отвечающую вызовам цифровой эпохи.

Список литературы:

[1] Шаблинский И. Г. Блокировка интернет-ресурсов: судебная практика / И. Г. Шаблинский // Труды по интеллектуальной собственности. — 2021. — Т. 37, № 1–2. — С. 99–115.

[2] Кондрашев А. А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет: российское законодательство и практика / А. А. Кондрашев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — № 2 (35). С. 112-119.

[3] Кириллина А. А. Судебный контроль за блокировкой контента: баланс между свободой информации и публичными интересами / А. А. Кириллина // Молодой учёный. — 2025. — № 49 (600). С. 303-375.

[4] Данилова А. К. Блокировка интернет-страниц: баланс между защитой общества и ограничением информационных свобод / А. К. Данилова, К. И. Павленко // Universum: экономика и юриспруденция. — 2026. — № 2 (136). С. 59-61.

[5] Starzak A. Unintended consequences of IP blocking / A. Starzak, M. Fayed. 2022. // Блог Cloudflare. URL: https://blog.cloudflare.com/ru-ru/consequences-of-ip-blocking/. (дата обращения: 15.06.2026).

[6] Сухаревская А. Кто пострадал от попыток заблокировать Telegram в России / А. Сухаревская, Е. Брызгалова // Ведомости. — 2018. — 17 апр. — URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/04/17/766923-kto-postradal. (дата обращения: 15.06.2026).

[7] Гонежук З. Н. Основные правовые подходы к регулированию ограничений распространения информации в сети Интернет / З. Н. Гонежук // Научный журнал КубГАУ. — 2015. — № 114. — // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pravovye-podhody-k-regulirovaniyu-ogranicheniy-rasprostraneniya-informatsii-v-seti-internet. (дата обращения: 15.06.2026).

[8] Семёнова Е. В. Правовая природа мер по ограничению доступа к информации, распространяемой в сети интернет / Е. В. Семёнова // Труды по интеллектуальной собственности. — 2017. — № 1. — С. 85–115.

References:

[1] Shablinsky I. G. Blocking Internet Resources: Judicial Practice / I. G. Shablinsky // Works on Intellectual Property. - 2021. - Vol. 37, No. 1-2. - Pp. 99-115.

[2] Kondrashev A. A. Main Trends in Restricting Citizens' Constitutional Rights to Information on the Internet: Russian Legislation and Practice / A. A. Kondrashev // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 2 (35). Pp. 112-119.

[3] Kirillina A. A. Judicial Review of Content Blocking: Balance Between Freedom of Information and Public Interests / A. A. Kirillina // Young Scientist. - 2025. - No. 49 (600). Pp. 303-375.

[4] Danilova A.K. Blocking Internet Pages: A Balance Between Protecting Society and Restricting Information Freedoms / A.K. Danilova, K.I. Pavlenko // Universum: Economics and Jurisprudence. - 2026. - No. 2 (136). Pp. 59-61.

[5] Starzak A. Unintended Consequences of IP Blocking / A. Starzak, M. Fayed. 2022. // Cloudflare Blog. URL: https://blog.cloudflare.com/ru-ru/consequences-of-ip-blocking/. (Accessed: 15.06.2026).

[6] Sukharevskaya A. Who Suffered from Attempts to Block Telegram in Russia / A. Sukharevskaya, E. Bryzgalova // Vedomosti. - 2018. - April 17. — URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/04/17/766923-kto-postradal. (Accessed: 15.06.2026).

[7] Gonezhuk Z. N. Basic Legal Approaches to Regulating Restrictions on the Dissemination of Information on the Internet / Z. N. Gonezhuk // Scientific Journal of KubSAU. — 2015. — No. 114. — // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-pravovye-podhody-k-regulirovaniyu-ogranicheniy-rasprostraneniya-informatsii-v-seti-internet. (Accessed: 15.06.2026).

[8] Semenova E. V. Legal nature of measures to restrict access to information distributed on the Internet / E. V. Semenova // Works on intellectual property. - 2017. - No. 1. - P. 85-115.

- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-294-298
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), orcid.org/0000-0002-3852-3128, e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

МОДЕЛИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы правового оформления и законодательного введения принципа свободы совести и веротерпимости, возможные модели толерантности, которым соответствуют некоторые ранее существовавшие и современные философские концепции, а также представлены смысловые оттенки понятия «толерантность».*

Ключевые слова*: толерантность, понятие, конфликт, устойчивость, социокультурная толерантность, отклонение.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Psychological Sciences

TOLERANCE MODELS

Annotation. *The article discusses the issues of legal registration and legislative introduction of the principle of freedom of conscience and religious tolerance, possible models of tolerance, which correspond to some pre-existing and modern philosophical concepts, and also presents the semantic shades of the concept of "tolerance."*

Key words*: tolerance, concept, conflict, stability, sociocultural tolerance, deviation.*

Идея толерантности возникла еще в глубокой античности как решение проблемы отношения к религиозным меньшинствам. Постепенно вырабатывались принципы гуманных взаимоотношений с инаковерующими и инакомыслящими, включающие в себя такие компоненты, как терпимость, лояльность, уважение к вере и взглядам других людей, народов.

Значительный вклад в разработку правового оформления и законодательного введения принципа свободы совести и веротерпимости внесли гуманисты эпохи Возрождения и Реформации, деятели Просвещения (Дж. Локк, «Письма о веротерпимости»; Вольтер, «Трактат о веротерпимости»). Постепенно проблема толерантности перестала ассоциироваться с проблемой лишь религиозной терпимости - одной из составляющих понятия «социокультурная толерантность». В философской литературе в понятии «толерантность», в зависимости от способов градации, выделяют множество типов. По мнению О. Хеффе, толерантность предполагает взаимное уважение различных культур и традиций, признание самоценности других культур [21].

Как отмечает А.Г. Асмолов, смысловые оттенки понятия «толерантность», в зависимости от контекста, отличны. Но при обращении к семантике термина tolerantia (лат.), он выражает три пересекающихся значения:

1. Устойчивость, выносливость.
2. Терпимость.
3. Допуск, допустимое отклонение.

В литературе пишут еще об одном, четвертом аспекте, который исходно связан с воспитанием, воспитанностью и который не менее важен, чем три предыдущих и тоже заслуживает внимания [22].

А.Г. Асмолов отмечает, что: «Особый интерес представляет собой спектр значений перевода термина tolerance (англ.), встречающийся в англо-русском психологическом словаре: приобретенная устойчивость; устойчивость к неопределенности; этническая устойчивость; предел устойчивости (выносливости) человека; устойчивость к стрессу; устойчивость к конфликту; устойчивость к поведенческим отклонениям. Подобное лингвистическое изыскание проделано, прежде всего, для того, чтобы, во-первых, передать наиболее емкое понимание толерантности как устойчивости к конфликтам, и, во-вторых, чтобы избежать суженной и вызывающей ряд недоразумений интерпретации толерантности как терпимости» [23]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что толерантность не равнозначно терпимости, а является многогранным понятием. Так же мы считаем важным отметить, что одной из основных характеристик толерантности является устойчивость к конфликтам.

В.А. Лекторский рассматривает четыре возможные модели толерантности, которым соответствуют некоторые ранее существовавшие и современные философские концепции. Первой моделью является понимание толерантности как безразличия к существованию различных взглядов (например осужденные безразлично относятся к чужой беде, несчастьям и т.п.) и практик, так как последние рассматриваются в качестве «не важных» перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество выделение первой модели толерантности обусловлено, по словам В.А. Лекторского, тем, что существуют мнения, истинность которых не может быть доказана, ибо они базируются на внерациональных основаниях, например, религиозные убеждения, философские теории, мировоззренческие установки, ценности разных цивилизаций, культур, этносов и др. Эти мнения допускаются в том случае, если не противоречат общецивилизационным правилам общежития людей.

Вторая модель выступает как «уважение к другому, которого вместе с тем не могу понимать, и с которым не могу взаимодействовать» (например стратификация в среде осужденных). Эта модель выделяется как признание равноправия всех культур и отсутствия привилегированной системы взглядов и ценностей.

Третья модель представляет понимание толерантности как «снисхождение к слабости других с некоторой долей презрения к ним». Она совпадает с плюрализмом и связана с выделением привилегированной системы взглядов и ценностей.

В качестве четвертой модели толерантность выступает как расширение собственного опыта и критический диалог. Выделение четвертой модели толерантности опирается на признание диалогической природы сознания. В этом понимании толерантность трактуется не просто как плюрализм взглядов и ценностей, а как их «многоканальность», т.е. диалог и глубинное взаимодействие разных позиций [24]. Вероятно третья и четвертая модель наиболее приемлемы для характеристики субъекта, как толерантной позиции личности.

По мнению Р.Р. Валитовой, из выше перечисленные моделей толерантности В.А. Лекторского (1997) лишь последняя представляется плодотворной в современной ситуации, «... толерантность предполагает заинтересованное отношение к другому, желание прочувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум уже потому, что оно - иное, чем-то не похожее на собственное восприятие действительности» [25]. Она рассматривает проблему толерантности как в большей степени этическую, представляя толерантность ценностным, нравственным и исключительно позитивным феноменом. Толерантность является «моральной добродетелью личности, характеризующей ее отношение к «другому» как к свободной, равно достойной личности. Оно состоит в добровольном и сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного его определенными свойствами как внешними (расовые, национальные особенности), так и внутренними (исповедуемая религия, чтимые традиции, нравственные предпочтения), настроенности на диалог и понимание «другого», «отказе от привилегии первого лица, признании и уважении его права на отличие» [26]. Но с точки зрения Р.Р. Валитовой толерантность возникает лишь тогда, когда в силу догматичности мышления, недостатка информации или его стереотипности индивид формирует свое отношение к оппоненту как к противнику, на почве чего простое неприятие может обратиться той или иной формой агрессии. В этом смысле мы разделяем точку зрения Щеглова Е.М. в том, что объектом толерантности, по мнению Валитовой Р.Р., может быть лишь тот человек, который вызывает негативную реакцию индивида. В соответствии с чем, развивая и формируя толерантность как норму для диалогичного сознания мы избегаем негативных реакций в ходе межличностных отношений, что на наш взгляд позволяет избегать деструктивных конфликтных ситуаций [27].

В контексте гуманистического или антропоцентрического подхода человек рассматривается

как самоценнность, неповторимый мир культуры личности, поэтому толерантность в межличностных и межнациональных отношениях проявляется как терпимость к любым действиям и пристрастиям человека. Если, конечно, они не противоречат моральным и правовым нормам общества.

Общий вывод, вытекающий из анализа отечественной и зарубежной литературы можно свести к следующему, что толерантность включает три взаимосвязанных качества:

– признание или способность видеть в другом человеке именно носителя иных ценностей, иной логики мышления, форм поведения, осознание его права быть другим, отличным от остальных;
– принятие или способность позитивного отношения к другому человеку;
– понимание или способность чувствовать другого как самого себя, видеть мир с его позиций и своей собственной одновременно.

Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод, что в юридической литературе толерантность в общении и отношениях проявляется как общая культура человека, его духовность, терпимость в межличностных отношениях между осужденными и сотрудниками УИС, выражается в их способности сопереживать, чувствовать и понимать проблемы других людей, уважать и принимать культуру другого человека, его конституционные права.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[2] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[3] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[4] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[5] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 1. Москва. 2022.

[6] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2023.

[7] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 3. Москва. 2023.

[8] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 4. Москва. 2023.

[9] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 1. Москва. 2024.

[10] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2024.

[11] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 3. Москва. 2024.

[12] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 4. Москва. 2024.

[13] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[15] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[17] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[18] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[19] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[20] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[21] См.: Хеффе О. Плюрализм и толерантность: к легитимации в современном мире // Философские науки. -1991. - № 12. - С. 14-28.

[22] Мириманова М.С. Толерантность и идентичность как ориентиры развития // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 года: В 8 т. СПб., 2003. Т.5. С. 405-408; Синягина Н.Ю. Воспитание толерантности как основа гуманных отношений в обществе // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 года: В 8 т. СПб., 2003. Т.7. С. 211-213.

[23] См: На пути к толерантному сознанию/ Отв.ред. А.Г. Асмолов.-М.:Смысл, 2000. -255с.

[24] Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. - 1997. - № 11. - С. 46-54.

[25] Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель? //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. - 1996. - № 1. -С. 33-37.

[26] Валитова Р.Р. Толерантность как этическая проблема: Дис... канд. философ, наук. - М., 1997 -С.116.

[27] Психопедагогика в правоохранительных органах, 2004, №1(21) стр. 8-10. Толерантность как основа для формирования поликультурной компетентности Е.М. Щеглова

References:

[1] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[2] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[3] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[4] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[5] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 1. Moscow. 2022.

[6] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2023.

[7] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 3. Moscow. 2023.

[8] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 4. Moscow. 2023.

[9] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 1. Moscow. 2024.

[10] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2024.

[11] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 3. Moscow. 2024.

[12] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 4. Moscow. 2024.

[13] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[15] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[17] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[18] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[19] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[20] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[21] See: Heffe O. Pluralism and tolerance: to legitimation in the modern world//Philosophical sciences. -1991. - № 12. - S. 14-28.

[22] Mirimanova M.S. Tolerance and identity as guidelines for development//Yearbook of the Russian Psychological Society: Materials of the 3rd All-Russian Congress of Psychologists. June 25-28, 2003: In 8 tons of St. Petersburg, 2003. T.5. S. 405-408; Sinyagina N.Yu. Education of tolerance as the basis of humane relations in society//Yearbook of the Russian Psychological Society: Materials of the 3rd All-Russian Congress of Psychologists. June 25-28, 2003: In 8 tons of St. Petersburg, 2003. T.7. S. 211-213.

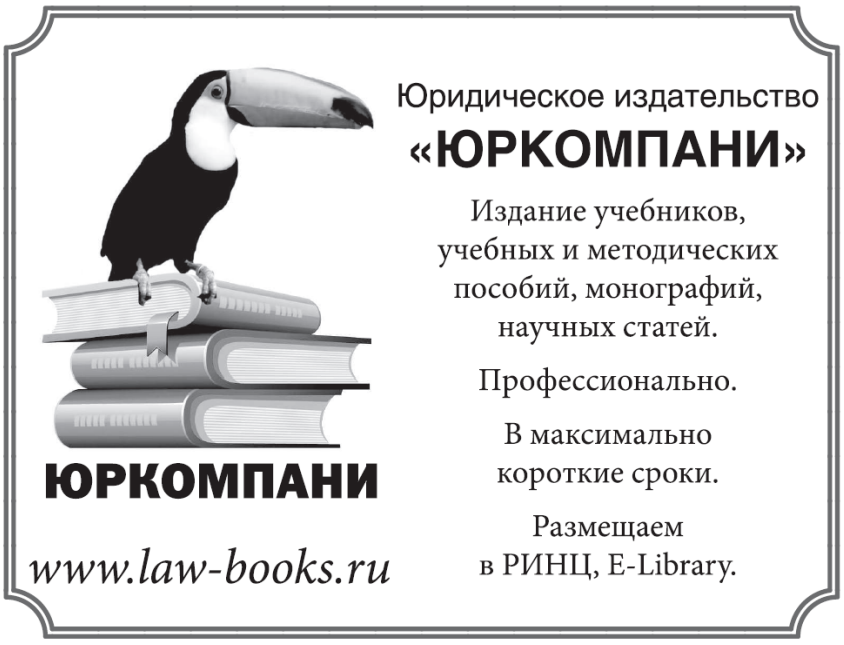
[23] See: Towards a Tolerant Consciousness/ Ed. A.G. Asmolov.-M.: Meaning, 2000. -255s.

[24] Lecturer V.A. On tolerance, pluralism and criticism//Questions of philosophy. - 1997. - № 11. - S. 46-54.

[25] Valitova P.P. Tolerance: Vice or Virtue ?// Westn. Mosk. University. Ser. 7, Philosophy. - 1996. - № 1. -C. 33-37.

[26] Valitova P.P. Tolerance as an ethical problem: Dis... cand. philosopher, sciences. - M., 1997 -S.116.

[27] Psychopedagogy in Law Enforcement, 2004, No. 1 (21) pp. 8-10. Tolerance as a basis for the formation of multicultural competence E.M. Shcheglova

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-299-305
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
Юридического института РУТ (МИИТ),
ORCID: 0000-0001-5045-2054,
e-mail: 000049@bk.ru

РУДАЕВ Сергей Александрович,
доктор педагогических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России
г. Москва, Российская Федерации;
начальник управления научно-исследовательского центра
Военной академии РВСН имени Петра Великого,
г. Балашиха, Российская Федерация,
ORCID: 0009-0005-7730-6838,
e-mail: rudser.177@mail.ru

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ САМОВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье речь идет о методах и организации самовоспитания несовершеннолетних осужденных. Для успешной организации самовоспитания необходимо получение данных о подготовленности осужденных к работе над собой, возможном содержании их самовоспитания.*

Ключевые слова: *методы, самовоспитание, несовершеннолетние осужденные, самообразование, нравственность.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher
of the Federal Scientific Research Institute of the Federal Penal
Correction Service of Russia Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law Enforcement
at the Law Institute of RUT (MIIT)

RUDAEV Sergey Alexandrovich,
Doctor of pedagogical sciences, associate professor,
leading researcher at the NITs-2 PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Head of the Research Center of the Peter the Great Strategic
Missile Forces Military Academy,
Balashikha, Russian Federation

METHODS AND ORGANIZATION OF SELF-EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. *The article deals with the methods and organization of self-education of juvenile convicts. For the successful organization of self-education, it is necessary to obtain data on the readiness of convicts to work on themselves, the possible content of their self-education.*

Key words: *methods, self-education, juvenile convicts, self-education, morality.*

Под методами самовоспитания понимаются способы и приемы воздействия человека на свою личность с целью формирования необходимых общественно значимых качеств.

Основными методами самовоспитания являются самоубеждение, самоуважение, самоприказ, самообразование, самообязательство, самонаказание, самоосуждение, самопроверка, самоотчет.

К самоубеждению осужденный прибегает тогда, когда ему приходится самостоятельно принимать решение, а у него нет уверенности в правильности своих действий. Сущность самоубеждения заключается в том, что осужденный путем рассуждений, как бы беседуя с собой, взвешивает все «за» и «против», доказывает себе правильность одних мыслей и действий и опровергает ошибочность других. Самоубеждение нередко протекает в форме сложной борьбы мотивов, сопровождается настойчивым поиском истины, напряженным размышлением, острыми переживаниями, нравственными коллизиями.

Самовнушение бывает необходимо в особо трудных ситуациях жизни или при особых внутренних состояниях (нерешительность, страх, неуверенность и т.п.), когда нужно не только убедиться в правильности своих мыслей, но и побудить себя преодолеть определенные внешние или внутренние препятствия на пути к достижению поставленных целей.

Самовнушение направлено на самосознание несовершеннолетнего осужденного, на его высшую нервную деятельность, которая включает и рассудок, и поступки правонарушителя. Благодаря самовнушению достигается торможение – возбуждение поступков, действий или смена стереотипа поведения. Самовнушение (словесное) всегда достигается путем непосредственного воздействия прямой речи, имеющей определенное смысловое значение и императивность.

Овладение методом самовнушения требует специальной психической тренировки. Например, несовершеннолетний осужденный, злоупотребляющий спиртными напитками, ежедневно утром, днем и вечером повторяет двадцать и более раз: «Я больше никогда, ни при каких обстоятельствах не буду употреблять спиртных напитков», «Я всегда буду сохранять спокойствие, никогда не буду волноваться, принимать все близко к сердцу», «Я обязательно добьюсь того-то и преодолею то-то» и т.д. Повторяя, нужно настойчиво и упорно думать о содержании фразы.

Самоприказ используется с целью исправления конкретных недостатков и воспитания положительных качеств. Самоприказ требует развитой воли. Известный советский писатель Н. А. Островский в романе «Как закалялась сталь» хорошо показывает психологию самоприказа.

В критический период жизни Павел Корчагин понял, что из-за болезни нет надежды на возвращение в строй. Тогда его рука сама потянулась к револьверу. Но Павел приказал себе: «Спрячь револьвер и никому никогда об этом не рассказывай! Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой, сделай ее полезной». Самоприказ особенно действенен, если он основан на глубокой убежденности в правоте своих ведущих жизненных целей, планов, поступков и действий.

Самоодобрение основано на критическом восприятии себя и результатов своей деятельности и применяется в тех случаях, когда потеряна вера в себя или тогда, когда возникает страх перед трудностями.

В качестве средства самоодобрения используются примеры других людей, которые добиваются в тех же условиях больших результатов. Самоодобрение выражается в формуле: «Правильно, молодец, так держать».

К самообязательству как методу самовоспитания осужденный прибегает для того, чтобы вести себя подобающим образом и доводить начатое дело до конца. Принимая самообязательство перед коллективом в присутствии воспитателя, осужденный как бы отрезает себе путь к отступлению.

Самоосуждение применяется в тех случаях, когда неправильно была поставлена цель или избраны ошибочные приемы самовоспитания. Самоосуждение не должно носить характера самоунижения, апатии, ухода в себя, напротив, оно применяется для стимулирования работы над собой. Самоосуждение иногда выступает в виде самоотрицания.

Самопроверка – это проба своих сил и возможностей на различных стадиях самовоспитания, особенно в начальный период. В условиях колонии она может принять ложные формы. Осужденный, например, проверяет силу своей воли, твердость характера не в образцовом труде, а в грубых нарушениях правил поведения, дисциплины, оттачивает свою речь не на уроках русского языка, а путем изучения жаргона и т.п. Развитию умения проверять себя способствует трудовое соревнование, политико-воспитательные мероприятия, учеба в общеобразовательной школе и ПУ.

Самоотчет, как правило, подводит итоги работы над собой за определенный период. Формами самоотчета могут быть добровольные отчеты о выполнении принятых индивидуальных

трудовых обязательств (самообязательств) на собрании коллектива звена, бригады или отряда, на заседании совета коллектива отряда или колонии, прохождение в установленном порядке аттестации на совете воспитателей отряда, а также «смотры полезных дел». Самоотчет завершается пересмотром и переработкой программы самовоспитания.

Формами контроля за выполнением несовершеннолетними осужденными программ и членов самовоспитания являются: беседы; отчеты на совете коллектива отряда и совете воспитателей, на собраниях звена, бригады, отряда, перед шефами, на заседании аттестационной комиссии; проверка воспитателем дневника (при условии, если осужденный ведет его).

Успехи или неудачи в самовоспитании должны быть оценены осужденными и в некоторых случаях сопровождаться самонаказанием (например, лишение себя посещения кино) или самопоощрением (дополнительный отдых в свободное время).

Деятельность несовершеннолетних осужденных по самовоспитанию необходимо стимулировать, создавать такие условия исправления, которые побуждали бы правонарушителей к управлению своим поведением. Осознанию осужденным своих достоинств и недостатков, стимулированию усилий по самовоспитанию способствуют здоровое общественное мнение в коллективе, коллективная оценка степени исправления, уровня работы над собой.

Самовоспитание несовершеннолетних осужденных – это не случайный, стихийно возникающий и протекающий процесс. Процесс самовоспитания нужно специально организовывать, осуществлять педагогическое руководство на основе значимых принципов, основными из которых являются:

– поддержание активности и формирование сознательного отношения осужденного к самовоспитанию;
– последовательность и систематичность занятий осужденным самовоспитанием;
– индивидуальный и дифференцированный подход в процессе организации самовоспитания осужденных;
– организация самовоспитания осужденных в коллективе и через коллектив;
– деятельностный подход к организации самовоспитания несовершеннолетних осужденных.

Организация процесса самовоспитания несовершеннолетних осужденных начинается с серьезной теоретической и практической подготовки всего коллектива сотрудников ИУ к этому процессу. Этой цели служат семинары, практические занятия, упражнения, деловые игры, научно-практические конференции. На этих мероприятиях сотрудники овладевают методикой организации самовоспитания осужденных, отрабатывают приемы руководства этим процессом.

В дальнейшем сотрудники ВК организуют процесс самопознания несовершеннолетними осужденными свойств и качеств, выявления своих положительных и отрицательных свойств и качеств. В этот период осужденные составляют самохарактеристики, проводят их обсуждение на общих собраниях отряда, аттестуют осужденных на заседаниях совета коллектива осужденных отряда.

Важное значение в организации и руководстве процессом самовоспитания несовершеннолетних осужденных занимает разъяснительная работа среди осужденных. Целью такой разъяснительной работы является побуждение несовершеннолетних осужденных заниматься самовоспитанием своей личности, развитие у них сознательного отношения к работе над собой. Сотрудники ВК должны добиться того, чтобы осужденные задумались о совершенном преступлении, о своей дальнейшей судьбе, чтобы они сами дошли до сознания необходимости выработать в себе новые положительные общественно полезные морально-волевые качества, взгляды, привычки, получить общее образование и трудовую квалификацию.

Важное значение в этом отношении имеют индивидуальные и групповые беседы с осужденными, в которых воспитатель ставит себе целью навести осужденных на мысль заниматься самовоспитанием. Надо использовать художественную и мемуарную литературу, показывающую людей, которые при самых неблагоприятных условиях и обстоятельствах путем упорной работы над собой становились выдающимися личностями, замечательными учеными, писателями.

Массовое желание заняться самовоспитанием можно пробудить только при постановке этого вопроса перед коллективом осужденных.

Важно при этом побудить заниматься самовоспитанием, прежде всего, наиболее авторитетных в коллективе несовершеннолетних осужденных. Их пример в силу закона психологической индукции может способствовать вовлечению в самовоспитание отсталых осужденных.

Исключительно большое значение имеет разъяснение осужденным сущности самовоспитания, путей и методов работы над собой [1].

Для специальной информации о самовоспитании используются: лекции, доклады, беседы, устные журналы, вечера вопросов и ответов, тематические вечера; многотиражные газеты;

стенная печать колонии и отрядов, радиовещание, наглядная агитация. Нравственное просвещение осужденных в области самовоспитания должно предусмотреть раскрытие таких вопросов, как «Личность и общество», «Самовоспитание и его роль в развитии нравственной личности», «Средства самопознания», «Роль самооценки в самовоспитании», «Самообразование и умственное воспитание», «Эстетическое самовоспитание», «Методы самовоспитания». чтению лекций, проведению бесед о самовоспитании целесообразно привлекать учителей общеобразовательных школ, преподавателей профессионально-технических училищ при ВК, представителей шефствующих предприятий, общественности [2].

На этом этапе важно вооружить осужденных нравственно-правовыми знаниями, предложив им цикл бесед, который предусматривает ознакомление с правами и обязанностями личности в государстве, с основами законности, средствами обеспечения порядка в нашем обществе. Здесь стимулируется общепрофилактическая функция предупреждения отклоняющегося поведения личности. При проведении бесед необходимо обращаться к анализу форм недисциплинированного поведения, к разбору конкретного нарушения нравственного или правового предписания и добиваться того, чтобы содержание бесед приобретало для осужденных личностный смысл, стимулировало их адекватное самосознание. Поступающая к осужденным информация должна сыграть роль приводного механизма к правильному познанию собственного «Я» и формированию на этой основе нравственно-ценных ориентации. Этим приводным механизмом она становится в том случае, если воспитатель хорошо зная психологию и поведение осужденных, анализирует такие факты поведения, действия, которые для них злободневны, хорошо известны, понятны, может быть, даже когда-то совершались, то есть факты, которые способны вызвать подлинную заинтересованность осужденных.

Для успешной организации самовоспитания необходимо получение данных о подготовленности осужденных к работе над собой, возможном содержании их самовоспитания. Такие данные могут фиксироваться сначала с помощью анкет, сочинений, индивидуальных бесед, а затем путем написания осужденными характеристик и самохарактеристик, методом наблюдения за их поведением в различных сферах деятельности (режим, труд, воспитательная работа, учеба в школе и ПУ, общественная работа) [3].

На всех этапах изучения подготовленности осужденного к работе над собой важно выяснить: осознает ли он свою вину и раскаивается ли в совершенном преступлении, признает ли справедливость наказания, а также его переживания. Для этого ставятся вопросы:

1. Считаете ли Вы себя виновным в преступлении?
2. Если не считаете себя виновным в преступлении (полностью или частично), то почему?
3. Если Вам стыдно за совершенное преступление, то перед кем в первую очередь?

Широкие перспективы самовоспитания открывает перед личностью наличие идеала. Идеал как представление о нравственном совершенствовании чаще всего выражается в образе личности, воплотившей такие качества, которые могут служить высшим моральным образцом.

Идеал осознается и переживается человеком.

Для увеличения правовой и нравственно-психологической нагрузки процесса подготовки несовершеннолетних осужденных к самовоспитанию необходимо:

- а) соответствие информативного материала возрастным возможностям восприятия осужденных;
- б) активное участие последних в обсуждении нравственно-правовых и социально-психологических проблем поведения личности в современных условиях жизнедеятельности нашего общества;
- в) проведение занятий в период привлекающих своей значимостью событий для жизни коллектива, общества, государства;
- г) включение в содержание бесед впечатляющих примеров, способных вызвать эмоционально-позитивные переживания личности;
- д) сочетание научных, эмпирических и логических типов морально-правовой доказательности при раскрытии идей и положений самовоспитания;
- е) применение не только словесных, но и технических средств воздействия.

Важнейший этап работы над собой – составление программы самовоспитания. В этот период осужденный должен сравнивать свое «я» в настоящем с тем, каким он видит себя в будущем. В результате сравнения определяется, какие качества нужно в себе развивать и закреплять, а какие – изживать, преодолевать.

В программе, как правило, осужденный указывает: в каких видах самовоспитания предстоит работать над собой (умственном, трудовом, нравственном, эстетическом, физическом, волевом); какие методы самопознания и самооценки будут использованы им в процессе изучения своего

«я»; какие сферы деятельности принесут осужденному наибольший успех в выработке тех или иных положительных качеств.

Исходя из программы самовоспитания, осужденный составляет план работы над собой, в котором указываются порядок действий и сроки исполнения различных мероприятий по самовоспитанию. Например, осужденный А. на основе самопознания путем самонаблюдения, а также самооценки своих действий, поступков, черт характера пришел к выводам о необходимости развивать умственные силы и способности (память, мышление), выработать трудолюбие, развивать художественный вкус, закалять организм физически. С этой целью в плане самовоспитания А. избирает сферы деятельности, в которых наиболее интенсивно могут развиваться положительные качества и одновременно преодолеваться отрицательные: окончить на «хорошо» и «отлично» общеобразовательную школу; постоянно участвовать в индивидуальном и коллективном трудовом соревновании; систематически посещать один из кружков художественной самодеятельности; ежедневно закаливать организм по определенной системе. Программа и план самовоспитания апробируются в личном опыте и постепенно усовершенствуются.

На основе программы и плана самовоспитания намечаются общие правила поведения.

Наиболее ответственным этапом при переходе воспитания самовоспитание является правильная организация различных видов деятельности.

В трудовой деятельности несовершеннолетних осужденных создаются возможности повышения их профессионального мастерства, формирования трудовых навыков, ответственности за порученное дело, самоконтроля при выполнении производственных операций.

Учебная деятельность развивает не только умственные способности осужденных, но и формирует адекватную самооценку своих знаний и уровень притязаний.

Участие несовершеннолетних осужденных в общественной работе значительно оптимизирует процесс формирования адекватной самооценки, способствует осознанию социальной ценности своей деятельности и ее личностный смысл. Знание осужденным личностного смысла участия в разнообразных видах общественной деятельности эмоционально им переживается и нередко принимает характер собственного убеждения [4].

Деятельность несовершеннолетних осужденных в сфере режима отбывания наказания во многом способствует выработке у них сознательной дисциплины, самоконтроля за своими поступками и действиями, собранности, аккуратности.

Активизация самопознания и самовоспитания несовершеннолетних осужденных требует необходимых условий в сугубо внешнем плане. Они должны предметно стимулировать самовоспитание личности. В этом плане накоплен положительный опыт ВК Орловской, Белгородской и других областей.

Здесь сотрудники широко используют уголки самовоспитания. Их композиция может быть произвольной, а информация о самосовершенствовании личности интересной. Названия стендов определяют целевую направленность, например: «В человеке должно быть все прекрасно» или «Сильные волей и чувствами». В качестве эпиграфов были взяты, например, слова великого русского поэта Н. А. Некрасова: «Гражданином быть обязан!», писателя Н. Островского: «Мужество воспитывается изо дня в день, в упорном сопротивлении трудностям», педагога В. А. Сухомлинского – «Самовоспитание – это огромная духовная битва человека за себя».

В информативных заметках, бюллетенях, помещенных на стендах, на конкретных примерах раскрывается логика работы по самовоспитанию, даются советы и рекомендации. Естественно, что уголки самовоспитания – это только одно из условий организации самосовершенствования личности. Они помогают создать психологический климат самовоспитания, его психологическое поле. И чем интереснее в них материал, чем злободневнее, тем они действеннее. Правильно поступают те сотрудники, которые стремятся к созданию лабораторий по самовоспитанию и аутотренингу [5].

Настало время, когда следует переходить от словесных методов самосовершенствования личности к действенным, создавая для этого необходимые условия. Лаборатории по самовоспитанию могут успешно выполнять свою работу в кабинетах трудового обучения, эстетического или спортивно-массового воспитания. Самовоспитание может осуществляться в кабинетах воспитательной работы. В этой комнате проводятся литературные вечера, диспуты, встречи с трудовой интеллигенцией, ветеранами труда и другими интересными людьми.

Здесь совет воспитателей целенаправленно формирует нравственное сознание осужденных, их эстетическое отношение к действительности, создает условия для выработки умений правильно пользоваться свободным временем, способствует развитию правомерного поведения.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика:

современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[2] Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025.

[3] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[4] Вилкова А. В. Теория и практика исправления несовершеннолетних осужденных в России / В сборнике: Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 27-32.

[5] Вилкова А. В. Формирование нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 60-67.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[7] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[8] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[11] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[12] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[13] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практ тическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

References:

[1] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[2] Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of roundtable articles. Tver, 2025.

[3] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[4] Vilkova A. V. Theory and practice of correction of juvenile convicts in Russia/In the collection: Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 27-32.

[5] Vilkova A. V. Formation of moral responsibility of juvenile convicts/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 60-67.

[6] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[7] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[8] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

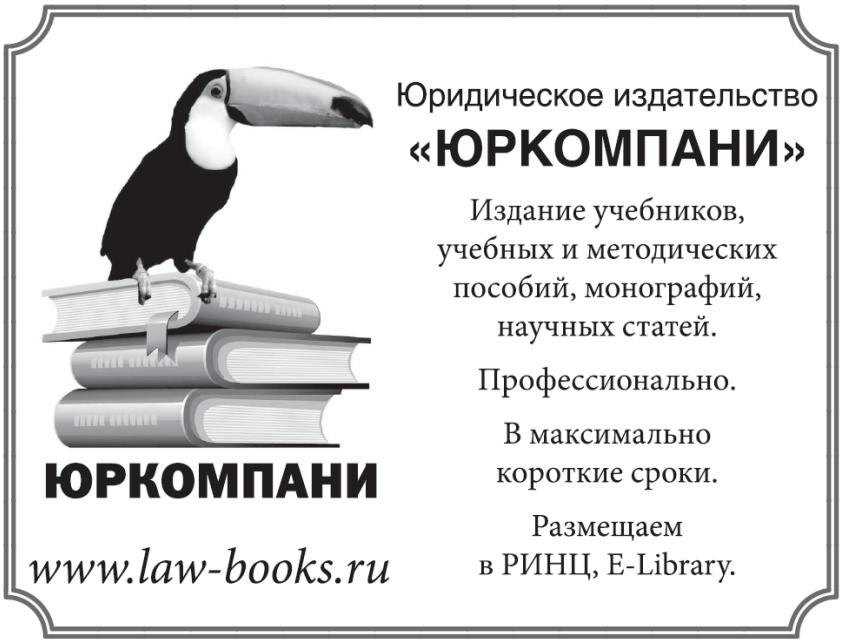
[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[11] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[12] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[13] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-306-310

КОБЛОВ Феликс Черменович,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки,
полковник полиции,
Краснодарский университет МВД России,
e-mail: mirvowsemire@yandex.ru

ХАХУК Артур Азметович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки,
майор полиции, Краснодарский университет МВД России,
e-mail: xax073@mail.ru

ЯКОВЕНКО Вадим Сергеевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки,
майор полиции, Краснодарский университет МВД России,
e-mail: 79298356007@ya.ru

О НЕКОТОРОМ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ, ВПЕРВЫЕ ПРИНЯТЫХ НА СЛУЖБУ В ОВД РФ

Аннотация. *На сегодняшнем этапе развития общества, событий, происходящих в стране, вопросы подготовки сотрудников полиции, отвечающих требованиям рынка труда, приобретают особую актуальность и значимость. Важная роль в подготовке полицейских отводится инновационным, прогрессивным методам обучения, все активней внедряемых в образовательный процесс ведомственных образовательных организаций. По мнению автора, деловая игра является одним из наиболее результативных способов формирования компетенций у сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД РФ.*

Ключевые слова*: эксперимент, деловая игра, положительный опыт, инновационные формы и методы обучения, практико-ориентированность, анкетирование, познавательная деятельность.*

KOBLOV Felix Chermenovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer,
Department of Tactical and Special Training, Police Colonel,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

HAHUK Artur Azmetovich,
Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Police Major,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

YAKOVENKO Vadim Sergeevich,
Lecturer, Department of Tactical and Special Training,
Police Major, Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ON SOME EXPERIENCE OF USING A BUSINESS GAME IN THE TRAINING PROCESS FOR EMPLOYEES WHO HAVE BEEN FIRST HIRED BY THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY

Annotation. *At the current stage of the development of society, events taking place in the country, the issues of training police officers who meet the requirements of the labor market are of particular relevance and significance. An important role in the training of police officers is given to innovative, progressive training methods, which are increasingly being introduced into the educational process of departmental educational organizations. According to the author, the business game is one of the most effective ways to form competencies among employees who were first hired by the RF police department.*

Key words: *experiment, business game, positive experience, innovative forms and methods of teaching, practice-oriented approach, questionnaire, and cognitive activity.*

На сегодняшнем этапе развития общества, событий, происходящих в стране, вопросы совершенствования форм и методов обучения сотрудников полиции, отвечающих сегодняшним требованиям рынка труда, приобретают особую актуальность и значимость. Значимая роль в образовательном процессе при подготовке полицейских отводится инновационным, прогрессивным методам обучения, все активней внедряемых в образовательный процесс ведомственных образовательных организаций. [1]

Возможности многочисленных, разнообразных по направленности и содержанию инновационных технологий, внедряемых повсеместно в образовательную деятельность, широки и значимы.

На сегодняшний день, количество разработанных инноваций довольно значительно. Наиболее активное применение, на сегодняшний день, находят ряд инноваций. Прежде всего, это такие формы и методы обучения, как: адаптивные платформы обучения – подающие материал в реальном режиме времени, учитывающие уровень подготовки обучаемого при подаче учебного материала; геймификации и интерактивные платформы – основанные на использовании игровых элементов, повышающих вовлеченность в процесс обучения; гибридные форматы – сочетающие возможности онлайн- и офлайн-форматов, развивающие навыки командной работы, коммуникации в целом; виртуальной и дополненной реакции – погружающих обучаемого полностью в цифровую среду и позволяющей проводить исследовательские работы в виртуальных лабораториях. [2]

Все большее распространение получает и внедрение искусственного интеллекта. Внедрение инновационных форм и методов обучения положительно сказывается на результатах обучения аудитории, независимо от возраста и направленности в целом, в том числе и при подготовке полицейских.

Учитывая положительный опыт внедрения в образовательный процесс различных инновационных технологий, на заседании кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД России было принято решение о проведении исследования по результатам внедрения в образовательный процесс факультета профессиональной подготовки Краснодарского университета МВД России (далее - ФПП КрУ МВД России) деловой игры.

Исследование проходило в период с июня 2024 года по декабрь 2025 года в несколько этапов. Первый этап: июнь –август 2024 года, второй этап: октябрь 2024 – январь 2025 года.

В дальнейшем, по истечении шести месяцев первого и второго этапов обучения была проведена исследовательская работа, направленная на определение остаточных знаний по материалам занятий, проводимых в форме деловой игры со слушателями экспериментальных групп и контрольных групп, занятия в которых проводились в традиционной, классической форме. В проводимом эксперименте приняли участие 100 слушателей, из числа которых 50 человек составили контрольные группы, 50 человек – экспериментальные группы. С целью подтверждения гипотезы об эффективности применения инновационных форм и методов обучения по истечении шести месяцев со дня окончания обучения на адреса электронных почт всем участникам проводимого эксперимента рассылались задания по тематике занятий, проводимых как в форме деловой игры в экспериментальных группах, так и в классическом, традиционном варианте в контрольных группах. Задание включало решение пяти вводных и двадцати тестовых заданий.

Итоги исследования представлены ниже:

	кг (50 чел.) 1 этап – 25 чел. 2 этап – 25 чел.	эг (50 чел.) 1 этап – 25 чел. 2 этап – 25 чел.	Достоверность степени различий за период проведения эксперимента (%)
1 этап			
Кол-во правильно решенных вводных	98 (78,4 %)	123 (98,4 %)	25 (20 %)
Кол-во правильно решенных тестовых заданий	410 (82 %)	485 (97 %)	75 (15 %)
2 этап			
Кол-во правильно решенных вводных	103 (82,4 %)	125 (100 %)	22 (17,6 %)
Кол-во правильно решенных тестовых заданий	415 (83 %)	483 (96,6 %)	68 (13,6 %)

Полученные при проведения эмпирического исследования данные, в дальнейшем легли в основу проведения занятий в форме деловой игры. И на сегодняшний день, одним из наиболее ценных и эффективных методов, применяемых кафедрой тактико-специальной подготовки ФПП КрУ МВД России в процессе обучения сотрудников, впервые принятых на службу в ОВД, при реализации дисциплины «Деятельность сотрудников ОВД РФ в условиях специальных правовых режимов», является деловая игра. Инновация позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации и отрабатывать навыки их решения в безопасной учебной среде. Отработка тактических действий успешно проходит, как в типовых, так и в нестандартных ситуациях.

Внедрение данной инновации стимулирует активизацию непрерывной познавательной деятельности слушателей на протяжении всего занятия. На наш взгляд, важным является и то, что профессиональные навыки нарабатываются в условиях учебного занятия при относительно низких финансовых затратах (с учетом непрекращающегося роста уровня инфляции, актуальность данного пункта только усиливается) и сохраняющейся возможности проработки различных вариативных решений и развития событий.

Применяемая инновация способствует развитию навыков принятия безошибочных решений в условиях дефицита времени и информации, формированию умений и навыков командной работы и взаимодействию с приданными силами, совершенствованию коммуникативных навыков, закреплению теоретических знаний на практике, психологической готовности при работе в нештатных и стрессовых ситуациях, умению анализировать ошибки и выработке оптимальных стратегий поведения, независимо от сложности решаемых задач.

Реализация дисциплины в формате деловой игры повышает готовность к действиям в стрессовых ситуациях. Реалистичность, практико-ориентированность вкупе с безопасностью, интерактивность, гибкость, наличие обратной связи (преподаватель-слушатель-преподаватель), возможность обучения в составе группы, направленность на развитие творческого, профессионального мышления, возможность имитации деятельности руководителя и подчиненного составляют весомые преимущества данного инновационного подхода. С первых минут занятия слушатели окунаются в проблемную ситуацию, становятся активными участниками разыгрываемых действий. При этом, сценарий проведения занятия можно адаптировать под конкретные задачи, направленные на достижение учебных целей различного формата.

Возможность практического применения приобретенных знаний, умений и навыков при реализации сценария профессиональной деятельности в качестве руководителя, иного участника игры максимально подстегивает и мотивирует каждого слушателя

Во многом, мотивация обеспечивается также наличием состязательности среди участников разыгрываемого сценария, возможностью самореализации в ситуациях практического применения приобретенного багажа знаний, в нештатных ситуациях.

Опыт подготовки и проведения занятий кафедрой тактики-специальной подготовки в формате деловой игры.

Организация занятий в формате деловой игры требует соответствующей и скрупулезной подготовки. Разрабатывается сценарий, определяется место проведения занятия. При необходимости, в зависимости от масштабов и планируемого места проведения, реализация мероприятия согласовывается с органами местного самоуправления и органами внутренних дел соответствующего муниципального округа (в случае, если деловая игра является составляющей проводимых учений, проводимых за пределами территории ФПП КрУ МВД России). На предварительном этапе определяется круг участников: преподаватели, привлекаемые к проведению занятия командиры учебных взводов, статисты, представители практических органов (участковые уполномоченные полиции, эксперты-криминалисты, дознаватели, оперуполномоченные уголовного розыска), личный состав взаимодействующих органов (в случае привлечения) и др. Проведению деловой игры предшествует коллективный просмотр видеоматериалов, ранее проводимых аналогичных занятий. Каждая из ситуаций сопровождается подробным разбором и комментарием. Тут же аудитории предлагается изложить свое видение относительного каждой из ситуаций, что уже на данном этапе способствует зарождению мотивации, желанию окунуться в сложную, пускай и внештатную ситуацию с намерением найти правильное решение в ограниченное время.

Участие преподавателей кафедры в составе одного из звеньев-участников игры (как правило в качестве руководителя) вносит заметное оживление в процесс всего занятия. Повышается уровень самоконтроля, все участники в тонусе, интерес, катализируемый мотивацией, старанием самоутвердиться в роли специалиста, выполняющего все действия на профессионально высоком уровне, заметен невооруженным глазом.

В соответствии с устоявшейся практикой, занятие начинается с краткого инструктажа, где участников ознакамливают с порядком, правилами и условиями проведения деловой игры, целями и задачами занятия, мерами безопасности, содержанием вводной.

В процессе разыгрывания учебных ситуаций, ведущие преподаватели (могут быть и участниками), в зависимости от уровня подготовленности слушателей и хода проведения занятия, с целью мобилизации внимания, внесения некоторых корректив, предлагают для решения участникам игры видоизмененные ситуации, несколько выходящие за пределы первоначальной вводной, направляя их действия в заведомо ложном направлении.

Наработанный опыт полностью себя оправдывает. В процессе обсуждения и поиска правильного решения принимает участие полный состав звена, отделения, взвода, группы и др. В результате, мы наблюдаем активизацию мышления каждого из участников, повышенную степень выраженности мотивации и положительных эмоций, творческое взаимодействие слушателей в составе звена, группы и т.д.

Предварительные итоги подводятся непосредственно на месте проведения занятия. Участникам изначально предлагается самим оценить свои действия и действия товарищей. Критику принято подкреплять приводимыми аргументами. Процесс оценки и разбора ситуаций проходит неоднозначно. Это эмоции, это дискуссии, этот отстаивание своих позиций, своего мнения, личного видения каждой разыгрываемой ситуации, несогласие с оппонентами, непринятие допущенных ошибок и др. Все это вкупе, одновременно, способствует налаживанию дружеских отношений между участниками игры, оттачиванию коммуникативных качеств, являющихся наиболее важными профессиональными качествами, в служебной деятельности каждого сотрудника, большая часть служебного времени которого проходит в общении с гражданами на обслуживаемой территории.

При обсуждении результатов игры с участием преподавателя, подробно разбирается ситуацию в целом. Преподаватель отмечает правильные действия обучающихся лично и в составе группы, обращает внимание на допущенные ошибки.

В последующем, более тщательный разбор занятия в целом, проходит в присутствии всех участников с применением просмотра и обсуждения видеозаписи занятия в целом. Преподаватель очередной раз подробно останавливается на каждой из ситуаций, делая акцент на правильно принятые решения, допущенные ошибки.

Также вводится в практику проведение работы над ошибками. При разборе занятия вниманию обучающихся предлагаются для решения вводные с вариантами ответов различной интерпретации, например: вводная с несколькими вариантами ответов, один из которых правильный; вводная, требующая самостоятельного построения правильного алгоритма действий, либо вводная, все прилагаемые ответы к которой неверны и др.

Стало традицией проведение анкетирования среди слушателей, заканчивающих обучение. Одним из пунктов им предлагается выразить отношение к инновационным видам проведения занятий. В полном составе обучающиеся отмечают эффективность и высокий уровень проведения инновационных видов занятий, легкость

восприятия и запоминания изученного теоретического материала при условии его отработки в процессе деловой игры.

На основе изложенного выше и результатов проведенного исследования можно заключить, что внедрение в учебный процесс деловой игры способствует более эффективному достижению учебных и воспитательных целей, активизации развития аналитического мышления, профессиональных, коммуникативных и психологических навыков, развитию личностных и профессиональных качеств сотрудника полиции, наличие и развитость которых позволит выполнять оперативно-служебные задачи на высоком профессиональном уровне, в том числе в экстремальных условиях.

Список литературы:

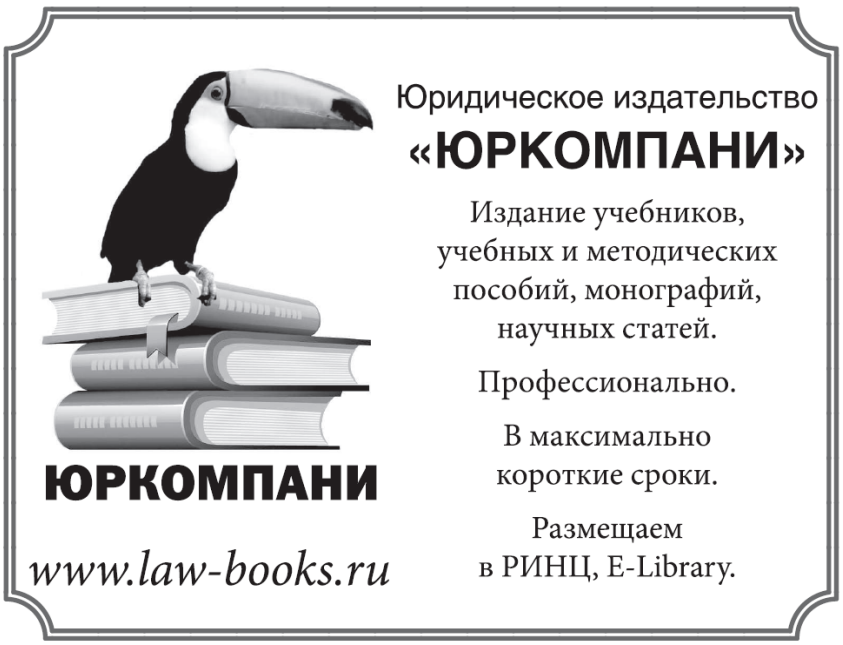
[1] Коблов Ф.Ч. Совершенствование профессионального обучения рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел в условиях региона. Дисс. канд. пед. наук. – Владикавказ, 2015. – 284 с.

[2] А.И. Куров, Л.Л. Тумасян, С.А. Хованский, А.А. Лунин, А.Н. Новиков. Алгоритм построения программы формирования двигательного образа при отработке боевых приемов борьбы в различных ситуациях // Научно-методический журнал. Физическая культура, спорт – наука и практика. № 2 – 2024. С. 60-64.

References:

[1] Koblov F.Ch. Improving the professional training of ordinary and junior commanding officers of the internal affairs bodies in the region. Diss. cand. ped. sciences. - Vladikavkaz, 2015. - 284 s.

[2] A.I. Kurov, L.L. Tumasyan, S.A. Khovansky, A.A. Lunin, A.N. Novikov. Algorithm for constructing a program for forming a motor image when practicing combat techniques of struggle in various situations//Scientific and Methodological Journal. Physical education, sports - science and practice. № 2 – 2024. S. 60-64.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-311-316
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье речь идет проблеме управлении общением несовершеннолетних осужденных, а также о том, что при умелом педагогическом руководстве выборные органы коллектива осужденных играют исключительно важную роль в формировании позитивного общения осужденных в процессе их исправления.*

Ключевые слова: *коллектив осужденных, общение, исправление.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

PROBLEM OF MANAGING COMMUNICATION BETWEEN JUVENILE CONVICTS

Annotation. *The article deals with the problem of managing the communication of juvenile convicts, as well as the fact that with skillful pedagogical leadership, the elected bodies of the collective of convicts play an extremely important role in the formation of positive communication between convicts in the process of their correction.*

Key words: *collective of convicts, communication, correction.*

Проблема управления общением осужденных в настоящее время выдвигается как одна из самых сложных проблем в исправительной педагогике. Сложность этой проблемы в первую очередь определяется тем, что среда осужденных обладает двуединой структурой: официальной и неофициальной. Если обратная информация в области официальных связей, общения и отношений ответственной зависимости поддается распознаванию относительно легко, то спонтанные процессы в структуре неофициальных личных отношений трудно как определить, так и воздействовать на них.

Процессы и явления в сфере общения в среде осужденных могут в большей степени затормозить их исправления.

Эффективность педагогического управления общением осужденных и в личной, и в деловой сферах становится возможной только в том случае, если сотрудники систематически расширяют знания о каждом из них, о малых группах осужденных, закономерностях развития, коллектива и характере его влияния на их внутренний мир.

Педагогическое управление общением осужденных – это сложная комплексная деятельность воспитателя, учителя, мастера, других работников исправительного управления (ИУ), которая охватывает решение организационных, воспитательных, правовых, режимных и других вопросов и направлена на преодоление ранее приобретенных отрицательных представлений, умений, навыков, негативного опыта общения. Центральным звеном педагогического управления общением является осуществление всесторонне обоснованного, целенаправленного воспитания сознания и поведения. Управлять общением осужденных – значит предвидеть противоречия, которые, как правило, возникают в процессе их включения в систему различных отношений, разрешать или преодолевать эти противоречия.

Отечественная педагогика решает проблему управления общением, исходя из тезиса о том, что взаимодействие людей в процессе совместной деятельности является основным проявлением их общественной связи и осуществляется как сознательная психологическая дея-

тельность, а характер взаимоотношений тесно связан с характером их взаимодействия (Л.П. Буева, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев и др.).

Специфика управления общением осужденных заключается в том, чтобы дать им возможность проявить себя в различных видах общественно полезной деятельности, необходимость которой многие из них не осознают. У осужденных в сфере деловых отношений наблюдается конфликтность в общении, что порождает озлобленность, упрямство, негативизм.

Поэтому объективно для осужденных в большинстве случаев наиболее значимо, общение в сфере личных взаимоотношений. При этом на содержание общения осужденных оказывают влияние как прошлый негативный жизненный опыт, так и конкретная ситуация. Реальным носителем общения является группа лиц или, по крайней мере, – двое.

При этом, поскольку общение – это информационное и предметное взаимодействие, в процессе которого реализуется, проявляется и формируется межличностное взаимоотношение, то возможны, как минимум четыре ситуации проявлений внешних действий (взаимодействий).

Исходя из этого, отметим, что правильное, с точки зрения общественных норм действие одного, скажем осужденного А, и ответная правильная реакция другого (осужденного Б) обеспечивает необходимое «нравственное питание» общению, способствует формированию положительных взаимоотношений осужденных (ситуация 1). Это же можно сказать и о ситуации 2, когда отрицательное действие осужденного А вызывает отрицательную реакцию осужденного Б, что предполагает или разрыв между ними в общении, или перестройку во взаимоотношениях. Ситуации 3 и 4 обнаруживают негативную окраску общения. Положительное действие одного осужденного сталкивается с отрицательной реакцией другого (ситуация 3) и, напротив, отрицательная ответная реакция вызывает положительную оценку (ситуация 4). Разумеется общение осужденного в ситуациях 3 и 4 находится на относительно низком нравственном уровне. Естественно, что нельзя не сказать о значительной степени условности вышеизложенного. Ситуации взаимодействия правонарушителей (внешнего проявления характера общения) повторяется бесконечное число раз, и вполне вероятно, что за ситуацией «плюсов» (ситуации 1 и 2) по тем или иным причинам последует неадекватная ей ситуация 3 или 4 и, наоборот, вместо предполагаемого разрыва в ситуации 2, следующий момент приведет к более высокому уровню их общения.

Динамика общения, его движущая сила определяется характером ведущих нравственных отношений личности с участниками общения и в решающей степени содержанием их ведущих мотивов. Кульминация же общения заключается в характере взаимодействия его носителей. Насколько могут быть различными действия (внешние) одного осужденного, настолько же дифференцирована и реакция (ответное действие) другого. Общение на высоком нравственном уровне в значительной степени зависит от того, как каждый из его носителей реагирует на действия (поступки) окружающих, на естественно предъявляемые к нему требования. Усвоение нравственных норм осужденными в первую очередь предполагает ликвидацию отрицательного и накопление положительного опыта общения и нравственных взаимоотношений. Важно учесть при этом, что общий настрой и содержание конкретных взаимоотношений и общения определяются ведущим строем мотивов осужденных, характером его направленности.

В связи с этим задача педагогического управления общением заключается в том, чтобы у осужденного сформировать способность избирательно относиться к внешним влияниям, научить его критически оценивать собственные поступки и действия других людей на основе нравственных норм и принципов и вырабатывать у него стремления к самовоспитанию и самоусовершенствованию.

Процесс педагогического управления общением осужденных условно можно разделить на три взаимосвязанных между собой этапа.

Первый этап состоит в выявлении личной позиции осужденного, зависящей от многих факторов, основными из которых являются:

– направленность личности, выражающаяся, как известно, в жизненных целях, идеалах, стремлениях, взглядах, потребностях, мотивах поведения и деятельности осужденного;
– эмоционально-волевое состояние (заинтересован он или не заинтересован, сосредоточен или рассеян, активен или пассивен, уверен или нет);
– отношение к труду, учебе, общественно полезной работе, коллективу осужденных, малым группам;
– способность правильно оценить свои возможности для выполнения требований, которые ему предъявляют.

На втором этапе проводится психологическая подготовка личности к позитивному общению, воспитание у них внутренней потребности к социально значимому поведению и положительным взаимоотношениям.

С этой целью воспитатель заранее продумывает:

– содержание и источники воздействия (какие идеи, положения окажут на сознание осу-

жденных, их общение и взаимоотношения наибольшее влияние, какие аргументы при этом следует использовать, что будет источником воздействия: слово, пример, демонстрация кинофильма и т.д.);

– методы (убеждение или принуждение, поощрение или упражнение в выполнении установленных норм поведения, в формировании правильных взаимоотношений и формы их осуществления (лекция или беседа, собрание или читательская конференция, тематический вечер или диспут и т.д.).

Психологическая подготовка правонарушителей к позитивному общению проводится при возможно более полном учете типичных и индивидуальных особенностей осужденных, уровня развития коллектива, функционирования в нем малых групп. При этом важно создать благоприятные условия и предпосылки для правильного восприятия осужденными проводимого воздействия (поддерживать у них соответствующее эмоционально-волевое состояние, активизировать интересы и потребности, которые наиболее значимы в данных условиях и т.п.).

На третьем этапе педагогического управления общением осужденных особое внимание уделяется формированию положительно направленной среды осужденных и воспитанию здоровых взаимоотношений в ней. Формирование среды осужденных осуществляется по нескольким направлениям, основными из которых являются изучение психологии осужденных, условий, в которых осуществляется воспитательный процесс, проведение воспитательных мероприятий, направленных на сплочение коллектива, укрепление дисциплины, положительных взаимоотношений в нем, исправление и развитие каждого осужденного.

Знание содержания и направленности общения осужденных достигается при помощи наблюдения, бесед, опросов, экспериментов, анализа результатов деятельности, и других методов, уверенная ориентация во внутриколлективных отношениях являются исходной предпосылкой педагогически обоснованных воспитательных мероприятий по управлению общением осужденных.

Принятое решение считается обоснованным, если в нем учтены межличностные отношения, возможности осужденных, их особенности, уровень развития, т.е. все, что способствует или препятствует процессу формирования позитивного общения осужденных, их исправлению.

Педагогически обоснованное решение характеризуется рядом признаков. Во-первых, замысел должен обеспечивать целесообразное использование позитивной активности осужденных. Во-вторых, индивидуальные поручения и задания, даваемые осужденным, следует разрабатывать и формулировать так, чтобы они их мобилизовывали, вселяли чувство ответственности. В-третьих, предусмотренная замыслом воспитателя расстановка членов коллектива, распределение обязанностей должны обеспечить условия для позитивного общения между осужденными. Кроме того, следует предусмотреть мероприятия по подготовке правонарушителей к выполнению конкретных задач (инструктаж, специальное, целенаправленное обучение, рациональная расстановка актива, пассива, нарушителей и т.д.).

Осуществляя систематическое управление общением, внутрнколлективными отношениями, организуя проведение воспитательных мероприятий, сотрудники колонии, прежде всего, сосредоточивают внимание на межличностных взаимоотношениях, коллективных мнениях, настроениях осужденных, действиях малых групп отрицательной направленности. Важную роль в этом играет совершенствование структуры коллектива осужденных, улучшение психологического климата в нем, регулирование деловых и личных, контактов между ними, а также между осужденными и сотрудниками колонии. Процесс формирования позитивного общения в коллективе осужденных в данном случае целесообразно представить в виде определенной системы. Основными структурными элементами такой системы являются коллектив сотрудников и коллектив осужденных. Функция управления принадлежит коллективу сотрудников, который в своей работе должен руководствоваться едиными режимными и педагогическими требованиями, планами, программами и методиками, единым стилем, тоном и подходом к воспитательному процессу.

Поступающая в подсистему «коллектив сотрудников» внешняя управляющая информация (постановления, указания, приказы, инструкции, распоряжения вышестоящих органов и т.д.) перерабатывается с учетом внутренней информации, которая складывается из наблюдений за общением, характером межличностных отношений, поведением и деятельностью осужденных, изучения результатов их деятельности, бесед, контроля за выполнением общественных поручений и выполнением режимных требований и направляется в качестве внутренней управляющей информации через звенья подсистемы «коллектив сотрудников» (воспитательная часть, режимная служба, производственная и др.) в подсистему «коллектив осужденных».

Наглядно это выражено в схеме.

Схема 1.

Во внутреннюю управляющую информацию входят: все распоряжения по организации совместной трудовой, учебной, общественной деятельности осужденных, требования к повышению ее эффективности, улучшению дисциплины, поощрения, наказания и т.д.

При этом педагогическое управление общением осужденных происходит с учетом обратной информации: психических состояний осужденных, взаимоотношений между ними, возрастных особенностей, степени нравственной запущенности и т.д. В противном случае могут возникать конфликты, тормозящие процесс нормализации позитивного общения и исправления.

Деятельность коллектива сотрудников направлена на то, чтобы нормализовать общение каждого осужденного, с учетом его психолого-педагогических особенностей и возможностей, исправить, научить и приучить к будущей трудовой самостоятельной жизни. При этом предполагается наряду с искоренением неправильных, искаженных нравственных знаний, умений, навыков, отрицательных отношений и свойств личности, формирование положительных мотивов поведения, адекватной самооценки, нравственных убеждений и качеств.

Управляющая функция в «коллективе осужденных» принадлежит общественным органам коллектива осужденных, и поступающая сюда внутренняя управляющая информация воспринимается и перерабатывается активом. На ее основе принимаются определенные решения для всего коллектива и отдельных осужденных.

Вся деятельность осужденных организуется, направляется коллективом сотрудников и активом осужденных. Широкая сеть общественных органов самоуправления – совет коллектива колонии с различными общественными организациями, отрядные советы и их актив – способствует включению осужденных в различные виды общественно полезной деятельности коллектива, нормализации внутриколлективных отношений.

Для нормальной и более эффективной совместной деятельности между подсистемами «коллектив сотрудников» и «коллектив осужденных» должно быть относительное единство. При нарушении его может возникнуть несогласованность в основных звеньях деятельности – мотивах и целях, взаимоотношениях и деловых связях между сотрудниками и осужденными, что затрудняет процесс управления общением осужденных.

Опыт передовых исправительных колоний показывает, что при умелом педагогическом руководстве выборные органы коллектива осужденных играют исключительно важную роль в формировании позитивного общения осужденных в процессе их исправления.

Список литературы:

[1] Васильев, В.Л. Юридическая психология: учеб. для вузов /

В.Л. Васильев. – 5-е изд.; перераб. и доп. – СПб., 2008. – 556 с.

[2] Васильева, З.И. История образования и педагогической мысли

за рубежом и в России: уч. пособие / З.И. Васильева. – М.: Академия, 2001. – 415 с.

[3] Васильев, Ю.В. Педагогическое управление в школе: методология, теория, практика / Ю.В. Васильев. – М.: Педагогика, 1990. – 272 с.

[4] Верб, Л.Я. Под одним кровом. Советы семейного психолога /

Л.Я. Верб. – СпбПитер, 2003. – 256 с.

[5] Верб, Л.Я Половое воспитание школьников как морально-педагогическая проблема; автореф. дис. ... канд. п. наук: / Л.Я. Верб. – Ленинград, 1972. – 19 с.

[6] Вершловский, С.Г. Общее образование взрослых: стимулы и мотивы / С.Г. Вершловский. – М.: Педагогика, 1987. – 184 с.

[7] Вершловский, С.Г. Проблемы гуманизации школьного образования / С.Г. Вершловский // Гуманизация образования. Теория. Практика. – Спб.: СпбГУПМ, 1994. – С. 5-14.

[8] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[10] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[11] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[12] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[13] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[14] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[17] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[18] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

References:

[1] Vasiliev, V.L. Legal psychology: training for universities/

V.L. Vasiliev. - 5th ed.; reworked. and add. - St. Petersburg, 2008. - 556 p.

[2] Vasilyeva, Z.I. History of education and pedagogical thought

abroad and in Russia: academic allowance/Z.I. Vasilyeva. - M.: Academy, 2001. - 415 s.

[3] Vasiliev, Yu.V. Pedagogical management at school: methodology, theory, practice/Yu.V. Vasiliev. - M.: Pedagogy, 1990. - 272 p.

[4] Werb, L.Ya. Under one bed. Family Psychologist Tips/

L.Ya. Verb. - St. Petersburg, 2003. - 256 s.

[5] Werb, L. Ya Sex education of schoolchildren as a moral and pedagogical problem; autoref. dis.... Candidate of Sciences :/L.Ya. Verb. - Leningrad, 1972. - 19 s.

[6] Vershlovsky, S.G. General education of adults: incentives and motives/S.G. Vershlovsky. - M.: Pedagogy, 1987. - 184 s.

[7] Vershlovsky, S.G. Problems of humanization of school education/S.G. Vershlovsky//Humanization of education. Theory. Practice. - St. Petersburg: SpbGUPM, 1994. - S. 5-14.

[8] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[10] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[11] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[12] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[13] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

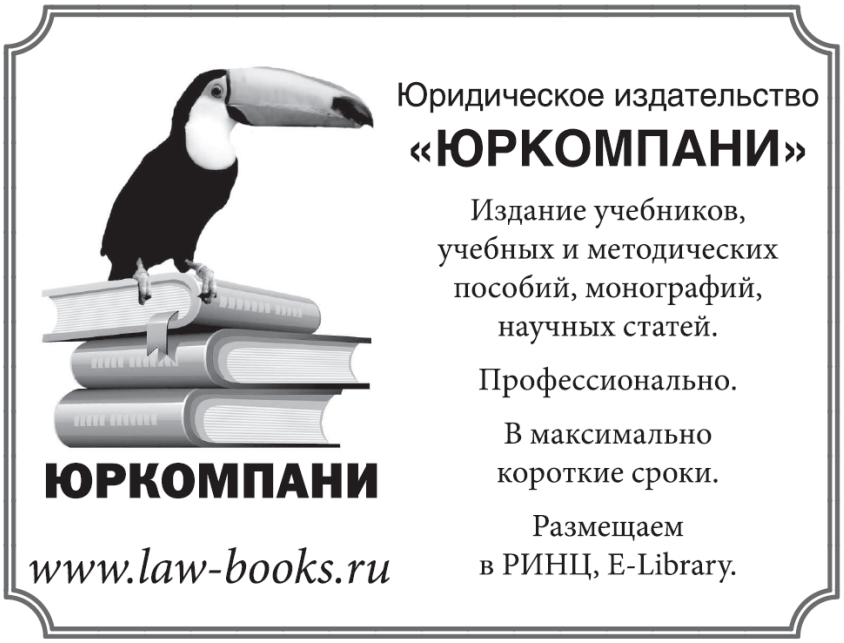
[14] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[16] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[17] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[18] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-317-325
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

КУЛЕШОВ Дмитрий Алексеевич,
аспирант, Федеральное Государственное Автономное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Кафедра информационного права и цифровых технологий, ORCID 0009-0003-7589-9751, SPIN-код 1405-4650, AuthorID 1119258, УДК 34.096, e-mail: dima.kuleshoff@gmail.com

УГРОЗА «HARVEST NOW, DECRYPT LATER» И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ КВАНТОВЫХ ВЫЧИСЛЕНИЙ

Аннотация. *Цель настоящей статьи заключается в теоретической квалификации угрозы «harvest now, decrypt later» (HNDL) в качестве самостоятельного юридически значимого сценария угрозы с отложенной реализацией вредоносных последствий, в систематизации правовых пробелов российского регулирования, обусловленных данной угрозой, в правовом осмыслении технических категорий «горизонт криптоустойчивости» и «криптографическая адаптивность» в качестве самостоятельных правовых категорий российского законодательства, а также в формулировании предложений по совершенствованию законодательства о персональных данных, критической информационной инфраструктуре и информационной безопасности. В результате исследования установлено, что действующее российское законодательство содержит пять структурно различных пробелов применительно к угрозе HNDL: темпоральный, квалификационный, пробел моделирования угроз, стандартизационный и доктринально-политический. Сравнительно-правовой анализ показал, что европейская модель реагирования опирается на динамический стандарт технологической состоятельности мер защиты, американская — на прямые законодательные предписания и техническую стандартизацию NIST; российская система в части постквантовых угроз лишена сопоставимого нормативного содержания. Предложена системная модель устранения выявленных пробелов, основанная на категориях горизонта криптоустойчивости и криптографической адаптивности.*

Ключевые слова: *квантовые угрозы; персональные данные; постквантовая криптография; информационная безопасность; правовые пробелы; квантовый компьютер.*

KULESHOV Dmitrii Alekseevich,
PhD Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)", Department of Information Law and Digital Technologies

THE «HARVEST NOW, DECRYPT LATER» THREAT AND LEGAL MECHANISMS FOR PERSONAL DATA PROTECTION IN THE ERA OF QUANTUM COMPUTING

Annotation. *This article aims to provide a theoretical legal qualification of the «harvest now, decrypt later» (HNDL) threat as an independent legally significant threat scenario involving the deferred manifestation of harmful consequences; to systematise the legal gaps in Russian regulation arising from this threat; to conceptualise the technical notions of the «cryptographic resilience horizon» and «cryptographic adaptability» as distinct legal categories of Russian law; and to formulate proposals for improving legislation on personal data, critical information infrastructure, and information security. The study establishes that current Russian legislation contains five structurally distinct gaps in relation to the HNDL threat: a temporal gap, a qualification gap, a threat-modelling gap, a standardisation gap, and a doctrinal-policy gap. The comparative legal analysis demonstrates that*

the European response model relies on a dynamic standard of technological adequacy of protective measures, whereas the American model is based on direct legislative mandates and NIST technical standardisation; by contrast, the Russian system lacks comparable normative content in relation to post-quantum threats. The article proposes a systemic model for eliminating the identified gaps based on the categories of the cryptographic resilience horizon and cryptographic adaptability.

Key words*: quantum threats; personal data; post-quantum cryptography; information security; legal gaps; quantum computer.*

Введение

Право традиционно реагирует на угрозы после реализации вреда. Угроза «harvest now, decrypt later» (далее — HNDL) разрушает эту логику. Злоумышленник перехватывает зашифрованные данные, не имея возможности их прочитать, и сохраняет их в расчёте на то, что квантовый компьютер в обозримой перспективе позволит вскрыть любой из существующих ассиметричных криптографических алгоритмов [Mosca, 2018: 38–39]. Квантовый компьютер принципиально отличается от обычного не мощностью, а природой вычислений, основанной на квантовых эффектах: он способен решать математические задачи, на вычислительной трудоёмкости которых десятилетиями строилась устойчивость криптографии [Mascelli, Rodden, 2025: 4–5].

В экспертном и регуляторном дискурсе используется термин Q-Day как обозначение момента утраты адекватности существующих криптографических стандартов [Scanlon, Zweifel-Keegan, 2026: 1].

HNDL характеризуется темпоральным разрывом между перехватом и причинением вреда. Материальные последствия проявляются спустя годы или десятилетия после первичного сбора данных [Abdikhakimov, 2026: 2]. И даже полноценный переход на постквантовую криптографию не устраняет ретроспективный риск, он защищает будущие коммуникации, но не данные, уже перехваченные сегодня.

Применительно к российскому праву возникают вопросы, на которые действующее законодательство не даёт ответа. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (далее - 152-ФЗ) использует категорию необходимых и достаточных мер защиты информации, не определяя временной горизонт их достаточности. Возникает вопрос об обязанности операторов учитывать предсказуемые технологические изменения при выборе криптографических средств и о квалификации перехвата зашифрованных данных как самостоятельного нарушения при последующей расшифровке.

Актуальность исследования обусловлена развитием квантовых вычислений [Aggarwal K. et al., 2024: 627-629], институционализацией постквантового перехода в ЕС и США [Scanlon, Zweifel-Keegan, 2026: 3], а также отсутствием в российском законодательстве механизмов учёта HNDL при оценке достаточности мер защиты персональных данных.

Цель статьи состоит в квалификации HNDL как угрозы с отложенной реализацией последствий, выявлении пробелов российского регулирования и предложении модели их устранения.

Методологическую основу составляют формально-юридический анализ законодательства о персональных данных, сравнительно-правовой анализ зарубежных регуляторных решений в сфере постквантовой криптографии и междисциплинарное сопоставление правовых положений с данными технической литературы о квантовой архитектуре и криптографической уязвимости.

Техническая природа угрозы HNDL: правовое значение

Современная инфраструктура защищённой передачи данных основана на сочетании асимметрической и симметрической криптографии: первая преимущественно используется для установления ключей, аутентификации и электронной подписи, вторая для шифрования основного объёма передаваемых данных. Её надёжность связана с особенностями ряда математических задач, решение которых требует значительных вычислительных ресурсов и времени даже при использовании высокопроизводительных систем. Указанная вычислительная сложность выступает гарантией защиты.

Однако, алгоритм П. Шора показал, что при наличии квантового компьютера указанные задачи решаются за несопоставимо малое время [Shor, 1997: 1484]. Это подтверждают и официальные материалы Министерства обороны США, где отмечается способность квантового компьютера компрометировать широко применяемые алгоритмы шифрования, используемые для установления соединений и создания цифровых подписей [18].

HNDL изменяет временную структуру угрозы: технологическая предпосылка нарушения формируется в момент передачи данных, а последствия проявляются позднее.

Для правового анализа существенны три свойства HNDL. Во-первых, при HNDL на момент перехвата данные остаются математически защи-

щёнными, однако их криптографическая устойчивость ограничена во времени [Mascelli, Rodden, 2025: 16].

Во-вторых, невидимость для оператора. HNDL не предполагает активного вмешательства в систему. Перехват трафика возможен без изменения функционирования инфраструктуры, вследствие чего оператор не имеет технической возможности обнаружить такой перехват. Недетектируемость осложняет оценку предсказуемости риска и ставит вопрос о стандарте должной осмотрительности при отсутствии фиксируемых индикаторов.

В-третьих, вероятностный характер будущего вреда. Точный момент появления квантового компьютера нужной мощности неизвестен [19]. Однако угроза основана на устойчивом научном прогрессе и государственных программах разработки [European Commission, 2022: 3, 23]. Для права это означает следующее: если оператор хранит данные, которые должны оставаться конфиденциальными в течение 20–30 лет, он не может игнорировать эту угрозу, ссылаясь лишь на то, что квантовый компьютер ещё не создан. Критерий достаточности мер защиты не может быть привязан исключительно к сегодняшнему состоянию технологий.

Правовая оценка угрозы HNDL в российском праве должна опираться на конструкцию публично-правовой обязанности оператора по обеспечению безопасности персональных данных. В соответствии со статьёй 19 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее - 152-ФЗ) оператор принимает правовые, организационные и технические меры для защиты персональных данных от неправомерного или случайного доступа, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления и распространения. Поскольку при HNDL на момент перехвата содержание данных не раскрывается, возникает расхождение между техническим фактом копирования зашифрованного массива и юридической конструкцией доступа, ориентированной на ознакомление с содержанием персональных данных.

Обязанность оператора конкретизируется в Постановлении Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных», которое предусматривает обеспечение безопасности посредством нейтрализации актуальных угроз. Под актуальными угрозами понимается совокупность условий и факторов, создающих опасность несанкционированного доступа и иных неправомерных действий (пункт 6).

Тип угроз и уровень защищённости определяются с учётом оценки возможного вреда (пункты 7–10). Приказ ФСТЭК России от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» (ред. от 14.05.2020) устанавливает состав организационных и технических мер защиты и связывает их с результатами идентификации актуальных угроз.

Российская модель защиты персональных данных ориентирована на нейтрализацию актуальных угроз и формальное соответствие установленным требованиям. Поэтому использование допустимых и сертифицированных средств защиты, даже при их потенциальной будущей уязвимости, не образует самостоятельного нарушения без предварительного нормативного закрепления обязанности учитывать долгосрочный горизонт криптостойкости.

Право Европейского союза формирует иную конструкцию реагирования на постквантовые риски, чем российская система. Различие заключается в разграничении моделей, ориентированных на формализованные угрозы, и моделей, основанных на оценке вероятности и тяжести будущих рисков [Backman, 2023: 90]. И если российское регулирование обеспечения информационной безопасности преимущественно выстроено по первой логике [Терещенко, 2018: 149], то европейское регулирование следует второй модели, опираясь на изменяемый стандарт мер защиты, встроенный в нормы о защите данных и кибербезопасности.

Регламент (ЕС) 2016/679 (GDPR) закрепляет в статьях 25 и 32 обязанность применять технические и организационные меры с учетом состояния технологий.

Особое значение имеет пункт 26 преамбулы GDPR, предусматривающий учет всех средств, которые могут быть разумно использованы с учетом технологического развития при оценке идентифицируемости. Тем самым временной фактор включается в сам механизм правовой оценки. Потенциальная возможность раскрытия сведений в будущем не выводится за пределы анализа лишь потому, что соответствующие вычислительные мощности еще не получили широкого распространения.

В научной литературе высказывается позиция, согласно которой постквантовые алгоритмы должны рассматриваться как часть развивающегося стандарта должной осмотрительности в сфере защиты данных [Bruno, Spano, 2021: 7]. Из такой интерпретации следует, что применение криптографии, уязвимой к прогнозируемым квантовым атакам, способно быть квалифицировано как несоответствие требованию state of the art в отношении сведений с длительным сроком конфиденциальности.

Директива (ЕС) 2022/2555 закрепляет обязательность мер управления киберрисками для широкого круга субъектов. Конструкция директивы опирается на оценку как актуальных, так и потенциальных угроз. Органы управления субъектов обязаны утверждать меры управления киберрисками и контролировать их исполнение, а государства-члены должны предусмотреть возможность привлечения руководства к ответственности за нарушение соответствующих обязанностей.

Хотя текст директивы прямо не упоминает квантовые сценарии, стратегия HNDL укладывается в категорию предсказуемого технологического риска. Следовательно, ее учет возможен в рамках существующих требований к управлению киберрисками без специальной поправки к директиве.

Переход к институциональному признанию проявился в дорожной карте подготовленной Рабочей группой ЕС по постквантовой криптографии в рамках Группы сотрудничества NIS и опубликованной Европейской комиссией в 2025 году. В документе прямо обозначена проблема ретроспективной дешифровки и установлен ориентир завершения миграции на постквантовую криптографию к 2035 году [EU PQC Workstream, 2025: 2–3, 7].

Европейская модель характеризуется изменяемым стандартом технологической состоятельности мер защиты, институционализированным управлением киберрисками и программным планированием перехода к постквантовой криптографии. В отличие от российской системы, где временная проекция обязанности по обеспечению безопасности прямо не закреплена, право Европейского союза уже содержит нормативные механизмы, позволяющие оценивать бездействие по модернизации криптографической защиты как возможное несоответствие требованиям state of the art и риск-ориентированного управления безопасностью.

Американская система выстроена иначе, чем европейская. Переход к постквантовой криптографии закреплен не через интерпретацию общих принципов, а посредством прямых предписаний федерального уровня.

Федеральный закон H.R. 7535 Quantum Computing Cybersecurity Preparedness Act (Pub. L. 117-260) и последующие федеральные управленческие документы закрепили обязанность агентств провести инвентаризацию криптографических зависимостей [20], выделить данные с длительным сроком конфиденциальности и подготовить планы перехода на алгоритмы, утверждённые NIST [21]. В 2024 году NIST утвердил стандарты FIPS 203, 204 и 205, определившие техническое содержание постквантового перехода. Американская модель тем самым образует трёхуровневую конструкцию: законодательное предписание Конгресса, управленческую координацию исполнительной власти и техническую стандартизацию NIST.

Распространение данной модели на частный сектор осуществляется преимущественно опосредованно через требования к подрядчикам, условия федеральных контрактов и стандарты. В результате квантовый риск получает в федеральном секторе статус фактора, требующего обязательной организационной и технической подготовки.

Сопоставление ЕС и США позволяет выделить две модели превентивного учёта постквантовых рисков: динамическую, основанную на стандарте state of the art, и директивно-стандартизационную, основанную на прямом предписании и стандартах NIST.

Таблица 1. Сравнительная характеристика правовых режимов постквантовой защиты данных

Критерий	Российская Федерация	Европейский союз	США
Нормативное упоминание постквантовой криптографии	Отсутствует в 152-ФЗ и 187-ФЗ	Прямого упоминания в GDPR нет; выводится из «state of the art» (ст. 25, 32 GDPR); признана в EU PQC Roadmap	Прямое признание в Quantum Computing Cybersecurity Preparedness Act
Правовая модель оценки технологического риска	Реактивная; ориентирована на актуальные угрозы (БДУ ФСТЭК)	Динамическая; учитывает технологическое развитие (Recital 26 GDPR); риск-ориентированная модель NIS2	Программно-превентивная; стратегическое признание HNDL (NSM-10)

Обязанность перехода к PQC	Не установлена	Прямой обязанности нет; может выводиться из «state of the art» и risk management	Установлена для федеральных агентств (Pub. L. 117-260)
Техническая стандартизация	Отсутствует	Рекомендации ENISA; EU PQC Roadmap; требования CRA к обновляемости и безопасности продуктов, косвенно поддерживающие криптографическую адаптивность.	Обязательные стандарты NIST FIPS 203/204/205
Юридическое признание угрозы HNDL	Не закреплено	Признана на уровне институтов ЕС (Roadmap)	Прямо отражена в стратегических документах (NSM-10)
Ответственность за бездействие	Специально не предусмотрена применительно к квантовому риску	Общая санкция ст. 83 GDPR (до 4% мирового оборота) потенциально применима при квалификации надзорным органом применяемой криптографии как несоответствующей критерию «state of the art»; специальной санкции за непереход на ПКК не установлено	Контроль исполнения предписаний Pub. L. 117-260 и OMB M-23-02; специальная санкция за непереход законом прямо не установлена

Систематизация правовых пробелов и модель их устранения

В юридической науке пробел понимается как отсутствие нормативного предписания, необходимого для регулирования общественных отношений, объективно требующих правовой регламентации [Горбачева, 2022: 39–40]. В сфере информационной безопасности возникновение таких пробелов обусловлено асимметрией темпов технологического развития и закрепления механизмов реагирования [Семенов, 2022: 94–95]. Исходя из этого, анализ российского регулирования позволяет выделить пять взаимосвязанных пробелов: темпоральный, квалификационный, пробел моделирования угроз, стандартизационный и доктринально-политический.

Темпоральный пробел состоит в том, что статья 19 152-ФЗ и подзаконные акты ФСТЭК не требуют учитывать срок необходимой конфиденциальности данных и риск будущей утраты криптографической стойкости. Надлежащая защита оценивается через соответствие текущим требованиям, а не через способность применяемых средств сохранять конфиденциальность информации в долгосрочной перспективе [Орлова, 2025: 495].

Для устранения данного дефекта целесообразно закрепить две взаимосвязанные категории: «горизонт криптоустойчивости» и «криптографическая адаптивность». Близкие технические понятия уже используются в зарубежной регуляторной и технической практике: cryptographic agility обозначает способность системы к замене криптографических примитивов, а data security lifetime — период, в течение которого сведения сохраняют конфиденциальную ценность. Однако эти категории обычно остаются в технико-организационной плоскости и сами по себе не формируют юридически значимых обязанностей, критериев надзорной оценки и последствий несоответствия. Предлагаемые понятия отличаются именно правовой природой: они должны выступать нормативными критериями достаточности мер защиты.

Под горизонтом криптоустойчивости следует понимать период, в течение которого применяемые средства криптографической защиты обязаны обеспечивать конфиденциальность обрабатываемых сведений с учётом прогнозируемой динамики вычислительных возможностей. Криптографическая адаптивность, в свою очередь, означает свойство информационной системы, позволяющее заменить криптографические алгоритмы и средства защиты без изменения функциональной архитектуры прикладного программного обеспечения.

Эти категории целесообразно закрепить в статье 3 152-ФЗ, а статью 19 дополнить обязанностью оценивать соответствие применяемых средств защиты горизонту криптоустойчивости и обеспечивать криптографическую адаптивность систем, обрабатывающих данные с длительным сроком необходимой конфиденциальности. Детализация порядка оценки, требований к адаптив-

ности и сроков постквантового перехода должна быть отнесена к компетенции Правительства Российской Федерации по представлению ФСБ России и ФСТЭК России.

Квалификационный пробел заключается в отсутствии в российском праве механизмов правовой оценки использования криптографических средств, которые формально соответствуют установленным требованиям, но объективно утрачивают устойчивость в среднесрочной технологической перспективе. Проблема в том, что контроль в сфере защиты персональных данных ориентирован преимущественно на проверку соблюдения установленных требований, а не на оценку фактической устойчивости применяемых технических решений [Полякова, Камалова, 2022: 115–116]. Оператор считается исполнившим возложенные на него обязанности, если применяет допустимые и сертифицированные средства защиты. При этом привлечение к ответственности возможно лишь после предварительного нормативного закрепления соответствующей обязанности, что вытекает из принципа правовой определённости [Савельев, 2015: 55–58].

Устранение данного пробела требует поэтапной модели регулирования. На первом этапе на уровне подзаконного акта следует закрепить обязанность оператора при формировании модели угроз и технического задания определять горизонт криптоустойчивости обрабатываемых сведений, сопоставлять его с характеристиками применяемых алгоритмов и проводить инвентаризацию криптографических зависимостей системы. На втором этапе статью 23 Закона № 152-ФЗ можно дополнить положением, позволяющим Роскомнадзору учитывать при осуществлении контроля заключения ФСБ России и ФСТЭК России о соответствии применяемых средств защиты установленному горизонту криптоустойчивости. Такая конструкция позволит сформировать контрольный механизм без немедленного ужесточения ответственности и чрезмерного регуляторного давления.

Пробел моделирования угроз выражается в отсутствии HNDL в Банке данных угроз безопасности информации ФСТЭК России как самостоятельного сценария. Отсутствие данной угроз не исключает её самостоятельного выявления оператором, однако лишает данный сценарий формализованного статуса и единообразного методического отражения, что затрудняет его систематический учёт при разработке моделей угроз.

Для устранения пробела Банк данных угроз ФСТЭК следует дополнить позицией, описывающей риск перехвата зашифрованных сведений с расчётом на их последующую расшифровку при появлении достаточных квантовых вычислительных ресурсов. Одновременно Методика оценки угроз безопасности информации должна быть дополнена разделом об угрозах с отложенной реализацией, предусматривающим инвентаризацию криптографических зависимостей, классификацию сведений по сроку необходимой конфиденциальности и проверку соответствия применяемых алгоритмов установленному горизонту криптоустойчивости. Такие изменения не расширяют контрольные полномочия ФСТЭК, а корректируют исходную модель угроз с учётом современного уровня технологического развития.

Стандартизационный пробел состоит в отсутствии нормативно оформленного механизма перехода к постквантовой криптографии. Действующая система обязательных требований опирается на признанные средства защиты и формально закреплённые перечни мер, однако не содержит критериев криптографической адаптивности, требований к плановой миграции алгоритмов и сроков завершения постквантовой стандартизации. В связи с этим целесообразно установить предельный срок разработки национального стандарта постквантовых алгоритмов в рамках деятельности ТК26, например не позднее 2027 года. Требования к криптографической адаптивности информационных систем целесообразно закрепить в документах ФСТЭК России, регулирующих моделирование угроз и архитектуру защиты, а требования к замене и применению средств криптографической защиты следует закрепить в документах ФСБ России.

Особое значение постквантовая миграция имеет для объектов критической информационной инфраструктуры первой и второй категорий. Для таких объектов целесообразно ввести обязанность разработки дорожной карты криптографической миграции, содержащей перечень уязвимых компонентов системы, сроки их замены и порядок перехода на устойчивые к квантовым атакам средства защиты. Данный инструмент позволит обеспечить управляемый переход без немедленного введения запретительных мер и соответствует зарубежной практике поэтапной постквантовой миграции.

Доктринально-политический пробел выражается в отсутствии квантовых угроз в стратегических документах информационной безопасности. Его устранение требует не декларативного упоминания HNDL, а закрепления долгосрочной криптографической устойчивости государственных информационных систем и объектов критической инфраструктуры как стратегической цели, а также создания межведомственного механизма постквантовой миграции с участием ФСБ России, ФСТЭК России, Минцифры России, Росатома как ответственной организации по направлению квантовых вычислений и ОАО «РЖД» как ответственной организации по направлению кванто-

вых коммуникаций. Без определения ответственного центра координации постквантовый переход сохранит фрагментарный характер, что особенно существенно с учётом отмечаемой в научной литературе разнородности источников регулирования информационной безопасности [Яковлева, 2021: 74–75].

Выводы.

1. Угроза HNDL представляет собой самостоятельный юридически значимый сценарий, при котором неправомерное копирование зашифрованных данных и окончательная реализация вреда в форме раскрытия их содержания разделены продолжительным временным интервалом.
2. Российское регулирование не содержит целостного механизма учёта HNDL: отсутствуют обязанность учитывать срок необходимой конфиденциальности, критерии оценки алгоритмов с ограниченным горизонтом устойчивости, формализация HNDL в БДУ ФСТЭК, нормативный ориентир постквантовой стандартизации и доктринальное закрепление квантовых рисков.
3. Сравнительное исследование демонстрирует различие двух зарубежных моделей реагирования на постквантовые риски. Европейский режим опирается на изменяемый стандарт технологической состоятельности мер защиты. Американская система использует механизм, основанный на прямых предписаниях федерального уровня и централизованной технической стандартизации. Российская модель ближе к американской, но пока не содержит сопоставимого нормативного наполнения.
4. Категории горизонта криптоустойчивости и криптографической адаптивности позволяют перевести технические параметры постквантового перехода в юридические критерии мер защиты и выступают нормативным содержанием принципа гибридной квантово-безопасной миграции в публично-правовом регулировании квантовых коммуникаций.
5. Устранение выявленных пробелов требует поэтапного сочетания законодательных изменений, обновления методических документов ФСТЭК и ФСБ, завершения постквантовой стандартизации и включения квантовых рисков в стратегическое планирование информационной безопасности.

Список литературы:

[1] Абдихакимов И. Проблема стратегии «перехватить сейчас — расшифровать позже» (HNDL) для международно-правового режима ответственности государств в квантовую эпоху // Elita Law Journal. 2026. № 1 (4). С. 1–12.

[2] Аггарвал К. и др. Квантовые вычисления: навигация по будущему вычислений, вызовы и технологические прорывы // Quantum Reports. 2024. Т. 6. № 4. С. 627–663. DOI: 10.3390/quantum6040039.

[3] Бакман С. Риск-ориентированная и угрозо-ориентированная кибербезопасность: пример ЕС // Европейская безопасность. 2023. Т. 32. № 1. С. 85–103. DOI: 10.1080/09662839.2022.2069464.

[4] Бруно Л., Спано И. Постквантовое шифрование и регулирование приватности: успевает ли закон за технологиями? [Электронный ресурс] // European Journal of Privacy Law & Technologies. 2021. № 1. URL: https://ssrn.com/abstract=3920272 (дата обращения: 05.03.2026).

[5] Горбачева С. В. Теоретические аспекты понятия законодательных пробелов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 39–46. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-4-39-46.

[6] Европейская комиссия. Флагманская программа Европейского союза в области квантовых технологий: основные достижения в 2018–2021 гг. [Электронный ресурс]. Брюссель: Европейская комиссия, 2022. 36 с. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-quantum-technologies-flagship (дата обращения: 15.04.2026).

[7] Маскелли Дж., Родден М. «Собери сейчас — расшифруй потом»: анализ постквантовой криптографии и рисков конфиденциальности данных для сетей распределенных реестров // Finance and Economics Discussion Series. 2025. № 2025-093. Вашингтон: Совет управляющих Федеральной резервной системы, 2025. URL: https://doi.org/10.17016/FEDS.2025.093 (дата обращения: 05.03.2026).

[8] Моска М. Кибербезопасность в эпоху квантовых компьютеров: будем ли мы готовы? // IEEE Security & Privacy. 2018. № 5. С. 38–41.

[9] Орлова К. С. Практика применения законодательства о персональных данных в Российской Федерации: анализ организационных практик, нарушений и правоприменительной деятельности // Вестник науки. 2025. Т. 1. № 12 (93). С. 490–499.

[10] Полякова Т. А., Камалова Г. Г. Новые векторы развития системы правового обеспечения информационной безопасности как одного из приоритетов национальной безопасности (к 30-летию принятия Закона Российской Федерации «О безопасности») // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 112–121. DOI: 10.33184/pravgos-2022.2.12.

[11] Рабочая группа ЕС по постквантовой криптографии. Согласованная дорожная карта перехода к постквантовой криптографии. Часть

1. Версия 1.1 [Электронный ресурс]. Группа сотрудничества NIS, 2025. 17 с. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/coordinated-implementation-roadmap-transition-post-quantum-cryptography (дата обращения: 15.06.2026).

[12] Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.

[13] Семенов Е. Ю. Совершенствование правовых и организационных аспектов защиты персональных данных в Российской Федерации // Закон и право. 2022. № 1. С. 94–96. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-1-94-96.

[14] Сканлон И., Цвайфель-Киган К. Квантовый контекст: право в сфере кибербезопасности после Q-Day [Электронный ресурс] // IAPP. 29 янв. 2026. URL: https://iapp.org/news/a/a-quantum-of-context-cybersecurity-law-after-q-day (дата обращения: 05.03.2026).

[15] Терещенко Л. К. Государственный контроль в сфере защиты персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 142–161. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.142.161.

[16] Шор П. Полиномиальные алгоритмы для факторизации целых чисел и вычисления дискретных логарифмов на квантовом компьютере // SIAM Journal on Computing. 1997. Т. 26. № 5. С. 1484–1509.

[17] Яковлева А. В. Кибербезопасность и ее правовое регулирование (зарубежный и российский опыт) // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 4. С. 70–81. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-4-70-81.

[18] United States Department of Defense (2021) Quantum computing and quantum information science: Frequently asked questions. Washington, DC: U.S. Department of Defense. Available at: https://media.defense.gov/2021/Aug/04/2002821837/-1/-1/1/Quantum_FAQs_20210804.PDF (Accessed: 11 March 2026)

[19] United States Department of Defense (2021) Quantum computing and quantum information science: Frequently asked questions. Washington, DC: U.S. Department of Defense. Available at: https://media.defense.gov/2021/Aug/04/2002821837/-1/-1/1/Quantum_FAQs_20210804.PDF (Accessed: 11 March 2026)

[20] Presman, D. (2024) The U.S. Government's Transition to Post-Quantum Cryptography (PQC). Presentation at the 5th PQC Standardization Conference, 10 April 2024. National Institute of Standards and Technology (NIST). Available at: https://csrc.nist.gov/csrc/media/Presentations/2024/u-s-government-s-transition-to-pqc/images-media/presman-govt-transition-pqc2024.pdf (Accessed: 11 March 2026).

[21] Moody, D. et al. (2024) Transition to Post-Quantum Cryptography Standards. NIST IR 8547. National Institute of Standards and Technology, pp. 20–22. Available at: https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2024/NIST.IR.8547.ipd.pdf (Accessed: 11 March 2026).

References:

[1] Abdikhakimov I. The problem of the "intercept now - decipher later" (HNDL) strategy for the international legal regime of state responsibility in the quantum era//Elita Law Journal. 2026. № 1 (4). S. 1-12.

[2] Aggarwal K, et al. Quantum Computing: Navigating the Future of Computing, Challenges and Technological Breakthroughs//Quantum Reports. 2024. T. 6. № 4. S. 627-663. DOI: 10.3390/quantum6040039.

[3] Buckman S. Risk-oriented and threat-oriented cybersecurity: an example of the EU//European security. 2023. T. 32. № 1. S. 85-103. DOI: 10.1080/09662839.2022.2069464.

[4] Bruno L, Spano I. Post-quantum encryption and privacy regulation: Is the law keeping pace with technology? [Электронный ресурс] // European Journal of Privacy Law & Technologies. 2021. № 1. URL: https://ssrn.com/abstract=3920272 (access date: 05.03.2026).

[5] Gorbacheva S.V. Theoretical aspects of the concept of legislative gaps//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (60). S. 39-46. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-4-39-46.

[6] European Commission. European Union flagship quantum technology programme: Major achievements in 2018-2021 [Electronic resource]. Brussels: European Commission, 2022. 36 c. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-quantum-technologies-flagship (дата обращения: 15.04.2026).

[7] Maschelli J, Rodden M. "Collect Now - Decipher Later": An Analysis of Post-Quantum Cryptography and Data Privacy Risks for Distributed Ledger Networks//Finance and Economics Discussion Series. 2025. № 2025-093. Washington: Federal Reserve Board of Governors, 2025. URL: https://doi.org/10.17016/FEDS.2025.093 (access date: 05.03.2026).

[8] Mosca M. Cybersecurity in the Age of Quantum Computers: Will We Be Ready ?//IEEE Security & Privacy. 2018. № 5. S. 38-41.

[9] Orlova K. S. Practice of applying legislation on personal data in the Russian Federation: analysis of organizational practices, violations and law enforcement activities//Bulletin of Science. 2025. VOL. 1. № 12 (93). S. 490-499.

[10] Polyakova T. A., Kamalova G. G. New vectors for the development of the system of legal sup-

port of information security as one of the priorities of national security (on the 30th anniversary of the adoption of the Law of the Russian Federation "On Security")//The rule of law: theory and practice. 2022. № 2. S. 112-121. DOI: 10.33184/pravgos-2022.2.12.

[11] EU Working Party on Post-Quantum Cryptography. Agreed roadmap for the transition to post-quantum cryptography. Part 1. Version 1.1 [Electronic Resource]. NIS Collaboration Group, 2025. 17 c. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/coordinated-implementation-roadmap-transition-post-quantum-cryptography (дата обращения: 15.06.2026).

[12] Savelyev A. I. Problems of the application of legislation on personal data in the era of "Big Data "//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2015. № 1. S. 43-66.

[13] Semenov E. Yu. Improvement of legal and organizational aspects of personal data protection in the Russian Federation//Law and Law. 2022. № 1. S. 94-96. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-1-94-96.

[14] Scanlon I, Zweifel-Keegan K. Quantum context: cybersecurity law after Q-Day [Electronic Resource]//IAPP. 29 Jan 2026. URL: https://iapp.org/
news/a/a-quantum-of-context-cybersecurity-law-after-q-day (дата обращения: 05.03.2026).

[15] Tereshchenko L.K. State control in the field of personal data protection//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 4. S. 142-161. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.4.142.161.

[16] Shore P. Polynomial algorithms for integer factorization and computing discrete logarithms on a quantum computer//SIAM Journal on Computing. 1997. T. 26. № 5. S. 1484-1509.

[17] Yakovleva A. V. Cybersecurity and its legal regulation (foreign and Russian experience)// Socio-political sciences. 2021. T. 11. № 4. S. 70-81. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-4-70-81.

[18] United States Department of Defense (2021) Quantum computing and quantum information science: Frequently asked questions. Washington, DC: U.S. Department of Defense. Available at: https://media.defense.gov/2021/
Aug/04/2002821837/-1/-1/1/Quantum_
FAQs_20210804.PDF (Accessed: 11 March 2026)

[19] United States Department of Defense (2021) Quantum computing and quantum information science: Frequently asked questions. Washington, DC: U.S. Department of Defense. Available at: https://media.defense.gov/2021/
Aug/04/2002821837/-1/-1/1/Quantum_
FAQs_20210804.PDF (Accessed: 11 March 2026)

[20] Presman, D. (2024) The U.S. Government's Transition to Post-Quantum Cryptography (PQC). Presentation at the 5th PQC Standardization Conference, 10 April 2024. National Institute of Standards and Technology (NIST). Available at: https://csrc.nist.gov/csrc/media/
Presentations/2024/u-s-government-s-transition-to-pqc/images-media/presman-govt-transition-pqc2024.pdf (Accessed: 11 March 2026).

[21] Moody, D. et al. (2024) Transition to Post-Quantum Cryptography Standards. NIST IR 8547. National Institute of Standards and Technology, pp. 20–22. Available at: https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2024/NIST.IR.8547.ipd.pdf
(Accessed: 11 March 2026).

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО-

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-326-331

БРАТУХИНА Екатерина Вячеславовна,
доцент кафедры частно-правовых Волго-Вятского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доцент кафедры юридических дисциплин Кировского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»,
кандидат педагогических наук,
e-mail: Bratykhina-pravo@mail.ru

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ИНСТИТУТА ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье на основе системного анализа доктрины гражданского права, актуального законодательства и новейшей судебной практики исследуется комплекс теоретических и практических проблем, возникающих в процессе реализации наследственных прав. Особое внимание уделяется дефектам правового регулирования фактического и юридического способов принятия наследства, рискам злоупотреблений в сфере семейно-наследственных отношений (включая проблему фиктивных браков), неопределенности правового режима цифровых активов, а также специфике реализации наследственного договора и защиты прав обязательных наследников. Автором предложен научно обоснованный комплекс изменений в Гражданский и Семейный кодексы Российской Федерации, направленный на обеспечение баланса частных и публичных интересов.*

Ключевые слова: *наследственное право, универсальное правопреемство, принятие наследства, фактическое принятие, наследственный договор, цифровые активы, обязательная доля, фиктивный брак.*

BRATUKHINA Ekaterina Vyacheslavovna,
Associate Professor of the Department of Private Law at the Volga-Vyatka Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Associate Professor of the Department of Legal Disciplines at the Kirov Institute (branch) of the Moscow University for the Humanities and Economics, Candidate of Pedagogical Sciences

LEGAL UNCERTAINTY OF THE INSTITUTION OF INHERITANCE ACCEPTANCE: DOCTRINAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

Annotation. *Based on a systematic analysis of the civil law doctrine, current legislation, and the latest judicial practice, this article examines a set of theoretical and practical problems arising in the process of exercising inheritance rights. Special attention is paid to defects in the legal regulation of actual and formal methods of accepting an inheritance, risks of abuse in family and inheritance relations (including the problem of fictitious marriages), the uncertainty of the legal regime of digital assets, as well as the specifics of implementing an inheritance contract and protecting the rights of compulsory heirs. The author proposes a scientifically substantiated set of amendments to the Civil Code and the Family Code of the Russian Federation aimed at ensuring a balance between private and public interests.*

Key words: *inheritance law, universal succession, acceptance of inheritance, actual acceptance, inheritance contract, digital assets, compulsory share, fictitious marriage.*

Институт наследственного права выступает важнейшим гарантом стабильности гражданского оборота и непрерывности имущественных отношений. Обеспечивая переход имущественной сферы умершего гражданина к его правопреемникам, данный институт напрямую реализует положения части 4 статьи 35 Конституции РФ, гарантирующей право наследования.

Как отмечал советский цивилист С. С. Алексеев, наследование представляет собой не просто технический переход имущества, а фундаментальную форму продолжения имущественных отношений личности, тесно связанную с защитой интересов семьи.

Базовым принципом отечественного регулирования наследственных отношений является принцип универсального правопреемства (ст. 1110 Гражданского кодекса РФ), предполагающий переход прав и обязанностей наследодателя к его преемникам как единого целого, в неизменном виде и в один и тот же момент. Однако возникновение потенциального права на наследство требует обязательного условия для его интеграции в имущественную сферу преемника — акта принятия наследства.

Динамичное развитие современных социально-экономических отношений, масштабная цифровизация и новые государственные вызовы обнажили консервативный характер наследственного права, создав ощутимый разрыв между нормами права и выводами правоприменительной практики. Судебные споры последних лет демонстрируют наличие системных дефектов и пробелов в механизмах принятия наследства, что требует глубокого научно-теоретического осмысления и законодательной корректировки.

Российское гражданское законодательство (ст. 1153 ГК РФ) конструирует два самостоятельных способа принятия наследства:

1. Юридический (формальный) — подача заявления нотариусу по месту открытия наследства;
2. Фактический (конклюдентный) — совершение действий, свидетельствующих о вступлении во владение или управление наследственной массой.

Юридический способ обеспечивает максимальную правовую определенность и прозрачность, создавая задокументированную основу для последующей государственной регистрации прав. Напротив, фактический способ носит характер законной презумпции («признается, пока не доказано иное») и ориентирован на защиту интересов наследников, которые в силу юридической неграмотности или объективных причин не обратились к нотариусу, но относятся к имуществу умершего как к своему собственному.

Вместе с тем, открытый характер перечня действий, свидетельствующих о фактическом принятии (п. 2 ст. 1153 ГК РФ), порождает крайнюю неоднородность судебной практики. Цивилистическая доктрина (в частности, труды Е. А. Суханова , В. В. Витрянского , А. П. Сергеева) справедливо рассматривает фактическое принятие как одностороннюю сделку, выраженную в конклюдентной форме. Однако суды нередко сталкиваются с трудностями разграничения временных, вынужденных или эпизодических бытовых действий от действий, реально направленных на установление хозяйственного господства над имуществом.

Как указывает А. Ю. Касаткина , размытость критериев фактического принятия создает почву для злоупотреблений, когда лица через много лет заявляют права на дорогостоящую недвижимость, мотивируя это кратковременным проживанием или оплатой одной квитанции за коммунальные услуги . Остро стоит и доказательственная проблема: в отличие от нотариального заявления, фактическое вступление доказывается косвенными свидетельствами (показаниями очевидцев, чеками, фотоматериалами), которые могут быть фальсифицированы. В связи с этим требуется ужесточение критериев оценки и нормативное закрепление презумпции, согласно которой совершенные действия признаются принятием наследства только при отсутствии мотивированных возражений со стороны других наследников или кредиторов.

Наиболее острой социально-правовой проблемой, проявившейся в правоприменительной практике последних лет, стало отсутствие превентивных барьеров против недобросовестных лиц (в публицистике получивших название «черных вдов»), заключающих фиктивные браки с военнослужащими непосредственно перед их отправкой в зону боевых действий или проведением опасных операций. В силу статьи 1142 ГК РФ супруг является наследником первой очереди, при этом закон не связывает возникновение права на наследство с продолжительностью брачных отношений.

Специфика проведения специальной военной операции повлекла за собой случаи, когда корыстные лица, используя подложные документы (например, фальшивые справки о беременности) или вводя военнослужащих в заблуждение, регистрируют брак без реального намерения создать семью. В случае гибели бойца такие лица претендуют на равную долю в наследственной массе и многомиллионные государственные страховые выплаты, ущемляя права реальных родственников (детей, родителей).

Резонансное дело Тараса Астахова (Ульяновская область, 2025 г.) продемонстрировало,

что 60-летний участник СВО заключил брак с А. Морозовой под влиянием подложной справки о беременности. Совместное хозяйство не велось, стороны не проживали вместе. Только после гибели военнослужащего его сыну при поддержке органов прокуратуры удалось в судебном порядке доказать фиктивность брака, признать «вдову» недостойной наследницей и аннулировать ее претензии на выплаты в размере 15 миллионов рублей . Аналогичный прецедент зафиксирован в Саратовской области в 2025 году, где брак продлился всего два дня до отправки бойца на фронт, и суду потребовались значительные усилия для защиты прав дочери погибшего .

Основной материально-процессуальный тупик заключается в том, что после смерти ключевого участника правоотношений (наследодателя) доказывание отсутствия его воли на создание семьи становится крайне затруднительным. Действующий Семейный кодекс РФ не предусматривает упрощенных процедур для кровных родственников по оспариванию таких браков. Для решения данной проблемы требуется введение материального ограничения — так называемого «испытательного срока» брака (не менее одного года), в течение которого право автоматического наследования супруга ограничивается, если не доказан реальный характер семейных связей (наличие общих детей, длительное совместное проживание, ведение бюджета).

Современное наследственное право столкнулось с абсолютным вакуумом в отношении регулирования цифровой среды. В наследственную массу граждан все чаще входят активы, не имеющие материального выражения, но обладающие высокой экономической ценностью: криптовалюты, электронные деньги, цифровые финансовые активы (ЦФА), доменные имена, монетизированные аккаунты в социальных сетях и игровые профили.

Статья 128 ГК РФ в ее текущей редакции напрямую не классифицирует большинство из этих объектов как самостоятельные элементы гражданских прав, подлежащие универсальному правопреемству. Даже Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» обошел стороной процедурные механизмы их посмертной передачи.

Основная проблема носит технико-правовой характер:

1. Нотариус не имеет легальной возможности выявить наличие криптокошельков, если преемники не предоставят ключи доступа.
2. Наследование децентрализованных криптоактивов невозможно осуществить принудительно: при утрате приватного ключа или сид-фразы имущество навсегда блокируется в блокчейне, становясь «цифровым выморочным имуществом», к которому никто не имеет доступа.
3. Зарубежные и отечественные крупные IT-компании в пользовательских соглашениях чаще всего указывают на личный, непередаваемый характер аккаунта, блокируя доступ преемников даже при наличии свидетельства о праве на наследство.

Отечественному законодателю целесообразно перенимать прогрессивный опыт ближнего зарубежья. Так, в Кыргызстане (2026 г.) разработан и одобрен во втором чтении законопроект, обязывающий эмитентов электронных денег по запросу нотариуса блокировать расходные операции умершего, предоставлять баланс счета и переводить средства правопреемникам . В России назрела необходимость легализации дефиниции «цифровые активы» в ст. 128 ГК РФ и нормативного закрепления конструкции «цифрового завещания».

Введение в 2019 году института наследственного договора (ст. 1140.1 ГК РФ) имело целью расширить диспозитивные начала отечественной цивилистики. Однако до сегодняшнего дня указанная конструкция характеризуется низкой востребованностью из-за высоких рисков для потенциальных наследников. Нормативно-структурное размещение статьи в главе 62 ГК РФ («Наследование по завещанию») размывает самостоятельную правовую природу договора.

Главный недостаток — отсутствие механизма защиты прав приобретателя при жизни отчуждателя. Если наследодатель, заключив наследственный договор, затем распорядится имуществом (продаст, подарит или заложит его), контрагент по договору лишается законных средств защиты, поскольку сам договор активируется только в момент смерти отчуждателя. Не урегулирован до конца и приоритет между цепочкой «наследственный договор — последующее завещание», что плодит судебные споры.

Параллельно фиксируются системные проблемы в реализации права на обязательную долю (ст. 1149 ГК РФ). Данный институт выполняет важнейшую конституционную функцию социальной защиты нетрудоспособных членов семьи. Однако его применение в сфере современного крупного или среднего бизнеса («наследование бизнеса») способно парализовать коммерческую деятельность. Обязательный наследник (например, нетрудоспособный родитель, с которым наследодатель не общался десятилетиями), получая долю в уставном капитале ООО, приобретает статус участника общества. Это нередко порождает затяжные корпоративные конфликты, ставящие компанию на грань банкротства. Действующий

закон не дает другим наследникам-предпринимателям безусловного преимущественного права на выкуп этой доли по рыночной стоимости с выплатой денежной компенсации.

Установленный статьей 1154 ГК РФ жесткий шестимесячный срок для принятия наследства исчисляется с момента смерти гражданина. Этот алгоритм в современных реалиях регулярно нарушает права добросовестных преемников. В условиях боевых действий, техногенных катастроф или проживания родственников за пределами РФ информация о гибели наследодателя может дойти до преемников с задержкой в несколько месяцев. В результате к моменту получения извещения установленный законом срок оказывается упущенным.

Процедура восстановления срока в судебном порядке (ст. 1155 ГК РФ) чрезмерно формализована. Судебная практика демонстрирует жесткий и подчас противоречивый подход к оценке «уважительности» причин пропуска:

1. Кассационные суды указывают, что незнание закона, преклонный возраст или отсутствие квалифицированной юридической помощи не могут служить основаниями для восстановления срока.
2. Напротив, Санкт-Петербургский городской суд признал уважительными причинами нахождение на стационарном лечении и отсутствие почтового сообщения между государствами.

Более того, пункт 1 статьи 1155 ГК РФ указывает, что внесудебный (нотариальный) порядок восстановления срока возможен только при наличии письменного согласия всех остальных наследников, уже принявших наследство. Это ставит опоздавшего преемника в абсолютную зависимость от доброй воли контрагентов, которые чаще всего экономически не заинтересованы в уменьшении своих долей, что вынуждает граждан вступать в затяжные судебные тяжбы.

На основе проведенного исследования автором сформирован пакет комплексных предложений по модернизации части третьей Гражданского кодекса РФ и Семейного кодекса РФ:

1. В сфере семейно-наследственных отношений и противодействия фиктивным бракам:

1.1. Дополнить пункт 4.1 статьи 1117 ГК РФ положением следующего содержания: «Супруг наследодателя, состоявший с ним в зарегистрированном браке менее одного года на момент открытия наследства, призывается к наследованию по закону только в случае, если судом по требованию заинтересованных лиц не будет установлена фиктивность данного брака, либо если выжившим супругом будут представлены доказательства реальности семейных отношений (совместное проживание, ведение общего хозяйства, наличие общих детей или нахождение на иждивении)».

1.2. Внести изменения в абзац 6 пункта 1 статьи 28 Семейного кодекса РФ, расширив круг лиц, имеющих право требовать признания брака недействительным после смерти супруга: «Требование о признании брака недействительным по основанию его фиктивности может быть заявлено родителями и детьми умершего супруга в течение трех лет со дня открытия наследства. При этом бремя доказывания наличия реального намерения создать семью возлагается на ответчика (выжившего супруга), если брак продлился менее одного года».

2. В сфере фактического принятия наследства:

2.1. Изменить редакцию пункта 2 статьи 1153 ГК РФ, зафиксировав презумпцию: «Наследник, совершивший в течение установленного срока принятия наследства одно или несколько действий, свидетельствующих о фактическом вступлении во владение или управление наследственным имуществом, признается фактически принявшим наследство, если иное не установлено судом по требованию других наследников или кредиторов наследодателя. Совершение указанных действий после истечения срока принятия наследства не влечет признания наследника принявшим наследство, кроме случаев восстановления срока в судебном порядке».

3. В сфере регулирования цифровой среды:

3.1. Дополнить статью 128 ГК РФ понятием цифровых активов: «К объектам гражданских прав относятся ... цифровые права, цифровые валюты, а также иные цифровые активы, существующие в электронной форме в рамках информационных систем и обладающие самостоятельной экономической ценностью».

3.2. Разработать и внедрить в ГК РФ статью 1124.1 обязанность наследодателя передавать нотариусу в зашифрованном виде ключи (пароли, сид-фразы) от цифровых активов вместе с их описью, а нотариусу — хранить эти сведения без права ознакомления с их содержанием и выдавать наследникам только после открытия наследства и при предъявлении свидетельства о праве на наследство, не раскрывая сами ключи третьим лицам.

4. В сфере наследственного договора и обязательной доли:

4.1. Осуществить структурное выделение норм о наследственном договоре из главы 62 ГК РФ в самостоятельную главу ГК РФ, предусмо-

трев в ст. 1140.1 право приобретателя на наложение обеспечительных мер (запрета на отчуждение) в ЕГРН в отношении недвижимости, выступающей предметом договора, для защиты от недобросовестных действий отчуждателя при его жизни.

4.2. Дополнить пункт 6 статьи 1149 ГК РФ нормой о защите бизнеса: «При наследовании долей в уставном капитале хозяйственных обществ, паев в производственных кооперативах или имущества крестьянского (фермерского) хозяйства, наследники, обладающие преимущественным правом на получение указанных объектов, вправе в судебном порядке требовать выплаты обязательному наследнику соразмерной денежной компенсации рыночной стоимости его обязательной доли вместо включения его в состав участников (членов) соответствующего юридического лица».

5. В сфере исчисления и восстановления сроков:

5.1. Дополнить пункт 2 статьи 1155 ГК РФ новым абзацем, упрощающим процедуру восстановления сроков для уязвимых категорий (включая родственников погибших участников СВО): «В случае, если наследник пропустил срок принятия наследства по уважительной причине, связанной с несвоевременным официальным извещением о смерти наследодателя, восстановление срока и перераспределение долей может быть осуществлено нотариусом во внесудебном порядке на основании заявления такого наследника, при условии обязательного предварительного уведомления нотариусом всех остальных наследников и предоставления им тридцатидневного срока для реализации права на судебное оспаривание».

Проведенное исследование доказывает, что современный институт принятия наследства в Российской Федерации нуждается в глубокой системной модернизации. Эффективность наследственного права напрямую зависит от его способности оперативно реагировать на внешние вызовы — будь то появление высокотехнологичных цифровых объектов или необходимость пресечения мошеннических схем с использованием фиктивных браков в условиях проведения военных операций.

Предложенный комплекс изменений в Гражданский и Семейный кодексы РФ позволит преодолеть существующий дуализм и неопределенность судебной практики, защитит права добросовестных преемников, минимизирует риски корпоративных конфликтов при выделе обязательной доли и сформирует прочный фундамент для прозрачного оборота цифрового имущества завещателя, гарантируя стабильность и справедливость частноправовых отношений в России.

Список литературы:

[1] Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 259-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2026). — Режим доступа: справочно-правовая система. — Текст : электронный.

[2] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30 ноября 2021 г. № 33-26308/2021. — URL: https://actofact.ru/case-78OS0000-33-26308-2021-2021-11-01-0-1/ (дата обращения: 29.05.2026). — Текст : электронный.

[3] Решение Зюзинского районного суда г. Москвы от 28 сентября 2022 г. № 2-3535/2022. — URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zyuzinskij/services/cases/civil/details/f1ace7d1-c46e-11ec-86c6-d13918f6ff64?caseNumber=+№+2-3535/2022+от+28.09.2022+года.+ (дата обращения: 26.05.2026). — Текст : электронный.

[4] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2023 г. № 88-9478/2023. — URL: https://yapravo.ru/chasto_zadavaemye_voprosy/nasledstvo/question14289 (дата обращения: 29.05.2026). — Текст : электронный.

[5] Решение Вологодского районного суда Вологодской области от 7 апреля 2025 г. по делу № 2-2668/2024 (№ 2-373/2025). — URL: https://sudact.ru/regular/doc/xrPFKJnz3bHt/ (дата обращения: 26.05.2026). — Текст : электронный.

[6] Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд. — М. : Статут, 2019. — Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. — ISBN 978-5-8354-1554-0. — Текст : непосредственный.

[7] Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. — М. : РГ-Пресс, 2020. — Т. 3. — ISBN 978-5-9988-0003-0. — Текст : непосредственный.

[8] Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М. : Статут, 2011. — Кн. 1. — ISBN 978-5-8354-0749-1. — Текст : непосредственный.

[9] Касаткина, А. Ю. Наследственно-правовое положение ребенка в Российской Федерации : монография / А. Ю. Касаткина. — М. : Проспект, 2015. — 96 с. — ISBN 978-5-392-19278-6. — Текст : непосредственный.

[10] Парламент одобрил законопроект о признании электронных денег наследством

[Электронный ресурс] // КирТАГ : информационное агентство. — 2026. — 14 мая. — URL: https://kyrtag.kg/ru/news/parlament-odobril-zakonoproekt-o-priznanii-elektronnykh-deneg-nasledstvom (дата обращения: 26.05.2026).

[11] Суд отказал «черной вдове» в выплатах за погибшего участника СВО [Электронный ресурс] // Реальное время : интернет-газета. — 2025. — 13 июн. — URL: https://realnoevremya.ru/news/371732-sud-lishil-chernuyu-vdovu-vyplat-za-pogibshego-uchastnika-svo (дата обращения: 25.05.2026).

[12] В Саратове аннулировали брак погибшего участника СВО с девушкой: её требуют вернуть 9 миллионов, полученные после его смерти [Электронный ресурс] // Саратов Life : новостной портал. — URL: https://nversia.ru/news/v-saratove-annulirovali-brak-pogibshego-uchastnika-svo-s-devushkoy-ee-trebuyut-vernut-9-millionov-poluchennye-posle-ego-smerti/ (дата обращения: 20.05.2026)

References:

[1] Russian Federation. Laws. On digital finanw cial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ: [adopted by the State Duma on July 22, 2020: approved by the Federation Council on July 24, 2020]//ConsultantPlus Reference and Legal System. - URL: http://www.consultant.ru (access date: 15.03.2026). - Access mode: reference legal system. - Text: electronic.

[2] Appeal ruling of the St. Petersburg City Court of November 30, 2021 No. 33-26308/2021. - URL: https://actofact.ru/case-78OS0000-33-26308-2021-2021-11-01-0-1/ (access date: 29.05.2026). - Text: electronic.

[3] Decision of the Zyuzinsky District Court of Moscow dated September 28, 2022 No. 2-3535/2022. - URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zyuzinskij/services/cases/civil/details/f1ace7d1-c46e-11ec-86c6-d13918f6ff64?caseNumber=+No.+2-3535/2022+dated+28.09.2022+years.+ (Accessed: 26.05.2026). - Text: electronic.

[4] Determination of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated May 17, 2023 No. 88-9478/2023. — URL: https://yapravo.ru/chasto_zadavaemye_voprosy/nasledstvo/question14289 (дата обращения: 29.05.2026). - Text: electronic.

[5] Decision of the Vologda District Court of the Vologda Oblast dated April 7, 2025 in case No. 2-2668/2024 (No. 2-373/2025). - URL: https://sudact.ru/regular/doc/xrPFKJnz3bHt/ (access date: 26.05.2026). - Text: electronic.

[6] Civil law: textbook: in 4 volumes/rev. ed. E.A. Sukhanov. - 2nd ed. - M.: Statute, 2019. - T. 2: Property law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights. — ISBN 978-5-8354-1554-0. - Text: direct.

[7] Civil law: textbook: in 3 volumes/ed. A.P. Sergeeva. - M.: RG-Press, 2020. - VOL. 3. — ISBN 978-5-9988-0003-0. - Text: direct.

[8] Braginsky, M. I. Contract Law. General provisions/M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. - M.: Statute, 2011. - Prince. 1. — ISBN 978-5-8354-0749-1. - Text: direct.

[9] Kasatkina, A. Yu. The hereditary legal status of a child in the Russian Federation: monograph/A. Yu. Kasatkina. - M.: Prospect, 2015. - 96 p. - ISBN 978-5-392-19278-6. - Text: direct.

[10] Parliament approves bill on recognition of electronic money as inheritance [Electronic resource]//KirTAG: news agency. — 2026. - May 14. — URL: https://kyrtag.kg/ru/news/parlament-odobril-zakonoproekt-o-priznanii-elektronnykh-deneg-nasledstvom (дата обращения: 26.05.2026).

[11] The court refused to pay the “black widow” for the deceased participant of the SVO [Electronic resource]//Real time: online newspaper. — 2025. - June 13 — URL: https://realnoevremya.ru/news/371732-sud-lishil-chernuyu-vdovu-vyplat-za-pogibshego-uchastnika-svo (дата обращения: 25.05.2026).

[12] In Saratov, the marriage of a deceased SVO participant with a girl was annulled: she is required to return 9 million received after his death [Electronic resource]//Saratov Life: news portal. — URL: https://nversia.ru/news/v-saratove-annulirovali-brak-pogibshego-uchastnika-svo-s-devushkoy-ee-trebuyut-vernut-9-millionov-poluchennye-posle-ego-smerti/ (дата обращения: 20.05.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-332-337
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЗАКИМАТОВ Михаил Андреевич,
аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: zakimatov.misha595@ya.ru

Научный руководитель:
САЧЕНКО Алексей Леонидович,
к. ю. н., доцент кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: alex_sachenko@list.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУТ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация. *Целью исследования является поиск доктринально верной интерпретации термина «интеллектуальная собственность» как особой правовой категории интеллектуальных прав. Автором рассматривается проблема законодательного понимания дефиниции интеллектуальной собственности, показывается связь с принципом правовой определенности: охраняемым признается только лишь тот объект, который включен в установленный законом перечень.*

В российском гражданском праве термин «интеллектуальная собственность» не получил легального определения, при этом используется законодателем как обобщающая категория. «Интеллектуальная собственность» и «объект интеллектуальной собственности» соотносятся как родовое обозначение всей охраняемой сферы и конкретный объект. Определение интеллектуальной собственности через перечисление объектов выступает нормативным критерием, который не только обеспечивает правовую определенность гражданского оборота, но и обозначает границы интеллектуальных прав и препятствует произвольному расширению круга охраняемых объектов. Интеллектуальной собственностью являются только те объекты, которые прямо поименованы в законе.

Предложено рассматривать термин «интеллектуальная собственность» через связку «объект (перечень) – право (интеллектуальные права) – гражданский оборот (исключительное право)».

В рамках исследования использовался формально-юридический метод для анализа понятийного аппарата, метод системного толкования - для выявления внутренних связей норм права.

Ключевые слова: *Интеллектуальная собственность; объекты интеллектуальной собственности; интеллектуальные права; исключительное право; результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации; принцип правовой определенности.*

ZAKIMATOV Mikhail Andreevich,
Postgraduate student of St. Petersburg University technologies of management and economy St. Petersburg, Russia

Scientific supervisor:
SACHENKO Alexey Leonidovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process St. Petersburg University technologies of management and economy St. Petersburg, Russia

INTELLECTUAL PROPERTY IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: AN INSTITUTION WITHOUT DEFINITION

Annotation. *The purpose of the study is to find a doctrinally correct interpretation of the term "intellectual property" as a special legal category of intellectual property rights. The author examines the problem of legislative understanding of the definition of intellectual property, shows the connection with the principle of legal certainty: only the object that is included in the list established by law is recognized as protected.*

In Russian civil law, the term "intellectual property" has not been defined, but is used by the legislator as a generalizing category. "Intellectual property" and "intellectual property object" are correlated as a generic designation of the entire protected area and a specific object. The definition of intellectual property through the enumeration of objects acts as a normative criterion that not only ensures the legal certainty of civil turnover, but also marks the boundaries of intellectual rights and prevents the arbitrary expansion of the range of protected objects. Intellectual property is only those objects that are explicitly named in the law.

It is proposed to consider the term "intellectual property" through a combination of "object (list) – law (intellectual property rights) – civil turnover (exclusive right)".

The study used the formal legal method to analyze the conceptual framework, and the method of systematic interpretation to identify the internal relationships of legal norms.

Key words: *Intellectual property; objects of intellectual property; intellectual rights; exclusive right; results of intellectual activity and means of individualization; principle of legal certainty.*

В российском гражданском праве термин «интеллектуальная собственность» не имеет общеправовой или отраслевой дефиниции, при этом обладает межотраслевым значением. Законодатель, определяя термин «интеллектуальная собственность», отдает предпочтение перечислению конкретных объектов, входящих в данную категорию. В таком случае, значение термина раскрывается через «поименованный список», что обеспечивает реализацию принципа правовой определенности гражданского оборота. Например, непоименованные в норме доменные имена и научные открытия, по мнению некоторых правоведов, не охраняются в качестве объектов интеллектуальной собственности, несмотря на их интеллектуальный характер [6, с. 4].

Актуальность данного исследования обусловлена активным применением цифровизации и развитием технологий искусственного интеллекта. С практической точки зрения возникает необходимость отнести «новый результат интеллектуальной деятельности» (в том числе созданный с помощью технологий искусственного интеллекта) к интеллектуальной собственности без обращения к перечню объектов. Такое расширение будет противоречить законодательному перечню и требует квалификации «нового результата интеллектуальной деятельности» в рамках уже существующих категорий (например, произведение, фонограммы, изобретение), либо требует внесения изменений в действующее законодательство.

Автор данной статьи ставит своей целью показать, что ст. 1225 ГК РФ является системообразующей конструкцией части четвертой ГК РФ, а также, что термин «интеллектуальная собственность» должен интерпретироваться через связку «объект (перечень) – право (интеллектуальные права) – гражданский оборот (исключительное право)», поскольку в эпоху стремительного развития цифровизации, роста использования технологий искусственного интеллекта в сфере создания объектов интеллектуальной собственности формирование термина «интеллектуальной собственности» является необходимым условием для обеспечения правовой охраны таких объектов.

Статья 1225 ГК РФ имеет системообразующий характер, который заключается в следующем:

- законодательный перечень закрепляет нормативную «границу» части четвертой ГК РФ и выступает инструментом правовой определенности: объектный состав результатов интеллектуальной деятельности не может расширяться за счет доктринального признания новых объектов без прямого их поименования в законе;
- доктринальная интерпретация субъективного права через «исключительные полномочия» объясняет, почему термин «собственность» в сфере интеллектуального права не должен вводить в заблуждение: исключительность выполняет функцию контроля над использованием, но не воспроизводит вещное владение нематериальным объектом [10, с. 118-119];
- поименованные объекты интеллектуальной собственности в совокупности с содержанием субъективных прав предопределяют выбор надлежащих способов защиты нарушенного права.

Отсутствие родовой дефиниции «интеллектуальной собственности» компенсируется указанием на то, какие объекты охраняются и какие

права на них возникают. При этом в научном сообществе существуют различные взгляды и мнения относительно значения рассматриваемого термина.

А. П. Сергеев в него включает «совокупность исключительных прав как личного, так и имущественного характера на результаты интеллектуальной и, в первую очередь, творческой деятельности, а также на некоторые иные приравненные к ним объекты, конкретный перечень которых устанавливается законодательством соответствующей страны с учетом принятых ею международных обязательств» [1, с. 110].

М. А. Рожкова подчеркивает, что данный термин, несмотря на слово «собственность», нельзя понимать буквально. Его следует воспринимать как единый термин, обозначающий совокупность прав на такие объекты [8, с. 7].

При этом, данный термин имеет собирательное значение, однако им обозначены сами объекты, а не права на них. Ввиду этого, системный характер статьи 1225 ГК РФ следует обеспечивать через связку «объект (перечень) – право (интеллектуальные права) – гражданский оборот (исключительное право)».

Противоположного мнения придерживается В. А. Дозорцева, которая указывает, что термин «интеллектуальная собственность» представляется юридически недостаточно корректным [2, с. 37]. Слово «собственность» может породить заблуждение о распространении режима права собственности на нематериальные объекты.

Предметом договора о распоряжении исключительными правами являются разрешенные способы использования объектов интеллектуальной собственности, именно поэтому исключительное право связывает объекты интеллектуальной собственности с возможностью их гражданского оборота.

Как указано выше, содержание термина «интеллектуальная собственность» необходимо определять через перечень охраняемых объектов и их взаимосвязь с интеллектуальными правами.

В рассматриваемой связке под исключительным правом следует понимать исключительную возможность совершения определенных действий с возможностью запрета совершения аналогичных действий для третьих лиц. Вышесказанное также отражает абсолютный характер интеллектуальной собственности.

Содержание субъективного права интеллектуальной собственности следует раскрывать через совокупность полномочий лица на нематериальный объект, которые компенсируют невозможность монопольного обладания нематериальными результатами. В связи с этим, исключительные права следует рассматривать не как объект правоотношения, а как содержание субъективного права управомоченного лица.

С точки зрения правоприменения объем исключительных прав необходимо рассматривать через дифференциацию терминов «охраны» и «защиты». Охрана связывается с предотвращением потенциальных нарушений, в то время как защита связана с реагированием на уже совершенное нарушение [11, с. 302-304]. Указанное различие подчеркивает значение юридической определенности объекта и объема правомочий с целью дальнейшего выбора способов защиты.

Термин «интеллектуальная собственность» необходимо разграничить от термина «исключительные права». Все охраняемые объекты объединяет то, что они включают в себя исключительное право, являющееся имущественным правом, личные неимущественные права и иные права.

В. И. Еременко указывает, что «согласно теории Э. Пикара интеллектуальные права считались правами sui generis, находящимися вне классической триады вещных, обязательственных и личных прав, принятой в римском праве» [3, с. 6]. М. А. Кудинов отмечает, что по мнению Э. Пикара правовой режим материальных вещей и правовой режим нематериальных объектов (художественных произведений) являются отличными друг от друга [5, с. 19].

Современное гражданское законодательство исключительное право определяет, как право правообладателя использовать охраняемый объект по своему усмотрению любым способом, не противоречащим действующему законодательству.

Исключительное право включает в себя два субъективных права: право использования и право запрета [5, с. 16]. Но некоторые ученые выделяют три правомочия правообладателя: использования, распоряжения и запрета [6, с. 50]. Вторая точка зрения, в которой выделяют три правомочия правообладателя, является наиболее точной, так как в ст. 1229 ГК РФ отдельно указывается о таких правомочиях. Кроме того, также уточняется, что отсутствие запрета не считается согласием (разрешением) правообладателя.

При этом, правомочие запрета включает в себя не только обязанность всех третьих лиц не использовать такие объекты без разрешения правообладателя, но и право правообладателя запретить определенным лицам использовать принадлежащий ему результат.

Правообладателю также принадлежит право распоряжения исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности. Следует обратить особое внимание на то, что в ряде случаев действующим законодательством уста-

новлен запрет на отчуждение исключительного права на охраняемые объекты интеллектуальной собственности. Например, распоряжение исключительным правом на коммерческое обозначение возможно только в случае продажи предприятия.

Следует отметить, что исключительные права имеют срочный характер их действия. По истечении указанного в законе срока использование результата интеллектуальной деятельности становится свободным. В соответствии со ст. 1270 ГК РФ использование произведения допускается в любой форме и любым способом, непротиворечащим закону, в частности: воспроизведение произведения; распространение произведения; публичное исполнение произведения; перевод или другая переработка произведения. При этом допускается использование произведений и иным способом.

Следующая категория прав – личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности. Ученые верно отмечают, что такие права являются непередаваемыми, неотчуждаемыми. Они направлены на защиту творческого выражения личности [9, с 140]. И даже в случае отчуждения исключительного права на произведение, личные неимущественные права продолжают принадлежать автору. Данная категория прав также зависит от объекта интеллектуальной собственности.

Автор произведений обладает правами: авторства, на имя, на неприкосновенность произведения, на обнародование произведения, на отзыв произведения. Личные неимущественные права публикатора включают в себя право на указание имени на экземпляре произведения. Личные неимущественные права автора на топологию интегральной микросхемы включают в себя право авторства.

В последнюю группу прав интеллектуальной собственности входят иные права, которые также защищают интересы правообладателя (имущественные и неимущественный интересы). При этом, учеными подчеркивается, что правовой режим объектов интеллектуальной собственности содержит в себе такие иные особые права, к которым, в частности, относят: право следования, права на вознаграждения, право доступа и прочее [12, с. 31].

В условиях цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта ст. 1225 ГК РФ сохраняет свое значение как гаранта правовой определенности: новые технологические феномены должны квалифицироваться внутри существующих объектов либо становиться предметом точечного нормотворчества. Расширительное «доктринальное» добавление объектов, минуя перечень, является неверным и подрывает предсказуемость гражданского оборота.

Данная позиция прослеживается и в последнем законопроекте Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [13]. Из его содержания усматривается, что объекты интеллектуальной собственности, созданные путем применения сервисов искусственного интеллекта, охраняются в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом Российской Федерации. Только лишь необходимо, чтобы такие объекты, созданные с помощью автоматизированной системы, соответствовали критериям охраноспособности.

В соответствии с положениями части четвертой ГК РФ термин «интеллектуальная собственность» охватывает только сами объекты, но не права на них. В силу достаточно обширного закрепленного перечня, а также различного правового режима каждого отдельно взятого объекта введение в гражданский оборот термина интеллектуальная собственность является излишним.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что ст. 1225 ГК РФ выполняет не столько описательную, сколько конструктивную функцию, которая определяет границы интеллектуальных прав. То есть пока объект не признан охраняемым результатом интеллектуальной деятельности или приравненным к ним средствам индивидуализации, положения части четвертой ГК РФ не могут к нему применяться. Объект должен быть прямо указан в законе, без такого указания интеллектуальные права на него не возникают. Данный подход обеспечивает правовую устойчивость гражданского оборота, так как в сфере нематериальных результатов интеллектуальной собственности легко сконструировать новый объект на уровне экономического описания, однако предоставление исключительного права всегда ограничивает свободу третьих лиц, а перечневой подход служит особым барьером против произвольного расширения круга объектов.

В праве интеллектуальной собственности термин «собственность» обозначает сферу исключительных прав на нематериальные результаты, а не режим владения, пользования, распоряжения вещью.

Объекты интеллектуальной собственности являются центральным звеном при заключении договоров о распоряжении исключительными правами. Для каждого результата интеллектуальной деятельности законодатель предусмотрел разный объем прав. Интеллектуальные права включают в себя исключительное право, которое является имущественным правом, личные неимущественные права и иные права.

При этом под термином «интеллектуальная собственность» понимаются такие охраняемые объекты гражданского оборота (охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации), которые по своей правовой природе являются нематериальными, неотчуждаемыми, неисчерпаемыми, и имеют творческий характер, созданные творческим трудом человека, в том числе созданные путем применения сервисов искусственного интеллекта (автоматизированные системы).

Список литературы:

[1] Гражданское право: Учеб.: В 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2009. Т. 3. 784 с.

[2] Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей / Исследовательский центр частного права. М.: Статут, 2003. 416 с.

[3] Еременко В. И. Интеллектуальная собственность и исключительные права в законодательстве Российской Федерации / В. И. Еременко // Изобретательство. – 2008. – Т. 8. № 5. 1-8 с.

[4] Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / И. А. Зенин. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. 2025. 524 с.

[5] Кудинов М. А. Теоретические аспекты структуры и содержания понятия «интеллектуальные права» / М. А. Кудинов. – Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. – 2022. – № 3 (36). С. 13-19.

[6] Мансурова Г. И., Мансуров П. М. Содержание и генезис понятия «Интеллектуальная собственность» // Вестник УлГТУ. 2016. № 1 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-genezis-ponyatiya-intellektualnaya-sobstvennost (дата обращения: 13.02.2026).

[7] Матыгулина В. Н. Защита интеллектуальной собственности: учебное пособие / В. Н. Матыгулина, Ю. Д. Алашкевич, И. А. Воронин. – Красноярск: СибГУ им. академика М. Ф. Решетнева, 2023. 86 с.

[8] Новоселова Л. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: Монография / Новоселова Л. А., Рожкова М. А. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 128 с.

[9] Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности. 335 с.

[10] Рот Л. Г. Право интеллектуальной собственности как форма выражения явления интеллектуальной собственности / Л. Г. Рот // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей / Под редакцией: В. Ф. Воловича. Том Часть 5. – Томск: Издательство Томского университета, 2000. – С. 118-119.

[11] Сусло А. С. Охрана объектов интеллектуальной собственности и защита прав интеллектуальной собственности в РФ / А. С. Сусло // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: Сборник материалов XI Региональной научно-практической конференции аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов, Тула, 24–26 февраля 2015 года / Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2015. – С. 302-304.

[12] Щербак Н. В. Право интеллектуальной собственности: общее учение. Авторское право и смежные права: учебное пособие для вузов / Н. В. Щербак. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт. 2024. 342 с.

[13] Проект законопроекта Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 20.03.2026).

References:

[1] Civil law: Study: In 3 volumes/Ed. A.P. Sergeeva. M.: TC Welby, 2009. VOL. 3. 784 p.

[2] Dozortsev V. A. Intellectual rights. Concept. System. Codification tasks: Sat. articles/Private Law Research Center. M.: Statute, 2003. 416 p.

[3] Eremenko V. I. Intellectual property and exclusive rights in the legislation of the Russian Federation/V. I. Eremenko//Invention. – 2008. - VOL. 8. № 5. 1-8 s.

[4] Zenin I.A. Intellectual property law: a textbook for universities/I.A. Zenin. - 12th ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House. 2025. 524 p.

[5] Kudinov M. A. Theoretical aspects of the structure and content of the concept of “intellectual rights “/M. A. Kudinov. - Text: immediate//New Legal Bulletin. – 2022. – № 3 (36). S. 13-19.

[6] Mansurova G. I., Mansurov P. M. Content and genesis of the concept of “Intellectual Property “//Vestnik UlSTU. 2016. № 1 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-genezis-ponyatiya-intellektualnaya-sobstvennost (дата обращения: 13.02.2026).

[7] Matygulina V. N. Protection of intellectual property: a textbook/V. N. Matygulina, Yu. D. Alashkevich, I. A. Voronin. - Krasnoyarsk: SibSU named after Academician M.F. Reshetnev, 2023. 86 pp.

[8] Novoselova L. A. Intellectual property: some aspects of legal regulation: Monograph/Novoselova L. A., Rozhkova M. A. - M.: Yur.Norma, SIC INFRA-M, 2016. - 128 s.

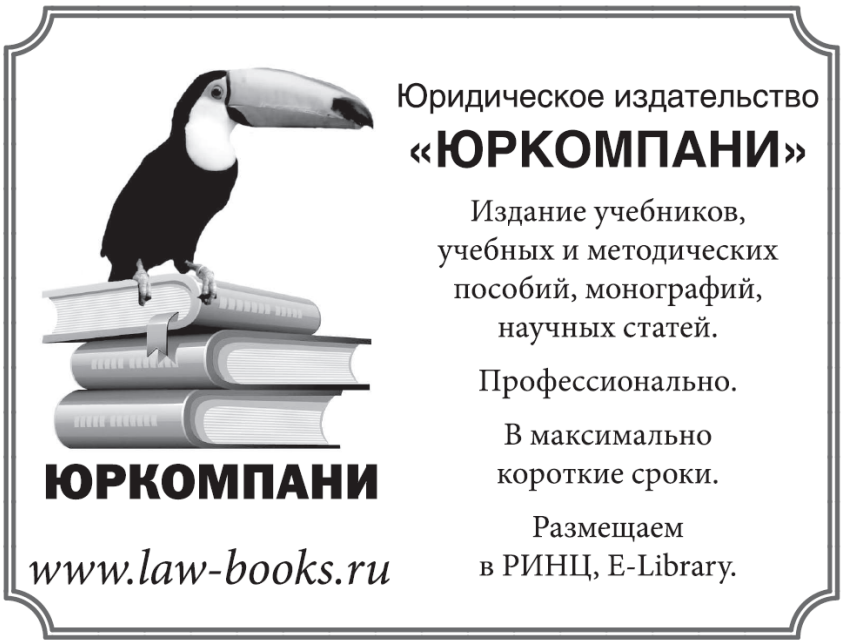
[9] Novoselova L. A. Intellectual Property Law. 335 pp.

[10] Roth L. G. Intellectual property law as a form of expression of the phenomenon of intellectual property/L. G. Roth//Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles/Edited by: V. F. Volovich. Volume Part 5. - Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2000. - S. 118-119.

[11] Suslo A.S. Protection of intellectual property and protection of intellectual property rights in the Russian Federation/A.S. Suslo//Research potential of young scientists: a look into the future: Collection of materials of the XI Regional scientific and practical conference of graduate students, applicants, young scientists and undergraduates, Tula, February 24-26, 2015/Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. - Tula: Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 2015. - S. 302-304.

[12] Shcherbak N.V. Intellectual Property Law: General Teaching. Copyright and related rights: textbook for universities/N.V. Shcherbak. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House. 2024. 342 pp.

[13] Draft Law of the Federal Law "On the Basics of State Regulation of the Scope of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation "//URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (date of appeal: 20.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-338-344

АФАНАСЬЕВ Анатолий Сергеевич,
магистрант,
направление подготовки Юриспруденция,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: AnatoliyAfanasevS@yandex.ru

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА С САМОЗАНЯТЫМ: ЧАСТНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье анализируется проблема разграничения трудовых отношений и гражданско-правовых договоров с участием самозанятых граждан. Исследуются правовые критерии, выработанные судебной практикой и нормативными актами, а также зарубежный опыт противодействия подмене трудовых отношений (Великобритания, Нидерланды). Автор предлагает внедрение в российское законодательство опровержимой презумпции трудовых отношений при наличии совокупности индикаторов, что позволит защитить экономически слабую сторону договора и обеспечить единообразие правоприменения.*

Ключевые слова: *самозанятые, индивидуальные предприниматели, трудовой договор, гражданско-правовой договор, подмена трудовых отношений, IR35, презумпция трудовых отношений.*

AFANASEV Anatoliy Sergeevich,
Master's Student,
Field of Study: Jurisprudence (Law),
Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN AN EMPLOYMENT CONTRACT AND A CIVIL-LAW CONTRACT WITH A SELF-EMPLOYED PERSON: PRIVATE-LAW ASPECTS AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *This article analyzes the problem of distinguishing between employment relationships and civil-law contracts involving self-employed individuals. It examines the legal criteria developed by judicial practice and regulatory acts, as well as foreign experience in countering disguised employment in the United Kingdom and the Netherlands. The author proposes introducing a rebuttable presumption of an employment relationship into Russian legislation when a set of indicators is present, which would protect the economically weaker party to the contract and ensure uniform enforcement.*

Key words: *self-employed persons, individual entrepreneurs, employment agreement, civil contract, sham self-employment, IR35, employment presumption.*

Развитие платформенной занятости и распространение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» поставили перед правовой системой России фундаментальный вопрос: где проходит граница между самостоятельной предпринимательской деятельностью и скрытыми трудовыми отношениями? По данным Федеральной налоговой службы, численность самозанятых по итогам 2025 года превысила 15,4 миллиона человек, при этом в структуре их доходов 60% приходится на расчеты с юридическими лицами [1]. Однако стремительный рост числа плательщиков налога на профессиональный доход сопровождается риском злоупотреблений со стороны работодателей, которые используют договоры с самозанятыми как инструмент ухода от уплаты страховых взносов (30% от фонда оплаты труда) и налога на

доходы физических лиц (13%). Как отмечают в профсоюзном сообществе, «массовая самозанятость по принуждению» представляет собой скрытую форму эксплуатации, при которой работники лишаются права на оплачиваемые больничные, декретные выплаты и полноценные пенсионные накопления [2]. Актуальность исследования обусловлена как масштабом явления, так и введением в 2025-2026 годах новых индикаторов риска для внеплановых проверок, а также продолжающейся дискуссией о необходимости закрепления в законодательстве четких критериев разграничения трудовых отношений и самозанятости.

Цель настоящей статьи – проанализировать существующие правовые критерии разграничения трудового договора и гражданско-правового договора с самозанятым, исследовать зарубежный опыт противодействия подмене трудовых отношений (Великобритания, Нидерланды) и предложить направления совершенствования российского законодательства.

Гражданский кодекс Российской Федерации (Далее – ГК РФ) в статье 421 закрепляет принцип свободы договора, согласно которому стороны свободны в определении условий договора и выборе его вида. Однако данный принцип не является абсолютным: в силу статьи 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах [3]. Применительно к отношениям с самозанятыми возникает конфликт двух ценностей: с одной стороны, право заказчика на выбор наиболее удобной формы привлечения исполнителей, с другой – необходимость защиты прав граждан, фактически находящихся в зависимом положении от работодателя. Как справедливо указывает М.В. Мусина, индивидуальный предприниматель – это физическое лицо, зарегистрированное в установленном порядке, и его правосубъектность является продолжением статуса гражданина как субъекта гражданского права [4]. Самозанятый же, не имея статуса ИП, оказывается в еще более уязвимом положении.

Ключевая проблема заключается в том, что Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ не содержит критериев, позволяющих отличить гражданско-правовые отношения с самозанятым от трудовых [5]. Режим налога на профессиональный доход был создан как инструмент легализации доходов граждан, работающих на себя (репетиторов, нянь, мастеров маникюра, фрилансеров). Однако практика пошла по другому пути: многие компании начали переводить штатных сотрудников в статус самозанятых, сохраняя фактически трудовые отношения, но экономя на налогах и взносах. По оценке Федеральной налоговой службы, уровень риска подмены трудовых отношений составляет менее 2% от общего числа самозанятых [6]. Также Минтруд и ФНС провели анализ на 170 предприятиях на предмет подмены трудовых отношений самозанятостью и в 84% случаев нашли такие нарушения [7]. Это свидетельствует о том, что проблема существует, а судебная практика постепенно вырабатывает подходы к ее разрешению.

Правовое регулирование разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений в российской правовой системе имеет два уровня: нормы законодательства и правовые позиции судов, формирующие критерии такой дифференциации. Статья 15 Трудового кодекса Российской Федерации определяет трудовые отношения как отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка, при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором [8].

Ключевыми признаками трудовых отношений являются:

- личное выполнение трудовой функции;
- подчинение правилам внутреннего трудового распорядка;
- обеспечение работодателем условий труда;
- систематический характер работы;
- выполнение работы за плату с гарантией своевременной выплаты заработной платы.

Гражданско-правовые отношения, напротив, предполагают выполнение конкретного задания (разовой работы) и достижение определенного результата, отсутствие подчинения внутреннему распорядку, самостоятельную организацию труда. В 2025-2026 годах Минтруд России утвердил новые индикаторы риска для внеплановых проверок, которые фактически легализовали критерии, позволяющие заподозрить подмену трудовых отношений договорами с самозанятыми. Приказ Минтруда России от 08.12.2025 № 685н установил, что Государственная инспекция труда вправе инициировать внеплановую проверку при одновременном наличии следующих признаков:

- организация взаимодействует более чем с 35 самозанятыми;

- среднемесячный доход каждого самозанятого от организации превышает 35 000 рублей;
- сотрудничество длится более трех месяцев;
- доход от этой организации составляет 75% и более от всех доходов самозанятого (ранее этот порог составлял 90%) [9].

Приказ Минтруда России от 19.11.2025 № 657н расширил перечень данных, передаваемых налоговыми инспекциями в межведомственные комиссии по противодействию нелегальной занятости и Роструд. Теперь налоговые органы обязаны сигнализировать о случаях, когда организация работает более чем с 10 самозанятыми, чей доход превышает 25 000 рублей, если эти лица в предыдущем квартале состояли с этой же организацией в трудовых отношениях [10].

Судебная практика выработала дополнительные признаки, позволяющие переквалифицировать договор с самозанятым в трудовой. Федеральная налоговая служба считает признаками трудовых отношений:

- закрепление в предмете договора трудовой функции (выполнение работы определенного рода, а не разовых заданий);
- отсутствие в договоре конкретного объема работ;
- фиксированную сумму оплаты, выплачиваемую регулярно;
- подчинение трудовому распорядку компании-заказчика.

В судебной практике встречаются примеры, когда суды признавали отношения между заказчиком и самозанятыми трудовыми. Так, Арбитражный суд Саратовской области встал на сторону налоговой инспекции, переквалифицировавшей договоры с самозанятыми исполнителями в трудовые, поскольку самозанятые выполняли не конкретную разовую работу, а определенную функцию, получали выплаты только от этой компании, прошли регистрацию одновременно в течение небольшого периода и оказывали услуги длительно с регулярным перезаключением договоров [11]. Аналогичное решение было принято в отношении судоремонтного завода «Моряк» в Ростове-на-Дону, где все восемь самозанятых сварщиков зарегистрировались непосредственно перед заключением договора, имели фиксированную стоимость работ без согласования объема и сроков, а также получали выплаты в один день одинаковыми суммами [12].

Опыт зарубежных стран показывает, что проблема разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений имеет давнюю историю и различные подходы к ее решению. Наиболее интересными представляются правовые механизмы Великобритании (правила IR35) и Нидерландов (реформа по борьбе с ложной самозанятостью). В Великобритании действуют правила офф-пейролл рабочей занятости, известные как IR35 [13]. Эти правила представляют собой антиуклонительную меру, направленную против «скрытой занятости», когда индивидуальные подрядчики привлекаются конечными заказчиками как наемные работники, но работают через личную служебную компанию или иного посредника с целью снижения общих налоговых расходов. Ключевая особенность британского подхода заключается в распределении ответственности за определение статуса работника в зависимости от размера компании-заказчика:

- для средних и крупных компаний ответственность за оценку статуса IR35 лежит на конечном заказчике;
- для малых компаний (small companies) ответственность остается на самом подрядчике и его посреднике.

С 6 апреля 2025 года в Великобритании изменилось определение малой компании для целей IR35 в связи с повышением финансовых порогов в Companies Act 2006. Теперь компания признается малой, если она соответствует двум из трех критериев:

- годовой оборот не превышает 15 миллионов фунтов стерлингов (ранее 10,2 миллионов фунтов стерлингов);
- балансовая стоимость активов не превышает 7,5 миллионов фунтов стерлингов (ранее 5,1 миллионов фунтов стерлингов);
- численность работников не более 50.

Это изменение приводит к тому, что большее число компаний теперь квалифицируются как малые, и ответственность за определение статуса (а также потенциальные налоговые риски) переходит обратно к подрядчикам. Для практического определения статуса в Великобритании используется инструмент CEST (Check Employment Status for Tax). 30 апреля 2025 года HMRC опубликовала обновленную версию CEST [14]. Наиболее значимое изменение – добавление нового предварительного вопроса, подтверждающего наличие договора (или его предстоящего заключения). Без положительного ответа на этот вопрос пользователь не может продолжить использование инструмента. HMRC заявляет, что при правильном использовании CEST с точной информацией и в соответствии с руководством (и при отсутствии налоговых схем уклонения) ведомство будет придерживаться результата для налоговых целей. Однако эта гарантия действует только при использовании CEST для оценки статуса для IR35 и офф-пейролл рабочей занятости.

Опыт Нидерландов представляет особый интерес для российского законодателя, поскольку с 1 января 2025 года в этой стране было прекращено действие моратория на кон-

троль за ложной самозанятостью, и Налоговая служба возобновила активное правоприменение в этой сфере [15]. Ключевые параметры нидерландского режима, актуальные на 2026 год, следующие:

- Налоговая служба Нидерландов не налагает штрафы за простые нарушения, однако сохраняет право налагать штрафы за умышленные деяния или грубую неосторожность в размере от 10% до 100% от доначисленного налога;
- контроль, как правило, начинается с визита в компанию, а не с внезапной проверки;
- сохраняется возможность доначисления налогов задним числом – за периоды начиная с 1 января 2025 года.

Параллельно правительство Нидерландов разрабатывает новый Закон о самозанятости, который, как ожидается, будет базироваться на трех равновесных и кумулятивных критериях:

- является ли лицо действительно независимым подрядчиком;
- характеризуются ли рабочие отношения отсутствием контроля со стороны заказчика;
- действуют ли в данном секторе специальные правила, создающие опровержимую презумпцию наличия трудовых отношений в зонах повышенного риска [16].

Отдельным важным элементом реформы является введение правовой презумпции наличия трудовых отношений для лиц, чей почасовой заработок составляет менее 38 евро [17]. В этом случае бремя доказывания обратного возлагается на работодателя или заказчика. Опросы, проведенные среди более чем 3000 предпринимателей в Нидерландах, свидетельствуют, что ужесточение контроля привело к заметным изменениям на рынке: около четверти фрилансеров сообщили о потере заказов, 34% отметили изменения в поведении клиентов, а 12% компаний стали нанимать меньше самозанятых исполнителей [18]. По данным Статистического управления Нидерландов, в 2025 году число фрилансеров сократилось на 62 тысячи, многие из которых перешли на традиционную занятость [19].

Сравнительный анализ позволяет выделить элементы, которые могут быть адаптированы в российском законодательстве:

- Распределение ответственности за определение статуса. В Великобритании крупные компании несут ответственность за правильную квалификацию отношений, что стимулирует их к соблюдению законодательства. В России эта ответственность фактически перекладывается на налоговые органы и суды. Представляется целесообразным закрепить в Трудовом кодексе Российской Федерации презумпцию трудовых отношений при работе с самозанятыми для компаний, превышающих определенные пороги (например, численность более 50 работников или выручка более 800 млн рублей).
- Пороговые значения дохода как индикатор трудовых отношений. Нидерландский подход к установлению презумпции трудовых отношений при почасовой оплате ниже определенного порога (38 евро) может быть адаптирован с учетом российских реалий. Предлагается установить, что, если стоимость часа работы самозанятого существенно ниже среднего уровня оплаты аналогичной работы в регионе, это является основанием для презумпции трудовых отношений.
- Разработка формализованного инструмента оценки статуса. По аналогии с британским CEST, в России целесообразно разработать официальный онлайн-инструмент для проверки статуса самозанятого, использование которого могло бы давать предпринимателям определенную защиту от налоговых рисков при добросовестном применении.

Как показал анализ судебной практики, при переквалификации договора с самозанятым в трудовой возникает проблема двойного налогообложения. Согласно Определению Верховного Суда РФ от 03.02.2025 № 309-ЭС24-20306, при переквалификации уплаченный самозанятым налог на профессиональный доход не засчитывается в счет исполнения организацией обязанностей налогового агента [20]. Это означает, что организация-заказчик несет двойную финансовую нагрузку – обязана уплатить НДФЛ и страховые взносы из собственных средств, а ранее уплаченный самозанятым налог не принимается в зачет. Такая позиция, хотя и обоснована с формально-юридической точки зрения, создает риски чрезмерной фискальной нагрузки на бизнес. В связи с этим предлагается дополнить статью 78 Налогового кодекса Российской Федерации положением о возможности зачета сумм налога на профессиональный доход, уплаченных самозанятым, в счет погашения обязанности организации-заказчика по уплате налога на доходы физических лиц при переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые.

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер по совершенствованию правового регулирования разграничения трудовых отношений и самозанятости:

- Закрепление легального определения трудовых отношений с самозанятыми в Трудовом кодексе Российской Федерации. Пред-

лагается дополнить статью 15 Трудового кодекса Российской Федерации указанием на то, что к трудовым отношениям приравниваются отношения, возникающие между заказчиком и физическим лицом (в том числе плательщиком налога на профессиональный доход), при наличии двух и более признаков трудовой зависимости: личное выполнение работы, подчинение внутреннему распорядку, работа на оборудовании заказчика, регулярность выплат, длительный характер отношений, отсутствие иных заказчиков.

- Введение опровержимой презумпции трудовых отношений. Предлагается установить, что при одновременном наличии трех и более признаков трудовых отношений наступает опровержимая презумпция наличия трудовых отношений, и бремя доказывания обратного переходит на заказчика. Такой подход позволит защитить экономически слабую сторону договора и перенести бремя доказывания на сторону, обладающую большими ресурсами и возможностями для сбора доказательств.
- Установление дифференцированных пороговых значений. По аналогии с британским и нидерландским опытом, предлагается установить дифференцированные пороговые значения для различных категорий заказчиков (крупные, средние, малые предприятия), с тем чтобы для малых предприятий действовал упрощенный порядок определения статуса самозанятых, а для крупных – повышенные требования.
- Разработка официального инструмента оценки статуса. Целесообразно создать по аналогии с британским CEST официальный онлайн-инструмент для проверки статуса самозанятого, использование которого при условии предоставления полной и достоверной информации давало бы предпринимателям защиту от налоговых рисков.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования правового регулирования разграничения трудовых отношений и гражданско-правовых договоров с участием самозанятых. Существующие правовые механизмы, основанные на разъяснениях высших судов и подзаконных актах, не обеспечивают достаточной правовой определенности, что создает риски как для добросовестных предпринимателей, так и для работников, вынужденных работать в статусе самозанятых без социальных гарантий. Зарубежный опыт показывает, что наиболее эффективными являются системы, основанные на четких критериях разграничения, распределении ответственности за определение статуса в зависимости от размера компании-заказчика, а также на формализованных инструментах оценки статуса, предоставляющих предпринимателям налоговую защиту при добросовестном применении. Предложенные в статье изменения в законодательство, включая закрепление легального определения трудовых отношений с самозанятыми в Трудовом кодексе Российской Федерации, введение опровержимой презумпции трудовых отношений и разработку официального инструмента оценки статуса, направлены на создание сбалансированной системы правового регулирования, обеспечивающей защиту прав всех участников экономических отношений и противодействие злоупотреблениям в сфере трудовых и гражданско-правовых отношений.

Список литературы:

[1] Число самозанятых в России в 2025 году превысило 15,4 млн. // Коммерсантъ : [сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8635398 (дата обращения: 20.06.2026).

[2] Сергей Вострецов: Самозанятость по принуждению — это эксплуатация и уход от налогов. // Псковская Лента Новостей : [сайт]. – URL: https://pln-pskov.ru/society/580562.html (дата обращения: 19.06.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[4] Мусина М. В. Гражданская правосубъективность индивидуальных предпринимателей / М. В. Мусина // Молодой ученый. – 2019. – № 52 (290). – С. 159–161.

[5] Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 48. – Ст. 7534.

[6] ФНС оценила масштаб перетока работников в самозанятые. // РБК : [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/economics/29/03/2025/67e668ee9a79476474b1b68f (дата обращения: 20.06.2026).

[7] ФНС видит риски подмены трудовых отношений у менее 2% самозанятых. // Ведомости : [сайт]. – 2025. – 22 окт. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/10/22/1149042-fns-vidit-riski (дата обращения: 18.06.2026).

[8] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

[9] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 08.12.2025 № 685н «О внесении изменения в пункт 8 перечня

индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 838н». // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512300018 (дата обращения: 20.06.2026).

[10] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19.11.2025 № 657н «О внесении изменений в Перечень сведений и информации, в том числе составляющих налоговую тайну, передаваемых налоговыми органами Российской Федерации в межведомственные комиссии субъектов Российской Федерации по противодействию нелегальной занятости, а также в территориальные органы Федеральной службы по труду и занятости в порядке межведомственного взаимодействия, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 40н». // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602120004 (дата обращения: 20.06.2026).

[11] Решение Арбитражного суда Саратовской области от 4 октября 2023 года по делу № А57-10956/2023. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/VTCM8ZRjJrNH/ (дата обращения: 20.06.2026).

[12] Решение Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05 августа 2024 года по делу № А53-18339/2023. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/lKMEBtx54rQ/ (дата обращения: 20.06.2026).

[13] Off-Payroll Working (IR35) Rules. // Farrer & Co: Independent Lawyers in London, UK | London Law Firm. – URL: https://www.farrer.co.uk/.

[14] HMRC revises CEST employment status tool and guidance / VWV. – 2025. – 15 May. – URL: https://www.vwv.co.uk/ (дата обращения: 20.06.2026).

[15] Five important changes to employment law in 2026 // act legal. – URL: https://actlegal.com/ (дата обращения: 20.06.2026).

[16] Netherlands: (Mis) Qualification of employment contracts - An update // Lezology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=0d15dd1a-decc-4770-8ef2-8b65a15a69de&__cf_chl_rt_tk=mXHGWMA6phM00NjgEEq2FgpXIQXFzGwp LOV6NNPhn.Uk-1782321329-1.0.1.1-werSN VdLBSwwJo3Eq6hlTHdj2qr2l4Utr7eKhNyX5Dwo (дата обращения: 20.06.2026).

[17] A step closer towards a legal presumption of employment / Houthoff. – 2026. – 27 April. URL: https://www.houthoff.com/ (дата обращения: 20.06.2026).

[18] Quarter of Dutch freelancers lose work amid stricter self-employment rules // NL Times | Netherlands news in English. URL: https://nltimes.nl/2026/02/19/quarter-dutch-freelancers-lose-work-amid-stricter-self-employment-rules?__cf_chl_rt_tk=XsuZ4e3TLcVMLTw9ZQ5025ETCur3dv42a0Xz3.uwCVA-1782320106-1.0.1.1-5CAQxrEP.5j_VRYP5Y.o6hKQpTdeYjmGq1mGHbybw2U (дата обращения: 20.06.2026).

[19] Aantal zzp'ers in 2025 gedaald met 62 duizend. // Centraal Bureau voor de Statistiek : [website]. – 2026. – 12 Feb. URL: https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2026/07/aantal-zzp-ers-in-2025-gedaald-met-62-duizend (дата обращения: 20.06.2026).

[20] Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2025 № 309-ЭС24-20306 по делу № А50-15702/2023. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-spoeram-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03022025-n-309-es24-20306-po-delu-n-a76-208972023/ (дата обращения: 20.06.2026).

References:

[1] The number of self-employed in Russia in 2025 exceeded 15.4 million // Kommersant: [website]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8635398 (date of access: 20.06.2026).

[2] Sergey Vostretsov: Self-employment under duress is exploitation and tax evasion. // Pskovskaya Lenta Novostey: [website]. – URL: https://pln-pskov.ru/society/580562.html (date of access: 19.06.2026).

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[4] Musina, M. V. Civil Legal Capacity of Individual Entrepreneurs. / M. V. Musina // Young Scientist. – 2019. – No. 52 (290). – Pp. 159–161.

[5] Federal Law of November 27, 2018 No. 422-FZ "On Conducting an Experiment to Establish a Special Tax Regime "Tax on Professional Income"" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 48. – Art. 7534.

[6] The Federal Tax Service assessed the scale of the flow of workers into the self-employed. // RBC: [website]. – URL: https://www.rbc.ru/economics/29/03/2025/67e668ee9a79476474b1b68f (date of access: 20.06.2026).

[7] The Federal Tax Service sees risks of substitution of labor relations for less than 2% of the self-employed. // Vedomosti: [website]. – 2025. – October 22. – URL: https://www.vedomosti.ru/eco-

nomics/articles/2025/10/22/1149042-fns-vidit-riski (date of access: 18.06.2026).

[8] Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 06.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 3.

[9] Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated 08.12.2025 No. 685n "On Amending Clause 8 of the List of Risk Indicators for Violation of Mandatory Requirements in the Implementation of Federal State Control (Supervision) over Compliance with Labor Legislation and Other Regulatory Legal Acts Containing Labor Law Standards, Approved by Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated 30.11.2021 No. 838n". // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512300018 (date of access: 20.06.2026).

[10] Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of 19.11.2025 No. 657n "On Amendments to the List of Data and Information, Including Those Constituting a Tax Secret, Transferred by Tax Authorities of the Russian Federation to Interdepartmental Commissions of the Subjects of the Russian Federation for Combating Illegal Employment, as well as to Territorial Bodies of the Federal Service for Labor and Employment in the Procedure of Interdepartmental Cooperation, Approved by Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of 2 February 2024 No. 40n". // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202602120004 (date accessed: 20.06.2026).

[11] Decision of the Arbitration Court of the Saratov Region of 4 October 2023 in Case No. A57-10956/2023. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/VTCM8ZRjJrNH/ (date of access: 20.06.2026).

[12] Decision of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated August 5, 2024 in case No. A53-18339/2023. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/IKMEBtx54rQ/ (date of access: 20.06.2026).

[13] Off-Payroll Working (IR35) Rules. // Farrer & Co: Independent Lawyers in London, UK | London Law Firm. – URL: https://www.farrer.co.uk/.

[14] HMRC revises CEST employment status tool and guidance / VWV. – 2025. – 15 May. – URL: https://www.vwv.co.uk/ (date of access: 20.06.2026).

[15] Five important changes to employment law in 2026 // act legal. – URL: https://actlegal.com/ (date of access: 20.06.2026).

[16] Netherlands: (Mis) Qualification of employment contracts - An update // Lezology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=0d15dd1a-decc-4770-8ef2-8b65a15a69de&__cf_chl_rt_tk=mXHGWMA6phM00NjgEEq2FgpXIQXFzGw-LOV6NNPhn.Uk-1782321329-1.0.1.1-werSVdLBSwwJo3E-q6hlTHdj2qr2l4Utr7eKhNyX5Dwo (accessed June 20, 2026).

[17] A step closer towards a legal presumption of employment / Houthoff. – 2026. – April 27. URL: https://www.houthoff.com/ (accessed June 20, 2026). [18] Quarter of Dutch freelancers lose work amid stricter self-employment rules // NL Times | Netherlands news in English. URL: https://nltimes.nl/2026/02/19/quarter-dutch-freelancers-lose-work-amid-stricter-self-employment-rules?__cf_chl_ rt_tk=XsuZ4e3TLcVMLTw9ZQ5025ETCur3dv42a0Xz3.uwCVA-1782320106-1.0.1.1-5CAQxrEP.5j_VRYP5Y.o6hKQpTdeYjmGq1mGHbybw2U (access date: 06/20/2026).

[19] Aantal zzp'ers in 2025 gedaald met 62 duizend. // Central Bureau of Statistic: [website]. – 2026. – 12 Feb. URL: https://www.cbs.nl/nl-nl/nieuws/2026/07/aantal-zzp-ers-in-2025-gedaald-met-62-duizend (date of access: 20.06.2026).

[20] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.02.2025 No. 309-ES24-20306 in case No. A50-15702/2023. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03022025-n-309-es24-20306-po-delu-n-a76-208972023/ (accessed: 20.06.2026).

- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС -

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-345-347

СОБОЛЕВ Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID: 0000-0001-6101-7437,
e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ У ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СТРОГОГО РЕЖИМА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Статья посвящена системному анализу факторов, детерминирующих совершение повторных преступлений осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях строгого режима. На основе обобщения научной литературы и эмпирических исследований выделены три взаимосвязанных блока факторов. Установлено, что указанные факторы образуют устойчивый криминогенный комплекс, в котором каждый элемент усиливает действие другого. Автор приходит к выводу, что эффективная профилактика рецидивной преступности среди данной категории требует системного межведомственного подхода, объединяющего медицинскую, психологическую, социальную и трудовую реабилитацию.*

Ключевые слова: *детерминанты рецидивной преступности; исправительные учреждения строгого режима; осужденные; уголовно-исполнительная система.*

SOBOLEV Nicholai Gourgenovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor
senior researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

DETERMINANTS OF RECIDIVISM AMONG CONVICTS SERVING SENTENCES IN PENAL INSTITUTIONS OF STRICT REGIME: A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE PROBLEM

Annotation. *The article is devoted to a systematic analysis of factors determining the commission of repeated offenses by convicts serving sentences in high-security correctional institutions. Based on a synthesis of scientific literature and empirical research, three interrelated blocks of factors have been identified. It has been established that these factors form a stable criminogenic complex in which each element reinforces the effect of the others. The author concludes that effective prevention of recidivism among this category requires a systematic interagency approach combining medical, psychological, social, and vocational rehabilitation.*

Key words: *determinants of recidivism; high-security correctional institutions; convicts; penal system.*

Проблема рецидивной преступности сохраняет свою острую актуальность в силу того, что лица, неоднократно «вступающие в конфликт с законом», выступают устойчивым источником криминальной напряженности и демонстрируют глубокую деформацию ценностно-нормативной сферы [1]. В структуре лиц, имеющих опыт отбытия наказания, наиболее сложную группу составляют осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима, – это лица, совершившие особо тяжкие преступления, нередко при наличии опасного рецидива. Именно эта категория в наибольшей степени нуждается в научно обоснованных

подходах к профилактике повторных преступлений, поскольку традиционные меры воздействия не всегда оказываются достаточными для преодоления устойчивых криминогенных установок.

В научной литературе неоднократно поднимались вопросы детерминации рецидивной преступности, выделялись различные группы факторов: от социально-экономических до индивидуально-психологических. Однако системный характер взаимосвязи между психофизиологическими, социально-экономическими и социально-психологическими факторами применительно к данной специфической категории осужденных изучен недостаточно, что и определило направление настоящего исследования.

В статье представлена часть научного исследования, описывающая систему факторов, детерминирующих совершение преступлений лицами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях строгого режима. В отличие от простого перечисления разрозненных обстоятельств, зафиксированных в статистике или отдельных научных работах, в рамках нашего подхода сделан акцент на выявлении внутренних связей между различными уровнями детерминации – от индивидуально-психофизиологических до социально-средовых. Такой подход позволил не только зафиксировать наличие тех или иных проблем (например, трудности трудоустройства или употребление психоактивных веществ), но и понять, как они взаимно усиливают друг друга, формируя устойчивый криминогенный комплекс.

Проведенный анализ факторов, влияющих на повторное совершение преступлений, позволил структурировать их в три взаимосвязанных блока, каждый из которых определяет направления профилактического воздействия.

Психофизиологический блок.

В ходе было установлено, что значимым обстоятельством, сопутствующим совершению повторных преступлений после освобождения, является состояние наркотического или алкогольного опьянения, что указывает на наличие аддиктивных проблем у рассматриваемой категории осужденных. Полученные данные согласуются с исследованием Е.А. Антонян, в котором отмечается, что каждый третий рецидивист страдает алкоголизмом, каждый четвертый – наркоманией, каждый двенадцатый является носителем ВИЧ-инфекции [2]. При этом употребление психоактивных веществ может рассматриваться не только как проявление химической зависимости, но и как дисфункциональная копинг-стратегия, актуализирующаяся при столкновении с трудностями после освобождения (отсутствие работы, жилья, социальная изоляция, психологическая травма и др.), а также под влиянием привычного окружения, где алкоголь и наркотики выполняют коммуникативные функции [3]. В профилактическом аспекте данный блок предполагает комплексное сопровождение, включающее не только медицинскую, но и психологическую помощь, направленную на освоение адаптивных способов совладания со стрессовыми ситуациями.

Социально-экономический блок.

Материальное неблагополучие нередко является следствием системных сложностей с трудоустройством, с которыми сталкиваются лица, освободившиеся из исправительных учреждений. Отсутствие необходимых профессиональных навыков и барьеры на рынке труда ограничивают доступ к легальным источникам дохода, что может создавать предпосылки для возврата к криминальным способам решения финансовых вопросов. Полученные данные соотносятся с результатами исследования Ю.Е. Суслова, А.Ф. Федорова, А.В. Беспаловой, согласно которым неоднократно судимые лица часто и до осуждения не имеют постоянного источника доходов [4]. Дополнительным фактором выступает отсутствие жилья, которое выделялось осужденными как одна из основных проблем после освобождения; отсутствие регистрации, в свою очередь, осложняет официальное трудоустройство, оформление социальных пособий и получение медицинской помощи. Профилактическая работа в рамках данного блока может быть связана с развитием механизмов социальной поддержки и содействия в трудовой адаптации данной категории лиц.

Социально-психологический блок.

Как показано в исследовании Н.Е. Колесниковой, осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима, демонстрируют ряд личностных особенностей, включая неадекватную самооценку (завышенную или заниженную), избирательность в общении, скрытность, сдержанность, а также ригидность, конфликтность, импульсивность, неуверенность в себе, осторожность, пассивность, эгоистичность, тревожность, подозрительность [5]. В другом исследовании отмечается, что среди причин совершения повторных преступлений значимое место занимают отрицательные морально-психологические качества и убежденность в безнаказанности [6]. Кроме того, к числу значимых факторов относится раннее попадание в места лишения свободы, разрыв социально-полезных связей и многократность судимостей, способствующие усвоению норм криминальной субкультуры [7]. Профилактический потенциал данного блока свя-

зан с организацией психокоррекционной работы, направленной на развитие рефлексивных способностей и социально-ответственных установок.

Выявленные факторы не являются изолированными, а образуют устойчивый взаимосвязанный криминогенный комплекс, в котором каждый элемент усиливает действие другого. Так, аддиктивные зачастую выступают деструктивным способом совладания с постпенитенциарными трудностями – отсутствием работы и жилья, социальной изоляцией, разрывом социально-полезных связей. В свою очередь, материальное неблагополучие и дискриминация на рынке труда ограничивают доступ к легальным источникам дохода, создавая предпосылки для возврата к противоправным способам решения финансовых вопросов. Личностные деформации выступают внутренней основой, на которой указанные внешние факторы реализуются в повторном преступном поведении.

Таким образом, эффективная профилактика рецидивной преступности среди данной категории осужденных не может быть сведена к отдельным разрозненным мерам, а требует системного межведомственного подхода, объединяющего медицинскую, психологическую, социальную и трудовую реабилитацию. Особое значение приобретает организация комплексного постпенитенциарного сопровождения, направленного не только на устранение внешних барьеров (трудоустройство, отсутствие жилья), но и на глубинную психокоррекционную работу по трансформации криминальной идентичности и формированию социально-ответственных установок. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой и апробацией конкретных моделей профилактического воздействия с учетом выявленных взаимосвязей между факторами.

Список литературы:

[1] Кряжева С.Г., Москвитина М.М. Наркотическая и алкогольная зависимости как детерминанта совершения повторных преступлений // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 11-15.

[2] Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 345 с.

[3] Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М.: Юрид. лит., 1968. 136 с.

[4] Суслов Ю.Е., Федоров А.Ф., Беспалова А.В. Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект // *Психология и право. 2024.* № *14*(4), С. 68-84.

[5] Колесникова Н.Е. Личные особенности осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 40-44.

[6] Звонов А.В., Пичугин С.А. Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Пенитенциарная наука. 2013. № 2 (22). С. 11-14.

[7] Кряжева С.Г., Соболев Н.Г. К вопросу о факторах рецидивной преступности: результаты исследования / С. Г. Кряжева, Н. Г. Соболев // Юридическая наука. – 2026. – № 2. – С. 307-308.

References:

[1] Kryazheva S.G., Moskvitina M.M. Drug and Alcohol Dependence as a Determinant of Repeat Offenses // Narcocontrol. 2022. No. 3. pp. 11-15.

[2] Antonyan E.A. Personality of a Recidivist: Criminological and Criminal-Executive Research: Dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2014. 345 p.

[3] Kovalev A.G. Psychological Foundations of Offender Rehabilitation. Moscow: Legal Literature, 1968. 136 p.

[4] Suslov Yu.E., Fedorov A.F., Bespalova A.V. Modern Problems of Repeat Offenses. Social and Psychological Aspect // Psychology and Law. 2024. No. 14(4), pp. 68-84.

[5] Kolesnikova N.E. Personal characteristics of convicts serving sentences in a strict regime colony // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2008. No. 1 (6). pp. 40-44.

[6] Zvonov A.V., Pichugin S.A. Analysis of the causes and conditions for the commission of repeat crimes by persons sentenced to punishments and other measures of a criminal-law nature not associated with isolation from society // Penitentiary science. 2013. No. 2 (22). pp. 11-14.

[7] Kryazheva S.G., Sobolev N.G. On the issue of factors of recidivism: research results / S. G. Kryazheva, N. G. Sobolev // Legal science. – 2026. – No. 2. – P. 307-308.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-348-352
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно- исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор экономических наук,
e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РИСКА РЕЦИДИВА ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация*. В статье рассматриваются вопросы прогнозирования преступного поведения и оценки риска рецидива. Данная оценка способствует повышению потенциала для выработки объективности и эффективности принятия решений. Однако внедрение в российскую практику оценки рецидива при условно-досрочном освобождении требует тщательного правового регулирования, решения проблем прозрачности, предвзятости и ответственности, а также учета принципов справедливости и индивидуализации подхода к каждому случаю, а также выполнения этических норм. Авторы отмечают, что искусственный интеллект может использоваться лишь как инструмент поддержки, но не как замена человеческому суждению. В работе отмечается, что, применение искусственного интеллекта к условно-досрочному освобождению рассматривается не как перенос зарубежного опыта оценки в российскую практику, а как гибридную риск-ресурсную модель, адаптированную к отечественной системе исполнения наказаний. Разработка и внедрение алгоритмических моделей, способных анализировать широкий спектр факторов – от демографических и криминологических характеристик до данных о поведении в местах лишения свободы и постпенитенциарном периоде – может стать существенным шагом вперед. Такие системы способны выявлять неочевидные закономерности и корреляции, которые упускает человеческий глаз, тем самым формируя более обоснованные рекомендации для судов и пенитенциарных учреждений.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, условно-досрочное освобождение, рецидивная преступность, риск рецидива, риск-ресурсная модель, уголовно-исполнительная система.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation» (Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE RISK OF RECIDIVISM IN PARTIAL EXEMPTION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Annotation. *The article discusses the issues of predicting criminal behavior and assessing the risk of recidivism. This assessment helps to increase the potential for objective and effective decision-making. However, the implementation of recidivism assessment in the context of parole requires careful legal regulation, addressing issues of transparency, bias, and accountability, as well as considering the principles of fairness and individualized approach to each case, and adhering to ethical standards. The authors emphasize that artificial intelligence should be used as a supporting tool rather than a substitute for human judgment. The paper notes that the application of artificial intelligence to parole is not seen as a transfer of foreign assessment practices to Russian practice, but rather as a hybrid risk-resource model adapted to the domestic penal system. The development and implementation of algorithmic models capable of analyzing*

Key words: *artificial intelligence, parole, recidivism, risk of recidivism, risk-resource model, and the penal system.*

Введение. Внедрение в российскую практику оценки рецидива при условно-досрочном освобождении (далее – УДО) сопровождается рядом вопросов и недопониманием в плане правового регулирования. Данная проблематика еще связана с оценкой поведения осужденного на основе экспертного заключения, когда результаты могут повлиять на общественную безопасность.

Применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) предлагает новые возможности для решения сложных задач и проблем в области правосудия. Применение нейросетей с целью возможной оценки риска совершения повторного правонарушения может способствовать повышению эффективности принятия решений и снижению нагрузки на правоохранительные органы. Внедрение в работу алгоритмических моделей на основе факторов носящих демографические и криминологические характеристики, может выявить закономерности. Необходимо при взаимодействие человеческого фактора с ИИ, устанавливать четкие границы, так как ИИ выступает только инструментом при оценке поведения осужденного, а его эффективная работа зависит от качества данных, корректности алгоритмов.

Анализ научной литературы показал, проблемные вопросы заявленной тематик, в своих исследованиях М.Г. Дебольский обратил внимание на отсутствие критерий исправления [1]. О целесообразности введения прогнозных критериев при принятии решения об УДО указывал Д.В. Мельникова [2], а Е.Е. Новиков разработал индивидуальное прогнозирование поведения осужденных [3]. Статистическая информация по прогнозированию рецидивной преступности представлена в трудах В.И. Терехина и В.В. Чернышова [4]. Первыми из российских авторов, которые проанализировали уровень риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, были А.С. Душкин и Е.С. Федотова [5].

В российской криминологической литературе А.П. Суходолов и А.М. Бычкова связывают использование искусственного интеллекта в противодействии преступности с машинным обучением, большими данными, нейронными сетями, предиктивной аналитикой и прогнозированием как преступности в целом, так и индивидуального поведения, одновременно подчеркивая наличие этических и правовых дилемм [6]. Д.А. Степаненко, Д. В. Бахтеев и Ю.А. Евстратова раскрывают технологическую основу таких систем [7].

Практическая ценность искусственного интеллекта при УДО состоит прежде всего в уменьшении неопределенности и субъективизма, но не в устранении индивидуального судебного анализа. В.И. Качалов, О.В. Качалова и Е.В. Марковичева прямо связывают перспективы применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве со стадией исполнения приговора, включая УДО [8]. С.Н. Овчинников, рассматривает цифровую трансформацию уголовно-исполнительной системы как единую информационную среду, цифровой профиль осужденного и модели прогнозирования поведения, включая концептуальные разработки, ориентированные на оценку личности и коррекцию программы ресоциализации [9]. А.П. Скиба предлагает обсуждать балльные системы оценки степени исправления и использование искусственного интеллекта для первичного подсчета значимых показателей при решении вопроса об УДО, видя в этом способ снижения субъективизма [10].

Основная часть. Уровень рецидива среди освобождающихся осужденных, несмотря на предпринимаемые меры остается достаточно высоким, согласно заявлениям министра юстиции Российской Федерации, К. А. Чуйченко [11, 12]. При рассмотрении ходатайств об УДО суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учёбе и труду, наличие поощрений и взысканий, отношение к совершённому деянию, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности освобождения. Однако субъективность оценки и недостаток данных иногда затрудняют принятие взвешенного решения. В настоящее время, в России,

ИИ официально не участвует в принятии судебных решений, включая вопросы УДО [13]. Этические вопросы также актуальны при оценке принятия решений УДО с использованием ИИ.

Чтобы соблюсти этический баланс необходимо разработать нормы по использованию ИИ и в процессе использования новых технологий проводить оценку по адаптации этих норм. Это включает требования к прозрачности алгоритмов, независимый аудит на предмет дискриминации, защиту данных, обучение судей и других участников процесса, а также механизмы контроля и обжалования решений, принятых с учетом рекомендаций ИИ. Поэтому алгоритмическая система поддержки решения об УДО должна строиться по принципу «человек принимает решение, алгоритм объясняет данные». На первом уровне она агрегирует сведения из личного дела, характеристик администрации, заключений психолога, медицинских данных в допустимых законом пределах, сведений о труде, обучении, возмещении вреда и социальных связях. На втором уровне она оценивает качество данных: полноту, актуальность, противоречивость, наличие пробелов, временную динамику. На третьем уровне рассчитывается риск рецидива, желательно не в виде одной категоричной цифры, а в форме вероятностного диапазона или категории риска с указанием факторов, повлиявших на результат. На четвертом уровне формируется аналитическая справка, в которой отдельно отражаются статические признаки, не поддающиеся изменению, и динамические признаки, свидетельствующие о реальном процессе исправления либо о его отсутствии. На пятом уровне суд, изучив материалы дела, заключения специалистов и алгоритмическую справку, принимает мотивированное решение, вправе согласиться с прогнозом или отклонить его при наличии правовых и фактических оснований [14].

При внедрении ИИ в процедуру УДО, необходимо различать три уровня ответственности: научно-технический, ведомственный и судебный. Научно-технический уровень связан с качеством данных, методикой обучения, валидностью модели, частотой ошибок, устойчивостью к смещению и объяснимостью результата. Ведомственный уровень предполагает корректное ведение данных в учреждениях, единообразие учета поощрений и взысканий, достоверность характеристик, защиту персональных данных, обучение сотрудников и исключение манипулирования показателями. Судебный уровень требует, чтобы алгоритмический прогноз был лишь одним из материалов, подлежащих оценке наряду с иными доказательственными и характеризующими сведениями. Если суд использует алгоритмическую справку, в постановлении должны быть отражены не только итоговая категория риска, но и те обстоятельства, которым суд придал значение. Если суд не соглашается с алгоритмической оценкой, это также должно быть мотивировано, поскольку сама возможность отклонения прогноза является важной гарантией недопущения автоматизации правосудия.

Актуальность предлагаемого подхода заключается в том, что применение ИИ к УДО рассматривается не как перенос зарубежных актуарных шкал в российскую практику и не как простая балльная оценка исправления, а как гибридная риск-ресурсная модель, адаптированная к отечественной системе исполнения наказаний. Такая модель должна учитывать три взаимосвязанных блока. Первый блок – юридико-исполнительный: соблюдение режима, труд, обучение, возмещение вреда, отношение к воспитательным мероприятиям, характеристики администрации. Второй блок – психологический: отношение к совершенному преступлению, уровень ответственности, агрессивность, импульсивность, способность к планированию, совладающее поведение, мотивация к правопослушной жизни. Третий блок – социально-криминологический: криминальная история, социальное окружение, жилье, занятость, зависимость, постпенитенциарная поддержка. При вынесении решений необходимо делать отсылку на решения об УДО.

Заключение. УДО одним из институтов уголовного судопроизводства, призванным обеспечить указанное гарантированное Конституцией Российской Федерации право осужденных. Правом принятия решения об УДО от отбывания наказания наделен суд. Внедрение ИИ при оценке риска рецидива в российскую практику требует правовой подготовки и регулирования. В качестве пилотного проекта можно использовать ИИ как инструмент или подсказку оценки риска рецидива при УДО.

Список литературы:

[1] Дебольский М. Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. Т. 4, № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (дата обращения: 13.05.2026).

[2] Мельникова Д. В. Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 30–43. DOI: 10.17759/psylaw.2022120103.

[3] Новиков Е. Е. Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным наказаниям и мерам // Актуаль-

ные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 153–159. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159.

[4] Терехин В. И., Чернышов В. В. Статистический анализ и прогнозирование рецидивных преступлений // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2 (93). С. 16–21.

[5] Душкин А. С., Федотова Е. С. Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4, № 1. С. 45–61. DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

[6] Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766.

[7] Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214.

[8] Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Возможности применения информационных технологий при принятии судом процессуальных решений по уголовному делу // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 222–229. DOI: 10.17223/15617793/477/25.

[9] Овчинников С. Н. Применение цифровых технологий в сфере исполнения уголовных наказаний: направления, инновации, риски // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 3 (71). С. 261–269. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.004.

[10] Скиба А. П. Повышение эффективности исполнения уголовных наказаний: расширение сферы применения информационных технологий // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20 (1–4), № 2. С. 198–208. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).2.198-208.

[11] В Минюсте назвали процент рецидива среди российских заключённых [Электронный ресурс] https://news.ru/society/v-minyuste-nazvali-procent-recidiva-sredi-rossijskih-zaklyuchyonnyh (дата обращения: 05.03.2026).

[12] Количество рецидивистов в России сократилось на 30 000 в 2024 году [Электронный ресурс] https://dzen.ru/a/aCpW-CTxsFCh8PjK (дата обращения: 05.03.2026).

[13] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // КонсультантПлюс

[14] Радченко, Е. П. Цифровая трансформация в пенитенциарной системе: возможности и риски / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11(239). – С. 659-661. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_11_659. – EDN CGBUIM.

[15] Радченко, Е. П. К вопросу о новых технологиях в уголовно-исполнительной системе: перспективы и риски / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов, С. Б. Рябых // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 60-64. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-60-64. – EDN VUYRJY.

References:

[1] Debolsky M.G. Problems of the risk of relapse during the parole of convicts//Psychology and law. 2014. VOL. 4, NO. 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (access date: 13.05.2026).

[2] Melnikova D.V. Participation of a psychologist in the decision to recommend a convict for parole//Psychology and law. 2022. T. 12, NO. 1. S. 30-43. DOI: 10.17759/psylaw.2022120103.

[3] Novikov E. E. On the basics of predicting the individual behavior of those sentenced to alternative punishments and measures//Actual problems of Russian law. 2016. № 8 (69). S. 153-159. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159.

[4] Terekhin V.I., Chernyshov V.V. Statistical analysis and prediction of recurrent crimes//Man: crime and punishment. 2016. № 2 (93). S. 16-21.

[5] Dushkin A. S., Fedotova E. S. Assessment of the risk of committing crimes by persons released from prison//Russian Deviantological Journal. 2024. VOL. 4, NO. 1. S. 45-61. DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

[6] Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. Artificial intelligence in countering crime, its forecasting, prevention and evolution//All-Russian Criminological Journal. 2018. T. 12, NO. 6. S. 753-766. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766.

[7] Stepanenko D.A., Bakhteev D.V., Evstratova Yu.A. Use of artificial intelligence systems in law enforcement//All-Russian Criminological Journal. 2020. T. 14, NO. 2. S. 206-214. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).206-214.

[8] Kachalov V.I., Kachalova O.V., Markovicheva E.V. Possibilities of using information technologies when making procedural decisions by the court in a criminal case//Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 477. S. 222-229. DOI: 10.17223/15617793/477/25.

[9] Ovchinnikov S. N. The use of digital technologies in the field of the execution of criminal sentences: directions, innovations, risks//Penitentiary science. 2025. T. 19, NO. 3 (71). PP. 261-269. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.004.

[10] Skiba A.P. Increasing the efficiency of the execution of criminal sentences: expanding the scope of information technology//Criminal enforcement law. 2025. T. 20 (1-4), NO. 2. S. 198-208. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).2.198-208.

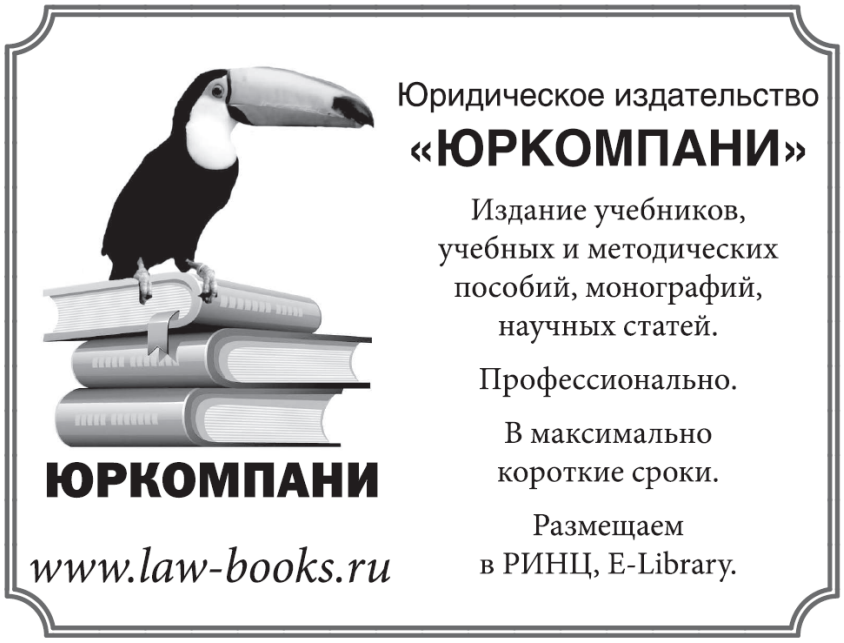
[11] The Ministry of Justice called the percentage of relapse among Russian prisoners [Electronic Resource] https://news.ru/society/v-minyuste-nazvali-procent-recidiva-sredi-rossijskih-zaklyuchyonnyh (date of appeal: 05.03.2026).

[12] The number of repeat offenders in Russia decreased by 30,000 in 2024 [Electronic resource] https://dzen.ru/a/aCpW-CTxsFCh8PjK (circulation date: 05.03.2026).

[13] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation "//ConsultantPlus

[14] Radchenko, E.P. Digital transformation in the penitentiary system: opportunities and risks/E.P. Radchenko, S.A. Bazhanov//Law and state: theory and practice. – 2024. – № 11(239). - S. 659-661. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_11_659. – EDN CGBUIM.

[15] Radchenko, E.P. On the issue of new technologies in the penal system: prospects and risks/ E.P. Radchenko, S. A. Bazhanov, S. B. Ryabykh// International Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. - S. 60-64. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-60-64. – EDN VUYRJY.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-353-356
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

НЕЗАКОННОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ОБОРОТ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ, КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Аннотация*. В статье автором проводится частично анализ основных уголовно-правовых признаков незаконного изготовления и оборота порнографических материалов и предметов. В материалах статьи показан порядок их разграничение с аналогичным конвентом эротического содержания, констатируются основные аспекты ответственности за данное преступление. Автор на основе анализа законодательной базы показывает общественную опасность преступлений против общественной нравственности, которая заключается в посягательстве на нравственное здоровье не отдельной личности, а населения в целом или определенной его части.*

Ключевые слова*: незаконные изготовление и оборот порнографических предметов и материалов, квалификации, несовершеннолетние, половой акт, предмет преступления, нравственность, этика, гражданское общество.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ILLEGAL MANUFACTURING AND TRAFFICKING PORNOGRAPHIC MATERIALS OR OBJECTS AS A CRIME AGAINST PUBLIC MORALITY

Annotation*. In this article, the author partially analyzes the main criminal-legal features of the illegal production and circulation of pornographic materials and objects. The article demonstrates the procedure for distinguishing them from similar erotic content, and outlines the main aspects of liability for this crime. Based on an analysis of the legislative framework, the author highlights the public danger of crimes against public morality, which involves the violation of the moral health of not just an individual, but the entire population or a specific segment of it.*

Key words: *illegal production and trafficking of pornographic objects and materials, qualifications, minors, sexual intercourse, subject of crime, morality, ethics, civil society.*

С развитием телекоммуникационных устройств и доступности интернета, в судах все чаще стали появляться уголовные дела, возбужденные по статье 242 УК РФ[6] (незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов) и статье 242.1 УК РФ (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних)[6].

Одним из квалифицирующих признаков данных преступлений, является именно распространение порнографического материала с использованием средств массовой информации, в том числе, информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Это квалифицирующий признак «делает» инкриминируемое деяние тяжким преступлением. Рассматривая данные положения мы, прежде всего, констатируем об отношении к этой проблеме состояние общества.

Одним из наиболее значимых показателей зрелости гражданского общества является уровень нравственно-этических установок, культуры живущих в нем людей, а также уважительное отношение каждого из них к общепризнанным правам и свободам человека.

Прогресс социума возможен при условии обеспечения не только физического, но и духовного его здоровья. В то же время крушение привычной системы ценностей при отсутствии вновь сформированного целостного представления о ней, соответствующего современным реалиям, создает серьезные препятствия для дальнейшего развития цивилизации [11, с. 4].

Падение нравственного уровня общества, приобретшее международные масштабы, являющееся результатом отрыва от исторических, духовных и семейных ценностей, терпимости к девиантному поведению (прежде всего, наркомании, алкоголизму, токсикомании, бродяжничеству, беспорядочным половым связям и проституции), потребительского отношения ко всему происходящему вокруг, вызвало рост потребительской активности на такой продукт как порнография.

Перечисленные негативные социальные тенденции указывают на необходимость формирования обновленного типа взаимоотношения права и морали, поскольку «законодатель при создании норм или их совершенствовании должен учитывать состояние общественной нравственной культуры населения, чтобы разрабатываемые законы были справедливыми и воспринимались членами общества» [10, с. 4].

Отражением заботы российского государства о нравственном здоровье своих граждан явилась криминализация значительной совокупности посягательств против здоровья населения и общественной нравственности, в т.ч. незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов. Ответственность за данное преступление предусмотрена в ст. 242 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [6].

Общественная нравственность как объект преступного посягательства представляет собой «совокупность публичных общественных отношений по соблюдению господствующих в российском обществе этических принципов и норм, регулирующих правила жизнедеятельности человека по соблюдению дозволенных пределов поведения в сексуальных отношениях, в области духовной культуры, социальной памяти, надлежащего поведения граждан в общественных местах» [9, с. 13].

Уголовно-правовая защита общественной нравственности от пагубного влияния порнографии – предмет особой заботы не только отдельных государств, но и всего мирового сообщества.

Серьезным шагом на пути борьбы с борьбы с распространением предметов, способных оказать негативной влияние на общественную нравственность, может быть по праву названо принятие Международного соглашения о борьбе с распространением порнографических изданий (Париж, 04.05.1910) [1], участниками которого были пятнадцать государств, в том числе и Россия. В дальнейшем 08.07.1935 СССР присоединился к Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими, заключенной в Париже 12.09.1923 [2].

Протокол об изменении Договора о борьбе с распространением порнографических изданий, подписанный в Нью-Йорке 04.05.1949 [3,с. 197], узаконил добровольную передачу функции контроля за исполнением обозначенного договора Организации Объединенных Наций, В результате чего был сделан важнейший политический шаг на пути признания распространения порнографии преступлением особого рода, требующим объединения усилий по борьбы с ним на международном уровне.

Обеспокоенность мирового сообщества проблемой защиты детей и подростков от вовлечения их в занятие детской проституцией и порнографией, нашла отражение в обсуждении и принятии в 2000 г. Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии [4].

В ч. 1 ст. 242 УК РФ предусмотрена ответственность за следующие действия с порнографическими материалами или предметами:

а) незаконное изготовление и/или незаконное перемещение через Государственную границу РФ, если эти действия совершены в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования;

б) распространение;

в) публичная демонстрация;

г) рекламирование.

Изготовление может быть совершено любым способом – съемка фильма, видеоролика, изготовление фотоснимков, рисунков и т.п., главное в этом процессе – преступная цель, в основе которой лежит позиционирование своего «детища» конкретному либо неограниченному кругу лиц.

Распространение и рекламирование – близкие действия, поскольку второе нередко предшествует первому, т.е. вначале идет публичное рекрутирование потенциальных зрителей или приобретателей изготовленного порнографического продукта, а потом предоставление всем желающим посредством продажи, мены, дарения.

В известном смысле публичная демонстрация – более общественно опасное и неблагоприятное по возможным последствиям действие, поскольку порнографический контент предлагается неопределенному кругу лиц независимо от их желания и возраста (может стать доступны для детей).

Совершение перечисленных действий среди несовершеннолетних либо вовлечение несовершеннолетнего в обороте порнографической продукции, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, признается пре-

ступлением, совершенным при отягчающих обстоятельствах, ответственность за которое установлена в ч. 2 ст. 241 УК РФ.

В качестве оборота материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних следует понимать приобретение и хранение (архивирование на электронном носителе) материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних [8, с. 83].

Ужесточение ответственности за распространение порнографических материалов среди несовершеннолетних созвучно положениям Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [5].

Родовым объектом данного преступления общественная безопасность и общественный порядок, видовым – общественная нравственность; непосредственный же определяется направленностью конкретного посягательства.

Общественная опасность преступлений против общественной нравственности заключается в посягательстве на нравственное здоровье не отдельной личности, а населения в целом или определенной его части; поэтому потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, может быть неопределенный круг лиц.

Предмет анализируемого преступления обширен. Порнографические материалы – это картины, фотографические снимки; рисунки, проспекты, плакаты, ролики, фильмы, слайды, непристойно, цинично, грубо, вульгарно, но при этом убедительно, натуралистически (без видимых постановочных элементов) изображающие половой акт с фокусированием внимания зрителя на физическом контакте половых органов (прямой или крупный ракурс), провоцирующее извращенное либо нездоровое половое влечение.

Представителями уголовно-правовой науки также высказывается заслуживающий внимания тезис о том, что порнография представляет собой аморальные, осуждаемые и вызывающие отвращение формы половых контактов: гомосексуализм в грубой, вульгарной форме; групповой секс; половые контакты с животными [7, с. 218], а также можно предположить – с душевно больными и беспомощными (но не в силу детского возраста – подобные деяния квалифицируются иначе) людьми.

Порнографические предметы – предметы, изготовленные с целью циничного и грубого отражения половых органов человека.

Определение истинной природы этих предметов, а также отграничение их от материалов и предметов эротического содержания, возможно исключительно посредством проведения искусствоведческой экспертизы.В процессе квалификации преступления по ст. 242 УК РФ следует также принимать во внимание и факторы законных (с правовой и нравственной точек зрения) воспроизведения и демонстрации гениталий человека (в учебном фильме или специализированной литературе для студентов медицинских и художественных вузов; вне полового акта и т.п.).

Особо отягчающими обстоятельствами анализируемого преступления, согласно ч. 3 ст. 242 УК РФ, признаются деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»);

в) с извлечением дохода в крупном размере (примечание к ст. 242 УК РФ определяет его равным сумме, превышающей 50 000 р.).

С позиции семантики и логики изложения содержания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 241 УКРФ, вызывает определенное нарекание использование прилагательного «незаконные». Как вполне обоснованно указывает Т.А. Малыхина, подобная трактовка дает основание полагать, что в Российской Федерации существует законный оборот порнографических предметов и материалов [8, с. 88]. Следует согласиться с мнением ученого о том, что данный признак вполне может быть исключен из содержания ч. 1 ст. 241 УК РФ.

Субъект преступления – физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста шестнадцати лет, а для признания виновным по ч. 2 ст. 242 УК РФ – достигшее возраста восемнадцати лет.

Субъективную сторону составляет вина в виде прямого или косвенного умысла. Мотив и цель принципиального значения для квалификации не имеют, за исключением квалификации по п. «в» ч. 3 ст. 242, здесь налицо корыстный мотив и материальный состав.

Таким образом, проблемы, которые были выявлены в ходе анализа законодательной базы затрудняющие квалификацию преступления и установления ответственности за него, по мнению автора, могут быть устранены посредством принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ. В данных правовых позициях, которого содержались бы подробные разъяснения относительно признаков, характеризующих порнографию, а также действий, составляющих объективную сторону преступления, указанного в ст. 241 УК РФ.

Список литературы:

[1] Международное соглашение о борьбе с распространением порнографических изданий.

Заключено в Париже 04.05.1910 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1936. Отдел II. № 21. Ст. 179.

[2] Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими. Заключена в Париже 12.09.1923, вступила в силу 24.08.1924 // // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1936. Отдел II. № 21. Ст. 179.

[3] Протокол об изменении Договора о борьбе с распространением порнографических изданий, подписанный в Нью-Йорке 04.05.1949 // Сборник действующих международных договоров, соглашений и конвенций. М.: Юрид. лит., 1960. Вып. XVII.

[4] Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25.05.2000 // Собрание законодательства РФ. 17.02.2014. №7. Ст. 633.

[5] Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. №1. Ст. 48.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026).

[7] Корнилов В.Ю., Сойников М.А. Актуальные проблемы применения квалификации порнографических материалов и предметов по ст. 242 УК РФ // Юность и знания. Гарантия успеха-2019. Материалы научной конференции (Курск, 18–19 сентября 2029 г.). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 216–220.

[8] Малыхина Т.А. Некоторые особенности объективной стороны преступлений, связанных с порнографией // Научный дайджест Восточно-Сибирского университета МВД России. 2020. №4. С. 82–89.

[9] Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. М., 2014. 46 с.

[10] Старков Е.А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 238 с.

[11] Торосян Р.В. Преступления против общественной нравственности: вопросы криминализации, систематизации и законодательного описания: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 236 с.

References:

[1] International Agreement to Combat the Dissemination of Pornographic Publications. Concluded in Paris 04.05.1910 //Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR. 1936. Division II. No. 21. Art. 179.

[2] International Convention on the Suppression of the Circulation and Trade in Pornographic Publications. Concluded in Paris 12.09.1923, entered into force 24.08.1924 ///Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR. 1936. Division II. No. 21. Art. 179.

[3] Protocol Amending the Treaty against the Distribution of Pornographic Publications, signed in New York 04.05.1949 //Collection of Existing International Treaties, Agreements and Conventions. M.: Jurid. lit., 1960. No. XVII.

[4] Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography of 25.05.2000 //Collection of Legislation of the Russian Federation. 17.02.2014. №7. Art. 633.

[5] Federal Law of 29.12.2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" (as amended by 31.07.2020) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 03.01.2011. №1. Art. 48.

[6] Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 09.04.2026).

[7] Kornilov V.Yu., Soynikov M.A. Actual problems of applying the qualifications of pornographic materials and objects under Art. 242 of the Criminal Code of the Russian Federation//Youth and knowledge. Guarantee of success-2019. Materials of the scientific conference (Kursk, September 18-19, 2029). Kursk: Southwestern State University, 2019. S. 216-220.

[8] Malykhina T.A. Some features of the objective side of crimes related to pornography//Scientific digest of the East Siberian University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. №4. S. 82-89.

[9] Osokin RB. The theoretical and legal basis of criminal liability for crimes against public morality: author. dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2014. 46 pp.

[10] Starkov E.A. Criminal liability for crimes against public morality: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2011. 238 pp.

[11] Torosyan R.V. Crimes against public morality: issues of criminalization, systematization and legislative description: dis.... cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don, 2012. 236 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-357-362

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ОСУЖДЕННЫЕ, ОТБЫВАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СТРОГОГО РЕЖИМА

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос изучения особенностей влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения осужденных, представлен сравнительный анализ показателей осужденных, склонных к проявлению агрессивности и не склонных, что позволило установить взаимосвязь влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения и совершения преступлений, связанных или не связанных с насилием.*

Ключевые слова: *осужденные, строгий режим, семья, преступление, наказание, социально-психологический портрет.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

CONVICTS SERVING SENTENCES IN MAXIMUM SECURITY CORRECTIONAL FACILITIES

Annotation. *The article examines the issue of studying the peculiarities of the influence of the inner circle on the formation of the aggressive behavior of convicts, presents a comparative analysis of the indicators of convicts prone to aggression and not inclined, which made it possible to establish the relationship between the influence of the inner circle on the formation of aggressive behavior and the commission of crimes related or not related to violence.*

Key words: *convicts, strict regime, family, crime, punishment, socio-psychological portrait.*

Изучение особенностей влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения осужденных представляется необходимым начать с анализа социально-демографической характеристики обследуемых. Данная информация позволит нам выявить различия в ближайшем окружении осужденных, склонных и не склонных к проявлению агрессии.

Для решения поставленных задач и цели исследования мы в качестве выборки испытуе-

мых выбрали осужденных мужского пола, отбывающих наказание в исправительном учреждении строгого режима, характеризующимися как лица отрицательной направленности, которые были отобраны нами согласно результатам экспертного опроса сотрудников исправительного учреждения. Отбор данной выборки исследования проводился с учетом предположения, что лица склонные к частому нарушению режима имеют более выраженные признаки агрессивности, что соответствует теме нашего исследования.

Представляется интересным провести сравнительный анализ показателей осужденных, склонных к проявлению агрессивности и не склонных, что позволит установить взаимосвязь влияния ближайшего окружения на формирование агрессивного поведения и совершения преступлений, связанных или не связанных с насилием. Мы представляем данные по распределению обследуемых по возрасту, семейному положению, образованию, роду занятий и т.д. Предложенные данные составлены на основе анализа результатов анкеты. Совершенно очевидно, что учет социально-демографических показателей необходим при организации и проведении воспитательной и психокоррекционной работы с осужденными на основе правильно составленной программы ресоциализации лиц, совершивших преступления, а в нашем случае и характеризующиеся проявлениями агрессивности.

Анализ распределения обследуемых осужденных по возрасту показывает, что большинство принадлежит к возрастной группе 20-29 лет, что соответствует данным распределения всех осужденных к лишению свободы по России. То есть основную нашу выборку составляют лица молодежного возраста. Следует отметить, что, согласно данным экспертного опроса начальников отрядов учреждения, именно эта категория осужденных совершает чаще всего нарушения режима содержания, выражающиеся в употреблении алкогольных напитков, в участии в различных конфликтах между осужденными, в отказе убирать помещения и в несоблюдении режима отбывания (например, посещение спальных помещений осужденных другого отряда после отбоя …) и т.д.

Преобладание осужденных молодежного возраста в местах лишения свободы, требует внедрения специальных программ их исправления и ресоциализации, напомним, что нашу выборку составляют осужденные молодежного возраста, склонные к нарушению режима, а, следовательно, при разработке программ исправления к ним требуется свой специфический подход.

Образовательный уровень осужденных является существенной характеристикой личности человека. Согласно мнению А.С. Михлина [22] высокий уровень образования проявляется как антикриминогенный фактор. Чем выше образование человека, тем менее вероятно совершение им преступления. Анализ полученных данных по нашей выборке об образовательном уровне обследуемых осужденных показывает, что большинство из них имеют среднее специальное и среднее образование, однако выделяется существенная группа имеющих неполное среднее образование. Данный факт позволяет предположить, что ближайшее окружение обследуемых не оказывало должного влияния (или не имело весомого значения в их глазах) на них для ориентации на повышение образовательного уровня. Интересным представляется тот факт, что большинство обследуемых, имеющих не полное среднее образование являются лицами молодежного возраста (от 20-29 лет).

Род деятельности обследованных нами до осуждения в основном был связан с такими профессиями, как механик, токарь, водитель, сварщик, слесарь, автослесарь и др. С нашей точки зрения целесообразно обратить внимание на такой момент, что почти половина от всей выборки до осуждения нигде не работали. Данный факт можно объяснить тем, что большинство не работающих до осуждения были в возрасте от 19-24 лет, то есть можно предположить, что эта категория людей еще, скорее всего, не определилась в какой им сфере деятельности работать.

Предпочитаемые занятия до ареста позволяют нам судить об имеющихся навыках и интересах осужденных, а также установить ближайшее окружение данных людей до осуждения.

Изучая ближайшее окружение обследуемых, мы установили, что преимущественно родители являлись рабочими, в меньшей степени – служащими, а некоторые даже и не знали своих родителей, так как воспитывались в детском доме. Полученные результаты позволяют нам предположить основные интересы и образ жизни в семье, где воспитывались наши обследуемые.

При изучении ближайшего окружения осужденным нами было уставлено, что большинство семей обследуемых были не полными. Кроме того, в большей части семей обследуемых отцы почти не участвовали в воспитании ребенка.

Небольшая часть осужденных воспитывалась в семьях, где не было матери. Мамы обследуемых в основном работали продавцами, товароведами, медсестрами, рабочими, некоторые были домохозяйками. Следует отметить, что в процессе беседы обследуемые в основном

хорошо отзывались о своих мамах, кроме некоторых случаев. Так осужденный Б., вспоминая о своей матери, рассказал о следующем случае из своей жизни. «Мне тогда было около шести лет. Моя мама собиралась к кому-то в гости, я крутился около нее и по неосторожности задел игрушечной машинкой ее колготки. Она бежала за мной по всему двору с топором и кричала, что убьет меня».

Почти у четверти обследуемых не было родных братьев и родных сестер. Одна треть обследуемых были единственными детьми в семье.

Со слов обследуемых были случаи, что братья и сестры оказывали отрицательное влияние в плане употребления алкоголя, наркотиков и токсических веществ. В семье этих обследуемых сами братья (сестры) употребляли вышеперечисленные препараты, то есть были негативным примером для своих младших братьев. Многие из них сами предлагали попробовать своим братьям впервые алкоголь и наркотики, брали с собой на различные мероприятия, на которых было принято употреблять и алкоголь и наркотики.

В большинстве семей обследуемых отношения между родителями были нормальными, уважительными. Ссоры и конфликты в данных семьях почти никогда не случались. Родители старались выяснять отношения мирным путем. Однако выделяется группа обследуемых в семьях, которых принято было разрешать спорные ситуации с помощью ссор, драк, произнесения угроз. Очень часто дети становились эпицентром родительских баталий. Во многих семьях родители не поддерживали между собой никаких отношений. В таких семьях в основном воспитывали детей матери, отцы же никакого участия в воспитательном процессе не принимали никакого участия. Важно отметить, что многие непосредственно присутствовали во время ссор своих родителей, которые заканчивались телесными повреждениями.

В адрес некоторых обследуемых выдвигались постоянные угрозы и оскорбления, были и сексуальные притязания со стороны в основном других осужденных, отбывающих наказание вместе с ними.

Семьи обследуемых преимущественно были материально обеспечены, совсем небольшая доля осужденных считают, что материальное положение в их семье было на среднем уровне и четверть, что их семья имела низкий материальный уровень. Обращаем Ваше внимание на то обстоятельство, что согласно мнению обследуемых их семьи имели материальную обеспеченность на должном уровне, то есть в детстве родители создавали все условия для полноценного детства. Другими словами, большинство осужденных в детстве не имели никаких материальных лишений, ни голодали и т.д.

Согласно мнению обследуемых многие были любимыми детьми в семье, а одна треть считали, что были не любимым ребенком в семье. В небольших случаях осужденные считали, что родители относились ко всем детям одинаково. На помним, что часть обследуемых воспитывались в детском доме.

Интересным представляется тот факт, что большинство обследуемых воспитывались в семьях, где не наблюдались элементы проявления агрессии, были в основном любимы своими родителями, однако их преступления сопровождаются насилием, а также во время отбывания наказания характеризуются сотрудниками ИУ, как лица отрицательной направленности. В процессе беседы с осужденными было установлено, что большинство родителей не уделяли должного внимания при воспитании своим детям, так как целыми днями находились на работе. Мамы после работы обеспечивали быт в семье (стирали, готовили, гладили, т.е. работали по дому), отцы же отдыхали (перед телевизором, с книжкой и т.д.). Дети в таких семьях в основном были предоставлены сами себе.

Нами установлено, что в основном источником формирования агрессивного поведения выступала семья. В семьях обследуемых кроме физического насилия и психологического наблюдалось и финансовое насилие. Чаще всего отцы отказывали в финансовой поддержки своим женам, постоянно их, ограничивая, угрожая, что не будут оплачивать необходимые расходы на обучение детям и как результат мама оказывалась в сильнейшей зависимости от своего супруга. Дети чаще всего были в курсе таких взаимоотношений своих родителей, запоминая такой образ жизни. В последующем многие из них выбирали себе жен, имеющих не высокую заработную плату, и также, как и их отец эксплуатировали жен. Согласно анализу личных дел осужденных их жены негативно высказывались о них, заявляя о применении по отношению к ним со стороны мужей физического и психологического насилия. Многие жены предпочли развестись после осуждения со своими мужьями, заявляя о негативном отношении в браке к ним своих мужей.

Осужденные заявляют, что преимущественно воспитательное влияние на них оказывала улица, их сверстники, друзья со двора и т.д.

Данный факт подтверждает, что родители оказывали мало внимания в плане воспитания своим детям, которые большую часть времени были предоставлены сами себе. И именно улица взяла на себя обязательство по воспитанию

детей. Подростки, подражали сверстникам, которые также были предоставлены сами себе, перенимали установленные улицей нормы и традиции и чаще всего отрицательные (употребление алкоголя, наркотиков, организация и участие в драках и т.д.)

Почти все семьи обследуемых имели нормальные жилищные условия. Под нормальными условиями проживания они считают наличие крыши над головой, собственной кровати, угла, где можно было делать уроки. Однако в некоторых семьях условия проживания были на достаточно высоком уровне. Часть обследуемых проживали в неблагоприятных условиях. Многие из родителей этих людей употребляли алкоголь и их квартиры были превращены в притон и т.д.

Со слов осужденных в основном их родителями и близкими были созданы все условия для обучения и нормальной жизни. Небольшая часть от всей выборки обследуемых заявили о том, что у них не было организовано отдельного места для подготовки домашних заданий.

Таким образом, важное значение в воспитательном процессе имеет семья, и если она не обращает должного внимания на этот процесс, то негативные последствия не заставят себя долго ждать.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[3] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[5] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[6] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[7] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[8] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73

[10] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[12] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[13] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[14] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[15] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[16] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[17] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[18] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[19] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[20] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[21] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[22] Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. д.ю.н. проф. А.С. Михлина. – М.: Юриспруденция, 2001. – 464. С. 23.

References:

[1] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[3] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[4] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[5] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[6] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[7] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[8] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[9] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction.” Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73

[10] Vilkova A.V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A.V. Vilkova//In the col-

lection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

[11] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[12] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[13] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[14] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[15] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[16] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[17] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

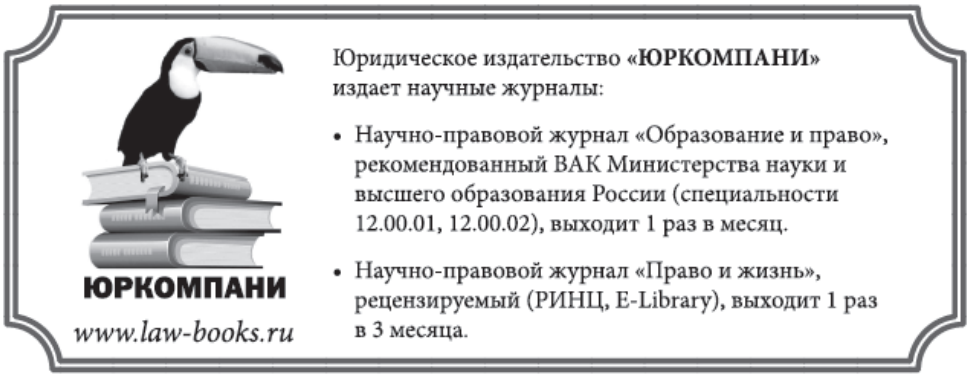
[18] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[19] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/ In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[20] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[21] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[22] Characterization of those sentenced to imprisonment. Based on the materials of the special census of 1999/Ed. D.Yu. prof. A.S. Mikhlin. - M.: Jurisprudence, 2001. – 464. S. 23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-363-368
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
0000-0002-5610-9895,
e-mail: university69@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным правовым вопросам применения искусственного интеллекта в служебной деятельности сотрудников ФСИН России. Обращение к данной теме обусловлено развитием цифровых технологий в государственном управлении, расширением практик алгоритмизации служебных процессов и возрастанием требований к правовому обеспечению таких решений. Использование искусственного интеллекта в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) рассматривается как перспективное направление совершенствования служебной деятельности, повышения эффективности управления и развития современных механизмов информационного обеспечения. Вместе с тем, цифровая трансформация данной сферы актуализирует вопросы о пределах допустимости применения интеллектуальных систем, о необходимости соблюдения прав человека, а также о выработке специальных правовых ориентиров для их внедрения и использования. В работе предложен подход, основанный на рассмотрении искусственного интеллекта не только как технологического инструмента, но и как объекта правового регулирования, способного оказывать влияние на содержание служебных решений и практику их принятия. Особое внимание уделяется необходимости формирования системы правовых принципов, которая позволила бы согласовать задачи цифрового развития ФСИН России с требованиями законности, обоснованности, контролируемости и защиты прав лиц, вовлеченных в уголовно-исполнительные отношения. Обосновывается, что дальнейшее развитие технологий искусственного интеллекта в данной сфере требует не фрагментарных решений, а целостной правовой модели, учитывающей отраслевую специфику, характер служебной деятельности и риски алгоритмического вмешательства. Перспективность рассматриваемых вопросов связана с тем, что применение интеллектуальных систем в уголовно-исполнительной сфере выходит за рамки исключительно технической модернизации и затрагивает фундаментальные вопросы соотношения цифровых средств управления, публичной власти и правового статуса личности. Использование алгоритмических решений в служебной деятельности сотрудников ФСИН России требует учета не только функциональной полезности методов искусственного интеллекта, но и правовых последствий, возникающих при обработке информации, формировании рекомендаций и использовании результатов автоматизированного анализа в практической деятельности. Поскольку правовое осмысление искусственного интеллекта в пенитенциарной сфере, во-многом, развивается опережающими темпами по отношению к практике его внедрения, требуется дальнейшая разработка категориального аппарата, уточнение отраслевых принципов, определение правовых ограничений и выработка единых подходов к оценке допустимости использования интеллектуальных технологий в служебной деятельности сотрудников ФСИН России. Предлагаемый в работе подход ориентирован на формирование теоретической основы, которая может быть использована в дальнейших научных исследованиях в сфере развития специального нормативного регулирования.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, служебная деятельность, правовые принципы, алгоритмическая прозрачность, видеоаналитика, персональные данные, нейросетевые алгоритмы, экспертные системы, правовая информатика, цифровая трансформация.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE OFFICIAL DUTIES OF EMPLOYEES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article is devoted to current legal issues concerning the use of artificial intelligence in the official duties of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. The consideration of this topic is driven by the development of digital technologies in public administration, the expansion of practices in the algorithmization of official processes, and the increasing demands for legal support of such solutions. The use of artificial intelligence in the activities of the Russian penal enforcement system is viewed as a promising direction for improving official duties, enhancing management efficiency, and developing modern mechanisms for information support. At the same time, the digital transformation of this area raises the question of the permissible limits for the use of intelligent systems, the need to respect human rights, and the development of specific legal guidelines for their implementation and use. The paper proposes an approach based on considering artificial intelligence not only as a technological tool but also as an object of legal regulation capable of influencing the content of official decisions and the practices by which they are made. Particular attention is paid to the need to form a system of legal principles that would align the digital development objectives of the Federal Penitentiary Service of Russia with the requirements of legality, reasonableness, controllability, and the protection of the rights of persons involved in penal legal relations. It is argued that further development of artificial intelligence technologies in this area requires not fragmentary solutions, but a comprehensive legal model that accounts for sectoral specificities, the nature of official duties, and the risks of algorithmic intervention. The promise of the issues under consideration is related to the fact that the use of intelligent systems in the penal sphere goes beyond purely technical modernization and touches on fundamental questions regarding the relationship between digital management tools, public authority, and the legal status of the individual. The use of algorithmic solutions in the official duties of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia requires consideration not only of the functional utility of artificial intelligence methods but also of the legal consequences arising from the processing of information, the formation of recommendations, and the use of automated analysis results in practical activities. Since the legal understanding of artificial intelligence in the penitentiary sphere is, in many respects, developing at a faster pace relative to the practice of its implementation, further development of the conceptual apparatus, clarification of sectoral principles, definition of legal restrictions, and the formulation of unified approaches to assessing the permissibility of using intelligent technologies in the official duties of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia are required. The proposed approach is aimed at forming a theoretical foundation that can be used in further scientific research on the development of special regulatory frameworks.*

Key words: *artificial intelligence, Penal System of the Russian Federation, official duties, legal principles, algorithmic transparency, video analytics, personal data, neural network algorithms, expert systems, legal informatics, digital transformation.*

Введение

Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) в настоящее время постепенно переходит с уровня ведомственных дискуссий на уровень официального государственного планирования [1, С.63]. Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года в качестве основных направлений развития УИС отмечаются проведение цифровой трансформации и научно-техническое развитие, создание и внедрение единой информационной системы ФСИН России, развитие систем сбора и обработки данных, принятие решений на основе результатов применения искусственного интеллекта, создание единого защищенного управляемого информационного пространства, а также использование видеоаналитики и прогнозирования поведения осужденных и сотрудников. Такая нормативная постановка вопроса меняет предмет научного анализа. Речь идет уже не о возможности гипотетического применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в пенитенциарной сфере, а о правовых

условиях допустимости их использования в текущей и перспективной служебной деятельности сотрудников ФСИН России. ИИ в данном случае выступает не как внешнее технологическое дополнение, а как потенциальный элемент управленческой инфраструктуры, влияющий на сбор, обработку, интерпретацию и использование информации в сфере охраны, надзора, обеспечения режима, медицинского сопровождения, организационного взаимодействия и кадровой подготовки [2, С.113]. Государственный курс на развитие таких технологий закреплен и в более широком нормативном контексте. Так, Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, направленная на ускоренное развитие искусственного интеллекта, проведение научных исследований, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов, а также совершенствование системы подготовки кадров. Для УИС этот курс приобретает особое значение, поскольку пенитенциарное ведомство сочетает в своей деятельности властные полномочия, работу с ограничением свободы человека и обращение с информацией ограниченного доступа [3, С.330].

Материалы и методы

Юридическая специфика пенитенциарной сферы во-многом состоит в том, что любое цифровое средство здесь соприкасается с правовым статусом личности. В учреждениях УИС объектами обработки становятся сведения о подозреваемых, обвиняемых, осужденных, сотрудниках, режимной обстановке, медицинском обеспечении, перемещениях, коммуникациях и соблюдении установленных ограничений [4, С.198]. Поэтому алгоритмическая система в служебной деятельности сотрудников ФСИН России не может оцениваться исключительно по техническим критериям производительности, скорости или удобства использования. Для нее принципиальны правовые параметры: допустимость исходных данных, цель обработки, пределы использования результата, возможность проверки ошибки, соразмерность вмешательств [5, С.154]. Важно рассматривать правовые аспекты применения ИИ в служебной деятельности сотрудников ФСИН не в абстрактной форме, а через конкретные управленческие и режимные функции [6, С.241].

В наиболее общем виде такие функции можно разделить на четыре блока [7, С.53]. Первый блок образуют системы наблюдения и видеоаналитики, используемые для обеспечения безопасности, фиксации событий и реагирования на отклонения от режима. Второй блок составляют системы учета, маршрутизации и аналитической обработки данных о лицах и событиях внутри УИС. Третий блок связан с интеллектуальными справочными, экспертными и образовательными системами, которые могут использоваться для подготовки сотрудников, правовой навигации и поддержки принятия управленческих решений. Четвертый блок образуют прогнозные и классификационные алгоритмы, которые потенциально способны влиять на оценку рисков, распределение внимания персонала и выбор дальнейших мер реагирования.

Данный блок порождает наибольшее количество правовых вопросов [8, С.47]. Если технология ограничивается передачей сигнала о событии, например, о появлении постороннего объекта или нарушении заданной границы охраняемой территории, она остается в пределах технического сопровождения режима. Когда система начинает строить прогноз поведения, классифицировать уровень риска, формировать цифровой профиль или предлагать управленческое решение, возникает качественно иной режим правовой оценки. В этом случае алгоритм уже влияет не только на информационную обстановку, но и на структуру служебного усмотрения сотрудника [9, С.135]. Указанная проблема усугубляется тем, что в действующем нормативном массиве стратегические ориентиры цифрового развития сформулированы значительно полнее, чем специальные правовые принципы применения ИИ в служебной деятельности органов правопорядка [10, С.261]. В открытых нормативных актах не представлена завершенная специальная модель, которая бы детально разграничивала допустимые и недопустимые сценарии использования интеллектуальных систем именно в служебной деятельности сотрудников УИС.

Отсюда вытекает первая методологическая позиция настоящего исследования. По мнению автора, правовое регулирование ИИ в деятельности сотрудников ФСИН России должно строиться не вокруг абстрактного понятия «внедрение технологии», а вокруг юридически значимого служебного действия. Для правовой оценки важна не сама архитектура системы, а вопрос о том, какое служебное последствие она способна породить. Одна и та же технологическая платформа может использоваться либо как вспомогательный инструмент обработки информации, либо как механизм, фактически влияющий на решения о безопасности, режиме, контроле поведения, дисциплинарной реакции или организационной оценке деятельности персонала.

Из этого следует, что правовая модель применения искусственного интеллекта в служебной деятельности сотрудников ФСИН России должна быть многоуровневой. Первый уровень — уровень данных. Здесь определяется, какие катего-

рии сведений допускаются к алгоритмической обработке, какова цель их использования, соответствует ли объем данных заявленной задаче и допускает ли правовой режим их обработку в конкретной цифровой системе. Следующий уровень — уровень алгоритма. На этой стадии оцениваются интерпретируемость модели, устойчивость результата, наличие ограничений на использование прогноза и способность системы работать в контролируемом правовом режиме, а не только в технически эффективном. Третий уровень — уровень служебного решения. Здесь решается вопрос о том, какое значение может иметь результат алгоритма для конкретного сотрудника: информационное, рекомендательное или фактически определяющее. Четвертый уровень — уровень последующего юридического контроля, где подлежат проверке обоснованность применения системы, корректность исходных данных, допустимость служебной реакции и возможность пересмотра спорного решения.

Результаты и обсуждение

Учет отмеченных выше факторов позволяет сформулировать систему специальных правовых принципов применения искусственного интеллекта в деятельности сотрудников ФСИН России.

Первый принцип состоит в нормативной определенности функции. Каждая применяемая ведомственная ИИ-система должна иметь ясно установленное служебное назначение, а не использоваться «по аналогии» для новых задач без отдельной правовой оценки. Следующий принцип — алгоритмическая интерпретируемость. Важно, чтобы сотрудник, использующий результат системы, понимал не внутреннюю программную математику в полном объеме, а юридически значимые основания применения результата: источник данных, тип события, смысл сигнала, пределы надежности и допустимые варианты реакции. Третий принцип заключается в запрете скрытого нормообразования [11, С.108]. Алгоритм не может превращать накопленные массивы прошлых решений или наблюдений в квазинормативный стандарт, который затем начинает действовать как самостоятельное правило поведения внутри учреждения. Далее, принцип, предусматривающий обязательный человеческий контроль. Формула о сохранении «человека в контуре управления» в пенитенциарной сфере не должна пониматься формально. Необходимо, чтобы сотрудник проверял основания применения алгоритмического результата, соотносил его с фактической ситуацией и принимал самостоятельное решение в пределах компетенции. Пятым принципом вводится разделение статуса данных и статуса вывода. Первичная информация и алгоритмический прогноз не тождественны. Документированный факт, видеозапись, медицинское заключение и машинно построенный рейтинг риска имеют различную правовую природу и не могут пользоваться одинаковым уровнем доверия. Шестой принцип — минимизация вмешательства. Если служебная задача может быть решена менее инвазивным цифровым средством, без формирования устойчивого профиля личности или без расширенного сбора персонализированных сведений, именно такой вариант должен считаться приоритетным. Далее, принцип усиленной защиты уязвимого адресата. Лицо, находящееся в местах лишения свободы или под стражей, изначально ограничено в свободе действий, доступе к коммуникациям и возможностях защиты своих интересов. Это повышает требования к правовой осторожности при использовании алгоритмов, способных влиять на условия содержания, режим контроля, интенсивность наблюдения или организацию обращения с человеком. И, наконец, восьмой принцип вводит двухконтурный аудит. Любая система, применяемая в деятельности ФСИН России, должна быть подотчетна не только в момент внедрения, но и на стадии последующей эксплуатации. Ошибки, ложные срабатывания, спорные сигналы и последствия использования системы должны становиться предметом постоянной ведомственной и правовой проверки.

Отдельного внимания заслуживает связь цифровизации и кадровой политики. В Концепции развития УИС на период до 2030 года отмечается необходимость повышения эффективности служебной деятельности и формирования профессионального кадрового потенциала. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта также включает совершенствование системы подготовки кадров. Поэтому правовое регулирование ИИ в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации не может ограничиваться вопросами эксплуатации оборудования и программного обеспечения. Оно должно включать обязательную подготовку сотрудников к работе с интеллектуальными системами, обучение правовым ограничениям алгоритмического анализа, формирование навыков интерпретации цифровых сигналов и понимания различия между технической рекомендацией и юридически значимым решением.

Практическая потребность в такой подготовке подтверждается самим характером информационного обеспечения ФСИН России, поскольку современная ведомственная цифровая среда многослойна. В ней сосуществуют инфраструктурные, аналитические, режимные, организационные и образовательные решения.

Чем сложнее становится эта среда, тем опаснее полагаться лишь на общее ведомственное усмотрение без специальной правовой модели.

В научном отношении проблема выходит за пределы ведомственного администрирования, затрагивая соотношение информационного права, уголовно-исполнительного права, административного права и формирующегося направления, которое все чаще связывают с правовым регулированием искусственного интеллекта. Для ФСИН России это соотношение имеет прикладное значение. Уголовно-исполнительное право задает пределы обращения с осужденным и цели исполнения наказания. Информационное право определяет режимы доступа, защиты и обработки сведений. Административное право отвечает за законность деятельности публичной администрации и организацию контроля. Право искусственного интеллекта, если использовать этот термин как рабочую конструкцию, призвано соединить эти блоки применительно к новым алгоритмическим средствам управления [12, С.37]. Перспективной представляется разработка специального ведомственного механизма правовой сертификации ИИ-систем, применяемых в ФСИН России, включая конструктивный контур регулирования. Такой контур может включать реестр ИИ-систем по уровням риска; паспорт системы с описанием ее функций, используемых данных и правовых ограничений; запрет на применение непрозрачных алгоритмов в ситуациях, где результат способен затронуть правовой статус личности; процедуру ведомственного и внешнего аудита; механизм фиксации и оспаривания ошибок; а также специальные программы подготовки сотрудников. Наличие подобного набора инструментов служит гармонизации цифровой трансформации ФСИН России с принципами законности, гуманизации и защиты прав человека.

Выводы

Искусственный интеллект, используемый в служебной деятельности сотрудников ФСИН России, представляет собой не только технологический ресурс, но и самостоятельный юридический вызов. Перспективы его применения очевидны: повышение точности наблюдения, ускорение обработки информации, развитие аналитических возможностей, поддержка управленческих решений, создание единой цифровой среды. Но эти перспективы становятся правомерными лишь при условии, что интеллектуальные системы будут встроены в четкий нормативный контур, исключающий подмену права автоматизированным усмотрением. Дальнейшее развитие рассматриваемой проблематики связано с выработкой специальной отраслевой модели, в которой служебная целесообразность, техническая эффективность и правовая допустимость рассматриваются как взаимосвязанные, но не совпадающие основания применения искусственного интеллекта в учреждениях и органах УИС.

Список литературы:

[1] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, №4 (65). С. 62-66.

[2] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[3] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[4] Зорина Н.С. О факторах и профилактике компьютерной зависимости у подростков // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 198-199.

[5] Зорина Н.С. Информационная безопасность подростков в Интернете как средство предупреждения преступности среди несовершеннолетних // Закон и право. 2022, № 2. С. 152-155.

[6] Ковалев С.Д. Перспективы использования искусственного интеллекта в исправительных учреждениях ФСИН России // Аграрное и земельное право. 2025, № 1. С. 241-243.

[7] Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51-59.

[8] Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47-56.

[9] Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134-136.

[10] Пальянова Н.В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-прак. конф. Ч. 2. М.: МГЮА, 2021 С. 260-267.

[11] Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108-116.

[12] Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36-39.

References:

[1] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, №4 (65). S. 62-66.

[2] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. The use of identity systems to ensure security at sensitive facilities of the ugo-catch-executive system//Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[3] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system//Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[4] Zorina N.S. On factors and prevention of computer addiction in sprouts//Eurasian Law Journal. 2021. № 8(159). S. 198-199.

[5] Zorina N.S. Information security of adolescents on the Internet as a means of preventing juvenile crime//Law and law. 2022, № 2. S. 152-155.

[6] Kovalev S.D. Prospects for the use of artificial intelligence in government institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia//Agrarian and land law. 2025, № 1. S. 241-243.

[7] Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The use of artificial intelligence in the processing of data in the scientific and educational activities of the Federal Penitentiary Service//Vedomosti of the penal system. 2022, № 9(244). S. 51-59.

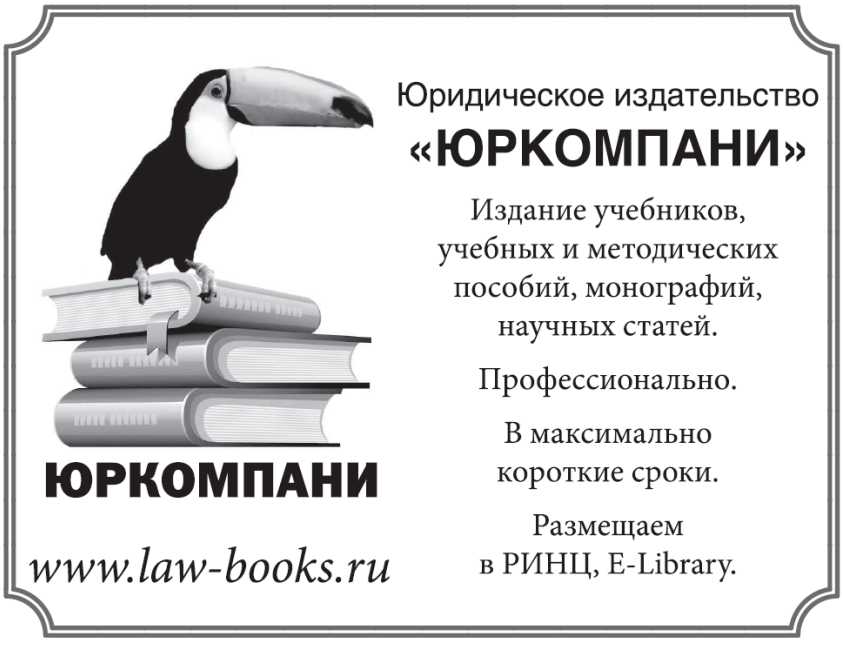
[8] Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V.Yu. Biometrics of object protection: opportunities and prospects//Information and security. 2025. T. 28, NO. 1. S. 47-56.

[9] Tsarkova E.G. On the formation of training datasets to identify sources of distribution of extremist content on the Internet//Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. S. 134-136.

[10] N.V. Palyanova. The use of artificial intelligence in the field of Legal Tech: modern opportunities and prospects//Socio-economic development and quality of the legal environment: Proceedings VIII Mosk. jurid. forum, XIX International. scientific-practical. conf. PART 2. M.: MOSCOW STATE LAW ACADEMY, 2021 S. 260-267.

[11] Ponkin I.V. Public administration and regulatory space in the field of artificial intelligence//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2022, № 11 (99). S. 108-116.

[12] Minbaleev A.V. Regulation of the use of artificial intelligence in Russia//Information law. 2020, № 1. S. 36-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-369-378

АКАПЬЕВ Виктор Львович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: akapevv@yandex.ru

КОВАЛЕВА Екатерина Геннадьевна,
кандидат технических наук, доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: kovalevazchs@yandex.ru

БОРИСЕНКО Александр Васильевич,
кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: borisenko02.94@mail.ru

МАТРОСОВА Лидия Дмитриевна,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: matrosovald@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ И ДИПФЕЙК-ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Современное общество переживает стремительную цифровую трансформацию, которая затрагивает практически все сферы жизни человека: от бытового общения до финансовых операций и государственного управления. Вместе с очевидными благами технологического прогресса возникают принципиально новые угрозы, среди которых особое место занимает мошенничество с применением методов социальной инженерии и дипфейк-технологий. Указанные явления представляют собой качественно иной уровень преступной деятельности, поскольку злоумышленники используют не грубую силу или технические уязвимости систем, а манипулируют психологией человека, его доверием и неспособностью отличить подлинное от сфабрикованного.*

Ключевые слова: *кибермошенничество, киберпреступления, киберпреступник, фишинг, правовая квалификация.*

AKAPYEV Viktor Lvovich,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Docent of the Department ICT in Law Enforcement Agencies
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

KOVALEVA Ekaterina Gennadievna,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
of the Department ICT in Law Enforcement Agencies
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I.D. Putilin

BORISENKO Alexander Vasilyevich,
Candidate of Physico-mathematical Sciences,
Senior lecturer of the Department ICT in Law Enforcement Agencies
Belgorod Law Institute The Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I.D. Putilin

MATROSOVA Lidiya Dmitrievna,
Candidate of Law Sciences, docent,
Head of the Department of Information Technology
in the Activities of Law Enforcement Agencies Oryol Law Institute
The Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION AND FRAUD PREVENTION USING SOCIAL ENGINEERING METHODS AND DEEPFAKE TECHNOLOGIES

Annotation. *Modern society is undergoing a rapid digital transformation that affects almost all areas of human life: from everyday communication to financial transactions and public administration. Along with the obvious benefits of technological progress, fundamentally new threats are emerging, among which fraud using social engineering methods and deepfake technologies occupies a special place. These phenomena represent a qualitatively different level of criminal activity, since attackers do not use brute force or technical vulnerabilities of systems, but manipulate a person's psychology, his trust and inability to distinguish the genuine from the fabricated.*

Key words: *cyberbullying, cybercrime, cybercriminal, phishing, legal qualifications.*

Актуальность исследования различных направлений кибермошенничества обусловлена совокупностью факторов, которые в своей взаимосвязи создают серьёзную угрозу как для отдельных граждан, так и для общества в целом. Статистика последних лет свидетельствует о неуклонном росте числа преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта и методов психологического воздействия. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий ежегодно демонстрируют устойчивый рост, и значительную их долю составляют именно мошеннические схемы, основанные на обмане и введении в заблуждение с помощью цифровых инструментов [1]. Дипфейк-технологии, позволяющие создавать фотореалистичные аудио и видеозаписи с изображением реальных людей, произносящих слова или совершающих действия, которые никогда не имели места, открывают перед преступниками принципиально новые возможности для хищения денежных средств, дискредитации личности и манипулирования общественным мнением.

Правовое регулирование в данной области существенно отстаёт от темпов технологического развития. Действующее российское законодательство содержит общие нормы об ответственности за мошенничество, закреплённые в статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако специального механизма противодействия преступлениям, совершаемым с использованием дипфейков и методов социальной инженерии, в отечественном праве до сих пор не сформировано. Это порождает серьёзные затруднения в правоприменительной практике: сложности с квалификацией деяний, проблемы доказывания факта использования синтетических медиаматериалов, высокую латентность таких преступлений. Зарубежный опыт, в частности подходы США, Европейского союза и Китайской Народной Республики, демонстрирует более детальное регулирование данной сферы, что позволяет рассматривать их практику в качестве ориентира для совершенствования российского законодательства.

Современное мошенничество претерпело существенные изменения по сравнению с теми формами, которые были известны правовой

науке и практике ещё несколько десятилетий назад. Если прежде преступники делали ставку преимущественно на физический обман, поддельные документы или непосредственный контакт с жертвой, то сегодня центр тяжести сместился в сторону психологического воздействия, которое осуществляется дистанционно и нередко без каких-либо технически сложных инструментов. Именно здесь на первый план выходит социальная инженерия как самостоятельный метод преступной деятельности, основанный на манипулировании поведением человека через эксплуатацию его психологических особенностей, доверия, страха, любопытства или желания помочь.

Само понятие социальной инженерии пришло в криминологию и правовую науку из области информационной безопасности, где оно изначально обозначало совокупность приёмов, позволяющих получить конфиденциальную информацию не путём взлома технических систем, а путём введения в заблуждение людей, имеющих к ней доступ [1]. Со временем это понятие приобрело более широкое значение и стало применяться для описания любых манипулятивных технологий, с помощью которых злоумышленник добивается от жертвы нужного ему поведения, будь то передача денежных средств, раскрытие паролей, совершение юридически значимых действий или отказ от защиты своих интересов.

В отечественной правовой литературе социальная инженерия как самостоятельное явление долгое время оставалась без должного внимания, поскольку исследователи склонны были рассматривать её лишь как частный случай обмана в рамках состава мошенничества, предусмотренного статьёй 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Между тем такой подход не позволяет в полной мере отразить специфику данного явления, поскольку социальная инженерия представляет собой не просто разновидность обмана, а целую систему последовательных манипулятивных воздействий, которые могут растягиваться во времени, включать несколько этапов подготовки и исполнения, задействовать различные каналы коммуникации и эксплуатировать самые разные психологические механизмы.

Среди наиболее распространённых приёмов социальной инженерии, используемых в мошеннических целях, следует выделить фишинг, то есть рассылку сообщений, имитирующих официальные обращения от банков, государственных органов или иных организаций с целью получения персональных данных или платёжных реквизитов жертвы. Не менее распространён фишинг, при котором преступник звонит жертве по телефону, представляясь сотрудником банка, правоохранительных органов или иной авторитетной структуры, и под различными предлогами убеждает её перевести денежные средства или сообщить конфиденциальную информацию. Помимо этого, широко применяются техники претекстинга, когда злоумышленник заблаговременно создаёт искусственный повод для общения с жертвой, формируя доверительные отношения, которые впоследствии используются для совершения хищения [2].

Принципиальная особенность всех этих методов состоит в том, что жертва в большинстве случаев добровольно совершает действия, выгодные преступнику, будучи убеждена в их законности и необходимости. Именно это обстоятельство существенно осложняет как раскрытие подобных преступлений, так и доказывание вины злоумышленника, поскольку внешне ситуация нередко выглядит как добровольная передача имущества или добровольное совершение иных действий без какого-либо принуждения.

Если социальная инженерия опирается прежде всего на психологические механизмы воздействия на жертву, то дипфейк-технологии представляют собой качественно новый инструментарий, позволяющий создавать фальсифицированный аудиовизуальный контент, практически неотличимый от подлинного. Термин deepfake образован от слов deep learning и fake, что отражает сущность технологии: речь идёт об использовании алгоритмов глубокого машинного обучения для синтеза изображений, голосовых сообщений или видеозаписей, в которых реальный человек произносит слова, которых никогда не говорил, или совершает действия, которых никогда не совершал.

С технической точки зрения создание дипфейков стало возможным благодаря развитию генеративно-состязательных нейронных сетей, представляющих собой особый класс алгоритмов искусственного интеллекта, в которых две взаимосвязанные модели одновременно обучаются друг на друге: одна генерирует фальшивый контент, а другая пытается отличить его от подлинного, что в итоге приводит к созданию материалов высочайшего качества. Ещё несколько лет назад подобные технологии требовали значительных вычислительных ресурсов и специализированных знаний, однако сегодня соответствующее программное обеспечение стало общедоступным, а в ряде случаев создание убедительного дипфейка занимает считанные минуты при использовании обычного смартфона.

Для уголовного права дипфейк-технологии представляют особый интерес прежде всего потому, что они позволяют принципиально расширить возможности преступников в части создания иллюзии достоверности обманных сообщений. Если прежде жертва, услышав незнако-

мый голос или увидев незнакомое лицо, могла усомниться в подлинности обращения, то теперь злоумышленники способны воспроизвести голос и внешность конкретного человека, будь то руководитель организации, родственник жертвы или представитель государственного органа, с такой степенью достоверности, что отличить подделку от оригинала становится крайне затруднительно даже при достаточном уровне критического мышления [3].

Именно поэтому в правовой науке всё активнее обсуждается вопрос о том, не следует ли рассматривать использование дипфейк-технологий при совершении мошенничества в качестве самостоятельного квалифицирующего признака, существенно повышающего общественную опасность деяния. Такой подход представляется обоснованным, поскольку применение подобных технологий свидетельствует о заблаговременной подготовке преступления, значительных технических возможностях злоумышленника и целенаправленном стремлении максимально затруднить разоблачение обмана.

Классификация рассматриваемых преступлений имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку позволяет систематизировать накопленный опыт правоприменения, выявить пробелы в действующем законодательстве и разработать дифференцированные меры противодействия различным видам преступной деятельности.

По характеру применяемых технологий представляется возможным выделить преступления, совершаемые с применением исключительно методов психологической манипуляции без использования каких-либо технических средств фальсификации, преступления, при совершении которых используются технические средства имитации, в частности поддельные сайты, электронные письма или SMS-сообщения, оформленные в стиле официальных источников, а также преступления, связанные с применением дипфейк-технологий, обеспечивающих синтез поддельного аудиовизуального контента. Последняя категория представляет наибольшую общественную опасность именно в силу труднодостижимой достоверности создаваемых фальсификатов [4].

По субъектному составу жертв преступлений можно разграничить мошенничество, направленное против физических лиц, мошенничество, направленное против организаций и предприятий, и мошенничество, направленное против органов государственной власти или государственных структур. Каждая из этих категорий обладает собственной спецификой с точки зрения применяемых манипулятивных приёмов, поскольку психология принятия решений физическим лицом, действующим в личных интересах, существенно отличается от механизмов корпоративного или государственного управления, где решения принимаются коллегиально или на основании формализованных процедур.

По степени организованности преступной деятельности следует различать единичные преступления, совершаемые одним лицом без предварительного сговора с другими участниками, преступления, совершаемые группой лиц по предварительному сговору с распределением ролей между исполнителями, и преступления, совершаемые в рамках организованной преступной группы, располагающей устойчивой структурой, специализированным оборудованием и, нередко, международными связями. Именно последняя форма организации преступной деятельности характерна для крупнейших мошеннических схем с применением дипфейков, поскольку создание качественного синтезированного контента требует технических специалистов, а организация массовых атак на жертв предполагает наличие разветвлённой инфраструктуры.

По цели преступного посягательства выделяется мошенничество, направленное на хищение денежных средств, мошенничество, направленное на получение конфиденциальных данных с целью их последующего использования или продажи, мошенничество, связанное с принуждением жертвы к совершению юридически значимых действий в интересах злоумышленника, а также мошенничество, преследующее цель дискредитации конкретного лица или организации путём распространения синтезированного компрометирующего контента.

Приведённая классификация не является исчерпывающей, поскольку технологии как социальной инженерии, так и создания дипфейков продолжают стремительно развиваться, порождая всё новые разновидности преступной деятельности, которые правоприменительная практика и правовая наука вынуждены осмыслять уже после того, как они получили широкое распространение. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о необходимости опережающего развития уголовно-правовой доктрины и законодательства в данной сфере, а не реакции на уже сложившиеся угрозы постфактум.

Стремительное развитие цифровых технологий породило принципиально новые формы преступности, которые отличаются высокой степенью латентности, транснациональным характером и исключительной сложностью с точки зрения правовой квалификации и доказывания. Среди наиболее острых проблем, с которыми сталкивается современная правоохранительная система в этой сфере, особого внимания заслуживают две взаимосвязанные, но при этом самостоятельные проблемы: недостаточность право-

вого регулирования и отставание законодательной базы от темпов технологического развития, а также крайне низкий уровень цифровой грамотности населения в сочетании с отсутствием эффективных механизмов верификации цифровой информации.

Первая из обозначенных проблем носит системный характер и проявляется сразу в нескольких измерениях. Большинство государств располагает уголовным законодательством, которое формировалось в эпоху, когда дипфейк-технологии не существовали как таковые, а социальная инженерия в её нынешнем виде не рассматривалась как самостоятельный инструмент совершения преступлений [5]. В результате правоприменители вынуждены применять к качественно новым деяниям нормы, которые изначально создавались для регулирования совершенно иных общественных отношений, что неизбежно порождает трудности с квалификацией и ведёт к тому, что значительная часть преступлений либо остаётся безнаказанной, либо получает заниженную юридическую оценку. Показательно, что создание заведомо ложного аудиовизуального контента с целью обмана конкретного лица во многих правовых системах не образует самостоятельного состава преступления и квалифицируется лишь в той мере, в какой за ним последовало имущественное хищение или иной очевидный вред. Такой подход не учитывает ни специфику инструмента, ни масштаб потенциального ущерба для репутации, психологического состояния и личной безопасности жертвы, а главное, не создаёт никаких превентивных механизмов. Отдельную сложность представляет транснациональный характер подобных преступлений: техническая инфраструктура, исполнители и жертвы нередко находятся в разных государствах, что делает расследование и уголовное преследование крайне затруднительными даже при наличии политической воли к сотрудничеству [6]. Механизмы международного взаимодействия правоохранительных органов в целом не успевают за скоростью, с которой преступные группы адаптируют свои методы к новым условиям, а взаимное признание доказательств, полученных в рамках цифровых расследований, по-прежнему сопряжено с многочисленными правовыми и процессуальными препятствиями. Технические возможности для атрибуции конкретных действий конкретным лицам существуют, однако перевод этих данных в юридически значимые доказательства требует специализированной экспертизы, которой большинство следственных органов пока не располагает в достаточной мере.

Вторая проблема в определённом смысле является зеркальным отражением первой и касается не институциональной, а человеческой стороны вопроса. Социальная инженерия как метод воздействия на жертву эксплуатирует не технические уязвимости систем, а психологические особенности человеческого восприятия и поведения: склонность доверять авторитетным источникам, реагировать на срочность и эмоциональное давление, не подвергать критическому анализу информацию, поступающую по привычным каналам. Дипфейк-технологии в этом контексте выступают усилителем существующих уязвимостей, поскольку позволяют имитировать знакомых людей, авторитетных фигур или официальные источники с таким уровнем правдоподобия, который делает распознавание подделки практически невозможным для неподготовленного человека. Исследования в области когнитивной психологии устойчиво подтверждают, что даже люди с высоким уровнем общего интеллекта и образования оказываются уязвимы перед хорошо выстроенными манипулятивными сценариями, поскольку защита от подобных воздействий требует специфических знаний и навыков, а не просто общей критичности мышления. При этом цифровая грамотность населения в большинстве стран остаётся на крайне низком уровне применительно именно к вопросам распознавания синтетического контента и верификации цифровой информации. Люди в целом осведомлены о том, что мошенничество в интернете существует, однако конкретные механизмы проверки подлинности голосовых сообщений, видеозвонков или фотографий остаются за пределами массового знания. Парадоксально, что технические инструменты детекции дипфейков развиваются параллельно с самими технологиями генерации, однако доступность и удобство использования этих инструментов для рядового пользователя остаются крайне низкими, а их интеграция в повседневные коммуникационные платформы носит фрагментарный характер [7]. Сами же технологии синтеза аудиовизуального контента распространяются преимущественно коммерческими структурами и независимыми исследовательскими командами, которые как правило преследуют совершенно законные цели в сфере развлечений, образования или доступности контента, однако те же самые инструменты с лёгкостью переориентируются на совершение преступлений, и никакой системы контроля за их использованием на сегодняшний день не существует. Вопрос о том, в какой мере разработчики подобных технологий несут ответственность за их преступное применение третьими лицами, остаётся дискуссионным как в правовой, так и в этической плоскости, и его решение потребует широкого международного диалога с участием государств, технологических компаний и гражданского общества.

Таким образом, совокупность перечисленных проблем формирует картину системного вызова, с которым правоохранительная система и общество в целом пока не в состоянии справиться в полной мере. Эффективное противодействие мошенничеству с применением социальной инженерии и дипфейк-технологий требует одновременных усилий в нескольких направлениях: законодательного совершенствования, развития технической экспертизы, укрепления международного сотрудничества и повышения цифровой грамотности населения, причём все эти направления в равной степени необходимы и ни одно из них не может подменить остальные.

Современное состояние правового регулирования в сфере противодействия мошенничеству с применением социальной инженерии и дипфейк-технологий характеризуется очевидным отставанием нормативной базы от темпов технологического развития, и это отставание уже сегодня порождает конкретные правоприменительные трудности, которые не позволяют эффективно привлекать виновных к ответственности и в полной мере защищать интересы пострадавших. Тем не менее именно осознание этих трудностей создаёт необходимую основу для содержательного разговора о перспективах развития законодательства и правоохранительной практики, поскольку любое реформирование должно начинаться с точной диагностики существующих проблем, а не с абстрактных деклараций о необходимости перемен.

Одной из наиболее острых проблем, требующих первоочередного решения, является отсутствие в уголовном законодательстве большинства государств специальных составов, охватывающих мошеннические действия, совершённые с применением дипфейк-технологий. Действующие нормы об ответственности за мошенничество были созданы в принципиально иных технологических условиях и рассчитаны на традиционные способы введения в заблуждение, тогда как использование синтетических медиаматериалов для имитации личности конкретного человека представляет собой качественно новый способ обмана, который не всегда укладывается в существующие правовые конструкции [8]. Решение этой проблемы видится в разработке и принятии специализированных норм, прямо предусматривающих ответственность за создание и распространение дипфейк-контента в мошеннических целях с установлением квалифицирующих признаков, отражающих повышенную общественную опасность таких деяний, в частности совершение их в отношении неопределённого круга лиц, с использованием автоматизированных систем распространения или с причинением ущерба в крупном и особо крупном размере. Наряду с этим необходимо законодательно закрепить само понятие дипфейк-технологий применительно к уголовно-правовой и административно-правовой сферам, поскольку отсутствие легального определения создаёт серьёзные препятствия как для правоприменителей, так и для судов при квалификации соответствующих деяний [9].

Не менее значимой проблемой остаётся недостаточная техническая оснащённость правоохранительных органов, которые зачастую не располагают ни соответствующим программным обеспечением, ни специалистами, способными проводить экспертизу синтетических медиаматериалов на уровне, достаточном для формирования доказательной базы по уголовным делам. Эта проблема имеет несколько измерений: кадровое, финансовое и организационное, и каждое из них требует самостоятельного решения. В кадровом отношении необходимо формирование устойчивой системы подготовки специалистов в области цифровой криминалистики, включающей как базовое профессиональное образование, так и систематическое повышение квалификации действующих сотрудников, причём эта система должна быть достаточно гибкой, чтобы своевременно реагировать на появление новых инструментов и методов генерации синтетического контента. В финансовом и организационном отношении перспективным направлением представляется создание специализированных межведомственных центров по противодействию цифровому мошенничеству, которые концентрировали бы экспертные ресурсы и обеспечивали бы методологическую поддержку территориальных подразделений, работающих с конкретными уголовными делами. Подобные центры могли бы также выполнять функцию мониторинга технологических тенденций и заблаговременно готовить методические рекомендации по выявлению новых видов дипфейк-мошенничества ещё до того, как они получат широкое распространение.

Проблема юрисдикционных коллизий и транснационального характера значительной части преступлений рассматриваемой категории требует решения на уровне международного права, и в этом отношении определённые перспективы уже обозначились в международной повестке, хотя их реализация остаётся делом отдалённого будущего. Существующие механизмы международного сотрудничества по уголовным делам, прежде всего институт взаимной правовой помощи, создавались применительно к принципиально иным преступлениям и отличаются такой процессуальной громоздкостью, которая делает их практически непригодными для расследования быстротечных дистанционных мошенничеств, совершаемых с использованием инфраструктуры, разбросанной по десят-

кам государств. Перспективный путь здесь состоит в разработке специальных международных соглашений об оперативном обмене данными и ускоренных процедурах правовой помощи применительно к киберпреступлениям, включая дипфейк-мошенничество, по образцу Будапештской конвенции о киберпреступности, однако с существенно более детальной регламентацией порядка взаимодействия применительно к современным технологическим реалиям. Параллельно следует развивать неформальные каналы оперативного взаимодействия между профильными подразделениями правоохранительных органов различных государств, которые позволяли бы обмениваться оперативно значимой информацией в режиме реального времени без необходимости прохождения длительных дипломатических процедур.

Вопрос об ответственности технологических платформ за распространение дипфейк-контента, используемого в мошеннических целях, на сегодняшний день решён крайне неудовлетворительно в большинстве правовых систем, и существующая модель, основанная преимущественно на добровольных инициативах самих платформ, доказала свою недостаточность. Перспективная модель регулирования в этой сфере предполагает введение обязательных требований к платформам по внедрению и применению технических средств обнаружения синтетического контента, установлению чётких процедур реагирования на жалобы пользователей относительно дипфейк-материалов и созданию механизмов взаимодействия с правоохранительными органами при расследовании конкретных преступлений. При этом требования должны быть дифференцированы с учётом размера платформы и масштабов её аудитории, что позволит избежать непропорционального бремени для небольших игроков рынка и сосредоточить регуляторное давление там, где оно наиболее востребовано. Одновременно следует рассмотреть возможность введения режима солидарной ответственности платформ в тех случаях, когда они после получения обоснованного уведомления о мошеннической кампании не принимали своевременных мер по её пресечению, поскольку только реальная правовая ответственность способна создать у платформ достаточные стимулы к активной борьбе с дипфейк-мошенничеством [10].

Проблема недостаточной цифровой грамотности населения и, как следствие, высокой уязвимости граждан перед методами социальной инженерии, усиленными дипфейк-технологиями, решается преимущественно через систему образования и просветительские программы, однако нынешнее состояние этих инструментов явно не соответствует остроте угрозы. Перспективное направление здесь состоит в последовательной интеграции навыков критической оценки цифрового контента в образовательные программы всех уровней, начиная со среднего образования, с акцентом не на теоретические знания о существовании дипфейков, а на практические умения распознавать манипулятивные схемы и верифицировать информацию через независимые источники. Для уже сформировавшихся взрослых аудиторий, особенно для пожилых людей и других демографических групп с повышенной уязвимостью, необходимы специализированные публичные просветительские кампании, реализуемые через каналы коммуникации, которыми эти группы реально пользуются, что требует отказа от универсальных подходов в пользу таргетированных программ. Банки и финансовые организации, которые являются частыми мишенями дипфейк-мошенников и одновременно располагают каналами прямой коммуникации с клиентами, могли бы взять на себя активную роль в распространении практических инструкций по распознаванию попыток манипуляции, превратив это в элемент стандартного информационного сопровождения финансовых услуг.

Техническое направление противодействия дипфейк-мошенничеству в долгосрочной перспективе связано с развитием и масштабным внедрением технологий верификации подлинности медиаконтента, прежде всего систем цифровых подписей для аудио- и видеозаписей, которые позволяли бы однозначно устанавливать их происхождение и целостность [11]. Стандарты цифровой атрибуции контента, разрабатываемые рядом технологических консорциумов, представляют собой перспективную основу для формирования общей инфраструктуры верификации, однако их практическая ценность напрямую зависит от широты охвата: стандарт работает только тогда, когда его применяет достаточно большое число участников рынка, чтобы неатрибутированный контент воспринимался как потенциально ненадёжный. Задача государства в этом контексте состоит в создании нормативных стимулов или обязательных требований к внедрению таких стандартов производителями устройств записи, поставщиками программного обеспечения и медиаплатформами, с тем чтобы техническая инфраструктура верификации получила достаточно широкое распространение для реального снижения рисков дипфейк-мошенничества.

Рассматривая дальнейшие перспективы развития описанных угроз, необходимо исходить из того, что технологии генерации синтетического контента будут продолжать совершенствоваться и становиться доступнее, а значит, ни одно из предложенных решений не может претендовать

на окончательность. Правовое регулирование и правоохранительная практика обречены на постоянное обновление в ответ на технологические изменения, и признание этого факта само по себе является методологически важным: вместо поиска универсального решения следует выстраивать адаптивные механизмы, способные реагировать на появление новых угроз без необходимости каждый раз запускать полноценный законодательный цикл. Перспективным инструментом здесь могут служить так называемые технологически нейтральные нормы, формулируемые на уровне принципов и общих критериев, а не конкретных технических описаний, поскольку такие нормы не устаревают вместе с технологиями, которые они регулируют.

Важнейшей перспективой совершенствования системы противодействия рассматриваемым угрозам остаётся развитие государственно-частного партнёрства в этой сфере, которое сегодня носит преимущественно декларативный характер, но может быть преобразовано в реально работающий механизм при наличии политической воли и чёткой институциональной рамки. Технологические компании располагают данными, экспертизой и техническими возможностями, которых нет у государства, тогда как государство обладает регуляторными, принудительными и координационными полномочиями, недоступными для частного сектора, и только устойчивое взаимодействие этих двух сторон способно обеспечить уровень противодействия, соразмерный масштабу угрозы. Конкретными формами такого партнёрства могут служить совместные аналитические центры, механизмы оперативного обмена данными об угрозах, совместно финансируемые исследовательские программы в области детекции дипфейков и согласованные стандарты технической экспертизы, используемой в уголовном судопроизводстве. Именно комплексный подход, объединяющий законодательное совершенствование, техническое развитие, международное сотрудничество, образовательные программы и государственно-частное партнёрство, способен создать ту систему противодействия мошенничеству с применением социальной инженерии и дипфейк-технологий, которая будет адекватна не только сегодняшним, но и завтрашним угрозам.

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем сказать, что мошенничество с применением социальной инженерии и дипфейк-технологий представляет собой одну из наиболее сложных и стремительно развивающихся угроз современности, поскольку сочетает в себе психологическое воздействие на жертву с техническими возможностями создания практически неотличимого от подлинного аудиовизуального контента. Действующее законодательство большинства государств, в том числе российское, формировалось в принципиально иных условиях и не содержит норм, способных в полной мере охватить специфику подобных деяний, что ведёт к систематическому занижению их юридической оценки и фактической безнаказанности значительной части преступников. Зарубежный опыт показывает разнообразие подходов к решению этой проблемы: США идут по пути фрагментарного штатового регулирования, Европейский союз выстраивает системную рамку через общее цифровое право, а Китай применяет жёсткий административно-технический надзор с обязательной маркировкой синтетического контента, однако ни одна из этих моделей не может считаться исчерпывающим ответом на угрозу.

Также необходимо сделать ряд выводов, которые в дальнейшем могут способствовать дальнейшему научному изучению поставленной темы, к таким выводам стоит отнести:

1) Современное мошенничество претерпело существенные изменения по сравнению с теми формами, которые были известны правовой науке и практике ещё несколько десятилетий назад. Если прежде преступники делали ставку преимущественно на физический обман, поддельные документы или непосредственный контакт с жертвой, то сегодня центр тяжести сместился в сторону психологического воздействия, которое осуществляется дистанционно и нередко без каких-либо технически сложных инструментов. Именно здесь на первый план выходит социальная инженерия как самостоятельный метод преступной деятельности, основанный на манипулировании поведением человека через эксплуатацию его психологических особенностей, доверия, страха, любопытства или желания помочь.
2) Технологии как социальной инженерии, так и создания дипфейков продолжают стремительно развиваться, порождая всё новые разновидности преступной деятельности, которые правоприменительная практика и правовая наука вынуждены осмыслять уже после того, как они получили широкое распространение. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о необходимости опережающего развития уголовно-правовой доктрины и законодательства в данной сфере, а не реакции на уже сложившиеся угрозы постфактум.
3) Эффективное противодействие мошенничеству с применением социальной инженерии и дипфейк-технологий требует одно-

временных усилий в нескольких направлениях: законодательного совершенствования, развития технической экспертизы, укрепления международного сотрудничества и повышения цифровой грамотности населения, причём все эти направления в равной степени необходимы и ни одно из них не может подменить остальные.

4) Важнейшей перспективой совершенствования системы противодействия рассматриваемым угрозам остаётся развитие государственно-частного партнёрства в этой сфере, которое сегодня носит преимущественно декларативный характер, но может быть преобразовано в реально работающий механизм при наличии политической воли и чёткой институциональной рамки. Технологические компании располагают данными, экспертизой и техническими возможностями, которых нет у государства, тогда как государство обладает регуляторными, принудительными и координационными полномочиями, недоступными для частного сектора, и только устойчивое взаимодействие этих двух сторон способно обеспечить уровень противодействия, соразмерный масштабу угрозы. Конкретными формами такого партнёрства могут служить совместные аналитические центры, механизмы оперативного обмена данными об угрозах, совместно финансируемые исследовательские программы в области детекции дипфейков и согласованные стандарты технической экспертизы, используемой в уголовном судопроизводстве. Именно комплексный подход, объединяющий законодательное совершенствование, техническое развитие, международное сотрудничество, образовательные программы и государственно-частное партнёрство, способен создать ту систему противодействия мошенничеству с применением социальной инженерии и дипфейк-технологий, которая будет адекватна не только сегодняшним, но и завтрашним угрозам.

5) Современное состояние правового регулирования в сфере противодействия мошенничеству с применением социальной инженерии и дипфейк-технологий характеризуется очевидным отставанием нормативной базы от темпов технологического развития, и это отставание уже сегодня порождает конкретные правоприменительные трудности, которые не позволяют эффективно привлекать виновных к ответственности и в полной мере защищать интересы пострадавших.

Список литературы:

[1] Антонян Е.А. Блокчейн - технологии в противодействии кибертерроризму / Е.А. Антонян, И.И. Аминов // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 6 (103). - С. 170 - 175.

[2] Барсуков М.В. Влияние цифровой трансформации на уровень риска финансового мошенничества / М.В. Барсуков // Фундаментальные исследования. - 2022. - № 11. - С. 18 - 23.

[3] Данилова Е.П. Финансовое мошенничество в современном мире / Е.П. Данилова, Е.М. Портняга // SiberianSocium. - 2023. - Том 7. - № 2 (24). - С. 67- 97.

[4] Вестов Ф.А. Возможности цифровых технологий по противодействию мошенничеству / Ф.А. Вестов, А.Р. Абдрашитов // Научный - практический журнал Базис. - 2024. - № 2 (16). - С. 25- 28.

[5] Вестов Ф.А. Проблемы противодействия киберпреступности, как основа повышения эффективности экономики / Ф.А. Вестов, П.П. Шмелев // Эксперт: теория и практика. - 2021. - № 2 (11). - С. 73- 76.

[6] Лопатина Т.М. Проблемы уголовно- правовой защиты сфер компьютерной информации: современный взгляд на мошенничество // Право и безопасность. 2013. №3-4 (45). С. 98 – 95.

[7] Ляпунов Ю.И., Пушкин А.В. Преступления в сфере компьютерной информации. Уголовное право. Особенная часть [Текст] / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 2016. – 866 с.

[8] Кулешова Н.Н., Христофорова Е.И. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вопросы науки и образования. 2018. № 14 (26). С. 41-46.

[9] Куликов А.В., Гуц Е.А. Мошенничество в сфере компьютерной информации // Известия тульского государственного университета. экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 81 - 88.

[10] Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Т. II. Особенная часть: учебник для вузов / В. В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 872 с. – Серия: Магистр.

[11] Основы информационных технологий и кибербезопасности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : Учебно-методическое пособие / В. Л. Акапьев, Е. Г. Ковалева, А. В. Борисенко [и др.]. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2026. – 88 с.

References:

[1] Antonyan E.A. Blockchain technologies in countering cyberterrorism / E.A. Antonyan, I.I. Aminov // Actual problems of Russian law. - 2019. - № 6 (103). - Pp. 170-175.

[2] Barsukov M.V. The impact of digital transformation on the level of risk of financial fraud / M.V. Barsukov // Fundamental Research. - 2022. - No. 11. - Pp. 18-23.

[3] Danilova E.P. Financial fraud in the modern world / E.P. Danilova, E.M. Portnyaga // SiberianSocium. - 2023. - Volume 7. - № 2 (24). - Pp. 67-97.

[4] Vestov F.A. Possibilities of digital technologies to counter fraud / F.A. Vestov, A.R. Abdrashitov // Scientific and practical journal Basis. - 2024. - № 2 (16). - Pp. 25-28.

[5] Vestov F.A. Problems of countering cybercrime as a basis for improving economic efficiency / F.A. Vestov, P.P. Shmelev // Expert: theory and practice. - 2021. - № 2 (11). - Pp. 73-76.

[6] Lopatina T.M. Problems of criminal law protection of computer information spheres: a modern view on fraud // Law and security. 2013. No.3-4 (45). Pp. 98-95.

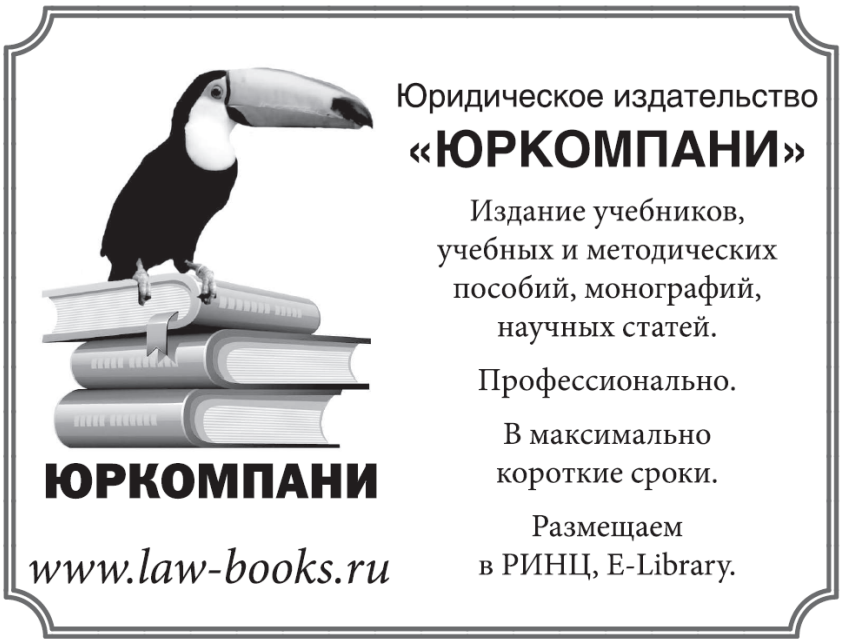
[7] Lyapunov Yu.I., Pushkin A.V. Crimes in the field of computer information. Criminal law. The special part [Text] / Edited by N.I. Vetrov, Yu.I. Lyapunov, Moscow, 2016, 866 p.

[8] Kuleshova N.N., Khristoforova E.I. Features of fraud qualification in the field of computer information // Issues of science and education. 2018. No. 14 (26). Pp. 41-46.

[9] Kulikov A.V., Guts E.A. Fraud in the field of computer information // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2020. No. 1. Pp. 81-88.

[10] Course of World and Russian criminology in 2 volumes. Vol. II. Special part: textbook for universities / V. V. Luneev. Moscow: Yurait Publishing House, 2015. – 872 p. – Series: Master.

[11] Fundamentals of information technology and cybersecurity in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation : An educational and methodological manual / V.L. Akapyev, E. G. Kovaleva, A.V. Borisenko [et al.]. - Belgorod : Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2026. – 88 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-379-388
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

БЕЙСЕМБАЕВА Наталья Александровна,
Соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
Прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью
органов внутренних дел и юстиции прокуратуры г. Москвы,
Юрист 2 класса,
e-mail: nataliabei01@yandex.ru

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *На основании проведенного анализа научных взглядов, действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, личной практики прокурорского надзора автором статьи рассматриваются основные полномочия прокурора при расследовании уголовных дел дознавателем, органом дознания, определяются некоторые точечные проблемы их реализации и предлагаются пути их разрешения.*

В ходе своего исследования автор статьи вводит новое понятие в уголовно-процессуальный закон Российской Федерации (п. 54.1 ст. 5 УПК РФ)следующего содержания «требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия», вносит изменение в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и предлагает внести важное правовое положение – дополнение в приказ Генерального прокурора Российской Федерации с целью эффективного его применения.

Кроме того, в целях эффективной реализации полномочия, предусмотренного п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ по отмене незаконных и необоснованных решений дознавателя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и обеспечения эффективности производства по уголовным делам, предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 208 и ч. 1 ст. 213 УПК РФ, обязывающих органы расследования направлять прокурору копию постановления о приостановлении расследования, прекращении уголовного дела с материалами в обоснование принятого решения в течение 24 часов с момента его вынесения.

Также, в целях стимулирования эффективного прокурорского надзора на данном направлении деятельности изыскатель предлагает применять меры дисциплинарного воздействия за принятое решение о возврате уголовного дела для производства дополнительного расследования, а так же за не исполнение прокурорских указаний. Следует рассматривать вопрос и о применении меры дисциплинарного воздействия в связи с ненадлежащей организацией надзора на сотрудника прокуратуры, осуществляющего надзор в указанном направлении деятельности.

Ключевые слова*: полномочия, прокурор, уголовное дело, дознание, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, расследование уголовных дел, требование, приостановление, прекращение, проект акта реагирования.*

BEISEMBAEVA Natalia Aleksandrovna,
Applicant for the degree of Candidate of Legal Sciences,
Prosecutor of the Department for Supervision of the Procedural Activities
of the Internal Affairs Bodies and Justice of the Prosecutor's Office
of Moscow Lawyer of the 2nd Class

POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FORM OF INQUIRY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *Based on an analysis of scientific views, current criminal procedure legislation of the Russian Federation, and personal experience in prosecutorial supervision, the author of this a rticle examines the prosecutor's key powers during criminal investigations by investigators and inquiry bodies, identifies specific issues in their implementation, and proposes solutions.*

In the course of this research, the author introduces a new concept into the Criminal Procedure Law of the Russian Federation (Clause 54.1, Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) containing the following content: "a demand to eliminate violations of federal legislation committed during an inquiry or preliminary investigation," amends Clause 3, Part 2, Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and proposes the introduction of an important legal provision—an addition to the order of the Prosecutor General of the Russian Federation—to ensure its effective implementation.

Furthermore, in order to effectively implement the authority provided for in Clause 6, Part 2, Article In addition to Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which addresses the reversal of unlawful and unfounded decisions of the investigator, the investigative body, the head of the investigative body, the head of the investigative unit, and ensuring the effectiveness of criminal proceedings, it is proposed to amend Part 2 of Article 208 and Part 1 of Article 213 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. These amendments require investigative bodies to send the prosecutor a copy of the decision to suspend the investigation or terminate the criminal case, along with supporting materials, within 24 hours of its issuance.

Furthermore, in order to encourage effective prosecutorial oversight in this area of activity, the researcher proposes applying disciplinary measures for the decision to return a criminal case for additional investigation, as well as for failure to comply with prosecutorial instructions. The issue of applying disciplinary measures for improper supervision of the prosecutor's office employee overseeing this area of activity should also be considered.

Key words: *authority, prosecutor, criminal case, inquest, inquest body, head of the inquest body, head of the inquest unit, investigation of criminal cases, requirement, suspension, termination, draft act of response.*

Актуальность настоящего исследования состоит в законодательной неурегулированности вопросов по реализации полномочий прокурором при осуществлении им надзора за исполнением уголовно – процессуального закона России в деятельности должностных лиц органов дознания при расследовании преступлений. Недолжное отношение к исполнению своих должностных обязанностейорганом дознания влияет,в целом, на состояние преступности в Российской Федерации и не достижения поставленной цели по защите прав потерпевших лиц от преступлений.

Прокурору, осуществляющему уголовное преследование, от имени государства в период расследования преступлений определена главная роль по обеспечению законности производства по уголовным делам, поскольку на него возложена ответственность за качество предварительногорасследования, за его полноту и обоснованность.

При исполнении предоставленныхуголовно – процессуальным законом, ведомственными актами Генпрокуратуры России комплекса надзорных полномочий за расследованием преступлений выявляется значительное количество нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, допускаемых должностными лицами органов дознания, дознавателями органов внутренних дел России при расследовании уголовных дел.

Однако, реализовать и добиться реального устранения выявленных нарушений прокурором, повлиять на качество расследования уголовных дел, добиться исполнения прокурорских указаний по их устранению затруднительно в связи с законодательной неурегилированностью отдельных первостепенных прокурорских полномочий, что и находит свое отражение в интенсивных дискуссиях научной и практической среды.

В современной России процессуальный статус должностного лица - прокурора, выступающего от имени российского государства в обеспечении законности при производстве расследования уголовных дел необходим в укреплении, а его имеющиеся полномочия – в конкретизации и формировании действенных процессуальных механизмов их реализации.

Целью исследования выступает рассмотрение основных полномочий прокурора по надзору за законностью в деятельности дознавателя, органов дознания при расследовании уголовных дел современной России, выявление проблем по их реализации и внесение предложений - путей их разрешения.

Задачи исследования состоят в изучении законодательных и ведомственных положений, направленных на определение объема имею-

щихся полномочий прокурора, в обозначении проблем реализации прокурорских полномочий по надзору за расследованием преступлений в форме дознания, в определении путей их разрешения в целях обеспечения законности и эффективности производства по уголовным делам на современном этапе развития России.

Методология исследования представлена диалектическим методом, формально-логическим методом, методами анализа и синтеза.

Результаты

Дознание является одной из форм предварительного расследования в России, в которой расследование преступлений проходит в сжатые процессуальные сроки, которые в некоторых случаях определяют поверхностное и халатное отношение к установлению обстоятельств совершенного преступления со стороны дознавателя и органа дознания.

Согласно ведомственному приказу [18], одним из квалификационных допусков, предъявляемых к должностному лицу, осуществляющему уголовное преследование по расследованию преступлений небольшой и средней тяжести в форме дознания, является наличие среднего профессионального образования.

Как показывает прокурорская практика, что такие ведомственные фигуры уголовного процесса, как начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, при осуществлении ими ведомственного контроля над организацией работы по расследованию преступлений в виде дознания, к сожалению, не выявляют не законность и не дают должных указаний по ее устранению.

При таких сложившихся обстоятельствах только качественный прокурорский надзор и активная позиция надзирающего прокурора является гарантом защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления и уголовно преследуемых за совершенное преступление.

Рассмотрев основные полномочия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела [19], автор настоящей статьи переходит к рассмотрению основополагающих полномочий должностного лица - прокурора, осуществляющего надзор за деятельностью дознавателя, органов дознания при расследовании уголовных дел.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации [20] акцентирует особое внимание прокуроров на эффективную реализацию их полномочий при выявлениях нарушений закона при производстве дознания, в том числе в органах внутренних дел, подчеркивая значимость данного направления деятельности прокураторы в России.

В настоящее время в науке вопрос о роли прокурора в осуществлении уголовного преследования, включающего процессуальное руководство в деятельности дознавателя, органов дознания в органах внутренних дели его соотношение с функцией надзора в досудебном производстве в научной среде, не находит единого мнения.

О важности реализации прокурором функции уголовного преследования имело место и в исследованиях XIX века [1], как одной из важнейших его функций, от эффективности реализации, которой зависело и зависит достижение цели уголовного судопроизводства.

Исследователь Е.М. Коломеец считает, что прокурор, утратив полномочие по прекращению уголовного дела (уголовного преследования)не несет ответственность за законность уголовного преследования [2].

Аналогичной позицией выступил Р.В. Жубрин, полагая, что в связи с отсутствием ключевых полномочий, в частности по возбуждению уголовного дела, предъявлению обвинения, избранию меры пресечения, говорить о руководстве прокурором уголовным преследованием и ответственности за законность также не следует [3].

По мнению К.А. Таболиной, составным элементом прокурорского надзора является процессуальное руководство за предварительным следствием и дознанием [4, с. 11].

А.Г. Тетерюк рассматривая данный вопрос, в своем исследовании отмечает, что от разноплановой деятельности прокурора, от ее характера и содержания зависит и процессуальная деятельность дознавателей, органов дознания при осуществлении функциипо борьбе с преступностью [5].

М.В. Курилов и Н.Ю. Литвинцева, полагают, что прокурором при осуществлении прокурорского надзора реализуется и функция уголовного преследования [6, с. 617].

Рассмотрев различные взгляды относительно данного вопроса можно прийти к выводу о том, что надзирающий прокурор, обеспечивая законность принимаемых решений органами дознания в ходе расследования уголовных дел создает, тем самым условия, необходимые для продолжения уголовного преследования в ходе рассмотрения уголовного дела судом.

Прокурорская практика показывает, что, бездействие дознавателей и органа дознания органов внутренних дел, их неправильная тактика действий в организации текущей работы, низкий уровень межведомственного взаимодействия, недолжный ведомственный контроль со стороны руководства приводят к процессуальным нарушениям, ведущим к недопустимым нарушениям разумного срока уголовного судопроиз-

водства в различных его видах (Несвоевременное принятие к производству уголовного дела после отмены незаконного решения о приостановлении предварительного расследования надзирающим прокурором; необоснованное продление сроков предварительного расследования; несвоевременное проведение необходимых следственных действий, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в порядке ст. 73 УПК РФ, и ряд других.).

Проведенный анализ различных научных суждений о роли надзирающего прокурора за дознанием показал, что на протяжении уже многих лет не утихают дискуссии о пересмотре его полномочий за деятельностью должностных лиц органов внутренних дел при расследовании уголовных дел.

В ходе изучения данного вопроса в научной среде большинство ученых склоняются к унификации надзорных полномочий прокурора, об исключении ряда его полномочий с предложением делегировать участнику уголовного процесса, осуществляющему ведомственный контроль над организацией работы дознавателей, органа дознания, тем самым, понизить влияние прокурора за деятельностью вышеуказанных должностных лиц, с чем автор статьи не согласен.

В частности, ученые-процессуалисты видят решение в передаче начальнику подразделения дознания ряда прокурорских полномочий (Отстранение дознавателя от дальнейшего производства предварительного расследования в случае нарушения им уголовно-процессуального закона; продление срока рассмотрения заявления или сообщения о преступлении; возможность отменять незаконные или необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; принимать решения о соединении уголовных дел и так далее).

Так, например, по мнению И.А. Ишина перераспределение полномочий между указанными должностными лицами исключит их дублирование и повысит ответственность должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль [7. — С. 84].

О.А. Чукаева рассматривая данный вопрос, считает, что контроль со стороны прокурора излишен, а предоставление дополнительных процессуальных полномочий начальнику подразделения дознания повысит его процессуальный статус, что отразится на эффективности при производстве дознания [8].

И.В. Стуканог на базе своего исследования выражает свою позицию о целесообразности и необходимости унификации процессуальных надзорных полномочий прокурора по соблюдению процессуальных сроков предварительного расследования, приводя критерии эффективности деятельности в целях обеспечения их соблюдения иными участниками уголовного процесса со стороны обвинения (Законность, обоснованность и мотивированность выносимых прокурором решений; своевременность принятия прокурором мер прокурорского реагирования; качество составленных прокурором процессуальных документов).

Б. Я. Гаврилов и В. П. Божьев видят решение проблемы в разграничении полномочий прокурора и начальника подразделения дознания по аналогии уголовно-правовых отношений прокурора с руководством следственного органа [9. — С. 78].

Основные полномочия прокурора при расследовании уголовных делдознавателем, органом дознания органов внутренних дел

В действующем российском уголовно – процессуальном законодательстве прокурору предоставлен комплекс полномочий в целях оперативного реагирования на выявленные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, одним их которых является его требование от поднадзорных органов об устранении выявленных нарушений, допущенных при производстве дознания и предварительного следствия.

Доктор юридических наук, профессор О. С. Капинус, рассматривай данный вопрос, считает, что требование должностного лица, представляющего интересы государства, служит универсальной формой прокурорского реагирования [10, с. 57].

М. В. Серебрянникова рассматривает требование прокурора как средство прокурорского реагирования, которое следует из его процессуальных полномочий за исполнением законов дознавателями и следователями [11, с. 36].

Я.А. Климова считает, что целью требования прокурора - устранить выявленные нарушения в максимально сжатые сроки[12].

Прокурорская практика показывает, что данное полномочие получило широкое распространение, как оперативное средство реагирования на выявленные нарушения законодательства дознавателем, органом дознания в ОВД, призванное в максимально короткие сроки на их устранение, которое, к сожалению, игнорируется дознавателями, органом дознания органов внутренних дел, которые формально относятся к его исполнению.

Автор статьи согласен с мнением ученых и придерживается мнения о необходимости и важности использования данного полномочия. Рассматривает его, как самостоятельный акт прокурорского реагирования, адресованный должнос-

тному лицу органа дознания, призванный в кратчайшие сроки устранить выявленные нарушения в ходе проведенной проверки учетно-регистрационной дисциплины, в том числе и в ходе изучения - проверки уголовного дела.

Главной проблемой в организации прокурорского надзора остается, и по сей день – формальность исполнения дознавателями, органами дознания требований прокурора и причиной тому служит, как недолжное отношение к исполнению своих обязанностей сотрудниками органов дознания ОВД, так и некачественный, поверхностный надзор со стороны сотрудников прокуратуры.

Как показывает прокурорская практика дополнительным инструментом, призванным устранить выявленные нарушения является вышестоящая прокуратура России, в связи с чем, прокурорская практика по внесению проектов актов мер прокурорского реагирования надзирающих прокуроров, служит одним из эффективных механизмов устранения выявленных нарушений органами дознания.

Делая вывод, автор настоящего исследования, предлагает внести важное правовое положение – дополнение в приказ Генерального прокурора Российской Федерации [21], следующего содержания: «С целью контроля за внесенными актами мер прокурорского реагирования прокурорам не реже 1 раза в месяц по вскрытым фактам формального устранения выявленных нарушений при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях и при производстве дознания направлять проект требования или представления в вышестоящую прокуратуру, в том числе с постановкой вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц органов дознания».

Кроме того, автор статьи предлагает внести изменения в действующий российский уголовно-процессуальный закон с целью исключения дальнейших дискуссии о сущности слова «требовать» и об установлении оптимального срока исполнения требования прокурора для конкретного уголовного дела, изложив п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «Вносить требование органам дознания и следственным органам об устранений нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, с указанием сроков устранения нарушений, обязательных для исполнения».

Изыскатель статьи предлагает внести в статью 5 УПК РФ пункт 54.1, следующего содержания: «требование об устранении нарушений федерального законодательства допущенных в ходе дознания или предварительного следствия - акт прокурорского реагированияадресованный должностному лицу органа дознания или следственного органа, уполномоченному устранить выявленные нарушения закона, призванный в кратчайшие сроки устранить выявленные нарушения при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствияс указанием сроков его устранения и обязательностью его исполнения».

Реализуя свои полномочие за деятельностью должностных лиц при производстве дознания, прокурор вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, а также о производстве процессуальных действий.

Генеральный прокурор Российской Федерации ориентирует прокуроров давать указания, исключая очевидно – автоматический перечень следственных действий, а опираться на конкретные обстоятельства произошедшего.

В ходе изучения научных исследований большинство склоняется к исключению указанного полномочия.

По мнению Д.А. Емельяновой указанное полномочие существенно ограничивает самостоятельность дознавателя при принятии решения и относится к процессуальному контролю, нежели к прокурорскому надзору, с чем согласен и Ситник В.В. [13, 14].

В своем исследовании А.М. Зацепин и И.А. Доброрез, считают, что указанное полномочие реального влияния на качество дознания зачастую не оказывают, поскольку сводятся к формальному перечислению очевидных следственных действий [15].

Генеральный прокурор Российской Федерации ориентирует прокуроров ответственно подходить к вопросу о даче согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Он указывает на тщательное изучение поступивших материалов, опираясь на данные о личности, возрасте, семейном положении, а также на другие существенные обстоятельства; принимать такие решения только в тех случаях, когда имеются основания, предусмотренные ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а применение иных мер пресечения невозможно [22].

Закрепленное полномочие прокурора по разрешению отводов, заявленных дознавателю, и его самоотводов, а также отстранению дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований закона ученые – процессуалисты Д.А. Емелья-

нова, К.А. Синкин считают излишним и предлагают его передать должностным лицам, осуществляющим ведомственный контроль [16].

Однако, следует согласиться с мнением Т.Ю. Сабальфельда, что указанное прокурорское полномочие выступает дополнительной гарантией конституционных прав граждан [17].

Одним из важных и широкого применяемым прокурорским полномочием в целях соблюдения и восстановления прав и законных интересов граждан является его право отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателей, органов дознания. Действительно, на реализацию и исполнение данного полномочия прокурор тратит значительное время, в том числе в связи со значительным количеством поданных жалоб граждан об отмене незаконных и необоснованных решений.

В ходе осуществления надзора прокурорам особое внимание следует уделять незаконным решениям дознавателей, органов дознания о приостановлении расследования преступлений в форме дознания, в частности акцентировать внимание на повторных решениях без выполнения необходимых следственных действий и принятия мер к раскрытию преступления.

На качество прокурорского надзора влияет одна из нерешенных проблем в действующем законодательстве - несвоевременное предоставление прокурору копий вынесенных решений, как о приостановлении, так и прекращении уголовных дел. В этой связи, прокурору необходимо на постоянной основе подготавливать запросы для их предоставления в прокуратуру для изучения, проверяя законностьи обоснованность уже с некоторым промедлением.

Таким образом, для эффективной реализации указанного полномочия в целях обеспечения законности принятых решений по уголовным делам, производство которых приостановлено должностными лицами органов дознания предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 208 и ч. 1 ст. 213 УПК РФ, которые по содержанию, будут обязывать органы расследования направлять прокурору копию постановления о приостановлении расследования, о прекращении уголовного дела с материалами в течение24 часов с момента его вынесения.

Наряду с большим объемом полномочий, следует отметить, что прокурор также должен свободно ориентироваться и в правилах определения подследственности, где он занимает в этом вопросе важную роль (п. 11, 12 ч. 2 ст. 37, ч. 7, 8 ст. 151 УПК РФ).

Заключительным решением надзирающего прокурора при завершающем этапе расследования уголовных дел является утверждение им итоговых процессуальных документов - решений на принятие, которого по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом, у надзирающего прокурора законом определено пять суток [23], с обвинительным постановлением обозначено трое и иные особенности в связи с формой проведенного расследования [24].

При реализации указанного полномочия внимание вышестоящей прокуратуры акцентируется на фактах возврата прокурором уголовных дел для дополнительного расследования дознанием.

Автор статьи полагает, что должностное лицо, обеспечивающее законность при производстве дознания, осуществляя руководство за его деятельностью на протяжении всего расследования уголовного дела, в связи со сжатыми сроками должен - обязан оперативно реагировать на выявленные нарушения закона до завершающего этапа его расследования.

В целях соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства, соблюдения гарантированных конституционных прав граждан при возврате прокурором уголовного дела для дополнительного расследования дознавателям, органу дознания следует рассматривать вопрос и о применении меры дисциплинарного воздействия в связи с ненадлежащей организацией надзора на сотрудника прокуратуры, осуществляющего надзор в указанном направлении деятельности.

Заключение

За прокурором уголовно-процессуальным законом России закреплен широкий объем полномочий, наличие которых в научной среде, по большей части, видится излишним, является не всегда обоснованным.

Вопросы квалификации деятельности по дознанию, ведомственного контроля, правильной организации работы надзирающего прокурора, его образованность – квалификация, оперативность, принципиальность, коммуникативность за законностью над деятельностью дознания по расследованию преступлений играют ключевую роль в укреплении законности, как на досудебном производстве уголовного процесса так и в целом на протяжении всего производства по уголовным делам в России.

Прокурор в Российской Федерации выступает главной фигурой уголовного процесса, целью которого является обеспечение соблюдения законов, их единообразного понимания и неукоснительного соблюдения принципов уголовного судопроизводства, от которого зависит достижение цели, заложенной в российском уголовно – процессуальном законе.

Как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при расследовании уголовных дел

прокурор является гарантом обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В настоящее время, как в научной среде, так и на практике следует актуализировать и акцентировать внимание прокуроров на эффективном использовании имеющихся широких полномочий и о повышении должного прокурорского реагирования на нарушения требований уголовно-процессуального законодательства при расследовании уголовных дел в форме дознания.

Список литературы:

[1] Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. Москва: Университетская типография. 1889. С. 36.

[2] Коломеец, Е.В. Требование об устранении нарушений закона как самостоятельный акт прокурорского реагирования в уголовном досудебном производстве // Сибирское юридическое обозрение. 2017. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustranenii-narusheniy-zakona-kak-samostoyatelnyy-akt-prokurorskogo-reagirovaniya-v-ugolovnom-dosudebnom-proizvodstve (дата обращения: 11.06.2026).

[3] Жубрин, Р.В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации / Р.В. Жубрин. — EDN JHMNJZ // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 2 (76). — С. 22-25.

[4] Таболина, К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №2 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-usileniya-roli-prokurora-v-protsedure-vozbuzhdeniya-i-rassledovaniya-ugolovnyh-del (дата обращения: 02.06.2026).

[5] Тетерюк, А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания : уголовно-процессуальный и организационный аспекты : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Тетерюк Александр Григорьевич; [Место защиты: Нижегор. акад. МВД России]. — Нижний Новгород, 2011. —242 с.

[6] Курилов, М.В. Уголовное преследование как функция российской прокуратуры / М.В. Курилов, Н.Ю. Литвинцева. — EDN VXFITM // Global&RegionalResearch. — 2020. — Т. 2, № 1. — С. 616-619.

[7] Ишин, И. А. Актуальные проблемы процессуального контроля начальника органа дознания в территориальном органе внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2020. — № 4 (62). — С. 81—85.

[8] Чукаева, О.А. К вопросу о расширении процессуальных полномочий начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве // Законодательство и экономика. 2015. № 4. С. 61.

[9] Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практики // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 2 (38). — С. 74—81.

[10] Актуальные проблемы прокурорской деятельности [Текст] : курс лекций / [В. Г. Бессарабов и др.] ; под редакцией О. С. Капинус ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Москва : Проспект, 2016.[Вып. 1]. - 2016. - 223 с.

[11] Серебрянникова, М. В. Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 203 с.

[12] Климова, Я.А., Шматов М.А. Требование об устранении нарушений законодательства – эффективный инструмент прокурорского надзора в досудебном производстве? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. №4 (47). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustranenii-narusheniy-zakonodatelstva-effektivnyy-instrument-prokurorskogo-nadzora-v-dosudebnom-proizvodstve (дата обращения: 17.06.2026).

[13] Емельянова, Д. А. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за органами, осуществляющими дознание, и их реализация в стадии предварительного расследования / Д. А. Емельянова, К. А. Синкин // Российско-азиатский правовой журнал. – 2022. – № 2. – С. 4-9. – DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. – EDN FGKDHM.

[14] Ситник, В.В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. №4 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-organami-osuschestvlyayuschimi-doznanie (дата обращения: 04.06.2026).

[15] Зацепин, А. М., Доброрез И. А. Криминологическая политика осуществления прокурорского надзора за органами предварительного расследования // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. №4 (47). URL:https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-politika-osuschestvleniya-prokurorskogo-nadzora-za-organami-predvaritelnogo-rassledovaniya (дата обращения: 06.06.2026).

[16] Емельянова,Д. А. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за органами,

осуществляющими дознание, и их реализация в стадии предварительного расследования / Д. А. Емельянова, К. А. Синкин // Российско-азиатский правовой журнал. – 2022. – № 2. – С. 4-9. – DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. – EDN FGKDHM.

[17] Сабельфельд, Т. Ю. Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания // Российский следователь. — 2021. — № 2. — С. 33–36.

[18] Приказ МВД РФ от 28.08.2025 № 620«О внесении изменений в порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 01.08.2018 № 50»(Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.10.2025 № 83752) // [Электронный ресурс] // https://www.law.ru/npd/doc/docid/1314089569/modid/99 /(дата обращения: 25.06.2026).

[19] Бейсембаева Н.А. Прокурор - гарант обеспечения законности принятых процессуальных решений органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации // Российский научный вестник. – 2026. – № 5. – С. 424-430. – DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-424-430.

[20] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.01.2022 № 11 (ред. от 12.03.2026) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/ / (дата обращения: 25.06.2026).

[21] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.01.2022 № 11 (ред. от 12.03.2026) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/ / (дата обращения: 25.06.2026).

[22] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2007 № 189 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве»[Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (дата обращения: 25.06.2026).

[23] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс//http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.06.2026).Режим доступа: Некоммерч. интернет-версия. Об утверждении обвинительного акта и о направлении уголовного дела в суд;возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям ст. 225 УПК РФ. При этом прокурор может установить срок для производства дополнительного дознания не более 10 суток, а для пересоставления обвинительного акта — не более трех суток. Дальнейшее продление срока дознания осуществляется на общих основаниях и в порядке, которые установлены чч. 3—5 ст. 223 УПК РФ; прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24—28 УПК РФ; направлении уголовного дела для производства предварительного следствия.

[24] Ст. 226.8 УПК РФ. Об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд; возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям, указанным в ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ,согласно которым в обвинительном постановлении указываются те же обстоятельства, что и в обвинительном акте, устанавливая дляэтого срок не более двух суток; направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке; о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28, 28.1 УПК РФ.

References:

[1] Muravyov, N.V. Prosecutorial supervision in its structure and activities. Benefit for the prosecutor's service. VOL. 1. Prosecutors in the West and Russia. Moscow: University Printing House. 1889. S. 36.

[2] Kolomeets, E.V. Requirement to eliminate violations of the law as an independent act of prosecutorial response in criminal pre-trial proceedings// Siberian Legal Review. 2017. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustranenii-narusheniy-zakona-kak-samostoyatelnyy-akt-prokurorskogo-reagirovaniya-v-ugolovnom-dosudebnom-proizvodstve (дата обращения: 11.06.2026).

[3] Zhubrin, R.V. Criminal prosecution as a function of the prosecutor's office of the Russian Federation/R.V. Zhubrin. - EDN JHMNJZ//Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. — 2020. — № 2 (76). - S. 22-25.

[4] Tabolin, K. A. On the need to strengthen the role of the prosecutor in the procedure for initiating and investigating criminal cases//Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2018. №2 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-usileniya-roli-prokurora-v-protsedure-vozbuzhdeniya-i-rassledovaniya-ugolovnyh-del (дата обращения: 02.06.2026).

[5] Teteryuk, A.G. Prosecutorial supervision of inquiry proceedings: criminal procedural and organizational aspects: dissertation... Candidate of Law: 12.00.09/Teteryuk Alexander Grigorievich; [Place of protection: Nizhegor. acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. - Nizhny Novgorod, 2011. - 242 s.

[6] Kurilov, M.V. Criminal prosecution as a function of the Russian prosecutor's office/M.V. Kurilov, N.Yu. Litvintseva. — EDN VXFITM // Global&RegionalResearch. — 2020. - T. 2, NO. 1. - S. 616-619.

[7] Ishin, I. A. Actual problems of procedural control of the head of the inquiry body in the territorial body of internal affairs//Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2020. — № 4 (62). - S. 81 - 85.

[8] Chukaeva, O.A. On the issue of expanding the procedural powers of the head of the investigation unit in criminal proceedings//Legislation and Economics. 2015. № 4. S. 61.

[9] Gavrilov B. Ya., Bozhiev V. P. The concept of improving pre-trial production in the XXI century: the opinion of science and practice//Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — № 2 (38). - S. 74-81.

[10] Actual problems of prosecutorial activity [Text]: course of lectures/[V. G. Bessarabov et al.]; edited by O.S. Kapinus; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - Moscow: Prospect, 2016. [Vol. 1]. - 2016. - 223 s.

[11] Serebryannikova, M.V. Prosecutorial supervision of the criminal procedural activities of the bodies carrying out the preliminary investigation: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2013. 203 pp.

[12] Klimova, Y.A., Shmatov M.A. The requirement to eliminate violations of the law is an effective tool for prosecutorial supervision in pre-trial proceedings ?//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №4 (47). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustranenii-narusheniy-zakonodatelstva-effektivnyy-instrument-prokurorskogo-nadzora-v-dosudebnom-proizvodstve (дата обращения: 17.06.2026).

[13] Emelyanova, D. A. Powers of the prosecutor in the supervision of bodies carrying out inquiries and their implementation at the stage of preliminary investigation/D. A. Emelyanova, K. A. Sinkin//Russian-Asian legal journal. – 2022. – № 2. - S. 4-9. – DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. – EDN FGKDHM.

[14] Sitnik, V.V. Theoretical aspects of prosecutorial supervision of the execution of laws by bodies carrying out inquiries//Actual problems of Russian law. 2018. №4 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-organami-osuschestvlyayuschimi-doznanie (дата обращения: 04.06.2026).

[15] Zatsepin, A.M., Dobrorez I.A. Criminological policy of prosecutorial supervision of preliminary investigation bodies//Law and order: history, theory, practice. 2025. №4 (47). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-politika-osuschestvleniya-prokurorskogo-nadzora-za-organami-predvaritelnogo-rassledovaniya (дата обращения: 06.06.2026).

[16] Emelyanova, D. A. Powers of the prosecutor in the supervision of bodies carrying out inquiries and their implementation at the stage of preliminary investigation/D. A. Emelyanov, K. A. Sinkin//Russian-Asian Legal Journal. – 2022. – № 2. - S. 4-9. – DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. – EDN FGKDHM.

[17] Sabelfeld, T. Yu. Procedural powers of the prosecutor to supervise the activities of the inquiry bodies//Russian investigator. — 2021. — № 2. - S. 33-36.

[18] Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 28.08.2025 No. 620" On Amendments to the Procedure for Organizing Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 01.08.2018 No. 50" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 03.10.2025 No. 83752)//[Electronic resource]// https://www.law.ru/npd/doc/docid/1314089569/modid/99/(date of appeal: 25.06.2026).

[19] N. Beisembaeva. Prosecutor - guarantor of ensuring the legality of procedural decisions made by inquiry bodies at the stage of initiating a criminal case in the Russian Federation//Russian Scientific Bulletin. – 2026. – № 5. - S. 424-430. – DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-424-430.

[20] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 11 dated 19.01.2022 (ed. 12.03.2026) " On the Organization of Prosecutorial Supervision of the Procedural Activities of Inquiry Bodies" [Electronic Resource]//SPS Consultant Plus// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902//(date of appeal: 25.06.2026).

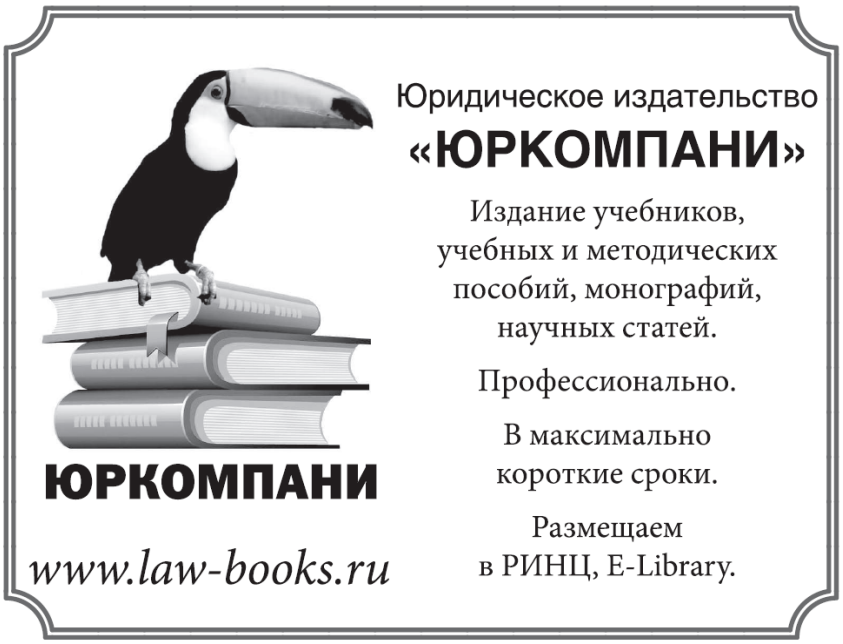
[21] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 11 dated 19.01.2022 (ed. 12.03.2026) " On the Organization of Prosecutorial Supervision of the Procedural Activities of Inquiry Bodies" [Electronic Resource]//SPS Consultant Plus// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902//(date of appeal: 25.06.2026).

[22] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 27.11.2007 No. 189 (ed. 19.08.2021) " On the organization of prosecutorial supervision over the observance of the constitutional rights of citizens in criminal proceedings" [Electronic

resource]//SPS Consultant Plus// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (date of appeal: 25.06.2026).

[23] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 10.06.2026) //[Electronic Resource]// SPS ConsultantPlus//http ://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 34481/(date of reference: 30.06.2026). Access mode: Non-commercial. internet version. On approval of the indictment and on sending the criminal case to court; return of the criminal case for additional inquiry or re-filing of the indictment in case of non-compliance with the requirements of Art. 225 Code of Criminal Procedure. At the same time, the prosecutor can set a period for the production of an additional inquiry no more than 10 days, and for the restatement of the indictment - no more than three days. Further extension of the inquiry period is carried out on a general basis and in the manner established by hh. 3 - 5 Art. 223 Code of Criminal Procedure; termination of the criminal case on the grounds provided for by Art. 24 - 28 CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION; sending a criminal case for preliminary investigation.

[24] Art. 226.8 CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION. On the approval of the indictment and on the referral of the criminal case to the court; the return of the criminal case for the restatement of the indictment in case of its non-compliance with the requirements specified in Part 1 of Art. 226.7 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, according to which the indictment indicates the same circumstances as in the indictment, setting a period of no more than two days; sending the criminal case to the investigator for inquiry in a general manner; on the termination of the criminal case on the grounds provided for by Art. 24, 25, 27, 28, 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-389-395
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
главный научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно- исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор экономических наук,
e-mail: helenr2003@mail.ru.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID ID 0000-0002-4623-5476,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ВОСПИТАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТАХ

Аннотация. *В этом исследовании мы рассматриваем, как несовершеннолетние, которые отбывают наказание в воспитательных учреждениях, могут получить образование. В современном мире, где все больше людей используют цифровые технологии и где в интернете появляются опасные субкультуры, нужно искать новые методы работы с подростками. Важно понимать, как информационные технологии, социальные сети и другие вещи влияют на поведение подростков. В статье мы также сравниваем, как в разных странах мира работают с правом несовершеннолетних осужденных на образование. Исследование вопросов, связанных с воспитанием несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных учреждениях, с учетом международных стандартов, является актуальным по ряду причин, которые затрагивают социальные, правовые и педагогические аспекты. Это связано как с текущей ситуацией в области подростковой преступности, так и с необходимостью повышения эффективности процесса ресоциализации и снижения уровня рецидива.*

Воспитание несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы, регулируется рядом международных стандартов, которые уделяют особое внимание принципам гуманности, ресоциализации и личностному развитию подростка. Эти нормы разработаны с целью уменьшения негативных последствий изоляции и подготовки несовершеннолетних осужденных к успешной реинтеграции в общество после освобождения. В своей работе авторы обращают внимание на то, что эти международные нормы служат фундаментом для разработки национальных программ, цель которых – помочь несовершеннолетним восстановиться и успешно адаптироваться в обществе. Обучение в местах лишения свободы – ключевой фактор в формировании личности подростка. Оно не только реализует конституционное право на образование, но и создает основу для дальнейшей интеграции в социум. Научные исследования показывают, что получение образования значительно уменьшает вероятность повторного совершения преступления.

Ключевые слова: *образование, несовершеннолетние, лишение свободы, осужденный, исправительные колонии, воспитательные колонии, исполнение наказания, пенитенциарные учреждения.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation» (Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Candidate of Law, Leading Researcher, NITs-1 PKU,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS: ON THE ISSUE OF INTERNATIONAL STANDARDS

Annotation. *In this study, we look at how minors who are serving sentences in educational institutions can get an education. In today's world, where more and more people are using digital technologies and where dangerous subcultures are appearing on the Internet, it is necessary to look for new methods of working with teenagers. It is important to understand how information technology, social media, and other things influence adolescent behavior. In the article, we also compare how they work with the right of convicts to education in different countries of the world. The study of issues related to the upbringing of minors serving sentences in correctional institutions, taking into account international standards, is relevant for a number of reasons that affect social, legal and pedagogical aspects. This is due both to the current situation in the field of juvenile delinquency and to the need to increase the effectiveness of the process of re-socialization and reduce the rate of recidivism. The upbringing of minors in places of deprivation of liberty is regulated by a number of international standards that pay special attention to the principles of humanity, resocialization and personal development of adolescents. These standards are designed to reduce the negative effects of isolation and prepare convicts for successful reintegration into society after release. In their works, the authors draw attention to the fact that these international norms serve as the foundation for the development of national programs aimed at helping minors recover and successfully adapt to society. Education in places of detention is a key factor in the formation of a teenager's personality. It not only implements the constitutional right to education, but also creates the basis for further integration into society. Scientific research shows that getting an education significantly reduces the likelihood of reoffending.*

Key words: *education, minors, imprisonment, convict, correctional colonies, educational colonies, execution of punishment, penitentiary institutions.*

Введение. Современные тенденции, такие как цифровизация, распространение деструктивных субкультур в онлайн-пространстве, требуют разработки новых подходов к воспитательной работе. Необходимо учитывать влияние информационных технологий, социальных сетей и других факторов, которые могут способствовать девиантному поведению [1]. По данным Генпрокуратуры РФ, в 2025 году уровень подростковой преступности в России вырос на 10 %. За январь–ноябрь 2025 года зарегистрировано 25,9 тыс. деяний, совершенных несовершеннолетними [2]. При этом отмечается эскалация тяжких и особо тяжких преступлений, включая диверсионную и террористическую деятельность, незаконный оборот наркотиков, преступления в сфере компьютерной информации. Эти тенденции требуют углубленного анализа и разработки мер, направленных на профилактику и коррекцию девиантного поведения. Поэтому актуальность изучения вопросов воспитания несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях с учетом международных стандартов представляет интерес по ряду причин, связанных с социальными, правовыми и педагогическими аспектами. Это обусловлено как текущей ситуацией с подростковой преступностью, так и необходимостью повышения эффективности ресоциализации и снижения рецидива.

Среди работ и ученых, которые затрагивают вопросы воспитания несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях можно выделить: Сухова А.Н., Строеву В.Г., Тюгаеву Н.А. в своих работах она рассматривала теоретические основы обучения и воспитания осужденных, включая несовершеннолетних. Тюгаева Н.А. анализировала связь пенитенциарной педагогики с другими науками, а также затрагивала вопросы ресоциализации и исправления. Ее исследования способствовали развитию подходов к воспитательной работе в уголовно-исполнительной системе. Ушатиков А.И. вместе с Казаком Б.Б. в научном труде «Основы пенитенциарной психологии», затрагивали вопросы воспитательной сферы осужденных, включая несовершеннолетних. Научная школа Ушатикова исследовала проблемы волевой саморегуляции личности и пенитенциарной психологии, что имеет отношение к воспитательной работе в местах лишения свободы. Литвишков В.М. и Вилкова А.В. в статье «Нравственная устойчивость несовершеннолетних осужденных как педагогическая проблема»

анализировали вопросы нравственного воспитания и устойчивости личности несовершеннолетних в условиях воспитательной колонии. [3, 4, 5, 6, 7, 8].

Также стоит отметить, что в научной литературе упоминаются зарубежные исследователи, которые в разные годы разрабатывали эту проблематику в рамках своих научных направлений. К ним относятся Фахриддин Матчанов, в своей статье «Проведение воспитательной работы с осужденными – как средство достижения цели наказания» он рассматривает важность воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, и подчеркивал необходимость уделять особое внимание воспитательной работе с несовершеннолетними [9]. Остендорф, Х. ван. и Корнель Х., Кавамура-Рейндл Г., Майлике Б. и Соннен Б. Р. затрагивали различные аспекты ресоциализации, включая правовые основы, терапевтические методы и практические подходы в работе с несовершеннолетними правонарушителями [10, 11].

Эти ученые внесли вклад в развитие теоретических и практических аспектов пенитенциарной педагогики и психологии, включая вопросы воспитания несовершеннолетних осужденных. Их работы учитывали международные стандарты, так как пенитенциарная система России ориентируется на общепризнанные нормы и принципы, закрепленные в международных документах. В ходе исследования был применен комплексный подход, который объединил теоретические и практические методы, а также специфические методологические инструменты.

Основная часть. Образование в условиях пенитенциарного учреждения играет ключевую роль в формировании личности несовершеннолетнего. Оно не только реализует конституционное право на обучение, но и служит фундаментом для успешной интеграции в общество после освобождения. Исследования показывают, что получение образования снижает риск рецидива. Во всех воспитательных учреждениях для несовершеннолетних необходимо предусмотреть образовательные программы и программы профессиональной подготовки. Это помогает им реинтегрироваться в общество после освобождения из мест лишения свободы. Образование для несовершеннолетних, лишенных свободы, имеет решающее значение для их перевоспитания и социализации. Оно играет ключевую роль в их жизни. Исследования показывают, что образование может значительно снизить риск «рецидива» (возвращения к прежнему поведению) среди них [12].

В 20 веке, по мере роста преступности, многие страны стремились модернизировать места содержания под стражей для несовершеннолетних. Особое внимание уделялось образованию и психологической поддержке. К середине 20-го века Организация Объединенных Наций (далее – ООН) и другие международные организации разработали конвенции, направленные на защиту прав несовершеннолетних. Принятые нормы и положения установили новые стандарты наказания и перевоспитания несовершеннолетних [13]. Современная пенитенциарная система в большинстве стран сосредоточена на реабилитации и реинтеграции осужденных, а учреждения, в которых содержатся несовершеннолетние осужденные, также уделяют приоритетное внимание образованию, профессиональной подготовке и психологической поддержке. Основная цель применения этих принципов заключается в том, чтобы несовершеннолетние чувствовали ответственность за свои преступления и успешно реинтегрировались в общество.

В Концепции совершенствования уголовного и пенитенциарного законодательства Республики Узбекистан на 2019-2021 годы одной из основных задач в сфере исполнения уголовных наказаний определено развитие системы обеспечения образования и профессиональной подготовки осужденных, особенно несовершеннолетних правонарушителей и молодежи, а также обеспечение их трудоустройства и социальная адаптация [14]. В Уголовно-исполнительном кодексе Республики Узбекистан содержатся положения, касающиеся организации общего среднего образования для осужденных (ст. 100), предоставления среднего специального профессионального образования и производственного обучения осужденных (ст.101). Однако право на образование не входит в число основных прав осужденных, как это предусмотрено в ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Узбекистан. Кроме того, сегодня существует необходимость в создании возможностей и условий для получения осужденными высшего образования в пенитенциарных учреждениях. Это связано с тем, что ч. 3 ст. 100 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Узбекистан устанавливает право осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима, только на получение высшего образования [15].

Согласно с «Минимальными стандартами обращения с заключенными», ст. 13 [16], «Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах» от 19 декабря 1966 года [17], и Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 года «Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы» [18], а также анализа опыта ряда зарубежных стран, в частности России, Соединенных Штатов Америки (далее – США), Федеративной Республики Герма-

ния (далее – Германия), Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии (дадее – Великобритания), Австралийского Союза (далее – Австралия), Королевства Норвегии (далее – Норвегия), Финляндской Республики (далее – Финляндия) и Швейцарской Конфедерации (далее – Швейцария) – все они отмечают, что в дополнение к обеспечению общего и среднего образования несовершеннолетним осужденным также должно быть доступно высшее образование. Ключевым аспектом является то, что в этих странах право осужденных на образование гарантируется не только во время отбывания наказания, но и сохраняется даже после их освобождения. В частности, ст. 42 Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 года «Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы» гласит, что каждый несовершеннолетний должен иметь право на профессиональное образование по профессии, которая могла бы быть полезна для его будущей трудовой деятельности [18]. Основная цель, стоящая за этим, заключается в том, чтобы помочь осужденным адаптироваться в обществе после их освобождения и помочь им найти работу, приобретя определенную профессию и опыт. В то же время такая практика показала хорошие результаты в предотвращении повторных правонарушений среди осужденных.

Специалист по пенитенциарной педагогике Сухов А.Н., изучая социальную работу в исправительных учреждениях, подчеркнул, что при профессиональной подготовке осужденных важно сосредоточиться на обучении профессиям, которые пользуются большим спросом в обществе, так как это облегчит и улучшит их социальную адаптацию после освобождения [3]. Действительно, образование служит одним из главных инструментов нравственного воспитания осужденных в исправительных колониях. Образование является основным средством воспитания не только в исправительных колониях, но и во всех пенитенциарных учреждениях. По словам Строева В.Г., образование является одним из ключевых инструментов социальной реабилитации осужденных, поскольку оно позволяет развивать их активность и ответственность, а также предотвращает растление личности в условиях социальной изоляции [4].

Исследование, проведенное корпорацией RAND, показало, что любой вид образования может снизить уровень рецидивной преступности на 43 % [19]. Стоит отметить, что в европейских странах, образование в пенитенциарных учреждениях делится на три группы:

– общее образование, основанное на учебных планах средних школ;

– профессиональное образование, направленное на развитие навыков и квалификаций, необходимых для профессий, пользующихся большим спросом на рынке труда;

– курсы неформального образования, такие как творческие кружки и курсы подготовки к реинтеграции в общество.

Лишение свободы несовершеннолетних в Германии подразделяется на:

– заключение в исправительное учреждение в свободное время (как правило, на выходные (Freizeitarrest);

– непродолжительное заключение (до 4 дней в неделю).

В исправительных учреждениях для несовершеннолетних действует обязательная трудовая повинность (Arbeitsplicht), имеющая воспитательную направленность. Также предусмотрено обучение: в некоторых учреждениях есть педагогические центры, где осужденные могут завершить школьное образование, получить подготовку к аттестату зрелости или специальному высшему учебному заведению [20]. Германия, имеющая положительный опыт в предоставлении образования осужденным, уделяет особое внимание обучению профессиям, которые пользуются большим спросом в обществе. Образовательный процесс осуществляется посредством дистанционного обучения. В Германии осужденные имеют возможность получать образование на школьном, гимназическом и университетском уровнях. Осужденные, посещающие университет, освобождаются от любой работы в учреждении и имеют возможность получать стипендию в размере до 120 евро в месяц (университет «Хаген» в Германии) [21].

В Швейцарии осужденные имеют возможность покидать учреждение в свободное время и получать образование за пределами учреждения. В Норвегии в 1851 году было открыто первое исправительное учреждение, специализирующееся на образовании как форме реабилитации. С 2007 года в каждом исправительном учреждении Норвегии созданы школы для обучения осужденных.

В Великобритании право осужденных на получение образования регулируется следующими принципами:

– каждое учреждение должно иметь программы социального образования, направленные на развитие способностей осужденных, и целью этих программ должно быть содействие реинтеграции в общество.

– Образование следует рассматривать как способ организации свободного времени осужденных, равнозначный по важности труду, и оно должно быть частью программы их реабилитации.

– Осужденные должны иметь право на доступ к образованию за пределами исправительных учреждений [11, 12].

В Финляндии процесс обучения осужденных тесно связан с общественно полезным трудом, и осужденные имеют право выбирать между трудом и образованием. Они могут учиться, чтобы развить профессиональные навыки в учреждении, или пройти подготовительные курсы для поступления в университеты. После поступления в университеты они могут продолжить свое образование. Несовершеннолетние осужденные с положительным поведением могут работать и учиться за пределами учреждения без присмотра.

В США исправительные учреждения обучают осужденных различным профессиям, заключая контракты с частным сектором, а предприниматели помогают осужденным найти работу после их освобождения. Примечательно, что после освобождения осужденные проходят обучение профессии, востребованной в государстве, где они хотят жить [19, 21]. В Италии право осужденных на получение образования предоставляется в качестве привилегии.

В Республике Беларусь Стуканов В.Г., изучавший исправительные учреждения, отметил, что образовательные программы в колониях включают: финансовую грамотность, компьютерные курсы и курсы иностранных языков [22]. В Российской Федерации, лица, лишенные свободы, имеют право на получение среднего профессионального и высшего образования. Федеральная служба исполнения наказаний России наладила сотрудничество с различными университетами, включая Российский государственный социальный университет, Тверскую сельскохозяйственную академию, Псковский государственный университет и другие высшие учебные заведения, с целью предоставления осужденным дистанционного образования.

Исследования показывают, что получение высшего образования является частью процесса реинтеграции лиц, отбывающих наказание. Леонова Е.Ю., которая подробно изучала право осужденных на образование, доказала, что высшее образование приводит к изменениям в системе ценностей осужденных. Они, получающие образование, как правило, читают больше книг и проявляют более сильное желание приобретать новые знания [23].

Вывод. Из приведенного выше анализа можно сделать вывод, что образование помогает несовершеннолетним, находящимся в заключении, развить навыки самовосстановления, самоуправления, критического мышления и планирования, что помогает им избежать рецидивов и успешно реинтегрироваться в общество после выхода из исправительного учреждения. Обучение несовершеннолетних, отбывающих тюремное заключение в исправительных учреждениях, должно соответствовать стандартам качества образования и соответствовать их личным потребностям. Кроме того, образование должно быть направлено на развитие навыков, которые помогут осужденному стать ответственным и самодостаточным членом общества после освобождения. Чем в большей степени образование в пенитенциарных учреждениях будет соответствовать лучшим образовательным стандартам, тем больше у осужденных будет возможностей продолжить обучение после освобождения. В этом смысле важно, чтобы «все сообщество было вовлечено в обеспечение качественного образовательного процесса».

Список литературы:

[1] Радченко Е.П. К вопросу о новых технологиях в уголовно-исполнительной системе: перспективы и риски / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов, С. Б. Рябых // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 60-64/

[2] Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10 % [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (дата обращения: 02.06.2026).

[3] Социальная работа в пенитенциарных учреждениях: учебное пособие / Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т; [А. Я. Гришко и др.]; под ред. А. Н. Сухова. — Москва; Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. — 382 с.

[4] Строева Г.В. Обучение как центральная категория процесса самоисправления осужденных // Академический вестник Института образования взрослых Российской академии образования. 2009.№ 3. С. 154–158.

[5] Тюгаева Н.А. Обучая — воспитывай, воспитывая — обучай: теория и практика общего образования осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание», 2023 № 2. С.278–286.

[6] Тюгаева Н.А. Профессиональное образование осужденных как фактор их ресоциализации (монография, в соавторстве с В.Н. Казанцевым, И.В. Лаврентьевой, С.А. Лузгиным). Рязань. Изд. Академия ФСИН России. 2010. 132.

[7] Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии. Рязань, издательство Академии права и управления Минюста России. 2001. 536 с.

[8] Литвишков В. М., Вилкова А.В. Нравственная устойчивость несовершеннолетних осужденных как педагогическая проблема // Ведо-

мости уголовно-исполнительной системы. 2016, № 8 (171), С.24–27.

[9] Фахриддин Матчанов. Проведение воспитательной работы с осужденными — как средство достижения цели наказания // Общество и инновации, 2022. Т.3, № 99. С.24–32.

[10] Ханс Остендорф. Ювенальное уголовное право. 7-е полностью переработанное издание. Баден-Баден. 2013. 328 с.

[11] Cornel, H., Kawamura-Reindl, G., Maelicke, B., & Sonnen, B. R. (Hg). (2009). Resozialisierung: Handbuch [Handbook on resocialization] (S. 470). Baden-Baden: Nomos.

[12] Рябых С. Б. Правовой режим исполнения и отбывания наказания в воспитательных колоб ниях России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Рябых Сергей Борисович. — М., 2012. — 189 с.

[13] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // КонсультантПлюс

[14] Концепция совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Узбекистан в 2019–2021 годах (утверждена Постановлением Президента РУз от 07.11.2018 № ПП-4006; приложение № 3 к постановлению) [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/ru/docs/4045448 (дата обращения: 12.06.2026).

[15] Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 года № 409-I)) [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/163627(дата обращения: 12.06.2026).

[16] Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными от 30 августа 1955 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. – URL:https://www.un.org/ru/documents/treaty/OHCHR-1955(дата обращения: 12.06.2026).

[17] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс.

[18] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 года Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы// КонсультантПлюс.

[19] Корпорация RAND. Исследование эффективности образовательных программ в пенитенциарных учреждениях (2013–2014 гг.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2026-2/c10-novikov.pdf (дата обращения: 02.06.2026).

[20] Cornel, H., Kawamura-Reindl, G., Maelicke, B., & Sonnen, B. R. (Hg). (2009). Resozialisierung: Handbuch [Handbook on resocialization] (S. 470). Baden-Baden: Nomos.

[21] Остендорф, Х. ван. Ювенальное уголовное право / Ханс Остендорф ; пер. с нем. А. В. Корнева. — 7-е, полностью переработанное издание. — Баден-Баден: [б. и.], 2013. — 328 с.

[22] Стуканов В. Г. Гуманитарные образовательные программы как средство исправления осуждённых в Республике Беларусь // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 2 (32). — С. 102–110.

[23] Леонова Е.Ю. Роль высшего образования в системе ресоциализации осужденного // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. URL:science-education.ru (дата обращения: 12.06.2026).

References:

[1] E.P. Radchenko. On the question of new technologies in the penal system: prospects and risks/E.P. Radchenko, S.A. Bazhanov, S.B. Ryabykh// International Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. - S. 60-64/

[2] Prosecutor General's Office: in the Russian Federation in 2025, teenage crime increased by 10% [Electronic resource]. - URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051 (access date: 02.06.2026).

[3] Social work in penitentiary institutions: textbook/Russian Academy of Education, Moscow Psychological and Social Institute; [A. Ya. Grishko et al.]; ed. A.N. Sukhova. - Moscow; Voronezh: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Publishing House of NPO MODEK, 2008. - 382 p.

[4] Stroeva G.V. Training as the central category of the process of self-correction of convicts//Academic Bulletin of the Institute of Adult Education of the Russian Academy of Education. 2009.№ 3. S. 154-158.

[5] Tyugaeva N.A. Teaching - educate, educating - teach: theory and practice of general education of those sentenced to imprisonment//Man: crime and punishment," 2023 No. 2. P.278-286.

[6] N.A. Tyugaeva. Professional education of convicts as a factor of their re-socialization (monograph co-authored with V.N. Kazantsev, I.V. Lavrentieva, S.A. Luzgin). Ryazan. Ed. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2010. 132.

[7] Ushatikov A.I., Kazak B.B. Fundamentals of penitentiary psychology. Ryazan, publishing house of the Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia. 2001. 536 pp.

[8] Litvishkov V.M., Vilkova A.V. Moral stability of juvenile convicts as a pedagogical problem//Vedomosti of the penal system. 2016, No. 8 (171), S. 24-27.

[9] Fakhriddin Matchanov. Conducting educational work with convicts - as a means of achieving the goal of punishment//Society and Innovation, 2022. T.3, No. 99. S.24-32.

[10] Hans Ostendorf. Juvenile criminal law. 7th completely revised edition. Baden-Baden. 2013. 328 pp.

[11] Cornel, H., Kawamura-Reindl, G., Maelicke, B., & Sonnen, B. R. (Hg). (2009). Resozialisierung: Handbuch [Handbook on resocialization] (S. 470). Baden-Baden: Nomos.

[12] Ryabykh S. B. The legal regime for the execution and serving of sentences in educational colonies of Russia: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08/ Ryabykh Sergey Borisovich. - M., 2012. - 189 s.

[13] Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly 20.11.1989) (entered into force for the USSR 15.09.1990) //ConsultantPlus

[14] The concept of improving the penal legislation of the Republic of Uzbekistan in 2019-2021 (approved by Decree of the President of the Republic of Uzbekistan of 07.11.2018 No. PP-4006; Appendix No. 3 to the decree) [Electronic resource]. - URL: https://lex.uz/ru/docs/4045448 (access date: 12.06.2026).

[15] Penal Enforcement Code of the Republic of Uzbekistan (approved by Law of the Republic of Uzbekistan No. 409-I of April 25, 1997)) [Electronic resource]. - URL: https://lex.uz/docs/163627 (access date: 12.06.2026).

[16] Minimum Standard Rules for the Treatment of Prisoners of August 30, 1955//Electronic Fund for Legal and Regulatory Documents. [Electronic resource]. - URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/OHCHR-1955 (access date: 12.06.2026).

[17] International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (Adopted by 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th Plenary Meeting of the UN General Assembly)//ConsultantPlus.

[18] United Nations General Assembly resolution 45/113 of 14 December 1990 United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty//ConsultantPlus.

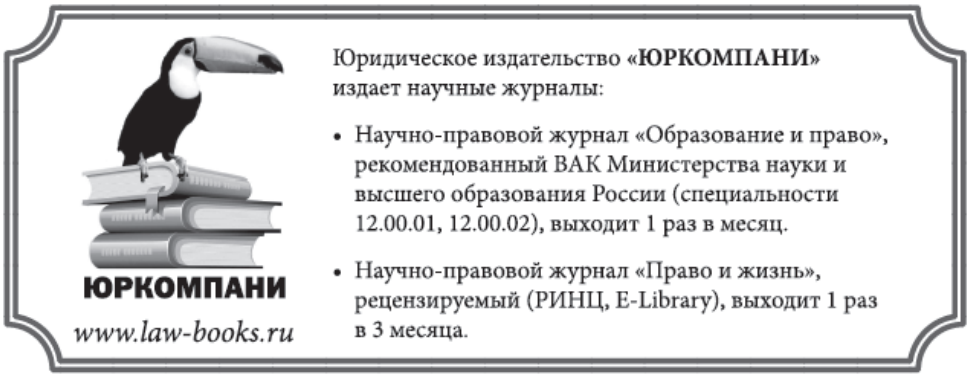
[19] RAND Corporation. Study of the effectiveness of educational programs in penitentiary institutions (2013-2014). [Electronic resource]. - URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-pedagogy-2026-2/c10-novikov.pdf (access date: 02.06.2026).

[20] Cornel, H., Kawamura-Reindl, G., Maelicke, B., & Sonnen, B. R. (Hg). (2009). Resozialisierung: Handbuch [Handbook on resocialization] (S. 470). Baden-Baden: Nomos.

[21] Ostendorf, H. van. Juvenile criminal law/ Hans Ostendorf; per. With nem. A.V. Kornev. - 7th, completely revised edition. - Baden-Baden: [b. and.], 2013. - 328 s.

[22] Stukanov V. G. Humanitarian educational programs as a means of correcting convicts in the Republic of Belarus//Legal science and law enforcement practice. — 2015. — № 2 (32). - S. 102-110.

[23] Leonova E.Yu. The role of higher education in the convict resocialization system//Modern problems of science and education. 2016. № 2. URL: science-education.ru (access date: 12.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-396-402

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию проблем формирования деструктивного поведения.*

Ключевые слова: *деструктивное поведение, профессиональная деформация, сотрудник, психолог, личность, психика.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher NITs-2 PKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

BASIC THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF PROBLEMS OF THE FORMATION OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR

Annotation. *The article discusses the main theoretical approaches to the study of the problems of the formation of destructive behavior.*

Key words: *destructive behavior, professional deformation, employee, psychologist, personality, psyche.*

Проблема деструктивного поведения на протяжении всей истории человеческой мысли привлекала к себе внимание исследователей. Философскому осмыслению категорий этики, свободы воли и нравственности, естественно-научному объяснению патологических проявлений личности посвящены работы Платона, Гиппократа, Аристотеля. Философское наследие античности способствовало выявлению нескольких подходов к деструкциям личности.

Морально-нравственные аспекты деструктивного поведения разрабатывались в философских школах стоиков и эпикурейцев (IV в. до н.э.). Творчество древнегреческих мыслителей способствовало формированию идеала гармоничной личности, «в полноценной жизни которой сливаются разумные и чувственные» [14]. Естественно-научные направления исследования отклоняющегося поведения в работах Авиценны, Аверрореса, Галена позволило сформулировать предположение зависимости индивидуального сознания от культурных форм общественной жизни, психического от биологической (как основы), темперамента как формально-динамической организации психической жизни. К проблематике психопатологий и психических расстройств, взаимосвязи соматических и психических болезней обращались уже в средние века. Проблемам причин отклоняющегося поведения личности посвящены работы видных ученых-богословов П. Абеяра и Ф. Аквинского [15].

Исследованию психологических аспектов деструктивного поведения – особенностей эмоциональной сферы, симптоматики истерии, депрессии, неврозов посвящены работы философов и психологов эпохи Возрождения Б. Телезио, Х. Уарте, Р. Гоклениуса [16]. К вопросам потребностей, мотивов и ценностей человеческого существования обращаются философы эпохи Просвещения Ж. Ламетри, К. Гельвеций, Д. Дидро, П. Гольбах. Естественно-научные направления исследований особенностей отклоняющегося поведения прослеживается в творчестве Дж. Локка, Э. Б. Кондильяка, Дж. Беркли. Работы И. Канта, Г. В. Гегеля, Л. Фейербаха способствуют формированию единого философского теоретического основания как этико-нравственной проблематике отклоняющегося поведения, так и методологического аппарата исследования девиаций [17]. Во второй половине XIX в. и на всем

протяжении XX в. исследование детерминант деструктивного поведения и философии реализуется в широкой области научных школ.

Исследования Э. Дюркгейма послужили началом разработки социального аспекта исследования деструктивного поведения [18]. Изучению детерминант, факторов и форм отклоняющегося поведения в социологическом направлении исследований также посвящены работы Р. Мертона, П. Уорсли, Т. Парсонса и других исследователей. Аномия, по Р. Мертону, особое нравственно-психологическое стояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов [19]. Он считает, что причиной девиации является несогласованность между культурными целями, выдвигаемыми обществом (стремление к богатству, власти, успеху, выступающее в качестве установок и мотивов личности), и средствами которые оно предлагает для их достижения. В работах Т. Парсонса рассматривают проблемы социальной нормы, социального контроля; П. Уорсли видит связь абсолютных норм с культурными нормами, исследуя проблему относительности норм и отклонений. Н. Дж. Смелзер делает акцент на теории социальных детерминант коллективного поведения, девиаций и социального контроля.

В России социологические исследования форм отклоняющегося поведения: преступности, алкоголизма, наркомании и суицидов – появились в конце 60-х – начале 70-х гг. научными работами В.С. Афанасьева, Я.И. Гилинского, А.Г. Здравомыслова, В.Н. Кудрявцева, И.В. Маточкина [20].

Изучение биологических факторов деструктивного поведения предпринято в работах Ф. Гальтона, Ч. Ломброзо, У. Шедона, Р. Кречмера и последователей. Основным детерминантом склонности к преступности, по мнению Ч. Ломброзо, были наследственно-биологические факторы, подкрепленные воздействием окружающей среды. Так, к анатомо-физиологическими признаками «прирожденного преступника» Ч. Ломброзо относит неправильную, безобразную форму черепа, раздвоение лобной кости, малую зазубренность краев черепных костей, асимметрию лица, неправильность строения мозга, притупленную восприимчивость к боли и другие признаки.

Современные исследования позволяют сделать вывод о том, что деструктивное поведение не имеет прямой связи с конституционально-биологическими свойствами, но формально-динамическими предпосылками выступают индивидуально-типологические свойства личности (на уровне свойств темперамента или характера).

В настоящее время биопсихические факторы отклоняющегося поведения являются предметом исследования многих отечественных и зарубежных авторов: В.Ф. Асинкритова, Б.С. Братуся, П.Б. Ганнушкина, В.А. Гурьева, Б.В. Зейгарник, К. Леонгард, А.Р. Лурии, А.Е. Личко, А.А. Реана, Х. Ремшмидта, В.Я. Гинидикина и др. Исследование влияния психопатий в связи с проявлениями деструктивного поведения личностью реализовано в исследованиях М.О. Гуревича, О.В. Кербикова, В.А. Семке; рассмотрение особенностей деструктивного поведения и депрессивных состояний принято в работах Ф.Б. Березова, О.П. Ветроградова, В.А. Воробьева, В.М. Дильмана, А.Б. Смулевича, В.Н. Синицкого.

Психологическое исследование сущности деструктивного поведения, форм и факторов, его обуславливающих, разворачивается с момента проявления психологии как науки. В психоаналитическом подходе к пониманию детерминант деструктивного поведения (З. Фрейд, К.Г. Юнг, Ф. Перз, В. Райх, А. Адлер) рассматриваются влияние неосознаваемых пробуждений – мотиваторов, непосредственно воздействующих на жизнь и деятельность человека.

Деструктивность, по Фрейду, выступает в виде отрицательного отношения человека к самому себе или к другим и соответствующего этому отношению поведения. З. Фрейд рассматривает деструктивность как одно из двух основных влечений, противостоящее конструктивному (жизнеутверждающему) Эросу (инстинкту жизни, любви и созидания). Деструктивность в определенной мере свойственна всем людям, различие касается главным образом ее объекта: другие ли это люди или сам носитель деструктивности. По А. Адлеру, причиной деструктивного поведения выступает субъективное ощущение беспомощности и отчужденности от общества.

А. Камю считал причинами деструктивного поведения мотивы борьбы за абсолютную власть: «если для животного высшей ценностью является сохранение жизни, то для человека куда более важно признание ценности его жизни другими людьми» [21].

Борисова Е.В. одной из форм проявлений деформации считает деформацию индивидуальной профессиональной концепции сотрудника и появлением в ее структуре жестких стереотипов, отражающих неверное восприятие организации и самого себя в ее структуре. Исследования позволили выявить шесть подобных стереотипов Стереотип «начальник должен быть жестким, твердым, настойчивым» меняет структуру управленческого взаимодействия, переводя ее на режим угрозы наказанием за проступок, приказное общение [22].

Э. Фромм полагает, что глубокой деструктивности по отношению к другим людям нет у тех, у кого мало враждебности по отношению к

самому себе. Деструктивность является следствием блокировки плодотворной энергии, препятствий на пути к развитию, когда человеку не удается реализовать свой потенциал. В своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм рассматривает деструктивное поведение в виде отклика человека на разрушение нормальных человеческих процессов, которые во многом определяют структуру социальных институтов [23].

Автор исследует процесс слияния неповторимого, экзистенциального склада личности и конкретного социального фона, оказывающего воздействие на индивида, преображающего его потребности, вырабатывающего социальные характеры, подчеркивая тем самым, что проблема деструктивности должна рассматриваться с биосоциальной точки зрения. Деструкция социальных отношений порождена ситуацией, когда человек сталкивается с невозможностью реализовать свои потребности, в результате чего возникают деформированные стремления и влечения. Фромм выделяет характерные психологические механизмы, которые создают основу каждого классифицированного им типа ориентации – мазохистского, садистского, деструктивного и конформистского. Люди, одержимые мазохистскими тенденциями, стремятся не утверждать себя, не делать того, чего им хочется самим, а подчиниться действительным или воображаемым приказам внешних сл. Часто они попросту не способны испытывать чувство «я хочу», чувство собственного «Я». Жизнь в целом они ощущают как нечто подавляющее сильное, непреодолимое и неуправляемое [23].

Концепция поисковой активности предполагает, что деструктивное поведение – следствие неразрешенной поисковой активности. Чем в большей степени поисковая активность находит выражение в адекватном и продуктивном поведении, тем меньше шансов для деструктивной агрессивности. Это означает также, что недостаточно подавить агрессивное поведение угрозой наказания, необходимо предоставить человеку альтернативную возможность для самореализации, для осуществления поискового поведения. Без такой альтернативы подавление агрессивности может привести к депрессии или психосоматическим заболеваниям.

Выделяют два вида личности преобразующей активности: творческое поведение, создающее новую среду, и разрушение – дезадаптивное поведение, не создающее, а уничтожающее прежнюю среду [24].

Так, по мнению А. Коэна, отклоняющееся поведение – это «такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы» [25].

Как отмечает Ц.П. Короленко, сочетания врожденных и приобретенных свойств [26]. В качестве одного из возможных механизмов, связывающих физиологические особенности индивида с его устойчивостью к стрессу, рассматривается индивидуальный профиль межполушарной асимметрии. Так, в условиях хронического стресса, обусловленного экстремальными климатогеографическими условиями, показатели психоэмоционального напряжения у лиц с относительным доминированием правого полушария оказались в 1,5 раза ниже, чем у обследованных с левополушарным преобладанием, а показатели тревожности и агрессивности - в 2 раза ниже [27].

В зарубежной и отечественной психологии деструктивное поведение имеет несколько терминов, которые связаны по значению: отклоняющее поведение, асоциальное, антисоциальное, дезадаптивное, анкцентуированное, девиантное, патология поведения и т.д. По мнению М.Я. Олиференко девиантное поведение представляет собой патологией поведения. Патология поведения – это определенный тип поведения, который пробуждает страх, боль, горе, у других людей. М.Г. Ярошевский и А.В. Петровский отмечали, что деструктивное поведение является системой поступков, которые не соответствуют общепринятым нормам [28].

По мнению К.Р. Техасова, профессиональная деформация личности сотрудника представляет «комплекс своеобразных, взаимосвязанных изменений отдельных качеств и личности в целом, искажение моральных норм, возникающих в связи с исполнением профессиональных задач в сфере профессиональной деятельности» [29].

Согласно авторам (Н.Л. Гранат, С.К. Клименко, Е.П. Клубовым, И.А. Латковой, А.М. Столяренко) в качестве ведущих детерминант деформации отмечаются недостающая правовая и нравственная воспитанность сотрудников, степень профессиональной подготовленности личности; несоответствие личных свойств притязаниям профессиональной деятельности. Е. Махер указывает, что одной из форм деструктивного поведения является эмоциональное выгорание, которое выражается в следующих признаках: усталость, утомление, истощение; психосоматическое недомогание, негативное отношение к коллективу, также негативное отношение к своей работе, обусловленная скудностью комплекса рабочих действий. Также он заявляет, что эмоциональному выгоранию способствуют: злоупотребление химическими веществами – сигаретами,

кофе, спиртными напитками, наркотиками; отсутствие аппетита или наоборот; агрессивные чувства, такие как раздражительность, тревожность, депрессия, чувство одиночества, чувство вины и другие [30].

Как отмечали пенитенциарные психологи (Ушатиков А.И., Казак Б.Б.), что собственно-профессиональная или служебная деформация обусловливается, как правило, непосредственными контактами сотрудников с криминогенной средой, а также спецификой их профессиональной деятельности [31].

А.А. Прошин дает следующее определение профессиональной деформации. «Профессиональная деформация - это явление наиболее опасно в нравственно-профессиональной сфере, где деформация проявляется в утере верного представления о гражданском и нравственном смысле профессиональной деятельности. Профессиональная деформация сотрудников проявляется по-разному, но в конечном итоге ее развитие приводит к профессиональной бесполезности данного сотрудника или к нарушению им законов, аморальным действиям» [32].

По мнению О.А. Рогожиной экстремальные факторы, деструктивно оказывающие влияние на личность, проявляются поведенческими аномалиями и патологическими формами деструктивного поведения. В случае сверхзначимых и жизнеопасных экстремальных воздействий наблюдается формирование пограничных психических расстройств невротического уровня, свидетельствующие не о постепенной конституциональной изменчивости, а о скачкообразном переходе к вектору «здоровье-болезнь» [33].

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских делят все поведенческие девиации на две большие группы: нестандартное и деструктивное поведение. Нестандартное поведение может иметь форму нового мышления, новых идей, а также действий, выходящих за рамки социальных стереотипов поведения.

Типология деструктивного поведения выстраивается в соответствии с его целями. В одном случае это внешнедеструктивные цели, направленные на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных) и соответственно внешнедеструктивное поведение. Во втором случае – внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс, и соответственно внутридеструктивное поведение.

Внешнедеструктивное поведение, в свою очередь, делится на аддиктивное и антисоциальное. Аддиктивное поведение предполагает использование каких-то веществ или специфической активности с целью ухода от реальности и получения желаемых эмоций. Антисоциальное поведение заключается в действиях, нарушающих существующие законы и права других людей в форме противоправного, асоциального, аморально-безнравственного поведения.

В группе внутридеструктивного поведения Ц.П. Короленко и Т.А. Донских выделяют: суицидное, конформистское, нарциссическое, фанатическое и аутическое поведение. Суицидное поведение характеризуется повышенным риском самоубийства. Конформистское – поведение, лишенное индивидуальности, ориентированное исключительно на внешние авторитеты. Нарциссическое – управляется чувством собственной грандиозности. Фанатическое – выступает в форме слепой приверженности к какой-либо идее, взглядам. Аутистическое – проявляется в виде непосредственной отгороженности от людей и окружающей действительности, погруженности в мир собственных фантазий [34].

По мнению пенитенциарных ученых (И.И. Соколов, А.М. Сысоев, С.В. Горностаев) под психологической деформации личности понимается неадекватная реакция организма и личности, компенсирующая негативные психические состояния, эмоциональный дискомфорт, в ответ на стрессогенную ситуацию, которая обусловлена интраперсональным конфликтом между испытываемыми потребностями и возможностью их удовлетворения, в зависимости от индивидуальных особенностей личности и среды, в которой осуществляется деятельность [30] .

Проанализировав зарубежные и отечественные подходы к изучению формирования деструктивного поведения можно сделать следующий вывод:

Деструктивное поведение не имеет прямой связи с конституционально-биологическими свойствами, но формально-динамическими предпосылками выступают индивидуально-типологические свойства личности (на уровне свойств темперамента или характера). Изучению детерминант, факторов и форм отклоняющегося поведения в социологическом направлении исследований были посвящены работы Р. Мертона, П. Уорсли, Т. Парсонса. Научные исследователи выделяли типологию деструктивного поведения: делинквентное, аддиктивное, антисоциальное и др. Согласно авторам (Н.Л. Гранат, С.К. Клименко, Е.П. Клубовым, И.А. Латковой, А.М. Столяренко) в качестве ведущих детерминант деформации отмечаются недостающая правовая и нравственная воспитанность сотрудников, степень профессиональной подготовленности личности; несоответствие личных свойств притязаниям профессиональной деятельности.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[14] Ярошевский М.Г. История психологии. – М., 1985.

[15] Антология средневековой мысли: Теология и философия Европ. средневековья: в 2 т. – СПб., 2001. – Т. 1

[16] Антология мировой философии: в 4 т. / ред.-сост. и автор вступит. статьи И. С. Нарский. – М., 1971. – Т. 3: Буржуазная философия конца XVIII в. – в первых двух третей XIX в.

[17] Афанасьев В. С., Гилинский Я. И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. – СПб., 1995.

[18] Закалюк А. П., Коротченко А. И., Москалюк Л. И. Допреступное поведение и механизм совершения преступления при нарушении критичности пограничного характера // Проблемы изучения личности правонарушителя. – М., 1984

[19] Лысак И. В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. – Таганрог. 1999.

[20] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социс. – 1992. С. 13-26.

[21] Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь. – Минск. 1998. С. 263.

[22] Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудника милиция и ее личностные детерминанты.М.,1998,с.20-21.

[23] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.

[24] Современная западная социология: словарь. – М., 1990.

[25] Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня – М.: Психология и Педагогика, 1965.

[26] Александровский Ю. А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. - М., 1976.

[27] Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека.- Л., 1988.

[28] Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии) / под общей редакцией Д.В. Сочивко. – М.: МПСИ, 2009. С. 456, с. 75.

[29] Техасов К.Р. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. М.,2000

[30] Соколов И.И., Сысоев А.М., Горностаев С.В. Профессиональная деформация личности сотрудников уголовно-исполнительной системы: возникновение, развитие, профилактика: Моногр. / Под ред. И.И. Соколова. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2005. С. 206, с.106-107.

[31] Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. С.665-668.

[32] А.А. Прошин. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. М.,2000.

[33] Рогожина О. А. Психологическая коррекция конституционально-типологической недостаточности у подростков, воспитывающихся без семьи: дис. ... канд. психол. наук. -Ставрополь, 2004.

[34] Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе (деструктивное поведение в современном мире). - Новосибирск, 1990.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[14] Yaroshevsky M.G. History of psychology. - M., 1985.

[15] Anthology of Medieval Thought: Theology and Philosophy of Europe. Middle Ages: in 2 volumes - St. Petersburg, 2001. - VOL. 1

[16] Anthology of world philosophy: in 4 volumes/ed. and the author will enter. articles by I. S. Narsky. - M., 1971. - T. 3: Bourgeois philosophy of the late XVIII century. - in the first two thirds of the XIX century.

[17] Afanasyev V. S., Gilinsky Y. I. Deviant behavior and social control in the crisis of Russian society. - St. Petersburg, 1995.

[18] Zakalyuk A.P., Korotchenko A.I., Moskalyuk L.I. Pre-criminal behavior and the mechanism for committing a crime in violation of the criticality of the border character//Problems of studying the identity of the offender. - M., 1984

[19] Lysak I.V. Man is a destroyer: destructive human activity as a sociocultural phenomenon. - Taganrog. 1999.

[20] Merton R. Social Theory and Social Structure//Socis. – 1992. S. 13-26.

[21] Camus A. The Myth of Sisyphus. Rebel. - Minsk. 1998. P. 263.

[22] Borisova S.E. Professional deformation of a police officer and its personal determinants. M., 1998, pp. 20-21.

[23] Fromm E. Anatomy of human destructiveness. - M., 1994.

[24] Modern Western Sociology: Dictionary. - M., 1990.

[25] Cohen A. Research on the problems of social disorganization and deviant behavior//Sociology today - M.: Psychology and Pedagogy, 1965.

[26] Aleksandrovsky Yu. A. States of mental maladjustment and their compensation. - M., 1976.

[27] Berezin F. B. Psychic and psychophysiological adaptation of man. - L., 1988.

[28] Crime and punishment from “A” to “Z” (dictionary on penitentiary psychology)/edited by D.V. Sochivko. - M.: MPSI, 2009. S. 456, p. 75.

[29] Tejasov K.R. Psychological support of professional activities of employees of internal affairs bodies. M., 2000

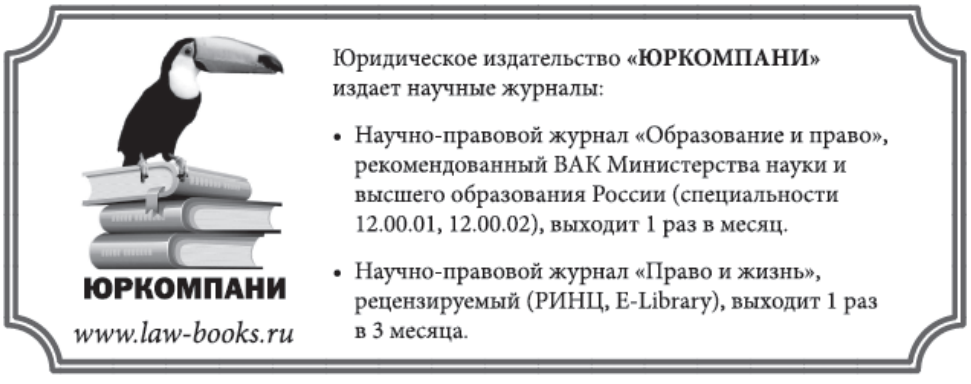
[30] Sokolov I.I., Sysoev A.M., Gornostaev S.V. Professional deformation of the personality of employees of the penitentiary system: emergence, development, prevention: Monogr ./Ed. I.I. Sokolova. - Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2005. S. 206, p. 106-107.

[31] Ushatikov A.I., Kazak B.B. Penitentiary Psychology: Study. 2nd ed., Revised. and additional Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2003. P.665-668.

[32] A.A. Proshin. Psychological support of the professional activities of employees of the internal affairs bodies. M., 2000.

[33] Rogozhina O. A. Psychological correction of constitutional-typological insufficiency in adolescents brought up without a family: dis.... cand. psychol. sciences. -Stavropol, 2004.

[34] Korolenko C.P., Donskikh T.A. Seven ways to disaster (destructive behavior in the modern world). - Novosibirsk, 1990.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-403-409

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института РУТ (МИИТ),
ORCID: 0000-0001-5045-2054,
e-mail: 000049@bk.ru

УРОВЕНЬ ЛИЧНОСТНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК УЛУЧШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В КОЛЛЕКТИВЕ СОТРУДНИКОВ ИУ

Аннотация*. В статье представлены предложения по улучшению социально-психологического климата в коллективе сотрудников ИУ на основе личностной толерантности человека.*

Ключевые слова*: сотрудник, уголовно-исполнительная система, общение, психологический климат, коллектив.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher of the Federal Scientific Research Institute of the Federal Penal Correction Service of Russia Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Law Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

THE LEVEL OF PERSONAL TOLERANCE AS AN IMPROVEMENT OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE IN THE STAFF OF UL EMPLOYEES

Annotation*. The article presents proposals for improving the socio-psychological climate in the team of IU employees based on personal tolerance of a person.*

Key words*: employee, penal system, communication, psychological climate, team.*

В рамках профессиональной деятельности сотруднику необходимо быть уверенным в своих действиях, а значит и в общении. Уверенное общение позволяет эффективно воздействовать на партнера. Но уверенное поведение это не означает, что оно агрессивное. Так человек обладающий навыками ассертивного поведения способен бесконфликтно решать и урегулировать различные вопросы, не вызывая агрессии со стороны партнера, при этом реализует свои интересы. На основании проведенного анализа данных, настоящего исследования, мы можем утверждать, что коммуникативная агрессия обуславливается недостаточной развитостью навыков ассертивности, сотрудник не видит другого выхода из ситуации и прибегает к различным видам агрессивного поведения. Развитие навыков ассертивности возможно при использовании ролевых игр, в ходе работы группы.

Одним из важнейших направлений коррекционной работы является обучение сотрудников методам психологической саморегуляции, что позволяет снизить уровень тревожности, избегать нервно-психических перегрузок, приводящих к снижению уровня коммуникативной толерантности. Наиболее подходящим, не требующим специальной обстановки и больших временных затрат является метод нервно-мышечной релаксации [18]. Данный метод позволяет снять стрессовые состояния, способствует восстановлению сил в период отдыха, нормализует эмоциональный фон личности. Основные предпосылки занятий нервно-мышечной релаксацией состоят в следующем:

1. Состояние стресса и тревожность сопровождаются мышечным напряжением;
2. При ослаблении напряжения мышц можно достигнуть значительного уменьшения переживаний беспокойства, тревоги и других проявлений повышенного возбуждения;
3. Ощущения расслабления мышц легче достигнуть и почувствовать при сравнении с их напряжением.

Простота освоения и непродолжительность предлагаемой системы упражнений, отсутствие жестких ограничений на условия проведения тренировок делают ее вполне пригодной для повседневной деятельности. Использование приемов релаксации – мощное средство, позволяющее полностью расслабиться и обрести душевное равновесие. Однако этот активно вырабатываемый навык, как и всякий, навык, требует тренировки. Целью использования и рассмотрения данного метода является обучение и принятие его для использования в повседневной учебной и дальнейшей профессиональной деятельности.

Таким образом, основными направлениями коррекционной работы, позволяющие максимально продуктивно развивать коммуникативную толерантность являются развитие навыков сенситивности в общении, навыков ассертивности, коммуникативных навыков, обучение методам саморегуляции.

Важным моментом в реализации психокоррекционной программы является принятие и соблюдения участниками общепринятых принципов работы в группе. Принятие правил участниками происходит с процедуры знакомства, при этом формируются внутригрупповые нормы. В рамках нашей групповой работы были приняты следующие правила:

– Постоянство. Каждый из участников группы присутствует на каждом из занятий, работает от начала и до конца проведения тренинга и не опаздывает.
– Конфиденциальность. Вся информация о происходящем в группе не должна выноситься за ее пределы.
– Активность. Каждый член группы постарается быть активным участником происходящего, и будет стремиться участвовать во всех формах работы в группе.
– Искренность в общении и право сказать «нет». Каждый член группы стремиться быть искренним, но имеет право открыто сказать «нет».
– Обращение по имени. Каждый из участников обращается к членам группы и к тренеру только по имени и не говорят о присутствующих в третьем лице.
– Доверительный стиль общения и обращение на «ты». В рамках проведения знакомства тренер выходит с предложением обращаться в рамках группы на «ты», члены группы принимают данное правило.
– Персонификация высказываний. Каждому из членов группы предлагается строить общение таким образом, чтобы высказывания строились на личностной позиции, не прибегая к мнениям и взглядам других людей.
– Недопустимость непосредственных оценок человека. Каждому члену группы предлагается оценивать не самого участника, а его деятельность.
– «Здесь и теперь». Предлагается членам группы говорить только то, что происходит в группе с ними, и о том, что замечают они.

Данные правила могут быть изменены в процессе работы группы, но необходимо учитывать, что для продуктивного принятия группой правил их недолжно быть большое количество. В процессе работы группы всегда можно внести в них определенные коррективы.

Программа тренинга включает 7 занятий, которые проводятся три раза в неделю по 2-3 часа. Перерывы между занятиями позволяют осмыслить полученную информацию и оценить принятие ее для себя. В рамках использования психокоррекционной программы работа строится как со всей группой, так и с микрогруппами, тройками или двойками. Из опыта использования данной программы, можно отметить, что рекомендуемая численность группы 12 человек, предпочтительна разнополая группа. Условия для проведения тренинга.

Аудитория для проведения тренинга. Для этого подойдет любое хорошо проветриваемое, свободное помещение в отряде, имеющее хорошее освещение и достаточное количество стульев с прямыми спинками (но не табуретов). Размеры помещения должны позволять осужденным свободно сидеть друг против друга на расстоянии 80-90 сантиметров. Аудитория должна быть чистой.

Подготовительный этап.

Формирование группы участников, на основании психодиагностического исследования. Ознакомление желающих учащихся с программой тренинга.

Первый день. Знакомство, работа над сплоченностью группы – 2ч.10 мин.

Цель: ознакомление участников группы с целью проведение тренинга.

Введение – 30 мин.

Знакомство членов группы, с использованием упражнений на знакомство.

Принятие норм работы группы – 20 мин.

В ходе обсуждения члены группы предлагают, вырабатывают определенные правила

работы. Данная процедура, подкрепленная обсуждением, позволяет сформировать первичный морально-психологический климат в группе.

Разогревающие упражнения – 20 мин.

Целью разогревающих упражнений, является более близкое знакомство членов группы друг с другом. Начало проведения упражнений начинается с инструкции, а заканчивается обсуждением.

Ознакомительное описание тренером понятие толерантности и интолерантности – 15 мин.

При этом рассматривается история становления проблемы в науке, в общественной жизни. Раскрывается современное понимание толерантности поведения в обществе. Обсуждение.

Психогимнастическое упражнение – 15 мин.

Целью проведения упражнения является повышение сплоченности группы, регуляция эмоционального состояния у участников группы. Начало проведения упражнений начинается с инструкции, а заканчивается обсуждением.

Завершение дня. Дебрифинг – 30мин.

Целью проведения дебрифинга является подведение итогов дня. Необходимо рассмотреть правильность понимание проделанных действий, устранить ошибки действий, дать возможность проявить свои чувства и отношения к происходящим событиям в группе, снять эмоциональное напряжение, подготовить участников к дальнейшей работе.

Второй день. «Нормы и принципы толерантного поведения» – 2ч. 30мин.

Разогревающее упражнение – 20 мин.

Цель «разогреться», позитивная настройка на работу.

Работа с ожиданиями – 20 мин.

Целью работы с ожиданиями, выяснить чего ждут участники от работы в группе, и что каждый хочет получить в процессе тренинга.

Упражнение «Толерантность и интолерантность» – 20 мин.

Целью данного упражнения является выработка группой основных черт, характеризующих индивида, как с высоким, средним и низким уровнем толерантности.

Работа проводится в группах по 4 человека, каждая из которых в течение 10 минут решает поставленную задачу.

После того, как задание будет выполнено, группа принимает общий список черт, соответственно по каждому из трех типов личности.

Заключительным этапом выполнения данного упражнения является обсуждение, и самооценка каждым участником своего уровня толерантности.

Психогимнастическое упражнение – 15 мин.

Целью психогимнастического упражнения является снятие нервно-психического напряжения.

Упражнение «Коммуникативная толерантность» - 45 мин.

Целью упражнения, является определение проблем общения, связанных с низким уровнем коммуникативной толерантности.

Работа проводится с двумя желающими, которым необходимо разыграть ситуацию, предложенную или принятую при обсуждении с тренером, связанную с проявлением нетерпимости в общении по отношении лично к участнику. В ходе наблюдения за ролевой игрой группа выявляет основные причины, влияющие на толерантность в общении, определяет возможные последствия нетерпимого поведения в общении.

Завершение дня. Дебрифинг – 30мин.

Целью проведения дебрифинга является подведение итогов дня. Необходимо рассмотреть правильность понимание проделанных действий, устранить ошибки действий, дать возможность проявить свои чувства и отношения к происходящим событиям в группе, снять эмоциональное напряжение, подготовить участников к дальнейшей работе.

Третий день. «Роль наблюдательности в коммуникативной толерантности» – 2ч.10 мин.

Разогревающее упражнение – 20 мин.

Цель «разогреться», позитивная настройка на работу.

Работа с ожиданиями – 20 мин.

Целью работы с ожиданиями, выяснить чего ждут участники от работы в группе, и что каждый хочет получить в процессе тренинга.

Упражнения, направленные на развитие наблюдательской сенситивности – 1 ч.

Цель упражнений помочь человеку воспринимать особенности, тонкости, партнера по общению, таким образом, достигая понимания его эмоционального состояния, готовности к межличностным отношениям.

Упражнения, используемые для развития наблюдательской сенситивности позволяют подготовить участника группы к развитию навыков общения повышающих уровень коммуникативной толерантности.

Завершение дня. Дебрифинг – 30 мин.

Целью проведения дебрифинга является подведение итогов дня. Необходимо рассмотреть правильность понимание проделанных действий, устранить ошибки действий, дать возможность проявить свои чувства и отношения к происходящим событиям в группе, снять эмоциональное напряжение, подготовить участников к дальнейшей работе.

Четвертый день. Развитие коммуникативных навыков, способствующих толерантности в межличностных отношениях – 3ч. 10 мин.

Разогревающее упражнение – 20 мин.

Цель «разогреться», позитивная настройка на работу.

Работа с ожиданиями – 20 мин.

Целью работы с ожиданиями, выяснить чего ждут участники от работы в группе, и что каждый хочет получить в процессе тренинга.

Упражнения на развитие навыков проведения консультирования – 2 ч.

Цель сформировать и развить навыки установления контакта, активного слушанья, рефлексии, умения задавать вопросы, способности к эмпатии.

Завершение дня. Дебрифинг – 30 мин.

Целью проведения дебрифинга является подведение итогов дня. Необходимо рассмотреть правильность понимание проделанных действий, устранить ошибки действий, дать возможность проявить свои чувства и отношения к происходящим событиям в группе, снять эмоциональное напряжение, подготовить участников к дальнейшей работе.

Пятый день. Развитие навыков ассертивного поведения основанного на толерантности в межличностных отношениях – 3 ч. 10 мин.

Разогревающее упражнение – 20 мин.

Цель «разогреться», позитивная настройка на работу.

Работа с ожиданиями – 20 мин.

Целью работы с ожиданиями, выяснить чего ждут участники от работы в группе, и что каждый хочет получить в процессе тренинга.

Упражнения, направленные на развитие навыков ассертивного поведения – 2 ч.

Целью данных упражнений является развитие навыков уверенного поведения, способствующего адекватно оценивать свои коммуникативные способности, без агрессии взаимодействовать с партнером по межличностному общению, избегать негативного влияния со стороны окружающих, давать отчет своим поступкам и принимаемым решениям.

Завершение дня. Дебрифинг – 30 мин.

Целью проведения дебрифинга является подведение итогов дня. Необходимо рассмотреть правильность понимание проделанных действий, устранить ошибки действий, дать возможность проявить свои чувства и отношения к происходящим событиям в группе, снять эмоциональное напряжение, подготовить участников к дальнейшей работе.

Шестой день. Обучение учащихся методам саморегуляции – 2 ч. 40 мин.

Разогревающее упражнение – 20 мин.

Цель «разогреться», позитивная настройка на работу.

Работа с ожиданиями – 20 мин.

Целью работы с ожиданиями, выяснить чего ждут участники от работы в группе, и что каждый хочет получить в процессе тренинга.

Упражнение направлено на обучение методам нервно-мышечной релаксации – 1 ч.

Целью данного упражнения является обучение учащихся методам, помогающим снижать нервно-психическое напряжение, состояния стресса, тревоги.

Обсуждение использования методов нервно-мышечной релаксации – 30 мин.

Целью обсуждения является, выяснение оценки возможного применения данных методов участниками тренинга в ходе учебного процесса, будущей профессиональной деятельности, необходимости их использования для поддержания толерантных отношений в ходе общения.

Завершение дня. Дебрифинг – 30 мин.

Целью проведения дебрифинга является подведение итогов дня. Необходимо рассмотреть правильность понимание проделанных действий, устранить ошибки действий, дать возможность проявить свои чувства и отношения к происходящим событиям в группе, снять эмоциональное напряжение, подготовить участников к дальнейшей работе.

Седьмой день. Завершение тренинга.

Разогревающее упражнение – 20 мин.

Цель «разогреться», позитивная настройка на работу.

Упражнения на завершение тренинга - 1 ч.

Целью выполнения данных упражнений, является работа участников группы над оценкой тренинга, возможностью оценить качество проделанной ими работы и связать полученные ими знания и опыт с ситуациями реальной жизни.

Психодиагностика участников группы 1 ч.

Целью использования методов психодиагностики, является изучение изменения уровня коммуникативной толерантности за время участия в группе

Завершение дня. Дебрифинг – 30 мин.

Целью проведения дебрифинга является подведение итогов участия в тренинге. Необходимо рассмотреть правильность понимание проделанных действий, устранить ошибки действий, дать возможность проявить свои чувства и отношения к происходящим событиям в группе, снять эмоциональное напряжение, дать возможность участникам группы обменяться впечатлениями друг с другом.

Содержание тренинга включает в себя ряд специально подобранных упражнений, которые позволят развивать коммуникативные навыки и

изменить психологические установки, препятствующие формированию толерантного отношения в общении. Таким образом, в коррекционную программу входят упражнения, позволяющие актуализировать коммуникативную толерантность и изменить психологически установки препятствующие ей

Для проверки эффективности предложенного тренинга мы использовали анкету, направленную на изучение особенностей проявления толерантности и социально-психологического климата, разработанную на основе методических рекомендаций по «Оптимизации социально-психологического климата в служебных коллективах органов и учреждений уголовно-исполнительной системы», разработанных межрегиональной психологической лабораторией УФСИН России по Удмуртской Республике.

Исследование проводилось до и после проведения тренинговых программ. Полученные результаты свидетельствуют о том, что между показателями до тренинга и после имеются различия при оценке уровня толерантности и социально-психологического климата в коллективе.

В качестве участников данной экспериментальной программы выступили сотрудники 2-й группы, которая была разделена на две подгруппы. И в контрольную и в экспериментальную группу были отнесены по 4 сотрудника с низким уровнем личностной толерантности.

На заключительном этапе данной программы мы провели опрос участников тренинга о результатах. Большинство участников высказались, что поначалу им было очень трудно приходить на эти занятия, особенно после рабочей смены, однако на третье-четвертое занятие уже возникло желание, а у некоторых потребность поучаствовать, пообщаться, а многие восприняли эти занятия как методы релаксации после работы. Были высказаны пожелания о необходимости, хотя бы раз в квартал, такие занятии с ними проводить, а также и с их руководством.

Для получения объективных результатов по итогам предлагаемой психокоррекционной программы мы дважды провели анкетирование участников обоих групп. Второе обследование состоялось через шесть недель.

Сравнивая оценки личностных и профессиональных качеств сотрудников до и после эксперимента контрольной и экспериментальных групп можно сказать, что оценки стали более высокими в экспериментальной, и практически не изменились оценки в контрольной группе.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что проведенная психокоррекционная программа оказала существенное влияние на изменение уровня толерантности сотрудников экспериментальной групп, более того, и участники экспериментальной и контрольной групп заявили об улучшении социально-психологического климата в их коллективе.

По итогам проведенной программы мы можем утверждать, что регулярное применение данной программы или ее аналогов будет способствовать формированию высокого уровня личностной толерантности, что в свою очередь окажет благоприятное воздействие на социально-психологический климат в отделе безопасности ИУ.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения /Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[4] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[5] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[7] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[8] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[11] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[12] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[13] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[15] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[16] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С, 45-51.

[17] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[18] Рабочая книга пенитенциарного психолога: Пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 1997., С.161 – 208с.

References:

[1] Iskandarov R. R./Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev//Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[4] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[5] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[6] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[7] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[8] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[10] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[11] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. “Postgraduate Library” St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[12] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[13] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

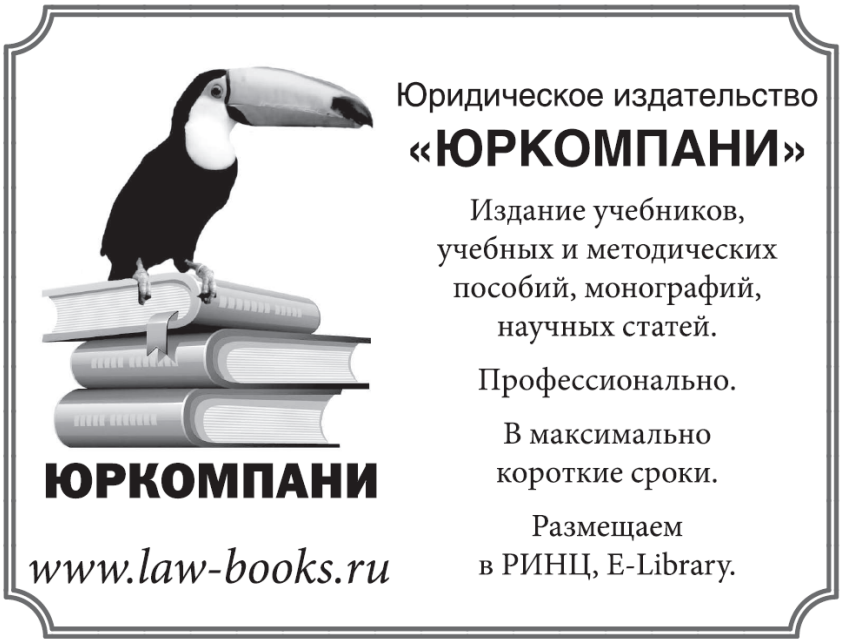
[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[15] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[16] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S, 45-51.

[17] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[18] Working book of the penitentiary psychologist: Manual. - M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997., S.161 - 208s

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-410-415
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор психологических наук, доцент,
г. Москва, Российская Федерации,
ORCID: 0000-0002-0045-6062,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ВИЛКОВА Алевтина Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника
ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
Военной академии РВСН имени Петра Великого,
г. Балашиха, Российская Федерация,
orcid.org/0000-0001-8441-3440,
e-mail: mavlad67@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОТРУДНИКОВ УИС, ЗАСТУПАЮЩИХ НА СЛУЖБУ С ОРУЖИЕМ

Аннотация*. В статье рассматривается вопрос работы психолога с сотрудниками, несущими службу с оружием; представлена методика и организация исследования эмоциональных состояний сотрудников УИС.*

Ключевые слова*: психолог, тестирование, методика, эмоциональное состояние, оружие.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Chief Researcher of the Research Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russian Federation

VILKOVA Alevtina Vladimirovna,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Deputy Head of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Moscow, Russian Federation, Senior Researcher
at the Research Center of the Peter the Great Strategic
Missile Forces Military Academy,
Balashikha, Russian Federation

EMOTIONAL STATES OF WIS EMPLOYEES ENTERING SERVICE WITH WEAPONS

Annotation*. The article considers the issue of a psychologist working with employees serving with weapons; the methodology and organization of research of emotional states of the penal system employees are presented.*

Key words*: psychologist, testing, technique, emotional state, weapons.*

Работу с сотрудниками УИС, несущими службу с оружием, психолог начинает с изучения их личных дел, в которых, его интересуют, прежде всего, сведения о социальном и семейном положении, о дате и месте рождения, об образовании, о его службе в УИС, в армии. Для психолога представляет ценность также информация о трудовом стаже, отношениях в коллективе, материальном положении, употреблении им алкогольных напитков.

Общий анализ личного дела позволяет представить картину жизни сотрудника, просле-

дить его жизненный путь, предположить манеру его поведения в экстремальной ситуации. На основе данных, полученных в результате изучения личного дела, психолог определяет ход предстоящей индивидуальной беседы, которая является важнейшим этапом составления психологического портрета.

В процессе беседы психолог уточняет сведения, полученные из личного дела. А именно, особенности эмоционального реагирования на новые, непредвиденные ситуации, сопровождало ли сотрудника когда-либо состояние депрессии, отчужденности, или, напротив, находился ли он в состоянии аффекта.

Одним из основных методов психологического обследования сотрудников, несущих службу с оружием является психологическое тестирование. Для выявления психологических особенностей личности обследуемого рекомендуется использовать следующие психодиагностические методики:

– Методика самооценка психического состояния по Айзенку;
– Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко;
– Методика Cettell 16 PF форма А;
– Методика оценка актуального психического состояния по Л.В. Куликову.

Для тестирования возможно использование не только указанных тестовых методик, но и других, прошедших апробацию в условиях ИК. В процессе тестирования психологу следует вести себя тактично, располагающе по отношению к обследуемому, использовать коммуникативные приемы для установления доверительных отношений, что благоприятствует получению достоверных ответов.

Составление психологического портрета должно проводиться на основе всех имеющихся сведений, результатов тестов, бесед, наблюдения, изучения личного дела и т.д. В том случае, если психологическое обследование выявляет сотрудников, не пригодных к службе с оружием, то целесообразно психологу совместно с начальником подразделения рассмотреть вопрос перевода сотрудника на должность, не предполагающую использование оружия.

В случае необходимости с лицами, у которых выявлены стрессовые состояния, признаки профдеформации, низкий уровень внимания и другие отклонения психологического состояния от нормы проводится психокоррекционная работа.

Наблюдение в процессе индивидуальной беседы является одним из основных психодиагностических средств. Поза, мимика, манера походки многое говорит опытному психологу об эмоциональном состоянии сотрудника, несущего службу с оружием. Эту информацию необходимо учитывать при составлении психологического портрета. Следует также учитывать, что нередко обследуемый, в силу определенных причин, дает неискренние ответы, затрудняющие определение адекватной психологической картины.

Мимика и жестикуляция при неискренности очень важны. Человек, который лжёт, обычно: не может усидеть на одном месте; теребит края своей одежды, стряхивает с неё пыль, снимает соринки (реальные и мнимые); потирает руки; трогает голову, поправляет волосы, касается различных частей лица – рта, глаз, ушей, носа; играет с каким-нибудь предметам (поправляет манжету рубашки, ремешок часов, перебирает листки, завязывает или перевязывает шнурки, что-то подкидывает, ловит, «крутит» ключи, спичечный коробок); не может сдержать появляющуюся дрожь в коленях; стремится спрятать своё тело, вывести его из Вашего поля зрения (облокачивается на шкаф, при этом практически прячась за ним, разваливается на стуле или в кресле, съезжая с него под стол и т.п.); покусывает ногти, губы, почёсывает разные части своего тела: головы, лица, шеи; оттягивает воротник рубашки и интенсивно трёт шею под ним; отводя взгляд вниз, сильно трёт один глаз; избегает взгляда собеседника или наоборот, постоянно смотрит в глаза, явно переигрывая; покачивает ногой; мимолётные изменения в выражении лица; несоответствие между словами и жестами (кивание головой при отрицательных ответах, покачивание головой при положительных ответах); тело повёрнуто в сторону от собеседника, голова опущена, втянут подбородок; брови хмурятся или поднимаются (учесть преобладание активности одного из полушарий головного мозга); руки держатся в области паха (бессознательная попытка защититься); руки прячутся, беспокойно движутся или указывают в сторону, невольно отвлекая внимание; ладони рук неосознанно скрываются; собеседник держится за какой-нибудь предмет (стул, стол) или облокачивается на него; периодически почёсывает или потирает нос, особенно в процессе разговора; улыбается чаще, чем требует ситуация; прикрывает рот рукой в процессе разговора, руки держит близко ко рту или горлу.

Эмоциональные состояния также можно определять по изменениям мимики лица. Это значимо для установления контакта, подстройки к общению, для оказания профилактического и коррекционного воздействия на личность. Диагностика эмоционального состояния помогает психологу установить, в каком ключе вести работу с сотрудником будь то тестирование, просто беседа, консультирование. От знания эмоционального состояния и того, насколько эффективна будет работа, которую намеревается вести

психолог, зависит выбор форм и методов работы с сотрудником в данный момент [1].

Если в ходе беседы ваш собеседник проявляет неуверенность, то дополнительными сигналами для Вас будут следующие: вопрошающий, ищущий взгляд, учащенное временами моргание, раздувающиеся ноздри, прерывистое дыхание, вялая, медленная походка с опущенной головой и сцепленными за спиной руками.

На состояние депрессии укажут такие сигналы тела, как общая заторможенность, тусклый безразличный взгляд, опущенные уголки рта, грустное выражение лица, медленная походка с опущенной головой, плечами и взглядом, сгорбленная осанка.

Предлагается таблица характеристик для наблюдения и оценки эмоциональных состояний сотрудников, несущих службу с оружием.

Внешние проявления эмоциональных состояний

Объект наблюдения	Эмоциональное состояние		
	Оптимальное	Перевозбуждение	Заторможенность
Рот, брови, общее выражение лица	Небольшие движения губами. Обычное выражение лица.	Губы сильно сжаты, челюстные мышцы напряжены, брови сдвинуты у переносицы. Озабоченное выражение лица.	Губы сжаты, углы рта опущены, брови сдвинуты у переносицы. Страдальческое выражение лица.
Глаза	Спокойный, внимательный взгляд	Горящие, беспокойные глаза, напряженный взгляд, частое моргание	Унылый, недовольный взгляд
Лицо	Обычный цвет	Значительное покраснение или побледнение кожи лица	Заметное покраснение и (или) появление пятен на лице
Движение рук	Легкое, едва заметное подрагивание	Ярко выраженное дрожание, увеличение амплитуды и скорости движений, понижение их точности. Суетливость	Вялые, пассивные движения, снижение их амплитуды, скорости и точности.
Дыхание	Заметное, ровное или учащенное	Учащенное, неглубокое	Замедленное, иногда с задержками при вдохе и выдохе
Интонация (темп, тембр, пауза и др.)	Обычные громкость и быстрота речи. Сохранение привычной эмоциональной выразительности	Более громкая и быстрая, чем обычно, речь. Усиление высоких тонов, интонации гнева. Нарушение синтаксического порядка слов в предложении. Внезапные остановки речи	Эмоционально невыразительная, более тихая и медленная, чем обычно, речь. Растягивание слов, переход на шепот. Появление пауз, интонации недовольства, подавленности
Особенности поведения	Увлеченность (выполнением задачи, разговором), активность	Плохой самоконтроль. Ярко выраженная бравада. Грубость, самоуверенность	Стремление к ограничению контактов. Апатия, сонливость, безразличие

Наиболее важным объектом для наблюдения в ходе делового общения выступает лицо партнера. Сигналы мимической выразительности могут быть вялыми, бедными, живыми, богатыми, маловыразительными, напряженными, спокойными и т. д.

Выражение лица - это отражение эмоций, которые «слышны лучше, чем речь».

Лицо можно разделить на следующие области:

1. Область лба (включая брови).

2. Средняя часть лица, то есть область глаз, носа и щек, верхняя губа.
3. Область рта (или нижней губы) и подбородка.

Огромное значение имеют глаза, или визуальный контакт, именно через них он получает более 80% информации. Глаза называют не только «окном в мир», но и «окном в душу», то есть во внутренние психические процессы. Последние, как известно, тесно связаны с мышлением и всем тем, что происходит в душе человека [2].

Широко раскрытые глаза – озабоченность, неожиданное удивление, сигнал внезапной радости и внезапного испуга, большого любопытства или беспомощности (растерянности). Полностью открытые глаза – высокая восприимчивость чувств, мечтательность, «сон с открытыми глазами», беспредельное доверие. Прикрытые («занавешенные») глаза – равнодушие, покорность, инертность и даже тупость, утомление, скука, иногда это сигналы высокомерия, чванства, высокого самомнения. Суженные или прищуренные глаза – пристальное наблюдение, напряженное внимание, а если это взгляд сбоку, то еще хитрость и коварство. В сочетании с другими признаками этот взгляд может свидетельствовать о чрезмерной критичности, черствости, недоброжелательности. Сверкание глазами – сигнал неуверенности, нервозности, нервной возбудимости. Сужение зрачка («глаз-бусинка») – злоба, агрессия, а иногда при сочетании с другими признаками – расслабление, покой, релаксация. Расширение зрачка – проявление интереса. «Стеклянные» глаза – уход в свои мысли, ассоциации. «Погасшие» глаза – огорчение, расстройство.

Взгляд, направленный «сквозь» партнера, демонстрация подчеркнутого неуважения, возможной агрессивной реакции. Взгляд, направленный мимо партнера, эгоцентризм, нацеленность на себя. Взгляд сбоку – выражает скепсис, цинизм, недоверие, озабоченность. Взгляд снизу (исподлобья) – агрессивность, доходящая до готовности к нападению или защите; при наклонной голове и напряженной и согнутой спине – подчиненность, покорность, услужливость. Твердый взгляд – уверенность в себе, жесткий – скрытность, агрессивность, иногда бесцеремонность, недоверие.

Зачастую избегают контакта глаз люди застенчивые, стеснительные, однако после адаптации они способны легко осваиваться в ситуации. Вместе с тем, не следует забывать, что для сотрудника УИС при работе со спецконтингентом застенчивость противопоказана.

Под позой следует понимать не только положение, которое принимает человек, но и движения, которые изменяют это положение или влияют на него, как, например, перемещение центра тяжести при покачивании вперед-назад, с носка на пятку и пр.

Поза «Стоя на обеих ногах с равномерно распределенным весом». Так стоит человек на шатком основании, когда бывает сложно сохранить равновесие. Такую позу он занимает тогда, когда в опасности оказывается его душевное (психическое) равновесие или когда он отстаивает свою точку зрения. При этом угроза может как исходить извне, так и испытываться внутренне (например, комплекс неполноценности).

Поза «переминаясь с ноги на ногу». Причиной переступания с ноги на ногу, как правило, является психическая подвижность. Если эта поза выполняется без напряжения и отставленная нога слегка согнута, то это означает свободное и открытое обращение к внешнему миру, если с напряжением, то человек волнуется, переживает, ожидает.

Стоять покачиваясь. Занимая такую позу, человек либо готовится к активному движению (шагу) вперед, либо возвеличивает себя, стараясь как бы увеличить свой размер, что говорит о некоторой заносчивости. Эту позицию можно отнести к угрожающей, ибо «увеличивающийся в размерах» человек хочет продемонстрировать силу и власть, чтобы затем запугать того, кто остался как бы в «уменьшенном» виде.

Когда верхняя часть туловища поворачивается в сторону от партнера, то это свидетельствует о незаинтересованности, желании уйти и прекратить общение. Если поведение человека нельзя трактовать однозначно, то это говорит о том, что он испытывает противоречивые чувства.

Передвижение человека зависит от того, к какой цели и как быстро он стремится. Брести (плестись), слоняться – вид медленной ходьбы, когда не преследуется какая-либо определенная цель. Тащиться (идти медленно, с трудом) – при таком способе передвижения нежелание двигаться проявляется наиболее отчетливо. Мчаться, нестись – человек хочет как можно быстрее достичь своей цели. Бег – человек ступает исключительно на носки и сразу же отталкивается. Такой спринт имеет целью быстрейшее достижение желаемого. При этом он может передвигаться очень тихо, чтобы к кому-то подкрасться, а быстро перейдя на бег – кого-то догнать.

К важнейшим факторам, воздействующим на ходьбу человека, следует отнести: темп, длину (размер) шага, степень напряженности; положение верхней части туловища и головы, сопроводительные движения рук, положение носков ноги, такт и ритм. Прерывистая и спотыкающаяся походка – показатель того, что человек испытывает внутреннюю раздвоенность, неуверенность,

скованность и робость. Волочащаяся, медленная походка может говорить или о плохом настроении или об отсутствии заинтересованности. Люди с такой походкой, как правило, незрелы, «ершисты», не обладают достаточной самодисциплиной.

Если все тело раскачивается в ритме ходьбы, то такая походка производит впечатление возбуждения, раздраженности.

Положение «сидя» как функциональное проявление. Верхняя часть туловища расположена прямо или слегка наклонена вперед. Наклоненная вперед или прямая верхняя часть туловища говорит о дефиците доверия к внешнему миру, человек будто бы ждет того, что его сейчас выгонят. Если при этом ноги как бы заведены слегка под сиденье, то это свойственно уверенным людям, которые чувствуют приближение опасности. Эта поза служит своего рода прелюдией при вставании по окончании беседы, консультации, переговоров. Скрещенные или прижатые друг к другу ноги. Такая посадка на стуле свидетельствует или о педантичной корректности или о беспомощности подчиненного. Ноги, закинутые одна на другую. В зависимости от того, как высоко закинута нога, ее можно рассматривать как своеобразный барьер, желание отгородиться от чего-либо. Ноги, скрещенные в области колен.

Из-за сомкнутых бедер эта поза «сидя» интерпретируется как скованность, желание избежать контакта и замкнутость.

Движения при позе «сидя»

В коммуникации несут большую информацию не только верхние и нижние части ног, но также руки и кисти сидящего (и стоящего) человека.

В практике общения считается, что тот, кто держит руки и кисти под столом, либо не готов к разговору, либо боится выдать охватившие его чувства неуверенности, нервозности или чего-либо в подобном роде. Это происходит и тогда, когда собеседник опасается ворваться в сферу «владений» того, с кем он контактирует.

С помощью мимики, поз и жестов выражаются душевная энергия человека, движения, симптомы (например, побледнение или покраснение кожных покровов, тремор пальцев) – волнение, страх, попытка обмануть и др. Тот, кто хочет понимать этот язык, должен прежде всего изучить различные средства выражения и уметь их корректно и адекватно интерпретировать.

В реальной практике коммуникации опасность заключается в том, что многие, считающие себя хорошими психологами, делают необоснованные обобщения на основании одного лишь восприятия. Например, один из партнеров во время общения почесал свой нос, а заметивший это другой партнер делает далеко идущий вывод: он врет [3]. На самом деле у партнера действительно чешется нос. Поэтому, только связывая слова и жесты, физиологические сигналы и поведение человека, можно понять то, что им не осознаваемо, его истинные намерения и чувства.

Список литературы:

[1] Коненкова Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М.: изд-во МГУ, 1979.

[2] Гузеев М. С. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[3] Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена. ИВЭСЭП, 1998. 232 с.

[4] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[6] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[9] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[10] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[11] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практ тическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

References:

[1] Konenkova Emotional disorders in childhood and their correction. M.: Publishing House of Moscow State University, 1979.

[2] Guzeev M.S. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[3] Kabakchi V.V. Fundamentals of English-language intercultural communication. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. IVESEP, 1998. 232 s.

[4] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[5] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[6] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

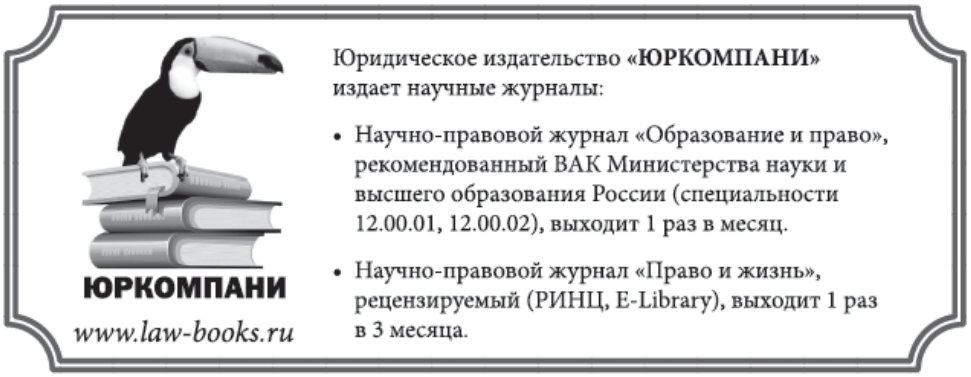
[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[9] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[10] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[11] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-416-420

ИСАЕВА Елена Дмитриевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: isaevaelena190373@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье исследуется процесс глубинной трансформации методики расследования преступлений под влиянием цифровизации и интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ). Актуальность темы обусловлена качественным изменением как самого преступного поведения (цифровизация способов совершения преступлений), так и инструментов правоохранительной деятельности. В работе анализируется смена парадигмы с реактивной на проактивную, обосновывается появление новых объектов криминалистического исследования и внедрение интеллектуальных систем анализа данных. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования, этическим вызовам и необходимости трансформации профессиональной подготовки следователей. Автор приходит к выводу, что формируется новый этап развития криминалистики — цифровая криминалистика, требующая синтеза процессуальных гарантий и технологических инноваций.*

Ключевые слова: *цифровизация, искусственный интеллект, методика расследования, цифровые следы, криминалистическая кибернетика, большие данные, допустимость доказательств.*

ISAEVA Elena Dmitrievna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminal Law Disciplines at the Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

TRANSFORMATION OF INVESTIGATION ACTIVITIES UNDER THE IMPACT OF DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: OPPORTUNITIES, RISKS, AND LEGAL PROSPECTS

Annotation. *This article examines the profound transformation of crime investigation methods under the influence of digitalization and the integration of artificial intelligence (AI) technologies. The relevance of this topic stems from the qualitative change in both criminal behavior (the digitalization of crime methods) and law enforcement tools. The paper analyzes the paradigm shift from reactive to proactive, substantiates the emergence of new forensic investigation objects, and the implementation of intelligent data analysis systems. Particular attention is paid to legal regulation issues, ethical challenges, and the need to transform the professional training of investigators. The author concludes that a new stage in the development of forensic science is emerging—digital forensics, which requires a synthesis of procedural safeguards and technological innovations.*

Key words: *digitalization, artificial intelligence, investigative methodology, digital traces, forensic cybernetics, big data, admissibility of evidence.*

Современный этап развития общественных отношений характеризуется беспрецедентными темпами цифровой трансформации, охватившей все сферы общественной жизни, включая правоприменительную практику. Преступность не стоит на месте: киберпреступления, использование криптовалют, даркнет и технологии социальной инженерии требуют от следователей принципиально новых подходов к сбору и фиксации доказательств.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства является объективной реальностью современного этапа развития права. Если ранее информационные технологии использовались преимущественно как средства фиксации (фотоаппараты, диктофоны), то сегодня речь идет о внедрении когнитивных технологий, способных анализировать информацию и предлагать готовые решения. Искусственный интеллект перестает быть футуристической концепцией и начинает интегрироваться в рутинную работу правоохранительных органов.

В этих условиях искусственный интеллект и цифровые технологии становятся не просто вспомогательными инструментами, а стратегическим ресурсом, определяющим эффективность следствия.

По данным Генпрокуратуры РФ за 2025 год массив преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, сократился на 11,8% (по сравнению с 2024 годом), до 675,4 тысяч. Их раскрываемость улучшилась - количество нераскрытых деяний снизилось на 13,5%, до 494,3 тысяч. IT-преступления составляют 38% в общей структуре преступности. Половину всех IT-преступлений составляют кибермошенничества - 350 тысяч. При этом число мошенничеств в России сократилось в 2025 году на 7,6%, из них около 85% приходится на кибермошенничества [7].

Это создает качественно новые вызовы для правоохранительной системы. Традиционные криминалистические методики, сформированные в эпоху доминирования материальных и идеальных следов, сталкиваются с ограничениями при работе с гигантскими массивами неструктурированных данных (Big Data), киберпространством и распределенными реестрами.

Цифровая трансформация затрагивает не только объект познания (преступность), но и сам инструментарий следователя. Современная криминалистика переживает революцию благодаря внедрению искусственного интеллекта и систем автоматизированного анализа, что значительно повышает эффективность раскрытия и расследования преступлений. Происходит фундаментальный сдвиг от традиционных, описательных подходов к кибернетической криминалистике, опирающейся на математизацию и автоматизацию работы с информацией. Этот процесс сопряжен с неизбежными противоречиями, возникающими на стыке передовых технологий, существующих правовых норм и этических принципов.

Криминальный мир претерпевает кардинальные изменения, что ставит перед нами задачу переосмысления фундаментальных основ криминалистического анализа. Во-первых, достаточное количество преступлений совершается в интернете и с помощью новых технологий. Преступники используют искусственный интеллект, чтобы создавать поддельные видео (дипфейки), автоматически рассылать мошеннические письма (фишинг) и взламывать системы защиты. Во-вторых, цифровизация проникает в «традиционные» составы преступлений (кражи, мошенничества, коррупционные деяния), придавая им гибридный характер.

Ключевым понятием современной криминалистики становится «цифровой след». В отличие от традиционных материальных следов, цифровые следы обладают специфическими свойствами: они легко тиражируемы, подвержены модификации, могут существовать как на физическом носителе, так и в «облачной» среде, и часто имеют трансграничную природу. Дискуссионным остается вопрос классификации: являются ли цифровые следы разновидностью материальных или представляют собой самостоятельный, третий вид следов (наряду с материальными и идеальными). Их двойственная природа (физический носитель + виртуальное содержание) требует разработки новых процессуальных и тактических подходов к их собиранию, фиксации и исследованию.

Электронные данные могут быть подвергнуты изменениям или уничтожены, что может вызвать сомнения в их достоверности и юридической значимости. Для использования данных с цифровых носителей в суде необходимо соблюдать стандарты цифровой криминалистики, гарантирующие подлинность и целостность информации. Важно, чтобы процесс был стандартизирован, и специалисты имели высокую квалификацию [2].

Кроме того, объектами криминалистического исследования все чаще становятся не только данные на конкретных устройствах, но и большие данные — массивы информации от операторов сотовой связи, провайдеров интернет-услуг, датчиков интернета вещей (IoT) и систем видеонаблюдения. Обработка таких массивов вручную становится физически невозможной, что создает объективную потребность в автоматизации.

Под влиянием цифровых технологий также происходит фундаментальная трансформация

всей парадигмы расследования. Традиционная модель, основанная на реакции на уже совершенное преступление (реактивная модель), уступает место проактивному подходу. Этот подход включает в себя элементы прогнозирования преступлений, раннего выявления криминальных угроз и автоматизированного горизонтного сканирования для обнаружения новых способов совершения преступлений.

Значимым компонентом процесса доминирования информационно-коммуникационных технологий в обществе становится мышление самих членов общества. Возникает вопрос, является ли сложившаяся в криминалистике ситуация кризисом познания или это лишь необходимость адаптации к изменению объективной реальности [1, С. 45].

Ключевым драйвером этих изменений выступает интеграция инструментов искусственного интеллекта в деятельность следственных и оперативных подразделений. Анализ зарубежного опыта, в частности результатов европейского проекта ROXANNE, демонстрирует создание платформ (Autocrime), способных в автоматическом режиме анализировать перехваченные телефонные переговоры, текстовые сообщения и видеоданные (включая распознавание речи и идентификацию дикторов на нескольких языках), извлекать из них значимую информацию (имена, локации, даты) и строить графы связей преступных сетей.

Использование таких систем позволяет сократить долю рутинной работы по первичному анализу данных с 50–80% до существенно более низких показателей, высвобождая время следователей для содержательной аналитики и принятия стратегических решений.

Процесс автоматизации охватывает все стадии расследования. Например, сбор информации с применением дронов для осмотра места происшествия, использование технологий 3D-моделирования и фотограмметрии для создания неразрушающих и максимально точных виртуальных копий обстановки.

На базе искусственного интеллекта (ИИ) используются системы для обработки и анализа видеоизображений (распознавание лиц, номерных знаков, выявление подозрительного поведения), обработки текстов (анализ переписки в мессенджерах и социальных сетях) и структурирования больших данных.

Для организации более эффективного расследования необходимо внедрять автоматизированные информационные системы, интегрирующие базы данных различных ведомств и обеспечивающие электронное взаимодействие между следователями, экспертами и судами (по информации на декабрь 2025 года МВД России и его территориальные подразделения на региональном уровне имеют возможность отправлять документы в систему ГосЭДО — государственную платформу для обмена электронными документами между организациями и ведомствами, она дополняет обмен сведениями через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и открывает путь к переводу документооборота с организациями из бумажного в электронный формат; сервис «Сфера Госзапросы» позволяет получать запросы от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности (МВД, ФСБ, Следственный комитет), в режиме онлайн и направлять актуальные сведения в ответ на них без участия сотрудников организации).

Принципиальное значение для раскрытия и расследования преступлений имеет информация, содержащаяся в системах обеспечения безопасности дорожного движения «Поток»; аппаратно-программном комплексе «Безопасный город» [4]; данные, регистрируемые в автоматическом режиме по сетям мобильной связи, а также в системах позиционирования ГЛОНАСС, GPS, «Android» и «AppleIOS» [6, С. 145].

Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин отметил, что для раскрытия IT-преступлений следователи задействуют различные технологические инструменты. В частности, используется программное обеспечение Росфинмониторинга, которое позволяет отслеживать операции с криптовалютами. Кроме того, налажено взаимодействие с крупнейшими российскими IT-компаниями для решения сложных технических задач, возникающих в ходе расследований [4].

Внедрение искусственного интеллекта в расследование преступлений порождает также и сложнейший комплекс правовых проблем — от трудностей правового регулирования до обеспечения допустимости доказательств. Центральное место занимает противоречие между динамикой технологического развития и статичностью уголовно-процессуального законодательства. Применение «умных» алгоритмов в доказывании сталкивается с требованием законности, которое подразумевает ясность, проверяемость и воспроизводимость процедур.

Ключевым вызовом внедрения цифровизации и технологий искусственного интеллекта в судопроизводство является проблема «черного ящика» (black box) — непрозрачности процессов принятия решений многими моделями машинного обучения, особенно глубокими нейросетями, то есть видна только взаимосвязь между входными и выходными данными, а все этапы обработки информации, принимаемые решения и вычисления происходят внутри системы незаметно, их

нельзя проверить напрямую или объяснить простым способом. Таким образом, если следователь, прокурор или суд не могут понять, на каком основании алгоритм выдал ту или иную информацию (например, указал на конкретное лицо как на вероятного преступника), использование такой информации в качестве доказательства становится проблематичным. Это требует разработки механизмов «объяснимого ИИ» (Explainable AI — XAI) - создание систем и моделей, способных объяснять свои действия и принимать решения понятным для людей образом. В центре внимания — логика рассуждений, лежащая в основе решений и предсказаний систем ИИ, адаптированных для нужд уголовного судопроизводства.

Китайские исследователи предлагают для решения этой проблемы концепцию «тройственных правил»: сбор — использование — проверка. Данная модель подразумевает:

– внедрение систем иерархической авторизации доступа к данным — иерархическая авторизация предотвращает утечки и нецелевое использование данных на этапе сбора;
– создание механизмов состязательной проверки результатов работы алгоритмов (по принципу «ИИ против ИИ» или независимый аудит) — состязательная проверка выявляет баги и логические провалы в процессе использования;
– введение института технических заседателей или экспертов, способных дать квалифицированную оценку корректности применения ИИ-технологий — технические заседатели обеспечивают человеческий контроль на этапе проверки, переводя сложные технические решения на язык права и этики.

Отдельную группу составляют вопросы защиты персональных данных и приватности. Сбор и анализ огромных массивов данных о законопослушных гражданах в рамках профилактики преступлений создает риски тотального контроля и нарушения фундаментальных прав человека. Принцип пропорциональности (необходимость и соразмерность ограничения прав) должен стать краеугольным камнем правового регулирования.

Наконец, существует риск алгоритмической предвзятости (algorithmic bias). Проблема заключается в том, что данные, на которых обучаются системы искусственного интеллекта, могут отражать существующие в обществе предубеждения. Это может привести к тому, что ИИ будет принимать дискриминационные решения. Яркий пример – когда усиленное патрулирование в районах с определенным этническим составом происходит не из-за реального роста преступности, а из-за того, что в данных присутствуют статистические искажения, которые модель интерпретирует как сигнал к действию. Такое явление происходит, когда модель машинного обучения систематически выдает предвзятые результаты, касающиеся, например, определенных демографических групп или типичных ситуаций.

Важно также учитывать этические аспекты и то, как это повлияет на профессиональные навыки. Внедрение ИИ в криминалистику ставит перед нами не только юридические, но и глубокие моральные вопросы. Особую сложность представляет определение того, кто несет ответственность за ошибки, совершенные на основе рекомендаций ИИ. Если следователь, следуя указаниям алгоритма, нарушает права человека, возникает вопрос: кто должен отвечать – создатель программы, сотрудник, который ею воспользовался, или руководитель, который разрешил ее применение? Действующее законодательство пока не дает четкого ответа.

Кроме того, меняется сама профессиональная культура следователя. Современный сотрудник правоохранительных органов должен обладать компетенциями, выходящими далеко за рамки традиционного юридического образования. Необходим синтез юридических знаний и понимания основ информационных технологий, принципов работы нейросетей и методов анализа данных.

Система подготовки кадров стоит перед необходимостью кардинального обновления. Требуется внедрение междисциплинарных образовательных программ, формирующих специалистов «цифрового профиля», способных не только нажимать кнопки в программном обеспечении, но и критически оценивать качество исходных данных и корректность работы алгоритмов. Необходимо изменение образовательных стандартов для юристов и следователей, включение в программу обучения дисциплин по цифровой грамотности, кибербезопасности и работе с аналитическими системами на базе ИИ. Речь идет о воспитании «цифрового юриста», который понимает как догму права, так и математическую статистику.

Кроме вышеперечисленного, необходима разработка этического кодекса использования ИИ в правоохранительной деятельности, который закрепит принцип, что окончательное решение о мере пресечения, квалификации деяния и виновности остается прерогативой человека (следователя, прокурора, судьи).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровизация и внедрение искусственного интеллекта знаменуют собой начало нового этапа в развитии криминалистики. Трансформация методики расследования преступлений носит системный характер, затрагивая все элементы

криминалистической науки: от ее теоретических основ (учение о следах, криминалистическая характеристика) до прикладных аспектов (тактика отдельных действий, методика расследования конкретных видов преступлений).

Ключевыми векторами этой трансформации на сегодняшний день выступают:

– смена объекта познания - расширение понятия следа, признание цифровых и гибридных следов полноценными источниками информации;
– автоматизация процессов, т.е. переход от ручной обработки информации к человеко-машинным процедурам сбора и анализа больших объемов данных;
– инициирование действий, предвидение проблем и возможностей, а также дополнение реактивной модели элементами прогнозирования и раннего выявления угроз;
– технологизация доказывания — необходимость процессуального осмысления результатов работы «черных ящиков» и обеспечения их проверяемости.

Успешность дальнейшего развития криминалистики в цифровую эпоху будет зависеть от решения триединой задачи: совершенствования правовой базы (обеспечение баланса между эффективностью и правами человека), разработки стандартизированных и валидированных технологических решений, а также подготовки нового поколения юридических кадров, в том числе и в следственных подразделениях правоохранительных органов, владеющих компетенциями на стыке права и высоких технологий. Только в этом случае технологии искусственного интеллекта станут надежным союзником правосудия, а не источником неконтролируемых рисков.

Список литературы:

[1] Абаканова В.А. Современное развитие криминалистики: цифровое измерение // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. - 2025. № 3 (59). С. 40-51.

[2] Байчорова А.Т. Современные технологии в криминалистике: цифровая криминалистика и искусственный интеллект в расследованиях // Молодой ученый. - 2025. № 14 (565). С. 247-248.

[3] Бастрыкин А.И. Цифровые технологии современной криминалистики // Вестник московской академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2021. № 2 (28). С. 11-17.

[4] Бастрыкин А.И. О цифровых технологиях в работе Следственного комитета РФ // https://www.gazeta.ru (15.01.2026).

[5] Жамова В.А. Интеграция цифровых технологий в традиционные криминалистические методы // Молодой ученый. - 2025. № 49 (600). С. 305-310.

[6] Калюжный А.Н. Векторы реализации потенциала информационных технологий в деятельности оперативных и следственных подразделений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2025. № 2 (113). С. 140-149.

[7] Число IT-преступлений в России в 2025 году сократилось до 675 тысяч (по данным Генпрокуратуры РФ) // https://tass.ru (09.02.2026).

References:

[1] Abakanova V.A. Modern development of forensic science: digital dimension//Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. - 2025. № 3 (59). S. 40-51.

[2] Baichorova A.T. Modern technologies in forensics: digital forensics and artificial intelligence in investigations//Young scientist. - 2025. № 14 (565). S. 247-248.

[3] Bastrykin A.I. Digital technologies of modern forensics//Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. - 2021. № 2 (28). S. 11-17.

[4] Bastrykin A.I. On digital technologies in the work of the Investigative Committee of the Russian Federation// https://www.gazeta.ru (15.01.2026).

[5] Zhamova V.A. Integration of digital technologies into traditional forensic methods//Young scientist. - 2025. № 49 (600). S. 305-310.

[6] Kalyuzhny A.N. Vectors for realizing the potential of information technologies in the activities of operational and investigative units//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2025. № 2 (113). S. 140-149.

[7] The number of IT crimes in Russia in 2025 decreased to 675 thousand (according to the Prosecutor General's Office of the Russian Federation) // https://tass.ru (09.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-421-423

СОБОЛЕВ Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент
старший научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID: 0000-0001-6101-7437,
e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПЕРВОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ОПЫТА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье представлен социально-психологический анализ влияния первичного опыта отбывания наказания на процесс формирования криминальной идентичности у несовершеннолетних осуждённых. Обращение к данной проблеме продиктовано устойчивым характером рецидивной преступности среди лиц, впервые осуждённых в несовершеннолетнем возрасте, а также недостаточным уровнем разработанности целостных моделей профилактики деструктивной идентификации. В статье приведено описание базовых социально-психологических механизмов, опосредующих формирование криминальной идентичности в условиях пенитенциарной изоляции.*

Ключевые слова: *криминальная идентичность; несовершеннолетние осужденные; первый пенитенциарный опыт; социально-психологические механизмы; уголовно-исполнительная система.*

SOBOLEV Nicholai Gourgenovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
senior researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

FORMATION OF CRIMINAL IDENTITY IN JUVENILE OFFENDERS UNDER THE INFLUENCE OF FIRST PENITENTIARY EXPERIENCE: A SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. *This paper provides a socio-psychological analysis of how first-time incarceration experience affects the formation of criminal identity among juvenile convicts. The study is motivated by the persistently high recidivism rates among individuals initially convicted during adolescence, alongside the lack of comprehensive preventive frameworks addressing destructive identity formation. The article outlines the core socio-psychological mechanisms mediating the development of criminal identity within the context of penitentiary isolation.*

Key words: *criminal identity; juvenile convicts; first penitentiary experience; socio-psychological mechanisms; penal system.*

Проблематика рецидивной преступности среди несовершеннолетних, впервые осуждённых в возрасте 14–17 лет, занимает важное место в современной пенитенциарной науке. Данный возрастной интервал традиционно рассматривается как сензитивный этап личностного развития, в связи с чем пребывание в местах лишения свободы в данный период может оказывать глубокое влияние на процесс личностного становления. В связи с этим возникает необходимость в комплексном анализе социально-психологических факторов, определяющих связь между первым пенитенциарным опытом и последующим противоправным поведением. Углублённое исследование данных механизмов выступает основой для совершенствования педагогических подходов к профилактике рецидива и организации постпенитенциарного сопровождения.

Под первым пенитенциарным опытом в настоящей статье понимается первичное отбыва-

ние наказания в исправительном учреждении. Если рассматривать этот опыт с позиции несовершеннолетнего возраста, то содержательная специфика данного опыта обусловлена его хронологическим совпадением с этапами активного личностного развития, ценностно-нормативной ориентации и социальной самоидентификации, что принципиально отличает его от пенитенциарного воздействия на взрослых. В предыдущем исследовании нами было установлено, что в качестве ключевого криминогенного фактора выступает не изоляция как таковая, а именно её наложение на сензитивный период возрастного развития [1].

В контексте предупреждения девиантного поведения особого внимания заслуживает феномен криминальной идентификации, запускаемый у несовершеннолетних с момента помещения в учреждения уголовно-исполнительной системы. С педагогической и психологической точек зрения, данный процесс является следствием действия защитных механизмов адаптации к стрессогенной среде изоляции [2]. В целях профилактики крайне важно учитывать, что на этом этапе формируется устойчивая модель поведения: несовершеннолетний бессознательно принимает нормы и ценности криминальной среды, что в дальнейшем начинает определять структуру его самосознания, круг общения и систему личностных смыслов.

Серьезным профилактическим вызовом выступает и неформальная иерархия, объективно существующая в исправительных учреждениях. Включение подростка в жесткую статусную структуру закрепляет его в рамках криминальной субкультуры, существенно затрудняя возможность формирования социально одобряемой (просоциальной) идентичности. С точки зрения возрастной психологии, критическим периодом являются первые дни пребывания в учреждении, когда на фоне острого адаптационного кризиса и возрастной несформированности критического мышления риск деструктивной идентификации максимален. Следовательно, профилактическая работа должна начинаться незамедлительно, уже на этапе первичного приема, чтобы блокировать необратимые изменения в ценностно-мотивационной сфере.

Не менее значимым аспектом профилактики является предупреждение разрыва социальных связей. Изоляция в сензитивный для развития личности период может привести к болезненному отчуждению от семьи, школы и референтных групп. Это блокирует конструктивные каналы социализации, замещая их влиянием среды осужденных, значительная часть которых обладает стойкой криминальной зараженностью. Исследования подтверждают, что в подобных условиях позитивные образцы законопослушного поведения либо девальвируются, либо вовсе теряют для подростка личностную значимость [3]. В этой связи ключевой профилактической задачей выступает искусственное культивирование и педагогическое насыщение среды положительными примерами для подражания, а также поддержание устойчивой обратной связи с институтами семьи и образования.

Наконец, следует рассматривать сам факт пребывания в местах лишения свободы в несовершеннолетнем возрасте как мощный психотравмирующий фактор. Условия пенитенциарной изоляции не только обостряют имеющиеся эмоциональные нарушения, но и способны инициировать развитие посттравматического стрессового расстройства. Следствием этого выступают кумулятивные негативные эффекты: рост озлобленности, тотальное недоверие к социуму и глубокая деформация эмоционально-волевой сферы [4]. Профилактическая стратегия в данном случае требует обязательного включения психокоррекционных и психотерапевтических компонентов, направленных на снижение травматизации и формирование стрессоустойчивости, дабы предотвратить переход временных адаптационных трудностей в стойкие личностные патологии.

Важно подчеркнуть, что травматическое воздействие пенитенциарной среды имеет комплексный характер. Оно включает в себя: а) травму принудительной изоляции (разрыв с привычным окружением, утрата автономии и личного пространства); б) травму угрозы насилия; в) травму унижения (утрата прежнего социального статуса, принудительное подчинение неформальным правилам криминальной субкультуры); г) травму неопределенности (отсутствие ясных перспектив, незнание точного срока освобождения для части осужденных, нестабильность межличностных отношений в среде осужденных).

Параллельно с этим происходит интенсивный обмен криминальным опытом. Совместное отбывание наказания осужденными, специализирующимися в определенных видах преступной деятельности, создает условия для углубления специализированного криминального знания, обмена опытом и формирования устойчивых криминальных связей [5].

Проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что первый пенитенциарный опыт, приобретаемый несовершеннолетним в возрасте, выступает системообразующим фактором формирования устойчивой криминальной идентичности. Выявленные социально-психологические механизмы – адаптационная идентификация с криминальной средой, включение в

неформальную иерархию, блокировка просоциальных каналов социализации, а также комплексное травматическое воздействие изоляции – действуют комплексно, взаимно усиливая деструктивные личностные изменения.

Особую значимость в профилактическом отношении приобретает тот факт, что ключевые криминогенные процессы запускаются уже в первые дни пребывания в учреждении, когда адаптационный кризис сочетается с возрастной несформированностью критического мышления. Это обусловливает необходимость незамедлительного психолого-педагогического вмешательства на этапе первичного приёма. Перспективы дальнейших исследований связываются с разработкой и апробацией дифференцированных психокоррекционных программ, учитывающих индивидуальные особенности несовершеннолетних с различным сроком наказания, а также совершенствование межведомственной системы постпенитенциарного сопровождения.

Список литературы:

[1] Москвитина М. М., Кряжева С.Г. Анализ актуального состояния повторной преступности среди осужденных, ранее отбывавших наказание в несовершеннолетнем возрасте // Вопросы ювенальной юстиции. – 2022. – № 1. – С. 24–29.

[2] Степанова М. Я. Противодействие рецидивной преступности среди несовершеннолетних // Ростовский научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 135–144.

[3] Bollich-Ziegler K.L., et al. Do correctional facilities correct our youth? Effects of incarceration and court-ordered community service on personality development // Journal of Personality and Social Psychology. – 2021. – Vol. 121, № 4. – P. 894–913.

[4] Baetz C.L., Surko M., Bart A. et al. The Risk for Readmission to Juvenile Detention: The Role of Trauma Exposure and Trauma-related Mental Health Disorders // Journal of Child & Adolescent Trauma. – 2024. – Vol. 17, № 2. – P. 527–539.

[5] Damm A.P., Gorinas C. Prison as a criminal school: Peer effects and criminal learning behind bars // Journal of Law and Economics. – 2020. – Vol. 63, № 1. – P. 149–180.

References:

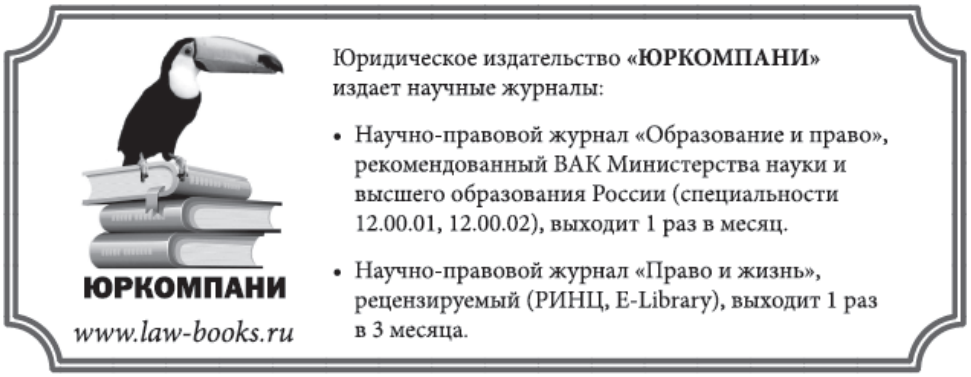
[1] Moskvitina M. M., Kryazheva S. G. Analysis of the current state of repeat offenses among convicts who previously served a sentence as minors // Issues of Juvenile Justice. - 2022. - No. 1. - Pp. 24-29.

[2] Stepanova M. Ya. Combating recidivism among minors // Rostov Scientific Journal. - 2017. - No. 3. - Pp. 135-144.

[3] Bollich-Ziegler K. L., et al. Do correctional facilities correct our youth? Effects of incarceration and court-ordered community service on personality development // Journal of Personality and Social Psychology. - 2021. - Vol. 121, No. 4. - Pp. 894-913.

[4] Baetz C.L., Surko M., Bart A. et al. The Risk for Readmission to Juvenile Detention: The Role of Trauma Exposure and Trauma-related Mental Health Disorders // Journal of Child & Adolescent Trauma. – 2024. – Vol. 17, No. 2. – P. 527–539.

[5] Damm A.P., Gorinas C. Prison as a criminal school: Peer effects and criminal learning behind bars // Journal of Law and Economics. – 2020. – Vol. 63, No. 1. – P. 149–180.

- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-424-430
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС,
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,
e-mail: oparide@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ С УЧАСТИЕМ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы безопасности при дорожно-транспортных происшествиях с участием электромобилей. Рост количества транспортных средств с литий-ионными аккумуляторными батареями приводит к появлению новых рисков для водителей, пассажиров, очевидцев и сотрудников экстренных служб. Особое внимание уделяется угрозам, связанным с высоковольтными системами, термическим разгоном аккумуляторов, токсичными продуктами горения, а также сложностями проведения аварийно-спасательных работ.*

Ключевые слова: *электромобиль, дорожно-транспортное происшествие, литий-ионная батарея, термический разгон, высоковольтная система, аварийно-спасательные работы, пожарная безопасность.*

OPARIN Dmitry Evgenievich,
Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety,
Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

SAFETY FEATURES IN ROAD ACCIDENTS INVOLVING ELECTRIC VEHICLES

Annotation. *The article discusses current safety issues in road accidents involving electric vehicles. The growing number of vehicles with lithium-ion batteries is leading to new risks for drivers, passengers, bystanders, and emergency personnel. Special attention is paid to the threats associated with high-voltage systems, thermal overclocking of batteries, toxic combustion products, as well as the difficulties of emergency rescue operations.*

Key words: *electric vehicle, traffic accident, lithium-ion battery, thermal acceleration, high-voltage system, emergency rescue, fire safety.*

В последние годы автомобильная отрасль переживает существенную технологическую трансформацию, связанную с активным развитием электрического транспорта. Электромобили постепенно становятся не только элементом экологической политики и инновационной экономики, но и полноценной частью повседневной транспортной системы. Их распространение обусловлено стремлением снизить выбросы загрязняющих веществ, уменьшить зависимость от традиционных видов топлива и повысить энергоэффективность городского транспорта. Вместе с тем, увеличение числа электромобилей на дорогах формирует новые вызовы в сфере безопасности дорожного движения. Если при авариях с автомобилями, оснащенными двигателями внутреннего сгорания, основные риски традиционно связаны с утечкой топлива, механическими повреждениями, возгоранием горючих жидкостей и травмированием людей, то электромобили имеют иной набор потенциальных опасностей. Наиболее значимыми из них являются повреждение высоковольтной системы, нарушение целостности тяговой аккумуляторной батареи, возможность поражения электрическим током, возникновение термического разгона, выделение токсичных продуктов горения и сложность полной ликвидации пожара.

Актуальность темы определяется тем, что существующие подходы к ликвидации послед-

ствий дорожно-транспортных происшествий не всегда в полной мере учитывают конструктивные особенности электромобилей. Тяговые батареи таких транспортных средств обычно размещаются в нижней части кузова, имеют значительную массу и состоят из множества аккумуляторных ячеек. При сильном механическом воздействии, деформации корпуса батареи или внутреннем коротком замыкании может начаться неконтролируемая химическая реакция, сопровождающаяся быстрым ростом температуры, выделением газов, дымом, пламенем или взрывоподобным разрушением отдельных элементов.

Особую сложность представляет тот факт, что опасные процессы в аккумуляторной батарее могут развиваться не сразу после столкновения, а спустя определенное время. В ряде случаев внешние признаки серьезного повреждения транспортного средства могут быть недостаточно выражены, однако внутри аккумуляторного блока уже происходят процессы, способные привести к последующему возгоранию. Это требует от спасателей, сотрудников полиции, медицинских работников и операторов эвакуационных служб особой внимательности и знания специальных алгоритмов действий. Проблема осложняется и тем, что конструкция электромобилей значительно различается у разных производителей. Высоковольтные кабели, силовая электроника, точки отключения питания, аккумуляторные модули, пиротехнические элементы систем пассивной безопасности и безопасные зоны резки кузова могут иметь различное расположение. Поэтому применение стандартных методов аварийно-спасательных работ без учета конкретной модели автомобиля может привести к дополнительным рискам.

Целью данной статьи является анализ основных опасностей, возникающих при дорожно-транспортных происшествиях с участием электромобилей, а также рассмотрение современных организационных и технических мер, направленных на повышение безопасности пострадавших, очевидцев и сотрудников экстренных служб.

Результаты и их обсуждение

Электромобиль отличается от автомобиля с двигателем внутреннего сгорания не только типом силовой установки, но и общей логикой размещения основных технических компонентов. Центральным элементом конструкции является тяговая аккумуляторная батарея, которая обеспечивает питание электродвигателя и вспомогательных систем. В большинстве современных моделей батарейный блок размещается в нижней части кузова, между осями автомобиля. Такое решение позволяет снизить центр тяжести, улучшить устойчивость транспортного средства и увеличить полезное пространство салона. Однако при дорожно-транспортном происшествии нижнее расположение аккумулятора может стать дополнительным фактором риска. Повреждения днища, наезд на препятствие, боковой удар, переворот автомобиля или сильная деформация кузова способны привести к нарушению герметичности батарейного корпуса. Даже если внешне транспортное средство выглядит относительно устойчивым, повреждение аккумуляторных модулей может представлять серьезную опасность. Высоковольтная система электромобиля обычно работает с напряжением, значительно превышающим безопасные для человека значения. В зависимости от модели напряжение может составлять несколько сотен вольт. Для визуального обозначения таких компонентов производители применяют оранжевую маркировку кабелей. Это позволяет спасателям и техническим специалистам быстрее определить элементы, к которым нельзя прикасаться без специальной подготовки и средств индивидуальной защиты.

При аварии особую опасность создают поврежденные высоковольтные кабели, блоки силовой электроники, разъемы, инверторы и преобразователи. Неправильное вмешательство в конструкцию автомобиля, попытка разрезать кузов в зоне прохождения кабелей или контакт с токоведущими элементами могут привести к поражению электрическим током. Поэтому перед началом спасательных работ необходимо оценить состояние транспортного средства, определить тип привода, наличие признаков повреждения батареи и возможность безопасного отключения электропитания. Следует учитывать, что современные электромобили оснащаются системами автоматического отключения высоковольтной цепи при столкновении. Однако полагаться только на автоматическое срабатывание нельзя. После сильного удара отдельные элементы системы могут оставаться под напряжением, а повреждение электроники способно затруднить достоверную диагностику. По этой причине спасательные службы должны действовать исходя из принципа потенциальной опасности: любой поврежденный электромобиль следует рассматривать как объект с возможным остаточным напряжением и риском возгорания.

И.С. Нестеренко, Г.А. Нестеренко, Б.Т. Оспанов считают, что важно учитывать не только специфические риски электромобилей, но и общую структуру дорожно-транспортных происшествий. По мнению ученых по мере увеличения количества электромобилей возрастет и число происшествий с их участием, при этом особого внимания требуют ДТП, связанные с наездом на пре-

пятствие. Согласно приведенным в их исследовании статистическим данным, такие происшествия составляют 6,9% от общего числа ДТП, что подтверждает необходимость дальнейшего изучения механизмов повреждения транспортных средств и разработки мер по снижению тяжести последствий аварий [1].

О.П. Айда при рассмотрении безопасности дорожного движения особое значение выделяет не только предотвращение ДТП, но и грамотную организацию аварийно-спасательных работ после их возникновения. Автор отмечает необходимость учета конструктивных особенностей современных транспортных средств, включая зоны высокого напряжения, элементы срабатывания подушек безопасности и участки, опасные при разрезании кузова. Это подчеркивает, что эффективность спасения пострадавших напрямую зависит от знания спасателями расположения потенциально опасных элементов автомобиля и правильного применения аварийно-спасательного инструмента [2].

С.Г. Мингалеев отмечает, что проведение аварийно-спасательных работ при ДТП с электромобилями имеет ряд особенностей, связанных с риском поражения электрическим током, спецификой устройства электромобилей и необходимостью специальных знаний при тушении их возгораний. Следовательно, эффективность ликвидации таких происшествий во многом зависит от технической оснащенности спасательных подразделений, уровня подготовки личного состава и применения специализированных средств пожаротушения [3].

Одной из наиболее серьезных угроз при авариях с электромобилями является термический разгон аккумуляторной батареи. Под этим процессом понимается неконтролируемое повышение температуры внутри аккумуляторной ячейки, сопровождающееся химическими реакциями, выделением тепла, газов и возможным распространением повреждения на соседние элементы батареи. Так, О.В. Двоенко, И.А. Гусев, А.А. Шульинов, В.А. Кузьменко рассматривают вопросы пожарной опасности и реагирования на чрезвычайные ситуации, связанные с эксплуатацией современных транспортных средств на электрической тяге. При этом особое внимание авторами уделяется специфическим рискам аккумуляторных батарей, включая возможность термического разгона, выделение опасных продуктов горения и сложность тушения пожаров в элементах питания. Это позволяет подчеркнуть, что развитие электротранспорта требует совершенствования методик аварийно-спасательных работ, специальной подготовки личного состава и применения средств тушения с учетом особенностей высоковольтных систем и литий-ионных аккумуляторов [4]. Причинами термического разгона могут быть механическое разрушение ячейки, внутреннее короткое замыкание, перегрев, производственный дефект, нарушение режима зарядки или внешнее воздействие высокой температуры. В условиях дорожно-транспортного происшествия наиболее вероятным пусковым фактором является деформация батарейного блока вследствие удара.

Опасность термического разгона заключается в его самоподдерживающемся характере. Если температура внутри одной ячейки достигает критического уровня, выделяемого тепла может оказаться достаточно для нагрева соседних ячеек. В результате возникает цепная реакция, при которой пожар распространяется внутри аккумуляторного блока. Такой процесс сложно остановить обычными методами тушения, поскольку источник тепла находится внутри защищенного корпуса батареи.

Дополнительная проблема состоит в возможности повторного возгорания. Даже после видимого прекращения горения отдельные ячейки могут оставаться перегретыми. При недостаточном охлаждении или скрытом внутреннем повреждении батарея способна воспламениться повторно через некоторое время после аварии. Именно поэтому во многих рекомендациях указывается необходимость длительного контроля температуры аккумулятора и размещения поврежденного электромобиля на безопасной площадке после эвакуации. Для выявления признаков термического разгона спасатели могут обращать внимание на характерные симптомы: появление дыма из нижней части автомобиля, шипение, хлопки, резкий химический запах, локальное повышение температуры, деформацию батарейного корпуса, выброс газов или пламени. При наличии таких признаков необходимо увеличить безопасную дистанцию, ограничить доступ посторонних лиц и применить специальные тактические решения по охлаждению батареи.

Пожары электромобилей опасны не только высокой температурой и сложностью тушения, но и выделением вредных веществ. При горении литий-ионных аккумуляторов могут образовываться токсичные газы и аэрозоли, представляющие угрозу для дыхательной системы человека. Среди наиболее опасных продуктов горения выделяются фтороводород, угарный газ, различные органические соединения, а также частицы металлов и продуктов разложения электролита.

Фтороводород представляет особую опасность, поскольку при вдыхании может вызывать тяжелые поражения дыхательных путей. Кроме того, он способен взаимодействовать с влагой с образованием агрессивных соединений, раздра-

жающих кожу, слизистые оболочки и легкие. Угарный газ, в свою очередь, нарушает транспорт кислорода в организме и может привести к тяжелому отравлению, особенно при нахождении человека в закрытом или плохо проветриваемом пространстве. Токсичные аэрозоли, образующиеся при разрушении компонентов батареи, могут содержать соединения металлов и другие вредные частицы. Их воздействие зависит от концентрации, продолжительности пребывания в зоне задымления и наличия средств защиты. Именно поэтому нахождение рядом с горящим электромобилем без специальной экипировки недопустимо. Для очевидцев и пострадавших важнейшим правилом является быстрое удаление из опасной зоны. При этом эвакуацию следует проводить с учетом направления ветра: людей необходимо выводить против направления распространения дыма или в сторону, исключающую попадание в зону токсичного облака. Спасатели должны использовать средства защиты органов дыхания, защитную одежду и действовать в соответствии с установленными протоколами химической и пожарной безопасности.

Особенно опасны пожары электромобилей в закрытых пространствах: подземных паркингах, гаражах, тоннелях и помещениях зарядной инфраструктуры. В таких условиях токсичные вещества накапливаются быстрее, ухудшается видимость, повышается температура и осложняется эвакуация людей. Поэтому для подобных объектов необходимы системы раннего обнаружения дыма и перегрева, эффективная вентиляция, противопожарное зонирование и заранее разработанные планы реагирования.

Аварийно-спасательные работы при происшествиях с электромобилями требуют сочетания традиционных методов извлечения пострадавших и специальных мер электробезопасности. Первым этапом является оценка обстановки. Спасатели должны определить, есть ли признаки возгорания, повреждения батареи, утечки жидкостей, задымления, искрения или нестабильного положения транспортного средства [5].

До начала активных работ необходимо обеспечить безопасность места происшествия: выставить ограждение, ограничить доступ посторонних, стабилизировать автомобиль и исключить его самопроизвольное движение. Если это возможно, транспортное средство переводится в режим парковки, отключается зажигание или система запуска, а ключ удаляется на безопасное расстояние. Однако при современных бесключевых системах это не всегда гарантирует полное отключение автомобиля, поэтому требуется дополнительная проверка [6]. Важным правилом является запрет на контакт с оранжевыми высоковольтными кабелями и другими элементами HV-системы без необходимости и соответствующей защиты. При проведении работ должны применяться диэлектрические перчатки, изолирующие инструменты и иные средства индивидуальной защиты. Разрезание кузова допускается только в безопасных зонах, указанных в rescue sheet конкретной модели автомобиля. Если существует непосредственная угроза жизни пострадавших — например, пожар, задымление салона, риск взрыва или критическое состояние человека, — допускается экстренное извлечение без полного отключения системы. В такой ситуации приоритетом является спасение жизни, однако действия должны выполняться максимально осторожно и с минимальным вмешательством в потенциально опасные зоны.

После завершения первичных спасательных мероприятий поврежденный электромобиль не должен рассматриваться как полностью безопасный объект. Необходим температурный контроль батареи, наблюдение за признаками повторного возгорания и правильная организация эвакуации транспортного средства. Желательно размещать такие автомобили на открытых площадках, вдали от зданий, других транспортных средств и горючих материалов.

Одним из наиболее эффективных инструментов информационной поддержки спасателей являются rescue sheets, или rescue cards. Это специальные схемы автомобиля, на которых указывается расположение аккумуляторной батареи, высоковольтных кабелей, топливных или газовых компонентов при наличии гибридной конструкции, подушек безопасности, пиротехнических натяжителей ремней и безопасных зон разрезания кузова. Значение таких схем особенно велико в условиях ограниченного времени. На месте ДТП спасатели не всегда могут быстро определить модель автомобиля, особенности его конструкции и расположение опасных элементов. Наличие rescue sheet позволяет снизить риск ошибочных действий и ускорить процесс извлечения пострадавших. В ряде европейских стран применяется система размещения QR-кодов на автомобиле. Сканирование такого кода дает спасателям быстрый доступ к актуальной rescue card конкретной модели. Обычно QR-коды размещаются на лобовом стекле, стойках кузова или других доступных местах. Такой подход позволяет объединить техническую информацию производителя и практические потребности экстренных служб.

Для дальнейшего повышения эффективности данной системы необходимо обеспечить единые требования к формату rescue sheets, их регулярное обновление и доступность для всех служб, участвующих в ликвидации последствий ДТП. Важно также, чтобы водители знали о суще-

ствовании таких материалов и могли заранее разместить соответствующие обозначения на своем автомобиле.

Безопасность при авариях с электромобилями зависит не только от профессионализма спасателей, но и от действий обычных участников дорожного движения. Водитель, пассажиры и очевидцы часто оказываются первыми на месте происшествия. Их поведение в первые минуты может существенно повлиять на последствия аварии. В образовательные программы для водителей целесообразно включать базовую информацию об особенностях электромобилей. Водители должны знать, что нельзя прикасаться к поврежденным оранжевым кабелям, пытаться самостоятельно вскрывать батарею, перемещать автомобиль при признаках повреждения высоковольтной системы или находиться рядом с источником дыма. При возникновении пожара следует отойти на безопасное расстояние, вызвать экстренные службы и предупредить других людей об опасности.

Курсы первой помощи также могут быть дополнены модулями, посвященными авариям с электрическим транспортом. В таких модулях важно объяснять правила безопасного приближения к транспортному средству, порядок оценки обстановки, способы эвакуации людей без контакта с опасными элементами и необходимость учитывать направление ветра при задымлении. Кроме того, необходима информационная работа среди владельцев электромобилей. Они должны понимать, что после серьезного удара или повреждения днища автомобиль требует технической диагностики даже при отсутствии видимых признаков неисправности. Игнорирование скрытых повреждений батареи может привести к опасным последствиям спустя несколько часов или дней после происшествия.

С распространением электромобилей возрастает значение пожарной безопасности зарядных станций и парковочных пространств. Зарядка аккумулятора является штатным процессом, однако при технической неисправности оборудования, повреждении кабеля, нарушении температурного режима или дефекте батареи возможно возникновение аварийной ситуации. Закрытые паркинги создают дополнительные сложности для тушения пожара и эвакуации людей. Ограниченное пространство, наличие большого количества автомобилей, недостаточная вентиляция и сложный доступ пожарной техники повышают потенциальный ущерб. Поэтому современные рекомендации предусматривают применение систем раннего обнаружения дыма, теплового контроля, автоматической сигнализации, противопожарных зон между зарядными местами и эффективной вентиляции.

Операторы парковок должны иметь понятные инструкции на случай возгорания электромобиля или обнаружения признаков перегрева батареи. Персонал должен знать порядок вызова экстренных служб, отключения зарядного оборудования, эвакуации людей и ограничения доступа к опасной зоне. При проектировании новых объектов следует учитывать возможность подъезда пожарной техники, наличие водоснабжения для тушения и размещение зарядных станций в зонах с контролируемым риском. Важным направлением является использование огнестойких строительных материалов и конструктивных решений, препятствующих быстрому распространению пожара. При этом безопасность должна обеспечиваться не одной мерой, а комплексом технических, организационных и информационных решений.

Выводы

Распространение электромобилей является важным этапом развития современного транспорта, однако оно сопровождается появлением новых рисков при дорожно-транспортных происшествиях. Наиболее значимыми угрозами являются повреждение высоковольтной системы, поражение электрическим током, термический разгон литий-ионной аккумуляторной батареи, повторное возгорание и выделение токсичных веществ при пожаре.

Анализ показывает, что эффективное реагирование на аварии с электромобилями требует специальной подготовки спасателей, медицинских работников, сотрудников полиции, операторов эвакуационных служб и самих водителей. Стандартные алгоритмы ликвидации последствий ДТП должны дополняться мерами электробезопасности, температурного контроля батареи, правильного выбора зон резки кузова и использования средств индивидуальной защиты.

Большое значение имеют rescue sheets, QR-коды, цифровые базы данных и системы автоматического экстренного вызова. Они позволяют быстрее получить сведения о конструкции автомобиля, расположении опасных элементов и особенностях безопасного доступа к пострадавшим. В перспективе развитие сетей связи и автомобильной телематики может обеспечить более точную передачу информации о состоянии электромобиля непосредственно в экстренные службы. Не менее важным направлением является повышение безопасности зарядной инфраструктуры, закрытых парковок и мест массового размещения электромобилей. Здесь необходимы системы раннего обнаружения перегрева и дыма, вентиляция, противопожарное зонирование, инструкции для персонала и регулярная отработка действий при аварийных ситуациях.

Таким образом, снижение тяжести последствий ДТП с участием электромобилей возможно только при комплексном подходе. Он должен включать совершенствование конструкции транспортных средств, развитие нормативных требований, обучение специалистов, информирование населения, внедрение цифровых технологий и повышение пожарной защищенности инфраструктуры. Только сочетание этих мер позволит обеспечить высокий уровень безопасности в условиях дальнейшего роста количества электромобилей на дорогах.

Список литературы:

[1] Нестеренко, И. С. Обеспечение безопасности электромобилей на автомагистралях / И. С. Нестеренко, Г. А. Нестеренко, Б. Т. Оспанов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 8(146). – DOI 10.60797/IRJ.2024.146.42. – EDN IRRHJG.

[2] Айда, О. П. Специфика проведения аварийно-спасательных работ при дорожно-транспортном происшествии с участием транспортных средств гибридного типа и электромобилей / О. П. Айда // Актуальные проблемы обеспечения пожарной безопасности и защиты от чрезвычайных ситуаций : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Железногорск, 23 апреля 2021 года. – Железногорск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирская пожарно-спасательная академия» Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий», 2021. – С. 549-557. – EDN RWLEML.

[3] Мингалеев, С. Г. Особенности проведения аварийно-спасательных работ при ликвидации последствий ДТП с электромобилями / С. Г. Мингалеев // Тушение пожаров и проведение аварийно-спасательных работ при ликвидации последствий ДТП с электромобилями : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ниш, 25 сентября 2024 года – 26 2025 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России» (федеральный центр науки и высоких технологий), 2025. – С. 37-42. – EDN KZHBGK.

[4] Пожарная безопасность автотранспорта с высоковольтным силовым оборудованием и объектов его транспортной инфраструктуры / О. В. Двоенко, И. А. Гусев, А. А. Шульпинов, В. А. Кузьменко // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. – 2020. – № 4. – С. 11-17. – DOI 10.25257/FE.2020.4.11-17. – EDN RBLDQO.

[5] Тушение пожаров и проведение аварийно-спасательных работ при ликвидации последствий ДТП с электромобилями : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ниш, 25 сентября 2024 года – 26 2025 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России» (федеральный центр науки и высоких технологий), 2025. – 228 с. – ISBN 978-5-93970-323-9. – EDN SFJHQD.

[6] Гладченко, В. Я. Примерный алгоритм действий пожарно-спасательных подразделений при проведении аварийно-спасательных работ при ДТП с участием электротранспорта / В. Я. Гладченко, В. А. Максимкин // Тушение пожаров и проведение аварийно-спасательных работ при ликвидации последствий ДТП с электромобилями : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ниш, 25 сентября 2024 года – 26 2025 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России» (федеральный центр науки и высоких технологий), 2025. – С. 184-188. – EDN IPGRGJ.

References:

[1] Nesterenko, I. S. Ensuring the safety of electric vehicles on highways/I. S. Nesterenko, G. A. Nesterenko, B. T. Ospanov//International Research Journal. – 2024. – № 8(146). – DOI 10.60797/IRJ.2024.146.42. – EDN IRRHJG.

[2] Aida, O. P. Specifics of emergency rescue operations in case of a road accident involving hybrid vehicles and electric vehicles/O. P. Aida//Actual problems of ensuring fire safety and protection against emergencies: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Zheleznogorsk, April 23, 2021. - Zheleznogorsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Siberian Fire and Rescue Academy” of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Natural Disasters,” 2021. - S. 549-557. – EDN RWLEML.

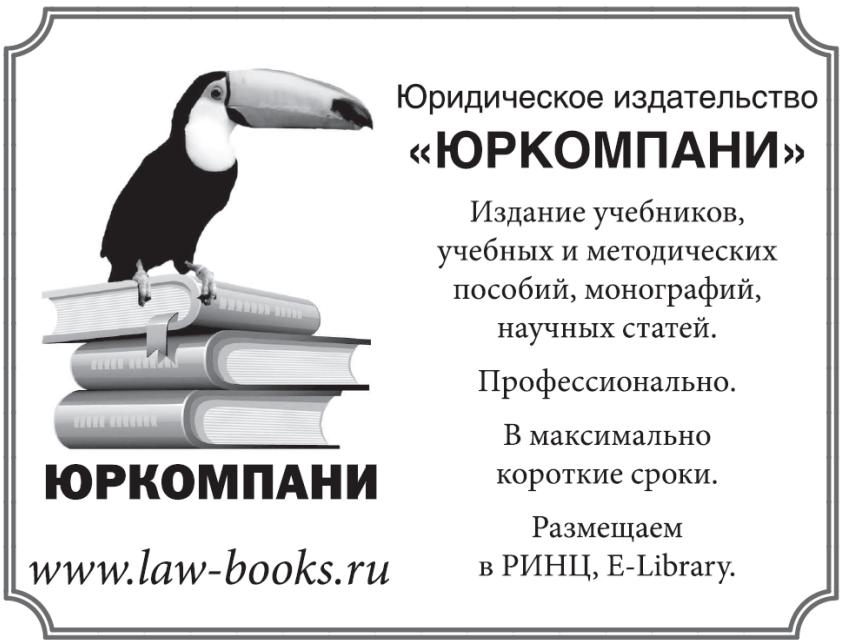
[3] Mingaleev, S. G. Features of rescue operations in the aftermath of accidents with electric vehicles/S. G. Mingaleev//Fire extinguishing and rescue operations in the aftermath of accidents with electric vehicles: Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, Nis, September 25, 2024 - 26 2025. - Moscow: Federal State Budgetary Institution “All-Russian Research Institute

for Civil Defense and Emergencies EMERCOM of Russia" (Federal Center for Science and High Technologies), 2025. - S. 37-42. – EDN KZHBGK.

[4] Fire safety of vehicles with high-voltage power equipment and objects of its transport infrastructure/O. V. Dvoenko, I. A. Gusev, A. A. Shulpinov, V. A. Kuzmenko//Fires and emergencies: prevention, elimination. – 2020. – № 4. - S. 11-17. – DOI 10.25257/FE.2020.4.11-17. – EDN RBLDQO.

[5] Fire extinguishing and rescue operations in the aftermath of accidents with electric vehicles: Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, Nis, September 25, 2024 - 26, 2025. - Moscow: Federal State Budgetary Institution "All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergencies EMERCOM of Russia" (Federal Center for Science and High Technologies), 2025. - 228 p. - ISBN 978-5-93970-323-9. – EDN SFJHQD.

[6] Gladchenko, V. Ya. Approximate algorithm of actions of fire and rescue units during emergency rescue operations in case of an accident involving electric vehicles/V. Ya. Gladchenko, V. A. Maksimkin//Fire extinguishing and rescue operations in the aftermath of an accident with electric vehicles: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Nis, September 25, 2024 - 26, 2025 - Moscow: Federal State Budgetary Institution "All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergencies EMERCOM of Russia" (Federal Center for Science and High Technologies), 2025. - S. 184-188. – EDN IPGRGJ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-431-435
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ВАСИЛЬЕВА Наталья Васильевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»,
Санкт-Петербург, Россия,
ORCHID: https://orcid.org/0009-0000-4383-4249,
e-mail: n.vasileva@szfrgup.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СМЕЖНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ НЕУПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ (СТ. 5.35.1 КОАП РФ): ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию эффективности административной ответственности за неуплату алиментов, анализируя статистику и практику применения статьи 5.35.1 КоАП РФ. Автор рассматривает факторы, влияющие на количество дел, санкции и влияние новых норм закона на поведение правонарушителей. Подчеркивается важность комплексного подхода и необходимость постоянного совершенствования правовых механизмов защиты прав детей.*

Ключевые слова: *административная ответственность, неуплата алиментов, административный штраф, административный арест.*

VASILEVA Natalya Vasilevna,
PhD in law, associate professor of the Department of state and legal disciplines
of the North-West Branch of the «Russian State University of Justice»,
Saint Petersburg, Russia

THE EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR FAILURE TO PAY CHILD SUPPORT OR SUPPORT FOR DISABLED PARENTS (ARTICLE 5.35.1 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION): THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Annotation. *The article is devoted to the study of the effectiveness of administrative liability for non-payment of alimony, analyzing the statistics and practice of applying Article 5.35.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The author examines the factors influencing the number of cases, sanctions, and the impact of new legal norms on the behavior of offenders. The article emphasizes the importance of a comprehensive approach and the need for continuous improvement of legal mechanisms for protecting children's rights.*

Key words: *administrative liability, non-payment of alimony, administrative fine, administrative arrest.*

Забота и содержание несовершеннолетних детей является обязанностью их родителей. Однако многие из них, проживающие раздельно с детьми, уклоняются от исполнения своих обязанностей и отказываются активно участвовать в жизни ребёнка. Подобная позиция закономерно становится причиной множества конфликтов и вынуждает обращаться к органам власти для принудительного осуществления родительских обязанностей. Физически заставить родителя заниматься воспитанием нельзя, однако добиться выплат материальных средств на содержание ребёнка возможно в принудительном порядке.

Одной из важных задач государства выступает защита прав и интересов несовершеннолетних. Вопросы охраны семьи, полноценного физического и морального становления детей регули-

руются нормами разных областей права. Особую роль в этом смысле играют административно-правовые меры воздействия, направленные на защиту семей, малолетних и взрослых недееспособных членов семьи, обеспечению соблюдения их прав и свобод. И алиментные выплаты имеют большое общественное значение, поскольку гарантируют ребенку возможность получать финансовую поддержку от родителей, необходимую для удовлетворения жизненных нужд и гармоничного роста.

Алгоритмы взыскания алиментов достаточно подробно регламентированы Семейным кодексом РФ [1], Гражданским кодексом РФ [2], Гражданским процессуальным кодексом РФ [3], ФЗ «Об исполнительном производстве» [4]. ответственность за неуплату алиментов предусмотрена Кодексом об административных правонарушениях РФ [5], Уголовным кодексом РФ [6]. Это свидетельствует об особом значении не только для общества, но и для законодателя обязанности по содержанию детей, чем и продиктовано выделение особого состава правонарушения как в КоАП РФ, так и в УК РФ.

Внимание всех ветвей власти к данной проблеме позволило за последние годы преодолеть многие пробелы законодательного регулирования. Если ранее к ответственности привлекались родители, полностью не выплачивающие алименты, то теперь ответственность установлена и за частичную, неполную, чем это установлено условиями соглашения или решения суда сумму алиментов [7]. Верховный Суд РФ ранее обратил внимание на рассматриваемый вопрос и в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 6 разъяснил, что ненадлежащей выплатой алиментов следует считать и выплату в ином размере, иным способом или с нарушением срока, установленных либо в соглашении, либо в судебном акте. В этом же акте толкования дается разъяснение о начале течения срока (периода неуплаты алиментов): на следующий день после окончания срока уплаты единовременного или ежемесячного платежа (п. 3). В п. 5 указанного Постановления названы некоторые уважительные причины, при которых лицо независимо от своей воли не имело возможности выплатить алименты в установленном размере, а также не могло соблюсти иные, определенные в решении суда или соглашении, условия и т.д.

Практика свидетельствует, что подача иска и возбуждение исполнительного производства по алиментам — это лишь первый этап процесса. Основная сложность заключается именно в получении удержанных средств от должника. Для уклонения от выплат многие неплательщики используют различные методы сокрытия доходов и имущества, а иногда и вовсе скрываются, накапливая значительные суммы задолженностей. В связи с этим законодательство постоянно обновляется и дополняется мерами, направленными на обеспечение исполнения судебных решений о взыскании алиментов и стимулирование должников своевременно погашать задолженность. Например, предусмотренное ст.67.1 ФЗ № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» временное ограничение права должников управлять любыми транспортными средствами, включая автомобили, мотоциклы, воздушные и морские суда, квадроциклы и самоходные машины.

Среди изменений, касающихся ужесточения ответственности за неуплату алиментов, необходимо выделить Федеральный закон № 114-ФЗ от 29 мая 2024 года, вступивший в силу с 25 мая 2025 года. В соответствии с ним создан единый федеральный реестр граждан, уклоняющихся от выплаты алиментов. В реестр вносятся сведения о должниках, привлеченных к административной или уголовной ответственности за неуплату средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных родителей. Реестр формируется ФССП и публикуется публично на официальном ресурсе ведомства. По замыслу автора закона - Министерства юстиции - реестр поспособствует повышению мотивации должников выплачивать свои обязательства и позволит более эффективно воздействовать на лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов. По состоянию на начало 2026 года в реестр включены сведения о более 300 000 лиц.

Применение комплекса мер принуждения позволило значительно увеличить объем взыскиваемых алиментов. В 2024 году эта сумма составила 92 миллиарда рублей, в то время как в 2023 году она составляла 66 млрд рублей, что почти на 40% больше показателя за 2022 год. В 2025 году динамика продолжилась: общая сумма взысканных алиментов выросла до более чем 110 миллиардов рублей [8]. Рост объема взысканий сопровождается снижением числа действующих исполнительных производств: так, в Санкт-Петербурге их количество сократилось с 14 918 по итогам 2023 года до 14 110 в 2025-м [9].

Анализ статистики по количеству административных дел за нарушение статьи 5.35.1 КоАП РФ («Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей») за период с 2020 по 2024 годы позволяет сделать ряд выводов относительно общей эффективности рассматриваемой нормы. Применение обязательных работ в качестве административного наказания не анализируется ввиду отсутствия соответствующей статистики.

Таблица 1. Статистические данные о результатах правоприменения ст. 5.35.1 КоАП РФ [10]

Год	Общее количество административных дел		Количество назначенных административных арестов		Количество назначенных административных штрафов	
	количество	в %	количество	в %	количество	в %
2024	99 902	-5,7%	5236	-8,7%	1642	+17,4%
2023	105 898	-3,8%	5734	-2,3%	1399	+9,5%
2022	110 081	-9,1%	5870	-13,5%	1277	-14,7%
2021	121 081	+20,7%	6782	+9,7%	1498	+28,0%
2020	100 334		6160		1170	

Рост числа дел в 2021 году мог произойти вследствие нескольких факторов. Ухудшение экономической ситуации, рост безработицы, снижение реальных доходов граждан как длящиеся последствия пандемии могли спровоцировать увеличение случаев отказа от выплаты алиментов. Кроме того, законодательные изменения, а именно, возможность привлечения к административной ответственности за неполную уплату алиментов, могло повлечь за собой больше обращений и возбужденных дел. Этим же фактором объясняется и возросшее внимание судов и уполномоченных органов к делам по ст. 5.35.1 КоАП РФ, что также могло повлиять на увеличение числа данных административных дел.

Последующее снижение 2021 года имеет свою специфику. Предпринятые административные меры и эффективное применение мер принуждения и ограничения (вероятно, связанные с внесением ясности по вопросам квалификации правонарушения) могли оказать сдерживающее воздействие на нарушителей. Вместе с административными мерами активизировалась и необходимая пропаганда. Возможно усиление информирования и разъяснительной работы среди граждан привело к росту осведомленности о последствиях уклонения от уплаты алиментов.

С 2022 года количество административных дел демонстрирует устойчивое сокращение на протяжении трех лет:

- В 2022 году зафиксировано 110 081 дело,
- В 2023 году — 105 898 дел (-4 183 дела),
- В 2024 году — 99 902 дела (-5 996 дел).

Сокращение характеризуется средним темпом снижения, то есть спад составляет примерно около 4–6 тысяч дел. Это показатель, отражающий среднее значение падения количества зарегистрированных дел за определенный временной промежуток. Рассчитывается он путем деления общего объема сниженного показателя на число прошедших лет. Можно предположить, что если наблюдается постепенное уменьшение, значит, принимаются действенные меры по улучшению ситуации.

К 2024 году количество дел сократилось практически до уровня 2020 года, что можно считать определенным успехом действующих мер профилактики и усиления контроля. Устойчивый темп снижения указывает на наличие эффективной стратегии и четких шагов по устранению проблемы. Тем не менее, имеющееся количество зафиксированных дел означает сохранение проблемы невыплаты алиментов, которая продолжает требовать пристального внимания. Региональные данные за 2025 год подтверждают сохранение тенденции к сокращению числа административных дел: в Пермском крае возбуждено 2 447 дел по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ; в Курской области за 6 месяцев 2025 года судами рассмотрено 337 дел; в Волгоградской области за январь-август 2025 года суды рассмотрели 1 093 протокола [11].

Анализ статистики применения административных арестов в качестве наказания за нарушение статьи 5.35.1 КоАП РФ показывает общую негативную динамику в применении административного ареста. После небольшого роста в 2021 году последовал заметный спад, продолжающийся вплоть до конца периода наблюдения. Несмотря на некоторое замедление темпов снижения в 2023 году, общий тренд направлен на сокращение применения данной меры наказания.

Рост в 2021 году мог быть обусловлен увеличением общего количества данных административных правонарушений и, соответственно, административных дел, а также с изменением подходов к привлечению к ответственности.

Резкое снижение в 2022 году (почти на 14%) свидетельствует о существенных изменениях в практике применения административных наказа-

ний. Вероятные объяснения включают общее снижение административных дел, адаптацию правоприменительной практике изменениям в законодательстве, эффективность исполнительных производств и информированность населения.

Наблюдаемое продолжение снижения в последующих годах подтверждает устойчивость сформировавшейся тенденции, что может говорить о формировании нового подхода к таким видам правонарушений, направленной на альтернативные формы воздействия и исправления правонарушителей.

Несмотря на положительные изменения, необходимо учитывать сохраняющиеся проблемы. Анализ представленных данных позволяет утверждать, что применяемая мера наказания постепенно теряет актуальность, особенно в связи с большим числом применяемых административных штрафов. При этом в ряде регионов административный арест продолжает активно применяться: в Пермском крае в 2025 году к аресту привлечен 261 должник, в Курской области за 6 месяцев — 78 должников [11].

Статистика назначенных административных штрафов за нарушение статьи 5.35.1 КоАП РФ отображает волнообразную динамику в применении этого вида административного наказания, характеризующуюся значительным ростом в отдельные периоды и последующим снижением или стабилизацией.

Значительный рост в 2021 году (почти на треть) может быть связан с общим ростом административных дел, изменениями в законодательстве. Период с 2022 по 2024 год характеризуется восстановительным ростом после кратковременного спада. Средняя интенсивность роста/падения варьируется от года к году, демонстрируя высокую чувствительность к внешним факторам и изменениям внутри самой системы, таких как изменение законодательства, судопроизводства или экономического фона. Наряду со спадом в применении административного ареста, возрастает назначение административных штрафов, что свидетельствует в данном случае об увеличении числа лиц, в отношении которых обязательные работы и административный арест не могут быть назначены. При этом в Пермском крае в 2025 году к штрафу привлечено лишь 57 должников, тогда как основная масса (2 159 человек) направлена на обязательные работы.

Таким образом, представленные статистические данные демонстрируют сложную картину динамики рассматриваемых правонарушений, однако тенденция последних лет внушает осторожный оптимизм, свидетельствуя о возможности дальнейшего снижения числа административных дел по статье 5.35.1 КоАП РФ. Создание публичного реестра неплательщиков алиментов и дальнейшее совершенствование правоприменительной практики позволяют прогнозировать сохранение положительной динамики в последующие годы.

Список литературы:

[1] Федеральный закон РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ «Семейный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[2] Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Федеральный закон РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

[4] Федеральный закон РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849

[5] Федеральный закон РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. 1).

[6] Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[7] Федеральный закон РФ от 30.12.2021 N 479-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405466/ (дата обращения 20.06.2025).

[8] ФССП сообщила, сколько взыскала с должников за 2025 год // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/20/02/2026/69988e1d9a7947413815 0240?ysclid=mr2b31585593434487 (дата обращения 20.06.2025).

[9] Приставы в 2025 году взыскали с неплательщиков алиментов в Петербурге более 2,4 млрд руб. // Сетевое издание Ведомости (Vedomosti). URL: https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/23/1171231-vziskali-neplatelschikov-alimentov (дата обращения 20.06.2025).

[10] Административные правонарушения // Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апипресс.рф/stats/adm/t/31/s/65 (дата обращения 20.06.2025).

[11] В 2025 году судебные приставы Прикамья взыскали с алиментщиков 2,5 млрд рублей. // Сетевое издание «МК в Перми». URL: https://perm.mk.ru/social/2026/01/29/v-2025-godu-sudebnye-pristavy-prikamya-vzyskali-s-alimentshhikov-25-mlrd-rubley.html?from=article_mstpp (дата обращения 20.06.2025).

References:

[1] Federal Law of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ “Family Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

[2] Federal Law of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[3] Federal Law of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ “Civil Procedure Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

[4] Federal Law of the Russian Federation of October 2, 2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 41. Art. 4849

[5] Federal Law of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 195-FZ “Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1).

[6] Federal Law of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ “Criminal Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

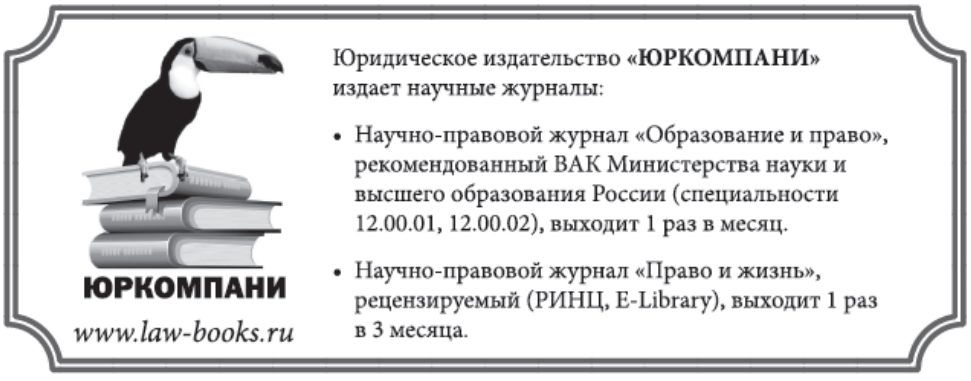
[7] Federal Law of the Russian Federation of 30.12.2021 N 479-FZ “On Amendments to Article 5.35.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405466/ (accessed 20.06.2025).

[8] The Federal Bailiff Service reported how much it collected from debtors for 2025 // RBC. URL: https://www.rbc.ru/society/20/02/2026/69988e1d9a7947413815024?ysclid=mr2b31585593434487 (accessed 20.06.2025).

[9] In 2025, bailiffs in St. Petersburg collected over 2.4 billion rubles from alimony defaulters. // Online publication Vedomosti. URL: https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/23/1171231-vziskali-neplatelschikov-alimentov (accessed on June 20, 2025).

[10] Administrative offenses // Judicial statistics of the Russian Federation. URL: https://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/65 (accessed on June 20, 2025).

[11] In 2025, bailiffs in the Perm region collected 2.5 billion rubles from alimony defaulters. // Online publication MK in Perm. URL: https://perm.mk.ru/social/2026/01/29/v-2025-godu-sudebnye-pristavy-prikamya-vzyskali-s-alimentshhikov-25-mlrd-rubley.html?from=article_mstpp (date of access 20.06.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-436-442

НОВОСЁЛОВ А.Н.,
студент аспирант,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
КОНОНОВ П.И.,
д.ю.н. Вятский государственный университет,
(г. Киров Россия),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Аннотация. *В настоящей статье приведены основные проблемы, включающие отсутствие четких критериев оценки нарушений, сложность доказывания вины нарушителей, недостатки процессуальных процедур рассмотрения административных дел, недостаточность полномочий контролирующих органов и недостаток правовой осведомленности участников рынка недвижимости, что в свою очередь создает препятствие в привлечении управляющих организаций и собственников помещений многоквартирных домов к административной ответственности.*

Ключевые слова: *административная ответственность, управление многоквартирными домами, жилищно-коммунальное хозяйство, нарушение обязательных требований, судебная практика, право собственности, жилищное законодательство.*

NOVOSYOLOV A.N.,
graduate student

Scientific supervisor:
KONONOV P.I.,
Doctor of Law, Vyatka State University,
(Kirov, Russia)

PROBLEMS OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS

Annotation. *This article presents the main problems, including the lack of clear criteria for assessing violations, the difficulty of proving the guilt of violators, the shortcomings of the procedural procedures for considering administrative cases, the lack of authority of regulatory authorities and the lack of legal awareness of real estate market participants, which in turn creates an obstacle in bringing management organizations and owners of premises of apartment buildings to administrative responsibility.*

Key words: *administrative responsibility, management of apartment buildings, housing and communal services, violation of mandatory requirements, judicial practice, ownership, housing legislation.*

Сфера управления многоквартирными домами представляет собой одну из наиболее острых областей российского права и остается одной из главных социальных проблем населения в сфере жилищно коммунального хозяйства, в том числе в сфере управления жилым фондом, где не всегда учитываются интересы - собственников квартир, жильцов, управляющих организаций, подрядчиков и муниципальных властей. Что указывает на неэффективное соблюдение установленных законом норм и требований законодательства, направленного на предотвращение аварийных ситуаций и создание комфортных условий проживания граждан.

Административная ответственность выступает одним из ключевых инструментов защиты интересов граждан, проживающих в многоквартирных домах, однако применение её вызывает трудности, обусловленные недостаточной ясностью законодательных формулировок, низкой эффективностью взаимодействия государственных структур и слабостью мониторинга ситуации.

Настоящая работа проведена в рамках анализа правоприменительной практики по делам о привлечении к административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами. Она направлена на выявление специфики трудностей правоприменения и разработку практических рекомендаций по устранению существующих «барьеров», которые мешают эффективному применению административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами, такими как:

– Нечёткость и расплывчатость формулировок. Законодательство недостаточно ясно определяет критерии оценки нарушений, что приводит к произвольному толкованию положений судами и органами исполнительной власти.
– Трудности в сборе доказательной базы. Часто возникают сложности с фиксацией нарушений и сбором достаточных доказательств, необходимых для вынесения обоснованного решения о наложении штрафа или иных видов наказания.
– Отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Решения органов власти и судебные вердикты существенно различаются даже по аналогичным ситуациям, что снижает доверие граждан и организаций к работе институтов власти.
– Недостаточно развитый административный ресурс (система управленческих методов и средств, реализуемых должностными лицами и государственными органами) не используется эффективно. Контрольные органы испытывают дефицит персонала и технических средств для качественного и быстрого проведения проверок и обработки поступивших сигналов о нарушении.
– Несовершенство кооперации между органами власти и управляющими компаниями. Неработоспособность механизмов взаимодействия ведомств и управляющих организаций создаёт дополнительные риски для добросовестных собственников и пользователей услуг ЖКХ.
– Незнание гражданами своих прав и обязанностей. Многие граждане плохо ориентируются в действующем законодательстве, что усложняет защиту собственных интересов и инициирование законных процедур взыскания компенсации или наказания нарушителя.
– Медленное принятие изменений в законы и кодексы. Система регулярно испытывает задержку в принятии поправок и обновлений, соответствующих современным реалиям, что негативно сказывается на способности эффективно регулировать возникающие конфликты и злоупотребления.

Административная ответственность является важным инструментом поддержания правопорядка и служит средством защиты общественных интересов, а также способом восстановления справедливости в отношениях между различными субъектами, особенно в социально значимых сферах, таких как управление многоквартирными домами (МКД). Она регулируется нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и основана на принципах равенства перед законом, индивидуализации наказания и неотвратимости ответственности.

Административный механизм защиты прав жителей многоэтажных домов включает нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). В частности, статья 7.22 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение правил содержания общего имущества жилого дома, включая ненадлежащее выполнение обязанностей управляющей организацией, собственниками помещений или иными лицами, ответственными за содержание жилья.

Административная ответственность в жилищной сфере – это прежде всего юридически установленная обязанность физического или юридического лица претерпеть негативные правовые последствия (штрафы, приостановление деятельности, дисквалификацию должностных лиц) за совершение действий или бездействия, нарушающих установленные государством обязательные требования к управлению многоквартирными домами. Основная же цель привлечения к административной ответственности - обеспечить соблюдение обязательных норм и правил, защитить интересы граждан, сохранить безопасность и здоровье населения, создать равные условия для честной конкуренции среди управляющих организаций. Обязательные требования к содержанию общедомового имущества определены Жилищным кодексом РФ, постановлениями Правительства РФ, техническими регламентами и стандартами, установленными Министерством строительства и ЖКХ. Нарушение указанных норм влечет привлечение виновных лиц к административной ответственности.

Законодательством предусмотрены меры ответственности как юридических лиц (управляющих компаний), так и физических лиц (собственников и арендаторов). Управляющими организациями признаются специализированные коммерческие или некоммерческие юридические лица, взявшие на себя обязательства по обслуживанию, ремонту и обеспечению надлежащего содержания общего имущества многоквартирного дома. Эти организации несут основную ответственность за поддержание надлежащего состояния инженерных сетей, подъездов, крыш, фасадов и прочих элементов общей собственности. Примером управляемых организаций могут служить товарищества собственников жилья (ТСЖ), жилищные кооперативы, управляющие компании и специализированные эксплуатационные предприятия.

Собственники помещений (квартир, нежилых помещений) также являются субъектами ответственности. Они обязаны соблюдать правила содержания общего имущества, поддерживать чистоту и порядок, своевременно оплачивать счета за коммунальные услуги и взносы на капитальный ремонт. Если собственник допускает нарушения, такие как несанкционированная перепланировка квартиры, порча общего имущества или длительное уклонение от оплаты коммунальных платежей, он может привлекаться к административной ответственности.

Руководители и сотрудники управляющих компаний, чьи действия привели к нарушению установленных правил и стандартов, могут выступать самостоятельными субъектами ответственности. Например, лицо, подписывающее договор о предоставлении некачественных услуг или намеренно скрывающее факт повреждения общего имущества, может быть подвергнуто персональной ответственности.

Органы местной администрации и муниципальные учреждения осуществляют контроль и надзор за деятельностью управляющих организаций, обеспечением санитарных норм и качеством предоставляемых услуг. За неправильное или формальное отношение к своим обязанностям такие органы также могут подлежать административной ответственности. Например, уполномоченный государственный орган может привлечь муниципальное предприятие к ответственности за нарушение сроков передачи сведений о техническом состоянии здания или непринятие мер по пресечению нарушения обязательных требований. Компании, предоставляющие коммунальные услуги населению (водоснабжение, отопление, электроснабжение и т.п.) и фирмы-подрядчики, осуществляющие строительные и ремонтные работы, также могут становиться субъектами административной ответственности. Ответственность возникает в случае предоставления низкокачественных услуг, просрочки выполнения договоров, неудовлетворительного оказания техобслуживания и ремонтных работ. Тем самым управляющие организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирными домами, могут быть подвержены административной ответственности за различные нарушения в сфере управления. Важно учитывать особенности каждой категории субъектов при применении мер ответственности, обеспечивая сбалансированный подход к вопросам охраны общественного интереса и справедливости наказания.

Объектом правонарушения в жилищно-коммунальной сфере является совокупность охраняемых законом общественных отношений, складывающихся вокруг вопросов владения, пользования и распоряжения объектами общего имущества многоквартирного дома (МКД). Это касается вопросов обеспечения сохранности общего имущества (лифтов, лестничных клеток, инженерных коммуникаций, крыши, фасада), соблюдения санитарных норм, пожарной безопасности, а также надлежащих условий проживания граждан.

Общественные отношения, которые регулируются жилищным законодательством и защищаются в административном порядке, охватывают, в частности, следующие аспекты:

- Обеспечение надлежащего содержания общего имущества дома.
- Сохранение благоприятных условий проживания граждан.
- Поддержание работоспособности коммунальной инфраструктуры.
- Своевременное устранение дефектов и неисправностей.
- Проведение регулярных профилактических осмотров и ремонтов.

Правонарушения в жилищной сфере направлены именно на посягательство на указанные общественные отношения, создавая угрозу здоровью, имуществу и благополучию граждан.

Объективная сторона выражается в действиях или бездействии субъекта, нарушающего установленные правила пользования жильём, содержанием мест общего пользования, инженерными коммуникациями и благоустройством придомовых территорий. Типичными примерами нарушений являются несоблюдение санитарных норм, несвоевременное проведение ремонтных работ, использование общих помещений не по назначению и др. Кроме того, важно отметить связь между действием и последствиями. Последствия правонарушения в жилищной сфере могут проявляться в ухудшении условий проживания

граждан, увеличении риска чрезвычайных происшествий, снижении рыночной стоимости жилья и т.д.

Понимание объекта и объективной стороны правонарушений обеспечивает правильное установление оснований для привлечения к административной ответственности и позволяет эффективнее защищать права и интересы граждан, проживающих в многоквартирных домах. Такое положение вещей ведет к неоднородности практики привлечения к ответственности: одни и те же действия оцениваются по-разному разными государственными структурами и судебными инстанциями. Одна из главных проблем привлечения к административной ответственности связана с отсутствием чёткости и конкретности в критериях оценки выявленных административных нарушений, а также с неопределённостью условных и обобщённых понятий и критериев, используемых для квалификации действий как противоправных. Нормы законодательства содержат широкие формулировки («ненадлежащее состояние», «несоответствие установленным нормам»), что создает простор для разных интерпретаций и произвола при оценке тяжестью нарушения. Например, термин «ненадлежащего содержания» сформулирован крайне широко, что позволяет различным органам трактовать ситуацию по-разному.

Это порождает судебную практику, основанную больше на конкретных обстоятельствах дела, нежели на чётком соблюдении единых принципов оценки степени тяжести нарушения. Предлагаемое решение состоит в разработке детализированных методических руководств, позволяющих однозначную квалификацию фактов ненадлежащего исполнения обязанностей всеми участниками процесса.

Еще одной немаловажной проблемой является процедура установления факта нарушения и доказательства вины субъекта. Законодательством предусмотрено право органа, рассматривающего дело, собирать необходимые доказательства самостоятельно, однако фактически этот процесс осложняется низким уровнем координации действий заинтересованных сторон и ограниченностью ресурсов для расследования каждого конкретного случая. Сбор доказательств в делах о нарушениях в сфере управления многоквартирными домами (МКД) представляет серьезную проблему. Недостающие доказательства могут приводить к оправданию нарушителей, несмотря на очевидность неправомерных действий. Наиболее распространенными причинами процедуры сбора доказательств служат такие причины как:

– Отсутствие четкого механизма фиксации нарушений. Большинство нарушений связаны с техническим состоянием объектов, которое сложно оценить визуально. Требуется проведение сложных измерений, экспертиза материалов и конструкций, составление протоколов осмотра. Без квалифицированных специалистов доказать вину бывает практически невозможно.
– Сложность документального оформления. Составление акта обследования, фото-видеофиксация, заключение эксперта требуют определенных компетенций и опыта. Частые случаи неполного заполнения документов или неверного отражения реальных обстоятельств приводят к невозможности признания нарушения в суде.
– Продолжительность процесса сбора доказательств. Нередко на получение результатов экспертизы уходит значительное время, в течение которого проблема усугубляется, объект приходит в негодность, а граждане продолжают страдать от неудобств.
– Необходимость сохранения неизменности объекта. После обнаружения нарушения необходимо зафиксировать его таким образом, чтобы оно сохранилось до момента составления протокола и представления в суд. Но объекты часто подвергаются изменениям (ремонт, ликвидация неисправности), что делает невозможным полноценное рассмотрение дела судом.
– Нежелание собственников предоставлять доступ. Иногда владельцы помещений отказываются допускать проверяющих для фиксации нарушений, ссылаясь на конфиденциальность частной жизни. Это препятствует полноценной проверке и созданию объективной картины происшествия.
– Недостаточность кадровых ресурсов. Инспекторы государственных органов контроля вынуждены проверять большое число объектов, что снижает вероятность полноценного изучения каждого случая. Из-за перегрузки кадров могут возникать пропуски существенных деталей, важных для правильного понимания ситуации.

Решение могло бы заключаться в создании специализированной службы надзора, обладающей необходимыми полномочиями для оперативного выявления нарушений и своевременного принятия решений.

Таким образом, успешное привлечение к административной ответственности требует комплексного подхода к процедуре сбора доказательств и тщательной подготовки дела. Только при наличии полной и убедительной доказательной базы возможно добиться справедливого и адекватного судебного решения. Недостаточный уровень правовой грамотности населения также

оказывает влияние на эффективность функционирования института административной ответственности. Граждане зачастую не знают о своих правах и обязанностях, не осознают последствий невыполнения предписанных норм и порядка обращения в надзорные инстанции. Повышение юридической культуры путём образовательных мероприятий, публикаций разъяснительного характера и разработки специальных приложений может способствовать снижению числа правонарушений. Одной из ключевых проблем в осуществлении административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами является ограниченность полномочий контролирующих органов. Именно это обстоятельство серьезно влияет на эффективность борьбы с нарушениями и невозможность обеспечить полную защиту интересов граждан.

Контролирующие органы, такие как Госжилинспекция, Роспотребнадзор и другие, обладают ограниченными правами и инструментами для полноценного осуществления своих функций. Их компетенция ограничена рамками, установленными законодательством, и часто оказывается недостаточной для того, чтобы предотвратить или минимизировать негативное воздействие правонарушений.

Для преодоления сложившейся ситуации необходимо принять ряд мер, направленных на повышение эффективности контролирующих органов, а именно:

- Расширить рамки компетенции контролирующих органов, включив в их обязанности возможность оперативно прекращать опасные работы, назначать временную администрацию при грубом нарушении устава или требовать замены руководства управляющей компании.
- Выделять дополнительные средства на приобретение необходимого оборудования, обучение специалистов и организацию круглосуточных горячих линий для приема сообщений о нарушениях.
- Обязать управляющие компании незамедлительно предоставлять всю необходимую документацию по запросу контролирующего органа без дополнительного согласования.
- Создать механизмы регулярного взаимодействия контролирующих органов с МВД и СК для совместного выявления и пресечения преступлений в сфере ЖКХ.
- Проводить переаттестацию сотрудников контролирующих органов каждые два-три года для обновления знаний и навыков.

Таким образом, усиление полномочий контролирующих органов станет важнейшим фактором повышения эффективности привлечения к административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами и обеспечения гарантий комфортной и безопасной жизни граждан.

Современные технологии открывают новые горизонты для повышения эффективности контроля и управления многоквартирными домами (МКД). Технологические инновации позволяют автоматизировать многие рутинные процессы, сократить сроки принятия решений и повысить прозрачность работы управляющих компаний. Рассмотрим некоторые технологические инструменты, способные изменить подход к административной ответственности в жилищной сфере. Использование цифровых платформ для фиксации жалоб и обращений граждан позволит оперативно реагировать на возникающие проблемы и повысить прозрачность взаимодействия всех заинтересованных сторон. Автоматизация учета жалоб снизит нагрузку на проверяющие структуры и повысит качество принимаемых решений.

Для успешной интеграции инновационных технологий в повседневную практику необходима государственная поддержка и формирование соответствующей нормативно-правовой базы. Ключевыми этапами перехода к новым технологиям могут стать:

- Принятие региональных программ местными органами власти совместно с бизнесом разрабатывают региональные планы модернизации систем управления МКД, внедряя современные цифровые решения.
- Государственное финансирование проектов Правительством на проекты по автоматизации процессов контроля и управления в сфере ЖКХ.
- Организуются и подготовка квалифицированного персонала сотрудников управляющих компаний и контролирующих органов для освоения новых методик работы с технологиями.
- Популяризация успешных практик по внедрению современных технологий, стимулируя регионы и муниципалитеты к активному развитию инновационных инициатив.

Таким образом, введение современных технологий способно коренным образом преобразовать отрасль управления многоквартирными домами, сделав её более эффективной и прозрачной, что создаст предпосылки для укрепления доверия граждан к государственным институтам и уменьшения количества конфликтных ситуаций.

Также приоритетной задачей должна стать разработка методики профилактики правонарушений в целях минимизации рисков появления

аварийных ситуаций и снижения количества судебных разбирательств. Помимо реагирования на факты нарушений, целесообразно предусмотреть меры превентивного характера, направленные на предупреждение возникновения ситуаций, угрожающих интересам жильцов. Такие мероприятия могли бы включать образовательные программы для сотрудников управляющих компаний, периодический мониторинг состояния технического оборудования и коммуникаций. Эффективность применяемых штрафных санкций нередко ставится под сомнение ввиду их незначительности относительно возможных убытков, возникающих вследствие серьёзных повреждений объектов жилой недвижимости. Предлагается пересмотреть размер штрафов, устанавливаемых в зависимости от степени ущерба и регулярности допущенных нарушений. Особое внимание предлагается уделить санкциям против крупных управляющих компаний, занимающихся обслуживанием значительного количества жилых домов.

Анализируя современное состояние административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами, напрашивается вывод о том, что существующие механизмы нуждаются в значительной доработке и улучшении. Существующая правоприменительная практика сталкивается с множеством трудностей, которые снижают эффективность наказания и создают ощущение безнаказанности среди нарушителей. Таким образом, существующая система привлечения к административной ответственности в сфере управления многоквартирными домами нуждается в значительных изменениях. Современная правоприменительная практика сталкивается с рядом серьезных препятствий, препятствующих достижению цели полного и справедливого исполнения закона. Для улучшения ситуации необходимы комплексные меры по реформированию нормативно-правовой базы, усилению возможностей контрольно-надзорных органов, повышению уровня правовой культуры граждан и внедрению передовых методов «цифровизации» в работу с населением.

Проведенное исследование позволило выявить ключевые направления дальнейшего развития механизмов административного воздействия, что способствует формированию прозрачной и предсказуемой среды управления недвижимостью, обеспечивающей надёжность эксплуатации и комфортные условия проживания. Только решительные шаги по укреплению административно-правового режима смогут обеспечить эффективное противодействие негативным явлениям в жилищной сфере, гарантировать достойные условия проживания и надежно защитить права граждан. Дальнейшее изучение и реализация предложенных рекомендаций станут залогом устойчивого развития отечественной жилищной политики и благополучия наших граждан.

Список литературы:

[1] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» № 195-ФЗ от 30.12.2001г. (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025), электронный ресурс: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34661/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfe46d28f528d7e/ (дата доступа: 17.10.2025г.).

[2] «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 31.07.2025), электронный ресурс: https://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_51057/ (дата доступа: 17.10.2025г.).

[3] Федеральный закон № 185-ФЗ от 21 июля 2007 г. «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69936/ (дата доступа: 17.10.2025г.).

[4] Постановление Правительства РФ № 491 от 13.08.2006г., (ред. от 07.03.2025г.) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность», электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62293/ (дата доступа: 17.10.2025г.).

[5] Обзор практики Верховного Суда РФ в сфере ЖКХ за сентябрь 2024 года (подготовлено экспертами компании «Гарант», ноябрь 2024г.), электронный ресурс: https://base.garant.ru/48100 7756/?ysclid=mh1y03jk1p764994011 (дата доступа: 17.10.2025г.).

[6] Багаутдинов Ф.Н., Павлов Д.В. Особенности привлечения управляющих компаний к административной ответственности // Журнал российского права. - 2018г., - № 5. - с. 56-63.

[7] Соловьев А.И. Административные санкции в современной России: теория и практика. Учебное пособие. Москва, 2020г. - с. 78-122.

[8] Грибовский Ю.А. Административная ответственность в российском праве: теоретические подходы и практические аспекты. Монография. - Москва, 2019. - с. 50-70, 120-150.

[9] Соловьев А.И. Административные санкции в современной России: теория и практика. Учебное пособие. - Москва, 2020. - с. 75-100, 150-180.

[10] Алексеев С.С. Общая теория права. Том 1. - М.: Проспект, 2019г. - с. 120-160.

References:

[1] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001. (ed. From 31.07.2025) (with rev. and add., entry. effective from 22.10.2025), electronic resource: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34661/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfe46d28f528d7e/ (accessed on 17.10.2025).

[2] "Housing Code of the Russian Federation" dated 29.12.2004 N 188-FZ (as amended on 31.07.2025), electronic resource: https://www.consultant.ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 51057/ (accessed on 17.10.2025).

[3] Federal Law No. 185-FZ of July 21, 2007 "On the Fund for Assistance to the Reform of Housing and Communal Services," electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69936/ (access date: 17.10.2025).

[4] Decree of the Government of the Russian Federation No. 491 dated 13.08.2006, (as amended on 07.03.2025) "On approval of the Rules for the maintenance of common property in an apartment building and the rules for changing the amount of payment for the maintenance of residential premises in the case of rendering services and performing work on the management, maintenance and repair of common property in an apartment building of inadequate quality and (or) with interruptions exceeding the established duration," electronic resource: https://www.consultant.ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 62293/(access date: 17.10.2025).

[5] Review of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation in the field of housing and communal services for September 2024 (prepared by experts of the Garant company, November 2024), electronic resource: https://base.garant.ru/481007756/?ysclid=mh1y03jk1p764994011 (access date: 17.10.2025).

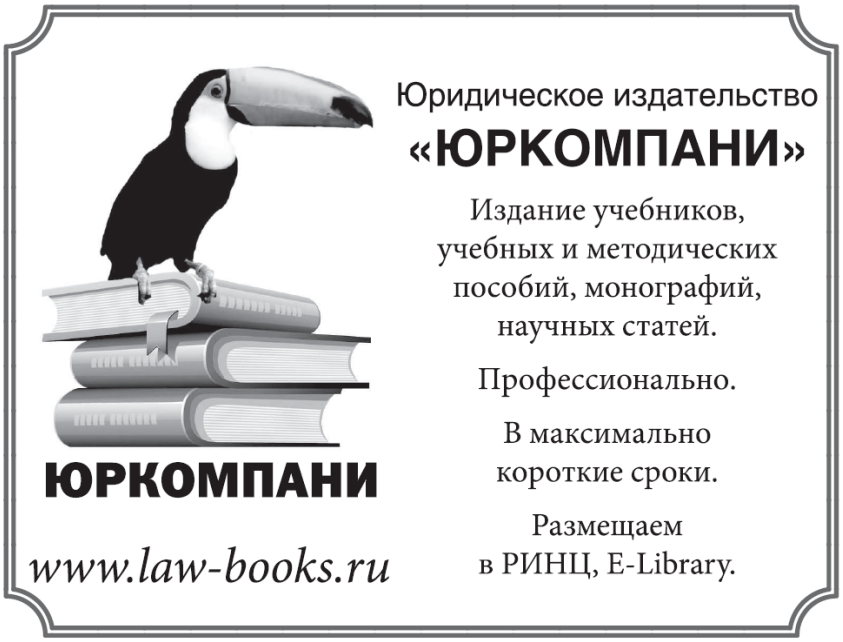
[6] Bagautdinov F.N., Pavlov D.V. Features of bringing management companies to administrative responsibility//Journal of Russian Law. - 2018, - No. 5. - p. 56-63.

[7] A.I. Soloviev. Administrative sanctions in modern Russia: theory and practice. Tutorial. Moscow, 2020 - p. 78-122.

[8] Gribovsky Yu.A. Administrative responsibility in Russian law: theoretical approaches and practical aspects. Monograph. - Moscow, 2019. - from. 50-70, 120-150.

[9] A.I. Soloviev. Administrative sanctions in modern Russia: theory and practice. Tutorial. - Moscow, 2020. - p. 75-100, 150-180.

[10] Alekseev S.S. General theory of law. Volume 1. - M.: Prospect, 2019 - p. 120-160.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-443-446
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ГЕНДЕЕВ Эрдни Николаевич,
адъюнкт Академии управления МВД России,
e-mail: erdni.gendeev.81@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. *В статье исследуется проблематика двойственного правового статуса сотрудника полиции, порождающего коллизии между административной и дисциплинарной ответственностью. На основе анализа ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, ст. 82 ФЗ № 342-ФЗ и ст. 19.3 КоАП РФ выявлены риски подмены государственной административной юрисдикции ведомственным контролем, а также недостатки процессуальных гарантий при привлечении сотрудников к ответственности за неисполнение приказов. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и ведомственных нормативных актов, направленные на исключение дублирования санкций и повышение правовой определенности.*

Ключевые слова: *административная ответственность, сотрудник полиции, служебное право, дисциплинарная ответственность, проступок, порочащий честь, ведомственный контроль, правоприменительная практика, КоАП РФ, ФЗ «О службе в ОВД».*

GENDEEV Erdni Nikolaevich,
post graduate student
Academy of Management of the MIA of Russia

DE QUIBUSDAM QUAESTIONIBUS OFFICIORUM OFFICIORUM VIGILUM IN EXERCITIO POTESTATUM SUARUM IN DELICTIS ADMINISTRATIVIS

Annotation. *Articulus quaestionem examinat de statu legali duali denuntiatoris, qui conflictus generat inter responsabilitatem administrativam et disciplinarem. Ex Analysi Partis 2 Articuli 2.5 Codicis Administrativi Foederationis russicae, Articuli 82 Iuris Foederalis No. 342-FZ et Articuli 19.3 Codicis Administrativi Foederationis russicae, pericula substituendi departmental imperium pro statu iurisdictionis administrativae, necnon defectus in cautionibus processualibus cum tenentes conductos rationem redderent pro non-obsequio cum ordinibus, notati sunt. Propositiones formatae sunt ad emendandas leges et normas departmentales quae intendebant duplicationem sanctionum eliminare et certitudinem legalem augere.*

Key words: *responsabilitas administrativa, praefectus vigilum, lex officialis, responsabilitas disciplinaris, culpa, improbatio honoris, imperium departmental, praxis legis, Codex Administrativus Foederationis russicae, Lex Foederalis "De servitio in Department of Internum Negotiis".*

Правовое положение сотрудника органов внутренних дел характеризуется дуализмом: с одной стороны, он выступает как субъект публичной власти, наделенный императивными полномочиями, с другой – сохраняет статус гражданина, несущего ответственность на общих основаниях за нарушения норм КоАП РФ. Данная конструкция порождает устойчивую правоприменительную коллизию, особенно в части соотношения административной ответственности и дисциплинарного производства. Формально закрепленный в доктрине и правоприменении режим «функционального иммунитета» (в интерпретации, восходящей к ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ) на практике трансформируется в механизм ведомственного контроля, что создает риски нарушения принципа законности и размывает границы между государственной юрисдикцией и внутрикорпоративной дисциплиной [1]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки четких критериев разграничения видов ответственности, исключающих произвольное применение карательных мер и обеспечивающих баланс между дисциплиной службы и гарантиями прав личности.

1. Коллизия ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ и риски подмены административной ответственности дисциплинарной.

Согласно ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, лица, имеющие специальные звания, привлекаются к административной ответственности на общих основаниях, за исключением отдельных категорий составов, отнесенных к компетенции органов исполнительной власти и внутренних проверок. В отношении сотрудников полиции данная норма реализуется через призму ведомственного регулирования (ФЗ № 342-ФЗ, приказы МВД России), что на практике приводит к системной подмене административного производства дисциплинарным расследованием «по месту службы» [2].

Типичным примером выступают правонарушения в области дорожного движения, санитарно-эпидемиологического благополучия или мелкого хулиганства. Вместо возбуждения дела уполномоченным органом (судом или территориальным подразделением ГИБДД), материалы направляются в подразделение собственной безопасности или кадровый аппарат. Это лишает сотрудника процессуальных гарантий, предусмотренных КоАП РФ (состязательность, право на защиту, презумпция невиновности), и заменяет их упрощенной ведомственной процедурой, где доминирует принцип субординации. Как справедливо отмечает И.Н. Астафьев, подобная практика нарушает принцип правовой определенности и создает почву для избирательного правоприменения, когда тяжесть проступка нивелируется ведомственной целесообразностью [3].

2. Квалификация административных правонарушений как «проступков, порочащих честь сотрудника ОВД» (ст. 82 ФЗ № 342-ФЗ).

Особую деликтологическую проблему представляет применение п. 20 ч. 1 ст. 82 ФЗ № 342-ФЗ, позволяющего уволить сотрудника в связи с совершением проступка, порочащего честь и достоинство. В правоприменительной практике квалификация бытового административного правонарушения (например, по ст. 20.1, 12.26, 20.20 КоАП РФ) автоматически расценивается как порочащий проступок, вне зависимости от степени общественной опасности, обстоятельств совершения и наличия смягчающих факторов [4].

А.И. Смоляков обоснованно указывает на отсутствие в законодательстве объективных критериев оценки «порочащего» характера правонарушения, что делегирует оценку исключительно воле руководителя подразделения или аттестационной комиссии [5]. Это создает правовой вакуум: сотрудник, привлеченный к административной ответственности судом, фактически подвергается двойному наказанию (штраф/арест + увольнение), при этом дисциплинарное производство не учитывает окончательное судебное решение как самостоятельный элемент соразмерности. Подобная практика противоречит конституционному принципу пропорциональности ограничений прав человека и требует введения обязательного соразмерного анализа тяжести административного проступка и последствий увольнения из органов.

3. Иммунитеты и процессуальные особенности: проблема ст. 19.3 КоАП РФ и защиты прав сотрудника.

Отдельного внимания заслуживает квалификация действий сотрудника полиции по ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению или требованию начальника). В условиях иерархической структуры ОВД сотрудник обязан исполнять приказы, однако ст. 42 ФЗ № 342-ФЗ закрепляет право на отказ от исполнения явно незаконного распоряжения. На практике же при возбуждении дела по ст. 19.3 КоАП РФ или привлечении к дисциплинарной ответственности доказывание незаконности приказа ложится на сотрудника, что в условиях субординации зачастую процессуально невозможно [6].

Е.В. Елфимова подчеркивает, что административное производство по ст. 19.3 КоАП РФ в отношении сотрудников ОВД носит односторонний характер: суды и вышестоящие руководители исходят из презумпции законности приказа, если он оформлен надлежащим образом, игнорируя материальную сторону его содержания [7]. Отсутствие четкого алгоритма фиксации отказа от незаконного приказа (например, через обязательное письменное мотивированное заявление с последующей независимой правовой экспертизой) делает сотрудника уязвимым перед произволом и создает деликтогенный фактор, подавляющий законную инициативу в защите прав граждан.

4. Историко-сравнительный аспект: от «палочной системы» к независимому контролю.

Исторический опыт правоприменения в российских ОВД демонстрирует, что искусственное давление на показатели раскрываемости («палочная система») выступало системным катализатором административных и служебных правонарушений. Стремление закрыть статистику приводило к фиктивным протоколам, принуждению к признанию вины и сокрытию нарушений со стороны рядового состава. В зарубежных правопорядках (например, в ФРГ, Польше, странах Скандинавии) административная ответственность полицейских строго отделена от дисциплинарной: первые рассматриваются независимыми административными судами или гражданскими судами общей юрисдикции, вторые – специализи-

рованными советами по этике с участием внешних экспертов [8]. Подобное разделение исключает ведомственную солидарность как инструмент подавления ответственности и обеспечивает прозрачность процедур. Краткий сравнительный анализ подтверждает эффективность внедрения элементов независимого надзора при рассмотрении дел об административных правонарушениях сотрудников правоохранительных органов.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства и ведомственного регулирования:

1. Исключить из сферы ведомственного контроля составы административных правонарушений, связанных с грубым нарушением общественного порядка, управлением транспортным средством в состоянии опьянения, применением насилия в отношении граждан, передав их рассмотрение исключительно в юрисдикцию судов общей юрисдикции или независимых административных комиссий.
2. Разработать ведомственный алгоритм разграничения ответственности, закрепив в приказе МВД России критерии, при наличии которых административное правонарушение не может автоматически квалифицироваться как «проступок, порочащий честь» (учет тяжести последствий, отсутствия умысла, общественного резонанса, характеристик личности).
3. Закрепить процессуальный механизм защиты сотрудника при отказе от исполнения приказа: ввести обязательную письменную форму мотивированного отказа с автоматическим запуском служебной проверки законности распоряжения до применения санкций по ст. 19.3 КоАП РФ или дисциплинарных мер.
4. Внести изменения в ст. 82 ФЗ № 342-ФЗ, установив обязательную судебную проверку законности увольнения по п. 20 ч. 1 в случае, если основанием послужило вступившее в силу постановление по делу об административном правонарушении, тем самым реализовав принцип соразмерности и исключив двойное наказание.

Реализация указанных мер позволит гармонизировать служебное право и административную деликтологию, минимизировать риски ведомственного произвола и укрепить правопорядок внутри системы МВД России.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[3] Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

[4] Астафьев И.Н. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел: проблемы правоприменения и ведомственного контроля // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 28–34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n (дата обращения: 30.04.2026).

[5] Смоляков А.И. Дисциплинарная ответственность сотрудников полиции: соотношение с административной ответственностью и критерии порочащего проступка // Вестник Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 112–119. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 30.04.2026).

[6] Елфимова Е.В. Деликтологические аспекты неисполнения служебных обязанностей в органах внутренних дел: процессуальные гарантии и пределы иммунитета // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2. С. 45–52. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 30.04.2026).

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023 год), утв. Президиумом ВС РФ 22.11.2023. URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 30.04.2026).

[8] Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ и официальные данные МВД России о состоянии служебной дисциплины за 2022–2023 гг. URL: https://crimestat.ru; https://мвд.рф (дата обращения: 30.04.2026).

[9] Справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант». Раздел «Судебная практика и комментарии к КоАП РФ и ФЗ № 342-ФЗ». Режим доступа: https://www.consultant.ru; https://www.garant.ru.

References:

[1] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (rev. dated 14.11.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[2] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” (as amended on 25.12.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

[3] Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative

Acts of the Russian Federation" (as amended on 25.12.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49 (part 1). Art. 7020.

[4] Astafyev I.N. Administrative and jurisdictional activities of internal affairs bodies: problems of law enforcement and departmental control//Administrative law and process. 2023. № 4. S. 28-34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n (access date: 30.04.2026).

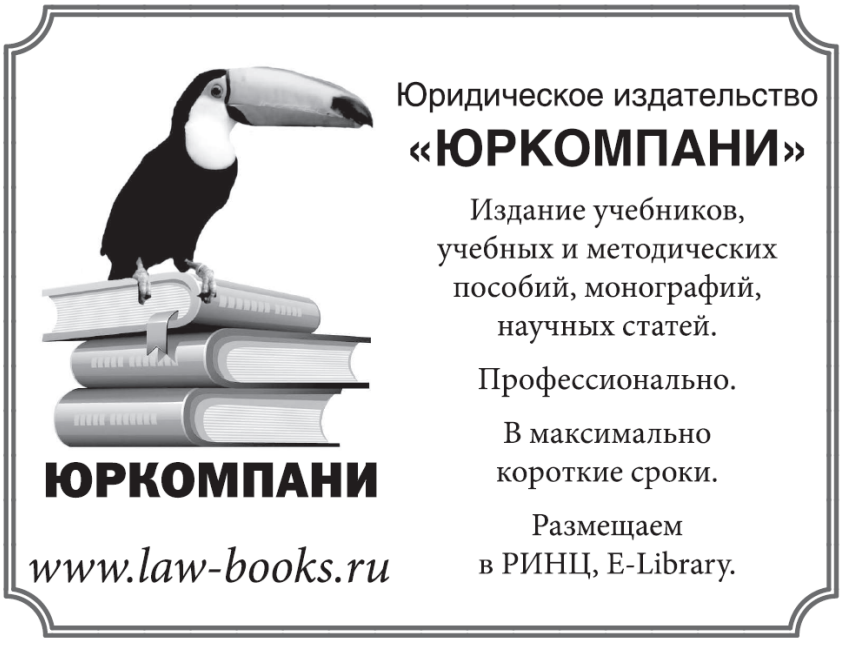
[5] A.I. Smolyakov. Disciplinary liability of police officers: correlation with administrative responsibility and criteria for defamatory misconduct//Bulletin of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3. S. 112-119. URL: https://elibrary.ru (access date: 30.04.2026).

[6] E.V. Elfimova. Delictological aspects of non-performance of official duties in the internal affairs bodies: procedural guarantees and limits of immunity//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2. S. 45-52. URL: https://cyberleninka.ru (access date: 30.04.2026).

[7] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2023), approved by Presidium of the Armed Forces of the Russian Federation 22.11.2023. URL: https://www.vsrf.ru (date of appeal: 30.04.2026).

[8] Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and official data of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the state of official discipline for 2022-2023. URL: https://crimestat.ru; https://мвд.рф (accessed on: 30.04.2026).

[9] ConsultantPlus, Guarantor Reference Legal Systems. Section "Judicial practice and comments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Federal Law No. 342-FZ." Access mode: https://www.consultant.ru; https://www.garant.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-447-452
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЛАРЧЕВ Данила Вячеславович,
студент 2 курса магистратуры факультет государственного управления Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
e-mail: lapusind@gmail.com

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

Аннотация. *В статье анализируется институт административной ответственности за нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Актуальность исследования обусловлена значительным объемом бюджетных ассигнований, выделяемых на государственные закупки, а также высокой распространенностью нарушений со стороны заказчиков и участников закупок, что негативно влияет на эффективность расходования публичных средств и развитие конкуренции. Рассматриваются основные составы административных правонарушений, предусмотренные статьями 7.29–7.32.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, особенности квалификации деяний, практика привлечения к ответственности должностных лиц и юридических лиц, а также проблемы, возникающие при разграничении административной и уголовной ответственности. Особое внимание уделяется анализу правоприменительной практики Федеральной антимонопольной службы и арбитражных судов, выявлению пробелов и коллизий в действующем законодательстве. На основании проведенного исследования автор формулирует предложения по совершенствованию норм об административной ответственности и повышению эффективности контроля в сфере государственных закупок.*

Ключевые слова: *административная ответственность, государственные закупки, контрактная система, 44-ФЗ, Кодекс об административных правонарушениях, нарушения в сфере закупок, Федеральная антимонопольная служба, должностные лица, эффективность государственных закупок.*

LARCHEV Danila Vyacheslavovich,
2nd year Master's student Faculty of Public Administration Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University"

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF REQUIREMENTS IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR STATE NEEDS

Annotation. *The article analyzes the institution of administrative liability for violations of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. The relevance of the study stems from the significant volume of budgetary allocations directed toward public procurement, as well as the high prevalence of violations committed by contracting authorities and procurement participants, which negatively affects the efficiency of public spending and the development of competition.*

The paper examines the main elements of administrative offenses established in Articles 7.29–7.32.6 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, the specifics of their qualification, the practice of holding officials and legal entities liable, and the issues arising in distinguish-

ing between administrative and criminal liability. Particular attention is paid to the analysis of the enforcement practice of the Federal Antimonopoly Service and arbitration courts, as well as to the identification of gaps and inconsistencies in the current legislation. Based on the conducted research, the author formulates proposals aimed at improving the norms on administrative liability and enhancing the effectiveness of control in the field of public procurement.

Key words: *administrative liability, public procurement, contract system, Federal Law No. 44-FZ, Code of Administrative Offenses, violations in public procurement, Federal Antimonopoly Service, officials, efficiency of public spending.*

Административная ответственность в сфере контрактной системы занимает особое место среди мер государственного принуждения, применяемых к участникам закупочных отношений. Её специфика обусловлена не только публичным характером расходования бюджетных средств, но и сложной правовой конструкцией, в которой переплетаются нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и главы 7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.[1] При этом административная ответственность выполняет здесь не только карательную, но и превентивную функцию, поскольку значительная часть нарушений связана с организационными и процедурными ошибками, допускаемыми должностными лицами заказчиков. Однако практика применения соответствующих составов демонстрирует существенные трудности, связанные как с квалификацией деяний, так и с определением круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности.

Система административных правонарушений в сфере государственных закупок построена по принципу детализации отдельных этапов закупочного цикла. Большинство составов сосредоточено в статьях 7.29–7.32.6 КоАП РФ. Каждый из них описывает конкретное отклонение от требований законодательства о контрактной системе. Вместе с тем такая детализация порождает проблему разграничения смежных составов, особенно когда одно и то же действие или бездействие может быть квалифицировано по нескольким статьям одновременно.[2] В юридической литературе уже отмечалось, что законодатель при конструировании этих норм исходил из необходимости обеспечить максимальную защиту конкурентных начал и прозрачности расходования публичных средств. Однако на практике это приводит к тому, что одно нарушение процедуры нередко влечёт сразу несколько административных дел в отношении одних и тех же должностных лиц.

Особую сложность представляет вопрос о субъекте административного правонарушения. Согласно общему правилу, ответственность по статьям главы 7 КоАП РФ несут должностные лица заказчика. В то же время в контрактной системе круг таких лиц достаточно широк: это и руководитель заказчика, и контрактный управляющий, и члены комиссии по осуществлению закупок, и работники контрактной службы. Проблема заключается в том, что распределение полномочий между ними часто носит размытый характер, а в небольших организациях один и тот же специалист может совмещать несколько функций одновременно.[3] Судебная практика в этом вопросе также не отличается единообразием. В одних случаях суды привлекают к ответственности именно то должностное лицо, которое непосредственно принимало решение или подписывало документ, в других — исходят из формального наличия у лица статуса члена комиссии или контрактного управляющего, даже если его реальное влияние на нарушение было минимальным. Такая неопределённость снижает превентивный эффект административной ответственности и порождает обоснованные жалобы на привлечение к ответственности «за просто так».

Не менее остро стоит вопрос о квалификации нарушений, связанных с описанием объекта закупки. Статья 7.30 КоАП РФ предусматривает ответственность за включение в документацию о закупке требований, ограничивающих количество участников. На практике антимонопольные органы и суды нередко сталкиваются с ситуациями, когда заказчик формулирует технические характеристики таким образом, что под них подходит только один поставщик, при этом формально требования законодательства соблюдены. Разграничить здесь законное описание объекта закупки и скрытое ограничение конкуренции крайне сложно.[4]

В научных работах последних лет подчёркивается, что существующие формулировки диспозиций не всегда позволяют провести чёткую грань между допустимой детализацией требований и нарушением принципа обеспечения конкуренции. В результате правоприменитель вынужден опираться на оценочные категории, что неизбежно ведёт к различной практике в сходных ситуациях.[5]

Статьи 7.31 и 7.32 КоАП РФ устанавливают ответственность за несвоевременное размещение или неразмещение сведений о закупках. Цифровизация закупочного процесса, безус-

ловно, повысила прозрачность, однако одновременно создала новые риски технического характера. Сбои в работе ЕИС, ошибки при загрузке документов, проблемы с электронной подписью - все это может повлечь привлечение должностных лиц к административной ответственности даже при отсутствии умысла или грубой неосторожности. При этом законодательство не всегда учитывает специфику технических сбоев. В результате должностное лицо может быть оштрафовано за обстоятельства, которые объективно от него не зависели.

В литературе уже высказывались предложения о введении дополнительных оснований освобождения от ответственности при наличии доказательств технической невозможности своевременного размещения информации, однако на законодательном уровне эти предложения пока не реализованы. Еще одна значимая проблема - соотношение административной ответственности с иными видами юридической ответственности. Федеральный закон № 44-ФЗ в статье 107 прямо предусматривает возможность привлечения виновных лиц к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности. [6] На практике это порождает вопросы о допустимости одновременного применения нескольких мер воздействия за одно и то же нарушение. Особенно часто возникает коллизия между административной ответственностью и дисциплинарными взысканиями. Работодатель, выявив нарушение, может наложить дисциплинарное взыскание, после чего антимонопольный орган или суд привлекает то же лицо к административной ответственности. Формально это не противоречит закону, однако по существу лицо дважды несет негативные последствия за одно деяние. [7]

В научной литературе такая ситуация оценивается неоднозначно: одни авторы считают её допустимой, поскольку речь идёт о разных видах ответственности, другие указывают на нарушение принципа справедливости и соразмерности. Для должностных лиц штрафы по составам главы 7 КоАП РФ относительно невелики по сравнению с оборотными штрафами для юридических лиц. Однако для конкретного специалиста даже штраф в несколько десятков тысяч рублей может оказаться существенным. При этом законодательство не предусматривает возможности учёта имущественного положения лица при назначении наказания по большинству указанных составов. В результате один и тот же штраф может быть разорительным для рядового контрактного управляющего и незначительным для руководителя крупного государственного заказчика. В юридической доктрине уже неоднократно обращалось внимание на необходимость дифференциации размеров штрафов в зависимости от тяжести нарушения и имущественного положения правонарушителя. Пока же правоприменительная практика идёт по пути формального применения установленных санкций, что иногда приводит к явно несправедливым результатам. Ещё один аспект, заслуживающий внимания, - это эффективность существующей системы административной ответственности с точки зрения достижения целей законодательства о контрактной системе. Формально количество выявляемых нарушений остаётся высоким, однако это не всегда свидетельствует о реальном снижении количества нарушений. Часто выявленные нарушения носят технический характер и не влияют существенным образом на результаты закупки. В то же время более серьёзные нарушения, связанные с ограничением конкуренции или нецелевым расходованием средств, выявляются реже и сложнее доказываются.[8]

В литературе высказывается мнение о необходимости пересмотра приоритетов контроля. Вместо тотального контроля за соблюдением всех формальных требований предлагается сосредоточиться на выявлении нарушений, которые реально причиняют ущерб публичным интересам или ограничивают конкуренцию. Такой подход потребовал бы существенной перестройки как системы составов, так и практики их применения.

Нередко одна и та же процедура содержит сразу несколько нарушений: неправильное описание объекта закупки, нарушение сроков размещения извещения, некорректный порядок рассмотрения заявок. В такой ситуации антимонопольный орган может возбудить несколько дел об административных правонарушениях в отношении одних и тех же должностных лиц. Формально это законно, однако речь идет о наказании за одно комплексное нарушение процедуры. Суды иногда снижают размер штрафа с учётом этой обстоятельств, однако единообразной практики по данному вопросу пока не сложилось.

Действующая модель административной ответственности за нарушения в сфере государственных закупок содержит ряд существенных недостатков как на уровне законодательного регулирования, так и на уровне правоприменения. Эти недостатки связаны с нечёткостью отдельных составов, сложностями определения субъекта ответственности, недостаточным учётом технических особенностей цифровой среды, а также с отсутствием достаточной дифференциации наказаний.

Преодоление указанных проблем требует комплексного подхода, включающего как совер-

шенствование законодательства, так и изменение правоприменительной практики. Проблема квалификации нарушений, связанных с описанием объекта закупки, сохраняет свою остроту даже после реформы административного законодательства, вступившей в силу с 1 марта 2025 года. Ранее действовавшие части статьи 7.30 КоАП РФ были существенно переработаны, однако суть претензий антимонопольных органов и судов к заказчикам осталась прежней: включение в документацию требований, которые прямо или косвенно ограничивают круг потенциальных участников.[9]

ФАС России в своих разъяснениях неоднократно указывала, что заказчик вправе устанавливать такие характеристики товара, работы или услуги, которые соответствуют его реальным потребностям. Однако на практике грань между обоснованной детализацией и ограничением конкуренции часто оказывается размытой. Суды при рассмотрении дел по этим составам вынуждены оценивать не только формальное соответствие документации требованиям закона, но и то, создавало ли конкретное требование необоснованные препятствия для участия других хозяйствующих субъектов. В этой связи особое значение приобретает вопрос о доказывании вины должностного лица. По делам об административных правонарушениях в сфере закупок вина чаще всего выражается в форме неосторожности. Должностное лицо либо не проявило должной внимательности при подготовке документации, либо не обеспечило надлежащий контроль за действиями подчинённых. Вместе с тем в судебной практике встречаются случаи, когда антимонопольный орган пытается привлечь к ответственности лицо, которое формально занимало соответствующую должность, но реально не принимало ключевых решений по конкретной закупке. [10] Такое положение дел порождает вопрос о справедливости привлечения к ответственности. Если контрактный управляющий или член комиссии действовал в рамках указаний вышестоящего руководства или в условиях жёстких временных ограничений, то степень его вины может быть существенно ниже. Однако действующее законодательство не всегда позволяет учесть эти обстоятельства при назначении наказания. В результате наказание иногда оказывается несоразмерным реальной роли конкретного должностного лица в допущенном нарушении.

Ещё одна устойчивая проблема - соотношение административной и уголовной ответственности. Статья 107 Федерального закона № 44-ФЗ прямо предусматривает возможность одновременного применения разных видов ответственности. На практике это означает, что одно и то же деяние может повлечь и административный штраф, и уголовное преследование, например по статье 178 УК РФ (ограничение конкуренции).[11] Разграничение этих видов ответственности в значительной степени зависит от размера причинённого ущерба или размера дохода, полученного в результате нарушения. При этом доказывание крупного ущерба или крупного дохода в делах о закупках представляет значительную сложность. Антимонопольные органы и следственные органы нередко по-разному оценивают одни и те же обстоятельства, что приводит к параллельному производству по одному и тому же факту и последующему прекращению одного из дел.

В научной литературе последних лет отмечается, что существующая система разграничения административной и уголовной ответственности нуждается в большей определённости. Отсутствие чётких критериев приводит к тому, что в одних регионах за аналогичные нарушения возбуждаются уголовные дела, а в других — ограничиваются административными штрафами. Такая неравномерность подрывает принцип равенства перед законом.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об эффективности административных наказаний. Штрафы, предусмотренные за нарушения в сфере закупок, для должностных лиц относительно невелики. В то же время для юридических лиц (в тех случаях, когда ответственность предусмотрена) размеры штрафов могут быть более ощутимыми. Однако даже значительный штраф для организации не всегда гарантирует изменение поведения конкретных должностных лиц, особенно если эти лица не несут личной имущественной ответственности. В связи с этим в доктрине и правоприменительной практике всё чаще обсуждается вопрос о расширении применения такого вида наказания, как дисквалификация. В настоящее время дисквалификация предусмотрена лишь за отдельные, наиболее серьёзные нарушения.

Расширение перечня составов, по которым возможно применение дисквалификации, могло бы повысить превентивный эффект административной ответственности, особенно в отношении лиц, неоднократно допускающих нарушения.

Важным направлением совершенствования законодательства представляется также более чёткое регулирование порядка привлечения к ответственности при наличии нескольких нарушений в рамках одной закупки. Действующая практика позволяет возбуждать несколько дел об административных правонарушениях по фактам, фактически составляющим единое целое.

Это приводит к многократному наказанию одних и тех же лиц за, по сути, одно комплексное нарушение процедуры. Хотя суды иногда снижают размер штрафа с учётом этой обстоятельства, единообразного подхода пока не выработано.[12]

В литературе высказываются различные предложения по решению этой проблемы. Одни авторы считают необходимым введение специальных правил о поглощении наказаний при множественности нарушений в одной закупке. Другие предлагают сконцентрировать контроль на наиболее значимых нарушениях, оставив менее серьёзные отклонения от процедуры за рамками административного преследования. Оба подхода имеют свои преимущества и недостатки, однако требуют законодательного решения.

Наконец, нельзя не отметить влияние цифровизации на характер нарушений и способы их выявления. Переход на электронные процедуры существенно изменил способы совершения нарушений. Если раньше основные проблемы были связаны с бумажным документооборотом, то сейчас всё больше нарушений касается порядка работы в единой информационной системе, использования электронной подписи, соблюдения регламентов размещения информации. Это требует от правоприменителей новых компетенций и ставит вопрос о необходимости специальной подготовки должностных лиц, осуществляющих контроль в сфере закупок.

Подводя итог, можно констатировать, что административная ответственность за нарушения в сфере государственных закупок остаётся важным, но далеко не совершенным инструментом обеспечения законности. Существующие проблемы связаны как с качеством законодательных формулировок, так и с особенностями правоприменительной практики. Их решение требует системного подхода, включающего совершенствование норм КоАП РФ, уточнение разъяснений со стороны ФАС России и выработку более единообразной судебной практики.

Список литературы:

[1] Трошина З. Р. Административная ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере государственных закупок // Вопросы российского и международного права. 2024. № 4. С. 112–125.

[2] Добрецов Г. Б. Административная ответственность за нарушение порядка заключения контракта по 44-ФЗ // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 78–89.

[3] Никитин К. А. Структура административной ответственности за нарушения законодательства о контрактной системе // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 45–52.

[4] Гаджиев Н. Г. Контроль закупочных операций: виды ответственности за нарушения законодательства в сфере государственных закупок // Право и экономика. 2024. № 6. С. 34–41.

[5] Бугрова Е. Г. Особенности административной ответственности за нарушение законодательства в области государственных закупок // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 2. С. 67–78.

[6] Кацуба Т. В. Юридическая ответственность за нарушения в контрактной системе // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 89–98.

[7] Трошина З. Р. Аналитический обзор литературы и судебной практики по административной ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе // Юридический мир. 2025. № 1. С. 55–63.

[8] Бермес Е. А. К вопросу об ответственности в рамках контрактной системы // Государство и право. 2026. № 2. С. 112–120.

[9] Рукавишников С. М. Административная ответственность за нарушение национального режима в сфере закупок // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3. С. 92–101.

[10] Бугрова Е. Г. Проблемы правоприменения норм об административной ответственности в сфере государственных закупок // Административное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 28–36.

[11] Добрецов Г. Б. Актуальные вопросы административной ответственности заказчиков по 44-ФЗ // Право и экономика. 2023. № 12. С. 55–64.

[12] Трошина З. Р. Совершенствование механизма административной ответственности в контрактной системе: анализ судебной практики // Юридический мир. 2025. № 4. С. 41–49.

Referents:

[1] Troshina, Z. R. (2024). Administrative liability for violation of the legislation on the contract system in the sphere of public procurement. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava, (4), 112–125.

[2] Dobretsov, G. B. (2022). Administrative liability for violation of the procedure for concluding a contract under 44-FZ. Zhurnal rossiyskogo prava, (8), 78–89.

[3] Nikitin, K. A. (2024). The structure of administrative liability for violations of the legislation on the contract system. Administrativnoe pravo i protsess, (3), 45–52.

[4] Gadzhiev, N. G. (2024). Control of procurement operations: Types of liability for violations of legislation in the field of public procurement. Pravo i ekonomika, (6), 34–41.

[5] Bugrova, E. G. (2024). Specific features of administrative liability for violation of legislation in the field of public procurement. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo, (2), 67–78.

[6] Katsuba, T. V. (2022). Legal liability for violations in the contract system. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, (11), 89–98.

[7] Troshina, Z. R. (2025). Analytical review of literature and judicial practice on administrative liability for violation of the legislation on the contract system. Yuridicheskiy mir, (1), 55–63.

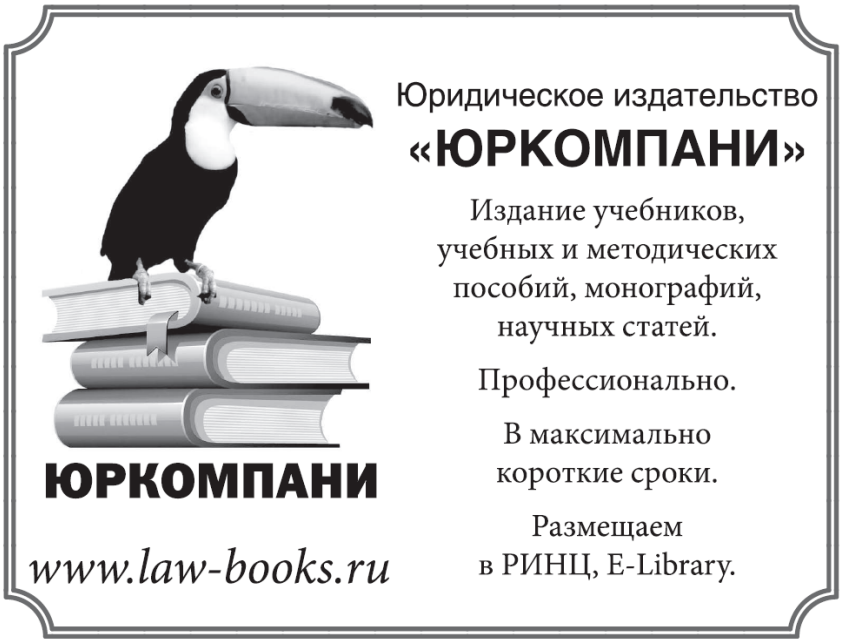
[8] Bermes, E. A. (2026). On the issue of liability within the contract system. Gosudarstvo i pravo, (2), 112–120.

[9] Rukavishnikov, S. M. (2025). Administrative liability for violation of the national regime in the field of procurement. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, (3), 92–101.

[10] Bugrova, E. G. (2024). Problems of law enforcement of norms on administrative liability in the field of public procurement. Administrativnoe i munitsipal'noe pravo, (5), 28–36.

[11] Dobretsov, G. B. (2023). Current issues of administrative liability of customers under 44-FZ. Pravo i ekonomika, (12), 55–64.

[12] Troshina, Z. R. (2025). Improving the mechanism of administrative liability in the contract system: Analysis of judicial practice. Yuridicheskiy mir, (4), 41–49.

- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО -

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-453-460
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЗАРИПОВ Шамиль Ришатович,
Ассистент кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: zaripovlawyer@mail.ru

АЛМАКАЕВА Гузель Ринатовна,
Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: guz1909@yandex.ru

ШАЙМУХАМЕТОВА Лиана Рафисовна,
Старший преподаватель кафедры финансового и административного права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: shaim-liana1@yandex.ru

БУРАНБАЕВ Радик Абдулхакович,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: RadikB1985@yandex.ru

ПРОКОФЬЕВА Динара Дамировна,
Старший преподаватель кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: ddprokofeva@mail.ru

САЙФУТДИНОВ Вахит Варисович,
Доцент кафедры физической культуры Института природы и человека ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа, Россия,
e-mail: kafedrafvbgu@yandex.ru

СТРАХОВОЕ ПРАВО В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. *В статье исследуются правовые и экономические основы исламского страхования (такафул) как альтернативной модели защиты от рисков, соответствующей нормам шариата. Авторы анализируют принципиальные отличия такафула от традиционного коммерческого страхования, которое содержит запрещённые в исламе элементы гарара (чрезмерной неопределённости), майсира (азартной игры) и рибы (ростовщичества). Раскрывается сущность такафула, базирующаяся на принципах табарру (добровольного пожертвования) и та'авун (взаимного сотрудничества), при которых риск распределяется между участниками, а*

взносы рассматриваются как дар в общий фонд. Подробно рассматриваются основные бизнес-модели такафула: мудараба (партнёрство с распределением прибыли), вакала (агентская модель с фиксированным вознаграждением), вакф (благотворительный фонд) и гибридная модель вакала-вакф. Характеризуются виды такафула – семейный (сочетающий защиту и накопления) и общий (покрывающий имущественные и коммерческие риски), а также механизм ретакафула как исламской альтернативы перестрахованию. Отдельное внимание уделяется деятельности международных организаций AAOIFI и IFSB, разрабатывающих шариатские и пруденциальные стандарты. Освещаются современные тенденции цифровой трансформации сектора (Takaful-Tech), включая внедрение блокчейна, смарт-контрактов и децентрализованных фреймворков D-Takaful. Делается вывод, что такафул представляет собой не просто исламский аналог страхования, а фундаментально иную правовую и экономическую систему, обеспечивающую конкурентоспособность и устойчивость в глобальной финансовой среде.

Ключевые слова*: Такафул; страхование; исламское право; исламское финансовое право; исламское страховое право; табарру; партнерское финансирование.*

ZARIPOV Shamil Rishatovich,
Assistant Professor, Department of Financial and Administrative Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ALMAKAEVA Guzel Rinatovna,
Senior Lecturer, Department of Financial and Administrative Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

SHAIMUKHAMETOVA Liana Rafisovna,
Senior Lecturer, Department of Financial and Administrative Law,
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

BURANBAEV Radik Abdulkhakovich,
Senior Lecturer at the Department of Physical
Education at the Institute of Nature and Man,
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

PROKOFIEVA Dinara Damirovna,
Senior Lecturer at the Department of Physical Education
at the Institute of Nature and Man, Ufa University
of Science and Technology, Ufa, Russia

SAYFUTDINOV Vakhit Varisovich,
Associate Professor of the Department of Physical Education
at the Institute of Nature and Man, Ufa University
of Science and Technology, Ufa, Russia

INSURANCE LAW IN ISLAMIC COUNTRIES

Annotation*. The article examines the legal and economic foundations of Islamic insurance (takaful) as an alternative risk protection model compliant with Sharia norms. The authors analyze the fundamental differences between takaful and traditional commercial insurance, which contains elements prohibited in Islam – gharar (excessive uncertainty), maysir (gambling), and riba (usury). The essence of takaful is revealed, based on the principles of tabarru (voluntary donation) and ta'awun (mutual cooperation), where risk is distributed among participants and contributions are treated as donations to a common fund. The main business models of takaful are examined in detail: mudaraba (profit-sharing partnership), wakala (agency model with fixed remuneration), waqf (charitable trust), and the hybrid wakala-waqf model. The types of takaful are characterized – family takaful (combining protection and savings) and general takaful (covering property and commercial risks), as well as the retakaful mechanism as an Islamic alternative to reinsurance. Special attention is paid to the activities of international organizations AAOIFI and IFSB, which develop Sharia and prudential standards. Current trends in the digital transformation of the sector (Takaful-Tech) are highlighted, including the implementation of blockchain, smart contracts, and decentralized D-Takaful frameworks. The con-*

clusion is drawn that takaful is not merely an Islamic equivalent of insurance, but a fundamentally different legal and economic system that ensures competitiveness and sustainability in the global financial environment.

Key words: *Takaful; insurance; Islamic law; Islamic financial law; Islamic insurance law; tabarru; partner financing.*

Такафул происходит от арабского слова, означающего «взаимное гарантирование» или «обеспечение друг друга» [1, с. 7]. Данная модель исламского страхования базируется на принципах та'авун (взаимного сотрудничества) и табарру (добровольного пожертвования). Сущность такафула заключается в том, что группа участников (страхователей) договаривается между собой о солидарном распределении риска возможного убытка любого из них, внося для этого пожертвование в размере полного или частичного такафул-взноса (премии), которое направляется на компенсацию понесённых потерь [2, с. 270]. В отличие от такафула, традиционное (коммерческое) страхование построено на договоре мены (купли-продажи), где риск переходит от страхователя к страховой компании. Это привносит в соглашение элементы неопределённости (гарар) и азартной игры (майсир), поскольку одна из сторон (страховщик) получает премию, а другая (страхователь) может как получить возмещение, так и потерять уплаченные средства без какого-либо встречного предоставления. Такафул же представляет собой структуру, в которой риск распределяется между всеми участниками, что позволяет устранить из договора элементы неопределённости и азартных игр, делая его соответствующим нормам шариата.

Каждый участник программы такафул вносит такафул-взнос, размер которого определяется исходя из его индивидуального риска и вероятности наступления страхового случая. Эти взносы аккумулируются для формирования единого такафул-фонда. Характер покрываемого риска и срок действия страхового покрытия фиксируются в такафул-контракте (страховом полисе). Сформированный фонд такафул инвестируется исключительно в халяльную (дозволенную) деятельность на беспроцентных условиях, что осуществляется с целью максимизации стоимости фонда в строгом соответствии с нормами шариата. Если по итогам деятельности будет установлено, что такафул-фонд имеет превышение доходов над расходами (профицит), то сумма данного превышения распределяется между участниками, имеющими право на участие в программе, в виде скидки на последующие взносы (в дополнение к любой скидке за безубыточность, предоставляемой участникам, не предъявлявшим претензий). Что касается вопроса о том, является ли понятие страхования харамом в исламе, следует ответить: страхование не признаётся харамом (запрещённым) в исламе при условии, что оно осуществляется в рамках такафула или иной модели, основанной на принципах взаимного сотрудничества и солидарности. В отличие от обычного коммерческого страхования, такафул не содержит недопустимых с точки зрения шариата элементов, таких как гарар (чрезмерная неопределённость), майсир (азартные игры, спекуляция) и инвестирование в процентные (рибави) инструменты [5, с. 213].

Обычное (коммерческое) страхование основано на договоре мены (купли-продажи), заключаемом между страховой компанией и застрахованным лицом, и данный договор признаётся недействительным с точки зрения шариата, поскольку он содержит один или несколько элементов, являющихся недопустимыми в исламском праве. Во-первых, обычное страхование содержит элемент гарара (чрезмерной неопределённости), обусловленный обещанием страховщика выплатить определённую денежную сумму при наступлении непредвиденного события, тогда как на момент заключения договора ни размер возможной выплаты, ни сам факт наступления страхового случая не являются определёнными, что вносит в сделку недопустимую неопределённость. Во-вторых, наличие гарара в обычном страховании неизбежно порождает элемент майсира (азартной игры), поскольку страхователь может либо потерять полностью все уплаченные им страховые взносы (если страховой случай не наступит), либо получить компенсацию за понесённые убытки (если страховой случай произойдёт); такой исход, зависящий исключительно от случайности и предполагающий возможность как выигрыша (возмещения), так и проигрыша (потери премии), квалифицируется как азартная игра, запрещённая шариатом. В-третьих, инвестирование средств страховых фондов в ценные бумаги, приносящие фиксированный процентный доход, в частности в облигации, а также в акции компаний, деятельность которых не соответствует принципам шариата (например, связанных с производством и реализацией алкоголя, табака, оружия, игорным бизнесом), представляет серьёзную проблему для мусульман, приобретающих традиционные страховые продукты, поскольку получение и выплата процентов (риба) категорически запрещены Кораном. Таким образом, обычное страхование признаётся харамом, так как оно одновременно содержит элементы неопреде-

лённости, азартной игры и ростовщичества, что в совокупности делает его несовместимым с принципами исламской экономики и требованиями шариата.

Отказ от приобретения полиса такафула заключается не в стремлении подчинить свою жизнь, смерть или судьбу воле Всевышнего, а в намерении доставить удовольствие Аллаху, Который повелевает мусульманам помогать друг другу, быть праведными и благочестивыми. Основная цель такафула - обеспечить участникам определённый уровень защиты от непредвиденных рисков в будущем посредством взаимного сотрудничества и солидарности, что полностью соответствует исламскому принципу взаимопомощи и не противоречит вере в Божественное предопределение [3, с. 268].

Такафул полностью соответствует нормам шариата, поскольку он основан на принципе сотрудничества, а не на договоре продажи или обмена, и тем самым устраняет нежелательные аспекты гарара (чрезмерной неопределённости), майсира (азартной игры) и рибы (ростовщичества). Это принципиальное отличие от обычного коммерческого страхования, при котором страхователи уплачивают страховые взносы в качестве платы за защиту от возможной катастрофы: если страховой случай наступает, страхователь получает защиту и возмещение, а если не наступает - безвозвратно теряет всю уплаченную премию. В противоположность этому взнос в такафул-фонд представляет собой соглашение между участниками (членами фонда) о взаимной помощи друг другу путём предоставления финансовой поддержки в случае, если с кем-либо из членов фонда произойдёт катастрофа или стихийное бедствие. Более того, такафул-фонд инвестирует собранные взносы исключительно в соответствии с шариатом, полностью избегая любых процентных (рибави) инструментов, а любой образовавшийся излишек (профицит) после покрытия страховых случаев и расходов перераспределяется между участниками. Таким образом, оператор такафул (компания) управляет этим общим пулом за отдельную плату (вознаграждение) исключительно в интересах участников, не присваивая себе страховую премию как доход.

Сущность модели такафул заключается в применении концепции мудараба (доверительного партнёрства) в повседневных сделках, что способствует продвижению исламских ценностей братства, единства, солидарности и взаимовыгодного сотрудничества. В модели мудараба, положенной в основу такафула, компания-оператор и участник имеют право на получение 100% прибыли без каких-либо вычетов, производимых до распределения, что означает, что вся полученная от инвестиционной деятельности прибыль подлежит распределению между сторонами в соответствии с заранее согласованным соотношением, без предварительного изъятия каких-либо сумм в пользу оператора в качестве фиксированного вознаграждения [4, с. 119]. Такая конструкция обеспечивает полную прозрачность и справедливость распределения финансового результата, исключая неопределённость (гарар) и несправедливое обогащение, что полностью соответствует требованиям шариата.

Основные различия можно резюмировать следующим образом:

	Такафул	Обычное страхование
Договор	Контракт между участниками Такафул-фонда является Контрактом Табарру (пожертвования, дарения) и, следовательно, предусматривает сотрудничество и взаимопомощь между ними. Такафул-контракты очень прозрачны.	Это договор мены, то есть соглашение о купле-продаже между страховщиком (компанией) и застрахованным лицом, на основании которого застрахованный покупает, а страховщик продает полис.
Ответственность за обеспечение защиты	Участники несут ответственность за защиту друг друга посредством Табарру (пожертвования, дара). Оператор Такафул управляет операциями Такафул только от имени участников.	Компании, не использующие такафул, за исключением взаимных компаний, предоставляют защиту в обмен на страховые взносы. Держатели полисов не связаны между собой никакими обязательствами, хотя они вносят взносы в один и тот же страховой фонд.

Излишек	Излишек Такафула принадлежит участникам. Часть излишка подлежит возврату участникам.	Любой излишек принадлежит страховщику.
Ответственность страховщика и оператора	Оператор Такафул, действующий от имени участников, оплачивает требования из фонда Такафул.	Страховщик несет ответственность за выплату страховых возмещений из своих активов (страховых фондов и акционерного фонда).
Инвестиции	Все средства вкладываются в инвестиции, соотвествующие нормам шариата.	Полученные средства могут быть инвестированы как в шариатские, так и в нешариатские инвестиции.

Модель Такафул Мудараба представляет собой соглашение о распределении прибылей и убытков, в рамках которого участник и оператор такафула делят между собой образовавшийся излишек, причём распределение такой прибыли зависит от соотношения, взаимно согласованного договаривающимися сторонами, и, как правило, эти соглашения предполагают разделение рисков, а нововведения позволяют оператору такафула участвовать в результатах андеррайтинга от страховых операций, а также в любых положительных доходах от инвестирования собранных премий [6, с. 287]. Модель Такафул Вакала является моделью, основанной на вознаграждении: совместное распределение рисков между участниками происходит при том, что оператор такафула получает фиксированное вознаграждение за оказанные услуги (в качестве посредника или агента) и не участвует в распределении результатов андеррайтинга, то есть не претендует на долю в излишке или прибыли от страховых операций, а плата оператора может включать в себя вознаграждение за управление фондом и дополнительное стимулирующее вознаграждение за эффективность работы. Модель Вакф Такафул функционирует аналогично моделям Мудараба и Вакала, однако вакф рассматривается как социальное или государственное предприятие, в рамках которого все программы осуществляются на некоммерческой основе: любой образовавшийся излишек или прибыль не принадлежат напрямую ни оператору, ни участникам, и не существует механизма распределения каких-либо излишков средств между ними, поскольку оператор удерживает излишек для последующей поддержки сообщества участников, направляя его на благотворительные или общественно полезные цели в соответствии с принципами вакфа.

В структуре такафула существуют два отдельных фонда: фонд такафула (или фонд страхователей) и фонд оператора (или фонд акционеров). Фонд такафула работает на принципах чистого сотрудничества, аналогично обычным организациям взаимного страхования; в рамках этого фонда с течением времени накапливаются дефициты и излишки денежных средств, к которым оператор не имеет прямого доступа. В результате фонд такафула оказывается эффективно защищён от неисполнения обязательств по фонду оператора. Управленческие расходы и начальный капитал покрываются фондом оператора, основной доход которого поступает либо в виде заранее определённой платы за управление (для покрытия расходов), либо в виде доли прибыли от инвестиций и результатов андеррайтинга, либо в виде сочетания того и другого.

Семейный такафул представляет собой разновидность исламского страхования, которая обеспечивает участникам как защиту от непредвиденных событий, так и возможность формирования долгосрочных личных сбережений. В случае наступления трагедии (например, смерти или стойкой утраты трудоспособности) участнику или его бенефициарам предоставляются финансовые выплаты. Одновременно с этим часть вклада участника направляется на сберегательный счёт, что позволяет ему накапливать средства и получать доход от инвестиций в соответствии с заранее согласованным соотношением распределения прибыли. Механизм функционирования семейного такафула строится следующим образом. Участники вносят определённую денежную сумму в фонд такафула, которая разделяется на две части: взнос в виде табарру (добровольного пожертвования) и взнос для сбережений и инвестиций. Вклад в виде табарру помещается в специальный счёт участников, который используется для выполнения обязательств по взаимопомощи в случае, если с каким-либо участником произойдёт несчастный случай, повлёкший смерть или стойкую утрату трудоспособности.

Если же участник доживает до даты истечения срока действия плана, он имеет право разделить чистый излишек этого фонда, если таковой имеется. Сберегательная и инвестиционная часть взноса размещается на счёте участника, который оператор такафула инвестирует в соответствии с нормами шариата. Полученная от инвестирования прибыль распределяется между участником и оператором такафула в заранее согласованном соотношении. Таким образом, семейный такафул сочетает в себе принципы взаимопомощи и накопления, полностью соответствуя требованиям исламского финансового права.

Общий такафул представляет собой вид исламского страхования, предназначенный для покрытия повседневных материальных рисков и убытков, связанных с имуществом, ответственностью и различными видами деятельности. Он охватывает широкий спектр страховых случаев, включая, но не ограничиваясь ими: страхование автотранспорта (автомобили, мотоциклы, такси, коммерческие автомобили и фургоны, промышленная и сельскохозяйственная техника); страхование зданий (жилая недвижимость, включая дома, квартиры и загородные дома, коммерческая недвижимость, включая офисы, магазины и фабрики, а также общественные здания, включая мечети и школы); страхование имущества (домашнее имущество, личные вещи и ценности); страхование бизнеса (коммерческие помещения на случай пожара, кражи и иных рисков, складские запасы, оборудование и материалы, ответственность работодателя, общественная ответственность, потеря дохода, профессиональная компенсация, импортно-экспортные операции и транспортировка товаров). В отличие от семейного такафула, который сочетает защиту с накоплениями, общий такафул работает исключительно на принципах взаимного сотрудничества (табарру) и солидарного распределения рисков, не имея сберегательного компонента, что позволяет ему эффективно покрывать непредвиденные убытки в различных сферах имущественных и коммерческих отношений, полностью соответствуя требованиям шариата.

Ретакафул представляет собой исламскую альтернативу традиционному перестрахованию, обеспечивающую передачу части рисков между операторами такафула, полностью соответствуя нормам шариата. По своей сути, ретакафул - это механизм распределения крупных рисков, которые один оператор такафула не может покрыть самостоятельно; если обобщить, то ретакафул для оператора такафула, это то же самое, что такафул для физического или юридического лица: он позволяет диверсифицировать риски, защититься от непредвиденных крупных убытков (например, из-за стихийных бедствий), повысить финансовую стабильность и расширить масштабы бизнеса, при этом без такого механизма операторы были бы вынуждены обращаться к традиционному перестрахованию, что поставило бы под угрозу соответствие их деятельности принципам исламского права [8, с. 39]. Ключевые принципы ретакафула и его отличия от традиционного перестрахования заключаются в соблюдении норм шариата, что означает полное исключение из деятельности элементов рибы (ссудного процента), гарара (чрезмерной неопределённости) и майсира (азартной игры), при этом средства ретакафул-фонда инвестируются только в халяльные (дозволенные) активы; также характерно недопущение «цедентских комиссий» (комиссионных перестраховщика), поскольку в традиционном перестраховании первичный страховщик получает от перестраховщика комиссию за передачу бизнеса, что согласно шариату запрещено, так как делает первичную компанию агентом перестраховщика. В основе сделки лежат не стандартный договор купли-продажи риска, а принципы взаимного сотрудничества (та'авун) и добровольного пожертвования (табарру), а участники договариваются о распределении не только убытков, но и прибыли от инвестиционной деятельности, что соответствует принципу разделения рисков и прибыли. В зависимости от конкретного соглашения ретакафул может строиться на двух основных исламских контрактных моделях: модель вакала (агентская), при которой оператор ретакафула выступает в качестве платного агента (вакиля) для управления фондом и совершения сделок, получая заранее оговоренное фиксированное вознаграждение независимо от результатов инвестиционной деятельности или наступления убытков; и модель мудараба, при которой оператор ретакафула выступает как мудариб, а операторы, передающие ему риски, как рабб уль-маль (владельцы капитала), и прибыль от инвестирования средств фонда распределяется между ними в заранее согласованной пропорции, а убытки покрываются из капитала владельцев. Существуют также гибридные схемы, например модель вакала-вакф, где часть средств по договору вакала может направляться в благотворительный фонд (вакф) для социальных целей. Индустрия ретакафула начала формироваться в 1970-х годах и продолжает активно развиваться; ключевую роль в её поддержке играют как специализированные компании, так и крупные международные перестраховщики, создавшие исламские «окна», среди которых Hannover ReTakaful (Бахрейн), Swiss Re (Малайзия), Munich Re, Takaful Re (ОАЭ), Best Re (Тунис), MNRB Retakaful (Малайзия). Несмотря на

позитивную динамику, рынок ретакафула сталкивается с определёнными вызовами: он пока остаётся относительно небольшим по сравнению с традиционным рынком перестрахования, наблюдается нехватка квалифицированных кадров, а также существует потребность в дальнейшей гармонизации стандартов между различными юрисдикциями.

Легитимность такафула как исламского финансового института основывается на трёх основных принципах: 1) принципе добровольного пожертвования (табарру), согласно которому взнос участника является добровольным даром, а выплаты производятся из общего фонда; 2) принципе взаимной ответственности и сотрудничества (та'авун), когда все участники являются одновременно страхователями и страховщиками по отношению друг к другу; 3) отсутствии элементов гарар и майсир, что обеспечивает прозрачность и определённость контракта.

Экономическая сущность такафула реализуется через несколько устоявшихся бизнес-моделей: модель мудараба (партнёрство), где оператор управляет фондом и получает оговорённую долю инвестиционного дохода; агентскую модель вакала, где оператор выступает в качестве платного агента, получающего фиксированное вознаграждение; модель вакф, при которой оператор создаёт благотворительный фонд за счёт первоначального пожертвования акционеров, а все взносы участников являются пожертвованиями в этот фонд; а также гибридную модель вакала-вакф, сочетающую элементы агентского вознаграждения с распределением излишка средств (профицита) обратно участникам.

Развитие глобальной индустрии такафула обеспечивается деятельностью двух ключевых международных организаций: AAOIFI (Организация по бухгалтерскому учёту и аудиту для исламских финансовых институтов), которая разрабатывает шариатские стандарты и стандарты бухгалтерского учёта, и IFSB (Совет по исламским финансовым услугам), который разрабатывает пруденциальные стандарты, включая IFSB-14 по управлению рисками и базовые принципы для такафула (Takāful Core Principles, TCPs).

Современные тенденции включают цифровую трансформацию сектора, что ведёт к появлению направления «Takaful-Tech»: внедряются цифровые платформы и встроенное страхование (embedded takaful), интегрирующее такафул в экосистемы электронной коммерции и банковских приложений; используются распределённые реестры (блокчейн) и смарт-контракты для создания децентрализованных фреймворков D-Takaful, обеспечивающих прозрачность, автоматизацию выплат и снижение административных издержек; появляются полностью цифровые операторы, такие как Techafull в Германии - первый в Европе цифровой исламский страховщик [7, с. 161].

Такафул является не просто исламским аналогом страхования, а системой, фундаментально отличающейся по своей правовой и экономической природе, отказ от обмена (бай') в пользу соглашения о взаимопомощи (табарру) и солидарного распределения рисков (такафуль) позволяет ему полностью соответствовать нормам шариата, а внедрение современных технологий и международных стандартов обеспечивает его конкурентоспособность и устойчивость в глобальной финансовой среде.

Список литературы:

[1] Беккин Р.И. Исламское страхование (такафул) : Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Теология» / – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2012. – 138 с.

[2] Беккин Р.И. Организационно-правовые основы исламского страхования (такафула) // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 268-271.

[3] Беккин Р.И. Страхование в мусульманском мире: к истории вопроса // Проблемы современной экономики. 2013. № 1(45). С. 267-269.

[4] Зарипов Ш.Р., Аслаев С.Т., Аслаев Т.С., Зарипов Р.У., Карташев Н.И. Правовые основы партнерского финансирования в рамках исламской экономики // Образование и право. 2024. № 12. С. 117-122.

[5] Зарипов Ш.Р., Кудашев Р.К., Петров А.Н., Салимов И.А., Еремеев В.Ю. Правовые основы налогообложения в исламской экономике // Образование и право. 2024. № 12. С. 210-215.

[6] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Бюджетное право в исламским странах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 286-291.

[7] Зарипов Ш.Р., Кузнецов И.А., Алмакаева Г.Р., Шаймухаметова Л.Р. Финансово-правовое регулирование противодействия (легализации) отмыванию доходов, полученных преступным путем в исламских странах в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 11. С. 158-162.

[8] Сюкияйнен, Л.Р. Особенности современного исламского права // Право между Востоком и Западом. 2025. № 2. С. 28-41.

References:

[1] Bekkin R.I. Islamic insurance (takaful): Textbook for students of higher educational institutions studying in the direction of training "Theology "/-

Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University. 2012. - 138 s.

[2] Bekkin R.I. Organizational and legal foundations of Islamic insurance (takafula)//Problems of the modern economy. 2014. № 1 (49). PP. 268-271.

[3] Beckin R.I. Insurance in the Muslim world: to the history of the issue//Problems of the modern economy. 2013. № 1(45). PP. 267-269.

[4] Zaripov S.R., Aslaev S.T., Aslaev T.S., Zaripov R.U., Kartashev N.I. Legal foundations of partner financing in the framework of the Islamic economy// Education and law. 2024. № 12. S. 117-122.

[5] Zaripov Sh. R., Kudashev R.K., Petrov A.N., Salimov I.A., Eremeev V.Yu. Legal basis of taxation in the Islamic economy//Education and law. 2024. № 12. S. 210-215.

[6] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Budgetary law in Islamic countries//Law and state: theory and practice. 2025. № 12. S. 286-291.

[7] Zaripov Sh. R., Kuznetsov I.A., Almakaeva G.R., Shaimukhametova L.R. Financial and legal regulation of countering (legalizing) money laundering in Islamic countries in the digital age//Law and state: theory and practice. 2025. № 11. S. 158-162.

[8] Syukiyainen, L.R. Features of modern Islamic law//Law between East and West. 2025. № 2. S. 28-41.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-461-465

МАКАРОВ Даниил Романович,
аспирант Московского
финансово-юридического университета,
e-mail: drmakarov@internet.ru

СМАРТ-КОНТРОЛЛИНГ В ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *Статья посвящена анализу зарубежного опыта внедрения СМАРТ-контроллинга в финансово-бюджетной сфере и оценке возможностей его адаптации к российской системе государственного финансового контроля. Рассматриваются современные тенденции цифровизации контрольной деятельности, обусловленные развитием информационных технологий, интеграцией искусственного интеллекта, облачных вычислений, больших данных и автоматизированных систем анализа. Подчеркивается, что трансформация государственного контроля связана с переходом от традиционного учета к стратегически ориентированной модели управления публичными финансами, основанной на принципах прозрачности, превентивности и риск-ориентированного подхода.*

Особое внимание уделено практике Германии, Великобритании, Канады, США и Сингапура, демонстрирующей различные модели цифрового финансового контроля. В Германии акцент сделан на интеграции цифровых платформ и использовании технологий искусственного интеллекта при анализе бюджетных рисков. В Великобритании СМАРТ-контроллинг реализуется через взаимодействие распределенных цифровых систем и блокчейн-технологий. Канадская модель основана на централизованных облачных вычислениях и формализованной оценке алгоритмического воздействия автоматизированных решений. В США цифровизация финансового контроля осуществляется в рамках систем цифрового аудита и аналитических платформ, применяющих технологии искусственного интеллекта для выявления рисковых операций. Сингапур рассматривается как пример формирования интегрированной цифровой среды управления государственными ресурсами в режиме, близком к реальному времени.

В статье выявлены ключевые проблемы внедрения СМАРТ-контроллинга: фрагментарность информационных систем, недостаточный уровень цифровых компетенций государственных служащих, риски информационной безопасности, а также проблема непрозрачности алгоритмов искусственного интеллекта. Делается вывод о глобальном характере цифровой трансформации государственного финансового контроля и перспективности использования зарубежного опыта в Российской Федерации. Обосновывается необходимость нормативного регулирования применения технологий искусственного интеллекта и разработки критериев допустимости их использования в сфере государственного финансового контроля.

Ключевые слова: *алгоритмическое воздействие, большие данные, государственный финансовый контроль, государственные финансы, искусственный интеллект, облачные вычисления, превентивный контроль, риск-ориентированный подход, СМАРТ-контроллинг, цифровизация.*

MAKAROV Daniil Romanovich,
PhD student at Moscow University of Finance and Law

SMART CONTROLLING IN THE FINANCIAL AND BUDGETARY SPHERE: FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *The article is devoted to the analysis of foreign experience in the implementation of SMART controlling in the financial and budgetary sphere and the assessment of the possibilities of its adaptation to the Russian system of state financial control. The article examines current trends in the digitalization of control activities due to the development of information technology, the inte-*

gration of artificial intelligence, cloud computing, big data and automated analysis systems. It is emphasized that the transformation of state control is associated with the transition from traditional accounting to a strategically oriented model of public finance management based on the principles of transparency, preventativeness and a risk-based approach.

Special attention is paid to the practice of Germany, Great Britain, Canada, the USA and Singapore, demonstrating various models of digital financial control. In Germany, the focus is on the integration of digital platforms and the use of artificial intelligence technologies in the analysis of budget risks. In the UK, SMART controlling is implemented through the interaction of distributed digital systems and blockchain technologies. The Canadian model is based on centralized cloud computing and a formalized assessment of the algorithmic impact of automated solutions. In the United States, the digitalization of financial control is carried out within the framework of digital audit systems and analytical platforms that use artificial intelligence technologies to identify risky transactions. Singapore is considered as an example of the formation of an integrated digital environment for the management of public resources in close to real time.

The article identifies the key problems of SMART controlling implementation: fragmentation of information systems, insufficient level of digital competencies of civil servants, information security risks, as well as the problem of opacity of artificial intelligence algorithms. The conclusion is made about the global nature of the digital transformation of state financial control and the prospects of using foreign experience in the Russian Federation. The necessity of regulatory regulation of the use of artificial intelligence technologies and the development of criteria for their use in the field of state financial control is substantiated.

Key words: *algorithmic impact, big data, state financial control, public finance, artificial intelligence, cloud computing, preventive control, risk-based approach, SMART controlling, digitalization.*

Современное развитие цифровых технологий способствовало видоизменению содержательных функций государственного контроля: от простого учёта, до управленческой политики, имеющей стратегическое назначение. Применительно к сфере государственных финансов в Российской Федерации это способствовало оптимизации существующей системы контроллинга путем интеграции в неё инструментов CMART-контроллинга, предполагающего цифровой формат взаимодействия, а также формирующего так называемый «прозрачный контроль» и рискоориентированный подход в управлении. Изложенное позволяет говорить об актуальности анализа и обобщения зарубежной практики внедрения инструментов CMART-контроллинга в сферу государственных финансов с целью рассмотрения возможности имплементации наработанного опыта к российским реалиям.

Активизация внедрения методов превентирующего характера в государственном финансовом секторе многих стран, по мнению ученых, связана с вынужденной необходимостью работы в режиме он-лайн в условиях пандемии COVID-19 и в последующий период, направленный на ликвидацию ее последствий [6]. Вместе с тем, исследователи, проводя сравнительный анализ с процессами, протекающими в РФ, прежде всего, отмечают схожесть ряда факторов, выступающих в качестве проблемных аспектов в исследуемой сфере в период ее цифровизации. Разрешение последних составляет основной содержательный вектор принимаемых решений в ходе деятельности государственных органов. Среди этих факторов учёными называются: бюрократизм, разноформатность и разрозненность информации об объектах контроля, ее большой объем, неудовлетворительный уровень взаимодействия субъектов контроля, отсутствие оперативности реагирования на возникающие кризисные ситуации и пр [3].

Вместе с тем, имеются и существенные различия, опосредованные принципиально другими подходами в организации государственного финансового контроля, а также состоянием цифровизации органов власти и объектов контроля (начальная стадия, либо пиковый уровень). И в этом случае наибольший интерес представляет изучение зарубежного опыта некоторых стран, имеющих по данным Всемирного банка [8], наивысший индекс зрелости государственных технологий. Так, например, в Германии предупреждающие механизмы контроля в сфере бюджетирования и госзакупок характеризуются процессами открытости, интеграции цифровых платформ с большими данными, прозрачности алгоритмов их работы, а также использованием ИИ. Указанное обстоятельство формирует объективное представление о сложившейся ситуации, позволяет оперативно выявить существующую проблему, либо риск ее возникновения, а также выработать на основе анализа, проведённого посредством ИИ, эффективный способ ее разрешения.

Из проблемных аспектов эксперты отмечают фрагментированность устаревших систем, которые поддерживают автоматизацию и инте-

грацию процессов управления государственными финансами (FIMS). Данное обстоятельство затрудняет внедрение сложных аналитических и AI моделей, но в то же время стимулирует развитие упрощённых и объяснимых (explainable) систем анализа [5].

В Великобритании в рамках контроля за государственными финансами используется принцип системности. Данная деятельность осуществляется несколькими государственными субъектами в зависимости от наделённых функций по отношению к бюджету: планирование, исполнение и аудит. Цифровые платформы в Великобритании используются в сочетании с блокчейн технологиями и системами распределенных реестров. СМАРТ контроллинг и аналогичные цифровые инструменты применяются для оценки эффективности расходов, выявления рисков и поддержки принятия решений на основе полученных данных [4].

В Канаде приоритет в области государственного контроля отдан именно цифровым технологиям. Их применение имеет соответствующую единообразную методическую базу, а координация данной деятельности осуществляется лично Генеральным аудитором Канады и представителями его аппарата. В качестве основной технологии, применяемой в исследуемом секторе, выступают централизованные облачные вычисления (ИТ-система CaseWare). Через описываемую систему возможен непосредственный выход на базы данных объектов контроля. Указанное обстоятельство позволяет оперативно решать поставленные цели и задачи в области государственного финансового контроля, сократив при этом материальные, временные и иные виды затрат [9]. В качестве особенности нужно отметить широкий спектр носителей цифровой информации, которая является предметом анализа, осуществляемого в рамках финансового контроля. Для реализации данной опции возникает потребность в использовании инноваций на базе искусственного интеллекта (далее по тексту ИИ). Проработка правовой и технической возможности их внедрения для превентивного контроля является приоритетом, который провозглашён на высшем государственном уровне и отражён в стратегических документах планирования. Применительно к аудиторскому и казначейскому контролю централизованные облачные ресурсы определены как основной формат хранения различных сведений, которые загружаются туда за определённые временные периоды из иных ресурсов, принадлежащих подконтрольным субъектам. Относительно взаимодействия всех субъектов контрольной деятельности отметим, что оно осуществляется через централизованную систему формирования отчётности.

Интересным, с точки зрения возможной имплементации в российское законодательство, является и канадский опыт формализации алгоритма приятия решений в автоматизированном режиме. Для предупреждения рисков, которые могут возникнуть в процессе автоматизированного принятия решений, в этой стране была проведена огромная подготовительная работа как со стороны представителей научного сообщества, так и со стороны специалистов заинтересованных государственных сфер деятельности. Итогом стала выработка и реализация специального показателя алгоритмического воздействия (Algorithmic Impact Assessment, AIA), который имеет определённые уровни от самого низкого до самого высокого.

Из имеющихся проблемных аспектов необходимо назвать обеспечение должного состояния безопасности облачных технологий. Поставщики данной услуги, как правило, это частные организации. Отсюда риски, связанные с бесперебойной работой данного функционала, например, в случае, если возникает ситуация блокировки хозяйствующего субъекта, предоставляющего услугу (провайдера, вендора), либо полного прекращения его статуса в связи с ликвидацией. Эксперты отмечают еще одну, не менее важную, проблему, которая характерна не только для Канады, но и для других развитых в цифровом отношении государств, - это низкий уровень профессионализма в применении цифровых технологий сотрудниками государственных финансовых ведомств. Данное обстоятельство препятствует достижению должной эффективности контроля в указанной сфере.

Примечательно, что для США характерен другой подход к цифровизации контроллинга в исследуемой сфере [4] Последний, по сути, реализуется как часть цифрового аудита и внутреннего контроля, интегрированных в управленческую и бюджетную отчётность и контролируемых независимыми аудиторскими органами. Департамент казначейства Министерства финансов США, а также Американский институт сертифицированных аудиторов (American Institute of Certified Public Accountants, AICPA) реализуют политику активного использования систем, основанных на ИИ, а именно:

1) DATA Act (отвечает за контроль качества и прозрачность цифровой отчётности);
2) NRP Redesign обслуживает случаи, связанные с экономическими метриками, нестандартными транзакциями, налоговыми платежами и т.п. Указанные системы наиболее результативны при осуществлении сравнительного анализа отчётных документов, предоставляемых для Федеральной системы данных о закупках IRS (FPDS) и

сведений, которые содержат непосредственно сами контракты; при выявлении высокорисковых операций, проводимых в рамках реализуемых федеральных программ на основе данных, выявленных аудитом.

Среди имеющихся проблем в этой деятельности экспертами называется эффект «чёрного ящика» или Black Box Problem, имеющий место при принятии решения или вывода, сделанного системой ИИ, основанной на методах машинного или глубокого обучения, по результатам проведённого анализа. Фактически оно может быть как правильным, так и нет. Однако пользователь не обладает информацией о логическом ряде программы, которую использовала данная система, основанная на ИИ, при формировании выданного ею решения [1]. В этой связи власти США предпринимают комплекс организационных и практических мер, направленных на независимую и критичную метрологию возможностей разрабатываемых систем ИИ, применяемых в государственном секторе, и их влияния на состояние национальной безопасности [7].

Исследователями отмечается значительный опыт в государственном регулировании цифровых информационных систем и технологий искусственного интеллекта, которым располагает Сингапур [2]. Здесь сформирована интегрированная цифровая среда, где финансовый контроль и управление ресурсами происходят в режиме близком к реальному времени (near real time), что соответствует логике СМАРТ контроллинга - смещения контроля ближе к стадии планирования и принятия решений.

Проведенный анализ состояния цифровой трансформации государств, находящихся на разных континентах, имеющих отличающиеся друг от друга формы государственного устройства, правления и политического режима, приводит к обоснованному выводу о глобализации данного процесса и его поэтапном развитии: от формирования информационной базы до создания в перспективе цифрового правительства. Отметим также, что практика СМАРТ-контроллинга в зарубежных странах свидетельствует об интеграции данного метода в уже сформированные информационные системы исполнения и отчётности бюджета, платформы аудита и контроля за публичными финансами. Внедрение методов СМАРТ-контроллинга в Российской Федерации является логичным процессом, обоснованным мировыми трендами цифровизации всех сфер государственной деятельности.

Считаем, что определённая часть имеющегося зарубежного опыта может быть применима и к российским реалиям для осуществления контрольных функций в сфере государственных финансов. На наш взгляд, наибольший интерес здесь представляют реализуемые некоторыми странами технологии облачных вычислений и ИИ, которые позволяют значительно оптимизировать многие процедурные манипуляции в рамках осуществляемого контроля. Вместе с тем, отметим и наличие серьёзных факторов риска для государственной безопасности, что предполагает необходимость нормативного правового регулирования данных процессов, выработку показателей допустимости применения систем, использующих ИИ, при осуществлении процедур государственного финансового контроля.

Список литературы:

[1] Бексултанов А.А., Жалалдин К.А., Иса К.А., Сапарова А. Государственный финансовый контроль в зарубежных странах // Актуальные вопросы образования и науки. 2022. № 2(74). С. 7-10.; Долганова О.И., Козырев Д.А. Указ. соч. С. 153

[2] Горян Э. В. Национальные подходы к применению искусственного интеллекта: опыт Сингапура // Юридические исследования. 2020. № 8. С. 62–72; Ках Вай Иии, Серкина К.В. Государственное регулирование цифровых информационных систем Сингапура // Вестник университета Правительства Москвы. 2023. №3. С. 39-44 и др.

[3] Долганова О.И., Козырев Д.А. Зарубежный опыт цифровизации превентивного государственного финансового контроля (на примере США, Китая, Канады, Индии и Австралии) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 141–161.

[4] Лукашов А.И. Анализ зарубежного опыта организации государственного финансового контроля. Мир новой экономики. 2025. №19(3). С. 68-79.

[5] Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития (OECD). URL: https://www.oecd.org/(дата обращения: 13.03.2026).

[6] Скворцов А. С. Зарубежный опыт цифровизации функции государственного контроля // Экономика строительства. 2025. № 8. С. 32-34.

[7] США усиливают контроль над ИИ: ключевые разработчики передадут модели на тестирование до релиза. URL: https://www.vesti.ru/ (дата обращения: 2.05.2026).

[8] GovTech Maturity Index Update. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/ govtech/ (дата обращения: 12.03.2026).

[9] The Data-Driven Audit: How Automation and AI are Changing the Audit and the Role of the Auditor // AICPA&CIMA URL: https://us.aicpa.org/ content/dam/aicpa/interestareas/frc/ (дата обращения: 15.03.2026).

References:

[1] Beksultanov A.A., Zhalaldin K.A., Isa K.A., Saparova A. State financial control in foreign countries//Current issues of education and science. 2022. № 2(74). S. 7-10.; Dolganova O.I., Kozyrev D.A. Decree. Op. S. 153

[2] Goryan E. V. National approaches to the application of artificial intelligence: the experience of Singapore//Legal research. 2020. № 8. S. 62-72; Kah Wai Iii, Serkina K.V. State Regulation of Digital Information Systems in Singapore//Bulletin of the University of the Government of Moscow. 2023. №3. S. 39-44 et al.

[3] Dolganova O.I., Kozyrev D.A. Foreign experience in digitalization of preventive state financial control (using the example of the USA, China, Canada, India and Australia)//Public administration. Electronic bulletin. 2024. № 104. S. 141-161.

[4] Lukashov A.I. Analysis of foreign experience in organizing state financial control. The world of the new economy. 2025. №19(3). S. 68-79.

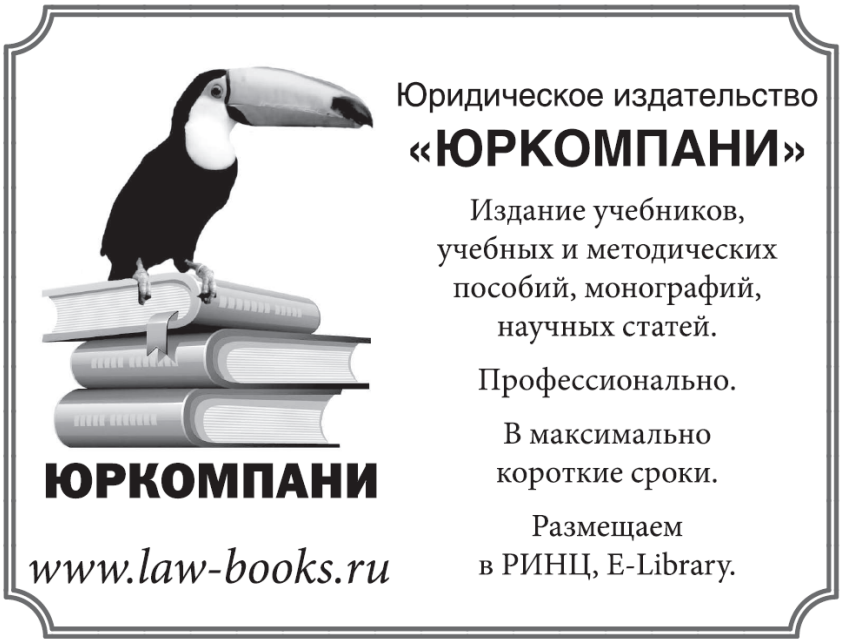
[5] Official website of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). URL: https://www.oecd.org/ (access date: 13.03.2026).

[6] Skvortsov A. S. Foreign experience of digitalization of the state control function//Economics of construction. 2025. № 8. S. 32-34.

[7] The US is tightening control over AI: key developers will submit models for testing before release. URL: https://www.vesti.ru/ (accessed on 2.05.2026).

[8] GovTech Maturity Index Update. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/ govtech/(access date: 12.03.2026).

[9] The Data-Driven Audit: How Automation and AI are Changing the Audit and the Role of the Auditor // AICPA&CIMA URL: https://us.aicpa.org/content/dam/aicpa/interestareas/frc/ (дата обращения: 15.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-466-473
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ШАРАПОВА Наталья Владимировна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: sharapov.66@mail,ru

РАСУЛОВ Бахтиёр Баходирович,
Студент магистратуры кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: bahti_1987_31@mail.ru

ШАРАПОВА Валентина Михайловна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: agroprom23@mail.ru

РАХМАНОВ Артем Дмитриевич,
студент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: yroflanov@bk.ru

БУХАРОВА Дина Хасановна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: buharova.dina@yandex.ru

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО БАЛАНСА В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы нормативного регулирования при формировании бухгалтерского баланса в России и Республике Узбекистан. Выявлены общие принципы построения баланса в России и Республике Узбекистан имеющие сходную основу. Отмечено, что страны используют собственные нормативные документы, стандарты и структуру планов счетов, различия в нормативных подходах отражаются в порядке раскрытия информации, и подходах к формированию рабочего плана счетов. В России организации самостоятельно утверждают рабочий план на основе типового, адаптируя его под особенности своей деятельности, при этом сохраняется структура синтетических счетов. В Узбекистане же допускается разработка рабочего плана счетов, но основные группы и коды строго соответствуют утвержденным НСБУ, что тем самым обеспечивает единообразие отчетности на национальном уровне. Представлена типовая структура формы баланса по национальным стандартам согласно РСБУ и НСБУ.*

Ключевые слова: *Бухгалтерский баланс, бухгалтерская (финансовая) отчетность, ФСБУ 4/2023, МСФО, НСБУ.*

SHARAPOVA Natalya Vladimirovna,
Doctor of Economics, Head of the Accounting and Auditing Department
at the Ural State University of Economics

RASULOV Bakhtiyor Bakhodirovich,
Master's Student, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

SHARAPOVA Valentina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Accounting and Auditing
at the Ural State University of Economics

RAKHMANOV Artem Dmitrievich,
Student of the Department of Accounting and Audit,
Ural State University of Economics,

BUKHAROVA Dina Khasanovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics

REGULATORY FRAMEWORK AND PRINCIPLES OF ACCOUNTING STATEMENT FORMATION IN RUSSIA AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Annotation*. This article examines regulatory issues related to balance sheet preparation in Russia and the Republic of Uzbekistan. General principles for balance sheet construction in Russia and the Republic of Uzbekistan are identified, which have a similar basis. It is noted that the countries use their own regulatory documents, standards, and chart of accounts structures. Differences in regulatory approaches are reflected in the disclosure procedures and approaches to developing a working chart of accounts. In Russia, organizations independently approve a working plan based on a standard one, adapting it to the specifics of their operations, while maintaining the structure of synthetic accounts. In Uzbekistan, the development of a working chart of accounts is permitted, but the main groups and codes strictly correspond to those approved by NAS, thereby ensuring consistency in reporting at the national level. A standard structure of the balance sheet form according to national standards is presented, in accordance with RAS and NAS.*

Key words*: Balance sheet, accounting (financial) statements, FSBU 4/2023, IFRS, NAS.*

Бухгалтерский баланс, выступает центральной формой финансовой отчетности, отражающей имущественное и финансовое положение организации на определенную дату. Несмотря на то, что общие принципы построения баланса в России и Республике Узбекистан имеют сходную основу, страны используют собственные нормативные документы, стандарты и структуру планов счетов, тем самым определяя специфику формирования отчетности.

Нормативная база составления бухгалтерского баланса в Российской Федерации основана на положениях Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» До 2025 года действовала форма бухгалтерского баланса, утвержденная приказом Минфина РФ № 66н от 2 июля 2010 года, но с отчетности за 2025 год вступает в силу новый Федеральный стандарт ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность», который изменил подход к структуре и составу раскрываемой информации [1,2].

В Республике Узбекистан регулирование бухгалтерского учета осуществляется на основе Закона «О бухгалтерском учете» и национальных стандартов бухгалтерского учета. В 2024–2025 годах в Узбекистане были утверждены обновленные приказы Министерства экономики и финансов Республики Узбекистан, регламентирующие структуру отчетности и сроки ее представления.

В обеих странах баланс имеет традиционную структуру, разделенную на Актив и Пассив, где актив состоит из внеоборотных и оборотных активов, а пассив состоит из капитала, резервов, долгосрочных и краткосрочных обязательств. Деление помогает отражать общепринятые принципы бухгалтерского учета и обеспечивать сопоставимость отчетности между предприятиями. В России строки баланса формируются на основании сальдо по синтетическим счетам, установленным Планом счетов № 94н. Остаток по счету 01 «Основные средства» за вычетом счета 02 «Амортизация основных средств» отражается в строке «Основные средства» актива баланса. Данные по счету 10 «Материалы» — в строке «Запасы». [3] Сальдо по счетам 50 и 51 в строке «Денежные средства». Аналогичным образом формируются статьи пассива, счет 80 «Уставный капитал» и 84 «Нераспределенная прибыль» формируют строки раздела «Капитал и резервы», а данные по счетам 60 и 70 включаются в раздел «Краткосрочные обязательства».

В Узбекистане структура баланса формируется по сходной логике, но национальный План счетов имеет более кодированную структуру, где каждая группа счетов (0100 - основные средства, 0200 - запасы, 0300 - денежные средства) напрямую соответствует определенным статьям баланса. Кодирование облегчает сопоставление строк отчетности с группами счетов. Сальдо по группе 0100 формирует строку «Основные средства», по группе 0200 - строку «Запасы», по группе 0300 - строку «Денежные средства». В отличие от практики в РФ, где связь между строками и счетами определяется методическими указаниями и учетной политикой организации, в Узбекистане эта связь закреплена в самой инструкции по применению Плана счетов.

Общий алгоритм составления баланса в обеих странах включает:

– Сбор сальдо по всем синтетическим счетам на отчетную дату
– Проведение необходимых корректировок (амортизация, переоценка, создание резервов, пересчет валютных остатков)
– Группировка счетов по разделам баланса и составление расшифровок по каждой статье.

В приложениях к балансу предприятия обычно приводят детализацию о том, какие счета и суммы включены в каждую строку.

Различия в нормативных подходах отражаются и в порядке раскрытия информации. В России после введения ФСБУ 4/2023 значительно расширен перечень обязательных пояснений к финансовой отчетности, были введены требования по раскрытию информации о связанных сторонах, условных обязательствах, изменениях учетной политики и оценках. В Узбекистане подобные раскрытия тоже предусмотрены, но их объем и структура регулируются национальными стандартами и носят более обобщенный характер.

Различаются и подходы к формированию рабочего плана счетов. В РФ организации самостоятельно утверждают рабочий план на основе типового, адаптируя его под особенности своей деятельности, при этом сохраняется структура синтетических счетов. В Узбекистане же допускается разработка рабочего плана счетов, но основные группы и коды строго соответствуют утвержденным НСБУ, что тем самым обеспечивает единообразие отчетности на национальном уровне.

В *таблице 1* представлена сравнительная характеристика, отражающая структуру и содержание бухгалтерского баланса в России и Республике Узбекистан в соответствии с действующими национальными стандартами бухгалтерского учета.

Таблица 1. Типовая структура формы баланса по национальным стандартам

Категория / Статья	РСБУ	НСБУ
Отчетный документ	Бухгалтерский баланс - форма № 1 (форма 0710001) с графами на конец трех лет для сравнения	Бухгалтерский баланс - одна из форм годовой финансовой отчетности (сравнение на начало и конец периода)
Активы – общая структура	Активы = Внеоборотные активы + Оборотные активы	Активы = Долгосрочные активы + Текущие / оборотные активы (аналогично)
Внеоборотные активы	Основные средства, нематериаль-ные активы, долгосрочные финансовые вложения, долгосрочные инвестиции	Основные средства, нематериальные активы, долгосрочные инвестиции (НСБУ № 5,7,12)
Оборотные активы	Запасы, НДС по приобретенным ценностям, дебиторская задолженность, денежные средства и др.	Запасы, дебиторская задолженность, денежные средства, прочие текущие активы
Пассивы – общая структура	Пассивы = Капитал и резервы + Долгосрочные обязательства + Краткосрочные обязательства	Пассивы = Собственный капитал + Долгосрочные обязательства + Текущие обязательства
Собственный капитал	Уставный капитал, добавочный капитал, резервный капитал, нераспределенная прибыль (убыток)	Уставный (акционерный) капитал, дополнительные фонды, резервы, нераспределенная прибыль

Долгосрочные обязательства	Долгосрочные займы и кредиты, отложенные обязательства и др.	Долгосрочные кредиты /займы, обязательства по долгосрочным контрактам
Краткосрочные обязательства	Кредиторская задолженность (поставщики, бюджету и др.), займы и кредиты до 12 мес.	Текущие кредиторские обязательства (перед поставщиками, персоналом, бюджетом), краткосрочные займы
Примечания/ расшифровки	В РФ формируются пояснения и приложения (примечания к отчетности не обязательны для всех организаций, но раскрываются в соответствии с требованиями)	В Узбекистане к балансу обычно прилагаются примечания и пояснения, обязательные при подготовке годовой отчетности
Графы и периоды	На отчетную дату и два предыдущих года	На начало и на конец отчетного периода
Язык и валюта	Русский язык, сведения в рублях	Отчет на узбекском или русском языке по правилам организации, в узбекских сумах

Источник: составлено авторами на основе [4;5;6;7;8].

Составление бухгалтерского баланса в России и Республике Узбекистан базируется на общих принципах бухгалтерского учета, но отличается нормативными источниками, степенью детализации и методикой привязки строк к счетам. Практика России характеризуется большей гибкостью в построении форм и раскрытиях благодаря переходу на ФСБУ 4/2023, а в Узбекистане отчетность сохраняет строгую структурную привязку к национальному плану счетов. При различиях, обе системы обеспечивают сопоставимость данных, достоверное отражение имущественного состояния предприятий и соответствие международным принципам финансовой отчетности.

Сравнение форм бухгалтерского баланса России и Республики Узбекистан показывает, что при общей экономической сущности и сходстве базовой структуры (разделение на активы и пассивы, группировка на долгосрочные и краткосрочные элементы, отражение собственного капитала и обязательств) подходы к формализации и степени регламентации различаются. Форма баланса в РФ отличается более жесткой нормативной унификацией, так как структура строк, их наименования и коды закреплены на уровне обязательных форм. В Узбекистане баланс строится по классической двухсторонней модели, но национальные стандарты предоставляют большую гибкость в детализации статей и их представлении, ориентируясь на экономическое содержание показателей и план счетов. Отчетность в России обычно содержит больше сопоставимых периодов, тогда как в Республике Узбекистан упор делается на сравнение показателей на начало и конец отчетного периода.

Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность» - это новый нормативный акт, действие которого распространяется на бухгалтерскую отчетность за 2025 год и далее и предназначен для унификации и современного регулирования бухгалтерской отчетности коммерческих организаций, повышения качества и прозрачности финансовой информации, обеспечения ее «сопоставимости между компаниями, соответствия международным требованиям и МСФО» [9]. Стандарт закрепляет четкие критерии отнесения активов к оборотным или внеоборотным, а обязательств - к краткосрочным и долгосрочным. Промежуточная отчетность по стандарту формируется аналогично годовой, с тем же составом форм и раскрытием информации нарастающим итогом.

Практическое значение ФСБУ 4/2023 заключается в том, что бухгалтеры должны применять новые формы с кодами и названиями строк, соответствующие требованиям стандарта, а также обеспечивать раскрытие всех обязательных показателей. [10] ФСБУ 4/2023 повышает требования к качеству и полноте раскрытий, способствует улучшению сопоставимости отчетности между компаниями, упрощает ее анализ для пользователей, формирует современную методологическую основу бухгалтерской отчетности в России, систематизируя ее структуру, содержание и правила раскрытия информации.

Методологические принципы составления бухгалтерского баланса в системе учета представляют совокупность теоретических положений и практических правил, обеспечивающих

единообразие, сопоставимость и достоверность отражаемых в балансе данных.

- Принцип непрерывности предполагает, что при составлении баланса организация рассматривается как действующая в обозримом будущем, что определяет выбор оценочных допущений и сроки признаваемых обязательств и активов.
- Принцип начисления требует отражать доходы и расходы в том периоде, к которому они относятся, независимо от момента поступления или выбытия денежных средств, что, тем самым, обеспечивает корректное соотношение показателей баланса и отчета о прибылях и убытках.
- Принцип осмотрительности обязывает при неопределенности проявлять благоразумную осторожность при оценках, т.е. признавать резервы и возможные потери, но не признавать нереализованные прибыли до их подтверждения.
- Принцип последовательности предполагает применение одинаковых методов оценки и классификации статей от периода к периоду с указанием и обоснованием изменений учетной политики, что несет временную сопоставимость балансовых показателей.
- Принцип существенности ориентирует на то, что при формировании баланса следует относить к учетным статьям и раскрытиям информацию, которая способна повлиять на экономические решения пользователей отчетности.

Практическое применение перечисленных выше принципов реализуется через методические этапы и процедурные правила. На этапе формирования учетной политики организация документально закрепляет выбранные методы оценки активов и обязательств, метод начисления амортизации, подходы к признанию доходов, порядок оценки дебиторской задолженности и резервов по сомнительным долгам, определяет критерии существенности и порядок инвентаризации. Неотъемлемыми моментами тут можно выделить последовательность операций, а именно выявление и документальное оформление фактов хозяйственной жизни, первичную регистрацию в регистрах бухгалтерского учета, обобщение по синтетическим счетам, корректирующие бухгалтерские записи и формирование сальдо, сопоставление и сверку с аналитическими данными, инвентаризацию и корректировку результатов инвентаризации, формирование итоговых статей баланса и проверку балансового равенства [11]. Правильная организация документооборота и наличие аудируемого следа служат основой для достоверного составления баланса и последующего аудита.

Методологически критично ясное разграничение этапов признания, измерения, представления и раскрытия информации. Признание предполагает наличие критериев для внесения объектов в активы или обязательства, существование текущих обязательств и необходимость их погашения для пассивов. Измерение требует выбранной базы оценки стоимости, восстановительной стоимости, справедливой стоимости или настоящей стоимости, но при этом для разных групп статей баланс может предписывать различные базы. Значение также приобретают и периодичность, и корректность переоценок и тестов на обесценение, а также документированное обоснование применяемых коэффициентов и допущений. Представление и группировка статей должны соответствовать установленным формам и критериям классификации, предлагая информативность для пользователей и удобство проведения аналитики.

Значение в методологической базе составления баланса имеет как инвентаризация, так и работа с оценочными статьями. Инвентаризация предстает проверкой соответствия учетных данных фактическому наличию активов и обязательств, а обнаруженные расхождения подлежат документальному оформлению и корректировке учета с указанием причин [12]. Для оценочных статей необходимы обоснованные методики расчета, фиксируемые в учетной политике, и подтверждающие документы. Амортизация основных средств и нематериальных активов должна рассчитываться на основе выбранного метода, применяемого последовательно и раскрываемого в пояснительной записке к балансу.

В условиях малого и среднего бизнеса, методологические принципы требуют практической адаптации, когда учетная политика должна учитывать ограниченность информационных и кадровых ресурсов, сохраняя при этом требования к достоверности и сопоставимости, что напрямую говорит о выборе рациональных методов оценки и упрощенных процедур, не снижающих информативности, четком регулировании порогов существенности для признания резервов и единых правилах для классификации краткосрочных и долгосрочных обязательств.

Система внутреннего контроля и распределения обязанностей, предотвращающая искажения при формировании баланса, интегрирует разграничение функций при оформлении первичных документов, постановке на учет и утверждении корректирующих проводок. Автоматизация учета снижает риск ошибок, ускоряет процессы обобщения данных и повышает степень прозрачности построения баланса.

Частью составления баланса числится оформление пояснительной записки, пояснения

по учетной политике, детализация статей баланса, информация о значимых последующих событиях, связанных сторонах, связанных рисках и возможностях, методах оценки и допущениях. Пояснительная записка обеспечивает собой полноту и понимание представленных в балансе чисел и повышает их аналитическую ценность для пользователей.

Методологический подход к составлению баланса должен предусматривать взаимодействие с процедурами аудита, а организация должна заранее готовить пакеты документов для подтверждения остатков, проводить предварительные внутренние сверки и корректировки, документировать все изменения и обеспечивать доступ аудиторам к источникам данных [13]. Для организации это повысит вероятность положительного аудиторского заключения и поспособствует выработке и внедрению рекомендаций по совершенствованию учетных процедур и структуры баланса.

Методологические принципы составления бухгалтерского баланса – некая интеграция теории и практики от закрепленных в учетной политике критериев признания и измерения до процедур внутреннего контроля, инвентаризации, автоматизации и раскрытия информации. Соблюдение принципов обеспечит формирование сбалансированного, достоверного и информативного баланса, который послужит в будущем надежной основой для анализа, управления и внешней проверки финансового положения предприятия.

Представляя собой центральную форму финансовой отчетности, бухгалтерский баланс позволяет установить, каким имуществом располагает организация, какие у нее долги и за счет каких источников сформирован ее капитал.

Согласно статье 22 Закона Республики Узбекистан «О бухгалтерском учете», баланс составляется на основе данных бухгалтерского учета по состоянию на отчетную дату и является обязательной частью годовой финансовой отчетности.

Подготовительный процесс составления бухгалтерского баланса в Республике Узбекистан (*рисунок 1*) основывается на:

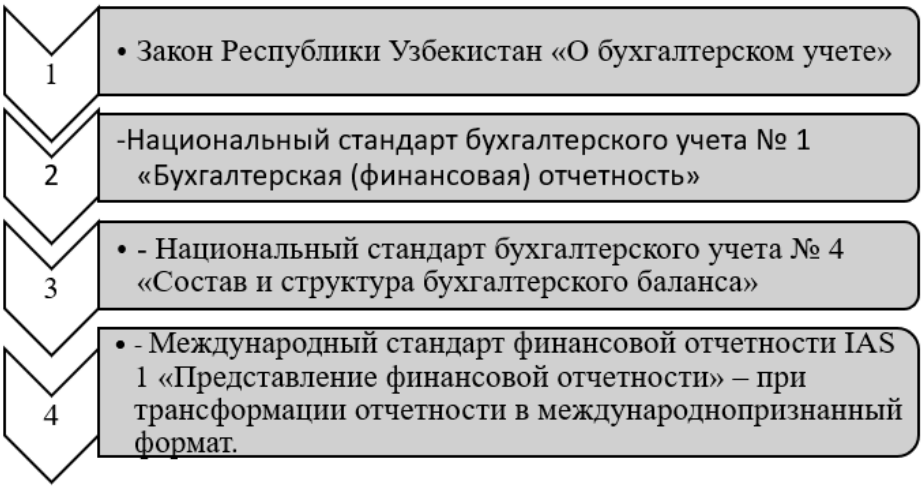

Рисунок 1. Подготовительный процесс составления бухгалтерского баланса в Республике Узбекистан

Процесс формирования бухгалтерского баланса реализуется согласно упомянутым уже выше принципам, а именно:

– Принципу достоверности, при котором представляемые данные обязаны иметь подтверждение соответствующими первичными документами
– Принципу непрерывности деятельности предприятия, при котором оценка активов и обязательств производится исходя из предположения, что организация продолжит свою деятельность в обозримом будущем
– Принципу сопоставимости, который обеспечивает возможность сравнительного анализа показателей за разные периоды времени
– Принципу осмотрительности, когда недопустима искусственная завышенная оценка доходов либо заниженная оценка обязательств
– Принципу преемственности, где изменения учетной политики возможны лишь при наличии убедительных оснований.

Все эти принципы способствуют обеспечению точности и надежности содержащейся в балансе информации, помогая эффективному применению документа для целей экономического анализа и управленческого контроля.

Составление бухгалтерского баланса является финальной стадией интеграции информации из синтетических и аналитических регистров учета за установленный период. Баланс базируется на показателях оборотно-сальдовой ведомости на завершение отчетного промежутка, при этом необходимо строго контролировать соответствие всех категорий по комплексам имущества и обязательств.

В условиях рыночной экономики бухгалтерский баланс приобретает и инвестиционную функцию, так как он является главным документом, по которому инвесторы и кредитные организации принимают решения о целесообразности сотрудничества с предприятием [14]. Финансовые показатели, представленные в балансе, позволяют оценить надежность и устойчивость компании, определить степень риска и перспективы возврата вложенных средств.

Нельзя забывать и то, что бухгалтерский баланс играет роль в системе государственного и внешнего контроля. Налоговые и статистические органы используют данные баланса для оценки выполнения предприятием налоговых обязательств, динамики его экономической деятельности и соблюдения требований законодательства. Баланс также предстает основой для проведения аудиторских проверок, в ходе которых оценивается достоверность финансовой отчетности и соответствие ведения бухгалтерского учета установленным нормативам.

Значение бухгалтерского баланса в системе финансовой отчетности определяется его интегративной природой, так как он объединяет данные всех элементов учетного процесса и обобщает их в единой форме, отражающей результаты хозяйственной деятельности за отчетный период. В отличие от отчета о финансовых результатах, который характеризует движение доходов и расходов, баланс показывает статическое состояние имущества и источников его формирования на определенную дату.

Бухгалтерский баланс помимо прочего выполняет коммуникативную функцию, обеспечивая связь между организацией и внешними пользователями информации. На основе баланса формируется отчетность, предназначенная для инвесторов, кредиторов, поставщиков и государственных органов, что повышает уровень доверия к предприятию и способствует его устойчивому развитию.

Методологическая функция проявляется в том, что баланс служит основой для построения всех остальных форм финансовой отчетности. Отчет о прибылях и убытках, отчет о движении денежных средств, отчет об изменениях капитала - составляются с опорой на данные бухгалтерского баланса, обеспечивая его системную взаимосвязь с другими элементами финансовой информации.

Бухгалтерский баланс выполняет не только учетную, но и стратегическую роль в системе управления предприятием, так как он отражает экономическую сущность бизнеса, уровень его финансовой устойчивости и эффективность использования ресурсов. Без анализа баланса невозможно сформировать достоверное представление о результатах деятельности организации, оценить ее инвестиционный потенциал и выработать обоснованные управленческие решения.

Следовательно, подводя некий итог о сущности бухгалтерского баланса в системе финансовой отчетности можно отметить, что он представляет собой универсальный инструмент финансового анализа и контроля, обеспечивающий достоверность, прозрачность и сопоставимость информации о деятельности предприятия.

Список литературы:

[1] Голова Е.Е. ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность»: новые требования / Е.Е. Голова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. - №7(113). – С. 53-56

[2] Тихонова, В. А. Формирование отчета о финансовых результатах в условиях цифровой трансформации и интеграции факторов устойчивого развития / В. А. Тихонова, В. М. Шарапова, Ю. В. Шарапов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2025. – № 11. – С. 251-254. – EDN WRYJIC.

[3] Рыбакина, А. С. Сравнительная характеристика бухгалтерского и налогового учета основных средств / А. С. Рыбакина, В. М. Шарапова, Н. В. Шарапова // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2024. – № 8. – С. 130-135. – EDN HVUUPS.

[4] Назарова О. Национальные стандарты финансовой отчетности для малых и средних предприятий / О. Назарова, Ш. Довлетмырадов // Образование и наука в XXI веке. – 2026. – Т. 3. - №71-2. – С. 112-116

[5] Шарапова, В. М. Бухгалтерский баланс в системе финансовой отчетности предприятий Узбекистана / В. М. Шарапова, А. С. у. Муродуллаев, М. Х. У. Хикматиллахонов // сборник научных статей 2-й Международной научно-практической конференции, Курск, 22–24 мая 2025 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2025. – С. 248-251. – EDN CWDSNB.

[6] Решетникова, О. Е. Основные предпосылки составления финансовой отчетности российских предприятий в соответствии с МСФО / О. Е. Решетникова, Д. Х. Бухарова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 4, № 8. – С. 136-144. – EDN ZHVMUT.

[7] Закон Республики Узбекистан «О бухгалтерском учёте» от 13.04.2016 № ЗРУ-404. - URL: https://www.lex.uz/acts/90764

[8] Приказ министра экономики и финансов Республики Узбекистан № 133 от 14.06.2024 «Об утверждении НСБУ № 5 «Основные средства»», рег. № 3546 от 09.08.2024. - URL: https://lex.uz/ru/docs/7058295

[9] Грузнова, Е. А. Исследование моделей построения отчета о финансовых результатах в России и в международной практике / Е. А. Грузнова, О. И. Дудина // Вектор экономики. – 2025. – № 11(113). – EDN OFICSL.

[10] Рахманов, А. Д. Трансформация учетно-аналитической системы: влияние ФСБУ4/2023 / А. Д. Рахманов, Н. В. Шарапова, В. М. Шарапова // Российский научный вестник. – 2026. – № 4. – С. 119-124. – DOI 10.24412/2782-3830-2026-4-119-124. – EDN WNRGQY.

[11] Чашкова А.С. Аналитические возможности бухгалтерского баланса / А.С. Чашкова // Экономика и социум. - 2022. - №11-2(102). - С. 800-803

[12] Козленкова С.В. Проектная структура бухгалтерской отчетности, ее сравнительный анализ и рекомендации по совершенствованию / С.В. Козленкова, Р.А. Алборов // Международный бухгалтерский учет. – 2023. – Т. 26. - №2. – С. 216-240

[13] Козлова Е.П. Бухгалтерский учет в современных организациях / Е.П. Козлова, Е.Н. Галанина. – Москва: Юрайт, 2021. – 345 с.

[14] Алексеева Г.И. Новые подходы к формированию бухгалтерской (финансовой) отчетности как веха реформирования российского бухгалтерского учета / Г.И. Алексеева // Аудит. – 2022. - №2. – С. 27-34

References:

[1] Golova E.E. FSBU 4/2023 “Accounting (Financial) Reporting”: New Requirements / E.E. Golova // Economy and Business: Theory and Practice. - 2024. - No. 7 (113). - P. 53-56

[2] Tikhonova, V. A. Formation of a Report on Financial Performance in the Context of Digital Transformation and Integration of Sustainable Development Factors / V. A. Tikhonova, V. M. Sharapova, Yu. V. Sharapov // Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology. - 2025. - No. 11. - P. 251-254. - EDN WRYJIC.

[3] Rybakina, A. S. Comparative Characteristics of Accounting and Tax Accounting of Fixed Assets / A. S. Rybakina, V. M. Sharapova, N. V. Sharapova // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – No. 8. – P. 130-135. – EDN HVUUPS.

[4] Nazarova O. National financial reporting standards for small and medium-sized enterprises / O. Nazarova, Sh. Dovletmyradov // Education and science in the 21st century. – 2026. – Vol. 3. - No. 71-2. – P. 112-116

[5] Sharapova, V. M. Balance sheet in the financial reporting system of enterprises of Uzbekistan / V. M. Sharapova, A. S. u. Murodullaev, M. H. U. Khikmatillakhonov // collection of scientific articles of the 2nd International Scientific and Practical Conference, Kursk, May 22–24, 2025. – Kursk: Closed Joint-Stock Company “University Book”, 2025. – P. 248-251. – EDN CWDSNB.

[6] Reshetnikova, O. E. Main prerequisites for preparing financial statements of Russian enterprises in accordance with IFRS / O. E. Reshetnikova, D. Kh. Bukharova // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2017. – Vol. 4, No. 8. – Pp. 136-144. – EDN ZHVMUT.

[7] Law of the Republic of Uzbekistan “On Accounting” dated April 13, 2016 No. ZRU-404. - URL: https://www.lex.uz/acts/90764

[8] Order of the Minister of Economy and Finance of the Republic of Uzbekistan No. 133 dated June 14, 2024 “On Approval of NAS No. 5 “Fixed Assets””, reg. No. 3546 dated August 9, 2024. - URL: https://lex.uz/ru/docs/7058295

[9] Gruznova, E. A. Research of models of constructing the report on financial results in Russia and in international practice / E. A. Gruznova, O. I. Dudina // Vector of Economy. - 2025. - No. 11 (113). - EDN OFICSL.

[10] Rakhmanov, A. D. Transformation of the accounting and analytical system: the influence of FSBU 4/2023 / A. D. Rakhmanov, N. V. Sharapova, V. M. Sharapova // Russian Scientific Bulletin. - 2026. - No. 4. - P. 119-124. - DOI 10.24412/2782-3830-2026-4-119-124. - EDN WNRGQY.

[11] Chashkova A.S. Analytical capabilities of the balance sheet / A.S. Chashkova // Economy and Society. - 2022. - No. 11-2 (102). - P. 800-803

[12] Kozlenkova S.V. Project structure of financial statements, their comparative analysis and recommendations for improvement / S.V. Kozlenkova, R.A. Alborov // International accounting. - 2023. - Vol. 26. - No. 2. - P. 216-240

[13] Kozlova E.P. Accounting in modern organizations / E.P. Kozlova, E.N. Galanina. - Moscow: Yurait, 2021. - 345 p.

[14] Alekseeva G.I. New approaches to the formation of accounting (financial) statements as a milestone in the reform of Russian accounting / G.I. Alekseeva // Audit. – 2022. - No. 2. – pp. 27-34

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-474-479
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЧУБ Анна Олеговна,
Студент Юго-Западного государственного университета,
e-mail: annachub2004@icloud.com

ЯЦЕНКО Владимир Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного права
Юго-Западного государственного университета,
e-mail: yatsenko.volodya@yandex.ru

СТАТУС ЖЕНЩИН КАК ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. *В статье рассматривается содержание правового регулирования статуса женщин в международном и национальном контексте с позиции ценностного осмысления. Исследованы проблемы реализации трудовых, репродуктивных прав женщин, защиты ее положения в случае военных конфликтов. Рассмотрены особенности обеспечения прав и интересов женщин при традиционном распределении гендерных ролей. Указаны меры повышения ценно-значимого компонента правового статуса женщин в современных условиях.*

Ключевые слова*: правовой статус женщин, гендерное равноправие, репродуктивные права, труд женщин, защищенность женщин, ценностный подход.*

CHUB Anna Olegovna,
student at Southwestern State University

YATSENKO Vladimir Vladimirovich,
PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional Law
at Southwestern State University

THE STATUS OF WOMEN AS A LEGAL VALUE IN INTERNATIONAL AND NATIONAL REGULATION

Annotation. *This article examines the legal regulation of women's status in the international and national contexts from a value-based perspective. It examines the issues of realizing women's labor and reproductive rights and protecting their status in military conflicts. It also examines the specifics of ensuring women's rights and interests within the traditional distribution of gender roles. It also identifies measures to enhance the value-based component of women's legal status in modern times.*

Key words: *legal status of women, gender equality, reproductive rights, women's labor, women's protection, value-based approach.*

Введение

Реализация правового статуса женщин достаточно актуальная тема, обусловленная влиянием различных факторов на формирование их социально-политической роли и участия в общественных и государственных мероприятиях. Стоит обратить внимание на статистику преобладания женщин – они составляют большую часть населения Земли. Это означает, что любые ограничения в их правах являются не частной проблемой отдельной группы, а значимой задачей для человечества. Во многих странах мира женщины до сих пор находятся в невыгодном положении по сравнению с мужчинами.

Проблема состоит и в том, что между нормой закона и практикой существует расхождение. Дискриминация по гендерному признаку продолжает встречаться в общественной жизни, так как женщины нередко зарабатывают меньше мужчин за одинаковую работу, реже занимают руководящие должности и сталкиваются с предвзятым отношением при трудоустройстве.

Насилие в отношении женщин также подтверждается неблагоприятной статистикой: по данным международных организаций, каждая третья женщина в мире хотя бы раз сталкивалась с этим правонарушением [1], при этом многие случаи не регистрируется из-за страха, стыда со стороны женщины, недоверии их правоохранительной системе или в связи с отсутствием знаний о защите личных прав. Это свидетельствует о недостаточно эффективной работе механизма реализации и защиты прав данной категории населения.

Ситуацию усиливают новые общественные вызовы, связанные с цифровизацией социального пространства, которые опасны распространением личных (частных) материалов без согласия обладателя. Помимо прочего, экономические потрясения, пандемии, военные конфликты являются факторами, когда женщины оказываются в наиболее сложном и уязвимом положении. Результаты, которых удалось достичь в сфере защиты прав женщин, нельзя считать окончательными: в ряде стран в последние годы наблюдается ограничение репродуктивных прав, ослабление законодательства о домашнем насилии. Это говорит о том, что совершенствование механизмов защиты прав женщин остаётся задачей, которую требуется решить и на уровне отдельных стран, и в международном масштабе.

Статус женщины рассматривался различными учеными в контексте общей эволюции их прав (Кириллова Т. К., Синькевич Н. А., Полина А. И., Катаева В. И.) [2, 3]; защиты трудовым законодательством (И.О. Макеева и др.) [4]; репродуктивных прав (Ю. А. Барсукова) [5]; мирового опыта гендерного политического равноправия (Н. В. Чуб, А. Чечере) [6]. Есть публикации авторов об идеях женской самостоятельности, трудностях их самовыражения [7].

Надо отметить, что в политической и правовой доктрине получает развитие идея ценностно-ориентированных подходов к состоянию правовых институтов, их преобразованию в ключе общечеловеческих стандартов. При этом культурные, религиозные и политические особенности отдельных стран могут влиять на развитие статуса женщин. В связи с этим, цель данной статьи представлена как научное осмысление юридического положения женщин в международном и национальном регулировании через содержание категории «правовая ценность».

Основной задачей является анализ международных и национальных актов о правах, интересах женщин через общественно- и государственно-значимые принципы и подходы (юридическое равенство, приоритет норм международного права, ответственность публичных органов и др.)

Результаты

Понимание совокупности правовых концепций женского равноправия является необходимой предпосылкой для анализа конкретных ценностных элементов защиты прав женщин в современном мире.

Как указывают некоторые авторы, «Правовые ценности ориентируют на выбор и поддержку определенных норм и принципов в правовой системе...; им предписывают определенные стандарты поведения, которые должны быть соблюдены… [8]. Можно предположить необходимость формирования некой модели в международном и национальном регулировании статуса женщин с позиции полного обеспечения их прав, свобод, реализации потребностей в различных сферах и интересах. Также возникает вопрос об объеме их обязанностей, как государственных, установленных юридически (например, платить налоги, заботиться о воспитании детей), так и требований целесообразного поведения в общественной и политической жизни, которые влияют на самореализацию женщины в семье, профессии, творчестве.

Следует отметить, что социальная роль женщины многогранна, а реализация ее прав зависит как от предоставленных государством (международным сообществом) благ и возможностей, так и от выбора самой обладательницы последних, ее мотивации, ценностных ориентиров, гражданской позиции, способностей.

Центральное место в системе международно-правовой защиты прав женщин занимает Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. и вступившая в силу 3 сентября 1981 г. СССР ратифицировал Конвенцию, и Российская Федерация участвует в ней в качестве государства-правопреемника. Структура Конвенции охватывает несколько ключевых тематических блоков в политической, социально-экономической, семейной сфере. Они охватывают основные неотъемлемые права, реализация которых позволяет развивать женщине свои интересы и предпочтения, обеспечивает нравственное и физическое здоровье.

До 2022 г. конвенции Международной организации труда (МОТ), направленные на защиту трудовых прав российских женщин, были правовой основой их профессиональных возможностей и устанавливали соблюдение важнейшего правила: принципа равного вознаграждения для мужчин и женщин за труд равной ценности. Однако судебные решения со ссылками на конвенции МОТ по гендерной тематике немногочисленны, что свидетельствует о слабой правоприменительной практике в части указанных стандартов. В настоящее время эта ситуация суще-

ственно не изменится, поскольку МОТ приостановила техническое сотрудничество с Россией. «Решение о приостановке членства России в одной из структур ООН является явным превышением полномочий Международной организации труда и примером ее политической ангажированности» [9].

Декларация об искоренении насилия в отношении женщин 1993 г. дала первое международно-правовое определение насилия в отношении женщин и призвала государства принять меры по его предупреждению, расследованию и наказанию. Пекинская декларация и Платформа действий, принятые на Четвёртой всемирной конференции по положению женщин в 1995 г., стали важнейшими ориентирами международной политики в области гендерного равенства на рубеже XX–XXI веков.

Гендерное равенство рассматривается как сквозная тема, интегрированная в большинство остальных стандартов и общественных ценностей. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек было провозглашено в качестве одной из семнадцати целей устойчивого развития, принятых мировым сообществом до 2030 г. [10]. Цель включает конкретные задачи по ликвидации всех форм дискриминации, искоренению всех форм насилия в отношении женщин, обеспечению всеобщего доступа к услугам в области репродуктивного здоровья, обеспечению полного и реального участия женщин в политической, экономической и общественной жизни. Россия представляет добровольные национальные обзоры прогресса в достижении цели, что создаёт определённый механизм международного мониторинга в данной сфере.

В рамках Содружества Независимых Государств действует ряд международно-правовых документов, затрагивающих права женщин. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. включает запрет дискриминации по признаку пола. В 2022 г. государства — члены СНГ приняли Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Российская Федерация активно участвует в данном механизме регионального сотрудничества. Важным следует признать активную международную роль России в продвижении женской повестки: создание и системное проведение Евразийского женского форума как одной из крупнейших мировых площадок для диалога женщин-лидеров, объединяющей представительниц более ста государств, демонстрирует не только внутреннюю, но и внешнеполитическую состоятельность российской государственной политики в данной сфере.

На законодательном уровне ратифицированные международные договоры становятся частью российского права без принятия специальных трансформационных актов, однако их непосредственное применение нередко наталкивается на практические препятствия. Так, в российской юридической практике не распространено выявление случаев дискриминации женщин на рабочем месте. Это связано в том числе с опасениями по поводу возможной потери дохода, сложностью доказывания факта дискриминации в силу процессуальных норм и длительностью судебных разбирательств.

Значительную роль в сохранении экономического неравенства играет неравномерное распределение неоплачиваемых обязанностей по уходу за детьми и пожилыми членами семьи, которые преимущественно возлагаются на женщин. Институт отпуска по уходу за ребёнком, предусмотренный статьёй 256 ТК РФ, формально является гендерно нейтральным: его вправе использовать как мать, так и отец. Однако на практике подавляющее большинство получателей такого отпуска — женщины. Длительные перерывы в трудовой деятельности приводят к утрате профессиональной квалификации, накопленного пенсионного капитала и снижению конкурентоспособности на рынке труда.

Определённым достижением является принятый в 2019 г. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ № 512н, сокративший перечень профессий, запрещённых для женщин: прежний список, утверждённый ещё в 2000 г. и насчитывавший свыше 450 профессий, был заменён перечнем из 100 позиций. Это решение, с одной стороны, расширило формальные возможности профессионального выбора для женщин, с другой — не устранило структурных причин их экономического неравенства.

Приказом Минтруда РФ от 13.05.2021 г. № 313н внесены изменения, согласно которым с 1 марта 2022 г. женщины допускаются к работе в качестве авиамехаников и инженеров по техническому обслуживанию самолетов и вертолетов. Исходя из этой информации, наблюдается положительный сдвиг в профессиональной переподготовке женщин.

Конституционные поправки 2020 г. сделали акцент на традиционных семейных ценностях, что интерпретируются рядом исследователей как нормативное закрепление традиционного распределения гендерных ролей. Это объясняется особенностями общественного мировоззрения последних лет, недопущением влияния на него деструктивной идеологии, где роль женщины искажается, умаляется ее ценностные качества и социальное предназначение. Подобное противодействие таким чуждым проявлениям не ограни-

чивает развитие профессионального (социально-политического) статуса женщины, а наоборот, дополняет его с моральной (духовной) стороны.

Можно сделать промежуточный вывод, что направления укрепления гендерного равенства должны быть последовательными. Любые отдельные локализованные действия малоэффективны, если они не будут единообразно защищены во всех сферах регулирования общественной жизни. Кроме того, необходимо обеспечить социальную защищенность женщин на рынке труда и активно стимулировать привлечение молодых кадров.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о репродуктивных правах в контексте медицинских технологий. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ допускает применение вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства. Последнее существенно ограничено поправками 2022 г., допускающими суррогатное материнство лишь в отношении граждан России по медицинским показаниям. При состоянии в браке суррогатной матери требуется письменное согласие супруга. Таким образом, государство осуществляет дифференцированное правовое регулирование в этой части.

В последние годы наблюдается отчётливая тенденция к ограничению доступа женщин к услугам по прерыванию беременности, несмотря на сохранение их формальной легальности. Ключевым инструментом такого ограничения стало распространение практики отказа медицинских работников от выполнения абортов по соображениям совести. Действующее законодательство признаёт право медицинского работника на отказ от медицинского вмешательства по религиозным или иным убеждениям при условии направления пациентки к другому врачу. Однако в ряде регионов массовый отказ специалистов фактически лишает женщин доступа к услуге в пределах разумной доступности.

Существенную роль в ограничении доступа к аборту играет законодательно установленный обязательный период ожидания продолжительностью до семи дней в зависимости от срока беременности, предусмотренный статьёй 56 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В сочетании с обязательным психологическим консультированием, носящим нередко директивный характер, данная мера оказывает сдерживающее воздействие на реализацию женщинами их правового выбора.

Значительная часть субъектов РФ в последние годы приняла региональные нормативные акты, ограничивающие деятельность частных клиник в сфере абортов либо прямо запрещающие их проведение в частных медицинских организациях. Подобные ограничения введены в более чем 20-ти регионах.

Предположим, что категорический перевод данного этического и жизненно важного вопроса в правовую плоскость, в «букву закона», может вызвать общественный резонанс, с одной стороны, и существенно затруднить его реализацию особенно в регионах с недостаточным уровнем развития государственной медицины. Думается, о моральной и материальной стороне вопроса надо говорить гораздо раньше, не на стадии правовых запретов, а в период становления личности, социального взросления женщин и мужчин, их профессионального развития, одновременно на государственном уровне создавая женщине благоприятные условия для разумного выбора в пользу деторождения. Так, с 2026 г. в РФ введена единовременная выплата в размере 200 тысяч рублей для студенческих семей. Учитывается фактор постоянного проживания по одному месту жительства на территории субъекта РФ заявителя и ребенка (детей) [11]. В некоторых регионах требуется суммарный ценз оседлости на территории РФ, например, не менее 15 лет. Эта мера отчасти позволяет решить демографическую проблему, сохранить семейные, патриотические ценности, поддержать профессиональное развитие молодых родителей.

Защита прав женщин как правовой ценности неизбежно требует рассмотрения механизма обеспечительных мер и институтов с учетом политической реальности. Актуальной является проблема психологических последствий вооружённых конфликтов для женщин. Посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, тревожные расстройства, а также разрушение социальных связей и привычного уклада жизни — неотъемлемые последствия участия в конфликте или проживания в зоне боевых действий. Российская система психологической помощи лицам, пострадавшим от последствий вооружённых конфликтов, включая ветеранов и членов их семей, а также вынужденных переселенцев, в последние годы получила определённое развитие, однако по-прежнему испытывает острую нехватку ресурсов и специализированных служб, ориентированных на работу именно с женщинами, пережившими травму.

На национальном уровне проводится Всероссийский женский форум «Женщины: сохраняем традиции – развиваем Россию», в рамках которого в 2024 г. состоялась торжественная церемония награждения лауреатов премии «По зову женского сердца», учреждённой Советом Федерации совместно с Государственным фондом поддержки специальной военной операции

«Защитники Отечества», что отражает актуализацию женской повестки применительно к современному социально-политическому контексту (поддержка семей участников СВО, чествование волонтёрской и социальной деятельности женщин).

Кроме того, на законодательном уровне в текущем году в Государственную Думу РФ внесена инициатива, направленная на укрепление гарантий равенства мужчин и женщин, призванная стать превентивным механизмом, предотвращающим появление в публичном пространстве высказываний, ущемляющих права женщин и ставящих под сомнение конституционный принцип равенства полов [12].

Заключение

Изложенное свидетельствует о том, что устойчивое обеспечение прав женщин предполагает регулирование по двум направлениям. Первое — совершенствование правовой системы: принятие недостающих законодательных актов, повышение эффективности правоприменения международных актов, развитие институтов правовой помощи и доступа к правоохранительной системе. Второе — целенаправленная работа по трансформации ценностей в общественном сознании: включение вопросов гендерного равенства в образовательные программы, формирование безопасной медиасреды, устранение дискриминационных стереотипов, рекомендации психологической поддержки женщин после травматической ситуации; популяризация ответственного родительства.

Международная повестка не ограничивается традиционными темами: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин в недавней Общей рекомендации обратил внимание на то, что женщины недостаточно представлены в разработке технологий искусственного интеллекта.

Анализ показывает, что ключевым направлением дальнейшего развития является переход от формального равенства к обеспечению фактического равенства возможностей. Это предполагает развитие социальной инфраструктуры для поддержки женщин, благоприятного нравственного состояния, формирование убедительной материальной и профессиональной мотивации при трудоустройстве, то есть проведение гендерно чувствительной государственной политики.

Список литературы:

[1] Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию. [Электронный ресурс] // URL: https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence?ysclid=mqph5d7k3p631537644 (дата обращения: 12.06.2026).

[2] Кириллова Т.К., Синькевич Н.А. Право женщин на образование в дореволюционной России // Юридическая мысль. – 2018. – № 5 (109). – С. 16-21.

[3] Полина А. И., Катаева В. И. История борьбы женщин за свои права в дореволюционной и советской России // В сборнике: Научные исследования 2024. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. – С. 77-79.

[4] Макеева И. О., Тарасова Д.А., Тищенко Е.А. Защита прав беременных женщин и молодых матерей в трудовом законодательстве: анализ и перспективы развития // В сборнике: Социально-гуманитарное знание как фактор модернизации общества и государства: отечественный и зарубежный опыт. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Курск, 2023. – С. 36-39.

[5] Барсукова Ю. А. Правовые вопросы биоэтики, в том числе права на жизнь, здоровье и репродуктивные права // В сборнике: Детство - территория безопасности. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2025. – С. 356-359.

[6] Чуб Н. В., Чечере А. М. Гендерное соотношение кадров: опыт местного самоуправления в России и за рубежом // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 1. – С. 197-223.

[7] Коновалова А. П., Цырендоржиева Д. Ш. Становление концептуальных основ феминизма // Вестник БГУ. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kontseptualnyh-osnov-feminizma (дата обращения: 17.06.2026).

[8] Рашидов А. В., Овчинников С. Н. Понятие правовых ценностей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №12–4 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovyh-tsennostey (дата обращения: 16.06.2026).

[9] Исаев: Международная организация труда подорвала свой фундамент, приостановив сотрудничество с РФ. [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. URL: https://rg.ru/2022/03/29/isaev-mezhdunarodnaia-organizaciia-truda-podorvala-svoj-fundament-priostanoviv-sotrudnichestvo-s-rf.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.kdelo.ru%2Fqa%2F273885-sotrudnichaet-li-rossiyskaya-federatsiya-s-mejdunarodnoy-organizatsiey-truda%3Fysclid%3Dmqpn9da67x856665794 (дата обращения: 16.06.2026).

[10] Казановская Ю. А. Обеспечение и защита прав женщин как приоритетная задача

мирового сообщества // В сборнике: Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества. сборник научных статей по материалам VI Национальной заочной научно-практической конференции. Ставрополь, 2024. – С. 213-216.

[11] Постановление Правительства Курской области № 145-пп «Об утверждении Порядка предоставления единовременной выплаты при рождении ребенка в студенческой семье». [Электронный ресурс] URL: // https://internet.garant.ru/#/document/413832350/paragraph/47/doclist/197/1/0/0/10.%20постановление%20правительства%20курской%20области%20№%20145-пп%20Об%20утверждении%20Порядка%20предоставления%20единовременной%20выплаты%20при%20рождении%20ребенка%20в%20студенческой%20семье:2.

[12] Госдума рассмотрит закон против ущемления женских прав [Электронный ресурс] URL: https://abnews.ru/news/2026/4/30/gosduma-rassmotrit-zakon-protiv-ushhemleniya-zhenskih-prav?ysclid=mqqfdju754120009065 (дата обращения: 17.06. 2026).

References:

[1] A pervasive danger: one in three women worldwide experiences violence [Electronic resource] Access mode// URL: https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence?ysclid=mqph5d7k3p631537644 (access date: 12.06. 2026).

[2] Kirillova, T. K., Sin'kevich, N. A. Women's right to education in pre-revolutionary Russia // Legal thought. – 2018. – No. 5 (109). P. 16-21.

[3] Polina, A. I., Kataeva, V. I. History of Women's Struggle for Their Rights in Pre-Revolutionary and Soviet Russia // In the collection: Scientific Research 2024. Collection of articles from the XIV International Scientific and Practical Conference. Penza, 2024. – Pp. 77-79.

[4] Makeeva, I. O., Tarasova, D. A., Tishchenko, E. A. Protection of the Rights of Pregnant Women and Young Mothers in Labor Legislation: Analysis and Development Prospects // In the collection: Social and Humanitarian Knowledge as a Factor in the Modernization of Society and the State: Domestic and Foreign Experience. Collection of scientific articles from the International Scientific and Practical Conference. Kursk, 2023. – Pp. 36-39.

[5] Barsukova, Yu.A. Legal Issues of Bioethics, Including the Right to Life, Health and Reproductive Rights // In the collection: Childhood - a Territory of Safety. Collection of materials from the VIII All-Russian scientific and practical conference with international participation. Moscow, 2025. – Pp. 356-359.

[6] Chub, N.V., Chechere, A. M. Gender ratio of personnel: the experience of local self-government in Russia and abroad // Public Administration Issues. – 2020. – No. 1. – Pp. 197-223.

[7] Konovalova, A. P., Tsyrendorzhieva, D.Sh. Formation of the conceptual foundations of feminism // Bulletin of BSU. 2022. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kontseptualnyh-osnov-feminizma (access date: 17.06.2026).

[8] Rashidov, A.V., Ovchinnikov, S.N. The Concept of Legal Values // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 12–4 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovyh-tsennostey (access date: 16.06.2026).

[9] Isaev: The International Labor Organization undermined its foundation by suspending cooperation with the Russian Federation. [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta: website. URL: https://rg.ru/2022/03/29/isaev-mezhdunarodnaia-organizaciia-truda-podorvala-svoj-fundament-priostanoviv-sotrudnichestvo-s-rf.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.kdelo.ru%2Fqa-%2F273885-sotrudnichaet-li-rossiyskaya-federatsiya-s-mejdunarodnoy-organizatsiey-truda%3Fysclid%3Dmqpn9da67x856665794 (access date: 16.06.2026).

[10] Kazanovskaya, Yu. A. Ensuring and protecting women's rights as a priority task of the world community // In the collection: Actual problems of law enforcement and management at the current stage of society development. Collection of scientific articles based on the materials of the VI National Correspondence Scientific and Practical Conference. Stavropol, 2024. – Pp. 213-216.

[11] Resolution of the Government of Kursk Oblast No. 145-pp "On approval of the Procedure for providing a lump sum payment at the birth of a child in a student family." [Electronic resource] URL: // https://internet.garant.ru/#/document/413832350/paragraph/47/doclist/197/1/0/0/10. Resolution of the Government of Kursk Oblast No. 145-pp On approval of the Procedure for providing a lump sum payment at the birth of a child in a student family: 2.

[12] The State Duma will consider a law against the infringement of women's rights [Electronic resource] URL: https://abnews.ru/news/2026/4/30/gosduma-rassmotrit-zakon-protiv-ushhemleniya-zhenskih-prav?ysclid=mqqfdju754120009065 (access date: 17.06. 2026).

-УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-480-485
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЛЕТУТА Татьяна Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой административного и финансового права,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургский государственный университет имени В.А Бондаренко,
ORCID 0000-0003-2895-0414,
e-mail: ltv10@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Дарья Евгеньевна,
студент юридического факультета
Оренбургский государственный университет имени В.А Бондаренко,
Член Молодежной избирательной комиссии Оренбургской области,
Член Молодежного общественного Совета при Уполномоченном
по правам человека по Оренбургской области,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ФОРМЫ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Актуальность тематики обусловлена отсутствием комплексного системного правового регулирования проведения просветительских мероприятий в области права. Предметом исследования являются проблемы правовой регламентации и эффективности реализации правового просвещения среди несовершеннолетних и взрослого населения. Цель работы состоит в системном анализе законодательства в области просветительской деятельности, выявлении пробелов регулирования и определении оптимальных путей совершенствования правового просвещения. Методология включает: системный анализ, синтез, онлайн-опрос, анкетирование. Основные результаты исследования заключаются в определении проявленности воспитательного, информационного, научного, образовательного направления работы по правовому просвещению на уровне законодательства. Также по результатам исследования сформулирована потребность развития правового просвещения среди взрослого населения и сохранения традиционных (очных) форм мероприятий по правовому просвещению в силу высокой востребованности личностного общения. Доказана необходимость разработки отдельного закона, включающего определения, формы, направления правового просвещения, имеющего универсальный характер применительно ко всем группам населения.*

Ключевые слова: *правовое просвещение, традиционные ценности, правонарушения, просветительская деятельность, направления правового просвещения, формы просветительской деятельности, система законодательства.*

LETUTA Tatiana Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Administrative and Financial Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

KUZNETSOVA Daria E.,
Law student Orenburg State University named after V.A. Bondarenko,
Orenburg, Russia Member of the Youth Election Commission
of the Orenburg region, Member of the Youth Public
Council under the Commissioner for Human Rights
in the Orenburg Region

LEGAL ENLIGHTEMENT IN MODERN RUSSIA: LEGAL BASES AND FORMS OF ENLIGHTEMENT ACTIVITY

Annotation. *The relevance of the topic is due to the lack of comprehensive systematic legal regulation of educational activities in the field of law. The subject of the research is the problems of legal regulation and the effectiveness of the implementation of legal education among minors and adults. The purpose of the work is a systematic analysis of legislation in the field of educational activities, identification of regulatory gaps and identification of optimal ways to improve legal education. The methodology includes: system analysis, synthesis, online survey, questionnaire. The main results of the study are to determine the manifestation of the educational, informational, scientific, and educational directions of work on legal education at the legislative level. Also, according to the results of the study, the need for the development of legal education among the adult population and the preservation of traditional (full-time) forms of legal education activities is formulated due to the high demand for personal communication. The necessity of developing a separate law, including definitions, forms, and directions of legal education, which is universal in relation to all groups of the population, is proved.*

Key words: *legal enlightenment, traditional values, offenses, educational activities, areas of legal enlightenment, forms of educational activities, legislative system.*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании» просветительная деятельность – это деятельность, которая направлена на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях гармоничного развития человека, а также удовлетворения его интересов и потребностей в образовании (п. 35 ст. 2). Такая деятельность осуществляется вне рамок образовательных программ. Исходя из легитимного определения, просвещение – это деятельность, которая охватывает категории, свойственные образовательному процессу (распространение знаний, формирование умений, навыков) и категории, характерные для воспитательного процесса (передача опыта, формирование ценностных установок, духовно-творческое развитие человека). В связи с этим, просвещение – это феномен более общего порядка по сравнению с категориями «образование» и «воспитание». Просвещение разносторонне и многолико, может носить характер массового процесса или задействоваться локально в рамках конкретного учреждения, объединения, организации, или проводиться среди населения отдельного региона или определённой возрастной группы. Неслучайно в толковом словаре В.И. Даля термин «просвещать» раскрывается как «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце», «научное образование, при ясном сознании долга своего и цели жизни». В этой связи правовое просвещение неразрывно с такими категориями, как традиционные российские ценности, поскольку «нравственный свет», даруемый современной молодежи, должен опираться на четко установленные ценности, закреплённые в п. 5 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: жизнь, достоинство, патриотизм, гражданственность, права и свободы человека, гуманизм, преемственность поколений, единство народов нашей страны и др.

Учитывая многоаспектность и ценность исследуемого феномена, ему уделяется значительное внимание в трудах отечественных ученых. Особо следует отметить работы А.В. Аверина, В.Ф. Антонова, В. Г. Балковой, М.А. Истомина, А.В. Нечкина [1, с. 26-33]. Правовое просвещение, как совершенно верно отмечается в современной научной литературе, является одним из основных способов воспитания граждан и, соответственно, развития правового государства [1, с. 26]. Кроме того, правовое просвещение, согласно некоторым правовым источникам, выступает способом «привития уважения к защищаемым правом социальным ценностям» [8]. Задачами такого просвещения являются повышение правовой грамотности и развитие правосознания для недопущения совершения преступлений и правонарушений. Таким образом, правовое просвещение является неотъемлемой составляющей системы профилактики правонарушений. Цели правового просвещения собирательно зафиксированы в некоторых нормативных актах и описаны в литературе. К ним относятся: формирование позитивного (уважительного) отношения к закону, установок на законопослушное поведение, получение прочных знаний о законодательстве, правах, обязанностях граждан, повышение роли закона [9], а также высокий уровень правовой культуры, правовой грамотности и позитивная ответственность (идея добросовестного поведения) [10]. При достижении обо-

значенных целей реализация права предполагает такой тип правосознания, в котором общеобязательные нормы поведения сопрягаются с личностно-субъективными мотивами поступков [2, с. 7]. И это крайне важная составляющая успешного функционирования правового и социального государства, исходя из тех предпосылок, которые предполагают недопустимость искажения системы ценностей, появления ложных потребностей и интересов, которые обуславливают негативное поведение человека [3, с. 48].

В рамках правового просвещения М.А. Истомин и А.В. Нечкин выделяют 4 направления работы: воспитательное, информационное, научное и образовательное [1, с. 31]. Логично предположить, что достижение целей правового просвещения возможно лишь при реализации всех четырех направлений. Актуальность настоящего исследования объясняется необходимостью системного анализа нормативно-правовых основ правового просвещения в современной России для определения достаточности условий проведения воспитательного, информационного, научного и образовательного направления.

Несмотря на значимость правового просвещения для развития мировоззрения современной молодежи, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, нормативная база, точнее нормы права, регламентирующие порядок проведения просветительных мероприятий, формы такой работы, носят точечный, несистемный характер. Например, Письмом Минпросвещения России от 02.07.2024 № 07-2997 «О направлении информации» (вместе с «Едиными подходами по формированию целостной системы правового просвещения и правового информирования несовершеннолетних в образовательных организациях на всех уровнях образования независимо от типа указанных организаций») устанавливается неполный перечень нормативных актов, распространяющих свою силу на отношения, связанные с проведением правового просвещения.

Среди актов, указанных в упоминаемом письме, а также иных нормативах, имеющих непосредственное значение для развития правового просвещения, можно указать ряд законов: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании» (ст. 12.2); Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 18); Федеральный закон от 18.03.2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» (ст. 15); а также подзаконных актов: федеральные государственные образовательные стандарты различного уровня (далее по тексту – Стандарты), Постановление Правительства РФ от 01.07.2022 № 1195 (ред. от 27.01.2026) «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности», Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 г. №2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года», Распоряжение Правительства РФ от 23.06.2025 г. № 1620-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» (разд. V) и другие.

Но данные акты не образуют целостную систему.

Во-первых, действующие правовые акты затрагивают разные сферы жизнедеятельности и не имеют универсального применения. Юридическая сила законов распространяется либо на деятельность, связанную с образованием и воспитанием несовершеннолетних и лиц, юношеского возраста, либо на функционирование отдельных органов власти или оказание юридической помощи. Между тем, правовое просвещение – это непрерывный процесс, который не должен останавливается при достижении гражданами зрелого возраста. Информационное и научное направление правового просвещения, исходя из его роли, значения и целей сохраняет свою актуальность применительно к различным возрастным группам населения. Не случайно С.М. Курбатова и А.Г. Русаков отмечают, что граждане старших возрастных групп особо хотят узнать больше о своих правах и способах защиты и, полагаем, к одной из проблем формирования современного правосознания можно отнести выделенные указанными авторами недостаточность и недоступность юридических знаний для взрослого населения, включая граждан среднего, пожилого, старческого возраста [4, с. 232]. Проведённое нами эмпирическое исследование среди взрослого населения продемонстрировало высокую заинтересованность лиц зрелого возраста в просветительских мероприятиях: 100% опрошенных считают, что нужно активно внедрять правовое просвещение. Среди респондентов от 37 до 52 лет в период после окончания высших и средних учебных заведений не проводились мероприятия по правовому просвещению в рамках которых они принимали участие (64,5%) [11]. Указанные данные подтверждают востребованность просветительской деятельности в течение всей жизни человека и недопустимость ограничительного подхода, заключающегося в выборочном правовом регулировании правового просвещения только в отношении несовершеннолетних и лиц юношеского возраста.

Во-вторых, В.Г. Балковая, М.А. Истомин, А.В. Нечкин и другие авторы справедливо счи-

тают целесообразным принятие отдельного закона о правовом просвещении, в котором сформулированы понятия, формы, субъекты и механизмы реализации просветительской деятельности [5, с. 24]. Такая потребность объясняется отсутствием комплексной регламентации правового просвещения. Например, в упоминаемом ранее Постановлении Правительства РФ от 01.07.2022 № 1195 прописано, что оно устанавливает правила просветительской деятельности, а именно, порядок, условия и формы. Однако в этом акте прописывается только содержание этой деятельности (базирующееся на традиционных ценностях), указывается открытый перечень форм просветительской деятельности (лекции, презентации, семинары, мастер-классы, дискуссии и иные), перечень субъектов и фиксируется порядок предоставления сведений о проведении конкретных мероприятий с привлечением средств бюджета, и утверждения таких мероприятий Министерством просвещения РФ (п.1, 4,5, 11-13). Между тем, данные правила ограничены возрастной группой лиц, в отношении которых будут проводиться такие мероприятия и не отражают особенности и назначение правового просвещения, довольствуясь обобщенными положениями о просвещении в целом. Кроме того, перечень форм просветительской деятельности носит декларативный характер, поскольку не отражает ни востребованное множество вариантов таких мероприятий, ни их характеристику.

В юридической литературе выделяют следующие формы проведения мероприятий по правовому просвещению: лекции; беседы с гражданами; выступления в коллективах, средствах массовой информации; размещение информации о правовой помощи, о правах и свободах человека; публикация периодических изданий о правах и свободах человека; конференции, круглые столы, конкурсы, семинары и иные публичные мероприятия.

В процессе проведённого нами, указанного ранее, опроса респонденты среди эффективных мероприятий по правовому просвещению перечисляли: образовательные квесты, тренинги, электронную рассылку на почту, семинары (в онлайн- и офлайн-режиме), юридические консультации, брошюры, подкасты на телевидении, беседы, викторины, выступления перед трудовым коллективом на работе. Каждая из перечисленных форм имеет как свои собственные задачи, преимущества и востребованность, так и самостоятельную структуру, и целевую аудиторию.

К формам правового просвещения относятся и мероприятия в онлайн-режимах, осуществляемые посредством различных информационных технологий. На информационной составляющей делается акцент в ряде правовых документов. Согласно Указу Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы», государством создаются условия для формирования информационного пространства знаний и доступа к нему, совершенствования механизмов распространения знаний, применения их на практике [12]. В Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.08.2024 г. № 2233-р, среди проблем в сфере молодёжной политики выделяется слабость системы просвещения в сфере работы с информацией (п. 3), среди приоритетных направлений реализации Стратегии – правовое просвещение и информационная защита. К мерам, направленным на реализацию соответствующих направлений – внесение изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на информационную защиту (п.1). ФЗ от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» наравне с иными выделяет две формы профилактического воздействия: просвещение и информирование (п.1 ст. 17). Правовое просвещение не может подменяться информированием и сводится к задействованию исключительно онлайн-форматов мероприятий. Ю.П. Гармаев проводит четкую разграничительную линию между правовым просвещением и правовым информированием, дополняя первую категорию рекомендациями об эффективных способах реализации правовой информации в целях повышения правосознания и правовой культуры, а также ликвидации правового нигилизма [6, с. 67]. А.В. Аверин, анализируя исторический ракурс отечественного просвещения акцентирует внимание на гуманизации, уважении к традициям и большое значение воспитательного направления в правовом просвещении [7, с. 81-83]. Соответственно, нравственная составляющая и значимость личностного участия в просвещении не позволяют ограничиваться задействованием просветительского интернет-контента, а информационное направление работы по просвещению не может исчерпываться использованием цифровых технологий. В тоже время в современных правовых актах наблюдается сведение информационного направления просвещения исключительно к вопросам обеспечения безопасности информационно-коммуникационных технологий и информирования о правовой помощи (ст. 28 ФЗ от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», ст. 18 ФЗ от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Косвенное подтверждение данных позиций можно усмотреть и в результатах опроса, проведённого нами среди лиц юношеского возраста – обучающихся высшего учебного заведения по

направлению подготовки юриспруденция [13]. Из 140 респондентов 50% отмечают важность личности преподавателя в вопросе заинтересованности конкретной дисциплиной учебного плана и лишь 24,3% считают решающим фактором в выборе дисциплины наличие необходимого цифрового контента по данному курсу. 91,4% опрошенных считают, что нельзя полностью заменить занятия с преподавателями на занятия с искусственным интеллектом. Эта данные отражают концептуальное мировоззрение современной молодежи, которое может быть применимо и к вопросам о формах правового просвещения. Если личность преподавателя имеет существенное значение в заинтересованности дисциплинами, то и применительно к эффективности мероприятий по просвещению личность лица, осуществляющего просветительскую деятельность будет оказывать решающее значение на итоги таких мероприятий.

Таким образом, информационное направление правового просвещения отнюдь не ограничивается вопросами проведения для граждан онлан-консультаций или размещения информации в информационных сетях. Обеспечение правового информирования должно базироваться на определении, предложенном Ю.П. Гармаевым и включать в себя деятельность уполномоченного субъекта по доведению соответствующей информации, т.е. активную включенность и вовлеченность участников соответствующего процесса.

О правовом просвещении упоминается и в Стандартах, которые акцентируют внимание на междисциплинарности права как общественной науки и возможности преподавания основ правоведения (и иных дисциплин правового цикла) обучающимся различных образовательных учреждений. Поэтому в образовательных программах должны присутствовать общепрофессиональные компетенции, затрагивающие вопросы правовой грамотности. Обеспечение их реализации допустимо в дисциплинах правового цикла. При том, следует заметить, что такие компетенции должны формироваться не только на юридических направлениях подготовки и юридических специальностях. Однако, при анализе федеральных образовательных стандартов высшего образования по отдельным направлениям (исключая общественные науки, к которым относится право), согласно классификации областей наук: естественные, технические, сельскохозяйственные, гуманитарные, компетенции, предполагающие формирование умений, навыков, ценностных установок в сфере права, отсутствуют. Так, нет рассматриваемых компетенций среди закреплённого перечня универсальных и общепрофессиональных ни в п. 3.1 Приказа Минобрнауки России от 19.09.2017 г. № 929 об утверждении ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», ни в п. 3.1-3.3 Приказа Минобрнауки России от 28.02.2018 г. № 144 об утверждении ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника», ни в Приказе Минобрнауки России от 22.09.2017 г. № 972 об утверждении ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 36.03.02 «Зоотехния», Приказа Минобрнауки России от 8.10.2020 г. № 1291 об утверждении ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.01 История. Компетенции, связанные с правом закреплены лишь в Стандартах по медицинским наукам, (п. 3.3 Приказа Минобрнауки России от 12.08.2020 г. № 988 об утверждении ФГОС ВО – специалитет по специальности 31.05.01 «Лечебное дело»), где среди общепрофессиональных компетенций значится способность реализовывать правовые нормы.

Таким образом, правовое просвещение в части формирования правовых знаний при подготовке обучающихся в высших учебных заведениях по направлениям и специальностям, не связанным с юриспруденцией (за исключением медицинских специальностей), не находит своей должной реализации, подразумеваемой Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Между тем, гармоничное развитие обучающегося невозможно без создания условий для искоренения правового нигилизма и формирования активной жизненной позиции с опорой на нормативные установки. Полагаем основы права, так же, как и основы финансовой грамотности, являясь компонентами соответствующих компетенций, обеспечат необходимый базовый уровень тех ценностных установок, которые требуются для полноценной реализации целей правового просвещения в процессе образования.

По итогам исследования необходимо отметить, что все направления правового просвещения отражены в современном законодательстве, однако не имеют должного уровня проработки в части определения порядка, условий их реализации и механизмов задействования. Для развития правового просвещения в России требуется принятие специального закона, интегрирующего имеющие место разрозненные правила, а также внедрение в стандарты образования вне зависимости от направления подготовки и специальностей компетенций, направленных на формирование знаний и навыков по защите своих прав и законных интересов. Проведённое в рамках заявленной тематики эмпирическое исследование подтверждает необходимость сохранения личностного взаимодействия в силу выявленной потребности респондентов в очном формате общения.

Список литературы:

[1] Истомин М.А., Нечкин А.В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 26-33.

[2] Сорокин В.В. Теория юридической ответственности: монография. – М.: Проспект, 2024. – 168 с.

[3] Антонов В.Ф. Нравственные основания правового регулирования: монография. – М. : Проспект, 2024. – 160 с.

[4] Курбатова С.М., Русаков А.Г. О правовом просвещении лиц старших возрастных групп на базе образовательных учреждений // Право и государство: теория и практика. 2021. – № 3 (195). – С. 232-233.

[5] Балковая В.Г. Правовое просвещение: теоретико-правовой анализ категории // Государственная служба и кадры. 2025. – № 3. – С. 21-26.

[6] Гармаев Ю.П. Правовое просвещение и правовое информирование в уголовном процессе // ГлаголЪ правосудия. 2015. – № 1(9). – С.62-68.

[7] Аверин А.В. М.М. Сперанский о воспитании, просвещении и образовании в России // Правовая культура. – 2025. – № 3. – С. 80-85.

[8] П. 1.1, 1.2, 3.1 Приказа Генеральной Прокуратуры РФ от 2.08.2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» // СПС Консультант Плюс.

[9] Раздел 1 Распоряжения Правительства РФ от 17.08.2024 г. №2233-р об утверждении Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года // СПС Консультант Плюс.

[10] Письмо Минпросвещения России от 02.07.2024 № 07-2997 «О направлении информации» (вместе с «Едиными подходами по формированию целостной системы правового просвещения и правового информирования несовершеннолетних в образовательных организациях на всех уровнях образования независимо от типа указанных организаций») // СПС Консультант Плюс.

[11] Опрос проводился на территории Оренбургской области в период с 15 февраля 2026 г. по 10 марта 2026 г. В опросе принимали участие респонденты обоих полов. Количество респондентов – 31 человек.

[12] Правовое просвещение и образование в Российской Федерации: новые возможности цифровых технологий : круглый стол Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству . 28 марта 2024 г. URL: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/156595/ (дата посещения 14.05.2026).

[13] Опрос проводился среди 140 обучающихся юридического факультета Оренбургского государственного университета имени В.А. Бондаренко в период с 15 февраля 2026 г. по 10 марта 2026 г.

References:

[1] Istomin M.A., Nechkin A.V. Legal education in Russia: modern problems of theory and practice// Legal Bulletin of Samara University. 2021. - VOL. 7. – № 2. - S. 26-33.

[2] Sorokin V.V. Theory of legal responsibility: monograph. - M.: Prospect, 2024. - 168 s.

[3] Antonov V.F. Moral grounds of legal regulation: monograph. - M.: Prospect, 2024. - 160 s.

[4] Kurbatova S.M., Rusakov A.G. On legal education of older age groups on the basis of educational institutions//Law and state: theory and practice. 2021. – № 3 (195). - S. 232-233.

[5] Balkovaya V.G. Legal education: theoretical and legal analysis of the category//Public service and personnel. 2025. – № 3. - S. 21-26.

[6] Yu. Garmaev. Legal education and legal information in criminal proceedings//Verb of Justice. 2015. – № 1(9). - S.62-68.

[7] Averin A.V. M.M. Speransky on education, enlightenment and education in Russia//Legal culture. – 2025. – № 3. - S. 80-85.

[8] P. 1.1. 1.2. 3.1 of Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 471 dated 2.08.2018 "On the Organization of Legal Education and Legal Information in the Prosecutor's Office of the Russian Federation "//SPS Consultant Plus.

[9] Section 1 of the Order of the Government of the Russian Federation of 17.08.2024 No. 2233-r on the approval of the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030//SPS Consultant Plus.

[10] Letter of the Ministry of Education of Russia dated 02.07.2024 No. 07-2997 "On the direction of information" (together with "Unified approaches to the formation of a holistic system of legal education and legal information for minors in educational institutions at all levels of education, regardless of the type of these organizations")//SPS Consultant Plus.

[11] The survey was conducted in the Orenburg region from February 15, 2026 to March 10, 2026. Respondents of both sexes took part in the survey. The number of respondents is 31 people.

[12] Legal education and education in the Russian Federation: new possibilities of digital technologies: round table of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Building. 28 Mar 2024 URL: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/156595/ (visit date 14.05.2026).

[13] The survey was conducted among 140 students of the Faculty of Law of the Orenburg State University named after V.A. Bondarenko from February 15, 2026 to March 10, 2026

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-486-490

БУКИНА Надежда Николаевна,
преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин,
Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева РФ,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: nadin2007.71@mail.ru

ИВАЩЕНКО Александра Сергеевна,
преподаватель кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева РФ,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: aleksandra2010.21@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Статья рассматривает правовые и педагогические основы нравственного воспитания студентов в условиях государственной политики по укреплению традиционных российских ценностей. Отмечается, что сегодня воспитание стало полноценным объектом правового регулирования: обновлён Закон об образовании, приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Цель работы – показать, как именно юридически закреплённые ценности могут быть внедрены в реальную жизнь вуза, какие трудности при этом возникают и как их можно преодолеть. Методология включает формально-юридический анализ, сравнение правовых норм, толкование закона, а также обобщение педагогических данных. Автор анализирует легальное определение традиционных ценностей и предлагает его уточнение применительно к высшему образованию, обсуждает баланс между воспитательной функцией и академической свободой, выявляет системные сбои – формализм, отсутствие измеримых критериев, неподготовленность преподавателей. В заключение предлагаются конкретные шаги по совершенствованию как законодательства, так и педагогической практики.*

Ключевые слова: *традиционные российские ценности, нравственное воспитание, студенты, высшее образование, правовой механизм, Указ Президента РФ № 809, воспитательная деятельность, педагогический процесс.*

BUKINA Nadezhda Nikolaevna,
lecturer at the Department of general education disciplines,
Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev Russian Federation, Saint Petersburg

IVASHCHENKO Aleksandra Sergeevna,
lecturer at the Department of humanities and socio-economic disciplines,
Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev, Russian Federation, Saint Petersburg

ON THE QUESTION OF THE FUNDAMENTALS OF MORAL EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES: THEORETICAL-LEGAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS

Annotation. *The article examines the legal and pedagogical foundations of moral education of students in the context of the state policy to strengthen traditional Russian values. It notes that education has become a full-fledged object of legal regulation: the Law on Education has been updated, and the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Values have been adopted. The purpose of the work is to show how legally enshrined values can be introduced into the real life of a university, what difficulties arise, and how they can be overcome. The methodology includes formal legal analysis, comparison of legal norms, interpretation of the law, and generalization of pedagogical data. The author analyzes the legal definition of traditional values and proposes its refinement in relation to higher education, discusses the balance between the educational function and academic freedom, identifies systemic failures – formalism, lack of measurable criteria, and unpreparedness of teachers. In conclusion, specific steps are proposed to improve both legislation and pedagogical practice.*

Key words: *traditional Russian values, moral education, students, higher education, legal mechanism, Decree of the President of the Russian Federation № 809, educational activity, pedagogical process.*

В последние годы российское государство всё активнее закрепляет свою роль в воспитании подрастающего поколения. Один из ключевых шагов – внесение в 2020 году поправок в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] (далее – Закон об образовании), которые впервые на уровне закона дали развёрнутое определение воспитания.

Так, согласно статье 2 Закона об образовании под воспитанием понимается «деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

Позднее Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2] (далее – Указ № 809). Этот документ задал чёткие ценностные ориентиры для всех сфер общества, включая образование.

Так нормативная база стала достаточно полной, однако на практике реализация указанных норм столкнулась с определёнными объективными трудностями (отсутствие достаточной информационной и материальной базы и ресурсов, отсутствие единого подхода к оценке ценностей и т.д.).

Цель настоящей статьи – выявить правовую сущность традиционных ценностей как предмета воспитания, определить, с какими проблемами сталкиваются вузы при их внедрении, и предложить меры, позволяющие сделать воспитательную работу более эффективной.

Мы использовали формально-юридический метод, толкование права, сравнительно-правовой анализ, а также обобщение педагогических данных.

Предлагается рассмотреть вопрос юридического закрепления традиционных ценностей и их применение в рамках воспитательной работы в высшей школе.

Пункт 4 Указа № 809 определяет традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

Данные нравственные ориентиры объединены в перечень, который включает в себя «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Данный набор ценностей, безусловно, служит фундаментом для воспитательной работы на всех уровнях образования, а также «гарантом стабильного и гармоничного развития общества

и государства» [3, с. 99]. Однако формальный его перенос в практику высшего учебного заведения повлечёт за собой игнорирование его специфики, где формируется не просто гражданин, но и профессионал, ответственный за судьбы людей, законность и правопорядок.

Первый аргумент в пользу корректировки касается самого определения. Формулировка «передаваемые от поколения к поколению» делает акцент на преемственности, но почти не учитывает способность общества вырабатывать новые ценностные смыслы. Высшее образование по своей природе соединяет традицию с инновацией: студент не только усваивает наследие, но и учится критически мыслить, искать нестандартные правовые решения, отстаивать научную истину.

Поэтому определение следовало бы дополнить указанием на то, что традиционные ценности в образовательной среде служат основой для ответственного новаторства, а не только для воспроизведения прошлого опыта.

Второй аргумент связан с содержанием самого перечня. Он сформулирован как универсальный для всех сфер общественной жизни и потому не отражает ценностей, без которых невозможна качественная профессиональная подготовка юриста.

В нём нет прямого упоминания уважения к закону и правовым институтам – а ведь для будущих судей, прокуроров, адвокатов это не просто абстрактный принцип, а повседневный профессиональный долг.

Отсутствуют также ценности интеллектуальной честности, научной добросовестности, уважения к объективному знанию. Между тем без них невозможно вырастить специалиста, способного противостоять давлению, конъюнктуре и манипуляциям.

Реализация воспитательной функции в вузе в контексте Указа № 809 – это не подавление инакомыслия, а создание ценностно-насыщенной образовательной среды, в которой академическая свобода служит средством осознанного принятия студентом нравственных ориентиров, а не их отторжения. В противном случае неестественность таких ориентиров в виде их намеренного и недобровольного установления только усугубит ситуацию из-за их не «нормальности» для общества [4, с. 374].

Третий аргумент: данный перечень ориентирован преимущественно на коллективные ценности (коллективизм, взаимопомощь, единство народов), что особенно оправданно в условиях кризисных явлений, но недостаточно для формирования личной профессиональной ответственности.

В судебной и правоприменительной практике особая роль определяется внутреннему усмотрению конкретного человека, принимающего решение, в связи с чем, предлагается дополнить перечень нравственных ориентиров компонентом «профессиональная совесть и добросовестность», а также «уважение к закону и научной истине», которые формируются в юридических высших учебных заведениях. Такое дополнение не окажет негативного воздействия на единство нравственно-ценностного перечня традиционных ценностей, а конкретизирует его в рамках юридического образования, создав правовую основу для воспитательных программ, формирующих у него осознанный подход к своей будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, в контексте расширения содержательного наполнения Указа № 809, предлагается на уровне подзаконного регулирования и образовательных стандартов расширить перечень ценностных ориентиров для будущих юристов не только путём их декларативного установления в указанных документах, но и ориентируя образовательный процесс на практику их применения в рабочих и образовательных вопросах с целью формирования единого стержня внутренних установок обучающегося.

При этом, корректировка законодательства в части регламентации процесса воспитания вызвало в высшей школе опасения что ценностная политика государства может ограничить саму свободу преподавания, установленную в статье 44 Конституции Российской Федерации [5]. Согласно данной статье каждому гарантируется свободу преподавания, а в дополнение данного положения Закон об образовании в пункте 2 части 3 статьи 47 закрепляет право педагога выбирать педагогически обоснованные методики и средства обучения и воспитания.

Представляется, что на первый взгляд возникает правовая коллизия законодательных установлений, а именно: Закон об образовании требует воспитывать студентов на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей, принятых в российском обществе, но не предписывает делать это методами принуждения или единомыслия.

Видится, что при детальном сопоставлении указанных норм можно увидеть, что изменения в Законе об образовании не направлены на исключения инакомыслия, а преследуют цель создания среды, в которой студент может самостоятельно и максимальной степенью осознанности изучить и следовать приобретённым в процессе обучения ценностям, сопоставляя их с профессиональными задачами и полученным жизненным опытом.

Аналогичным образом следует рассматривать принятие Федерального закона от 5 апреля 2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [6], урегулировавшего просветительскую деятельность. Данный нормативно-правовой акт также не преследует цель использование негативного цензурирования образовательной деятельности, а его правовая регламентация направлена на установление запретов по распространению материалов, направленных на подрыв конституционно значимых ценностей, что в рамках правового регулирования общественных отношений и единой концепции образовательного и воспитательного процесса видится логичным. Тем самым, указанные нормативно правовые акты в совокупности формируют ценностное ядро образования, при этом оставляя преподавателю определённую степень свободы в научном поиске и преподавательской деятельности.

Таким образом, юридические механизмы защиты традиционных ценностей одновременно определяют границы допустимого в образовательном процессе и в то же время направлены на ограничение академической свободы от внешних посягательств и попыток использовать её для разрушения образовательного пространства. В связи с этим, в данном контексте задача высших учебных заведений видится в разъяснении этих границ преподавателям, без формирования у них чувства внешнего принуждения и недобровольного исполнения ими своей педагогической деятельности.

Несмотря на достаточно подробное содержание нормативно-правовой базы образовательного процесса, практика воспитания, основанная на традиционных ценностях, сталкивается с серьёзными трудностями.

Первая и самая заметная – формальный подход к формированию и соблюдению требований образовательных стандартов. Рабочие программы воспитания, включённые в образовательные программы, нередко превращаются в перечень разрозненных мероприятий, не обладающих взаимосвязью с содержанием юридических дисциплин. В результате цели, которые преследовались при их составлении не будут достигнуты, а их воздействие на обучающихся будет минимальным.

Вторая проблема, как следствие первой, – отсутствие объективных критериев оценки эффективности воспитательных мероприятий. В рамках воспитательной функции оценка эффективности проводимых мероприятий и их взаимное влияние с преподаваемыми дисциплинами не поддаётся измерению, поскольку отсутствует возможность объективно оценить их влияние на студентов (экзамен, зачет и т.д.).

В то же время, представляется перспективным определить такими индикаторами уровень вовлечённости студентов в юридические клиники, волонтёрство, участие в антикоррупционных проектах, онлайн-практикумах и т.д. Тем самым основным критерием оценки станет степень активности участия студента в дополнительных активностях, не связанных напрямую с изучением юридических дисциплин в рамках образовательного процесса.

В дополнении к этому, автором статьи разделяется позиция о реализации проектного обучения на тему высоких нравственных идеалов, крепкой семьи и созидательного труда, которое позволяет учащимся активно участвовать в изучении и сохранении традиционных ценностей [7, с. 20].

Для преодоления названных трудностей необходимы согласованные шаги в правовой и педагогической сфере.

Во-первых, предлагается разработать модельную методику воспитательной работы, в которой будут зафиксированы примерные показатели успешности – участие студентов в социально значимой или дополнительной деятельности, динамика или отсутствие дисциплинарных нарушений, отзывы работодателей/руководителей практик или стажировок о нравственных качествах выпускников/практикантов/стажёров.

Во-вторых, федеральные государственные образовательные стандарты предлагается также дополнить универсальной компетенцией «способность к ценностному анализу профессиональных ситуаций на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей», что позволит совместить воспитание и учебный процесс воедино: разбор судебного дела будет включать не только правовую квалификацию, но и обсуждение морального выбора участников, цена ошибки в принятых решениях, последствия недобросовестности участников правоотношений и т.д.. Именно междисциплинарный анализ таких ситуаций позволяет сформировать устойчивые нравственные установки у студентов в области права и этики.

В-третьих, не будет лишним разработать программу повышения квалификации преподавателей по программам «Методика ценностно-ориентированного обучения в высшей школе», которая будет объединять юристов и педагогов и на которых преподавателям будут даваться не только знания об основах государственной важности воспитания, но и конкретные приёмы работы с ценностным содержанием юридических дисциплин.

В-четвертых, на уровне локальных нормативных актов высшей школы предлагается закрепить и детализировать перечень ценностей,

адаптировав его к профилю подготовки. В рамках юридического высшего учебного заведения в этот перечень целесообразно включить уважение к закону, профессиональную совесть и интеллектуальную честность, что само по себе создаст предпосылки для формирования правовой основы для воспитательной работы.

Таким образом, традиционные российские ценности сегодня представляют собой не идеологические и абстрактные положения, а полноценный нормативный комплекс, вокруг которого выстраивается воспитательная работы высших учебных заведений. Для эффективной практической реализации данного комплекса представляется необходимым его адаптировать под конкретные задачи и специфику образовательного процесса: уточнить перечень ценностей для профессионального образования, разработать измеримые критерии эффективности воспитательных мероприятий, обеспечить системную подготовку преподавателей и встроить ценностный анализ в повседневный учебный процесс. Только в таком случае воспитательная функция перестанет быть формальностью и станет подлинным основанием нравственного роста будущих юристов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 30.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745 (дата обращения: 29.05.2026). (Ст. 2, ч. 3 ст. 47, ст. 12.1).

[2] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 29.05.2026).

[3] Рудакова О.Н. Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 97-99.

[4] Чернова Э.Р. Правосознание как форма общественного сознания, его структура и признаки // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 374-376.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 29.05.2026).

[6] Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 15 (Ч. 1). Ст. 2452.

[7] Агафонова В.Д., Гижинская Т.В., Дзюбан В.В. Роль образования в сохранении и передаче традиционных ценностей // Асклепий: социология, биология, медицина. 2025. № 4(5). С. 18-21.

References:

[1] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” (as amended by 30.12.2024) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745 (access date: 29.05.2026). (Art. 2, part 3 of article 47, article 12.1).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values “//Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (access date: 29.05.2026).

[3] O.N. Rudakova. Legal support of traditional values as the basis of constitutional values//Law and state: theory and practice. 2023. № 4(220). S. 97-99.

[4] Chernova E.R. Legal consciousness as a form of public consciousness, its structure and signs//Law and state: theory and practice. 2024. № 6 (234). P. 374-376.

[5] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (access date: 29.05.2026).

[6] Federal Law of April 5, 2021 No. 85-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. NO. 15 (PART 1). Art. 2452.

[7] Agafonova V.D., Gizhinskaya T.V., Dzyuban V.V. The role of education in the preservation and transmission of traditional values//Asclepius: sociology, biology, medicine. 2025. № 4(5). S. 18-21.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-491-494

НИКУЛИЧЕВА Ирина Васильевна,
кандидат педагогических наук,
начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
e-mail: nik77ira@yandex.ru

КИРИЧЕК Екатерина Юрьевна,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
e-mail: ekaterinajigalenkova@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ

Аннотация*. В статье рассматривается роль социально-гуманитарного знания в процессе профессионального становления и воспитания сотрудников органов внутренних дел. Анализируется трансформация ценностной сферы личности под влиянием философии, социологии, культурологии и педагогики. Особое внимание уделяется проблеме преодоления деформации правосознания и формирования устойчивых морально-нравственных ориентиров, необходимых для эффективного выполнения оперативно-служебных задач сотрудников Госавтоинспекции в условиях современных вызовов.*

Ключевые слова*: социально-гуманитарные науки, ценностные ориентиры, следственные подразделения органов внутренних дел, профессиональная этика, правосознание, духовная безопасность, воспитание сотрудников.*

NIKULICHEVA Irina Vasilievna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
at the Bryansk Branch of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KIRICHEK Ekaterina Yurievna,
Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities
at the Bryansk Branch of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF VALUES OF STATE AUTOMOBILE INSPECTOR EMPLOYEES

Annotation*. This article examines the role of social and humanitarian knowledge in the professional development and training of law enforcement officers. It analyzes the transformation of individual values under the influence of philosophy, sociology, cultural studies, and pedagogy. Particular attention is paid to overcoming the distortion of legal consciousness and developing sustainable moral guidelines necessary for the effective performance of operational and service tasks in the face of modern challenges.*

Key words*: social and humanitarian sciences, value orientations, internal affairs agencies, professional ethics, legal awareness, spiritual security, employee education.*

В условиях динамичных изменений социальной реальности, роста правового нигилизма в обществе и усложнения криминогенной обстановки особые требования предъявляются к личности сотрудника Госавтоинспекции. Сотрудник полиции является не просто исполнителем административных функций, но и представителем власти, носителем государственной идеологии и гарантом справедливости. Сегодня от представителя правоохранительной системы требуется не только высокая профессиональная компетентность и знание нормативной базы, но и наличие четкой системы ценностных ориентиров, основанной на принципах гуманизма, справедливости, законности и патриотизма. Особое значение приобретает не только профессиональная компетенция сотрудника Госавтоинспекции, но и его ценностно-мировоззренческая позиция.

Профессиональная деятельность в органах внутренних дел сопряжена с высоким уровнем стресса, наличием властных полномочий и постоянным моральным выбором. В таких условиях формальное знание нормативной базы (законов, приказов, инструкций) является необходимым, но недостаточным условием эффективной службы. На первый план выходят ценностные ориентации — элементы внутренней структуры личности, сформированные в процессе социализации и профессионального обучения.

Мировоззренческие установки выступают внутренним регулятором поведения, определяя отношение сотрудника к службе, закону и гражданам. В связи с этим социально-гуманитарные науки играют ключевую роль, так как они не просто передают сумму знаний, а формируют способность к самоанализу, нравственному выбору и пониманию социальной значимости своей деятельности.

На современном этапе очевидно, что социальная обстановка в стране требует формирования нравственных и патриотических качеств в молодежи, приходящей служить в правоохранительные органы. Х.С. Шагбанова отмечает, что вопросы формирования личности сотрудника полиции, лежат в поле профессионально-нравственной подготовки [5, с. 169].

Однако, как показывает практика, узконаправленное профессиональное обучение, сконцентрированное исключительно на юридической догматике и тактико-специальной подготовке, не способно в полной мере сформировать целостную личность, способную к моральной рефлексии и принятию решений в сложных этически неоднозначных ситуациях. Восполнить этот пробел призваны социально-гуманитарные науки. Они являются не просто «общеобразовательным фоном», а фундаментальным фактором, формирующим мировоззрение и ценностную структуру личности сотрудников Госавтоинспекции.

Прежде чем говорить о влиянии наук, необходимо определить содержание самого понятия «ценностные ориентиры» применительно к сотруднику органов внутренних дел.

Ценностные ориентиры представляют собой систему духовных и материальных благ, которые личность признает значимыми, определяющими ее жизненную позицию, поведение и отношение к служебному долгу. Для сотрудника ОВД эта система имеет двойственную природу:

– универсальные (общечеловеческие) ценности: жизнь, здоровье, честь, достоинство личности, справедливость.
– профессионально-корпоративные ценности: служебный долг, патриотизм, верность Присяге, корпоративная солидарность, профессиональная честь.

Проблема современного этапа развития правоохранительных органов заключается в размывании границ между этими группами. В погоне за показателями раскрываемости или в условиях экстремальных ситуаций возникает соблазн пренебречь универсальными ценностями ради ложного понимания профессионального долга. Именно здесь и проявляется дефицит гуманитарного знания, которое удерживает сотрудника от скатывания в «профессиональную деформацию» и правовой цинизм.

Зачастую недооценивают потенциал социально-гуманитарных дисциплин в формировании личности сотрудника органов внутренних дел в то время, как каждая из них вносит уникальный вклад в формирование его ценностной сферы.

Например, философия учит сотрудника мыслить категориями бытия и сознания, добра и зла. Знакомство с философско-правовыми учениями (Канта, Гегеля, русских религиозных философов) формирует понимание того, что Закон — это не просто инструмент принуждения, а форма выражения высшей справедливости. Философская рефлексия помогает сотруднику анализировать конфликтные ситуации не только с позиции уголовного законодательства, но и с точки зрения нравственного императива.

Изучение этики, в частности профессиональной этики сотрудника ОВД, позволяет перевести абстрактные моральные нормы в конкретные регуляторы поведения, которые напрямую транслируют нормы морали в практическую плоскость. Она рассматривает конкретные служебные ситуации («нравственно допустимый риск», «этика допроса», «тайна следствия»). Знание этических норм не позволяет сотруднику превращать закон в формальный инструмент насилия.

Социологическое знание необходимо сотруднику для адекватного восприятия социальной среды, в которой он работает. Изучение социологии преступности, социальной стратифика-

ции, общественного мнения о деятельности полиции позволяет уйти от шаблонного восприятия граждан как «объектов оперативной разработки». Понимание социальных причин преступности (бедность, безработица, маргинализация) формирует более человечное отношение к отдельным категориям граждан и позволяет применять превентивные меры, а не только репрессивные. Помимо этого, социология дает понимание структуры общества, причин социальной напряженности и девиантного поведения. Знание социальных процессов помогает сотруднику не только эффективнее расследовать преступления (понимая среду, в которой они совершаются), но и адекватно взаимодействовать с различными социальными группами, избегая предвзятости и стереотипизации.

Психологические знания, помимо прикладных аспектов (физиогномика, техники допроса), способствует формированию у сотрудников следственных подразделений эмпатии, эмоционального интеллекта, что является крайне важным для работы с потерпевшими, особенно с детьми и жертвами насилия. Ценность человека становится не декларацией, а внутренним убеждением, когда сотрудник через психологию понимает глубину травмы другого человека. Психологические знания дают сотрудником Госавтоинспекции навыки управления собственным эмоциональным состоянием и конструктивного взаимодействия с гражданами. Психологическая подготовка на базе гуманитарных наук позволяет сотруднику сохранять «человеческое лицо» в экстремальных ситуациях, понимать мотивы поведения потерпевших и правонарушителей, что напрямую влияет на качество расследования и профилактики преступлений и административных правонарушений.

Освоение истории государства и права, истории органов внутренних дел, культурных традиций народов России выполняет идентификационную функцию и важную мировоззренческую функцию — функцию связи поколений. Сотрудник Госавтоинспекции осознает себя не просто звеном правоохранительной системы, а наследником великой правовой традиции, защитником культуры и цивилизации. Это формирует патриотизм как базовую ценность, исключающую формальный подход к службе. Понимание культурного многообразия населения (особенно в многонациональном регионе) предотвращает конфликты на межэтнической почве и учит уважению к традициям.

Изучение истории милиции и полиции, примеров героизма и трагических страниц (периоды репрессий, нарушения законности) формирует у сотрудников чувство сопричастности к своей профессии. Исторические знания выполняют две ключевые задачи:

– воспитательную: воспитание на примерах подвигов предшественников (в годы Великой Отечественной войны, при ликвидации последствий катастроф).
– предупредительную: осознание трагических последствий отступления от закона и принципа гуманизма, что служит «прививкой» от злоупотребления властью.

Таким образом, исторические дисциплины закладывают основу корпоративной культуры, основанной на уважении к традициям и понимании эволюции правовых институтов.

Следует также отметить, что простое наличие дисциплин в учебном плане образовательных организаций МВД не гарантирует усвоения ценностей. Необходимы эффективные педагогические механизмы:

1. Проблемно-ориентированный подход. Лекции и семинары по философии и социологии должны строиться не на абстрактных категориях, а на анализе реальных служебных ситуаций (кейсов). Например, этическая дилемма: «Задержание преступника, угрожающего жизни заложника, если применение оружия может привести к жертвам среди случайных прохожих». Обсуждение таких кейсов с позиций этики, права и социологии закладывает алгоритмы морального выбора.
2. Воспитательная работа через культуру. Организация встреч с деятелями культуры, экскурсии в музеи, дискуссионные клубы по просмотру фильмов, затрагивающих проблемы правосудия. Это позволяет сотруднику увидеть свою профессию глазами общества, осмыслить ее художественный образ.
3. Рефлексивные практики. Введение в процесс служебной подготовки элементов психологического тренинга и ведения дневников самонаблюдения (по аналогии с курсантскими годами) для профилактики эмоционального выгорания и сохранения «человеческого лица».
4. Преодоление деформации и риски «технократического» подхода. Игнорирование гуманитарной составляющей ведет к доминированию технократического мышления. В этом случае гражданин воспринимается как элемент статистики, а его права — как помеха для «галочки» в отчете. Социально-гуманитарные науки выступают антидотом против таких деформаций, как:

– правовой цинизм (убеждение, что закон можно трактовать в свою пользу);
– эмоциональное выгорание (утрата способности к состраданию);
– коррупционное поведение (утрата понимания ценности служения обществу).

Гуманитарное знание также актуализирует такие категории, как совесть и стыд, которые зачастую оказываются сильнее внешнего контроля поскольку являются внутренними регуляторами. Социально-гуманитарные науки являются неотъемлемым фактором формирования ценностных ориентиров сотрудников органов внутренних дел. В отличие от сугубо юридических или технических дисциплин, они формируют не просто специалиста, а «личность» и «гражданина».

Значение гуманитарного знания для сотрудников Госавтоинспекции проявляется в трех основных аспектах:

– мировоззренческом: формирование целостной картины мира и понимания своей роли в обществе.
– регулятивном: создание внутренних моральных ограничителей, препятствующих злоупотреблению властью и профессиональной деформации.
– коммуникативном: развитие навыков эффективного и уважительного взаимодействия с различными категориями граждан.

Внедрение гуманитарной составляющей в систему профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников Госавтоинспекции является залогом построения правового государства и повышения доверия общества к полиции. Игнорирование же этого фактора неизбежно ведет к «роботизации» сотрудника, формализму и росту напряженности в отношениях между властью и населением.

Социально-гуманитарные науки являются не просто образовательным довеском к профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел, а ключевым фактором формирования их личности. В эпоху цифровизации и технологизации полицейской деятельности возрастает риск утраты человеческого измерения профессии. Именно философия, этика, социология и история возвращают сотруднику понимание особой значимости его миссии — защиты жизни, прав и свобод человека.

Формирование ценностных ориентиров через гуманитарное знание должно стать сквозной линией всего процесса службы: от первого курса ведомственного вуза до курсов повышения квалификации. Только такой подход позволит воспитать сотрудника, для которого слова «Закон», «Справедливость» и «Честь» будут наполнены реальным, а не декларативным смыслом, что в конечном итоге повысит уровень доверия общества к полиции в целом и ее сотрудниками, обеспечит духовную безопасность страны.

Список литературы:

[1] Аминов И. И. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел. (СПО). Учебник. – М: КноРус, 2025.- 227 с.

[2] Васильева З. В. Условия и оценка эффективности духовно-нравственного развития обучающихся образовательных организаций МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2022. - № 1 (93). - С. 183-191.

[3] Кобликов П. А. Юридическая этика: Учебник для ВУЗов, 3-е изд., изм. - М: Юр. Норма, 2026.-176 с.

[4] Марьин М.И. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности: учеб. пособие /М.И.Марьин, Ю.Г.Касперович. –М.: Академия, 2015. – 208 с.

[5] Шагбанова Х.С. Гуманизация образования в вузах МВД России: современное состояние и перспективы развития // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 2А. - С. 168-176.

References:

[1] Aminov I. I. Psychology in the activities of employees of internal affairs bodies. (SSW). Textbook. - M: KnoRus, 2025.- 227 p.

[2] Vasilyeva Z.V. Conditions and assessment of the effectiveness of the spiritual and moral development of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - № 1 (93). - S. 183-191.

[3] Koblikov P.A. Legal Ethics: A Textbook for Universities, 3rd ed., Rev. - M: Jur. Norm, 2026.- 176 p.

[4] Maryin M.I. Psychological support of anti-terrorist activities: tutory. manual/M.I. Maryin, Yu.G. Kasperovich. -M.: Academy, 2015. - 208 s.

[5] Shagbanova H.S. Humanization of education in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: current state and development prospects// Pedagogical Journal. 2020. T. 10. No. 2A. - S. 168-176.

-ИННОВАЦИИ В МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-495-500

ЮГАНОВА Дарья Владимировна,
студент 4 курса,
факультет бизнеса, таможенного дела
и экономической безопасности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный экономический университет»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОНЛАЙН-КУРСОВ ДПО В ВОЗРАСТЕ 18–24 ЛЕТ НА ОСНОВЕ ЗНАЧИМОСТИ АТРИБУТОВ

Аннотация. *Рынок онлайн-образования в сегменте дополнительного профессионального образования (далее — ДПО) в России демонстрирует устойчивый рост, однако усиление конкуренции требует от образовательных платформ более глубокого понимания потребительского поведения, особенно среди молодёжи. Исследование, проведённое в Санкт-Петербурге, посвящено сегментации потребителей онлайн-курсов ДПО в возрасте 18–24 лет на основе важности атрибутов курсов, сопоставленных с выявленными мотивами покупки, и сравнительному анализу уровня удовлетворённости сегментов с определением ключевых атрибутов, влияющих на этот уровень. На первом этапе методом глубинных интервью выявлены устойчивые комбинации рациональных и эмоциональных мотивов, которые были соотнесены с атрибутами курсов. На втором этапе проведён онлайн-опрос, методом кластерного анализа (k-means) выделены пять сегментов потребителей, различающихся по значимости атрибутов курсов. Для каждого сегмента определены средний уровень удовлетворённости, комбинации мотивов, а также наиболее значимые атрибуты и атрибуты, требующие улучшения, на основе сопоставления их значимости и оценённой удовлетворённости.*

Ключевые слова: *дополнительное профессиональное образование, онлайн-курсы, мотивы покупки, удовлетворённость потребителей, сегментация, атрибуты образовательных услуг, кластерный анализ, сравнительный анализ.*

YUGANOVA Daria Vladimirovna,
fourth-year student,
Faculty of Business, Customs, and Economic Security,
Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia

A COMPARATIVE ANALYSIS OF CONSUMER SATISFACTION OF ONLINE COURSES FOR CONTINUING EDUCATION AGED 18–24 BASED ON THE IMPORTANCE OF ATTRIBUTES

Annotation. *The Russian online education market in the field of continuing professional education (CPE) has demonstrated steady growth; however, increasing competition requires educational platforms to develop a deeper understanding of consumer behavior, particularly among young adults. This study, conducted in St. Petersburg, focuses on the segmentation of consumers aged 18–24 enrolled in online CPE courses based on the importance they attach to course attributes in relation to identified purchase motives. It also provides a comparative analysis of satisfaction levels across the identified segments and determines the key course attributes influencing customer satisfaction. At the first stage, in-depth interviews were conducted to identify stable combinations of*

rational and emotional purchase motives, which were subsequently linked to course attributes. At the second stage, an online survey was carried out, and five consumer segments with different patterns of attribute importance were identified using the k-means cluster analysis method. For each segment, the average satisfaction level, prevailing combinations of purchase motives, the most important course attributes, and the attributes requiring improvement were determined by comparing their perceived importance with respondents' satisfaction ratings.

Key words: *continuing professional education (CPE), online courses, purchase motives, consumer satisfaction, market segmentation, educational service attributes, cluster analysis, comparative analysis.*

Введение. Рынок ДПО в России — один из наиболее динамично развивающихся сегментов EdTech-рынка, где, согласно прогнозам до 2028 г., востребованность обучения на онлайн-платформах будет устойчиво возрастать до 13,13 миллионов пользователей [11]. Только за 2021–2023 гг. количество программ ДПО увеличилось на 27% (до 338 тыс.), а численность организаций, осуществляющую данную деятельность, за 2019-2023 гг. выросла на 16,8% [1], при этом выручка топ-100 EdTech-компаний в России за 2025 год выросла на 12% к предыдущим показателям [10]. Уход зарубежных платформ обострил конкуренцию среди отечественных игроков за потребителей в возрасте 25-34 лет (34%), 35-44 лет (25%) и 18-24 лет (15%), с наибольшим интересом к онлайн-образованию, согласно исследованию платформы «Сравни» [9]. Хотя доля молодёжи 18–24 лет уступает старшим когортам, эта группа представляет стратегический интерес для образовательных платформ, так как студенты активно стремятся повысить квалификацию и адаптироваться к рынку труда. Несмотря на положительную тенденцию, рыночная ситуация меняется: в 2024–2025 гг. российский рынок электронного образования (Edtech) последовательно замедляется: в 2023 году рост рынка составлял 32%, в 2024 — 19%, а сегмент ДПО сталкивается с замедлением спроса и изменением структуры потребления [10]. В своём исследовании Сарикова подчеркивает важность анализа психологии потребителя (студентов) и его мотивационных факторов для успешных онлайн-продаж образовательных продуктов, что подчеркивает актуальность исследования [8]. Таким образом, в этой ситуации особенно интересна для изучения молодёжь 18-24 лет как ресурс для формирования долгосрочной лояльности — потребители, получившие первый положительный опыт взаимодействия с платформой в этом возрасте, с высокой вероятностью вернутся за новыми программами на протяжении всей профессиональной траектории. Ввиду выраженной концентрации спроса на программы ДПО в столичных и крупнейших городах, в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге [4], исследование сфокусировано на региональной специфике Санкт-Петербурга.

Для выявления структуры потребительских предпочтений, категорий выборки респондентов и тематического гайда был проведён анализ поисковых запросов («Яндекс.Вордстат», «Google Trends») и отзывов на платформы дополнительного образования («Отзовик», «Irecommend»). Результаты построения ментальной карты показали, что наибольший интерес к ДПО сосредоточен в крупных городах и охватывает широкий возрастной (дети, студенты, взрослые) и профессиональный спектр (включает в себя муниципальных работников, госслужащих и бюджетников), наиболее востребованы направления с высокой практической отдачей: программирование, дизайн, психология и бухгалтерский учёт. При этом потребители демонстрируют двойственную стратегию: стремление к экономии сочетается с готовностью инвестировать при наличии гарантий качества (лицензия) и удобстве формата обучения. Поиск потребителями продолжительности программ ДПО и количества часов обучения, например, запрос на программы длиной 72 часа, может указывать на желание получить диплом, учет в официальной документации, более глубокие знания на продвинутом курсе. Основные цели получения ДПО — карьерный рост, профессиональная переподготовка и приобретение актуальных практических навыков. Анализ негативных отзывов выявил проблемные зоны (недостаток обратной связи, преобладание теории над практикой, слабая структурированность материалов), что подтверждает тренд на практико-ориентированные форматы обучения.

Качественный этап. Для выявления устойчивых комбинаций мотивов проведено качественное исследование методом глубинных интервью. Выборка строилась по критериям: стадия получения высшего образования (законченное/в процессе), наличие опыта работы (отсутствует/по специальности/не по специальности), продолжительность программы ДПО (от 16 до 72 часов/от 72 до 250 часов/от 250 до 500 часов/от 500 часов), стадия получения ДПО (не получали ранее/в процессе получения/получили) и желания трудоустройства (есть/нет), что позволило выделить четыре типажа респондентов; в каждом проведено по 3–4 глубинных интервью (всего 15) в Санкт-Петербурге, обеспечив насыщение дан-

ных. Транскрипты обработаны методами контент-анализа (категоризация, сравнительный, «мешок слов») и нарративного анализа. Результаты показали, что мотивы образуют следующие устойчивые комбинации по теории мотивации Д. Шварца:

1. Среди рациональных: ключевым является мотив удобства, он встречается в комбинации с такими рациональными мотивами как мотив выгоды или мотив снижения риска.
2. Среди эмоциональных: ключевым является мотив самореализации, он встречается в комбинации с такими эмоциональными мотивами как мотив познания или мотив свободы.

Примечательно, что эмоциональные и рациональные мотивы практически в равной степени влияют на принятие решения о покупке программы ДПО. Выявленные комбинации впоследствии были операционализированы в атрибуты курсов для количественного этапа.

Количественный этап. Для сегментации и измерения удовлетворённости был проведен онлайн-опрос (N=339) среди жителей Санкт-Петербурга в возрасте 18–24 лет, имеющих опыт прохождения хотя бы одного курса ДПО на образовательных онлайн-платформах. Выборка формировалась по квотному принципу (традиционный, бесповторный, детерминированный), а квоты заданы по полу, уровню образования и наличию официальной занятости на основе параметров генеральной совокупности с доверительной вероятностью 95% и погрешностью 2,5%.

Отбор атрибутов для оценки осуществлялся на основе синтеза теоретических моделей и эмпирических исследований. В зарубежной литературе модель Малика [12] включает пять блоков факторов удовлетворённости онлайн-обучением: студент, преподаватель, дизайн, курс и технические факторы. Исследования с применением Expectation-Confirmation Model подтверждают влияние качества сервиса платформы и характеристик курса (интерактивность, добавленная ценность) на удовлетворённость обучающихся [13]. Исследование Родионовой и др. установило, что наиболее значимая связь удовлетворённости онлайн-обучением связана с прагматической пользой содержания курса, а также с обратной связью от преподавателя и мотивирующим эффектом обучения [7]. Исследование Дворяшина и Артемова показало, что удовлетворённость курсом и платформой разные показатели, которые должны измеряться отдельно; в их исследовании наиболее значимым фактором выступил дизайн курса, а наименее — контроль результатов обучения, включающий ценность сертификата [2]. Астратова и др. выявили, что при выборе дополнительного образования студенты обращают внимание на рейтинг вуза, качество программ и интересный видеоконтент [6]. На основе этих исследований и результатов качественного этапа были выделены 11 атрибутов и разнесены по классификации мотивов принятия решения о покупке. В общем виде к рациональным мотивам отнесены следующие атрибуты [5]:

- продолжительность курса;
- наличие обратной связи от преподавателя;
- информационная рассылка по электронной почте;
- квалификация преподавателя;
- репутация площадки, предоставляющей курс;
- используемые в курсе материалы и источники.

К эмоциональным мотивам отнесены:

- возможность применить полученные знания на практике;
- ожидаемая ценность сертификата для работодателя;
- сложность проверочных тестов по теме;
- наличие проверочных тестов;
- содержание и структура видеолекций.

Удовлетворённость для каждого респондента измерялась через индекс CSI (Customer Satisfaction Index), в анкете респондентам предлагалось оценить важность каждого из 11 атрибутов (от 1 — «совсем не важно» до 10 — «очень важно») и оценить эти же атрибуты на основе личного опыта прохождения ДПО по аналогичной шкале [3]:

$$CSI = Важность \times Оценка / 100.$$

Затем вычислялось среднее арифметическое по всем 11 атрибутам, что дало индивидуальный индекс удовлетворённости.

Методом кластерного анализа (k-means) в KNIME с последовательным перебором 3, 4 и 5 кластеров выделены пять сегментов потребителей с максимальной межгрупповой дифференциацией важности атрибутов и содержательной интерпретируемостью (наивысшая силуэтная оценка — 0,251), а тест ANOVA показал, что все кластеризирующие переменные оказывают статистически значимое влияние. Ключевые атрибуты для каждого сегмента определены на основе распределения ответов на вопрос о важности: атрибут считался значимым, если высокий процент респондентов в кластере оценили его на 8-10 баллов, а с использованием описательной статистики был определен общий уровень удовлетворённости и по каждому атрибуту: если при высокой важности CSI был низким, фиксировалась зона для улучшения.

Аналогично рассчитан по латентной переменной «общий уровень удовлетворённости» средний показатель по всем сегментам, который составил 0,543 со стандартным отклонением 0,172, что говорит о слабой вариативности ответов. Результаты представлены в *таблице 1*, атрибуты, требующие доработки, находятся на нижней границе диапазона CSI или ниже среднего по сегменту (выделены курсивом).

Таблица 1. Сравнительный анализ удовлетворенности по 5 сегментам

Сегмент	CSI (ср.)	CSI (значимые атрибуты)	Рац. мотивы	Эмоц. мотивы	Значимые атрибуты
Максималисты	0,717	0,72-0,85	выгоды, удобства, снижения риска	признания, познания, самореализации	применение знаний, ***тесты*** (наличие и сложность), квалификация преподавателя, репутация, ***видеолекции, материалы и источники***, обратная связь
Ориентированные на процесс обучения	0,524	0,51-0,77	выгоды, удобства, снижения риска	познания	квалификация преподавателя, ***видеолекции***, ***материалы, продолжительность курса***, ***рассылка***
Практики и ценители тестов	0,542	0,53-0,81	снижения риска	познания, признания, самореализации	применение знаний, ***тесты*** (наличие и сложность), ***видеолекции***, ***квалификация*** преподавателя, ***репутация***
Ценители экспертных знаний	0,508	0,53-0,82	удобства, снижения риска	познания, самореализации	применение знаний, ***сертификат***, ***квалификация*** преподавателя, ***видеолекции, материалы, обратная связь***
Пассивные	0,358	0,51-0,63	-	познания, самореализации	***применение знаний, сертификат***

Проведённое исследование позволило эмпирически подтвердить, что мотивы покупки онлайн-курсов ДПО не действуют изолированно, а образуют устойчивые комбинации, которые находят отражение в значимости конкретных атрибутов курсов для различных сегментов потребителей. Выделенные пять сегментов различаются не только по уровню удовлетворённости, но и по структуре мотивации, что подтверждает необходимость дифференцированного подхода к управлению качеством образовательных услуг.

Наиболее высокий уровень удовлетворенности зафиксирован в сегменте «Максималисты» (0,717), который предъявляет сбалансированные требования как к академическим, так и к практическим атрибутам курса. Наиболее низкий — в сегменте «Пассивные» (0,358), где даже базовые ожидания (практическая применимость и ценность сертификата) остаются неудовлетворён-

ными. Сегменты со средним уровнем удовлетворённости (0,508–0,542) демонстрируют схожий паттерн: высокий запрос на практико-ориентированные и экспертные атрибуты сочетается с недостаточным качеством их реализации.

Таким образом, удовлетворённость потребителей определяется не набором атрибутов как таковым, а их соответствием мотивационному профилю сегмента и в этом случае универсальное улучшение всех атрибутов без учёта сегментации неэффективно; приоритет должны получать те атрибуты, которые одновременно являются значимыми для конкретного сегмента и вызывают неудовлетворённость.

Список литературы:

[1] Анализ рынка дополнительного профессионального образования в России в 2021-2025 гг, прогноз на 2026-2030 гг. // БизнесСтат. URL: https://businesstat.ru/catalog/id9400/ (дата обращения: 03.06.2026).

[2] Дворяшина М.М., Артемова Е.В. Удовлетворенность онлайн-обучением: теоретические под ходы и эмпирические измерения // Управленец. Т. 10. № 6. С. 42–53.

[3] CSI — индекс удовлетворённости клиентов. Где провести и как рассчитать? // Хабр. URL: https://habr.com/ru/companies/testograf/articles/781610/. (дата обращения: 03.06.2026).

[4] Маркетинговое исследование рынка дополнительного профессионального образования в России 2019-2023 гг., с прогнозом до 2028 г. // Магазин исследований. URL: https://marketing.rbc.ru/research/issue/79966/. (дата обращения: 03.06.2026).

[5] Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу ; пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухиной. – 3-е изд. – Москва [и др.] : Питер, 2003. – 351 с.

[6] Проблемы ценностей и выбора образовательных услуг студенческой молодежи в условиях цифровизации экономики (предварительный анализ) / Астратова Г. В., Измайлов А. М., Семенов М. М., Митро М. С // Вестник евразийской науки. 2023. №3. // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsennostey-i-vybora-obrazovatelnyh-uslug-studencheskoy-molodezhi-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki-predvaritelnyy (дата обращения: 03.06.2026).

[7] Родионова К. Е., Кащенко Е. С., Лебедева М. Ю. Факторы, определяющие удовлетворенность в синхронном онлайн-обучении: результаты статистического исследования на материале обучения русскому языку как иностранному // ПНиО. 2024. №2 (68). // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-opredelyayuschie-udovletvorennost-v-sinhronnom-onlayn-obuchenii-rezultaty-statisticheskogo-issledovaniya-na-materiale (дата обращения: 03.06.2026).

[8] Сарикова А. В. Психология онлайн-покупки образовательных услуг: как мотивировать студентов к покупке образовательных продуктов // Экономика и социум. 2025. №4-2 (131). // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-onlayn-pokupki-obrazovatelnyh-uslug-kak-motivirovat-studentov-k-pokupke-obrazovatelnyh-produktov (дата обращения: 03.06.2026).

[9] Сравни: миллениалы выбирают онлайн-образование наравне с зумерами // Сравни. URL: https://www.sravni.ru/novost/2025/2/26/sravni-millenialy-vybirayut-onlajn-obrazovanie-naravne-s-zumerami/?upd=true. (дата обращения: 03.06.2026).

[10] Edtech-рынок вырос в 2025 году на 12% // EDtechs.ru. URL: https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/edtech-rynok-vyros-v-2025-godu-na-12/. (дата обращения: 03.06.2026).

[11] Online education in Russia: statistics report about online education in Russia // Statista. URL: https://www.statista.com/study/75410/online-education-in-russia/#privacy (дата обращения: 03.06.2026).

[12] Mahwish W. Malik. Factor Effecting Learner's Satisfaction Towards E-Learning: A Conceptual Framework // OIDA International Journal of Sustainable Development, Vol. 2, No. 3, 2010. Pp. 77-82.

[13] Pan, G., Mao, Y., Song, Z. et al. Research on the influencing factors of adult learners' intent to use online education platforms based on expectation confirmation theory. Sci Rep 14, 12762 (2024). // Scientific Reports. URL: https://doi.org/10.1038/s41598-024-63747-9. (дата обращения: 03.06.2026).

References:

[1] Analysis of the Continuing Professional Education Market in Russia in 2021-2025, Forecast for 2026-2030 // BusinessStat. URL: https://businesstat.ru/catalog/id9400/ (Accessed: 03.06.2026).

[2] Dvoryashina M.M., Artemova E.V. Satisfaction with Online Learning: Theoretical Approaches and Empirical Measurements // Manager. Vol. 10. No. 6. Pp. 42-53.

[3] CSI — Customer Satisfaction Index. Where to Conduct and How to Calculate? // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/testograf/articles/781610/. (Accessed: 03.06.2026).

[4] Marketing research of the continuing professional education market in Russia for 2019-2023, with a forecast to 2028 // Research Store. URL: https://marketing.rbc.ru/research/issue/79966/. (Accessed: 03.06.2026).

[5] Maslow A. Motivation and personality / A. Maslow; trans. from English by T. Gutman, N. Mukhina. - 3rd ed. - Moscow [and others]: Piter, 2003. - 351 p.

[6] Problems of values and choice of educational services for student youth in the context of digitalization of the economy (preliminary analysis) / Astratova G. V., Izmailov A. M., Semenov M. M., Mitro M. S // Bulletin of Eurasian Science. 2023. No. 3. // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-tsennostey-i-vybora-obrazovatelnyh-uslug-studencheskoy-molodezhi-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki-predvaritelnyy (accessed: 03.06.2026).

[7] Rodionova K. E., Kashchenko E. S., Lebedeva M. Yu. Factors Determining Satisfaction in Synchronous Online Learning: Results of a Statistical Study Based on the Study of Russian as a Foreign Language // PNiO. 2024. No. 2 (68). // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-opredelyayuschie-udovletvorennost-v-sinhronnom-onlayn-obuchenii-rezultaty-statisticheskogo-issledovaniya-na-materiale (date of access: 03.06.2026).

[8] Sarikova A. V. Psychology of online purchase of educational services: how to motivate students to purchase educational products // Economy and Society. 2025. No. 4-2 (131). // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-onlayn-pokupki-obrazovatelnyh-uslug-kak-motivirovat-studentov-k-pokupke-obrazovatelnyh-produktov (date of access: 03.06.2026).

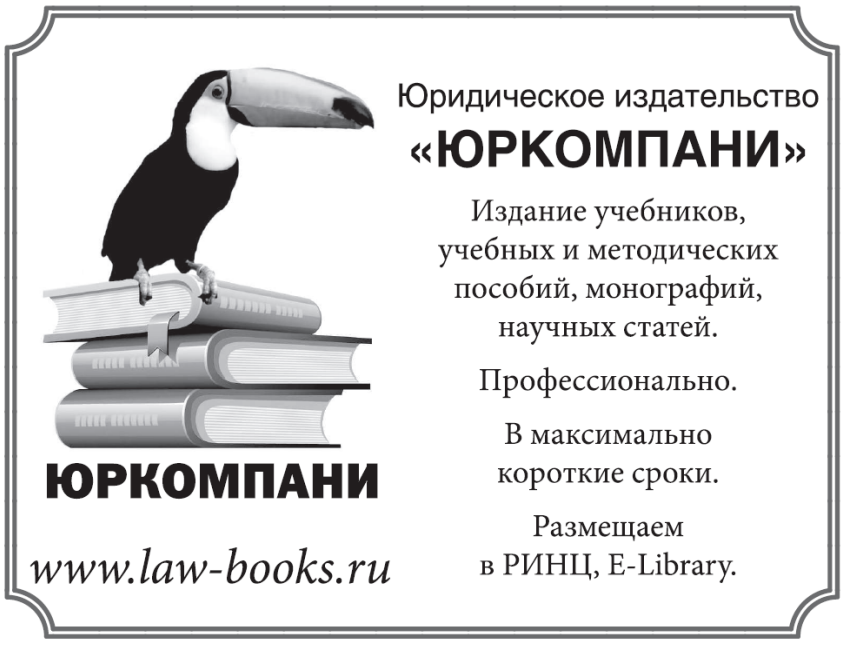
[9] Compare: Millennials choose online education on par with Zoomers // Compare. URL: https://www.sravni.ru/novost/2025/2/26/sravni-millenialy-vybirayut-onlajn-obrazovanie-naravne-s-zumerami/?upd=true. (Accessed: 03.06.2026).

[10] Edtech market grew by 12% in 2025 // EDtechs.ru. URL: https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/edtech-rynok-vyros-v-2025-godu-na-12/. (Accessed: 03.06.2026).

[11] Online education in Russia: statistics report about online education in Russia // Statista. URL: https://www.statista.com/study/75410/online-education-in-russia/#privacy (access date: 06/03/2026).

[12] Mahwish W. Malik. Factor Effecting Learner's Satisfaction Towards E-Learning: A Conceptual Framework // OIDA International Journal of Sustainable Development, Vol. 2, No. 3, 2010. Pp. 77-82.

[13] Pan, G., Mao, Y., Song, Z. et al. Research on the influencing factors of adult learners' intent to use online education platforms based on expectation confirmation theory. Sci Rep 14, 12762 (2024). // Scientific Reports. URL: https://doi.org/10.1038/s41598-024-63747-9. (date accessed: 03.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-501-503

ВАГАБОВ Ислам Маликович,
студент, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

АГАЕВ Амир Уружбегович,
Студент, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный медицинский университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ДИБРАЕВ Афсаладдин Дибирахмедович,
к.ф.н, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин ДГМУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию трансформации правовых механизмов, направленных на противодействие распространению социально значимых заболеваний в условиях современных глобальных вызовов. В работе анализируются ключевые факторы, влияющие на эффективность медико-правового контроля: состояние нормативно-правовой базы, механизмы государственного принуждения и уровень правовой грамотности населения. Обосновывается необходимость интеграции превентивных юридических мер и современных медицинских технологий для обеспечения национальной безопасности и защиты фундаментального права граждан на охрану здоровья. Особое внимание уделяется анализу баланса между общественными интересами и правами личности при реализации ограничительных санитарно-эпидемиологических мер.*

Ключевые слова: *социально значимые заболевания, правовое регулирование, общественное здравоохранение, законодательные инициативы, профилактические меры, юридическая ответственность, медико-социальная защита, права пациентов, государственная политика, санитарно-эпидемиологическое благополучие.*

VAGABOV Islam Malikovich,
student, FSBEI HE “Dagestan State Medical University”

AGAEV Amir Uruzhbegovich,
Student, FSBEI HE “Dagestan State Medical University”

DIBRAEV Afsaladdin Dibirakhmedovich,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Philosophy and Humanities, DSMU

LEGAL MEASURES TO COMBAT THE SPREAD OF SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive study of the transformation of legal mechanisms aimed at countering the spread of socially significant diseases in the context of modern global challenges. The paper analyzes key factors influencing the effectiveness of medical and legal control: the state of the regulatory framework, mechanisms of state coercion and the level of legal literacy of the population. The necessity of integrating preventive legal measures and modern medical technologies to ensure national security and protect the fundamental right of citizens to health care is substantiated. Special attention is paid to the analysis of the balance between public interests and individual rights in the implementation of restrictive sanitary and epidemiological measures.*

Key words: *socially significant diseases, legal regulation, public health, legislative initiatives, preventive measures, legal liability, medical and social protection, patient rights, state policy, sanitary and epidemiological welfare.*

Актуальность: Здоровье населения является высшей ценностью и стратегическим ресурсом государства, определяющим его социально-экономическое развитие и оборонный потенциал. Социально значимые заболевания, характеризующиеся массовостью и тяжелыми последствиями, формируют представления о качестве жизни и эффективности правовой системы в сфере здравоохранения. Значимым остается вопрос о совершенствовании законодательства, так как правовые лакуны напрямую влияют на социальную динамику и демографическую безопасность общества. В условиях динамично меняющихся эпидемиологических угроз важно разрабатывать гибкие юридические механизмы, сочетающие меры стимулирования и ответственности.

Цель исследования: Глубокий анализ правовых факторов, регулирующих противодействие социально значимым заболеваниям, а также выявление оптимальных моделей правового поведения субъектов медицинских правоотношений в условиях современных вызовов.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать структурные изменения в системе нормативного регулирования медицинской помощи при социально значимых заболеваниях.
2. Проанализировать основные правовые и идеологические факторы, выступающие препятствием для эффективной профилактики заболеваний.
3. Систематизировать механизмы правового воздействия на общественное сознание в целях формирования ответственного отношения к здоровью и соблюдению санитарных норм.
4. Исследовать влияние информационно-цифровых платформ на реализацию прав граждан в сфере здравоохранения и защиту врачебной тайны.
5. Оценить роль государственного контроля и надзора в становлении устойчивых моделей профилактического поведения населения.

Материалы и методы исследования: Теоретическую базу исследования составили труды ведущих экспертов в области медицинского права и правоведения. Отбор источников производился на основе их актуальности, глубины анализа и соответствия тематике законодательного регулирования здравоохранения. Использовались электронные правовые базы данных и научные архивы, что позволило обеспечить комплексный подход к изучению юридической практики.

Результаты исследования и их обсуждение.

В ходе проведенного исследования был осуществлен детальный анализ текущего состояния правовой системы в области противодействия социально значимым заболеваниям, который показал, что современная государственная политика России трансформируется в сторону усиления императивных методов регулирования при одновременном расширении социальных гарантий. Глубокое изучение нормативного массива позволило установить, что фундаментом этой системы выступает сложная взаимосвязь между конституционными нормами о праве на жизнь и федеральным законодательством, определяющим конкретные механизмы санитарного контроля. При анализе правоприменительной практики было выявлено, что одной из центральных проблем остается правовая неопределенность в вопросах принудительного медицинского вмешательства, когда интересы коллективной безопасности входят в прямой конфликт с принципом автономии воли пациента. Обсуждение данного вопроса в юридическом сообществе указывает на то, что существующие правовые механизмы, такие как обязательное диспансерное наблюдение и судебный порядок недобровольной госпитализации, требуют дальнейшей детализации для исключения случаев нарушения прав граждан. В процессе работы также было установлено, что значительная часть правовых барьеров на пути к эффективному купированию эпидемиологических угроз связана с низким уровнем правовой грамотности как пациентов, так и медицинского персонала, что зачастую приводит к несвоевременному оказанию помощи или необоснованным отказам от лечения.

Особое внимание в рамках исследования было уделено влиянию цифровизации на правовую защиту лиц с социально значимыми диагнозами, где результаты мониторинга внедрения электронных медицинских карт и федеральных регистров больных указывают на возникновение новых рисков в сфере защиты персональных данных и соблюдения врачебной тайны. Обсуждая эти данные, необходимо подчеркнуть, что правовая незащищенность конфиденциальной информации может способствовать росту социальной стигматизации и дискриминации граждан, что, в свою очередь, вынуждает их скрывать наличие заболевания, создавая дополнительные угрозы для окружающих. Таким образом, юридические меры должны быть направлены не только на медицинские аспекты, но и на создание усло-

вий для социальной интеграции больных. Далее, анализируя систему юридической ответственности, мы пришли к выводу, что репрессивный аппарат в виде административных штрафов и уголовного преследования за нарушение санитарных правил выполняет свою превентивную роль лишь частично, так как основной акцент в законодательстве должен смещаться в сторону правового стимулирования ответственного поведения.

В контексте обсуждения полученных результатов важно отметить, что правовая модель борьбы с заболеваниями не может быть эффективной без учета культурно-нравственных факторов и формирования у населения устойчивых мировоззренческих установок на сохранение здоровья как общественной ценности. Исследование показало, что в регионах с более высоким уровнем правовой и педагогической работы среди молодежи показатели распространения социально значимых недугов имеют тенденцию к снижению, что подтверждает необходимость интеграции образовательных программ и правовых норм. В конечном итоге, результаты работы свидетельствуют о том, что современное медицинское право нуждается в гармонизации ведомственных актов Минздрава с фундаментальными правовыми принципами, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование системы профилактики и лечения. Завершая обсуждение, следует подчеркнуть, что устойчивость правовой системы в этой сфере будет зависеть от способности государства своевременно реагировать на новые биологические вызовы путем оперативного внесения изменений в законодательство при строгом сохранении баланса между полномочиями органов власти и неприкосновенностью частной жизни каждого человека. Это требует постоянного научного мониторинга и коррекции правовых стратегий с учетом достижений современной медицины и юриспруденции

Выводы:

1. Актуальной задачей является создание прочной системы правовых и нравственных ориентиров, способных противостоять деструктивному влиянию и отрицанию медицинских норм.
2. Интеграция культурных традиций и правового просвещения является эффективным способом формирования здорового общества.
3. Государственные проекты и молодежные инициативы должны активнее вовлекать граждан в реализацию программ по охране здоровья через систему правовых стимулов.
4. Формирование мировоззрения молодежи невозможно без квалифицированных наставников, обладающих высоким уровнем правовой и педагогической культуры.
5. Именно государственная политика через законодательное и финансовое участие является фундаментальным условием восстановления устойчивой системы защиты здоровья нации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

[3] О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ.

[4] Ерохина Ю. В. Медицинское право: учебник и практикум для вузов / Ю. В. Ерохина. — Москва: Юрайт, 2024.

[5] Пищита А. Н. Правовое регулирование медицинской деятельности в современной России / А. Н. Пищита. — Москва: ЦКБ РАН, 2023.

[6] Сергеев Ю. Д. Медицинское право. Учебный комплекс / Ю. Д. Сергеев. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2022.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993).

[2] On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ.

[3] On preventing the spread of tuberculosis in the Russian Federation: Federal Law No. 18.06.2001 of 77-FZ.

[4] Erokhina Yu. V. Medical law: textbook and workshop for universities/Yu. V. Erokhin. - Moscow: Yurayt, 2024.

[5] Pischita A. N. Legal regulation of medical activities in modern Russia/A. N. Pischita. - Moscow: Central Design Bureau of the Russian Academy of Sciences, 2023.

[6] Sergeev Yu. D. Medical Law. Educational complex/Yu. D. Sergeev. - Moscow: GEOTAR-Media, 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-504-508

ОЛЕЙНИКОВ Олег Владимирович,
к.ю.н., доцент, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар, Россия,
e-mail: oleynikovnvr@mail.ru

ДРОГИН Егор Валерьевич,
студент, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАРШИН Дмитрий Сергеевич,
студент, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. *В статье разбираются главные проблемы правового регулирования киберпространства в современной международной правовой системе. Автор исследует глубинный конфликт между природой интернета – который не имеет границ и децентрализован — и классическим международным правом, которое исторически опирается на четкие территории и контроль государств. В работе подробно рассматривается идеологический раскол между либеральной моделью управления (ее поддерживают США и ЕС) и концепцией кибersуверенитета (которую отстаивают Россия и Китай). Именно это противостояние мешает созданию единых правил игры. Также анализируются три острые проблемы: применение международного права к кибероперациям, борьба с транснациональной киберпреступностью и защита прав человека в сети. Отдельное внимание уделено влиянию IT-корпораций, которые фактически сами диктуют стандарты безопасности, и региональным инициативам (ЕС, ШОС), которые наглядно показывают сценарий «управляемой фрагментации» глобальной сети.*

Ключевые слова: *киберпространство, международное право, кибербезопасность, цифровой суверенитет, многостороннее управление, управляемая фрагментация, права человека, негосударственные организации.*

OLEYNIKOV Oleg Vladimirovich,
candidate of Law, associate Professor, Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar, Russia

DROGIN Egor Valerievich,
student, Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar, Russia

PARSHIN Dmitry Sergeevich,
student, Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar, Russia

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CYBERSPACE IN THE CONDITIONS OF GLOBAL UNCERTAINTY

Annotation. *The article analyzes the main problems of legal regulation of cyberspace in the modern international legal system. The author explores the deep-rooted contradictions between the cross-border, decentralized nature of cyberspace and the state-oriented nature of classical international law. The work reveals the key ideological differences between the liberal concept of multilateral governance (supported by the United States and the European Union) and the doctrine of cyber sovereignty (advocated by Russia and China), which are the main obstacles to the formation of a unified legal regime. Three key issues are being addressed: the implementation of international law norms regarding cyber operations, countering cross-border cybercrime, and ensuring human rights in the digital environment. Special attention is paid to the influence of non-state actors who actually set security standards, as well as to the analysis of regional initiatives (the European Union, the Shanghai Cooperation Organization) that demonstrate the scenario of "managed fragmentation".*

Key words: *cyberspace, international law, cybersecurity, digital sovereignty, multilateral governance, managed fragmentation, human rights, and non-governmental organizations.*

Интернет давно перестал быть просто набором компьютерных технологий. Сегодня это фундамент, на котором держится современное общество, мировая экономика и вся система международных отношений. Киберпространство стало главной площадкой для общения, бизнес-конкуренции и даже прямых конфликтов. Оно проникло абсолютно во все сферы: от наших личных переписок до вопросов национальной безопасности и дипломатии. Однако есть одна большая проблема: технологии развиваются настолько быстро, что правовая система просто не успевает за ними. Мы до сих пор не создали полноценной и понятной системы управления этой цифровой средой, что породило массу юридических, политических и этических проблем [8, 14]. Из-за того что в сети нет единых и общепринятых правил, под угрозой оказываются международная безопасность, права обычных людей и даже государственный суверенитет. Именно поэтому вопрос о том, как эффективно регулировать киберпространство, сегодня является одним из самых острых в мировой повестке.

Актуальность этой работы продиктована главным конфликтом нашего времени. С одной стороны, интернет не знает границ, он виртуален и децентрализован. С другой стороны, классическое международное право веками строилось на четких физических границах и полном контроле государств над своими территориями. Каждый год мы видим, как растет число мощных хакерских атак на важнейшие объекты, как цифровые инструменты используются в гибридных войнах, как распространяются фейки и как расцветает транснациональная киберпреступность. Все это кричит о том, что нам срочно нужны новые рабочие механизмы международного права [9, 106]. Сейчас мировому сообществу нужно решить невероятно сложную задачу: как найти баланс между обеспечением безопасности, защитой прав человека и сохранением интернета открытым и свободным. А усложняет эту задачу то, что правила в сети все чаще диктуют не государства, а крупные негосударственные игроки [10, 342].

Суть проблемы кроется в самой природе киберпространства. Его главные черты – отсутствие границ, анонимность, виртуальность и мгновенная скорость передачи данных. Это ломает привычную Вестфальскую систему международных отношений, которая веками опиралась на принцип государственного суверенитета. В старой модели каждое государство было полновластным хозяином на своей территории. Но традиционные методы контроля и юрисдикции в интернете просто не работают. Человек или хакерская группа в одной стране могут за секунду обрушить инфраструктуру в другой части света. Из-за этого многие устоявшие нормы международного права оказываются бесполезными. К этому технологическому вызову добавляется еще и глубокий идеологический раскол: страны до сих пор не могут договориться о том, как именно нужно управлять глобальной сетью. На мировой арене четко видны два совершенно разных подхода [6, 112].

Первый подход – это либеральная модель, которую продвигают США, страны Евросоюза и их союзники. Они считают, что управлять интернетом должны не только государства, но и бизнес, инженеры, и само гражданское общество. Их главная идея – применять к кибероперациям уже существующее международное право, жестко защищать права человека в сети (свободу слова и приватность) и опираться на добровольные нормы поведения, например, на соответствующие правила ООН.

Второй подход – это модель «киберсуверенитета». Ее последовательно отстаивают Россия, Китай и ряд других государств. Главный принцип этой модели прост: каждое государство имеет полное и безусловное право контролировать свой собственный сегмент интернета [5]. Сторонники этого подхода хотят принять новый, большой международный договор под эгидой ООН. Этот документ должен закрепить, что именно государство отвечает за безопасность, порядок и контент в сети на своей территории.

Есть, конечно, страны, которые пытаются найти компромисс между этими двумя полюсами, но их попытки лишь подчеркивают, что глобального согласия нет. Именно этот спор – что важнее, открытость сети или контроль, права личности или безопасность государства – является главным тормозом на пути к созданию единых правил игры в киберпространстве [11, 206].

На фоне этого идеологического спора отчетливо видны три конкретные проблемы, которые требуют срочного решения.

Первая проблема – как вообще применять нормы международного права к кибероперациям. Главная неясность заключается в толковании Устава ООН. Статья 2(4) запрещает применение силы, а статья 51 дает право на самооборону [1]. Но как это применить в сети? Какой масштаб кибератаки можно считать «вооруженным нападением», чтобы ответить на нее, в том числе с помощью реальной армии? Четких критериев нет. Из-за этой «серой зоны» государства могут проводить агрессивные операции в сети почти безнаказанно, что постоянно рискует перерасти в реальную эскалацию [7].

Вторая проблема — борьба с транснациональной киберпреступностью. Преступники действуют глобально, а правоохранительные системы привязаны к территориям. Из-за проблем с юрисдикцией, экстрадицией и сбором цифровых улик киберпреступники часто остаются безнаказанными. Главный инструмент здесь — Будапештская конвенция 2001 года [2]. Но такие крупные игроки, как Россия и Китай, ее не подписали, считая, что она ущемляет их суверенитет. Это сильно тормозит создание единого глобального фронта против киберугроз [3].

Третья проблема – защита прав человека в цифре. Интернет стал не только местом, где права реализуются, но и площадкой для их массового нарушения. Стремясь к тотальному контролю и безопасности, государства и корпорации часто ущемляют право на приватность, свободу слова и доступ к информации. Массовая слежка, интернет-цензура и непрозрачные алгоритмы модерации в соцсетях создают угрозу демократии и ведут к риску построения «цифрового авторитаризма» [12, 294].

Отдельно стоит сказать о роли негосударственных игроков, в первую очередь – IT-гигантов. Эти корпорации давно перестали быть просто объектом регулирования. Фактически именно они пишут негласные правила кибербезопасности и приватности для миллиардов людей. Их внутренние политики влияют на нашу повседневную жизнь гораздо сильнее, чем национальные законы. Возник новый мощный слой управления – «частное правление» (private governance). Если мы не признаем эту реальность и не встроим эти корпорации в международную систему регулирования, любой наш анализ будет неполным, а рекомендации – просто красивыми словами, оторванными от жизни [10, 343].

Анализ переговоров в ООН и на других площадках показывает, что в ближайшие годы принять один идеальный глобальный договор по интернету не получится. Скорее всего, мир ждет сценарий, который можно назвать «управляемой фрагментацией». Это значит, что единого документа для всех не будет, но и полного раскола интернета на изолированные куски не произойдет. Вместо этого сформируется сложная система: базовые общепринятые нормы будут работать везде, но поверх них ляжет множество региональных и отраслевых соглашений [6, 178].

Эта фрагментация уже видна на практике. Яркий пример – Европейский Союз. Через свои жесткие регламенты (NIS2, GDPR, законы о цифровых услугах и рынках — DSA и DMA) [4] ЕС создает мощную систему правил и фактически экспортирует свои стандарты на весь мир (так называемый «эффект Брюсселя»). В противовес этому Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) во главе с Россией и Китаем продвигает свою модель. Она базируется на идее информационной безопасности и абсолютного суверенитета государств, а в ООН продвигает альтернативные Будапештской конвенции инициативы [5]. Параллельно создаются и другие коалиции «единомышленников», которые на добровольной основе берут на себя обязательства по ответственному поведению в сети. Все это наглядно показывает, как «управляемая фрагментация» работает в реальности.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что регулирование киберпространства переживает глубокий кризис. Старые законы не работают из-за технологической природы сети, а идеологический спор между Западом и Востоком делает невозможным создание единого правового режима в обозримом будущем. Путь вперед – это именно «управляемая фрагментация», сложная мозаика из разных соглашений [11, 207].

В этих условиях успех зависит не от того, сможем ли мы подписать одну большую бумагу, а от гибкости дипломатов и готовности идти на прагматичные компромиссы. Чтобы перейти от пустых деклараций к реальным делам, нужно сделать три конкретных шага.

1) Необходимо создать международный орган по арбитражу и медиации киберконфликтов. Под эгидой ООН нужно учредить структуру, которая будет расследовать крупные хакерские атаки, помогать с технической атрибуцией (кто именно стоял за

атакой) и мирить стороны. Это закроет проблему «разрыва атрибуции» и снизит риск того, что страна нанесет непропорциональный ответный удар.

2) Необходимо навести порядок в вопросах взаимной правовой помощи и экстрадиции. Стоит разработать новый протокол или договор, посвященный именно киберпреступности. Он должен унифицировать понятия, чтобы решить проблему «двойной криминализации» (когда действие считается преступлением в одной стране, но не считается в другой). Также нужен упрощенный экстренный порядок обмена цифровыми уликами и четкие каналы для быстрой экстрадиции хакеров, но с обязательным соблюдением прав человека [7].
3) Необходимо официально включить «частное правление» в систему международного регулирования. Мировому сообществу пора признать, что IT-корпорации фактически стали равноправными субъектами мировой цифровой политики. Необходимо принять нормы, которые обяжут компании быть прозрачнее в работе своих алгоритмов, участвовать в международных консультациях по кибербезопасности и обеспечивать равный доступ к платформам. Диалог нужно вести не только с правительствами, но и напрямую с бизнесом [6, 198].

Правовое регулирование киберпространства сегодня находится в системном кризисе. Анонимность и скорость сети делают классический территориальный суверенитет неэффективным. Мир расколот на два лагеря: сторонников открытого многостороннего интернета и сторонников жесткого государственного киберсуверенитета. Этот спор усугубляется тремя проблемами: непониманием того, как применять Устав ООН к хакерским атакам, бессилием перед транснациональной киберпреступностью и угрозой «цифрового авторитаризма». При этом реальные правила в сети часто диктуют IT-корпорации.

Вместо одного глобального договора мир движется к «управляемой фрагментации», где региональные блоки (как ЕС или ШОС) создают свои стандарты. Будущее цифровой среды зависит от того, сможем ли мы договориться о практических вещах: создать международный кибер-арбитраж, упростить экстрадицию хакеров и легализовать роль IT-гигантов в выработке глобальных стандартов. Выбор, который мы сделаем в ближайшие годы, определит облик интернета на десятилетия вперед.

Список литературы:

[1] Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

[2] Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23.11.2001) // СПС Гарант.

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности (Ханойская конвенция) (принята Генеральной Ассамблеей ООН 24.12.2024, открыта для подписания 25.10.2025) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/

[4] Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг (Digital Services Act — DSA) // Официальный журнал Европейского союза. – 2022. – № 277. – С. 1-102.

[5] Соглашение Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области международной информационной безопасности (2009) // Официальный сайт ШОС. – URL: https://eng.sectsco.org/

[6] Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило [и др.]. – Москва : Инфра-М, Норма, 2023. – 244 с.

[7] Новиков И. Ханойская конвенция ООН: сотрудничество или новое киберпротивостояние // Anti-Malware.ru. – 2026. – 20 января. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/UN-Hanoi-Convention

[8] Маглинова Т. Г. Влияние цифровых технологий на развитие экономических системы страны // Вестник ИМСИТ. – 2023. – № 1(93). – С. 14-17.

[9] Бондаренко И. А. Кибербезопасность как инвестиция / И. А. Бондаренко, А. О. Пахомова, А. О. Козлова // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 30 декабря 2022 года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 104-111.

[10] Мадатова О. В. Искусственный интеллект и киберугрозы: новые вызовы экономической безопасности в эпоху цифровизации / О. В. Мадатова, О. С. Ткачев // Инновационное предпринимательство как фактор достижения технологического суверенитета России : Сборник научных статей по результатам работы VII Международной научно-практической конференции, Москва, 16 апреля 2025 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2025. – С. 341-344.

[11] Жидяева Е. С. Законность – фундаментальная категория юридической науки и практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 1-1(100). – С. 205-208.

[12] Лаптева С. А. Цифровизация юридической отрасли / С. А. Лаптева, С. Ю. Субачев // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : сборник научных статей 14-й Международной научно-практической конференции, Курск, 21–22 ноября 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 293-295.

References:

[1] Charter of the United Nations (adopted in San Francisco 26.06.1945) //Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. - Issue XII. - M., 1956. - S. 14-47.

[2] Council of Europe Convention on Crime in the Field of Computer Information (ETS No. 185) (concluded in Budapest 23.11.2001) //ATP Guarantor.

[3] United Nations Convention against Cybercrime (Hanoi Convention) (adopted by the UN General Assembly 24.12.2024, open for signature 25.10.2025) //Official website of the UN. – URL: https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/

[4] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on the Digital Services Act (DSA)//Official Journal of the European Union. – 2022. – № 277. - S. 1-102.

[5] Agreement of the Shanghai Cooperation Organization on cooperation in the field of international information security (2009)//Official website of the SCO. – URL: https://eng.sectsco.org/

[6] The concept of a digital state and a digital legal environment/N. N. Chernogor, D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo [et al.]. - Moscow: Infra-M, Norma, 2023. - 244 s.

[7] Novikov I. UN Hanoi Convention: cooperation or new cyber confrontation// Anti-Malware.ru. – 2026. - January 20. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/UN-Hanoi-Convention

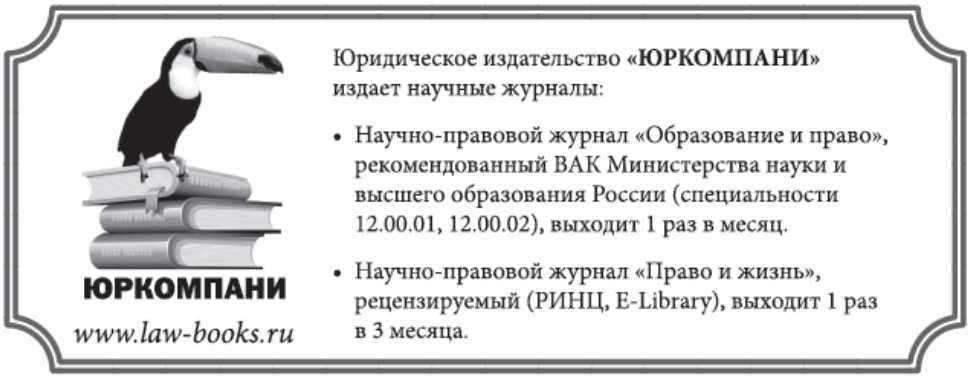
[8] Maglinova T. G. The influence of digital technologies on the development of the country's economic system//IMSIT Bulletin. – 2023. – № 1(93). - S. 14-17.

[9] Bondarenko I. A. Cybersecurity as an investment/I. A. Bondarenko, A. O. Pakhomova, A. O. Kozlova//Research of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development: a collection of scientific articles of the 12th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kursk, December 30, 2022. Volume 1. - Kursk: Southwestern State University, 2022. - S. 104-111.

[10] Madatova O. V. Artificial intelligence and cyber threats: new challenges to economic security in the era of digitalization/O. V. Madatova, O. S. Tkachev//Innovative entrepreneurship as a factor in achieving technological sovereignty of Russia: Collection of scientific articles based on the results of the VII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 16, 2025. - Moscow: Rusines Limited Liability Company, 2025. - S. 341-344.

[11] Zhidyaeva E. S. Legality is a fundamental category of legal science and practice//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – № 1-1(100). - S. 205-208.

[12] Lapteva S. A. Digitalization of the legal industry/S. A. Lapteva, S. Yu. Subachev//Strategy for the socio-economic development of society: managerial, legal, economic aspects: collection of scientific articles of the 14th International Scientific and Practical Conference, Kursk, November 21-22, 2024. - Kursk: University Book CJSC, 2024. - S. 293-295.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-509-514
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ИСКРА Оксана Сергеевна,
ассистент кафедры права,
факультета гуманитарных наук, экономики и права
Азовского государственного педагогического
университета им. П. Д. Осипенко Россия,
Запорожская область, г. Бердянск,
e-mail: iskraocsana@yandex.ru

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. *Территориальная идентичность выступает нематериальным активом развития городов и регионов, формируя устойчивую привязанность населения к месту проживания и выступая катализатором социальной активности в преобразовании городского пространства.*

Осознание своей принадлежности к определенной территории является ценным не материальным ресурсом для общего прогресса, как для города, так и для региона в целом. Социокультурные проекты представляют собой целенаправленный инструмент конструирования образа территории через актуализацию культурного наследия, символических нарративов и партисипаторных практик. В работе рассматриваются механизмы воздействия социокультурных проектов на формирование локальной идентичности через вовлечение населения, создание визуальных доминант городского пространства и укрепление эмоциональной привязанности к территории. Анализ реализованных в российских городах инициатив за период 2021–2025 годов демонстрирует эффективность комплексного подхода, сочетающего исследовательские, образовательные и творческие форматы. Результаты показывают, что социокультурные проекты способствуют не только повышению узнаваемости территории, но и росту гражданской активности, формированию позитивного имиджа и развитию креативной экономики региона.

Ключевые слова: *социокультурный проект, территориальная идентичность, городское пространство, культурное наследие, локальный патриотизм, брендинг территории, креативная экономика.*

ISKRA Oksana Sergeevna,
Assistant at the Department of Law, Faculty of Humanities,
Economics and Law Azov State Pedagogical University
named after P. D. Osipenko Berdiansk,
Zaporozhye Region, Russia

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL PROJECTS IN SHAPING TERRITORIAL IDENTITY

Annotation. *Territorial identity acts as an intangible asset for the development of cities and regions, fostering a stable attachment of the population to their place of residence and serving as a catalyst for social activity in the transformation of urban space.*

The awareness of one's belonging to a specific territory is a valuable intangible resource for overall progress, both for the city and for the region as a whole.

Socio cultural projects represent a targeted tool for constructing the image of a territory through the revitalization of cultural heritage, symbolic narratives, and participatory practices. The study examines the mechanisms of influence of socio cultural projects on the formation of local identity through community engagement, the creation of visual dominants in urban space, and the strengthening of emotional attachment to the territory.

An analysis of initiatives implemented in Russian cities between 2021 and 2025 demonstrates the effectiveness of an integrated approach that combines research, educational, and creative for-

mats. The results show that socio cultural projects contribute not only to increasing the recognizability of territor but also to the growth of civic engagement, the formation of a positive image, and the development of the region's creative economy.

Key words*: sociocultural project, territorial identity, urban space, cultural heritage, local patriotism, territorial branding, creative economy.*

Российские города начала 2020-х годов столкнулись с проблемой размывания локальных идентичностей – процессом, обусловленным унификацией городских пространств, миграционными потоками и доминированием общенациональной повестки над региональной спецификой. Мировая интеграция и развитие цифровых коммуникаций ускоряют развитие этой тенденции: молодое поколение все чаще обращается к мировым трендам и забывает о местных традициях. Через социальные сети стандартизируются образы потребительских предпочтений и единообразных моделей поведения, снижая ценность локальной культуры в глазах новых поколений. Помимо этого, массовая миграция из малых городов в мегаполисы способствует ослаблению привязанности жителей к территориальной идентичности. Как следствие, для значительной части жителей локальная идентичность, как таковая, более не выступает ключевым фактором для самоидентификации.

Разрыв между эмоциональной привязанностью и миграционными установками красноречиво свидетельствует: декларируемой любви к городу недостаточно для формирования устойчивой территориальной идентичности. Дисперсионный анализ взаимосвязи уровня идентичности и параметров городской среды показал – наиболее значимыми факторами выступают удовлетворенность городской инфраструктурой, возможностями культурного досуга и системой здравоохранения для взрослого населения; для школьников критичны оценки города как места проведения досуга и получения образования [1]. При этом молодежь в открытых вопросах чаще всего озвучивает причину отъезда как «отсутствие перспектив для самореализации» – формулировку, которая, вероятно, транслируется референтными группами и превращается в стереотипное восприятие малых и средних городов.

Унификация городских пространств в рамках федеральных программ благоустройства, как бы парадоксально это ни звучало, усугубляет ситуацию. Новые формы социальной активности, дизайн общественных пространств и «умные» технологии выравнивают облик города согласно современным урбанистическим стандартам качества среды, что зачастую приводит к единообразию территориальных образов [2]. Поиск оригинальности при избыточности средств выражения, напротив, вносит визуальный хаос и приводит к обратному эффекту – потере аутентичности городской среды. Здесь дизайну и социокультурному проектированию следует соблюдать баланс средств выражения идентичности.

Механизм формирования территориальной идентичности через социокультурные проекты опирается на несколько взаимосвязанных процессов. Один из них, это актуализация культурного наследия – перевод исторических нарративов, памятников архитектуры и локальных традиций из латентного состояния в активную общественную повестку. Хочется обратить внимание на некоторые из них: проект «Свердловск: культурная эвакуация», реализованный в Екатеринбурге в 2021 году, продемонстрировал эффективность такого подхода [3]. Цель инициативы формулировалась как «содействие возрождению интереса к исторической памяти и укреплению локального патриотизма через формирование нового позитивного образа Екатеринбурга как хранителя культурного наследия страны во время Великой Отечественной войны».

Проект использовал современные востребованные форматы воплощения: вербатим-спектакль в стенах Культурно-просветительского центра «Эрмитаж-Урал», лекции с элементами театрализации, мультижанровые концерты-погружения с применением исторической реконструкции. Партнерство муниципальных и государственных культурных институций обеспечило комплексность представления темы через обращение к различным формам культуры и искусства. Финансирование составило 811 387 рублей из средств муниципального бюджета и партнерских ресурсов, что позволило охватить несколько тысяч участников [3]. Продолжением стал проект «Говорит Урал!» с бюджетом 1 837 699 рублей, полученным как грант Президентского фонда культурных инициатив.

Принципиально иной формат представлен проектом «Таврида сокровенная», реализуемым в Крыму с июля 2024 по февраль 2025 года [4]. Здесь акцент сделан на популяризации усадебных памятников архитектуры и парковых ландшафтов через пленэры, на которых десять художников (восемь из них – заслуженные художники Республики Крым) создали 146 живописных и графических работ, сто из которых отобраны для экспонирования в музеях Крыма, десять – для пополнения музейного фонда Российской Федерации. Параллельно организованы мастер-

классы по пленэрной живописи дворцово-парковых комплексов для обучающихся вузов и СПО, десять выставок по территории региона с научно-популярными лекциями о ландшафтном искусстве Крыма [4].

Нельзя обойти вниманием участие новых регионов Российской Федерации в формировании территориальной идентичности через социокультурные проекты на примере Запорожской области. С 2022 года в г. Мелитополе, реализация проектов, связанных с формированием идентичности территории, постепенно смещается в сторону культурного наследия, патриотического воспитания и восстановления городской среды. Среди наиболее показательных инициатив можно выделить проект о греческой культуре в Приазовье, получивший президентский грант в 2024 году. Проект называется «Сохранение и приумножение греческой культуры в Приазовье» и реализуется местной национально-культурной автономией греков городского округа Мелитополь. Он напрямую связан с формированием идентичности территории, потому что через культуру этнической группы укрепляет представление о Мелитополе как о многонациональном и исторически многослойном пространстве. Еще один важный сюжет, социокультурный проект, с выраженной идеологической рамкой — запуск в Мелитополе духовно-просветительского проекта «Аксиома жизни», который позиционируется как проект, направленный на воспитание гражданской идентичности, патриотизма и духовных ценностей, этот проект акцентирован на гражданско-патриотическом воспитании [13]. Администрация Бердянского городского округа ежегодно проводит номинацию «Молодежный золотой фонд», которая направлена на поддержку талантливой, инициативной и социально-активной молодежи, достигшей успехов в учебе, творчестве, спорте, общественной деятельности и других сферах жизни. Целью данного проекта является стимулирование активной жизненной позиции молодежи, выявление и поддержка молодых лидеров и талантов, формирование позитивного имиджа молодежи города, развитие молодежного потенциала муниципального образования. Запорожская область с 2023 года участвует во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Уже в первый год участия региону удалось одержать победу: две из трёх поданных Запорожской областью заявок получили свою реализацию. В 2025 году уже из четырёх поданных от Запорожской области заявок победили три. Программа формирования комфортной городской среды даёт хорошие результаты, и очень важно, что при разработке проектов учитывается мнение жителей региона, которые высказывают свои предложения о том, как должны выглядеть их родные населённые пункты [14].

Исходя из вышеперечисленных проектов можно сделать вывод, что для устойчивого развития городов и регионов ключевое значение приобретает территориальная идентичность, выступающая в роли нематериального актива. Она формирует глубокую связь населения с местом обитания и служит мощным стимулом для социальной активности, направленной на преображение городского пространства. Социокультурные проекты являются эффективным инструментом для целенаправленного конструирования образа территории.

Можно с уверенностью сказать, что партисипаторные технологии вовлекают жителей в соучаствующее управление и создание креативных продуктов территории. Население с высоким уровнем территориальной идентичности через практики социального участия стремится повлиять на условия совместного проживания, что проявляется в участии в формальных организациях, способных воздействовать на решения муниципальной власти по созданию инфраструктуры, улучшению и строительству социальных и культурных объектов [5]. Обратная взаимосвязь не менее значима: активное участие в преобразовании локального пространства формирует привязанность к территории. Соучаствующие практики с целью учета мнения горожан при проектировании городской среды под их потребности, с одной стороны, создают комфортную среду, с другой – способствуют закреплению горожан на данной территории [5].

Анализ реализованных в 2021–2025 годах проектов позволяет выделить несколько устойчивых форматов работы с идентичностью территории.

Исследовательские лаборатории и аудиогиды выступают инструментом фиксации и трансляции локальных нарративов. В Уфе в рамках проекта «Развязка. Нам по пути», приуроченного к открытию «Восточного выезда» на автодорогу федерального значения М-5 «Урал», было создано три уникальных маршрута с оригинальным взглядом на город и его инфраструктурные изменения. Участники городской исследовательской лаборатории «Нам по пути» отмечали, что после исследовательских прогулок по-новому смотрят на привычные городские места [7].

Вербатим-спектакли и документальные проекты позволяют транслировать аутентичные голоса эпохи, создавая эффект присутствия и эмоциональной вовлеченности. Екатеринбургский проект «Свердловск: культурная эвакуация» использовал этот формат для погружения зрителей в период эвакуации культурных институций в

город во время Великой Отечественной войны. Журналисты портала Управления культуры города провели исторические изыскания, подобрали команду и партнеров, контролировали контент культурных продуктов и сами стали актерами вербатим-спектакля [3]. Использование нарративов об известных людях, репрезентирующих историческую ситуацию, оказалось ключевым для создания идентификации.

Выставочные проекты с акцентом на региональное искусство формируют визуальный образ территории и укрепляют чувство сопричастности к культурному достоянию. Красноярский проект к 175-летию В. И. Сурикова, созданный при сотрудничестве Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова и Музейного центра «Площадь Мира», обратился к предельно значимой для региональной идентичности фигуре художника с всероссийской славой [8]. Выставка «В. И. Суриков. К 175-летию со дня рождения. Сквозь время и снег» выступила новым опытом собирания и обновления региональной идентичности красноярцев, соединив визуальную компоненту с разворачиванием масштабной репрезентативной линии, представляющей сюжеты, темы, колорит истории Сибири, и «проектную» составляющую, основанную на партисипаторном принципе индивидуального соучастия как посетителя, так и художника-современника [8].

Фестивали и массовые мероприятия выполняют функцию консолидации сообщества вокруг общих ценностей и символов территории. Успешность социокультурного проекта в формировании территориальной идентичности определяется рядом условий. Первое – опора на реальные культурные коды территории, а не на искусственно сконструированные образы. Территориальная идентичность должна конструироваться и воспроизводиться, так как отсутствие устойчивых и конкурентоспособных репрезентаций образа жизни ведет к деградации локальной культуры [2]. Однако конструируемый образ города не может быть изобретенным, придуманным – необходимо максимально подробно исследовать городскую среду, используя инструменты из различных теоретических и практических подходов [10].

Второе условие – комплексность подхода, сочетание различных форматов и каналов коммуникации. Ключевыми характеристиками успешных проектов выступают акцент на новом аспекте известной темы; использование современных и востребованных аудиторией форм воплощения; комплексность представления темы за счет партнерства; обращение к разным формам культуры и искусства; акцент на нарративах об известных людях, репрезентирующих ситуацию [3].

Третье – устойчивость финансирования и институциональная поддержка. Формирование экономики проекта за счет сочетания средств муниципального бюджета и грантов обеспечивает относительную независимость от конъюнктурных изменений в приоритетах властных структур [3]. Бренды малых городов и сельских поселений нуждаются не только в поддержке одной организации, но в дополнительной финансовой и общественной поддержке других компаний, властных структур и населения [6].

Четвертое условие – вовлечение местного сообщества на всех этапах реализации, от исследования и проектирования до создания конечного продукта и его продвижения. В результате деятельности в проектах по реновации культурного наследия с участием местных сообществ возникает синергетический эффект, способствующий развитию уровня территориальной идентичности, чувству места, гражданской активности и гражданской ответственности [5].

Социокультурные проекты выступают эффективным инструментом целенаправленного конструирования территориальной идентичности при условии соблюдения принципов аутентичности, комплексности, партисипативности и устойчивости. Механизм воздействия реализуется через актуализацию культурного наследия, вовлечение населения в соучаствующее управление, создание визуальных доминант и символических нарративов территории. Анализ реализованных в российских городах инициатив 2021–2025 годов демонстрирует разнообразие форматов работы: вербатим-спектаклей, исследовательские лаборатории, пленэры и т. д.

Наиболее значимыми факторами формирования территориальной идентичности через культурное пространство выступают рекреационный эффект и эффект позитивной эмоциональной причастности – чувство гордости за город и земляков. Добиться этого эффекта можно через реализацию совместных мероприятий: фестивали, городские и региональные праздники, реставрированные исторические зоны и т. д. При разработке и реализации программ стоит с акцентировать внимание на их инклюзивности, обеспечивая доступ для всех представителей и разных социальных групп.

Перспективы развития социокультурного проектирования в сфере формирования территориальной идентичности связаны с усилением исследовательской компоненты – глубинного изучения локальных нарративов, мифологии места, специфики повседневных практик населения. Цифровизация открывает новые возможности создания интерактивных карт культурного пространства, аудиогидов, виртуальных экскурсий, расширяющих охват аудитории и обеспечи-

вающих доступность культурных продуктов территории. Так же есть ряд инновационных подходов, которые усилят эффект социокультурного проектирования. Запуск краудсорсинговой платформы поможет жителям поделиться воспоминаниями, фотографиями, семейными архивами для создания культурного наследия и доступности всей информации для более широкой аудитории. Привлечение креативных специалистов, художников, дизайнеров, поможет через визуальные образы оживить городскую среду, что в свою очередь пробудит интерес к локациям у более широкой аудитории и станет визуальным воплощением локальной идентичности.

Активное социальное участие принимает разные формы – это важный элемент развития регионов и городов через, который можно влиять на жизнь своего города или района. Волонтерские инициативы, локальные экологические проекты, благоустройство общественных мест, участие в разработке муниципальных программ, краудсорсинговые платформы для сбора идей молодежи все эти и многие другие проекты помогут нам и главное, подрастающему поколению, осознать свою идентичность на месте. Развитие городских и региональных молодежных инициатив влияет на несколько социально-экономических уровней жизни. На индивидуальном уровне участие в различных проектах обеспечивает получение практического опыта, а главное, дает возможность молодым людям влиять на среду обитания, делать ее более интересной для своей жизни и будущих поколений. На региональном уровне эти процессы повышают инвестиционную привлекательность территорий за счет активной гражданской позиции молодежи, появляются новые решения, что в итоге укрепляет социальную стабильность. Взаимодействие бизнеса с молодежными инициативами открывает для первого доступ к перспективным кадрам, улучшает корпоративную репутацию и создает площадку для тестирования инновационных решений на целевом локальном рынке. Поддержка молодежных проектов – важный стратегический инструмент, обеспечивающий устойчивое развитие социума. Важно сделать акцент на том, что наставничество и межпоколенческий диалог имеют большое значение при активации любого проекта, связанного с развитием и улучшением жизни города и региона. На мой взгляд связь между поколениями делает социальное участие каждого человека более продуктивным.

Привлечение молодежи к практикам социального участия на локальном уровне может стать фактором формирования территориальной идентичности и, следовательно, удержания молодого поколения в родном регионе. Социокультурные проекты в этом контексте выступают не просто инструментом культурной политики, но механизмом социально-экономического развития территории через формирование нематериальных активов – лояльности населения, позитивного имиджа, креативного потенциала местного сообщества.

Список литературы:

[1] Груздева М. А. Факторы формирования территориальной идентичности населения: социологический анализ // Социальное пространство. 2023. № 2.

[2] Каримова А. В. Репрезентация территориальной идентичности города в дизайне среды // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2. С. 203–210.

[3] Коробейникова Е. А., Козлова А. С. Социокультурные проекты «Свердловск: культурная эвакуация» и «Говорит Урал!»: замысел и реализация в контексте формирования локального патриотизма // Научный диалог. 2022. № 11. С. 441–463.

[4] Кудина Е. В., Шаровенко Е. А. Социокультурное проектирование как инструмент популяризации культурного наследия региона (на материале проекта «Таврида сокровенная») // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2024. Т. 10. № 3. С. 79–92.

[5] Наумова Н. Н. Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия // Социальное пространство. 2023. № 2.

[6] Полозова В. В., Морозова Е. А. Бренд территории как результат реализации социокультурного проекта // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально экономические науки. 2019. № 2. С. 154–167.

[7] Развязка. Нам по пути: социокультурный проект в Уфе // Коммерсантъ. 03.12.2024.

[8] Резникова К. В., Сертакова Е. А. Культурные практики в социально культурном пространстве Красноярского края: выставка к 175 летию Сурикова в Красноярске // Сибирский антропологический журнал. 2023. Т. 7. № 2. С. 83–101.

[9] Тучина О. Р., Коробанова З. В. Современное городское пространство: социокультурный анализ // Гуманитарные, социально экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 125–131.

[10] Зуева А. Д. Культурное пространство города как его идентификационное лицо: сущность и формирование // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1. С. 103–109.

[11] Журавлёва Н. С. Сибирские территориальные идентичности: поиск форм визуальной репрезентации сибирских регионов // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 14–39.

[12] Зуева А. Д. Культурное пространство современного города как фактор формирования городской идентичности (на материале исследования жителей Краснодара) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 161–169.

[13] Сайт: https://www.mk-zap.ru/social/2024/10/29/v-melitopole-podveli-itogi-prosvetitelskogo-proekta-aksioma-zhizni-rossiya.html.

[14] Сайт: https://gubernator.zo.gov.ru

References:

[1] Gruzdeva M. A. Factors of the formation of territorial identity of the population: sociological analysis//Social space. 2023. № 2.

[2] Karimova A. V. Representation of the territorial identity of the city in the design of the environment//Society: philosophy, history, culture. 2023. № 2. S. 203-210.

[3] Korobeinikova E. A., Kozlova A. S. Sociocultural projects “Sverdlovsk: cultural evacuation” and “Ural says!”: design and implementation in the context of the formation of local patriotism//Scientific dialogue. 2022. № 11. S. 441-463.

[4] Kudina E.V., Sharovenko E.A. Sociocultural design as a tool for popularizing the cultural heritage of the region (based on the material of the Tavrida Intimate project)//Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2024. T. 10. № 3. S. 79-92.

[5] Naumova N. N. Territorial identity of the population as a factor and consequence of social participation//Social space. 2023. № 2.

[6] Polozova V.V., Morozova E.A. Brand of the territory as a result of the implementation of a sociocultural project//Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social economic sciences. 2019. № 2. S. 154-167.

[7] Interchange. On our way: a sociocultural project in Ufa//Kommersant. 03.12.2024.

[8] Reznikova K.V., Sertakova E.A. Cultural practices in the socio-cultural space of the Krasnoyarsk Territory: an exhibition dedicated to the 175th anniversary of Surikov in Krasnoyarsk//Siberian Anthropological Journal. 2023. VOL. 7. № 2. S. 83-101.

[9] Tuchina O. R., Korobanova Z. V. Modern urban space: sociocultural analysis//Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2024. № 11. S. 125-131.

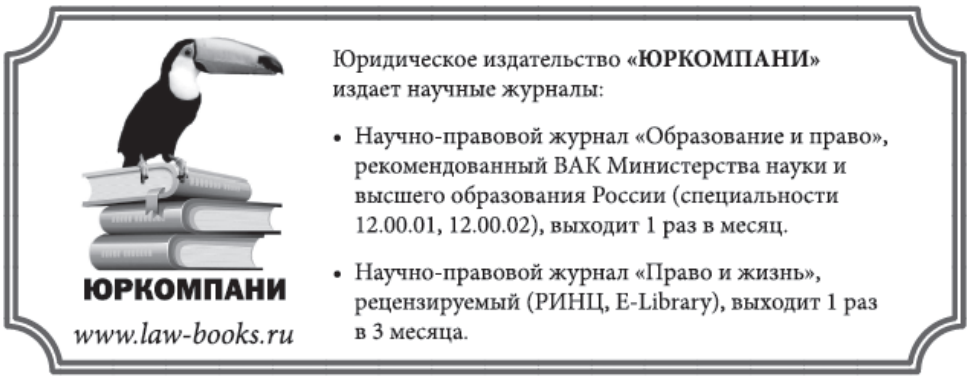
[10] Zueva A.D. The cultural space of the city as its identification person: essence and formation// Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2017. № 1. S. 103-109.

[11] Zhuravleva N. S. Siberian territorial identities: the search for forms of visual representation of Siberian regions//Siberian historical studies. 2023. № 3. S. 14-39.

[12] Zueva A.D. The cultural space of a modern city as a factor in the formation of urban identity (based on the research of residents of Krasnodar)// Society: philosophy, history, culture. 2023. № 5. S. 161-169.

[13] Сайт: https://www.mk-zap.ru/social/2024/10/29/v-melitopole-podveli-itogi-prosvetitelskogo-proekta-aksioma-zhizni-rossiya.html.

[14] Сайт: https://gubernator.zo.gov.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-515-520
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ПРОВОТОРОВ Михаил Валерьевич,
аспирант кафедры «Уголовного права и процесса»
частного образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки,
e-mail: mikhail.provotorov.00@bk.ru

ВОЛЬНОВ Алексей Сергеевич,
аспирант кафедры «Уголовного права и процесса»
частного образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки,
e-mail: 2772391@gmail.com

ДАЛИНИН Алексей Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Уголовного права и процесса» частного образовательного
учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский
университет технологий управления и экономики»,
e-mail: a.dalinin@spbacu.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные правовые аспекты цифровой трансформации саморегулируемых организаций в сфере строительства. Актуальность темы исследования обусловлена интенсивным внедрением цифровых технологий в повсеместную общественную деятельность. Такое активное внедрение цифровых технологий последовательно изменяет, в том числе, традиционные механизмы саморегулирования, создавая новые возможности правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций как специальных надзорных органов с делегированными от государства публично-правовыми полномочиями по осуществлению профильного контроля за субъектами предпринимательской деятельности.*

Целями работы являются выявление возникающих правовых вызовов и разработка предложений по адаптации современных инструментов цифровизации в систему саморегулирования. Задача исследования заключается в анализе влияния цифровизации на ключевые функции саморегулируемых организаций, регламентированные Градостроительным кодексом РФ и общими положениями законодательства о саморегулируемых организациях. Методологическая основа научного исследования состоит из сравнительно-правового, формально-юридического анализа и междисциплинарного подхода. Междисциплинарный подход при написании настоящей научной статьи обладает наибольшей значимостью, так как саморегулирование в сфере строительства является одним из видов обязательного саморегулирования и находится на стыке частных и публичных правовых наук.

Ключевые слова*: саморегулирование, саморегулируемые организации, сфера строительства, цифровая трансформация, цифровизация, искусственный интеллект.*

PROVOTOROV Mikhail Valerievich,
postgraduate student,
Department of Criminal Law and Procedure,
Private Educational Institution of Higher Education,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
5.1.2 Public Law (State-Legal) Sciences

VOLNOV Aleksey Sergeevich,
postgraduate student,
Department of Criminal Law and Procedure,
Private Educational Institution of Higher Education,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
5.1.2 Public Law (State-Legal) Sciences

DALININ Aleksey Valerievich,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure,
Private Educational Institution of Higher Education,
St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

DIGITAL TRANSFORMATION OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS IN THE CONSTRUCTION SECTOR

Annotation. *The article discusses the current legal aspects of the digital transformation of self-regulatory organizations in the construction sector. The relevance of the research topic is due to the intensive introduction of digital technologies into widespread public activities. Such an active introduction of digital technologies consistently changes, among other things, the traditional mechanisms of self-regulation, creating new opportunities for legal regulation of the activities of self-regulatory organizations as special supervisory authorities with delegated public-legal powers from the state to exercise specialized control over business entities.*

The objectives of the work are to identify emerging legal challenges and develop proposals for adapting modern digitalization tools into a system of self-regulation. The purpose of the study is to analyze the impact of digitalization on the key functions of self-regulatory organizations regulated by the Urban Planning Code of the Russian Federation and the general provisions of legislation on self-regulatory organizations. The methodological basis of scientific research consists of comparative legal, formal legal analysis and an interdisciplinary approach. The interdisciplinary approach in writing this scientific article is of the greatest importance, since self-regulation in the construction sector is one of the types of mandatory self-regulation and is located at the junction of private and public legal sciences.

Key words: *self-regulation, self-regulating organizations, construction industry, digital transformation, digitalization, artificial intelligence.*

Введение. Одной из основных характеристик современного информационного общества является его активная цифровая модернизация. В данном контексте особую актуальность приобретает процесс перераспределения контрольных функций от органов государственной власти к институту саморегулирования, где субъекты предпринимательской и профессиональной деятельности самостоятельно определяют правила и стандарты своей работы.

Цифровая трансформация наиболее дифференцированно проявляется в строительной сфере, где саморегулируемые организации наделены публично значимыми полномочиями по контролю за качеством работ и формированию компенсационных фондов. Цифровые технологии выступают ключевым инструментом реализации полномочий саморегулируемых организаций в осуществлении контроля субъектов предпринимательской деятельности на соответствие законодательству и внутренним документам СРО. Применительно к теме исследования справедливо мнение Ю. Г. Лесковой, которая указывает, что строительной отрасли наиболее ощутима необходимость использования информационных (цифровых) технологий и создания цифровых платформ в сфере саморегулирования [5, с. 9].

Выявление основных тенденций цифровой трансформации саморегулируемых организаций в сфере строительства. Ключевые цели саморегулируемых организаций в области строительства, инженерных изысканий и проектирования установлены статьей 55.1 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) [1], которые формируют отдельную, строго специализированную систему обязательного саморегулирования (далее – СРО в сфере строительства). В контексте цифровой трансформации эти цели эволюционируют, становясь драйвером для внедрения сквозных цифровых решений – использование цифровых подписей для внешнего и внутреннего документооборота, использования искусственного интеллекта, введения специальных реестров.

В рамках стратегического курса на цифровую трансформацию государственного управления, установленного Распоряжением Правительства от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» в сфере развития использования искусственного интеллекта сформулирован комплекс взаимосвязанных задач, ключевыми из которых являются:

1. Формирование инфраструктуры данных: системное создание и актуализация специализированных наборов данных, необходимых для разработки, обучения и эксплуатации искусственного интеллекта (далее – ИИ) в государственном секторе.
2. Создание благоприятной среды для развития технологий: обеспечение организационных условий, способствующих инновациям и внедрению решений на основании ИИ.
3. Кадровое обеспечение обучения госслужащих: организация целенаправленного обучения госслужащих для формирования компетенций в области управления данными для ИИ, применения распространённых моделей и инструментов ИИ для решения практических задач.
4. Бюджетная приоритизация: перераспределение финансов на цифровизацию деятельности федеральных органов власти в пользу проектов по внедрению искусственного интеллекта.
5. Методологическое и нормативное сопровождение: разработка методических рекомендаций, стандартов, регламентов для внедрения ИИ, а также создание платформы для обмена опытом и лучшими практиками между государственными органами.

На законодательном уровне внедрение искусственного интеллекта в России реализуется, в том числе, через создание специальных правовых режимов, характерным примером которого является принятый в 2020 году Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», установивший экспериментальный правовой режим «регуляторная песочница» в Москве с целью стимулирования разработки и внедрения технологий ИИ, что является частью системного подхода, развиваемого в рамках принимаемых стратегических документов.

Вместе с тем вопрос внедрения цифровых технологий в систему государственного регулирования остаётся не достаточно регламентированным, а сами цифровые решения недостаточно внедрёнными в систему государственного управления, т. к. законодательное нормотворчество из-за наличия негибкого бюрократического аппарата не поспевает за инновациями, внедряемыми посредством цифровой трансформации.

Цифровая трансформация государственного управления, закрепленная стратегическими документами Правительства РФ, ведомственными нормативными правовыми актами, предполагает не только внедрение искусственного интеллекта в систему общественных отношений, но и перераспределение регулятивной нагрузки между государством и институтами гражданского общества. В этом контексте система саморегулирования в сфере строительства может зарекомендовать себя как динамичная структура, способная оперативно адаптироваться к технологическим изменениям.

Строительная отрасль, где активно действует модель саморегулирования, позволяет бизнесу самостоятельно определять правила поведения на рынке, которые легче формировать и внедрять с помощью цифровых технологий. В отсутствие же системы саморегулирования государство вынуждено вводить унифицированные правила, которые могут не соответствовать сложившимся рыночным условиям, что тормозит инновацию и противоречит курсу на цифровую трансформацию. Мировой опыт подтверждает, что деятельность СРО является более эффективной мерой и формой контроля за профессиональными участниками рынка, чем государственный контроль. В государствах с развитой экономикой СРО предпринимателей рассматриваются не только как гражданские институты, представляющие интересы предпринимателей, но и как важнейший элемент общей системы регулирования предпринимательской деятельности, дополняющий или даже замещающий государственное регулирование [7, с. 90].

Именно саморегулирование становится проводником государственной цифровой политики, обеспечивая баланс между публичным контролем и частной инициативой профессиональных участников рынка. Такая нормотворческая адаптивность связана с наличием в саморегулировании системы «обратной связи», когда сами профессиональные участники рынка формируют для себя стандарты и правила, отталкиваясь непосредственно от конъюнктуры рынка, технологического прогресса и рисков, возникающих в ходе проведения подрядных работ. Иными словами, нормотворчество СРО носит ситуативный

характер, поскольку опирается на опыт членов СРО, которые систематически сталкиваются с конкретными проблемами и вызовами. При этом какова бы ни была нормотворческая гибкость СРО, их деятельность, равно как и принимаемые ими стандарты и правила остаются в правовом поле, очерченном законодателем.

Трудно не отметить сложившуюся неблагоприятную тенденцию, выраженную в том, что многие саморегулируемые организации не в полной мере задействуют предоставленные им законодателем нормотворческие функции по формированию внутренних положений и стандартов. Такая проблема в своё время послужила основанием для разработки Правительством РФ Концепции совершенствования механизмов саморегулирования (далее – Концепция) [6, с. 29], путем принятия соответствующего Распоряжения от 30 декабря 2015 г. № 2776-р.

В Концепции отмечается, что при разработке Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» были поставлены цели, помимо прочего, снижения объема государственного регулирования деятельности субъектов саморегулирования. Государство устраняется от определенных сфер регулирования деятельности предпринимательских и профессиональных участников рынка и усиливает самостоятельную ответственность субъектов экономической деятельности перед потребителями. В этом контексте особую актуальность приобретают механизмы цифровизации.

Обсуждения и предложения. Интеграция вопросов цифровой трансформации в исследование правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций в сфере строительства имеет междисциплинарный характер. В юридической литературе отмечается, что, например, внедрение цифровых технологий в работу саморегулируемых организаций в области аттестации способствует повышению качества проводимых строительных работ и, соответственно, повышению уровня безопасности [4, с. 23].

Конкретное воздействие на правоприменительную практику в деятельности СРО в сфере строительства можно проследить в нескольких ключевых аспектах:

I. Развитие электронного документооборота с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи стандартизирует и ускоряет взаимодействие между членами СРО и специализированными органами самой саморегулируемой организации. Переход от бумажного документооборота позволяет ускорить процесс проверок членов СРО и обеспечить долгосрочность хранения личных дел.

Опыт использования электронного документооборота (далее – ЭДО) сам по себе не является новым. Однако в настоящее время его внедрение достигло такой степени, что ЭДО превратился не в исключительное достижение, а в обычный, повсеместно применяемый механизм, без которого уже невозможно представить взаимодействие между участниками рынка и контролирующими органами. В деятельности саморегулируемых организаций в сфере строительства ЭДО стал обязательным элементом: с его помощью ведётся реестр членов СРО, осуществляется обмен документами с информационными системами национальных объединений, обеспечивается юридическая значимость передаваемых сведений с помощью усиленной квалифицированной электронной подписи.

Некогда передовая технология ЭДО превратилась в норму деловой практики, сегодня аналогичный путь проходят модели искусственного интеллекта, так как имеются предпосылки их использования в юридической деятельности и работе СРО.

II. В соответствии со статьей 55.17 ГрК РФ сведения о членах СРО и их обязательствах заносятся в специальный реестр. В реестр вносятся сведения о членах саморегулируемых организаций и их обязательствах, включается информация о членах саморегулируемой организации, о лицах, прекративших членство в саморегулируемой организации, а также сведения об их обязательствах соответственно по договорам подряда на выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации, договорам строительного подряда, договорам подряда на осуществление сноса, заключенным такими лицами с использованием конкурентных способов заключения договоров.

Единый реестр сведений о членах СРО и их обязательствах (далее – Единый реестр) формируется и ведётся в электронном виде национальными объединениями, что обеспечивает юридическую значимость содержащихся в нём данных и оперативный доступ к ним контролирующих органов и иных третьих лиц, заинтересованных в получении информации о действующем или будущем контрагенте.

Единый реестр членов СРО стоит рассматривать не только как специальный инструмент саморегулирования в сфере строительства, но и как основу для формирования цифрового профиля деловой репутации строительной организации. В строительной отрасли наиболее ощутима необходимость использования информационных технологий и создания цифровых платформ в сфере саморегулирования. Сейчас реестр членов СРО выступает одним из ключевых инстру-

ментов государственного контроля за деятельностью саморегулируемых организаций, обеспечивая прозрачность их работы и аккумулируя информацию о финансовой ответственности подрядчиков. На практике остаётся проблема достоверности сведений, вносимых в реестр, что указывает на необходимость усиления ответственности членов СРО за предоставление ложной информации.

Дополнительно стоит рассмотреть вопрос о расширении сведений реестра членов СРО и о введении в реестр информации о судебных разбирательствах в отношении подрядчиков. Речь идёт об исках о возмещении вреда, причинённого жизни, здоровью или имуществу третьих лиц и о судебных спорах, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением договоров подряда, заключённых с использованием конкурентных способов. Включение в Единый реестр данных о судебных тяжбах, связанных с рисками выплат из компенсационных фондов СРО, позволило бы использовать реестр не только для учёта, но и для предиктивной оценки рисков при допуске подрядчиков к торгам и контроле за их деятельностью, а также обеспечить безопасность компенсационных фондов и превенцию необоснованных выплат из них путём раннего выявления судебных рисков на стадии допуска подрядчика к конкурентным закупкам.

III. Внедрение технологий искусственного интеллекта и нейросетей открывает возможности для СРО снизить регулятивную нагрузку на специализированные органы самой СРО, которые осуществляют контроль за соблюдением членами СРО требований внутренних стандартов и правил, а также за применением мер дисциплинарного воздействия. По нашему мнению, такое делегирование не должно приводить к стагнации внутренней деятельности специализированных контрольных органов СРО, которая выражается в полной передаче всей контрольно-надзорной функции на аутсорсинг или на откуп искусственному интеллекту.

В настоящий момент времени прямое и полное делегирование искусственному интеллекту контрольно-надзорных функций СРО, да и в принципе иным органам контроля, невозможно. Модели искусственного интеллекта не способны всегда делать верные выводы на основе предоставленных юристом данных. ИИ часто делает ошибки в цитировании и интерпретации норм права, а фатальность таких ошибок подчёркивается выдумыванием судебной практики. Е. А. Березина справедливо отмечает, что для обучения нейронных сетей, предназначенных для использования в юридической практике, необходимы качественные датасеты (англ. «data set» - набор данных) – структурированные размеченные данные. Формирование такого датасета требует участия высококвалифицированного юриста, так как IT-разработчики не обладают специальными знаниями правовых принципов, юридических конструкций и особенностей правоприменительной практики. Недостаточная квалификация может привести к появлению «грязного» датасета и некорректной работе нейронной сети [2, с. 27].

Полагаем, что возможно использование искусственного интеллекта при проведении проверок членов СРО в сфере строительства на предмет их соответствия градостроительному законодательству и внутренним документам самой СРО с помощью введения текстовой инструкции для выполнения с условием проведения анализа организации на соответствие требованиям. При использовании сторонних нейросетей зарубежных разработчиков целесообразно уделить внимание обеспечению безопасности и сохранению персональных данных физических и юридических лиц путем обезличивания сведений, относящихся к персонифицированным данным: Ф.И.О. специалистов, сведения об организации, в том числе о том, какие государственные и муниципальные контракты были заключены. При создании датасета для искусственного интеллекта целесообразно сохранять только сведения, имеющие статистические данные для успешного выявления проверки.

Выводы. Проанализировав внедрение цифровых технологий в систему саморегулирования в сфере строительства можно согласиться с мнением Городова О. А., что цифровое право оказалось имплантированным в гражданский оборот без должного доктринального выяснения его природы, оснований возникновения, объекта и содержания этого права [3, с. 2]. В проанализированных случаях институт саморегулирования, в таких общественно важных правоотношениях, как осуществление строительства, приобретает особую значимость, так как законодательная регламентация не поспевает за внедрением цифровых технологий в общественные правоотношения из-за отсутствия оперативной обратной связи от профессиональных участников рынка в строительной отрасли.

В отличие от громоздкой и инертной системы государственного нормотворчества, не успевающей своевременно осмыслить и закрепить правовую природу новых цифровых явлений, саморегулируемые организации обладают уникальной возможностью оперативно получать обратную связь от своих членов – профессиональных участников рынка в области инженерных изысканий, проектирования и строительства.

Эта встроенная в саму модель саморегулирования коммуникация между СРО-регулятором и профессиональным участником рынка позволяет не только выявлять практические проблемы, но и незамедлительно перерабатывать внутренние стандарты и правила, заполняя законодательные пробелы.

Список литературы:

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 16.

[2] Березина Е. А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 12. — С. 25–38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038.

[3] Городов О. А. Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 5 – 10.

[4] Кулинич Е. А. Анализ возможностей внедрения цифровых технологий в работу саморегулируемых организаций в области аттестации в производственных отраслях // Вестник науки. 2022. №10 (55). с. 21-29 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozmozhnostey-vnedreniya-tsifrovyh-tehnologiy-v-rabotu-samoreguliruemyh-organizatsiy-v-oblasti-attestatsii-v (дата обращения: 23.04.2026).

[5] Лескова Ю. Г. Применение информационных (цифровых) технологий в саморегулировании как условие развития строительной отрасли правового регулирования // Гражданское право. 2018 № 5. С. 9 – 11.

[6] Тарасенко О. А. Тенденции правоприменительной практики в сфере саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в России // Предпринимательское право. 2018. № 4. С. 29 – 41.

[7] Михайлов А. В. Эффективность норм предпринимательского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. № 4. С. 86 – 95 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-norm-predprinimatelskogo-prava (дата обращения: 26.05.2026).

References:

[1] Town Planning Code of the Russian Federation of 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 23.03.2026) //" Collection of Legislation of the Russian Federation, "03.01.2005, No. 1 (Part 1), Art. 16.

[2] Berezina E. A. The use of artificial intelligence in legal activities//Actual problems of Russian law. — 2022. - VOL. 17, NO. 12. - S. 25-38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038.

[3] Cities O. A. Acquisition of utilitarian digital rights as a new way of investing under Russian law// Law and the digital economy. 2020. № 1. S. 5-10.

[4] Kulinich E. A. Analysis of the possibilities of introducing digital technologies into the work of self-regulatory organizations in the field of certification in production industries//Bulletin of Science. 2022. №10 (55). c. 21-29 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozmozhnostey-vnedreniya-tsifrovyh-tehnologiy-v-rabotu-samoreguliruemyh-organizatsiy-v-oblasti-attestatsii-v (дата обращения: 23.04.2026).

[5] Leskova Yu. G. The use of information (digital) technologies in self-regulation as a condition for the development of the construction industry of legal regulation//Civil Law. 2018 № 5. S. 9-11.

[6] Tarasenko O. A. Trends in law enforcement practice in the field of self-regulation of entrepreneurial and professional activities in Russia//Entrepreneurial law. 2018. № 4. S. 29-41.

[7] Mikhailov A.V. Effectiveness of the norms of business law//Uchen. zap. Kazan. University. Ser. Humanite. sciences. 2014. № 4. C. 86 – 95 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-norm-predprinimatelskogo-prava (дата обращения: 26.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-521-525
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

КРЮЧКОВА Д.С.,
магистрант, 2 курс,
факультет управления процессами перевозок,
Уральский государственный университет путей сообщения,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОТИВОРЕЧЕНИЕ МЕЖДУ РИСКОМ ТУГОУХОСТИ И НЕСПЕЦИФИЧЕСКИМИ ЭФФЕКТАМИ ШУМА У МАШИНИСТА ТЕПЛОВОЗА

Аннотация. *В статье представлены результаты измерений уровней производственного шума на рабочем месте машиниста, работающего в одно лицо на маневровом тепловозе серии ТЭМ18ДМ. На основе полученных данных был выполнен расчет профессионального риска развития нейросенсорной тугоухости. Для оценки субъективного восприятия шумового воздействия был проведен социологический опрос работников, который выявил распространенность неспецифического влияния шума. На основе выявленного противоречия были предложены рекомендации по снижению неспецифического влияния шума.*

Ключевые слова: *производственный шум, машинист тепловоза, профессиональный риск, неспецифическое влияние шума, нейросенсорная тугоухость.*

KRYUCHKOVA D.S.,
Master's Student, 2nd Year,
Faculty of Transportation Management,
Ural State Transport University,
Yekaterinburg, Russia

CONTRADICTION BETWEEN THE RISK OF HEARING LOSS AND NON-SPECIFIC NOISE EFFECTS IN DIESEL TRAIL DRIVERS

Annotation. *This article presents the results of measurements of occupational noise levels at the workplace of a single-person locomotive engineer operating a TEM18DM shunting locomotive. Based on the obtained data, a calculation of the occupational risk of developing sensorineural hearing loss was performed. To assess the subjective perception of noise exposure, a sociological survey of employees was conducted, which revealed the prevalence of non-specific noise effects. Based on the identified discrepancy, recommendations for reducing the non-specific effects of noise were proposed.*

Key words: *industrial noise, diesel locomotive driver, occupational risk, non-specific noise effects, sensorineural hearing loss.*

Введение

Производственные факторы принято подразделять на вредные (воздействие которых с течением времени приводят к возникновению профессиональных заболеваний) и опасные (воздействие которых может привести к травме или к смерти работника). По природе воздействия факторы подразделяют на физические, химические, биологические и психофизиологические [1]. Среди производственных факторов наиболее распространенным является производственный шум [2].

Материалы и методы

По данным Федеральной службы государственной статистики с 2015 года по 2025 год, шум стабильно лидирует среди вредных производственных факторов. Тенденции к снижению не наблюдается [3]. Статистические данные представлены на *рисунке 1.*

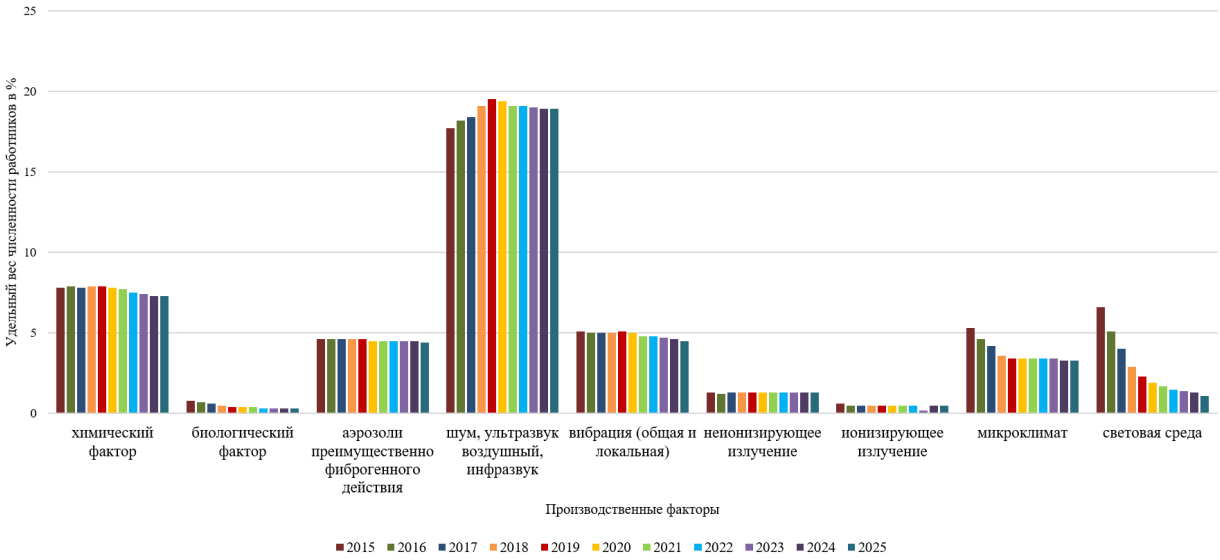

Рисунок 1. Удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в организациях Российской Федерации (без субъектов малого предпринимательства; в % от общей численности работников)

Анализ статистических данных показывает, что проблема шума достаточно актуальна. Особенно остро эта проблема оказывает влияние на работников железнодорожного транспорта, где машинисты на протяжении всей смены подвергаются влиянию шума, но при этом должны быть предельно сконцентрированы для обеспечения безопасности движения, что сделать в повышенной шумовой нагрузке крайне сложно. Ведь шум не только влияет на орган слуха (специфическое воздействие), но и на весь организм в целом (неспецифическое влияние). Шум оказывает комплексное воздействие на центральную нервную систему (головная боль, снижение памяти, эмоциональная нестабильность), сердечно-сосудистую систему (повышенное артериальное давление, нарушение ритма сердца, спазм сосудов) [4].

Результаты

В ходе исследования были проведены измерения уровней шума в трех режимах работы (холостой ход, маневровая работа и режим тяги) на рабочем месте машиниста, работающего в одно лицо на маневровом тепловозе серии ТЭМ18ДМ. Результаты измерений представлены на *рисунке 2.*

На основе хронометража, опроса работников и анализа технологического процесса были сделаны выводы, что более 90% времени машинист находится в кабине, а на рабочей площадке и у дизель-генераторной установки меняя 5 % времени. Расчетный эквивалентный уровень составил 82,4 дБА. Класс условий труда по фактору шум – 3.1 (вредный, первой степени) [5; 6].

Для профессии машинист тепловоза, в соответствии с ГОСТ Р ИСО 1999–2017, был выполнен прогноз профессиональной тугоухости. Через 30 лет стажа, ожидаемое смещение порога слышимости составит 4,7 дБ на частоте 4 кГц и 2,5 дБ на частоте 6 кГц [7]. Эти значения более чем в 5 раз ниже порога снижения разборчивости речи и в 8 раз ниже порога профессиональной тугоухости [8]. Следовательно, риск развития нейросенсорной тугоухости у машинистов тепловоза оценивается как низкий. В *таблице 1* представлены результаты расчета для разного стажа.

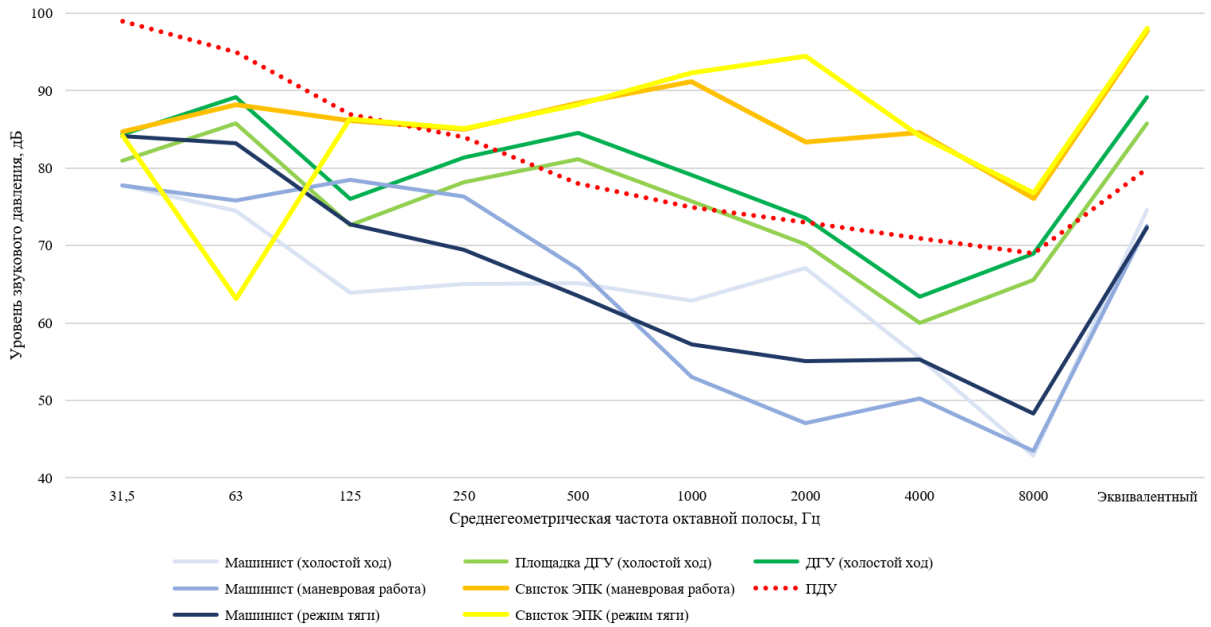

Рисунок 2. Результаты измерений

Таблица 1. Расчет риска профессиональной тугоухости

Расчет для частоты 4 кГц (наиболее чувствительной к шуму)	
Стаж работы, лет	Снижение порога слышимости, дБ
10	3,73
15	4,07
20	4,32
25	4,51
30	4,67

Расчет для частоты 6 кГц (дополнительный маркер утомления)	
Стаж работы, лет	Снижение порога слышимости, дБ
10	2,03
15	2,21
20	2,33
25	2,44
30	2,51

Но несмотря на низкий расчётный риск потеря слуха, проведенный социологический опрос среди машинистов тепловоза выявил следующее: подавляющие большинство отмечают повышенную усталость и раздражительность; более трети – ощущение оглушенности; почти каждый третий – звон или шум в ушах. Результаты опроса представлены на *рисунке 3.*

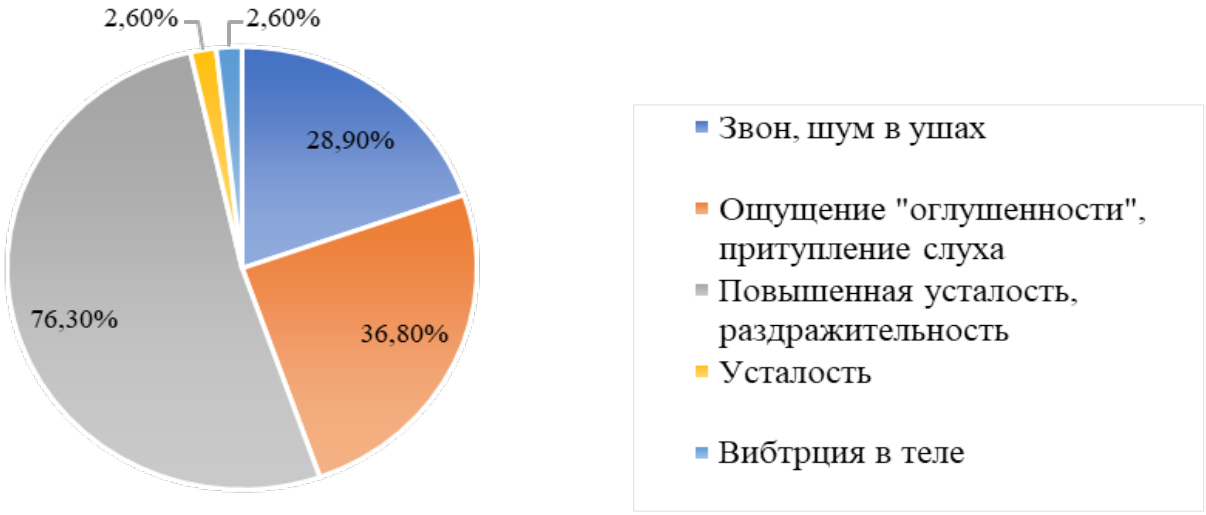

Рисунок 3. Результаты опроса

Проведенное исследование позволило выявить противоречие между объективными и субъективными показателями воздействия шумового влияния на машинистов тепловоза.

Обсуждение

Проведенные измерения шума, показали, что эквивалентный уровень в кабине тепловоза серии ТЭМ18ДМ составляет 82,4 дБА, что превышает предельно допустимый уровень (80 дБА). но расчет риска профессиональной тугоухости, выполненный по методике [7], показал относительно не высокие значения, при стаже работы 30 лет риск развития тугоухости не превышает 20%, что не позволяет отнести данную профессию в категорию с высоким уровнем слухового риска.

В то же время опрос работников говорит о высокой распространенности жалоб на неспецифическое влияние шум. Эти симптомы не связаны напрямую со снижением слуха, но указывают на выраженное психоэмоциональное напряжение, возникающее в ответ на длительное шумовое воздействие.

Заключение

Таким образом, низкий риск профессиональной тугоухости не гарантирует безопасность рабочего места. Существующие методы оценки профессионального риска от шумового воздействия преимущественно ориентированы на специфическое поражение органа слуха и не учитывают неспецифическое влияние: стресс, вегетативные нарушения, снижение концентрации, внимания. Это особенно актуально для машинистов, работающих в одно лицо, где шумовое воздействие с высокой психоэмоциональной нагрузкой и отсутствием социальной поддержки в кабине.

Полученные данные согласуются с исследованиями [9; 10], в которых проводились исследования в области влияния шума на повышение уровня гормона стресса – кортизола, развитие хронического утомления даже при отсутствии объективного снижения слуха.

Для снижения неспецифического влияния шума рекомендуем: рассмотреть возможность введение кратковременных регламентированных перерывов в тихом, комфортном помещении для машинистов после каждых 2 часов работы, для снижения накопительного шумового эффекта. Ввести практику профессиональных осмотров опросник с целью оценки уровня утомления и стресса, это позволит выявить работников группы риска по неспецифический нарушениям.

Данные меры не требуют капитальных затрат и могут быть реализованы в рамках действующей системы управления охраной труда, но при этом эти меры позволят снизить уровень хронического стресса и сохранить профессиональное долголетие, что соответствует основным целям охраны труда, согласно трудовому кодексу Российской Федерации [11].

Список литературы:

[1] ГОСТ 12.0.003–2015. Система стандартов безопасности труда. Опасные и вредные производственные факторы. Классификация: введ. 01.03.2017. – М.: Стандартинформ, 2016. – 12 с.

[2] Васюткина Д. И. Производственный шум и его влияние на организм человека / Д. И. Васюткина // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2013. – № 1. – С. 125–128.

[3] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 02.05.2026).

[4] Девятина Д. Ш. Специфическое и неспецифическое действие шума на человека / Д. Ш. Девятина, О. А. Лобынцева // Мировая наука. – 2021. – № 1 (46). – С. 1–3.

[5] ГОСТ ISO 9612–2016. Акустика. Измерения шума для оценки его воздействия на человека. Метод измерений на рабочих местах: введ. 01.09.2017. – М. : Стандартинформ, 2019. – 46 с.

[6] Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21.11.2023 № 817н «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению» : (Зарегистрирован в Минюсте России 30.11.2023 № 76179). – М., 2023.

[7] ГОСТ Р ИСО 1999–2017. Акустика. Оценка потери слуха вследствие воздействия шума: введ. 2018-12-01. – М. : Стандартинформ, 2018. – IV, 23 с.

[8] Диагностика, экспертиза трудоспособности и профилактика профессиональной сенсоневральной тугоухости: методические рекомендации / Минздрав России. – М., 2012. – 28 с.

[9] Девятина Д. Ш. Специфическое и неспецифическое действие шума на человека / Д. Ш. Девятина, О. А. Лобынцева // Мировая наука. – 2021. – № 1 (46). – С. 1–3.

[10] Krishnan, S. K. Noise matters: assessing non-auditory health impacts of occupational noise exposure among factory workers / S. K. Krishnan, K. Priyasha, M. Bhattacharjee [et al.] // Frontiers in Public Health. – 2026. – Vol. 14. – Art. no. 1753715.

[11] Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024). // Собрание законодательства РФ. – Ст. 209, 212.

References:

[1] GOST 12.0.003–2015. Occupational safety standards system. Hazardous and harmful production factors. Classification: introduced on March 1, 2017. Moscow: Standartinform, 2016, 12 p.

[2] Vasyutkina, D. I. Industrial noise and its impact on the human body / D. I. Vasyutkina // Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov. 2013, No. 1, pp. 125–128.

[3] Federal State Statistics Service (Rosstat). Available at: https://rosstat.gov.ru (accessed on May 2, 2026).

[4] Devyatina D. Sh. Specific and non-specific effects of noise on humans / D. Sh. Devyatina, O. A. Lobyntseva // World Science. - 2021. - No. 1 (46). - Pp. 1-3.

[5] GOST ISO 9612-2016. Acoustics. Noise measurements to assess its impact on humans. Method of measurements in the workplace: introduction. 01.09.2017. - M.: Standartinform, 2019. - 46 p.

[6] Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated November 21, 2023, No. 817n “On Approval of the Methodology for Conducting a Special Assessment of Working Conditions, the Classifier of Harmful and (or) Hazardous Production Factors, the Report Form for Conducting a Special Assessment of Working Conditions and Instructions for Completing It”: (Registered with the Ministry of Justice of Russia on November 30, 2023, No. 76179). - M., 2023.

[7] GOST R ISO 1999–2017. Acoustics. Assessment of hearing loss due to exposure to noise: introduction. 2018-12-01. - M.: Standartinform, 2018. - IV, 23 p.

[8] Diagnostics, examination of working capacity and prevention of occupational sensorineural hearing loss: methodological recommendations / Ministry of Health of Russia. - M., 2012. - 28 p.

[9] Devyatina, D. Sh. Specific and non-specific effects of noise on humans / D. Sh. Devyatina, O. A. Lobyntseva // World Science. - 2021. - No. 1 (46). - Pp. 1-3.

[10] Krishnan, S. K. Noise matters: assessing non-auditory health impacts of occupational noise exposure among factory workers / S. K. Krishnan, K. Priyasha, M. Bhattacharjee [et al.] // Frontiers in Public Health. - 2026. - Vol. 14. - Art. no. 1753715.

[11] Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 06.04.2024). // Collected Legislation of the Russian Federation. - Art. 209, 212.

- ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И МИРЕ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-526-530
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ШВЫРЕВ Борис Анатольевич,
ведущий научный сотрудник
Института проблем передачи информации
Российской академии наук имени А.А. Харкевича (ИППИ РАН),
кандидат физико-математических наук, доцент,
e-mail: e-maili@bor2275.ru

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ
НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

ИЗУЧЕНИЕ КИБЕРАТАК И ФОРМИРОВАНИЕ ИММЕРСИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности формирования иммерсионной образовательной среды с использованием управляемого имитатора компьютерных атак. Рассматривается использование управляемого имитатора компьютерных атак в качестве метода обучения студентов дисциплинам, связанным с информационной безопасностью. Данный инструмент позволяет имитировать различные виды атак на информационную систему и проводить тренировки для повышения навыков по ее защите. Иммерсионная образовательная среда в области информационной безопасности – позволяет реализовать принцип интерактивного обучения с нелинейным сценарием обучения и вовлеченности в процесс педагога и обучающегося с использованием информационных технологий. Использование управляемых имитаторов позволяет обеспечить проверку устойчивости компьютерных вычислительных сетей и других систем к продвинутым кибератакам и разработать эффективные методы борьбы с ними. Для организации такой иммерсионной образовательной среды целесообразно привлекать производителей программного обеспечения на принципах стратегического партнерства.*

Ключевые слова: *Иммерсионная образовательная среда, управляемый имитатор компьютерных атак, образовательный процесс, информационная безопасность.*

SHVYREV Boris Anatolyevich,
leading Researcher at the A.A. Kharkevich
Institute for Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences (IPPI RAS),
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

STUDYING CYBERATTACKS AND CREATING AN IMMERSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Annotation. *The article discusses the features of the formation of an immersion educational environment using a controlled simulator of computer attacks. The use of a controlled simulator of*

computer attacks as a method of teaching students disciplines related to information security is considered. This tool allows you to simulate various types of attacks on an information system and conduct training to improve its protection skills. Immersion educational environment in the field of information security – allows you to implement the principle of interactive learning with a nonlinear learning scenario and involvement in the process of the teacher and the student using information technology. The use of controlled simulators makes it possible to check the stability of computer networks and other systems to advanced cyber attacks and develop effective methods to combat them. To organize such an immersive educational environment, it is advisable to involve software manufacturers on the principles of strategic partnership.

Key words*: Immersion educational environment, controlled simulator of computer attacks, educational process, information security.*

Современная информационная среда требует от всех ее участников не только умения пользоваться компьютерами и сетями, но и знания основ информационной безопасности. К сожалению, далеко не все пользователи понимают важность защиты своих данных и часто не обладают достаточными знаниями, чтобы защитить свои устройства от различных угроз. Поэтому важно, чтобы специалисты в области информационной безопасности имели навыки работы с реальными уязвимостями и могли оперативно реагировать на возникающие угрозы.

Одним из инструментов, позволяющих получить практический опыт в работе с реальными уязвимостями в живую, погрузится в информационные процессы, является управляемый имитатор компьютерных атак. Данный инструмент позволяет имитировать различные виды атак на информационную систему и проводить тренировки для повышения навыков по ее защите. Иммерсионная образовательная среда – это новая форма обучения, вовлекающая обучающегося в образовательный процесс, имитирующий реальные ситуационные условия, организованный так, что обучающийся является важным элементов динамического нелинейного образовательного процесса. Реализация обучения в предметах по кибербезопасности имеет ряд трудностей, связанных со сложностью используемого программного продукта, сложных сценариев занятий, при упрощении которых теряется суть и интерес у обучающихся, а также главная сложность заключает в большой динамичности предметной области в информационной безопасности. Иногда работы по реализации информационной безопасности, решение по защите информации и противодействие угрозам и уязвимостям на реальных сложных объектах называют – «искусством». Одним из современных методов, стирающих грань между искусством, театром и образованием является технология иммерсионного обучения. Иммерсионная образовательная среда в области информационной безопасности – позволяет реализовать принцип интерактивного обучения с нелинейным сценарием обучения и вовлеченности в процесс педагога и обучающегося с использованием информационных технологий.

В настоящее время применение иммерсионной образовательной среды активно изучается, так в [1] авторы обсуждают возможные психофизиологические и физиологические реакций обучающегося в процессе его погружения в иммерсионную среду, и они предлагают совмещать виртуальную и дополненную реальность. Вопросы формирования иммерсионной среды при изучении базовых предметов образовательного процесса рассмотрены в [2] для изучения иностранных языков, в [3] для изучения химии и в [4] для изучения физики. Большим потенциалом обладает реализация иммерсионного обучения при освоении прикладных предметов, при повышении квалификации специалистов. Так известны работы, в которых обсуждается создание иммерсионной среды для обучения операторов роботов [5], практикующих врачей [6], операторов транспортных средств [7], пожарных [8]. Однако вопросам формирования иммерсионной образовательной среды для изучения информационной безопасности и кибератак внимание уделено недостаточно, хотя потребность в изучении этого направления продиктована реалиями наших дней с высокой востребованностью в высококвалифицированных специалистов в области информационной безопасности. Для реализации иммерсионной образовательной среды для изучения информационной безопасности воспользуемся управляемыми имитаторами. Управляемые имитаторы - это системы моделирования кибератак, позволяющие произвести симуляцию реального взлома, атаки на инфраструктуру в автоматическом контролируемом режиме.

Моделирование или эмуляция злоумышленников - это процесс имитации поведения злоумышленника. Он предлагает возможность проверить устойчивость организации к продвинутым злоумышленникам в ситуации, известной как предполагаемое нарушение, т.е. все симуляции выполняются системой добровольно. Хотя имитация злоумышленников на первый взгляд очень

похожа на автоматическое тестирование на проникновение, этот тип моделирования охватывает более широкий спектр инфраструктуры безопасности. Задача состоит в том, чтобы определить различные пути атаки, которые может предпринять противник, устранить наиболее серьезные угрозы и расставить приоритеты с помощью действенного плана исправления, чтобы максимально использовать ресурсы безопасности и снизить киберриски.

Большинство инструментов и платформ для моделирования атак предоставляют автоматические или полуавтоматические способы получения представления злоумышленника о сети жертвы [9]. Применение управляемых имитаторов для формирования иммерсионной образовательной среды позволяет обучающемуся получить практические навыки работы в реальных условиях информационного противодействия, сформировать устойчивые профессиональные алгоритмы принятия решений, получить психологическую подготовку к принятию решений в сложных практических задачах и сформировать готовность к самостоятельным профессиональным действия в области информационной безопасности. Рассмотрим одно из направлений информационной безопасности по противодействию кибератакам [10]. Применение имитаторов может базироваться на готовых решениях и программах либо на создании собственных управляемых имитаторов [11].К готовым решениям относятся такие программы как:

1. MITRE CALDERA
2. Atomic Red Team
3. DumpsterFire
4. Firedrill
5. InfectionMonkey

Использование контролируемых имитаторов компьютерных атак [12] имеет целью решение нескольких задач, связанных с обеспечением безопасности критически важной инфраструктуры:

– обнаружение уязвимостей в системе управления;
– оценка возможностей злоумышленников при реализации угроз компьютерных атак;
– агрегированная оценка динамики процессов использования средств защиты, включающая автоматизированные рабочие места, серверы сбора данных и электронную почту, средства предупреждения компьютерных атак и другие компоненты;
– комплексная оценка устойчивости функционирования системы в условиях компьютерных атак на основе разработанных методов и алгоритмов противодействия.

Применение программного и аппаратного обеспечения в учебном процессе основано на использовании стендовых полигонов в специальных аудиториях, что позволяет решать следующие задачи:

1. Обучение студентов техническим аспектам информационной безопасности, позволяющим эффективно бороться с компьютерными атаками. Студенты могут получить практические навыки работы с различными инструментами и программами, используемыми злоумышленниками для проведения атак на информационные системы.
2. Тестирование средств защиты информационных систем. Использование имитаторов компьютерных атак позволяет проверить эффективность существующих средств защиты, выявить и устранить уязвимости в системе.
3. Разработка новых средств защиты. Обучение студентов работе с имитаторами компьютерных атак может стать стимулом для разработки новых средств защиты, которые будут более эффективно справляться с новыми видами атак.
4. Сотрудничество с индустрией. Работа с имитаторами кибератак может привлечь внимание индустрии к образовательным организациям и позволить установить контакты с производителями средств защиты, что может привести к плодотворному сотрудничеству в области исследований и разработок новых средств противодействия.

Таким образом, использование управляемых имитаторов кибератак и стендовых полигонов позволяет осуществить отработку методов и показателей оценки эффективности противодействия кибератакам на критически важной инфраструктуре в практических условиях. Управляемые имитаторы кибератак используют компьютерные сети для проведения модели нападения на них. Это могут быть реальные компьютерные сети либо искусственно созданные сети, которые имитируют реальные. Развертывание таких стендовых полигонов требует большого бюджета для реализации, что обычно останавливает образовательные организации от реализации иммерсионной образовательной среды, но стоит отметить, что для реализации таких проектов целесообразно приглашать самих вендоров программного обеспечения на основе заключения договоров о стратегическом партнерстве. Выделим следующие варианты стратегического партнерства в вопросах формирования иммерсионной образовательной среды для изучения кибератак:

– Сотрудничество с компаниями, специализирующимися на разработке и производстве управляемых имитаторов компьютерных атак. Такие компании могут предоставить образовательной организации доступ к своим продуктам и технологиям, а также помочь в обучении преподавателей.
– Создание совместной научно-исследовательской лаборатории по разработке и отработке методов и показателей оценки эффективности противодействия кибератакам на критически важной инфраструктуре. В рамках такой лаборатории можно будет проводить исследования в области кибербезопасности, разрабатывать новые методы защиты от компьютерных атак и тестировать их на управляемых имитаторах.
– Организация обучающих курсов и тренингов для своих сотрудников, студентов, по темам кибербезопасности и использованию управляемых имитаторов компьютерных атак. Это позволит повысить компании квалификацию своих сотрудников и улучшить их профессиональную подготовку, а также повысит готовность студентов к вхождению в профессию.
– Сотрудничество с другими образовательными учреждениями и научно-исследовательскими центрами в области кибербезопасности и тестирования компьютерных систем на управляемых имитаторах. Такое сотрудничество позволит обмениваться знаниями и опытом, а также проводить совместные исследования в области кибербезопасности и тестирования.

Заключение

Применение управляемых имитаторов кибератак в образовательном процессе формирует иммерсионную образовательную среду и выводит образовательный процесс в области информационной безопасности на новый уровень формирования профессиональных компетенций. Обучение в такой среде позволяет понять принципы работы злоумышленников, научиться выявлять и предотвращать атаки на инфраструктуру, а также разрабатывать и тестировать собственные средства противодействия компьютерным атакам.

Использование управляемых имитаторов позволяет обеспечить проверку устойчивости компьютерных вычислительных сетей и других систем к продвинутым кибератакам и разработать эффективные методы борьбы с ними. Однако, необходимо учитывать, что такие имитаторы могут использоваться только в образовательных целях и с согласия соответствующих организаций. Для организации такой иммерсионной образовательной среды целесообразно привлекать производителей программного обеспечения на принципах стратегического партнерства. Иммерсионная образовательная среда, основанная на использовании управляемых имитаторов компьютерных атак в образовательном процессе, может существенно улучшить качество обучения и подготовку студентов к борьбе с киберугрозами, что является важным направлением развития систем безопасности в цифровую эпоху.

Список литературы

[1] Хороших П.П. Иммерсивные образовательные среды: психо-физиологический аспект / П.П.Хороших, А.А.Сергиевич, Т.А. Баталова // Психология и Психотехника. – 2021. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2021.1.34819 URL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34819

[2] Прибылова Н.Г. Иммерсионное обучение иностранному языку в зарубежных странах / Н.Г. Прибылова // Психология образования в поликультурном пространстве. 2016. № 2 (34). С. 95-100.

[3] Курушкин М.В.Айтрекинг в иммерсивной виртуальной реальности: персонализация образовательных траекторий в химическом образовании / М.В.Курушкин // НИР: грант № 20-78-10135. Российский научный фонд. 2020.

[4] Кирюхина Н.В.Иммерсивные технологии в обучении физике / Н.В. Кирюхина, Н.А. Плеханова // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 133-136.

[5] Жердева Л.А. Навигация наземного робота с использованием глубокого обучения с подкреплением в иммерсивной среде / Л.А.Жердева, А.Жердев, Е.Ю.Минаев // В сборнике: Информационные технологии и нанотехнологии (ИТНТ-2021). Сборник трудов по материалам VII Международной конференции и молодежной школы. Самара, 2021. С. 34062.

[6] Блохин Б.М. Иммерсивные симуляционные технологии обучения практикующих врачей навыкам сердечно-легочной реанимации детям / Б.М.Блохин, И.В.Гаврютина, В.Ю.Стешин, Е.Ю.Овчаренко, И.П.Лобушкова// Вестник терапевта. 2018. № 7 (31). С. 4-11.

[7] Карелина М.В. Методические аспекты применения тренажеров с иммерсивной технологией при обучении в университете транспорта / М.В.Карелина, С.П.Вакуленко, П.А.Егоров, О.В.Мерецков // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т. 2. № 6 (81). С. 64-80.

[8] Юсупов А.А. Исследование человеческого фактора в обучении пожарных с погружением в виртуальную реальность / Юсупов А.А. // В сборнике: Современная наука: актуальные

вопросы, достижения и инновации. сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 260-262.

[9] Волков С.Д., Царегородцев А.В. Один из подходов к обеспечению защиты от компьютерных атак при реализации информационной функции государства на внутреннем уровне // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Электротехника, информационные технологии, системы управления. 2020. № 36. С. 159-174.

[10] Климов С.М. Методы и модели противодействия компьютерным атакам. Люберцы: КАТАЛИТ, 2008. СС. 64-64.

[11] Волков С.Д. Обзор подходов к построению систем обнаружения компьютерных атак для информационно-телекоммуникационных систем, функционирующих на основе технологии облачных вычислений // Collegium Linguisticum - 2017. Материалы ежегодной конференции студенческого научного общества МГЛУ. 2017. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ. С. 442-447.

[12] Степашкин М.В., Котенко И.В., Богданов В.С. Моделирование атак для активного анализа уязвимостей компьютерных сетей // Вторая всероссийская научнопрактическая конференция по имитационному моделированию и его применению в науке и промышленности «Имитационное моделирование. Теория и практика» ИММОД–2020. С. 269–273.

References

[1] Khoroshikh P.P. Immersive educational environments: psycho-physiological aspect/P.P. Khoroshikh, A.A. Sergievich, T.A. Batalova//Psychology and Psychotechnics. – 2021. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2021.1.34819 URL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34819

[2] Pribylova N.G. Immersion foreign language education in foreign countries/N.G. Pribylova//Psychology of education in a multicultural space. 2016. № 2 (34). S. 95-100.

[3] Kurushkin M.V. Tracking in immersive virtual reality: personalization of educational trajectories in chemical education/M.V. Kurushkin//Research: grant No. 20-78-10135. Russian Science Foundation. 2020.

[4] Kiryukhina N.V. Immersive technologies in teaching physics/N.V. Kiryukhina, N.A. Plekhanova// Problems of modern pedagogical education. 2023. № 79-2. S. 133-136.

[5] Zherdeva L.A. Navigation of a ground robot using deep learning with reinforcement in an immersive environment/L.A. Zherdeva, A. Zherdev, E. Yu. Minaev//In the collection: Information Technologies and Nanotechnology (ITNT-2021). Collection of works based on the materials of the VII International Conference and Youth School. Samara, 2021. P. 34062.

[6] Blokhin B.M. Immersive simulation technologies for training practicing doctors in the skills of cardiopulmonary resuscitation for children/B.M. Blokhin, I.V. Gavryutina, V.Yu. Steshin, E.Yu. Ovcharenko, I.P. Lobushkova//Bulletin of the therapist 2018. № 7 (31). S. 4-11.

[7] Karelina M.V. Methodical aspects of the use of simulators with immersive technology when studying at the University of Transport/M.V. Karelin, S.P. Vakulenko, P.A. Egorov, O.V. Meretskov//Domestic and foreign pedagogy. 2021. VOL. 2. № 6 (81). S. 64-80.

[8] Yusupov A.A. Study of the human factor in training firefighters with immersion in virtual reality/ Yusupov A.A.//In the collection: Modern science: current issues, achievements and innovations. collection of articles of the XXIX International Scientific and Practical Conference. Penza, 2023. S. 260-262.

[9] Volkov S.D., Tsaregorodtsev A.V. One of the approaches to ensuring protection against computer attacks when implementing the information function of the state at the domestic level//Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Electrical engineering, information technology, control systems. 2020. № 36. S. 159-174.

[10] Klimov S.M. Methods and models of countering computer attacks. Lyubertsy: CATALIT, 2008. SS. 64-64.

[11] Volkov S.D. Review of approaches to building computer attack detection systems for information and telecommunication systems operating on the basis of cloud computing technology//Collegium Linguisticum - 2017. Materials of the annual conference of the student scientific society of Moscow State Linguistic University. 2017. M.: FSBEI HE MSLU. S. 442-447.

[12] Stepashkin M.V., Kotenko I.V., Bogdanov V.S. Attack Modeling for Active Analysis of Computer Network Vulnerabilities//Second All-Russian Scientific and Practical Conference on Simulation Modeling and its Application in Science and Industry “Simulation Modeling. Theory and practice» IMMOD-2020. C. 269–273.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.04.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-531-537
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук,
доцент, заведующий кафедрой философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерскогоучета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

ПЕТРОВА Ирина Ильинична,
кандидат экономических наук, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: petrovairil@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА К.Д. УШИНСКОГО

Аннотация. *Актуальность темы исследования связана с задачами реформирования российского образования. В центре этих преобразований находится задача формирования личности, способной к самостоятельному мышлению, ответственному действию и осознанному патриотизму. В контексте реформы отечественного образования идеи педагогической антропологии, разработанные отечественными мыслителями, приобретают особую значимость.*

В статье рассмотрены основные аспекты основоположника педагогической антропологии в России, выдающегося педагога Константина Дмитриевича Ушинского. К. Д. Ушинский создал педагогическую антропологию как междисциплинарную науку, объединяющую данные всех наук о человеке для нужд педагогики и заложил ее в фундамент отечественной системы образования и воспитания.

Авторы рассматривают предмет и цели педагогической антропологии К. Д. Ушинского, выделяют и анализируют ее основные принципы, такие как единство образования и воспитания, природосообразность, народность, гуманизм, системность и последовательность в изложении учебного материала, развитие самостоятельного мышления, труд как основа образования и воспитания, роль родного языка как основы патриотизма, нравственное и религиозное воспитание.

Авторы подчеркивают, что внутренняя логика идей К. Д. Ушинского выстраивается в целостную систему педагогической антропологии: от изучения физиологических и психологи-

ческих процессов в организме ребенка он переходит к разработке методов обучения и воспитания; от анализа социальных условий – к формированию национальной системы образования.

Особое внимание уделяется анализу многомерного влияния педагогической системы К. Д. Ушинского на современные методологию, теорию и практику педагогики в нашей стране. Делается вывод о том, что идеи и принципы педагогической системы К. Д. Ушинского остаются актуальными для современной российской педагогики как ее глубоко обоснованная методология, они требуют глубокого изучения и дальнейшего применения.

Ключевые слова*: педагогическая система, педагогическая антропология, научное познание, единство образования и воспитания, цель образования, принципы образования, обучение, труд, игра, сотрудничество.*

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economics, Associate Professor
of the Department of Accounting and Audit
of the Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

PETROVA Irina Ilyinichna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Philosophy
at the Ural State Agrarian University

K.D. USHINSKY'S PEDAGOGICAL SYSTEM

Annotation*. The relevance of the research topic is related to the tasks of reforming Russian education. At the center of these transformations is the task of forming an individual capable of independent thinking, responsible action, and conscious patriotism. In the context of the reform of Russian education, the ideas of pedagogical anthropology developed by Russian thinkers acquire special significance.*

The article examines the main aspects of the founder of pedagogical anthropology in Russia, the outstanding teacher Konstantin Dmitrievich Ushinsky. K. D. Ushinsky created pedagogical anthropology as an interdisciplinary science that combines data from all human sciences for the needs of pedagogy and laid the foundation for the national education and upbringing system.

The authors consider the subject and goals of pedagogical anthropology by K. D. Ushinsky, identify and analyze its basic principles, such as unity of education and upbringing, naturalness, nationality, humanism, system and consistency in the presentation of educational material, develop-

ment of independent thinking, work as the basis of education and upbringing, the role of the native language as the basis of patriotism, moral and religious education.

The authors emphasize that the internal logic of K. D. Ushinsky's ideas is built into a coherent system of pedagogical anthropology: from studying physiological and psychological processes in a child's body, he moves on to developing methods of teaching and upbringing; from analyzing social conditions, he proceeds to the formation of a national education system.

Special attention is paid to the analysis of the multidimensional influence of K. D. Ushinsky's pedagogical system on modern methodology, theory, and practice of pedagogy in our country. It is concluded that the ideas and principles of K. D. Ushinsky's pedagogical system remain relevant for modern Russian pedagogy as its well-founded methodology, and they require in-depth study and further application.

Key words: *pedagogical system, pedagogical anthropology, scientific knowledge, unity of education and upbringing, goal of education, principles of education, teaching, work, play, cooperation.*

Сегодня в период стремительных социальных трансформаций российское образование сталкивается с вызовами, требующими не только модернизации содержания и технологий обучения, но и глубокого переосмысления целей и ценностей педагогического процесса. В центре этих преобразований оказывается задача формирования личности, способной к самостоятельному мышлению, ответственному действию и осознанному патриотизму. В контексте реформы отечественного образования идеи педагогической антропологии, разработанные отечественными мыслителями, приобретают особую значимость.

Педагогическая антропология рассматривает человека как целостное, развивающееся существо, в котором неразрывно связаны биологическое, социальное и духовное начала. Такой подход позволяет преодолеть узкопрагматические и технократические тенденции в образовании, возвращая в центр педагогического внимания личность ученика, его внутренний мир, ценностные ориентации и культурные коды. Именно антропологический взгляд обеспечивает формирование российской цивилизационной идентичности, основанной на уважении к истории, традициям и национальным интересам.

В трудах основоположников педагогической антропологии в России — Константина Дмитриевича Ушинского, Пирогова Николая Ивановича и их последователей - подчёркивается, что воспитание гражданина и патриота невозможно без глубокого понимания природы человека, его потребностей и возможностей. Современная реформа образования, ориентированная на воспитание личности, способной к созидательной деятельности во благо своей страны, требует интеграции антропологических принципов в содержание и методы обучения. Это предполагает не только передачу знаний, но и формирование нравственных ориентиров, гражданской ответственности и уважения к культурному наследию России.

Таким образом, обращение к антропологическому наследию отечественной педагогики становится необходимым условием для построения эффективной системы образования, способной отвечать на вызовы времени и обеспечивать устойчивое развитие российского общества. Только опираясь на целостное понимание человека и его места в мире, можно воспитать поколение, способное сохранить и приумножить цивилизационные достижения России. Отметим, что сам термин «педагогическая антропология» был впервые введён Н. И Пироговым (1810 – 1881) в статье 1856 года «Вопросы жизни» [4, с. 123]. К. Д. Ушинский в первом томе своего фундаментального труда «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» наполнил понятие педагогической антропологии конкретным содержанием. Необходимость создания национальной системы образования, отличной от европейской и отвечающей потребностям и интересам России, стала для Ушинского очевидной уже в начале его педагогической деятельности. Он отмечал: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [7, с. 59].

К. Д. Ушинский не нашел в современной ему педагогической литературе целостного знания о человеке, которое объясняло бы суть воспитания, формирующего личность. Поэтому он поставил задачу создать междисциплинарную систему, объединяющую данные всех наук о человеке для нужд педагогики. Ученый подчёркивал, что воспитание должно опираться на язык, культуру, традиции и историю народа. К. Д. Ушинский выступал против слепого копирования западных моделей, считая, что только национальная педагогика способна воспитать полноценного гражданина. Подчеркнем, что во второй половине XIX века в России происходила модернизация всех сфер жизни, и образование рассматривалось как важнейший инструмент развития общества. К. Д. Ушинский настаивал на обязательности образо-

вания для всех сословий, включая женщин, что было прогрессивной идеей для того времени [9, с. 33].

Подчеркнем, что К. Д. Ушинский рассматривал педагогику не как науку, а как искусство, которое должно опираться на научные знания: «Педагогика не наука, а искусство — самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств» [7, с. 211]. Поэтому воспитатель должен знать человека во всех проявлениях его природы: «Воспитатель должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всём его величии...» [7, с. 215]. В работе «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинский обосновал необходимость комплексного изучения человека для целей педагогики. Ученый последовательно анализировал физиологические процессы и психические явления, показывая их взаимосвязь в процессе становления личности ребенка. Подчеркнем, что особое внимание К. Д. Ушинский уделял возрастным особенностям детей, отмечая, что педагогические методы должны соответствовать этапам физического и психического развития ребенка [7, с. 269]. При этом К. Д. Ушинский придавал огромное значение роли деятельности в развитии личности. Он выделял три основных вида деятельности, через которые и происходит обучение и воспитание личности: учение, труд и игру. Учение развивает мышление и память, формирует познавательные интересы ребенка; труд воспитывает волю, практические навыки и ответственность за свои действия; игра способствует социализации детей, развитию творчества и воображения [11, с. 68]. По мнению педагога, гармоничное сочетание этих видов деятельности создает оптимальные условия для всестороннего развития ребенка.

Изначально педагогическая антропология К. Д. Ушинского строилась на синтезе данных физиологии, психологии, логики, филологии, истории и других наук о человеке. Особую роль мыслитель отводил психологии и физиологии и считал эти науки ядром своей педагогической системы. К. Д. Ушинский писал: «Собрание знаний о человеке, необходимых или полезных для педагога, я предлагаю называть педагогикой в обширном смысле...» [7, с. 45].

Главная задача педагогической антропологии заключается в том, чтобы извлекать из массы научных знаний и фактов те блоки, которые могут быть приложены к образованию и воспитанию, а также их систематизация для практического использования. К. Д. Ушинский особо отмечал: «Мало знать факты различных наук... необходимо сопоставить эти факты с целью допытаться от них прямого указания последствий тех или других педагогических мер и приёмов» [5, с. 153]. Основное достижение К. Д. Ушинского заключается в создании первой в России междисциплинарной педагогической системы, основанной на целостном понимании и научном изучении человека. Отметим. что К. Д. Ушинский развивал педагогические идеи другого выдающегося мыслителя и хирурга – Н. И. Пирогова [6]. Подчеркнем, что для К. Д. Ушинского человек является предметом образования и воспитания во всей сложности своей природы. При этом мыслитель выделял не только преднамеренных воспитателей (школа, учителя), но и непреднамеренных (семья, общество, народ, язык, религия): «...воспитателями его являются воспитатели непреднамеренные: природа, семья, общество, народ, его религия и его язык» [7, с. 43]. Поэтому К. Д. Ушинский настаивал на необходимости изучать физическую и душевную природу человека, учитывать индивидуальные особенности воспитанников и условия их жизни. Только так можно выработать действенные педагогические меры: «Изучать сколь возможно тщательней физическую и душевную природу человека вообще, изучать своих воспитанников и окружающие их обстоятельства...» [7, с. 55].

Логика педагогической системы К. Д. Ушинского представляет собой строго выстроенную методологическую архитектуру, в которой каждый элемент подчинён единому антропологическому принципу: воспитание должно опираться на научное познание человека во всей совокупности его биологических, психических и социокультурных детерминант.

Для К. Д. Ушинского цель образования - не просто передача знаний, но формирование целостной личности во всей полноте её развития. Ученый утверждал: «Воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным» [11, с. 265]. Образование нацелено не только развитие разума, но и на воспитание нравственности, любви к труду и Родине: «Школа должна готовить человека к жизни и труду» [11, с.267]. Поэтому, по замыслу К. Д. Ушинского, образование должно быть направлено на развитие всех сторон личности: умственной, нравственной, эстетической и физической. Ушинский подчёркивал: «Воспитание должно не только развивать разум человека, давать ему известный объём сведений, но и призвано зажечь в нём жажду серьёзного труда» [9, с. 71]. Школа является не только местом обучения, но и пространством формирования нравственных качеств, патриотизма, уважения к труду и культуре своего народа.

Из понимания цели и сущности образования вытекают основные принципы образования у К. Д. Ушинского. Кратко рассмотрим эти принципы:

– Единство образования и воспитания. К. Д. Ушинский подчеркивал, что «Нельзя воспитывать, не передавая знаний». Поэтому обучение должно быть сознательным, системным и последовательным: «От конкретного — к отвлечённому, от знакомого — к незнакомому» [9, с. 71].
– Принцип природосообразности обучения и воспитания, который требует учета возрастных и индивидуальных особенностей ребенка: этапов психического развития, темперамента, способностей, потребностей и интересов. По мысли К. Д. Ушинского, обучение должно идти вслед за развитием, опираясь на уже сформированные качества и создавая условия для возникновения новых.
– Народность. Образование должно быть национально ориентированным: «Воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным» [9, с. 35].

Подчеркнем, что выдающийся педагог резко выступал против слепого копирования западных моделей, справедливо считая, что только национальная педагогика способна воспитать полноценного гражданина. Это означает, что образование должно опираться на язык, историю, традиции и духовные ценности народа. Только так можно воспитать гражданина, способного к самостоятельному мышлению и ответственному действию.

– Гуманизм. Воспитание должно быть основано на уважении к личности ребёнка: «Недопустимость насилия, принуждения в воспитании. Только убеждение, только умная и умелая помощь ребёнку в раскрытии своего призвания» [11, с. 267]. К. Д. Ушинский был противником физических наказаний и унижений учеников, которые практиковались в школах Российской империи.
– Системность и последовательность. Обучение должно строиться по принципу: «От частного - к общему, от простого - к сложному». Учебный материал должен излагаться с помощью таких методических приемов, чтобы обеспечить прочность знаний и их практическое применение учениками.
– Развитие самостоятельности мышления. Ушинский настаивал на необходимости учить детей мыслить самостоятельно: «Учение, лишённое всякого интереса и взятое только силой принуждения, убивает в ученике охоту к учению» [11, с. 87]. Он предлагал включать в школьный курс логику для развития культуры мышления.
– Труд как основа воспитания. К. Д. Ушинский считал труд важнейшим средством развития личности: «Труд сделался отличительным признаком сына земли... Жизнь и самое счастье стали трудом» [11,с.119].
– Роль родного языка. Изучение родного языка должно быть не формальным, а глубоким. К. Д. Ушинский подчеркивал, что изучение русского языка есть основа патриотического воспитания.
– Религиозное и нравственное воспитание. К. Д. Ушинский писал: «Религиозное воспитание — это родная, живительная атмосфера для роста детской души» [10, с. 317]. Мыслитель считал, что без нравственного и религиозного воспитания невозможно формирование цельной личности.

К. Д. Ушинский, кроме того, сформулировал требования к профессиональной подготовке учителя. По мысли ученого, педагог обязан глубоко знать свой предмет и методику его преподавания, понимать психологию ребенка, быть нравственным примером для учеников и постоянно работать над собой. К. Д. Ушинский постоянно подчеркивал, что успех образования и воспитания зависит не столько от формального соблюдения правил, сколько от личности учителя, его отношения к детям и профессии [11, с. 298].

Таким образом, внутренняя логика идей К. Д. Ушинского выстраивается в целостную систему педагогической антропологии: от изучения физиологических и психологических процессов в организме ребенка он переходит к разработке методов обучения и воспитания; от анализа социальных условий – к формированию национальной системы образования. Подчеркнем, что все элементы этой системы взаимосвязаны и подчинены общей цели – созданию научной педагогики, основанной на знании природы человека. Отметим, что выдающийся педагог не был отвлеченным теоретиком. К. Д. Ушинский на практике реализовал свои педагогические принципы в Смольном институте и при составлении учебников для начальных классов «Родное слово» и «Детский мир» [10, с. 7]. В своей педагогической практике К. Д. Ушинский заменил зубрежку на сознательное обучение, ввел изучение естественных наук для девочек, сделал акцент на развитии наблюдательности и самостоятельности. Наследие К. Д. Ушинского остается актуальным сегодня, оно продолжает оказывать существенное влияние на развитие педагогической науки и практики в современной России. Идеи педагогической антропологии, основателем которой в нашей стране был К. Д. Ушинский, легли в основу многих современных концепций, образовательных методик и систем, определив ключевые направления развития отечественного образования [1, с. 8]. Прежде всего, труд «Человек как предмет воспитания» заложил основы педагогической

антропологии как самостоятельной науки и учебной дисциплины в России. Сегодня эта область знаний изучает закономерности развития личности, анализирует влияние социокультурной среды на ребенка и разрабатывает гуманистические модели образования. Подчеркнем, что именно концепция К. Д. Ушинского стала отправной точкой для последующих исследований в этой сфере.

Принципы природосообразности, учета индивидуальных особенностей учащихся, сформулированные К. Д. Ушинским, стали теоретической базой для личностно-ориентированного обучения. Современные образовательные технологии, направленные на раскрытие потенциала каждого ученика, поддержку познавательной активности учащихся и создание комфортной образовательной среды, прямо восходят к его идеям [12, с.113].

Идеи педагога о воспитании через уважение к личности ребенка стали основой гуманизации образования в нашей стране. Они повлияли на демократизацию школьных отношений, отказ от авторитарных методов, на развитие школьного самоуправления. Современные подходы, предполагающие партнерское взаимодействие учителя и ученика, учет мнения учеников, учет мнения детей при принятии решений, создание атмосферы доверия в классе, реализуют на практике принципы, обоснованные К. Д. Ушинским [8, с. 13].

Концепция народности воспитания, предложенная К. Д. Ушинским, оказала существенное влияние на формирование национального компонента в образовании. В современных учебных программах активно используется этнокультурный материал, развивается полилингвальное образование, сохраняются региональные традиции в воспитании. Принцип опры на родной язык, предложенный К. Д. Ушинским, остается ключевым в методике начального обучения и преподавания гуманитарных дисциплин.

Требование К. Д. Ушинского опираться на данные разных наук реализовано в междисциплинарном подходе в современной педагогике. Школьная психология, возрастная физиология, коррекционная педагогика и нейропедагогика активно используют знания из смежных областей для решения образовательных задач. Например, нейропедагогические исследования изучают физиологические механизмы усвоения знаний, а коррекционная педагогика разрабатывает методы работы с детьми с особыми потребностями на основании их психофизиологических особенностей.

Методика начального обучения, заложенная К. Д. Ушинским в «Родном слове», до сих пор служит образцом для создания современных учебников для младших классов школ. Принципы опоры на родной язык, сочетания познавательного и воспитательного материалов, постепенного усложнения заданий и сегодня остаются актуальными, они реализуются в учебных пособиях нового поколения. Многие современные программы начального образования прямо наследуют подход, разработанный К. Д. Ушинским.

Идеи К. Д. Ушинского прочно вошли в систему подготовки современных российских педагогов. В учебных планах педагогических вузов сегодня представлены учебные дисциплины по педагогической антропологии, по психологии развития, методики личностно-ориентированного обучения, которые опираются на педагогическую систему К. Д. Ушинского.

Наконец, ключевые положения педагогической системы К. д. Ушинского закреплены в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС). Приоритет духовно-нравственного воспитания, развитие универсальных компетенций обучающихся, учет возрастных особенностей школьников – все эти элементы современных образовательных стандартов восходят к идеям основоположника российской педагогической антропологии [12, с. 95].

Таким образом, педагогическая система К. Д. Ушинского — это целостная концепция, где образование и воспитание неразделимы, а цель школы — формирование нравственной, самостоятельной и трудолюбивой личности. Его принципы остаются актуальными для современной российской педагогики как ее глубоко обоснованная методология, они требуют глубокого изучения и дальнейшего применения.

Список литературы:

[1] Бельский В. Ю. Русская традиция педагогической антропологии в современной философии образования // Социально-гуманитарное обозрение. - 2019. - № 2. - С. 5–8.

[2] Бороздина О. С. Модель человека в педагогической антропологии К. Д. Ушинского // Тенденции развития науки и образования. - 2021. - № 77 (2). - С. 10–14.

[3] Панкратова Л. Э. Отечественная педагогическая антропология первой четверти XXI века: анализ основных тенденций // Инсайт. -2023. - № 3 (15). – С. 74 – 83.

[4] Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 387 с.

[5] Реморенко И. М. Маятники самоопределения в педагогической антропологии К. Д. Ушинского // Вестник Московского городского педагогического университета. - Сер.: Педагогика и психология. - 2022. - Т. 16.- № 4. - С. 151–168.

[6] Сахарова Л. Г., Миннемуллина Р. А., Аботурова Д. О. Вклад Николая Ивановича Пирогова в развитие педагогики высшей школы российской империи (обзор к 205- летию со дня рождения) // Вятский медицинский вестник. – 2015. – №1. (45). – С. 50– 54.

[7] Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 1. - Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 2013. - 371 с.

[8] Ушинский К. Д. Педагогическая антропология в 2 т. Том 1: учебник для вузов. - М.: Издательство Юрайт, 2023. - 449 с.

[9] Ушинский К. Д. Воспитание человека: Избранное. - М.:Карапуз, 2000. - 193 с.

[10] Ушинский К. Д.. Родное слово: книга для детей и родителей. -Новосибирск: Мангазея; Детская литература, Сибирское отделение, 1997. - 456 с.

[11] Ушинский К. Д. Педагогическая антропология в 2 т. Том 2: учебник для вузов. - М.: Издательство Юрайт, 2023. - 488 с.

[12] Фирсова А. Е. Применение антропологического подхода в современной отечественной педагогической теории и инновационной образовательной практике: монография. – Волгоград: Сфера, 2023. – 146 с.

References:

[1] Belsky V. Yu. Russian tradition of pedagogical anthropology in the modern philosophy of education//Social and humanitarian review. - 2019. - № 2. - S. 5-8.

[2] Borozdina O.S. Human model in pedagogical anthropology K. D. Ushinsky//Trends in the development of science and education. - 2021. - № 77 (2). - S. 10-14.

[3] Pankratova L. E. Domestic pedagogical anthropology of the first quarter of the XXI century: an analysis of the main trends//Insight. -2023. - № 3 (15). - S. 74-83.

[4] Pirogov N.I. Selected pedagogical works - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 387 p.

[5] Remorenko I. M. Pendulums of self-determination in pedagogical anthropology K. D. Ushinsky//Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. - Ser.: Pedagogy and psychology. - 2022. - T. 16.- NO. 4. - S. 151-168.

[6] Sakharova L. G., Minnemullina R. A., Aboturova D. O. Contribution of Nikolai Ivanovich Pirogov to the development of pedagogy of the higher school of the Russian Empire (review for the 205th anniversary of his birth)//Vyatka Medical Bulletin. – 2015. – №1. (45). - S. 50-54.

[7] Ushinsky K. D. Man as a subject of education. Experience in pedagogical anthropology. Volume 1. - St. Petersburg: Publishing house “Lan,” 2013. - 371 p.

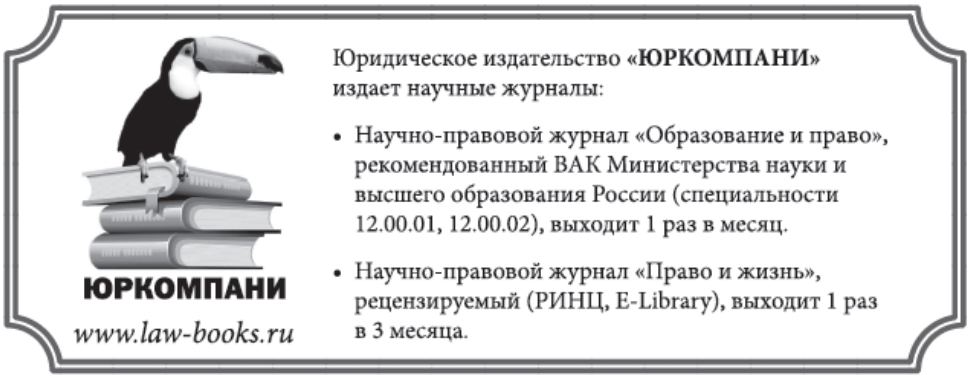
[8] Ushinsky K. D. Pedagogical anthropology in 2 vols. 1: textbook for universities. - M.: Yuright Publishing House, 2023. - 449 s.

[9] Ushinsky K. D. Education of man: Favorites. - M.: Karapuz, 2000. - 193 s.

[10] Ushinsky K. D. Native word: a book for children and parents. -Novosibirsk: Mangazeya; Children’s Literature, Siberian Branch, 1997. - 456 p.

[11] Ushinsky K. D. Pedagogical anthropology in 2 vols. 2: textbook for universities. - M.: Yuright Publishing House, 2023. - 488 s.

[12] Firsova A.E. Application of the anthropological approach in modern domestic pedagogical theory and innovative educational practice: monograph. - Volgograd: Sphere, 2023. - 146 s.

- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ -

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-7-538-547
Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

АБДУЛЛАЕВ Рашад Абдул оглы,
магистр права,
Аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
Управляющий партнер юридической компании «R&A Group Ltd.»,
e-mail: rashadabdullaev@inbox.ru

ДОГОВОР КАК МЕХАНИЗМ ЧАСТНОПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВОГО ОБОРОТА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. *В статье исследуется договор как основной механизм частноправовой организации торгового оборота в Османской империи. Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена тем, что договорные отношения османского периода нередко рассматриваются либо как совокупность отдельных исламско-правовых конструкций, либо как элемент экономической и правовой истории, тогда как их системное значение для юридического оформления торгового обмена раскрыто недостаточно. Цель исследования заключается в выявлении функций, которые договор выполнял при возникновении, развитии и защите имущественных связей между участниками внутренней и внешней торговли. На основе формально-юридического, историко-правового, системного, функционального и сравнительно-правового методов анализируются купля-продажа, заемные и долговые отношения, товарищество, поручение, посредничество, хранение, перевозка, залог, поручительство и перевод долга. Предлагается функциональная классификация соответствующих конструкций на обменные, кредитно-расчетные, кооперационные, посреднические, логистические и обеспечительные. Обосновывается, что, несмотря на отсутствие в течение значительной части османского периода единой кодифицированной общей части договорного права, сопоставимой с европейской пандектной моделью, применявшиеся договорные формы образовывали взаимосвязанную обязательственную инфраструктуру торгового оборота. Через нее обеспечивались движение товаров, денежных средств и долговых требований, распределение коммерческих рисков, конкретизация обязанностей сторон и создание оснований для защиты нарушенного имущественного интереса. Сделан вывод, что договор в османской торговой практике сочетал частную инициативу участников оборота с требованиями исламского права, торгового обычая, судебной практики и публичного регулирования рынка, выполняя правооформляющую, регулятивную и стабилизирующую функции.*

Ключевые слова: *договор, торговый оборот, Османская империя, частноправовое регулирование, обязательство, исламское право, коммерческий риск, торговый обычай, имущественный интерес.*

ABDULLAEV Rashad Abdul oglu,
Master of Law. Postgraduate student of the Department
of Civil Law and Procedure of the Academy of Labour and Social Relations,
Managing Partner of the law firm “R&A Group Ltd”

CONTRACT AS A MECHANISM OF PRIVATE-LAW ORGANIZATION OF TRADE IN THE OTTOMAN EMPIRE

Annotation. *The article examines contract as a principal mechanism of private-law organization of trade in the Ottoman Empire. The relevance of the study derives from the fact that Ottoman contractual relations are frequently considered either as a set of separate Islamic legal arrangements or as an element of economic and legal history, while their systemic role in the legal organization of*

commercial exchange remains insufficiently explored. The purpose of the article is to identify the functions performed by contracts in the establishment, development and protection of property relations between participants in domestic and foreign trade. Using formal legal, historical legal, systemic, functional and comparative legal methods, the study analyses sale, loan and debt relations, partnerships, agency, intermediation, storage, carriage, pledge, suretyship and transfer of debt. The article proposes a functional classification of these arrangements into exchange, credit and settlement, cooperative, intermediary, logistical and security contracts. It is argued that, although Ottoman law for much of the period lacked a unified codified general part of contract law comparable to the European pandectist model, the contractual forms in use constituted an interconnected infrastructure of obligations. They ensured the movement of goods, money and claims, the allocation of commercial risks, the determination of the parties' duties and the creation of legal grounds for protecting infringed property interests. The author concludes that contracts in Ottoman commercial practice combined private initiative with the requirements of Islamic law, commercial custom, judicial practice and public regulation of the market, thereby performing formative, regulatory and stabilizing functions.

Key words: *contract, trade, Ottoman Empire, private-law regulation, obligation, Islamic law, commercial risk, commercial custom, property interest.*

Договор традиционно относится к числу центральных категорий частного права. Через договор участники имущественного оборота согласовывают свои интересы, определяют содержание взаимных прав и обязанностей, устанавливают порядок исполнения, распределяют риски и создают юридические основания для защиты на случай нарушения достигнутых договоренностей. И.А. Покровский связывал договор с осуществлением частной автономии, подчеркивая, что именно в договорной форме частные лица самостоятельно определяют содержание складывающихся между ними отношений [1]. В свою очередь, О.С. Иоффе рассматривал обязательство как одну из основных гражданско-правовых форм движения материальных благ, юридически оформляющую имущественные связи между конкретными субъектами [2, с. 5–20]. Этот подход получил дальнейшее развитие в отечественной теории договорного права, где договор понимается одновременно как юридический факт, правоотношение и средство индивидуального регулирования поведения сторон [3, с. 16–26].

Обращение к османскому правовому материалу позволяет рассмотреть эти положения в исторически иной нормативной среде. На протяжении значительной части своей истории Османская империя не знала ни единого гражданского или торгового кодекса, ни общей части договорного права, ни формализованной системы обязательств, сопоставимой с современными континентальными правопорядками. Вместе с тем это не означает, что имущественный обмен шел стихийно или оставался вне юридического регулирования. Торговая практика опиралась на совокупность признанных договорных конструкций, через которые оформлялись передача товаров, предоставление денежных средств, объединение капитала и труда, посредничество, представительство, перевозка, хранение и обеспечение исполнения обязательств.

Для цивилистического исследования принципиально важно разграничивать отсутствие общей части договорного права — в той абстрактной и систематизированной форме, которая впоследствии сложилась в европейской пандектной традиции, — и отсутствие договорного регулирования как такового. Исламское право, оказавшее существенное влияние на османский правопорядок, было не только религиозно-нормативной системой, но и комплексом юридических принципов и институтов, регулировавших имущественные отношения, договоры и способы защиты интересов участников оборота [4, с. 97–109]. В российской литературе по исламскому договорному и торговому праву также отмечается, что эта модель регулирования объединяла требования справедливости обмена, определенности условий, добросовестности и недопустимости неправомерного обогащения [5, с. 101–108].

В отличие от пандектной системы, в которой общие положения о сделках и обязательствах предшествуют регулированию отдельных договорных типов, исламско-правовая традиция развивалась преимущественно через конкретные модели имущественных сделок. Каждая из них обладала собственными условиями допустимости, особенностями предмета и порядком возникновения прав и обязанностей. При этом стороны, волеизъявление и предмет сделки составляли устойчивые элементы договорной связи, а требования определенности, справедливости обмена и недопустимости обмана задавали пределы правомерного коммерческого поведения [6, p. 50–86].

Османская торговая практика должна была решать те же функциональные задачи, которые возникают в любом развитом имущественном обороте: обеспечить определенность предмета и

цены, передачу товара, внесение платежа, возврат долга, сохранность имущества, доставку груза, распределение прибыли и убытков между партнерами, а также защиту кредитора при неисполнении обязательства. Поэтому договорные конструкции следует оценивать не только по их принадлежности к исламско-правовой доктрине, но и по той функции, которую они выполняли в системе торговых отношений. Реальное содержание договорного регулирования в Османской империи складывалось во взаимодействии исламского права, султанского законодательства, торгового обычая, судебной практики, локальных рыночных правил и соглашений самих участников оборота. Суд кадия не только разрешал имущественные споры, но и удостоверял сделки, долговые признания и иные юридически значимые обстоятельства [7, p. 33–54]. Обычай позволял учитывать сложившийся порядок расчетов, передачи товаров, посредничества и распределения расходов. Публичные предписания воздействовали на качество товаров, меры и весы, цены и порядок рыночной торговли. Договор, таким образом, был инструментом частного взаимодействия, но действовал внутри более широкой, многоуровневой нормативной системы.

В научной литературе отдельные договорные конструкции исламского и османского права исследованы достаточно подробно. Значительное внимание уделяется купле-продаже, партнерским отношениям, кредитным операциям, запретам riba и gharar, судебной фиксации долгов, а также позднеосманской кодификации. Однако последовательное описание отдельных договоров само по себе еще не позволяет раскрыть их общую роль в торговом обороте. За пределами подобного анализа остается вопрос о том, образовывали ли эти конструкции функционально связанную систему частноправовой организации торговли или были лишь совокупностью самостоятельных юридических форм.

Цель настоящего исследования — определить место договора в механизме частноправовой организации торгового оборота Османской империи и выявить системную связь между основными договорными конструкциями, применявшимися в коммерческой практике. Для этого необходимо раскрыть юридическое значение договора в османском торговом обороте; определить функции основных договорных конструкций; предложить их функциональную классификацию; установить характер соотношения частной инициативы сторон с исламско-правовыми, обычными, судебными и публично-регулятивными ограничениями.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, историко-правовой, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы. Историко-правовой метод позволяет установить условия, в которых складывалась договорная практика, но не подменяет цивилистическую квалификацию исследуемых отношений. Системный и функциональный методы дают возможность рассмотреть отдельные договорные модели как взаимосвязанные элементы организации торгового оборота.

Научная новизна исследования состоит в обосновании того, что применявшиеся в Османской империи договорные формы составляли функционально связанную обязательственную инфраструктуру торгового оборота. В зависимости от их роли в обороте предлагается выделять обменные, кредитно-расчетные, кооперационные, посреднические, логистические и обеспечительные договорные конструкции.

Договорные формы позволяют отчетливее всего увидеть частноправовое содержание османского торгового оборота. Торговля шла не в абстрактной экономической форме, а через конкретные имущественные связи между продавцами и покупателями, кредиторами и должниками, участниками товариществ, доверителями и представителями, владельцами товаров, хранителями и перевозчиками. Каждое такое отношение предполагало определение сторон, предмета, встречного предоставления, порядка исполнения и последствий нарушения.

В позднеосманский период многие положения ханафитской правовой традиции, относившиеся к имущественному обороту, получили кодифицированное выражение в Маджалле — Mecelle-i Ahkâm-ı Adliye. Значение Маджаллы состояло не в создании договорных отношений заново, а в переводе уже существовавших доктринальных и практических конструкций в более определенную нормативную форму. В турецкой и зарубежной литературе этот акт обоснованно рассматривается как один из важнейших результатов позднеосманской кодификации, соединивший содержание ханафитской доктрины с формой государственного законодательства [8, s. 93–124; 9, p. 121–146].

Однако договорное регулирование существовало задолго до завершения Маджаллы. Оно развивалось через конкретные виды сделок, судебную фиксацию имущественных отношений, торговый обычай и практику участников рынка. Исламское коммерческое право охватывало широкий круг институтов и не сводилось к западным категориям договора и обязательства, хотя решало сопоставимые задачи — организацию обмена и защиту имущественного интереса [6, p. 50–86].

Согласование воли сторон не было единственным условием правомерности сделки. Юридическое значение имели допустимость предмета, определенность цены и количества, возможность исполнения, а также отсутствие обмана и чрезмерной неопределенности. Тем самым частная автономия участников признавалась, но действовала в установленных правопорядком пределах.

Договор в османском торговом обороте выполнял несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, он преобразовывал фактическое перемещение имущества в юридически значимую связь. Во-вторых, закреплял принадлежность прав и обязанностей конкретным лицам. В-третьих, позволял распределить коммерческие риски. В-четвертых, создавал основание для последующего предъявления требования и судебной защиты. Наконец, договор согласовывал частный интерес с правилами рынка, требованиями исламского права, торговыми обычаями и публичным порядком.

Именно эти функции дают основание рассматривать совокупность османских договорных конструкций не как случайный набор отдельных сделок, а как обязательственную инфраструктуру торгового оборота. Ее элементы различались по предмету и правовой природе, но совместно обеспечивали заключение сделки, финансирование, объединение ресурсов, перемещение и сохранность товаров, расчеты и защиту интересов кредитора.

Основной договорной формой торговых отношений была купля-продажа. Через нее передавались продукты питания, ткани, металлы, сырье, ремесленные изделия, животные и иные объекты оборота. Купля-продажа соединяла интерес продавца в получении цены с интересом покупателя в приобретении товара и потому точнее всего выражала сущность торгового обмена.

Правовая устойчивость такого отношения зависела от определенности предмета, цены, количества, качества и порядка передачи имущества. Неопределенность этих условий могла обернуться имущественными потерями и конфликтом сторон. Поэтому требования ясности предмета и встречного предоставления выполняли не только формально-юридическую, но и стабилизирующую функцию: они ограничивали возможность одной стороны использовать недостаток информации или неопределенность сделки в ущерб контрагенту [6, p. 54–67; 10, с. 55–62].

Купля-продажа в османской торговой практике существовала внутри организованной рыночной среды. Несмотря на частноправовой характер соглашения продавца и покупателя, на содержание сделки воздействовали правила о качестве товаров, мерах и весах, порядке торговли и допустимом ценообразовании. Поэтому договор не был изолированным актом частной воли — он встраивался в систему публично организованного рынка, в которой защита интереса отдельного покупателя одновременно служила поддержанию доверия к торговому обороту в целом.

Сделка могла предполагать одновременную передачу товара и цены или исполнение с временным разрывом. При отсрочке платежа покупатель становился должником, а продавец — кредитором. Тем самым отношение купли-продажи соединялось с кредитно-расчетной связью. Особый вес такая конструкция приобретала при крупных закупках, межрегиональной торговле, морских и караванных перевозках, когда немедленный расчет не всегда был возможен.

Долг в османском торговом обороте возникал не только из займа. Его основанием могли стать отсрочка оплаты товара, неполный расчет, распределение результатов партнерства, поручение, перевозка, хранение или признание ранее возникшей обязанности. Поэтому долг следует рассматривать как самостоятельную юридическую категорию, связывавшую различные договорные формы и обеспечивавшую продолжение имущественного отношения после передачи товара или совершения иных действий.

Заемные отношения обладали особой спецификой из-за запрета riba, не допускавшего имущественного приращения из одного лишь факта предоставления денег. При этом коммерческий оборот объективно нуждался в кредите, оборотном капитале, отсрочке расчетов и иных формах финансирования. Возникшее противоречие разрешалось не отказом от кредита, а поиском юридических конструкций, при которых получение дохода связывалось с товарной операцией, риском, участием в предпринимательской деятельности или иным действительным имущественным основанием.

Исследования финансовых институтов Османской империи показывают, что религиозные ограничения не прекратили развитие торгового кредита, а повлияли на способы его правового оформления [11, p. 7–32]. Это уточняет смысл запрета riba: он не исключал финансирования торговли, но проводил границу между правомерной коммерческой прибылью и доходом, не связанным с реальным встречным предоставлением или предпринимательским риском.

Особую роль играла судебная фиксация долга. Внесение признания или соглашения в судебный регистр повышало определенность требования и облегчало его последующую

защиту. Для кредитора такая запись служила доказательством существования и размера обязательства, тогда как для должника определяла предел принятой обязанности. Долговое отношение тем самым выходило за рамки личного доверия и входило в институционально поддерживаемый оборот.

Обменные и кредитно-расчетные конструкции были тесно связаны между собой. Купля-продажа обеспечивала движение товара, а долг, отсрочка и заем поддерживали движение денежных средств и требований. В совокупности они образовывали базовый уровень обязательственной инфраструктуры османской торговли.

Развитый торговый оборот не мог ограничиваться двусторонним обменом между продавцом и покупателем. Торговля на дальние расстояния, крупные закупки, караванные операции и морской обмен требовали объединения капитала, труда, коммерческих знаний, связей и готовности принять риск. Эти потребности обслуживали партнерские конструкции.

В исламско-правовой традиции использовались различные формы партнерства, среди которых особое место занимали mudaraba и musharaka. В наиболее общем виде mudaraba предполагала соединение капитала одного лица и предпринимательских усилий другого. Прибыль распределялась на заранее согласованных условиях, а имущественные потери при отсутствии виновного поведения управляющего участника относились на предоставленный капитал. Musharaka и близкие к ней конструкции предполагали совместное участие сторон в капитале и результатах деятельности [6, p. 78–85; 12, p. 109–119].

Османские судебные материалы подтверждают практическое значение партнерских отношений в коммерческой среде [12, p. 109–119]. Их использование показывает, что договорное регулирование было способно оформлять не только разовую передачу товара, но и длительные организационно-имущественные связи. В таких отношениях требовалось определить вклад каждого участника, объем полномочий лица, ведущего торговое дело, порядок распределения прибыли, основания возложения убытков и последствия недобросовестного поведения.

Партнерство выполняло кооперационную функцию. Оно позволяло преодолеть ограниченность имущества и профессиональных возможностей отдельного купца, объединить различные ресурсы и распределить коммерческий риск между несколькими лицами. Договор в этом случае не просто оформлял обмен уже существующими благами, а создавал юридическую основу совместной хозяйственной деятельности.

В XIX в. наряду с традиционными партнерскими конструкциями в османское право стали проникать европейские организационные модели. Эволюция законодательства о предпринимательской деятельности выражалась в постепенном переходе от личностно-доверительных партнерств к более формализованным торговым товариществам и компаниям [13, p. 703–738].

Особую роль сыграл Османский торговый кодекс 1850 г., принятый под влиянием французского торгового законодательства. Его положения закрепляли формы торговых объединений, близкие к полному и коммандитному товариществам, а также анонимному обществу [14, p. 8–13]. Вместе с тем было бы неточно видеть в этом процессе прямое превращение mudaraba или musharaka в европейскую компанию. Скорее сосуществовали две правовые логики: традиционная договорно-партнерская и новая корпоративная, рассчитанная на привлечение более крупного капитала и относительное отделение коммерческого предприятия от личности отдельных участников.

С кооперационными отношениями смыкались поручение и представительство. Территориальные масштабы империи, удаленность торговых центров и участие иностранцев означали, что купец не всегда мог лично заключить сделку, получить товар, рассчитаться или взыскать долг. Договор wakala позволял одному лицу действовать в интересах и в пределах полномочий другого [15, с. 74–79].

Представительство расширяло территориальные и субъектные пределы торгового оборота. Купец мог поручить агенту приобрести или реализовать товар в другом городе, кредитор — получить долг, а иностранный торговец — действовать через переводчика, местного представителя или иное доверенное лицо. Тем самым договор преодолевал ограничения, которые накладывали расстояние, недостаток сведений и невозможность личного присутствия.

Оборотной стороной представительства был риск злоупотребления полномочиями. Представитель мог выйти за пределы поручения, скрыть часть полученной выгоды, неверно распорядиться имуществом, а то и использовать зависимость доверителя в собственных интересах. Поэтому особый вес приобретали содержание полномочий, возможность их подтвердить, обязанность действовать добросовестно и ответственность за нарушение интересов доверителя.

От представительства следует отличать посредничество. Посредник мог не выступать от имени какой-либо из сторон и не иметь полномочия совершить сделку вместо нее. Задача его

была иной: свести контрагентов, передать сведения, помочь согласовать цену, проверить товар и установить доверие между сторонами.

Особенно востребовано посредничество было в многонациональной и многоязычной империи. Когда стороны принадлежали к разным региональным, конфессиональным или правовым средам, посредник становился не только экономическим, но и коммуникативно-правовым звеном между ними. Его знание языка, местных обычаев, документов и порядка расчетов позволяло сторонам оценить условия сделки и сопутствующие риски.

Поручение и посредничество следует относить к функционально самостоятельной группе договорных конструкций. Их назначение состояло не в самой передаче товара или денег, а в том, чтобы сделать участие в обороте возможным через действия других лиц. Они расширяли рынок, но одновременно усиливали роль доверия, добросовестности и юридической определенности полномочий.

Для исполнения торгового договора было недостаточно согласовать товар и цену. Имущество требовалось сохранить, переместить, передать надлежащему лицу и защитить от рисков утраты или повреждения. Эти задачи решали хранение и перевозка.

Хранение опиралось на конструкцию wadīʿa, предполагавшую передачу имущества другому лицу на сбережение. Ее не следует смешивать с близкой по написанию конструкцией waḍīʿa — разновидностью доверительной продажи товара с убытком. В торговом обороте имущество могло находиться на складе, в лавке, караван-сарае, порту, у посредника или перевозчика. Временное размещение было необходимо в ожидании покупателя, прибытия каравана или судна, завершения расчетов или прохождения таможенных процедур [16, с. 200–203].

Хранитель обязывался сберечь имущество на согласованных условиях. Его ответственность могла зависеть от причин утраты, соблюдения правил хранения, наличия виновного поведения и выхода за пределы предоставленных полномочий. Поэтому хранение было не фактической услугой, а самостоятельным обязательственным отношением, распределявшим имущественный риск [16, с. 200–203].

Для караванной, межрегиональной и морской торговли особенно важна была перевозка. В ней участвовали купцы, перевозчики, охранники, посредники, владельцы складов и иные лица. Между ними возникали вопросы о сроках доставки, маршруте, расходах, сохранности товара и последствиях утраты, повреждения или задержки.

Исследования торговли Алеппо показывают, что караванный обмен поддерживался устойчивыми коммерческими институтами, кредитными отношениями, посредничеством и правовыми практиками [17]. Поэтому перевозка не сводилась к физическому перемещению имущества — она была звеном сложной договорной цепочки, соединявшей продавца, покупателя, перевозчика, хранителя и кредитора.

Еще более сложные риски возникали при морской перевозке. Гибель судна, повреждение груза, пиратство, военные действия, задержка доставки и споры о принадлежности товара требовали определения ответственности и юрисдикции. Исследование разбирательств о судах и грузах в османских судах раннего Нового времени подтверждает, что такие конфликты имели развитое юридическое измерение [18, p. 701–726].

Хранение и перевозку следует квалифицировать как логистическую группу договорных конструкций. Они обеспечивали пространственное движение и физическую сохранность товара, без которых исполнение основной торговой сделки было бы невозможно.

Особое место занимали способы обеспечения имущественных требований и облегчения исполнения обязательств: rahn — залог, kafala — поручительство и hawala — перевод долга. Потребность в них объяснялась тем, что само заключение договора еще не гарантировало его исполнения.

Залог давал кредитору дополнительный имущественный источник удовлетворения. Поручительство позволяло опереться на обязанность и платежеспособность третьего лица. Перевод долга облегчал расчеты между участниками оборота, допуская замену обязанного лица без прекращения экономического содержания обязательства.

Наибольшую роль такие конструкции играли при сделках между лицами, находившимися в разных городах, принадлежавшими к разным общинам или не имевшими устойчивой истории делового взаимодействия. В подобных ситуациях они восполняли недостаток личного доверия и снижали риск неисполнения.

Обязательственная инфраструктура османской торговли, таким образом, охватывала не только основные договоры, прямо направленные на обмен, но и вспомогательные конструкции, обслуживавшие их исполнение. Хранение и перевозка обеспечивали сохранность и движение товара, тогда как залог, поручительство и перевод долга укрепляли положение кредитора и упрощали расчеты между участниками оборота.

Правовое значение договора определялось не только содержанием согласованного обяза-

тельства, но и возможностью доказать его существование. Судебные регистры позволяют установить, какие сделки, долговые признания и имущественные требования фиксировались участниками оборота: османские шариатские суды не только разрешали возникшие споры, но и придавали имущественным отношениям юридическую определенность [7, p. 33–54].

Сделка или признание долга, удостоверенные судом, приобретали более устойчивое доказательственное значение. Для торговли это было принципиально важно: спор мог касаться самого факта заключения соглашения, размера задолженности, объема полномочий представителя, передачи товара или наступления срока исполнения.

Документирование договорных отношений не всегда означало обязательную письменную форму договора в современном понимании. Однако расписки, судебные записи, таможенные документы, квитанции и охранные грамоты создавали доказательственную основу для защиты имущественного интереса.

Роль документов возрастала при торговле с иностранным элементом. Иностранные купцы действовали внутри разветвленной системы торговых соглашений, таможенных документов, охранных грамот и процедур разрешения споров [19, p. 34–68]. Документ в таких отношениях мог разом подтверждать сделку, статус лица, полномочия представителя, право на перемещение товара и наличие определенной привилегии.

Способ оформления обязательства зависел от масштаба и риска торговой операции. На локальном рынке многое по-прежнему значили личное доверие и репутация. В межрегиональной торговле возрастала роль посредников и письменных подтверждений. В отношениях с иностранцами особый вес приобретали консульские, таможенные и судебные документы.

Договорные отношения были тесно связаны и с профессиональной организацией рынка. Ремесленные и торговые объединения поддерживали требования к качеству товаров, порядку производства и поведению участников. Турецкие гильдии выполняли экономические, административные и социальные функции, связывая деятельность отдельных ремесленников и торговцев с общим порядком городской торговли [20, p. 28–50].

Профессиональная среда снижала договорные риски за счет репутации, внутренних стандартов и механизмов контроля. Принадлежность торговца или ремесленника к известной профессиональной группе повышала доверие контрагентов, а нарушение обязательства могло обернуться не только судебными последствиями, но и утратой деловой репутации.

Тем самым договор не существовал изолированно от судебных и социальных институтов. Его действенность поддерживали возможность официальной фиксации, профессиональный контроль и устойчивые ожидания участников рынка.

Договор в османском торговом обороте был формой частной инициативы, но инициатива эта не была абсолютной. Участники сами решали, вступать ли в имущественное отношение, выбирали контрагента и определяли основные условия. Вместе с тем содержание сделки должно было соответствовать исламско-правовым требованиям, обычаям рынка и публичным предписаниям.

К числу основных ограничений относились запреты riba, чрезмерной неопределенности — gharar, обмана и иных форм недобросовестного извлечения выгоды. Видеть в них одно лишь препятствие развитию торговли было бы неверно: они выполняли структурирующую функцию — поддерживали определенность условий, справедливость обмена и доверие между участниками [6, p. 62–77].

Внутренняя связь частного и публичного начал особенно отчетливо проявлялась в купле-продаже на городском рынке. Продавец и покупатель действовали как самостоятельные участники имущественного отношения, однако качество товара контролировалось, меры и вес проверялись, а отдельные цены регулировались. При нарушении обязательства спор передавался на рассмотрение суда.

На договорное отношение воздействовала и денежная среда. Цена, долг, прибыль, возмещение и исполнение обязательств предполагали признаваемый платежный инструмент. Нестабильность монеты или различия между региональными платежными практиками могли изменить реальную ценность исполнения и породить конфликт сторон [21, p. 1–18]. Поэтому определенность валюты, суммы и срока платежа входила в число условий устойчивого договорного оборота.

В литературе высказывается позиция, согласно которой отдельные особенности исламского права, в том числе ограниченность классических партнерских форм и отсутствие корпорации европейского типа, могли сдерживать развитие крупных коммерческих организаций [13, p. 703–738]. Однако оценивать османскую договорную систему исключительно через степень ее сходства с европейской корпоративной моделью было бы методологически неточно. Судить о ней следует по тому, насколько она была способна обслуживать нужды конкретного исторического оборота.

Османская система обеспечивала обмен через куплю-продажу, кредитование — через

долговые и допустимые финансовые конструкции, объединение ресурсов — через партнерство, действие на расстоянии — через поручение и посредничество, перемещение товара — через перевозку, а защиту требований — через обеспечительные конструкции и судебную фиксацию. Тем самым при меньшей степени формализации она обладала собственной функциональной целостностью.

Позднеосманская кодификация придала этим отношениям более систематизированное выражение. Маджалла переработала положения исламского права в форму государственного кодифицированного акта, не устранив их доктринальную основу [8, s. 93–124; 9, p. 121–146]. Поэтому переход к законодательной формализации следует понимать не как возникновение договорного права на пустом месте, а как институциональное преобразование ранее сложившейся практики.

Договор связывал частную инициативу с требованиями общего правового порядка. Его содержание определялось сторонами, но действительность, пределы и способы защиты зависели от взаимодействия религиозных норм, торгового обычая, суда, профессиональной среды и публичного регулирования. В этом проявлялась специфика османской модели: частноправовая форма действовала внутри нормативно организованного торгового пространства.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, договорные конструкции в Османской империи были основным средством придания торговым отношениям юридической формы. Через договор фактическая передача товара, денег или иного имущества преобразовывалась в обязательственную связь, в которой конкретизировались права, обязанности и риски сторон.

Во-вторых, эти договоры образовывали не случайную совокупность, а функционально связанную инфраструктуру торгового оборота, объединявшую обменные, кредитно-расчетные, кооперационные, посреднические, логистические и обеспечительные конструкции. Купля-продажа обеспечивала имущественный обмен; заемные и долговые отношения обслуживали кредитование и расчеты; товарищество позволяло объединить капитал, труд и коммерческий риск; поручение и посредничество расширяли возможности участия в торговле; хранение и перевозка отвечали за сохранность и перемещение товара; залог, поручительство и перевод долга укрепляли положение кредитора.

В-третьих, отсутствие единого кодифицированного договорного права в ранний и классический периоды не означало отсутствия обязательственной системности: она складывалась во взаимодействии исламско-правовой доктрины, соглашений сторон, торгового обычая, профессиональной практики, судебной фиксации и публичных правил рынка.

В-четвертых, исламско-правовые ограничения договорной автономии выполняли не только запретительную, но и упорядочивающую функцию: запреты riba, gharar и обмана исключали неправомерное обогащение, поддерживали определенность условий сделки и доверие между участниками оборота.

В-пятых, договор следует рассматривать как один из основных механизмов частноправовой организации османской торговли. Он соединял самостоятельный имущественный интерес участников с общими требованиями правового порядка, служил движению благ, распределению риска, доказуемости требований и защите нарушенного права. Именно договорные формы отчетливее всего подтверждают обязательственную и частноправовую природу торгового оборота Османской империи.

Список литературы:

[1] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 351 с.

[2] Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.

[3] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 2-е изд., испр. М.: Статут, 1999. 848 с.

[4] Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 97–109. DOI: 10.17323/2072-8166.2008.2.97.109.

[5] Амиров А.Т., Семёнкин И.В., Якимова Ж.А. Основные начала исламского договорного и торгового права // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2021. Т. 40. № 1. С. 101–108.

[6] Ercanbrack J.G. Islamic Commercial Doctrine and Classical Commercial Transactions // The Transformation of Islamic Law in Global Financial Markets. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 50–86. DOI: 10.1017/CBO9781107447929.004.

[7] Baldwin J.E. Islamic Law and Empire in Ottoman Cairo. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. XII, 232 p.

[8] Osmanağaoğlu Karahasanoğlu C. Mecelle-i Ahkâm-ı Adliyye'nin Yürürlüğe Girişi ve Türk Hukuk Tarihi Bakımından Önemi // OTAM Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2011. No. 29. S. 93–124. DOI: 10.1501/OTAM_0000000568.

[9] Ayoub S. The Mecelle, Sharia, and the Ottoman State: Fashioning and Refashioning of Islamic Law in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Journal of the Ottoman and Turkish Studies Association. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 121–146. DOI: 10.2979/jottturstuass.2.1.121.

[10] Амиров А.Т. Типы и виды договоров купли-продажи в исламском праве // Законодательство. 2021. № 2. С. 55–62.

[11] Pamuk Ş. The Evolution of Financial Institutions in the Ottoman Empire, 1600–1914 // Financial History Review. 2004. Vol. 11. No. 1. P. 7–32. DOI: 10.1017/S0968565004000022.

[12] Gerber H. The Muslim Law of Partnerships in Ottoman Court Records // Studia Islamica. 1981. No. 53. P. 109–119.

[13] Ağır S., Artunç C. Set and Forget? The Evolution of Business Law in the Ottoman Empire and Turkey // Business History Review. 2021. Vol. 95. No. 4. P. 703–738. DOI: 10.1017/S000768052000094X.

[14] Code de commerce de l'Empire Ottoman. Constantinople: Indicatore Bisantino, 1850. URL: https://books.google.com/books?id=vJk7AAAAcAAJ (дата обращения: 22.06.2026).

[15] Амиров А.Т. Договор агентирования в исламском праве // Законодательство. 2022. № 6. С. 74–79.

[16] Амиров А.Т., Кудинов В.В. Договор хранения в исламском торговом праве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 200–203.

[17] Masters B. The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East: Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750. New York; London: New York University Press, 1988. 240 p.

[18] White J.M. Litigating Disputes over Ships and Cargo in Early Modern Ottoman Courts // Quaderni storici. 2016. Vol. 51. No. 3 (153). P. 701–726. DOI: 10.1408/86401.

[19] Fleet K. European and Islamic Trade in the Early Ottoman State: The Merchants of Genoa and Turkey. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. X, 204 p.

[20] Baer G. The Administrative, Economic and Social Functions of Turkish Guilds // International Journal of Middle East Studies. 1970. Vol. 1. No. 1. P. 28–50. DOI: 10.1017/S0020743800023898.

[21] Pamuk Ş. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 276 p.

Spisok literatury:

[1] Pokrovskii I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [Fundamental Problems of Civil Law]. Moscow: Statut, 2013. 351 p. (In Russ.).

[2] Ioffe O.S. Obyazatel'stvennoe pravo [Law of Obligations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 880 p. (In Russ.).

[3] Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshchie polozheniya [Contract Law. Book One: General Provisions]. 2nd ed. Moscow: Statut, 1999. 848 p. (In Russ.).

[4] Syukiyainen L.R. Islamskoe pravo v pravovykh sistemakh musul'manskikh stran: ot doktriny k zakonodatel'stvu [Islamic Law in the Legal Systems of Muslim Countries: From Doctrine to Legislation] // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2008. No. 2. P. 97–109. DOI: 10.17323/2072-8166.2008.2.97.109. (In Russ.).

[5] Amirov A.T., Semenkin I.V., Yakimova Zh.A. Osnovnye nachala islamskogo dogovornogo i torgovogo prava [Fundamental Principles of Islamic Contract and Commercial Law] // Kommercheskoe pravo. Nauchno-prakticheskii zhurnal [Commercial Law. Scientific and Practical Journal]. 2021. Vol. 40. No. 1. P. 101–108. (In Russ.).

[6] Ercanbrack J.G. Islamic Commercial Doctrine and Classical Commercial Transactions // The Transformation of Islamic Law in Global Financial Markets. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 50–86. DOI: 10.1017/CBO9781107447929.004.

[7] Baldwin J.E. Islamic Law and Empire in Ottoman Cairo. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. XII, 232 p.

[8] Osmanağaoğlu Karahasanoğlu C. Mecelle-i Ahkâm-ı Adliyye'nin Yürürlüğe Girişi ve Türk Hukuk Tarihi Bakımından Önemi // OTAM Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2011. No. 29. P. 93–124. DOI: 10.1501/OTAM_0000000568. (In Turk.).

[9] Ayoub S. The Mecelle, Sharia, and the Ottoman State: Fashioning and Refashioning of Islamic Law in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Journal of the Ottoman and Turkish Studies Association. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 121–146. DOI: 10.2979/jottturstuass.2.1.121. 2

[10] Amirov A.T. Tipy i vidy dogovorov kupli-prodazhi v islamskom prave [Types and Forms of Sale Contracts in Islamic Law] // Zakonodatel'stvo [Legislation]. 2021. No. 2. P. 55–62. (In Russ.).

[11] Pamuk Ş. The Evolution of Financial Institutions in the Ottoman Empire, 1600–1914 // Financial History Review. 2004. Vol. 11. No. 1. P. 7–32. DOI: 10.1017/S0968565004000022.

[12] Gerber H. The Muslim Law of Partnerships in Ottoman Court Records // Studia Islamica. 1981. No. 53. P. 109–119.

[13] Ağır S., Artunç C. Set and Forget? The Evolution of Business Law in the Ottoman Empire and Turkey // Business History Review. 2021. Vol. 95. No. 4. P. 703–738. DOI: 10.1017/S000768052000094X.

[14] Code de commerce de l'Empire Ottoman. Constantinople: Indicatore Bisantino, 1850. Available at: https://books.google.com/books?id=vJk7AAAAcAAJ (accessed: 22.06.2026). (In Fr.).

[15] Amirov A.T. Dogovor agentirovaniya v islamskom prave [Agency Contract in Islamic Law] // Zakonodatel'stvo [Legislation]. 2022. No. 6. P. 74–79. (In Russ.).

[16] Amirov A.T., Kudinov V.V. Dogovor khraneniya v islamskom torgovom prave [Deposit Contract in Islamic Commercial Law] // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]. 2023. No. 6 (222). P. 200–203. (In Russ.).

[17] Masters B. The Origins of Western Economic Dominance in the Middle East: Mercantilism and the Islamic Economy in Aleppo, 1600–1750. New York; London: New York University Press, 1988. 240 p.

[18] White J.M. Litigating Disputes over Ships and Cargo in Early Modern Ottoman Courts // Quaderni storici. 2016. Vol. 51. No. 3 (153). P. 701–726. DOI: 10.1408/86401.

[19] Fleet K. European and Islamic Trade in the Early Ottoman State: The Merchants of Genoa and Turkey. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. X, 204 p.

[20] Baer G. The Administrative, Economic and Social Functions of Turkish Guilds // International Journal of Middle East Studies. 1970. Vol. 1. No. 1. P. 28–50. DOI: 10.1017/S0020743800023898.

[21] Pamuk Ş. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 276 p.

